

СВИСТОК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

СВИСТОК

СОБРАНИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ
И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

САТИРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ «СОВРЕМЕННОМУ».

1859—1863

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ

А. А. ЖУК и А. А. ДЕМЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1982

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*М. А. Алексеев, Н. И. Балашов, Г. П. Бердников, Д. Д. Благой,
И. С. Брагинский, А. С. Бушмин, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Е. И. ПОКУСАЕВ, И. Г. ЯМПОЛЬСКИЙ

СВИСТОК

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

1

ВСТУПЛЕНИЕ

Различные бывают свисты: свистит аквилон (северный ветер), проносясь по полям и дубравам; свистит соловей, сидя на ветке и любуясь красотами творения; свистит хлыстик, когда им сильно взмахиваешь по воздуху; свистит благонравный юноша в знак сердечного удовольствия; свистит городской на улице, когда того требует общественное благо... Спешим предупредить читателей, что мы из всех многообразных родов свиста имеем преимущественную претензию только на два: юношеский и соловьиный. Свист аквилона, конечно, имеет свои достоинства: грозно проносясь по обнаженному полю и клубом взвевая прах летучий, сей ветер своим свистом приводит душу в трепет и благоговение. Но монополия аквилонного свиста давно уже приобретена г. Байбородою, которого изболтительные письма, говорят, вырывают дубы с корнями¹. Мы не чувствуем в себе столь великих сил, и наши стремления гораздо умереннее. Свист хлыста и бича — тоже не дурен; но он как-то мало ласкает наш слух, мы не хотим брать на него привилегию, брошенную недавно самим князем Черкасским², который пожелал было приобрести ее на неопределенное время для себя и своего потомства. Приятнее звучит для нас свист городского; но мы, по природной застенчивости, считаем себя не вправе предъявлять претензию на то, для чего уже существует установленная городская власть. Совершенно другое дело — свист благонравного юноши, почтительный, умеренный и означающий кроткое расположение духа, хотя в то же время несколько игривый. На такой свист мы имеем полное право, потому что, во-первых, мы благонравны; во-вторых, если мы и не юноши, то кому какое дело до наших лет? и в-третьих, мы всегда находимся в отличнейшем расположении духа. Свист соловья также нам очень приличен, ибо хотя мы в сущности и не соловьи, но красотами творения любим наслаждаться. Притом же соловей в истинном своем значении есть не что иное, как подобие поэта, так как давно уже сказано:

Соловей, как Щербина, поет.

А у нас в натуре весьма много поэтических элементов, вследствие чего мы и видим весь мир в розовом свете. Итак — читателю да будет известно, что мы свистим не по злобе или негодованию, не для хулы или осмеяния, а един-

ственно от избытка чувств, от сознания красоты и благоустройства всего существующего, от совершеннейшего довольства всем на свете. Наш свист есть соловьиная трель радости, любви и тихого восторга, юношеская песнь мира, спокойствия и светлого наслаждения всем прекрасным и возвышенным.

Итак — наша задача состоит в том, чтобы отвечать кротким и умирительным свистом на все прекрасное, являющееся в жизни и в литературе. Преимущественно литература занимает и будет занимать нас, так как ее современные деятели представляют в своих произведениях неисчерпаемое море прекрасного и благородного. Они водворяют, так сказать, вечную весну в нашей читающей публике, и мы можем безопасно, сидя на ветке общественных вопросов, наслаждаться красотами их творений...

I

ВРЕДНАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

«Прочел я в газетах, что ковенские мужики перестали пить водку. Я порадовался, да и от всех простых людей, с которыми обращение имею, слышал то же: и купцы, и мещане, и ремесленники, все, кто о ковенских мужиках сам в газетах читал или от других слышал, все в один голос твердили: «Хорошо, хорошо; дай бог, чтобы остались в своей доброй мысли». Я так и полагал, что иначе судить об этом деле нельзя. Что же вы думаете? Вот какое дело со мною было.

Случился у нас в городе небольшой подряд: перекрыть кровлю на присутственных местах. Я этим ремеслом промышляю. Пришел поторговаться. «Человек неважный, — сказали мне, — а вот подождите, батюшка, часок, другой; кончим свои дела, переговорим и с вами». Отчего не подождать; обошлись со мной, однако, очень деликатно, велели даже подать стул: видно, что люди образованные, да и порядки ныне начинают переменяться. Я присел. Они подписывают бумаги да между собой разговор ведут. Чего я тут не наслушался! — и все очень хорошо рассуждают. Надобно злоупотребления искоренять (и точно — подряд потом мне отдали, ни копейкой сами не попользовавшись); гласность необходима; железных дорог надобно побольше проводить; об освобождении крестьян очень много хорошего говорили. О своих городских делах рассуждали тоже очень хорошо. Все так; но подвернись им на грех под язык ковенские крестьяне, тут мне как-то страшно стало их слушать: «Это, — говорят, — вопрос очень щекотливый. Пьянство наш народ разоряет, — спору нет, — говорят, — но тут не о пьянстве дело идет; тут надобно принимать в соображение государственный интерес. Откупов одобрять нельзя, но ведь тут и не в откупе дело: пусть его заменят казенным акцизом. Но что же будет, если в самом деле народ перестанет пить водку? Ведь винная регалия составляет самую главную часть государственного дохода. Государство пострадает, если потребление водки умень-

шится; притом уж не новая ли секта это какая? Как можно допустить, чтобы мужик сам собою бросил пить вино? — тут надобно предполагать какое-нибудь наущение. Это фанатизм».

Что вы думаете? нашелся из членов даже такой один, что стал говорить: «Этого нельзя позволить, против этого надобно меры принять; надобно отыскать виновных и наказать, чтобы не заводили сект».

С этим не согласились другие. «Вы, — говорят, — односторонним образом смотрите на дело. Если бы только секта, это бы еще ничего. Но государственные доходы уменьшаются, — это другое дело. Вот именно с этой стороны и надобно принять меры. Думать они пусть думают, как хотят, но чтобы вреда государству от этого не было. Меры принять надобно, это так. Только не против сектантов меры надобно принять, а против тех, которые целыми селами и уездами отказываются от употребления водки, будь они сектанты или не сектанты — все равно».

Я, присмотревшись к членам и увидев, что они люди снисходительные, даже с простым человеком грубо не обходятся и все так гуманно рассуждают, осмелился в их разговор свое слово вставить: надеялся, что не примут в обиду. «Как же, — говорю, — меры будут принимать? не зазорно ли будет насильно людям водку в рот лить? Кабы дурное что они делали, можно власть употребить. А то за непитие наказывать — можно ли это?»

Точно — не обиделись. Ласково мои слова приняли, однако не согласились.

«Вы, — говорят, — совершенно ошибаетесь. Мы никак не полагаем, чтобы именно за непитие, по вашим словам, наказывать. Наказание не за то должно быть, а за беспорядки. Этого не может быть, чтобы нельзя было тут беспорядков найти»³.

«Как же, — говорю я, — вы беспорядки найдете? Беспорядки больше в хмелю делаются. Без пьянства смертоубийств не будет, потому что драки в хмелю происходят. Когда пьяниц не будет, ни воров, ни грабителей не будет».

«Это вы опять не то говорите, — отвечают мне. — Вы говорите о преступлениях, а мы говорим о беспорядках. Преступления уголовная палата судит; ей точно дела меньше будет. А беспорядков нечего до уголовного суда доводить. За беспорядками должна полицейская власть смотреть. Она сама с ними управится. Зачем уголовное наказание? Исправник отечески накажет — и того довольно».

«Да за что же он накажет?» — я спрашиваю.

«Как за что? за беспорядки, вам говорят».

«Да за какие же беспорядки?» — я все-таки пристаю.

«Как за какие? за всякие, — говорят, — это уж его дело беспорядки открыть. Земская полиция всегда может беспорядки открыть, если захочет. Вот, например, недоимку найди хоть маленькую — и взыскивай. Опять посмотри: дороги исправны ли — и тоже взыщи. Да мало ли каких случаев в уезде бывает? Цаловальник пожалуется, что его обижают, житья ему не дают, — исследуй и взыщи. Неповиновение властям открой. Собери мужиков, да тут же при них, кто побойчее, стало быть непокорнее, — и накажи, чтобы беспорядков не было».

«Вот, господа, — говорю я, — как вы умно да доброжелательно обо всем другом говорили. А теперь — где же у вас справедливость? Можно ли так рассуждать, чтобы беспорядки находить, где их вовсе и нет?»

«Позвольте, батюшка! — они мне говорят. — Вы этого дела не понимаете. Как же возможно государству своего главного дохода лишиться? Этому быть нельзя. Что же будет, если откуп лопнет? Ведь это казне убыток. Мы о том собственно и говорим. Государство не может потерпеть, чтобы невежественный фанатизм отнимал у него доходы».

Так я с ними и сговориться не мог. Разумеется, и противоречить-то сильно я не осмеливался, чтобы их не рассердить: ведь у меня до них дело было. Пожалуй, и подряда бы мне не отдали.

Неужели в самом деле образованные люди могут таких вещей не понимать, которые и нам известны, хоть мы на медные гроши учились? Какое же тут может быть обеднение государству, когда народ в уезде или в целой губернии перестает пить вино, от которого разорялся? Разве от бедности мужиков казна может богатеть? Помещик хороший, и тот знает, что с разоренного поместья немного возьмешь; и тот заботится, чтобы у него мужики были зажиточнее, потому что он сам через это богаче будет. Умный помещик в наших губерниях ни за какие деньги не соглашался, чтобы у него в селе кабак поставили. А если от села больше доходов бывает, когда в нем кабака нет, стало быть и с уезда доходов больше будет, и с губернии тоже, если в уезде или в целой губернии перестанут пить вино. Целая губерния хочет отстать от вина — дай бог, чтобы так и было; дай бог, чтоб и другие губернии по ее примеру пошли. По-нашему так.

Говорил я потом об этом еще не раз с разными образованными господами. Есть такие, что тоже по-нашему говорят, а другие то же гнут, что я от членов слышал в присутствии. Неужели по-господскому, по-образованному не то выходит, что по-нашему?

Отчего это в журналах о ковенском деле мало пишут? ⁴ Хоть бы они нам сказали, как с теми образованными господами сговорить, которые пустое об этом деле толкуют? Что они пустое толкуют, это и простому человеку видно, а как им растолковать, что государству от ковенских мужиков убытка не будет, — вот этого-то растолковать им и не умеешь».

Мы получили это письмо с подписью «Тихвинский купеческий сын Бадейкин».

Оно обязывает нас сказать несколько слов.

Мы до сих пор молчали о ковенском деле, потому что не получали о нем рассказов более подробных, нежели какие помещены были в газетах. Объяснять же самый факт мы считали ненужным. Мы, признаемся, и не предполагали, чтобы кому-нибудь нужно было объяснение: хорошо ли сделали ковенские поселяне, перестав пить водку, и выгодно ли для государства их намерение. Нам казалось, что никому и в голову не может придти сомнение об этом. Мы думаем, что молчание других журналов объясняется тем же мнением. Письмо г. Бадейкина разрушает его. Оно открывает перед нами факт невероятный: люди, называющиеся просвещенными, рассуждающие о железных дорогах, об освобождении крестьян, об искоренении злоупотреблений и даже не берущие взятку с подрядчика, и даже предлагающие купцу, как

видно, очень небогату, стул в комнате присутствия, — эти люди, усвоившие себе лоск образованности, даже форму гуманности, не совестятся иметь те страшные мысли, те гнусные понятия, которые записаны их простодушным слушателем! Да и то сказать: как им совеститься подобных мыслей? Они очевидно ничего не смыслят в делах, о которых рассуждают. С чужого голоса они могут говорить о пользе железных дорог, о необходимости освобождения крестьян — ведь об этом ныне и глухой слышит на каждом шагу. Но ясно, что их голова осталась неразвита, что все в этой голове, кроме навеянного ветром, все дико и тупо. Они могут быть прекрасные люди по сердцу, но они дурно воспитаны, они слишком мало учились.

Неужели в самом деле надобно оправдывать ковенских мужиков? Неужели надобно доказывать, что они имеют полное право не пить водку? Неужели надобно доказывать, что этим геройским решением, до которого мог довести их только слишком тяжелый опыт, они приносят пользу государству и честь русской нации перед Европой?

Мы не враги употребления водки простым народом, мы думаем, что умеренное употребление ее даже полезно в наших климатах; но надобно знать, кто пьет, как пьет, почему пьет и что пьет?

Если зажиточный мужик, имеющий теплую избу, теплую одежду, сытный стол и несколько лишних рублей в кармане, выпивает каждый день перед обедом по стакану водки — с богом: ему это здорово, и пьет он на деньги, которыми имеет право располагать. За этот стакан не могут упрекнуть его жена и дети. Но таков ли ковенский мужик и таков ли не только ковенский, но и какой бы то ни было мужик? Где у него лишние деньги? Остается ли у него хоть одна копейка, отчета в растрате которой не должна была бы потребовать у него семья, живущая в плохой избе, едва прикрытая рубищем, подобно ему, питающаяся, подобно ему, по выражению г. Шевырева, «скудною и неудобоваримою пищею».⁵ Бедняк делает дурно, когда тратит деньги на что-нибудь, кроме улучшения быта своей семьи.

И как он пьет! Разве так, как мы с вами, читатель, столовое вино? Нет, он пьет, когда дорвется к вину, до бесчувствия. Питье водки у бедняка всегда бывает пьянством.

И почему он покупает водку? и какую водку продают ему? об этом нечего и говорить.

Или в самом деле надобно доказывать, что никому, кроме идиота, не может прийти в голову видеть сектантство в том, когда разоренные бедняки видели необходимость исправиться от порока, их разорявшего? Или надобно говорить о том, выигрывает ли государство или, пожалуй, казна, когда бедняк отказывается от единственного наслаждения, чтобы поправить свои дела? Разве трудно рассудить, что каждый рубль, который получается от водки, разоряющей народ, — что каждый такой рубль отзывается десятью рублями недочета в других податях и сборах? В России больше населения, нежели в Англии и Франции, взятых вместе; пространство плодородной и населенной земли, служащей главным источником богатства, по крайней мере в пять раз больше. Получает ли русская казна хотя две трети того дохода, какой получает одна французская или одна английская? Нет, и того далеко не получает. Отчего же это? Как отчего? Много ли вы возьмете с бедного наро-

да? А в чем одна из главных причин бедности народа? В водке. Кажется, расчет ясен? Пусть водка доставит вдвое меньше дохода; зато мы отпустим за границу вдвое больше товаров, потому что меньше их пропьем и больше наработаем. Взамен за эти товары мы купим вдвое больше заграничных, и одна прибыль в таможенных пошлинах — с двойным, с тройным избытком покрывает недочет винного сбора; и кроме того в податях будет меньше недоимок, промышленные сборы станут давать гораздо больше прежнего и, стало быть, если уже думать о государственных доходах, то надобно благодарить ковенских мужиков за то, что они приняли решение, от которого надобно ожидать такого же поправления нашему бюджету, как и их домашнему хозяйству.

Но боже мой! Какая сила самоотвержения нужна была этим беднякам, чтобы отказаться от чарки водки, этой единственной, губительной, разорительной, но единственной отрады в их несчастной жизни! Вот уж почти целый век образованный мир на всех языках превозносит силу самоотвержения североамериканцев, отказавшихся от употребления чаю⁶. Но что за важность отказаться от чаю зажиточному человеку? Разве не заменит он двадцатью другими приятностями приятность пить чай? И разве чай был ему забвением, единственным забвением от невыносимо тяжелой жизни, исполненной обид и лишений? Но бедняку мужику отказаться от чарки водки!.. Это геройство — другого имени нет для такой решимости!

II

РУССКИЕ В ДОБЛЕСТЯХ СВОИХ

Предупреждение. В «Русском вестнике», когда он издавался еще Сергеем Николаевичем Глинкою⁷, т. е. в начале нынешнего столетия, — существовал один отдел, приносящий честь прекрасному сердцу издателя. Отдел этот носил название: «Русские анекдоты: примеры мужества, неустрашимости, мудрости, великодушия, бескорыстия и проч. русских людей». С теплым и умиленным чувством постоянно рассказывал здесь сам издатель о прекрасных подвигах русского человека. Мы до сих пор живо помним те слезы умиления и восторга, с которыми читали мы в «Русском вестнике» вдохновенные рассказы о том, как один солдат нашел сто рублей и возвратил их по принадлежности; как один мужик наехал в поле на замерзавшего мальчика и не бросил его, а довез до села; как один мещанин, уезжая из города, заплатил все свои долги, хотя и мог уехать не заплативши, и проч. *В настоящее время, когда*⁸ Россия возрождается к новой жизни и когда весь мир устремил на нее полные ожидания очи, когда повсюду водворяется у нас благодетельная гласность, грустно истинному патриоту видеть, что нет такого сборника, где бы увековечивались все прекрасные явления русской жизни. Конечно, они публикуют о себе в газетах; но что такое суть газеты? — Не что иное, как волны быстрой реки, неуловимые в своем течении. Потомство не заглянет в наши газеты, и великие примеры пропадут для него без

пользы. Вот почему мы решаемся время от времени уделять несколько страниц для увековечения прекрасных подвигов современных русских людей.

1.

ПРИМЕРЫ БЕСКОРЫСТИЯ

На первый раз избираем примеры необыкновенного бескорыстия, о котором объявлено в «Санктпетербургских ведомостях». В одном примере является пред нами старец, 37 лет служивший по военной и гражданской службе, Василий Максимович Телегин, объявляющий, что он *даром дает советы по делам*; в другом г. Вышнеградский, *покорнейше просящий, чтоб ему не давали взятку*⁹; в третьем г-жа Клавдия Туманская, просящая *считать безденежным и недействительным законное по форме заемное обязательство ее покойного мужа*.

С чувством искреннего умиления и радости заносим эти исполненные благородства акты на страницы нашей современной летописи.

«Санктпетербургские ведомости» 1858 г. № 227, 17 окт.

«Коллежский ассессор и кавалер Василий Максимович Телегин, изучив теорию законоведения — в Университете и практическое делопроизводство — на службе, по части военной, в должности аудитора и других штабных обязанностях; а по гражданской — в должностях: канцелярского чиновника, старшего помощника столоначальника Департамента М. Ю., следственного пристава, исправника, губернского стряпчего, городского головы (в Киеве), чиновника особых поручений гражданского губернатора и генерал-губернатора, правителя канцелярии, заседателя, товарища и председателя — гражданской палаты, ныне, по увольнении от службы, с полным пенсионом, из любви к науке, продолжает изучать законоведение — на деле. Допустив, что Телегин из каждой обязанности вынес сколько-нибудь опыта, можно согласиться с дознанным им убеждением, что с добрым запасом теоретических сведений хотя легко приобрести навык в делопроизводстве и даже обогатиться опытом, но для полного знания законоведения этого мало, потому что наука законоведения настолько же неуловима из книги, насколько недостижима умозрением. Самый опыт в законоведении не совсем верное вспомогательное средство! Полное же и точное познание законоведения приобретается долговременным и тщательным изучением случаев, или казусов, являющихся на горизонте юридическом, и самого способа — применения этих случаев и образцовых решений — к делу! Истина сего заключается в законе (146 и другие ст. 1 т. Св. зак.); а другая истина состоит в том, что изучение «случаев» возможно только на службе не по одной судебной, но по полицейской и вообще административной части, и притом в разных должностях. С такими знаниями законов с первого взгляда и, так сказать, ощупью, постигая существо дела в зарождении и развитии, по известным «случаям», с математическою точностью определит исход дела. Вероятно, адвокаты: в Париже Р... и в Варшаве Ш..., владея сею магическою силою, пользуются общественным доверием — до того, что принятый ими процесс считается

почти выигранным. Зато они не принимают дела сомнительного, а тем более — кляузного. Подобное доверие можно приобрести везде и всегда: стоит только не вовлекать никого (без неизбежной надобности) в процесс; не изобретать, к оболыщению патрона, претензий — для начатия и для встречного — исков (*sic* *); но добросовестно указав на гибельные последствия тяжбы, убедить к примирению или к прекращению оной, уменьшив претензии. Следовательно, теоретические и практические знания, навык и опыт в законоведении не составляют еще исключительного достоинства адвоката, если он не проникнут добросовестностью, правдолюбием и миролюбием. С этими-то убеждениями Телегин при изучении законоведения из дела, желая постичь многосложный механизм, пускаемый в ход «имеющими хождение по делам», принимает на себя обязанность не ходатая, а, по доверенностям, поверенного по делам, производящимся в С.-Петербургских и Московских присутственных местах. Надеясь на то доверие, какое можно иметь к человеку раненному и прослужившему с кампаниями 37 лет, Телегин, и с своей стороны, *готов всегда и всякому, даром, дать, с солдатскою прямою, благой совет.* Принимает от 8 часов утра до 4 часов пополудни, в собственном доме, на Петербургской стороне, на углу Большого проспекта и Павловской улицы, дом № 3. Иногородные (адресуя письма: в С.-Петербург) немедленно получают ответ на вопросы свои; а те, кои вышлют доверенности, извещаемы будут о действиях по оным».

«Санктпетербургские ведомости», № 281, 23 декабря

«Начальник училищ для приходящих девиц в Санктпетербурге, безуспешно испытав неоднократные устные убеждения относительно бесполезности и незаконности разного рода приношений, которые делаются просителями мест при училищах, родителями и попечителями детей — как начальнику училищ, так и лицам женского пола, при них состоящим, прибегает наконец к печатному объявлению покорнейшей своей просьбы *ни при каком случае и ни под каким видом не обращаться ни к начальнику, ни к надзирательницам ни с какими вещественными знаками так называемой благодарности.* Все подобные знаки будут немедленно возвращаемы тем, кто их принес. Всякого рода складчины между детьми с целью сделання подарка кому-либо из начальствующих, надзирающих и преподающих лиц строжайше воспрещаются, под опасением удаления виновных из заведений.

К сему неприятному объявлению начальник училищ вынужден тем обстоятельством, что многие из ищущих мест при училищах предлагают начальнику оных разного рода подарки и услуги. Так, например, в последнее время две дамы, имена которых на сей раз не объявляются, решились доставить г. Вышнеградскому по 500 р. сер. каждая, с присоединением покорнейшей просьбы исходатайствовать им места главных надзирательниц. Начальник училищ сим объявляет, что одной из просительниц деньги уже возвращены, а деньги другой препровождены к Санктпетербургскому обер-полицмейстеру для возвращения кому следует».

* Так! (*лат.*). — Ред.

«Санктпетербургские ведомости», № 276, 17 дек. 1858 г.

«Гвардии поручик Андрей Леонтьевич Черепанов выдал покойному моему мужу Василью Васильевичу Туманскому заемное обязательство на 1000 р. сер., каковое обязательство и было совершено в Черниговской Палате Гражданского Суда в 1850 году, октября 11 дня. Но так как *мне достоверно известно, что то заемное обязательство было выдано г. Черепановым безденежно моему мужу*, по смерти которого в бумагах того обязательства нигде не отыскалось, то, публикуя ныне об этом в газетах, прошу вышеозначенное заемное обязательство *считать безденежным и недействительным, у кого бы оно ни отыскалось.* — Жена коллежского ассессора Клавдия Туманская».

На какие прекрасные, освежающие душу размышления наводят всякого благомыслящего соотечественника три приведенные нами примера! Заметим, что все означенные лица *сами* объявляют о себе в газетах, платя за припечатание дефьги с каждой буквы: таким образом цена их бескорыстия еще более возвышается и уже граничит с самопожертвованием... Особенно дорого должно быть, по своей длинноте, объявление г. Телегина... Дай бог побольше таких примеров: тогда с ясностью божьего дня доказана будет зрелость той общественной среды, в которой могут совершаться и обнародываться подобные явления.

2.

ПРИМЕР ОТВАЖНОГО СТРЕМЛЕНИЯ К ОБЩЕМУ БЛАГУ

Не можем умолчать о случае, доказывающем, сколь сильно у нас частные лица стараются споспешествовать благим намерениям правительства. Будущий историк русской цивилизации не преминет, конечно, занести этот факт на скрижали отечественных летописей.

В 1858 г. учреждены в Петербурге *училища для приходящих девиц*. В обнародованных *правилах* для этих училищ сказано, что «цель их состоит в том, чтобы доставить родителям возможность, *не отлучая детей от семейства*, давать им основательное и полное образование за такую плату, которая не была бы стеснительна для людей самого умеренного состояния; чтобы поэтому дети, *живя дома, у родителей или родственников*, приходили в училище только для слушания уроков». Годовая плата за учение положена 25 рублей с девицы.

И едва только сделались известными эти правила, которых цель и смысл так просты и ясны, как явилось в «Санктпетербургских Ведомостях» 1858 г., № 219-й, объявление от одной содержательницы частного пансиона о том, что она для облегчения родителей *принимает к себе на жительство детей, отдаваемых в женские училища, за плату от 120 до 200 р. с. в год*. Вот самое объявление.

«По случаю назначения правительством открыть казенное учебное заведение для девиц в Коломне, на углу Большой Садовой и Грязной улиц, в доме Воронина, содержательница частного пансиона, *находящегося в том же доме*, г-жа Галактионова готова *помещать девиц у себя на жительство и во-*

спитание с тем, что по окончании предназначенного занятия в казенном заведении обязывается, при совершенно приличном помещении и содержании вверенных ей детей, иметь постоянный надзор и неусыпное попечение о нравственности их и наблюдение за приготовлением уроков, за практическими занятиями на французском и немецком языках и за преподаванием музыки. Годовая плата, при снабжении детей родителями всеми учебными потребностями, от 120 до 200 руб. серебром».

Итак, дети будут жить даже в том самом доме, в котором помещается училище *для приходящих девиц*! Значит, ученицам придется только перейти из комнаты в комнату, чтобы явиться в классы из пансиона г-жи Галактионовой! Какое удобство для родителей! Не надо заботиться о том, как и с кем каждый день послать детей в школу и как их оттуда привести домой; не нужно думать о том, как присмотреть за ними, поверить их занятия, прослушать уроки и т. п. Можно даже ни разу не видеть детей во все время их ученья: г-жа Галактионова заменит для детей родительский надзор и семейную жизнь. Какая просвещенная ревность в содействии намерениям правительства!

Без сомнения можно утверждать, что имена гг. Телегина и Вышнеградского и г-ж Туманской и Галактионовой перейдут в позднейшее потомство.

III

ПОЧИТАТЕЛЬ ДВОРЯНОК

Между многочисленными грамматиками, по которым обучается русское юношество, есть несколько грамматик, сочиненных г. Виктором Половцовым¹⁰ и выдержавших по нескольку изданий. Доселе нельзя было с точностью определить, в какой мере заслужен был успех трудов г. Виктора Половцова, но теперь дело вполне решается и разъясняется благодаря усердию просвещенной редакции «Журнала землевладельцев», в 8-м № которого за 1858 г. помещено письмо г. Половцова «*О женщинах*».

В начале письма г. Половцов обращается к издателям «Журнала землевладельцев» с несколькими комплиментами, столько же галантными, как и патристическими. Между прочим он говорит, что «Журнал землевладельцев» имеет не мимолетное значение, ибо это лето (в которое издавался «Журн. земл.») врежется на скрижалях отечественной истории¹¹ неизгладимыми чертами на вечные времена. Стремясь, по-видимому, тоже *врезаться на скрижалях* на вечные времена, г. Половцов думает достигнуть своей цели напечатанием своих соображений о женщинах. Желая содействовать г. Виктору Половцову в достижении цели столь прекрасной, приводим замечательнейшие места из его оригинального письма.

«Употребив весь век свой (так начинает г. Виктор Половцов) на семейное и общественное, *даже можно сказать государственное* воспитание, я стою за женщин, с которых начинается наше существование, питание, воспитание, возрождение, одним словом все (смело и сильно!) А журнал ваш как будто не благоволит прекрасному полу. Положим, что общее название «Зем-

левладельцев» относится к девицам, замужним и вдовам из помещиц, точно так же, как и к сыновьям их и внукам, супругам и братьям, отцам и праотцам (к праотцам-то, я думаю, всего больше относится!); тем паче под названием *крестьян*, об улучшении быта которых теперь заботятся, надобно разуметь и *крестьянок*. Но вот, в списках «дворянам-помещикам» разных губерний, подававшим отзывы с изъявлением готовности упрочить быт своих крестьян, неужто ни одна губерния не упомянет и «дворян-помещиц»?

Под названием «дворянства» разумеются как дворяне, так и дворянки, а под двойным названием «дворян-помещиков» и Московской, и Орловской губерний русский язык понимает одних только мужчин. (Вот что значит быть филологом!)

Вы сделали больше: с № 2 вы перестали печатать эти списки!... Позвольте надеяться, что уведомите в «Журн. землевл.» о причине, по которой вы перестали печатать списки.

Каждое из имен, вошедших в эти списки, есть достояние истории, если не всей России, то по крайней мере всей губернии, о которой речь (отчего же так скромно?). Те списки, которые напечатаны в № 1, я просмотрел, и нашел...»

Нашел г. Половцов, к своему крайнему прискорбию, «очевидную бедность в женских именах». Нашел он также, что в Нижегородской губернии дворянок подписалось менее, чем в Московской. Это обстоятельство вызвало его на следующее язвительное замечание: «Это значит, что Москва обратила внимание на женский пол во дворянстве гораздо больше, чем Нижний Новгород. Москвичи и нижегородцы знают о том, почему и для чего, *разумеется, больше, чем я*, странствователь по юговосточным степным губерниям». Очевидно, что автор тоже знает, и очень хорошо знает, «*почему и для чего*», но не хочет этого высказать по особенной деликатности души своей. Вопрос, заданный им, разъяснен, впрочем, в одиннадцатом № «Журн. земл.» г. Л. Загоскиным, который был, по его мнению, «*натолкнут* многоуважаемым В. А. Половцовым на мысль сравнить число дворян, изъявивших согласие, с общим числом дворян-владельцев каждой губернии». По исследованиям г. Л. Загоскина выходит, что подписавших согласие — *меньшинство*, и притом незначительное. Между тем, по его замечанию, «правду за всех нас высказал В. А. (Половцов), что по такому святому делу отрадно, успокоительно для совести каждого дворянина было бы *видеть свое имя и фамилию в печати, т. е. на скрижалях истории*». Отчего же не все подписались? По мнению г. Загоскина, тут виноваты *головы наши*, презирующие мелкопоместных, тогда как «из них около половины родовичей, тех коренных дворян, предки которых, составляя служилое сословие у великих князей и царей наших, подвигами своими, своею верностью и кровью заслужили грамоту 1761 г., которою мы облагорожены» ¹² (да не подумает читатель, что *мы* это от себя говорим. Сохрани бог!.. мы повторяем только слова г. Л. Загоскина, не думая относить их — ни к себе, ни даже к вам, читатель, кто бы вы ни были.)

Итак, в малом числе подписавшихся виноваты люди, которых г. Л. Загоскин называет головами. «Ушли мы с 1831 г. далеко ¹³, а головы все сидят на плечах у нас», — замечает он в заключение, обнаруживая не совсем понятное для нас желание, чтобы у него голова на плечах не сидела... Может

быть, г. Л. Загоскин по собственному опыту знает, что без головы человеку жить лучше?

Но возвратимся к письму г. Половцова, по поводу которого в «Журнале землевладельцев» поднят был важный вопрос об именах дворян и дворянок. Малое число подписавшихся г. Половцов (не совсем несогласно с г. Л. Загоскиным) приписывает медленности помещиков и поспешности предводителей. Вот случай, им рассказанный.

«Это дело (считанье женских имен в списках) с моей стороны началось очень просто. Одна из барынь-помещиц, управляющая имением «по доверию мужа», просила меня написать ответ предводителю дворянства о том, согласна ли она на улучшение быта своих крестьян? — Что ж, согласны ли вы? *«О, с восторгом!»* Эти слова были темой чернового писания, в котором почти ничего и не переменено (и зачем же переменять? Г. Половцов пишет таким хорошим слогом и притом же *сам* сочинил грамматику русскую!). Но как в письме предводителя было сказано, что молчание далее определенного срока будет принято за согласие, то мы не торопились отправкою; а вышло то, что имя барынки (?) не попало в список 970 дворян-помещиков Орловской губернии, хотя в нем отыскиались имена 304 дам и девиц».

Рассказав столь любопытный и знаменательный факт, г. Половцов приступает к следующим красноречивым размышлениям, делающим честь его бойкому перу и многосторонним познаниям:

«Кто не знает, как *упоительно звучит* (?) имя, отчество, — а по-русски величание, — и *переменяемое* (?) прозвище, — по-иностранному фамилия, — любимой особы, тот только не поймет, что и в просмотре списка дворян-помещиков с выискиванием женских имен можно находить *большое удовольствие* (еще бы!). Каждое имя (слушайте!) нарекается младенцу при Св. Крещении *, *иногда* имена имеют значение: Анатолий — восток, София — премудрость и проч.; перечислением имен начинается Новый Завет, священнейшая из книг, и каждым из этих имен знаменуется поколение, иная история состоит почти только из имен (хорошая история!). Одним словом, *разохотившись* просматривать имена дворянок-помещиц трех губерний, которые выпечатаны в № 1, «Ж. З.», я стал считать имена и в «Московских ведомостях».

Затем г. В. Половцов приводит цифры. Оказалось, что он имел терпение насчитать 1623 дворянки-помещицы в разных губерниях. Но не довольствуясь своим трудолюбием и тем, что поведал миру результаты его, г. В. Половцов предлагает следующее:

«Нельзя ли было бы *напечатать списки хоть особой книжкою*, в виде приложения к вашему журналу, и притом в два столбца, *ошую* могли бы быть мужчины, а *одесную* ¹⁴ *с пробелами (!) женщины и девицы?* А уже если разделять, да распределять, так можно было бы расписать имена и *по классам супругов и отцов; юнкерша и канцеляришша точно также заняли бы свое место, как и действительные тайные советницы, графини и светлейшие княгини.* Не знаю, почему нет у нас слова «другиня», т. е. друг женского пола, другое и даже первое я. (Тут уже филологические тенденции овладе-

* Попадались и неупотребительные: Сарра, Капитолина, Доминика, Августина, Фиона и Митродора. *Авт.* (Сам автор позаботился отметить свое примечание; значит читатели не могут уже подумать, что мы нарочно его сочинили).

вают г. Половцовым, и он дает нам редкий случай наблюдать за грамматиком, рассуждающим об общественных вопросах. Внимайте же!) Это совсем не подруга, подружка, подруженька, которые веют на нас молодостью; и друг — не то, это мужчина. «Другиня» — в смысле первыни могло бы быть самым почетным из всех званий женщины и даже девицы. Жена-друг — вот другиня, мать, конечно, не всякая, — сестра в роде матери, *тетка-полу-провидение* (о чудеса грамматики!) — вот другини! У нас есть женские названия: княгиня, героиня и богиня, от мужских: князь, герой и бог (языческий). Почему же не быть другине от слова друг (христианский)? Притом же друг служит теперь, как будто за недостатком слов в нашем богатом русском языке, названием и женщины: мой друг, дружок, дружочек! говорит муж жене, брат сестре, даже отец дочери. Так, слово другиня произошло бы не от мужского друг, а само из себя, и *разумеется возымело бы свою историю* *.

История богов и богинь — дело давнее и не наше, а князей и княгинь — поближе к нам. Вот и сегодня (письмо г. Половцова писано 11-го июля) церковь наша празднует память св. Ольги, которою начинается весь сонм святых угодников православной российской церкви. Эта знаменитая в древней Руси государыня, *мать героя Святослава и бабка Владимира Великого, родом псковитянка, родилась не княжной и не царевною, а простолюдинкою* (урок из истории для читателей «Жур. земл.»). Супружество возвело ее на степень княгини, именно великой княгини, но *немерцающее* (каков русский язык у почтенного грамматика? *немерцающее* вместо *немеркнувшее*!) в веках величие добыла она себе сама по праву женщины-христианки. Это же самое почетное из всех званий человека вполне доступно каждой из дворянок-помещиц (разумеется, все они не басурманки, не нехристи), о которых начал я беседовать с вами, почтенный А. Д.¹⁵, перебирая списки дворян-помещиков разных губерний.

Св. Ольга приняла христианство, потому что и живя среди язычников постигла всю цену учения Спасителя. Она сложила с себя бремя десятилетнего управления государством, удалилась в Царь-град и занялась учением христианским. *Не то ли же предстоит* (вот тебе и раз: в Царь-град удалиться?) *и многим из наших барынь, живших по деревням и несших на себе тягостное бремя управления крестьянами?* Безграничные права их *тяготели над ними, еще более (!!!) чем над подвластными им душами человеческими*, подобно язычеству, которое во времена св. Ольги считалось верою отцов и было так сильно, что знаменитый сын Игоря ¹⁶ никак не хотел расстаться с своими языческими обязанностями и пребыл им верен, до насильственной смерти своей. Ольга слышала о вере христовой от воинов супруга своего ¹⁷, бывших в Греции; а мы слышали об улучшении быта помещичьих крестьян-христиан и крестьянок-христианок от венчанного на царство помазанника божия. Великая княгиня Ольга без сомнения находилась в продолжительной борьбе сама с собою: предпринимать ли дело новое, трудное и ответствен-

* В церковнославянском *есть* слово «другиня», и народ слышит это слово в одной из церковных песен, во время пасхи. *Ред.*

(Это опять не наше примечание: это счел нужным заметить редактор «Журнала землевладельцев».)

ное пред потомством? *Нам облегчен этот подвиг*: высочайше повелено мужчинам обдумать дело в полгода; а за нас потрудится сам батюшка царь, с своими поседельными в советах боярами, в главном комитете по крестьянскому делу.

И св. Ольга ждала, ждала, пока ей можно было сложить бремя правления на рамена сыновей (*сыновей!?*)¹⁸. А нам, если придется подождать и 12 лет, так *что ж это за срок в сравнении с веками*, которые будут наслаждаться плодами трудов и пожертвований второй половины XIX века в громадной России? Между дворянами-помещиками Псковской губернии нашел я вдову капитана Варвару Лаврову с сыновьями полковниками Степаном и Николаем Егоровичами — вот образчик нераздельного владения матери с детьми в богобоязненном семейственном быту. Да продлится он на многие лета!»

Прекрасное письмо г. Половцова оканчивается следующей просьбою, которая обнаруживает, что он не словом только, но и делом старается об увеличении числа женских имен во всякого рода подписках. «Позвольте кстати попросить вас, — пишет он, — внести в число подписавшихся на «Жур. земл.» имя жены моей Лидии Осиповны, *с припискою в Иерусалим: ибо мы просим отправлять экземпляр ее к брату моему иеромонаху Ювеналию, члену иерусалимской миссии*».

Видно, что г. Половцову очень хотелось *униться* звуком имени жены своей, когда он упрашивал записать ее вместо своего брата. «Журнал землевладельцев» и записал ее в Иерусалиме, хотя она живет с г. Половцовым в Саратовской губернии.

Мало того: «Журнал землевладельцев», приняв серьезно все письмо г. Половцова, с чувством душевного прискорбия оправдывается от его упреков. Вот начало его *ответа* г. Половцову:

«От вас менее, чем от кого-нибудь, ожидали мы упрека, что *журнал наш как будто не благоволит к прекрасному полу*. И на чем же основываете вы такое капитальное обвинение?..»

И так далее... Журнал блистательно оправдывается от нареканий г. Половцова, и мы вполне уверены, что он с письмом г. Половцова и с своим ответом действительно *«врезается на скрижали отечественной истории на вечные времена»*.

IV

ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ

Какое торжество готовит древний Рим?
Куда текут народа шумны волны?¹⁹

Иначе сказать — куда направляется литературная процессия, известия о которой вот уже почти два месяца непрерывно приносятся к нам петербургской и московской почтою? Какое торжество готовит вся ваша литературная братия, которая в последнее время все «пыщется гору родити»?..

Что за шумная история поднята вами * против *поступка* «Иллюстрации»? *Поступок*, по общему мнению публики, состоял в том, что «Знакомый Человек» по-русски писать не умеет (иначе уж, конечно, он обругал бы своих противников так, что привязаться было бы не к чему); а вы привязались к нему, как будто и к грамотному, как будто и к путному... Грешный человек, я долго не понимал, к чему и из-за чего вся эта история. Написал я к одному приятелю в Петербург, прося объяснить, что такое протест, почему протест, зачем протест? А тот отвечал мне только двумя стихами:

«В нем признака небес напрасно не ищи:
То кровь кипит, то сил избыток...»²⁰

Тогда выписал я «Иллюстрацию» (несколько моих знакомых то же сделали после вашего протеста), посмотрел, почитал ее: ничего — журналец, как журналец. Припомнил, не было ли за нею прежде каких-нибудь *гисторий*: никаких. До ноября месяца о ней и не знали вовсе... Она видимо старалась привлечь к себе общее внимание: и рисунки графа Толстого к стихотворениям г. Щербины печатала, и майский парад, и формы генеральских мундиров помещала, и о политике вкривь и вкось рассуждала, и о людоедах писала, и с «Северной пчелой» вела полемику... нет, ничто не помогало. Никто ее не знал, никто о ней не говорил, журналы как будто и не подозревали ее существования. Шла себе «Иллюстрация» тихо и вяло, точно длинный обоз, которого убогая и похоронная медленность не нарушается даже тем, что в некоторых возах запряжены очень горячие лошади.

И вдруг все переменялось. Как электрическая искра, мгновенно пронеслось, говорят, по Петербургу слово «Иллюстрация», по телеграфу переслана молва о ней в Москву; а оттуда быстро разъехалась по губерниям и уездам. К нам писали сюда, что у вас в литературных кругах повсюду стали рассуждать об «Иллюстрации» с таким же жаром, как год тому назад о крестьянском вопросе; в книжных лавках, в библиотеках для чтения беспрестанно, говорят, спрашивали «Иллюстрацию»; в кондитерских, выписывавших «Иллюстрацию», учетверилось количество посетителей, тогда как другие, не имевшие «Иллюстрации», опустели. «Страшно было войти в сии последние, — писал мне один знакомый; — мрак и запустение царствовали в них; служители бродили, бледные и тощие, как могильные тени; на лице хозяина написано было мрачное отчаяние...» Сказывали, что у вас даже появиться в образованное общество человеку, не читавшему «Иллюстрации», сделалось невозможным, ибо это значило бы просидеть дураком весь вечер, не имея возможности принять участие в общем разговоре. Скоро и у нас в провинции вопрос об «Иллюстрации» оттеснил на второй план все другие вопросы, ибо стало невозможным чтение журналов без предварительных познаний в «Иллюстрации»: начиная с «Русского инвалида», о ней заговорили почти все журналы: «Русский вестник», «Атеней», «Библиотека для чтения», «Современник», «Московские ведомости», «С.-Петербургские ведомости», «Одесский вестник», «Северная пчела», даже сам «Весельчак». Одна фраза из «Иллюстрации» давалась как тезис для глубокомысленных рассуждений, другие фразы раз-

* Не нами, вовсе не нами! Кто сказал, что нами? — *Ред.*

бирались, перечитывались и переписывались с заботливостью и нежностью, достойными лучшей участи. В «Русском вестнике» одна из фраз «Иллюстрации» перепечатана четыре раза в одной и той же книжке. Лучшие наши ученые и литераторы приняли участие в движении вопроса об «Иллюстрации». Сам Н. Ф. Павлов, знаменитый критик, только в экстренных, наделавших шуму случаях берущийся за остроумное перо свое ²¹, написал статейку об «Иллюстрации».

И отчего же произошла столь внезапная перемена? чему обязана «Иллюстрация» приобретением толикой славы?

Грустно ответить на этот вопрос начальными словами одного поучительного рассуждения, которого я теперь не помню, потому что учил его когда-то наизусть: «бывают геростратовы славы...» ²²

Дальше не помню уже, но дальше и не нужно: смысл речи понятен из первых трех слов.

Да, слава «Иллюстрации» — геростратова слава. Я решительно подозреваю, что «Иллюстрация» давно преследовала ту же цель, что и Герострат. Да и способ-то употребила тот же: Герострат сжег храм, а «Иллюстрация» напечатала статью, составляющую, по справедливому замечанию г. Чацкого, «жалкое отражение того зловещего огня, которым некогда зажигались костры на площадях Мадрита». Это отражение мадритского огня ²³ «Иллюстрация» направила против евреев. (Знала против кого направить!) — и вам известно, что из того последовало: «всемирное обозрение» получило славу действительно всемирную... Не знаю, совершенно ли полны мои сведения; но вот главные из данных, мне известных. Г. Чацкий в «Русском вестнике», г. Горвиц в «Атенее», г. Фаддей Березкин в «Одесском вестнике» и может быть еще кто-нибудь — написали возражения на статью «Иллюстрации», которая была подписана «Знакомым Человеком». «Знакомый Человек» в ответ на их возражения написал, что они, конечно, *агенты жида Н.*, который не жалеет золота для славы своего имени. После этого г. Чацкий обнародовал в «Моск. ведомостях» письмо к редактору «Иллюстрации», которого содержание заключалось в следующем:

Задеть мою амбицию
Я не позволю вам:
На вас, сударь, в полицию
Я жалобу подам. ²⁴

Объявите, говорит, что вы отказываетесь от вашей наглой клеветы, а не то я в суд пойду. И в заключение прибавляет: поколотить бы, говорит, вас следовало, да это не так *гласно* было бы; так я для пущей гласности печатно об этом заявляю... «Обвинение, говорит, сделано было печатно, а следовательно и удовлетворение должно иметь *ту гласность, которой не ставило бы мне кулачное право*».

Еще не успела «Иллюстрация» ответить на письмо г. Чацкого, как появился «Литературный протест», в котором излагалось обстоятельно все дело обвинения гг. Чацкого и Горвица в подкупе (о г. Березкине и других не упомянул Знакомый Человек) и затем говорилось: «Мы незнакомы лично с гг. Чацкиным и Горвицем и не имеем с ними никаких отношений. Но, проникнутые убеждением в высоком и нравственном призвании литературы,

мы считаем обязанностью самым положительным образом протестовать против таких злоупотреблений печатного слова, из органа мысли и гласности низводящих его на степень презренного орудия личных оскорблений».

Протест появился в 258 № «СПб. вед.», 25 ноября, и потом в 21 № «Рус. вест.», в значительно усовершенствованном виде; оба были подписаны многими лицами, составляющими гордость и украшение нашей литературы. До получения 21-го № «Русск. вест.» я все смеялся над «жидовской историей», считая дело неважным. Но, прочитав великолепный протест, перепечатанный потом во многих журналах и газетах, я понял наконец всю великую важность события, бросился отыскивать «Иллюстрацию», «Инвалид», статьи против «Знакомого Человека» в других журналах, — перечитал все это, выучил наизусть несколько фраз из статьи «Иллюстрации» и, почувствовав, что стою наконец в уровень с веком, решился сказать и свое слово об «Иллюстрации». Посылаю его к вам, потому что вы не так много, как другие, выказали азарта в этом деле, и след., можете с большим хладнокровием выслушать мое мнение, которое у нас в провинции почти все разделяют.

Слово мое невесело. Признаюсь, я с тяжелым чувством пробежал длинный список лиц, протестующих против «Иллюстрации», а в ушах у меня почему-то раздавались в это время стихи из «Бесов».

Сколько их, куда их гонят?
Что так жалобно поют? и проч.²⁵

Зачем это, думал я, русские ученые и литераторы ополчились в крестовый поход для доказательства того, что клевета гнусна?... Неужели они полагают, что это еще предмет неизвестный или спорный для русского общества? Но тогда остается им бросить занятие наукой и литературой и уныло воззвать ко всем писателям: «братия! давайте плакать!»

В самом деле — литература ведь существует для общества, служит выражением его понятий, действует в среде своих читателей. Поэтому вам бы не следовало выпускать из виду, что в среде, окружающей вас, всегда есть известный общий тон, определяющий те границы, в которых вы можете и должны держаться при ваших словах и действиях. Новый человек, являющийся в чужую среду, тотчас поражает странностью, неловкостью, даже неприличием, если он не умеет сразу попасть в тон этой среды. Это происходит, разумеется, оттого, что в каждом кружке людей есть такие общие понятия и интересы, которые предполагаются уже всем известными и о которых потому не говорят. Странно бывает обществу образованных людей, когда в среду их вторгается рассказчик, не умеющий, напр., произнести ни одного собственного имени без нарицательного добавления, и говорящий беспрестанно: город Париж, королевство Пруссия, фельдмаршал Кутузов, гениальный Шекспир, река Дунай, брюссельская газета «*Le Nord*»²⁶ и т. п. Вы знаете, что все его прибавки справедливы, вам нечего сказать против них; но вы чувствуете почему-то, что лучше бы обойтись без них. То же самое бывает и с нравственными понятиями. Вам становится просто неловко и совестно в присутствии человека, с азартом рассуждающего о негуманности людоедства или о нечестности клеветы. Одно из двух: или *сам рассуждающий* находится еще на той степени нравственного развития, которая допускает возможность рассужде-

ний и споров о подобных предметах, или он *вас* считает так мало развитыми, что полагает нужным внушить вам истинные понятия о людоедстве или клевете. И то и другое предположение одинаково вызывают вас на кислую гримасу, а в последнем случае вы можете даже обидеться и сказать правоучителю: «Милостивый государь! объясните мне, чем я подал вам повод трактовать меня таким образом?»

Кажется, нет никакой надобности говорить, что «Литературный протест» против «Иллюстрации» не мог быть вызван первым из обстоятельств, на которые я указывал, т. е. нравственной неразвитостью самих протестовавших. Очевидно, что для них не мог быть спорным вопрос о том, гнусна или не гнусна клевета. Вследствие каких же побуждений они сочли нужным объявить самым положительным образом, что считают клевету презренной? Ясно, что это сделано для публики. Здесь-то мы, читатели, и видим самую мрачную, самую печальную сторону протеста. Что же это, в самом деле, — неужели наше общество упало так низко, стало так развратно, дошло до такой шаткости в своих нравственных понятиях, что лучшие люди литературы должны наконец писать к нему воззвания и руководящие статьи, имеющие целью доказать гнусность клеветы? Неужели так ужасно безнравственны стали люди, что уцелевшая от всеобщего развращения горсть избранников может не краснея, с полным сознанием своего достоинства догматическим тоном величавого авторитета провозглашать всенародно, что признает клевету гнусною, — и радоваться тому, что находит себе полсотни или полтысячи единомышленников? Неужто до такой степени нравственного безобразия дошло наше общество и литература? Благородство духа познается в том, что человек признает гнусность клеветы! И он рад, что стоит на такой высоте нравственности! Он спешит воспользоваться удобным случаем, чтобы поведать об этом миру! Ужасно...

Но вы, господа *протестанты*, смотрите на дело с другой точки зрения. «На литературе везде и всегда *лежит обязанность* обличать бездоказательные посягательства на честь и доброе имя», — говорит петербургский протест с утонченной учтивостью цивилизованного джентльмена. «В лице гг. Чацкина и Горвица оскорблено все общество, вся русская литература. *Никакой честный человек не может* оставаться равнодушным при таком позорном поступке, и *вся русская литература должна*, как один человек, с *негодованием* протестовать против него». Так выражается протест московский, тоном несколько грубоватым, но зато выражающим широту русской натуры. И вслед за предписанием: *должно* протестовать с *негодованием* (вспомните прописи: дети *должны* горячо любить родителей), следует подпись: нижеподписавшиеся с *негодованием* протестуют, и пр. Итак — вот в чем дело: эти господа в своем негодовании просто исполняют *долг* свой, *обязанность*, лежащую на литературе. Признаемся, мы, простые смертные, темные провинциальные читатели, не совсем понимаем *негодование по обязанности* и даже осмеливаемся думать, что никакие законы в мире не могут налагать на человека обязанности в известных случаях негодовать, а в других приходить в восторг или умиляться. О нас вы можете сказать,

Что мы не ведаем святыни,
Что мы не любим ничего...²⁷

Но что ни говорите, а выражение: «*обязанность с негодованием делать что-нибудь*» ничего не возбуждает в нас, кроме смеха.

Но я постараюсь стать на вашу точку зрения, постараюсь смотреть на дело как *протестант*. Литература обязана обличать клевету... т. е. по-московскому — *клевету*, а по-петербургскому — «*бездоказательное посягательство*». Разница эта должна быть замечена: петербургский протест говорит: «Мы не знаем лично гг. Чацкого и Горвица и не имеем с ними никаких отношений»; значит, он не утверждает, что взведенное на них обвинение несправедливо, он предполагает возможность правды в словах «Иллюстрации» и протестует только против *бездоказательности* обвинения. Московский протест имеет другой мотив; он говорит: «Иллюстрация» позволила себе *не просто бездоказательное обвинение, а клевету*, тем более возмутительную и наглую, что не представлялось ни малейшего повода к ней». Московский протест имеет, очевидно, положительные сведения, которых не имел петербургский. Жаль, что он не поделился ими с читателями; тогда бы дело обошлось проще. Но оставим это: дело не в сведениях, а в обличении... Итак — литература обязана обличать клеветы. С этим нельзя не согласиться. Действительно, все, являющееся в печати и подлежащее гласности, должно находить в литературе отзыв и в случае нужды опровержение и обличение. Так точно поступки чиновника находят себе суд прежде всего в его сослуживцах, деяние офицера — в однополчанах, купца — на бирже и т. д. Представим же, что я поймал моего товарища-чиновника в то время, как он брал взятку; на мне лежит обязанность обличить его перед общим судом; но обязан ли я, рассказав его поступок, прибавлять: «Господа, я признаю это неблагородным, с негодованием протестую против этого и думаю, что вы тоже должны с негодованием протестовать». Кажется, обязанность последней прибавки никакой нравственный закон на меня наложить не может, а чувство деликатности пред сослуживцами должно даже удерживать от нее. Вообще, если я поймал вора, убийцу на улице, обязан ли я, приведши его в суд, провозгласить, что считаю его поступок нехорошим? Сколько мне известно, нигде и никто этого не делает. При публичном производстве судебных дел в развитом нравственно обществе отовсюду сами являются к суду свидетели и все люди, имеющие что-нибудь сообщить по делу. Но где же являются в суд люди с криками: «Я протестую против преступления и от вас требую того же! Я считаю его дурным и неблагородным поступком, и все вы должны провозгласить, что со мной согласны». И вслед за тем раздаются вопли: и я тоже! И я тоже! И я тоже!..

Таким образом, *обязанность обличения* я не считаю исполненной в протесте. Если уже решились обратить серьезное внимание на глупо-наглую фразу и формально придать ей значение клеветы (чего вовсе не требовалось), то клевету следовало опровергнуть представлением положительных доказательств правоты обвиняемых. Но дело в том, что публика вовсе и не думала принимать эту действительно гнусную фразу серьезно. Мало того, сам г. редактор «Иллюстрации»²⁸ хотя в своем ответе на письмо г. Чацкого и выказал замечательную скудость сообразительности, отвергая прямой и вполне ясный смысл напечатанной им фразы, но тем не менее *от намерения оклеветать* гг. Чацкого и Горвица решительно отказался. Оставалось, сле-

довательно, только *бездоказательное посягательство*. Но оно могло быть достаточно обличено пред публикою простым указанием на фразы «Иллюстрации» и перепечаткою письма г. Чацкого или, еще лучше, только той части его, в которой не говорится о судебном преследовании и кулачном праве. Вы в «Современнике» почти так и сделали²⁹: но вы уж и это сделали напрасно: довольно было раз где-нибудь заметить эту фразу; что же носиться то с ней, как с каким-нибудь сокровищем? И во всяком случае, кроме простого указания для публики ничего больше и не нужно было. Негодовать или радоваться следовало, это она могла и сама понять, точно так, как судья, к которому притащили вора с поличным, поймет, что его не по головке гладить следует. Бывают, правда, и такие судьи, что воров по головке гладят, да что уж это за судьи? Я бы к таким и судиться и не пошел.

«Но мы это вовсе не для публики делали, а для самого дела», — возражаете вы, господа *протестанты*. Отлично! Но к кому же вы обращались то, перед кем протестовали? Ежели вы сделаете хоть малейший намек на то, что публику в этом деле отстраняете, то вы заставите нас же, читателей, вспомнить эпиграмму Пушкина: «Обиженный журналами жестоко...»³⁰ А нам этого не хотелось бы.

Я, впрочем, убежден, что протестанты даже и не думали о том, чтобы хотя один стих этой эпиграммы мог быть к ним приложен. Если некоторая применимость и имеет здесь место, то уж, верно, вышло это не от умысла, а скорее от недогадливой опрометчивости протестовавших. А в душе своей они неповинны ни в каких злоумышлениях. Даже напротив — вот как они выражаются о своем протесте: «Такой общий протест будет самым лучшим удовлетворением чести оскорбленных лиц и самым лучшим доказательством *здоровья той общественной среды*, которая собственным свободным актом поражает и отмечает всякое недостойное дело».

Не знаю, как вы лично на это смотрите; но от себя замечу (вовсе не для того, конечно, чтобы учить протестантов началам логики), что в заключении немножко больше сказано, чем в посылке. По логике, если в среде людей окажется один человек, страдающий заразительной болезнью, и все его начнут с воплями гнать от себя или сами с шумом и криком побегут от него, — то из этого нельзя вывести прямого заключения о том, что вся эта гнавшая или бежавшая среда — здорова. Скорее даже можно вывести заключение противное: известно, что больные бывают всегда раздражительнее и мнительнее здоровых.

Это я, впрочем, мимоходом заметил; спешу оговориться, чтобы не упрекнули меня, что я придираюсь к словам и не умею понять метафоры (метафора же, на беду, вышла не совсем удачною). Стараюсь снова стать на протестантскую точку зрения и перевести слова протеста на обыкновенный язык. По-моему, они имеют такой смысл: «Протест против «Иллюстрации» должен показать, что литераторы сами умеют беречь литературу и всегда готовы обличить, клеймить, опозорить того, кто из среды их решится на гнусный поступок. Все недостойное до такой степени им чуждо, что они не могут удержать своего негодования при виде позорного поступка и изливаются стремительным потоком протестов и обличений». Если принять слова протеста в таком смысле, то следует заключить, что русская литература

с сего дня принимает на себя высокую, хотя и тяжкую обязанность — на каждое безправственное явление литературы отзываться, что *«это не хорошо»*. Труд похвальный, но весьма изнурительный, если на каждый раз нужно будет тратить столько негодования, сколько на этот раз потрачено его против «Иллюстрации». Кроме того — труд этот на практике окажется совершенно неблагодарным, вследствие бесконечного разнообразия форм, под которыми может укрываться подлость³¹ и злонамеренность (и чем подлее, тем укрывается искуснее)... Нас, публику, возмутила, напр., статейка, в которой Иванов обвинялся как тунеядец, даром бравший пенсию за то, чего не умел сделать³²; но теперешние протестанты молчали. Нас возмутила, напр., выходка в 239 № «СПб. ведомостей» против «Русской беседы» какого-то г. Н. Н.³³, который сделал такую заметку: «помещая статью «Модный чиновник», напрасно редакция «Беседы» боится, что враждебные ей журналы и газеты обвинят «Беседу» в том, что она вступает за взяточничество и за старых подъячих»... С какой это стати вздумалось «Беседе» делать такую неуместную и ничем не вызванную оговорку? разве по пословице, что «на воре и шапка горит!» («СПб. в.», 1858 г. № 239, стр. 1401). Протестантов это не возмутило. Выходки разных листков, называвших надувалами и мошенниками издателей «Весельчака», выходки самого «Весельчака», купно с «Сыном отечества»³⁴ никого не возмущали. Отчего же это? неужели так будет и впредь? Вы скажете, что то уж не литература, что на то не стоит обращать внимания. Да позвольте, однако ж, ведь то и другое — равно *печатное слово*. Да и чем же какой-нибудь «Знакомый Человек» лучше какого-нибудь г. Нестерова, Львова, Ижицына³⁵ и т. п.?.. Можете сказать нам словами московского протеста, что там были «просто бездоказательные обвинения, просто недостойные намеки, которые могут вырваться в жару спора у человека, увлеченного фанатизмом мнения или не вполне развитого в нравственном отношении». Да ведь это значит, что вы уж гоняетесь за словами. Значит, по-вашему не следовало бы протестовать, и все дело изменилось бы, если бы «Иллюстрация» выразилась, напр., таким образом: «наша статья вызвала, конечно, оппозицию со стороны агентов г. N, не жалеющего золота для своего прославления... В литературе такую оппозицию представили два (без всякого сомнения в высшей степени бескорыстные!) еврейские литератора — гг. Чацкий и Горвиц». Смысл остался бы тот же, но клеветы бы не было, а оставался бы только *недостойный намек*. То же бы слово, значит, да не так бы молвил. Весь этот шум, видите, поднялся из-за того, что человек не сумел выразиться, как следует, потому что такими «способностями бог его не наградил». *Usus practicus** протеста, стало быть, заключается в следующем: «умей воровать, да умей и концы хоронить».

Да что уж... если на то пошло, то я представляю сейчас такую вещь, которой и концы-то были в руках протестантов — и они все-таки промолчали.

Еще раньше, чем обвинять г. Чацкого и Горвица, «Знакомый Человек» обвинил в подкупе какого-то французского фельетониста. В № 35 «Иллюстрации» он написал, что N «так повел дело между парижскими журналистами, что в одной газетке превознесли государственные заслуги его» («Ил.» 35, стр. 157).

* Практика, обычай (лат.) — *Ред.*

Может быть, и тут был *только* недостойный намек; но г. Чацкий, сам Чацкий! — потрудился растолковать его и, нимало не возмущаясь бесцеремонным обращением «Знакомого Человека» с печатным словом, напечатал в ответ ему в «Русском вестнике» следующее: «Положим, что г. *N* действительно разбогател нечестными путями и потом *стал покупать себе незаслуженные похвалы во французских газетах*, — что же из этого можно вывести, и пр. («Р. В.», № 18, стр. 134). После этого в 47 № «Иллюстрации» г. редактор ее подтвердил, что действительно французский фельетонист «был, вероятно, подкуплен г. *N* для прославления его имени во французской газете» («Илл.», № 47, стр. 351). Вот тут бы уместнее было воскликнуть: «мы не знаем французского фельетониста, но на литературе всегда лежит обязанность», и пр. А протестанты (тут уж вас лично я не имею в виду) даже в протесте своем перепечатали («Р. В.», № 21, стр. 132) из статьи г. Чацкого те слова, в которых он повторяет недоказанное обвинение. И не подумайте, чтобы эти слова перепечатаны были с целью выставить новый позор «Знакомого Человека»; вовсе нет, — и г. Чацкий и все протестанты смотрят на это последнее обвинение совершенно спокойно, даже как будто не замечают его... Что же это значит? Они взялись очищать русское печатное слово, отменяя все недостойное, и с первого же раза показывают такую слабость!..

Они думают, кажется, что и одного разу довольно. Казним, дескать, «Иллюстрацию» в пример современникам и потомкам, другие-то и побоятся. «Да послужит этот протест, — манифестальным тоном говорят они, — примером и предостережением для будущего и да оградит он навсегда нашу литературу от подобных явлений». О, боже мой! Зачем я должен разрушать приятное заблуждение людей, говорящих манифестальным тоном? С душевным прискорбием извещаю вас, гг. протестанты, что протест ваш не послужил... и не предостерег... и не оградил... В 47 № «Иллюстрации», 27 ноября, через день после появления вашего первого протеста, г. Вл. Зотов объявил, что позорная фраза, на которую вы указываете, «относится не прямо к г. Чацкину, а к г. Горвицу и другим». Пишите новый протест, господа, и поставьте, чтоб он был сильнее прежнего... Правда, за г. Горвица вы уж протестовали, вступаясь за г. Чацкого; но теперь за *других-то* надо восстать. Повторите всенародно, что хотя вы *других* и не знаете (уж конечно — не знаете), но что неуважение печатного слова признаете неблагородным. — Непременно, господа, протестуйте. Ведь никакой честный человек не может «оставаться равнодушным при таком позорном поступке!» изливайте же скорее ваше негодование... Иначе г. Вл. Зотов с «Знакомым Человеком» будут торжествовать и смеяться над вами!

Но что я говорю *будут*. Они уже торжествуют, они уже смеются. Между тем как вы истощаете все силы души своей на уверение нас, невежд и дикарей, в том, что клеветать гнусно; между тем как вы находите себе полтора ста единомышленников, с важностью повторивших ваше замечательное мнение, — г. Вл. Зотов не дремлет: он торжественно объявляет, что вы все подкуплены! В корреспонденции 50-го № «Иллюстрации», 18 декабря, он напечатал:

«Г. Ф — у. Мы весьма благодарны вам за известие о происках *N* в Москве и никогда не сомневались в том, что дело это не совсем бескоры-

с т н о со стороны лиц, толкующих единственно о *невещественной стороне* вопроса. Всякий понимает, что излишняя настойчивость делается ребячеством или *имеет свои выгоды* в том, чтобы тянуть дело, уже разъясненное».

Как вам нравится, господа протестанты, этот *поступок* г. Вл. Зотова? Неужели вы не повторите друг за друга, с вящшею силою, что «хотя вы друг друга и не знаете и не имеете между собою никаких отношений, но что честь печатного слова и пр. ... как известно». Нет, господа, это будет уж непростительная слабость с вашей стороны. Подумайте, что из 150 имен, составляющих вашу фалангу, по крайней мере 77 есть таких, о которых мы, публика, ровно ничего не знаем, и которые, следовательно, нуждаются в вашей защите не менее гг. Чацкина и Горвица... А ведь г. Зотов всех повальню обвиняет. Не боясь ни кулачного права, ни судебного процесса, ни публичного позора, он стоит на своем, и знать ничего не хочет. Даже таинственные незнакомцы, появившиеся в «Русском вестнике»³⁶, не пугают его. Не говоря уже о гг. Вольском, Михалкине, Чарыкове, Савурском, Подчаском, Млодзеевском, Дзюбине и т. п., сам князь Шаликов, сам Ф. Тимирязев, сам Я. Ростовцев, даже сам Я. Борзенков, даже больше — сам г. Мантейфель не устрашают его*. Да что уж говорить о единицах! Даже двукратно и троекратно повторенные незнакомцы не производят на него ни малейшего впечатления. Он совершенно равнодушно смотрит на то, что против него подписываются Д. Хомяков, И. Хомяков, С. Хомяков (отчего же тут нет А. Хомякова?)³⁷, и даже сами гг. Милеанты (В. Милеант и Е. Милеант) едва ли произвели на него особенное впечатление. Видно, что у него кременный характер! Другого бы, кажется, слеза прошибла... Да, признаюсь, мне самому было сначала трогательно, во-первых, потому, что я видел все-таки великое *общее дело*, которым наши потомки поминать нас будут; во-вторых, мне приятно было заметить, что у нас уже некоторые понятия нравственные выработались и установились до того, что в принятии их сходятся люди всех партий и направлений, — г. Кавелин с гг. Никитой Крыловым, С. Шевыревым и В. Лешковым, г. Чернышевский с Ф. Булгариным³⁸ и г. Н. Львовым, и пр. и пр. Кроме того, мне и вообще было приятно узнать, что, напр., гг. Милеанты, В. Милеант и Е. Милеант, — не одобряют клеветы, равно как и гг. А. Арсеньев и И. Арсеньев, А. Наумов и Д. Наумов. Мне казалось, что со стороны, напр., г. Ф. Тимирязева, М. Ранга, Э. Циммермана и т. д. было очень благородно и отважно выступить перед публикою с заявлением своего негодования против поступка «Иллюстрации». Но г. В. Зотову, по-видимому, вовсе нет нужды до того, что о нем думают гг. Милеанты и сам А. Мантейфель. Надо на него напустить кого-нибудь пострашнее да побольше. А странное дело, в самом деле, список-то с виду страшен и велик; а как всмотришься, так в нем ужасно многих из известных в литературе имен не досчитаешься: все больше господами Милеантами наполнен. Неужто же остальные-то одобряют г. Зотова и поступок «Иллюстрации»? Отчего же они не заявили своего согласия? Или вопрос надо иначе оборотить и спросить: по каким же, наконец, побуждениям *именно эти 150 человек* поспешили обнародовать свое благородное

* Все означенные фамилии не вымышлены, но действительно находятся в списке лиц, протестующих против «Иллюстрации» в «Русском вестнике».

мнение о поступке «Иллюстрации»? Сама «Иллюстрация» говорит, что все подкуплены, и это должно заставить вас напустить на г. Зотова с новой силой!.. Клич кликните, да откройте особый отдел во всех журналах для помещения имен, протестующих против «Иллюстрации». Наберутся, авось!... А то ведь нехорошо, если вы ослабеете, замолчите и оставите поле битвы г. Зотову и «Знакомому Человеку»: как раз какой-нибудь насмешник (мало ли их на свете) вдруг приложит к вашим деяниям, совершенным доселе, слова Репетилова, помните, когда он говорит Чацкому между прочим:

Литературное есть дело...

Оно, вот видишь, не созрело...

Нельзя же вдруг...³⁹

Перед этими стихами есть еще несколько таких ⁴⁰, что я не видывал человека, который бы не покраснел, когда их к нему применяют... А их к вам применяют наверное, если вы теперь отступитесь от своего дела: теперь уж надо доканчивать.

Ваше дело еще не доделано до сих пор.

Но все-таки вы, разумеется, поступили благородно: не имея силы казнить умных и грамотных господ, искусных на прикрытие своих злостных и бессовестных клевет, вы облегчили свое сердце, напав по крайней мере на то, что вам по плечу, — на малограмотного, плохо владеющего слогами писакку, который, желая уколоть противника, сказал больше, чем сам, может быть, хотел... И то хорошо и благородно!.. Притом же вы защитили г. Чацкого. Он должен быть вам благодарен. Только — знаете ли что? — я вспоминаю, по поводу всего дела об «Иллюстрации», одну сцену из рассказа Тургенева «Чертапханов и Недопюскин» ⁴¹. Помните, когда над Недопюскиным начинает глумиться какой-то нахал, и среди общества, потешающегося смущением забитого Недопюскина, раздается резкий голос Чертапханова: «перестаньте, стыдно», и потом Чертапханов заставляет нахала извиниться пред собою и пред Недопюскиным... Нет сомнения, что Чертапханов поступил храбро и благородно... Недопюскин должен был быть очень счастлив, что нашел такого прекрасного заступника... Но, — не знаю, как вы, гг. протестующие литераторы, — а я не завидую находке Недопюскина, я бы не желал быть на его месте. Даже скажу больше — мне было бы неловко поставить кого-нибудь в положение Недопюскина. Недопюскин всю свою жизнь был жертвою и шутком, его самолюбие нимало не оскорбилось заступничеством Чертапханова. Но встречаясь в обществе и литературе с людьми, которых я считаю равными себе, я едва ли решусь принять на себя роль Чертапханова — частию из деликатности пред этими людьми, частию из уважения к самому обществу и литературе...

Впрочем, и то сказать — я-то о чем растолковался? Самому доведись на вашем месте быть, так ведь тоже бы подписал... Да и как же уклониться от такого дела, в котором, по объявлению протестующих, всякий честный человек *должен* участвовать? Ведь это значит расходиться с честными людьми... так зачем же с честными людьми расходиться? Отчего им не сделать угодное? Ничего, можно... Если бы меня хороший человек стал допрашивать о вещах, всем известных, и уверять, что я *должен* ответить, так отчего же и не ответить? — Волжский ли разбойник был Стенька Разин? — Волжский! —

Золото дороже ли серебра? — Дороже! — Должно ли поощрять разбой на больших дорогах? — Не должно! — Гнусно ли поступила «Иллюстрация», оклеветав гг. Чацкина и Горвица? — Гнусно. — Следует ли желать, чтобы таких явлений в русской литературе не было? — Следует. — Протестуете ли с нами против поступка «Иллюстрации»? — Протестую, самым положительным образом протестую, — воскликнул бы я вдохновенно и подмахнул бы свою фамилию...

Ставши на такую точку зрения, я дохожу до того, что даже вообще одобряю протест.

Но я все-таки чувствую, что мое легкомысленное обращение с вопросом такой важности должно вызвать на меня бурю, от которой уже ничто не спасет. А ведь все отчего? Оттого, что я лишен способности представить себе стакан воды в виде моря... Ах боже мой! Что только со мною будет? Что заговорят обо мне гг. Милеанты? Г. Пикулин что скажет?

Ах, боже мой! Что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна?... ⁴²

Примите, милостивые государи, и пр.

Нижний Новгород.
30 дек. 1858 г.

Д. Свиристелев.

V

ПРОЕКТ ПРОТЕСТА ПРОТИВ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Помещая дерзкое и нимало не остроумное письмо г. Свиристелева, мы представляем на суд публики только его личное мнение; но считаем нужным заметить, что оно не делает чести уму и сердцу автора.

В доказательство же твердости и постоянства наших убеждений относительно протестов мы предлагаем всем, протестовавшим против «Иллюстрации», протестовать на сей раз против поступка «Московских ведомостей» с г. Шевыревым.

Дело вот в чем.

В 284 № «СПб. вед.» 31-го декабря 1858 г. помещены были очень плохие вирши г. Шевырева «Учредителям библиотеки в городе Белеве». Но дело не в виршах, а в том, что под ними была приписка г. Шевырева следующего содержания:

«Декабря 27-го 1858 года назначено было открытие публичной городской библиотеки в городе Белеве, Тульской губернии, учреждаемой в память В. А. Жуковского, как уроженца села Мишенского, которое лежит близ Белева, и проведшего первые годы своей юности в этом городе. Желая подать из Москвы отголосок такому прекрасному делу граждан г. Белева, я написал это стихотворение и посвятил его гг. учредителям библиотеки. Оно было отправлено 25-го декабря к г. Коршу, редактору «Московских

ведомостей»⁴³, с просьбою *напечатать* его в субботнем номере, который должен был выйти 27-го декабря, *в самый день открытия библиотеки*. Г. Корш отвечал мне, что он, приняв за правило *не печатать никаких стихов* в «Московских ведомостях», к сожалению *никак не может исполнить моего желания*. Таким образом, *мысль моя подать отголосок из Москвы Белеву в таком прекрасном деле в самый день его совершения и возбудить сочувствие к нему в жителях Москвы — не могла быть исполнена*.

В интересе истины и добра литература должна пользоваться возможно большею свободою при изъятии мыслей и чувствований. «Чем полнее и беспрепятственнее гласность (повторим драгоценные слова протеста), тем лучше и для литературы и для жизни». Хорошо ли же поступили «Московские ведомости», не давши г. Шевыреву обнародовать его чувствования *в самый день открытия библиотеки*? Напечатанные чрез три дня вирши г. Шевырева не могли уже принести ему такого удовольствия, какое могли бы доставить, если б появились *в самый день*... И под каким пустым предлогом г. Корш отказал г. Шевыреву! «Моск. вед.» не печатают стихов! Во-первых, это не верно: в них помещались стихотворения гг. Бенедиктова, Вяземского, М. Дмитриева и даже в недавнее время были напечатаны стихи Хераскова⁴⁴. Конечно, Херасков не чета г. Шевыреву; но тут главное не в качестве стихов, а в намерении писавшего. Ведь убогих принимают же в богадельню; отчего же бы и вирши г. Шевырева не принять в газету? Да, наконец, если бы уж и в самом деле ни одного стиха в «Москов. ведомостях» не появлялось, так все же для г. Шевырева можно бы сделать исключение, потому что стихи его хуже всякой прозы⁴⁵.

Из всех этих соображений очевидно, что поступок редакции «Московских ведомостей» против г. Шевырева подлежит протесту. Мы не знаем г. Шевырева⁴⁶ и не имеем с ним никаких отношений; но в лице его оскорблены права всех стихокропателей и следовательно всех юношей. Никто из них не может оставаться равнодушным при таком событии и обязан почувствовать сильное негодование и протестовать против поступка «Московских ведомостей».

Все протестующие могут присылать свои имена и фамилии к дворнику того дома, в котором живет таинственный любитель⁴⁷, издавший драматическую пародию г. Аксакова «Олег под Константинополем» (см. Библиографию этой же книжки «Современника»).

VI

Желая доказать на деле наш образ мыслей относительно стихокропателей, мы помещаем здесь, по просьбе автора, стихотворения г. Конрада Лилиеншвагера, о котором наше мнение известно публике⁴⁸.

МОТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

1

СОВРЕМЕННЫЙ ХОР

(Посвящается всем знающим дело)

Слава нам! В поганой луже
 Мы давно стоим.
 И чем далее, тем хуже
 Все себя грязним!
 Слава нам! В грехах сознанье
 Мы творим, смеясь,
 И слезами покаянья
 Мы разводим грязь.

Гордо, весело и прямо
 Всем мы говорим:
 «Знаем мы, чем пахнет яма,
 В коей мы стоим...»
 Смело мы теперь смеемся
 Сами над собой
 И без страха окунемся
 В грязь — хоть
 с головой...

2

ВСЕГДА И ВЕЗДЕ ⁴⁹*(Посв. гг. Надимову, Волкову, Фролову, Фолянскому и подобным)⁵⁰.*

Я видел муху в паутине,
 Паук несчастную сосал;
 И вспомнил я о господине,
 Который с бедных взятки брал.

Я видел червя на малине,
 Обвил он ягоду кругом;
 И вспомнил я о господине,
 На взятки выстроившем дом.

Я видел ручеек в долине,
 Виясь коварно, он журчал;
 И вспомнил я о господине,
 Который криво суд свершал.

Я видел деву на картине,
 Совсем нага она была;
 И вспомнил я о господине,
 Что обирал истцов до тла.

Я видел даму в криволинии,
 Ей ветер платье поддувал;

И вспомнил я о господине,
 Что подсудимых надувал.

Я видел Фридберг в «Катарине» ⁵¹,
 Дивился я ее ногам,
 И вспоминал о господине,
 Дающем ложный ход делам.

В салоне молодой графини
 Я слышал речи про добро,
 И вспоминал о господине,
 Что делом фальшит за серебро.

Лягушку ль видел я в трясине,
 В театре ль ряд прелестных лиц,
 Шмеля ли зрел на георгине,
 Иль офицеров вокруг девиц,

Везде, в столице и в пустыне,
 И на земле, и на воде,
 Я вспоминал о господине,
 Берущем взятки на суде!..

3

МЫСЛИ ПОМОЩНИКА ВИННОГО ОТКУПА

Еще откуп имеет поборников,
 Но могу на него я восстать ⁵²;
 Генерал Сидор Карпович Дворников ⁵³
 Сам уж начал его порицать.

Признаюсь, я давненько, действительно,
 Злобу к откупу в сердце питал,

Хоть доселе ни слова решительно
 Никому про него не сказал.

Низко кланялся я цаловальникам
 И поверенным тонко я льстил,
 (Подражая ближайшим начальникам),
 Но теперь — генерал разрешил.

Поощрение его генеральское
Влило бодрость и силу в меня:
Откупов учреждение канальское
Я клянусь среди ночи и дня.

В нем для публики всей разорение,
В нем великий ущерб для казны,
В нем и нравов народных растление,
В нем позор и гибель страны.

Поражать речью дерзкой, открытою
Буду я молодцов откупных,

Посмеюсь я над кастой побитою,
Зло старинное вылью на них.

Говорить и браниться язвительно
Поощрил меня сам генерал.
Хоть все кажется мне, что внушительно
Вдруг он скажет: «молчи, либерал!»

Что ж? Ему эти вещи известнее:
Нам он может всегда приказать.
Коль наскучим ему нашей песнею,
Долг его — приказать нам молчать...

Конрад Лилиеншвагер.

СВИСТОК

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

2

КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

При самом первом, еще не твердом шаге своем на поприще общественной деятельности, встреченный всеобщим негодованием серьезных деятелей науки и литературы, «Свисток» внезапно умолк, подобно робкому чижу, изображенному славным баснописцем, Иваном Андреевичем Крыловым, в басне его сочинения: «Чиж и Еж». Отличаясь скромностью, неразлучною с истинным достоинством, «Свисток» безропотно покорился приговору строгих судей, признавших его недостойным *настоящего времени*, когда возбуждено так много общественных вопросов. И скромность его не осталась без возмездия: он имел удовольствие видеть, как отсутствие его при второй книжке «Современника» поразило грустию чувствительные сердца читателей; он имел редкое на земле наслаждение — убедиться, что непоявление его и при третьем номере журнала повергло публику в мрачное отчаяние. Но, проникнутый гуманностию современной эпохи, «Свисток» скоро сознал, что радость о людских огорчениях противна всем нравственным законам, и вследствие того решился доставить себе наслаждение более чистое и возвышенное, и притом более сообразное с естественными наклонностями его натуры: он решился вновь явиться пред публикою, чтобы видеть ее непритворную радость при его появлении. Вся природа благоприятствует его намерению и, кажется, с нежною улыбкой благословляет его на деятельность. «*Шествует весна*» по выражению поэта; «*берега расторгают лед*», по выражению другого поэта; хотя «*еще в полях белеет снег*»¹, по замечанию третьего поэта. Все творение оживает и наполняется звуками; скоро прилетят птички, будут благоухать цветы, просвещение быстрым потоком разольется по необъятной России... Кто может молчать при виде таких отрадных событий! «Свисток» ли? — Нет!...

I

МОТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

(Отдавая дань природе, мы даем первое место благородной и исполненной смелых идей поэме г. Лилиеншвагера: «Четыре времени года». Этот поэт-мыслитель замечателен особенно тем, что природа со всеми своими красами для него, собственно говоря, не существует сама по себе, а лишь служит поводом к искусным принарождениям и соображениям, почерпнутым из высшей жизни духа. В новейшее время лучшими нашими критиками признано, что природа лишь настолько интересует нас, насколько она служит отражением разумной, духовной жизни. С этой точки зрения должен быть признан огромный талант в г. Лилиеншвагере, который, как сам признается, «всем явлениям природы придает смысл живой», никогда не пускаясь в простое, бесплодное поэтизирование неразумных явлений мира. Поэзия его должна составить новую эпоху в нашей литературе: нельзя без особенного чувства читать стихотворения, в которых поэт при виде весны размышляет об английском судопроизводстве или, отморозивши себе нос, с отрадою предается историческим воспоминаниям о двенадцатом годе. До сих пор только г. Розенгейм приближался несколько к такой высоте, да еще разве гг. Майков и Бенедиктов² в некоторых стихотворениях давали слабые намеки на подобную гражданскую поэзию. Прочитавши поэму г. Лилиеншвагера, читатели согласятся с нами, что к нему более, чем к кому-нибудь, можно приложить слова г. Дружинина (в «Библиот. для чтения», 1859 г., № 1) о г. Майкове: «Он сумел проложить себе дорогу и в мире высоких помыслов доискаться того лиризма, которым натура его не была богата».)³

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

1

ВЕСНА⁴

Боже! Солнце засияло,
Воды быстро потекли,
Время теплое настало
И цветочки расцвели!

Жизнью, светом всюду веет,
Мысль о смерти далека,
И в душе идея зреет
Поэтично высока!

Так законов изученье
Свет и жар нам в сердце льет

И свободное течение
Нашей мысли придает.

Так в разумном вертограде
Правых английских судов
Расцветает, пользы ради,
Много нравственных цветов!...

Всем явлениям природы
Придавая смысл живой,
К солнцу правды и свободы
Возношусь я так весной! —

2

ЛЕТО⁵

Иду по ниве я, смотрю на спелый колос,
Смотрю на дальний лес и слышу звонкий голос
Веселых поселян, занявшихся жнитвом
И живописно так склоненных над серпом...

Иду и думаю: так нравственности зерна,
Так мысли семена пусть вырастут проворно
На ниве нравственной России молодой
И просвещения дадут нам плод благой.

Пусть увидим мы, пока еще мы живые,
На невещественной, духовной нашей ниве
Духовный хлеб любви, и правды, и добра,
И радостно тогда воскликнем все: ура!...

3

ОСЕНЬ

Ветер одежду зеленую
С дерева рвет,
Все в эту пору студеную
Вянет и мрет.

Так над главой благородною
Годы мелькнут,
И украшенье природное —
Кудри — сорвут.

Но и с главой обнаженной
Дуб вековой,
Полон своей непреклонною,
Мошной красой.

Но и с главою плешивою,
Силен душой,
Будет он горд пред ленивою,
Глупой толпой...

Крепкий корней своих
 твердостью,
Он без листов
Ждет с благородною
 гордостью
Бурь и ветров.

Он не наденет, с плачевною
Миною, парик;
Но красотою душевною
Будет велик.

4

ЗИМА

Зима холодная! Тебя в укор нам ставят
Те, кои чуждое все неразумно славят.
Но мне приятнее родимая зима,
Чем пресловутая Италия сама.
Невольным образом наш холод жесточайший
Напоминает мне о родине дражайшей.
Идя по улице и отморозив нос,
С отрадою всегда припомнишь тот мороз,
Что нам в двенадцатом году помог французов
Прогнать и перебить, как самых жалких трусов.
Тогда вся кровь во мне кипит на холоду;
Я сам тогда живу в двенадцатом году,
Не чуя холода, ни ветра завываний,
Полн исторических, родных воспоминаний....
Дрожь в теле чувствуя, пылаю я душой

И родину люблю сильнее я зимой.
Я гордо сознаю тогда душою мощной,
Что Русь действительно есть исполин полнощный!...

Конрад Лилиеншвагер.

II МЫСЛИ О ДОРОГОВИЗНЕ ВООБЩЕ И О ДОРОГОВИЗНЕ МЯСА В ОСОБЕННОСТИ

Известно, что были времена, когда ученые, как и поэты, решительно не имели понятия о том, что значит слова *дорого* и *дешево*: они ничего не покупали, потому что никогда не имели ни копейки денег. Но эти блаженные времена прошли. Теперь ученые, заботясь о применении науки к жизни, весьма интересуются дороговизной и беспрестанно печатают о ней статьи. Но статьи их, как и следовало ожидать, отличаются чрезвычайною мрачностью и даже каким-то ожесточением (вероятно вследствие того, что у них денег-то все-таки не много). По их словам, дороговизна есть что-то не только дурное в настоящем, но даже и в будущем; они толкуют о бедствиях человечества, о возвышении заработной платы, об увеличении жалованья для предотвращения страшных зол от дороговизны... Иные доходят до того, что предполагают возможными подкупность чиновников и взяточничество как следствия дороговизны. Безрассудные! Они не понимают, что честный человек всегда останется честным⁶ и скорее умрет, нежели возьмет взятку! Они полагают, что нужно честным людям давать средства к безбедной жизни, для того чтобы они не воровали на службе! Какое жалкое недоверие к нравственному величию человеческой природы! какое непонимание свойств истинной добродетели! Близорукие ученые забывают, что добродетель именно и познается в трудных испытаниях, что без борьбы нет подвига! Не диво, ежели чиновник не будет брать взятку, имея достаточное жалованье: тут и заслуги никакой не будет... А вот поживи-ка с маленьким жалованьем, перенеси дороговизну и останься бескорыстным: вот тогда будет за что похвалить тебя!.. С этой (весьма возвышенной, кажется) точки зрения нужно желать, чтобы дороговизна продолжалась как можно долее и постоянно возвышалась.

Но, к утешению человечества, не все ученые представляют дороговизну в мрачном виде. Люди, посвятившие себя разрешению промышленных вопросов, рассуждают о ней очень разумно. Так, в «Вестнике промышленности»⁷ мы с радостью нашли заметку, в которой дороговизна мяса причисляется к отрадным явлениям нашего экономического быта... так-таки этими самыми словами и причисляется. «Одна из главных причин возвышения цен на мясо не только в столицах, но и во всей России (говорит «Вестник») есть всеобщий мир и прекращение рекрутских наборов, почему подобную дороговизну относим мы к отрадным явлениям нашего экономического быта» («Вест. пром.», 1859 г., № 1, стр. 8—9). Ясно? Радуйтесь же: причина зла найдена,

а известно, что узнавание корня зла уже включает в себе возможность его уничтожения, по крайней мере в теории. Итак, по «Вестнику промышленности», одна из главных причин, а следовательно и одно из главных средств к устранению дороговизны — открыто. Хотите, чтобы мясо стало дешевле? Начните войну и произведите рекрутский набор, вот и все! Да и зачем же ограничивать открытие «Вестника» одним мясом? Он утверждает, что война и набор заставляли крестьянина делать экстренные расходы, и потому он продавал свою корову; оттого их и много было в продаже. Да отчего же непременно корову? Для экстренных расходов крестьянин мог продавать и лошадей, и телегу, и кафтан, и хлеб, и свои собственные руки (если мог располагать ими); следовательно, рекрутский набор может произвести всеобщую дешевизну: не мясо только, а хлеб, и работа, и мануфактурные произведения, словом — все будет дешевле... только рекрутский набор произведите. Но вы не хотите набора? В таком случае радуйтесь дороговизне, признавая ее *отрадным явлением* нашего экономического быта... Во всяком случае — или рекрутский набор, или дороговизна: выход из этой дилеммы невозможен...

Впрочем, прекращение рекрутских наборов составляет только *одну из главных*, а не *единственную* причину дороговизны. Есть и другие причины, на которые указывает г. И. Л. в «С. Петербургских ведомостях» (№ 50). По мнению его, провизия в Петербурге возвышается в цене *оттого, что портится*. Вот собственные выражения г. И. Л.: «Нельзя (в Петербурге) долго и хорошо сохранять провизию, *которая скоро портится, а от этого возвышается в цене*». То есть: как только провизия испортится, так по этому самому и возвысится в цене!.. Очень правдоподобное заключение.

Другая причина дороговизны, указанная г. И. Л., состоит в том, что ныне наличная единица монеты слишком велика. «*Все,— говорит,— привыкли к денежным единицам — копейке и рублю, но эти единицы возвысились теперь в $3\frac{1}{2}$ раза*». Эта мысль особенно замечательна по своей простоте и вместе по глубокому политико-экономическому смыслу. В самом деле: фунт говядины стоил, напр., 14 копеек меди; вдруг введен счет на серебро; выходит, что фунт должен стоить всего 4 копейки. Но привычка — вторая природа; все считают копейки и рубли по-прежнему и продолжают продавать и покупать говядину по 14 копеек, не замечая, что это на ассигнации составит уже 49 коп. Стало быть, стоит только ввести опять курс на ассигнации, и все мгновенно подешевеет. Теперь уже привычка к новому счету на серебро сделана всеми; след. и при новом курсе цены на все предметы останутся те же: за фунт говядины будут по-прежнему платить 14 копеек, а между тем в сущности-то он будет стоить уже только 4 копейки. Таким образом покупатели сократят все свои издержки в $3\frac{1}{2}$ раза, а торговцы будут воображать, что получают за свой товар те же самые деньги, что и прежде. Обе стороны, значит, будут довольны. А между тем как это просто!

Возразят, конечно, что «купцы наконец могут заметить разницу между прежним курсом и новым и станут все продавать дороже». Но этого сделать они не могут; иначе лишатся всех покупателей. Напр., теперь четверть овса стоит четыре рубля; извозчики и этой ценой тяготятся и говорят, что при такой дороговизне «не больно раскормишь лошадь». Вообразите же, что вдруг, по новому курсу, потребуют с извозчика 14 рублей! Само собой разумеется,

что он придет в ужас и вовсе не купит овса: продавцу необходимо спустить цену, чтобы не отогнать от себя всех покупателей. Следовательно, хотя нельзя думать, что при новом курсе овес будет стоить всего только четыре рубля ассигнац., но с вероятностью можно предполагать, что нормальная цена овса остановится рубль на пяти или шести. На видимую прибавку рубля или двух покупатель, вероятно, согласится, сообразив, что чрез это у него в самом-то деле сохраняется восемь или девять рублей в кармане.

Очевидно, что мысль г. И. Л. практична и доказывает глубокое изучение им законов политической экономии. В одном только можно упрекнуть его: он не доканчивает своего дела и останавливается на половине дороги. Нам кажется, что, ставши на точку зрения г. И. Л., можно все предметы удешевить почти до степени даровщины. Что мешает, напр., назвать копейку рублем, а рублевые бумажки переименовать в сторублевые? В сущности положение финансов не переменится: но зато в жизни какая разница!.. Теперь, напр., фунт чаю стоит 3 руб.; ведь не может же быть, чтоб при новом курсе купец не посовестился запросить с вас *триста* руб. за фунт чаю! Да если и запросит, то вы можете с негодованием возразить ему, что таких цен не бывает, что он сошел с ума, что чай всегда продавался по три рубля... Он, конечно, станет вам уступать, и довольно легко вам будет сойтись на десяти, много — одиннадцати рублях... А в самом-то деле ведь это будет составлять только одиннадцать *копеек*!.. Математически можно доказать, что подобная мера в весьма короткое время возвысит народное благосостояние во столько раз, насколько единиц увеличена будет номинальная ценность монеты.

Итак:

- 1) Рекрутские наборы прекратились, и оттого мясо вздорожало.
- 2) Провизия скоро портится, и от этого возвышается в цене.
- 3) Все платят серебром то же самое, что прежде платили ассигнациями, и оттого все обходится дороже.

Отсюда — для отвращения дороговизны необходимо:

- 1) делать сколько возможно чаще рекрутские наборы;
- 2) делать большие подвозы порченной провизии: по законам политической экономии, когда предложение порченной провизии будет очень велико, тогда порча не будет слишком возвышать ее цену;

- 3) переименовать четвертаки в рубли или еще лучше — копейки назвать рублями.

Тогда все подешевеет. Это ясно ...

III О ДОПОТОПНОМ ЗНАЧЕНИИ ЛАЖЕЧНИКОВА

(Исследования г. Ап. Григорьева)

Спешим известить наших читателей о новом труде, предпринятом известным критиком нашим А. А. Григорьевым. В одной из критических статей своих ⁸ в прошлом месяце г. Григорьев возвестил, что он занимается исследованиями *о допотопном значении Лажечникова*. Из нескольких строк, мимоходом сказанных критиком по этому случаю, трудно сделать определенное заключение о содержании и смысле его изысканий; но самая новость и необычайность предмета должна уже возбудить любопытство публики. Особенно интересно то, что критик нашел в г. Лажечникове совершеннейший допотопный тип ⁹; по его словам, Лажечников есть не что иное, как *«полнейшее оправдание мысли о допотопных организациях в мире искусства»*. К сожалению, г. Григорьев не сообщил еще подробностей своих изысканий о г. Лажечникове, а только обещает изложить их в одной из следующих статей. *«Допотопное значение Лажечникова, — говорит он, — будет ясно, когда я буду говорить о народности и об отношении к ней критического сознания»* («Рус. слово», 1859 г., № III, Крит., стр. 27, строка 20 и сл.). С нетерпением ожидаем рассуждений критика нашего «о народности и об отношении к ней критического сознания», долженствующих сделать для нас ясным допотопное значение г. Лажечникова... Результаты, добытые г. Григорьевым в этом удивительном вопросе, не преминем сообщить читателям; а до тех пор просим и их самих вдуматься в необычайность открытия о значении Лажечникова *до потоп*!

IV РАСПИСКА г. БЕШЕНЦОВА В ПОЛУЧЕНИИ...

В «Современнике» помещена была рецензия стихотворений г. Бешенцова ¹⁰. В удостоверение, что рецензию эту читал, г. Бешенцов прислал нам стихотворение «По поводу рецензии» при следующих строках: «Препровождая при сем стихотворение, написанное мной, по случаю рецензии, прошу покорнейше его напечатать». Исполняя его желание, мы позволим себе только один, может быть нескромный, вопрос: почему г. Бешенцов предполагает, что журнальные рецензии на его стихи были следствием *интриг и сплетен*? Не знаем, как другие, но что касается до нас, то мы говорили *только о стихах* г. Бешенцова *и о том, что из стихов следует*. Рецензент «Современника» никогда от роду не видал г. Бешенцова; отчего же скромный поэт полагает, что в рецензии были *личности*, и почему именно *презренные личности*? Неужели замечания рецензента о *стихах* г. Бешенцова оказались применимыми к действительной жизни *скромного поэта*? В таком случае остается нам подивиться странной случайности и пожалеть, что не выпало такой же удачи на долю самого г. Бешенцова, который в своем выстреле по рецензенту

ужасно неловко промахнулся ¹¹. Впрочем, судите сами: мы печатаем стихотворение г. Бешенцова, даже не отмечая курсивом дурных стихов и грамматических ошибок.

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ

Как грустно, в наш пытливый век,
Век прогрессивного стремленья,
Когда так жаждет человек,
Научных знаний, просвещенья.
— Встречать в числе журнальных книг,
С фальшивой фирмой, — современных, —
Проводников одних интриг
Да сплетен, личностей презренных.
Какого ждать от них добра!

— Они в лакейских лишь пригодны.
Из-под продажного пера
Не выйдет мысли благородной.
Иной присяжный рецензент,
Из касты, завистью клейменной,
Бранит, иль хвалит, как агент
Торговли книжной и письменной.

А. Бешенцов.

V

НАШ ДЕМОН

(Будущее стихотворение)

В те дни, когда нам было ново ¹²
Значенье правды и добра,
И обличительное слово
Лилось из каждого пера;
Когда Россия с умилением
Внимала звукам Щедрина ¹³,
И рассуждала с увлечением,
Полезна палка иль вредна ¹⁴;
Когда возгласы раздавались,
Чтоб за людей считать жидов,
И мужики освобождались ¹⁵,
И вред был признан откупов;
Когда Громека с силой адской
Все о полиции писал ¹⁶;
Когда в газетах Вышнеградский ¹⁷
Нас бескорыстьем восхищал;
Когда мы гласностью карали
Злодеев, скрыв их имена ¹⁸,
И гордо миру возвещали,
Что мы восстали ото сна ¹⁹;
Когда для Руси в школе Сзя ²⁰
Открылся счастья идеал,
И лишь издатель «Атеней» ²¹
Искусства светоч возжигал;

В те дни, исполнен скептицизма,
Злой дух какой-то нам предстал,
И новым именем *трюизма*
Святыню нашу запятнал.
Не знал он ничего святого:
Громекой не был увлечен,

Не оценил комедий Львова ²²,
Не верил Кокореву он ²³.
Не верил он экономистам,
Проценты *ростом* называл,
И мефистофелевским свистом
Статьи Варнадского ²⁴ встречал.
Не верил он, что нужен гений,
Чтобы разумный дать ответ,
Среди серьезных наших прений —
Нужна ли грамотность иль нет... ²⁵
Он хохотал, как мы решали,
Что красть не следует в наш век,
И как гуманно утверждали,
Что жид есть тоже человек.
Сонм благородных протестантов
Он умиленно не почтил,
И даже братьев Милеантов
Своей насмешкой оскорбил.
Не оценил он Розенгейма,
Растопчину он осмеял ²⁶,
На все возвышенное клейма
Какой-то пошлости он клал.
Весь наш прогресс, всю нашу гласность,
Гром обличительных статей,
И публицистов наших страстность,
И даже самый «Атеней» —
Все жертвой грубого глумленья
Соделая желчный этот бес,
Бес отрицанья, бес сомненья ²⁷,
Бес, отвергающий прогресс.

Конрад Лилиеншвагер.

VI

ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ

Чей шопот в душу проникает?
Кто говорит мне: «веселись»!

Так спрашиваю я себя с некоторого времени чуть не каждый день, и вот по какому случаю.

С каждой почтой получаю я из столиц (преимущественно из Москвы) газеты и журналы, и в каждом их нумере меня поражает какой-то таинственный голос, рассказывающий какую-нибудь из мелких житейских неприятностей и с видимым удовольствием прибавляющий, что «пришла наконец благодатная, радостная, желанная и т. д. пора, когда подобные неприятности можно рассказывать во всеуслышание». Под рассказом обыкновенно подписан какой-нибудь *зет* или *икс*, а чаще и ничего не подписано; местность не обозначена; к кому голос относится — неизвестно²⁸. Я долго ломал себе голову, чтобы узнать, о чем хлопочут восторженные рассказчики, и наконец остановился на предположении, которое на первый раз может вам показаться странным, но которое не лишено своей доли правдоподобия. Я полагаю, что все безыменные известия в ваших газетах сочиняет один какой-нибудь шалун, желающий подурочить вас, господ редакторов. Вы все ведь, разумеется, народ кабинетный; вы насквозь пропитаны идеальными понятиями о жизни; вам все в мире представляется необыкновенно связным, разумным, чистым и проч. В своем умозрительстве вы, по неведению действительной жизни, решительно уподобляетесь тому профессору, который у Гейне «затыкает своим колпаком все прорехи мироздания»²⁹. Вы еще недавно стали соглашаться, что жизнь имеет некоторые права, что литератор тоже есть до некоторой степени *смертный*, что *толпа* достойна отчасти вашего внимания, и пр. Мы, разумеется, тотчас же заметили начало вашего обращения и дружно рукоплескали благому начинанию. Но для вашей же пользы позвольте нам иногда сообщать свои замечания о некоторых *странностях*, нередко проявляющихся в ваших суждениях о действительной жизни, с которою вы начинаете знакомиться. На этот раз я намерен сообщить вам несколько практических замечаний о тех голосах, которые теперь так часто раздаются в журналах и газетах.

Имея о русской жизни и русском обществе понятие, как видно, самое неопределенное, вы постоянно приходите в изумление, поднимаете шум и начинаете горячиться из-за таких вещей, к которым мы все давно уже привыкли и которые вообще не принадлежат к числу явлений чрезвычайных. Вам, напр., скажут, что кто-то и где-то взятку взял; вы сейчас думаете: «ужасное, чудовищное, сверхъестественное событие! надо о нем объявить во всеобщее сведение!» — и немедленно печатаете, что вот, дескать, какое событие произошло: один чиновник с одного просителя взятку взял! — Услышите вы где-нибудь, что цыган лошадь украл: поднимается шум, пишутся грозные обличения на неизвестного цыгана, укравшего лошадь. Пришлет вам кто-нибудь известие о том, что один сапожник плохо сапоги шьет; вы сейчас же и тиснете известие о сапожнике, с видимым удовольствием, что можете сообщить такую новость. Вы, конечно, предполагаете, что чиновник,

взявший взятку, цыган конокрад и плохой сапожник — такие редкие исключения в России, что на них будут все сбегаться смотреть, как на г-жу Пастрану³⁰. Но смею вас уверить, что вы ошибаетесь, просвещенные литераторы и журналисты! Я, конечно, не могу еще назваться человеком старым, не могу похвалиться и тем, чтобы я видал слишком много; но все же я, должно быть, опытнее вас, и потому вы мне можете верить. И я вам скажу, что у нас, собственно говоря, что ни цыган, то и конокрад; что ни сапожная вывеска, то и плохой сапожник; что ни присутственное место, то и чиновников такая толпа, в которой мудрено распознать людей по тому признаку, что один берет взятки, а другой нет... Это верно; спросите, кого хотите, если мне не верите. Мы, читатели, даже удивляемся все, как *вы* этого до сих пор не знаете! Конечно, вы жизнь по книжкам изучали; да неужели же нет таких книжек, в которых бы это было рассказано как следует? Знаете, что: нам кажется иногда, что вы и книжки-то плохо читали; вы как будто читаете только *текущую литературу*, т. е. свои журналы. Этим только и можно объяснить азарт, с которым вы кидаетесь на всякое известие о взятке, грубости, несправедливости и всякой другой дряни. Тут у вас в журналах действительно было время, когда ни о чем подобном не писалось; но «*не писалось*» не значит, что *и не делалось*, и не расходилось в публике. Вы ничего не писали, а взятки и кражи учинялись по-прежнему, и мы о них знали очень хорошо, так что для нас они вовсе не были новостью, когда вы внезапно закричали о них в своих журналах. А вот вы-то сами как будто и действительно новость узнали: так вы погружены были в свои журналы, так пропитались их розовым запахом и так отвлеклись от всего живого!.. Мы вас и не винили в начале-то, думая, что вы, как люди умные, тотчас же оглянитесь вокруг себя, смекнете, в чем дело, да потом еще и нас поучите, куда нам идти и что делать. Но, видно, знание жизни дается не так легко, как изучение какого-нибудь немецкого курса эстетики! Вы как стали на одной точке, так и не двигаетесь с нее... А все оттого, что жизни не знаете! Три года тому назад вы стали печатать обличительные повести; в некоторых из них был талант, в других просто рассказывались любопытные факты. И те и другие были приняты публикою благосклонно. Почему? Очевидно потому, что публика признала действительность фактов, сообщаемых в повестях, и читала их не как вымышленные повести, а как рассказы об истинных происшествиях. Но и тогда уже публика поправляла недомолвку литературы, называя истинными именами тех, которые скрывались под псевдонимами в повестях. И нужно признаться, что первые ваши обличительные повести давали читателю возможность отыскивать обличаемых. У г. Щедрина описан, напр., Порфирий Петрович: я знал двоих Порфирьев Петровичей, и весь город у нас знал их; есть у него городничий Фейер³¹: и Фейеров видал я несколько... Разумеется, еще чаще видали мы Чичиковых, Хлестаковых, Сквозников-Дмухановских, Держиморд и пр. Но об этом я уж и не говорю. У Гоголя такая уж сила таланта была, что до сих пор — куда ни обернешься, так все и кажется, что перед тобой стоит или Чичиков, или Хлестаков, а если ни тот, ни другой, то уж наверное Земляника... В этом отношении, я должен признаться, большая часть *щедринских* рассказов составляет шаг назад от Гоголя. Но все-таки они не так далеко от

него убежали, как нынешние рассказы, непрерывно печатаемые в газетах. По рассказу Щедрина я еще мог узнавать обличаемых, хотя не в той степени, как по рассказу Гоголя; но теперешние повести, (которые вы почему-то называете *гласностью*!) совершенно лишают меня этой возможности. Ну, скажите на милость, куда мне годится, напр., такое обличение:

«Одному моему знакомому случилось заказать себе сапоги из петербургского товара здешнему цеховому сапожнику. *Что же оказалось?* Он, желая выдать поставленный им товар за петербургский, сам вывел клеймо фабриканта на коже чернилами, и довольно искусно, так что с первого раза трудно догадаться о подделке. Но сапоги недели через две *перелопались* — *фальшь оказалась несомненным*, тем очевиднее, что на петербургской коже клеймо фабриканта печатное». (См. «Рус. дн.», 1859 г., № 22).

Известие это прислано в «Русский дневник» из Нижнего Новгорода с подписью: «*Корреспондент*». Я сам, как вам известно, обитатель Нижнего, и потому легче другого мог бы сообразить, кто тут обличается; но хоть убейте меня, я до сих пор никак не могу указать вам гнусного сапожника, о котором извещает *Корреспондент*. Если бы он подписал хоть свою собственную фамилию, то до сапожника уж мы бы добрались как-нибудь: узнали бы, кто у *Корреспондента* знакомые, потом справились бы, какие сапожники шьют на них сапоги, и таким образом понемножку добились бы сведений, по крайней мере вероятных, если не совершенно непогрешимых. Но обличитель скрыл даже и свою фамилию и тем лишил нас всякой возможности напасть хоть на след негодного сапожника. Если бы он представил типические особенности сапожника, как делалось прежде, в щедринских рассказах, тогда была бы польза: можно бы узнать, по указанным признакам, почти всякого надувалу-сапожника. Но *Корреспондент* говорит просто: «одному цеховому сапожнику», — как тут искать его! И какую пользу для общества может принести сведение, что один сапожник дурной товар на сапоги ставит? Если вы полагаете, что есть люди, которые не знают о существовании таких сапожников, то вы очень ошибаетесь. Всякий из читателей подивится только, каким образом *вы* могли этого не знать. Разве не оттого ли ваше незнание, что вы постоянно *котурн*³² надеваете и не имеете понятия о сапогах? Но ведь мы все думали, что вы в котурне-то являетесь перед нами только печатным образом; а как же вы по улицам-то ходите? Разве тоже в котурне? Впрочем действительно в котурне, нечего и спрашивать: это по сочинениям вашим видно. Ну в чем же иначе может ходить, напр., г. Жемчужников, напечатавший в I № «Московских ведомостей» нынешнего года статейку³³ «Еще придирика». Статейка написана горячо, благородно, остроумно; а по какому поводу? Читайте.

«*Некто* (кто?) приезжает в *некоторый* (какой?) город и отправляется в гостиницу (какую?), куда приказывает и своему слуге (как его зовут?) явиться с чемоданами. Слуга нанимает извозчика (имя? номер?) и едет... С ним встречаются блюстители порядка и общественной безопасности — *все равно*: козаки ли они, или какие-либо другие полицейские служители (далеко не равно для гласности!) Едущий слуга почему-то им кажется человеком подозрительным. Они его останавливают и спрашивают: кто он и куда едет? Он отвечает им, что он такой-то, и называет гостиницу, куда ему при-

казано ехать. Блюстители замечают, что он едет не в ту сторону, где находится гостиница, и еще более утверждают в своем мнении, что он человек подозрительный, вследствие чего они его задерживают и представляют в полицию. Слуга ехал действительно не в ту сторону, где гостиница; извозчик, вероятно, не знал дороги или не понял, куда везти. Что же делает полиция с задержанным человеком? Она (кто же, однако, эта *она*?) спрашивает его: кто он и куда ехал? Он отвечает, что он такой-то; называет гостиницу, куда приказано ему ехать; объясняет, что сам он дороги не знает, будучи в городе в первый раз; немедленно предъявляет свой вид; называет лицо, у которого находится в услужении, и просит проводника для сопровождения его в гостиницу и для удостоверения в истине своего показания. Но полицейский чиновник (как его имя?) не соглашается на это предложение и принимает следующую меру, чтобы убедиться в достоверности слов слуги и в подлинности предъявленного им вида: он открывает чемоданы и осматривает находящиеся в них вещи. Обревизовав таким образом и белье, и платье, и все, что было там спрятано и заперто именно с тою целью, чтобы никто не смел ни до чего касаться без разрешения или приказа хозяина, и продержав слугу в полиции два часа, чиновник наконец соглашается на его первоначальную просьбу и отправляет его в гостиницу с проводником».

Случай самый обыкновенный, самый невинный — пошлюсь на всех русских читателей! Из-за чего же тут горячиться, от чего приходить в негодование и — главное — зачем все это рассказывать нам с такими подробностями? Может быть это особенный род остроумия, потешающийся над несбывшимися ожиданиями; но такое остроумие, имея целью одурачить человека, не совсем удобно в отношениях автора с читателями. Я, помню, читал где-то, как один шутник отделался от навязчивого господина, который все расспрашивал его, таскают ли волки коров в лес. — «Бывает», — отвечал шутник, — и за тем рассказал длинейшую историю о том, как у него однажды корова домой не пришла, как он искал ее по лесу и как она оказалась возле забора его дома, совершенно в добром здоровьи. — «Ну, а волк?» — спросил слушатель. «Волка не было», — лаконически отвечал рассказчик... Г. Жемчужников поступает с нами отчасти в этом роде: мы ожидаем какой-нибудь ужасной истории, чего-нибудь необычайного, что бы дыхание захватило, а тут вдруг *отправился благополучно домой*. Да помилуйте, что вы нас морочите-то? Неужели вы и в самом деле не понимаете, что об этих вещах объявлять все равно, что объявить: «Один квартальный надзиратель недавно пообедал!» Об этом говорить нечего; мы не такие виды видали... Я, напр., мог бы рассказать, как у одного приезжего купца было отнято близь одного города разбойниками 50 000 руб. и как через месяц потом у частного пристава умер дядюшка в Сибири и оставил ему 50 000 наследства. Я мог бы сообщить, как в одном провинциальном городе домовладелец дал во время пожара 3000 целковых полиции, чтобы только она не подступалась к его дому. Я мог бы передать истории, как одну немку из Виртемберга, захотевшую приписаться в России, приписали было в крепостные к казенным заводам, за то, что она, *не зная порядков*, никому ничего не платила... Да мало ли что можно бы рассказать, если бы была охота! Слава богу, Русь-то наша не клином со-

шлась! А то — побеспокоили человека, чемоданы посмотрели: великая важность! Известное дело — *à la guerre, comme à la guerre...**

Но г. Жемчужников рассказывает эту историю собственно для выводов, какие он делает из нее. Он говорит: «Я не счел нужным обозначить место, где случилось рассказанное мною происшествие. Предположите, пожалуй, что оно вымышлено: оно от этого не потеряет своего характера возможности и вероятия». Следовательно, вместо гласности опять выступает на сцену мифология! Хорошо! Где же правоучение? Их два — одно теоретическое, другое практическое. Первое таково:

«У нас *есть еще* (скоро не будет, конечно!) люди, считающие насилие и произвол мерами общественного порядка и гражданского благоустройства».

Практические выводы имеют такой вид:

«К стыду нашему, мы должны сознаться, что чувство чести и собственного достоинства у нас еще не развилось или может быть заглохло. В нашей общественной жизни мы умели соединить привычку неповиновения закону с постыдным и раболепным самоуничтожением перед всяким произволом. *Избегая исполнения наших обязанностей, мы не заботимся о защите наших прав и не умеем протестовать против оскорбления нашей гражданской чести и человеческого достоинства*, когда это оскорбление наносится нам, без всякого повода и причины, а просто под предлогом исполнения служебных обязанностей». («М. вед.», № 1).

Итак — вот вам мораль: «исполняйте свои обязанности, защищайте свои права и протестуйте против оскорблений». Великая истина, жаль только, что не совсем новая. Это еще звери у Крылова предлагали³⁴. Помните, как они, защищая овец от волков, решили, что ежели волк нападет на овцу,

То волка тут властна овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот и тотчас в суд представить
В ближайший лес иль бор...

Но мне кажется, что это рассуждение истинно зверское, хотя оно г. Жемчужникову и нравится. Я говорю: *нравится*, основывая это вот на каких соображениях. Статейка г. Жемчужникова направлена против того, что мы не заботимся о защите своих прав; в заключении же ее говорится: «Нельзя однако же отказаться от надежды, что во всех сферах нашей жизни человеческий разум одержит наконец верх над животными инстинктами! *Будем ожидать терпеливо наступления этого вожделенного времени*». Видите: мы должны отстаивать свои права и ожидать терпеливо, когда человеческий разум и пр. ... Ясно, — хватайте волков за шиворот, отстаивая свои права, и ожидайте, пока их разумно рассудят с вами в ближайшем лесу! Стоило такой шум подымать для того, чтобы напомнить нам *о терпении*! Терпенью-то уж нас, провинциалов, не учите пожалуйста: сами горазды!

А ведь действительно, другой цели-то нет, должно быть, у вас, кроме того, чтобы порисоваться перед нами в котурне, да поучить нас терпению. Все, что вы делаете, доказывает это. Напр., во 2-ом № «Московских ведомостей»,

* на войне как на войне (франц.). — Ред.

вслед за статьей г. Жемчужникова, было напечатано вот какое письмо к редактору ³⁵:

М.Г.,

«Позвольте мне сообщить вам факт, сильно поразивший меня, когда я услышал о нем. Вероятно многим нечасто приходилось слышать такого рода случаи.

«N., оставив в Москве жену с тремя дочерьми без всяких средств к существованию, пошел в козаки и был послан на Амур. Бедная женщина кое-как пристроилась к месту и своими трудами содержала себя и свое семейство. Спустя несколько лет взгрустнулось мужу по жене: он почувствовал снова склонность к семейной жизни и, боясь не найти сочувствия в жене к своему предложению, послал ей чрез кого следует приглашение придти повидаться с ним в Сибирь. В одно прекрасное утро ей было объявлено, что она должна чрез две недели по этапу, с колодниками, отправиться на Амур для свидания с мужем. Вы можете себе представить ужас *несчастной жертвы этой любви*. Для сохранения *супружеского счастья* жертвовалось всем: здоровьем, спокойствием, привязанностью к родине, к семейству; вменялось в обязанность нравственной женщине, единственной опоре семейства, отправиться зимой, по этапу, с колодниками, за несколько тысяч верст, на свидание с человеком, который пустил ее и семью по миру. Ни слезы, ни мольбы несчастной не могли поправить дело: она *должна будет* отправиться в путь, бросив все, что было ей дорого и мило в Москве, ее родине. Стоит немного остановить внимание на этом факте, чтоб увидеть всю массу последствий, которые может повлечь за собою подобное внушение высоконравственного чувства».

«Примите и проч.»

Д. З-ский.

Мы читали письмо г. Д. З-ского о жене г. N, и терялись в догадках, зачем оно напечатано. Что муж, по существующим законам, имеет право вытребовать к себе жену, это мы все знали; что жене это требование всегда бывает неприятно — тоже всякому известно. Чего же хотел г. З-ский, говоря о жене г. N? Возбудить к ней участие? Но как же это участие могло выразиться, когда ее имя не было названо? Задумались мы и только покачали головой при мысли о непрактичности писателей и редакторов. И, должно быть, не нам одним приходили в голову такие мысли. Недели через две, в 15 № «Моск. вед.» появилось письмо к редактору такого содержания. «Не иначе, говорит, как в видах христианской любви, вы сообщили известие о жене, требуемой мужем по этапу. Действительно, о ней жалеют и хотят помочь ей; но кто она и где она? *Как добрый человек и христианин* примите, говорит, на себя труд указать место ее жительства». В ответе на это письмо редактор оказался человеком чувствительным: он назвал письмо *трогательным* и сказал, что жена г. N называется Акулиною Варфоломеевной Кашеевою, живет на Сретенке, в доме купца Сазикова, в квартире Матвея Филипповича, и должна отправиться через неделю. К сему редактор счел нужным присовокупить: «Мы слышали, что, по распоряжению начальства, эта несчастная женщина снабжена тем, что может облегчить ей предстоящее путе-

шествие. Говорят, ей даны тулуп и лошадь». Заметьте, что со времени первого объявления до этого письма и редакторской приписки прошло две недели, в продолжение которых благодетельные москвичи рвались всеми силами души своей помочь несчастной, но не знали, где она, не знали даже, не миф ли она, вместе с г. Д. З-ским!.. Что мешало в первом же извещении объявить ее имя? Неужели и тут были какие-нибудь помехи, *не зависящие от редакции?* Нет-с, быть не может: тут во всем виновата единственно ваша привычка к отвлеченности и совершенное отчуждение от жизни. Вы очень чувствительны; услышавши о несправедливости, вы начинаете громко кричать; узнав о несчастии, горько плачете. Но вы как-то умеете возмущаться против *несправедливости вообще*, так же, как умеете сострадать *несчастью в отвлеченном смысле*, а не человеку, которого постигло несчастье... Оттого все ваши рассуждения и отличаются таким умом, благородством, красноречием и — непрактичностью в высшей степени. Вы до сих пор разыгрываете *в вашей литературе* (скажу, не как Хлестаков)³⁶ каких-то чувствительных Эрас-тов³⁷: как будто исполнены энтузиазма и силы, как будто что-то делаете, а в сущности все только себя тешите и — виноват — срамите перед нами, простыми провинциальными жителями.

Я надеюсь, что вы моими жесткими выражениями не обидитесь, как и я не обиделся вашим замечанием о моем первом письме — относительно «Литературного Протеста». Бог с вами: бранитесь, сколько хотите, только представьте и мое мнение на суд публики. Она рассудит... Что касается до гласности, которой вы хвалитесь, то я о ней еще поговорю с вами. О ней можно много говорить, а я еще только начал. Тороплюсь послать письмо на почту: мне хочется, чтобы вы в апреле напечатали его. Но не могу с вами расстаться, не сделав следующего предложения: издавайте ежедневную газету! Я готов вам поставлять каждый день, в течение десяти лет, по двадцати одному истинному анекдоту, в роде тех, которых десятка два, под именем *гласности*, напечатано в ваших газетах за нынешний год. Разумеется, я буду всячески избегать собственных имен, и даже своего собственного не буду подписывать. Решайтесь... Не бойтесь, что материалу не хватит; земля наша велика и обильна...³⁸

Д. Свиристелев.

Нижний Новгород,
25 марта 1859 г.

VII НОВЫЕ ОБРАЗЧИКИ РУССКОЙ ГЛАСНОСТИ

Мы помещаем письмо г. Свиристелева, точно так, как сделали и в первый раз: только ради его странности. Но мы, разумеется, уверены, что знаем жизнь лучше его и что объявления о сапожнике, о полицейском, о жене г. Н. и т. п. в высшей степени назидательны. Мы это подтвердим когда-нибудь выписками из «Русского вестника», «Русского дневника», «Московских» и «Санктпетербургских ведомостей» и других газет и журналов, несомненно доказывающих, что гласность у нас цветет и в то же время приносит полезные плоды. Чтобы доказать, как мы веруем в пользу гласности (даже безыменной), мы помещаем несколько писем, присланных в редакцию, и несколько известий, составленных по ведомостям. Они все начинаются одинаково, и потому мы помещаем вполне только первое письмо; из остальных же оставляем только сущность дела. Известия подобного рода разделяются обыкновенно на солидные, остроумные и патетические. Мы помещаем здесь два солидных и два остроумных. На помещение патетических не решаемся...

1

В настоящее время, когда все стремится к свету и гласности, ни одно из темных явлений нашей жизни не должно укрыться от строгого суда общественного мнения. Считая священным долгом содействовать по мере сил общему делу нашего гражданского преуспевания, прошу вас, мм. гг., поместить в Вашем журнале следующий замечательный факт, за достоверность которого ручаюсь.

В *один* из осенних дней прошлого года ходил я с *одним* из моих знакомых по гостиному двору. Зашедши в *одну* лавку, знакомый мой стал торговать *одну* вещь, а я, соскучась ожидать его, вышел из лавки и подошел к *одному* торговцу яблоками. Я сторговал у него *один* десяток и отдал деньги с *одним* условием: чтобы все яблоки были свежи. Но, заглядевшись на *одну* из проходивших дам и положившись на совесть торговца, я не заметил, что *одно* из яблок, положенных им, было гнилое. К счастью, *одна* старушка, стоявшая возле, заметила подлог. Тогда я подозвал *одного* городского, случившегося поблизости, и он, по *одному* моему слову (должно отдать ему в том справедливость) немедленно принял меры к прекращению зла.

Объявляя об этом поступке недобросовестного торговца во всеобщее сведение, я имею в виду предостережение моих соотечественников; надеюсь, что после этого извещения другие, заглядевшись, подобно мне, по сторонам, не потерпят такого ущерба от недобросовестного продавца. Кто пожелает узнать имя, приметы и место торговли этого продавца, тот благоволит прислать запрос в редакцию «Свистка» с обозначением своего адреса: обо всем требуемом я могу известить его по почте.

Х. Z.

2

В настоящее время и пр.

В недавнее время, возвращаясь с именинного пира от одного из моих знакомых, в одной из отдаленных улиц одного из уездных городов России, я имел несчастье потерять в грязи одну из моих калош. Так как дело было вечером, то я и не мог отыскать ее при всех моих усилиях. Но на другой день она была найдена мною посреди улицы, против дома одного из домовладельцев нашего города. По исследованиям моим оказалось, что причина необычайного накопления грязи в этом месте заключается в небрежности означенного домовладельца, который против своего дома никогда не чинит мостовой.

Надеюсь, что поведение этого домовладельца, обнародованное теперь во всеобщее сведение, найдет себе строгое осуждение в общественном мнении.

N.

3

Мм. Гг.

Гласность полезна, как свет; но в нашем городе еще сомневаются и в том, что свет полезен. Хотите доказательств? Вот одно из них: у нас в городе в некоторые темные осенние ночи не зажигают фонарей на том основании, что они в календаре обозначены лунными. Но честный и правдивый календарь уже давно сознался в том, что не может предвидеть ни густых туманов во время ночи, ни черных туч, покрывающих звездное небо; он просто говорит, что в такую-то ночь будет луна, а известно всем, что луна светит. Вольно же эти невинные слова принимать за объявление, что весь город будет иллюминирован! Но кроме разных других причин, которые могли подать повод в такой нерациональной методе освещения, не замешалась ли сюда еще и та, что на календарь условились смотреть как на непогрешимого и строгого начальника? Это клевета: календарь не начальник. Иной начальник действительно часто называет белое черным, а черное белым и достигает даже того, что и его подчиненные, отрекшись от веры в собственные глаза, подтверждают его нелепость с фанатизмом самым искренним; но календарь не надувает ни себя, ни других. Мало того: он вовсе не имеет безумной претензии приказывать луне светить во что бы то ни стало, сквозь сплошную массу туч; напротив, он полагает своим желаниям пределы и тем опять-таки резко отличается от иного начальника, который, повелевая исполнить невозможное, кричит и, не хотя принять в соображение этой невозможности, кричит: чтоб было!

Напечатайте, мм. гг., мою заметку: может быть, она будет содействовать освещению, если не просвещению нашего города.

А. Ж.

(Из «Моск. вед.», № 1).

4

Гласность последнего времени обнаруживает много новых явлений в нашем общественном быту. Считаю нелишним рассказать об одном из них, хотя в нем ничего нет необыкновенного.

На днях некто ³⁹ **О.** возвращался ночью домой. Ему оставалось до квартиры не более пятидесяти шагов, как вдруг неожиданная мысль пришла ему в голову: что если, переходя улицу, он потеряет галоши? и если потеряет (в чем он не сомневался), то что обойдется дороже: новые ли галоши, или извозчик? — Взвесив этот пункт и решив, что извозчика взять дешевле, он стал громко звать спасителя галош; но кроме эха, повторявшегося в темных переулках, никто не отзывался ему в безмолвии ночи. Почти в отчаянии пробирался **О.** тротуаром, как вдруг почувствовал чье-то теплое дыхание и затем фырканье. Удивленный неожиданною сценою, **О.** остановился и после некоторого напряжения глаз открыл, что пред ним стоит не какая-нибудь очаровательная сильфида, а просто — лошадь. «Эй, кто здесь?» — Нет ответа; все тихо, как и прежде. **О.** обходит канавою лошадь и экипаж и слегка толкает спящего кучера. — «Ты извозчик?» — «Извозчик». — «Перевези меня в этот дом, насупротив...» — «Слушаю-с», — и извозчик перевез нашего приятеля через улицу. — Что же тут необыкновенного? Очень просто: малые существа всегда подражают большим. Если кареты останавливаются на тротуарах, отчего там же не останавливаться и не засыпать извозчикам? отчего же и не получать прохожим поцалуев, сопровождаемых фырканьем, — когда в темноте и не такие сюрпризы случаются? отчего бы не поместиться и всей бирже на тротуарах? Улицы останутся тогда свободны для одних только обозов; никому не будет тесно, и даже — говоря с политической дальновидностью — пешеходы перестанут гранить тротуары, а будут ходить... по лошадям, дрожкам, каретам и спящим кучерам.

Фагот.

(Из «Одес. вестн.», № 19).

VIII

БЕЗРАССУДНЫЕ СЛЕЗЫ

Солнце в тучах непроглядных
Грустно лик свой прячет;
У ворот двора сквозного
Бедный ванька плачет.

Целый день он по столице
С юнкером катался;
Пять рублей ему дать юнкер
За день обещался.

Но чрез двор сквозной, под вечер
Он от ваньки скрылся;
Ванька с ключей понапрасну
Целый день морился.

— Успокойся, бедный Ванька:
Есть тебе защита.
Как тебя обидел юнкер,
Будет всем открыто.

От обид и от обманов
Уж прошла опасность!
Нынче время не такое:
Процветает гласность!

Завтра ж я во всех газетах
Публикую ясно:
«Ездил с юнкером извозчик
Целый день напрасно.

Дать хотел он пять целковых,
Не дал ни копейки!»
И предам его позору
Я в моей статейке...

Но, не внемля утешеньям,
Глупый ванька плачет...
Солнце гневно лик прекрасный
В черных тучах прячет.

Конрад Лилиеншвагер

СВИСТОК

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

3

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ «СВИСТКА» ВО ДНИ ЕГО ВРЕМЕННОГО НЕСУЩЕСТВОВАНИЯ

«Свисток» дожидался только выезда уполномоченных из Цюриха, чтобы опять раздаться в русской литературе. Теперь объявлено, что они в октябре выедут, и если они, по свойственной дипломатам правдивости, сдержат слово, то «Свисток» надеется уже безраздельно завладеть вниманием публики. В летние месяцы ему было неловко являться, потому что общее любопытство было привлечено итальянской войной¹, и в начале июля, поощренные примером «Русского дневника»², редакторы «Свистка» даже послали было в «Современник» такое объявление:

«В настоящее время, когда все внимание публики обращено на политические события, совершающиеся на Западе, для «Свистка», неспособного заниматься политикою — иначе как в шутку, прекратилась возможность рассчитывать на увеличение ограниченного числа своих поклонников; вследствие чего «Свисток» вынужденным находится прекратить свой свист.

Хотя «Свисток» был при «Современнике» не что иное, как «с боку припёка», по глубоко верному выражению нашего умного народа, тем не менее редакция «Современника» должна счесть личною своею обязанностью дать своим подписчикам удовлетворение за австрийско-французскую войну, лишившую их русского «Свистка». Но так как известно и многократно было опубликовано, что редакция «Современника» не имеет достаточно остроумия для подобного удовлетворения, то она и должна вознаградить публику за «Свисток» приложением к своему журналу статей о новых памятниках древневавилонской письменности, для которых редакция уже имеет достаточный запас материалов в статьях г. Хвольсона»³.

Объявление это было готово в тот самый день, когда появилось объявление о прекращении «Русского дневника». Но — «к несчастью иль счастью» — Современник ныне всегда запаздывает⁴ (в чем стараются по возможности подражать ему и другие журналы). Следствием такого обстоятельства было то, что объявление наше на несколько дней задержалось, а тут вдруг — ни с того, ни с сего — пришло известие о мире, и наши резоны сделались совершенно неуместными.

Тогда мы получили надежду, что скоро придет и наш черед; но — увы! — горько ошиблись! Русская публика, из подражания французам, продолжала и по окончании войны читать и толковать об Италии, так что мы пикнуть не смели, не только свиснуть о наших домашних вопросах. Это бесило нас, и мы даже сочинили было филиппику против увлечения иностранными вопросами. Филиппика была очень грозна. В ней напоминали мы русским читателям слова г. Погодина⁵, что стыдно нам заниматься европейскими мелочными дрязгами, когда у нас — и у нас одних только в настоящее время — поднято столько мировых вопросов. Мы перечисляли даже некоторые из этих вопросов, как например: «зачем в летний зной, по свидетельству Н. Ф. Павлова, московские улицы посыпаются песком?»⁶ Зачем доктор Рклицкий, по мнению некоторых, расхвален в Современнике?⁷ Зачем г. Вышнеградский⁸ перестал объявлять в газетах о собственном бескорыстии? Зачем «Наука жизни» г. Дыммана⁹ не вводится как обязательный предмет во всех учебных заведениях, по крайней мере в тех, в которых не преподается греческий язык?» и т. д. Сделав подробное перечисление наших родных вопросов, мы взглядывали и на итальянский вопрос с русской точки зрения и приходили к такому заключению: что нам за дело до Италии? Взойдет ли к нам на двор белая корова в случае восстановления герцогов или присоединения герцогств к Пьемонту?¹⁰ Что нам мешаться в чужие дела? Давно уже замечено, что «Italia farà da se»¹¹ — Италия и без нас проживет, — плюньте на Италию: Италия есть географический термин¹², не более, по глубокомысленному замечанию австрийского государственного мужа. Да и в географии-то она совершенно ничтожна: по основательному соображению г. Шевырева¹³, если бы с Альп спустить на Италию нашу Волгу — всю бы затопило!! Стоит ли ж после всего этого заниматься такой ничтожностью? Сравните-ко наше-то положение: у нас Волга не только ничего не затопила, но и сама-то вся засорилась и пересохла!

Мы убеждены, что наши соображения, явно рассчитанные на патриотизм, успели бы образумить русскую публику. Но в этом году злой рок судил нам вечно опаздывать: когда мы изготовили свою филиппику, оказалось, что во всех книжных и эстампных магазинах Петербурга портреты Гарибальди заменены уже портретами Шамиля!¹⁴ К этому мы были совершенно не подготовлены! Между тем в публике проявился такой энтузиазм к Шамилю, какого не бывало со времени посещения России г-м Дюма¹⁵. Мы опять было принялись за увещания и хотели доказать, что Шамиль, как и Дюма, теперь уже неинтересен, что —

Он изнемог, он слишком стар¹⁶:

Труды и годы угасили

В нем прежний деятельный жар,—

что притом же борода у него — рыжая, что уж вовсе не соответствует нашему идеалу прекрасного черкеса, что, следовательно, он — просто внимания не стоит. Но тут уж мы сами почувствовали, что подобная попытка была немножко дерзка и не повела бы ни к чему хорошему. Притом же мы были совершенно озадачены г. Горяиновым¹⁷, который в «Северной пчеле» доказал, что мы ходим смотреть на Шамиля вовсе не с тем чувством, как на г. Дюма, что мы все одушевлены теперь не простым любопытством, а самым

патриотическим желанием — повесить и растерзать в клочки ужасного иностранца, с которым обходятся так несправедливо, т. е. прилично и гуманно. Против такого воззрения на Шамиля, с русской точки, мы уже ничего не могли возразить и сочли за лучшее продлить свое молчание еще на некоторое время.

Но теперь — о, какие благоприятные для нас обстоятельства!... Шамиль уехал в Калугу¹⁸, уполномоченные тоже, вероятно, уехали из Цюриха, сама Москва — хотя и никуда еще не уехала (потому что по железной дороге ей можно покамест ехать только на Петербург, на что она ни под каким видом не решится), — но все-таки Москва занята теперь недавними банкротствами достойных сынов ее¹⁹, следовательно и она мешать нам не может... Начнем же снова насвистывать со свойственными нам беспечностью и благодушием, тем более, что г. Конрад Лилиеншвагер, много нам вредивший своими выходками, теперь исправился, как сейчас убедятся читатели. Его стихотворением мы нарочно начинаем нынешний «Свисток».

I

РАСКАЯНИЕ КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА

Известно, что г. Лилиеншвагер своим смелым и звучным стихом воспел в апреле месяце «беса отрицанья и сомненья», который вовсе не должен был бы и носа показывать в публику в настоящее время, когда (как очевидно из примера акционеров общества «Сельский хозяин») все создается на взаимном доверии и сочувствии. За непростительную дерзость г. Лилиеншвагера досталось и нам и ему в № 95 «Московских ведомостей»²⁰. Мы, разумеется, тотчас же сказали, что наше дело сторона, и тем себя немедленно успокоили. Но г. Лилиеншвагер как пылкая, поэтическая и притом почти немецкая натура принял упреки «Московских ведомостей» очень близко к сердцу, и — кто бы мог это подумать? — в убеждениях его совершился решительный перелом. Как Пушкин отрекся от своего «Демона», вследствие некоторых советов из Москвы²¹, так и г. Лилиеншвагер отрекся от своего беса и сделался отныне навсегда (до первой перемены, разумеется) верным и нелицемерным певцом нашего прогресса. Вот стихотворение, которым ознаменовал он момент своего раскаяния.

МОЁ ОБРАЩЕНИЕ

Во дни пасхальных балаганов²²
Я буйной лирой оскорблял
Прогресса русского титанов
И нашу гласность осмеял.
Но от стихов моих шутовских
Я отвратил со страхом взор,
Когда в Ведомостях Московских
Прочел презрительный укор.
Я лил потоки слез нежданных²³
О том, что презрен я в Москве...

Себе, в порывах покаянных,
Надрал я плешь на голове!..
Но плешью приобрел я право
Смотреть на будущность светло!..
С тех пор, не мудрствуя лукаво,
Я прояснил свое чело:
Меня живет родная пресса.
И, полн святого забытья,
Неслышной поступи прогресса
С благоговеньем внемлю я...

Конрад Лилиеншвагер

II ЗАБРАКОВАННЫЕ

ТРАГЕДИЯ

*в 3-х действиях, с эпилогом;
с национальными песнями и плясками
и великолепным бенгальским огнем.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Г р и г о р и й, дьячок села Пьянова, 52 лет.

М и х а й л о Т р и у м в и р а т о в, сын его, 19 лет, кончивший курс в губернской гимназии.

К а л и с т р а т, второй сын Григория, 7 лет.

К о н с т а н т и н Х а р ч и н, 20 лет, сын уездного приказного.

А л е к с а н д р С е р г е е в и ч Т у з о в, сын помещика села Пьянова, 20 лет.

Н и к а н д р И в а н о в и ч К а д ы к о в, профессор.

Д е в у ш к и 1-я, 2-я и 3-я.

Без речей: охотники, поселяне, собаки и лошади.

Действие происходит в окрестностях села Пьянова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет обширный луг, скошенное сено частью поставлено в стоги, частью просушивается. Местами разбросаны разные принадлежности сенокоса: грабли, косы; стоит отпряженная телега. Невдалеке видна река.

Сцена I.

Г р и г о р и й и К а л и с т р а т к а

Г р и г о р и й (бросая грабли).

Трапезовать прилично человеку,
Егда почует некоторый глад,
Дай закушу. А ты беги на реку
Да зачерпни водицы, Калистрат!
Или домой — чтоб нацедили квасу.

(Калистратка, живой мальчик, в халате, босиком, убегает с жбаном).

Велик господь! Подрезали траву —
И рожь поджали ко второму Спасу,
Там молотбой займемся к Покрову,
А там простор крещенскому морозу,
Там Пост Велик, а там опять весна,
Весна — пора свезения навозу
С дворов на пашню. Чудно создана

Природа мать! Я к «Таинствам Натуры»
Имел когда-то «Ключ»²⁴, да затерял.
Там сказано... (*вздрагивает*).

Сцена II

Григорий и девушки 1-я, 2-я и 3-я

(Через сцену проходит несколько крестьянских девушек в чистых белых рубашках и
цветных платках, с песней).

Эк, как горланят дуры!

1-я девушка

Бог на помочь.

Григорий

Спасибо бы сказал,
Да испугали.

2-я девушка (*очень красивая*)

Мы не ведьмы, дядя.

Григорий

Не ведьмы-то — не ведьмы, вижу я.

3-я девушка

Пойдем, чего остановилась, Надя?
Смерть жарко... в воду так и брошусь я...

Григорий

Да видишь я задумался... Парила
Бессмертная ко Господу душа,
Главу мою внезапно озарила
Мысль некая... Я думал не спеша
В нее войти — вдруг пенье...

3-я девушка

Ну прощайте.

Григорий

Да вы куда?

2-я девушка

Купаться.

(Девушки уходят с песней; слышны их голоса, смех и через несколько минут плесканье
в воде).

Г р и г о р и й

С вами бог!

Играйте, смейтесь, песни распевайте...

Чу! бухаются в реку со всех ног!

Как тело-то с размаху молодое

Об воду ударяется... Эх-эх!

Сцена III

Те же и М и х а й л о Т р и у м в и р а т о в, в гимназическом старом сертуке, очень грустный.

Г р и г о р и й

Ба! Миша! Ты откуда? Что такое?

Не выдержал?...

Т р и у м в и р а т о в

Забраковали всех!

Г р и г о р и й *(в отчаянии, после минуты молчания)*.

Не выдержал!... Последние деньжонки

Я на него лет десять убивал,

И покупал учебные книжонки,

Халаты шил и сапоги точал!

Чтобы его в гимназию отправить

Я продал жеребенка-сосуна,

Который мог со временем доставить

Мне денежки: резвее скакуна

Теперь на всем заводе у Тузова

Нет, говорят. Недавно вот на нем

Проехал барин: мещут огонь подковы!

А ты гляди да щелкай языком!

Лишив меня сокровища такого,

Ты нежностью сыновней не умел

Родителя утешить: из Тамбова,

Припомни, как ты пеший прилетел —

«Я не могу в гимназии остаться —

И там посекли»; я еще побил

И приказал обратно отправляться,

Да сам пешком туда же поспешил,

Насилу все уладил, награждение

Единое имея впереди,

Что в высшее ты вступишь заведение

В столичном граде. Бог тебя суди!

Копя гроши в последнюю годину,

Я в путь тебя отправил наконец.

Но паки ты поверг меня в кручину —

Не выдержал экзамену, подлец!

Т р и у м в и р а т о в

Не я один. Вот тоже сын Тузова,
Сын нашего повытчика — Харчин
И многие.

Г р и г о р и й

Не ты один? Ни слова!
Что выдумал еще — не он один!
Тузову все простительно: богаты
Соседи наши: возвратился вспять —
И рад отец, и мать и сестры рады,
И наши же поля начнет топтать
С отцовской стаей ветренный невежда.
Но ты, но ты... сын нищего дьячка,
Семьи своей единая надежда,
С тобой теперь разделка коротка!

(Замахивается).

Что пятишься? Я выместить намерен
Отцовскую печаль свою
Немедленно... а завтра, будь уверен,
Я абие тебя побью!

Т р и у м в и р а т о в

Отец! отец! оставь угрозы,
Напрасно сына не брани ²⁵.
Я плачу, видишь эти слезы —
Уже не первые они.
Ребенком ветренным, с косичкой,
Когда еще и глуп и мал,
Я гнался за невинной птичкой
И с грядок репу воровал, —
Уже тогда твой взор суровой
За мной заботливо следил:
Ты бил дубинкою сосновый,
Лапшой березовой кормил!
А в бурсе... Там, от боли воя,
К сеченью приводим был вновь;
По суткам на горохе стоя,
Простаивал колени в кровь.
Ох! памятна мне эта бурса —
Во век не позабыть о ней,
Но гимназического курса
Воспоминания свежей.
Что сделать розгой или палкой
Возможно — сделано давно.

В душе я трус какой-то жалкий:
Мне честь, бесчестье — все равно;
Что б предо мною ни творили —
Смотрю с бесмыслием глупца:
Вот правого приговорили,
Вот оправдали подлеца:
Молчу — полнейшая безгласность!
Как будто нет во мне души!
Над всем господствует опасность
Хватить березовой лапши.
Ну, словом, розочной науки
Я всю исчерпал благодать.
Зачем же старческие руки
Тебе напрасно утруждать?

Г р и г о р и й

А все побью. Но изложи сначала
Причину — почему не принят?

Т р и у м в и р а т о в

Наступил
Век строгости какой-то небывалой...
Да вот Харчин: уж как прилежен был!
Он до того зазубривался часто,
Что отливали мы его водой.
И что ж? увы!.. Ну, уж пускай бы нас-то:
Нет, и его... пешком пошел домой...
Бедняжка! как он трусил! как боялся!
Отец сердит и беден. Что-то с ним?
Я к Харчину душевно привязался:
Всегда задумчив, болен, нелюдим,
Боюсь, что он не выдержит печали.

К а л и с т р а т к а (за сценой).

Вот батюшка... ах, братец!... ты...

(Входят К а л и с т р а т к а и Х а р ч и н).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Г р и г о р и й, Т р и у м в и р а т о в, Х а р ч и н, К а л и с т р а т к а.

Т р и у м в и р а т о в

Харчин!

Откуда ты?

К а л и с т р а т к а

Да вот они искали:
Я встретил и привел...

(Ласкается к брату).

Х а р ч и н

Один теперь, один
На целом свете! Батенька рассердился
И выгнал!

Г р и г о р и й

Благородный господин!
Кто ты такой? Откуда появился?

Х а р ч и н

Кто я? злосчастный Константин Харчин!
В последний раз узрев родную землю,
Готовлюсь к смерти я...
Да вот вам вся история моя,
Когда вы знать ее хотите.

Г р и г о р и й

Внемлю.

Х а р ч и н

«Не спору — дело честное
Карать и обличать,
Но нужно знанье местное —
Вот мне так грех не брать!
Как черствым хлебом давится
Голодная семья,
Так бескорыстьем славится
«Позор» — вот мысль моя!»
Такие рассуждения
Отец мой развивал
И кожу без зазрения
С живых и с мертвых драл.
Он за дельца удалого
В уезде нашем слыл,
Но был чинишка малого
И очень бедно жил.
«Эх! доля неоплатная,
Ты долюшка моя!» —
Певал он: необъятная
Гнеда его семья.
По счастью, отличная

Жена, детей штук пять,
Да теща параличная,
Да взбалмошная мать,
Да брат с ногой оторванной
Под Данцигом²⁶, да дед
Прожорливый, оборванный
Ста двадцати трех лет!
Такая уж живучая
Порода их была.
В отце судьба могучая
Кормильца им дала.
И он свершал призвание —
Безропотно кормил
И даже их ворчание,
Их злость переносил!
Крутенько приходилось:
Случалось — хлеба нет,
Семья вся притаилась,
Разбунтовался дед!
«Всех накормлю, родимые!»
Промолвит — и уйдет,

И вдруг непостижимые
Пути изобретет:
Глядишь, деньга явилася!
Утих задорный дед,
Семья одушевилася...
Так жил он сорок лет;
Не изменял обычая,
Кормил и холил нас,
Лишь в год до безъязычия
Пьян напивался раз.
Тут только маску чинную
Снимал он наконец:
Прибьет жену невинную,
Облает нас отец!
Рассказ враля досадного
О Данциге прервет
И мучит деда жадного —
Обедать не дает!
Помощником родителя
Лет с девяти я был:
У каждого просителя
Особо я просил,
И матушке грошовые
Доходы отдавал...
Да, смолоду суровые
Картины я видал!
К чему о них рассказывать?
Но должен я сказать,
Что темных дел показывать,
В них сына посвящать —
Ни малого желания
Родитель не питал:
«Тебе тут не компания —
Иди!» — он замечал,
Когда к нему стекались
Сутяги и дельцы.
Но от меня старались
Напрасно скрыть концы;
Во все их тайны грязные
Чутьем я проникал...
В проделки безобразные
Как сам я не попал,
Не сделался воришкою —
То знает только мать.
Почти еще мальчишкою
Я начал понимать
Все, что в семье творилось...

Желанье ей помочь
В душе моей родилось —
Я начал день и ночь
Учиться, чтоб отправиться
Весною далеко...
«Разбогатеть, прославиться
Там, дитятко, легко!» —
С какой-то верой пламенной
Мне говорила мать,
Отец до Белокаменной ²⁷
Решился провожать.
Пришла в смятенье чудное
Вся бедная семья,
И вдруг признание трудное
Свершила мать моя:
«Возьмите вот, касатики,
Скопила два рубля!
Смотри из математики
Не получи нуля!»
Описывать не для чего,
Как мы без денег шли,
Способности подъячего
Отцу тут помогли:
В одном селе прикинулся
Лазутчиком: ему,
Чтоб только дальше двинулся,
Грошей собрали тьму.
У Иверской свидетелем ²⁸
Он руку приложил,
Что кто-то благодетелем
Своим засечен был.
Была еще история,
Но вспоминать зачем? —
И со стыда и с горя я
Сгорел тогда совсем...
Один в погоду скверную
В столицу я вступил,
И горечь непомерную
В ней бедности испил...
Питаюсь чуть не жестию,
Я часто ощущал
Такую индижестию ²⁹,
Что умереть желал.
А тут ходьба далекая...
Я по ночам зубрил;
Коморка невысокая,
Я в ней курил, курил!

Лежали книги кучею
 Одни передо мной,
 Да дым носился тучою
 Над тусклою свечей.
 Способности усталые
 Я утром освежал:
 Без чаю с Охты Малыя
 На Остров пробегал ³⁰,
 Как пеший-то по-конному
 Верст восемь продерешь,
 Так обаянью сонному
 С трудом не подпадешь!
 Тут голова беспутная
 Начнет ходить кругом,
 В ней безразличность мутная
 И тупость, и содом!
 Для экстренной оказии
 Уж съехались туда
 Учителя гимназии ³¹,
 ...Запнулся — и беда!
 Стоишь вороной жалкою,
 А в голове стучит,
 Как будто сзади скалкою
 В затылок кто тузит!
 В глазах снуют видения,
 В ушах: лю-ли! лю-ли!
 И нет тебе спасения —
 Нули! Нули! Нули!..
 За строгость не получите
 Профессорский диплом,
 Лишь бедняков отучите
 За сотни верст пешком
 Идти толпой голодною
 На берега Невы,

С надеждой благородною
 К развитию головы...
 Придешь домой — от сродников
 Лежит уж письмоцо:
 «Моли, сынок, угодников,
 Учись, забудь винцо!»
 Эх! что вы, мои милые?
 Какое тут питье!
 Измаял больно силы я —
 Вот горюшко мое!
 Измаял — и решение
 Свершилось: мой язык,
 Мой ум пришли в смятение —
 Увы! я стал в тупик!..
 Что толковать с невеждою?
 Учитель нуль всучил...
 С угаснувшей надеждою
 Я вдруг лишился сил.
 Сказались мне бессонные
 Четырнадцать ночей
 И похождения конные
 На паре на своей!
 Смутил аудиторию —
 Осмелился упасть,
 И в новую историю
 Не преминул попасть.
 Сочли меня за пьяного,
 В горячке я кричал...
 У сторожа Иванова
 Очнулся: смерть я звал —
 Конец бы одинаковый!..
 Но жив я до сих пор,
 Лишь с шеи крест тумпаковый ³²
 Стащил какой-то вор.

(Падает в изнеможении на коню сена и остается с закрытыми глазами и бледным лицом.
 Слышны звуки охотничьих рогов).

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и молодой Т у з о в (быстро въезжает верхом, окруженный собаками)

Т у з о в

Что?... Нет и здесь? Проклятый зверь!
 Как будто в землю провалился!
 Эй, Трошка! Да куда ж он скрылся?
 Где нам искать его теперь?

(Появляются еще охотники и собаки).

Подлец! надул моих проворных хватов,
 Надул собак. Уж я ж тебя, косой!
 Доеду... А, камрад *, Триумвиратов!
 Здорово, брат! Поедем-ка со мной!
 Что горевать? Великое несчастье —
 Не приняли! Я даже рад, ей-ей!
 Мгновенно я почувствовал пристрастие
 К охоте псовой... Книжки поскорей
 Забросил... Целый день теперь ликую!
 Здоров, как всяк, и волен, как орел.
 С собаками до сумерек гарцую.
 А вечером вино, хороший стол,
 Да разговор про травлю, про угонки
 И мало ль что... я вас утешу вмиг.
 Какие там чудесные девчонки
 купаются!.. Ну, отпусти, старик!
 Сергей! Мирошка! Кто-нибудь, слезайте.
 Дай лошадь им...

Г р и г о р и й

Когда угодно вам,
 Ослушаться не смею. Поезжайте!
 Что пятишься?

Т р и у м в и р а т о в

Не до охоты нам!

Г р и г о р и й

Ученьем не хотел ты заниматься,
 Так вот изволь за зайцами гоняться!

(вполголоса).

А вечером напомним-ка ему:
 Он обещал мне два куля мучицы.

Т р и у м в и р а т о в (шопотом).

Нет, нет! избавь, родитель! не возьму
 Подобной роли...

Сцена II

(Толпа крестьянских девушек, возвращаясь с купанья, с песнями переходит через сцену).

Т у з о в

Здравствуйте, девицы!
 Куда спешите? спойте песню нам.

* товарищ, от Kamрад (нем.). — Ред.

1-я д е в у ш к а

Изволь,— споем, а ты нам на орехи
Пожалуй, барин.

Т у з о в

Что хотите — дам!

2-я д е в у ш к а

Так мы попляшем для твоей потехи.

(Дивертиссемент. Девушки поют и пляшут. Тузов слезает с лошади и пристраивается к одной из них, которая покрасивее. Та довольно грубо отталкивает его локтем, так что он падает и остается на копне сена, лицом к небу; девушки продолжают плясать).

Т у з о в (*впав в чувствительное настроение*).

В виду сих туч, при легком ветерке,
По небесам бегущих так беспечно,
И этих женщин, только что в реке
Омывшихся, довольных бесконечно,
Вдыхая сена чистый аромат
И слушая простые хороводы,
Я чувствую, что я остаться рад
Под крылышком у матери природы
Всю жизнь мою. Благословляю час,
Когда в виду судей моих суровых
Произнести я принужден был: пас! —
По милости причин каких-то новых...
Как я был глуп, когда воображал,
Что я проникнул в таинства науки!
Да и к чему? Вот счастья идеал!
А впрочем — я готовился без скуки,
С любовью; я не был ни ленив,
Ни слишком туп; отец платил исправно,
Учитель был умен, красноречив,
Уж множество он приготовил славно:
Да вдруг...

(В толпе девушек раздаются внезапные крики. Во время пляски, достигнув до края реки, одна из них наступила на притаившегося в кусту зайца, который кинулся со всех ног в бегство).

Д е в у ш к и

Ай, ай, ай, ай, ай, ай!

Т у з о в

Что там такое?

Д е в у ш к и
Заяц косоглазый!

Т у з о в

Так вот он где укрылся! Подавай
Мне лошадь поскорее, черномазый!

(Всеобщее смятение: собаки при первом появлении бросились за зайцем (гончие с лаем), охотники кинулись к лошадям; один из них второпях оставил недокуренную трубку у стога, где сидел; сено загорелось в минуту. Охватив стог, пламя побегало в то же время по разбросанному сено и мгновенно передалось другим стогам).

Г р и г о р и й

Пожар! пожар!

(При великолепном бенгальском огне охотники уезжают, девки разбегаются).

Т р и у м в и р а т о в

Пожар! пожар! спасите!
Да что ж ты не встаешь, Харчин? Сгоришь!
Ба! умер он! Родитель мой! взгляните!
Был человек, и вдруг погиб, как мышь,
Я думал — он уснул; а он с землей расстался...

Г р и г о р и й

Что, умер он?!... Никак ты помешался!
Да, точно умер... Господи прости!
Сгорело сено, человек скончался,
И сбился сын с пути!

(Падает без чувств. Последний стог сена, ближайший к ним, загорается).

Т р и у м в и р а т о в

Еще беда! Сгорят... Мутится разум!
Авось снесу их разом!
Двух разом...

(Уносит. Занавес опускается).

Эпилог

(Через год).

Театр представляет улицу села Пьянова. Жаркий летний день. Г р и г о р и й стоит у своих ворот, мимо едет телега парой; подле телеги пешком идет г. К а д ы к о в

К а д ы к о в

А, старый друг, Григорий! Бог привел
Увидеться еще. А я плетуся
Домой в побывку. Я тебя нашел

На этот раз постарей, признаюсь.
О чем грустишь?

Г р и г о р и й

Да сын меня крушит.
Уж целый год с помещиком соседом.
За зайцами гоняется, кутит —
Ну, сделался формальным дармоедом!
Как прошлый год не приняли его —
Пошел, пошел... и нет конца кученью!
А — видит бог — сначала у него
Была большая страсть к ученью!
Да вишь порядки новые у вас...
Они и хороши, не смею сомневаться,
Да только с ними вы как раз
Без слушателей можете остаться....³³

К а д ы к о в

Аудитория далеко не полна,
То правда, брат Григорий;
Зато взглянул бы ты — какая тишина
И никаких историй!³⁴

(Садится в телегу и уезжает).

Ч у р м е н ь.

III

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ НОВОГО СБОРНИКА «ОБРАЗЦОВЫХ СОЧИНЕНИЙ»

(По поводу статей о «Сельском хозяине»)

К числу самых отрадных явлений последнего времени бесспорно принадлежат журнальные статьи о «Сельском хозяине». Все наши публицисты в справедливом восторге от столь радостного факта. По мнению их, статьи о «Сельском хозяине» должны истинно радовать сердце всякого человека, истинно любящего прогресс родной литературы *. В статьях гг. *Левашова*,

* Просим заметить, что здесь, как и везде, мы рассматриваем предмет исключительно с литературной, даже правильнее — с беллетристической точки, так как она гораздо светлее. Мы — спокойные литераторы, не государственные люди, не акционеры, не деятели практической жизни. Нам нет дела до того, что потеряют акционеры общества «Сельский хозяин»; мы не хотим вмешиваться в эти мелочные дразги, которые могут только испортить пищеварение. Наше дело — литература, живое слово, и более ничего; нас одушевляет любовь к прекрасному³⁵, и во имя этой-то любви мы восхищаемся указанными статьями.

Богданова, Кокорева, Байкова поднят вопрос новый, незнакомый нам до сих пор, вопрос о деле, только еще начинающемся в нашем любезном отечестве. И при всем том — как пишут!.. Какая смелость, какое благородство выражений! Какое достоинство тона! Действительно, сердце каждого русского, любящего литературу своего отечества, не может не ощутить радостного трепета при чтении подобных статей! Мы считаем своим долгом занести их в «Свисток», чтоб сохранить для будущих веков * образчики образцовых сочинений нашего времени...

Впрочем, чтоб оценить вполне достоинство статей о «Сельском хозяине», нужно рассказать все дело для читателей, подобно нам не знакомых с акционерной деятельностью нашего отечества. Мы возьмем сведения из обстоятельной статьи об этом предмете, напечатанной г. Серно-Соловьевичем. Эта статья, равно как и заметка г. Ахшарумова в № 211 «СПб. ведомостей», суха и вообще не очень замечательна, хотя и она по местам блестит красотою карамзинского слога. Но делать нечего — для ознакомления с делом приходится обратиться и к такой статье.

Общество «Сельский хозяин» учреждено в 1857 году гг. *Кокоревым, Бенардаки, Байковым, Фон-Дезеном* и *Шолле*. Программа деятельности его была очень обширна, но главная задача его состояла в приготовлении из мяса консервов и торговле ими с Франциею. Дело обещало большие выгоды, и акции быстро разобраны, с премиею до 10 р. с.

19 октября было первое общее собрание, в котором выбраны в члены главного правления гг. *Байков, Фон-Дезен, Алфераки, Скараманга, Шолле* и *Делессер* и положено, по убеждениям г. *Байкова*, перевести правление общества в Таганрог.

Постановление это было исполнено не ранее 1858 г., а между тем заседания главного правления происходили в Петербурге, где из шести членов находились только гг. *Байков* и *Фон-Дезен*.

В это время образован личный состав управления, причем сделаны условия, весьма стеснительные для общества. Так, например, г. *Кинг*, управляющий главною конторою, приглашен на 6 лет, с платою ему 6000 р. с. в год и 3% с чистой прибыли; в случае его смерти наследники его получают полугодовое жалованье и 1% прибыли; если он оставит службу общества, то ему 5 лет выдается 1% прибыли; если общество откажет ему, то обязано уплатить жалованье и проценты по срок контракта.

В это же время сделан план действий, признанный потом негодным. В это же время куплена привилегия *Фастье* на приготовление консервов — за 20000 р. с., с ежегодною платою сверх того в течение 12 лет по 1000 р. с. К чему она послужила, до сих пор неизвестно.

Всобщее до составления нового правления в Таганроге денег было издержано 154 т. р. сер., да г-м *Шолле* во Франции было израсходовано 165650 франков — без всякой предварительной сметы.

21 января 1858 г. было новое общее собрание акционеров. Здесь было вытребовано — на постройку ростовских фабрик с принадлежностями 400000 р. с., на покупку и корм скота — 400000 р. с., на издержки фабрикаций

* Исчислено, что «Свисток» будет долговечнее всех газет и журналов.

и управления — 100000 р. с. Подробных смет не было и даже не сказано было, на какой срок испрашивались суммы для покупки и корма скота и на управление. Но тем не менее общее собрание акционеров бесприкословно утвердило все требуемые расходы.

В этом же собрании представлено было о разделении управления между тремя директорами-распорядителями. Составили особый комитет из акционеров и выбрали во Франции г. *Шолле* с вознаграждением 1% с товаров, проданных за границей, а в России — гг. *Байкова* и *Фон-Дезена*, с жалованием 6000 р. с. в год. Впрочем впоследствии оказалось, что гг. *Байков* и *Фон-Дезен* брали свое жалование уже с октября 1857 г.

В том же комитете был предложен директорами вопрос о разрешении употреблять свободные суммы общества на посторонние обороты, но комитет не разрешил этого. Несмотря на то, Впрочем, г. *Байкову* выдано было 42000 р. с. ссуды из кассы общества, под залог его акций того же общества, хотя г. *Байков*, вместе с г. *Фон-Дезеном* не оплатили своих акций вторым взносом. Мало того — 22000 из выданных денег, до недавнего обозрения петербургским правлением кассы, не были истребованы обратно, хотя уже чувствовался недостаток в деньгах.

По переводе правления в Таганрог главными деятелями остались опять гг. *Байков* и *Фон-Дезен*: первому поручена главная контора и вся текущая часть по действиям и оборотам общества; второму — заведывание постройкою ростовских фабрик и покупкою скота. Действия их были не совсем удовлетворительны, как показали последствия: заготавливаемый скот был плох и дорог; издержки управления были так велики, что когда потом потребовали сокращения расходов, то сам г. *Байков* нашел, что можно их *сократить, без всякого неудобства*, на 30000 р. с.! За границей содержали нескольких агентов с платой им 3000 р. с. в год, а дел еще никаких не было; на юге России арендовались степи, которые по ненужности надо было потом сдавать в третьи руки, покупалась для размола пшеница, когда еще только стали говорить о постройке мельницы; нанимались лавки и магазины для товаров, которых еще не существовало!..

17 июня 1858 г. было чрезвычайное общее собрание акционеров для рассуждений о постройке мукомольной мельницы в Таганроге. Постройка мельницы была, Впрочем, и без общего собрания решена еще в апреле месяце, и к постройке ее уже приглашен был, по рекомендации г. *Кинга*, г. *Штетцер*, хотя он, как впоследствии оказалось, не имел никакого понятия о деле. Таким образом разрешение общего собрания акционеров было не более, как одною формальностью.

Впрочем, в половине прошлого года уже носились слухи, весьма неблагоприятные для правления общества. Поэтому собрание 17 июня началось тем, что г. *Байков* прочел весьма красноречивое опровержение слухов, распускаемых недоброжелателями общества. Акционеры, по-видимому, убедились — тем более, что свое красноречивое опровержение г. *Байков* заключил обещанием, что факты сами будут говорить за себя.

И действительно, акционерам представлена записка, из которой оказывалось, что по сметам, составленным вновь и уже окончательно, ростовские фабрики будут стоить не 400, а только 260 тысяч р. с. К этому прибавлялось

еще, что цены в сметах с намерением выставлены самые высокие, так что можно поручиться за 20% экономии с суммы 130000 р. с., назначенных собственно на постройку. Сверх того, в этой же смете включены еще 15000 на непредвиденные издержки. Словом, в общем собрании 17 июня акционеры внезапно, против всякого чаяния, приобретали 180000 р. с. на одной постройке ростовских фабрик!.. А между тем от фабрик этих обещали им еще 20% чистой прибыли!..

Затем требовалось на постройку мельницы 330000 р. с. Представлено было, что чистая прибыль от нее, при 12-тичасовой работе, должна простираться до 21%, а при 20-тичасовой — до 28%. Возможно ли было не увлечься такой перспективою? Акционеры и увлеклись действительно: все требуемые расходы были утверждены.

Мало того: красноречивые доводы г. Байкова были так убедительны, что с этого времени вся власть по управлению делами переходит в руки г. Байкова. Сначала, под предлогом отсутствия некоторых членов, прекратили еженедельные заседания и *поручили ведение текущих дел г. Байкову* и главной конторе под его непосредственной ответственностью, а в непредвиденных случаях разрешили г. Байкову *действовать именем главного правления*; затем, в видах устройства кассы и отчетности на коммерческом основании, главное правление положило *не поverять кассы, а предоставить это директору-распорядителю*. Наконец, главным правлением признано, что разделение занятий между тремя директорами-распорядителями неудобно, ибо разъединяет единство управления и подчиняет его личным, иногда несогласным между собою взглядам каждого директора. Вследствие того и положено: сосредоточить все дела в лице одного директора-распорядителя, которому правление *передает все права свои* и поэтому предоставляет: подписывать бумаги и денежные документы, заведывать кассою, блюсти за расходами, заключать контракты и условия, надзирать за работами и постройками, заведывать личным составом служащих, входить во внутреннее управление отдельными учреждениями общества, распоряжаться всеми действиями и операциями, *подписывать все бумаги именем правления*; последнее право предоставлено и г. Кингу.

Все это было решено без общего собрания, т. е. без ведома большинства акционеров. Поэтому положено было представить обо всем этом будущему общему собранию, а до тех пор *возложить все вышеуказанные права и обязанности на г. Байкова*.

Самому же г. Байкову поручен и доклад отчета общему собранию, вследствие чего он уехал в Петербург, а права его все переданы г. Кингу.

Г. Фон-Дезен тоже уехал в это время в Петербург, не исполнив данных ему на юге поручений относительно заготовления скота.

Новое общее собрание акционеров было 25 января 1859 г. На этот раз г. Байков должен был сознаться в некоторых ошибках, совершенных *по неопытности*; но вообще уверял, что дела идут отлично. Управление на юге, по его словам, было образцовое, состав служащих — превосходный, надежды в будущем — самые блестящие... Не ограничиваясь словами, он представлял факты: удостоверял, что из находящегося у общества в наличности скота будет товару на 200000 р. с., и для полнейшего подтверждения своих

уверений указывал акционерам на предварительно розданный им толстейший отчет, из которого, однако, ничего нельзя было понять.

Обаяние г. *Байкова* на всех акционеров было так неотразимо, что они и тут готовы были во всем предаться на волю его. Но их несколько озадачило то, что акции общества сильно упали, дивиденд не был выдан, и между тем требовались новые ассигновки.

Вследствие таких сильных фактов общее собрание решилось *в первый раз* изъяснить некоторое несогласие с предложениями главного правления. Положено было: перевести правление из Таганрога в Петербург, избрать 10 почетных членов для ревизии кассы и книг и для окончательного разрешения всех вопросов, подлежащих общему собранию; поручить правлению обратить особое внимание на скорейшее окончание фабрики и мельницы; позаботиться о сокращении издержек и привести в известность текущие расходы.

Эти вежливые меры показались, однако, самим акционерам верхом дерзости, и они постарались сколько возможно смягчить свои действия, чтобы не показать вида недоверия. Таким образом правлению торжественно *принесена благодарность* за откровенное изложение дела: в число почетных членов избран г. *Кокорев*, один из учредителей общества, действовавший в отношении к правлению — как ниже увидим; г. *Байков*, по очереди выбывший из директоров, *избран снова* — на что он и указывал впоследствии как на заслугу свою...

В Петербурге состав правления был уже другой: гг. *Скараманга*, *Война* и *Алфераки* отказались от своих должностей по переводе правления из Таганрога, и вместо них вступили гг. *Яacobсон*, *Трубников* и *Золотарев*. Гг. *Байков* и *Фон-Дезен* остались членами по-прежнему, и таким образом, по смыслу последних поручений правлению от общего собрания, получали вновь то лестное право, которым г. *Байков* и прежде пользовался, — право *ревизовать самих себя*.

Однако же теперь г. *Байков* был уже не один, и потому надо было привести отчетность в такое положение, чтобы она не ему одному была понятна, а могла быть доступна и для других. Но это оказалось чрезвычайно трудным, потому что ход дела был крайне запутан и единственными материалами для соображений были книги — прихода, расхода и баланса, представленные г. *Байковым* и неподписанные членами правления. По закону и уставу общества, такие книги не могли быть приняты в соображение, и хотя г. *Байков* объяснил, что главное правление передало все свои права ему, *Байкову*, но ему сказали, что такая передача, без разрешения общего собрания, совершенно противозаконна.

Наконец собраны кое-какие сведения, из которых открылось, между прочим, следующее. Несмотря на *окончательную* смету, представленную общему собранию 17 июня и уверявшую, что постройка фабрики ростовской будет стоить 260000,— теперь явилась *еще более окончательная* смета, утверждавшая, что 260000 недостаточно, а надо 400000. Таким образом акционеры, недавно обнадеженные, что им еще и с 260 тысяч будет тысяч сорок сбавки, теперь рады были бы и без сбавки отделаться означенной суммой, да и то оказалось невозможным. Сметы не были доставлены из Таганрога и никем не просмотрены. Но главное правление, имея в виду неудовлетвори-

тельное положение дел, решило ограничить ассигновку на фабрики 267-ю тысячами. В то же время открылось, что и постройка мельницы, вместо ассигнованных 330000, будет стоить 400000. Из сличения подробностей выходило, что на машины прибавлено затем, чтобы достать их лучшего качества, но что на случай ломки некоторых предметов куплены запасные экземпляры; а в числе этих запасных экземпляров была паровая стосильная машина, ценою, со всеми принадлежностями и постройками для нее, в 100 тысяч руб. сер.! В смете оказалась такая тщательность, что в числе принадлежностей мельницы пропущены были — камни для жерновов!..

Вообще из представленных документов нельзя было определить даже общего количества произведенных расходов!.. Можно было видеть только одно: что дела ведены были чрезвычайно дурно и что положение общества — очень неблестящее.

Тогда почетные члены и директора решились преобразовать систему администрации и вверить управление делами в Таганроге и Ростове одному главноуправляющему, под ведением главного правления. Вместе с тем признано необходимым: *изменить систему заготовления скота, уменьшить состав служащих, прекратить производство жалованья по 6000 р. в год гг. Байкову и Фон-Дезену, упразднить заграничные агентства, не приносящие никакой пользы обществу, закрыть мясные лавки, сдать хутор Шейкина, излишние степи, магазины для помещения пшеницы, продать приобретенную обществом от гг. Байкова и Фон-Дезена днепровскую местность, закупленную пшеницу, — так как все эти статьи, не давая доходов, требуют больших издержек и поглощают непроизводительно капиталы!..*

Тут-то г. Кокорев предложил отправить для проверки дел на месте рекомендованных им гг. Левашова и Богданова. Тут-то и начинается торжество нашей публицистики!.. Просим извинения у наших читателей, что так долго утруждали их сухим изложением истории общества: это было необходимо для яснейшего разумения следующих обстоятельств. До сих пор мы брали наши сведения почти слово в слово из статьи г. Серно-Соловьевича; но, доведя историю до этой точки, мы оставляем его и с наслаждением обращаемся к № 15 «Русского вестника», в котором напечатаны письмо г. Кокорева и отчеты о результатах ревизии гг. Левашова и Богданова.

Печатаая эти документы *«с особенным удовольствием»*, «Русский вестник», по обычаю, сказал здесь и свое серьезное и дельное замечание о рассматриваемом предмете. С полным знанием дела и весьма глубокомысленно, начиная с благородной мысли о преимуществах вольного труда пред обязательным, развивает он положение, что «мысль, положенная в основание общества «Сельский хозяин», принадлежит к самым счастливым, и нельзя не пожелать ей успеха, но что *вопрос* состоит *только* в том, могут ли вообще акционерные общества братья за подобные предприятия». Этими словами «Русский вестник», можно сказать, *поднимает новый великий вопрос* в настоящее время, когда уже поднято столько вопросов. Но этому вопросу суждена счастливая участь: тут же, в этом же номере «Русского вестника» он и разрешается документами, присланными к издателю «Вестника» от г. Кокорева, по замечанию редакции этого журнала, еще в мае месяце нынешнего года.

И какое блистательное разрешение! Г. Кокорев оказался здесь истинным

героем публицистики, а гг. *Левашов* и *Богданов* достойными г. *Кокорева*. После всех вышеприведенных обстоятельств, без сомнения хорошо знакомых г. *Кокореву*, он не затруднился высказать в глаза акционерам всю горькую правду и посмеяться над ними так зло и справедливо, как едва ли кому случалось смеяться над самим г. *Кокоревым*. Мы видели выше, что общее собрание акционеров приносило главному правлению, т. е. г. *Байкову*, *благодарность за откровенное изложение дела*. Предавая посмеянию эту наивную благодарность, г. *Кокорев* весьма сильно дает чувствовать, что принесение ее акционерами доказывает только совершенное непонимание ими сущности акционерных предприятий.

«Иначе и быть не должно, говорит он, — в таких делах, где капитал собран от частных лиц, где доверители — целое общество, где действователи — люди, избранные обществом. Долг и честь обязывают давать доверителям откровенный отчет; в делах акционерных обществ тайна, неоглашение подробностей, прикрытие ошибок должны быть признаны за гражданские преступления».

Что вы скажете на это, о простодушные акционеры, благодарившие за откровенность? Каково г. *Кокорев* вас отделявает!

Но этого мало: мы видели, что в делах общества долгое время существовала, а по некоторым частям и теперь существует неразгаданная тайна вследствие совершенного хаоса отчетной части. Г. *Кокорев* знал это и не поколебался назвать такое ведение дел гражданским преступлением — не побоялся, следовательно, сказать акционерам, что они благодарили не только за отсутствие преступления, но и за самое преступление!

И этого недовольно: г. *Кокорев* прямо выставляет виною этого преступления самих же акционеров. Вольно же вам было не смотреть, говорит он, вольно сидеть сложа руки и доверяться чужому благородству: без надзора всякий будет в мутной воде рыбу ловить!.. Надо самим заботиться о деле, да выбирать для ревизий знающих и усердных людей, «а не таких, которые, не понимая дела или не желая уделить ему часть своего времени и трудов, приезжают в правление компании только для обрядности, почти не смотря перелистывают книги и тотчас же пишут избитую фразу, что они находят отчет верным и правильным». Мы видели, что в обществе «Сельский хозяин» серьезных проверок никогда не бывало, все ограничивалось формальными отчетами, а в сущности все было передано на руки г. *Байкову*; мы видели, что и произошло из этого. И вот г. *Кокорев* продолжает свой урок: «эти ревизии, делаемые только для формы, вносят с собою в общество зародыш великого зла: они внушают управляющим делами общества и директорам мысль, что можно ворочать делами общества по своему произволу; а отсюда истекают все вредные последствия произвола». Стало быть, кто же виноват, ежели дела ваши идут плохо, акции падают, дивиденда нет, деньги тратятся бог знает как и бог знает куда? Разумеется, вы сами, о добродушные акционеры! Со стороны же людей дальновидных глупо было бы не воспользоваться произволом, который им дают!.. Основательно, истинно, глубоко рассуждение г. *Кокорева*!..

Но акционеры могли возразить, что они избирали в директоры и в ревизоры лиц, которым доверяли и за которыми думали быть совершенно спокой-

ными. Г. *Кокорев* разрушает и это возражение, отважно говоря о том, каким образом производятся выборы в общих собраниях. Мы видели, как г. *Байков* выбран был вторично в директоры после того, как его распоряжения оказались неудовлетворительными; мы видели, как он с г. *Фон-Дезеном* остался членом нового правления, которое должно было ревизовать его же прежние действия. Поэтому в приложении к акционерам «Сельского хозяина» сарказм г. *Кокорева* имеет особенно тяжелый смысл. У нас акционеры никогда ничего не говорят и ничего не знают в общих собраниях, говорит г. *Кокорев*, все делается под диктовку директоров. «При подаче голосов, при избрании ревизоров и директоров повторяются те же грустные сцены сомнения и нерешительности, продолжающиеся до тех пор, пока какие-нибудь господа, по секретному поручению одного из директоров, шепнут акционерам, что избирать следует такого-то...»

В этом обличении виден весь г. *Кокорев*! Только он может простирать любовь к гласности до того, чтобы, будучи откупщиком, обличать откупа, будучи акционером-учредителем общества, так энергически обличать акционеров в нерадении и незнании дела! Письмо его останется навсегда знаменательным свидетельством величия настоящего времени, и в позднейшие века истинный патриот прочтет его не без сладкого трепета сердечного!..

Но еще более отрадно то, что у г. *Кокорева* нашлись достойные последователи. Записки гг. *Левашова* и *Богданова* написаны так хорошо, так успокоительно, что при них невольно «расходятся морщины на челе»³⁶, произведенные сарказмами г. *Кокорева*. Мы видели выше, как печально было положение дел, вследствие которого гг. *Левашов* и *Богданов* посланы на ревизию. Но какие утешительные явления открыли они, это уму непостижимо! Г. *Левашов* прямо и начинает с того: «Место, говорит, — очень удобное, воздух чистый; плодovitый сад, кроме удовольствия и выгоды живущих, представляет необходимую в здешних местах защиту от летнего зноя», и пр. («Рус. вестн.», № 15, стр. 243). Затем продолжает все в том же идиллическом роде: «Строитель мельницы, г. Штетцер, весьма сведующий, по-видимому, молодой человек; он очень дорожит своей репутацией и усердно занимается». «Возведенные прошлым летом постройки сделаны весьма хорошо». «В теперешнем своем объеме фабрика действует весьма удовлетворительно... Консервы все очень хороши... Вообще «до сих пор дело велось недурно и получило уже прочное основание, а в будущем обещает хорошую прибыль акционерам и пользу для государства от развития здешнего края». Записка г. *Богданова* совершенно вторит записке г. *Левашова*, и обе составляют какую-то колыбельную песню «Сельскому хозяину». Они его баюкают, а вперед обещают:

«Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин!»³⁷ и проч.

И при этом нужно заметить, что они с невозмутимейшим спокойствием указывают на тысячи и десятки тысяч, растраченных понапрасну, да еще, видимо, стараются прельстить акционеров тем, что вот уже вперед этих трат не будет... Зато будут другие — гораздо лучше: напр., в обширном саду при фабрике «очень легко будет разводить *резеду* и другие цветы, так хорошо растущие в здешнем теплом климате, на этой богатой почве», и проч.

Как, однако же, пишет г. *Левашов*! Как пишет! Я думаю, из современных литераторов только князь Кугушев может теперь так писать!..³⁸

Но акции, как известно, глупы: несмотря на все красноречие учредителей, директоров и ревизоров, они себе падают да падают в курсе! В то самое время, как напечатано было в «Русском вестнике» письмо г. *Кокорева*, с записками гг. *Богданова* и *Левашова*, акции общества, оплаченные уже 75 рублями, продавались за 25 рублей! В делах общества происходили такие явления: в Таганрог был назначен главноуправляющим г. инженер-полковник Риппас, с жалованьем 10000 р. с. в год. Приехавши туда, чтобы принять фабрики, постройки и все дела от гг. *Байкова* и *Фон-Дезена*, он встретил сильные неприятности, в особенности со стороны г. *Кинга*, который даже наотрез отказался сноситься через него с главным правлением. Вследствие таких отношений г. *Риппас* отказался от своего места, и управление осталось по-прежнему за г. *Кингом*, до такой степени, что главное правление само оказалось совершенно в зависимости от его распоряжений. Наконец послан в Таганрог г. *Золотарев* с решительным предписанием главного правления — уволить г. *Кинга*. Вместе с тем послан на ревизию г. *Пахомов*, который обнаружил крайнюю неудовлетворительность постройки таганрогской мельницы и грубое незнание дела г. *Штетцером*.

В это-то время один из акционеров, г. *Ахшарумов*, напечатал в «Спб. вед.» (№ 211) статейку, в которой рассказывает вкратце все, что мы видели выше, весьма умеренным тоном, и между прочим упоминает вскользь некоторые обстоятельства, касающиеся лично г. *Байкова*. Так, он говорит о ссуде, данной г. *Байкову* под залог его неоплаченных акций, и о том, что он скупал акции на бирже для возвышения номинальной цены их. Это было, по розысканиям г. *Серно-Соловьевича*, таким образом: г. *Байков* поручил г. *Фон-Дервизу* скупать на бирже акции общества, продаваемые ниже пари; таким образом, г. *Дервизом* скуплено 201 акция, из них 14 продано, остальные не оплачены вторым взносом. Между тем расходы на них отнесены, по распоряжению г. *Байкова*, на счет общества. Г. *Дервиз* спрашивал, не публиковать ли их в числе просроченных, но г. *Байков* велел переслать их в Таганрог, чтобы заменить ими проданные акции *Шолле*... Кроме этого факта есть и другой, о котором г. *Ахшарумов* не говорит: г. *Байков* перед отъездом из Таганрога в Петербург в декабре 1858 г. взял из кассы 15000 р. с. для покупки серий; между тем уже в январе 1859 г. оказался недостаток в деньгах на местные потребности; а какой был результат операции г. *Байкова* — неизвестно. Обо всем этом, равно как и о беспорядках в книгах, сделаны были запросы членам таганрогского правления и г. *Байкову*; но это не привело ни к чему: г. *Байков* не представил нужных объяснений.

Но с каким достоинством и спокойствием объясняется зато г. *Байков* в печати с своими антагонистами! Как он взывает к гласности, как усердно просит акционеров вникнуть в дело! Как он уверен в себе и в том, что общее собрание оправдает его! Прочтите его ответ г. *Ахшарумову* в 218 № «СПб. ведомостей»:

«В № 211-м «Санктпетербургских ведомостей», 30 сентября, акционер общества «Сельский хозяин» Иван *Ахшарумов* поместил некоторые замечания свои, извлеченные из переписки и журналов главного правления.

Так как господину Ахшарумову (являющемуся в своей статейке обвинителем местных распорядителей в Таганроге и Ростове и прежнего правления) угодно было назвать меня, то это дает мне право сказать несколько слов в ответ.

Я не стану говорить о действиях местных распорядителей; *эти действия были оценены на месте ревизорами, посланными от общества, и разными акционерами, посещавшими заведения наши; отзывы их единогласны, и, вероятно, гг. акционеры в собрании 15 октября поинтересуются узнать их...* Поверят многие, другие не поверят: это дело убеждения каждого и доверия его к лицам говорящим. Если в чем местные деятели будут обвиняемы, *они ответят сами за себя, и должны ответить*, потому что за неисполнение распоряжений правления и действия, противные интересам общества, они все могут быть уволены, без всякой ответственности для общества. Этого пункта в контрактах их г. Ахшарумов, вероятно, не заметил.

Что же касается до сделанных мне правлением вопросов, то я на них *большую часть уже отвечал*, а те сведения, которые к 30 сентября не были при делах правления, мною представлены гг. почетным членам, *ибо они, а не новое правление, которого я сам избран гг. акционерами в январе сего года вновь директором (!!)* — имеют право судить о правильности или неправильности своих действий.

Не стану отвечать на те сообщения г. Ахшарумова, которые имеют целию набросить на меня какие-то подозрения. Управляя совершенно новым предприятием, *я мог делать ошибки и считал непременно долгом высказать их в отчете моем совершенно откровенно гг. акционерам; но что действия мои были всегда чисты и безукоризненны, в том уверится всякий, кто ближе и внимательнее рассмотрит все дело.* Оставив службу и все прочие занятия для того, чтобы посвятить себя делам «Сельского хозяина», в котором я и семья моя имеем 1200 акций, *прямой расчет заставлял меня действовать добросовестно; мои интересы тесно связаны с интересами общества, и от упадка доверия к делу в Санктпетербурге я теряю, может быть, более, чем г. Ахшарумов.*

Позволяю себе сделать еще одно замечание: высказывая печатно такие обвинения, как, например, в п. 3 статьи г. Ахшарумова, нужно быть очень осторожным, потому что *они оставляют на авторе большую нравственную ответственность.* Понимая, от кого и с какою целью оглашается такое обвинение, я оставляю его без внимания. Может быть и, вероятно, сам г. Ахшарумов слышал что-то такое об акциях, да не так. Позвольте объясниться. В октябре 1858 года выдана мне была ссуда из кассы общества, под залог моих акций, с ведома всех директоров — записана по всем книгам и возвращена мною с процентами, по расчету 6% в год. Посмотрите в книги и вы убедитесь, что во время производства ссуды было в кассе до 130000 руб. совершенно свободных денег, и никаких финансовых затруднений она не причинила. Правление каждого общества обязано заботиться о том, чтобы капиталы его не лежали непроизводительно, а во многих обществах производят ссуды не только под залог собственных акций, но даже под акции других обществ.

Что же касается отчета г. Левашова, то он сам говорит за себя; кто его читал, тот отдает ему полную справедливость. Шутки в серьезном деле не

уместны, и выдержка г. Ахшарумова о резеде не уронит достоинства подробного и добросовестного труда г. *Левашова*.

В заключение и я вместе с г. Ахшарумовым *прошу гг. акционеров вникнуть перед общим собранием в дело*; не только взглянуть на переписку, лежащую в конторе, но *серьезно ею заняться*, чтобы присутствовать в собрании не с односторонними убеждениями, а с полным знанием дела и, не увлекаясь слухами, разными толками и оставя в стороне личности, общими силами и общим разумением дать делу верное, твердое и надлежащее направление и устройство».

На чем основана такая самоуверенность г. Байкова?

Конечно — на спокойствии совести!

Это доказали последствия: через день после напечатания ответа г. Байкова в «СПб. вед.» объявлено, что общее собрание акционеров, назначенное 15 октября, отлагается до 30, по неимению полных и подробных отчетов из Таганрога. К тому времени ожидается сюда и г. *Кинг* (которого г. *Золотареву* поручено было уволить). При сем двое из директоров — *Якобсон* и *Трубников* — сложили с себя свое звание; оставшиеся — *Байков*, *Фон-Дезен* и *Золотарев* — возвратились недавно в Петербург и приготавливают отчеты. Это объявление показалось почему-то подозрительным некоторым акционерам — между прочими г. *Серно-Соловьевичу*; он навел справки и опубликовал вот что в статейке под названием: «Настоящая причина перенесения общего собрания акционеров «Сельского хозяина» с 15 на 30 октября («СПб. вед.», № 223).

«Желая узнать, в чем дело, мы отправились в правление и прочли там два журнала 7 октября, вполне объясняющие настоящую причину перенесения собрания с 15-го на 30-е октября.

1) В заседании 3-х директоров, гг. *Золотарева*, *Байкова* и *Фон-Дезена*, обсуждали, следует ли предоставить г. *Байкову* право на голоса, переданные ему разными лицами, находящимися в губерниях, но не представившими (как это требуется уставом) своих акций в правление? По разногласию (г. *Фон-Дезен* полагал, что не следует) положено предоставить разрешение этого почетным членам.

2) В заседании почетных членов и директоров обсуживали вопрос: следует ли выдать квитанции на право голоса по 1120 акциям, доставленным вчера и сегодня от г. *Кокорева*, при объявлениях о переводе их на имя 12 разных лиц? Положили: «На основании § 32 устава общества, акционеры, желающие присутствовать в общем собрании с правом голоса, должны внести свои акции не позже 10 дней до общего собрания. Если и можно оказать в этом отношении какое-либо снисхождение в пользу акционеров, о которых, по имеющимся в конторе сведениям, известно, что они давно уже владеют своими акциями, и предоставить им право голоса, хотя бы они внесли акции и позже, чем за десять дней, то ни в каком случае нельзя допустить подобного снисхождения в пользу тех, которые теперь только приобретают акции, тем более, что директоры и почетные члены признали уже справедливым и необходимым испросить у правительства разрешение, чтобы на будущее время и в нашем обществе, по примеру прочих компаний, акционеры приоб-

ретали право голоса в общем собрании не прежде, как по прошествии 3-х месяцев со дня отметки в правлении о переводе акций на их имя».

Теперь становится ясно, для чего *необходимо* было перенести собрание с 15 на 30: г. *Кокорев* успеет перевести свои акции на имя других лиц, а г. *Байков* получит их от доверителей — таким образом один из них будет располагать 39 голосами *, а другой 15-ю. Присоединяя к этому количеству разных родных и приятелей, легко может быть, что гг. *Кокорев* и *Байков* будут иметь за собой большинство голосов (особенно если многие из акционеров не приедут в собрание) и решат дела по своему усмотрению.

Побуждения г. *Байкова* весьма понятны: им, очевидно, руководит чувство самосохранения; ведь ему (как юристу) очень хорошо известно, какая участь ожидает его, если общее собрание состоится правильно.

Но чего домогается г. *Кокорев*? Владея большим количеством акций, он, по-видимому, должен был бы заботиться о спасении падающего дела, а между тем он поддерживает прежнюю систему управления, видимо ведущую нас к ликвидации! Из этого прямой вывод, что, должно быть, для г. *Кокорева* ликвидация общества представляет большие выгоды, чем дальнейшее существование предприятия. А между тем по бывшим примерам известно, что на долю акционеров при ликвидации не приходится почти ничего!

Но что же затем делать прочим акционерам? Чем защищаться против таких действий? Как предотвратить предстоящее конечное разорение?

По недостатку времени физически невозможно протестовать с успехом против последнего распоряжения правления и настоять, чтобы общее собрание было 15-го октября.

Затем остается одно средство: на основании нового устава общества, который сегодня обнародован, право голоса в общем собрании предоставляется только лицам, владеющим акциями не менее 3-х месяцев; правило это следует применить к предстоящему общему собранию, с тем притом, чтобы подача голосов была *открытая*.

Во всяком случае будем надеяться, что в этот раз акционеры будут энергически противодействовать стремлениям лиц, обязанных заботиться о их благосостоянии, но вместо того с изумительною настойчивостию идущих против их прямых интересов».

Не правда ли, что спокойствие и достоинство статейки г. *Байкова* объясняется чистотою совести? Не правда ли, что и письмо г. *Кокорева* с сарказмами над апатией акционеров приобретает еще большее достоинство после объяснений г. Серно-Соловьевича? И не правы ли были мы, сказавши, что история литературы должна сохранить на своих скрижалях статьи гг. *Кокорева*, *Левашова*, *Богданова* и *Байкова* как блистательные опыты русской гласности!..

Да, невольно воскликнешь: вот эти люди умеют у нас пользоваться гласностью!..

* Расчет этот может быть далеко не верен: г. *Кокорев* пока представил к переводу только 1120 акций, а у него их до 4000.

Соч. Якова Хама

1

(Пред началом войны)

Чины, обычаи и самые законы —
Все, все давали вам мы щедрою рукой...
И вот чем платите вы Австрии родной!..
Не стыдно ль вам? Чего еще вам нужно?
Зачем не жить по-прежнему нам дружно?..
Иль мало наших войск у вас стоит?
Или полиция о деле не радит?
Но донесите лишь, — и в миг мы все
поправим,
И в каждый дом баталион поставим...
Или страшитесь вы, чтоб в будущем от вас
Не отвратили мы заботливый свой глаз?
Но мысль столь страшная напрасно вас
тревожит:
Австрийская душа коварна быть
не может!!.

4

ДВЕ СЛАВЫ

(при вести о заключении мира)

Пусть лавр победный украшает
Героя славное чело,
Но друга мира не прельщает
Войны блистательное зло...
Предсмертный крик врагов
сраженных,
Вопль матерей и плач сирот,
Стои земледельцев разоренных
Он внемлет — и войну клянет...

Иная, лучшая есть слава!
Иная, громче есть хвала!
И вновь Австрийская держава
Ее теперь приобрела:
Мечты воинственные бросив,
Щадя запас народных сил,
Наш император Франц-Иосиф
Мир в Виллафранке заключил!... ⁴⁵

На лицах всех сияет радость;
Ликут села, города:
В полях, почуяв мира сладость,
Пасутся весело стада!
От груди матерней ребенка
Теперь никто не оторвет,
И даже малого цыпленка
Никто безвинно не убьет!

За столь благие элементы
Охотно мы врагам своим
Трофей Палестро и Мадженты,
И Сольферино ⁴⁶ отдадим!
Воссядем мы под мирной кущей,
В восторге песни запоем
Величью Австрии цветущей
И — кружкой пива их запьем!
С австрийского

Конрад Лилиеншвагер

V

СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ «СВИСТКА»

В заключение редакция «Свистка» представляет суду своих читателей пять стихотворений посторонних сотрудников, почувствовавших призвание к юмористической деятельности. Все они, как легко усмотрит читатель, принадлежат к теории «искусства для искусства» ⁴⁷.

1

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА

(Посвящается Г. И. Сокольскому)

«...Что это за город!? Справедливый боже!
Ни одной заезжей, незнакомой рожи...
Не с кем перемолвить «конфиденциально»:
Все глядят так тупо, так официально!
И во всем такая «мерзость запустенья»,
Только что и слышишь: «долг» и
«исполнение»...

Но при настоящем пониманьи долга —
Кажется порядка не дождаться долго!

Здесь пол прекрасный в разговорах
плоских

Мне напоминает попадей московских;
Слушая их речи, видя одеянье, —
Неужели, мыслишь, это «перл созданья»?
Здесь меня сначала очень уважали:
Тридцать два семейства оженить желали;
Тридцать три девицы мне романсы пели —
И при каждом слове девственно
краснели;
Каждая альбом мне робко подносила
И стишков на память написать
просила;
Измаравши бойко нежную страницу

4

СЕРЕНАДА

Город спит в дали туманной,
Освещен лишь бельведер,
И играет иностранный
На гитаре офицер.

Звучно стройная гитара
Изливает нежный стон:
«*Cara mia, mia cara!* *
Выйди, выйди на балкон!»

Полны слез слова живые,
Но безмолвен бельведер,

И опять «*o cara mia!*»
Продолжает офицер.

Голос плакал музыканта;
Вот услышали его...
Из окна — *Maria Santa!* ** —
Чем-то облили всего!...

Жаль мне нового мундира, —
Maledetto *** бельведер!...
И в волнах Гвадалквивира
Стал купаться офицер...

А. А.

5

ПАСТУХ, МОЛОКО И ЧИТАТЕЛЬ

(Басня)

Однажды нес пастух куда-то молоко,
И так ужасно далеко,
Что уж назад не возвращался.

Читатель! он тебе не попадался?

* * *

* Милая моя, моя милая! (итал.). — Ред.

** Святая Мария! (итал.). — Ред.

*** Проклятый (итал.). — Ред.

СВИСТОК

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

4

НАУКА И СВИСТОПЛЯСКА, ИЛИ КАК АУКНЕТСЯ, ТАК И ОТКЛИКНЕТСЯ

(Рассказ в стихах и прозе, со свистом и пляскою)

Т и т Т и т ы ч. Настасья! Смеет меня кто обидеть?
Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Никто,
батюшка Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами
всякого обидите.

*Островский*¹.

1

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

«Свисток умер! Свисток кончил свое земное странствие! Так и должно было ожидать, ибо, не признавая ничего возвышенного в мире, жить долго невозможно».

Такие слухи и мнения давно уже ходили по России и особенно усилились с начала великого поста, когда с закрытием театров и прекращением балов образованному обществу решительно нечего делать, кроме как только сплетничать. Мы долго и упорно молчали, но наконец решаемся протестовать. Прискорбно, конечно, объявлять, что я, дескать, жив, и, сколько мы помним, в русской литературе только Алексею Дмитриевичу Галахову пришлось однажды сделать такое объявление *². Но что делать? Известно, что неблагонамеренные слухи могут доводить людей до отчаянных выходов. И мы предупреждаем, что если слухи о смерти «Свистка» не прекратятся, то мы последуем примеру санктпетербургской полиции, объявившей недавно в «Полицейских ведомостях» (№ 54), чтоб никто не верил ложным слухам о дочери г. Вебера³. Вообще считаем бесполезным объявить, что мы жизнь свою дешево не продадим!!

Мы, впрочем, и теперь не вышли бы в свет, если б не вызывало нас особое обстоятельство. Мы не очень гонимся за тем, чтобы беспрестанно быть на

* См. «Отеч. зап.», 1849 г., № 2, Смесь, стр. 259. «А. Д. Галахов жив и здравствует в Москве, деятельно работая над своими хрестоматиями, которые приобрели теперь повсюдную заслуженную известность и приняты в руководство в казенных учебных заведениях».

выставке, и очень радуемся, видя, что наше дело, то есть забава читателей, исполняется не без успеха другими. С нашей легкой руки «Свисток» под разными названиями появился во всех русских журналах, даже наиболее похожих на «Revue des deux Mondes»⁴, которым так кололи нам глаза. Так, например, в «Отечеств. записках», с которых еще очень недавно снят эпиграф: «beate plane aures»⁵, и пр., появилась в конце прошлого года весьма юмористическая статья г. Буслаева «О древнерусской бороде»; а в «Русском вестнике» недавно напечатана статья г. Ржевского⁶ «О мерах, содействующих развитию пролетариата», до того родственная со «Свистком», что у г. Лилиеншвагера оказалось несколько стихотворений, почти буквально сходных с некоторыми ее местами. А сколько свисту было в Петербурге, когда г. Серно-Соловьевич ораторствовал, а Е. И. Ламанский приказывал всем молчать!⁷ А на железных-то дорогах сколько свисту!⁸.. Свисток решительно вошел в нравы — и не только русские, но даже французские, ибо и в главном обществе железных дорог акционеры, директора и инженеры свистали, можно сказать, взапуски... Видя такое всеобщее рвение к свисту, мы уже и не считали нужным утруждать себя для общественного блага. Но случилось обстоятельство, разлившее в нас именно то душевное довольство, при котором свищется само собою, умиленно и весело. Обстоятельство было вот какое.

До сих пор солидные люди нас знать не хотели, или, говоря любимым словом некоторых ученых, *игнорировали*⁹, и это чрезвычайно нас беспокоило. «Что же это в самом деле, думали мы: разве мы не стоим никакого внимания? Ну, положим, я дурен; так и скажи, что я дурен, а не молчи! Ведь писали же в «Атенее» несколько статей о сухих туманах; что ж, мы разве хуже сухих туманов?»¹⁰ Но молчание о нас продолжалось невозмутимое; даже Гарибальди не прислал (как мы ожидали) протеста на наши «Австрийские стихотворения». Впрочем, Гарибальди мы еще извиняли: как хороший знакомый г. Берга¹¹ (смотри об этом в письмах г. Берга, «Русск. вест.», № 14) он, вероятно, следит за русской литературой более по «Русскому вестнику», да и там, после переводов г. Берга, всего больше читает статьи и стихотворения семейства Павловых...¹² Но пренебрежение русских ученых нас очень беспокоило. Мысль привлечь их внимание все более овладевала нами, а один из наших сотрудников дошел даже до того, что заключил мечту всей своей жизни в том, чтобы увидеть о «Свистке» печатный отзыв профессора *Леонтьева*!¹³ Как мы ни уверяли нашего сотрудника, что г. Леонтьев, по одним уже строгим и классическим отношениям своим к университету, должен удалять от себя всякую мысль о свисте — ничто не помогало: мысль видеть в печати отзыв г. Леонтьева о «Свистке» долго мучила нашего друга, и едва мог он утешиться известием, что о «Свистке» говорят даже за границей¹⁴. Впрочем, мы сознаемся, это уже была крайность, нечто болезненное — *mania leontiana* *. Мы не доходили до такой степени и охотно бы удовольствовались, если б увидели, что заслужили внимание, напр., хоть г. Рачинского, столь знаменитого своею критикою стихотворений г. Майкова (справьтесь, пожалуйста, в «Рус. вестн.», 1858 г., № 10). Если же заговорил бы о нас

* мания леонтьевского, по типу *mania grandiosa* — мания величия (*итал.*). — *Ред.*

г. Бунге, г. Горлов и вообще кто-нибудь из ученой *публики*, дававшей недавно обед бельгийскому экономисту Густаву де Молинару¹⁵, — нашему счастью пределов бы не было... Но нет, наши ученые решительно продолжали нас «игнорировать». Они вспоминали скорее о предметах самых отдаленных, нежели о нас. Например, г. Утин, говоря во вступительной лекции¹⁶ (см. в «Отеч. зап.», № 1) о начале государственной жизни у разных народов, ухитрился привести латинскую цитату из Тацита о государственной жизни германцев, а не потрудился поискать свидетельства в «Свистке». Еще недавнее г. академик Грот, выражая в «СПб. ведомостях» свое удовольствие от первого литературного вечера в пассаже, вдруг заговорил собственными стихами¹⁷ о том,

Как струны *Брагга* запоют.

Брагга этого он называет «скандинавским Аполлоном». Но скажите на милость, неужели «Свисток» не ближе к литературным чтениям, нежели какой-то скандинавский Аполлон?.. О «Свистке» следовало бы тут упомянуть уже и потому, что стихотворение «Нива», непрерывно читаемое г. Майковым в пользу нуждающихся литераторов, было отчасти помещено в «Свистке»¹⁸, правда, в извлечении, но зато с весьма энергическим последним стихом. И однако же — о Брагге поведано русской публике устами почтенного академика, а о «Свистке» ничего не сказано! Мы ужасно огорчились, и в горе своем рады были даже г. Бестужеву-Рюмину, косвенно объяснявшему нам в «Отеч. записках» (1859 г., № XI) все неприличие «Свистка»¹⁹. В награду за такое внимание мы было решились даже при первом удобном случае произвести его в великие ученые.

И вдруг что же открывается? Открывается, что вся игноранция ученых была в этом случае фальшивая, совершенно так, как в большинстве других случаев бывает фальшива их эрудиция. Они зорко следили за «Свистком» и очень хорошо знали, что это такое, но «диссимулировали» свое знание *. Открылась эта диссимуляция благодаря исследованиям г. Костомарова о начале Руси. Само собою разумеется, что сам г. Костомаров не предполагал таких результатов от своих исследований о варягах. Но такова уже участь великих открытий, что они делаются случайно. Очень вероятно, что и г. Чичерин, работая над своей диссертацией о русских областных учреждениях XVII в., не предполагал, что диссертация эта поведет к открытию слабости профессора Крылова²⁰ и силы профессора Леонтьева в латинских склонениях; а вышло так. То же самое случилось и теперь. Впрочем, расскажем все по порядку и теперь уж без отступлений.

* Диссимулировать — *dissimulare* — значит притворно отрицать чувство или мысль, которые действительно в нас существуют. А есть другое слово, симулировать — *simulare*, так то значит — притворно показывать в себе то, чего нет в самом деле. Для удобнейшего сбивания в различении этих слов есть стих, который я всегда перевирал, но наконец запомнил, потому что профессор латинской словесности в течение курса повторил его нам 23 раза. Вот этот стих:

*Simulantur quae non sunt, quae sunt vero — dissimulantur **.*

Примечание сотрудника, добывающегося отзыва от г. Леонтьева.

** Симулируется то, чего нет; что есть в действительности — диссимилируется (*лат.*). — Ред.

В то самое время, как г. Костомаров печатал в «Современнике» статью о Руси литовской, г. Погодин издал книжку о норманском периоде русской истории. При разборе этой книжки в «Современнике» с обычною скромностию замечено было ²¹, что новый взгляд, отвергающий норманство, должен возбудить новые хлопоты со стороны г. Погодина, который вот уже лет пятнадцать победоносно почил на норманском вопросе, точно в Валгалле, окруженный Валкириями в образе гг. Устрялова, Касторского, Зернина ²², и пр. Предположение «Современника» оправдалось: г. Погодин приехал из Москвы, чтобы вызвать г. Костомарова на публичный диспут о том, кто были призванные варяги, норманны или литовцы. Но это для нас не главное; главное в том, что вызов свой г. Костомарову сделал г. Погодин письменно и что в письме этом посвятил несколько дельных и новых мыслей собственно нам. Он изобрел для нас особое название: «рыцари Свистопляски», довольно пространно говорил о том, что он с нами и говорить-то не хочет, и наконец, обращаясь к г. Костомарову, так возопил: «я считаю вас честным, добросовестным деятелем в куче шарлатанов, невежд, посредственностей и бездарностей, которые, *пользуясь исключительным положением (?)*, присвоили себе на минуту авторитет в деле науки и приводят в заблуждение неопытную молодежь». Затем, вызывая г. Костомарова на ученый поединок, г. Погодин прибавил: секундантов мне не нужно, разве тени Байера, Шлёцера и Круга ²³, если у вас в Петербурге есть вызыватели духов; *а вы, ради потехи, можете пригласить себе в секунданты любых рыцарей Свистопляски*. На что г. Костомаров отвечал, что лучше выбрать живых посредников из ученых мужей нашего времени (только не того, которое в Москве издается)²⁴, ибо «тени Байера, Шлёцера и Круга не помогут нам: они уже только тени, да если б и имели тело, то не могли бы сохранить совершенного беспристрастия; а настоящая моя готовность отказаться от своего мнения, если оно не будет иметь достаточной силы, чтобы убедить наших посредников, может служить М. П. Погодину ручательством, что я не думаю мнение свое защищать одобрением рыцарей Свистопляски».

Можете себе вообразить наше торжество, когда мы узнали все это — сначала из устных рассказов (ибо о Костомарове, Погодине и Свистопляске жужжал несколько дней весь город), а потом из «Санктпетербургских ведомостей». Так вот они как не знают-то нас! — радостно подумали мы. Они, как видно, покоя не имеют от нашего свиста; они до того нами заняты, что даже клички нам придумывают и распускают. Наш свист мешает спокойно гореть их труженической лампаде, к нашему свисту прислушиваются они постоянно —

В своих занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах!²⁵

Вопреки их воле и желанию, наш свист слышится им из-за каждой строчки сочиняемых ими книг, из-за каждой фразы произносимых ими спичей. Наш свист для них —

Das ist die ganze Wissenschaft,
Das ist der Bücher tiefster Sinn! * ²⁶.

* Это вся наука, это книг глубокая мысль. Г е й н е (нем.). — Ред.

Споря с г. Костомаровым как будто бы о норманнах, г. Погодин главным образом обращает свое негодование на нас и горячится при этом вовсе не за норманнов, а совершенно по другим причинам, которые угадать, конечно, нетрудно. О норманнах «Свисток» никогда и не думал толковать; что нам до них за дело? Г. Погодин не мог даже знать, согласны ли мы с ним или с г. Костомаровым. В «Современнике», конечно, была рецензия, говорившая отчасти в пользу нового мнения, но ведь «Современник» все-таки еще не «Свисток». В «Современнике» участвуют время от времени почтенные люди ²⁷, как, напр., г. Лакиер, г. Де-Пуле, г. Аполлон Григорьев, не безызвестный г. Погодину ²⁸, и т. п. Следовательно нельзя предположить, чтобы под *«кучею шарлатанов, невежд, посредственностей и бездарностей»* г. Погодин разумел «Современник» *. Дальнейшее добавление о рыцарях Свистопляски — без всякого пояснения, кого разуместь под этим, — доказывает, что и все предыдущее относилось к «Свистку». Итак, почтенный ученый, академик и заслуженный профессор, находящийся уже, можно сказать, в преклонных летах, никак не мог, начиная ученый спор, отстранить от себя мысль о «Свистке» и до того разгорячился, что даже заподозрил между нами и своим ученым противником — некоторого рода комплот! Это нам очень польстило.

Но мы все еще страшились, что г. Костомаров разочарует нас, обнаружив полнейшее неведение о «Свистке». Где ж ему, рассуждали мы, погруженному в изыскания о Жмуди и о жизни русского народа в XVII столетии ²⁹, знать что-нибудь о нас! Но нет, оказалось, что и он знает нас очень хорошо. Прочитав о рыцарях Свистопляски, он не пришел в изумление, не спросил, что это за рыцари и что за Свистопляска, и с какой стати о них упоминает ученый единокор. Он принял все дело так, как будто бы ему рыцари Свистопляски были столько же понятны и знакомы, как и Шлёцер, Байер и Круг. Вот, значит, мы каковы! Просто, значит, всемирную славу приобрели! Правда, что г. Костомаров выразил нежелание защищать свое мнение нашим одобрением; но ведь он и тени Шлёцера с товарищами отверг, значит мы тут еще не очень обижены. Правда, и в том надо сознаться, г. Костомаров обнаруживает как будто даже некоторую боязнь, чтоб его с нами не смешали и не причислили к нашему рыцарскому кругу; но и это ничего. Конечно, самолюбие, свойственное всякому человеку вообще, а свистящему в особенности, говорит нам, что если б г. Костомарова и к нашему кругу причислили, то для него особенной беды и бесчестья от этого еще не было бы. Но, во всяком случае, важно не то, благосклонно ли на нас смотрят ученые, а то, что они обращают на нас внимание. «Нам лишь бы обратили внимание», — как говорит Белогубов у Островского ³⁰. А что отзываются о нас с пренебрежением, так ведь это от нас же заимствовали: мы сами обо всех, исключая разве г. Бешенцова и еще немногих, говорили если не с пренебрежением, то с некоторою недоверчивостью; вот и о нас теперь так говорят, и это служит новым доказательством, что ученые мужи изучают нас очень тщательно. Да, впрочем, об этом всего лучше свидетельствует самый диспут г. Погодина, при котором Свистопляска получила такие прочные права гражданства в ученом

* Мы в этом окончательно убедились, узнав, что г. Погодин сам пожелал поместить в «Современнике» свои возражения г. Костомарову.

мире и о котором мы намерены теперь рассказать вкратце. В г. Погодине мы заметили прилежное изучение Свистопляски, и чего в этом деле возможно достичь изучением, он достиг; недоставало маститому ученому только природной ловкости и легкости, чтобы мы могли воскликнуть: нашего полку прибыло! Да еще недоставало почтенному академику той твердости духа, которою так отличались защищаемые им норманны, а теперь отличаемся мы, рыцари Свистопляски. Он не решился прочитать пред публикою письмо свое сполна, со всеми обращениями к нам; мало того — он *отступился от своих слов*³¹, сказанных в напечатанном отрывке его письма. Мы уже этого никогда не делаем. Пусть теперь г. Погодин отправится за море и привезет на нас целую тучу норманнов; пусть съездит опять в Москву и оттуда вывезет себе в подкрепление хоть всё наше время с самим Н. Ф. Павловым; пусть он, наконец, сделается хоть постоянным сотрудником «Современника»: мы все будем продолжать нашу борьбу и не отступимся ни от одного шага, сделанного нами!! Это для нас, разумеется, и не трудно, потому что мы ведь действуем хладнокровно, и даже с большой приятностью, а не горячимся, как г. Погодин. А притом и наше звание не позволяет нам отступать, если уж нас затронули. «Погибни, но погибни поражая противника» — вот наш девиз: на то мы и рыцари!

Но г. Погодин, как мы сказали, сделавшись нашим подражателем и союзником, сам себя уже поразил достаточно, и потому нам остается только, вместо боевой тревоги, насвистывать победную песнь и с великодушием победителей припомнить факты минувшей битвы. *C'est ce que nous ferons**, с помощью нашего барда — Конрада Лилиеншвагера.

2

НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВОПРОС В ПЕТЕРБУРГЕ

*Domine, libera nos a furore normannorum!.. ***

Еще один общественный вопрос
Прибавился в общественном сознании:
Кто были те, от коих имя «Росс»
К вам перешло по древнему сказанью?
Из-за моря тогда они пришли
(Из-за моря идет к нам все благое).
Но кто ж они? В каких краях земли
Шумело море то своей волною?
Не знаем мы! Искали мы его
От Каспия, куда струится Волга,
Где дешева икра, — вплоть до того,
Где странствовал Максимов очень долго³².
На Черном море думали найти,
Где общество родного пароходства³³
Цветет, растет и будет все цвести
Десятки лет, на зло недоброхотству.
На Балтике его искали мы,
Где вознеслась полночная столица,

Где средь болот, туманов и зимы
Жизнь так легко и весело катится.
Так мы не день, не месяц и не год,
А целый век, от моря и до моря,
Метались, как угорелый кот,
Томительно исследуя и споря.
Но наконец, измучась, истомясь,
Решились все на том остановиться,
На чем застал момент последний нас, —
Чтоб с этим делом больше не возиться!
В такой-то час норманство водворил
И дал почить нам господин Погодин.
И с той поры весь русский люд
твердил,
Что Рюрик наш с норманнами был
сроден.
Но снова мы сомнением полны,
Волнуются тревожно наши груди:

* Это мы и делаем (фран.). — *Ред.*

** Боже, освободи нас от ярости норманнов (итал.). — *Ред.*

Мы слышим, что норманны сменены
Варягами-литовцами из Жмуди...
Норманнов уничтожил, говорят,
В статье своей профессор Костомаров.
Погодин хочет встать за прежний

взгляд

И, верно, уж не пощадит ударов.

Кому-то пасть? Кому-то предлежит
Нас озарить открытием благодатным?
Бог весть! Но грудь у всех у нас горит
Предчувствием каким-то непонятным.

Привет тебе, счастливая пора
Поднятия общественных вопросов,
В дни торжества науки и добра
Томит нас вновь призыв
варяго-россов!

Что ж делать нам? Как разрешить вопрос,
Который так давно нас всех тревожит?
Он в детстве нам так много стоил слез
И, кажется, в могилу нас уложит!

Конрад Лилиеншвагер.

3

СТОЛИЧНАЯ СУМАТОХА В ПОЛЬЗУ НАУКИ

Что возмутило вас? Волнения Литвы? ³⁴
Пушкин.

Предыдущее стихотворение г. Лилиеншвагера довольно удачно выражает то отчаянное положение, в каком находился Санкт-Петербург в последнее время в отношении к варяжскому вопросу. Но действительность далеко превосходила поэтическое описание. Варяги занимали действительно все образованное общество наше, до того, что слова «Погодин», «Костомаров», «дуэль» беспрерывно оглашали воздух — и на Невском проспекте, и на набережных Невы, и в театрах, концертах, ресторанах, и даже в каждом доме, где сходилось пять-шесть человек. Устроивались даже ученые собрания ³⁵ по этому поводу, где ужасно горячились о том, как «поставить вопрос» между двумя противниками: исторически или юридически? В других кругах, не дошедших до такой мудрости, утверждали, что Погодин вызвал Костомарова на дуэль и что они просили на это разрешения, но не получили. Некоторые находили это похвальным, другие же не одобряли запрещения дуэли, говоря, что хотя вообще дуэль безнравственна, но в этом случае без нее нельзя было, ибо варяжский вопрос сам по себе есть для нас вопрос жизни и смерти ³⁶, особенно в настоящее время, когда России скоро исполнится тысяча лет. Наконец дело объяснилось, когда в газетах объявлено было о диспуте в университете. Но тут толки еще усилились. Утверждали, что дело будет решаться всеми присутствующими, на голоса, и таким образом несомненно уже будет, кого Русь лучше хочет — норманнов или литовцев. Кроме того рассказывали, что среди университетской залы будет устроен костер, на котором сожгут сочинения побежденной стороны. Вообще — варяжский вопрос сильно волновал умы, так что, смотря на всеобщее движение Петербурга, г. Лилиеншвагер сочинил даже, во славу нашей любви к науке, следующее стихотворение, которое должно насвистываться на голос: «*Вот на пути село большое*» ³⁷.

Пока не требуют столицы ³⁸
Вопрос общественный к себе,
Услышишь вздор и небылицы
В пустой и суетной толпе.
Услышишь речи о погоде,
О производствах, рысаках,

Перчатках, галстуках по моде,
Портных, танцовщицах, певцах.
Но лишь Перозьо ³⁹ пустит пар,
Или Погодин вызов грянет,
Весь Петербург мгновенно
вспрянет,

Как будто на большой пожар...
Уж не сидит он в ресторанах
И на Арманс ⁴⁰ он не глядит...
Об антраците и норманнах
Он вдохновенно говорит.

Бежит он, дикий и суровый,
Рискуя жизнью, взять билет —
В пассаж, приют науки новый,
Иль в старый — в университет!..

Действительно, два дня до диспута походили на новый год; приезжему человеку можно было подумать, что все разъезжают с визитами, а это они за билетами рыскали!.. В университете уже в четверг оказался недостаток в билетах, и вследствие того в городе на каждом шагу можно было встретить озабоченные лица и биться об заклад, что они тревожно заняты изобретением средств достать билет или каким бы то ни было образом попасть на диспут. Даже люди, которые принимали норманнов за потомков Нормы ⁴¹, а о Литве знали только по Литовскому рынку, и те приходили в волнение от одной мысли о диспуте. И не даром!..

4

НАГРАДА МИЛЫМ ДЕТЯМ

Детушки скушали, ложки обтерли,
сказали спасибо.

Жуковский («Овсяный кисель»).

Какие кудесники наши ученые, приобретшие себе авторитет! Можно сказать наверное, что ни Герман, ни Боско ⁴² и ни один из новейших магов не может произвести того, что они делают. Герман заставляет цветы расти у себя в шляпе и потом раздает их прекрасному полу; ученые наши заставляют у себя во рту созреть людей и потом эту зрелость уничтожают, т. е. с человеком, даже с целым обществом делают то, что всякий фокусник производит с батистовым платочком: сжимает, сжимает, пока тот совсем исчезнет, а потом опять его вывертит из рук. Потешаются себе ученые над православными душами!.. О нашей зрелости толковали весьма нередко, особенно в отчетах и патриотических стихотворениях. Со времени издания «Русского вестника» зрелость общественной среды нашей до того была часто провозглашаема, что наконец о ней стали говорить уже с очевидным опасением, чтоб мы не перезрели. И вдруг Е. И. Ламанский, бывший супер-арбитр в пассаже, одним словом уничтожает всю нашу зрелость ⁴³, — да ведь так искусно, что мы все усомнились, действительно не пропал ли наш платочек в руках профессора магии и не хочет ли он в самом деле сварить в нашей шляпе яичницу!.. Мы возбудили общественный вопрос из этого, и не меньше, чем Жмудью, интересовались тем, «созрели мы или не созрели». Под этим заглавием помещались даже длинные статьи в газетах. И вот прошло три месяца — новая перемена: явился новый профессор, во рту у которого мы мгновенно созрели, и все ужасно обрадовались... Но расскажем все как следует.

19 марта университетская зала представляла «умилительное слияние представителей литературы и наук, с одной стороны, и с другой стороны — самого учреждения, где науки и литература обрабатываются в высшей своей сфере, и слияние это могло служить верным залогом новых, утешительных

надежд для отечества». Действительно, в зале с семи часов давка была страшная: стулья были нумерованные, но половина народу не нашла своих мест; многие остались в проходах между стульями, другие забрали вбок, поближе к кафедрам двух противников, стоявшим одна против другой по обеим сторонам залы. Словом, в течение получаса публика в живой картине представляла собою положение новгородцев, кривичей, чуди, мери и веси, в то время как они, изгнавши варягов за море и не давши им дани, не знали, что им затем с собою делать. Публика была велика и обильна, а порядка в ней не было... Наконец, явились норманны в образе г. Погодина. Тогда все стихло, и маститый норманщик, по обычаю всех новых владетелей, начал свое дело с благосклонного изъявления своей благодарности обществу и затем милостиво объявил, что *мы созрели* ⁴⁴. Вся присутствующая публика подпрыгнула кверху (отчего действительно показалась выше ростом), и взрыв оглушительных рукоплесканий выразил торжественную радость всего общества. Говоря языком поэзии,

Детушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!

Мы в первую минуту не разделяли этой радости и благодарности. Мы думали: «Неужели в самом деле слова г. Ламанского были только невежливы, а не совершенно вздорны? Неужели действительно нас еще может радовать, когда до сведения нашего дойдет, что мы созрели? Дети бывают всегда очень довольны, когда их называют большими; так неужели и в нас есть то же самое чувство? Или в самом деле мы — те самые *взрослые дети*, для которых гг. Солдатенков и Щепкин издают свое «Чтение для взрослых детей?» ⁴⁵ Один почтенный муж сказал, что вы мальчишка, а другой говорит, через несколько месяцев, в утешение: «нет, вы не мальчишка», — и вы кланяетесь, благодарите и не знаете, что делать от восторга. И по каким основаниям-то каждый из них произносит свой верховный приговор! Е. И. Ламанскому не понравилось, что публика шикает г. Серно-Соловьевичу, который ему пришелся по вкусу, и вот мы не созрели; г. Погодину понравилось, что много народу собралось слушать диспут о норманнах, и у него в устах мы созрели! Это значит, что один авторитет называет вас невеждой за то, что вы не сочувствуете трагедиям Сумарокова, а другой признает вас образованнейшим человеком за умение разбирать глаголическую печать ⁴⁶. Правду сказать, если и в своих лекциях о банках и в исследованиях о норманнах гг. Ламанский ⁴⁷ и Погодин точно так же основательны, то на них положиться довольно трудно. И с какой стати этот бесцеремонный намек в самом начале дела? Неужели г. Погодин считает это за комплимент? Но ведь он должен же понимать, что большому собранию людей, сошедшихся рассуждать о деле, не говорят: «господа! то, что вы не бросаетесь друг на друга и не кусаетесь, доказывает, что вы в здравом уме». А фраза о зрелости, сказанная взрослым людям, пришедшим в университет на диспут, совершенно равносильна такому обращению. Но отчего же публика рукоплещет?

Наши глубокие размышления прерваны были г. Лилиеншвагером, который сидел возле нас и в то время, как продолжались аплодисменты, успел импровизировать и прочитать нам следующую пьесу.

БЛАГОДАРНАЯ ПЕСНЬ СОЗРЕВШЕГО РОССА

(Насвистывается на голос: Славься сим, Максим Петрович.)⁴⁸

Мы созрели! мы созрели!
Веселись, созревший Росс!
Вот теперь ты в самом деле
Стал полунощный колосс.

С той поры, как нас огрели,
Жили мы, повеся нос,
И твердя: «мы не созрели»,—
Проливали токи слез.

Помнишь, как тебя в пассаже
Уложили в колыбель?
Но созрел — (зимою даже!)
Ты в четырнадцать недель *.

Но теперь возьмемте смелость,
Взыскан милостями Росс:
Из Москвы патент на зрелость
Академик нам привез.

Мы созрели! Мы созрели! —
Так Погодин нам сказал.
Из Москвы для этой цели
Он нарочно прискакал.

Мы созрели! Росс, пойми же
И душою умились:
Скинь-ка шапку да пониже,
Да пониже поклонись!..

Выслушав эти стихи, мы сами преисполнились благоговением. В самом деле, мы прежде не приняли в соображение того, кто таков г. Погодин и кто мы все, публика! Ведь он москвич, а мы петербуржцы; он авторитет, а мы простые смертные; он преисполнен норманским духом, а мы — ни то, ни се; он составил древлехранилище и продал его⁴⁹, а мы по большей части не составляем (и не продаем) даже маленькой библиотеки. Действительно, *патент на зрелость* привез нам г. Погодин: г. Лилиеншвагер хорошо об этом выразился.

Какая честь для нас и всей России!⁵⁰

Сам г. Погодин сказал, что мы созрели! Теперь мы смело можем глядеть в глаза Е. И. Ламанскому: клеймо, наложенное им, снято с нас; у нас есть документ о нашей зрелости, и если кто-нибудь вздумает нас попрекать Ламанским, мы теперь станем защищаться Погодиным.

«Не созрел»,— сказал Ламанский;⁵¹
«Нет, созрел»,— сказал Погодин.
«Свищет!»— вымолвил Ламанский;
«Рукоплещет!!» — рек Погодин.

И таким образом, вопрос о зрелости и незрелости решен в нашу пользу, по крайней мере до тех пор, пока г. Погодину тоже не покажется, что «свищет!..»

* Здесь маленькая пиитическая вольность: собственно в 13 недель, 6 дней, 4 часа и 30 минут, ибо незрелость наша засвидетельствована Е. И. Ламанским 13 декабря 1859 г., в воскресенье, в 3 часа пополудни, а патент на зрелость выдан нам г. Погодиным 19 марта, в субботу, ровно в восемь часов вечера. Неточность эту надо приписать единственно скорости сочинения, а то г. Лилиеншвагер сумел бы втиснуть в стих все измерения времени самым точным образом.

5

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ
С ВЗРОСЛЫМИ ДЕТЬМИ

Стану сказывать я сказки,
Песенку спою... ⁵²

Лермонтов

Милостиво объявив публике, что она созрела, г. Погодин во все продолжение диспута так с нею и обходился, что давал разуметь: «вы ведь, дескать, зрелость-то от меня получили единственно по моему великому снисхождению; я же могу ее и отнять от вас: она ведь у меня во рту». Так, принявшись читать свои возражения г. Костомарову (до них нам дела мало: их смотри в «Современнике», так как он нынче в ученость пустился ⁵³), г. Погодин счел нужным отрекомендовать Костомарова публике. «Это, говорит, ученый, известный своими сочинениями о Богдане Хмельницком, о Стеньке Разине и многими важными журнальными статьями». Скажите пожалуйста — неужели? ⁵⁴ А мы никогда и не слыхали об этом! Очень вам благодарны, г. Погодин, за такое любезное сообщение... Ну, а вы чем замечательны? Отчего же вы, кстати, не позаботились познакомить нас и с вашею особою? ⁵⁵ Ведь ваша шумная деятельность относится к тому времени, когда мы еще действительно были незрелы, когда многих из нас еще и на свете не было. Между нами есть такие, которые не помнят не только вашей «Урании» на 1825 г., не только вашей «Невесты на ярмарке», «Исторических афоризмов», «Истории в лицах о Дмитриии Самозванце», но даже знают только по слухам о ваших Путевых заметках ⁵⁶ и едва-едва смутно припоминают учено-патетические статьи ваши, вроде «Послания к ученому», «Мыслей по прочтении Соловецкого донесения», «О воскресной полночи в Кремле», «Исторических замечаний о политическом равновесии», «Речи при избрании директоров общества волжско-донской железной дороги» и проч. т. п. Не мешало бы вам сообщить собравшейся публике хотя краткое обозрение этих и других «важных журнальных статей», чтобы публика, знакомясь из вашей рекомендации с г. Костомаровым, не могла остаться в неведении и насчет вашей литературной и ученой деятельности.

Впрочем, мы забываем одно обстоятельство: г. Погодин является к нам как власть имеющий; его должны все заранее знать и всех других должны знать только по его рекомендации. Это ясно; нечего нам и добиваться.

Что уж говорить о г. Костомарове? Г. Погодин, по выслушании возражений своего противника, счел необходимым, во-первых, *аттестовать* его доводы, сказавши, что они отличаются остроумием и проч. (см. подлинные слова в «Диспуте»), а потом, вместо всякого ответа, угостить всю публику баснею о крестьянине и его детях... да ведь не в намеке, не в двух словах, а в целом обстоятельном рассказе, с особою моралью! Этот эпизод был великолепен: тысячи образованных людей слушают с университетской кафедры, по поводу вопроса о Жмуди, басню о пучке прутьев! Г. Погодин, очевидно, полагает, что для созревшей публики необходимы такие доводы; но он забыл, что и для несозревших слушателей г. Серно-Соловьевич доказывал непра-

воту г. Перозио тем, что два полтинника и два четвертака не составляют четырех полтинников... И тогда ему шикала несозревшая публика. Увы! тоже произвела и созревшая, услышав басню...

Но как же г. Погодин пригнал басню к своему ответу? Посмотрите в «Современнике» подлинные слова его. А мы, если угодно, предложим и объяснение, сделав вольное предложение приведенной им басни.

НОРМАННЫ И ПУК

Басня

*(Вольное предложение из академика Погодина;
на музыку будет положено, вероятно,
Александром Васильевичем Лазаревым) ⁵⁷.*

Задумав долг отдать природе *,
Мужик к себе сынов и внуков пригласил,
И сочинил
Им завещанье в новом роде:
Пук розог им вручил
И предложил,
Чтоб кто-нибудь из них его переломил.
Пыхтел тут каждый сын, чтоб похвалил
отец,
И каждый внук кряхтел, чтобы потешить
деда...

Но наконец
Сознались, что победа
Над пукѡм сим
Не дастся им.
Тогда старик пук развязал
И им сказал,
Чтоб каждый взял
По пруту
И так ломал.
И что же? В ту ж минуту
Всяк, даже самый малый внук,
Свой прут сломал.

И вдруг —
Где пук?!

Смысл притчи сей совсем не тот,
Какой нам с детства был известен;
К вопросу о норманнах он идет,
И здесь весьма уместен.
Когда теорию норманства вообще
Одним усилием разрушить вы хотите,
То вы погубите труды свои вотще
И никого не убедите.
Но если вы начнете разбирать
Все доказательства отдельно,
Тогда, конечно, вам нетрудно их сломать
И всех нас поразить смертельно.
Итак, мораль здесь та:
Доводы разбирать не следует отдельно,
А взяться следует за общие места:
Вот это будет дельно,
И выгодно защитникам норманства.
А то пожалуй вдруг
Исчезнет их ученое убранство,
Как в басне — пук.

Рассказ этот произвел впечатление, которое тоже должно быть изображено стихами:

Так рек он, новейших времен
Менений Агриппа.
Но плохо он был оценен:
Змеиного шипа
В ответ ему кто-то пустил,
И всюду по зале

Послышался шопот: «Нет сил
В норманском начале!..
Явился норманщик с Москвы
Во имя науки,
И важно, пространно — увы! —
Толкует — о пукѡе.

* Стих сей заимствован из одной детской басни Б. М. Федорова ⁵⁸, за что и приносим ему нашу чувствительную благодарность.

Пришла к академику мысль	И шипом змеиным прошел
Скрываться за сказки!	Тот шопот по зале.
Скорей его, Клио ⁵⁹ , причисль	Но речь Костомаров повел,
К друзьям Свистопляски!»	И все замолчали.

Г. Костомаров ответил тоже аллегорически, попросив, впрочем, предварительно позволения на это. Он указал на театральные иллюзии, происходящие от размалеванных декораций, и утверждал, что нужно рассматривать дело ближе, если хочешь узнать настоящую истину. Г. Погодин тотчас же согласился, потому что именно это заключение выходило и из его басни. Затем пошел спор о частностях, который уже составляет достояние «Современника» и из которого мы похитим только три перла — об авторитетах, о порогах и о тайном голосе.

Неизвестно, выбившись ли из сил или желая сделать тонкий намек публике и своему противнику (который, как видно из ответа его, вполне понял этот намек), г. Погодин вдруг заговорил об уважении к авторитетам и в пример представил самого себя: как он уважал Карамзина, и как Карамзин сказал ему, по поводу перевода Эверса, что в норманнстве истина!.. ⁶⁰. Какие трогательные подробности о числе и годе этого свидания (26 дек. 1825 г.) ⁶¹ сообщил г. Погодин! Жаль, что не прибавил, в чем одет был историограф, когда г. Погодин пришел к нему с переводом Эверса!

Г. Лилиеншвагер, все время мешавший нам слушать, и тут вдохновился, и засвистал нам на ухо:

В двадцать пятом году, в декабре,—	Книгу Эверса я перевел
Помню — двадцать шестого числа...	И представил немедля тому,
Был я в юной и свежей поре	За кем я бессознательно шел,
И свершил я большие дела:	Чьему слепо дивился уму...

— Да Погодин не говорил этого,— перебили мы.

— Ничего, мысль его была такова,— отвечал пиита и продолжал:

И меня спросил он тогда,	Что из споров исход нам один —
Зачем Эверса я преложил:	Тот, что к нам из норманской земли
«Не годится ведь он никуда,	Рюрик, Синеус, Трувор пришли».
Ибо с юга он Русь выводил».	Так сказал мне тогда Карамзин,
Я в ответ ему скромно сказал:	И слова те запали мне в грудь.
«Для того перевел я его,	Пусть меня покарает Один ⁶² ,
Чтоб негодность его увидал	Если я вам соврал что-нибудь!
Русский люд из него самого».	Вот душа занята чем была
Благосклонно взглянув на меня,	Еще в юной и свежей поре,
Мне ответил тогда Карамзин:	Помню — двадцать шестого числа,
«Мне ясней теперь божьего дня,	В двадцать пятом году, в декабре!

Не знаем, заслужили ль бы одобрение публики мысли г. Погодина, изложенные в такой форме. Но в подлинном своем виде рассуждение г. Погодина об авторитетах и даже жалобы его на «молодую литературу» приняты были очень холодно, несмотря на то, что он к концу своей фразы приклеил довольно ловко злоупотребления акционерных обществ. Известно, что в Александринском театре возбуждают фурор фразы, вроде, напр., «домовладельцы, эти кровожадные вороны!», и т. п. Судя по этому, мы думали, что и фраза г. Погодина о молодой литературе, торопливо обернутая акциями,

вызовет взрыв рукоплесканий. Но совершенно ничего не бывало: аплодисменты раздались позже, после реплики его противника. Это, вероятно, и вызвало вдохновение нашего пииты.

Таким образом, г. Погодин должен был отказаться и от авторитетов, услышав, что порядочный авторитет только тот и есть, который ни в чем не стесняет свободы мнения, ища в своих изысканиях не удовлетворения личного самолюбия, а одной истины. Стали спорить без авторитетов. Но тут г. Погодин как раз наткнулся на пороги. Может, вы этого дела не изучали, так мы расскажем вам: мы ведь на все руки...

Видите ли, Константин Багрянородный⁶³, византийский автор X века, написал сочинение об управлении государством, и так как собственно управление мало занимало его, то он и пустился здесь в ту науку, которую г-жа Простакова называет недворянскою⁶⁴. Перебирая разные местности, он, между прочим, говорит о семи порогах на Днепре и приводит их названия на двух языках: по-славянски, говорит, называется так-то, а по-русски так-то. Ученые принялись добираться, какой же это язык разумеется под именем *русского*. Лерберг написал об этом даже чуть не целую книгу⁶⁵. Норманнщики, разумеется, принялись объяснять все из скандинавских языков. Между этими порогами особенно два показались им ясны: *Варуфорос*, по-славянски *Вульнипраг*, и *Геляндри*. Нашли в скандинавском *waг* — тихий и *fors* — порог, а славянское имя растолковали — вольный праг; *вольный* и *тихий* — все равно, стало быть ясно... Другой порог, *Геляндри*, назван у Константина *по-славянски*, а как он по-русски — этого не сказано; но норманнщики решили, что тут ошибка, и нашли в исландском точно такое слово, с значением *шумящий*. Опять ясно. Руководясь такими светлыми соображениями, г. Погодин, после всех доводов противника, объявил, что *Геляндри* и *Варуфорос* — это такие два столба, которые всегда поддержат норманнство и выдержат какой угодно напор. Наш сосед, соперник г. Розенгейма, так воодушевился при этих словах г. Погодина, что немедленно развил их в следующих стихах:

ДВА ПОРОГА

(Насвистывается на голос: «задеть мою амбицию»...⁶⁶)

Геляндри и Варуфорос —
Вот два мои столба!
На них мою теорию
Поставила судьба.
Порогов сих названия
Так Лерберг объяснил
Из языка норманского,
Что спорить нету сил.
Конечно, автор греческий
Их мог и перевернуть;
Но мог, против обычая,
И верно написать.
Геляндри хоть приводит он
В числе *славянских* слов;

Но ясно — здесь ошибся он,
Не зная языков.
В славянских всех наречиях
Такого слова нет:
Но, обратясь к исландскому,
Сейчас найдем ответ.
Так точно и *Варуфорос*
Быть может объяснен
Лишь только скандинавскою
Пригонкою имен.
Геляндри и Варуфорос —
Вот, так сказать, быки,
Об кои обоьете вы
Напрасно кулаки!

Таким образом, из порогов г. Погодин (по крайней мере в стихах г. Лилиеншвагера) выехал благополучно. Но все-таки продолжать спор без авторитетов ему, как видно, показалось затруднительно, и он, при самом конце уже, обратился к ресурсу, никем неожиданным и почерпнутому им, по всей вероятности, из «Ключа к тайнствам натуры» Эккартсгаузена⁶⁷: он вдруг сослался на *тайный голос*! Хоть бы, говорит, и заставили меня отказаться от норманства, не верьте мне, какой-то тайный голос шепчет мне⁶⁸: норманны, норманны!...

Ну, хороша наша наука, только славушка дурна, подумали мы; а г. Лилиеншвагер сейчас же на ухо — со стихами. Слушайте, говорит:

ТАЙНЫЙ ГОЛОС

(Свищется на известного «Мальбруга»⁶⁹.)

Пускай, вы победили,
Я спорить не могу;
Но все я в прежней силе
Норманнство берегу.

«Хоть я и откажуся
От взгляда своего,
Так это все, божуся,
Не значит ничего.

Мои авторитетов
Не слушаете вы,
Других же вам ответов
Не взял я из Москвы.

Слаба у нас наука,
И толку мало в ней;
Но есть во мне порука
Надежней и верней.

Я мог бы, как Ламанский,
Вас всех теперь огреть:
«До истины норманской
Вам нужно, мол, дозреть!»

Какой-то чрезвычайной
Я силой обуян:
Мне шепчет голос тайный,
Что Рюрик был норманн.

Но я — клянусь — несроден
К такому куражу.
Как русский, как Погодин,
От сердца вам скажу:

На вере к сим внушеньям
Основа весь мой взгляд:
Доверьем и смиреньем
Весь наш народ богат».

— Опять громкое словцо, которого профессор не говорил, сказали мы Конраду Исаичу (пора сообщить публике имя и отчество нашего поэта: после знаменитого «Протеста»⁷⁰ он не может уже конфузиться своим отчасти еврейским происхождением).

— Теперь не говорил, так прежде говорил, — возразил Конрад Исаич: — что ж я, по-вашему, три единства, что ли, должен соблюдать в стихах своих? А вы вспомните-ка, напр., хоть речь г. Погодина при выборе директоров волжско-донской железной дороги⁷¹. Что он тогда говорил? Я приведу, пожалуй, подлинные его слова. «В наших ушах, говорит, прозвенели только два слова, Волга и Дон, — и мы, ни о чем больше не рассуждая, ничего не расспрашивали, ничего не исследуя, принесли свои деньги, на одно честное слово... Что доказывает это явление? Это доказывает, что у нас есть доверие, вера, кредит особого, высшего рода. Это сильный рычаг деятельности, верный залог и твердое основание великих дел и успехов. Да, в русском народе есть много веры в разных ее видах — это его достоинство». И на основании этого достоинства г. Погодин предложил не делать выборов в директора,

а просить о назначении их учредителей — В. А. Кокорева, Н. А. Новосельского и др. Не хотите ли, я все это вам в стихах изложу сейчас же?

— Нет, уж избавьте на этот раз, отвечали мы, видя, что г. Лилиеншвагер находится в ужасном ударе стихотворства (что с ним, к счастью русской публики, бывает довольно редко).

Но нам не суждено было в этот вечер отделаться от стихов. Только что прение кончилось — по обыкновению ничем, только что противники сошлись среди залы, торжественно расцаловались и были подняты на руки, а г. Костомаров даже понесен на руках из залы, только что мы оправились от внезапного напоминания о бессмертии души, сделанного г. Погодиным ⁷², — как вдруг в ушах наших раздался романс «Когда б он знал» ⁷³ в переложении нашего приятеля. Романс этот служил достойным pendant * к заключительной речи г. Погодина, и мы, не имея ничего более прибавить, решаемся закончить им наш отчет о знаменательном диспуте, столь много послужившем к возвышению блистательного красноречия и удачного остроумия г. Погодина.

6

РОМАНС

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ

(от рыцаря Свистопляски)

Когда б он знал, что рыцарь Свистопляски
Невольно с ним сливается душой
И больше рад его ученой ласке,
Чем он был рад

Когда б он знал, как мил мне
«Москвитянин»,
Где всяк писать из чести был бы рад! ⁷⁴
Когда б он знал, что мне совсем не странен
Его порыв к востоку, на Царьград ⁷⁵.

Когда б он знал! Когда б он знал!..

Когда б он знал, как слог его прилежно
Я в «Путевых заметках» изучал ⁷⁶,

Когда б он знал, как пристально и нежно
Его статью я в «Парусе» читал! ⁷⁷

Когда б он знал, что в спичах затрапезных
Меня живит его вертлявый тон
И что из всех ораторов полезных
Милее всех мне Кокорев да он!

Когда б он знал, в борьбе о жмудском деле,
Что уж во мне романс ему созрел!
Решась сказать, что все уж мы созрели,
Когда б он знал, что тут и я сидел!

Когда б он знал! Когда б он знал!

* дополнением (франц.). — Ред.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА

1

ПРОГРЕСС И ТОЛПА ⁷⁸

Прочь, дерзка чернь, непросвещенна
И презираемая мной ⁷⁹.

Державин

Прогресс стопкою благородной
Шел тихо торною стезей,
А вокруг него, в толпе голодной,
К идеям выпревшим несродной,
Носился жалоб гул глухой.
Жужжала вокруг толпа пустая:
«Зачем так тихо он идет,
Так величаво выступая?
Куда с собой он нас ведет?»

Что даст он нам? чему он служит?
Зачем мы с ним теперь идем?..
Бедняк и нынче так же тужит,
И нынче с голоду мы мрем...
Все в ожиданьи благ неверных
Мы только зрим из-за угла,
Директоров акционерных
Как улучшаются дела».

ПРОГРЕСС

Молчи, безумная толпа!
Ты любишь наедаться сыто,
Но к высшей правде ты слепа,
Покамест брюхо не набито!..
Скажи, какую хочешь речь
Тебе с ораторской трибуны:

Но хлеб тебе коль нечем печь,
То ты презришь ее перуны
И не поймешь ее красот!
Раба нужды материальной
И пошлых будничных забот,
Чужда ты мысли идеальной!

ТОЛПА

Нас натошак не убеждай,
Но обеспечь для нас работу
И честно плату выделяй:
Оценим мы твою заботу —

Пойдем в палаты заседать
И будем речи вдохновенной
О благоденствии вселенной
Светло и радостно внимать!

ПРОГРЕСС

Подите прочь! Какое дело
Прогрессу мирному до вас?..
Жужжанье ваше надоело:
Смирите ваш строптивый глас!
Прогресс — совсем не богадельна,
Он — служба будущим векам;
Не остановится бесцельно
Он для пособия беднякам.

Взгляните — на небесном своде
Светило дневное плывет,
И все живущее в природе
Им только дышит и живет.
Но путь его не остановит —
Ни торжествующий порок,
Ни филин, что его злословит,
Ни увядающий цветок!..

2

НАШЕ ВРЕМЯ

Наше время так хвалили,
Столько ждали от него,
И о нем, как о Шамиле,
Все так долго говорили,
Не сказавши ничего!

Стало притчей наше время
И в пословицу вошло...
Утвердись на этой теме,
Публицистов наших племя
Сотни хрий ⁸⁰ произвело.

Наконец нам надоело
Слушать праздный их
 синклит,
И с возгласами без дела
Наше время опошлело,
Потеряло свой кредит.

Осердясь на невниманье,
Чуть не сгибло уж в Неве...
Но потом, нам в наказанье,
Вдруг в газетное названье
Превратилось в Москве!.. ⁸¹

3

ГРУСТНАЯ ДУМА ГИМНАЗИСТА ЛЮТЕРАНСКОГО ИСПОВЕДАНИЯ И НЕ КИЕВСКОГО ОКРУГА

Выхожу задумчиво из класса ⁸².
Вкруг меня товарищи бегут;
Жарко спорит их живая масса,
Был ли Лютер гений или плут ⁸³.

Говорил я нынче очень вольно,
Горячо отстаивал его...
Что же мне так грустно и так больно?
Жду ли я, боюсь ли я чего?

Нет, не жду я кары гувернёра,
И не жаль мне нынешнего дня...
Но хочу я брани и укора,
Я б хотел, чтоб высекли меня!..

Но не тем сечением обычным,
Как секут повсюду дураков,

А другим, какое счел приличным
Н** — — И** — — П**.....

Я б хотел, чтоб для меня собрался
Весь педагогический совет,
И о том чтоб долго препирался —
Сечь меня за Лютера иль нет;

Чтоб потом, табличку наказаний
Показавши молча на стене,
Дали мне понять без толкований,
Что достоин порки я вполне;

Чтоб узнал об этом попечитель,
И, лежа под свежею лозой,
Чтоб я знал, что наш руководитель
В этот миг болит о мне душой...

Конрад Лилиеншвагер

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ «СВИСТКА»

I

В редакции «Свистка» получена из Москвы «Дружеская переписка Москвы с Петербургом», при следующем письме:
«Мм. гг.!

Хотя еще незабвенный поэт наш Александр Сергеевич сказал:

И перед младшею столицей ⁸⁴
Главой склонилась Москва,
Как перед юною царицей
Порфиноносная вдова;

но мы видим, что старушка Москва до сих пор не перестает оспаривать у красавца Петербурга пальму первенства в сердце русского. Многие светила нашего литературного горизонта принимали на себя сладостный труд заявления признательных русских чувств к этому священному хранилищу отечественных воспоминаний. Довольно упомянуть имена Ф. Н. Глинки,

С. П. Шевырева, М. А. Дмитриева, Н. В. Сушкова, Н. В. Берга, графини Евдокии Растопчиной, Каролины Павловой, Авдотьи Глинки⁸⁵, чтобы оживить в памяти и сердце каждого истинно русского высокие вдохновения, посвященные стенам Кремля, Поклонной горе, Марьиной роще, московским цыганам, царю-колоколу, Ивану великому, квасам и кулебякам и т. д. Северная Пальмира, практическая и холодная красавица, не имела высокого счастья внушить столько вдохновенных гимнов тем из своих обитателей, которые пылают божественным пламенем поэзии. Но зато обильно было число *сравнений* создания Великого Петра с древнею столицею⁸⁶ царей московских. Все подобные сравнения, сколько нам известно, были с пламенным энтузиазмом принимаемы всеми благородными сердцами, которые лукавою наукою Запада не доведены еще до жалкого индифферентизма ко всему родному и в которых светоч чистой веры не погас во тьме лжеумствований кичливого разума. Не все из упомянутых нами сравнений появились в печати⁸⁷; между прочим ненапечатанною остается и предлагаемая «Дружеская переписка Москвы с Петербургом». Она попала ко мне в руки от самого автора «Московского стихотворения», и он дозволил мне украсить им страницы вашего *..... издания. Посылаемые два письма составляют, по всей вероятности, только начало переписки, которая обещает быть не только любопытною, но и поистине отрадною для патриотического наблюдения. Уже в первых письмах вы видите, с одной стороны, широкую, сильную, размашистую русскую натуру, не знающую никаких деликатесов и модных изворотов, режущую правду-матку прямо, без обиняков, с виду несколько грубоватую, но глубоко основательную, берущую дело с корня, с самого начала северной столицы, и в конце письма возвышающуюся до трогательного лиризма, до трагизма истинно шекспировского; с другой стороны — пред вами прилизанный фантик с дешевенькой иронией, поддельным скептицизмом, с затверженными, пошлыми замашками, с виду как будто приличный, но в сущности издевающийся над всем святым, силящийся бросить тень даже на такие события, как морозы 12-го года, издание «Русского вестника», педагогическая деятельность г. Киттары и пр., а между тем не смеющий даже и отвечать прямо москвичу, а обращающийся в своем ответе к какому-то третьему лицу — и уж конечно петербуржцу!.. Здесь уже ясно для вас торжество московской, на русской почве выросшей и струею русского духа омытой родной жизни — над чужеземным, чахлым произрастанием невских берегов, искусственно выведенным по немецкому маниру. В следующих письмах преимущество это должно выказаться еще ярче. К сожалению, друг мой, автор московского стихотворения, по московскому обычаю, — что греха таить! — ленивенек и не скоро соберется, а пожалуй и вовсе не соберется отвечать петербургскому приятелю. А уж если б собрался — то-то бы его отделал!!

Позвольте по крайней мере надеяться, что вы не упустите случая предать гласности прекрасное произведение московской музыки, еще более получающее цены от присоединения к нему легкомысленного петербургского ответа.

«Примите, и пр.

Н.

* Тут были обычные комплименты, которые мы, по скромности, выкинули. — *Ред. «Свистка».*

Прочитав «Переписку», мы пожелали узнать время ее происхождения, о котором ничего не говорится в полученном нами письме. Мы полагали, что время это можно определить по библиографическим данным, находящимся в переписке, и для этого обратились за помощью к весьма серьезному и усидчивому, хотя и непризнанному библиографу г. Лайбову ⁸⁸. Г. Лайбов взял «Переписку» и, по своей библиографической натуре, не удержался, чтоб не составить к обоим стихотворениям ученых и весьма обширных библиографических примечаний. Мы пришли в ужас, увидавши, как два тоненькие листика превратились в руках его в продолжение двух дней в толстую тетрадь, в которой, однако, определения времени-то и не было. Печатать все примечания оказалось невозможно: они бы составили около 20 печатных листов; но, не желая доводить до отчаяния скромного труженика, и без того уже всеми отвергнутого, мы выбрали некоторые примечания, сократили их и печатаем в виде образчика, собственно для утешения г. Лайбова и для тех, кого это дело касаться может ⁸⁹.

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

1

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

На дальнем севере ⁽¹⁾, в гиперборейском крае ⁽²⁾,
Где солнце тусклое, показываясь в мае,
Скрывается опять до лета в сентябре, — ⁽³⁾
Столица новая возникла при Петре ⁽⁴⁾.
Возникнув с помощью чухонского народа ⁽⁵⁾
Из топей и болот ⁽⁶⁾ в каких-нибудь два года,
Она до наших дней с Россией не срослась:
В употреблении там гнусный рижский квас ⁽⁷⁾,
С немецким языком там перемешан русский ⁽⁸⁾
И над обоими господствует французский ⁽⁹⁾,
А речи истинно народный оборот
Там редок столько же, как честный патриот ⁽¹⁰⁾!
Да, патриота там найщешься со свечкой:
Подбиться к сильному, прикинуться овечкой,
Местечка теплого добиться и потом
Безбожно торговать и честью и умом —
Таков там человек! Но, впрочем, без сомненья,
Спешу оговорить, найдутся исключения.
Забота промысла о людях такова,
Что если где растет негодная трава,
Там есть и добрая: вот например Жуковский, —
Хоть в Петербурге жил, но был с душой московской ⁽¹¹⁾.
Театры ⁽¹²⁾ и дворцы, Нева и корабли,
Несущие туда со всех концов земли ⁽¹³⁾
Затей роскоши ⁽¹⁴⁾, музеи просвещения,
Музеи древностей — «все признаки ученья» ⁹⁶

В том городе найдешь; нет одного: души ⁽¹⁵⁾!
 Там высох человек, погрязнув в барыши ⁽¹⁶⁾;
 Улыбка на устах, а на уме коварность:
 Святого ничего — одна утилитарность ⁽¹⁷⁾!

Итак, друзья мои! клянусь тщеславный град!
 Рыдаю и клянусь... Прогрессу он не рад.
 В то время, как Москва надеждами пылает,
 Он погружается по-прежнему в разврат
 И против гласности стишонки сочиняет ⁽¹⁸⁾!..

2

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Ты знаешь град, ⁽¹⁹⁾ заслуженный и древний,
 Который совместил в свои концы
 Хоромы, хижины, посады и деревни,
 И храмы божии, и царские дворцы ⁽²⁰⁾?
 Тот мудрый град, где смелый провозвестник
 Московских дум и английских начал ⁹⁸,
 Как водопад, бушует «Русский вестник» ⁽²¹⁾,
 Где «Атеней», как ручеек, журчал ⁽²²⁾100.
 Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
 Хотел бы я укрыться, милый мой!

Ученый говорит: тот град славнее Рима ⁽²³⁾,
 Прозаик «сердцем родины» зовет ⁽²⁴⁾,
 Поэт гласит «России дочь любима» ⁽²⁵⁾,
 И «матушкою» чествует народ ⁽²⁶⁾.
 Недаром, нет! Невольно брызжут слезы
 При имени заслуг, какие он свершил:
 В 12-м году такие там морозы
 Стояли, что француз досель их не забыл ⁽²⁷⁾.
 Ты знаешь град? Туда, туда с тобой
 Хотел бы я укрыться, милый мой!

Достойный град! Там Минин и Пожарский
 Торжественно стоят на площади ⁽²⁸⁾105.
 Там уцелел остаток древнебарский
 У каждого патриция в груди ⁽²⁹⁾.
 В купечестве, в сословии дворянском
 Там бескорыстие, готовность выше мер ⁽³⁰⁾;
 В последней ли войне ⁽³¹⁾, в вопросе ли крестьянском ⁽³²⁾
 Мы не один найдем тому пример...
 Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
 Хотел бы я укрыться, милый мой!

Волшебный град! Там люди в деле тихи,
 Но говорят, волнуются за двух ⁽³³⁾,
 Там от Кремля, с Арбата и с Плющихи
 Отвсюду веет чисто русский дух ⁽³⁴⁾.
 Всё взоры веселит, всё сердце умиляет,
 На выпренный настраивает лад —

Царь-колокол лежит, царь-пушка не стреляет ⁽³⁵⁾
И сорок сороков без умолку гудят ⁽³⁶⁾.
Волшебный град! Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Правдивый град! Там процветает гласность,
Там принялись науки семена ⁽³⁷⁾,
Там в головах у всех такая ясность ⁽³⁸⁾,
Что комара не примут за слона.
Там, не в пример столице нашей Невской,
Подметят все — оценят, разберут:
Анафеме там предан Ч* ⁽³⁹⁾
И Кокорева ум нашел себе приют ⁽⁴⁰⁾!
Правдивый град! Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Мудреный град! По приговору сейма
Там судятся и люди и статьи ⁽⁴¹⁾108,
Ученый Бабст стихами Розенгейма
Там подкрепляет мнения свои ⁽⁴²⁾,
Там сомневается почтеннейший Киттары ¹⁰⁹:
Уж точно ли не нужно сечь детей ⁽⁴³⁾?
Там в Хомякове чехи и мадьяры
Нашли певца народности своей ⁽⁴⁴⁾.
Мудреный град! Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Разумный град! Там Павлов Соллогуба ⁽⁴⁵⁾,
Байборода Крылова обличил ⁽⁴⁶⁾110,
Там *** был поражен сугубо ⁽⁴⁷⁾111,
Там сам себя Чичерин поразил ⁽⁴⁸⁾112.
Там что ни муж — то жаркий друг прогресса ⁽⁴⁹⁾.
И лишь не вдруг могли уразуметь:
Что на пути к нему вернее — пресса ⁽⁵⁰⁾
Или умно направленная плеть?
Разумный град! Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Серьезный град! Науку без обмана,
Без гаерства искусство любят там ⁽⁵¹⁾,
Там область празднословного романа
Мужчина передал в распоряжение дам ⁽⁵²⁾115.
И что роман? Там поражают пьянство ⁽⁵³⁾,
Устами Чаннинга о трезвости поют ⁽⁵⁴⁾116.
Там люди презирают балаганство
И наш «Свисток» проклятью предают ⁽⁵⁵⁾.
Серьезный град! Туда, туда с тобой
Нам страшно показаться, милый мой!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

(1) 59°, 56', 31" сев. ш. и 27°, 57', 58" долг. (См. Dictionnaire général de biographie et d'histoire, etc, etc... p. Ch. Dezobry et Th. Bachelet). Согласно с ним показывает и Dictionnaire universel, p. Bouillet: 59°, 56' с. ш. и 27°, 58' д. Но в географии Ободовского (стр. 120) показано 59°, 57' с. ш. и 47°, 59' д. И после этого еще верят иностранным справочным словарям в сведениях о России!!! На 20° соврали два лучшие справочные словаря, и им ничего! Никто не обращает внимания, даже не обличит ошибку, не предостережет соотечественников от покупки таких словарей!.. А между тем

Какой бы шум вы подняли, друзья,
Когда бы сделал это я! —

как говорит знаменитый баснописец (Басни И. А. Крылова, СПб., 1856 г., стр. 160).

(2) Гипербореи — должно быть греческое слово, а черт знает что оно значит, как говорит Ляпкин-Тяпкин у Гоголя (см. Соч. Гоголя). Хорошо еще, если варвары, а может и того хуже. Впрочем, всеми

все народы, жившие на север от Фракии

Шведский профессор Олаф Т.

Atlantica, т. 1, стр. 30

и, русские, также могли

права свои на сию честь и славу (Парамзин, т. 1, прим. 4). Любопытные

пространные рассуждения о гипербореях в статьях академиков Байера и Фишера de l'Academie des inscript, т. X, стр. 176).

(3) 1 мая солнце в Петербурге восходит в 3 ч. 28 м., а заходит в 8 ч. 26 м. А 13 сентября — восходит в 5 ч. 49 м. и заходит в 5 ч. 53 м., следовательно светит только четыре минуты!!! (См. Месяцеслов на 1859 г.)⁹⁰.

(4) Возникла в 1703 году!

(5) Не одного чухонского, ибо вот историческое свидетельство: «Корелы, олончане, новгородцы (это уж не чухонцы!), также пленные шведы, козаки, татары, калмыки (разве и это чухонцы, московский поэт?) и тысячи разноплеменных (видите ли: *разно племенных*) людей прибыли сюда (к устью Невы), по голосу царя, со всех частей его обширных владений». Так рассказывается о строении Петербурга в «Истории Петра Великого» Ламбина, стр. 319.

(6) «Из тьмы лесов, из топи блат» — стих Александра Сергеевича (См. Соч. Пушкин. изд. Исакова, т. II, стр. 304).

(7) Ясно из вывесок на каждой почти мелочной лавочке. (См. об этом также статью Фаддея Булгарина «Петербургская чухонская кухарка», в «Библ. д. чт.», 1834 г., № 10, и всякой номер «Всякой всячины» в прежней «Северной пчеле»)⁹¹.

(8) Это видно, между прочим, из стихотворения барона Розена «Небосвод», помещенного в «Литер. приб.» в «Рус. инв.», 1837 г., № XI, и из исследований Фомы Костыги, помещавшихся в «Маяке» 1845 г.⁹² Ныне по их следам пошел г. Розенгейм, изобретающий, как недавно мы видели («Отеч. зап.», 1860 г., № 1), слова, вроде *скандальности*, *либеральности* и пр., и г. Лавров в своих философских исследованиях⁹³.

(9) Об этом есть любопытная книжечка: «Оставшееся после покойного NN рассуждение об опасности и вреде, о пользе и выгодах от французского языка, в сравнении его с российским. Москва. В Унив. типогр. 1817». Книга эта редка; но многие мысли, изложенные в ней, можно читать в гораздо более общедоступной статье Н. Ф. Павлова «Вотяки и г. Дюма» («Рус. вест.», 1858 г., № 16).

(10) Совершенная правда! На днях мы видели блистательное доказательство этого неумения петербургских жителей правильно выражаться по-русски. В протоколе 13-го заседания Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым напечатано, в пункте 8-м, следующее: «Если в каждом образованном человеке значительно развито чувство благородной деликатности, *запрещающей* не только *не напрашиваться* на пособие, но и *стыдливо принимать* пособие добровольное, то оно должно быть еще сильнее развито в человеке, посвятившем себя литературе или науке» (см. СПб. и Москов. ведом.). Может ли хоть один москвич допустить такое выражение, явно извращающее смысл речи? *Чувство деликатности запрещает не напрашиваться! Запрещает стыдливо принимать!!!* Боже мой! Да где же г. Покровский с своим памятным листком ошибок ⁹⁴ в русском языке? Где А. Д. Галахов ⁹⁵, который так громил, бывало, Греча и Ксенофонта Полевого? Хоть бы он вразумил этих петербургских литераторов, не умеющих писать по-русски со смыслом!!!

(11) Слова поэта нужно ограничить: есть положительное свидетельство о москвитстве Жуковского: Так, в речи о значении Жуковского, г. Шевырев говорит: «по месту воспитания Жуковский наш» («Москв.», 1853 г., № 2, стр. 79). И далее приводит замечательное обстоятельство: «В стенах Москвы, готовившей себя на костер сожжения за всю землю русскую, Карамзин, от прошедшего возвращаясь к настоящему, в доме графа Ростопчина вдохновенно пророчил гибель Наполеону и, сам не будучи в силах сесть на коня и примкнуть к армии, благословил на войну Жуковского» (там же, стр. 84). Плодом этого и вышел «Певец во стане русских воинов», а потом еще и «Певец в Кремле»!..

(12) Закрываются на первой неделе поста (см. афиши).

(13) Стихи Александра Сергеевича: (Соч. т. II, стр. 305).

... Корабли

Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся.

(14) «От роскоши и развращения нравов» пали все древние государства (см. Всеобщ. Ист. Кайд., ч. 1, стр. 8, 11, 23 и пр.).

(15) Не совсем справедливо даже с московской точки зрения: по исследованиям г. Пейзена (см. «Совр.», 1858 г., № V), в петербургский порт в 1856 г. одного шампанского привезено было 916 287 бутылок!

(16) Доказывается недавним случаем подделки кредитных билетов (см. «СПб. вед.», № 55) ⁹⁷.

(17) Заимствовано из статьи г. Колошина «По поводу американской женщины», в «Утре» 1859 г.

(18) Капитальное обвинение против «Свистка», из которого можно бы здесь и цитаты привести, если бы не совестно было говорить о нем степенному исследователю, особенно же трудящемуся на скромном и неблагодарном, но истинно полезном поприще библиографии...

(19) Очевидное подражание гётевскому: «Kennst du das Land?»

(20) А это подражание Ф. Н. Глинке, который, обращаясь к Москве, говорит:

Город пышный, город древний!
Ты вместил в свои концы
И посады и деревни,
И хоромы и дворцы!

Стихотворение это первоначально было помещено в «Рус. вестн.», 1841 г., № 3, стр. 604—605. Но более известно оно из «Книги для чтения», которую зубрят гимназисты и в которой оно помещается обыкновенно на стр. 229.

(21) Не тот «Русский вестник», в котором было напечатано стихотворение Ф. Н. Глинки: этот издавался в 1841 и 1842 гг. Гречем, Полевым и Кукольниковым в Петербурге. И не тот, который Сергеем Николаевичем Глинкою издавался⁹⁹ с 1808 по 1824 г. и вместо которого по временам выдавалось подписчикам «Новое детское чтение». Нет, тут разумеется «Русский вестник», шумно возникший в 1856 г., предъявивший уже русской публике новые таланты гг. Бай-Бороды, Громеки, Кокорева, Рачинского, Ржевского, Чичерина и пр. и пр., прекративший в России взяточничество, водворивший в душах англиское чувство законности, отстаивавший выкуп души крестьянской, проектировавший новую русскую общину, и пр.*

(22) «Атеней», впрочем, пред концом разговорился было и обругал Островского¹⁰¹; но, говоря классическим стихом г. Пилянкевича,—

Напрягся — изнемог, потек — и ослабел...

Объявление о его прекращении было последним усилием его мужества: здесь он, как известно, предупредил г. Ламанского с его знаменитою фразой, и затем величественно, непонятый, удалился со сцены.

(23) Здесь очевидно разумеется А. С. Хомяков, ибо никто кроме его не может быть у нас назван ученым *par excellence* **: известно, что он писал и о философии («Русск. бес.», 1859 г., № 1), и о санскритском языке («Изв. II Отд. Акад. Наук», 1855 г.), и о живописи («Моск. сбор.», 1847 г.), и о сельских условиях («Москв.», 1842 г., № 6), и о юридических вопросах («Рус. бес.», 1858 г., № 1) — словом, обнял все ветви знаний человеческих. Но мы не знаем, чтобы он говорил, что Москва славнее Рима. Напротив, в знаменитом своем стихотворении «России» (которое почему-то, к сожалению, выкинуто из последнего издания «Хрестоматии» Галахова)¹⁰² говорит:

Славней тебя был Рим великий.

Но если значение имени «ученый» расширить, то есть придать его всякому, кто «был учен», то без всякого сомнения стих сей относится к г. Шевыреву, который в течение всей своей ученой карьеры до того проводил параллели между Россией и Италией, что наконец стал смешивать принадлежности обеих стран¹⁰³.

(24) См., напр., многократное повторение этой фразы в предисловии к московскому сборнику «Утро». А если угодно, то можно припомнить и «Молву» 1857 г.

(25) Стихи действ. тайн. советника Ив. Ив. Дмитриева. (Соч. Дм. Ч. I, стр. 14).

Москва, России дочь любима!
Где равную тебе сыскать?

(26) В подтверждение этого можно привести стихотворение «Олег», напечатанное в «Молве», 1857 г., № 31, стр. 358.

* Примечание это было у г. Лайбова в четыре листа печатных, с изумительными цитатами и сближениями. Но «Русский вестник» так общеизвестен, что мы решились выкинуть всю эту историю. Г. Лайбов может это напечатать, где хочет. — *Прим. ред. «Свистка».*
** по преимуществу (франц.). — *Ред.*

Олег, грамматик странный самый.
Род женский с мужеским смешал:
Всем русским городам упрямо
Он Киев матерью назвал.
Но *Киев-матушка* с нуждою
В народную ложилось речь;

Недолго мог он быть главою
И землю русскую стеречь.
Москва поправила ошибку,
Оправдан ею был Олег,
И видим мы, что речь незыбку
Про *мать градов* он древле рек.

Москва за Русь восстала мочно,
Нет счета порванным цепям,
И стала матерью точно
Она всем русским городам!...

(27) Александр Сергеевич сказал, по уверению М. П. Погодина ¹⁰⁴: («Москв.», 1841 г., № 1):

Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз.

А известно, что «что русскому здорово, то немцу смерть» — и французу, стало быть, тоже.

(28) Стоят — с 1818 года!

(29) Для примера смотри, хоть в «Молве», замечания К. С. Аксакова о значении Москвы: «В Москве преимущественно идет умственная работа; в ней древнейший русский университет. В ней силен интерес мысли и науки... Здесь пытается мысль выйти на самостоятельную дорогу, и если вновь станет наконец русский ум на свой настоящий путь, и мы, оторвавшаяся часть от русской народности, вновь придем к ней, и просвещение будет народным, то *этою нравственною победою Россия будет обязана деятельности мысли, возникшей в Москве*» («Молва», 1857 г., № 8). В pendant * к этому припомните знаменитую критику г. Рачинского на «Тысячу душ» («Рус. вест.», 1858 г., № 18), обвиняющую этот роман главное за то, что Калинович, столь дрянной человек, был студентом московского университета.

(30) Вот один поразительный пример. Г. Погодин в своих заграничных письмах рассказывает о себе: «Я рассказал Клемму со всеми подробностями о богатом вознаграждении, полученном мною от щедрот русского царя за свое собрание древностей, которое сделалось теперь на веки веков неотъемлемо сохранным собственностью отечественной науки. Немецкие ученые вне себя от удивления полумиллиону рублей, который получил русский за свои посильные труды. «Halb million, potz tausend! Halb million! Das ist prächtig!» ** *Признаюсь, с особенным удовольствием и гордостью старался я сообщить это известие кому только мог*» («Москв.», 1853 г., № 16. Отр. из загр. пис., стр. 184).

(31) См. патристические стихотворения гг. Шевырева, М. Дмитриева, К. Павловой и пр. и пр.

(32) Об этом можно справиться в правительственном акте, который перепечатан, между прочим, и в «Современнике» 1858 г., № XI, Устр. б. пом. крест., стр. 17.

(33) Против этого хорошо возражает М. А. Дмитриев, в 37-й из «Московских элегий» («Москва», 1858 г.).

Добрая наша Москва! Говорят, что на старости любишь
Сплетни ты слушать, молву распускать...
Нет, уж то время прошло, и молва от тебя не исходит;
Любишь на старости ты только спросить да послушать...

* В дополнение (франц.). — Ред.

** «Полмиллиона, черт возьми! Положительно, это великолепно» (нем.). — Ред.

(34) Арбат и Плющиха — улицы в Москве; Кремль — памятник отечественной славы, о котором Ф. Н. Глинка выразился («Рус. вест.», 1841 г., № III):

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?

Что же касается до «русского духа», то о нем можно получить понятие из объявления об издании «Русской беседы» на 1856 год.

(35) Кто царь-колокол подымет,
Кто царь-пушку повернет?

Стихи того же Ф. Н. Глинки («Р. вест.», 1841 г., № 3).

(36) Гудят действительно без умолку... И кроме того, по выражению Ф. Н. Глинки (см. там же):

На церквах Москвы старинных
Вырастают деревья!

(37) Принялись и прозябли ¹⁰⁶, ибо после первой публичной лекции г. Бабста в Практической Академии (18 янв.) слушателям долго не давали шуб, как напечатано в 1-м и предпоследнем номере «Современности» ¹⁰⁷. Шубы приехавших слушателей запрятали в отдельную комнату, перемешали порядок номеров и при разъезде стали выдавать их по одной, сквозь какое-то окошко. Народу было до 400 человек; каково же было на холоду дожидаться? Поднялся ропот; некоторые, более нетерпеливые, стали громко требовать своих шуб. В это время явился господин, заведывавший там порядком, и, подойдя к одному из претендентов на шубу, сказал с сознанием своего права и достоинства: «Если вы будете требовать вашу шубу, то не получите ее совсем». Эти слова так озадачили прозябшего господина, что он пришел в отчаяние». («Современность», № 1, стр. 28).

(38) В 1850 г. в Москве был 6691 фонарь. (См. «Описание Москвы и ее достопримечательностей» И. Милютина. М. 1850 г., ч. II, стр. 297).

(39) Здесь разумеется, конечно, г. Чернышевский В «Москвитянине», 1855 г., № 13 — 14, напечатано было о «Современнике»: «Современник», в котором сегодня позволено ругать то, что вчера расхваливалось, в котором сегодня скажет дельное слово г. Дружинин, а завтра может быть, г. Чернышевский напишет тьму безвкусных и безобразных литературных ересей» (статья Аполлона Григорьева «Об отношении современной критики к искусству»).

(40) В «Русском вестнике» (см. 1857 г., № 24, и так дальше...)

(41) Об этом довольно хорошо было изложено в «Физиологии кружка» («Рус. вест.», 1857 г., № 9).

(42) Это случилось в «Атенее», 1858 г., № 46, стр. 297. Стихами г. Розенгейма подкрепляет ученый г. Бабст свои возражения какому-то господину, защищавшему откупа.

(43) Теперь уже не сомневается, а отчаивается. См. «Отч. Моск. Практ. Акад. за 1859 г.», стр. 39.

(44) О чехах г. Хомяков пел немало; они тревожат его даже во сне («Рус. бес.», 1856 г., № 1):

О Праге я с грустною думал отрадой,
О Праге мечтал, забываясь сном...

Что касается до мадьяров, то можно назвать мадьярскими разве следующие стихи его (там же):

... На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На Тиссу, на Дриссу, на Драву, Молдаву,
На шумный и синий Дунай...

- (45) { Бесплодны и неблагодарны новые библиографические указания
(46) { на факты, столь известные.

(47) Под *** здесь можно разуместь (так как дело идет об исторических личностях) или Сигизмунда, или же, что вероятнее, Наполеона, сугубо пораженного морозами и пожаром. Имя Наполеон не входит в стих; но вероятно надо читать — Бонапарт. Впрочем, можно читать и просто Наполеон, сокращая это слово по примеру знаменитого просодиста нашего, изучившего все сокращения и ударения, г. Шевырева, который в переводе «Валленштейнова лагеря» («Москва», 1851 г.) пишет для стиха: *себе н'уме* (стр. 25), *послуш'ка* (стр. 32), *посовет'ать* (стр. 59) и пр.

(48) В 1857 г. «Русский вестник» говорил (№ 8), что г. Чичерин «начал свое учение поприще с таким блеском, с каким немногие завершают»; а теперь г. Чичерин пишет — в «Нашем времени!» (См. «Наше время», № 1, 1860 г.).

(49) Одним из таковых является, напр., в «Нашем времени» (№ 7) г. А. Забелин, неутомимо старающийся о прогрессе езды по железным дорогам. Так, он говорит: «бесконечно были бы благодарны все более образованные люди, если бы правительству угодно было приказать выставить на стенах вагонов всех классов печатные объявления, что в вагонах не позволено занимать лишних мест, против билетов; не позволено возить собак, есть рыбы, сыру, яиц и прочих веществ, распространяющих дурной запах; не позволено громко разговаривать, петь, свистать и вообще запрещается всякое беспокойство пассажиров; предписывается иметь всевозможное уважение к женщинам всех классов, и потому воспрещаются всякие скандальные разговоры, двусмысленные остроты и шутки. Пьяных вовсе не принимать в вагоны. Все эти и подобные им правила могут не остаться мертвой буквою. Выполняется же теперь очень строго запрещение курить табак, который составляет одно из самых меньших неудобств, теперь встречающихся в вагонах. Мне возразят, что правительству нельзя же быть нянькой народа и следить за каждым его шагом. Конечно, свобода дороже и лучше всего, но что же делать, когда наше общество так дурно воспитано, что еще не умеет ею пользоваться как следует, и на свободе делает *всевозможные бесчинства*» (стр. 91). А далее описываются и самые бесчинства: «Около меня уселись какие-то двое стриженных пьяных молодцов, вроде купеческих приказчиков, которые *без церемонии вытащили из-под скамьи вонючую рыбу и начали уписывать за обе щеки* (какое в самом деле бесчинство!), как будто вагоны назначены быть харчевнями и как будто *наесться досыта какой угодно гадости нельзя было на открытом воздухе или в каком-нибудь другом месте!* *Наевшись своей рыбы*, они принялись во все пьяное горло *разговаривать о своих делах*» (стр. 92). Далее автор, как горячий поборник прогресса, рассуждает о том, как эти вещи делаются «во всем образованном мире». И как гуманно рассуждает!

(50) Толки о грамотности памятливы всем. А относительно телесного наказания, после всех споров, о которых не считаем нужным упоминать, вот что говорится в книжке «Вечера с разговором», недавно изданной в Москве графом Толстым¹¹³ (стр. 13): «Считаю нужным, не обязывая общин к *непрерывному телесному наказанию в известных случаях*, оставить меры взысканий на собственное их усмотрение, лишь бы не превышали законоположений; и они, где можно, заменят его денежным штрафом, тюремным заключением, заработкою, исключением из общины, отдачею в распоряжение правительства и чем-

нибудь в этом роде; а где нельзя, там употребят телесное наказание, и если только будет возможно, то употребят его, вероятно, не спрашиваясь ни юристов, ни филантропов, ни антропологов, не меряя длину розог, не подразделяя их на мужские, женские и детские, а просто, по пословице: *«душа меру знает»*, то есть — *ad libitum* *. — По моим, может быть отсталым, понятиям *гораздо полезнее для человечества и прогресса* — дать несколько розог одному негодяю, нежели пустить по миру и развращать этим способом целое семейство его». Далее, все *«в пользу человечества и прогресса»*, автор вопиет (разгов. VI, стр. 19): «В стране, где лучшее развлечение — медвежья травля! Где лучшая потеха — кулачный бой! Где бурлаки порют суда, ставшие на мель, в полном убеждении, что *«палка — всему голова»*! Где само правительство не находит возможным изгнать из законов телесное наказание, — там не говорите мне о необходимости заменить его в *общинах*! — Я никогда не поверю вам!!! — Прогресс — должен быть общий! Должна быть — общая подготовка, общее умягчение нравов!.. А частности ни к чему не ведут, кроме бед!»

(51) Пространно об этом см. в «Русском вестнике», 1857 г., № 6, в статье «Биограф-ориенталист» Н. Ф. Павлова ¹¹⁴.

(52) Каждая книжка «Русского вестника» служит тому подтверждением. (Тут у г. Лайбова были ужасные подробности на трех печатных листах, но мы их выкидываем и оставляем только заключение)... Итак Вахновская, Кохановская, Нарская, Громека, Ольга Н**., Павлова, Евгения Тур, Щербина, Жадовская, кроме того, по тщательным библиографическим розысканиям, — Тригорский, Криницкий, Марко Вовчок и даже сам Николаенко — вот женщины, украшающие «Русский вестник», и их-то женственное, смягчающее влияние, по всей вероятности, держит его постоянно в том светлом, розовом настроении, которому не мешают даже статьи гг. Ржевского, Бунге, Лешкова и самого Хвольсона.

(53) Там даже родилась, в pendant к стереотипной фразе: «в настоящее время, когда поднято так много общественных вопросов», и пр. — другая не менее сильная фраза: *«в настоящее время, когда пьянство приняло такие широкие размеры»* и пр. (см. «Моск. вед.», 1859 г., № 8).

(54) Впрочем, и Чаннингом занялась прежде всех дама — г-жа Евгения Тур («Рус. вестн.», 1858 г., № 8); а потом уже и мужская половина «Русского вестника» принялась за него и в прошлом году, в № 7, перевела из него статейку о том, что не должно пьянствовать и почему не должно.

(55) Здесь, вероятно, заключается указание на заметку, помещенную в 95 № «Московедомостей» прошлого года. Теперь кстати будет припомнить ее всю целиком и с несколькими словами редакции «Ведомостей». Вот какой вид имеет эта заметка:

«Мы получили по поводу распространения трезвости следующее письмо:

Вы уже имели случай заметить, что, вполне сочувствуя обществам трезвости, вы желали бы, однако, чтобы дело обходилось без шпионства и телесных наказаний, по крайней мере там, где помещики, как сословие более образованное, принимают непосредственно участие в этом деле. В свою очередь, вполне соглашаясь с вами, невольно задаешь себе вопрос: неужели это идеал недостижимый, мечта кабинетных людей и теоретиков, и в нашем благословенном отечестве люди вечно будут сечь друг друга, — и не только друг друга, но и женщин, — сечь по собственному, добровольному соглашению? Вот оно — влияние крепостного права и безграмотности!

* по собственному усмотрению (лат.). — Ред.

А у нас еще есть господа *, без застенчивости печатающие, что наша литература, занимаясь вопросами о распространении грамотности, о телесных наказаниях и т. п., даже давая гласность некоторым общественным явлениям без прямого указания на лица, собственно повторяет только то, что и без нее известно. Впрочем, лучшая часть нашего общества умеет ценить этих господ по достоинству, и попытки литературного мальчишества и паясничества убить в литературе всякую живую связь с тю средой, которой она служит органом, никогда не могут иметь успеха. Многие вопросы, порешенные в Западной Европе и знакомые из книг десяти человекам в России, конечно не могли перейти в общее сознание там, где коренится и упорно держится во всем строе жизни крепостное право со всеми своими неисчислимыми последствиями. Если бы, считая все давно порешенным, наша литература ограничилась туманными выходками против неаполитанских изгнанников и т. п., то она утратила бы всякий смысл для русского общества. Это поймет всякий неглупый школьник, а у нас есть литераторы, не понимающие таких простых вещей! До какой степени невозможен успех попыток, о которых я сейчас говорил, показывает уже одно то, что в порядочных журналах Западной Европы решительно не принято иметь балаганные отделы, и что мы все, по-видимому, очень хорошо знаем это, а между тем все-таки не можем устоять против искушения — потешить публику, и при случае превратить свой журнал в «Весельчака». Отчего же это? Оттого, что в нашем обществе, даже в обществе литературном, еще не принялось западное понятие о литературе и общество еще бросается из одной крайности в другую, увлекая за собою и литературу, по крайней мере наименее серьезные ее органы.

Примите и пр.

Н. Ч.

В заключение, как серьезный и добросовестный библиограф, я должен объявить, что в полне соглашаюсь с мнением г. Н. Ч., в котором, однако, по моим изысканиям и соображениям, никоим образом не следует подозревать г. Н. Чернышевского ¹¹⁷

Dixi **.

II

НОВЫЕ ТВОРЕНИЯ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА

От редакции. Мы все думаем, что общественные вопросы не перестают волновать нас, что волны возвышенных идей растут и ширятся и совершенно затопляют луга поэзии и вообще искусства. Но друг наш Кузьма Прутков, знакомый многим из читателей «Современника», убежден совершенно в противном. Он полагает, что его остроумные басни и звучные стихотворения могут и теперь увлечь массу публики. Печатаем в виде опыта одну серию его стихотворений под названием «Пух и Перья». От степени фурора, какой они возбудят, будет зависеть продолжение.

* См. в апрельской книжке «Современника» статью «Русская литература» и балаганный отдел (возобновленный, вероятно, по случаю недавних праздников) под названием: «Свисток».

** Я высказался (лат.). — Ред.

ПУХ И ПЕРЬЯ
(DAUNEN UND FEDERN)

К ДОСУГАМ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА

«Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходим канифоль смычку виртуоза».

(Из собственных афоризмов. «Совр.», 1854 г., № 11).

Предупреждение.

Я знаю, читатель, что тебе хочется знать, почему я так долго молчал? ¹¹⁸
Мне понятно твое любопытство! Прислушай и вникни: я буду говорить с тобой, как отец с сыном.

В обществе заговорили о каких-то новых потребностях, о каких-то новых вопросах... Я — враг всех так называемых вопросов! Я негодовал в душе — и готовился!.. я готовился поразить современное общество ударом; но гг. Григорий Бланк, Николай Безобразов и пр. предупредили меня... ¹¹⁹
Хвала им, они спасли меня от посрамленья!

Наученный их опытом, я решился идти за обществом. Сознаюсь, читатель: я даже повторял чужие слова против убеждений!.. Так прошло более трех лет. Время показало мне, что я боялся напрасно. Общество наше оклеветано: оно изменилось только по наружности... Мудрый смотрит в корень: я посмотрел в корень... Там все по-прежнему: там много неоконченного (d'inachevé)!.. Это успокоило меня. Я благословил судьбу и вновь взялся за лиру!.. Читатель, ты понял меня! До свидания!

24 октября
1859 г. (annus, i)

Твой доброжелатель
Кузьма Прутков.

1

К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

(который будет издан вскоре,
при полном собрании моих сочинений) ¹²⁰

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг *;
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг;
Кого власы подъяты в беспорядке,
Кто, вопия,
Всегда дрожит в нервическом
припадке,—
Знай — это я!

Кого язвят со злостью, вечно новой,
Из рода в род;
С кого толпа венец его лавровый
Безумно рвет;
Кто ни пред кем спины не клонит гибкой,—
Знай — это я:
В моих устах спокойная улыбка,
В груди — змея!..

* Вариант: «на моем фрак». Прим. Кузьмы Пруткова.

2

ПОМЕЩИК И САДОВНИК

(Басня)

Помещику однажды в воскресенье
Поднес презент его сосед:
То было некое растение,
Которых, кажется, в Европе даже нет.
Помещик посадил его в оранжерею,
Но, так как сам не занимался ею
(Он делом занят был другим:
Вязал набрюшники родным...),
То раз садовника к себе он призывает
И говорит ему: «Ефим!
Блюди особенно ты за растеньем сим —

Пусть хорошенько прозябает!»
Зима настала между тем,
Помещик о своем растеньи вспоминает
И так Ефима вопрошает:
«Что, хорошо ль растенье прозябает?»
— Изрядно, тот в ответ: — прозябло уж
совсем!..

Пусть всяк садовника такого нанимает,
Который понимает,
Что значит слово: прозябает!

3

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

(Как будто из Гейне)

Помню я тебя ребенком,
Скоро будет сорок лет!
Твой передничек измятый,
Твой затянутый корсет....

Было так тебе неловко!...
Ты сказала мне тайком:

— Распусти корсет мне сзади,
Не могу я бегать в нем!

Весь исполненный волненья,
Я корсет твой развязал,
Ты со смехом убежала,
Я ж задумчиво стоял...

4

ПОМЕЩИК И ТРАВА

(Басня)

На родину из службы воротясь,
Помещик молодой, любя во всем успехи,
Собрал своих крестьян: «Друзья! меж нами связь —
Залор утех!

Пойдемте же мои осматривать поля!»...
И преданность крестьян сей речью воспала,
Пошел он с ними купно.

«Что ж здесь мое?» — Да все, — ответил голова: —
Вот Тимофеева трава...

«Мошенник! — тот вскричал, — ты поступил преступно!
Корысть мне недоступна!

Чужого не ищу; люблю свои права!
Мою траву отдать, конечно, пожалею;
Но эту возвратить немедля Тимофею!..»

Оказия сия, по мне, уж не нова:
Антонов есть огонь — но нет того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежал Антону.

5

ОСЕНЬ

(С персидского. Из Ибн-Фета)¹²¹

Осень; скучно; ветер воет,
Мелкий дождь по окнам льет,
Ум тоскует, сердце ноет,
И душа чего-то ждет.

И в бездейственном покое
Нечем скуку мне отвести....
Я не знаю, что такое?
Хоть бы книжку мне прочесть!

6

РАЗОЧАРОВАНИЕ* 122

(Баллада)

Поле, ров, на небе солнце,
А в саду за рвом избушка.
Солнце светит. Предо мною
Книга, хлеб и пива кружка.

И затем пошла на кухню....
Я туда ж за ней вступаю;
Вижу, дочь готовит тесто
Для обеда к караваю...

Солнце светит, в клетках птички,
Воздух жаркий, вокруг молчанье....
Вдруг проходит прямо в сени
Дочь хозяйкина, Маланья.

Обращаюсь к ней с упреком:
«Что готовишь, не творог ли?»
— Тесто к караваю.— «Тесто?»
— Да! Вы кажется оглохли! —

Я иду за нею следом,
Выхожу я также в сенцы,
Вижу, дочка на веревке
Расстилает полотенцы...

И, сказавши, вышла в садик;
Я туда ж, взяв пива кружку.
Вижу, дочка в огороде
Рвет созревшую петрушку.

Говорю я ей с упреком:
«Что ты мыла, не жилет ли?»
И зачем на нем не шелком,
Ниткой ты подшила петли?»

Говорю опять с упреком:
«Что нашла ты, уж не гриб ли?»
— Все болтаете пустое,
Вы и так, кажись, охрипли! —

А Маланья, обернувшись,
Мне со смехом отвечала:
— Ну так что ж, коли не шелком?
Я при вас ведь подшивала!

Пораженный замечаньем,
Я подумал: «Ах, Маланья,
Как мы часто детски любим
Недостойное вниманья!»

7

ФИЛОСОФ В БАНЕ

(С древнего греческого)¹²³

Полно меня, Левконой, упругою гладить ладонью;
Полно по чреслам моим вдоль поясицы скользить!
Ты позови Дискомета, ременно-обутого Тавра;
В сладкой работе твоей быстро он сменит тебя.
Опытен Тавр и силен — ему нипочем притиранья!
На спину вскочит как раз, в выю упрется пятой...
Ты же меж тем щекоти мне слегка безволосое темя,
Взрытый наукою лоб розами тихо укрась!..

Козьма Прутков.

* Музыка собственного моего изобретения будет напечатана при полном собрании моих творений.

Прим. Козьмы Пруткова.

СВИСТОК

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

5

ОГОВОРКА

Время на время не приходит: так точно и свист на свист не приходится. Вот теперь, например, говорят, майская погода, а кто ее отличит от декабрьской? Известно, что в декабре всегда в Петербурге Нева проходит, лед идет по ней, сверху каплет что-то подходящее больше к дождю, чем к снегу, франты и девицы скачут на тройках за город, по улицам чиновники в полной парадной форме разъезжают с визитами на яликах. И теперь то же самое: Нева прошла и лед по ней до сих пор временами крадется, пылкие натуры точно так же стремятся за город и перевозят свою подвижность на верных конях, ничуть не уступающих в худобе знаменитым зимним тройкам, сверху льется такой холодный дождь, что так и думаешь: он наврное либо был, либо будет снегом... А ежели чиновники на яликах не катаются, так зато они по грязи шлепают — то же самое и выходит... Так вот подите же, скажите, что теперь декабрь: никто ведь не поверит. «Как же, скажут, а счет-то, а календарь-то»? Рутинка, — скажу я вам, милостивые государи, — одна рутинка, и больше ничего! По нашему — пригрело солнышко в декабре, получил награду к празднику, знаменитого литератора увидел, прекрасной жены лишился — вот и май, — и отправляйся себе в Екатерингоф! А как ежели и в мае — да проберет тебя Чернышевский вдвоем с Костомаровым¹, или придется тебе почитать «Весенние звуки» да «Весенние ночи» в русских журналах² или как в Москву попадешь, да там при тебе о г-же Свечиной заспорят³, так тут такой тебе май покажется, что декабря запросишь: по крайности тот уж последний месяц; с новым-то годом, авось мол, и получше что будет... Но все эти здравые убеждения, хотя всякому понятные и весьма наглядно изложенные, ни на кого не действуют, мы в этом уверены. Затвердили себе, что май есть май, да и кончено: по закону тождества, говорят, так выходит. А какое тут тождество? У людей май бывает светел и радостен; а у нас что? Только и есть радости, что иной раз статейку о «Накануне» получишь. Ну, пока ее читаешь, и весело, и забавно; а потом опять темно на душе дня на три, пока не принесут в каком-нибудь журнале или газете еще статейку о «Накануне»⁴. Тоска, да и только. А все маем зовется...

Так-то вот и «Свисток»: не всегда он в себе тождество имеет. Вы не думайте, что уж коли свищет человек, так ему и весело. Конечно, мы благонравные юноши и более по кротости душевной свистим, подобно птенцам

неопытным; но иной раз не только благонаправный юноша, а даже деликатная девица вдруг от чего-нибудь в ужас придет, так ведь как — не то что засвищет, а просто завизжит! А то возьмите хоть на пароходе свисток: так хватит, что уши зажмешь, да и то не знаешь, куда деваться. По-настоящему, это уж и не свист, а вой какой-то; а всё свистом называют. Что станешь делать? Скажешь только с поэтом: «что имя? звук пустой»⁵, да с тем и останешься.

«Свистком» назвался, так свищи. Хорошо; но только уж извините нас, если мы свист теперь пустим немножко особенный. Мы в беспокойном состоянии теперь находимся: получили реприманд неожиданный⁶. Вообразите: 58 ученых и литераторов, обиженных последним нашим свистком (кто-то высчитал, что там обижено 58 персон, а уж мы как, кажется, старались, чтобы вести дело безобидно!), самоотверженно решались взаимно произвести друг друга в Чацкого и Горвица, т. е. обнародовать против нас «Учено-литературный протест», говорят с эпиграфом: «иль мало нас?»⁷ И вдруг — о горе! — нашелся кто-то 59, тоже обиженный, но только не в «Свистке», а в «Современнике», — и *разговорил* сонм пятидесяти осьми! Протест разлетелся, как дым, как утренний туман!⁸ Поверьте, о читатели, что отъезд Хлестакова не так сильно поразил девственное сердце Марьи Антоновны Сквозник-Дмухановской, как поразила нас безвременная кончина протеста, последовавшая при самом его зачатии!..

Другое обстоятельство, которое нас тревожит, это всеобщие раздоры, возвещающие обыкновенно конец мира и наступление осени (последнее — для журналистов)⁹. Оглянитесь только вокруг себя на политическое и литературное положение Европы, и вы согласитесь, что мы правы, что есть отчего в отчаянье прийти¹⁰. Считите только: папа почти отлучил Виктора Эммануэля¹¹; г. доктор медицины Росновский в ответ г. Ханкину на рецензию «Категорической классификации болезней» сочинил целую книгу под заглавием: «О девизах в медицине и медицинских туттифруттиках»¹²; г. Селиванов вышел из московского общества любителей словесности, о чем г. Хомяков узнал с удовольствием¹³; генерал Бенедек не хотел обедать вместе с Эйноттенем; Брук дошел до того, что руки на себя наложил¹⁴; «Русский вестник» сделал выговор г. Утину¹⁵; г. Козлов вздумал уродовать Байрона¹⁶, Антонелли выпускать романьольских бродяг¹⁷, содержащихся в римских тюрьмах, Н. Ф. Павлов с целым сонмищем Дараганов, Власьевых, русских женщин — преследовать г. Тургенева¹⁸, испанцы пошли на Марокко¹⁹, г-жа Тур на г-жу Свечину, редакция «Русского вестника» — на г-жу Тур... Нам кажется даже, что «Атеней» пошел бы на редакцию «Русского вестника», если бы был жив... «Ужасный век! Ужасные сердца!»²⁰ А еще говорят, что весна, а еще г. Крестовский с кем-то проливает слезы над весенней страницей Фета!²¹ Нет, это время больше на осень похоже по горечи своих плодов! Или, может быть, это еще только цветочки, а ягодки будут после? Неужели будут? Неужели и из цветов изящного красноречия Н. Ф. Павлова будут ягоды? Неужели и из норманских цветов г. Погодина произойдут плоды? Неужели вырастет что-нибудь и из цветочных стишков гг. Крестовского, Княжецкого, Кроля²² и всех им подобных, которых нынче развелось так много, что и не перечесть, и из которых иные известны

читателям «Современника?»... Нет, нет, читатели, будем питать себя сладкою надеждою, что это все пустоцвет.

Но не всегда и пустоцвет бывает приятным и вожделенным явлением: нам, например, добродушным и доверчивым юношам, очень не хотелось, чтобы оказались пустоцветом три предмета, особенно живо занимавшие нас: 1) величие г. Кокорева, сравненного с Юстинианом в известной книге русского Гизота Николая де Жеребцова²³; 2) Волжско-донская железная дорога, на которую говорил речи наш друг и союзник — академик Погодин, которой акции имел неосторожность взять один из наших близких знакомых; 3) благотворительная российская гласность, все обещающая исправить и исцелить под рукою, втихомолку и понемножку... И вдруг, представьте — все наши иллюзии по каждому из трех означенных предметов разрушены в недавнее время! Да ведь как разрушены-то! Верить бы не хотелось тому, что самим же разбирать пришлось. Мы уже раз двадцать принимались восклицать стихи Пушкина:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман!²⁴

Думали — не легче ли будет... Нет, ничто не берет.

Попробовали мы свистнуть, но и свист вышел какой-то странный, дикий и печальный... Да иначе и нельзя: во-первых, погода майская *, во-вторых, всеобщие распри и волнения, и наконец, в-третьих, посмотрите сами, что делается на свете, хотя и под толстым покровом благотворительной гласности.

I

ОПЫТ ОТУЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ ОТ ПИЩИ

Чудище обло, огромно, озорно, стозевно и — лаяй!²⁵
Тредьяковский.

ОТЧЕГО ИНОГДА ЛЮДИ МРУТ, КАК МУХИ?

В. А. Кокорев уверяет, будто оттого, что телеграфы не везде существуют. Да притом, прибавляет он, как же не умирать людям, которых не кормят по нескольку дней, привозят и пускают в голую, бесплодную степь, без хлеба, без всяких запасов, на 40° жару, не заготовивши им никаких помещений, не пославши с ними ни лекаря, ни медикаментов... Как тут не умереть человеку?..

Правда, совершенная правда! Как тут не умереть человеку? И дивиться нечего: дело совершенно натуральное, даже, можно сказать, неизбежное... Напротив, удивительно было бы, если бы при таких условиях не умирали люди, — хотя бы даже и телеграфы были повсюду: ибо известно, что медики, лекарства, хлеб и помещения — по телеграфу не пересылаются...

* Едва была написана эта статейка, как погода сделалась невыносимо жаркою: новое доказательство благотворной силы гласности, которая немедленно исправляет все, до чего коснется.

Но скажите, пожалуйста, где же это подвергают людей таким отчаянным пыткам, такой ужасной смерти? На чье это жестокосердие и зверство нападает г. Кокорев с обычным своим практическим смыслом? Какому варвару доказывает он, что болезни и смертность составляют необходимое последствие безумных и ужасных распоряжений, им перечисленных?

Погодите, господа, приходить в ужас: никакого варвара и злодея тут нет, а просто г. Кокорев совершает похвальный акт *самообличения и покаяния*. Благоразумные распоряжения, произведшие в целой массе рабочих людей болезни и смертность, совершились в обществе Волжско-донской железной дороги, которого г. Кокорев был учредителем, и в распоряжениях этих он признает себя значительно повинным. История всего дела довольно длинна, но мы попробуем рассказать ее с некоторою подробностью и в заключение прибавим новые сведения по делу рабочих Волжско-донской железной дороги, последовавшие уже после покаяния г. Кокорева.

Известно, что общество Волжско-донской дороги открылось в декабре 1858 года и в первом же собрании своем заявило себя речами, полными любви к русскому человеку. Так, г. Кокорев сказал речь, в которой между прочим провозгласил:

«Мы желали заказать пароходы для Дона в России, *чтобы выпускою из-за границы не причинять себе гражданского стыда*, но по неимению у нас в достаточном количестве механических заведений должны были, из желания ускорить плавание по Дону, обратиться к заводчикам на Дунае. *Не будем скрывать того, что это обстоятельство пробуждает в о всех нас* (то есть в ком же именно?) *чувство стыда, и чем глубже его сознание, тем вернее в нем кроется сила грядущего обновления*» («Моск. вед.», 1859, г., № 3).

Вот патриотизм-то какой у г. Кокорева! Во что бы то ни стало хочется ему иметь пароходы доморощенные, и только уже совершенная невозможность, *неимение* у нас механических заведений заставляет его обратиться за границу... А то бы он, во славу патриотизма, непременно где-нибудь у себя заказал... Вот что значит иметь *высшие* соображения в коммерческом деле: не ищи, где бы купить лучше и дешевле, а думай о том, чтобы покупка в известном месте не навлекла «гражданского стыда» на любезное отечество!..

И видно, что общество вполне прониклось патриотизмом г. Кокорева, только повернуло его немножко в другую сторону. Не имея возможности похвастаться пред иностранцами своими механическими заведениями, оно решило, как видно, щегольнуть нашим национальным богатством. Этим, конечно, и объясняется, что (по сведениям правления общества, в «СПб. вед.», 1859, г., № 257) пароходы, заказанные для донского пароходства на заводе Лерда, обходятся обществу в 750—800 рублей за силу, тогда как мы в акционерной полемике последнего времени привыкли постоянно встречать цифру 400—500 р. за пароходную силу. Да еще прибавьте к этому, что и заказы-то были вовсе не нужны и что они, как и дунайские заказы, сделаны были еще тогда, когда только что предполагалось приступить к исследованиям о плавлении по Дону и когда еще были одни смутные предчувствия о необходимости очистки донских гирл... Все это произведено было силою патриотических стремлений...

Но заказы пароходов, как и вся «искусственная» часть дела, до нас с г. Кокоревым не относятся, и потому оставим их в стороне. Гораздо ближе нашему сердцу речь г. Погодина, который говорит без обвиняков: люблю русского человека за то, что в нем много доверчивости, без которой нам всем пришлось бы положить зубы на полку... Речь эта — о важности доверия ²⁶ — до сих пор еще не оценена по достоинству; а между тем она есть такой памятник нашего ораторского искусства, который в будущем издании Хрестоматии г. Галахова должен блистательно заменить речь г. Морошкина ²⁷ о том, что наше «уложение» есть «результат всемирного стремления народов к единству». По мнению г. Погодина, все должно быть основано на «доверии особого высшего рода», все должно делаться *«по душе»* — то есть надо верить всему, что объявят те, у кого в руках дело.

Отчетов никаких не нужно, уверяет г. Погодин, ибо где отчетность, там по большей части и неправда... Отчетность и хороша, проговаривается он при этом, но *по-нашему* (то есть г. Погодина—с кем еще?) *характеру* имеет свои неудобства и невыгодные стороны... Поэтому, говорит, лучше нам не отдавать никаких отчетов... то есть нет... он сказал: лучше нам *не требовать* никаких отчетов и предаться вполне в руки учредителей. Вот теперь нам нужно, говорит, директоров выбирать; но что мы тут смыслим, кого выберем? Напутаем только. Нет, поклонимся-ко лучше учредителям, да попросим их сказать нам, кого надо назначить директорами. Так оно и будет, как они решат. «Мне кажется,— уверял маститый профессор,— что лучше всего мы соблюдем наши выгоды, сказав нашим учредителям с их будущими директорами, как говаривали наши деды: если вы не оправдаете нашей доверенности, если вы нас обманете, то вам будет стыдно... И если они нас обманут, то им будет стыдно».

Все это, как видите, говорилось во имя русской народности, в видах уважения к отцам и дедам, в уверенности насчет высоких, сердечных качеств русского человека. Представителем русских людей был в числе учредителей г. Кокорев; к нему тотчас и обратились с предложением директорства. Но он, «по многосложности своих занятий», отказался от этого звания; тогда избрали его почетным членом правления. С избранием его для общества обеспечивалось присутствие русского элемента в деле, обеспечивалась, кроме того, *полная и безусловная* гласность, которой так ревностно служит г. Кокорев. Так г. Кокорев и говорил в собрании акционеров: «Поведем это дело не по одним только форменным колеям, а при содействии *спасительной гласности, по широкой дороге современного и истинного человеческого взгляда на общественные нужды*».

Поговоривши таким образом, начали дело. В первые месяцы все было хорошо. Никто ничего не говорил против общества; к спасительной гласности не прибегал даже г. Кокорев, не ранее, как в конце ноября объявивший в «Русском вестнике» (№ 21), каково было истинное положение дела при его начале. При открытии общества он вместе с профессором Погодиным все восхищался тем, что акции общества разобраны, несмотря на соперничество *гарантированных* акций Главного Общества Русских железных дорог. В ноябре г. Кокорев пропечатал, что к открытию Волжско-донского общества акций было разобрано только две трети, остальную же *треть*, т. е.

более чем на 2 1/2 миллиона рублей, г. Кокорев взял на себя и на своих знакомых — *единственно по необходимости, чтобы предприятие могло состояться*. Если так, то позволительно усомниться в основательности восторгов, с которыми в декабре 1858 г. гг. Кокорев и Погодин отзывались об успешном расходе акций: ясно, что все дело устроено было единственно пособием г. Кокорева, который одушевлен был в этом случае, как и всегда, любовью к делу, к *национальной* пользе предприятия, а никак не расчетами собственных выгод. Недаром же его и директором выбирали, и почетным членом правления избрали!..

Но всегда найдутся люди, готовые перетолковать самое бескорыстное дело в дурную сторону. Так и здесь: нашлись господа, утверждавшие, что акции шли вовсе не так плохо и что заботливость г. Кокорева об устройстве дела была уже слишком предупредительна. Поэтому, по собственным словам гласнолюбивого г. Кокорева, *«многие укоряли его за то, что он оставил за собою много акций, и даже видели в этом действие, лишавшее других возможности получить акции»*. Но давно уже известно, что г. Кокорев все побеждает своим великодушием: на эти укоры (раздававшиеся, вероятно, в конце 1858 и в начале 1859 года), он торжественно отвечал в 21 № «Русского вестника», вышедшем 29 ноября 1859 года (т. е. когда уже видно стало, что дело ведется очень плохо, и когда акции стали обещать явный убыток). Отвечал он следующим аргументом: *«Я уже сказал, что такую громаду акций я оставил за собою по необходимости, и действительность этого могу подтвердить тем, что я готов половину из них передать желающим, когда угодно»*. Объявление это, при всем своем великодушии, могло показаться несколько поздним, и потому г. Кокорев удостоил даже войти в объяснение о том, что *теперь* (в конце ноября 1859 г.) акции *интереснее*, чем год тому назад, ибо предприятие уже приблизилось к открытию дороги, а с *первым свистком на ней* (не о нашем ли «Свистке» думал г. Кокорев?) употребленный на акции капитал будет приносить уже сбор денег». Из всего этого очевидно следовало, что ежели В. А. Кокорев и решается продавать свои акции, то *единственно по гуманности* своей натуры, по состраданию к *меньшим братьям* (по карману, кто-то выразился), которым тоже хочет предоставить участие в выгодах, приходящихся на долю его, г. Кокорева!..

Последствия не оправдали гуманных надежд г. Кокорева: с начала нынешнего года акции быстро падали, и теперь публикуются 75 рублей ниже пари; но и за эту цену никто не берет их. Дошло до того, что в общем собрании общества, бывшем в конце апреля, положено ограничить цену акций вместо предположенных 500 только четырьмястами рублей («СПб. в.», № 95), — и все-таки владельцы акций не знают, куда деваться с ними. Но этих позднейших фактов, конечно, не предвидел г. Кокорев: иначе он, вероятно, не стал бы предлагать так любезно свое великодушие, которое, может быть, и увлекло кого-нибудь, и обошлось не дешево тому, кто имел неблагоприятные им воспользоваться...

Это одна сторона гуманности и гласнолюбия г. Кокорева в деле построения Волжско-донской железной дороги. Но есть еще другая, за которою давно уже следили мы и о которой только теперь решаемся рассказать, так как дело уже несколько разъяснено разными статьями, появившимися на

этот счет в последнее время в газетах. Эта другая сторона уже не в отношениях г. Кокорева к образованной публике, а в деле с рабочими. Трагическая сторона этого дела должна бы даже не позволить ему быть в «Свистке»; но «Свисток» на этот раз берется только указать все шарлатанство, которым обставлена была трагедия с рабочими, и уступает внутреннему обозрению «Современника» серьезную сторону этой истории.

Посреди всеобщего благожелательства к предприятию Волжско-донской дороги вдруг в мае прошлого года появилась в «Самарских ведомостях» статейка под названием: «Небывалое возмущение». Статейка эта была потом перепечатана в «Русском дневнике» (№ 109), и потому, может быть, читатели помнят ее. Но мы все-таки сделаем из нее небольшую выдержку, чтобы удобнее было сличать последующие показания. Вот существенная часть статьи:

«Накануне 28 числа апреля прибыл в Самару сверху пароход соединенного общества *«Кавказ и Меркурий»*²⁸, «Адашев», буксировавший на трех баржах склад лесного материала, принадлежностей для производства земляных работ по устройству железной дороги между Волгою и Доном, как-то: тачек, чугунных колес и проч., и до 2000 человек рабочих, которые размещались на палубе. Оставив баржи с рабочими людьми в виду города, на середине реки, пароход причалил к пристани, запасся дровами, принял пассажиров и в тот же день вечером отправился, чтобы принять баржи и следовать далее. Но на другой день, 29-го числа, в 6 часов утра командир парохода «Адашев» барон Медем явился к здешнему губернатору и объявил, что означенные работники взбунтовались, не дают подымать якорей, потому будто бы, что их не спускают на берег, где они хотят пьянствовать. Поэтому просил наказать более виновных зачинщиков. Его сопровождал приказчик купца Гладина, молоденький мужчина, с тем оттенком в физиономии, которую обычно привыкли называть плутовскою. Разумеется, этому последнему предложен был вопрос, нет ли другой причины сопротивления крестьян и достаточно ли он их содержит? На что приказчик отвечал, что он дает им хлеба по 4 ф. на человека в сутки. Необходимо было удостовериться и разобрать, в чем дело; для этого отправлен был из города полицеймейстер с городским ратманом и козаками. Эти лица нашли на трех баржах, как мы уже сказали, до 2 тысяч человек, размещенных на палубах; это были крестьяне разных ведомств, набранные в разных местностях и посаженные на баржи в разных пристанях Волги: у них не было образовано ни артелей, ни избрано десятников, одним словом все было предоставлено произволу наемных приказчиков, привыкших к известному обращению с народом. Рабочие о причине неповиновения командиру объявили посланным, что нанимавший их для работ на железной дороге поверенный купца Гладина *Иван Головкин* говорил им при найме, что переезд их до Царицына будет продолжаться до 15 апреля, а с этого дня будут получать жалованье. *Во время пути он обязался давать им в пищу черный хлеб с постным маслом и солью, при остановках же в городах покупать ситный хлеб.* Так он исполнял условие до Самары. Когда же хотели отчалить от здешнего города, рабочие объявили командиру, что *они не пойдут до того времени, пока подрядчик не выполнит условия, и что если им дан хлеб, то без масла и соли, притом негодный, поддер-*

нувшийся плесенью и черствый. Хлеб найден, действительно, такой, как показывали рабочие; он куплен был приказчиком за шесть дней в Нижнем, тогда как можно было запасться более свежим в Казани и других городах. Посланные лица нашли между тем под замком склад весьма хорошего хлеба, и приказчику приказано было тут же удовлетворить справедливую жалобу рабочих — *купить масло и соль, выдать свежий хлеб, а испорченный возвернуть*. Само собою, жаловавшиеся, видя удовлетворение своему делу, нимало не медля согласились продолжать путь и тотчас отчалили. Но этим не ограничивались притеснения со стороны приказчиков. Крестьяне объявили еще полициймейстеру, что они просили спустить на берег хотя одного из них для покупки табаку; но приказчики и этого им не позволяли, желая, чтобы рабочие покупали табак у них по дорогой цене. Так иногда, не разобрав дело, можно дать ему совершенно иной вид. В настоящем случае речь шла о возмущении и о наказании виновных; а оказалось, что не было и тени возмущения».

В этом известии не только не упомянуто имя г. Кокорева, но даже и вообще ничего не говорится против общества Волжско-донской дороги, а только рассказывается поведение приказчика купца Гладина. Но г. Кокорев, прочитав самарское известие, немедленно воспылил любовью к гласности и напечатал в «Московских ведомостях» (№ 132) горячее послание. Мы приведем и это послание, но прежде спросим читателей: как же они понимают сущность дела, изложенного в «Самарских ведомостях»? Нам кажется, что тут разногласий быть не может: рабочим назначен был черный хлеб с солью и постным маслом; и того им не давали: масла и соли вовсе не было, хлеб же был негодный, до того залежавшийся, что покрылся плесенью. Рабочие хотели курить, им и этого не дали. Вообще приказчики были так грубы и бессмысленны, что при первом удобном случае решились даже обвинить рабочих в бунте, зная, без сомнения, чему обвиненные за это могут подвергнуться и какой ущерб подобная история может сделать самым работам, на которые везли этих людей... Все это ясно из самарского описания; но посмотрите, как на это смотрит и что из этого делает г. Кокорев. Вот его документец:

«В № 109 «Русского дневника» заимствовано известие из «Самарских губернских ведомостей» о том, что плывшие мимо Самары рабочие на Волжско-донскую железную дорогу *не получили в Самаре мягкого ситного хлеба (!!!)*, что им предлагали в пищу хлеб черствый и только черный (!!) и что во всем этом уличен на месте приказчик подрядчика Гладина, взявшего на себя земляные работы на железной дороге.

По причине означенного известия сразу чувствуется *прямая польза гласности и потребность поблагодарить редакцию «Самарских губернских ведомостей»*. Без гласности когда бы мы узнали о том, что рабочие люди, эти двигатели всякого устройства, так плохо содержались во время пути? Если бы у них и был хороший ситный хлеб, то и этого недостаточно. Разве можно рабочего, едущего на работу (и на какую еще, самую тяжкую, земляную) кормить одним хлебом? Нужно иметь мясо и кашу. Я никак не ожидал, чтобы подрядчик, известный, по отзывам рабочих, приготовлением хорошей пищи для них, мог так дурно содержать людей в пути. Я буду очень рад, если гласность, не ограничиваясь надзором за путевым содержанием рабочих,

распространит свое наблюдение и на места работ. Всякий голос, который раздается с места о пище и жилищах рабочих и о медицинских пособиях им, принесет свою пользу не только обществу Волжско-донской железной дороги, но и вообще русской жизни.

Основывая мое понятие о Гладине на хорошем отзыве о нем рабочего сословия, я хлопотал о том, чтобы подряд остался за ним, даже против цен, выпрошенных другими подрядчиками. Не понимаю, как могло случиться, что рабочиеплыли без мясной пищи. Я ставлю в вину не одно неимение свежего хлеба, но и неимение мяса. Подрядчик Гладин должен объяснить публике свой поступок, а приказчика, провожавшего партию рабочих и не заботившегося об их продовольствии, уволить. Фамилия его должна быть печатно объявлена, чтобы всякий знал, как называется тот человек, который в состоянии держать на одном черством хлебе своих собратий.

Состоящее в Петербурге правление Волжско-донского общества, вероятно, выведет наружу все подробности этого дела и огласит их печатно, с показанием виновных. Я пишу эти строки в Москве, а потому не могу сказать на-верное, что предпринято правлением. По получении мною сведения о фамилии виновного приказчика я пришлю дополнение к этой статье в «Московские ведомости».

Письмо это, как видите, написано через месяц после происшествия. Как почетный член правления, как любитель русского человека г. Кокорев не должен был целый месяц оставаться в неведении о таком вопиющем деле. Посторонние люди, как, напр., редакция «Русского дневника», успели разузнать о деле из местных известий и заинтересовались им: как же г. Кокореву не следить было за делом, которое, как оказывается, им же и было устроено, потому что он хлопотал, чтобы подряд остался за Гладиным, даже против цен выпрошенных другими подрядчиками!.. Но положим, г. Кокорев, «по многосложности своих занятий», мог выпустить из виду ход устроенного им подряда... Он же так надеялся на подрядчика Гладина... Но чем объяснить ту невнимательность, с которою прочитал он самарское известие? От чего могло зависеть странное извращение фактов и понятий, находимое нами в письме г. Кокорева? По его словам, самое ужасное во всей истории было то, что рабочие в Самаре (заметьте, не на дороге, а только в Самаре) не получили мягкого ситного хлеба. Не правда ли, как это мягко? Не мудрено, что прибравши такую фразу для выражения мысли о том, что рабочих дорогою кормили гнилым хлебом, не давая к нему даже соли и масла,— не мудрено, что г. Кокорев «сразу почувствовал прямую пользу гласности». В «Самарские-то ведомости» и «Русский дневник» кто-то еще заглянет; а в «Московских ведомостях» в письме с подписью г. Кокорева всякий прочтет и подивится гуманности этого человека, возмущенного тем, что рабочие получили в Самаре не совсем мягкий хлеб... Но это еще ничего не значит — г. Кокорев приходит в пафос и требует для рабочих мяса и каши, прибавляя, что рабочие суть «двигатели всякого устройства». Как жаль, что этот пафос не снизошел на г. Кокорева несколькими месяцами раньше: тогда бы он, может быть, возымел практические последствия. А то ведь письмо г. Кокорева писано 30 мая, когда уже все рабочие были переправлены, следовательно, можно было требовать, чтоб рабочих кормили

в дороге дичью, трюфелями, посылали им обеды от Дюссо ²⁹, с рейнвейном и шампанским: все это ровно ничего уже не стоило и, главное, рабочим-то от этого не было ни сыто, ни голодно.

Далее г. Кокорев энергически требует объявления имени приказчика, «чтобы всякий знал, как называется человек, который в состоянии держать на одном черстве хлеба своих собратий». Опять та же *мягкость* словесная: главное, видите ли, в черствости хлеба, а гнилость его, а то, что даже масло и соль не выдавались людям, что их заставляли переплачивать на табаке, что их хотели подвести под наказание как бунтовщиков — это все ничего!..

Такие-то свойства гласнолюбия, правдивости и гуманности выказываются в письме г. Кокорева даже при беглом его рассмотрении. Но оно получает еще новую цену, по сравнению с известиями, сообщенными впоследствии самим г. Кокоревым в «Русском вестнике» и г. Ал. Козловым на днях в «Северной пчеле» (№ 102, 6 мая).

Нужно сказать, что статья г. Козлова составляет панегирик подрядчику Гладину, и по ее данным он выходит из всего прав, чуть не свят, к вящему, разумеется, обвинению г. Кокорева. В подобных делах, где гласность попадает в такие руки, как у г. Кокорева с братиею, где и медведь ревет, и корова ревет, — рассудить между двумя почтенными лицами бывает, разумеется, трудно. Но мы должны сказать, что статья г. Козлова не имеет прочного значения до тех пор, пока мы не знаем, кто такой этот господин. Из статьи его не видно, участник ли он в работах по железной дороге, чиновник ли самарский, производивший следствие о мнимом бунте рабочих, приказчик ли, сопровождавший баржи (последнее имеет некоторую вероятность, как сейчас увидим), или просто приятель г. Гладина, как можно думать по двум-трем местам статьи. Нам очень прискорбна эта неопределенность, потому что из-за нее мы не можем давать твердой веры фактам, сообщаемым в статье г. Козлова. Впрочем, надеясь, что он примет на себя ответственность за сообщенные им сведения, мы введем в свой рассказ те данные, которые положительно им утверждаются как свидетелем и самовидцем.

По словам г. Козлова, г. Гладин, обязавшись поставить 2000 рабочих обществу, вовсе не обязан был принимать на себя их доставление на место. Подрядчик всегда обязывается нанять рабочих и производить им жалованье и харчевое содержание со дня поступления их на работу; более ему ни до чего дела нет. Но Гладин, «имея в виду скорейший успех работ и желая в то же время сделать доброе дело, решился доставить рабочих с назначенного сборного пункта к месту работ в Царицын — *на свой счет*». По расчету, это должно было стоить Гладину всего-навсего около 30 рублей на человека, т. е. на 2000 рабочих до 60000 р. с. Не зная, в какой степени верить г. Козлову, мы не можем решить, как велико тут было действительное великодушие г. Гладина; но основание факта мы готовы допустить: г. Гладин действительно мог хлопотать о скорейшей отправке рабочих и даже для этого жертвовать деньгами, если он знал, как тяжело в волжских степях работать в летние жары и как неизбежны там побеги рабочих в то время, как наступит уборка полей. Он хотел, конечно, выиграть удобство и время для работ и для того пораньше доставить людей на место. Но тут опять является на сцену г. Кокорев.

По некоторым известиям, г. Кокорев состоит в довольно близких отношениях к обществу «Кавказ и Меркурий». Поэтому неудивительно, если произошел факт, о котором г. Козлов рассказывает следующее:

«В. А. Кокорев, прослышав о бескорыстном намерении Гладина принять на свой счет отправку рабочих, *явился к нему и с задушевною улыбкою любезно предложил на этот счет услуги общества «Кавказ и Меркурий»*, выгоды которого были очень близки к левой стороне его филантропии. Вследствие этого было заключено условие, которым общество «Кавказ и Меркурий» обязалось пред Гладиным принять его рабочих на три баржи 15 апреля и доставить их на место, т. е. в Царицын, в течение семи дней, к 23 апреля за 7000 р. с.»

Выходит, стало быть, что г. Кокорев не только устроил подряд с Гладиным, но даже сам предложил и способ отправления. Тем более должен он был следить за дальнейшим ходом дела, тем заботливее должен был упражнять в этом случае свое гуманное чувство. Но оказалось, что г. Кокорев, заключивши условие с Гладиным и доставив обществу «Кавказ и Меркурий» 7000 р. доходу с перевозки, считал свое дело поконченным. Вышло не совсем так.

На семь дней пути Гладин заготовил, по словам г. Козлова, на каждого человека по 1 пуду ржаного и 1/2 пуда белого хлеба — пропорция более нежели достаточная даже для 14 дней. Но он не рассчитал на удивительную распорядительность и аккуратность правления общества «Кавказ и Меркурий», недавно в таких ярких чертах изображенного г. Севастьяновым («СПб. ведомости», № 53), и в особенности на оригинальную деятельность г. Брылкина, управляющего нижегородскою конторою общества. Оказалось, что общество допустило маленькую небрежность: по известию самого г. Кокорева («Рус. вест.», стр. 49), г. Брылкин продержал в Балахне рабочих десять (а по уверению г. Козлова — 12) дней, не имея в готовности баржей, которые *должны были быть по контракту у берега*. В это время весь хлеб-то заготовленный и съели. Затем, по мнению г. Кокорева, нужно было посылать вперед хлебопеков и кашеваров на места привала, и вся беда произошла оттого, что такого распоряжения не было сделано. Но г. Козлов справедливо возражает, что при запасе хлеба на весь путь о хлебопеках и думать было нечего, потому что хлеб заготовлен был печеный. Хоть это тоже невеселое кушанье — хлеб, заготовленный на семь дней, в теплую весну, в низовьях Волги, — но по крайней мере все-таки хлеба *достало бы*, если бы не оригинальное поведение г. Брылкина. И по всей вероятности, рабочие не стали бы даже претендовать на *черствость* хлеба, которая так возмущает г. Кокорева: им ведь это не в диковинку. Но им задано было испытание еще лучше: перспектива остаться вовсе без хлеба... Тогда-то они и возроптали. Еще в Козьмодемьянске запас весь истощился и, по словам г. Кокорева, произошло такое обстоятельство: «приваливают, идут за печеным хлебом на базар и находят там только пять пудов». К счастью, г. Брылкин распорядился заготовить здесь 700 пудов печеного хлеба, с которыми рабочие и плыли до Самары. В. А. Кокорев замечает, что «Николай Александрович Брылкин сделал это как бы в покрытие вины своей перед Гладиным». Но г. Козлов находит здесь повод для следующих острот: «Брылкин, говорит он, заботился о за-

готовке хлеба в Козьмодемьянске, рассчитывая на то, что при таком излишнем простом людей Гладину хлеб понадобится, и его можно будет спустить с хорошей выгодой. Где же тут покрытие вины, Василий Александрович? Вот если бы вы купили этот хлеб на свой счет, да роздали рабочим, это было бы другое дело, а так как за хлеб этот получена с Гладина приличная сумма денег, то вся эта операция не на *покрытие вины*, а на что-то более *винное* смахивает.» Несмотря на плоскость этого каламбура, разъяснение того, как г. Брылкин покрывал свою вину пред г. Гладиным, — очень любопытно.

До Самары плыли рабочие с хлебом. В Самаре нужно было опять покупать, и опять не найдено достаточного количества хлеба. Это и было поводом к «возмущению» рабочих. Вот что рассказывает об этом г. Кокорев: («Рус. вестн.», стр. 49).

«По прибытии в Самару приказчик подрядчика Гладина нашел на рынке только сто пудов печеного хлеба и, закупив его, хотел с ним отваливать, *ибо пароход не мог стоять и ждать, пока самарский рынок запасется новым печеным хлебом*. Тут рабочие не позволили сняться с якоря, видя, что сто пудов хлеба, т. е. 4000 фунтов, составляет на 2000 человек по 2 фунта на каждого, а плыть с этим запасом до Саратова надо четыре дня».

Так вот до какой крайности доведены были рабочие, вот отчего наконец выказали они *неповиновение*, ужаснувшее приказчика Гладина. Им предстояло питаться двумя фунтами хлеба четверы сутки, а по предшествующему плаванью они знали, что к хлебу им ничего не дастся. После этого с каким умилением должны мы повторять возгласы г. Кокорева о мясе и каше...

И, несмотря на все вытерпенное в пути, рабочие поплыли от Самары с недостаточным количеством хлеба. Приближаясь к Саратову они, по словам г. Кокорева, «*п и т а л и с ь ж е в а н и е м с у х о й к р у п ы ! !*» «Таким образом, — приведем здесь слова статейки г. Альбицкого об этом же предмете («Сев. пч.», № 50), — на водах Волги, в виду огромных пространств, засеянных хлебом, в виду многолюдных городов и знаменитых хлебных пристаней две тысячи народа, по человеколюбию и заботливости общества Волжско-донской дороги, испытали такие бедствия, какие, по благодати божией, редко приходится испытывать и мореходцам на безбрежном океане».

Печатаая в ноябре об апрельском происшествии, г. Кокорев говорил о фактах несколько откровеннее, чем в мае. Но оказывается, что он мог бы поступить гораздо лучше: благодаря тому, что поверку дела производить трудно, он мог бы *все отвергнуть*, как сделал другой поборник гласности, противник г. Кокорева, г. Ал. Козлов. Этот почтенный защитник — не только Гладина, но и всех его приказчиков, уверяет теперь — через год после события, что все известие «Самарских ведомостей» вздор, что и сами признания Кокорева — произведения его собственной фантазии. По уверению г. Козлова, «вся причина жалоб рабочих заключалась именно в том, что их с 25—50 рублевыми задатками слишком уже тянуло к родному *ельничку-березничку*», куда их приказчики не пускали. Мнение свое г. Козлов доказывает довольно оригинально. Он употребляет такой силлогизм: если бы рабочих кормили гнилым хлебом, то оказался бы на баржах запас такого хлеба; а между тем при осмотре барж найдены только остатки черного хлеба с плесенью в руках рабочих, в запасе же гнилого хлеба не найдено, а

найден свежий. «Как же это так?» — победоносно восклицает он и переходит к приведенному выше объяснению. Как видите, ни внимательностью, ни логикой г. Козлов не может похвалиться. Он не обратил ни малейшего внимания на то, что в Самаре закуплен был хлеб именно потому, что прежний весь вышел и что уже после этого, узнав о недостаточном количестве закупленных припасов, рабочие подняли ропот, объясненный приказчиками как бунт. Так где же могли найтись запасы гнилого-то хлеба и каким образом г. Козлов не понимает, откуда взялся в запасе свежий хлеб, когда у рабочих в руках был гнилой? Хороший адвокат и следователь г. Ал. Козлов, нечего сказать... Далее, в оправдание Гладина и его приказчиков он объявляет, что «жевание крупы» выдуманно фантазией В. А. Кокорева, ибо во все время плаванья барж с рабочими до Саратова на них «какой бы то ни было крупы ни зерна не имелось». Итак — и крупы не было: даже и жалкий суррогат пищи, представленный г. Кокоревым, исчезает в *оправданиях* г. Козлова.

Как, однако же, легко через год отречься от факта, пользуясь тем, что он не во всех подробностях засвидетельствован был формальным порядком! Жаль, что г. Кокорев поторопился с своей гласностью. Впрочем, кто же ему помешает и теперь сказать, что по тщательном исследовании дела оказалось все дело пухом, выдумкой пьяных мужиков...? И, право, это не будет ни лучше, ни хуже того, что говорил г. Кокорев в порыве негодованья о мясе, о каше, о черством хлебе. Результаты решительно одни и те же. Жаль только, что г. Кокорев так натужится, чтобы всем показать, какой он любитель гласности и русского человека.

А натуги, действительно, немалые! В письме, приведенном выше, г. Кокорев старается, между прочим, уверить всю Россию, что он поручил подряд г. Гладину, даже в ущерб выгодам общества, единственно потому, что знал его хорошее обращение с рабочими и общую любовь их к нему. Между тем в своих «Вестях», напечатанных в «Русском вестнике» (стр. 61—62), он приводит такие слова г. Гладина, из которых видно совершенно противное. По уверению г. Кокорева, г. Гладин решительно не понимает, как можно даже толковать о неудобстве помещения рабочих на Волжско-донской дороге. Он, по уверению г. Кокорева, говорил вот что: «Да у меня на Борисовской дороге 15 000 рабочих: подите-ко посмотрите, как они живут в землянках-то осенью, по колено в грязи. Да вот я работал шоссе около Бреста, так выпало такое неудачное место, что из 700 рабочих половина померла. Нет, уж тут ничего не сделаешь, коли начнут умирать; а коли не начнут — все хорошо: у меня в Варшаве ноне все здоровы. А вот как пошли по дороге из Питера в Москву, что, чай, более шести тысяч зарыли».

Положим, что ничего этого г. Гладин и не говорил г. Кокореву, как уверяет г. Козлов («Сев. пч.», № 102); положим, что он даже никогда и не работал на шоссе около Бреста. Но все равно — ведь г. Кокорев влагает такие слова в уста г. Гладина: значит, у него составилось о Гладине именно такое понятие, какое выражается в этих словах. А иметь такое понятие о человеке и считать его очень заботливым и добрым для рабочих подрядчиком — это уж такая наивность, которую подозревать в В. А. Кокореве мы даже не имеем права. Чем же мог так понравиться г. Гладин г. Кокореву? Неужели тем, что «рабочие отзываются о Гладине как о человеке хорошем, только

приказчиками его недовольны и так мало верят им, что боятся даже за свой расчет? Ведь это значит, что Гладин просто злодей и губитель своих рабочих: самому ему все равно — мрут люди, так мрут, так видно, надобно; здоровы, так ладно, — место, видно, хорошее... А приказчики у него постоянно такие, что от них житья нет: гнилым хлебом кормят, в бунте обвиняют, расчет задерживают, ставят на работах козачков... Это все к Гладину не относится: он человек добрый, и г. Кокорев нарочно хлопочет, чтобы подряд остался именно за ним... Чем объяснить такую невинность г. Кокорева? Неужели тем, что в его положении очень выгодно защищать всякого главного распорядителя, сваливая всю вину на подчиненных? В свою очередь, и г. Кокорев должен быть так же точно оправдан и восхвален, несмотря на все вопиющие ужасы, которые совершаются в подведомых ему делах... Ведь не он сам делает все эти ужасы; он, напротив, человек добрый — хлопочет о мясе для рабочих, а не только о хлебе: он даже и популярность между ними приобретает, ибо раздает им полушубки, взятые из кладовых Гладина же («Сев. пч.», № 102). А в какой степени зависят от него все беспорядки, притеснения и мерзости, совершаемые другими в его ведении и в его интересах, до этого кто же станет добираться...

Но великодушию г. Кокорева нет никаких пределов, а самобичевание посредством гласности сделалось у него чем-то вроде хронической болезни³⁰. Бывают, говорят, организмы, чувствующие особенный, страстный трепет от удара плетью или розгами; такой же сладкий трепет и возбуждение ощущает, по-видимому, г. Кокорев от оглашения какого-нибудь из своих недостойных поступков. Так и в настоящем случае: доказав очень ясно, почему и для чего выбрал он Гладина и почему на него положился, он вдруг переходит к самообличению в таком тоне:

«В непредусмотрительной перевозке рабочих нельзя по совести обвинять подрядчика Гладина: он руководствуется прежним образом действий и не может иметь понятия о *требованиях новых* (т. е. кормить рабочих не гнилым хлебом, это *новое* требование!!), за исполнение которых должно отвечать правление, — и я, разумеется, *разделяю вину с прочими как учредитель*. Мы считаем себя умнее, образованнее подрядчиков (вольнo же вам!), следовательно, мы и должны были подумать, как бы перевезти рабочих без всяких затруднений».

Видите, какое смирение, какая готовность обвинить себя! Конечно, говорит, это собственно не наше дело; но мы так умны, так проникнуты новыми требованиями, что должны бы взять на себя труд наблюдать за действиями *меньших братьев* (т. е. подрядчиков), которым недоступны новые требования. Мы этого не сделали и мы — виноваты; казните нас — за то, что мы умнее других...

Так говорит г. Кокорев; но чтобы вы в самом деле не подумали, что он виноват, он сейчас находит другую, весьма уважительную причину, от которой произошли все бедствия рабочих и которая от него уже решительно не зависит. Вот эта причина:

«Затем многие неудобства надобно отнести к неимению на Волге телеграфа, при котором всегда бы можно было телеграфировать о заготовлении не только печеного хлеба, но и мяса».

Причина эта никому не приходила в голову, но для г. Кокорева она служит полнейшим оправданием. Как человек европейский, привыкший к *новым требованиям*, он воображал, разумеется, что на Волге есть телеграф, по которому если нельзя пересылать хлеба, то можно по крайней мере «телеграфировать о заготовлении *не только печеного хлеба, но и мяса*». В этой сладкой уверенности, он и не подумал обратить свою заботу на заготовление — *не только мяса, но и печеного хлеба*. Как же вы хотите иначе? Передовой человек, он не может никак свыкнуться с невежеством и грубостью наших нравов. Телеграфов нет! Фи! Да как же после этого удивляться, что люди сидят без хлеба, хворают оттого и мрут в несоразмерном количестве! О невежественные россияне! Заведите прежде телеграфы по Волге и тогда уже претендуйте на свежий хлеб, на соль и постное масло!..

Впрочем, справедливость требует заметить, что г. Кокорев как друг профессора Погодина и здесь не изменяет высокому чувству патриотизма: он понимает, очевидно, не иностранные телеграфы, а российские, которыми известия передаются известно с какою скоростью. Что именно о таких телеграфах хлопочет г. Кокорев, это видно из соображения быстроты собственных его действий. Письмо о самарском происшествии и о приказчиках Гладина писано им 30 мая; а затем подробнейшее исследование дела было им произведено только в половине июля — через полтора месяца, когда он сам приехал в Царицын. При этом оказалось, что положение рабочих вполне плохо; значит, для них ничего не было сделано ни обществом, ни г. Кокоревым с тех пор, как благодетельная гласность обнаружила их положение. Да и что же было еще делать? Написали в газетах гуманное послание с азартом, с новыми требованиями... Чего же еще? Дело-то делать? — это еще погодите, это впереди. А нынче —

Нынче время не такое:
Процветает гласность ³¹.

Голодали рабочие дорогой: через месяц это было любопытным предметом для гласности. Хворали и мерли люди на работах все лето: в конце июля г. Кокорев сочинил «Царицынские записки», а в ноябре напечатал всю историю своей поездки в «Русском вестнике», этом знаменитом поборнике гласности. И прекрасно: мы очень довольны!..

А что нашел г. Кокорев на работах и что он сделал там? Хотите знать, так мы расскажем и это, только вкратце, потому что не след вводить в «Свисток» такую материю во всей ее полноте.

По прибытии в Царицын рабочие опять голодали, потому что «скудный царицынский рынок не мог удовлетворить спросу». Для рабочих буквально *ничего* не было заготовлено, и даже главная царицынская контора с управляющим своим г. Позенковским прибыла в Царицын *через три недели после рабочих*. Все это время рабочие должны были обходиться собственными средствами — сами устраивали себе балаганы, кухни, кладовые для провизии. Тут же и начались болезни. Царицынская контора принялась писать в контору подрядчика разные предписания об устройстве лазаретов и пр., но сама ничего не делала и только, по прекрасному выражению г. Кокорева, «насмехались над священными обязанностями человеколюбия, которые в этом случае совпадают с выгодами общества». Действительно, выгоды общества

соблюдались бы тут лучше, если бы рабочих не так пренебрегли; а то, по свидетельству г. Кокорева, в первый же день по прибытии на место у Гладина ушло 300 человек! Господин Кокорев, разумеется, негодует за это на рабочих и приписывает их бегство желанию зажить полученный задаток и получить хорошие заработки у донцов на сенокосе. Но нетрудно сообразить, какую роль играло в этом случае положение рабочих по прибытии в Царицын после питания жеванием крупы...

Наконец, по словам г. Кокорева, рабочие устроились. Вот некоторые указания на то положение, в каком находились они около половины июля, когда посетил их гласнолюбивый и гуманноречивый почетный член правления:

«Рабочие живут в выкопанных в земле ямах; в ямах этих устроены по обеим сторонам нары, и на них нет ни соломы, ни рогожек, под боком доска, в голове кулак» (стр. 50).

«Шалаши сделаны с такою же небрежностью, низки, тесны и без отверстий для воздуха. Шалашей сделано мало: по 20 человек лежит в каждом из них, а когда число заболевших возрастает и привозят новых людей, им приходится *лежать на земле и ждать*, пока не состроят нового помещения, а в таком случае постройка идет скорая и кое-как. *Нет соломы, нет рогож и войлоков*, чтобы смягчить для больного ложе. Некоторые лежат на мешках с сеном, а больше на своих же шубах» (стр. 51—52).

«Распорядители нашли нужным расставить военных козачков по всем пунктам пребывания рабочих, и даже около лазарета стоят два козака с саблями и нагайками» (стр. 53).

«Конопляное масло во многих местах горькое. Бойня для скота одна; с нее приходится возить мясо за 25 верст, отчего оно при здешних жарах *может* подвергнуться порче. На 59 версте, где находится 300 человек рабочих, оказалась овсяная крупа дурной выделки: в ней много овса. На 48 версте мы нашли очень дурной горох, черный, неразварившийся и жидкий» (стр. 55).

«Больных возят на одной телеге четверых, по пыльной, знойной степи, за 25 верст. Лазарет — просто собачьи конуры» (стр. 56).

Такие сведения дает сам г. Кокорев, а мы уже видели, как в его устах самые страшные вещи *смягчаются*, когда он этого хочет. Впрочем, в настоящем случае он, может быть, и не смягчал ничего, потому что вслед за указанием зла он везде предписывает и лекарство. Правда, он сам справедливо замечает, что все это «прилично было бы говорить в феврале, а не в июле» (стр. 57); но, с другой стороны, отчего же и в июле не поговорить? Это избавит нас от обязанности говорить о том же в следующем феврале. Февраль мы промолчим, а там в июне, июле или августе опять примемся, с припевом: еще в июле прошлого года говорил я...

Есть, правда, и маленькие недоразумения в «Записках» В. А. Кокорева. Например он уверяет, что прежде у рабочих солонина была не всегда свежая, а с Петрова дня солонину заменили свежим мясом. При этом г. Кокорев благодарит «Саратовские ведомости», обнаружившие гнилую солонину: «здесь опять видна польза гласности», опять прибавляет он, как школьный учитель, задолбивший один афоризм и беспрестанно, кстати или не-

кстати, огорошивающий им своих питомцев. Мы, разумеется, приходим в восторг от твердости г. Кокорева в своем принципе; но вдруг находятся люди, утверждающие, что здесь у г. Кокорева гласность является с своим особым способом выражения, точно так, как и в рассказе о не совсем мягком хлебе. Так г. Альбицкий в «Северной пчеле» (№ 50) сильно преследует г. Кокорева и на солонине, и на гласности, и на мясе. Мы приводим его соображения, так как они довольно остроумны.

«В Саратовских ведомостях», — говорит г. Альбицкий, — было сказано, что рабочие бедствуют, что их кормят протухлою говядиной, *из которой вываливаются черви*. Статья эта не перешла почему-то в столичные газеты, а губернские ведомости кто же читает? Вот и ловко было Василию Александровичу, говоря, что «введением свежего мяса рабочие немало обязаны «Саратовским ведомостям», и возлагая на общее собрание акционеров обязанность благодарить редакцию этой газеты за обнаружение невнимания к рабочим, — сказать публично неправду. «Саратовские ведомости» говорили, что рабочие едят *протухлую говядину с червями*, а Василий Александрович сказал, что рабочих кормили «солониной, которая была не всегда свежая, а каша была из пшена, которую по непривычке (?) *вовсе не ели*». Что же они ели? На 51-й странице статьи своей он замечает, что «главная причина развития хворости и трудного излечения больных — вода». Не черви ли с говядиной да не каша ли из такого пшена сваренная, что и умирающий от голода ее есть не в состоянии?

Впрочем, вот как объясняют разногласие Василия Александровича с «Саратовскими ведомостями».

Василий Александрович говорил, что рабочих в мясоед от Пасхи до Петрова поста кормили солониной, которая по отзыву их была не всегда свежая, а каша была из пшена, которую по непривычке *вовсе не ели*.

Но «Саратовские ведомости» говорят об июльском мясоеде, продолжающемся от Петрова дня до первого Спаса.

На этот мясоед Василий Александрович пшенную кашу заменил гречневой, а гнилую солонину *свежим (?) мясом* (стр. 51).

Это-то самое свежее мясо и было с червями, как говорят «Саратовские ведомости», редакцию которых верный и неизменный поборник гласности, Василий Александрович, счел долгом благодарить за такое правдивое извещение.

Следовательно, разногласия Василия Александровича с «Саратовскими ведомостями» нет. Ясно, что он распорядился *заменить для рабочих гнилую солонину протухшим мясом с червями*.

В 9-м параграфе «Памятной записки», данной г. Кокоревым г. Головкину и напечатанной в «Русском вестнике», происхождение червей объясняется весьма естественно: «Бойня для скота одна, — говорит Василий Александрович. — С нее приходится возить мясо за двадцать пять верст, отчего оно при здешних жарах может подвергаться порче. Мясо (приказывает он) *развозить, покрывши*». Везти мясо *более чем* двадцать пять верст надо целый день, ведь не на почтовых же его возили. При царицынских жарах было бы неестественно, если б не завелись черви в говядине, остающейся целый день на солнце непокрытой и обклеенной мириадами мух.

Впрочем, и больных рабочих по четверо в одной телеге, не защищенных ничем от страшного солнечного припека, там тоже возят за двадцать пять верст. (§ 15-й «Памятной записки»).

Так зачем же было говорить: «теперь солонина заменилась *свежим* мясом, которое получается с бойни скота, особо устроенной *посреди линии*?»

И зачем это сокращать расстояние провоза мяса? Вы говорите, что бойня устроена на середине линии. От бойни в один конец везут говядину за двадцать пять верст. Следовательно, оба края линии друг от друга за *пятьдесят верст*. А в 10-м § «Памятной записки» вы говорите, что на *пятьдесят девятой* версте, где было 300 рабочих, вы нашли дурную крупу. Стало быть непокрытую говядину везли не за двадцать пять, а за тридцать верст, да может быть и больше».

Из замечаний г. Альбицкого вытекает весьма естественное заключение, что деятельность г. Кокорева на работах Волжско-донской дороги была не так благотворна, как он сам желает это представить. По крайней мере насчет мяса почтенный сотрудник «Русского вестника» расписался так же неудачно, как и насчет мягкого хлеба в Самаре. Но все это ничего не значит в сравнении с *винной порцией*, изобретенной г. Кокоревым для процветания здоровья рабочих. Вот где геркулесовы столбы гуманности г. Кокорева и общества Волжско-донской дороги, — кого именно, разобрать, впрочем, нельзя. Дело, видите, в чем. Г. Кокорев, описывая разные улучшения, сделанные им и г. Мельниковым, упоминает о приглашении *содержателя трактира Добровольского для доставления больным чаю два раза в день* (зачем тут *содержатель трактира* — тоже мудрено понять), и потом говорит: «Затем общество распорядилось выдавать всем рабочим на линии по чарке водки каждодневно, перед ужином». Тотчас нашлись зложелатели, которые начали уже уверять, что эта винная порция назначена собственно в пользу Царицынского откупа, содержимого самим же г. Кокоревым. («Сев. пч.», №№ 50, 102). Этому бы и можно поверить, если бы мы не знали великодушия г. Кокорева; но благодаря благодетельной гласности мы очень хорошо знаем этого великого русского мужа. В настоящем случае дело имеет даже весьма трогательный вид: г. Кокорев, владелец одной трети акции общества, спорит с двумя другими о великодушии. В статье, напечатанной 28 ноября, он говорит: «Общество распорядилось выдавать по винной порции», а в «Обзоре действий», вышедшем в то же самое время, правление общества говорит: «Для поддержания сил рабочих, по совету медиков, *В. А. Кокорев назначил на свой счет* ежедневные выдачи винных порций людям, работавшим в пределах Царицынского уезда, а правлением сделано такое же распоряжение относительно прочих землекопов, работавших в земле Войска Донского». Не умилительно ли? Г. Кокорев говорит, что общество покупает водку для рабочих, и другие тоже подтверждают, а правление скромно отклоняет от себя такое великодушие и прославляет г. Кокорева, дающего людям водку *на свой счет*!.. Как любопытно было бы узнать, кто кого победит в великодушии, т. е. кто заплатит за водку?..

Впрочем, один ли был великодушнее другого, или другой великодушнее первого, не в этом дело, а в том, какие последствия развились от винной порции. В половине июля, до назначения чарки, больных, по словам самого

г. Кокорева, было 140, да умерших 40. После того число больных стало быстро возрастать и доходило, по словам г. Козлова, до 600 человек — цифра на 2000 человек в самом деле ужасающая! Г. Козлов делает при этом такое замечание: «Давать винную порцию рабочим при 15°—20° мороза — вещь полезная; но полезно ли делать то же самое при 45° жару, — предоставляем решить врачам».

Да ведь винная порция и прописана была г. Кокоревым «по советам медиков»? Да, может быть: но тут опять идет своего рода история. Лекарь Шерганд оказывается каким-то фаворитом г. Кокорева. По уверениям г. Козлова, сам г. Кокорев заменил врача, определенного обществом (за 3000 руб. сер. в год), другим врачом, более дешевым (1200 руб. сер.), а главное — ему одному известным, г. Шергандом. Несмотря на свою дешевизну врач этот, по мнению г. Кокорева, был превосходен и, как видно из Записки, «вполне соглашался» с мерами, предлагавшимися г. Кокоревым. С своей стороны, и г. Кокорев заботился о нем и требовал от приказчика Гладина, чтобы он «дал доктору Шерганду в его распоряжение пару хороших лошадей с легким тарантасом и кучером». Зато и деятельность доктора была неутомима: подумайте в самом деле — взять на себя 600 пациентов, растянутых на шестидесятиверстной линии! Это стоит чего-нибудь! Г. Козлов выражает мнение, что доктор Шерганд, видя такое странное развитие болезней, должен был непременно и *официально* пригласить на линию, для консилиума, других врачей. Но зачем же это, когда г. Шерганд и один справлялся? Да при этом еще нужно заметить, что совсем больных и слабых часто отпускали с работ домой. Так, даже в «Памятной записке» г. Кокорева приказчику Гладина сказано, что следует отпустить домой в *Тверскую губернию* пятерых рабочих: трех стариков, одного слабого ногами и одного переломившего себе спинную кость... При таком заведении, под покровительством гуманного гласнолюбца — отчего не лечить всех одному? Умрут бедняки, не велика беда. Ежели и узнают-то об этом родные умершего, так и то лишь по милости г. Кокорева, который в § 19 своей памятки чужому приказчику набожно заповедует: «Об умирающих надобно извещать их семейства, посылая письма в деревни, дабы там поминали их по долгу христианскому». Вот до чего доходит любовь г. Кокорева «к простому, сероодетому русскому человеку» («Рус. вест.», стр. 61).

Что же, однако, сделал г. Кокорев для упрочения благосостояния рабочих? Какой результат можно вывести из всех «Царицынских записок» и «Вестей»? Это уже сделано весьма добросовестно в статье г. Альбицкого, из которой мы и берем оконченные выводы.

«Для устранения зла Василий Александрович сделал следующее:

А. *Относительно больных.*

1) Учредил от общества чай по два раза в день.

2) Больных тифом отделил от других.

3) Старался удалить двух козаков, приставленных с саблями и нагайками к лазарету («Рус. вестн.», 1859 г., № 21, стр. 53), но не был в состоянии устранить такой новый метод лечения. Этот метод, по всей вероятности, принадлежит тому же Гладину, ибо на 59 стр. Василий Александрович говорит, что он по контракту обязался содержать лазареты.

4) По причине недостатка одного лазарета устроил другой.

5) Так как больные валялись на земле, даже не на соломе и не на рогожке, распорядился купить рогожки и наделать больше шалашей с койками для больных, так как заготовленных лазаретом шалашей оказалось весьма недостаточно, вероятно по причине той развившейся хворости, о которой Василий Александрович говорит в другом месте.

Б. Относительно здоровых.

1) Приказал варить протухлую говядину с червями вместо гнилой солонины.

2) Заменял пшенную кашу, которой рабочие не ели, гречневою, которую, однако, заменяли в иных местах дурным черным не разваривающимся горохом и крупой с неободраным овсом.

3) Назначил *на счет общества* винную порцию по стакану перед ужином. Водку берут из кабаков царицынского откупа, содержимого Василием Александровичем.

4) Написал к г. Головкину, что *надо бы* дать рабочим одежду — ведь они пойдут домой осенью и доберутся до домов 10-го декабря, а у них нет ни одежды, ни обуви. Исполнил ли это нежно любимый рабочими г. Гладин — неизвестно.

5) Написал к г. Головкину, что на зиму *остается 500 рабочих в степи, без зимних квартир, на морозе* и что поэтому надо подумать о квартирах. Думал ли г. Головкин — неизвестно.

6) Но если они перемрут, то непременно *известить о том их семейства, посылая письма в деревни, дабы поминали их по долгу христианскому.*

7) Купил в Одессе шесть колоколов для рабочих.

8) Отпустил домой в Тверскую губернию двух рабочих *по старости, одного по преклонной старости, одного по слабости ног и одного переломившего спинную кость (!!!).* — На которой станции от Царицына они умерли — нам неизвестно.

9) Учредил особую должность смотрителя за лазаретами и за *сбережением силы рабочих.*

Прибавим к этому, что относительно одежды, обуви и зимних квартир рабочим так и до сих пор ничего неизвестно. Благодетельная гласность умаялась предшествовавшими похождениями и теперь молчит.

Не молчат только «Саратовские губернские ведомости». Они еще в феврале делали новое извещение о побегах с работ Волжско-донской дороги, и притом в такое время, когда вовсе нет соблазнительных заработков в лугах у донцов. В числе бежавших были преклонные старики: отчего бы, кажется, этим-то бежать? Им только нужно беречь свои силы; а г. Кокорев на царицынских работах сочинил даже особую должность «смотрителя за сбережением силы рабочих» и определил в эту должность некоего г. Милашевича, замечательного тем, что «из длинного ряда его писем к г. Кокореву можно ознакомиться со всеми затруднениями, представляющимися при исполнении предприятий в отдаленных местностях». Как видно, и этот господин служит тоже спасительной гласности, и мы скоро, может быть, будем иметь удовольствие читать его письма в «Русском вестнике», рядом с письмами г. Матиля об Америке и статьями г. Фердинанда Кона о розах ³².

А в чем же состоят затруднения? Г. Кокорев этого не объясняет; но дело говорит само за себя: как же, помилуйте! — во-первых, телеграфов нет; во-вторых, г. Брылкин, вместе с «Кавказом и Меркурием», ставит ни во что заключенные контракты; в-третьих, мяса, мяса вареного, мяса не дают рабочим; в-четвертых, козаки с нагайками присутствуют на работах, в-пятых, вода, в-шестых... да уж что и говорить в шестых? Одна вода чего стоит!.. По мнению г. Кокорева, по мнению *самого* доктора (Шерганда?), главная причина развития хворости и трудного излечения больных (по царицынским работам) *вода и непременно вода*... Г. Козлов сострил по этому поводу, что для устранения гибельности воды надо вставить в нее первую букву фамилии г. Кокорева. Но г. Кокорев не на шутку так поступил с водою и рабочими, — только результаты были плохие.

А кроме того, какое затруднение для благотворных предприятий г. Кокорева представляет неразвитость и апатия окружающей среды! «Сами рабочие не понимают своей пользы, — говорит г. Кокорев, — подрядчики соблюдают свои выгоды, а инженеры считают своею обязанностью заботиться только за исполнением работ, сообразно с чертежами. *Здесь возникает вопрос*: виноваты ли инженеры за то, что они не требуют от подрядчика энергически улучшения быта рабочих?» Задавши такой законодательный вопрос, от разрешения которого может зависеть по малой мере увольнение инженера от должности, г. Кокорев меланхолически продолжает: «думаю, что виноваты не они, а система нашего воспитания, внушающая равнодушие к простому русскому человеку; многие у нас считают как бы посторонним то, что должно бы быть близко их сердцу» («Рус. вест.», стр. 52). В другом месте статьи почтенный мыслитель тоже жалуется на то, что «всему мешает рутина и недостаток любви к простому, сероодетому русскому человеку» (стр. 61). Да, с последним нельзя не согласиться: история рабочих Волжско-донской дороги доказывает это лучше всех разглагольствий.

А между тем при этом способе ведения дела не угодно ли знать, сколько истрачено денег собственно на административную часть предприятия? 141000 руб. сер., то есть десятая часть всех бывших расходов, и в этом числе по управлению собственно работами железной дороги издержано 55825 р., да кроме того на жалованье директоров и других служащих и т. п. — израсходовано 52000. И это — не забудьте, в том обществе, один из учредителей которого и владелец целой трети акций постоянно шумит против *форменности* и *бюрократизма* и прославляет *деловое коммерческое* ведение предприятия! Не знаем, хорошая ли это коммерция для г. Кокорева, но для «двигателей всякого устройства», как он выражается, она должна быть не более приятна, как и благодетельная гласность, пользу которой «сразу чувствует» г. Кокорев.

Что же? Теперь опять весна, опять близится лето... Не узнали мы, что сделано с рабочими осенью и зимой; может, не узнаем ли, что с ними будет в предстоящее лето? Г. Кокорев давно уже не печатал о благодетельной гласности: это добрый знак. Может, так выдастся лето, что г. Кокорев нынче и в Царицын не поедет, и рабочие винной порцией обольщаться не будут, и даже работать станут без козаков с нагайками? Аль где уж?..

II ЮНОЕ ДАРОВАНИЕ, ОБЕЩАЮЩЕЕ ПОГЛОТИТЬ ВСЮ СОВРЕМЕННУЮ ПОЭЗИЮ

Прежде всего воскликнем с Карамзиным:

Ах, не все нам слезы горькие
Лить о бедствиях существенных;
На минуту позабудемся
В чарованьи красных вымыслов! ³³

Успокоившись таким авторитетом, обращаемся к делу и рекомендуем читателям юное дарование, которое может, как говорит г. Григорьев о г. Случевском ³⁴, или распасться прахом, или оказаться силою, новой, великою силою. Собственно говоря, мы не знаем, как думать о юном поэте и помещать ли его в «Современнике» или в «Свистке»; но решаемся на первый раз лучше в «Свистке»: а то в «Современнике»-то большею частию как-то несчастливы бывают ³⁵ — через два-три месяца уже не могут концы с концами свести... В «Свистке» не то: посмотрите, как твердо г. Лилиеншвагер стоит на своем пути!.. А юное дарование г. Капелькина будет поразнообразнее таланта Лилиеншвагера. Да вот прочитайте и судите. Мы и письмо поэта печатаем, не скрывая его юношеской наивности: гласность, так уж гласность, полная, безусловная.

Милостивые государи!

Мне 20 лет. Я с юных годов одержим невыносимою любовью к поэзии. 12-ти лет я уже писал весьма хорошие стихи. Вообще я развился весьма рано. Вот первое стихотворение, которое я счел достойным печати: я написал его, будучи 12-ти лет.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ³⁶

Вечер. В комнатке уютной Кроткий полусвет. И она, мой гость минутный... Ласки и привет, Абрис миленькой головки, Страстных взоров блеск, Распускаемой шнуровки Судорожный треск...	Жар и холод нетерпенья... Сброшенный покров... Звук от быстрого паденья На пол башмачков... Сладострастные объятья, Поцалуй немой, — И стоящий над кроватью Месяц золотой...
---	---

1853.

Это стихотворение попало к отцу моему, и он, признаюсь вам, чуть меня за него не высек. Напрасно уверял я его, что ничего подобного не видывал и не чувствовал, что это все есть подражание разным поэтам (я никогда не подражал одному): отец не хотел верить — так велика была сила таланта и живость изображения предмета!..

Но как ни уверен я был в своем даровании, а перспектива быть высеченным вовсе мне не нравилась, и я немедленно переменил род своей поэзии.

В то время наше отечество боролось с англо-французами³⁷; газеты были наполнены восторженными возгласами об огромности России и о высоком чувстве любви к отечеству. Я увлекся и написал следующее стихотворение:

РОДИНА ВЕЛИКАЯ

О моя родина грозно-державная,
Сердцу святая отчизна любимая!
Наше отечество, Русь православная,
Наша страна дорогая, родимая!

Как широко ты, родная, раскинулась,
Как хороша твоя даль непроглядная!
Грозно во все концы мира раздвинулась
Мошь твоя, русскому сердцу отрадная!

Нет во вселенной такого оратора,
Чтобы прославить твоё протяжение:
С полюса тянешься ты до экватора,
Смертных умы приводя в изумление.

Ты занимаешь пространство безмерное,
Много обширнее древнего Рима ты.

Русской земли население верное
Чувствует всех поясов земных климаты.

Реки, озера твои многоводные
Льются, подобно морям, бесконечные;
Необозримы поля хлеботородные,
Неизъяснимы красоты твои вечные!

Солнце в тебе круглый год не закатится,
Путник тебя не объедет и в три года:
Пусть ямщикам он на водку потратится,—
Только лишь откупу будет тут выгода...

О моя родина, богом хранимая!
Сколько простору в тебе необъятного!
Сколько таится в тебе, о родимая!
Неизъяснимого и непонятного!..

1854.

За это стихотворение отец похвалил меня, и я после того написал еще десятка четыре подобных пьес. Но признаюсь, ни одно из них не может сравниться в звучности с выше приведенным. Поэтому я и не сообщаю их вам, а перехожу к новой эпохе моей поэтической деятельности.

В 1854—1855 отечество наше было в печальном положении: военные неудачи, обнаружение внутренних неурядиц, все это терзало сердце истинного русского и вводило его в мизантропию. И я действительно предался мизантропии, разочаровался; все мне опостылело, и я произвел следующую пьесу:

КУДА ДЕВАТЬСЯ?

От людской любви и дружбы
В лес дремучий я бежал,
Стал кореньями питаться,
Мыться, бриться перестал.

С отверженьем и проклятьем,
Я в лесу один брожу.
Но увы! здесь снова дружбу
И любовь я нахожу.

Солнце с неба дружелюбно
На меня бросает луч;
И поит меня с любовью
Меж дерев бегущий ключ.

Соловьи поют влюбленно,
Лобызаются цветы,
И блещут любви слезою
На деревьях все листы.

Дружно по небу гуляют
Золотые облака,
И грозит любовь и дружба
Мне из каждого сучка...

В каждой травке, в каждой мошке,
В каждой капельке росы
Обитает дух незримый,
Полный ангельской красоты,

И старается мне сердце
Чувством нежным размягчить,
Чтобы дружбой и любовью
Целый век мой отравить...

И в лесу, в борьбе тяжелой,
Силы падают мои...
О, куда ж, куда сокроюсь
Я от дружбы и любви?

1855.

Вы угадываете, чем разрешилось это мизантропическое настроение? Любовью, самой пылкой любовью — страстью до того пламенной, что я не знаю, как еще я не сгорел совсем. Тогда-то производил я по $7\frac{1}{2}$ стихотворений в день круглым счетом; с особенною силою выразилась страсть в следующем стихотворении, которое я считаю вполне достойным печати:

ПРИЧИНА МЕРЦАНИЯ ЗВЕЗД

Как твои уста в веселом разговоре,
Чуть смыкаясь, снова раскрываются;
Как любовь и радость в этом светлом взоре
Перелетным блеском разгораются,
Так на светлом небе в этот миг мерцают
Купы звезд, живые, разноцветные.
Иль в любви и звезды глазками играют
И друг другу речи шлют приветные?..
Иль любовью нашей с неба голубого
Хоры их приветливо любятся?

Иль в виду избытка счастья земного
Их лучи завистливо волнуются?
Нет, любви дыханье так во мне широко,
Так из груди сильно вырывается
И, раздвинув воздух, так летит высоко,
Что эфир далекий колыхается, —
И с его напором звездные громады
В дружное приходят колебание...
Оттого-то в ночи неги и отрады
Веселей и чаще их мерцание ...

1856.

Но скоро любовь моя прошла или, по крайней мере, сделавшись больше и приобретя серьезный взгляд, я перестал уже тратить драгоценное время на описание любовных чувств. Вокруг меня волновалась общественная деятельность, все было полно новых надежд и стремлений, все озарено было самыми светлыми мечтами. Весь мир представлялся нам в радужных красках. В таком настроении услышал я однажды заунывную крестьянскую песню. У меня тотчас родился вопрос: «отчего же она уныла, когда все кругом так весело?» Нет, — сказал я сам себе, — я должен, во что бы то ни стало, отыскать в ней веселые звуки. И представьте силу таланта — отыскал! И не только отыскал, но и воспроизвел! В Москве говорили, что недурно. Что вы еще скажете? Вот эти стихи:

СУЩЕСТВЕННОСТЬ И ПОЭЗИЯ ³⁸

Знаю вас давно я, песни заунывные
Руси необъятной, родины моей!
Но теперь вдруг звуки, радостно-призыв-
ные,
Полные восторга, слышу я с полей!
Пусть всё те же песни — долгие, тоскли-
вые,
С той же тяжелой грустью пахарь наш поет.
Долю его горькую, думы терпеливые
Пусть напев протяжный мне передает.
Но в восторге сердца, под святым влиянием
Гласности, прогресса, современных дум ³⁹,
Полн благоговенья к светлым начинаниям,
Жадно всюду внемля новой жизни шум, —

Не хочу я слышать звуков горькой жа-
лобы,
Тяжкого рыданья и горячих слез...
Сердце бы иссохло, мысль моя упала бы,
Если б я оставил область сладких грез...
Все светло и благо, все мне улыбается,
Всюду дней блаженства вижу я залог,
И напев тоскливый счастьем отзывается,
В грустной песне льется радости поток.
Пусть всё те же песни наши заунывные,
Но не то уж слышно в них душе моей:
Слышу я в них звуки радостно-призывные,
Чую наступленье новых, светлых дней!...
1857.

Вслед за тем у меня родилась потребность самому быть общественным деятелем и я изобразил свое настроение в нескольких звучных пьесах, из коих вот одна:

Восторженно взывал я к юношам мятежным
И скромно толковал почтенным старикам.
Но глухи были все к святым моим
призывам...
И проклял я тогда бездушный этот свет
За то, что он так чужд возвышенным
порывам —
И тут же мстить ему я дал себе обет.
Я скоро отомстил: за ужином веселым,
Лишь гости поднесли шампанское к губам,
Я тостом грянул вдруг, для их ушей
тяжелым:
«Здоровье бедняка, страдающего там!»
И, показал я им на улицу рукою.
Смутились гости все, настала тишина.
Не стали пить... Но я — я пил с улыбкой
злою,
И сладок для меня был тот бокал вина!..
1858.

Взглянул окрест себя: природа улыбалась,
Все солнцем радостно и ярко озарялось;
Кузнечик стрекотал и прыгал по траве,
И птички реяли в воздушной синеве,
Порхали бабочки на солнечном сиянье
И в воздухе несло цвет благоуханье.
А то, что мне змеей представила мечта,
То кем-то брошенный обрывок был кнута...
Дорога прежняя опять меня манила,
И сердце о пути мне громко говорило,
И жажда славных дел проснулася
в груди,
И цель великая виднелась впереди!..
И вновь я двинулся... Но что со мною
сталось?!
Нет прежних сил во мне... отвага потеря-
лась...
Я не могу идти... Я немощен и слаб;
Сомнений горестных теперь я жалкий раб.
Мечты высокие, стремленья мысли здра-
вой —
Бесплодный анализ облил мне злой
отравой...
Я стал умней теперь. Все трудности пути
Я опытом узнал... Теперь бы мне идти...
Но дорого мне стал мой опыт безрассудный,
Я силы истощил, и на дороге трудной
С тоской, с презрением к себе теперь стою
И не в траве — в себе я чувствую змею...
1859 г.

Теперь я не знаю, куда мне идти, за что приняться. В голове пусто, совершенно пусто; в мире ничто не привлекает; сердце иссохло от разочарования. Оживите меня, влейте надежду в грудь отчаянного, определите мне цель жизни: есть ли у меня талант, должен ли я заниматься поэзией, или поступить в военную службу, чтобы ехать на восточный Кавказ и искать смерти в битве с племенем Адыге, которое, как слышно, еще не совсем покорилось ⁴².

От вас ждущий жизни или смерти

Аполлон Капелькин

Р. С. Следующий мне гонорарий вышлите мне по адресу, который вам сообщу, когда увижу стихи мои напечатанными.

III

ОТЪЕЗЖАЮЩИМ ЗА ГРАНИЦУ

Призвание «Свистка» широко: он должен услаждать слух почтенной публики, остающейся дома, и может сопровождать приличными звуками отъезжающих за границу. Он это понимает — но на последнее он решится только тогда, когда сам побывает в Европе и посмотрит, в какой мере и с какой стороны почтенные наши сограждане, там проживающие, заслуживают свиста. А между тем теперь все едет за границу; места в почтовых экипажах забраны за два месяца вперед; на пароходах давка. Не сказать ничего этим почтенным людям, покидающим отечество, а следовательно нуждающимся в утешении — было бы нехорошо. И мы очень рады, что подвернулся человек, который прислал нам свой «Первый шаг в Европу». Стихотворение, как видно, писано уже несколько лет тому назад, но благая мысль, руководившая почтенным автором, понятна без объяснений: ее можно перевести известной нашей пословицей: «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Но не в мысли дело, в произведении, так написанном, могло бы и вовсе не быть мысли и все-таки оно было бы превосходно: так необыкновенна его форма! Это что-то Дантовское. Давно уже решено, что мы имеем великих писателей по всем отраслям и во всех родах, но русского Данта еще не было. Пушкин написал несколько подражаний Данту, но это не более как попытка. Майков несколько удачнее воспроизвел манеру Данта в своем «Отрывке» ⁴³; но пальму первенства в этом роде мы решительно отдаем автору «Первого шага». Жизненность содержания дает ему силу, пусть читатель сам судит...

ПЕРВЫЙ ШАГ В ЕВРОПУ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Как дядю моего Ивана Ильича
Нечаянно сразил удар паралича,
В его наследственном имении Корсунском —

Я памятник ему воздвигнул сторяча,
А души заложил в совете опекунском.

Мои домашние, особенно жена,
Пристали: «жизнь для нас на родине
скучна»;

Кто: «ангел!» кто: «злодей! вези нас за
границу!»

Я крикнул старосту Ивана Кузмина,
Именье сдал ему и — укатил в столицу.

В столице, получив немедленно паспорт,
Я сел на пароход и уронил за борт
Горячую слезу, невольный дар отчизне...

«Утешься,— прошептал нас увлекавший
черт,—

Отраду ты найдешь в немецкой дешевизне».

И я утешился... И тут уж недолга
Развязка мрачная: минули мы берега
Священной родины, минули Свинемюнде,

Приехали в Берлин — и обрели врага
В Луизе-Августе-Фернанде-

Кунигунде.

Так горничная тварь в гостинице звалась,
Но я предупредить обязан прежде вас,
Что Лидия — моя дражайшая супруга —

Ужасно горяча: как будто родилась
Под небом Африки; в ней дышат страсти
юга!

В отечестве она не знала им узды:
Покорно ей вручив правления бразды,
Я скоро подчинил ей волю и рассудок

Более нет ничего. Но судя по тому, что в начале означено: *письмо первое*, мы вправе надеяться продолжения. Жаль, что автор не выставил своего имени: любопытно бы знать, кому принадлежит такое дарование. Но, с другой стороны, как подумаешь, то увидишь, что он и не мог выставить имени. Он уже и так принес большую жертву гласности обнародованием факта, и таким образом, кроме литературного достоинства, произведение его имеет цену общественной заслуги.

«Свисток» радуется, что ему удалось напечатать такую вещь, в которой счастливо сочетались оба эти качества.

(В сочельник крошки в рот не брал я до
звезды,

Хоть голоду терпеть не может мой
желудок),

И всяк за мною вслед во всем ей потакал,
Противоречием никто не раздражал
Из опасенья слез, трагических истерик...

В гостинице едва я умываться стал,
Вдруг слышу: Лидия бушует, словно
Терек.

Я бросился туда. Вот что случилось с ней...
О ужас! о позор! В небрежности своей
Луиза Лидию, с дороги раздевая,

Царапнула слегка булавкой шею ей,
А Лидия моя, не долго размышляя...

Но что тут говорить? Тут нужны не слова,
Тут громы нужны бы... Недвижна, чуть
жива

Стояла Лидия в какой-то думе новой.

Растрепана коса, поникла голова:
«На натиск пламенный ей был отпор
суровый!...» ⁴⁴

Слова моей жены: «О, друг, Иван Ильич!»
Мне вспомнились тогда: «Здесь грубость,
мрак и дичь,

Здесь жить я не могу—вези меня в Европу!»
Ах! лучше б, душечка, в деревне девок
стричь

Да надирать виски безгласному холопу!
И тяжело я вздохнул о родине моей...

.
.
.

IV

КЮВЬЕ — В ВИДЕ ЧАЦКИНА И ГОРВИЦА

В № 67 «С.-Петербургских ведомостей», 25 марта, то есть ровно через шесть дней после диспута гг. Погодина и Костомарова, появилась восторженная статейка г. Северцова, в которой между прочим было сказано:

«Кювье, тридцать лет направлявший беспримерно до тех пор быстрые успехи зоологии, *объявил, что предел назначен, что наука век должна оставаться на этой же степени развития, только обогащаясь подробностями.* Жоффруа Сент-Илер ⁴⁵ отстоял начатый им, теперь уже сделанный, новый шаг науки, и мы видим для нее, благодаря этому протесту против осуждения на застой, хоть бы великим Кювье, такую необъятную будущность, что сведения, удвоенные против казавшихся почти окончательными в 1830 году, теперь являются слабым началом дальнейшего развития.

«Этот плодотворный протест против застоя был, как нам показалось... и проч.»

Это было сказано собственно не в обиду Кювье или кому-нибудь, — статейка имеет тон восторженный, до обиды ли тут? — а в похвалу настоящему времени, когда... когда происходят такие явления, как диспут гг. Погодина и Костомарова, который очень понравился г. Северцову. Однако три академика, гг. Бэр, Брандт и Миддендорф ⁴⁶, поняли дело иначе и через три дня (заметьте, какая поспешность — тотчас видно, что вопрос нешуточный, не то, что дело о двух тысячах голодающих и мрущих рабочих ⁴⁷, в котором г. Кокорев допускал паузы по месяцу и более), именно 29 марта, поместили в 69 № «С.-Петербургских ведомостей» следующий протест:

ПРОТЕСТ ПРОТИВ НАПАДКИ НА КЮВЬЕ

«В № 67 «Санктпетербургских ведомостей» нынешнего года в фельетонной статье *«Два слова о диспуте гг. Погодина и Костомарова»* автор ее приписывает великому Кювье, будто он *объявлял: что предел успехам зоологии назначен, что наука век должна оставаться на той же степени развития, только обогащаясь подробностями, и что Жоффруа де Сент-Илер успешно протестовал против такого осуждения на застой,* произнесенного великим Кювье.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем долгом торжественно объявить, что заключающееся в этих словах обвинение прямо противоречит всему духу творений Кювье, и что мы с сожалением видим такие слишком неосторожные отзывы, оскорбляющие память великих преобразователей науки. Даже если бы у гениального естествоиспытателя случайно когда-либо вырвались подобные выражения, то не должно пользоваться ими, чтобы вводить публику в заблуждение относительно значения Кювье в истории науки».

Бэр, Брандт, Миддендорф.

«Свисток», некогда пришедший в умиление от протеста ⁴⁸ против г. Зотова в пользу гг. Чацкого и Горвица, не мог не умилиться этим новым про-

тестом, не мог не воскликнуть:

О, гласность русская! ты быстро зашагала
Как бы в восторженном каком-то забытьи:
Живого Чацкого ты прежде защищала,
А ныне добралась до мертвого Кювье.

И хорошо, очень хорошо вышло! Кювье человек мертвый, ему ничего: у всякого достанет ума сообразить, что́ и почему с ним делают: умер, защищаться не может, так вот его и защищают. Если посмотрим с другой стороны, то и г. Северцову тоже ничего: он выскользнул из рук диких коканцев ⁴⁹ и жив остался, так что́ ему три академика? Словом, очень хорошо, безобидно вышло, так хорошо, что мы не отдали бы нового протеста за десять зотовских, не отдали бы ни за что, разве

За спор о Свечиной ⁵⁰ Каткова
С Евгениею Тур!

V

РАЗВЯЗКА ДИСПУТА 19 МАРТА

Всякое дело имеет свой конец. Поэтому в нынешнем месяце последовала и развязка знаменитому диспуту о происхождении Руси. И представьте, оказалось, что все дело собственно направлено было неисповедимыми судьбами ни к чему иному, как к возвеличению «Свистка»! Сами события, так сказать, сложились в торжественный гимн его проницательности. Он не верил в серьезность диспута, он утверждал, что не может быть ничего серьезного там, где г. Погодин, и вот вышла 1-я на нынешний год книжка «Русской беседы» и г. Погодин объявил в ней, что он «шутит!» ⁵¹ Шутит, когда делал вызов г. Костомарову, шутит, когда читал корректуры этого вызова в «СПб. ведомостях», шутит, когда возражал г. Костомарову при многочисленном собрании публики в университете, встречавшей многие из его слов шиканьем и свистом (как уж тут у него доставало духу шутить, мы даже не понимаем), шутит, все шутит и молчал! Скажите, добрые люди, для чего все это делалось, как не для того, чтоб доставить торжество «Свистку», который в своем отчете о диспуте, вы помните, чуть не ударился даже в ученость, что было как нельзя более кстати в то время, когда ученый муж расшутился. Да, неисповедимость судеб умилительная!

Это шутовство, угаданное «Свистком» за месяц до сознания г. Погодина, теперь никому не тайна: стоит взять «Русскую беседу» и прочесть личное сознание шутившего. В этом номере «Современника» гг. Костомаров и Чернышевский показали публике значение «шутки» г. Погодина, и нам об этом распространяться нечего. Что касается до нас, то пассаж, сочиненный г. Погодиным, привел нас в умиление, а когда мы приходим в умиление, то пишем стихи, и обыкновенно так бывает, что виновник нашего умиления является и героем песни. Так случилось и теперь. Вот наш новый романс г. Погодину.

ПРИЗВАНИЕ

(М. П. Погдину от рыцарей «Свистопляски»)

Пусть Чернышевский говорит, что хочет,
И Костомаров пусть тебя разит;
Пусть над тобой ученых суд грохочет,
Пусть ими будешь ты и презрен и забыт.
Не унывай! Готов приют тебе веселый:
Недаром пописал ты на своем веку,
Недаром шуткою ты сделал спор тяжелый
И ревностно служил науке и «Свистку».
Не унывай! Прочь Нестор⁵², прочь
норманны,
Прочь жалкий параллель Европы и Руси!⁵³
Владения «Свистка» обильны и просторны:
Тебе в них место есть — свой труд туда
неси!
Умеешь ты мешать со вздором небылицы,

Смешить с ученым видом знатока:⁵⁴
Иди же, наполняй веселые страницы
Великодушного игривого «Свистка!»
Ты о «Свистке» писал с презреньем
величавым
В намереньи его жестоко оскорбить.
Но он давно простил речам твоим
неправым:
Он так высок, что может все простить.
Иди же к нам! В «Свистке» мы памятник
построим
Всем шуткам, шалостям и подвигам твоим,
Ученость дряхлую мы свистом успокоим
И слух твой ласковым романсом уладим.

Н. В. Само собою разумеется, что поэтическое произведение не должно быть понимаемо буквально: если бы г. Погдин внял нашему голосу, то, разумеется, творения его могли бы появиться в «Свистке», только выдержав строгую критику, которою редакция руководствуется при выборе материалов для «Свистка». Всем можно шутить, но «Свистком» мы не шутим!

VI

ЕЩЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРУТКОВА

Поклонники искусства для искусства! Рекомендуем вам драму г. Прутова. Вы увидите, что чистая художественность еще не умерла.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ТВОРЕНИЙ МОЕГО ОТЦА

Предупреждение

Здравствуй, читатель! Я знаю, ты рад снова увидеть меня в печати — это хорошо; это показывает твой вкус; хвалю тебя! Ты помнишь — разумеется, помнишь мое обещанье в «Современнике» 1854 года, в апрельской книжке, познакомить тебя с творениями моего отца и доказать, что весь мой род занимался литературой? — Радуйся: я исполняю свое обещанье!

У меня много превосходных сочинений отца; но между ними довольно неоконченного (d'inacheve). Если хочешь, издам все; а пока довольно с тебя одной оперетты.

Есть у меня еще комедия «Амбиция», которую отец написал в молодости. Державин и Херасков одобрили ее; но Сумароков составил следующую эпигramму:

«Ликуй, парнасский бог! Прутков уж нынѣ пиит,
Для русских зрелищей «Амбицию» чертит;
Хотел он, знать, своей комедией робятской
Пред светом образец явить амбицѣ хватской;
Но Апполон за то, собрав прутков длинныя,
Его с Парнаса — вон, чтоб был он поскромнее!»

Не скрываю этой эпигramмы, потому что она порождена явною завистью! Ты согласишься, когда сам прочтешь «Амбицию».

Представляю на твой суд оперетту «Черепослов, сиречь Френолог», которая написана отцом уже в старости. Шишков, Дмитриев, Хмельницкий достойно оценили ее. А ты обрати внимание на несвойственную старику веселость, живость, остроту и соль этой оперетты! Убежден, что по слогу и форме она много опередила век! Умный Дмитриев написал к отцу следующую надпись:

«Под снежной сединой в нем музы веселятся,
И старости — увы! — печальные года
Столь нежно, дружно в нем с веселостью рождаются,
Что — ах! — кабы так было завсегда!»

Несмотря на такую тонкую оценку нашего поэта-критика, я все еще не печатал «Френолога». Но недавно я прочел это произведение генерал-майору Ульяновскому и тайному советнику Рябову — лестные отзывы их превосходительств ободрили меня, — я решился! Читатель, если будешь доволен, благодари их! — До свиданья!

Твой доброжелатель

Кузьма Прутков

11-го апреля
1856 г. (annus, i).

ЧЕРЕПОСЛОВ, СИРЕЧЬ ФРЕНОЛОГ

ОПЕРЕТТА

в 3-х картинах.

Соч. Петра Федотыча Пруткова (отца)

Картина первая.

ЧЕРЕП ЖЕНИХА.

Картина вторая.

ПЫТКА.

Картина третья.

СУЖЕНЫЙ.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ш и ш к е н г о л ь м — френолог; старик, плешивый, с шишковатым черепом.

М и н а Х р и с т и а н о в н а — жена его; седая, но дряхлая.

Л и з а — их дочь; полная, с волнистыми светлыми волосами и с сдобным голосом.

И в а н о в — фельдшер, проживающий у Шишкенгольма.

Ф р и ц { немцы 16-ти лет, обучающиеся под надзором Иванова; они

Г у с т а в { в куртках, без галстухов, с отложными воротничками.

К а с и м о в — отставной гусар; в венгерке, лысый } Женихи

В и х о р и н — гражданский чиновник; в парике } Лизы.

И е р о н и м у с Амалия фон-Курцгалоп — гидропат; лет 46-ти, худой, длинный, лицо морщинистое, волосы жидкие, вылезшие; оттого лоб его высокий.

ДЕЙСТВИЕ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ.

Картина первая.

ЧЕРЕП ЖЕНИХА.

Комната в доме Ш и ш к е н г о л ь м а. Задняя стена в книгах; над средней дверью огромный бюст Галля ⁵⁵, с крупной позолоченной подписью немецкими буквами. Ш и ш к е н г о л ь м, в кресле посреди сцены, рассматривает череп, исчерченный по системе Галля. М и н а Х р и с т и а н о в н а, вправо от него, вяжет чулок. Л и з а сидит влево за столом, задумавшись, приложив перо к губам, и по временам, всматриваясь в стоящий перед нею череп, перелистывает книгу. В глубине — фельдшер И в а н о в, упершись спиною на полки с книгами и скрестив руки на груди, дремлет, свесив голову немного на сторону. Перед ним, по краям стола, на котором тоже череп, стоят Ф р и ц и Г у с т а в и твердят полушопотом из своих тетрадей. Тишина нарушается только шопотом Ф р и ц а и Г у с т а в а и легким храпением И в а н о в а; это продолжается довольно долго. Вдруг И в а н о в, поскользнувшись, едва удерживается позади себя обеими руками за полки, через что роняет несколько толстых фольантов. Он пугается, падает; все вздрагивают и оборачиваются к нему с испугом.

И в а н о в

Раз!

(Поднимает книги).

Ш и ш к е н г о л ь м

Dummer Mensch! * скот! Так-то ты руководишь моих питомцев?

(Опять начинают заниматься. Тишина. И в а н о в снова, скрестив руки, опирается на полки с книгами, засыпает, поскользается и опять роняет несколько фольянтов. Все вздрагивают и вскакивают с испугом. Ф р и ц и Г у с т а в фыркают со смеху).

И в а н о в *(с отчаянием).*

Тьфу! Второй!

(Нагибается за книгами).

Ш и ш к е н г о л ь м

Опять?! Я тебя выгоню!.. глупец!..

Л и з а *(сдобным голосом, презрительно).*

Русский мужик!..

(Оба садятся в негодовании.)

(И в а н о в, выдрав за волосы Ф р и ц а и Г у с т а в а, вновь складывает руки на груди и опирается на полки. Опять тишина. Но И в а н о в снова поскользается и снова роняет книги. Все вскакивают в совершенном негодовании.)

И в а н о в

Хор *(приступая к Иванову)*

И в третий!..

Спокойствие занятий

Ты трижды прерывал...

Прийми же тьмы проклятий,—

Чтоб черт тебя побрал!

Geh weg! ** — и в память Галля

К нам больше ни ногой!

Hinaus, packt dich*** подале;

Найметса к нам другой!..

*(Отворачиваются от него и обращаясь друг к другу:)*Расправу кончив с дерзким,
Приступим вновь к трудам...*(Медленно возвращаются
к своим местам.)*И в а н о в *(злобно указывая на Шишкенгольма).*

Обиженный сим мерзким,

Ужо я вам задам!..

(Выходит, хлопнув дверь. Настает совершенная тишина. Все занимаются. Вдруг раздается стук в двери.)

* Глупый человек! (нем.). — Ред.

** Уходи! (нем.). — Ред.

*** Убирайся-ка (нем.). — Ред.

К а с и м о в и В и х о р и н (за дверью).

Дома почтеннейший профессор Шишкенгольм?

Х о р (подбегая к авансцене).

О, Галль! мудрец великий!

Спаси ты нас...

Услышь ты наши клики,

Хоть в этот раз!

За что судьбы гоненье?—

Несчастный рок!

Ведь этак все ученье

Пойдет не впрок!..

Лишь вздумаешь заняться,

А тут гляди,—

Уж в дверь к тебе стучатся!..

Учись — поди!..

В и х о р и н и К а с и м о в (поют в дверях, никем не замечаемые).

Что слышим? Лизин голос!

Х о р (мрачно).

Судьбины гнет

Мышленья срезал колос!...

К а с и м о в и В и х о р и н (в восторге фальшивят).

Она поет!...

(все к ним оборачиваются; они, робея)

Фальшиво?... извините...

Мы второпях!..

Х о р (строго).

Зачем вы здесь, скажите,—

А не в сениях?!

К а с и м о в и В и х о р и н (прозой).

Мы... мы... мы опять... хотели просить руки...

В с е (с гневом, кроме Лизы).

Руки?!

Л и з а (жеманно).

Папаша, они ко мне!..

Ш и ш к е н г о л ь м (делая строгий знак Лизе).

Молодые люди! я уже несколько раз вам отказывал; я уже говорил вам, что вы не любите Лизы... Говорил я вам это?

К а с и м о в

Но ведь и я вам говорил, что люблю...

(Заслоняет и отталкивает Вихорина, который тоже хочет говорить.)

Ш и ш к е н г о л ь м *(медленно и важно качая указательным перстом, в виде маятника, противу своего носа).*

Тс!.. Молчать!.. я уже много раз доказывал, что вы оба не любите Лизы... Слышите? Ни слова более!.. *(с достоинством)* Мне кажется, профессор френологии может безошибочно узнавать, кто способен и кто не способен любить женщину; вы не способны любить женщину, и потому вы не любите моей Лизы! Слышите? Я наблюдал ваш череп — я знаю!..

К а с и м о в

Но мне ли не знать, г. Шишкенгольм, что вы ошибаетесь?..

В и х о р и н *(пробиваясь из-за Касимова, который его заслоняет).*

Клянусь... клянусь, вы ошибаетесь!..

Ш и ш к е н г о л ь м *(строго и гордо).*

Я ошибаюсь?! *(Ощупывает у них обоих затылки).* Ни за что!.. *(Уходит большими шагами в боковую дверь; Фриц и Густав за ним).*

М и н а Х р и с т и а н о в н а

Вы слышали? Пошли — вон!..

К а с и м о в и В и х о р и н

Мина Христиановна, матушка! клянусь, он ошибается!

М и н а Х р и с т и а н о в н а *(строго и гордо).*

Он ошибается?! *(Ощупывает у них обоих затылки).* Ни за что!.. *(Уходит в ту же дверь и также большими шагами).*

(Молчание.)

В и х о р и н *(приложив палец ко лбу, вполголоса).*

Придумал!.. *(Радостно).* Я в парике. *(Немного подымает парик за виски).* Подобью его подкладкой, а в подкладку — шишек из ваты, да побольше!.. Браво!.. До свидания, Лизавета Ивановна! *(Уходит также большими шагами, но в среднюю дверь.)*

К а с и м о в *(печально).*

Лизавета Ивановна!..

(Поет.)

Природа видно подшутила,
Когда меня произвела:
Она любовь в меня вложила,
Любви же шишек не дала!
Что делать? право, я не знаю!..
Уговорите-ко отца...
Готов я в ад, лишуся раю,
Отказ же сгубит молодца!..
(Падает на колени).

Л и з а (с достоинством).

Отец мой все по шишкам мерит,
Людям свою цену дает;
Он вашей страсти не поверит,
Коль шишек страсти не найдет!..
К тому ж, по Галля наставленьям,
Вас изучала я сама (*щупает его голову*).
Судя по ямкам, возвышеньям,
У вас нет сердца, нет ума,—
К искусствам нет у вас влеченья,
Нет памяти у вас, терпенья...
И жару вовсе нет в крови!..

(*Отталкивает его и отступает с ужасом.*)

Такого мужа не хочу я;
О нет!.. уйдите от меня!..

К а с и м о в (*вставая, сквозь слезы*).

Увы! — Любви огонь почуя,
Я мнил: когда дождуся дня,
Чтоб тесно с вами породниться!..
И что же? вдруг я узнаю,
Что страсть без шишек не годится!..
О как мне клясть судьбу свою!..

(*Рыдает.*)

Как зло природа подшутила,
Когда меня произвела:
Она мне в грудь любовь вложила,
Любви же шишек не дала!..

Л и з а (*сдобно, но печально*).

(*Убегает в среднюю дверь, закрыв лицо платком.*)

Несчастный! — Но что же делать?... А может быть — он и в самом деле?...
Нет!... (*Со вздохом*) Я сама пробовала!... А впрочем.... Пойду спрошу папашу!
(*Идет большими шагами в боковую дверь.*) Папаша! Папаша!

(*Декорация переменяется.*)

Картина вторая.

ПЫТКА

Комнатка К а с и м о в а; на стене: гусарская сабля, лядунка, портрет Касимова в гусарском мундире масляными красками; у двери трубка. К а с и м о в в кресле; И в а н о в оканчивает брить его голову.

К а с и м о в (*встает с бритой головой и прохаживается по авансцене, потирая руки*).

Да! уж теперь, как там ни верти, а отдадут за меня Лизу!.. Ты, Иванов, говоришь, что Вихорин заказал тебе парик с шишками?.. Так что ж? Все-

таки наша возьмет!.. А если что, так я и парик-то сдерну, — пусть видят! Хе, хе, хе!.. Знай наших! *(Продолжает ходить, радостно потирая руки).*

И в а н о в

Извольте садиться, ваше благородие; пора...

К а с и м о в *(в нерешимости).*

Ой-ли?.. А знаешь, Иванов, как-то страшно! Ей-богу!.. *(Помолчав).* Ну, была не была!.. *(Выдвигает кресло на авансцену и садится... Иванов пододвигает ставчик, на котором таз с водой, накрывает плечи Касимова полотенцем и становится сзади с молотком над его головой.)*

К а с и м о в *(поет).*

Судьба обидела гусара!
Но вот уж млат над ним висит,
И с каждым отзывом удара
Талант с небес к нему слетит!..
Мужайся, воин — и терпи!..
Палач! свой первый дар влепи!..

И в а н о в *(бьет молотком по его голове и тотчас же примачивает губкой).*

Вот шишка славы!

К а с и м о в *(морщась).*

Величавый волдырь на маковку взлетел!..
Да, — не легка ты, шишка славы! —
Недаром мало славных дел!..

И в а н о в

Сюда вот память надо вбить!

К а с и м о в

Ну, точно, — память! нету спора!
Ее во век мне не забыть!..

И в а н о в

Музыка здесь!

К а с и м о в

(Как бы в два хора...)

Я оглушен!.. Я понял, други,
И фис, и дис — и всякий прах!..
Ну, право, от подобной фуги
Век целый прозвенит в ушах!..

И в а н о в

Познаньям место и ученью!

К а с и м о в *(сквозь слезы)*.

Ой, ой! ученость налегла!..
Коли судить по оглавлению,—
Она уж больно тяжела!..

И в а н о в

Ума здесь орган, убеждений!

К а с и м о в *(всхлипывая)*.

У-ух! Я убежден насквозь!
О, боже! столько потрясений
Сразят хоть бы кого, небось!..

И в а н о в

Тут — сила духа!

К а с и м о в *(едва усидев)*.

Тише!.. Больно!..
Как сильно захватило дух!..
Иванов, милый! — ну, довольно!..
Ей-ей не выдержу, мой друг!..

И в а н о в

Чувствительность!

К а с и м о в

Туда ж, в подмогу! *(Плачет)*.
Страдальцы! понимаю вас!..
Я тронут так, что ну, ей-богу,—
Расплачусь, как дитя, сейчас!..

И в а н о в *(отрывисто)*.

Вот,— живопись!

К а с и м о в

Э-эк, вскочила!..
И тень и свет я понял вдруг!
В глазах как будто зарябило,—
И словно радуги вокруг!..

И в а н о в

А вот — терпенье!

К а с и м о в

Опоздало!..
Ох — рок мне строит все на смех!
Терпенье надо бы сначала,
А не в конец, не позже всех!..

И в а н о в *(бьет со всей силой).*
Теперь — любовь!

К а с и м о в *(вскакивая).*

Ой-ой! умру я!..

(В изнеможении падает в кресло.)

От маковки до самых пят
Я ощущаю страсть такую,
Что ночь переживу навряд!..

И в а н о в

Довольно с вас!

(Собирает инструменты, снимает с Касимова полотенце и отходит в глубину сцены, вытирая молоток.)

К а с и м о в *(тяжело вздыхая).*

Конец мучений!..

(После небольшого отдыха подходит к авансцене и ощупывает свою голову.)

Чтохватишь — то талант в руке!
Как я умен: я просто гений;
В каком я чудном шишаке!..
Теперь я счастлив!.. Марш, к Лизете!..
Она любить меня должна;
Лишь укажу на шишки эти —
И мигом Лиза влюблена!..

(Сует фельдшеру деньги, сбрасывает халат, надевает венгерку, ермолку, фуражку и идет к двери.)

И в а н о в *(почтительно кланяясь).*

Желаем счастья вашему благородью! При случае не забудьте, — пристройте опять к Шишкеным!..

К а с и м о в *(самонадеянно).*

Хорошо, брат, хорошо! Пристроим, любезный, построим!..

(Уходят)

(Декорация переменяется).

Картина третья.

Суженый

Комната первой картины. Шишкенгольм, за ним Мина Христиановна, Лиза, Касимов, Вихорин, Фриц и Густав почти выбегают, встревоженные, из боковой двери; Иванов робко входит в среднюю дверь и останавливается у притолки. Мина Христиановна, запыхавшись, падает на диван.

Ш и ш к е н г о л ь м (сердито).

Нет, это дерзко!.. Вон!.. вон!.. (Указывает Касимову и Вихорину на дверь.)
Не хочу таких шишек!.. Вон!..

(К а с и м о в и В и х о р и н пристают к Л и з е с просьбами и объяснениями; она хочет уйти; К а с и м о в, желая удержать ее, невольно делает с нею вроде тура галопа по комнате.)

Ш и ш к е н г о л ь м (вне себя).

О, это уже слишком! (Бросается к ним и, вырывая Лизу от Касимова, поет:)

Что задрал так кверху нос, ты?
Как ты смеешь танцевать?!
Нет, поверь, не так мы просты,
Что какие-то наросты
Стали шишками считать!..

Л и з у, едва освобожденную от К а с и м о в а, подхватывает В и х о р и н и тоже, удерживая ее, невольно пробегает с нею вроде тура галопа по комнате.

Ш и ш к е н г о л ь м (освобождая Лизу от Вихорина, поет).

Невпопад и ты проворен!..
Не смотри, что я старик.
Если будешь ты, Вихорин,
Так невежлив и упорен,
Я как раз стащу парик!..

Л и з а (усталая, падая в кресло, сдобным голосом).

Господи, какие бесстыдники!..

К а с и м о в и В и х о р и н (обращаясь к Шишкенгольму, поют).

Ну,— не верьте нашим шишкам,
Но уважьте в нас года,
Нам ведь по сороку с лишком,—
Угрожать нам, как мальчишкам,
Не позволим никогда!..

Ш и ш к е н г о л ь м (вне себя).

В разговорах мало толку;
Вас сумею выгнать я!..

(Идет к ним).

К а с и м о в и В и х о р и н (отступая от него).

Обругать вас стоит колко!..

Ш и ш к е н г о л ь м (настигает их и выбрасывает за окно ермолку с Касимова и парик с Вихорина).

С вас парик... а с вас ермолку!..
Подымайте их!..

К а с и м о в и В и х о р и н (посмотрев с любопытством в окно).

Свинья!..

(Уходят; но в дверях сталкиваются с Курцгалопом, который переступает задом через порог, делая разные знаки четверем отставным солдатам, которые вносят за ним купальный шкаф).

К у р ц г а л о п (испугавшись).

ТЬфу! черти плешивые!.. Чуть с ног не сбили!..
(Солдатам)

Ставьте вот сюда, сюда вот; так!..

Ш и ш к е н г о л ь м и п р о ч и е (с удивлением).

Это что? кто это?

Ш и ш к е н г о л ь м (рассерженный).

Что это вы принесли сюда?

К у р ц г а л о п

Не твое дело!

Ш и ш к е н г о л ь м

Как не мое дело? Позвольте!..

К у р ц г а л о п (поёт) *

Я только что купался —
Совсем продрог!..
Но славно пробежался:
Не слышу ног!

Ш и ш к е н г о л ь м (прерывая его).

Да позвольте же узнать?

К у р ц г а л о п (не слушая его).

Vivat** водолеченью!
Живи, народ!..

А все плоды ученья;—
Mein Gott, mein Gott!.. ***

* Читатель! Я пробовал петь эти куплеты на голос: «Un jour maitre corbeau»; выходит отлично! Испытай! Прим. К. Пруткова.

** Да здравствует (франц.) — Ред.

*** Мой бог, мой бог!.. (нем.).— Ред.

Ш и ш к е н г о л ь м *(опять прерывает)*.

Да кто же вы такой?

К у р ц г а л о п *(продолжает)*.

Еронимус Амалья
Фон-Курцгалоп —
Давно без обливанья.
Сошел бы в гроб!..

Л и з а *(отцу, жеманясь)*.

Папаша, какой веселый мужчина!..

Ш и ш к е н г о л ь м

Но скажите, наконец, зачем вы пришли?

К у р ц г а л о п *(не слушая его, солдатам)*.

Поставили шкаф? Ну, хорошо; ступайте!..

Л и з а *(матери, своим голосом)*.

Ах, мамаша, какой славный мужчина!

К у р ц г а л о п *(обращаясь к ним)*.

Доложите полковнику Ковырину, что шкаф принесен.

Ш и ш к е н г о л ь м *(рассерженный)*.

Милостивый государь! Полковник Ковырин живет не здесь, а внизу!

К у р ц г а л о п

Как! А здесь кто живет?

Ш и ш к е н г о л ь м *(с достоинством)*.

Здесь живет профессор-френолог Иоган фон Шишкенгольм!

К у р ц г а л о п *(радостно)*.

О боже, какая случайность! Негг Шишкенгольм, знаменитый френолог?

Л и з а *(отцу)*.

Папаша, какой умный мужчина!..

К у р ц г а л о п

Честь имею рекомендоваться: фон Курцгалоп, известный гидропат!

В с е *(радостно)*.

О боже! какое счастье! Негг Курцгалоп, знаменитый гидропат?

(Знакомятся).

Ш и ш к е н г о л ь м *(с лукавой улыбкой)*.

Негг Курцгалоп! вы умный и хитрый человек!.. Вы нарочно зашли сюда — благодарю вас за ошибку! .. *(Сильно жмет ему руку)*. Друг Мина, благодари за ошибку!.. *(Мина Христиановна приседает)*. Лиза, благодари за ошибку!..

Л и з а *(своим голосом отцу)*.

Ах, папаша, какой красивый мужчина!..

К у р ц г а л о п *(в сторону)*.

Какой у нее сдобный, жирный голос!

(Л и з а застенчиво приседает К у р ц г а л о п у, который почтительно кланяется ей; оба долго и страстно смотрят друг на друга).

К у р ц г а л о п.

Я, право, очень рад... но могу уверить... вовсе нечаянно!.. Мне полковник Ковырин заказал шкап, и я...

Ш и ш к е н г о л ь м

О, хитрый, хитрый молодой человек!.. *(Берет Лизу за руку)* Лиза, успокой его, займи разговором... Ты видишь конфуз молодого человека. Негг Курцгалоп, еще раз рекомендую: дочь моя!..

(Курцгалоп нежно целует ее руку).

(Поют).

Л и з а *(жеманясь)*.

Теперь нашли вы к нам дорогу?

К у р ц г а л о п *(кокетничая)*.

Нашел,— быть может, невпопад?

Ш и ш к е н г о л ь м

Пришли вы кстати к френологу:
Я гидропату очень рад!

Л и з а *(в сторону)*.

Как мне понравился, ей-богу,
Сей бодрый, крепкий гидропат!..

К у р ц г а л о п *(Лизе)*.

Вы обливаются водою?

Л и з а

Я? да! Я моюсь по утрам.

К у р ц г а л о п
Холодной? Теплою? Какою?

Л и з а
Холодной с теплой пополам!

К у р ц г а л о п *(в сторону)*.
Мила!.. *(помолчав, в замешательстве)*
А что, — спросить я смею, —
Вы обливаете?

Л и з а
Скажу —
Я обливаю руки, шею...
К у р ц г а л о п *(прерывая решительно)*.
Руки я вашей попрошу!..

Ш и ш к е н г о л ь м и М и н а Х р и с т и а н о в н а *(почти подбегая к Курцгалопу, оцупывает его затылок)*.

О счастье!.. Мы согласны! Благословляем вас!.. *(Благословляют.)* Шампанского скорей!

К у р ц г а л о п
А мне воды!

Ш и ш к е н г о л ь м
Ну, так и всем нам воды; оно и дешевле!
(Иванов бросается в двери.)

Ш и ш к е н г о л ь м и М и н а Х р и с т и а н о в н а *(обращаясь к Курцгалопу)*.

Подите же сюда, наш сын!..
(Курцгалоп подбегает с нежностью. Они начинают целовать его. Лиза смотрит с завистью.)

И в а н о в *(разливает воду в бокалы)*.

Уж простите и нас на радости!

Ш и ш к е н г о л ь м *(Лизе и Курцгалопу)*.

Дети, простить его?

Л и з а *(хладнокровно, своим голосом)*.

Простите, папаша.

Ш и ш к е н г о л ь м (Иванову).

Благодари ее! (Иванов целует руку Лизы. Все берут бокалы и поют.)

Х о р

За здравье френологии,
Мудрейшей из наук!
Хоть ей не верят многие,
Но, знать, их разум туг!
Она руководителем
Должна служить, ей-ей,

При выборе родителем
Мужьев для дочерей!
Ура черепословию!
Ура науке сей!
До капли нашей кровию
Пожертвуем мы ей!

(Лиза снимает шейный платок).

Ш и ш к е н г о л ь м (с испугом).

Что это ты, Лиза?

Л и з а (будто ни в чем не бывало).

В шкаф, папаша, купаться!

В с е (торопливо).

Подожди, Лиза. бесстыдница, дай спустить занавес!..

Занавес опускается.

(Со сцены раздаются крики сдобным голосом: А! А-ах! Ах: происходящие, вероятно, от слишком холодной воды.)

СВИСТОК

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

6

ПРИЧИНЫ ДОЛГОГО МОЛЧАНИЯ «СВИСТКА»

Всякий раз, когда «Свистку» случалось замолчать на долгое время, об нем распространялся в публике один и тот же слух, повторяемый очень многими с сердечным удовольствием, иными с искренним соболезнованием, что «Свисток» умер! Так было и ныне, — даже придумали очень правдоподобную причину его смерти: говорили, что «Свисток» скончался, убитый находчивостью г. Краевского, который отвлек будто бы (именно с этим намерением) все рабочие литературные силы к составлению статей для «Энциклопедического словаря»¹. Как ни остроумно это предположение, наступило время уведомить публику, что оно неверно. «Свисток» жив и для объяснения долгого своего молчания имеет достаточно причин. Мы могли бы и умолчать о них, потому что если, по словам гг. Кокорева и Бенардаки, *«в делах коммерческих должна быть неизбежная часть тайны»*², то почему же не быть ей в делах литературных — особенно если при этом не спрашивается с подписчиков никаких добавочных сумм? Но мы не хотим тайны и объявляем, что главнейшею причиною молчания «Свистка» были скромность и благонравие, свойственные его юному возрасту. Он молчал, потому что не хотел говорить о самом себе. Назвавшись собранием литературных и журнальных заметок, он, естественно, должен был касаться литературы и журналистики, а журналистика последнего времени, как известно читателям, только и занималась «Свистком». Уже одного страха, чтоб не показалось кому-нибудь, что «Свисток» нисходит до оправданий против таких личностей и талантов, какие почтили его своим вниманием, — достаточно было бы, чтоб заставить его молчать; но к этому присоединилось обстоятельство более важное и при-
скорбное — разочарование начинает чувствовать «Свисток»! Так скоро? — спросит читатель. — Увы! так скоро. Давно ли, полный юных сил, надежды и стремлений, считал он деятельность свою чем-то необходимым и благотворным? давно ли все его занимало, —

Все волновало юный ум?³

На что только не отзывался он своим свистом, то кротким и умиленным, то негодующим? А теперь? Теперь слава его не занимает; полезность деятельности своей считает он сомнительною, важность обличения разных литератур-

ных глупостей и низостей отрицает; капитальный труд свой «О вреде людоедства», которым занимался он в часы досуга, надеясь упрочить им свое имя в литературе и благотворно подействовать на убеждения современников, — он бросил на половине! Увы! увy! с ним случилось то же, что случается со всеми юношами нашего поколения...

В начале жизни гордо мы глядим
В широкий путь, открытый перед нами,
И первыми горячими трудами
Блестящие надежды подадим...

А потом? Потом следует то, что произошло со мною в сию минуту. Начал я свою мысль стихами (и читатели отдадут справедливость, что они не дурны), но сил у меня не хватает или, вернее, не хватает энергии потрудиться лишние полчаса, и я доканчиваю ее прозой. Нет, я и прозой доканчивать ее не буду, потому что она и так понятна, а если и не понятна кому, то что за беда: кто от этого проиграет? Никто. А я выиграю — выиграю полчаса времени, которое употреблю хоть на чищение ногтей. Горе, когда человека начинают посещать такие соображения, — не свищется ему. Даже такой факт, как появление статейки г. Беллюстина о вреде грамотности⁴ не задирает его за живое; а уж г. Дзюбин, объясняющий побег рабочих с Волжско-Донской дороги⁵ «привлекательностью высокой платы за уборку хлеба и сена», тогда как г. Смирнов объясняет тот же факт⁶ проделками и притеснениями приказчиков подрядчика, — г. Дзюбин так даже и впечатления малейшего не производит. Что ж ему после того полтавские дворяне⁷; что споры о том, должно ли назначить жалованье предводителям⁸ или не должно? Что ему объявление г-жи Евгении Тур об издании «Русской речи» и «заметка» «Русского вестника» на это объявление, и ответ г-жи Тур, и новая заметка «Русского вестника»?⁹ Господин Ржевский может теперь, отделавши кадастровых чиновников, профессоров и экзаменаторов и указавши способы развития пролетариата, может хлопотать о способах сокращать университетские штаты;¹⁰ г. Краевский может издавать или не издавать «Энциклопедический лексикон»; г-жа Каролина Павлова и г. Н. Греков могут, сколько угодно, перепечатывать в журналах свои старые стихотворения;¹¹ г. Козлянинов может бить или не бить, по своему усмотрению, особ прекрасного пола, подвертывающихся ему под руку;¹² в «Русском вестнике» могут распускаться новые цветы с старым запахом экономической деятельности;¹³ г. Летголла может уверять г. Костомарова, что он не знает ни слова по-литовски;¹⁴ г. Страхов может переносить из «Светоча» в «Русский вестник» свои трансцендентальные теории о веществе¹⁵; новый «Век» с новыми «Основами»¹⁶ может водворяться в русской литературе: «Свисток» даже губами не пошевеливает, чтобы их приветствовать... Постигнутый разочарованием, он сделал то, что обыкновенно делают в таких случаях русские смертные: он (и вот третья и последняя причина долгого молчания «Свистка») отправился за границу¹⁷, конечно, не без надежды набраться новых впечатлений и не без намерения поделиться ими с читателями. Может быть, он от себя будет говорить немного, но зато он вам представит некоторые выдержки из обширной корреспонденции, которую завел он с людьми, близкими ему по сердцу и духу; зато он даст вам подлинные документы о состоянии умов

в Европе, ему только известные и доставшиеся ему из первых рук; наконец он сообщит вам и о том, с каким достоинством держат себя в настоящих трудных обстоятельствах наши любезные соотечественники, путешествующие по Европе. Читайте же и поучайтесь плодами новой деятельности «Свистка»!

I

ДВА ГРАФА

Ищи паче в разнообразии единства нежели
в единообразии разделения ¹⁸.

(Афоризм Кузьмы Приткова.)

Читатель должен знать, что в русской литературе настает теперь время плутарховских параллелей ¹⁹. Первые попытки, хотя еще робкие и неопределенные, уже показались: г. Вагнер в двух превосходных статьях проводит параллель ²⁰ между «природою и Мильном Эдвардсом» (см. «Отеч. записки»), а г. Благовещенский — между «Петронием и пермскими сказочниками» ²¹ (см. «Русское слово»). Новая эра параллелей, так сказать возрождение Плутарха, совершится тогда, когда появится знаменитая статья г. Тургенева «Бернс и Кольцов» ²². Но так как появление этой статьи скрывается в тумане более или менее отдаленного грядущего, то мы намерены подготовить к ней публику несколькими этюдами, не имеющими такой капитальной важности, как будущее произведение г. Тургенева, но тем не менее долженствующими знакомить публику с плутарховскою манерою. Так, наши даровитые сотрудники обещали нам параллели: «Вилльмен и А. Д. Галахов» ²³, «В. А. Кокорев и Лафит», «Жорж Занд и Евгения Тур», «Битва Горациев и Куриациев и бой 13 декабря 1859 года в петербургском пассаже», «Ламорисьер и Н. Ф. Павлов» и пр. и пр. Но читатели понимают, что подобные труды требуют долгих и тщательных соображений, а между тем «Свисток» любит очень быстро переходить от мысли к делу. Вот почему, за недостатком покамест отечественных трудов по этой части, радостно приветствуем плутарховскую пару, недавно возведенную во французской литературе. Пара эта имеет тем более прав на наше внимание, что она отличается весьма возвышенным характером.

Две единицы, составляющие интересную пару, которая рекомендуется вашему вниманию, обе благородного происхождения. Правда, одна из них была недавно заподозрена каким-то немецким журналом в том, что она — из немцев ²⁴, и даже, кажется, из баварцев; но, по всей вероятности, это подозрение неосновательно. Во всяком случае нам известно, что обе единицы — не только благородные, но даже графы. Один из графов называется *Кавур*, другой *Монталамбер*.

Если вы следите за политикой не для пустого препровождения времени,

а для того чтобы почерпнуть из нее мудрые уроки, возвышенные идеи и убедительный слог, то вы, конечно, не спросите нас, по какому случаю соединили мы два имени, для профанов не имеющие между собою ничего общего. Вам должно быть известно что оба графа взаимно очень заняты собою (т. е. друг другом: простите невольный галлицизм), что граф Кавур, среди тяжелой борьбы с Гарибальди и затруднительных рассуждений в парламенте не упускает случая затронуть графа Монталамбера, и что граф Монталамбер, в свою очередь, как ни опечален горестями святейшего отца и неудачами Ламорисьера ²⁵, не оставляет, однако же, устремлять свои помыслы к графу Кавуру и делать выгодные для себя сравнения. Этому благородному и полезному занятию своему они придали недавно гласность, которою мы и пользуемся для своего этюда.

12 октября сего года было в туринском парламенте чрезвычайное заседание, имевшее целью доказать, что граф Камиль Кавур любит Италию и свободу, но не любит Гарибальди, ибо Гарибальди слишком зазнался и сделался с некоторого времени беспокойным человеком. В красноречивой речи (которую можно посоветовать выучить наизусть редакции «Русского вестника») граф Кавур доказал, что Италия своим возрождением обязана его дипломатическим способностям, что при нем никакого Гарибальди ей не нужно, что пусть только подождут, а он «подумает», и все уладится как нельзя лучше. Все остались довольны речью и никто не заметил в ней маленькой шпильки, направленной очень далеко. Да и как было заметить? Речь вся была составлена, так сказать, из мечей обоюдоострых, так до шпильки ли тут! Но такова сила дипломатического гения, что среди мечей один граф отлично умел поместить шпильку другому графу, и другой граф немедленно успел заметить царапину и поспешил даже почувствовать благородное негодование.... Дело в том, что, говоря о Риме и папе, граф Кавур произнес, между прочим, следующую тираду:

«Я думаю, разрешение римского вопроса придет вследствие более и более распространяющегося в современном обществе и в среде самих католиков убеждения, что свобода как нельзя более благоприятствует развитию истинного религиозного чувства.

Я убежден, что эта истина скоро восторжествует. Мы уже видели ее признание самыми горячими защитниками католических идей, мы видели, как один знаменитый писатель, в одну из светлых минут своих, доказывал Европе в книге, наделавшей большого шума ²⁶, — что свобода была весьма полезна для возвышения религиозного духа».

Кто следит за успехами европейской мысли, хоть по отделу иностранной литературы в «Отечеств. записках», тот должен понять, что намек графа Кавура относился к графу Монталамберу. Очевидность была так велика, что граф Монталамбер счел нужным тотчас же принять его на свой счет, обидеться и обнародовать ответ графу Кавуру, писанный, можно сказать, молниями! Он появился в октябрьской книжке журнала «Correspondant» ²⁷, который, к сожалению, мало известен в русской публике, хотя занимается Россиею с особенной любовью: он хочет обратить ее в католичество!.. Впрочем, об этом мы еще скоро поговорим особо, а теперь обратимся к нашим графам.

«Говорят, что вы это на меня хотели намекнуть в вашей речи,— пишет обиженный граф к графу-обидчику.— Если бы в ваших словах заключалась только похвала, я бы не позволил себе принять их на свой счет; но в них есть также оскорбление: значит—моя скромность может успокоиться».

Это вступление имеет отношение к прошедшему французского графа. Надо вспомнить, что около 1856 года в недрах «католической партии», основанной графом Монталамбером, произошел раскол. Господин Вёльо убежал слишком далеко, граф Монталамбер слишком отстал, а граф Фаллу²⁸ оставался между ними, не зная, что ему делать — прибавить шагу или остановиться вовсе. В это время г. Вёльо, с свойственной ему бесцеремонностью, рассказал в «L'Univers»²⁹ некоторые интимные факты поведения графа Монталамбера во время *сoup d'état**³⁰. Граф смолчал. Тогда другие журналы, сначала боявшиеся верить газете г. Вёльо, решились принять серьезно рассказ бывшего друга о его союзнике. После этого граф Монталамбер в общих выражениях протестовал, объявив, что прежде он не хотел отвечать, ибо знал, что «общественный деятель должен благодушно переносить критики, даже самые грубые и обидные». В ответ на это признание один журнал не без ядовитости заметил тогда, что молчать, когда наши же друзья и единомышленники выставляют против нас малоизвестные факты, обличающие нас в недостатке убеждений,— это уже значит слишком далеко простирать христианское смирение...

Несмотря на свои почтенные лета и звание академика, граф Монталамбер, как видим, не погнушался воспользоваться журнальным уроком. Теперь он оставляет смирение в стороне и спешит протестовать против подозрения в желтухе или куриной слепоте, которую ему явно приписывает граф Кавур, осмеливаясь провозглашать, будто «знаменитый писатель» только в «светлые минуты» может видеть вещи как следует. «Знаменитый писатель» тем же слогом, каким он ратовал в 1831 году против жандармов, пришедших разогнать основанную им школу³¹, гремит теперь против графа Кавура, стараясь доказать, что если кто из них двоих находится в белой горячке, так это, конечно, уж сам граф Кавур. Для полнейшего доказательства этой истины обиженный граф собрал все свои силы, припомнил все свои изучения и изложил результаты своих долгих соображений относительно пиемонтского графа — в разительной параллели, которую мы и переводим для удовольствия читателей. Само собою разумеется, что слог перевода не может равняться в энергии с подлинником; но и слабое понятие о нем уже достаточно для того, чтобы возбудить умиление читателей.

«Вы меня вызываете перед публикой,— пишет граф Монталамбер,— значит, даете мне право и отвечать вам публично.

Я чувствую к этому отвращение, которое едва могу превозмочь. Французская кровь была пролита по вашим приказам; католическая честь оскорблена была вашими помощниками; теперь ваши слова угрожают вековой обители, последнему убежищу общего отца всех верных. Нет ни одного из ваших действий, которое бы меня не оскорбляло и не возмущало... И вот вы наносите новый удар всему, что мне дорого, прикрывая ваши злые умыслы

* государственный переворот (франц.).— *Ред.*

покровом обманчивого соглашения между религией и свободой. И для подтверждения ваших слов вы призываете мое свидетельство!..

Я считаю своей обязанностью объявить, что ни в каком отношении, господин граф, я не схожусь с вами!

Благодарение богу, ваша политика — не моя!

Вы стоите за большие централизованные государства; я — за маленькие самостоятельные владения.

Вы презираете местные предания в Италии; я люблю их повсюду.

Вы хотите Италии единой; я хочу союзной.

Вы нарушаете трактаты и международное право; я их уважаю, потому что между государствами это то же самое, что контракты и честность между частными людьми.

Вы для вашей цели жертвуете обязательствами, обещаниями, клятвами. Я отвечаю вам словами благородного Манина ³²: «средства, неодобряемые нравственным чувством, даже если бы они и были полезны материально, убивают нравственно. Никакою победою нельзя искупить презрения к самому себе».

Вы разрушаете светскую власть святого владыки; я ее защищаю со всей энергией моего разума и любви (*de ma raison et de ma tendresse*).

Вы не одобряете политику, которая снарядила римскую экспедицию 1849 года ³³, а я горжусь тем, что ее поддерживал. Несмотря на ужасные и непростительные противоречия, встреченные ею после того, я благодарен ей, потому что и теперь, если Франция и Пьемонт принуждены встретиться лицом к лицу перед Капитолием, — так это есть последнее, слабое последствие той экспедиции.

Вы отдаете героям Гарибальди хвалы, которые я берегу для наемников бессмертного Пимодана ³⁴.

Вы — с Чальдини, я — с Ламорисьером; вы — с отцом Гавацци ³⁵, я — с епископами Орлеанским, Пуатьерским, Турским, Нантским, со всеми католическими голосами, которые в обоих полушариях протестовали и будут протестовать против вас.

Но особенно я — с Пием IX, который был первым другом итальянской независимости до тех пор, пока это великое дело не попало в руки неблагодарности, насилия и обмана ³⁶.

На нашей стороне, я могу это сказать, — совесть; на вашей, — я верю этому, — успех. Пьемонт решается на все, Франция все позволяет, Италия все принимает, Европа все терпит... ваш успех, повторяю, кажется мне верным».

Не правда ли, какая резкая параллель! Какое богатство мыслей, благородство тона и в то же время какая яркость контрастов, какое остроумие сближений! И при всем том нельзя сказать, чтобы выбор между двумя графами-противниками был очень легок даже для приверженцев графа Кавура. Они не могут указать на графа Монталамбера как на обскурантиста, как на врага Италии, как на человека ретроградного или революционера. Нет, он также любит Италию, любит свободу, любит прогресс и ненавидит революцию. Он, правда, толкует все о католической религии; да ведь и граф Кавур — тоже не отвергает католицизма. Из той самой речи, которая подала

повод к громоносным нападениям графа Монталамбера, видно, что граф Кавур сам хлопочет о процветании католической религии и смотрит на свободу именно с той точки, что она благоприятствует развитию и возвышению религиозного чувства. Выходит, что в основных пунктах между ними нет существенной разницы. Если мы соберем свои воспоминания, то найдем, что даже и в подробностях оба графа более имеют общего, нежели противоположного. Продолжим параллель, начатую графом Монталамбером.

Мы уже не хотим говорить, что наши герои оба графы, оба ровесники по годам, оба знамениты умом и красноречием и пр. и пр. Кто из государственных людей Европы не имеет всего этого? Морни, Валевский, Тун, Рехберг, Боррис³⁷ — все графы, все отличаются высокими видами, все имеют почтенные лета и все, без малейшего сомнения, отличались бы красноречием, если бы только все имели к тому случай. Значит, об этой статье и толковать нечего.

Но есть другие стороны, более специально сближающие наших графов между собою. Например.

Граф Кавур научен осторожности и благоразумию теми испытаниями, которых он был свидетелем (хотя и не участником) в родной земле до 1848 года³⁸; еще более научен он политической мудрости неудачей самих восстаний 1848 года³⁹, в которых он, можно сказать, почти принимал личное участие: известно, что он, около времени Наварской битвы⁴⁰, записался даже в волонтеры, только не успел выступить на поле чести, по случаю слишком быстрого окончания войны. С той поры он войны боится, а к революции питает справедливое отвращение, и всего более за то, что она бросается на все, очертя голову. Он любит выступить на борьбу, оградивши себя и справа и слева, и сзади и спереди, или выждавши такое время, когда уж и ограждать себя не от кого. Тогда он становится храбр, упорен, предприимчив, тогда он готов презирать все преграды... Эту черту его характера рельефно выставляет граф Монталамбер в продолжении своего письма: «Два препятствия теперь возвышаются перед вами, — говорит он, — Рим и Венеция; в Риме Франция, в Венеции Германия⁴¹. Это-то и есть, правда, настоящие иноземцы; но они сильны!. В Неаполе вы не остановились пред итальянцами, при Кастельфидардо вас было десять против одного; конечно, вам нужно было попрасть право, трактаты, обязательства, честь, справедливость, слабость, но ведь это все вещи отвлеченные, которые не могут противостоять картечи. В Риме же — стоят французские батальоны, в Венеции и Вероне — нарезные пушки! Вы легко преступили право, но перед силою вы колеблетесь».

По нашему мнению, это очень хорошо сказано, но хорошо вышло именно потому, что, рисуя графа Кавура, граф Монталамбер как бы раскрывал свою собственную душу. В самом деле, мы видим, что и он был приготовлен к политической деятельности такими же точно событиями, в каких прошла молодость графа Кавура. Монталамбер только, может быть, резче обозначился в своей теории, потому что партии и мнения во Франции давно уже определились гораздо яснее, чем в Италии. Но что касается до деятельности, она всегда была такова, что ей нельзя отказать в благоразумии. До 1830 года, хотя и находясь в близких отношениях с Ламеннэ, Виктором Гюго и други-

ми горячими людьми ⁴², он, однако же, вел себя очень скромно. После 1830 года он шумел и ратовал на словах, особенно после того, как по смерти отца сделался пэром Франции; но не далее как в январе 1848 года он проклинал республику. После февраля ⁴³ это, однако, не помешало ему объявить, что он любит свободу, и быть представителем Дубского департамента в *Assemblée nationale* *. Вскоре он нашел, впрочем, что «анархия убивает свободу», и потому стал защищать разные ретроградные меры. После 2 декабря он протестовал, но тем не менее назначен был членом «совещательной комиссии» и успокоился. Попавши потом в «законодательный корпус», он опять принялся за оппозицию (которая, как известно, там даже поощряется) и находил, что *сoup d'état* не дал достаточно свободы. Но всегда старался он держаться в пределах умеренности, находя, что «опасно плыть против течения». В 1852 году, говоря о боязливом молчании, наложенном на Францию вследствие *сoup d'état*, он выразился даже таким образом: «то без сомнения полезная и даже необходимая гигиена, и конечно я не хочу быть первым в отрицании ее законов». В этом нежелании быть первым, когда нужно бороться с чем-нибудь, — гораздо более сходства с постоянной политикой графа Кавура, нежели думает граф Монталамбер.

Нашедши это первое сходство, мы можем продолжать нашу параллель уже гораздо решительнее. Все частности, как бы они ни представлялись, противоположными на первый взгляд, сглаживаются перед родовым, типическим сходством, которое представляют интересные личности обоих графов. Положение их несколько различно: в большей части случаев пьемонтский граф оканчивает тем, чем начал французский, а французский отстает от того, к чему приходит пьемонтский; но это — дело обстоятельств, независимых от их воли. Что же делать, если французское правительство в начале деятельности Монталамбера походило на нынешнее сардинское ⁴⁴, а тогдашнее сардинское имело большую аналогию с теперешним французским! Для оценки личности обоих графов это вещь совершенно посторонняя; она только с большой рельефностью выставляет перед нами, так сказать, «сродство душ» обоих графов и дает видеть, с каким бы умилительным согласием действовали они, ежели бы находились в одинаковых обстоятельствах.

Оба они, например, до безумия любят трибуну. Но до 1848 года в Италии нечего было и думать о трибуне. Что же делал граф Кавур? Он нашел для упражнения своего красноречия довольно изрядный суррогат в издании журнала «*Risorgimento*» ⁴⁵. Во Франции после 1852 года трибуна тоже смолкла: что делает граф Монталамбер? Он издает с 1852 г. журнал «*Le Correspondant*», в котором находит приют для своего изящного слога. Но нет никакого сомнения, что при первом удобном случае (и даже теперь, после великих реформ 24 ноября во Франции ⁴⁶, можно надеяться, что очень скоро) граф Монталамбер не преминет выступить на ораторское поприще. Равным образом не подлежит сомнению, что, в случае невозможности действовать живым голосом, граф Кавур пустит в ход журналистику. Для этого и существует у него под руками «*Opinione*», «*Diritto*» и пр.

* Национальной ассамблее (франц.). — Ред.

Но что делал граф Кавур с своим журналом в горячее время, которое переживала вся Италия пред 1848 годом? Проникся ли общим настроением умов, волновался ли патриотическими замыслами, содействовал ли поднимавшемуся революционному движению? Помилуйте, как это можно! Граф Кавур всегда был слишком солиден для этого: он всегда предан был просвещенному либерализму, но всякое шумное движение повергало его в ужас. Он не мог выносить других форм свободы, кроме свободы парламентских прений. Поэтому и в 1847 году «Risorgimento» с замечательным упорством держался в стороне от настоящего народного движения, не хотел угождать вкусу грубой черни и постоянно держался на высоте своей идеи, толкуя о конституционных постановлениях и о их преимуществах, в числе которых главным, конечно, стояло наслаждение парламентским красноречием...

Удивительное сходство представляет нам в этом случае «Correspondant» графа Монталамбера с журналом графа Кавура. Возьмите какой угодно номер — нет плебейских выходов, нет рассуждений дурного тона, нет даже упоминания о предметах, занимающих грубую массу, но не принадлежащих к области «высших» интересов; все благопристойно, возвышенно — и по содержанию, и по тону. Но в то же время это не напудренный приверженец старины, не отсталый консерватор — о нет! далеко нет! Он составляет оппозицию, но оппозицию благоразумную, направленную к практическим и высоким результатам, а не к каким-нибудь мечтательным замыслам. Он не шумит из-за «минутных» интересов, не одушевляется «преходящими» фактами; нет, у него есть глубокие, вечные идеи и требования, от которых он ни на шаг не отступит. Канвою для них служит всегда одна общая идея — права католицизма; но так как эта идея уже слишком обща и бледна сама по себе, то по ее фону всегда и разрисовываются другие, более специальные: права аристократии, сладость парламентаризма, отвратительность быстрых переворотов, умеренная свобода, ограниченная законностью, законность, поддерживаемая союзом аристократии и духовенства, и т. д.

Как видите, по сущности своих идей французский граф никак не отстает от пьемонтского, и потому оба они должны бы быть довольны друг другом. Но они хотят уверить нас, что в средствах не сходятся. Нам кажется, что и это напрасно. Приведем на память несколько фактов.

Граф Кавур, например, находя себя уж очень смелым и стремительным, одно время употреблял вместо себя в некоторых случаях графа Чезаре Бальбо. Так, он издавал «Risorgimento» вместе с Бальбо. Граф Бальбо известен своею книгою «Надежды Италии»⁴⁷, которую итальянцы называют часто «Надежды безнадежного». В книге этой достойный граф уверяет Италию, что «собственно, она ничего сделать не может, но что нужно надеяться на перемены к лучшему в австрийском правительстве. Все, видите ли, идет к прогрессу, идеи развиваются, права определяются яснее; кому же лучше устроить их, как не тем, кто управляет народом? Такого-то философа выбрал граф Кавур себе в товарищи по журналу, и в сравнении с ним действительно казался отважным... Точь-в-точь такая же история произошла и с графом Монталамбером: он издает «Correspondant» вместе с графом Фаллу. Мы знаем, что граф Фаллу бросил яблоко раздора между г-жею Тур и редакциею «Русского вестника»⁴⁸; но о нем нельзя судить по этому

обстоятельству. Если бы он мог предвидеть прискорбные последствия публикации его книги «*Madame Swetchine*», то без всякого сомнения не стал бы публиковать ее, а благоразумно подождал бы, пока величие М-ме Свечиной будет признано всеми и не в состоянии будет поселять раздоров даже между московскими журналистами. Так можно думать, судя по характеру всей жизни и деятельности графа Фаллу, о котором один из его биографов с восхищением отзывается, что он мог в одно время быть другом свободы, находиться в наилучших отношениях с Персиньи, питать нежность к Ламеннэ и оставаться в дружбе с Вёльо⁴⁹. Биограф находит в этом глубокий жизненный такт... И биограф не ошибается, по-видимому: друзья наших графов — тоже графы, следовательно ничего нет удивительного, если эти две четы насквозь пропитаны аристократизмом. В довершение сходства двух графов, 2-го порядка, мы имеем сочинение графа Фаллу: «Житие Пия VII»⁵⁰, где он с таким же незлобивым упованием относится к прошедшему, как граф Бальбо к грядущему. Граф Фаллу находит, видите ли, слишком обидными отзывы историков об инквизиции и слишком неосновательными меры, послужившие к ее уничтожению. По его мнению, это установление было отлично приурочено к нравам своего времени, вовсе не имело в себе ничего ужасного, и следовало подождать совершенного изменения нравов и понятий, для того чтобы оно могло прекратиться или смягчиться само собою... Спрашиваем вас, читатели, чем эта философия хуже философии графа Бальбо, и кто из четырех графов может похвалиться своим другом предпочтительно пред остальными?

Если выбор друзей у наших графов одинаково удачен, то их тактика поражает нас совершеннейшим единством, которое можно даже заподозрить в подражании. Дело в том, что для достижения целей графов нужно было восхвалять парламентскую форму правления, а между тем это было не совсем удобно. И граф Кавур мог иметь за это кое-какие неприятности в 1847 г., а граф Монталамбер уже прямо находился в положении крайне затруднительном после 1852 года. Что делать? К счастью, у графа Монталамбера была мать англичанка, которая его, говорят, и воспитывала с некоторыми педагогическими манерами старой Англии, довольно суровыми в физическом отношении; граф же Кавур в молодых летах долго жил в Англии. После этого ясно, что они принялись эксплуатировать британское управление без всякого милосердия... «*Risorgimento*» полон был восторженных заметок о государственных ораторах Англии и об уме, красоте и величии ее лордов; граф Монталамбер, как известно, тоже не дал спуску английским парламентским прениям... И, конечно, когда подумаешь, что на английских учреждениях ездят иногда люди, гораздо менее имеющие на то права⁵¹, чем наши графы, то находишь образ действий обоих графов как нельзя более естественным. Одно только нехорошо: раз граф Монталамбер до того увлекся, что наговорил лишнего и отдан был под суд. Два года тому назад процесс его⁵² за слишком усердную похвалу английским прениям в парламенте наделал порядочного скандала. Правда, впрочем, что тот же граф сочинил около того же времени «*Pie IX et lord Palmerston*»⁵³, где и Пальмерстон и Англия, за исключением, конечно, парламентских форм, уничтожаются в пользу Пия IX.

Полные восторженного благоговения пред трибуною, оба графа, можно сказать, превосходят друг друга в постоянных надеждах на силу словесного убеждения. Так как французский граф находится теперь «не у дел», то он, естественно, рассчитывает более на статейки и письма; в прежнее же время возлагал упование на свои красноречивые «дискурсы»⁵⁴. Пьемонтский граф теперь смотрит несколько свысока на статейки и даже на речи, это уж для него пустяки; но он твердо надеется изменить лицо мира посредством своих дипломатических нот. «Письмо» графа Монталамбера дает нам один образчик того, как оба графа, наперерыв друг перед другом, рвутся показать свою приверженность к «убеждению». Граф Кавур (вспоминая, без сомнения, своего бывшего сотрудника, благонадежного графа Бальбо) уверяет в своей речи, что вопрос Рима и Венеции не может быть решен силою, что надо подождать, пока мнение европейских держав сформируется в пользу Италии, когда святой отец убедится, что надо отдать Рим Пьемонту, а Австрия почувствует моральную невозможность держаться в Венеции. «Для этого надо действовать на общее мнение Европы, надо убеждение, переговоры, убеждение, дипломатические ноты, меморандумы, убеждение, убеждение... И уж положитесь на меня — мои ноты будут убедительны!» Так провозглашал граф Кавур. Кажется, достаточно сильно?.. Но граф Монталамбер старается перекрычать его, повторяя: «Да, убеждение, убеждение, все надо делать убеждением, а не силой, именно убеждением, и вы должны были действовать убеждением, не другим чем, как убеждением... прогресс совершается идеей, а не силой, убеждением, а не оружием»... и пр. Относительно Венеции, например, граф Монталамбер до того согласен с графом Кавуром и графом Бальбо, что, даже при всем желании возражать пьемонтскому дипломату, не находит сказать ничего лучшего, как только заподозрить его в неискренности. «Вы хотите получить Венецию, — пишет он, — действуя убеждением на Австрию и Европу. Увидим... Я искренно желаю вам успеха. Да, именно таким способом, посредством убеждения, примером собственного благоденствия. Пьемонт после 1847 года должен был бы и мог бы обеспечить торжество и честь своей политики. И вот почему из всех виновных в том зле, которое совершается теперь в Италии, — вы (т. е. Кавур) может быть всех виновнее. Вы имели все, что нужно для того, чтобы привести ко благу дело столь прекрасное, сохранив симпатию всех честных людей в целом мире. Ни в патриотизме, ни в красноречии (!), ни в отваге, ни в настойчивости, ни в ловкости у вас не было недостатка; вам не доставало одного — совести (conscience) и уважения к совести других».

Как видите, граф Монталамбер не только убеждение любит, но и свободу: он одобряет сардинские постановления (да и нельзя иначе: они дают простор красноречию!) и желает освобождения Венеции не меньше самого графа Кавура. Они оба страшатся только, когда люди заходят очень далеко... И в этом отношении сходство между двумя графами не менее поразительно, как во всех других. Граф Монталамбер, например, еще в ранней молодости тотчас же воспользовался на трибуне плодами июльской революции, но известно, что в беспорядках, произведших ее, он был совершенно неповинен. То же самое надо сказать и о 1848 годе... Если обратимся к графу Кавуру, то увидим то же благоразумие: в самой ранней молодости он умел сохранить

себя — не попал ни в секту карбонаров, ни в «Юную Италию»⁵⁵, а либеральничал весьма умеренно и благородно в аристократических салонах, и между прочим в салоне своего отца; а потом, после переворота, сделался руководителем новой политики Пьемонта. Он успел лучше, чем граф Монталамбер, и вот чего французский граф никак не может простить ему! Бедняк думает, что это произошло от существенной разницы их идей и характеров, и его самолюбие страдает... А дело просто в том, что Пьемонт — не Франция: благодаря ничтожеству политической жизни Кавур оказался там один, а во Франции Монталамбер потерялся между десятками людей полоче его...

Для того чтобы свобода не была уж слишком свободна, оба графа готовы на все. И, во-первых, они любят, чтобы она была дарована, пожалована...⁵⁶ Вот почему граф Кавур с графом Бальбо и еще несколькими графами и маркизами еще в 1848 году печатали в «Risorgimento» прошение к королю Фердинанду⁵⁷, чтоб он сделался либералом... Вот почему граф Кавур хотел, чтобы освобождение Италии совершилось непременно Наполеоном III. Вот почему и граф Монталамбер неоднократно взывал к разным державам и властителям, чтобы они отказались от своих прав на некоторые области, преимущественно католические, как, напр., Англия — на Ирландию, Пруссия — на Познань и пр. Надо признаться, что в этом случае трудно решить, кто из двух графов имел более успеха в своих воззваниях.

Зато, если судьба им улыбается, наши близнецы-графы немедленно взлетают на седьмое небо и трубят о спасении свободы от анархии. Выше мы привели то место письма графа Монталамбера, где он так восторженно говорит о Пие IX как творце итальянской независимости и уверяет, что неуспех дела свободы оттого только и произошел, что оно исторгнуто было из рук святейшего отца и попало в руки «неблагодарности, насилия и обмана». Можно было думать, что такого рода воззрение несколько отдаляет французского оратора от пьемонтского дипломата — ничего не бывало! Вся Европа имела случай убедиться, что граф Кавур одушевлялся совершенно такими же идеями и чувствами. В ноте прусскому правительству он говорит о себе почти в тех самых выражениях, в каких граф Монталамбер отзывается о Пие IX как в письме к графу Кавуру, так и в своей статье о Пие IX и Пальмерстоне. По уверению ноты, если вы припомните, Пьемонт затем именно и вмешался в чужие дела, что дело свободы попало в руки головорезов, что надо было смирить и уничтожить дух революции в Италии. Говорят, будто все это дипломатическая вежливость в отношении к Пруссии; но мы с своей стороны не имеем на этот раз никаких причин подозревать искренность графа Кавура.

Дела говорят лучше слов, а мы не раз видели, как пьемонтский граф не хуже французского на деле показывал свое отвращение ко всяким беспорядкам и даже ко всем, кто только способен был возбудить их. Если он иногда и припужден был казаться сочувствующим беспокойным людям, то всегда неутомимо старался выйти из такого ложного положения, хотя бы для этого нужно было пуститься в другую крайность... Так, видели мы, что он, едва только увидел, что Гарибальди — человек беспокойный, как немедленно направил против него все усилия своего проницательного гения и еще в

Сицилии хотел покончить диктатора посредством Лафарины ⁵⁸, а потом объявил его в своем журнале «безумцем» и «препятствием итальянской независимости» и предпочел лучше войти в интимность с генералом Нунцианте ⁵⁹, нежели идти рука об руку с таким господином, как Гарибальди. Вся эта история так недавня, что о ней толковать нечего: всякий сам сумеет отдать справедливость графу Кавуру. Но мы, в качестве Плутарха, должны здесь заметить, что точно такие черты благоразумия существуют и в жизни графа Монталамбера. Так, в начале своей карьеры он был участником журнала «L'Avenir» ⁶⁰, основанного Ламеннэ, но единственно по недоразумению: он считал, что Ламеннэ — просвещенный, либеральный аббат, и потому естественно сошелся с ним: а как увидел, куда идет Ламеннэ, так и отрекся от него и от его «Avenir». Впоследствии и сам Ламеннэ отрекся от доктрин своего журнала, нашедши их недостаточно решительными; но для графа Монталамбера они, напротив, были слишком решительны и повергли его в такой ужас, что он впоследствии предпочел короткость с г. Луи Вёльо сближению с Ламеннэ. Эта черта французского графа, по нашему мнению, стоит быть замеченною. Она рисует его и сближает с графом Кавуром столько же, как и его деятельность во время 1848 и 1849 года, о которой мы не хотим распространяться.

Найдутся, может быть, люди, которые припишут подобные факты слабости и нерешительности характера и ума. Но только недалёковидные люди могут так рассудить. Мы же с вами, читатель, напротив, видим в деяниях обоих графов героизм, твердо противящийся всем увлечениям и сохраняющий свое благоразумие в обстоятельствах самых трудных. Не так ли?

Чтобы не подозревать графов в недостатке характера, стоит припомнить все аналогические черты из их жизни, тем более близкие, что в них участвует одно и то же лицо — император французов. Помните, как император хотел простить графа Монталамбера после процесса за неумеренную похвалу Англии, а граф отказался от прощения и подал решение суда на апелляцию? Это было высоко, превосходно — не правда ли? Припомните же теперь и то, как граф Кавур вышел в отставку после Виллафранкского мира ⁶¹: согласитесь, что оба поступка не уступают друг другу в благородстве и придают характеру обоих графов оттенок античной доблести!.. И после этого не признавать в них высочайшей силы духа — да это непонятное ослепление!

Впрочем, будем надеяться, что людей до такой степени слепых не найдется между нашими читателями!

Граф Монталамбер, с своей стороны, имеет другое обвинение против графа Кавура — обвинение в бессовестности, в нарушении трактатов и обязательств, в презрении международных прав. Но если бы это обвинение было серьезно, то на него уже готов заранее ответ в словах графа Кавура, утверждающего, что «знаменитый писатель» нуждается в «светлых минутах» для здравого понимания вещей. Впрочем, надо надеяться, что все контroversии о совести со стороны графа Монталамбера составляют не более, как приятную игру слов, внушенную ему желанием рельефнее выставить собственное благородство и рыцарство. В этом он опять сходится с своим противником, который тоже издал в свет немало красноречивых страниц об уважении трак-

татов, о совести политической, о порядке и пр. Довольно вспомнить его ноты пред началом войны 1859 года. В одной из них он писал: «Несмотря на все опасности, угрожающие Сардинии, поведение ее правительства всегда было управляемо духом благоприличия и умеренности (*de convenance et de réserve*), которые не откажутся признать за ним все честные люди.... Сардиния старалась внести надежду, терпение и спокойствие в среду отчаяния, нетерпения и агитации и с величайшим тщанием воздерживалась от роли возбудителя (*provocateur*) беспорядков; и если публичное право пострадало в Италии, то, конечно, не Сардинию можно обвинять в каком-нибудь, даже самомалейшем уклонении от существующих трактатов. Этот дух умеренности, которым исполнены все действия сардинского правительства, признан и оценен всеми беспристрастными людьми и общественным мнением Европы».

Как видите, граф Кавур,—

Когда о честности высокой говорит,⁶²—

...нисколько не уступает графу Монталамберу. И мы полагаем, что если бы французскому графу пришлось править делами государства, то он, сохраняя постоянно тот же благородный слог, действовал бы не менее искусно и благоразумно, как и граф Кавур. В малом участии, какое имел граф Монталамбер в делах своей страны, мы имеем, однако, достаточно ручательств за основательность наших надежд... Правда, граф Кавур объясняет и оправдывает пьемонтскую политику относительно Гарибальди и всей Италии — очень, очень искусно... Но признаемся, что когда мы припомним, как резюмирует и защищает граф Монталамбер всю деятельность Пия IX, мы затрудняемся, кому отдать преимущество... Мы только думаем: боже, что, если бы власть в руки этому человеку! Что, если бы он управлял делами хоть бы республики Сан-Марино! ⁶³ Всю Европу бы, кажется, поднял на ноги. Да, это истинное несчастье для него, что он сужден действовать в таком круге, каков круг французских общественных деятелей...

Правда, граф Кавур несколько свысока смотрит на «знаменитого писателя», в *светлые минуты* не говорящего странностей, по его мнению. Но поверьте, что это обстоятельство служит только к довершению параллели между двумя графами. Граф Монталамбер нисколько не смущается ирониею графа Кавура, потому что сам нисколько не уступает ему в высоком понятии о собственном достоинстве и в презрении к своим противникам. Посмотрите, например, с каким уничтожающим пренебрежением, с какой язвительной иронией трактует он проекты графа Кавура относительно Рима. «В Риме ваше дело неправо со всех возможных точек зрения, и даже, как вы сами хорошо знаете, с точки зрения итальянской. Мы, французы, мы, католики всего мира, делаем большое пожертвование для независимости папской власти, допуская, чтобы, оставаясь в Италии, она принимала обычную службу от рук итальянцев.... Но вам, итальянцам, сто раз уже повторяли: что будет ваше отечество без папства? Какую фигуру будет представлять ваше пьемонтское величие в этом средоточии католического мира, которое вы хотите превратить в помещение для канцелярий ваших министерств? Не воображаете ли вы, что человечество будет продолжать свой пелеринаж ⁶⁴ к подножию трона ваших властителей? Вам дана несравненная слава иметь

у себя столицу двухсот миллионов душ, и все ваше честолюбие состоит в том, чтобы низвести ее на степень главного города самого недавнего (*du dernier venu*) из царств земли!..»

Вы видите, что даже и в презрительном обращении друг с другом оба графа сходятся между собою!

Однако ж отчего это взаимное нерасположение? Отчего эта видимая разница воззрений и целей? Отчего оба графа в общем мнении считаются представителями двух противоположных партий — иезуитской и антикатолической, застоя и прогресса, средневековой и современной? Что ни говорите, но сущность разномыслия двух графов заключается в различии их отношений к католицизму. Граф Кавур постоянно вооружался против иезуитов, конфисковал церковные имущества, держал в заключении непокорных епископов, восставал против папы. Относительно церкви католической он сделал вот что, по красноречивому изображению графа Монталамбера:

«В течение десяти лет вы, без всякого права, кроме права сильного, нарушили все трактаты, все обязательства, торжественно заключенные между Пьемонтом и папским престолом. Мало того, вы доносили на святейшего отца на парижском конгрессе ⁶⁵, вы оклеветали его намерения, исказили его действия, вы изгнали его епископов, презрели его приговоры, перешли его границы, вторглись в его владения, вы бросили в тюрьму его защитников — вы оскорбили, подавили (*insulte, écrasé*), бомбардировали его солдат, вы назначаете Гарибальди свидание через шесть месяцев на гробе апостолов?.. И после этого вы говорите католикам: «Я — свобода, и я протягиваю к вам руки!»»

Вот что наделал и что делает еще граф Кавур! Такие поступки справедливо вызывают у графа Монталамбера вопль негодования: «Нет, нет, вы не свобода, кричит он, — вы не более как насилие!.. Не заставляйте нас прибавить, что вы — ложь!» На что, конечно, граф Кавур мог бы отвечать русской пословицей, это «всяк человек ложь, и мы тож», — и опять равенство его с графом Монталамбером восстановилось бы. Но, к сожалению, граф Кавур русских пословиц не знает, и притом, если послушать графа Монталамбера, то он, т. е. Монталамбер, составляет на сей раз исключение из людей: он никогда не знал лжи, всегда был верен себе, ни разу не уклонился от прямого своего назначения... По крайней мере он сам так говорит: а кому же лучше знать это дело, как не ему? В 1852 году в книжке о своей «*Des intérêts catholiques au XIX siècle*» он отзывался о себе в следующих словах: «Узнают в будущем, что был по крайней мере один старый боец католицизма и свободы, который до 1830 года умел отделить дело католицизма от дела королевской власти; который под режимом июльской монархии стоял за независимость церкви против светской власти; который в 1848 году боролся всеми своими силами против мнимого тождества христианства и демократии и который в 1852 году протестовал против пожертвования свободы силе, под предлогом религии»... А после 1852 г. сколько новых заслуг оказал еще граф Монталамбер делу католицизма! Примирил все противоречия в деятельности Пия IX; открыл, что спасение Англии — в католицизме; наконец он протестует против графа Кавура и говорит ему в заключение своего грозного письма: «Вы можете присоединить к Пьемонту королевства и империи, но я не верю,

чтоб вы успели привлечь к вашим действиям согласие хоть одной честной души!» Вот где, стало быть, надобно искать настоящего различия между ними!..

Несмотря на видимое упорство, с которым г. Монталамбер силится выставить эту разницу, мы осмеливаемся утверждать, что она вовсе неважна и более относится к форме, нежели к сущности дела. Каким образом можно быть в некотором смысле Кавуром и в тоже время преклоняться пред всеми атрибутами католицизма, — насчет этого нечего давать объяснения нашим читателям. История из-за г-жи Свечиной еще не так давно разыгралась пред нашими глазами, и воспоминание о ней может навести на весьма полезные мысли...⁶⁶ Но кроме этого — заметим еще вот что: защита папства и католицизма естественно вытекает для графа Монталамбера из его положения, и едва ли мы ошибаемся, полагая, что всякий на его месте принял бы за то же самое. Он, видите ли, хочет самостоятельной и видной деятельности и полагает наверное, что он к ней способен. Но он попал как раз в такое время, когда самостоятельная деятельность могла быть добыта лишь в борьбе... Между тем он — друг порядка, слуга законности, он не выскочка, а человек с родом и именем, человек преданий, человек хороших правил. Он никак не мог броситься на какую-нибудь новую теорию и во имя ее приняться за работу. Ему нужно было отыскать для себя какое-нибудь начало, которое бы само в себе было столь же законно и освящено вековыми преданиями, как и та сила, против которой хотел он идти, для того чтобы «себя показать». Такое начало и нашел он в католицизме... — и успокоился... Он боролся за католицизм, когда его притесняли, боролся, когда его никто не трогал, боролся, когда ему придавали более широкое толкование, чем прежде, боролся, когда суживали его значение... Когда не с кем было бороться в своих пределах, он делал набег на чужие области — на протестантов, на греко-славян, даже на невинных китайцев. Его один из биографов называет «министром иностранных дел католицизма»; надо прибавить, что этот министр иностранных дел постоянно одушевлен воинственными наклонностями... Никто не тревожит политики католицизма, скучно «министру», вот он и начинает историю... Какое участие принимает тут истинная вера — об этом, конечно, мы судить не станем.

Обратите же мысленный взор ваш на графа Кавура и скажите, не ограничивается ли одной внешнею формою разногласие между обоими графами? Побуждения, образ мыслей, основания и цели действий — те же самые; разница только в том, что граф Кавур нашел другой предмет, на котором он мог упражнять свою деятельность шумно и самостоятельно, нимало не беспокоя своего благоговейного чувства к законности и преданиям. Этот предмет и была — защита итальянской национальности и свободы против иноземцев. Это было и законно, и популярно, и не противно старым преданиям, и не враждебно новым теориям: вот положение графа Кавура и оказалось несравненно выгоднее... Но будем же благоразумны, не будем судить о росте человека по степени высоты места, на котором он стоит... Дело во внутреннем достоинстве человека, и золото — всегда золото, куда бы оно ни было закинуто... А мы, кажется, достаточно показали, что оба — чистейшее золото; что граф Кавур во Франции не хуже Монталамбера умел бы «бороться»

и «протестовать» за попранные права, например, иезуитского ордена, и что граф Монталамбер, в свою очередь, не хуже графа Кавура сумел бы «смирить и задуть» революционный дух итальянцев и привести в порядок все, что так безрассудно расстроил Гарибальди с своими единомышленниками...

Остается пожалеть, что такие достойные люди не признают друг друга и что каждый из них старается бросить тень на заслуги другого. Но так как это обстоятельство равно относится к обоим, то и оно несколько не уменьшает поразительной верности нашей параллели — напротив, оно даже довершает ее как необходимое условие. Если бы графы наши могли сойтись, то параллель была бы невозможна, — это известно из геометрии. Да и без геометрии понятно, что если б который-нибудь из графов уразумел свое ближайшее сходство с другим, то уж этим самым сходство-то и нарушилось бы...

Притом же — это уж дело решенное, что великие общественные деятели, равно как и великие поэты, никогда не должны знать истинного смысла того, что они делают. В противном случае что же осталось бы критикам, историкам и биографам?.. Тогда, значит, не было бы ни Фукидида ⁶⁷, ни Плутарха и главное — не было бы настоящего этюда!

Пусть же они хлопочут о том, чтобы выставлять разницу между собою мы имеем достаточно данных, по которым всегда можем восстановить их типическое сходство. Припомним вкратце:

Оба — графы не только по титулу, но и по уму и сердцу; оба дружны с такими же графами, как они, но в случае нужды дружатся даже и с людьми менее высокого благородства, лишь бы то были не враги порядка.

Оба любят законность и умеренную свободу, с сохранением благотворного влияния аристократии; но оба ненавидят безумную анархию, стремящуюся попрасть исторические предания и изменить начала, на которых уже столько веков покоится благоденствие человеческих обществ.

Оба — приверженцы английской конституции, до безумия любят парламентские прения, в случае нужды заменяют их статейками и нотами, вообще стараются шуметь как можно больше, но никогда не увлекаются за пределы, предписываемые благоразумием и солидностью, никогда не служат вздорным и опасным утопиям....

Оба полны веры в свое красноречие и в благодушие тех, с кем они имеют дело; оба пишут воззвания, адреса, письма, в полной уверенности достигнуть таким образом высокой цели.

Оба одушевлены прекраснейшими намерениями, оба весьма патетически говорят о совести и соблюдении международных прав, оба из всех сил хлопочут о союзе свободы, религии и порядка, оба соединяются в уважении к «убеждению» и в нелюбви к Гарибальди... Наконец — оба почтены «Русским вестником» в статьях г. Чичерина и, если не ошибаемся, г. Феокистова! ⁶⁸

Теперь мораль:

Из сего сравнения научитесь, читатели, не судить о людях по наружности, а ценить истинное достоинство везде, где бы оно ни оказалось. Вы часто возвеличивали пьемонтского графа в ущерб французскому; теперь вы видите, что поступили в отношении к последнему несправедливо. Отдайте

же ему должную честь, и если блеск заслуг его не столь ярок, как его собрата, припишите его единственно различию положений, а никак не недостатку внутреннего достоинства. Знайте, что жемчужина — всегда жемчужина. Обстановка может измениться, но внутреннее достоинство и истинное значение жемчужины останутся всегда те же.

Кондратий Шелухин.

II

НЕАПОЛИТАНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(написанные на австрийском языке Яковом Хамом
и переведенные Конрадом Лилиеншвагером)

Неаполитанские дела занимают теперь первое место между всеми вопросами, увлекающими внимание Европы; можно даже сказать, что пред ними кажется ничтожным все остальное, исключая разве нового журнала, который собирается издавать г-жа Евгения Тур, и новой газеты, обещаемой «Русским вестником»⁶⁹. Но понятия наши о неаполитанских событиях очень односторонни, потому что все наши сведения приходят от врагов старого порядка, которые очевидно стараются представлять дело в свою пользу. Вот почему нам показалось необходимым представить нашим читателям несколько неаполитанских стихотворений известного австрийского поэта Якова Хама, рисующих положение дел и настроение умов совершенно не так, как обыкновенные журнальные известия. Яков Хам — прежде всего поэт; он постоянно находится под влиянием минуты и, следовательно, чужд всяких политических предубеждений. Он то хвалит упорство короля неаполитанского в режиме его отца⁷⁰, то превозносит его за конституцию, то бранит освободителей Италии, то предается неумеренному энтузиазму к ним, то в восторге от жестокой бомбардировки, то в настроении нежных чувств... Во всех этих видимых противоречиях сказывается весьма сильно художественность его натуры и вместе с тем дается полное ручательство в его искренности. И так как литература вообще и поэзия в особенности служат выражением народной жизни, а Яков Хам — поэт австрийский, то в стихотворениях его мы можем видеть, в каком настроении находился народ австрийский в последний год и какими чувствами преисполнен он к династии Бурбонов. Не выводя никаких политических результатов из представляемых нами поэтических документов, мы не можем не обратить внимания читателей на их литературное значение: во всей современной итальянской литературе нет ничего подходящего по благонамеренности к творениям австрийского поэта. Из этого видно, как много стесняется художественность, когда разыгрываются народные страсти, и как много выигрывает она при отеческом режиме, подобном австрийскому. Надеемся, что любители литературы, даже несогласные с г. Яковом Хамом в большей части его тенденций, оправдают нас в помещении его стихотворений уже в силу того одного, что они блистатель-

но разрешают одну из великих литературных проблем о чистой художественности, — разрешением которой так ревностно занималась наша критика в последние годы. Вместе с тем мы надеемся доставить читателям удовольствие и самыми звуками перевода, над которым как добросовестно потрудился г. Лилиеншвагер. Мы должны сказать откровенно: со времени такого рода творений Пушкина, Майкова и Хомякова мы не читывали ничего столь громкого, как стихотворения г. Якова Хама в переводе Конрада Лилиеншвагера.

1

НАДЕЖДЫ ПАТРИОТА

(При начале итальянских волнений)

Опять волнуются народы,
И царства вновь потрясены.
Во имя братства и свободы
Опять мечи обнажены!
Скатились тихо с горизонта
Три солнца чудной красоты *; 71
Честолюбивого Пьемонта
Осуществляются мечты!

Царит в Италии измена
И торжествует в ней порок:
Тоскана, Парма и Модена
Безумно ринулись в поток;
И силой вражьего восстанья
Из рук святейшего отца
Отъята бедная Романья —
Стад папских лучшая овца!..

Но против дьявольских усилий
Есть нам незыблемый оплот:
То королевство двух Сицилий,
Бурбонам преданный народ,
Воссев на праотческом троне,
Как в небе солнца светлый диск,
Там в Фердинандовой короне
Сияет царственный Франциск.

Не поддается он лукавым
Речам политики чужой
И твердо правит по уставам
Отцовской мудрости святой:
Карать умеет недовольных
В тиши полиции своей
И в бой нейдет за своевольных
Против законных их властей...

Вкруг трона вьется там гирлянда
Мужей испытанных седых,
Хранящих память Фердинанда
В сердцах признательных своих.
К Франциску им открыты двери,
Страною правит их совет,
И вольнодумству Филанджьери
Нет входа в царский кабинет! 72

И верим мы: Кавур с Маццини 73
Обманут бедный их народ,
И он придет, придет в кручине —
Просить Францисковых щедрот;
Министр полиции Айосса
Умов волнение укротит
И итальянского вопроса
Все затруднения разрешит!..

2

НЕАПОЛЮ

(По поводу некоторых манифестаций в Сицилии)

«Гордись!» — стих каждого поэта 74
На всех наречиях земных
Гласит тебе: «ты чудо света!
Гордись красою вод твоих,
Гордись полуденным сияньем
Твоих безоблачных небес
И вековым достояньем
Искусства мирного чудес!
Гордись!...»

Но лестия лукавой,
Неаполь мой, не возносись:
Всем этим блеском, этой славой,
Всем этим прахом — не гордись!
Пески сахарские южнее,
Стоит красивее Царьград,
И эрмитажа галереи 75
Твоих богаче во сто крат!..
Не в этом блеске суетливом

* Великий герцог тосканский, 2) герцог моденский и 3) герцогиня пармская я!

Народов мощь заключена;
Но в сердце кротком, терпеливом,
В смиренномудрии она!..

И вот за то, что ты смиренно,
В молчаньи жребий свой несешь,
Во след мятежникам надменно
Против владык своих нейдешь
И воли гибельного дара
Не просишь от враждебных сил,
За то тебя святой Дженаро ⁷⁶
Своею кровью подарил!
За то высокое призванье

Тебе в веках сохранено —
Хранить порядка основанья
Народной верности зерно!
Ты неведимо сохранишься
В перевороте роковом
И безмятежно насладишься
Законной правды торжеством.
И жизнь твоя пойдет счастливо,
Во все века не зная бурь,
Как в тихий день волна залива
И как небес твоих лазурь!
15 декабря
1859 г.

3

БРАТЬЯМ — ВОИНАМ ⁷⁷

(После апрельских происшествий в Сицилии) ⁷⁸

Меж тем как вы, друзья, в рядах
родных полков
Готовитесь карать отечества врагов,
Я, мирный гражданин рифмованного
слова,
Я тоже полон весь стремления святого!
Возвышенным стихом напутствую я вас,
И верю — он придаст вам силы в
грозный час,
Когда с крамольником помчитесь вы
на битву!
Я положил в него народную молитву —
Чтоб был восстановлен порядок и закон,
Чтоб вечно царствовал в Неаполе
Бурбон!

Народной мыслию и чувством
вдохновенный,
Мой стих могуществен — с ним смело
киньтесь в бой:
В презреньи радостном поэта отраженный,
В нем блещет идеал Италии святой —
Тот вечный идеал законного порядка,
При коем граждане покоятся так сладко,
Который водворить старался Фердинанд,
Которого достичь — решительно и резко —
Предначертал себе и новый наш Атлант —
Средь бед отечества незыблемый
Франческо!..
1 мая 1860 г.

4

ЗАКОННАЯ КАРА!

(На бомбардирование Палермо) ⁷⁹

Исчадье ада, друг геенны,
Сын Вельзевула во плоти,
Коварство бунта и измены
Успел и к нам — было внести!..
Как воры, в тьме ночной, к Марсале,
На двух украденных судах,
Ватаги буйные пристали
И — мирный остров ввергли в страх!..
Угрозой, подкупом, обманом,
Приманкой воли, грабежа,
Успев увлечь за атаманом
Толпы под знамя мятежа,
Дыша огнем и разрушеньем
И дерзкой ярости полны,
Они пошли с остервененьем
На обладателей страны!
Но прогремел уже над ними
Всевышней воли приговор:
Запечатлен в Калата-Фими
И в Партенико их позор;

И на ослушниках Палермо,
Дерзнувших власти презирать,
Решились показать пример мы,
Как бунт умеем укрощать!
О, не забудут сицильянцы,
Пока не рушится земля,
Имен Летиции и Ланцы, ⁸⁰
Слуг неподкупных короля!
Их меры не остались тщетны:
Весь град развалиною стал...
Ни разу кратер грозной Этны
Так беспощаден не бывал!
Зато погибнут флибустьеры
И успокоятся умы!
И с чувством радости и веры
Сынам и внукам скажем мы,
Как Ланца в сече и в пожаре
Толпы мятежные карал,
Как гром мортир с Кастелламаре
Им крепость трона возвещал!
30 мая 1860 г.

5

ПЛАЧ И УТЕШЕНИЕ ⁸¹

*(По поводу некоторых дипломатических советов
неаполитанскому правительству)*

Ужасной бурей безначалия
С конца в конец потрясена,
Томится бедная Италия,
Во власть злодеев предана:

Повсюду слышны крики шумные,
Народ изменой упоен...
Свободы требуют безумные
И рушат власти и закон!..

И, к унижению человечества,
Проник неблагородный страх
В самих блюстителей отечества,
Держащих власть в своих руках.

Принципом странным невмешательства
Прикрыв бессилие свое,
Европа спит, когда предательство
Пожрать готовится ее;

А итальянские властители —
Одни бегут из их держав,
А те — становятся ревнители
Безумной черни мнимых прав!

Дают статуты либеральные,
Страстям толпы бесстыдно льстят
И дни отечества печальные
Презренной трусостью сквернят!..

Один средь общего волнения,
Как некий рыцарь на скале,
Стоит без страха, без сомнения
Король Франциск в своей земле...

Утешься, бедная Италия;
Закон и правду возлюбя,
Франциск не даст разлиться далее
Злу, обхватившему тебя.

Не даст права свои священные
Толпе бессмысленной судить,
И своевольства дерзновенные
Не поколеблется казнить!

И знаю я, он не обманется
В благоразумии своем:
Пьемонт падет, а он останется
Италианским королем!

26 июня 1860 г.

6

НЕИСПОВЕДИМОСТЬ СУДЕБ

(На обнародование неаполитанской конституции) ⁸²

Не видать ни тучки в небе знойном...
Солнце блещет, сушит и палит,
И в теченьи царственно-спокойном
На поля засохшие глядит.

Все томится, все горит и вянет...
Надо влаги жаждущей земле!..
На работу пахарь завтра встанет,
С безотрадной думой на челе.

И, взглянув на солнце и на небо,
Не прельстится светлой их красой:
Без дождя ему не будет хлеба,
Он погибнет с бедною семьей!

И, томясь ужасной перспективой,
Даст он волю жалобным речам,
И пошлет упрек нетерпеливый
Безмятежно-ясным небесам...

Но давно уж в области эфирной
Собрались и ходят облака,
Час настал, и над равниной мирной
Пролилась обильная река.

Поднялись поникшие растенья,
Освежился воздух и земля, —
И глядят с слезою умиленья
Земледельцы на свои поля.

А вверху по-прежнему спокойно
Над землей простерт небесный свод,
И как прежде, весело и стройно
В ярком блеске солнышко плывет...

Так сгорал Неаполь жаждой знойной,
Так искал воды себе живой;
А Франциск свершал свой путь спокойный,
Разливая блеск свой над страной...

И народ сдержать сердечной боли
Не умел и горько возроптал...
Но давно готов был в вышней воле
Для него целительный фиал!

Недоступен был Франциск народу;
Но пришла законная пора —
Даровал разумную свободу
Он единым почерком пера...

Ожил край. Все встало в блеске новом...
Правосудье царствует в судах;
Всяк спокоен под домашним кровом,
Всякий волен в мыслях и речах.

Рад народ!.. С молитвой благодарной
Новый воздух он вливает в грудь...
А король, как прежде, лучезарный,
Продолжает царственный свой путь!..

4 июля.

7

ПОБЕДИТЕЛЮ *

(На вшествие Гарибальди в Неаполь) ⁸³

Демон отваги, грозный воитель,
Сильных и храбрых всех победитель,
В быстрых походах подобный стреле,
Тот, кому равного нет на земле,
Мощный защитник народной свободы,
Тот, кого чтут справедливо народы,
Неотразимый, подобно судьбе,
Ныне подходит, Неаполь, к тебе!
Горд и всемогущ — на чуждые грады
Взглянет он гневно — и нет им пощады!
Сядет в корабль он — и море смирит!
Дунет на пушку — она задрожит!
Камень под тяжестью стоп его стонет!
Тысячи вражьи один он прогонит!
Он на плечах своих может один
Гордую массу поднять Апеннин!..
Встретить же, Неаполь, воителя с честью!

Радуйся: он не грозит тебе местью...
С тихой мольбою склонись перед ним
Как перед новым владыкой твоим!
Пред королем ты не будешь в ответе:
Он торопливо уехал в Гаэте ⁸⁵
И без защиты столицу свою
Отдал герою, кого я пою!

О Гарибальди! И я, как другие,
Злобные чувства и мысли дурные
Против тебя на душе хоронил....
Ныне все кончено: *ты победил!*...
Ты заслужил удивление мира!
Славит тебя моя скромная лира,
И, благодатным восторгом согрет,
Ниц пред тобою повержен поэт!..

7 сентября 1860 г.

* Стихотворение это весьма замечательно: во-первых, как новое доказательство той истины, что *errare humanum est* (человеку свойственно ошибаться!); во-вторых, как свидетельство о том, до какой степени все умы и сердца были поражены вступлением Гарибальди в Неаполь. Кроме того просим читателей обратить внимание на психологическую подробность, касающуюся личности поэта: 26 июня он произвел мужественный дифирамб правительству, не соглашавшемуся на либеральные уступки; через день после того дана была конституция, а через неделю поэт нашел в себе достаточно силы, чтобы создать пленительную пьесу в похвалу нового конституционного монарха, совершенно с новой точки зрения. Но это чрезвычайное усилие, как видно, дорого ему стоило и на некоторое время истощило его плодотворный гений. Таким образом в июле и августе, столь полных поводами для стихотворений, он не создал решительного ничего: по видимому, он был поражен до того, что не мог собраться с мыслями и вдохновением. Только вступление Гарибальди в Неаполь как явление слишком уже сильное и неожиданное для поэта могло разбудить его. Под влиянием минуты, отчаявшись в прежнем порядке, он написал стихотворение, прославляющее военный гений и какую-то сверхъестественную силу Гарибальди. Но скоро он раскаялся в своей оплошности, и плодом раскаяния было стихотворение, которое читатели прочтут далее. Тут уже видно, что мыс-

8

ПЕСНЬ ИЗБАВЛЕНИЯ

*(На триумфы королевских войск под Капуей)*⁸⁶

Триумфом вражьем ослепленный,
Поддавшись власти темных сил,
Недавно песнью беззаконной
Я сан поэта осквернил!!!
Но звон струны моей лукавой
Я беспощадно оборвал,
Когда мне голос мысли здоровой
Мое паденье указал...

Я флибустьером беспощадным
Был отуманен, ослеплен
И думал, с горем безотрадным,
Что трон законный упразднен...
Не знал я твердости Франциска
И в тайне сердца моего
Не ожидал такого риска
От юной доблести его...

Но ныне Капуи защита
Вновь образумила меня:
Победа правды мне раскрыта
Теперь ясней господня дня!

Пусть бунт шумит и льется бурно,
Пусть шлет Пьемонт за ратью рать:
Но с Каятелло и Вольтурно
Мы всех их можем презирать...

Теперь нам страшен Гарибальди
Так, как в то время страшен был,
Когда скитался он в Шварцвальде⁸⁷,
Когда в Тунисе он служил,
Когда в Нью-Йорке делал свечи,
Когда с Китаем торговал,
Когда, жену взвалив на плечи,
От войск австрийских он бежал!..

И ныне в бегство обратится
Непобедимый сей герой,
И вновь с Франциском воцарится
Везде порядок и покой...

С австрийского — *К. Лилиеншвагер*.
27 сентября 1860 г.

III

ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША
ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ?

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Друзья мои! мы много жили,
Но мало думали о том,
В какое время мы живем,
Чему свидетелями были?

Припомним, что не без искусства
На грамотность ударил Даль —
И обнаружил много чувства,
И остроумье, и мораль;

Но отразил его Карнович,
И против грамоты один
Теперь остался Беллюстин!⁸⁸

Припомним: Михаил Петрович
Звал Костомарова на бой;
Но диспут вышел неудачен —
И огорчен, уныл и мрачен
Молчит Погодин, как немой!

ли и чувства поэта опять возвратились на старый путь... Это — последнее из доставленных нам стихотворений; но весьма вероятно, что теперь, после новых побед Гарибальди, опять произошла перемена и в расположениях поэта. В скором времени мы узнаем это, потому что г. Лилиеншвагер обещает нам перевести также *Римские* и *Венецианские* стихотворения г. Хама⁸⁴, долженствующие служить отчасти продолжением неаполитанских. — *Прим. ред. «Свистка».*

Припомним, что один Громека
Заметно двинул нас вперед,
Что «Русский вестник», к чести века,
Уж издается пятый год...⁸⁹
Что в нем писали Булкин, Ржевский
Матиль, Григорий Данилевский...⁹⁰
За публицистом публицист
В Москве являлся вдохновенной,
А мы пускали легкий свист
Порой, быть может, дерзновенный...
И мнил: «настала мне беда!»
Кривдой нажившийся мздоимец,
И спал спокойно не всегда,

Схвативши взятку, лихоимец,
И русский пить переставал
От Арзамаса до Украины,
И Кокорев публиковал,
Что есть дела, где нужны тайны.
Но что ж? решить нам не дано,
Насколько двинулись мы точно...
Ах! верно знаем мы одно,
Что в этом мире все непрочное,
Где нам толкаться суждено,
Где нам твердит *memento mori* *
Своею смертью «Атеней»,
И ужасает нас Ристори
Грозой разнузданных страстей! ⁹¹

При таком настроении, явно выражающем разочарование, о котором говорено выше, «Свисток» естественно удаляется от решительных приговоров над последними фактами русской гласности и только приводит некоторые из них, чтоб не оставлять своего читателя в неведении о ней.

ШЕСТНАДЦАТЬ ГУСЕЙ — ЖЕРТВА НАШЕЙ БЕЗГРАМОТНОСТИ

Такая уж птица гусь, историческая. Древние гуси Рим спасли ⁹², новейшие пали жертвою нашей безграмотности! И вот каким образом. Об этом повествует в «Одесском вестнике» г. Ильминский, имея в виду собственно доказать «необходимость распространения грамотности» («Одесский вестник», 1860, № 130). Статейка его называется «Адвокат».

«Одна девица-дворянка, уроженка Каменец-Подольской губернии, прибыла в г. Одессу и на приобретенные собственными трудами деньги купила на Новой Слободке землянку. Узнав впоследствии о смерти своих родителей в то время, когда братья и сестры ее продали оставшееся имение, а причитавшуюся ей часть оставили покупателю, для удовлетворения ее, лично, она обратилась к соседям с просьбой, чтобы ей указали, к кому можно прибегнуть для ходатайства по ее делу. Спустя несколько дней к ней вошел однажды чиновный человек, отрекомендовавший себя за известнейшего в России адвоката. Он заметил при этом, что слышал от соседей о нужде ее в человеке, который взял бы на себя роль ее ходатая, и так как он вполне сочувствует ее горестному положению, то с живейшим участием готов принять на себя этот труд: репутация же его как адвоката известна не только в России, но даже в целой Европе. На вопрос, где он служит? — откашлявшись и приняв воинственную позу, он отвечал таким образом: «Извольте-с видеть, сударыня, я службу свою начал деньщиком и по прослужении — с 25 лет — получил обер-офицерский чин. Во все время моей службы вел большую адвокатуру-с, и ходатайств моих боятся не только какие ни на есть земские суды, но даже и самые сенаты-с». Обрадовавшись такому сильному адвокату, она, с полной уверенностью в успехе своего дела, поручила ему вести процесс. Он тут же заметил, что с процентами ей придется получить несколько тысяч, и обязал ее условием по выигрыше дела уплатить ему 570 р. Начало этого дела последовало в августе месяце прошлого года.

*Помни о смерти (лат.). — Ред.

Спустя два или три дня он зашел к ней и, увидев на дворе 16 собственных ее гусей, попросил тотчас же одного из них зажарить, и когда гусь был готов, то намекнул, что, между прочим, не мешало бы позаимствовать полштоф водочки. По уничтожении гуся с необходимым дополнением он подал ей счет предстоящим издержкам, добавив, что любит аккуратность. В счете было написано следующее: на прошение 3 р., на пересылку ответа по этому прошению 1 р. 33 к., на запросное отношение к ее братьям и сестрам 1 р. 33 к. и на обратный ответ 1 р. 33 к. Получив эти деньги, он вышел, но чрез 4 дня явился опять, изволил скушать 2-го гуся и выпить 2 полштофа вина, а уходя, снова взял деньги по следующему счету: на уведомление о процентных деньгах на причитающийся капитал 3 р., за пересылку оттуда денег 1 р. 33 коп., на квитанцию об отсылке и присылке обратно 1 р. Спустя два дня он не замедлил явиться утром и, вследствие просьбы ее — истребовать ей свидетельство на свободное прожитие, — уничтожил 3-го гуся и выпил два полштофа вина. Тогда же он потребовал деньги: на бланк для свидетельства 6 р., за отсылку и присылку из Каменец-Подольска 1 р. 51 $\frac{1}{2}$ к., а по известному тяжбному делу дал счет такого содержания: на прошение 1 р., на публикацию, дабы известно было всей России, что она имеет тяжбу, 4 р. 97 $\frac{1}{4}$ к., и, получив деньги, сказал при уходе, что дело ее по случаю италийской войны маненько позадержится. Чрез 2 или 3 дня явился и сказал, что мир заключен и дело ее не за горами, а на понудительное прошение потребовал 1 р. 52 $\frac{1}{4}$ к. и, в восторге от скорого успеха, потребовал два гуся, из коих одного съел тут же, а другого, за неимением у ней денег, взял с собой живьем. Спустя несколько дней явился утром и объявил, что дело решено в ее пользу. На радостях он велел зажарить гуся, а сам занялся исчислением процентов на причитающийся капитал и запил эту радостную для нее весть, как он говорил, двойной порцией спиртуозно-жизненного элексира и в заключение всего не замедлил снова потребовать денег, в числе прочей галиматии, на пересылку одного прошения по оптическому телеграфу. Но так как на удовлетворение этих издержек у просительницы не было денег, то он взял остальных 9 гусей живьем, а при уходе вспомнил еще о необходимом расходе на припечатание публикации в сенатских ведомостях о выигрыше ею дела и взял на пополнение этого расхода пух и перья с сожранных им гусей. Потом через несколько дней он явился однажды с самодовольной физиономией и с словами: «Вот оно-с, что значит придворный адвокат-с», — вручил ей свидетельство, будто бы от г. министра финансов, полученное по телеграфу, коим он разрешил получить ей деньги. При этом он с особым значением указал на подпись. Она, действительно, была мудреная и состояла из каких-то иероглифов; самое же свидетельство было написано на гербовом листе 15-ти копеечного достоинства, исписанном сверху до низу повторением одних и тех же слов, а именно: терли, терли, терли... В заключение адвокат сказал, что ему нужны деньги, рублей 30, на последние расходы; а как у ней решительно ничего не было, то она, по его убеждению, продала землянку и вручила ему следуемые деньги. Таким образом, в 8 посещений адвокат успел заграбить 16 гусей, пух и перья от 7 из них, около $\frac{1}{2}$ ведра вина, 24 р. 80 $\frac{3}{4}$ к. сер. деньгами и землянку. После того он водил ее в течение 3-х месяцев по всем присутственным местам. Нередко случалось ей

дожидать его до ночи у ворот присутственных мест и со слезами возвращаться потом в квартиру. Это продолжалось до тех пор, пока не прочли ей свидетельство, полученное по телеграфу ее адвокатом, и не убедили в положительном обмане. Это обстоятельство я долгом счел сделать известным для того, чтобы еще раз доказать необходимость распространения грамотности».

Вот сколько бед наделало отсутствие грамотности! Процветай она, и неизвестная девица не лишилась бы последнего имущества, шестнадцать гусей пользовались бы жизнью и неизвестный адвокат (хорош гусь!) не расстроил бы желудка, что неизбежно с ним последовало при таком непомерном истреблении гусей и водки и что — вероятно — вменилось ему в наказание за его проделку! По крайней мере из статейки не видно, чтобы обманщик потерпел какие-либо другие неприятности. Эта статейка с ее моралью может служить хорошим образчиком того, что поделявает наша внутренняя гласность. Подобными фактами наполнены газеты, с припевом, постоянным с некоторого времени: нужна грамотность! Польза грамотности доказывается иногда странным образом. «Г. Георгиевский (сказано в № 266 «Моск. ведом.».) сообщает в «Одесском вестнике» слух о том, что славный наш писатель И. С. Тургенев прислал из-за границы в Петербург составленный им проект «Всероссийского общества для распространения в народе образования»⁹³. Вот еще доказательство (говорят «Моск. вед.»), до какой степени всеми чувствуется...» и проч. Что ж тут удивительного, что Тургенев чувствует пользу грамотности? Читая эту фразу, иной, пожалуй, подумает, что он когда-нибудь чувствовал противное. Нужно ли говорить, что знаменитый наш романист никогда не разделял мнения гг. Даля, Бланка⁹⁴ и Беллюстина?

СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАННОСТИ В КАМЫШИНЕ

по свидетельству г. Карпова⁹⁵.

«К а м ы ш и н. (Саратовской губ.), 16-го ноября. В № 234-м «Московских ведомостей» напечатано письмо, в котором говорится, будто в Камышине еще с 1820 года существует публичная библиотека. Это известие крайне удивило нас, потому что мы, жители Камышина, никогда и не слыхали о существовании этой библиотеки, не знаем, где она находится, кто ею заведует и в каком она теперь положении. Впрочем, хоть и прискорбно, а надо признаться, что жители Камышина не имеют надобности в библиотеке, ибо не имеют никакого интереса к чтению. Нравственная сторона нашей молодежи развита очень мало, и, конечно, не их надо винить в этом, а их отцов, которые не понимают важности образования. Такое равнодушие к духовным интересам особенно странно встретить у нас, потому что городское общество вполне обеспечено в материальном отношении и могло бы уделить излишек своих средств на воспитание молодого поколения. А это делают очень редкие. Чтение книг не духовного содержания считается многими делом безнравственности. О развитии у нас чтения можно судить по тому, что 250 купеческих домов выписывают в нынешнем году только 2 экземпляра «С.-Петербургских ведомостей», 1 экз. «Московских ведомостей», 2 экз. «Искры»,

2 экз. «Семейного листка» — не модного журнала. Везде открывают училища, заботятся о народном просвещении, а у нас об этом и помину нет. Кажется, что если бы кто-нибудь и предложил открыть хоть женское училище, то поднял бы против себя целую бурю и потерял бы репутацию *степенного* человека. Грамотность для женщины почитается многими не только лишнею, но и вредною».

Вот так сторонушка! Как видно, камышинцы действуют начистоту: *запил — и двери запер*, по русской пословице. Зато мы теперь знаем, что прежде всего напишут они, когда научатся писать: это без сомнения будет благодарственный адрес гг. Далю, Бланку, Беллюстину и другим подобным, которые еще придут: по приблизительному исчислению, в России появляется в год по крайней мере по два печатных противника грамотности (а сколько таких, которые печатно не заявляются!), да притом, как известно, год на год не приходит. Нет, советуем камышинцам поторопиться, а то писание адреса составит труд, с которым не справятся юные начинающие грамотеи!

МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК, ИЛИ КРАСНОРЕЧИВЫЕ ПРОТИВНИКИ ⁹⁶

Утешеньем в том, что у нас много людей безграмотных, много противников грамотности, — да послужит нам то, что у нас много также людей красноречивых и что красноречивые люди наши являются не в литературе, где, казалось бы, им всего естественнее являться, а в других сферах... в каких именно сферах, читатель сейчас увидит.

В «Московских ведомостях» № 228 было напечатано:

«На прошедшей неделе, в субботу, 15 числа, в полночь, проходя по Тверской улице вместе с моим знакомым, я услышал продолжительный, раздирающий душу детский плач, как будто бы над ребенком совершали какую-нибудь болезненную операцию.

Ночь была холодная, воздух сырой с изморозью, проникающий до костей даже сквозь ваточное пальто. Когда мы проворно подбежали к тому месту, откуда слышался плач, то увидели бегущего ребенка 7 или 8 лет, полураздетого, без сапог, с тремя калачами на руке. С сдержанным рыданием, подпрыгивая от холода, он объяснил мне на мои распросы, что он очень озяб, что у него щиплет и режет ноги, что послал его за калачами хозяин, портной Поппе, у которого он живет в учении. Вслед за ребенком я вошел в мастерскую Поппе, но мастеровые, узнав о причине моего прихода, не вызывали ко мне хозяина. На другой день мальчик был им прогнан. Этот глубоко возмутительный, бесчеловечный факт в настоящее время, при усиленном старании правительства к улучшению быта ремесленников, мне кажется, заслуживает огласки».

Подписано: «Москва, 20 октября. Е. Пациентов».

Прочитав статейку, трудно было удержаться, чтоб не сказать, что г. Пациентов хорошо пишет, но впоследствии оказалось, что портной Поппе пишет лучше!

Формальным следствием раскрыто, что мальчик, встреченный г. Пациентовым, у портного Поппе в учениках никогда не жил. Он только ходил, по знакомству, к ученику, жившему у Поппе. Таким образом, Поппе оказался совершенно невинным как в дурном одеянии мальчика, так и в ночных его странствованиях за калачами, и написал, в свою очередь, следующее:

«Статья г. Пациентова имела для меня чрезвычайно неприятные последствия: меня требовали в ремесленную управу, требовали в полицию, производили дознания о том, в чем я был так же невинен, как и г. Пациентов или всякий другой; *я должен был отвлекаться от работы, упустил заказы, манкировал срочными делами, беспокоился за свой кредит, за участь моего заведения, едва открытого; родные мои беспокоились обо мне, знакомые справлялись о моем деле, родители и родственники мальчиков, может быть уже решавшиеся отдать их мне в ученье, не решались на это; обо мне говорили в Москве с недоверчивостью и, вероятно, с чрезвычайно обидными для личности моей прибавлениями*» — и проч. и проч. и проч.

Не оспаривая (прибавляет г. Поппе), что г. Пациентов одарен гуманностью в достаточном количестве, а может быть и литературными способностями в количестве громадном или сомнительном, о чем судить не могу, — я тем не менее присутствию ремесленной управы объяснить честь имею, что считаю поступок г. Пациентова оскорбительным для моей чести и вредным для моего кредита и прошу дать делу сему гласность и законный ход, при чем присовокупляю, что никакого материального вознаграждения со стороны г. Пациентова получить не желаю».

Ремесленная управа напечатала в удовлетворение г. Поппе весь ход дела. Таким образом, нам остается только литературная сторона его, и мы охотно свидетельствуем, что соперники не уступили друг другу в красноречии.

IV

Г. ГЕННАДИ, ИСПРАВЛЯЮЩИЙ ПУШКИНА

(Письмо из провинции)

Милостивые государи, издатели «Свистка»!

Будучи со времен детства и до лет, ныне преклонных, глубоким читателем поэзии и преимущественно нашего родного русского слова (не того, которое издается его сиятельством графом Григорием Александровичем Кушелевым-Безбородко ⁹⁷, а вообще), я не смущаюсь толками о значении Пушкина, которыми занимались в последнее время в наших журналах разные критики, как-то: гг. Дудышкин, Де-Пуле, Аполлон Григорьев, Милюков и другие ⁹⁸, — не смущаюсь и продолжаю читать произведения Пушкина и наслаждаться ими. В свое время было у меня издание на толстой серой бумаге, которым подарила русскую публику компания друзей покойного поэта. Когда даже эта толстая серая, истинно монументальная бумага износилась от

частого употребления мною книги, я приобрел издание «Сочинений Пушкина», вышедшее под редакциею почтенного критика и эстетика нашего П. В. Анненкова ⁹⁹. Вид экземпляра этого издания, которое я почти не выпускаю из рук, стал ныне тоже весьма плачевен. На многих страницах частью слезы чувствительности моей, частью табака (который нюхаю от слабости зрения) сделали уже нечеткими некоторые драгоценные стихи и строки; многие страницы — ибо бумага слишком тонка — истерлись и изорвались, и я подумывал уже о приобретении другого экземпляра; но меня останавливала высокая цена. Понятно поэтому, с каким удовольствием я узнал, что выходит новое дешевое издание сочинений моего любимого поэта, и притом под редакциею *известного*, как было, помнится, сказано в «Санктпетербургских ведомостях», *библиографа и библиофила нашего Геннади* ¹⁰⁰. Человек я не ученый, а только, как уже сказано выше, поклонник поэзии, которою услаждаю свое сельское уединение, а потому и не могу судить, чем прославился известный библиограф и библиофил *наш* Геннади. Думаю, впрочем, что чем-нибудь важным, если так отзываются о нем «Санктпетербургские ведомости». Говорили мне, что главная заслуга г. Геннади заключается в том, что он издал редкое ныне описание жизни российского Картуша Ваньки Каина и сборник эротических стихотворений под заманчивым заглавием «Любовь»; но, выписав эти книги, я увидел, что в полученном мною сведении заключалась грубая ошибка. Во-первых, книги эти изданы каким-то Григорием Книжником ¹⁰¹, а не г. Геннади; во-вторых, обличают они достойное толкучего рынка безобразие в эстетическом отношении. Конечно, известный библиограф и библиофил наш не мог бы поставить наряду с превосходным стихотворением Пушкина «Для берегов отчизны дальней» площадную песню «Ванька Таньку полюбил» или что-то еще хуже как это сделано в сборнике эротических стихотворений. Его у меня зачитал один забулдыга; а то я доказал бы по пунктам, что такой книги никак не мог издать известный наш библиофил и библиограф. Один приятель мой, которому я поручил приобрести для меня новое издание сочинений Пушкина, извещал меня из Петербурга, будто там кто-то пустил в ход такой стишок об этом новом издании:

«О жертва бедная двух адовых исчадий: ¹⁰²
Тебя убил Дантес и издает Геннадий».

Но это меня не смутило; ибо я знаю (преимущественно из «Санктпетербургских ведомостей»), что у вас в Петербурге множество разных литературных партий, и литераторы не только пишут друг на друга эпиграммы, но и дерутся* ¹⁰³ Я издание все-таки выписал. Много было для меня в нем ново; но многого знакомого прежде я не узнал. Последнее обстоятельство было для меня крайне грустно; но я думаю, что отстал от современных требований науки, столь дружно подвигаемой в наше время совокупными усилиями русских ученых библиографов и библиофилов гг. Михаила Семеvского, Полто-

* См. статью г. Воскобойникова: «Перестаньте бить и драться, гг. литераторы!» в «СПб. вед.», 1860, № 261.

рацкого, Тихменева ¹⁰⁴ и других. Если б не моя отсталость, я, вероятно, встретил бы уже где-нибудь в повременных изданиях разрешение моего недоумения. Но, по-видимому, все находят издание известного библиографа и проч. вполне соответствующим условиям современной науки, ибо никто и не заикнулся, что г. Геннади исполнил задачу свою не совсем удовлетворительно. Я, признаюсь, как простой читатель, был крайне огорчен, что, например, в стихотворении «Роняет лес багряный свой убор» явилось несколько куплетов, которые совсем испортили для меня эту пьесу, очень мною любимую. Сначала я думал, уж не сам ли известный и проч. сочинил их; но оказалось, что он взял их из рукописи самого Пушкина и только вставил их в тех местах, где Пушкин их зачеркнул, разумеется как плохие и нарушающие общую стройность пьесы. Но не надо забывать, что Пушкин писал все для таких читателей, как я, которые хотят наслаждаться и потому находят неприятными разные пометки в книге. Вероятно в этом смысле он и говорил в своем известном стихотворении, что не умрет «весь». Г. Геннади, становясь теперь в уровень с требованиями своей глубокомысленной науки, хочет, чтобы не умерло не только ни одно слово, но даже ни одно чернильное пятно, которое он встретит в рукописях великого поэта. Петербургский приятель мой, купивший для меня новое издание, сообщает мне вдобавок, что истинно просвещенные библиографы недовольны изданием г. Геннади. Они находят, что он недостаточно уважает деятельность великого поэта, ибо спас далеко не все из черновых тетрадей, что бы следовало спасти. Прошу вас сообщить мне, справедливо ли известие, будто готовится еще издание сочинений Пушкина, уже вполне удовлетворяющее требованиям библиографической науки, издание, как пишут мне, драгоценное для людей ученых; но которого я не куплю, ибо в нем, слышно, будут все стихотворения Пушкина напечатаны следующим образом:

Пора! трубят уже рога —
Пора, пора! уж рог трубит —
Пора, пора! рога (звучат) трубят,
Давно (чернильное пятно)
Давно — — — — —
В охотничьем псари уборе
Псари в охотнич. уб-х
Чем св. уж на к (смазано)
Борзые пр. на сворах.
(Тут капля коричневого цвета.)
И барин — — —
Выходит барин на крыльцо... и т. д.

Унылое чувство сознания старости и увядания овладевает невольно человеком, когда подумаешь, что становишься уже не способен понимать те высокие стремления, которыми одушевляются люди, занимающиеся наукой прославившей имя г. Геннади.

Недоумения, вопросы и грустные размышления о своей собственной отсталости, изложенные в этом письме, я хотел напечатать в таком журнале, где имя г. Геннади хоть раз встречалось без объяснительных слов: «наш известный библиограф и библиофил»; но таких журналов оказалось только

два: «Коммерческая газета» да «Свисток». Думаю, что в «Коммерческой газете» письма моего не поместят, и потому посылаю его к вам.

Григорий Сычовкин.

Р. S. В письме моем оказывается ошибка. Я узнал, что г. Геннадии составил указатель ученых статей «Коммерческой газеты»¹⁰⁵ за все года и был поэтому назван там «нашим известным библиографом и библиофилом...» Не составляет ли он указателя и к «Свистку»? Тогда письмо мое будет как раз кстати.

V

НОВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ АПОЛЛОНА КАПЕЛЬКИНА

Дарование г. Капелькина, которого стихотворения и краткая биография представлены в № 5 «Свистка», заметно развивается. Жаль только, что он не может выйти пока на самостоятельную дорогу: подражательность то тому, то другому поэту заметна в его произведениях. Но кто нам мешает утешаться мыслию, что это только *пока*, и наслаждаться его музою?

МОИ ЖЕЛАНИЯ¹⁰⁶

Дикие желанья мои, и в стихах всю их дичь изложу я.
 Прежде всего я хочу себе женщину с длинной косою.
 Ум и краса мне не нужны: пусть только целуется чаще.
 С такой женщиной вместе мне друга-философа надо.
 С ней целоваться я буду, а мудрый мой друг в это время
 Будет науки мне все изъяснять, чтоб не надо мне было
 Время и зрение тратить над мертвою речью печати.
 В этих условиях древней историей я бы занялся:
 Нравятся мне пирамиды, развалины, сфинксы, колонны,
 Море Евбейское с Желтой Рекою и с Гангом священным...
 В этом последнем омылся бы я с женщиной вместе и с другом.
 Вымывшись, я бы отер себя длинной косою подруги;
 Все, что от друга услышать успел посреди поцелуев,
 Все это тут бы я вспомнить хотел, чтобы книжечку тиснуть,
 С нею проникнуть в народ, уяснить ход общественной жизни,
 Добрых утешить, а злых покарать и разлить в мире счастье...
 Все бы хотел я изведать: не только искусством заняться,
 Но насладиться хотел бы я даже грехом преступления,
 Только чтоб нравственным правилам было оно не противно...
 Все, что от друга я слышал, весь скарб своих сил и познаний,
 Все бы хотел перелить через женщину с длинной косою
 В новое я существо — и в сей сладкой работе скончаться:
 Пусть существо молодое начнет с того, чем я окончил...
 После же смерти хотел бы я зрителем быть его действий,
 Чувствовать мыслью и сладко дремать в созерцаньи глубоком...

Аполлон Капелькин.

СВИСТОК

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

7

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ, О ШРИФТАХ ВООБЩЕ И О МЕЛКОМ В ОСОБЕННОСТИ

«Скажите, пожалуйста, что за скачки у этого «Свистка»! То в полгода словечка от него не добьешься; со всех сторон его задевают, чуть не едут на нем верхом, — он, как чурбан в басне о лягушках и царе¹, молчит! То вдруг начнет появляться каждый месяц; может быть, появлялся бы и чаще, но ведь это почти то же, что езда из Москвы в Петербург; больше одного раза в сутки ни туда, ни сюда приехать нельзя, и дорога длинна, а главное: поезд только один раз в день идет; разве завести экстренные поезда, как сделал уже «Русский вестник», приславший нам I № своей «Летописи» на 1861 год, тогда как главный его поезд с грузом № 23 и 24 1860 года застрял где-то на половине пути, вероятно по причине глубоких снегов» *.

Такие толки, без сомнения, раздадутся при появлении настоящего «Свистка», появляющегося вслед за № 6, который вышел только в прошлом месяце.

Но, милостивые государи, «Свисток» ничего не делает без причины, и на нынешний раз, точно так же, как всегда, он имеет законную причину, оправдывающую скорое его появление.

* 13 января 1861 года, после долгого ожидания, означенный груз прибыл благополучно в С.- Петербург, упакованный в один тюк, с двойным номером: 23—24.

Разговор в журнальной конторе.
— «Одна-то книжка — за две книжки?»

(Кричит подписчик сторяча).

П р и к а з ч и к

То были плоские коврижки,

А эта — толще кирпича!

В ней есть «Гармония в природе»

И битва с Утиным² в «Смеси».

Читайте, судырь, на свободе!»

П о д п и с ч и к (принимая книжку)

«Merçi, почтеннейший, Merçi!»

(Уходит).

Так древле тощий «Москвитянин»

По полугоду пропадал³,

И вдруг, огромен, пухл и странен,

Как бомба с неба упал.

Подписчик в радости великой

Бросался с жадностью на том

Плохих стихов и прозы дикой,

И сердце ликовало в нем.

Он говорил: «Так ты не умер?

Как долго был ты нездоров!»

И принимал нежданный номер

Охотно за пять номеров.

Примеч. конторщика.

Просим прислушаться. Речь пойдет о *шрифте*. Вам уже, конечно, известно, что с 1861 года появился на Руси новый журнал «Время». Вот это-то «Время» между прочими упреками, делаемыми им всей литературе вообще и каждому автору в разбивку, вздумало упрекать «Свисток»⁴ тем, что он публиковал объявление о самом себе «робко, мелким шрифтом». Робко — это ничего; у всякого свои понятия о храбрости... Но — *мелким шрифтом*! об этом стоит подумать, необходимо объясниться. Читателю известно, что с тех пор, как г. Серно-Соловьевич в зале Пассажа пред многочисленным собранием вошел в подробное прение о *курсиве*, вопрос о шрифте получил в России громадное значение. Говорят, что иногда книжки журналов запаздывали по целым месяцам по причине спора, возникшего между почтенными редакторами, каким шрифтом должна быть отпечатана та или другая статья и где именно следует поставить *курсив*. Лучшие умы пошли далее: от шрифтов крупных и мелких, от косых и прямых они перешли к обсуждению самой формации шрифтов. «Русский вестник», как и всегда, явился первым, подавшим свой голос в этом деле: в 1-м № своей «Летописи» он предложил некоторые изменения в отлитии русских букв⁵ и ввел их у себя, начав таким образом год блистательным нововведением. Здесь мы должны на минуту уклониться с прямой дороги и сказать несколько слов об этом нововведении. Нет сомнения, что преобразование в русском шрифте, изобилующем в настоящем своем виде прямыми линиями, при малейшей порче шрифта делающими чтение затруднительным, — нет сомнения, что это преобразование нужно, но тем не менее по поводу попытки «Русского вестника» «Свисток» слышал следующие рассуждения, о которых, принимая в соображение важность вопроса, не считает удобным умолчать.

— Может быть, нововведение господина Каткова очень хорошо, — говорил недавно один господин, потрясая I № «Летописи» «Русского вестника», — но я полагаю, что место таким попыткам не в газете, а в каком-нибудь специальном издании, посвященном филологии или просто: вопросу о шрифтах. Пятьдесят три года читаю я русские книги и журналы и никогда не встречал затруднения в чтении их, исключая того случая, когда господину Лажечникову вздумалось напечатать своего «Басурмана» хотя и по-русски, но с каким-то чудовищным правописанием⁶, которым поставлялось читателю в обязанность разучиться всякому правописанию, да еще того небольшого периода в издании «Отечественных записок», когда редакция, в виду всей России, чуть было не повихнулась на букве *ж*,⁷ но это скоро и благополучно прошло. И вот теперь, под старость, получаю «Летопись», начинаю читать... да еще вслух перед малознакомыми людьми пришлось читать. Представьте себе! читаю — и запинаюсь, поминутно запинаюсь. Глаз мой, в течение долгого времени освоившийся с обыкновенным русским шрифтом, никак не может привыкнуть к этим закруглениям, усикам, раздвоениям, рожкам, подножкам и ко всяким другим улучшениям, введенным «Летописью» в русский шрифт. Подножки! Усики! Спрашивается, зачем тут усики?

«Усы гусара украшают,
Усы герю вид дают,
Невест усами добывают,
Усы для девушек магнит...»

Но я не девушка! А эти высокие *к, ф, ъ* — что это такое? для чего?.. В целом страница представляет какую-то невообразимую пестроту, неровную, несимметричную, как будто с высокой-высокой колокольни смотришь на подгулявшую толпу, покачивающуюся с боку на бок или, еще лучше, как будто, к ужасу г. Серно-Соловьевича, ящик курсива высыпали в ящик обыкновенного прямого шрифта да и пошли писать, то есть набирать! так что сам господин Серно-Соловьевич едва ли в состоянии различить, что здесь собственно набрано курсивом, что прямым шрифтом. А уж я так просто и прочесть не умел порядком; некоторые гости ушли, не дослушав чтения, и — что мудреного — сочли меня за безграмотного! Вот какую услугу оказал мне «Русский вестник»!

— Из чего вы убиваетесь? — возражали ему. — Так-то у нас во всем, ничего для общей пользы; маленькое затруднение для глаз, пустой щелчок самолюбия — и мы готовы бросить камень в того, кто хлопотал для пользы науки. Ведь господин Катков, конечно, имел в виду пользу науки...

— Пользу науки! — грубо вскричал господин. — Хочешь пользы науке, так печатай свои опыты особо. Если я к науке радетелен, заплачу деньги и испорчу глаза — и жаловаться не буду. Или объяви заранее. А то —

*На языке тебе невнятном⁸
Свои статейки подношу
И в заблуждении приятном,
Вниманья твоего прошу...**

Покорно благодарю! Я не хотел ни денег бросать, ни глаза портить, я хотел читать «Современную летопись». Так и давайте мне ее в таком виде, чтоб я мог читать. Еще бы вы вздумали для пользы науки ставить буквы кверху ногами или санскритский алфавит ввели бы, да не объявили бы заранее! Покорно благодарю! Целый год теперь убивайся, привыкай к новому шрифту, а там удержится ли еще он, или вздумается выписать другой журнал.

— Да зачем же другой? — говорили ему. — Вы всегда были таким жарким поклонником «Русского вестника»...

— Так, по-вашему, целый век и прикажете мне выписывать только его? — запальчиво возразил господин.

— Почему же нет?

— Почему, почему? А вот почему, милостивый государь.

*Каким ни ухищрайся шрифтом
Печатать слабые статьи,
Верь, ни сотрудники твои,
Ни сам ты — век не будешь Свифтом!⁹*

Он посмотрел на нас с явным самодовольствием. Он, видимо, был счастлив, что ему удалось высказать свое негодование в этой плохой эпиграмме. Мы пробовали ему заметить, что г. Катков никогда не претендовал на славу Свифта, и потому, конечно, останется совершенно равнодушным к этой выходке; но он не дал нам рта разинуть, продолжая порицать шрифт «Лето-

* Пушкин: «Иностранке».

писи». И вот каковы люди! Пять лет этот человек был жарким поклонником «Русского вестника», он почерпал оттуда свои убеждения, свои высшие взгляды — короче: свой ум. «Русский вестник» помогал ему держаться на высоте современности, как и многим, внезапно застигнутым этим требованием, — и вот ничтожное разветвление в верхней части буквы *ѣ*, ничтожный усик, приделанный к букве *ь*, — и все забыто! Приязнь обратилась во вражду! О люди! О век! о время!

Само собою разумеется, что эти два последние восклицания не относятся ни к «Веку», издаваемому г. Дружининым и К^о ¹⁰, ни ко «Времени», издаваемому г. М. Достоевским. Но так как мы кончили наше отступление, то и переходим к одному из этих журналов, с которым начали нашу беседу.

Собственно мы начали статейку с тем, чтобы сказать «Времени», что никак мы не можем признать справедливым упрека его в том, что «Свисток» объявил о себе мелким шрифтом. Мы всегда думали и продолжаем думать, что этот случай должно приписать в заслугу ему. Да когда же, скажите на милость, «Свисток» говорил о себе не в выноске, крупным шрифтом? Во-первых, крупные шрифты у нас берутся для публикации имен тех знаменитостей, которые удостоивают нас обещанием своих произведений ¹¹, а во-вторых: не всегда ли «Свисток» отличался скромностью и благоприличием?

Итак, надеемся, мы доказали «Времени», что мелкий шрифт в нашем объявлении не должен быть понимаем иначе, как за выражение этих качеств, при которых «Свисток» желает остаться навсегда. Горькую минуту переживает он, когда «Время» или другой какой-либо журнал будет в состоянии с полным правом обратиться к нему с известным карамзинским вопросом:

«Бедный Свисток! где твоя невинность?»¹²

Он откровенно сознается, что не желает дожить до этого времени.

Объяснившись и успокоив умы касательно мелкого шрифта, мы теперь займемся словом «робко», так как это маленькое словечко, признаемся, тоже укололо нас, хотя и менее, нежели мелкий шрифт. Глупо! но что же делать? У всякого есть свои мировые судьи, своя г-жа Свечина! ¹³ Притом не служит ли и эта самая щекотливость доказательством невинности «Свистка»? Это не то, что обстрелянные журналисты, на которых раздражительные господа, потерпевшие неудачи на различных поприщах — акционерном и других, — изливают свою желчь из разных газетных закоулков ¹⁴, покуда их оттуда не выгонят за глупость, как отсюда, куда они совались. Молчат обстрелянные журналисты, даже виду не подадут, долетели ли до них хоть брызги помой, которыми была разведена желчь, — молчат, и сохнет, и тает, как воск, не по дням, а по часам, раздражительный господин в тщетном ожидании. Нет, «Свисток» не имеет ни столько навыку, ни столько твердости. Он готов оправдываться против каждого двусмысленного слова, пущенного на его счет, разумеется, если уважает противника.

Если бы «Время», вместо *робко* употребило слово *кротко*, тогда нечего бы и говорить. Но — робко! В чем же, по мнению «Времени», выразилась робость «Свистка»? В том, что он не написал о себе широковещательного объявления, не расхвастался в нем своими заслугами, не натыкал в него сотни заглавий небывалых статей и десятки имен ¹⁵ с сомнительной зна-

менитостью? Помилуйте! Да если вопрос только в этом, так «Свисток» мог бы удивить публику своею храбростию не хуже самих «Отечественных записок». Вы скажете, у него не хватит воображения, не найдется умения составить хорошую программу, нужно набить руку, напрактиковаться, что приобретается годами, а вы сами уши нам прожужжали своей неопытностью? Что ж! Положим так. Но разве нельзя воспользоваться чужою опытностью? «Свистку» стоило переписать почти любую из программ на 1861 год — и вы не назвали бы его робким.

Он мог бы сказать, например:

«Свисток» не имеет надобности рекомендоваться публике подробными программами, а потому редакция с удовольствием оглядывается на прошедшее свое поприще, в котором находит разгадку постоянного своего успеха в публике, несмотря на обилие вновь являющихся повременных изданий. Не для того чтобы хвалиться всем тем, что успел сделать в это время, а для того чтоб искать в прошедшем руководящей идеи для будущего, бросим мы взгляд на пройденное нами широкое поприще».

Довольно. Рука устает выписывать. Скажите, чем это было бы худо? Очень было бы даже хорошо! И труда никакого не стоило бы, потому что это выписано слово в слово из программы одного большого журнала ¹⁶, богатого опытностью по части программ. Затем «Свисток» сумел бы, конечно, переписать с громкими прибавлениями название статей, в нем помещенных, перечислить имена сотрудников, в нем участвовавших, расхвалив их напропалую и задев по дороге сотрудников чужого прихода, и наконец заключил бы так:

Читатели видят, что редакции «Свистка» в прошлом году *посчастливилось* соединить на своих страницах ¹⁷ превосходные произведения ЯКОВА ХАМА, АПОЛЛОНА КАПЕЛЬКИНА и КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА.

В следующем году «Свисток» надеется быть еще счастливее, поместив следующие статьи:

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ, или РАЗДРАЖЕННЫЙ БИБЛИОГРАФ. самообличительная поэма-автобиография... САВВЫ НАМОРДНИКОВА.

Исторические параллели:

В. А. КОКОРЕВ и ЛАФИТ ¹⁸.

ЖОРЖ САНД и ЕВГЕНИЯ ТУР ¹⁹.

БИТВА ГОРАЦИЕВ с КУРИАЦИЯМИ и бой 13 декабря 1859 г. в петербургском Пассаже ²⁰.

ЛАМОРИСЬЕР и Н. Ф. ПАВЛОВ ²¹.

ЛЕГЕНДА О ЧЕРНОКНИЖИИ, или ШОТЛАНДСКАЯ ВЕДЬМА ²², поэма А. КАПЕЛЬКИНА.

Ряд статей О ВРЕДЕ ЛЮДОЕДСТВА ²³ — ДАРЬИ КУНИЦЫНОЙ (урожденной княжны Безхвостовой).

Ряд статей О ЮМОРЕ У ЖИТЕЛЕЙ ЛАПЛАНДИИ и У САМОЕДОВ ²⁴ (посвящается редакторам «Свистка») — И. ШУТЕНКОВА (потомка древней графской фамилии, утратившей документы при пожаре Москвы в 1612 году).

«ТЫСЯЧУ ДВЕСТИ СТИХОТВОРЕНИЙ» — КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА.

ЖОХ и ПЛОЦКА, драма — АННЫ МОНУМЕНТОВОЙ (псевдоним мужчины-писателя) ²⁵.

ИДИЛЛИЯ и ПРЕДСКАЗАНИЯ — ЯКОВА ХАМА.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ДЕНЕГ — СОЛДАТ БЕЗ РУЖЬЯ! — ХАДЖИ-ПОДХАЛИМОВА ²⁶ (поэт-самоучка армянского происхождения. Мать грузинка).

КАК ПОНИМАЮТ «СВИСТОК» образованные народы Европы, ряд писем из Лондона. ТИТМАРША, МЛАДШ. (племянника славного Тэккерея, давшего клятву писать исключительно в нашем журнале) ²⁷.

ИСТИНА В НАУКЕ
ИСТИНА В ИСКУССТВЕ
ИСТИНА В ЖИЗНИ

Три лекции А. УКРАИНСКОГО, которые будут читаны в зале Пассажа, в пользу новозадуманного Общества для сдирания шкуры — с живых и мертвых, под благовидными предложениями, по новому способу, им же изобретенному ²⁸.

Басни К. ПРУТКОВА *

И проч., и проч., и проч. Сколько еще могли бы мы насчитать статей! сколько поименовать сотрудников! Но в том-то и дело, что при всей легкости в подборе подобных хвастливых обещаний, при всей безответственности в случае их неисполнения, «Свисток» удержался в границах скромности и приличия.

Спрашивается теперь: порицания или похвалы достойно подобное поведение?

Доказав свою невинность, «Свисток» спешит уверить новый журнал, что нисколько не сердится за опрометчивое его суждение. Напротив, «Время» ему понравилось, и он, как восторженный юноша, не умеющий скрывать своих чувств, сложил ему гимн, который и печатает теперь с большим удовольствием.

I

ГИМН «ВРЕМЕНИ» НОВОМУ ЖУРНАЛУ, ИЗДАВ. М. ДОСТОЕВСКИМ

Меж тем как Гарибальди дремлет,
Колеблется пекинский трон,
Гаэта грому пушек внемлет,
Дает права Наполеон ²⁹, —
В стране затронутых вопросов,
Не перешедших в сферу дел ³⁰,
Короче: там, где Ломоносов

Когда-то лирою гремел,
Явление нового журнала
Внезапно потрясло умы:
В нем слышны громы Ювенала ³¹,
В нем не заметно духа тьмы.
Отважен тон его суровый,
Его программа широка...

* Это имя как действительно знаменитое должно быть напечатано в полтора раза крупнее прочих, чего не сделано здесь из оласения обезобразить страницу.

Привет тебе, товарищ новый!
 Явил ты мудрость старика,
 Неси своей задачи бремя,
 Не уставая и любя!
 Чтобы ни «Век», ни «Наше время»
 Не покраснели за тебя;
 Чтобы не сел тебе на плечи
 Редактор-дама ³² «Русской речи»,
 Чтоб фельетон «Ведомостей»
 Не похвалил твоих статей!
 Как пароксизмы лихорадки,
 Терпи журнальные нападки
 И Воскобойникова лай
 Без раздражения внимай! ³³

Блюди разумно дух журнала,
 Бумагу строго береги:
 Страшись «Суэзского канала»
 И «Зундской пошрины» беги! *
 С девонской, с силурийской почвы
 Ученой дани не бери;
 Кричи таким твореньям: «прочь вы!»

Творцам их: «черт вас побери!»
 А то как о «Сухих туманах» **
 Статейку тиснешь невзначай,
 Внезапно засвистит в карманах....
 Беда! Ложись — и умирай ***

Будь резким, но не будь бранчивым,
 За личной мстостью не гонись.
 Не называй «Свистка» трусливым
 И сам безмерно не гордись!
 Припомни ямбы Хомякова ³⁵,
 Что гордость — грешная мечта,
 Припомни афоризм Пруткова,
 Что все на свете — суета!
 Мы здесь живем не вечны годы,
 Здесь каждый шаг неверен наш,
 Погибнут царства и народы,
 Падет штенбоковский Пассаж,
 Со срамом Пинто удалится ³⁶
 И лекций больше не прочтет,
 Со треском небо развалится
 И «Время» на косу падет! ****³⁷

II

НА РУБЕЖЕ СТАРОГО И НОВОГО ГОДА

Грезы и видения Нового Поэта

«Чудная картина,
 Как ты мне родна...
 Белая равнина,
 Полная луна,
 Свет небес высоких
 И блестящий снег»...³⁸

Эти стихи всякий раз вертятся у меня на языке, когда, закутавшись с ног до головы в шерсть и мех и все-таки замирая от холода, я прохаживаюсь, как все праздные люди, для здоровья и аппетита по петербургским улицам...

Чудная картина! Вот она — настоящая-то русская зима, во всем своем трескучем и колючем величии и во всей своей леденящей поэзии!..

* О «Суэзском перешейке», о «Зундской пошрине» — любимые статьи скучных журналов ³⁴. Действие их на читателя ужасно. Один известный журнал имел неосторожность коснуться раз Суэзского перешейка — и долго потом не мог поправиться.

** «О сухих туманах» одна из последних статей, напечатанных в «Атенее», после которой он вскоре умер.

*** «Свисток» надеется, что редакция «Времени» оценит бескорыстность и доброжелательство этих предостережений, которыми вовсе не должно пренебрегать.

**** Последние два стиха заимствованы у Дмитриева.

В самом деле, что за прелесть! Петербург весь окутан белым пушистым покрывалом: на крышах, на карнизах домов, на драконах, на кариатидах, на заборах, на столбах, на сточных трубах, на монументах — везде груды снега; на улице у тротуаров снежные стены выше роста человеческого; все зеркальные и цельные стекла магазинов расписаны снежными пейзажами и узорами; все граниты и мраморы опущены снегом; все фонари покрылись матом и сквозь этот мат чуть-чуть мерцает газ; прозрачное, ясное небо ночью усеяно миллионами ярко сверкающих звезд; первая четверть месяца ярко вырезывается на синеве неба; весь Петербург топится, и белый дым поднимается кверху над исполинскими зданиями, застилая прозрачную синеву; пар от лошадей и людей стелется по улицам; длинные, прозрачные, как хрусталь, капли висят на украшениях домов, как стекла на люстре; высушившиеся из шуб носы белеют; колеса и санные полозья визжат и скрипят по плотной снежной равнине, искрящейся звездочками; Нева вся всколывана снежными волнами и буграми; все ветви на кустах и деревьях петербургских садов и скверов висят, отягченные снегом; гремя бубенчиками, тройки, птицы-тройки, как их называл Гоголь в поэтическом экстазе, летают по улицам, с весельчаками, покрытыми инеем и морозною пылью...³⁹

Восхитительная картина,

«Чудная картина,
Как ты мне родна»!..

И сколько в тебе поэзии, особенно *для нас*, у которых каминны и печи, войлоки и ковры на полах, подушки на окнах и которым нечего заботиться о цене дров, — а дрова-то, говорят, очень вздорожали. Бедные эти люди, живущие в Галерной, на Выборгской и Петербургской сторонах, в Семеновском полку, на Песках! ⁴⁰ «Им теперь вовсе не до поэзии зимы!..» — подумал я, вздохнув довольно эгоистически и поправив уголья в камине...

Это было накануне Нового года. Я чувствовал себя не то чтобы совсем здоровым, не то чтобы больным... У меня так, слегка болела поясница. Эта легкая боль доставляет мне всегда большую приятность: она располагает к лени, к неге, к разным мечтам и фантазиям. В комнате моей было хорошо, тепло и уютно: с одной стороны раскаленный каменный уголь в камине и синий огонек, пробегающий по его трещинам; с другой лунный блеск, освещавший стекла окон, причудливо расписанные морозом, и на треножнике, освещенном карселем ⁴¹, небольшой, но прекрасный пейзаж Пуссеня ⁴², за несколько часов перед этим подаренный мне. Я отказался от всех приглашений и решил встретить Новый год один.

Приятнейшая теплота разливалась по моим членам, я ощущал удивительное внутреннее спокойствие и довольство; кругом меня была ничем не нарушаемая тишина, и я только от времени до времени потягивался и позевывал смотря то на моего Пуссеня, то на перебегавшие огоньки в камине, то на узоры стекол...

Никакие желания, никакие надежды, никакие ожидания не раздражали моей крови, — а сколько петербургских чиновных и сановных сердец бьется накануне этого дня желаниями и ожиданиями наград, украшений, повыше-

ний и тому подобного!.. И как они, бедные, волнуются в эту минуту, когда я лежу спокойно на моем диване!

Я потянулся и взглянул на часы.

Оставался только час до Нового года.

Теперь эти господа бреются, моются, чистятся, душатся, помадят свои парики, прикрывают остатками волос свои лысины, облакаются в белые или красные панталоны с золотыми лампасами, надевают свои расшитые и раззолоченные мундиры.

И при этой мысли я крепко завернулся в свой байковый халат...

В воображении моем грустно мелькнули было заштатные, отставленные служащие труженики, ожидающие крупницы из *остаточных* сумм, — вся эта корпящая над бумагами мелюзга и мой бедный Андрей Петрович на Выборгской стороне; но я тотчас же, чтобы ничем не тревожиться, отогнал от себя все эти мрачные тени...

Вот уж и половина двенадцатого...

Прощай, 1860 год! Несмотря на оскорбления, клеветы и насмешки, пертерпенные мною от тебя, я не питаю к тебе ни малейшей злобы и провожаю тебя с миром!

Ты совершил много, и имя твое не забудется.

Ты одушевлял великий итальянский народ патриотическою мыслию единства; ты сокрушил чужеземное владычество в Италии и троны мелких владельцев; ты дал силу Гарибальди с горстью патриотов и почти без пролития крови совершить чудо и войти победителем в Палермо и Неаполь; ты высоко поднял пред изумленным взором европейских дипломатов знамя итальянского единства; ты затронул вопрос о светской власти папы⁴³; ты поколебал упорство габсбургского дома и заставил его прибегнуть к некоторым уступкам и реформам⁴⁴; ты во Франции дозволил рассуждать о тронных речах и не без благосклонности улыбнулся французской *прессе*⁴⁵; ты даже в апатической, налитой пивом Германии пробудил какое-то смутное стремление к единству⁴⁶; ты обнаружил вполне бессилие Турции⁴⁷ (это, впрочем, небольшая заслуга... кто же не знал до тебя об этом бессилии?); ты расшевелил неподвижный Китай с его громадным населением и с горстью европейцев победоносно вошел в Пекин, блистательно доказав, что перед одним дуновением цивилизации падают, как карточные куклы, миллионы людей, коснеющие в мертвых формах... Эту горсть европейцев могли бы, казалось, закидать своими шапками только одни почтенные мандарины⁴⁸. Ты поднял горячий, грозный вопрос о постыдном невольничестве в Американских Штатах⁴⁹ и поставил во враждебное положение Север с Югом. Ты разрабатывал в нашем любезном отечестве великий вопрос об уничтожении крепостного права. До какой степени ты серьезно смотрел на этот вопрос и подготавливал его к разрешению — мы еще не знаем; это может быть обнаружит нам твой преемник, но все-таки ты усердно занимался этим вопросом, что делает тебе, конечно, большую честь...

В короткое время твоего существования ты обнаружил большую и полезную деятельность, и грешно было бы тем, которые веруют в прогресс человечества, не помянуть тебя добрым словом!

Ты и для нас не прошел даром. Ты сделал первый шаг к нашему народно-

му образованию... Ты завел тысячи комитетов и комиссий по поводу различных имеющихся в виду реформ и улучшений ⁵⁰.

Сколько утонченных удовольствий дал ты нам, поклонникам искусства (хотя бы и не для искусства). Ты заставил Тургенева подарить нас двумя прелестными повестями, из которых в одной он изобразил нам благородного болгар — Инсарова, тщетно порывающегося освободить свое отечество... Ты оживил нашу сцену новою драмою Островского, в которой столько народной правды и поэзии... Из таинственного портфеля Гончарова ты вынул тайком несколько страниц и опубликовал их почти против воли автора, доставив ему чуть не капитал, потому что он каждую строчку справедливо ценит на вес золота... Ты доставил г. Авдееву за его «Подводный камень» тысячу прелестнейших поклонниц... ⁵¹ У нас в Петербурге по крайней мере большинство дам восхищены этим романом!.. Ты пригласил к нам в Петербург великую артистку ⁵², доставившую нам минуты высокого эстетического наслаждения... Ты был так снисходителен, что бескорыстно для себя выхлопотал дозволение поставить на сцену «Свои люди — сочтемся» ⁵³ и поднес великодушно этот неожиданный подарок своему преемнику... Ты из пожарных развалин петербургского цирка воздвигнул великолепный театр ⁵⁴, осветил газом несколько петербургских улиц — и только никак не мог совладеть с водопроводной компанией ⁵⁵, в трубы которой — увы! — до сих пор не проходит вода...

А гласность-то! гласность-то!.. Никак нельзя сказать, чтобы она сделала при тебе исполинские шаги... да и можно ли требовать этого? Она еще родилась у нас так недавно, она дитя — у ней шажки неверные и маленькие, голосок неустановившийся, она ковыляет и спотыкается, шалит и кричит о пустяках, воображая, что делает дело, — все это, конечно, довольно смешно и забавно для взрослых. Но что бы ни говорили, а это милое дитя подает большие надежды, по крайней мере более основательные и прочные, чем те надежды, которые так недавно еще возбуждали в нас, неисправимо увлекающихся людях, гг. Случевский и Апухтин! ⁵⁶ Ты был немилосерд, 60-й год, к этим юным поэтам!..

А каких удивительных героев гласности вывел ты перед нами. Как они смешно размахивали своими картонными мечами! Как гордо издевались над своими жертвами!.. И кто забавнее — герои или жертвы — решить трудно.

Прелестное дитя — русская гласность — открыло нам великие истины, что драться на улицах и бить дам в вагонах ⁵⁷ — совершенное готтентотство; что юродивые дурачки, прикидывающиеся пророками, вроде московского лжепророка Ивана Яковлича, — праздношатающиеся негодяи ⁵⁸, достойные преследования, а их поклонники и поклонницы — жалкие, невежественные ханжи... Шаловливая гласность, к великому удовольствию настоящего г. Якушкина ⁵⁹, открыла нам еще Лже-Якушкина и какую-то милую даму, грациозно подносящую лавровый венок больному и лежащему в постеле Гарибальди ⁶⁰.

С каким горячим и благородным негодованием малютка — гласность — изобличала и преследовала калужских прогрессистов ⁶¹, шумевших в театре; г. доктора Николина за перенесение из больницы г-жи Требуховой с рвотою и болью в животе; почтенного московского аптекаря Миндера за

фунт железного купороса, который он, вместо назначенной министерством внутренних дел цены 4 к. с., продает (будто бы) за 1 р. 25 к. с.... С какою любовью и жаром трактовала она о жалованье предводителям дворянства; описывала орлиный нос какого-то шарлатана г. Грабянки⁶² и его *зубы, которыми он гордился, грыз орехи и любил кожу ветчины, которую жевал свободно*. В какое негодование приходила она на каких-то забулдыг-цыганистов, шумевших и неприлично державших себя в увеселительном саду московского эрмитажа перед дамами и перед мундирами. — Какие необыкновенные открытия совершала она, открыв в Москве, в ее сердце — Кремле, залу с барельефами, на которых иносказательно изображены подвиги императрицы Екатерины II. Это открытие принадлежит нашему земляку, петербуржцу, что особенно лестно для нас, петербургских жителей, в которых москвичи не признают никаких достоинств и талантов ...«А вот-таки пригодился же на что-нибудь москвичам наш петербургский земляк!» — подумали мы с гордостью.

Наша гласность, между прочим, оказывала бойкость и смелость не по летам. Она вступала в открытую борьбу... с кем бы вы думали? — с пожарными командами (астраханской и полтавской)...⁶³ Ребенок, воюющий с полицеймейстерами, брантмейстерами и их командами... Какое зрелище! Чего же не ожидать от такого ребенка, когда он подрастет немного?... Какую глубокую ученость высказала милая гласность в спорах по поводу упраздненного города Никитска⁶⁴, в *гербе которого были три отесанные камня* и в уезде которого родился один из скончавшихся недавно светильников нашей церкви!...⁶⁵

Невозможно ни припомнить, ни перечесть всех подвигов, совершенных гласностию в 1860 году.

Меня особенно интересовали ее безымянные обличения дурных поступков и злоупотреблений разных лиц под буквами А, Б, В, Г, Д и так далее.

— Какого рода пользу могут приносить такого рода таинственные обличения? Это нелепо! — восклицали строгие судьи, следившие за подвигами гласности...

Эти господа не хотели принять в соображение, что то были только риторические упражнения малютки, первые ее опыты в красноречии, пробы еще неопытного пера, но опыты и пробы, в которых виден талант и которые подают большие надежды...

Они были помещаемы на *страницах журналов* (как выражаются журналисты) именно в этом смысле. Неужели же наши ученые редакторы смотрели на них серьезно, думали придавать им какое-нибудь значение?... Конечно, они только поощряли малютку-гласность и гладили ее по головке...

В таком же, кажется, смысле «Современник» печатал *на своих страницах* стихотворения гг. Случевского, Апухтина, Кускова и других... Некоторые журналы подняли при этом страшный гвалт и закричали, что «Современник» серьезно принимает их за *великих поэтов* (это было бы забавно!), и пустились строчить пародии на гг. Случевских и Кусковых⁶⁶. Не явись произведения этих господ *на наших страницах*, ни один бы журнал наверно не упомянул об них... Мы замечаем это не потому, что самолюбиво придаем себе какое-нибудь значение, — боже сохрани! но хотим только показать, до какой сте-

пени любезны и внимательны к нам наши собраты по журнальному ремеслу...

Кстати о пародиях... Как человек неученый и веселый по натуре, в противоположность ученому редактору «Отечественных записок» (я говорю не о г. Дудышкине, а о г. Краевском) ⁶⁷, я очень люблю шуточные стихотворения и пародии, имеющие какой-нибудь смысл и значение... Стихотворения австрийского поэта Хама в переводе Лилиеншвагера приводят, например, меня в восторг, так же как и некоторые оригинальные его произведения; но, признаюсь, эти *пародии для пародий* разных неувенчанных, увенчанных, обличительных и других поэтов, которых развелось так много в 1860 году, — явление весьма жалкое и запоздалое ⁶⁸. Есть что-то оскорбительное и неприятное в этом пошлом, бесцельном, грязном и тупом передразнивании наших лучших поэтов... Такого рода пародии не могут заставить никого даже улыбнуться.

Неужели, например, есть что-нибудь остроумное в таких стишках:

Не гляди так убийственно строго,
Дай мне сроку еще хоть немного,
А уж деньги когда получу,
Ты увидишь, как я закучу...

или:

Если ж ты джин и коньяк
Ставишь на мой произвол,
Я напиваюсь так,
Что упадаю под стол...

или:

Я верю: пьян я, пьян. Да и нельзя не верить,
Мошенник этот, хмель, не может лицемерить.
Все непритворно с ним: лица багровый жар,
Над бровью резь и лом, — сленой оглобли дар,
К бульварным мотылькам стремительная нежность,
И с ног, пустившись к ним, свалиться неизбежность...

Ко мне захаживал во время оно майор А *⁶⁹, один из тех вечно полупьяных героев, просителей в форменных сюртуках и с подвязанною рукою, которые часто останавливают на петербургских улицах просьбами о помощи. Мой герой-проситель имел чрезвычайно галантерейное обращение и, входя в комнату, всегда говорил: «*Екскюзе пур деранже*», расшаркивался и потом заговаривал обыкновенно стихами...

— Я считаю вас не иначе, как моим благодетелем, — сказал он мне однажды, принимая целковый и потом прикладывая два пальца ко лбу... — Мне пришла в голову третьего дня вечером фантазия... *vu save ke жем ла поэзи* *... Я взял перо и потрянул стишками... позвольте прочесть?

Он стал в позицию и, поводя плечами, прочел немного в нос свое стихотворение, из которого я запомнил только четыре стиха:

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И после выпивки заляжешь, утомленный,
Полезет в голову такая дребедень,
Глаза закатятся и захрапшь мгновенно...

* Вы знаете, как я люблю поэзию (франц.). — *Ред.*

Где теперь этот господин?.. Я потерял его из виду... Уж не он ли под различными псевдонимами снабжает наши сатирические газеты такими милыми подражаниями и переделками?..

Мысли мои начинали немного мешаться, глаза застилал легкий туман, в этом тумане изредка пробегали то синие огоньки, то морозные искорки... Майор А* кланялся г. Козляинову, выставив локти вперед, — тому самому Александру Павловичу Козляинову, который приобрел такую громадную известность на Руси своим подвигом на железной дороге, о котором *пресса* наша не умолкает до сей минуты и через которого мы имели случай познакомиться с гг. Львом Камбеком, князем Н. Н. Голицыным⁷⁰ и другими.

Каким образом г. Козляинов очутился передо мною и почему это был именно г. Козляинов? — Я спрашивал себя об этом, но не мог дать себе отчета.

Майор А* остановился перед ним, поднял правую руку и произнес в нос:

С прекрасным полом обращаться
Нежнее следует, *mon cher* *,
Какой решится кавалер
Бить даму или с дамой драться?... .

Г. Лев Камбек отталкивал майора и кричал, что с г. Козляиновым следует говорить не стихами, а приказной прозой, и грозился начать с ним иск. Князь Н. Н. Голицын, глядя на г. Камбека, иронически улыбался и спрашивал:

— Ну что же вы не начинаете его?

Вдруг откуда ни возмись небольшой, очень почтенной наружности господин, в котором я почему-то узнал провизора Лубянской аптеки г. Фосса.

— Справедливо изобличать, — произнес г. провизор с расстановкою, — дурные поступки какого-либо господина — это принято во всяком благоустроенном государстве, и я против этого не могу сказать ничего; но обвинять человека публично и несправедливо — это значит злоупотреблять печатным словом. Г. Забелин, обвинивший меня в том, что я продаю фунт железного купороса вместо 4 к. 1 р. 25 к. — вполне доказывает незнание своего предмета, ибо на 48 странице аптекарской таксы, изданной от медицинского совета, значится: *Ferrum sulphuricum* цена за 1 унцию 1 к., то есть за фунт 12 к. сер. — Здесь идет речь о простом неочищенном купоросе — *crudum*; очищенный же железный купорос — *ferrum sulphuricum purum* за 1 драхму платится 3 к. — то есть за унцию 18 к. с., а за фунт 2 р. 16 к. сер. — Да позволено же мне будет удивляться, что г. Забелин *не знал и не догадался* о существовании двух различных сортов железного купороса.

— *Placet probis suo rem quamque nomine appellare!* **, — воскликнули в один голос провизор г. Фосс и занимающий должность рецептариуса Лубянской аптеки г. Миндер.!

На это возражение не отвечал никто...

«Отчего же молчит г. Забелин?» — вскрикнул я, очнувшись, протирая глаза и озираясь кругом...⁷¹.

* мой дорогой (*франц.*). — *Ред.*

** Порядочным людям положено называть каждую вещь своим именем (*лат.*). — *Ред.*

— Я, кажется, наяву брежу,— подумал я и продолжал думать лениво: Все прошлогодние проделки гласности не перечесть! Вот сколько месяцев г. Илья Арсеньев ожидает вызова к суду ⁷², которым грозят ему генерал Кабат, гг. Ефремов, Лампе и Виттенгейм, нынешние директора царско-сельской железной дороги, оскорбившиеся тем, что г. Арсеньев заметил о беспорядках, происходивших на Павловском празднике 9 июля... Г. Арсеньев предложил почтенным директорам порешить дело третейским судом, *без апелляции*... и просил их ответа на это предложение...

Последовал ли ответ? Кончилось ли чем-нибудь это важное дело, о котором трубила гласность почти так же долго, как о г. Козляйнове? ..

Что если все господа обличаемые вздумают вести дела с своими обличителями судебным порядком и станут путаться по несколько лет в канцелярских формальностях и тайнах?.. Это было бы оригинально... А ведь гласность, заварившая всю эту кашу, останется в стороне, да еще будет подсмеиваться над тяжущимися.

Вот, например, славная тема для процесса:

В каком-то городе (я уж не помню) разыгрывалась лотерея в пользу чего-то или кого-то (я также забыл). В числе выигрышей была «Искра» 1859 года. Эту «Искру» выиграл какой-то гимназист ⁷³, и вообразите — о, ужас!.. вместо неоказавшейся «Искры» гимназисту выдали деньги... Из этого возникает страшный шум... Сейчас является *обличитель*... Он мечет громы и молнии на учредителей лотереи, учредители, в свою очередь, бросают в обличителя грязью: говорят, что он пользуется в их городе самой незавидной репутацией, из службы уволен... и прочее. За обличителя против учредителей вступается несколько граждан, против этих граждан восстают другие граждане. Завязывается бесконечный бой, дела принимают страшные размеры; в течение десяти месяцев гласность не умолкает о гимназисте и «Искре». Человек десять, а может быть и более оскорбили друг друга по этому делу... А между тем гимназист, получивший вместо «Искры» деньги, вероятно, очень доволен своей судьбой!..

Глаза мои совсем слипались, мне показалось, что кто-то положил мне руку на плечо, наклонился к моему уху и прошептал старческим голосом:

— Знаете ли, за что я люблю гласность?

— За что? — спросил я.

— За то, что по ее милости теперь чаще являются перед нами изящнейшие писатели *нашего времени*, нашего доброго старого времени, наши первые стилисты и люди — это только, бога ради, между нами (старческий голос прошептал едва слышно), и люди... с либеральными воззрениями!!

— Да что вы шепчете-то? Не бойтесь... Опасности нет никакой — ведь теперь все либералы...

— Как? неужели? — воскликнул наивно старческий голос и засмеялся.

— В нашу молодость,— продолжал он,— между нами, людьми либеральными и образованными (а таких избранных было тогда немного; мы считались, так сказать, общественными перлами), отличался в особенности один ⁷⁴ — своим блестящим умом, светскостью и литературным талантом. Он появлялся через пять-шесть лет со статьею (разумеется, по какому-нибудь важному поводу). Появление каждой его статьи была эпоха: изя-

щество выражений, остроумие, тонкость оборотов, выделка фраз, глубина взгляда, все это поражало нас, — и мы после появления такой статьи несколько лет сряду кричали об ней. Через четыре года автор дарит нас новой статейкой; опять шум и гвалт на несколько лет. Слава его таким образом дошла до новых поколений, и он, ободренный возникшею у нас гласностью, вздумал издавать «Наше время»...

«А-а! так вот о ком идет речь», — подумал я.

— Откровенно скажу вам, господа, — продолжал старческий голос, — что вы, по-моему, относительно *стиля* далеко отстали от нашего времени, — вы только все хлопчете об одной мысли — и представляете нам ее голою, без всяких украшений, без всяких фиоритур. А сколько теперь прелестных предметов для изощрения слога... Вот, например, кто-то задел недавно калужских молодых прогрессистов, шумевших в театре. Г. Жемчужников вступился за прогрессистов. Это прекрасно, но дело в том, что хотя молодые прогрессисты заслуживают, по его свидетельству, полную благодарность за их благородную и честную деятельность, все-таки остается факт, что они вели себя в театре перед публикою не совсем осторожно... Вы бы, господа нынешние, и возразили на это г. Жемчужникову в двух словах, как я теперь возражаю вам, а стилист «Нашего времени» воспользовался этим случаем, чтобы, так сказать, рассыпать перлы своего красноречия. Он умел сделать из этого прелестную статейку, обделанную, как игрушечка, и, читая ее, ощущаешь такое же наслаждение, какое доставляет вам на сцене отличный и грациозный танцор. Послушайте, я вам прочту из нее отрывок:

«Что же хотели мы выразить, куда метили, какое нравоучение извлекли из показаний калужского жителя? Нам подумалось, что это обыкновенная история, несколько не любопытная и не оригинальная; что у нас иногда бывает странное смешение чувств, понятий и поступков; что они соединяются в одном лице, когда между ними нет ни химического сродства, ни логической связи; что люди, называющие себя или слывущие передовыми, прогрессистами, принадлежащие к так называемому хорошему обществу, львы или сливки его, умеют сберечь в своем сердце уголок для диких побуждений; что они точно так же, как эти несчастные, загнанные и грубые натуры, известные под позорными именами вандалов, готтентотов, отсталых, — способны в случае надобности наругаться над личностью человека, за которую так горячо ратуют, оказать пренебрежение к обществу, которого права так превозносят, совершенно потеряться в самообожании, в наслаждении своим я и думать, что этому я должно быть все позволено, потому что оно образовано, просвещено, стремится к распространению великих идей, имеет в виду высокие цели. Отвергнете ли вы эту мысль? Найдете ли ее ложной или преувеличенной! Согласитесь ли, что, высказывая ее, мы думали собственно не о калужском театре? Конечно, не отсталые хоронили Мартынова ⁷⁵, не невежды показали столько чувствительности к искусству и столько благоговения к таланту. Это было утешительное явление нового времени, тут находились *будущие надежды России, все обожатели человечества, все просвещенные люди, не пропускающие ни одного дня, чтоб много и много раз не повторить, как молитву, прекрасных и заветных слов: развитие, народ, прогресс!* Но в то самое время, как, попирая ногами рутину, они воздавали

неслыханные почести актеру, не *их ли язык грозно кричал* на присутствующих и проходящих: *шапки долой. Становилось страшно!* Ну, если кто-нибудь из этих прогрессистов да попадет в квартальные, ведь в городе жить будет нельзя. Власть присоединится к теории, и тогда пошла писать. Может быть проходил мимо гроба человек с больною головой, который боялся открыть ее на воздухе; может быть он отроду не бывал в театре и ходить в него считает грехом; может быть он задумался о затруднении, в какое эти похороны ставят итальянцев на случай смерти Гарибальди, как надо будет хоронить его? Наконец, может быть он, оставаясь с покрытою головой, хотел заявить свой протест и полагал, что если человек сотворен человеком, то ему не следует *отправлять должность лошади и возить на своих плечах кого бы то ни было из мертвых и живых*.

— Согласитесь, что это прелесть! Какая текучесть фраз, какие тонкие аргументы о Мартынове, Гарибальди; какие вариации на самую простую тему. Вот это мастерство! Это стиль!..

Кстати о Гарибальди, или лучше о той русской даме, которая напечатала в «Московских ведомостях» о своем визите к Гарибальди, о поднесении ему венка и прочее. Какое тонкое светское остроумие, какую изящную иронию возбудила в публицисте «Нашего времени» эта дама!.. Слушайте, слушайте!

«Мы молчали» (начинает он и ставит точку)... «Московские ведомости» вводили нас в искушение, но мы вооружились твердостью и не поддавались соблазну. Они, по чувству беспристрастия или от *притупленной чувствительности*, не пощадили прекрасного пола и приняли в свои столетние недра отрывок из письма русской дамы»...

Молчание публициста «Нашего времени» было нарушено только появлением того же отрывка в газете «Le Nord»... Появившись в «Норде», русская дама делается для него, как он прелестно выражается, «чужой, каким-то *неземным существом*, которому мы и не смеем причесться в родню...»

«Она, — продолжает он, — превратилась для нас в *бесплотного духа, в идею*; мы видим уже не одну путешественницу; за нею тянется длинный ряд других, многих»...

И пошел и пошел о русских путешественницах, да ведь с каким красноречием!.. Досталось же им!

«Дело в том, — восклицает красноречивый публицист, — что до сих пор ни одна русская дама, кроме *княгини Голицыной в прошлом столетии, г-жи Свечиной и княгини Ливен в нынешнем*, не заявили себя в Европе наряду с теми женскими именами, которыми гордится общество, воспитавшее их»... и так далее, и так далее... Прелесть!

«А-а! опять Свечина! — подумал я, — праху этой бедной Свечиной не дают покоя в могиле... Для нее забывают наши ученые, журналисты и публицисты современные внутренние вопросы; из-за нее вступают в спор г-жа Тур и г. Катков, причем обнаруживается деспотизм последнего относительно его сотрудников; г-жа Свечина — ну кто мог подумать это? — причиною того, что от «Русского вестника» отделяются некоторые из его деятелей и основывают «Русскую речь»... Вот какие чудеса производит после смерти своей в русской литературе эта русская дама, не знавшая отечественного языка,

но которой, по мнению г. Павлова, гордится *общество, воспитавшее ее...* то есть какое же? Иезуитское общество?

— Ну-с, так какой же результат выводит г. Павлов из своей статейки о русской барыне, поднесшей венок Гарибальди?..

— Автор заключает свою статью блестящим образом, — произнес с некоторой торжественностью старческий голос. — Он оправдывает и Гарибальди, принявшего русскую даму, и русскую даму, посетившую его, для которой, как он выражается, спасение народа и величие человека есть не что иное, как препровождение времени. «Они (то есть Гарибальди и русская дама) *хотя поговорили дружелюбно, но вышли из противоположных станов, из разных атмосфер и имеют не ту же родословную. Усилия одного человека, как бы он ни напрягался, не дадут ему той серьезности воззрений, тех святынь души, которыми так сладка и разумна жизнь...*»

Я ничего не понял. Я чувствовал, что от усилия понять эти слова у меня кровь приливает к голове, жилы на висках бьются. Эти слова показались мне даже просто собственным бредом...

А старческий голос продолжал нашептывать мне еще какие-то витиеватые фразы, восхищался ими и повторял мне под самое ухо: «Вот *стиль-то!*.. Нет, воля ваша, вы, нынешние, не умеете так писать. Писатели «Нашего времени» пишут, точно жемчуг нижут! Вы, господа, пренебрегаете изяществом слога, красотой формы... К тому же вы пускаетесь все в крайности, увлекаетесь различными несбыточными утопиями, отвлеченными общечеловеческими теориями опередивших нас народов, забываете, что синица в руке вернее журавля в небе; вы не знаете никакой меры, не признаете никакой постепенности, не чувствуете земли под ногами, стремитесь в какую-то выспрь. Все это юношеская заносчивость, безумное увлечение, непростительная гордость, необузданное самолюбие... Умерьте свои порывы, не заноситесь в облака, не забегайте вперед, идите наряду с нами, благонамеренными людьми, тихим, ровным и сдержанным шагом, обрабатывайте ваш *стиль*, изучайте отечественные нравы, потребности и постановления, вникайте во все это, пусть каждый действует в своем небольшом кружочке; будьте справедливы, незлобивы, беспристрастны, больше делайте, чем говорите, ибо во многоглаголении нет спасения».

Старческий голос стал, признаться, немного надоедать мне.

— Да и Аскоченский говорит то же самое ⁷⁶, *ваше превосходительство!* — перебил я.

Мне почему-то показалось, что старческий голос принадлежал одному из тех некогда горячих защитников прогресса, которых лета, чин и связи с разными значительными лицами остановили в должных границах светского приличия.

— Мы, пожалуй, для удовольствия вашего превосходительства последуем вашему мудрому совету, но — я не могу этого скрыть от вас, простите великодушно моей откровенности, — мне очень больно, что вы с таким пренебрежением изволите отзываться ныне об утопиях и общечеловеческих теориях ⁷⁷, от которых некогда так горячо билось ваше чистое, юношеское сердце. Мне больно это потому, что я в первый раз от вас же услышал об этих утопиях и теориях; вы первый, ваше превосходительство, расширили мой

кругозор, показали мне смысл жизни, заставили меня прозреть, объяснив мне значение прошедшего и настоящего, с любовью и верою указав на будущее. Я никогда не забуду того, чем я обязан вам, тех чудных и поучительных вечеров, которые я имел честь проводить в вашем обществе...

Старческий голос при этих словах смягчился немного. Послышался глубокий вздох.

— Эх!, — произнес он, — все-то это, батюшка, было кипение крови, порывы молодости. Благоразумие, лета смиряют это и ставят нас на настоящую, благоразумную и умеренную точку зрения.

— Положим, что лета, — возразил я, — потушили у нас с вами юношеский пыл, но как же вы хотите остановить этот пыл в молодых людях? Что бы сказали вы, ваше превосходительство, если бы кто-нибудь вздумал останавливать ваши порывы в молодости? Как бы вы отозвались тогда об такого рода людях?.. Слово «отсталой» в устах молодых людей приводит вас в трепет; при этом роковом слове губы ваши бледнеют, точно так же, как бледнели губы у тех убежденных опытом практических мудрецов, которых вы некогда, да еще с презрительной иронией, клеймили этим словом...

Старческий голос ничего не отвечал мне на это, и мне показалось, как будто кто-то удаляется от меня на цыпочках.

Вслед затем я почувствовал страшный шум в ушах, какие-то лица замелькали перед моими глазами, толкая, перебивая и стараясь перекричать друг друга. Крики эти, сначала неясные, постепенно усиливались; сначала слышны были слова: журналистика, литература, искусство для искусства, истина в искусстве, истина в науке, истина в жизни, прогресс, цивилизация, современные вопросы, критика чисто эстетическая и философская. Потом уже можно было различать целые фразы: «Мы проводники исторического направления в литературе». «Мы презираем всякое скороспелое решение трудных общественных вопросов»... «Мы будем изучать коренные народные свойства и смело прилагать к ним последние выводы науки, следить за развитием русской жизни и науки»... ⁷⁸ «Мы люди самостоятельные, потому что наши теории пользуются сочувствием просвещеннейшего меньшинства»... ⁷⁹ «Мы останемся верны однажды принятому нами направлению»... ⁸⁰ *Мы, мы!!* — и все снова слилось в мычание и нестройный гул... Кричавшие и шумевшие господа развертывали различных форматов объявления и программы и помавали ими в воздухе.

Я догадался, что это объявление о журналах и газетах на 1861 год.

Из этой кричащей и помавающей печатными листами толпы резко отделились два господина: один из них возвещал с большою торжественностью, что с наступающего 1861 года критическим отделом русской литературы в «Отечественных записках» будут заведывать С. С. Дудышкин и *Андрей Александрович Краевский* ⁸¹.

Возвещение это было принято с криками: Bravo! Bravo! Bis! Bis!

Господин, возвещавший такую неожиданную новость, раскланялся и повторил еще громче — и Андрей Александрович Краевский...

Снова раздались рукоплескания и крики: «Bravo!»

— Но как же мы узнаем, — раздался голос, — критические статьи, принадлежащие перу Андрея Александровича?.. В стары годы думали, что все

критические статьи пишет сам Андрей Александрович... ⁸² Необходимы подписи под статьями. Нам приятно будет познакомиться с критическим дарованием г. Краевского, а без подписей это невозможно. Сколько подписчиков прибудет у г. Краевского, когда появятся на обертке статьи с его подписью... Любопытно, в высшей степени любопытно!!

— Подписи! Подписи! — раздалось со всех сторон.

Другой господин, выступивший из толпы, объявлял также с неменьшею торжественностью, что «Библиотека для чтения», при *хорошем расположении к ней многих литераторов*, не исключая и тех, которые *наиболее пользуются любовью публики*, будут с таким же успехом продолжать свое дело — и скромно заметил, что в конце 1860 года «Библиотека» *успела счастливо соединить повесть Тургенева, драму Островского и драму самого редактора: «Горькая судьбина», удостоенную Уваровской премии* ⁸³.

— Да кто же говорит это? — спросил я у какого-то человечка, вертевшегося передо мною.

— Боже мой, да сам же редактор — г. Писемский.

— Странно! — заметил я.

— Что ж тут странного? Почему же не отдать самому себе должную справедливость, заметил человечек...

Среди этой самолюбиво шумящей толпы прохаживались разные весьма оригинальные личности. Мне между прочими бросились особенно в глаза два джентльмена: один совершенно лысый и полный, с двойным лорнетом на носу, очень гордо поглядывавший на всех, в тончайшем белье и с дырявыми сапогами, все потиравший рукою у ложечки и жаловавшийся, что страдает *гастритом*. Мне сказали, что это один из героев «Нашего времени», по имени *Феопотала* ⁸⁴. Он подходил ко всем и всем объявлял, что он самого аристократического происхождения, а именно сын черта, и потому наследовал от своего почтенного батюшки все его добродетели — сомнение, ядовитую иронию, адскую насмешку и т. п., рассказывал о своих коротких связях со всеми замечательными современными дипломатами и решал судьбы Европы.

Другой джентльмен, человек весьма уже пожилых лет, но с необыкновенно приятной и добродушной физиономией, беспечно прохаживался, страстно закатывая глаза под лоб и распевая в экстазе любовные стихотворения. Он не обращал внимания ни на кого и не заботился о том, слушают его, или нет. Это был один из последних приверженцев *искусства для искусства*. Он пел, как поет соловей на ветке:

Мой ангел, не гляди так строго и сурово... и проч.

.....
 Расстались грустно мы. В окно кареты прямо
 Свет падал от луны, мы мчались по шоссе... и т. д.

Пылкий поэт становился на колени то перед воздушною блондинкою, то перед энергичею брюнеткою, то бросал обеих, кидался к восхитительной *шантретке* и восклицал:

Не правда ли, чужда душа твоя обмана?
 Но если... о солги!...

Седые волосы его развеивал ветер... Он, вздыхая, расхаживал с своею лирою и подглядывал под шляпки, не пропуская ни одной барыни, ни одной барышни... Он им дарил сладкие взгляды и страстные строфы... Он не видел ничего в мире, кроме природы и *женщины*... Природу и женщину, женщину и природу воспевал он, приводя в негодование г. Розенгейма, который все обличения, печатающиеся в «Московских» и других «Ведомостях» усиливался перелагать в стихи и отыскивал поэзию (вот чудак-то!) в надворных и уголовных судах...

«О, пламенный поэт! — думал я, глядя на вздыхающего поэта, задумавшегося над фиалкою и в то же время срывавшего розу, — тебе простится многое, потому что ты так много любил... Но послушайте! послушайте! Он уже не верит в любовь... это ужасно!.. На шестидесятой весне он доходит до горького разочарования и называет себя ребенком. Он поет, обращаясь — к кому бы вы думали?... к камелии: ⁸⁵

Дитя! не верю я любви,
Но благодарен *всей душою*
За ласки нежные твои,
За страстной поцалуй *порою*.
Твое роскошно так плечо,
Так кудри веют ароматом,
Ты так *сжигаешь душу взглядом!*
Зачем любовь?... и т. д.

Я не мог выдержать долее. Я выскочил из моего фельетонного уголка, где скрывался до сих пор никем не замечаемый, бросился к поэту и вскрикнул невольно:

— Милый поэт! Бога ради... Что вы делаете, и в ваши лета! Зачем вы клевете на вашу *бессмертную* душу (вы как поэт, вероятно, верите ее бессмертию) и заставляете ее унижаться перед какою-нибудь камелиею!.. Вы знаете, что мои благородные литературные собратья, так много занимавшиеся мною в последнее время, прозвали меня *певцом камелий* и пишут в честь мою стихи...⁸⁶ Я могу вас уверить как специалист по этой части, что Камелии не понимают *душевной* благодарности и что их никто никогда не благодарит *душою*!..

Я хотел сказать еще что-то, но меня сурово оттолкнул «Московский вестник» и принял пламенного поэта, с *ропотом любви*, в свои объятия ⁸⁷.

Толчок был так силен, что я чуть было не сшиб с ног какого-то меланхолического господина с благородным, гордым и умным челом, прохаживавшегося в отдалении от всех с знаменитым бельгийским политико-экономом г. де-Молинари ⁸⁸.

— Меня оставили почти все мои сотрудники, — говорил меланхолический господин, — почти все... и если бы не вы, мой благородный европейский друг... я не знал бы, что делать... О, самолюбие! ты перессорило меня со всеми моими сотрудниками-соотечественниками...

И я стою теперь — один,
Как голый пенек среди долин!

Он вздохнул и продекламировал с выражением:

Так поздним хладом окруженный,
Как бури слышен зимний свист...
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист...⁸⁹

— Но с вами и с вашей помощью я не трепещу за свое издание, — прибавил он через минуту и крепко сжал руку г. де-Молинари...

В эту минуту вдруг из одного угла раздались неистовые крики: «Измена! измена!»

Все всполошились.

— Что за измена? какая измена? кто изменил и кому? — раздалось отовсюду.

— «Современник» изменил своим принципам, — кричали «С.-Петербургские ведомости», — и отныне никто уже не будет верить «Современнику» и никто, к нашему удовольствию, не будет подписываться на этот журнал...

— Что же такое он сделал? В чем его преступление?

— Г. Григорович издал нелепейшие книжонки⁹⁰ для «Народного чтения», а «Современник» — это ужасно! невероятно! — хвастающий своей любовью к народу, промолчал об этих книжонках, и отчего бы вы думали! — оттого, что г. Григорович сотрудник этого журнала. Такого поступка еще не бывало в русской журналистике!! Измена! измена! Тот, кто после этого будет подписываться на «Современник», — должен быть предан позору!!

Когда шум поутих немного, я осмелился заметить, что г. Григорович и без того уже достаточно наказан журналами за свой опрометчивый поступок, что гласность была к нему беспощадна и почти целый год обличала его и что «Современник» промолчал о «Народном чтении», придерживаясь одной очень умной пословицы, которую приводить здесь бесполезно...

Слова мои подняли страшную бурю. Григорович был мгновенно забыт, и рецензенты, критики, фельетонисты с неописанным ожесточением кинулись на мои «Заметки о петербургской жизни», имевшие дерзость появиться отдельными книжками. Остроты, колкости, насмешки, намеки, несколько, впрочем, притупившиеся от частого употребления, посыпались на меня.

Господами этими предводительствовали «Отечественные записки», которые, ко всеобщему изумлению, вдруг изменив свой мрачный и строгий характер, обнаружили какую-то неестественную и яростную веселость. Они начали с того, что сорвали с меня маску псевдонима, стали подпрыгивать передо мною, кривляться, дразнить меня языком и восклицать:

«Ах, Иван Иванович! если бы вы знали, что вы сделали! вы напечатали свои повести и вместе с вами Новый Поэт напечатал свои «Очерки». Я вас знаю, как свои пять пальцев, Иван Иванович!.. Ах, что вы сделали!..»

Глядя на эти странные кривлянья и шуточки учнейшего журнала, я улыбался и думал:

«Ах, Андрей Александрыч, Андрей Александрыч! что с вами сделалось! Вы выходите из себя. Ну, идет ли такой балагурный тон к вашей глубоко-мысленной и строгой физиономии, к вашему ястребиному взгляду?.. Прилично ли вам, редактору ученого журнала, деятельному сотруднику «Академической газеты»⁹¹, главному директору «Энциклопедического лексикона»,

члену разных ученых обществ, акционеру всевозможных компаний, одному из видных петербургских домовладельцев, автору «Мыслей об России»⁹² и так далее, и так далее — прилично ли вам, старцу, умащенному сединами, так счастливо устроившему свою карьеру, даже более самого Ф. В. Булгарина, обеспечившему себя своими учеными и литературными трудами, — прилично ли вам, я повторяю, разгневаться до юмора на какие-то бедные фельетонные статейки, не претендующие ни на что, кроме обличения разных шарлатанов и спекулянтов, прикидывающихся либералами и подвизающихся на журнальных и иных поприщах?...

Но ученый редактор при моем скромном замечании разгневался еще более, оставил свой гневно шуточный тон и загудел, как набат:

— Вы родоначальник всех литературных гадостей и скандалов! вы первые подняли знамя шутовства своим «Литературным маскарадом»⁹³. Вы ни на что более не способны, как прославлять Шармера⁹⁴, позорить своих приятелей, описывать гнусных камелей... Скандал! скандал!

— Да! плодотворная мысль — писать стихи на смех принадлежит бесспорно Новому Поэту, — вскрикнула, подбоченясь и *икнув*, «Библиотека для чтения», следовавшая за «Отечественными записками», — от небольших этюдов, писанных на смех, Новый Поэт дошел до значительных книжек, изданных для потехи, просто сказать, дошел до геркулесовских столбов!.. Он сделался *значительно староватым* и дошел до последней крупницы своего остроумия. Это второй Булгарин!..

Известно, что обиднее этого сравнения уже ничего быть не может в литературе. Я вздрогнул от боли⁹⁵.

— Новый Поэт, — скромным и тоненьким голоском прибавил в свою очередь «Светоч», изредка появляющийся и похожий более на печально мерцающие старинные масляные фонари⁹⁶, — певец хлыщей и моншеров, поэт камелей и женщин из петербургского полусвета⁹⁷. О! в этом роде у него, конечно, нет соперников!! Он имел бы полное право дать своим очеркам название *Камелиад*...

И произнеся это, скромный «Светоч» замигал и, потухая, пустил легкую струйку копоти.

Признаюсь, что этот шум, возбужденный моим именем, это единодушное ожесточение и даже некоторая ярость, обнаруженная против меня руководителями разных журнальных органов, — подействовали не без приятности на мое самолюбие.

— *Trop d'honneur! Trop d'honneur, Messieurs*, * — повторял я про себя, — я никак не ожидал от вас такого внимания к себе... До сих пор я имел только одну претензию быть не хуже *ваших* фельетонистов (это, кажется, не велика претензия!), но вы, удостоивая меня вашей лестной ярости, вашего лестного гнева, придаете мне такое значение, о котором мне и во сне не снилось. Вы делаете меня *родоначальником* целой школы — правда, школы скандалов, но все-таки родоначальником!... Вы говорите, что я моими стихотворными пародиями развел целую фалангу смехотворцев-подражателей. Ничего подобного никогда не нашептывало мне даже мое самолюбие, а известно, что само-

* Много чести, много чести, милостливый государь (*франц.*). — *Ред.*

любие есть тончайший льстец. Вы ставите мне в вину, что я описывал хлыщей, моншеров, камелий и дам петербургского полусвета, но я писал и пишу фельетоны — не более как фельетоны!... нельзя же мне говорить в них о «Борисе Годунове»⁹⁸ или сообщать свои «Мысли об России» — это дело людей ученых, а я не берусь *не за свое дело*. Я никогда не заявлял претензию быть чем-нибудь кроме фельетониста... Я не приписывал себе никогда чужих ученых и литературных статей, не выдавал себя за критика, не пользовался чужою славой, не жил чужим трудом,⁹⁹ не хвалил самого себя в своих объявлениях и в своих изданиях, не брался за редижирование Энциклопедий, не называл *кровожадными тихонями* своих литературных противников, не пользовался денежными поощрениями откупщиков — словом, не был причастен к тому, что всеми уже единогласно признается за *скандал*... Я не злоупотреблял гласностью... Разве скандал выставить, по мере своих способностей, на позор мелочность, пустоту, тщеславие, закоснелость и дурные поступки литераторов, журналистов, разных ученых и простых смертных?.. Разве кто-нибудь из порядочных людей упрекал вас, г. Краевский, в *скандале*, когда некогда вы или сотрудники вашего журнала выставляли на позор Булгарина?..¹⁰⁰ Но положим, что я родоначальник литературных скандалов, — как же вы благосклонно принимали мои скандальные статьи в вашем журнале? Вспомните, я в течение почти десяти лет имел честь быть *бескорыстным* сотрудником «Литературных прибавлений к Инвалиду» и «Отечественных записок» под вашей редакцией: имя *Нового Поэта* вышло из «Отечественных записок»...¹⁰¹ Отчего же вы поощряли некогда скандал, на который нападаете теперь с таким ожесточением?.. Как пояснить такое противоречие? Не принадлежит ли все это к тем *тайнам* петербургской журналистики, на которые намекает протокол общества пособия нуждающимся литераторам и ученым?..¹⁰²

При последних словах моих, вся окруженная ореолом света, появилась малютка-гласность, притопнула грозно ножкой и вскрикнула детским голоском, несколько косноязычным:

— Кто смеет говорить о *тайне*? Я ненавижу *тайну*... *Тайна* — дитя мрака. Она прикрывает всякую ложь и нечистые деяния — и вы, мои поклонники (она обратилась ко всем органам журналистики), не должны терпеть в среде вашей никаких тайн, если любите меня искренней, нелицемерной любовью... Смотрите, господа! Я разоблачу все ваши тайны, если только, как говорят, они водятся за вами....

— Позвольте, однако ж, гласность гласности — рознь, — сурово и отрывисто возразил ученый редактор, который обещает писать с 1861 г. критические статьи в своем журнале, — на меня пишут шутовские статьи и стишонки, так я должен терпеливо сносить их, во имя гласности? Провались она совсем, такая неприличная гласность!.. Это скандалы, пасквиль...

— Если затронуть вас, — произнес голос из толпы, — то это скандал, пасквиль, а если вы затрагиваете других *не с литературной стороны*, то это вы как называете?

— Я не пишу шутовских статей, я не свищу...

— Ведь только потому, мой милый, что вы не умеете свистать, — заметила гласность.

— Я,— продолжал ученый редактор злобно,— развиваю истину в науке, истину в искусстве и истину в жизни...

При этом он взглянул как-то особенно на редакцию «С.-Петербургских ведомостей», в которых принимает *деятельное участие*, и значительно мигнул ей левым глазом.

В то же мгновение из этой редакции выскочил какой-то маленький, дикий и растрепанный человечек, знакомый только доселе правлениям акционерных компаний и не имеющий ничего общего с литературой... Он дико сверкал глазенками, сжимал кулачки, на оконечностях рта его была пена... Он походил в карикатуре на Маиерони ¹⁰³, в 4 действии «Юдифи», изображающего пьяного «Олоферна»... Этот невероятный человечек тащил для чего-то за волосы бедного «Алеко» Пушкина и кричал во все горло и так пронзительно, что все должны были заткнуть уши...

— Эй, вы! *перестаньте бить и драться, литераторы!!..*

А сам между тем, с удивительною наглостью, замахивался на всех московских и петербургских литераторов, попадавшихся ему на глаза.

Все, и литераторы и люди посторонние, с удивлением и улыбкой посматривали на этого человечка и остраивались от него. Один только ученый редактор, обещающий в 1861 г. свои критические статьи, приятно потирал свои руки и бормотал про себя: «Молодец! молодец!»

Человечек с особенною яростию бросился на меня и, размахивая своим кулачком перед моим носом, кричал:

— Ты наглая бездарность! ты *невероятная* бездарность! Ты *колоссальная* бездарность,—бездарнее тебя еще ничего в мире не было! Ты породил множество бездарных и наглых личностей...

И человечек начал перечислять их имена, которые я не повторяю здесь... Я только думал, смотря на буйствующего человечка: боже мой! какое удивительное значение имел бы я в русской литературе, если бы я мог порождать такого рода людей!

— Слышал ли ты,— повторял мне человечек, задыхаясь,— я говорю тебе, что ты *чудовищная* бездарность и вся ваша редакция...

— Славно! славно! — повторял ученый редактор, обещающий в 1861 г. лично заняться критикой, и начал было рукоплескать своему клевету, но взрыв единодушного хохота заглушил это рукоплескание...

— Что это за явление? Объясните, пожалуйста! — кричали и литераторы и публика, обращаясь к будущему критику, выпустившему на сцену забавного буяна...

— Что же? — грубо возразил ученый редактор,— ничего... Он говорит дело... Он вступает за *истину в науке*, за *истину в искусстве*, за *истину в жизни* — против шутов и крикунов...

Но при этом раздался хохот еще сильнее и громче...

Вся картина осветилась разноцветными бенгальскими огнями. Ученый редактор и *будущий* критик, поддерживая яростного человечка, своего нового сотрудника, карабкался вместе с ним на какие-то подмости... Там на высоте, освещенные этими огнями, они приняли живописную позу, обняв друг друга.

Снова раздался хохот и рукоплескания публики, которые, вероятно, были приняты ими за одобрение, потому что они начали раскланиваться.

Огни, однако, потухали, распространяя чад и смрад. Раздался «Свисток» — и такой резкий и пронзительный, что ученый редактор и его клевет вздрогнули и, взглянув друг на друга, произнесли со скрежетом:

— А он все еще свищет, да еще как? — этот проклятый «Свисток»!..

Чад, дым и копоть от бенгальских огней закрыли от меня все видения. Я начал задыхаться, чихать, кашлять и едва открыл глаза.

В комнате моей дымился потухший карсель.

Я вскочил, как сумасшедший, с дивана, открыл форточку и несколько минут с наслаждением вдыхал в себя холодный воздух, с приятностию ощущая на разгоревшихся щеках освежающие снежинки.

На улице была страшная метель. Снег, сметаемый с крыш, смешивался с снежным вихрем, поднимавшимся с дороги, и крутился вихрями.

Часы пробили час.

Я записал все виденное мною и когда пробежал мою рукопись, то воскликнул невольно:

— В «Свисток» ее! в «Свисток», на который теперь обращено в особенности внимание всех наших ученых, публицистов, журналистов, беллетристов, и т. д.

Я знаю. Времени безжалостный поток
Уничтожает все и жертв повсюду ищет,
Лишь посмеивается над ним один «Свисток»
И с прежней силою он в новом годе свищет,—

с которым (то есть с Новым годом) имею честь поздравить гг. Краевского и других моих критиков и собратов по журналистике... *Mieux tard que jamais!* *

III

ОДА

НА ВЫСЕЛЕНИЕ ТАТАР ИЗ КРЫМА **

Меж тем как в Сирии чудовищные друзья
Свиристуют над горстью христиан,
Меж тем как из-за них волнуются французы
И ничего не делает султан,
Меж тем как Англия оспаривает право
Посылки войск французских на
восток,¹⁰⁴

И разливается, как огненная лава,
Неистовства безумного поток,
Иное зрелище, отрадное для взора,
Я нахожу в отечестве моем.

Не очень далеко от славного Босфора
Есть уголок, не меньше славный в нем.
То — Крым! Пять лет назад он пламенем
военным
Объят был весь¹⁰⁵ — за благо христиан.
Там наша кровь лилась, там в бой
с врагом надменным
Стремилась мы, как грозный ураган.
Но кончилась война, и с братскою любовью
Спешили мы врагов своих простить,
И на земле святой, политой нашей кровью,
Поклонникам Пророка дали жить!

* Лучше поздно, чем никогда (*франц.*). — *Ред.*

** Это стихотворение писано три месяца тому назад. — *Авт.*

«Я-де сено привез
Да и отдал весь воз
За размен трехрублевой бумажки!

Лишь бы соли достать,
А то стал я хворать
И цынга появилась у Глашки»,—

Так за эту бы речь
Мужичонку посечь
Да с такой бы еще прибауткой:

«Было что разменять,
А ты смел рассуждать,
Важный барин, с своею Глашуткой!»

Ну и дело с концом...
Больше, меньше рублем —
Велика ли потеря на лаже? ¹⁰⁹

А для тех, у кого
Вовсе нет ничего,
Так совсем нечувствительно даже...

у — — кий сторожил.

V

ОТВЕТ НА ВОПРОС,

или

ОСВИСТАННЫЙ ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ
ДРУГИМИ ЖУРНАЛАМИ
«СОВРЕМЕННОМУ»

Давно припадала нам охота освистать «Современник», да все как-то совестились мы — все, знаете ли, неловко как-то: ведь под одною оберткою с ним являемся мы, хотя ничего общего, кроме обертки, не имеем, да и не желаем иметь. Усердие посвистать «Современнику» было у многих других, и усердие их нас пленяло, но пробы эти не удавались никому — выходило вместо веселого свиста беззубое, бранчивое шипенье, которого конфузились сами же наши неловкие соперники. Наконец-таки откликнулся хороший, умный, достойный отголосок — и кто же бы, думали вы, просвистал «Современнику» так, что любо было нам слушать звонкий, молодецкий мотив?

Кто отгадает? В награду дается «Кредит» г. Безобразова ¹¹⁰.

— Фельетонист «Петербургских ведомостей»? ¹¹¹

— Полноте, что вы. Он умеет только сам себя же хлопать так, что жаль бедняка становится. Кто отгадает? В награду дается «Машка Гамильтон» г. Семевского ¹¹².

— Знаменитый наш остроумец Н. Ф. Павлов?

— Что вы, что вы, прилично ли упоминать на страницах «Свистка» о вотяцком остроумии! ¹¹³ Кто отгадает! В награду дается «Альберт» гр. Л. Н. Толстого ¹¹⁴ с придачею «Клеопатры» в переводе г. Фета —

Что другие все награды
Пред сокровищем таким?

*(Жуковский)**

* Цитата ошибочная: г. Геннади поместил эти стихи в пьесе Пушкина: ¹¹⁵

«Роняет лес багряный свой убор...»

Но по точнейшим исследованиям оказывается, что хотя они и действительно написаны на листке, лежавшем подле черновой рукописи этого стихотворения, однако же принадлежат известному гр. Хвостову ¹¹⁶, листок из бумаг которого случайно остался

— Значит, уж некому быть, кроме Бай-Бороды? ¹¹⁹

Полноте, никто не мог дочесть до конца писем Бай-Бороды против гг. Коселева и Черкасского, а статейка, о которой мы говорим, так мила, так остра, так язвительна, что каждый назовет ее украшением нынешнего «Свистка». Где вам отгадать ее автора, — мы говорим о статье почтенного редактора «Чтений в обществе истории и древностей российских», да его, О. М. Бодянского ¹²⁰.

— О. М. Бодянского !!?? О. М. Бодянский острит? Он, автор «Глаголицы» и исследования о годе изобретения кирилловской азбуки? ¹²¹

— Да, он, и превосходно острит, и мы не удивимся: потому что г. Бодянский не только гражданин в серьезном смысле, не только ученый славянин, не только редактор «Чтений», напечатавший в них столько драгоценных исторических материалов, которых не успел бы напечатать никто другой, — нет, О. М. Бодянский также остряк, когда хочет быть остряком.

на столе Пушкина. Неизвестно, на чем основывался автор статейки «Свистка», приписавший их Жуковскому, но самая возможность такой ошибки обнаруживает, что редакция «Свистка» не изучала исследований г. Буслаева ¹¹⁷, положительно доказавшего, что тут скрывается драгоценный след эпического воззрения: слово награда (= скандинавскому *gardarík*, как обозначается Русь в сагах) происходит от слов городить город; а из этого ясно, что предки наши представляли себе награду в виде Валгаллы (огороженная зала, *wall* стена и *halle* зала) скандинавов. Валгаллу, место награды павшим в битве героям, воображение скандинавов населило валкириями, вечно юными девами (невольно вспоминается при этом греческий миф о Гебе, данной Юпитером в награду Геркулесу). Итак, очевидно, что под «сокровищем», о котором говорит гр. Хвостов, надобно понимать валкирия или сербскую вилу, и эпический смысл двустихия:

Что другие все награды
Пред сокровищем таким, —

открывается следующий: «моя вила или валкирия так прекрасна, что затмевает собою всех ваших валкирий». Если же так, то ясно, что стихи эти взяты графом Хвостовым из эпической народной песни, изображавшей ратоборство славянского Перуна с скандинавским злым божеством Фенриром, имевшим вид громадной собаки. Перед боем, по эпическому порядку, противники хвалятся один перед другим. Фенрир должно быть сказал Перуну: «Если ты убьешь меня, я буду жить в Валгалле с прекрасными валкириями, потому не страшусь смерти». Перун же на это отвечает ему: «А я еще меньше боюсь смерти, потому что наша славянская вила, с которою буду жить я по смерти, прекраснее всех ваших валкирий». Так восстанавливается наш утраченный народный эпос по этим двум стихам. Битва Тора (соответствовавшего нашему Перуну) с Фенриром составляет эпизод в Муспилли, великой битве Асов с Локе и его сестрою Гелою. Вот доказательство, что у языческих славян кончина мира представлялась следствием битвы светлых богов с черными враждебными свету силами ночи и ада (вспомним Белбога, параллельного Бальдуру). Г. Афанасьев в своих зооморфических божествах ¹¹⁸ справедливо замечает, что обычное у славян сечение детей розгами служило некогда символом смерти Бальдура, поражаемого веткою омелы (смысл обычая утрачен, но самый обычай свято хранится). Мы представили здесь только краткое извлечение из прекрасного изыскания г. Буслаева, у которого читатель найдет все необходимые подробности. Вот какие драгоценные черты народного эпоса и языческого мирозерцания открывает ученое исследование в двустихии, по-видимому ничтожном:

Что другие все награды
Пред сокровищем таким?

Безвестный, но полезный труженик науки.

Но погодите, начнем по порядку. В декабрьской книжке «Современника» за прошлый год напечатан был разбор последних трех книжек «Чтений». Тут замечалось между прочим, что статьи о современных делах в «Чтениях» не так хороши, как материалы по старинному времени. Мы вперед знали, что почтенный редактор «Чтений» не оставит этого без реплики, — не было еще примера, чтобы он спускал когда кому, если кто скажет что не по нем, —

Не родилась та рука заколдованная
Ни в дворянском роду, ни в купеческом ¹²²,

по которой бы не стукнул О. М. Бодянский своим славянским кулачком, если она чуть до него дотронется. И точно, он не замедлил пристукнуть дерзкую рецензию — и, что всего лучше, пристукнул с отличным присвистом.

Сначала он немножко сердится; но бог с ним, мы-то на него уж не рассердимся за это. А вот послушайте, что следует за первыми несколько суровыми звуками, — это уже свист, чистейший благозвучнейший свист:

«Современник» замечает, что «современная история вообще как-то плохо удастся «Чтениям». Но, во-первых: «мы ходим *древними* путями и совратились бы с них и вступили бы на пути новые и стропотные, если бы приняли таковы притязания», кто-то когда-то сказал кому-то в положении, нашему подобном. Современным мы занимаемся лишь по отношению к древнему: это вытекает из того состояния, в котором не одним нам суждено вращаться. Во-вторых: кому же современность удастся у нас? У кого бы, кажись, более всего искать современной истории, как не у «Современника», и, однако же, где же она у него? Не его ли и всех современных и несовременных русских журналов и газет составляет она то тайное вождение и постоянное вздыхание сердца, к которому стремились, стремимся и не перестанем стремиться, дондеже постигнем? Зачем же то колоть другим глаза отсутствием того, чего не больше и у вас самих? Ведь это просто сбивается на русскую пословицу: «Кума, а кума! Сойди с ума, купи вина!»

О. Бодянский

Января 2-го, 1861 г.
Москва.

Правда, правда, прямодушный Осип Максимович! О, да как же ловко освистали вы — не «Современник» один, а все наши журналы, все, все! Правда, да ведь свист и бывает тем хорош, что правду свищет.

Мы посетуем на вас за одно, Осип Максимович: зачем вы не прислали эту молодецкую реплику для напечатания прямо в «Современник», затронувший вас? Он с удовольствием напечатал бы ее.

Эх, только тем и отведешь душу, что иной раз кольнешь глаза другому отсутствием того, чего и у самого почти столько же! Пиши о варягах, о г. Погодине, о Маколее и г. Лаврове с Шопенгауэром, о Молинали и письмах Кэри к президенту Соединенных Штатов ¹²³. И сиди за этою белибердою, ровно никому не нужною, кроме как разве для нагнания сна, — и сиди за нею, да еще — чего доброго — услышишь потом о себе от добрых людей «какую интересную статью написал г. NN о г. Лаврове, как он мастерски высказал все, что хотел, и как много чрезвычайно важного, полезного, живого вы-

сказал!» Да, Осип Максимович, вы поверите: тяжело писать эту дребедень, унижительно, отвратительно писать ее, а еще тяжелее, унижительнее слушать, что ее хвалят, что тебя многие уважают за нее. Это довольство бесцветною, бесполезною отвлеченностью, эти похвалы ей показывают, что не найдешь ты опоры, чтобы подняться из своего унижительного положения, что еще не нужен писатель никому ни для чего, кроме как для пустяков. Грустно, Осип Максимович, быть писателем человеку, который не хотел бы прожить на свете бесполезным для общества говоруном о пустяках.

Будьте же здоровы, Осип Максимович, и честь вам за то, что вы, начав досадою и кончив правдивою, едкою шуткою, подали «Свистку» случай, начав шуткою, кончить нешуточным — в первый и в последний раз — свистом, а визгом стесненной груди ¹²⁴.

VI

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ

или

РАЗДРАЖЕННЫЙ БИБЛИОГРАФ

(Эпизод из поэмы-автобиографии Саввы Намордникова)

...О, светские забавы! ¹²⁵
Пришлось вам поклониться,
Литературной славы
Решился я добиться.

Недолго думал думу,
Достал два автографа
И вышел не без шума
На путь библиографа.

Шекспировских творений
Составил полный список,
Без важных упущений
И без больших описок.

Всего-то две ошибки
Открыли журналисты,
Как их умы ни гибки,
Как перья ни речисты:

Какую-то Заиру
Позднейшего поэта ¹²⁶
Я приписал Шекспиру,
Да пропустил Гамлета ¹²⁷.

Ну, что ж? большая важность!
Эх! русские журналы!
Невежество, продажность,
А метят в либералы!

Посыпались нападки.
Я пробовал сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало!

Тогда я хватъ брошюру ¹²⁸ —
И тут остался с носом:
На всю литературу
Сочли ее доносом!

И тут пошла потеха!
«Ты варвар, ты китаец,
Друг мрака, враг успеха!»
Так, пса увидя, заяц

Засуется, метнется
К тому, к другому краю
И разом попадется
Во всю собачью стаю!

Дней сто не прекращали
Журнальной этой бани,
И даже тех ругали,
Кто мало сынал брани!

Такой ужасной травли
Невидано лет двести.
А ведь за что? Не прав ли,
Не прав ли я, по чести?

Что я сказал? «Мальчишки»¹²⁹,
Не годные мне в слуги!
Какие их чинишки?
Какие их заслуги?

Дудышкин, Чернышевский,
Какой-то Бов¹³⁰, Громека!
Один Андрей Краевский
Похож на человека!

Как посмотреть построже
Да привести все в ясность,
Так тут, помилуй боже!
Отечеству опасность...

Все завистию дышут,
Кто к чину, кто к карману,
Не по призванью пишут,
А с голоду да с пьяну!

И смели целой ратью
Глумиться надо мною!
Ужель, по их понятию,
Я Гербея не стою?...»¹³¹

И вот за правду-матку
Терплю теперь гоненье!
Пускай бы взял я взятку,
Отжилил чье именье...

Да если б и канальство
Зашло в мои делишки —
Карай меня начальство,
А вы молчать, мальчишки!

А впрочем, я за гласность,
Я сам бывал в Париже,
Но там — какая разность!
Народ гораздо тише.

Притом язык французский
И брань облагородит:
Уклончив, мил... а русский
Как кнут по членам ходит.

К ругательствам способен —
Признала вся Европа:
Своеобразен, злобен!
Хорош он для холопа,

Но груб для нашей кожи;
Притом и формы узки,
Недаром все вельможи
Писали по-французски.

Де - Жеребцов, Мещерский,
Де - Кокорев...¹³² Но будет!
От этой брани дерзкой
Меня ведь не убудет!

Не оттого немеем,
Что защищаться нечем.
С Булгариным Фадеем
И с Николаем Гречем

Истории такие
Не так кончались прежде¹³³,
Но времена другие...
А впрочем, я в надежде!

Я повторяю тоже:
Лишь привести все в ясность,
Так тут, помилуй боже!
Отечеству опасность!..

Но лучший, без сомненья,
Ответ на укоризны —
Труд, полный изучения
И нужный для отчизны.

Могу себя прославить
И без журнальных стычек,
Решился я составить
«Словарь Собачьих Кличек»!

Сей труд монументальный
И деньги мне доставит,
И зависти нахальной
Шипение подавит.

Довольно будет ахов....
Я знаю, будут рады
Дудышкин и Галахов,
Гаевский¹³⁴ и Геннади!

Сам Лонгинов напишет
Статью¹³⁵ — он мне приятель.
Пускай весь мир услышит...
Пока прощай, читатель!

ЧИНОВНИК И КУРИЦА

(Новая басня К. Пруtkова)

Чиновник толстеный, не очень молодой,
По Невскому, с бумагами под мышкой,
Потел и пылся и мучимый одышкой,
Бежал рысцей.

На встречах он глядел заботливо и
странно,

Хотя не видел никого,
На службу он спешил, твердя себе: «Беги!
Из прежних опытов давно уже ты знаешь,
Как экзекутор наш с той и другой ноги
Старается в чулан упрятать сапоги,
Если хотя немножко опоздаешь!..»

Он все бежал, но вот —

Вдруг слышит голос из ворот:

— Чиновник, окажи мне дружбу:
Скажи, куда несешься ты? — «На службу!»

— Но из сего какой же выйдет плод?
— «Так надобно!» — Признайся напоследок:
Мечтал ли ты когда об участии наседок?
— «А что?» — Последуй-ка примеру
моему!.

Чиновник, курицу узревши эдак
Сидящую в лукошке, как в дому,

Ей отвечал: «Тебя увидя,
Завидовать тебе не стану я никак!
Несусь я — точно так!

Но двигаюсь вперед: а ты — несешься
сидя!..

Разумный человек, коль басню сию прочтет,
То, верно, и мораль из оной извлечет.

VIII

МЫСЛИ ЖУРНАЛИСТА ПРИ ЧТЕНИИ ПРОГРАММЫ ОБЕЩАЮЩЕЙ НЕ ЩАДИТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ АВТОРИТЕТОВ

Что ты задумал, несчастный?
Что ты дерзнул обещать?..
Помысел самый опасный —
Авторитеты карать! ¹³⁶

В доброе старое время,
Время эклог и баллад,
Пишущей братии племя
Было скромнее стократ.

С неостывающим жаром
С детства до старости лет
На альманачника даром
Пишет, бывало, поэт!

Скромнен, как майская роза
Он не гнался за грошом,
Самая лучшая проза
Тоже была нипочем.

Руки дыханием грея,
Труженик пел соловьем,

А журналист, богатея,
Строил — то дачу, то дом ¹³⁷.

Нынче — ужасное время —
Нет и в поэтах души!
Пишущей братии племя
Стало собирать барыши.

Всякий живет сибаритом...
Майков, Полонский и Фет —
Подступу к этим пиитам,
Что называется, нет!

Дорог ужасно Тургенев —
Публики первый герой —
Эта Елена, Берсенева,
Этот Инсаров... ой-ой!

Выгрузишь разом карманы
И поправляйся потом!
На Гончарова романы
Можно бы выстроить дом. ¹³⁸

Даже ученый, историк
Деньги лопатой гребет:
Корень учения горек,
Так подавай ему плод!

Русский обычай издревле:
«Брать, так уж брать» гово-
рит...
Вот Молинару дешевле, ¹³⁹
Но чересчур плодовит.

Мало что денег: почету
Требовать стали теперь;
Если поправишь работу,
Рассвирепеет, как зверь! ¹⁴⁰

«Я журналисту полезен —
Так зазнаваться не смей!»
Будь осторожен, любезен,
Льсти, унижайся, немей.

Я ли,— о боже мой, боже! —
Им угождать не устал?
А как повел себя строже,
Так совершенно пропал:

Гордость их так нестерпима,
Что ни строки не дают
И, как татары из Крыма,
Вон из журнала бегут. ¹⁴¹

* * *

СВИСТОК

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

8

I СВИСТОК, ВОСХВАЛЯЕМЫЙ СВОИМИ РЫЦАРЯМИ

(Подражание, как легко заметят читатели)

«Свисток» теперь наверху своей славы, в апогее своего величия; положение, какое он завоевал себе в ряду великих журналов, можно сравнить только разве с положением, завоеванным Италией в ряду великих держав. Правда, официально признан он до сих пор только «Русским словом» и «Временем»¹; но ведь и Итальянское королевство было признано сначала только тунисским беем и португальским королем... а потом и пошло — до того, что сама Франция признала его, хотя и не может никак вывести полки свои из Рима. Так будет и со «Свистком»: пройдут тяжкие времена литературных смут, рассеются туманы недоумений и сам «Русский вестник» признает «Свисток», хотя уже и не в состоянии будет никакими кислотами вывести из своего «Литературного обозрения» — ни статей г. Юркевича, ни рассуждений о том, что такое сви-стуны².

Но и непризнанный *de jure* *, «Свисток» уже признан своими собратьями *de facto* **: а это гораздо важнее. Нет теперь в необъятной России ни одного порядочного органа благородной мысли, ни одного проводника высоких убеждений, стремящегося к благотворным целям, ни одного глашатая правды и чести, который бы мысленно не обращался ежеминутно к «Свистку», печатно не говорил ежемесячно о «Свистке» и не старался походить на него, если не всецело, то хотя некоторыми частями своего существа. Нет ни одного сурового ученого, ни одного служителя чистой науки, у которого в ушах не раздавался бы беспрестанно «Свисток» (особенно если он живет недалеко от вокзала железной дороги).

И как быстро приобретен его успех! Вы помните начало «Свистка»: он родился в счастливую минуту — в ту самую, когда подымалась война за независимость Италии. Но, можно сказать не хвалясь, что как ни изумительны

* формально (лат.). — *Ред.*

** на деле (лат.). — *Ред.*

прогрессы Италии в ее деле, а «Свисток» превзошел ее. Вспомните, как он был встречен, какими препятствиями окружен, как был беспомощен в начале своей жизни! Он был, правда, принят под покровительство «Современника», но общественное положение этого журнала, надо признаться, чрезвычайно шатко: он не имеет и даже не может приобрести ни малейшего авторитета. Он бы и рад, он и усиливается, да не выходит ничего... Как, например, он убивался, чтобы пойти «честным путем изучения и разработки материалов»³, чтобы попасть в ученую колею... Нет, что ни начнет, а под конец никак не может! Непременно скандал выйдет... И даже без всякого с его стороны желания — а так уж, судьба его такая... Начал он, напр., 1860-й год специальной из специальностей, рассуждением о первых русских князьях; кажется, чего бы лучше? В «Отечественных записках» это было бы капитальнейшее произведение русской литературы; а в «Современнике» вышла свистопляска... Далее продолжал он свое поприще — напечатал статью о наследстве по закону — весьма ученое и титулованное сочинение; радовался было, что хоть тут солидность свою оградил, — в следующем году г. Лохвицкий внезапно доказал всем, что и тут была только свистопляска⁴. Пустил было «Современник», собственно для придания себе более ученого вида, статьи «Об антропологическом принципе философии»⁵. Уж одно заглавие, кажется, чего стоит! В «Отечественных записках», например, какая-нибудь статейка «Нечто об естественном сомнамбулизме и гипнотизме»⁶ — повергает читателей в прах пред ученостью редакции... В «Современнике» даже искусно подобранное заглавие не помогает: не далее, как летом в следующем году оказалось, что и в этих статьях «Современник» не только на путь науки не вступил, но еще невежество распространял в русской публике, что даже вовсе и несовременно, по мнению русских журналов... И ведь — что всего печальнее — истинные-то, так сказать, прирожденные свойства статей «Современника» раскрываются обыкновенно по прошествии долгого времени, через год, через полтора, так что журнал этот решительно не знает, чего ему ожидать на следующий год. «Русский вестник», например, поместив несколько статей о древне-вавилонской письменности и через два месяца не встретив на них возражений в журнале, издаваемом парижскою «академиею надписей», успокоивается и может обратиться ну хоть к печатанию «Майора» г. Кулиша⁷: и опять уверен, что уж разбора этой повести не появится через год. «Современник» не в таком положении, он должен ежемесячно содрогаться не только за свое настоящее, но и за прошедшее... Года три тому назад, например, одна из книжек «Современника» украшена была исследованием г. Пекарского о Кондратовиче⁸; по-видимому, исследование дельное, безупречное, за ним можно стоять, как за каменной горой... А кто знает — вдруг выходят новые книжки журналов, и в них восторженное известие, что в стерлитамакском уездном училище сделаны драгоценнейшие исследования, несомненно убеждающие, что в статье «Современника» о Кондратовиче ничего нет, кроме невежества и свистунства. И затем «драгоценнейшие исследования» будут перепечатаны во всех журналах, и автор их возведется в звание академика — все для вящего посрамления «Современника»...

С таким-то журналом должен был связать судьбу свою «Свисток» в начале своей земной жизни. Очевидно это было для него плохое прикрытие. Но

вообразите, даже и «Современник», при всем том, что был уж достаточно ославлен за свое легкомыслие, — и он подвергся на первое время жестоким упрекам за дружбу с «Свистком»: до того «Свисток» казался презренным, неприличным, недостойным высокого призвания отечественной журналистики. До «Свистка» «Современник» еще кое-как терпели, при появлении «Свистка» немедленно крикнули, сначала из Москвы:

Вы приличья презираете,
Вы родились с медным лбом:
В русской публике гуляете
Вы под ручку со «Свистком»;
В дни прогресса несказанного,
В дни возвышенных надежд,

Звуком свиста балаганного
Потешаете невежд!
Заблуждения прощаются,
Но из меры вышли вы:
Вас с презреньем отрицаются
Все ученые Москвы.

Петербург, конечно, не отстал от Москвы, только он выразил свое негодование в тонкой и изящной эпиграмме:

У Гоголя квартальный Свистунов⁹
Всем любит фонарей наставить под глазами,
А современная ватага свистунов
Мнит просвещения фонарь задуть свистками.

Может быть, мы и не совсем точно приводим эпиграмму, но что-то в таком роде несомненно существовало насчет «Свистка».

Мы бы не кончили, если бы захотели перебирать все отчаянные возгласы журналистов относительно неприличия журналу иметь балаганный отдел. «Revue des deux Mondes» не имеет балаганного отдела — справедливо утверждали просвещенные журналисты, «Westminster Review» не имеет балаганного отдела, продолжали они, доказывая свое знание европейских литератур; что сказали бы в Германии, если бы «Vierteljahrliche Schrift» вздумало завести у себя балаганный отдел, — настаивали они еще, показывая, что и по-немецки знают; какое бы впечатление выразилось в Испании, если бы «La Erosa» завела у себя балаганный отдел, — приставали они снова, давая заметить, что они — лингвисты; в какое бы состояние пришла возрождающаяся Италия, если бы «Rivista Contemporanea» позволила себе завести балаганный отдел, — не утомимо выкрикивали они, утверждая читателя в мысли, что, кроме знания языков, им не чужды и политические соображения...¹⁰

«Современник», великодушный, многотерпеливый «Современник»! Сколько вынес он нареканий, какому подвергался позору из-за «Свистка»! Он усиливался попасть в круг людей порядочных, печатал дельные статьи¹¹ гг. Безобразова, Пекарского, Пейзена, Пыпина, Кавелина, Костомарова, печатал отрывки из романа г. Гончарова, а его все-таки звали свистуном... Всеобщее презрение, возбужденное свистком, было так велико, что в обеих столицах нашлись Катоны, которые решились высказать свое негодование на него по всякому случаю — по поводу ли картины Иванова или обществ трезвости, смерти Маколеев¹² или освобождения крестьян...

Так шло два года, «Свисток» пришел в уныние и перестал являться, чтобы не компрометировать «Современника»; «Современник» обратился к Китаю¹³ и в каждой книжке уделял несколько десятков страниц на изображение китайской жизни, которая прежде являлась в нем только в литературных

снах Нового поэта на Новый год... По-видимому, враги торжествовали, пользуясь чувствительностью «Свистка», который решился на самопожертвование из жалости к страдавшему за него «Современнику».

Но на деле готовилось «Свистку» полное торжество и, главное, решительное оправдание пред великодушным покровителем. Теперь он смело может смотреть в глаза «Современнику» и даже ожидать от него благодарности, а не укоров. Произошло вот что.

В 1861 году водворился новый «Век» в русской литературе ¹⁴. О наступлении его возведено было задолго до нового года; появление его было приветствовано громким рукоплесканиями. Все стремились к этому журналу, в котором обещалось верное и нелицеприятное служение науке и полное уважение к высоким принципам современной цивилизации. Все журналы почтительно обратили свои взоры на нового собрата, в редакции которого участвовали такие лица, как К. Д. Кавелин, А. В. Дружинин, В. П. Безобразов и П. И. Вейнберг. После выхода первого номера написано было даже восторженное стихотворение, неизвестно почему не появлявшееся в печати:

НОВЫЙ ВЕК

Зреет все, что было зелено,
Правде зиждется престол:
«Век» Дружинина, Кавелина,
Безобразова пришел.

«Век» Пожарского и Минина,
Дружбу князя с мясником,
«Век» Кавелина, Дружинина
Возвратил нам целиком.

В «Веке» Вейнберга, Кавелина
Будет всюду тишь да гладь,

Ибо в нем для счастья велено
Всем законы изучать.

«Век» счастливый Безобразова
Бедняка обогатит,
Зрячим сделает безглазого
И банкроту даст кредит...

Будет зрело все, что зелено,
И свершится человек...

«Век» Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова Век!..

Почему *Чернокнижникова Век*? Не клевета ли это? Как же журнал, посвящающий себя служению общественной мысли, может допустить до себя мысль о Чернокнижникове?»

Вот то-то и есть, что не мысль, а самого Чернокнижникова, так хорошо рассказывавшего о масляничных балаганах, допустил к себе «Век». В первом номере его напечатано было письмо Чернокнижникова, обещавшее ряд их, — и всей Европе, через посредство корреспондента «Nord'a» возведено: «le brillant feuilletoniste» будет постоянно украшать «Век» своим остроумием. Европа не выразила своего изумления, надо полагать, собственно, потому, что не знала, какого сорта *блеском* отличаются фельетоны Чернокнижникова. Но мы думали: зачем же так поруган «Современник» за дружество со «Свистком»? Отчего же «Веку» позволено заниматься чернокнижием, а «Современнику» нет ¹⁵.

Но вообразите себе наше удивление при получении первых номеров всех этих журналов! В конце 1860 года «Современник» не выдержал и опять-таки пустил к себе «Свисток»; в первой книжке следующего года тоже готов был «Свисток». Это, конечно, при великодушии и гуманности «Современни-

ка» относительно меньшей братии, и не было особенно удивительно. В других же журналах мы ожидали по-прежнему жесточайших укоров, высказанных с благородным негодованием и с указанием на «Revue des deux Mondes». И вместе того — что же? — во всех, во всех журналах заведен свисток!.. Во всех журналах балаганный отдел! Смотрим, читаем, сомневаемся, так ли это?.. Да ни малейшего сомнения: все журналы, не исключая и тех, которые наиболее стараются походить на «Revue des deux Mondes»¹⁶, признали необходимым открыть балаганные отделы, отделы со свистом и пляскою!..

В «Отечественных записках» сверх обычного отдела «Современной хроники» оказались «Записки Праздношатающегося»¹⁷. «Отечественные записки!» Помните ли вы, что в «Revue des deux Mondes» нет «Записок Праздношатающегося» и что балаганные отделы в журналах недостойны литературы, сколько-нибудь уважающей себя?

В «Русском слове», вместо солидной хроники общественной жизни, явились «Заметки темного человека»¹⁸. «Русское слово»! Что, если бы «Заметки темного человека» явились в Геттингене? Какое впечатление произвели бы они на тамошнюю публику?

«Библиотека для чтения» пустилась печатать «Воззрения, чувства и наблюдения статского советника Салатушки»¹⁹, под видом постоянного фельетона. «Библиотека для чтения»! Можно ли унижать себя до смехотворных воззрений статского советника Салатушки, когда вокруг раздается столько симпатических голосов людей, честно служащих высокому делу гражданского преуспеяния, и когда в самом вертограде нашей словесности распускаются цветки, достойные заботливого и искусного ухода? Вспомни, «Библиотека», что кто решается осмеивать, кто с балаганным индифферентизмом отзывается об искусстве, о Рашели и Ристори²⁰, тот не имеет сердца. Неужели ты не имеешь сердца?²¹

«Время», журнал новый, долженствовавший быть если не робким, то по крайней мере осмотрительным, — и «Время» не побоялось дебютировать *фельетоном*: «Записками ненужного человека».²² О Время! о нравы!²³ воскликнули мы от глубины души... Но всего больше поразил нас «Русский вестник»: от него уж мы никак не ожидали, чтобы он завел у себя балаганный отдел, которого нет в «Revue des deux Mondes» А завел! и еще как завел: предварительно возвестил об этом, а потом и открыл «Литературное обозрение и заметки», в которых стал даже остроумные заглавия приискивать: «Старые боги и новые боги», «Наш язык, и что такое свистуны», «Одного поля ягоды»...²⁴ А помните, как, бывало, даже самые ядовитые статьи свои, как, например, против князя Черкасского²⁵ и пр., он пускал под величаво-скромным заглавием: «Заметка». Где те времена?.. О, «Русский вестник», «Русский вестник»! Куда увлекло тебя подражание? И кому же? «Современнику» — «Свистку»!.. Не было ли пред тобою образца в почтенных, истинно достойных подражания «Revue des deux Mondes», «Westminster Review» и т. п.? Имеют ли балаганные отделы эти почтенные журналы, некогда поставлявшие в пример «Современнику»? Занимаются ли они журнальными сплетнями, пишут ли ежемесячно длинные статьи о свисте? Нет, «Русский вестник», если они и займутся свистом, то разве в ученой статье: «О свисте в техниче-ско-му-

зыкальном отношении», то есть в такой статье, которая не уронит их ученого достоинства.

О «Атеней!» Зачем ты рано умер? А то и ты мог бы теперь завести у себя балаганный отдел, который, может быть, спас бы тебя от смерти.

Всеобщее сознание, заявленное всеми журналами, в необходимости «Свистка» ободрило нас и мы немедленно хотели выписать его из-за границы, обещая ему, что житье нашему брату в России теперь гораздо лучше заграничного: свищи, сколько душе угодно, — отголоски встретишь повсюду. Но «Свистком» на тот раз овладело разочарование и он не поверил возможности превращения, о котором мы ему писали... Мы принуждены были остаться в наблюдательном положении и долго оставались в этом положении. Наклонность к свисту всех журналов, даже и солиднейших между ними, самая непритворная и искренняя, с каждым днем обнаруживалась все более и более. Балаганные отделы становились все обширнее и обширнее, свист с каждым днем делался все резче и пронзительнее. Наконец по поводу появления летом прошедшего года «Полемиических красот» в «Современнике» некоторые журналы, забыв и ученые цели, которым постоянно служат, и многолетние ученые привычки, обратили положительно все свои отделы в балаганные ²⁶. Вообще же свист сделался столь пронзительным и резким, что стал похож на визжание, раздавался непрерывно, неумолчно во всех журналах, газетах, газетках, так что в нескончаемости его в отечественной литературе не могло оставаться более никакого сомнения. Тогда мы немедленно телеграфировали «Свистку» за границу, чтобы он, не тревожась более никакими сомнениями, поспешил приездом в отечество. Осенью прошедшего года «Свисток» прибыл в Россию ²⁷, все еще полный недоверия в общее сочувствие к нему отечественной литературы. Но едва он успел пересмотреть несколько книжек летних журналов, как ясно понял не только неосновательность своих сомнений, но и то, как много потерял он во время долгого пребывания своего за границей... Оказалось, что вечно ясное небо Италии, благодатная южная природа, античные памятники классической древности подействовали самым вредным образом на способности к свисту... Свист потерял резкость, пронзительность, жесткость — обычные свойства свои на севере, сделался мягким, певучим, нежным... одним словом, совершенно негодным для действия в литературе отечественной. «Свисток» сильно этим обеспокоился и употребил все силы, чтобы снова *ожесточить* свой свист, сделать его солидарным свистам российским. Отказавшись от всех удовольствий северной столицы, запершись в кабинете, «Свисток» свистел себе уединенно, стараясь подражать лучшим образцам современного свиста. Статьи «Старые боги и новые боги», «Наш язык и что такое свистуны», «Одного поля ягоды» не сходили у него со стола... Наконец после нескольких месяцев упорного труда свист начал видимо укрепляться. В нем слышались родные звуки... Но от совершенства он все еще был далеко... А между тем приходило время, когда «Свисток» волей-неволей должен был выступить на общественную арену... Наступало тысячелетие России... Времени оставалось немного... «Свисток» снова заперся в своем кабинете и стал работать с утроенной силою... Наконец наступила и давно ожидаемая всеми великая эпоха в жизни нашего отечества... А «Свисток» все оставался еще не вполне доволен сделанными им успехами...

Долго думал «Свисток», отозваться ли ему — т. е. свистнуть ли по поводу совершившегося тысячелетия России или благоразумно промолчать, точно так, как благоразумно промолчали в свое время и «Санктпетербургские ведомости» и «Северная пчела» о несостоятельности главного общества железных дорог ²⁸. Оказалось, однако ж, что «Свистку» молчать было вовсе невозможно. Все газеты, журналы, ученые, даже Николай Иванович Костомаров, даже календарь ²⁹ — заговорили о тысячелетии России. Мог ли «Свисток» ничего не свистнуть о таком великом событии? — Но не одно самолюбие заставило «Свисток» вновь выступить на общественную арену, а, можно сказать, сердечное сочувствие к великой эпохе... Празднуя тысячелетие России, «Свисток» праздновал некоторым образом свое собственное тысячелетие. Нет ведь ни одной прочной славы, которая бы явилась и утвердилась в мире, не быв предварительно никем освистана. Не освищи славяне варягов, они никогда бы не поняли их достоинства и мудрости и никогда не призвали бы их *«володеть»* собою. «Свисток» твердо убежден и не может не гордиться, что даже такое могущественное государство, как Русское, своим существованием обязано некоторым образом его несомненному содействию. Только нерасположением к «Свистку» или недальновидностью наших ученых и журналистов может быть объяснено то обстоятельство, что никто из них не упомянул доселе о такой важной заслуге «Свистка».

Скромное сознание этой заслуги было, между прочим, причиною, что «Свисток» и после того, как решился выступить перед публикой, долго колебался: каким свистом выразить ему свои задушевные думы о тысячелетии России? Держаться ли ему стиля *серьезно-возвышенного*, каким пишет обыкновенно г. Громека и о полиции, и о неисполнении положений торопецким мировым съездом, и о шарамыжной какой-то воскресной школе, существовавшей в Иркутске назад тому полтора века, — или *бурно-догматического*, которым разят врагов своих «Литературные заметки» и «Элегии» «Русского вестника», ³⁰ или, наконец, *нежно-исторического* и *обличительно-сочувственного*, каким говорит обыкновенно публицист «Северной пчелы» о явлениях жизни общественной, в особенности же государственной? «Свисток» сам, по мягкой природе своей, был бы более склонен к свисту в последнем роде. Даже после поездки за границу, после основательного изучения античных памятников классической древности, после долгого наслаждения вечными красотами южной природы, после короткого знакомства с европейской цивилизацией он находил бы такой только свист и единственно приличным в нашем благоустроенном обществе. «Свисток» не решался, однако ж, начать свиста первый; он боялся, чтобы нежным и мягким свистом не унизить важности события и торжества и тем не поставить себя в неприятное положение впоследствии отсвистываться от нападений патриотов; с другой стороны, и свистеть возвышенно было также не безопасно. Начни «Свисток» свист в таком роде, недоброжелатели «Свистка» сейчас бы заговорили, что он поднял свист возвышенный потому только, что сам участвовал в основании государства и хочет воспеть свои собственные заслуги. Такая точно история, как то не безызвестно читателю, случилась назад тому несколько лет с г. Громекою. В бытность свою редактором «Листка» Общества пароходства и торговли он на одном торжественном обеде стилем возвышенным описал многочисленные за-

слуги «Листка», не имея при этом, само собою разумеется, вовсе мысли о себе и о своих подвигах, а его заподозрили в самовосхвалении... «Свисток» выжидал, каким стилем заговорят о тысячелетии России авторитеты. Недавно после одного литературного вечера, на котором Н. И. Костомаров читал о тысячелетии России, стали носиться слухи, что Николай Иванович Костомаров написал свое тысячелетие в стиле яро-возвышенном, что он, можно сказать, гремел о прошедшей славе и подвигах нашего любезного отечества или, выражаясь малороссийски-поэтически,

Как Піюл стогнав и клетотав.

Хотя слава Николая Ивановича Костомарова покоится на незыблемых основаниях, а по норманскому вопросу, как помнят, конечно, читатели, отсвистана даже «Свистком» против нападков недоброжелателей (что может быть прочнее такой славы?); хотя славы этой не могли пошатнуть даже новейшие многочисленные сочинения Н. И. Костомарова о ломке университетов³¹, как ни были они ерундовидны, — однако ж «Свисток», всегда осторожный, не решался по одним слухам идти даже по стопам и такого авторитета, как Н. И. Костомаров. «Свисток» неосновательно полагал, что если Н. И. Костомаров действительно говорил о тысячелетии России и говорил в стиле яростном, то явится тысяча статей о тысячелетии России, и каждая из них будет стараться превзойти своих соперниц яростию неукротимою. Таково было всегда влияние славы авторитета на возбуждение вдохновения, мысли, силы, деятельности в наших любезных соотечественниках. «Свисток» действительно не ошибся. Взглянув недавно в один № «Санктпетербургских ведомостей», он встретил статью под оригинальным заглавием: 862—1862 и прочел такое вступление:

«Тысяча лет России, тысяча лет России! Ударил колокол. Это не погребальный звон умирающему государству; это набат возрождения славянских племен к новой жизни, канун которой отпразднован был 19 февраля!

Руки ваши, братья!»

По прочтении этих строк «Свисток» вдруг почувствовал себя как-то особенно легко, приятно; с души свалилось точно бремя какое, все сомнения исчезли, явилась внутренняя, ничем не укротимая потребность свистнуть... и свистнулось само собою, невольно... сначала стихами, потом прозой, потом и пошло, и пошло, и пошло...

Характер свиста для тысячелетия России определился сам собою..

«СВИСТОК» AD SE IPSUM*

Свободный, как птица, несвязанный сроком
Журнальной подписки и выхода книжек,
Являюсь я редко, всегда ненароком,
Но яркими буквами след свой я выжиг
В сердцах благородных российских сограждан.

Мой свист облегчал их сердечные раны;
Как влага в пустыне, я был ими жаждан,
Когда их томили сухие туманы;
Во мне лишь нашли они ключ разуменья,
Когда возникала российская гласность
И головы мудрых повергла в сомненье,—
И розгу, и взятку не ждет ли опасность;

* Заглавие заимствовано у Горация³²; означает: «Свисток» к самому себе.

Я был утешеньем, я был им опорой,
 Когда население России смущенной
 Пугал наш прогресс изумительно-скорый,
 Внезапно открытый в Москве умиленной.
 Вопрос о евреях, вопрос о норманнах,
 Великий вопрос об экзамене строгом,
 Шестнадцать гусей неповинно пожранных³³
 И опыт пощенья по волжским дорогам,
 Короче — на все, что родным публицистам
 Тревожило сердце и ум волновало,—
 На все отзывался я радостным свистом
 И всех утешал я... Но этого мало:
 В Европе свершалась великая драма,
 И к ней обратил я родное вниманье,
 Австрийской поэзией Якова Хама
 Сograждан моих просветив пониманье.
 Неаполю дал я благие уроки,

На все отозвался — ни слабо, ни резко —
 И, всюду собирая прекрасные соки,
 Воспев Гарибальди, воспел и Франческо!..³⁴

И ныне явлюсь я к читателю снова;
 Хочу наградить я его за терпенье,
 Хочу я принести ему свежее слово,
 Насколько возможно в моем положении...
 А впрочем, читатель ко мне благосклонен
 И в сердце моем он прекрасно читает:
 Он знает, к какому я роду наклонен
 И лучше ученых мой свист понимает.
 Он знает: плясать бы заставил я дубы,
 Совсем изменил бы их нравы и доли,
 Когда б на морозе не трескались губы
 И свист мой порою не стоил мне боли...

II

862—1862,

или

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ РОССИИ

Сочинение «Свистка», юного российского поэта, философа, историка и вообще сочинителя, получившего окончательное образование за границей, будущего академика и члена разных ученых российских обществ и учреждений и будущего разных орденов кавалера.

Протекло ровно тысяча лет от 862 до 1862. Если варяги призваны славянами на княжение действительно в 862 году, что, впрочем, еще окончательно не доказано и едва ли когда-нибудь может быть доказано, то нельзя не согласиться, что Российское государство прожило полную тысячу лет. В жизни такого колоссального государства, как Русское, развивавшегося так самобытно, так оригинально, по временам даже так странно; государства, населенного народом великим, предназначенным неисповедимыми судьбами Провидения пронести свет цивилизации на Восток, как это несомненно доказано нашими философами, публицистами, поэтами и историками, слить Восток с Западом, обновить, наконец, одряхлевший уже совершенно Запад³⁵ — тысяча лет не безделица, а эпоха, и эпоха поистине великая! Если бы мы не знали, что действительно прожили тысячу лет, то по тому одному, что совершается ежедневно перед нашими глазами, мы не могли бы усомниться, что мы прожили никак не менее тысячи лет. Куда бы мы ни обратили взор наш, везде, мы видим, происходит нечто великое, такое, что только и может происходить в государстве благоустроенном, цивилизованном, прожившем по крайней мере десятки веков. Постройка главным обществом железных дорог огромной, в

4000 верст, сети железных дорог, охватывающей почти всю Россию, сети, в которую попало столько добродушных акционеров, повсеместное распространение воскресных школ и необыкновенное их преуспеяние, беспощадная гласность, разящая без лицепрятия всех — и великих и малых мира сего, под образами X, Y, Z и других алгебраических знаков, растворение пива *кукельваном* ³⁶, изобретение в Москве нового серебра ³⁷, появление «Дня» ³⁸, открытие г. Камбеком особого отдела для ерунды ³⁹, борьба «Основы» с «Сионом», «Домашней беседы» с «Духом христианина» и «Православным обозрением» ⁴⁰ и проч. и проч. — все это такие чудесные явления, которые в веке варварства были бы названы наваждением дьявольским или несомненными знаменами скорого пришествия антихриста; мы же с гордостью можем указать на них как на несомненные свидетельства наших неимоверных успехов на пути прогресса и цивилизации и на залого нашего будущего развития. А сколько в последние 5—6 лет поднято и поднимается доныне каждодневно разного рода вопросов? И все они рассматриваются с таким напряженным вниманием, с такою осмотрительностью, что можно положительно сказать, что ни один еще из них не рассмотрен и не решен окончательно. Попробуем перечислить более общие и более известные из них.

1) *Вперед нам идти или назад?* Вопрос этот давно уже рассматривался. При первоначальном рассмотрении его все единогласно порешили было: *идти вперед*, и в таком виде дело по этому вопросу было зачислено конечным и сдано в архив. Говорят, на последнем литературном чтении Н. И. Костомаров снова поднял этот вопрос. Он, т. е. Н. И. Костомаров, находит, что мы слишком уже пошли, и что не худо поворотить назад. Справедливы ли эти слухи? С нетерпением ожидаем появления в свет вышеупомянутого нами сочинения Н. И. Костомарова: «Тысячелетие России», которое должно рассеять наши недоумения. Если Н. И. Костомаров действительно сказал, что попятиться назад нам не худо, то и мы тех мыслей, что, пожалуй, не попятиться ли? В самом деле, недалеко ли мы уже очень угнали?

2) *Что значит идти вперед и что значит идти назад?* — Вопрос также очень давний, но далеко еще не решенный. Как узнать: кто идет вперед? Г. Аскоченский говорит, что он один идет вперед, называя всех других передовых развратителями, еретиками, чуть ли даже не безбожниками. «Русский вестник» говорит, что, напротив, он только идет вперед, называя всех других мальчишками, пустозвонами, свистунами и т. д. «День» говорит, что, не облачившись в сибирки, или зипун, не надевши смазных сапогов, нельзя и подумать идти вперед, что вообще для того, чтоб идти вперед, надобно сначала поворотить ко временам Ивана Грозного, а оттуда уже с божиею помощью и отправляться в дальнейший путь. «Светоч» идет вперед также особняком. ⁴¹ Он полагает, что вперед невозможно идти, не помирив ффрака с зипуном, шляпки с повойником, Запад с Востоком, что над этой задачей он и работает теперь денно-нощно, чтобы потом начать торжественное шествие вперед. «Свисток» идет вперед — и говорить нечего — также совершенным особняком. Обозревая силы и характер разного рода российских передовых, он думает, что в наше время идти вперед — значит неумоимо обсвистывать всех передовых, чтобы они не завели любезного отечества в непроходимые дебри, из которых впоследствии не в пример труднее будет выдираться, чем из

дебрей норманских, устроенных М. П. Погодиным и другими почтенными исследователями русской истории в давнопрошедшее время.

3. *С палкой и розгой идти вперед или без палки и розги?* По этому вопросу, также очень давнему, образовалась целая литература, а к окончательным выводам все-таки никаким не пришли. De facto все того мнения, что без палки и розги вперед идти невозможно, ибо, дескать, такой уж русский человек от природы, что без этих инструментов с ним ничего не поделаешь. De jure мнения относительно употребления розги распадаются на три разряда: партия радикалов, состоящая почти исключительно из свистунов, говорит, что розга никогда, нигде и в никаких случаях, не должна быть употребляема; партия умеренных соглашается, что употребление розги антигуманно, унижительно, вредно, но все-таки, дескать, предосудительного нет ничего, когда попечительный начальник или педагог, по истощении всех средств вразумления и наставления, по усмотрении очевидной пользы от действия розги, иногда и употребит ее с благоразумием, с осмотрительностию, пылая отеческою любовью к наказуемому. Вот, дескать, мальчишки рассудок имеют очень слабый, и действовать на них чрез него можно очень мало; память у них также очень слаба — и на нее расчет плох: забывают все. Так для возбуждения в них внимания и впечатлительности их посечь иногда не только не худо, но и весьма полезно. Есть, наконец, еще третья партия примиряющая — радикалов и умеренных. Партия эта тех мыслей, что в деле воспитания можно обойтись без употребления розги, принятого ныне как антигуманного, но можно, дескать, ввести другой способ ее употребления, который гуманным началам противоречить нисколько не будет, а именно: виновных розгой не бить, а подводить к ней и давать ее нюхать. Самый запах ее, как вещества наркотического, должен иметь полезное для духа действие. Мнение это явилось в первый раз в каком-то воронежском училище ⁴²; как сильно распространено оно в настоящее время — неизвестно. Мы удивляемся: отчего не пристанет к нему партия умеренных. Кажется, тут прогресс самый постепенный, осторожный, благоразумный, скачков никаких...

4) *Как идти вперед — с букварем или без букваря?* И по этому вопросу составила также целая литература, а окончательного мнения также не выработалось. Одна партия говорит, что дело не в том, чтобы просветить народ, а в том, чтобы сделать его добродетельным, богобоязливым, в отеческих преданиях твердым. А одна грамотность не только к этому не служит, а еще развращает и портит людей. Крестьянские, дескать, мальчишки, обучающиеся в школах, зачастую выходят пьяницами, людьми негодными и проч., и проч. Другая партия возражает на это, что пьяниц, негодяев и т. д. из неграмотных выходило бесконечно больше, что нет, дескать, никаких причин, чтобы грамота образовывала пьяниц, негодяев и т. д., что потому грамоте следует учить всех. «Свисток», впрочем, питает надежду, что вопрос о букварях будет скоро решен окончательно. Антибукварники восставали доселе против грамотности потому главным образом, что у нас нет назидательных книг для простого народа, что народ должен читать книги, написанные свистунами или людьми, которые еще и свистунов хуже. Теперь эти недостатки в назидательных книгах, как известно, не существуют более. В. И. Асоченский издал целую охалку назидательных книг для народа. Общество для распро-

странения полезных для народа книг сделало несколько изданий ⁴³, еще назидательнейших, чем В. И. Аскоченский. Теперь есть верное средство, чтобы обучившийся грамоте народ не спивался с кругу, но мошенничал и т. п.

5) *Всем ли идти вперед, или только имеющим штаб и обер-офицерские чины?* Вопрос этот в литературе обыкновенно обходится или рассматривается стороною. Прямо поставить его оказывается не совсем как-то удобно. Если идти вперед, то уж, конечно, надобно идти вперед всем, и так называемым меньшим братьям. Даже и у таких людей, которые отличаются особенно незастенчивостию в литературе, подобно некоему Элиасару, не достанет смелости сказать печатно, что мужиков надобно держать в невежестве или что не нужно заботиться о том, чтобы вывести их из того жалкого состояния, в каком они находятся. Потому вопрос о том: всем ли идти вперед? — затрагивается, как мы сказали уже, обыкновенно косвенно. Начинает какой-нибудь господин говорить сторонкой о том, что, дескать, у нас дворянство исстари составляет единственный образованный класс ⁴⁴, что от него только и можно надеяться всего хорошего в будущем. Когда господину начинают возражать на это: позвольте, позвольте! что вы говорите? у нас совсем не так... то он преспокойно на это отвечает: «Эх, господа! вы ведь не так меня поняли: я под дворянством разумею всех образованных людей». Каков господин! Другой господин заведет речь такого рода: «Образовать всех в государстве вполне дело совершенно невозможное. Ибо иначе, дескать, и хлеба некому будет сеять, и мы умрем все с голоду. (*Ей-богу так!*) Образовывать же *вполовину* не стоит; потому, дескать, что полуобразование, развивая новые потребности в человеке, которых он не знал бы в том незавидном невежественном быте, в котором был, делает его недовольным этим бытом, заставляет искать лучшего и таким образом порождает массы людей вредных для государства. Ergo*, заключает господин, должен быть только один привилегированный класс, для которого должно быть доступно образование» ⁴⁵. Вы думаете: мы все это выдумываем? — Ничего не бывало. Нам только не хочется конфузить господина, высказывавшего такие позорные для всякого сколько-нибудь образованного человека мысли, а то мы могли бы сделать выписку из его сочинений, гласящую почти слово в слово то самое, что сказали мы. Третий господин начинает речь в таком тоне: «Оно, действительно, нужно всех образовывать... Да не рано ли? Все ведь хорошо делать исподволь, постепенно, чтобы дело развивалось, так сказать, само из себя, органически...» ⁴⁶ (Видите ли: даже философский взгляд является на дело?) Поэтому, не лучше ли, дескать, развитие народа предоставить времени, истории?...» Одним словом, как скоро дело касается развития народного, то тут выходит нечто весьма смешное... С каждым из нас, иногда даже бессознательно, повторяется история, вроде следующей:

Я говорю: теперь свободен ⁴⁷
Народ — от счастья недалек...
О как прекрасен, благороден
Наш умный, русский мужичок!

О, я готов с ним цаловаться,
Обнять, любить; ведь это долг!
Но чтоб на деле с *хамом* знаться,
Избави бог! Избави бог!

* следовательно (*лат.*). — *Ред.*

6) *Если и вперед идти, то брать ли с собою в путь гласность, или не брать?* Вопрос о гласности, кажется, давно уже был решен, и решен был быстро, решительно, единогласно, как не решался ни один из прогрессивных вопросов. Помните ли вы, читатель, с каким шумным восторгом, торжественными овациями и самыми бурными аплодисментами приветствовали все гласность, когда она явилась у нас? — Одни статьи М-г *de*-Кокорева о пользе гласности⁴⁸, о том, что она истребит у нас, как персидский порошок истребляет насекомых, все возможные злоупотребления в каких-нибудь два, три года, вообще в самое короткое время, — одни, говорим, эти статьи, со включением сюда, разумеется, и написанных М-г *de*-Кокоревым на французском диалекте, могли бы составить хороших два-три тома. Тогда один только «Свисток» усомнился в пользе и даже возможности российской гласности и, будучи еще юным, неопытным в жизни, не только высказал откровенно свое мнение, но и стишки написал по поводу общего увлечения. Может быть вы не помните этих стишков, мы припомним их; теперь это будет кстати. Вот они:

Солнце в тучах непроглядных⁴⁹
Грустно лик свой прячет;
У ворот двора сквозного
Бедный Ванька плачет.

Целый день он по столице
С юнкером катался;
Пять рублей ему дать юнкер
За день обещался.

Но чрез двор сквозной под вечер
Он от Ваньки скрылся;
Ванька с клячей понапрасну
Целый день трудился.

Успокойся, бедный Ванька:
Есть тебе защита,
Как тебя обидел юнкер —
Будет всем открыто.

От обид и от обманов
Уж прошла опасность!
Ныне время не такое:
Процветает гласность!

Завтра ж я во всех газетах
Публикую ясно:
«Ездил с юнкером извозчик
Целый день напрасно.

Дать хотел он пять целковых —
Не дал ни копейки.
И предам его позору
Я в моей статейке.

Но, не внемля утешеньям,
Глупый Ванька плачет...
Солнце гневно лик прекрасный
В черных тучах прячет.

Сколько тогда злословия, брани перенес «Свисток» за эти невинные стихи? Его обвиняли в невежестве, в узком эгоизме, в кошунстве над всем святым и возвышенным; сомневались — есть ли в нем святое чувство любви к отечеству, подозревали даже «Свисток» в измене отечеству, в сношениях с недружелюбными державами. За вольнодумство «Свистка» о гласности даже «Современник» подвергся страшной опале. За то, что он позволил «Свистку» (слышите: *позволил!* Как будто «Современник» имеет какую-нибудь власть над «Свистком») так презрительно отозваться о гласности, его обвиняли в шарлатанстве, в шутовстве... «Отечественные записки» и одинаково с ними мыслящие «Санктпетербургские ведомости» объявили торжественно, что после такого гнусного мнения «Свистка» о гласности «Современник» потеряет всякое уважение в глазах благонамеренных людей. Но как ни горячились, а с гласностью действительно вышло то, что предсказал «Свисток». Курс ее в России пал ниже, чем курсы всех возможных кредитных бумаг. В журналах стали открыто говорить против гласности. Недавно мы встретили в «Сыне отечества» целую статью о «гласности», где доказывается, что гласность...

просто у нас вредна, неприлична и ничем извинена быть не может. Мы упоминаем об этой статье не потому, чтобы думали, что мнение «Сына отечества» о гласности разделяется всеми... Но ведь теперь никто, однако, и не возражает против этой статьи. А напиши — не говорим то, что написано в статье, а сотую долю того, — какой-нибудь господин два-три года назад, его истерзали, заклевали бы, места не нашлось бы ему не только в литературе, в целой России. Что были тогда стишки «Свистка» в сравнении с этой статьею? Просто шутка, шалость! А чего он за нее не вытерпел? Посмотрите, полюбуйте, что печатается о гласности теперь.

Да не удивляется читатель, что «Свисток» рекомендует ему эту статью, по видимому мало занимательную. «Свисток», всеми ненавидимый, презираемый, гонимый, не признаваемый даже в праве существовать в литературе, в праве, в котором не отказывают даже «Сухим туманам», даже ерунде г. Камбека, не мог не встретить с распростертыми объятиями статьи оправдательной для него, статьи, написанной в защиту его понятий. Хвала и честь автору, который, вопреки общему предубеждению к «Свистку», протянул ему свою братскую руку! Хотя «Свисток» и убежден, что г. Ципринус, подписавшийся под статьей, должен быть непременно откупщик⁵⁰, ибо кто же решится при нашем строгом общественном мнении говорить против гласности, кроме «Свистка», который по легкомыслию и неопытности в жизни никого знать не хочет, и откупщиков, которые находятся в полном распоряжении российской гласности, истерзаны ею до последней возможности и готовы, бог весть, чего не дать, только бы привести эту гнусную гласность в пределы рекомендуемой г. Ципринусом законности; но для «Свистка» ведь это все равно — откупщик ли г. Ципринус, целовальник ли, чиновник ли, — все-таки он держит руку «Свистка». Не в том сила — сильна ли эта рука или бессильна, — а в том, что она, рука эта, осмелилась протянуться против гласности, осмелилась протянуться в виду всей публики, — и не нашлось никого, кто бы остановил эту руку! Значит, гласность российская окончательно пала; значит, общественное мнение вовсе не в ее пользу, когда даже какой-нибудь Ципринус может публично говорить против нее такие вещи, каких назад тому два года не позволили бы сказать даже и легкомысленному «Свистку». Значит, «Свисток» был прав, когда говорил, что гласность в ходу у нас не будет.

Правда «Свистка» подтверждается теперь со всех сторон. Не только публика охладела к гласности — публике это еще извинительно, она может прожить и без гласности печатной, — даже журналисты, литераторы, которые жили гласностью сами, украшали ею свои издания, сделались равнодушны, притупели к гласности. Кто из читателей не помнит, как усердно почтовое ведомство, попечительное об удобствах российского сообщения, вызывало литераторов, журналистов, экспертов и вообще людей знающих к обсуждению *путем печатной гласности* разных частей почтового управления? ⁵¹ Что ж вы думаете? Ни из экспертов, ни вообще из людей знающих, ни даже из литераторов и журналистов не отозвался на этот вызов никто. Так по крайней мере заявил в 284 № «Санктпетербургских ведомостей» об этом некто г. Элиасар, подобно многим, почтовый чиновник, как можно заключать из того, что он сообщает такие сведения по почтовому ведомству, кото-

рые могут быть доступны только служащему в этом ведомстве, и потому что ему достоверно известно, что не только *путем гласности*, но и *путем официальным* почтовое ведомство не получило ни от кого соображений относительно почтовой части.

Известный нам ученый г. Ржевский, рассматривая статью чиновника Элиасара, приходит в недоумение: отчего бы это путем печатной гласности никто не захотел отозваться на любезный вызов почтового ведомства?

«Если, — говорит он, — слова г. Элиасара справедливы (т. е. вызов почтовым начальством всех желающих к обсуждению почтовых дел путем печатной гласности), а сомневаться в них мы не имеем никакого повода, то как согласить с ними то странное явление, что с ноября 1860 года в журналах как бы вовсе прекратились все суждения о почтовом деле, даже простые заявления невысылки газет и журналов, особенно иностранных, и даже читателям «Московских ведомостей» осталось вовсе не известным, получил ли наконец г. Тарасенков обратно все свои деньги из газетной экспедиции московского почтамта за иностранные журналы, которые в продолжение многих лет ему не были высылаемы? Мы знаем, что редакторы периодических изданий любят отговариваться известными *причинами, от редакции не зависящими*; но в этом случае эта отговорка также не должна иметь силы, потому, во-первых, что почтовое ведомство, как видно из вышеприведенных слов г. Элиасара, само *вызывает печатную гласность*, а во-вторых, оно не имеет к тому и возможности, ибо и, как известно всем следящим за нашим законодательством, оно не пользуется правом специальной цензуры, высочайше дарованной некоторым ведомствам. Тут есть что-то странное и необъяснимое, как в словах того господина, который на французском диалекте упрекал русскую литературу в равнодушии к общественным вопросам ⁵² несколько лет тому назад в «Journal de St. Pétersbourg».

«Свисток» в этом замечании г. Ржевского удивляется двум вещам: 1) как он, г. Ржевский, занимаясь литературою, не знает, что все статьи, предназначенные для печати, как скоро они касаются каких-нибудь отдельных управлений, <после> предварительно<го> одобрения общею цензурою поступают на рассмотрение этих управлений? Так точно делается и с статьями, относящимися до почтового управления; 2) что г. Ржевский находит странного и необъяснимого в том, что никто не хочет заявлять путем печатной гласности своих соображений, относящихся до почтового управления? — Никто не хочет заявлять, очевидно, потому, что все россияне, не исключая литераторов и журналистов, охладели ко всякого рода гласности. Что удивительного, что они охладели и к гласности почтовой и остаются глухи и немы к любезным вызовам почтового начальства?

Есть у нас и еще не менее разительный пример охлаждения всей русской публики, в том числе и журналистов и литераторов, к гласному обсуждению разного рода общественных вопросов. Но прежде, чем передадим этот пример, мы считаем нужным объяснить нашим читателям, что в истории, которую они прочтут, не может быть ни на волос сомнения, потому что мы берем эту историю целиком из литературного обозрения последней XI книжки «Русского вестника». «Русский вестник» же, в особенности литературное обозрение в нем, не предадут тиснению лжи, клеветы, сплетни. Там все

истинно, достоверно, непогрешимо, чисто, добросовестно. *Зане* там пишут ведь не свистуны, не пустозвоны, *не шарлатаны, не плуты, не ловцы рыбы в мутной воде* ⁵³ (слова, набранные курсивом, новые наименования, придуманные и сообщенные в последней книжке «Русского вестника» для обозначения несолидарных с «Р. в.» писателей; каких именно — не обозначено точно, но уповательно, что свистунов), а мужи науки, украшенные и богатством прочных знаний, и в опыте жизни закаленные. Ну-с, так вот эта историйка, которую рассказывает «Русский вестник»:

«Один профессор, недавно вступивший на кафедру, напечатал свою первую лекцию ⁵⁴ и коснулся в ней, насколько это было возможно, некоторых современных явлений. Выказанные в ней замечания не пришлись по нраву толпе, которая в то время вовсе была неспособна подумать о чем-нибудь спокойно. Этим обстоятельством тотчас же воспользовались *ловцы рыбы в мутной воде*. Разные сплетни, одна другой нелепее, были пущены в ход. Не стоит исчислять их; но нельзя не упомянуть об одной, очень интересной. Вдруг во всех литературных кругах распространилось известие, что против вышеупомянутой лекции и вообще против всего, что будет написано ее автором, запрещено говорить, что автор поставлен в особого рода *привилегированное* положение, которое для честного писателя совершенно невыносимо. Мы краснеем за те лица, которые выдумали, изукрасили и пустили в ход эту нелепость, краснеем тем более, что *эти господа, сколько нам известно, принадлежат не к задним рядам каких-нибудь чиновников или писак, а к передовым. Они поступали совершенно сознательно*; они очень хорошо знали, что ничего подобного не было и быть не могло, а только воспользовались удобным случаем выдумать и пустить в ход сплетню. Точно так же себе на уме поступили они и тогда, когда нужно было свалить ответственность за одну меру, возбуждавшую ропот, на одно почтенное лицо, памятное московскому университету и несколько неповинное в этой мере. Особенно в Петербурге удаются эти сплетни, клеветы и интриги. Там вдруг разрастаются они до чудовищных размеров и охватывают все без малейшего сопротивления. Какая пассивная, бессильная, воспитанная сплетнями и интригами среда! Никто не хочет слышать объяснений: все бессмысленно повторяют одно и то же. Нет надобности до истинной правды: не возникает ни малейшая критическая попытка, все беспрекословно повторяют одну и ту же сплетню и бескорыстно обделывают аферу *ловких интриганов*».

Видите ли, читатель, до чего возросло охлаждение русской публики к гласности; впрочем, что мы говорим: охлаждение! — просто отвращение, можно сказать, *гласобоязнь*. Даже литераторы и журналисты, вместо того чтобы обличить и урезонить ненавистного им профессора печатно, позволенным образом, пускаются на подлость, сочиняют сплетни, клеветы, разносят их — одним словом, по справедливому выражению «Русского вестника», превращаются в ловцов рыбы в мутной воде! И все оттого, что им опротивела, стала ненавистна гласность!

Не прав ли был «Свисток», когда назад тому еще два года он, подобно древней Сивилле ⁵⁵, прорек, что гласности в России не бывать, т. е. не бывать в наше время: ибо «Свисток», как он ни прозорлив, не может же предсказать, что может случиться в течение вновь наступившего тысячелетия.

7) Если и идти вперед всем русским, т. е. не только штаб и обер-офицерам, но и простому народу, то брать ли с собою все бесчисленные национальности, входящие в состав русского народа, — национальности какие-нибудь ничтожные, ну, положим, хоть евреев? Вы помните, конечно, читатель, какой был гвалт в русской литературе назад тому года три, кажется, по поводу оскорбления прежним редактором «Иллюстрации», г. Зотовым, двух еврейских личностей? Как вооружались на него все даже за то одно, что он позволил себе называть евреев жидами? Протестовало против Зотова сначала несколько литераторов в «С. Петербургских ведомостях». Затем открыто было при «Русском вестнике» временное отделение для принятия во всякое время протестов от желающих протестовать против Зотова. В бюро, открытом при «Русском вестнике», протестовали все русские литераторы; в протесте явились даже такие имена, о которых до того времени никто не слыхал в русской литературе, например имена братьев Милеантов. Протеста не признал только г. Аскоченский, который на основании священного писания доказывал, что евреев так и следует называть жидами, — да еще «Свисток», который находил во всеобщем походе всей русской литературы против одного г. Зотова слишком много воинственного и глубоко сожалел о трате таких великих сил на такие незначительные дела... Но что ж значило мнение какого-нибудь Аскоченского и даже «Свистка» против сил всей русской литературы? По поводу дела г. Зотова с евреями решен был окончательно и единогласно, между прочим, и тот вопрос, чтоб евреев признавать равноправными с русскими и потому не называть их жидами как наименованием, употребляемым об евреях в смысле презрительном... И в силу этого решения, признанного всеми тогда, сохрани бог, если бы кто-нибудь вздумал назвать евреев жидами! Тогда даже и «Свисток» делать этого не осмеливался. Один только Аскоченский как мыслящий на основаниях особого рода и не считающий своих произведений принадлежащими к числу литературных произведений стал называть евреев со времени похода противу г. Зотова не иначе, как жидами, в пику, разумеется, всей литературе. Что же мы видим теперь? Вопрос о евреях, так единодушно, так торжественно, так окончательно решенный, поднят снова — и как поднят-то! «Основа» облеклась во всеоружие диалектики и доказала, что евреев жидами называть можно и должно, доказала до того твердо и основательно, что сам «Русский вестник» изрек, что «Освою» это «доказано». Мало того: даже еврейский орган «Сион» согласился, что еврею названием жида обижаться не следует, что это имя филологически образовалось правильно. Но «Основа» такую уступчивостию «Сиона» не удовольствовалась. Она стала доказывать, что и обидный смысл, который заключается в слове «жид», вполне заслужен был украинскими евреями прежде, да и ныне, дескать, еврейское племя, по своим отношениям к русским, заслуживает того же самого. Все это, как ни страшно, но для «Свистка» не было бы еще очень поразительно. «Основа» родилась недавно, в протесте против Зотова не участвовала. Да и что «Свистку» за дело, как думает о разных предметах «Основа»? Мало ли кто как о чем не думает? Не возражать же против всякого; а то пришлось бы, пожалуй, весь «Свисток» наполнить пустым словопрением с Аскоченским, «Днем», «Русским вестником», «Отечественными записками» и т. д. Для «Свистка» мнение самой «Основы» важно в на-

стоящем случае потому только, что оно показывает, что и вопрос о евреях, почитавшийся так единодушно и окончательно решенным, вовсе еще не решен. Вот что-то будет — не решится ли он с божьею помощью в наступающем тысячелетии? А главным образом важно то, что «Русский вестник», разбирая спор между «Основой» и «Сионом», признает, что евреев действительно должно называть жидами, не вооружается громами своего красноречия даже против того мнения, что с именем *жид* должен быть и в настоящее время соединяем обидный для евреев смысл. Он нападает на г. Кулиша, ратующего в «Основе» против евреев за то только, что он в борьбе с евреями прибегает к *сикофантству*. Ах! виноваты перед читателем. Мы и забыли сказать, что *сикофантство* новое милое словцо, которое придумал «Русский вестник»⁵⁶ не для одного Кулиша, а для всех петербургских литераторов, а может быть и для свистунов только, точно сказать не умеем, потому, что по вышеприведенной нами из «Русского вестника» выписке читатель усмотреть может, что «Русский вестник» неблагосклонен ко всей петербургской литературе, говорит, что сплетня и клевета гуляют здесь свободно во всех кружках литературных; надобно поэтому думать, что «Русский вестник» едва ли не всех петербургских литераторов признает свистунами. Само собою разумеется, что «Свисток» лично за себя не только этим не оскорбляется, а еще и чувствительно благодарит «Русский вестник», нежно насвистывая при этом:

Какое счастье! честь какая!⁵⁷

Ведь если все петербургские литераторы *свистуны*, то «Свисток» составляет собой некоторым образом эпоху в литературе! Но не в этом дело. Что же такое *сикофантство*? В Аттике, видите ли, был закон, которым воспрещалось вывозить для продажи из Аттики смоквы. Те, которые следили за нарушителями этого закона и доносили на них, назывались *сикофантами*; отсюда в презрительном смысле стали называть *сикофантом* всякого, кто посвящал себя милому занятию ради корысти или и бескорыстно, просто по влечению сердца, доносить на других, — был ли то донос справедливый или ложный. Для чего «Русский вестник» за словом, обозначающим такое ясное для нас дело и понятие, отправился в Грецию, мы решительно не знаем. *Лазутчик, шпион, доносчик, шепотник, клеветник, ябедник, фискал* — да что тут считать? Сколько у нас можно набрать слов для означения сикофантства. Для выражения каких-нибудь других понятий и предметов, где мы отстали далеко и от классического мира и от современной Европы, нам, конечно, бывает нужда обратиться за словом в современную Европу, а иногда в крайних случаях даже и в классическую древность. А уж для выражения такого понятия, как сикофантство — *permettez vous* * — нам не только незачем ходить в Европу и тем более в классическую древность, а пожалуй, мы бы и их наделили еще словами для выражения таких понятий, если бы они только имели нужду. Г. Щебальский недавно на основании исторических данных доказал, что русский народ любовью к доносам отличался еще до принятия европейской цивилизации, что у него как будто в сердце есть расположение к доносам⁵⁸. «Русский вестник», вытаскивая такое ужасное слово, как сикофантство, из

* вы уж позвольте (*франц.*). — *Ред.*

могил классической древности, очевидно хотел свою слишком пряную для петербургских литераторов речь смягчить аттической солью⁵⁹; но обвинение в сикофантстве такая ведь вещь, которой ничем не смягчишь...

Так вот как, читатель, переменяются времена! «Русский вестник», тот самый «Русский вестник», который назад тому три года уничтожил бы всякого дерзкого, осмелившегося назвать еврея жидом, который открывал временное бюро для протеста за евреев, теперь не только соглашается сам, что евреев можно и должно называть жидами, но не вооружается и против того, что с именем жида должен быть соединен обидный для евреев смысл!

Читатель видит, что из вопросов так называемых главных, коренных, не решен еще положительно ни один... Мы все еще раздумываем: как бы их решить-то половчее? В таком же неопределенном положении остаются и все вопросы, более частные, мелкие. Г. Розенгейм — поэт или нет? Н. В. Павлов — философ ли, или нет? Г. Лонгинов — библиограф только, или должно признать в нем публицистический и критический талант за знаменитые статьи его о князе Вяземском? ⁶⁰ Вероятно ли, чтобы г. Катков не признавал, что между «Русским вестником» до появления в нем «Старых богов и новых богов» и между «Русским вестником» после появления в нем «Старых богов и новых» нет ничего общего ⁶¹, что, говоря словами нового «Русского вестника», это вовсе не «одного поля ягоды»? Все эти и другие бесчисленные обыденные, на каждом шагу встречающиеся вопросы остаются без всякого решения. Когда они решатся, да и решатся ли когда-нибудь?

Из краткого перечня некоторых только вопросов, нами сделанного, видно уже, как много поставлено их в настоящее время. Богатство их умножается все более и более, возрастая день ото дня в количестве неимоверном. Это доказывает несомненно, что мы не спим, а движемся, и движемся не то что как белка в колесе, а все вперед и вперед; что наше движение есть движение поступательное, это несомненно также доказывается тем, что мы решаем вопросы не как-нибудь, не сломя голову, а зрело обсуживаем их целые годы; даже и те, которые решим, поворачиваем из архивов снова назад и снова начинаем обсуживать, одним словом, ведем дело так благоразумно, так осторожно, что с того времени, как мы получили возможность обсуждать разные вопросы путем *так называемой русской гласности*, мы не решили еще ни одного вопроса. Ясно, что богатство поднятых и каждодневно поднимаемых нами вопросов — богатство не пустое. Так, по крайней мере, убежден «Свисток».

Но ведь что значит убеждение «Свистка»? Как ни благонамеренно он думает обо всем, но убеждений его никто не ставит в грош. Многие готовы восстать против самой священнейшей истины — стоит им только услышать, что истину эту проповедует «Свисток». Найдется, конечно, немало людей, которые скажут, что богатство вопросов, как бы оно велико ни было, все-таки в существе дела не более, как минус, как богатство призрачное, в некотором роде пуф... Чтобы превратить поднятый вопрос в действительный капитал, надобно решить его... Да и этого еще мало: надобно решение перевести в жизнь...

«Свистку» приходится спуститься в глубь науки, чтобы убедить неверующих, что тысячелетие прожито нами не даром... И «Свисток» спустится. Хоть

наука и не его собственно профессия, но когда все ученые с таким усердием начали заниматься свистом, «Свистку» по необходимости приходится взяться за ученые работы.

Никогда и нигде наука не принималась так быстро и не расцветала так скоро, как у нас. Назад тому полтора ста лет мы еще не умели и читать, а уж имели академию ⁶². Ныне нет ни одной отрасли знания, по которой у нас не было бы своих ученых представителей с самостоятельной мыслию. Сии ученые стоят не только в уровень с таковыми же первоклассными учеными европейскими, но иногда нарочито их превосходят своими знаниями. Нет сомнения, что российская академия для того главным образом и печатает свои бюллетени на иностранных языках, чтобы поделиться с Европою открытиями российских ученых. Независимо от этого, многие из наших отечественных писателей обогатили иностранные литературы отдельными сочинениями. Г. де Кокорев сделал на французском языке множество таких экономических открытий, что привел в удивление даже Густава Молинари. Граф Соллогуб подарил французской сцене произведение, которое привело в восхищение парижских театралов ⁶³. Г. де Жеребцов, де Семенов ⁶⁴ и многие другие приобрели меньшую известность в других родах иностранной литературы. В последнее время мы нашли нужным вступить даже в конвенцию с некоторыми европейскими землями относительно прав литературной собственности ⁶⁵, чтобы наших умственных богатств не расхищала Европа. Все это несомненно доказывает процветание у нас самостоятельной мысли, к которой с жаждою прислушивается сама Европа.

И прислушиваться действительно есть к чему. Мы обозначим здесь кратко те результаты, которых достигли мы по разного рода наукам.

Корень, из которого все науки получают свои соки, есть без сомнения философия. Философия явилась в Россию очень рано, и явилась не сама, — что также очень замечательно, — а по нашему усерднейшему приглашению. Само собою разумеется, что мы приняли ее очень любезно, как желанную гостью, поместили в самом благословенном климате нашей отчизны — в Малороссии, на берегах поэтического Днепра, указали ей ее обязанности — и оставили в покое. Зато и философия отплатила нам самою деликатною любезностию с своей стороны. С самого своего прибытия в Россию до настоящего времени она не мешалась ни в нашу жизнь, ни в обычаи, ни в управление, ни в науку, была всегда, так сказать, сама по себе, а мы сами по себе. Сыны благословенной Малороссии, изучая самым усердным образом философию, все-таки не могли уразуметь — чем бы мог жид различаться от собаки, равно как и того, что, кроме искусства делать сало и хорошие наливки, для человеческого благоденствия на земле потребны и некоторые другие знания. С тем же характером полного безучастия ко всему философия перешла из Киева в Великороссию и распространилась по всей России ⁶⁶. И такова сила истинного знания, что в то время, как на Западе явились и бесследно исчезли десятки философских систем, наша русская философия остается неизменною и непоколебимою, какою была и при своем появлении. Тех же самых начал и воззрений, которых держались Григорий Саввич Сковорода и Иоанникий Голятовский, держался и Епифаний Словеницкий ⁶⁷, «а в философии и богословии изящный дидаскал» ⁶⁸ — держится и современный нам глав-

ный представитель киево-русской философии, г. Юркевич. Начало, из которого исходит эта философия, составляет следующее положение: *есть* не то только, что можно пощупать, но *есть* и то, чего пощупать нельзя, или лучше сказать: то именно несомненно только и *есть*, чего нельзя пощупать, а что можно пощупать, то *есть* только призрачно, мнимо, феноменально. В недавнее время несколько свистунов вооружились, к общему изумлению всех россиян, против истинности этого начала, утвержденного веками и признаваемого от всех священным, но были, как и надобно было ожидать, разбиты в пух и прах г. Юркевичем, при помощи «Русского вестника», изучившего греческую философию, как и всю классическую древность, по источникам. В одно почти время с свистунами П. Л. Лавров, вероятно, также не вполне довольный общепринятой в России философией, хотел возвести новое здание философии⁶⁹, употребляя для постройки его частью заграничный материал, частью мусор отечественный, но, непонятый современниками, бросил свою работу почти в самом начале. Обе попытки пошатнуть древнюю нашу философию исчезли без всякого вреда для нее, можно бы сказать, пожалуй, бесследно, если бы они не возбуждали в юных птенцах полета к самостоятельному мышлению. Юные птенцы начали свои философские созерцания с луны, и пока держались там, доставляли публике несказанное увеселение. Но, спустившись на землю, произвели общее смятение совершенно беспричинною в юных летах кровожадностью воззрений⁷⁰. Кончилось тем, что благоразумные люди махнули на философию рукой, порешив, что в России никакой другой философии, кроме киевской, не бывать.

Русская история, если считать отцом ее преподобного Нестора, началась многими веками ранее русской философии. Начиная от Нестора до Карамзина, и даже до незабвенного для «Свистка» историка М. П. Погодина и даже до г. Устрялова включительно, все русские историки проповедовали, что в русской земле от начала ее и до наших времен происходило все по неисповедимым судьбам, и хорошо происходило. За г. Устряловым явился г. Соловьев и стал доказывать, что в нашей истории происходило все вовсе не по неведомым для нас судьбам, а напротив, очень ясно, по *началу рода*, и происходило таким именно образом: сначала славяне жили родами, в которых родоначальники были вместе и старейшинами; затем роды распались, и явились общины с старейшинами избирательными; между общинами и внутри их возникли несогласия, раздоры, и славяне, для внесения наряда в свою жизнь, призвали трех варягов с их родами *володеть собою*. Княжеский род, развиваясь по началам формы туземной, также впоследствии распался; на развалинах его образовались княжеские вотчины, которые уничтожили туземные общины, отняв у них всякую власть; затем хитрейшие и сильнейшие из княжеских вотчинников, уничтожив слабейших, собрали всю русскую землю в одно место, и таким образом образовалось единоедержавие. Явившийся за г. Соловьевым г. Костомаров утверждает, что вся суть нашей истории состоит в следующем: были сначала самобытные, отдельные одна от другой славянские земли, которыми владело земство каждой земли и необходимое выражение его *вече*. Веча разных земель, не умея сами управляться с неурядищами земель, призвали для управления собою целый княжеский род, дав членам его право владеть отдельными землями каждому порознь,

но совокупно с вечем. В этом общем управлении князя и веча, при самобытности земель, и шла русская история, пока князья московские, прибрав к своим рукам земли, уничтожили вместе с тем и веча, и удельность князей. Каждое из этих трех мирозерцаний имеет множество сторонников и приверженцев. «Свисток», держась исторического мирозерцания гегелианского, полагает, что все, что было у нас, было непременно *разумно*, то есть вследствие известной неизбежной необходимости быть, иначе бы и быть не могло, — и как всякая истина выходит на *ясный день жизни* только из *борьбы противоположностей*, то нет никакого сомнения, что, имея столько различных исторических мирозерцаний, мы сделали в науках исторических большие успехи —

И к истине мы на прямом пути!
Прилежно только надобно учиться.

Вместе с самостоятельной разработкой русской истории необходимо должна была явиться и наука русского права. Она действительно и явилась и растолковала нам отменно ясно, что сначала был обычай, потом настал закон; что законы в разные царствования дополнялись, изменялись; что в существующем ныне Своде Законов нельзя не видеть несомненного влияния законодательства разных эпох; растолковала нам затем, что такое грамоты *судные, бессудные, правые, уставные, губные, приставные* и т. д.; что судебник Ивана III был хорош, потому что прежде и никакого не было; судебник Ивана IV еще лучше, Уложение еще лучше ⁷¹. Все это

Детупшки скушали, ложки обтерли. сказали: спасибо ⁷².

и.... только.

С первыми попытками разработки русской истории явилась у нас и еще самостоятельная наука русская, археология. Кажется, не было на свете археологии, которая бы с таким усердием занималась своим делом, как наша. Материалы, ею собранные, могли бы составить большую библиотеку. Она списала все, что сохранилось в памяти народа о прежней жизни — песни, сказки, предания, легенды, пословицы и проч.; рассмотрела древние жилища, одежды, утварь, места общественных собраний, их разнообразные принадлежности и украшения, вскрыла множество могил и курганов, списала надписи со всех сосудов, одежд, икон, колоколов, крестов и пр. и пр., пересмотрела до малейших подробностей все письменные памятники, так что

Известно ей все — и то: на чем в веки
От нас отдаленных времен
Писали подобные нам человеки?
И то: каким именно родом письмен?
Глаголицей, рунами, вязью, уставом?
А также: чернилом, другим ли составом?

Казалось бы, при таком грузе учености должна бы была выйти интереснейшая археология. А вот нет, не вышла. Какую бы вы ни взяли археологию в руки — еврейскую ли, римскую ли, древности ли Геркуланума и Помпеи ⁷³, вы не можете оторваться от них. А кажется, что нас могло бы интересовать в этих археологиях! В них все чуждое для нас; родного ничего. Но

таково уже свойство прошедшей жизни, хотя бы и чуждой для нас, что если из ней вырвана какая-нибудь более или менее цельная картина, то какие бы мелочи ни изображала эта картина, они сейчас обрисовывают нам характер эпохи, нравы и дух жившего тогда человечества, заставляют невольно сравнивать прошедшее с настоящим и тем уясняют нам нас самих — предмет, как известно, самый интересный для людей! Возьмешь русскую археологию — видишь в ней все свое, родное; тот же самый быт, который описывает она, продолжается еще и теперь в видоизмененном виде, кажется, как бы не заинтересоваться таким близким сердцу предметом? А нет, прочтешь пять, шесть страниц — голова отяжелеет, точно от дурмана. Уж кажется, как интересно описание новгородских древностей, изданное, кажется, в прошедшем году о. архимандритом Макарием ⁷⁴. Нет решительно древней вещи, на которую бы трудолюбивый изыскатель не обратил самого заботливого внимания. Всякая вещь вымерена, вывешена, описана до мельчайших подробностей. Сняты со всякой вещи надписи, из которых ясно видно, как, и кем, и когда она построена. Одним словом, когда подумаешь про себя, ясно видишь, что науке дальше здесь и идти некуда — все съела. А станешь читать, не ощущаешь никакого удовольствия; самые ученейшие изыскания не только не веселят, а как будто грусть нагоняют. Даже ярославле серебро нисколько не утешает ⁷⁵. Если на чем и случается временем отвести душу, то разве только на библиографических известиях г. Лонгинова. Отчего же, спрашивается, все это зависит? Отчего нравятся нам иностранные археологии и отчего не нравятся наши собственные, родные, русские? Оттого, что очень мы уже ученостию-то иностранцев превзошли. Стараемся насовать везде учености, учености и учености. Кто против учености? Но не все же ученость, инде бывает и хоть какая-нибудь человеческая мысль нужна.

Назад тому несколько лет явилась в России новая наука — экономическая. Рожденная не в нашей стороне, чуждая наших нравов и обычаев, нашей исторической жизни, незнакомая с условиями страны, она пришла в ужас от того, что у нас увидела. Приверженцы западной экономической науки, хотя и вскормленные у нас дома, общинным хлебом, гремели во имя принципа против существующего у нас общинного землевладения, в нем видели причину застоя у нас земледелия, всеобщей лени, отвращения к труду в народе и находили необходимым общинное владение землею заменить владением на праве личной собственности, а затем лежавшие впусе государственные земли продать или передать немедленно в частные руки, в несомненной уверенности, что, сделавшись частною собственностью, земли эти не будут уже лежать впусе, а будут немедленно разработаны. Против ученых экономистов, быть может и очень талантливых, но увлеченных чужим учением, вовсе не приспособленным к нашему быту, восстали одни только свистуны ⁷⁶, доказывая, с одной стороны, всю нелепость мысли ниспровергать насильственно быт, сложившийся веками (а «Русский вестник» говорит, что свистуны того и смотрят, как бы что уничтожить!); с другой стороны, отвергая сомнительное превосходство для масс европейского способа владения землею пред нашим общинным. С каким презрительным взглядом смотрели тогда на свистунов ученые экономисты! О таком общеизвестном, не подлежащем никакому спору предмете, как превосходство землевладения на праве собственности пред

владением общинным, им, казалось, и говорить смешно. А вот теперь и там и сям, да и едва ли не везде начинают поговаривать, что общинное владение землею, дескать, дело хорошее, даже очень хорошее. Вот не далее, как в № 1 «Санктпетербургских ведомостей», думающих, как известно, совершенно тождественно с «Отечественными записками» (а кто же не знает, как сильно некогда стояли «Отечественные записки» за право собственности, обличая свистунов в незнании первых начал политической экономии?) в статье «862—1862» мы прочли, между прочим, следующее:

«В настоящее время, то есть с начала нынешнего века, передовые люди Западной Европы обратили наконец внимание на свою коренную и главную болезнь и стали придумывать различные средства для ее исцеления. Уже прежние философские системы, имевшие предметом устройство государства, оказались совершенно несостоятельными. Многие поняли, что то или другое устройство правительственной системы не может никогда привести к хорошему результату, пока общество будет сохранять свои устарелые понятия или свойства, а потому обратили внимание на самое общество, в перестройке которого и стали искать спасения. Результатом этих философских изысканий явились новые экономические учения... Конечный результат, к которому должны привести эти учения, по мнению их последователей, будет уничтожение права личности в пользу общества, а следствием этого — уничтожение монополий и пролетариата...»

Эта тирада — благородное, жертвенное самозаклание «Отечественных записок» на алтаре истины и победный трофей свистунов. Само собою разумеется, что при таком величественном зрелище не может не торжествовать и «Свисток», радуясь доблестям и славе достойных сынов своих.

Мы не будем говорить об успехах в других наших науках, потому что боимся утомить внимание читателей. Не бойся мы этого, мы со всею очевидностью доказали бы, что и во всех науках получены нами результаты не менее богатые, как и в тех, о которых вели мы речь.

Оставляя, однако ж, науку, не можем не сказать несколько слов о нашей поэзии. В теории поэзии признавались у нас, как известно, два начала: первое гласило, что искусство должно существовать только для искусства; второе, что искусство должно служить общественным интересам. Социальное начало, после недолговременной борьбы, одержало торжественную победу над абстрактным, и теперь вся почти наша поэзия превратилась в социальную. Работы от этого нашим поэтам, романистам, беллетристам должно бы было, по-видимому, прибавиться очень много. Потому что ведь, что же требовалось для прежней поэзии?.. Можно сказать, что ничего, или, по крайней мере, весьма немного... Требовалось, положим, знание человеческого сердца, знание способа проявления в нем разных бурных страстей, в особенности любви, требовалось затем знание словосочинения, грамматики... но это ведь уж мелочи. Все это такие знания, которые изучения и труда никакого не требовали. Потому что какой же талант не знает человеческого сердца или там проявления разных страстей? Наши по крайней мере романисты, беллетристы — все знали это все, как свои пять пальцев, и никогда себя не обременяли никаким изучением. Ну, а поэзия социальная — это совсем другое дело — дело, так сказать, весьма деликатное. Какой вы вопрос в

обществе ни затроньте — положим, отношение родителей к детям, положение женщины, отношение мужского пола к женскому, благородных к <не> благородным, — вопросы, по-видимому, обыденные, а для решения их бог знает каких сведений не потребуется. Надобно быть знакомым и с философией, и с историей, да и не с той историей, которая читается у нас в заведениях, а с историей совершенно другого рода, и разными Staats * и Gesellschaftslehre ** да и какой-нибудь свой взгляд иметь, если не самостоятельный, то по крайней мере цельный, на устройство всего общественного организма. Одним словом, требуется многое. Мы боялись, что с падением искусства для искусства наши романисты и беллетристы призамолкнут или ограничатся одной обличительной поэзией, которая, как известно, никаких знаний не требует. Ибо она перестройкой существующих отношений не занимается, а только исправляет и наказует существующие злоупотребления. N берет взятки — следовательно, он негодяй; S достиг важного поста пронырством, а не достоинством личным, — следовательно, он подлец; Z обидел бедного чиновника, сказав ему нечаянно вместо: милостивый государь — дурак, — следовательно, он отсталый — таковые и подобные незамысловатые сюжеты исчерпывают все содержание обличительной поэзии. Наши опасения относительно затруднений, в какие будут поставлены романисты и беллетристы новым направлением поэзии, нимало, однако ж, не оправдались. Романы, повести, рассказы и другие роды поэзии пошли на новом социальном основании ничуть не хуже, а пожалуй, еще и лучше, чем шли прежде на основании «искусства для искусства». Наши романисты и беллетристы бог их уж знает как, а как-то ухитряются обходиться без сведений и в новом направлении, как обходились и в прежнем. А между тем не подлежит никакому сомнению, что в последнее время поэзия наша сделала громадные шаги вперед. Содержание прежней поэзии было следующее: <I> эротической: 1) он ее любил потому, что образ ее один из всего женского пола предносился его уму задолго прежде, чем он ее встретил; по той же самой причине любила и она его; потому они, несмотря на все препятствия со стороны родных, и сочетались законным браком; 2) он и она любили друг друга по тем же самым причинам; но она к ужасу своему узнала, что он очень равнодушен к одной или нескольким дамам, образ которых, очевидно, ему не предносился прежде. С отчаяния она хотела себя отравить ядом, но обстоятельства расположились так, что вышла замуж за одного артиллерийского капитана, образ которого ей не предносился, и прожила жизнь в постоянной меланхолии или счастливо (так или иначе — зависело от воли автора); 3) они любили друг друга по причинам вышеизъясненным, но она полюбила другого, который хорошо говорил об Италии и имел тысячу душ, и тут только поняла, что образ именно этого и предносился ей, а не прежнего, в чем последнему и призналась откровенно; а последний хотел застрелиться, но по не зависевшим от редакции обстоятельствам не застрелился, а остался на всю жизнь в меланхолическом состоянии или женился прозаически (то или другое зависит от воли автора); II, нежно идиллической: он и она любили друг друга,

* государствами (нем.). — *Ред.*

** общественными учениями (нем.). — *Ред.*

не предносившись друг другу до встречи, без любви пламенной, связанные более привычкой, сочетались браком, всю жизнь вместе завтракали, обедали, ужинали и умерли; III, *комической*: один залез под стол, другой оттуда его вытащил за ногу. Такова была поэзия прежняя; новая поэзия те же самые темы развивает совершенно в другом роде. I. 1) *эротическая*: она любила его, потому что он поставил себе целью жизни освободить Болгарию⁷⁷; он любил ее за ее сочувствие к славянским племенам, и они, несмотря на препятствия со стороны родных, сочетались законным браком; 2) она его любила пламенно за его пламенные речи о меньших братьях, о цивилизации, прогрессе; он любил ее за сочувствие всему новому, живому, за внимание к его речам; она узнала стороною, что он берет взятки, презрела его и вышла замуж за учителя грамматики, который о новых идеях не говорил ничего и увлечь ее не мог, но о котором достоверно было известно, что он взяток не берет; 3) он ее полюбил за то, что она по своим занятиям была выше других женщин, говорила с душою о равноправности людей, об эманципации женщин, но когда узнал, что она сильно прибила свою горничную, презрел ее и женился на своей вольноотпущенной, с твердою целью воспитать ее в новых идеях; II *нежно-идиллическая*: он и она не умели красноречиво говорить ни о прогрессе, ни о чем бы то ни было и, само собою разумеется, что пламенно друг друга полюбить не могли; но и он и она заботились об учреждении воскресных школ; от этой общей симпатии к общепольному делу получили симпатию друг к другу, сочетались браком, всю жизнь провели в советах о воскресных школах, устройстве их, заботах о них и оба умерли в воскресной школе; III *комическая*: один, залезая под стол, произносит торжественно: «человеческая природа во всех положениях равноправна». Другой, вытаскивая его за ногу, говорит не менее торжественно: «не пустыми словами, а самым делом должны мы помогать нашим меньшим братьям».

Может быть, да и не то, впрочем, что может быть, а мы знаем это наверное, что найдутся люди, которые не удовлетворятся результатами, добытыми нами в разных науках, скажут, что результаты эти так незначительны, что достигнуть их, прожив тысячу лет, значит почти то же, что ничего не сделать.

И таким у нас есть ответ — и мы сообщаем его тем с большим удовольствием, что а) он повторяется уже несколько лет нашими учеными, литераторами и вообще патриотами, как скоро им сделают обидное замечание в таком роде, что, дескать, Россия не бог знает как далеко ушла, — и следовательно противоречить здесь нам никто не будет; и что б) нам даже не нужно придумывать, как его выразить. Автор вышеупомянутой нами статьи «862—1862» уже потрудился за нас, и нам остается только воспользоваться его трудом.

«Есть, — говорит он, — сказка у нашего народа об «Илье Муромце», который тридцать лет и три года сидел на печи, ничего не делал, но рос богатырски, на удивление всему народу. Ни упреки родных за леность, ни жалобы их на такую бесполезную жизнь — ничто не помогало. Илья сидел все на печи, ел, пил и спал, да думал крепкую думушку — пока не ударил час его жизни. Тогда он встал, и земля задрожала под его ногами.

Это про себя народ наш сложил сказку. И Россия, как Илья Муромец, все росла, да росла, как будто ни о чем не думала, как будто ничего не де-

лая... Она все расправляла члены, раздвигала себе границы, как видно готовясь на большем просторе заявить со временем свою жизнь».

Ну, а теперь и пошла, и пошла, и пошла... Само собою разумеется, пошла под предводительством «Свистка», по крайней мере при его усердном содействии... Казалось бы, так?

Но вот в том и дело, что с этим не хотят согласиться даже те, которые убеждены, что Россия идет вперед. Они о «Свистке» мнения самого не лестного и говорят, что не только под предводительством такого гуся, как «Свисток», но даже и вместе с ним идти вперед никак невозможно. И современное движение опорочивают именно потому, что оно проникнуто свистом. Так думают все передовые органы нашей мысли, хотя сами, как мы уже сказали выше, свистят во всю мочь, как-то: «Русский вестник», «Наше время», «День» и многие другие. Но что всего удивительнее для нас, так это то, что даже Николай Иванович Костомаров придерживается того же мнения. Сейчас мы получили его «Тысячелетие» и в нем, к изумлению нашему, прочли, что в настоящее время нет никакого движения, а лишь только мираж движения, иллюзия, обман, что и передовых людей — людей идей — вовсе нет, а есть передовые люди *моды* — личности наиболее неспособные и пустые. Так Н. И. Костомаров характеризует наше время и наше движение, в самых видных рядах которого стоит он сам. Не поверить ему — трудно, даже для «Свистка» трудно. Поверить — страшно, даже и для «Свистка». Неужели все, что мыслится теперь у нас, что является в прессе, что делается — так-таки положительно ничего, ничто чистое, абсолютное? Неужели все личности, действующие теперь мыслию ли, словом ли, делом ли — все так-таки личности наиболее неспособные и пустые?

А так точно оно, дескать, и есть, отвечает Н. И. Костомаров, — и вот почему:

У нас вовсе нет прогресса, а есть только мода. «Свойство мод, — говорит Н. И., — меняться и не иметь разумного основания. Кого только занимает мода в чем бы то ни было, тот непременно одержим болезнью пустоты, бессмыслия и неспособности ни к умственному, ни к гражданскому подвигу».

Полагаем, что последний пункт непременно должен быть опечаткой, которой не заметили «Санктпетербургские ведомости». Ведь мода занимает и «Отечественные записки». Иначе они не прилагали бы для своих читателей картинок дамских и даже мужских мод? Неужели и они одержимы болезнью пустоты, бессмыслия и неспособности ни к умственному, ни к гражданскому подвигу? Признаемся, мы сильно усомнились в справедливости слов Н. И. Костомарова, не поверили даже и тому, что свойство моды — не иметь никакого основания. Не доверяя, однако ж, много и самим себе, мы полезли в известный всем «Conversations-lexicon» Брокгауза⁷⁸ справиться: как думают о моде немцы, и нашли вот что:

«Под модою вообще разумеется все, что в известном месте вошло в нравы и привычку относительно образа действий, обращения с другими, относительно платья, устройства и убранства жилищ, — одним словом, относительно образа жизни; в более тесном смысле модою называется принятый всеми обычай одеваться, причем, впрочем, словом *мода* обозначается более изменяющееся, быстро исчезающее во внешних формах жизни, нежели постоянное

и твердое. Перемена и разнообразие мод зависит от большей или меньшей цивилизации, обращения с другими, развития индустрии и богатства народа, равно как от географического положения и политического устройства страны. Чем беднее, необразованнее, малочисленнее народ, чем он изолированнее от сношений с другими народами, тем менее мода подвержена в нем переменам. То же самое бывает с модою, когда деспотизм препятствует свободному ее развитию, как, например, в большей части азиатских государств, или где постоянное плесневение в старых обычаях и порядках и враждебное отношение ко всему чужому, как, например, в Китае, делает ум человека односторонним, ни к какому движению неспособным. Где, напротив, индивидуальная свобода и вкус всякого имеют простор, где постоянные сношения с другими нациями расширяют умственный кругозор, где, наконец, вследствие развития туземной индустрии, материальное благосостояние народа находится в цветущем состоянии, там образ жизни частных лиц, их домашняя обстановка, платье, наряды непременно должны подвергаться самым частым переменам. Поэтому надобно быть очень односторонним или иметь взгляд слишком узкий, чтобы безусловно осуждать моду. Мода оживляет индустрию, и осуждать ее можно только тогда, когда ее доводят до глупого фанатизма, когда из-за нее забывают серьезные дела, когда ею вводят расстройство в домашнюю жизнь и мелочи делают главной целью жизни. На Францию всегда смотрели как на страну мод; но Англия имеет не менее прав на это, и должно сознаться, что в странном и уродливом покрое платья британские петиметры ⁷⁹ большею частью оставляли за собою далеко французских».

На таком широком основании ставят моду немцы, рассматривая ее *raison d'être* * в сем грешном мире. В своем движении мода может быть рассматриваема или как полное отрицание прежнего, существовавшего обычая, или как мелкое видоизменение обычая уже существующего. В первом случае мода не может не иметь разумного основания; во втором она, конечно, может являться иногда и без разумного основания, по прихоти, по капризу. Каждый обычай ведь, как бы долго он ни существовал, хотя бы по китайскому летосчислению прожил сотню веков, был когда-нибудь непременно модой, потому что он заменил собою обычай древний. И если он принят большинством людей образованных, то непременно надобно думать, что прежний обычай оказывался в чем-нибудь неудобным и что новый, заступивший его место, устранял эти неудобства. Возьмем, например, хотя сюртуки, фраки и прочую нашу одежду европейскую. Теперь эта одежда вошла в обычай образованного общества в России. А ведь когда-то этот обычай был модным у нас, да еще как модным-то! И была причина, для своего времени весьма достаточная, почему мода на фраки, сюртуки вытеснила бывшие в общем употреблении кафтаны, охабни и т. п. Для каждого легкого видоизменения покроя фраков и сюртуков причин, может быть, и не приберешь. Но ведь эти видоизменения как мелкие и незначительные и не разрушают той мысли, вследствие которой принята и доселе держится мода на сюртуки и фраки. Потому стоит ли и толковать о том: разумны они или неразумны? Так точно мода действует и в науке, и в воззрениях на дела общественные и т. д. Возь-

* законодательницей (франц.).— *Ред.*

мом, например, хоть русскую историю. Прежде историки наши были такого мнения, что в истории нашей все плелось так, как плелось, по судьбам неисповедимым. Явился г. Соловьев с полным отрицанием такого странного взгляда и указал начало, из которого развивалась жизнь, правильное или нет — это другой вопрос; мнение его вытеснило прежние и сделалось модным потому именно, что оно было разумнее прежних; за г. Соловьевым явился г. Костомаров — с полным отрицанием начала, указанного г. Соловьевым, и показал другую идею в развитии событий; новое мнение вытеснило мнение г. Соловьева и сделалось модным, опять потому, что оно было признано более разумным, чем прежнее. Между тем и в то время, когда была мода на историю Карамзина, и в то время, когда была мода на историю г. Соловьева, и теперь, когда не прошла еще мода на историческое миросозерцание г. Костомарова, всегда были в исторических каких-нибудь частностях особые мнения от общего модного взгляда на всю историю, не подрывавшие, однако, этого взгляда в основании. Эти особые мнения о разных частностях и можно назвать легкими видоизменениями моды. Они то же самое, что в моде на сюртуки, фраки расширение или сужение рукавов, фалд, пол и т. д., не изменяющие основной формы фраков или сюртуков.

Все это говорим мы к тому, что существующие в настоящее время идеи тогда только можно было бы назвать модными в том смысле, в каком хочет назвать Н. И. Костомаров, то есть легкими, капризными явлениями мысли, когда бы они были только легким видоизменением принятых обычаев, порядков, форм, не изменяющим их существенного смысла. Они, напротив, представляют полное или такое отрицание всего этого, что прошедшее никак не может уложиться вместе с ними. А между тем новые идеи принимаются уже и теперь большинством образованного общества. Отсюда несомненно следует: 1) что большинством образованного общества признана несостоятельность прежних обычаев, порядков, форм; что 2) новые идеи имеют непременно что-нибудь такое, что устраняет усмотренную в прежних обычаях, формах, порядках несостоятельность, а потому непременно имеют и разумное основание для своего существования.

Н. И. Костомаров думает не так. Сказав, что мода не имеет никакого разумного основания, что кто держится моды в чем-нибудь, тот бессмыслен и неспособен ни к каким подвигам, он продолжает так:

«Иные в явлениях моды видят соотношение с прогрессом и противопоставляют ей обычай, в котором находят застой и рутину. Те ошибаются, которые так смотрят. Мода имеет те же отрицательные стороны, какие есть в обычае, и не имеет положительных сторон последнего. Сходство между ними в одинаковом устранении мысли и критики... Различие между модой и обычаем то, что в обычае, при отсутствии мыслительной критики своих убеждений и поступков, участвует сердце; в моде нет его, там холодная пустота и бесплодное воображение, творящее даже неочерченные образы, а не ясные тени, облачные призраки. Передовые люди в сфере обычая — всегда лучшие личности; в сфере моды напротив: *тут передовые личности — наиболее неспособные и пустые*».

Все это слова, слова и слова! ⁸⁰ Кого назвать передовыми людьми в сфере обычая? Тех ли, которые крепче и упорнее его держатся? Если да,

то уж передовые люди обычая никак не могут быть лучшими людьми. Ибо известно, что чем человек ограниченнее, одностороннее, тем всегда он крепче сидит в обычае. Если же передовыми людьми обычая назвать тех, которые смотрят на обычай разумно, самостоятельно, понимают слабые и неудобные его стороны и готовы всегда заменить его лучшим, если оно им представится, — то такие люди уже не будут люди обычая, а будут именно люди моды. Далее, если понимать моду как легкие видоизменения в сфере существующего обычая, то люди такой моды могут быть и неспособные, пустые личности. Но когда мода является как полное отрицание существующего обычая, то тут с одними пустыми и неспособными людьми ничего не поделаешь. Чтобы пошатнуть обычай, надобно выяснить слабые его стороны, указать достоинство новых идей, вести борьбу с передовыми людьми обычая, часто подкрепляемыми не одними аргументами мысли, но и другими средствами. Если бы передовые люди обычая стояли всегда выше людей моды, то никогда никакой обычай не пошатнулся бы, и никакая мода не могла бы заступить его место и сама превратиться в обычай.

«Мы не говорим, — продолжает Н. И., — передовые люди идей, которые, по несчастю, делаются игрушкой моды, но разумею передовых людей именно моды. Если идеи *не воплощаются и в мире прочных явлений*, то значит — первого рода передовых людей и нет: все возвращается в одной моде».

И опять нет, опять что-то не так. Какой бы нам взять пример, чтобы показать, что *невоплощение идей в мире прочных явлений* не может доказывать отсутствие передовых людей. Ну, да возьмем вот хоть пример для всех бесспорный — христианство. Нет сомнения, что передовые люди были в обществе христианском и в самом начале его. А ведь было время, и тянулось оно немало, когда христианское общество состояло почти из одних апостолов, когда идеи его не встречали нигде привета и не воплощались в мире прочных явлений? Да и что называет Н. И. воплощением идей в мире прочных явлений? Почему он думает, что современные идеи прогресса известным образом не воплощаются в мире прочных явлений, так точно, как воплощались при первом своем появлении и идеи христианства, как воплощаются и все новые идеи?

Здесь мы оканчиваем полемику с Н. И. Костомаровым, хотя и душевно желали бы продолжать ее, потому что, как хотите, приятно заниматься рассуждением о предметах возвышенных, а для «Свистка» это даже и полезно, репутацию приобретает. Всякий скажет: вот, дескать, как ныне «Свисток»-то! не пустяками какими-нибудь занимается, а рассуждает о предметах возвышенных, даже с Н. И. в спор вступил. И мы все-таки, несмотря на это, оканчиваем полемику с Н. И. Костомаровым, оканчиваем потому, что знаем вперед, что сколько бы мы ни полемизировали, нам не поверят, а поверят Н. И. Костомарову. Мы даже сами, как ни основательно опровергали Н. И., не очень доверяем себе: может быть, оно как-нибудь и в самом деле так, что Н. И. говорит правду.

Для нас одно прискорбно, что Н. И. прервал поток нашего красноречия. Когда мы, рассмотрев научные труды в России, хотели обратиться к современным нам людям и на них остановиться как на лучшем свидетельстве тех блистательных успехов, какие мы сделали в течение тысячелетия, как вдруг

получили «Тысячелетие» Н. И. Костомарова с таким заявлением, что людей-то именно у нас и нет, то есть нет людей идей, что наши *передовые люди* — не более как личности наиболее пустые и неспособные.

Что ж делать? Надобно покориться судьбе и оставить современных передовых в покое, когда они не могут служить показателями нашего движения вперед. Куда ж нам еще обратиться, чтобы увидеть плоды тысячелетней жизни нашей? В наше прошедшее? Но что же там-то?

«Старое житье-бытье, — говорит о нем Н. И., — сбрасывает с себя вековую плесень: нам слышатся сотни рано погибших надежд, бесполезно растраченных сил, вопль миллионов страдальцев, погибших в эпохи ломовых бедствий, без участия современников, не оплаканных потомством, забытых историею, — зверский разгул произвола, тихая скорбь безвыходного терпения».

Таково наше прошедшее! Стоит ли идти туда? Конечно, не стоит. «Но есть, — говорит Н. И., — прошедшее и у нас, на котором стоит остановиться и даже некоторым образом и вернуться, — говорит, — к нему не мешает; но вернуться не в том смысле назад, чтобы нам терять плоды всего нашего тысячелетнего развития, возвращаться к патриархальной простоте разума предков и к тесному горизонту их знаний и опыта, а в смысле простоты действия и решимости, с какою, по рассказу нашего летописца, поступили они в важном деле заклада русского политического общества». «Посмотрите, — говорит Н. И., — как они действовали! 1) Жили они на большом пространстве разрозненно, а все соединились единодушно, чтобы прогнать притеснявших их варягов; 2) все поняли, что им самим в деле управления ничего не поделать, и опять соединились все, чтобы призвать князей; 3) призвали они князей не из тех варягов, которых выгнали, а из других; 4) призвали «не раболепно, не с самоунижением, но откровенно сознаваясь в неустройстве своей земли»; 5) призвали князей «не из сильного и влиятельного народа, напротив, из такого незначительного, который, взошедши в славянский мир, не только не внес туда каких-либо посторонних элементов, но скоро даже память его происхождения затерялась».

В самом деле, сколько мудрости-то! Подлинно есть чему поучиться!

Перестанем же, — говорит Н. И., — повторять модную фразу: вперед! Лучше: назад! «Даже назад к половине IX века, за тысячу лет!»

Ну, что же: назад, так назад! «Свисток» и на это согласен. Только, отправляясь назад, «Свисток» надобно непременно с собой захватить. Без него дело не обойдется и в попятном шествии. Как раз можно вдаваться в какие-нибудь сантиментальные объяснения вещей самых нехитрых, затем впасть в опасные увлечения, вроде славянофильских, норманских и т. п., а затем потерять возможность даже и назад идти, а просто-напросто своротить с дороги в дебри и засесть в них так, что потом уже не вытащит оттуда никакая сила. Разительный пример такого опасного, безвыходного положения — Рогожское кладбище⁸¹.

Здесь «Свисток» может с торжеством закончить свою речь; ибо теперь, полагаем, для всех сделалось ясно и несомненно, что без «Свистка» истинный прогресс совершенно невозможен, что «Свисток» необходим всюду — и в науке, и в жизни, и в поэзии, и в поступательном, и в попятном шествии.

III REQUIEM

(Рано погибшим надеждам)

«Надежды, надежды — наш сладкий удел!»⁸²

Из неизвестного поэта.

Свершилось! Наш юный ученый⁸³ смежил
Для смысла и истины очи.
Как жаль! Хоть бы что-нибудь он совершил!

А то ничего! Нету мочи,
Досадно. Но ты, друг, его не жалея:
Он жалости, право, не стоит твоей.

Зане он *центральность* вельми изучил,⁸⁴
Москву возлюбил очень нежно,
От духа ее слишком много вкусил
И должен он был неизбежно
Погибнуть. И не было силы такой,
Что чудо свершила б с его головой.

Москвой он воспитан: он здесь изучил
Российское право, преданья,
Отсюда в чужие края покагил,⁸⁵
Московского полн упования.
В нем выкурить духа Москвы не могли
Ученые даже немецкой земли.

И здесь он одною Москвою дышал...
Аксакова чтит он стремленья,

Томленья Погодина он понимал,
И Павлова знал вожделенья!
Была ему дума Каткова ясна,
И с ним говорила царь-пушка сама.⁸⁶

Изведано, правда, им все, что в наш век,
Науку в Москве изучая,
Узнать даже лучший бы мог человек.
Но Русь от Невы до Китая
Вопит: ей жутко от знаний таких;
Москва ж в умиленьи, в восторге от них.

И ты, о читатель, о нем не жалея!
Ведь он не погибнет, страдая
За брата; карьеры не стубит своей.
И если б вся Русь, проклиная,
Стонала от скаредных знаний его⁸⁷,
Москва приголубит сынка своего⁸⁸.

IV

ОПЫТЫ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ

«Оборотни не должны быть смешиваемы с упырями, хотя те и другие вредны. Оборотнями называются люди, превращающиеся в животных, обыкновенно нечистых; упыри же, сохраняя человеческий вид, сосут кровь из незащитных людей. Против оборотня достаточно зачураться; против упырей столь легкое средство недостаточно; от них можно избавиться не иначе, как» и т. д.

«Сказания русского народа» *И. Сахарова*.⁸⁹

При отменной остроте ума я обогатил умственную и материальную жизнь рода человеческого многими важными открытиями. Но, по несчастной судьбе моей, всегда оказывалось, что в каждом сделанном мною изобретении уже предупредил меня кто-нибудь другой. Человечество нимало не теряло от этого рокового для меня обстоятельства; людям было даже гораздо выгоднее, что ход усовершенствований подвигался вперед, не дожидаясь моей изобретательности. Но каково было видеть мне себя лишаящимся признательности и славы, какими награждаются благодетели рода человеческого и творцы

новых эпох в науках? Каково было видеть мне, что предвосхищен кем-нибудь каждый из бесчисленных лавровых венков, заслуженных мною? От этого развилась во мне хандра. По природе человек веселый, я с утра до ночи хохочу: самые угрюмые люди увлекаются заразительным, добродушным моим смехом. Меня даже не впускают в те семейства, где есть грудные малютки, ибо раскаты моего смеха не дают им спать, и трое младенцев уже подверглись падучей болезни, будучи внезапно пробуждены громогласными взрывами моей веселости. Но не знают люди, что рак скорби пожирает сердце мнимого весельчака. Я мучаюсь день и ночь вышеупомянутым убийственным обстоятельством.

Ряд предвосхищений моей славы начался с самой ранней юности, когда я открыл металлический термометр; через три месяца я прочел, что это изобретение гораздо раньше меня сделал Брегет⁹⁰. Я проклял злонамеренного часовщика, сунувшегося не в свое дело, как будто нарочно с целью напакостить мне. По изобретении металлического термометра я обратил свою мысль от физики к математике и открыл Ньютонов бином⁹¹; но через две недели узнал, что открытый мною бином есть Ньютон. Занявшись через несколько времени русскою историею, я открыл гениальность и благотворность в действиях Иоанна IV Васильевича, а потом, размыслив о политической экономии, постиг необходимость не допускать привоза машин из-за границы в Россию⁹². Но оказалось, что первое открытие предвосхищено у меня знаменитым нашим историком г. Соловьевым⁹³, а второе отпечатано в журнале, редактором которого был глубокоуважаемый мною Иван Кондратьевич Бабст, также профессор московского университета. С ними обоими сходил я в мыслях неоднократно, особенно в мыслях о том, как надобно справляться с молодежью⁹⁴. Тревожит меня только то, что я не уверен, разделяют ли мнение мое, г. Соловьева и г. Бабста, во всей силе его, молодые ученые профессора Московского университета, г. Ф. Дмитриев и г. Чичерин?⁹⁵ В г. Леонтьеве я уверен; но достигла ли молодая пара той определенности последнего вывода, какою гордимся мы, ученые вполне зрелые (я, г. Соловьев и г. Бабст)? Принцип г. Чичерина основателен: наука сама по себе, жизнь сама по себе⁹⁶, и науке нет до нее дела. Из этого, конечно, следует, что если не только учащегося юношу, но хотя бы и вполне ученого мужа стали мы сечь, это нимало не помешало бы его успехам в науках: ведь сечение — дело жизни, а не науки, и розга нимало не прикасается к благородным, скрытым под черепом органам, которыми познается научная истина; ученый, разделяющий принципы гг. Ф. Дмитриева и Чичерина, может безмятежно мыслить о *leges barbarum* * и областных учреждениях⁹⁷, несмотря ни на какие соприкосновения известных предметов растительного царства с органами его организма, не занимающимися мышлением. Так, я льщу себя надеждой, что г. Ф. Дмитриев увлечет за собою к этому положению своих друзей английского московского клуба, а г. Чичерин примет его среди аудитории. Но я только льщу себя надеждой, а полной уверенности у меня еще нет.

Мои открытия не ограничивались общими научными истинами: я глубоко прозревал и конкретные факты. Например при появлении «Очерков Англии

* положение для иностранцев (*лат.*). — *Ред.*

и Франции» г. Чичерина ⁹⁸ я прозрел философским взором, что молодой ученый скоро будет понимать обязанности полицейского служителя в совершенстве, какого не достигают сами полицейские чиновники. Но и это открытие предвосхитил у меня некто, написавший еще в 1859 году: ⁹⁹

«Г. Чичерин не замедлит сделаться мертвым схоластиком и будет философскими построениями доказывать историческую необходимость каждого предписания земской полиции, сообразно теории беспристрастия. Потом историческая необходимость может обратиться у него и в разумность» («Соврем.», 1859 г., № 5., Критика, стр. 58).

Я мог бы бесконечно продолжать перечень открытий, предвосхищенных у меня отчасти современниками, отчасти предками. Чтобы говорить только о современниках, скажу, что кроме одного только человека, — которого я за то и любил, — кроме Конрада Лилиеншвагера не было ни одного известного писателя, который не предвосхитил бы у меня каких-нибудь хорошеньких мыслей ¹⁰⁰. Например:

имя предвосхитившего	предвосхищенная им у меня мысль.
Г. Альбертини...	Письмо из Турина, напечатанное в № 3 «Совр.» 1861 г., проникнуто ненавистью к национальной независимости и пропитано гнусным обскурантизмом, унижающимся до омерзительной клеветы ¹⁰¹ .
Г. Ив. Аксаков...	Безумные поляки... Нам не нужно суда присяжных ¹⁰² .
Г. Громека...	Благоразумный человек может желать только того, чтобы наказание невинному было уменьшено, а не того, чтобы он был признан невинным.
Г. Буслаев...	Суеверие полезно.
Г. Дудышкин...	Кто пишет ясно, тот плохой писатель.
Г. Леонтьев...	Рим погиб оттого, что плебеи имели землю; мужику земля не нужна ¹⁰³ .
Г. Катков...	С учащегося надобно брать штраф за то, что он учится.
Г. Н. Костомаров...	Не должно подчиняться деспотизму уличной толпы ¹⁰⁴ .
Г. Кавелин...	Буду сотрудником «Нашего времени», издаваемого Н. Ф. Павловым.
Г. Чернышевский...	Сталь состоит из железа с примесью кислорода.
Гг. Достоевские...	Мы оторвались от почвы.
Г. Лонгинов...	Белинский принес больше вреда, чем пользы ¹⁰⁵ .

Остановлюсь. В другой раз dokonчу этот едва начатый список. Тогда покажу в десять раз больше имен и против каждого человека выставлю по десятку и больше мыслей, предвосхищенных им у меня. Теперь довольно данных приведено для моей цели. Цель состоит в том, чтобы объяснить публике причину, заставившую меня приняться за дело, объясняемое далее.

Убеждаясь десятками и сотнями опытов, что напрасно мне самому добиваться славы изобретателя хороших мыслей, что всякий раз всякое мое открытие будет предвосхищаемо другим, но с тем вместе пламеней желанием приносить моему отечеству пользу и честь благими изобретениями и усматривая в то же время, сколь многие такие изобретения, проходя незамеченными, остаются неприносящими надлежащего блага, я посвящаю себя бескорыстной заботе о доставлении хотя другим изобретателям той заслуженной известности, которой столь долго и напрасно искал я для себя. Судьба не позволяет мне разделять прекрасную репутацию г. Бабста, г. Чичерина; попробую искать хвалы более скромной, но все-таки приятной; пусть скажут обо мне: «лишенный злым роком всякого случая блистать собственным талантом, он по крайней мере раскрывал своему милому отечеству глаза, чтобы восхищалось оно блеском талантов в других»; хочу, чтобы мог я сказать о себе, подражая певцу «Руслана и Людмилы»:

«И долго буду я народу тем любезен ¹⁰⁶,
 Что мысли дивные в писаках открывал,
 Что ловкостью живых намеков был ползеп
 И низость чувств изобличал».

Итак, идем на поиск.

Я начал поиски свои чтением статей по университетскому вопросу, и в каждой попадалось мне замечательное открытие. Вот список лучших.

Но нет, я не сообщу его. Я не в силах превозмочь в себе порыв тщеславия, внушающего мне, будто бы, отыскивая чужие открытия, сам я сделал открытие несравненно более важное. Умолчу же о других, выставлю только себя. Вот оно, мое собственное.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ ПО УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ВОПРОСУ, НИКЕМ У МЕНЯ НЕ ПРЕДВОСХИЩЕННОЕ

Об университетском вопросе напечатано было в течение четырех последних месяцев 4444 статьи ¹⁰⁷; ни одна из них даже и не упомянула о существенной стороне дела, о которой толковали 500000 человек в Петербурге, 400000 в Москве, 75000 в Одессе, 70000 человек в Саратове и т. д. (см. список городов Российской империи в «Месяцеслове» на 1862 г.).

Вот так открытие! Сплетайте мне венок из того самого лаврового листа, который продается в овощной лавке Бабикова (на Литейной, близ Невского) и из которого был сплетен венок, недавно возложенный на юную главу г. А. Майкова!

— Грозное видение! кто ты и чего от меня хочешь? — вопрошаю я в трепете, видя представшее предо мной существо, форму которого не мог я рассмотреть от страха.

— Ты ошибаешься, — отвечала мне тень, — я не имею формы, тебя страшящей; я не более, не менее, как душа г. Лонгинова (пользующегося, впрочем, добрым здоровьем); он спит теперь, а я воспользовалась свободными часами, чтобы прогуляться, — и вот явилась пред тобою, чтобы уличить тебя

в грубом невежестве, происходящем от незнакомства с трудами твоих предшественников в русской литературе. Возьми и читай.

Тень подала мне книгу, я прочел:

«Вы радуетесь на вашу литературу, будто бы она в самом деле занимается чем-нибудь полезным: желаю вам радоваться. Какую пользу можно извлечь из ваших смутных рассуждений, искажающих до микроскопического размера все, чего касается ваша речь? Одно тут может быть влияние: мельчают понятия, мельчают и надежды тех, кто вздумает искать в ваших рассуждениях ответа на занимающие его вопросы. Если говорить правду, люди, довольные нашею литературою, не имеют понятия о том, что такое литература, достойная этого имени. Кто захотел бы следить по нашей литературе за тем, что происходит в нашей жизни, тот знал бы один, да и то самый ничтожный из 1000 фактов, о которых будет говорить история, да и этот факт показывает литература вам в искаженном виде».

Тень произнесла торжественным голосом: «это напечатано в XII кн. «Современника» за 1857 г. в «Современном обозрении» на стр. 305—308, *passim*¹⁰⁸. Твое открытие запоздало слишком пятью годами.»

Тень исчезла, оставив по себе запах прелой бумаги.

Что ж такое? — подумал я про себя, из этого можно вывести новое открытие, которое будет удачней.

ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ, САМОЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

В пять лет литература наша не подвинулась ни на один шаг; а так как литература служит отражением жизни, то значит, что ни на шаг не подвинулась и наша жизнь.

Но едва мелькнула эта мысль в моей голове, как застыла кровь в моих жилах от ужаса: что скажет о таком бездушном скептицизме пламенный г. Громека! Да еще хорошо бы, если бы вознегодовал только г. Громека! Есть публицист, несравненно более знаменитый и гораздо более пылкий, который так и крикнет: «*very dangerous!*» — и назовет меня «окаменелым титулярным советником» или «ископаемым кандидатом»¹⁰⁹.

В самом деле, какая безрассудная забывчивость бездушного скептицизма! как мог я забыть, что в эти пять лет совершенно освобождение крестьян!

Другой на моем месте окончательно растерялся бы, будучи уличен в том, что не заметил такого факта. Но человеку, имеющему *idée fixe* *, каков я, все нипочем: с ним что ни случись, он все гнет к пункту своего помешательства; всякий факт, всякое слово обращается для него только в средство к удовлетворению его неразумной страсти. Так, г. Майков на все смотрит как на предлог для написания пышных стихов: едет кто-нибудь в коляске — он сейчас напишет стихи в честь проезжему; объявят рекрутский набор — он напишет стихи в честь рекрутского набора;¹¹⁰ полагаю, что если бы случилось землетрясение (от которого спаси нас бог! но опять-таки: все мы под богом ходим), он написал бы стихи в честь землетрясения. Так вот и я: мне что ни попадись на глаза, о чем ни подумай я, все обращается в повод

* навязчивая идея (франц.). — *Ред.*

искать открытий. Как только подвернулась мне мысль об освобождении крестьян, так вот и подмывает сделать какое-нибудь открытие по этому вопросу. И что же вы думаете? Ведь не замедлил сделать открытие. Но важность его требует отдельной статьи с особым заглавием.

V

Г. МАГИСТР Н. де-БЕЗОБРАЗОВ — ПСЕВДОНИМ!

Б и б л и о г р а ф и ч е с к о е о т к р ы т и е !!

*(Посвящается немецкому философу Фихте
и русскому библиографу М. Н. Лонгинову) ¹¹¹*

Благородная Россия с глубоким сочувствием читала изданную некогда за границею брошюру ¹¹², в которой предлагался очень легкий способ совершить начинавшееся тогда дело освобождения крепостных крестьян. По мнению брошюры, не нужно было изменять никаких действительных отношений — достаточно было заменить название «крепостных крестьян» именем «крестьян, поселенных на помещичьих землях», и затем уже более ничего не требовалось: барщина, оброк, вотчинная власть оставались бы в прежнем виде, а крестьяне все-таки могли бы называться освобожденными и были бы совершенно довольны.

Столь остроумное содержание брошюры заставило всех разузнавать о ее авторе, который подписался именем магистра Н. Безобразова. Оказалось, что магистр такого имени действительно существует; ¹¹³ нашлись люди, утверждавшие, что они знакомы с ним; через несколько времени многие жители Петербурга встречались с ним в обществе или видели его на улице; потом такие же факты повторялись в Москве. Словом сказать, подлинность существования г. Николая Безобразова являлась непоколебимо подтвержденною свидетельством внешних чувств.

Но просвещенный читатель знает, что знаменитейшие философы отвергали достоверность показаний наших внешних чувств. С особенною убедительностью изложено это так называемое идеалистическое учение немецким мыслителем Фихте. Исходя из положения

$Я = Я,$

то есть, в применении к индивидуальному случаю, нас занимающему:

г. магистр Н. Безобразов есть г. магистр Н. Безобразов,

Фихте рядом неопровержимых логических выводов доказывает, что

$Я = \text{не} — Я,$

то есть, в применении к тому же индивидууму:

г. магистр Н. Безобразов есть не г. магистр Н. Безобразов, а некто другой.

Рождался вопрос: кто же этот некто другой, который тождествен с г. магистром Н. Безобразовым?

Долго все исследования оставались напрасны. Сначала повели розыски философским путем; но г. Страхов успел только доказать (в статье о жителях планет, «Время», 1861 г., № 1), что на луне есть существа, по физиологическому строению очень близкие к г. магистру Н. Безобразову; но действительно ли кто-либо из них есть подлинный вышеупомянутый магистр, этого не мог решить г. Страхов.

Философия сделала свое дело: разрушила заблуждение, возбудила к исследованию истины, показала ее в общем, неопределенном очертании; но до реальной истины довести не могла. Убедившись в необходимости прибегнуть к помощи опытных наук, прежде всего поручили разъяснение вопроса нашим знаменитым историкам. Г. Чичерин не мог разъяснить ничего, потому что сам оказался относящимся к временам хазарским и половецким, далее которых ничего не в состоянии видеть, а вопрос о брошюре и ее авторе принадлежит второй половине XIX столетия. Итак, оставались г. Костомаров и г. Соловьев. Они разошлись между собою во взгляде на предмет.

Г. Костомаров доказывал, что люди, имеющие образ мыслей г. магистра Н. Безобразова, называются в летописях наших варягами. Этого никто не мог оспорить. Но далее следовал вопрос: какой же варяг г. Н. Безобразов? Г. Костомаров, находя в литовском лексиконе Нессельмана слова: *sin* — предлог *без*; *eus* — существ. женск. рода, = *роза*, *лицо*, *образ*, — принимал г. магистра Н. Безобразова за Синеуса * ¹¹⁴. Но г. Соловьев принимает имя «магистр Н. Безобразов» не более, как прозвищем Иоанна IV Грозного, основываясь на словах летописца: «царь же Иван (IV) образом бе нелеп», — действительно, «образом бѣ нелѣп» и «Безобразов» — одно и то же.

Против той и другой догадки были важные возражения: о Синеусе летопись не упоминает, чтобы он печатал какие-либо брошюры за границею; следовательно, надобно еще доказать этот факт какими-нибудь другими данными; что же касается мнения г. Соловьева, то при всем своем остроумии оно совершенно неосновательно: мы положительно знаем, что при Иоанне IV Васильевиче в России знали только одного магистра **, и следовательно в имени г. магистра Н. Безобразова не могла бы явиться приставка «магистр», если бы под этим именем разумелся Иван IV Грозный.

Видя, что история только запутывает дело, мы прибегли к библиографии, стали рыться в журналах, в газетах, и скоро блеснул нам луч истины. В 7-м номере газеты «День» мы нашли статью «Уставная грамота» — статью, с которой стоит познакомиться поближе. Написана она в форме разговора между каким-то «князем» *** и «Тверитиновым». «Князь» затрудняется составлением уставной грамоты, потому что «крестьяне не подаются на его предложения», хотя он «не употреблял во зло своей власти» (читатель вспомнит, что летописец также не винит Синеуса ни в каких злоупотреблениях власти. Догадка

* *Sin* = *eus* Синеус, Безобразов. Действительно, сходство поразительное.

** Именно великого магистра ливонского ордена. ¹¹⁵

*** Просвещенный читатель помнит, что Синеус был князь; догадка г. Костомарова приобретает новую довольно твердую опору.

о Синеусе сильно подтверждается). Тверитинов говорит: если крестьяне не хотят подписывать уставную грамоту, то можно обойтись и без их согласия. — Так вот что-с, г. Тверитинов: можно обходиться и без согласия крестьян, по вашему-то? — Замечаем, замечаем, ушко-то чье выглядывает из-под вашей маски, г. Тверитинов. А ведь под маскою Тверитинова скрывается автор статьи, — так все газеты и журналы объявили *.

Кому-нибудь другому было бы извинительно говорить такие вещи; но г. Тверитинов не убаюкивает себя объяснениями, заимствуемыми из второстепенных побочных обстоятельств: из безграмотности, из невежества, из боязни письменных документов и т. п. — из вещей, которыми обыкновенно довольствуются при рассуждениях о несогласии крестьян подписывать уставные грамоты; г. Тверитинов смотрит, по прекрасному правилу Кузьмы Пруткова, «в корень». Корень оказывается очень толстый и крепкий. Вот подлинные слова Тверитинова. На замечание князя (Синеуса?), что «сколько он ни толковал крестьянам, они по-прежнему ни на что не соглашаются», г. Д. Самарин устами Тверитинова отвечает:

«Тверитинов. Да, об этом несогласии слышно со всех сторон; но именно потому, что это явление общее во всей России, полезно бы вникнуть в причину этого глухого, пассивного.... несогласия. Ведь вам известно, что крестьяне под волею понимают: *освобождение их от барщины и от оброка*».

На важность последних слов напирает сам г. Самарин, печатая их особым шрифтом. Вопрос в такой откровенной постановке должен бы казаться очень затруднителен для господ, подобных Тверитинову, желающему, чтобы князь продолжал получать с крестьян прежний доход. В самом деле, как сделать, чтобы люди, не желающие платить, стали платить с удовольствием? Но для такого умного человека, как автор статьи, г. Д. Самарин, ничего не стоит разрешить задачу как нельзя лучше. Тверитинов говорит:

«По моему мнению, желательно было бы, чтобы повинности, оставаясь в том же размере, перестав быть повинностями за пользование землею, вносились не помещику, а в казну, как подать и вместе с податью; а помещика вознаградите из казны ежегодною рентою. Тогда вопрос решится весьма легко: нужно, чтобы оброк, платимый крестьянами, проходя чрез казну, как бы изменился в самом принципе своем, хотя на самом деле изменения в размере никакого нет».

Ура! ура! искомое найдено, совершенно мною открытие, над которым напрасно ломали голову г. Страхов, г. Костомаров и г. Соловьев: подлинный г. магистр Н. Безобразов найден! Да это он, г. Д. Самарин! Абсолютное тожество этих двух имен очевидно.

В самом деле: разницы между ними нет никакой.

* Друзья автора закричат: «Клевета! г. Д. Самарин никогда не мог предложить, чтобы устройство крестьянского быта совершалось без согласия крестьян!» Нет-с, извините: г. Самарин прямо говорит это. Вот подлинные слова:

«Князь. Они (крестьяне) не соглашаются подписать уставной грамоты.

«Тверитинов. Мне кажется, что и незачем этого слишком добиваться.

«Князь. Я с вами согласен, что можно обойтись и без их подписи».

Тверитинов не отвечает, что князь неправильно понял его мнение.

Г. магистр Н. Безобразов говорил: недовольство мужиков крепостным правом весьма легко устранить одною переменою имени: надобно только переименовать крепостных в поселенных на помещичьих землях, оставив их отношения к помещику в прежнем виде; вот и будет исчерпан весь вопрос о крепостном праве.

Г. Д. Самарин говорит: недовольство мужиков оброком весьма легко устранить одною переменою имен: надобно только переименовать оброк в подать, оставив его в прежнем размере; вот и будет исчерпан весь вопрос об оброке.

Не было на земле двух Аристотелей; не может быть в России двух людей, способных к изобретению таких гениальных решений. Никто, кроме Ньютона, не мог открыть закон всеобщего тяготения; никто, кроме г. Д. Самарина, не мог изобрести мысль, высказанную в брошюре г. магистра Н. Безобразова.

Какое торжество моей проницательности! какое торжество и для философии! Аналитическим методом, путем многотрудного опытного исследования подтверждена безусловная истина двух основных формул философии Фихте:

$$Я = Я,$$

то есть г. магистр Н. Безобразов есть г. магистр Н. Безобразов

и

$$Я = \text{не } Я,$$

то есть г. магистр Н. Безобразов есть не г. магистр Н. Безобразов, а есть г. Д. Самарин.

Предлагаю дать достойные награды всем активным и пассивным участникам этого великого события:

1) Награда немецкому философу Фихте. Предлагаю постановить, чтобы ему, а по воспоследовавшей его смерти его законным наследникам получать от г. Д. Самарина оброк под именем подати.

2) Награда мне. Подносится в подарок полное собрание сочинений г. магистра Николая Безобразова (г. Д. Самарина тож), переплетенных в одну книгу, с изображением на переплете оной книги двойного портрета, золотым тиснением: г. Д. Самарин, изображенный в виде г. магистра Николая Безобразова, и г. магистр Н. Безобразов, изображенный в виде г. Д. Самарина.

3) Г. Д. Самарину. Переименовать его в магистра Николая Безобразова.

4) Г. магистру Николаю Безобразову. Переименовать его в г. Д. Самарина.

Возгордившись таким великим открытием, как абсолютное тожество г. Д. Самарина и г. магистра Николая Безобразова, я отдыхаю на лаврах, услаждаясь созерцанием дивной мысли г. Д. Самарина, и ее величие растет, растет в моих глазах:

«Оставаясь в том же размере, оброк изменяется в самом принципе своем, хотя на самом деле изменения в размере никакого нет!»

«О с т а в а я с ь в т о м ж е р а з м е р е, о б р о к и з м е н я е т с я в с а м о м п р и н ц и п е с в о е м, х о т я н а с а м о м д е л е и з м е н е н и я в р а з м е р е н и к а к о г о н е т!»

«ОСТАВАЯСЬ В ТОМ ЖЕ РАЗМЕРЕ, ОБРОК ИЗМЕНЯЕТСЯ В САМОМ ПРИНЦИПЕ СВОЕМ, ХОТЯ НА САМОМ ДЕЛЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РАЗМЕРЕ НИКАКОГО НЕТ!»

Ну, наконец-таки удалось мне сделать открытие, которого никто у меня не предвосхитил и не предвосхитит.

Г. магистр Николай Безобразов есть псевдоним г. Д. Самарина.

Слава мне! Преклоняйте предо мною колена, изумленные соотечественники!

Но тот, кто долго был злополучен, становится недоверчив, мнителен; а как проникло в душу сомнение — уже нет возможности безмятежного наслаждения блаженством, и счастье исчезает. Так было и со мною. «Но действительно ли достоин я того, чтобы преклонялись предо мною соотечественники? — стал думать я не дальше, как через полчаса, — точно ли сделал я открытие?» От сомнения до отрицания один шаг. Сам г. Д. Самарин еще требует нового исследования. Другое дело, если бы отыскал я под псевдонимом г. магистра Николая Безобразова какое-нибудь знаменитое подлинное лицо — например г. И. Аксакова, тогда дело было бы кончено. Конечно, я могу сделать эту догадку: г. И. Аксаков — редактор газеты, в которой помещена статья, подписанная именем «Д. Самарин». Аргумент сильный. Но с другой стороны, несомненно, что г. И. Аксаков тождествен не со всеми лицами, именами которых подписаны статьи его газеты, следовательно полного доказательства для моей догадки еще нет. Я доказал только тождество г. магистра Николая Безобразова с г. Самариным. Но кто такой сам г. Д. Самарин? Быть может он также псевдоним? — это даже несомненно по принципу Фихте, нами принятому. Станем же продолжать исследование.

По формуле

$Я = \text{не } Я$

очевидно, что

Г. Д. Самарин не есть г. Д. Самарин, а есть некто другой.

Нам должно узнать, что за человек этот некто. Но чтобы узнать этот предмет, должно анализировать его отличительные свойства. Станем анализировать свойства лица, скрывающегося под псевдонимом г. Д. Самарина.

Первое свойство. Г. Д. Самарин говорит, что думает о благе народа.

Второе свойство. Г. Д. Самарин во всем соглашается с понятиями князя (Синеуса?) и хлопочет о сохранении его интересов.

Свойство третье. Он толкует об устройстве крестьянского дела только потому, что князь находится в затруднительном положении.

Соединив эти три свойства, мы получаем четвертое качество: польза народа служит г. Д. Самарину только прикрытием хлопот о пользе князя. Из этого легко открывается:

Пятое свойство. Интерес крестьян он приносит в жертву выгодам князя.

Вот пять отличительных признаков, по которым должен быть узнан «некто», скрывающийся под псевдонимом г. «Д. Самарина». В ком найдутся эти признаки, тот и есть искомый нами «некто».

Боже мой, что я наделал над собою! я отнял у себя всякую возможность определенно указать на одно какое-либо лицо как на имеющее исключитель-

ные права быть узнаны под псевдонимом г. Д. Самарина. Десятки, сотни, тысячи людей, толкующих и хлопочущих об строитве крестьянского дела, представляются мне, и за исключением двух, трех между ними, все остальные обнаруживают свойства, соответствующие псевдониму г. Д. Самарина. Что ж я за несчастливец после этого: можно ли назвать раскрытием псевдонима, когда находишь, что он принадлежит не одному человеку, а тысячам людей?..

Эфиоп.

VI

ВЫДЕРЖКИ

из путевых эскизов

Стихотворения Конрада Лилиеншвагера

1

В ПРУССКОМ ВАГОНЕ

По чугунным рельсам
Едет поезд длинный;
Не свернет ни разу
С колеи рутинной.

Часом в час расчитан
Путь его помяло...
Воля моя, воля!
Как ты здесь бессильна!

То ли дело с тройкой!
Мчусь, куда хочу я,
Без нужды, без цели
Землю полосую.

Не хочу я прямо —
Забирай налево,
По лугам направо,
Взад через посевы...

Но увы! — уж скоро
Мертвая машина
Стянет и раздолье
Руси-исполина.

Сыплют иностранцы
Русские миллионы ¹¹⁶,
Чтобы русской воле
Положить препоны.

Но не поддадимся
Мы слепой рутине:

Мы дадим дух жизни ¹¹⁷
И самой машине.

Не пойдет наш поезд,
Как идет немецкий:
То соскочит с рельсов
С силой молодецкой;

То обвалит насыпь,
То мосток продавит,
То на встречный поезд
Ухарски направит.

То пойдет потише,
Опоздает вволю,
За мятелью станет
Сутки трое в поле.

А иной раз просто
Часика четыре
Подождет особу
Сильную в сем мире.

Да, я верю твердо:
Мертвая машина
Произвол не свяжет
Руси-исполина.

Верю: все машины
С русскою природой
Сами оживятся
Духом и свободой.

2

В ДРЕЗДЕНЕ

Концерт на Брюлевской террасе ¹¹⁸ —
Над мутной Эльбой, с кружкой пива...
Неподалеку, в Fischergasse *
Поманят в окна вас игриво...

Концерт на Брюлевской террасе,
Где немец курит, пьет, внимает,
И, точно в рукодельном классе,
Чулоч всех немоч занимает.

Концерт на Брюлевской террасе,
Под звук Бетховенской сонаты,

Где наш соотчич раз в экстазе
Подпел мотив из Травиаты ¹¹⁹.

Концерт на Брюлевской террасе,
Где русский русских тотчас чует
И на показ немецкой расе
Шампанским встречу торжествует.

Да, русский тотчас отличает
Здесь земляков в веселой массе,
Где звон стаканов заглушает
Концерт на Брюлевской террасе...

3

В ПРАГЕ

Только что расставшись с родиной святою,
Я скучал меж немцев русскою душою,
И, отвести чтоб душу, к дорогим славянам
Полетел я в Прагу — с легким чемоданом.
Облегчил его я, сколько то возможней,
Труся пред австрийской грозною таможней.

Но со мной возились — не скажу чтоб
много:

«Гид новейший Праги» рассмотрели стро-
го,

Туфли, панталоны, галстуки, рубашки,
Пять иль шесть листочков почтовой
бумажки —

Все перевернули; в стенки чемодана,
В крышку постучали — не нашли обмана,
Лишь одна брошюрка, изданная в Вене,
Чуть не послужила к неприятной сцене.
О правах брошюрки спор было родился;
Но разумный немец тотчас уходился,
Как ему на «Вену» указал я пальцем.
Вообще — в таможене не был я страдаль-
цем.

Подъезжая к Праге, полон чувством но-
вым,

Мог лишь повторять я вслед за Хомяко-
вым ¹²⁰,

Как не должно Праге хвастать пред Белг-
радом,

А Москве кичиться перед Вышеградом,
Как на Петчин в ризе древнего Кирилла
Шествовал епископ, а во след валила
Народная сила, в доблестной отваге,
Как заснул поэт наш, думая о Праге...

И вступил я в Прагу, и мечту поэта
Наяву увидел, среди дневного света.
Был какой-то праздник. Не было проходу
В улицах широких от громад народа;
Впереди блестели, в воздухе подъяты,
Знамена веры, убраны богато...

.....

.....

(Окончания нет).

* Переулке рыбака (нем). — Ред.

VII БЫЛИНА *

По Москве ль реке
Ходят валики
И колышатся
Челны легкие,
То молва идет,
Как волна катит,
Как волна катит,
Раздробляючись...

Не крупен жемчуг
То катается,
Не к заутрени
Громко звонится,
Нет, то речь ведут
Люди лучшие,
Люди лучшие,
Православные.

То Катков старшой
Да с Чичериным,
Со Аксаковым
Да и с Павловым
Полоняют Русь
Своей мудростью,
Своей мудростью,
Неописанной.

Собирались они
Целым сонмищем,
Сочиняли они
Длинные хартии
И пускали их
По святой Руси,
По святой Руси,
Молодехонькой.

И читал везде,
Похваляючи,
Православный люд
Их писания —
И, как звон, молва
Далеко пошла,
Далеко пошла
Про те головы...

Но случилось вдруг
Диво дивное!
Перессорились
Мужи лучшие:
Михаил Катков
Да с Чичериным,
Да с Чичериным,
Знаменитым.

Осерчал Катков,
Не стерпел Борис
(Ворон ворону
Глаза выклевал!):
За дворян один,
Супротив другой ¹²¹,
Супротив другой,
Всею силою!...

И повесь теперь
Хоть царь-колокол,
Повели звонить
В превеликую:
Не свести врагов,
Не связать друзей,
Не связать друзей
Разлученных!

Ох ты, друг первой,
Свет-Никифоруш!
Помирися ты
Да с Чичериным,
Заклучи союз
С «Нашим временем» ¹²²,
С «Нашим временем»
Позабытым,

Заросла б тогда
Пышным тернием
Русь крещеная,
Безысходная,
И гремели бы
Славой вечною
Уж вы — гой еси! —
Добры молодцы,
Добры молодцы,
Ненаглядные...

* Это произведение народной музыки записано мною близ Москвы, на Воробьевых горах. Удивляюсь, как оно не попало до сих пор в сборники!

СВИСТОК

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

9

«СВИСТОК» И ЕГО ВРЕМЯ ОПЫТ ИСТОРИИ «СВИСТКА»

Познай себя.¹

Сократ.

«Свисток» пишет свою историю главным образом и вообще для истории, для науки, для истины, которая сама для себя есть цель; а потом уже в частности и для того, чтобы в своем прошедшем почерпнуть урок и назидание для деятельности в будущем. «Свисток» смело и не боясь никаких возражений может сказать, что он, подобно другим ученым и литературным изданиям, имеет славное прошедшее и надежду на великое будущее, что и ему есть на что оглянуться назад и посмотреть вперед. Этого краткого предисловия и достаточно для истории, которая также будет краткою.

В то время, когда, несмотря на вековую отчаянную мольбу московской Руси — «не будите меня на заре»², ее все-таки разбудили и, как нарочно, именно на заре великого дня, занявшейся по мановению какой-то волшебной десницы, когда могучий богатырь, тысячу лет сиднем сидевший и от нечего делать сладко дремавший, наконец, проснулся, машинально протер сонные глаза, погладил усы и бороду, когда пробудились его мощные силы и запросились к энергической деятельности, когда все устремилось к гласности, поплелось к свету навстречу восходящему солнцу и, оживленное его теплотворными лучами, вострепнулось и закопошилось, когда многочисленные вопросы один за другим стали подниматься, словно грибы после дождя, — в это-то многознаменательное время явился на свет и «Свисток» с ясным сознанием своей задачи, с светлою мыслию о своем призвании, с печатью на челе, с огнем в груди, с ядом в устах, но с удивительным незлобием и добродушием в сердце. Появление его не было предвозвещено ни трубными и барабанными звуками стоустой молвы, ни широкоवेशательными и соблазнительными голосами печатных объявлений и вообще не было предшествуемо ни одною из тех приготовительных торжественных церемоний, которые сопровождают обыкновенно рождение не только новых журналов, но почти каждой, иногда самой пустой статейки, заранее обещаемой читателям как драгоценный подарок и всегда почти представляющей собою подобие мышонка, рожденного горою. «Свисток» явился просто и

скромно, без официальных представлений; высказал свою задачу, заявил свои тенденции, и — «защелкал, засвистал на тысячу ладов». Повсюду воцарилось глубокое торжественное молчание; «внимало все тогда любимцу и певцу Авроры»³, то есть собственно зари, пробудившей спавшую московскую Русь, — внимало все, но не все хотело сознаться и показать вид, что внимает. Безхитростная и откровенная публика внимала и не скрывала своего мнения; некоторые господа «внимали свист уже привычным ухом»⁴, уставясь на землю лбом⁵. Но ученые и глубокомысленные мужи притворились, будто вовсе не замечают «Свистка», будто свист его вовсе не доходил до их ученых ушей и уж никак не производил на них определенного и сильного впечатления; своим презрением они надеялись убить «Свисток» в первые дни его жизни. Но проницательный «Свисток», на основании своего глубокого знания натуры человеческой вообще и ученой в особенности, сразу же отгадал эту притворную невнимательность, это преднамеренное, неестественное презрение; он наверное рассчитывал, что его свист болезненно и злобовозбудительно отдается в их звонких головах и сердцах, окованных мудростью и как раз приспособленных для резонанса; он знал, какие чувства волнуют бумажные груди его собратьев, и потому их молчание принимал за «умысел иной»⁶; вследствие этого он тотчас же напрямки объявил, что ученые просто <делают вид, что> только игнорируют «Свисток». Таким образом, маска с ученых мужей была сорвана. Пред глазами всех открылось умильное и вместе забавное зрелище! Юный «Свисток» вдруг перехитрил целый сонм ученых, поседевших в самых искусных академических диспутах и диалектических маневрах! Нечего было делать, солидные мужи бросили свою прежнюю роль, которая, вследствие проницательности «Свистка», становилась уже отчасти смешною, решились выдвинуть против него свою тяжелую-претяжелую артиллерию, усовершенствованную Михаилом Петровичем Погодиным, остроумным московским Армстронгом и Уайтвортом⁷, и положили с этого времени действовать против «Свистка» научнообразно, по преимуществу филологически. И вот на горизонте литературы собралась грозная туча, засверкали молнии, слышались удары грома, завывала буря затем собственно, чтобы заглушить веселый свист. Все в литературе озлобилось на бескорыстных «рыцарей свистопляски»⁸. Озлобление доходило до того, что «Свисток» имел удовольствие встречать в печати следующие фразы: «Что если бы, — говорилось в одном журнале, имени которого «Свисток» не назовет из снисходительности, — этот свист раздался, не говорим в Германии и Англии, но даже в теперешней Франции? Там бы общество ответило на него *личной расправой*, которая весьма действительна для лиц, скрывающихся под псевдонимами». Всякий поймет, что значило это указание в переводе на обыкновенный язык. Впрочем, тогда же нашлись люди, которые посоветовали литераторам «перестать биться и драться»⁹. Этот совет, вероятно, возымел свое действие. Затем противники «Свистка» стали придумывать планы, как бы остановить свист, — до того было нестерпимо для них его действие. Эти планы предлагали всему русскому обществу предпринять крестовый поход против «Свистка» и запретить ему свист. В планах говорилось, между прочим: «Как только раздался «Свисток», его могло остановить общество. Какое же наше общество?

Наше общество молодо в литературном деле»; т. е. наше общество не созрело и потому не остановило «Свистка». Удар был направлен на самую чувствительную струну общества, которое тогда сильно раздражалось упреками в незрелости. Планы оканчивались вопросом: «Чья же это обязанность (остановить Свисток)? Конечно, не правительства, которому не усмотреть за всеми мелочами (а если б усмотрело?)» По долгу исторического беспристрастия «Свисток» мог сказать, кому принадлежали такие планы ¹⁰, но он умалчивает об этом и надеется, что его великодушие будет достойно оценено. Само собою разумеется, что все нападения и грозные планы насколько не ослабили энергии «Свистка»; ученый мороз не мог охладить жар его юной крови и серьезное наукообразное ворчание не заглушило его свиста, подобно тому, как однообразный и глухой шум выпускаемых паров на стеклянном заводе или на бумагопрядильной фабрике не может заглушить пронзительного и всепроницающего свиста самого последнего локомотива на С.-Петербургско-Московской железной дороге. «Свисток» неутомимо работал, смело и решительно шел к своей цели и таким образом достиг второго периода своей истории.

В этом периоде отрадное и утешительное зрелище открывается для «Свистка»; его идеи мало-помалу прививаются к литературе; обвинения, на него взведенные, падают; орда врагов его редет и гибнет; его заслуги ценятся; его завоевания признаются; его теории крепнут и популяризируются; ученые соседи в сношениях с ним принимают даже заискивающий вид. Излагать историю «Свистка» в этом периоде — значит повествовать об его победах и славных деяниях. Скажите в самом деле, кто умерил неумеренные и, можно сказать, безумные восторги русские? Кто проник в истинный смысл колоссальной фразы «в настоящее время, когда» ¹¹ и проч.? Кто измерил океан глубокий нашего прогресса? Кто сосчитал пески, лучи нашего развития? И если теперь, при треске напыщенных речей о быстроте нашего развития, у каждого на устах блещет улыбка — скажите, кому как не «Свистку» она обязана своим происхождением? Кто оценил музу Розенгейма, понял фальшивость ее звуков? Кто анализировал литературный талант и филантропические тенденции Кокорева? Кто понял Москву и сомнительное величие московских деятелей? Кто, в состоянии прозрения, пророчески созерцал настоящую судьбу «Русского вестника»? «Время» говорит теперь, что оно первое восстало против авторитета «Русского вестника» ¹², тогда как история свидетельствует, что «Свисток» разбил пьедестал, на котором стоял этот знаменитый журнал, еще тогда, когда «Времени» и на свете не было. Но мы никогда не кончили бы, милостивые государи, если бы захотели подробно исчислять все ученые, литературные и общественные заслуги «Свистка». Для полноты картины остается еще указать на самую капитальную заслугу «Свистка», относящуюся к русской гласности. Гласность эта обращала на себя преимущественное внимание «Свистка». Он обходился с нею бесцеремонно, насмешливо и даже дерзко и кончил отрицанием ее, что собственно и составляет его заслугу. Но за такую заслугу на «Свисток» посыпались укоры, можно сказать, со всех концов мира. Одни говорили, что «Свисток» топчет молодые всходы гласности. Другие же выражались об его поступках с гласностью таким образом: «Заметив робкость и неловкость гласности,

подняли бедную, как говорится, на зубок; насмешка не пощадила ее нового положения в обществе; особенно же в этом глотанье слов нашли что-то очень смешное. Она рассказывает нам, говорили насмешники, что-то и про кого-то; но о каких именно странах, и о каких существах лепечет она, понять невозможно. Так говорили насмешники и недовольные (да, «Свисток» говорил это; ну так что же?). Гостья прислушалась, поняла, в чем дело, оправилась и — вот оставляет она свои робкие движения и заменяет их смелою осанкой (?), становится сама насмешницей. Послышались в устах ее и имена собственные и уже немалое число их произнесла она». Но, несмотря на эти укоры, «Свисток» стоял и стоит на своем и отрицание русской гласности считает своей заслугой, которую должна признать история.

Наконец наступил третий, самый славный период в истории «Свистка». Его идеи торжествуют, покоряют себе умы; его влияние захватывает обширную сферу; все журналы признают его; об нем пишутся статьи и целые пространные критики; его прямо называют уже «знаменитым». Свист получает право гражданства в литературе; название «свистун» становится почетным, и многие ищут чести быть и называться свистунами. Повсюду обнаруживается стремление подражать «Свистку»; многие журналы заводят у себя юмористические отделы и только из ложного стыда не называют их свистками или антисвистками. Можно было ожидать, что «Свисток», при виде этих неожиданных явлений, придет в восторг, — ничего не бывало; он не восторгался, потому что ожидал их, потому что ему очень хорошо известна была история распространения всех новых идей, как они, хоть с трудом и только мало-помалу, но всегда делаются общим достоянием. Даже ученые мужи, истощив все научные средства в борьбе со «Свистком», сознали свое бессилие, безмолвно преклонились пред ним, поняв наконец, что свист дело важное и благотворное. Под влиянием этой мысли и они решились подражать «Свистку». Какая резкая противоположность между третьим периодом истории «Свистка» и первым! «Свистку» решились подражать те самые люди, которые в первом периоде взывали к обществу, чтобы оно остановило свист и «Свисток», указывали на пример Англии и Германии и называли общество молодым за то, что оно не последовало их внушениям. Для доказательства того, как сильно развилась подражательность «Свистку», достаточно указать на несколько примеров. «Русский вестник», дольше всех журналов хранивший личину презрения к «Свистку», признал наконец «Свисток», стал относиться к нему как к равному, вступил с ним в серьезную полемику, занялся учеными исследованиями о «Свистке» и поместил у себя капитальную статью под заглавием: «Наш язык, и что такое свистуны»¹³. А наконец и сам стал свистать и даже сам откровенно сознался в том, что он свищет. Лучшие, типические образцы его оригинального свиста публика видела в его прошлогодних летних статьях¹⁴. А уж если «Рус. вестн.» поддался свисту, то другие журналы и подавно должны были заразиться свистом. Самым ученым и серьезным между нашими русскими журналами считался журнал, название которого едва ли и нужно произносить, потому что при одном слове «ученый и серьезный» в уме каждого возникало представление об «Отечественных записках». Излишне также упоминать и о том, что «Отеч. зап.» по самому характеру своей натуры были не расположены к свисту вообще

и к «Свистку» в особенности. Да правду сказать, свист и не шел к лицу «Отечес. запис.», к их строгой физиономии, и внимать их свисту было бы так же странно, как глядеть на пляску и канканирование какой-нибудь 80-тилетней старушки. Однако ж и «Отечественные записки» заразились свистом и прежде всего стали свистать ученым образом. Первая статья со свистом была помещена в них под следующим ученым заглавием на латинском языке: «gesta reipublicae literarum Moscoviensis. Accedunt prolegomena de rationibus criticis et gramaticis controversiae maxime (преимущественно для профессоров классической словесности и греческой философии)»^{14a}. В ней заключались разные остроты сначала насчет всей Москвы, потом насчет «Рус. вестн.» и г-жи Евгении Тур.

Затем «Отечес. зап.» делали несколько попыток формально завести у себя свисток; в числе этих попыток были «Все и ничего» и «Самодур»¹⁵. Из всех свистящих острот, рассыпанных по этим quasi-свисткам, только одна достойна того, чтобы занимать место в истории и сохраниться на память грядущим поколениям, а именно следующее окончание какого-то стихотворения:

«Погоди, Громека,
Свистнешь, брат, и ты».¹⁶

Сбылось ли это предсказание, неизвестно. Даже «Время», болезненное и хилое, по самой природе своей предназначенное для плача и сетования, усиливалось и нутужилось свистать, что, конечно, очень вредно действовало на его слабый организм; оно осклаблялось болезненно и раздражительно, и это осклабление в простоте своей принимало за свист; оно сочиняло статьи «со свистом и пляскою, с переодеванием» и т. д., рассуждало о «хлебных свистунах», о «либеральных кнутиках»¹⁷ и т. д. Вследствие этого, подражая той знаменитой мухе, которая говорила некогда: «мы орали»¹⁸, и «Время» говорит теперь о себе: «и мы свистали!» Действительно, свистали; оно свистит и теперь, только в собственный кулак и на собственную шею. Но это уже не относится к истории, это дело текущее. — «Русское слово», несмотря на свою суровость и даже некоторого рода мрачность, тоже усилилось подражать «Свистку» в «Дневнике Темного Человека», который, воображая, что сущность свиста заключается в стихах, просто измучил читателей громадным количеством своих стишков и воспевал в стихах, часто весьма дубовых, такие события, которые не стоили бы самой пошлой прозы. Приведенные примеры ясно показывают, до какой степени свист въелся в умы и сердца, как сильна свисткомания и горячка подражания «Свистку»!

В это-то славное для «Свистка» время на него посыпались удары слепой, но жестокой судьбы; он понес чувствительные, ужасные потери, которые он долго оплакивал и долго не мог забыть. Едва только он успел оправиться после этих потерь, как его поразила новый удар, после которого он уже и не помнит, что было с ним. Помнит только, что для него наступила длинная мрачная ночь и какой-то тяжелый сон... Первые минуты его пробуждения были отравлены сознанием новых потерь...¹⁹ Пробудился он и едва мог дать себе отчет о том, что происходит вокруг него; в самом деле, как много воды утекло в продолжение этого перерыва в деятельности «Свистка», как изменился мир и как в особенности изменилось лицо земли русской! На одной

стороне лица застыла тупая бессмысленная улыбка; другая сторона сморщилась в кислую гримасу; по всему лицу пробегают судорожные подергивания; один глаз неестественно блещет, из другого сочатся слезы ²⁰. Матушка Россия! что с тобой? Да, много событий совершилось в мире в то время, когда «Свисток» не мог видеть и наблюдать их! Гарибальди, дразнивший капризную и изменчивую музу Якова Хама, получил достойное возмездие: великий Раттацци, преемник великого Кавура, подстрелил его ²¹; и «Свисток» не воспел этого торжества закона над беззаконием! Скатилось с горизонта еще одно солнце — Оттон I ²², ушедший во след за Франциском II; и «Свисток» не оплакал этого печального заката! Австрия, любимый предмет «Свистка», изменила своим преданиям и своему призванию и ринулась на опасный путь парламентов и палат; и «Свисток» не покарал ее измены! Великие государственные люди Пруссии взяли на себя прежнюю великую задачу Австрии ²³; и «Свисток» не ободрил их словом одобрения! Немало было и других событий на Западе, и ни на одно из них не мог отозваться «Свисток». А сколько совершилось достопримечательного в самом отечестве «Свистка»! сколько перемен, преобразований, улучшений! одно уничтожение откупов ²⁴ достаточно было, чтобы видоизменить строй русской жизни. Литература обогатилась и разрослась, как лоза плодовая, растущая в привольном месте. Людей разделили на два отдела, на отцов и детей ²⁵, которые не прикасаются друг к другу, как жида к самарянам. Изобретена особая порода людей, под названием нигилистов, вероятно имеющая сходство с зефиротами ²⁶. «Петербургские ведомости» переселились в Москву; а «Московские» в Петербург ²⁷. Совершилось затем много такого, о чем прискорбно и вспомнить и что, однако, совершается доселе.

Много воды утекло без «Свистка», многое она унесла с собою, но ничего не омыла и не очистила. То, что достойно свиста и освистания, осталось неизменным и продолжает обнаруживать себя явлениями, способными вызвать не только резкий свист, но и глухой болезненный стон, явлениями общими, универсальными, объемлющими все русское человечество, и явлениями частными, близко касающимися самого «Свистка». Поле «Свистка» по-прежнему очень обширно и предметов для свиста очень много; но это поле тернисто, но эти предметы не податливы. «Свисток» по-прежнему *fait ce que doit, advient ce pourra* *.

Время, в которое «Свисток» снова выступает в свет, и чувства, волнующие его при свидании с читателем, отчасти выражаются в следующем стихотворении:

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» К ЧИТАТЕЛЯМ

В те дни, когда в литературе
Порядки новые пошли, ²⁸
Когда с вопросом о цензуре
Давно стоим мы на мели,
Когда намеком да украдкой
Касаться дела мудрено;
Когда серьезно загадкой
Все занято, поглощено,

Взволновано, а в журналистах
Последний помрачает ум
Какой-то спор о нигилистах,
Глупейший и бесплодный шум;
Когда при помощи Пановских ²⁹
Догадливый антрепренер
И вождь «Ведомостей Московских»,
Почуяв время и простор,

Катков, прославленный вития,
 Один с Москвою речь ведет,
 Что предпринять должна Россия ³⁰,
 И гимн безмолвию поет *; ³¹
 Когда в затмении рассудка
 Юркевич лист бумаги мял
 И о намереньях желудка
 Публично лекцию читал; ³²
 Когда наклонностей военных
 Дух прививается ко всем ³³,
 Когда мы видим избитых
 Посредников; ³⁴ когда совсем
 Неидут Краевского издания ³⁵
 И над Громекиной главой
 Летаёт бомба отрицанья,
 Как повествует сей герой **; ³⁶
 Когда сыны обширной Руси
 Вкусили волю наяву,
 И всплакал Фет, что топчут гуси
 В его владениях траву ***; ³⁷
 Когда ругнул Иван Аксаков
 Всех, кто в Европу укатил ³⁸,
 И, негодуя против фраков,
 Духовных лиц не пощадил ****; ³⁹
 Когда, покончив подвиг трудный,
 Внезапно Павлов замолчал ⁴⁰,
 И Амплий Очкин кунштик чудный
 С газетой «Очерки» удрал ^{5*} ⁴¹,
 Когда подкошена, как колос,
 Она исчезла навсегда;
 В те дни, когда явился «Голос» ⁴²
 И прекратилась «Ерунда» ⁴³, —
 Тогда в невинности сердечной,
 Любимый некогда поэт,
 Своей походкою беспечной
 «Свисток» опять вступает в свет...

Как изменилось все, Создатель!
 Как редок лиц любимых ряд!
 Скажи: доволен ты, читатель?
 Знакомцу старому ты рад?
 Или изгладила «Заноза» ⁴⁴
 Все, чем «Свисток» тебя пленял,
 И, как увянувшая роза
 Он для тебя ненужен стал?
 Меняет время человека:
 Быть может пасмурный Катков,
 Быть может пламенный Громека
 Теперь милей тебе свистков?
 Возненавидев нигилистов,
 Конечно, полюбить ты мог
 Сих благородных публицистов
 Возвышенный и смелый слог,
 Когда такое вероломство
 Ты учинил — я не ропщу,
 Но ради старого знакомства
 Все ж говорить с тобой хочу.
 «Узнай по крайней мере звуки,
 Бывало милые тебе,
 И думай, что во дни разлуки,
 В моей изменчивой судьбе ^{6*} ⁴⁵,
 Ты был моей мечтой любимой,
 И если слышал ты порой
 Хоть легкий свист, то знай: незри-
 мой
 Тогда витал я над тобой!..

* * *

Свисток пред публику выходит,
 Высокомерья не любя,
 Он робко взор кругом обводит
 И никого вокруг себя

* Они собраний не имеют,
 Они речей не говорят,
 Они в невежестве коснеют,
 Но духом высоко парят... и т. д.

См. «Моск. ведом.» № 68. «Москва, 27 марта».

** См. «Отеч. зап.», № 3, 1863 г., «Соврем. хрон. России», стр. 9.

*** См. «Русский вестник», 1863 г., № 1. «Из деревни».

**** Двести семьдесят пять тысяч
 Русского дворянства
 Проживают за границей
 Из пустого чванства,

(См. «День», «Из Парижа». Письмо в Редакцию.)

^{5*} Обстоятельства ужасные
 Вынуждают нас продать
 Наши «Очерки» несчастные
 Писаревскому... Читать

Будешь «Слово Современное»
 Ты теперь, подписчик мой,
 Верь, издание отменное,
 И будь счастлив — бог с тобой!

^{6*} Стихи Пушкина.

«Ред. Гч.» («Соврем. слово», № 80).

Себя смиренней не находит! * ⁴⁶
 Да, изменились времена!
 Друг человечества бледнеет,
 Вражда повсюду семена
 Неистовства и злобы сеет,
 Газеты чуждые шумят... ⁴⁷
 (О вы, исчадь вольной прессы!...)
 Черт их поймет, чего хотят,
 Чего волнуются, как бесы!
 Средь напряженной тишины
 Катков гремит с азартом, с чувством,
 Он жаждет славы и войны ** ⁴⁸
 И вовсе пренебрег искусством.
 Оно унижено враждой,
 В пренебрежении науки,
 На брата брат подымлет руки
 И лезет мост на мост горой *** ⁴⁹ —
 Ужасный вид!.. В сей час тяжелый
 Являясь в публику, «Свисток»

Желаает мирной и веселой
 Развязки бедствий и тревог;
 Чтобы в сумятице великой
 Напрасно не томился ум...
 И сбудется... Умолкнет шум
 Вражды отчаянной и дикой.
 Недружелюбный разговор
 Покончит публицист московский,
 И вновь начнут свой прежний спор
 Гиероглифов и Стелловский; ⁵⁰
 Мир принесет искусствам дань,
 Престанут радоваться бесы,
 Уймется внутренняя брань
 И смолкнет шум заморской прессы.
 Да, да! Скорее умолкай,
 Не достигай пределов невских,
 И гимны братьев Достоевских
 Самим себе не заглушай! ⁵¹

ЦЕНЗОР ВПОПЫХАХ

(Лесть в виде грубости)

П р е д и с л о в и е

Я давно уже помышляю, любезный читатель, о возможности предъявить публике такое произведение человеческого слова, в котором грубость (грубиянство, обличение) являлась бы в приятном сочетании с лестью и которое в одно и то же время удовлетворяло бы требованиям современности и не противоречило намерениям начальства. Если существуют на свете прогрессивные ретрограды и ретроградные прогрессисты, то почему же не существовать лести в виде грубости и грубости в виде лести! — думал я, и думал, надеюсь, правильно. Нет сомнения, что грубость в диком состоянии, грубость абсолютная, в государстве, пользующемся покровительством законов, невозможна; но с другой стороны, не подлежит сомнению и то, что публика настоятельно требует, чтобы писатели грубили как можно сильнее. Посему задача писателя знаменитого обрисовывается сама собою. Он должен действовать, так сказать, двуутробно: одною утробой изливать яд и хулу, другою — источать тонкую паутину лести. Я знаю, что и до меня некоторые отличнейшие писатели выказывали в этом смысле намерения, заслуживающие всякого поощрения, но считаю, что опыты их были не совсем удовлетворительны, ибо лесть буйствовала в них слишком исключительно и притом во всей своей наготе. Я же, напротив того, думаю, что в литературном упражнении лесть должна быть распространена в виде тончайшего эфира. Поэтому, замечая за собой такой правильный образ мыслей,

* Из Пушкина.

** Стих Лермонтова.

*** См. «Полицейские ведомости».

я решился. Я нарочно взял для испробования своих сил на этом поприще предмет самый, по-видимому, неприступный; думаю, пусть выйдет, что выйдет, но пускай же ведают россияне, что для россиян ничего неприступного не может быть. Вышло хорошо.

Примечание редакции «Свистка». Все примечания к этой статье составлены самим автором.

Бьет час ночи *. В одной из блестящих частей города, в великолепной и роскошно убранной квартире **, развалясь на гамбсовском мягком пате ⁵², полулежит цензор и читает журнальные корректуры. Глаза его следят за корректурой, а мысли витают в эмпиреях государственного благоустройства ***. Он думает о серьезном характере лежащих на нем обязанностей; он думает, что, с одной стороны, он не должен стеснять силы верно-благонамеренных излияний, а с другой стороны, не должен стеснять самого себя в мерах к ограждению молодых и неопытных писателей от могущих последовать для них неприятностей ****.

— Моя задача двойственна, — говорит он, лениво опуская руку, державшую корректуру, — и между тем она единотождественна. Я преследую две цели, а между тем обе эти цели составляют, в сущности, одну и ту же цель.

Успокоенный этою мыслью цензор снова принимается за корректуру и вдруг вскакивает, как ужаленный.

— Что это они пишут! что это они пишут! — вскрикивает он и, как бы не веря глазам своим, подносит корректуру к богатой бронзовой лампе, в которой весело пылает блестящее пламя фотогена. Чтобы лучше увериться, он начинает читать вслух, с точным соблюдением всех знаков препинания.

«И потому, принимая в соображение, что, в существе вещей, общество привлекается к обсуждению сего предмета в размерах весьма благонадежных, мы думаем, что упомянутый выше проект представляет залогов преуспевания весьма изрядного *****»...

— «Мы»? кто это «мы»? — прежде всего восклицает ***** взволнованный цензор, — ты, ты, ты — и никто больше!

Но мало-помалу чувства цензора утихают и принимают серьезное направление. Дело в том, что нынче «мальчишки» так писать изловчились, что сам черт их не разберет. Хвалят они или издеваются, сочувствуют или только

* Намек на то, что цензора обременены работами, но вместе с тем и на то, что цензора производят свои работы ночью, когда добрые люди занимаются только колдовством.

** Намек этот дает понятие о получаемом цензорами достаточном содержании, но вместе с тем внушает, что содержание это едва ли ими заслужено.

*** Показывает, что цензор человек мечтательный, и что мечтательные люди по большей части отличаются добросердечием. Но вместе с тем показывает, что и мечтательность в некоторых случаях не может считаться признаком добросердечия.

**** Означает, что, несмотря на добросердечие, сей человек тверд. Комментарий обоюдоострый.

***** Ничего не означает.

***** По-настоящему следовало бы сказать «неистовствует», но боюсь, не пройдет. Пусть так и остается «восклицает», но пусть читатели все-таки знают, что я не прочь сказать и «неистовствует».

так время проводят — определить это можно разве только посредством «Ключа к тайнствам природы»⁵³. Мало того, что сами писать изловчились, но и цензуру к такому своему противоестественному слогу приучили и постепенно (вот где пригодилась постепенность!) достигли, наконец, того, что вещи отлично благонамеренные, но писанные слогом размазистым, весьма часто не проходят, а вещи противоестественные, написанные слогом, так сказать, вывороченным наизнанку, проходят весьма благополучно *.

— О черт возьми! что он хочет сказать этим? — рассуждает цензор, ходя по комнате и зажавши себе обеими руками уши. Он знает, что когда человек желает пристальнее сосредоточить на чем-нибудь свое внимание, то непременно должен зажать себе уши **.

— Что он хочет сказать этим? — повторяет цензор. — «Сего предмета!» какого это предмета!

Некоторый тайный голос шепчет цензору, что для того чтобы знать, какое значение скрывается в словах «сего предмета», надобно прочесть фразу с самого начала. Он следует совету тайного голоса и читает.

— Ну, «сего предмета» — это ничего; это просто означает: «предмета сей статьи» ... но что он хочет сказать посредством: «в размерах весьма благонадежных?» Любезничает он или ругается? ***

С одной стороны, слово «благонадежный», как доказывает это присутствие в нем слова «благо», имеет смысл совершенно благонадежный. С другой стороны, мало ли случалось в истории примеров, когда слова самые благонадежные оказывались впоследствии самыми неблагонадежными? Так, например, в древности Тиверий (см. драму г. Костомарова «Кремуций Корд») ⁵⁴ всегда выражался, по-видимому, весьма благонадежно, но впоследствии всегда же оказывалось, что он принадлежал к тайной секте «свистунов».

— А какое имеешь ты право давать словам автора не прямые толкования? — шепчет тайный голос ****.

— Черта с два! «право»! — отвечает цензор тайному голосу, — чай, у меня жена и дети есть! *****

В голове его зреет проект: для рассмотрения нигилистских сочинений определить цензора из нигилистов; разумеется, такого нигилиста, который понимал бы нигилистские диалоги, но, в сущности, был бы человеком благонамеренным. Посредством такой комбинации достигалась бы двойная цель: во-первых, всегда был бы под руками человек, который нигилистскую ка-

* Означает, что всякое дело надо делать умеючи. Сверх того, означает, не следует ли издать закон, которым вменялось бы авторам в обязанность выражаться понятно и категорически? И еще сверх того означает, не следует ли предоставить авторам свободу выражаться, как им хочется?

** Обозначает внимание, с которым цензор исполняет свои обязанности.

*** Обозначает: и этого-то ты понять не можешь!

**** Обозначает, что закон (тайный голос) сам по себе всегда благодетелен, но исполнители не всегда следуют внушениям его. Объяснение для всех удовлетворительное.

***** Обозначает, насколько узы естественные сильнее уз государственных. С другой стороны, обозначает, что и естественные узы, при силе воли и строгом исполнении предписаний начальства, можно пребороть.

балистику мог бы читать *à livre ouvert* *, и во-вторых, в лоно благонамеренности поступала бы лишняя заблудшая овца **.

— А что, если никто не пойдет?

Ну, тогда можно прибегнуть к другому средству: можно, например, взять малолетнего сына каких-нибудь бедных родителей и отдать его в обучение к нигилистам, а когда он всем их приемам научится, то определить в цензоры.

— А что, если он так *там* и погрязнет?

— Ну, нет! шалишь! Этак и проектов, пожалуй, совсем нельзя писать будет! — рассуждает цензор и снова принимается за корректуру.

— «Залоги преуспевания весьма изрядного!» гм:... «изрядного!» Что такое «преуспевание изрядное», да еще «весьма изрядное»? Что они со мной делают! Не пропустить — не могу!.. ну, нет, врешь, могу!

Цензор опять обращается к корректуре и начинает выправлять ее. Вследствие поправок выходит следующее: «и потому, принимая в соображение, что, в существе вещей, общество привлекается к обсуждению сего предмета, мы думаем, что упомянутый выше проект представляет»...

— И точка, — говорит цензор, — ну, да, и точка. Дальше! «а так как при сем имеется в виду учредить надлежащий бдительный надзор, то, взирая с доверчивостью на настоящее, не теряем упования и в будущем».

— Вон куда метнул! те-те-те... знаем, как вы «не теряете упования в будущем!» И ведь как он это подвел!

Цензор уже не задумывается и зачеркивает властно, уверенною рукою, оставляя только «упование в будущем».

— Ну вот и прекрасно! и с предыдущим связь соблюдена! стало быть: «упомянутый выше проект представляет упование в будущем». Отлично! Но ведь как он подъехал! и статью-то, злодей, как озаглавил! «Сомневаться или верить!» а! (*Зачеркивает заглавие*). Верить, милостивый государь, верить! (*Пишет на месте зачеркнутого: «И еще предлог к сочувствию»*). Ну-с, что ж дальше? А дальше: «Ну, конечно». Эту фразу я полагаю оставить... да, ее надо оставить! Что она обозначает? О черт возьми... что она обозначает? Ну да, она обозначает... «ну, конечно»... то есть «конечно»... ну да... фу ты, черт! (*Зачеркивает*) ***.

— George! ты будешь с нами завтракать, друг мой? — спрашивает в эту минуту жена цензора, входя в его кабинет ****.

* без подготовки, с листа (*франц.*). — *Ред.*

** Проект сей столь полезен, что говорит сам за себя. А потому обращаю на него внимание гг. командующих на заставах. С другой стороны, внезапное возникновение подобного проекта не доказывает ли вообще легкость, с какою такие проекты возникать могут!

*** Намек этот дает понятие о варварстве цензора, но с другой стороны, не оставляет без обличения и варварства нигилистов, которые, во всех своих изворотах, имеют в виду одну цель: помрачение умов.

**** Читателю может показаться странным, что я заставляю героя моего завтракать во втором часу ночи, но эта поэтическая вольность нужна была мне в двух отношениях. Во-первых, я сообразил, что ведь не скроешь же ни от кого, что действие происходит днем, а не ночью, и во-вторых, ночь мне была нужна для того, чтобы показать, какую страшную пертурбацию могут произвести занятия цензурой не только в жизни самого цензора, но и в жизни его домочадцев.

— Мой друг! я голоден, но я есть не хочу! *

— Это странно, George!

— Я сам знаю, что это странно, мой друг, но если б ты прочитала вот эту статью (*указывает на корректуры*), то поняла бы, что можно потерять аппетит, не потерявши его!

Жена цензора очень миленькая, белокуренькая немочка, с быстренькими голубенькими глазками, в которых выражается любознательность. Она берет корректурные листы и не столько читает, сколько играет ими.

— George! что такое «упование»? — спрашивает она.

— «Упование», мой друг — это такое слово, которое нарочно пишется, чтобы показать, что упования не должно быть!

— Зачем же ты, George, такие слова пропускаешь?

— А разве я пропустил? (*Читает*) «представляет упование в будущем»... гм... да!

— Ведь этак мы, друг мой, можем нашего места лишиться! — соображает жена **.

— Что ж, стоит только вычеркнуть!

— Ведь этак мы, друг мой, легко можем нашего места лишиться! — пристает жена.

— Ну что ж, и вычеркну!

— Потому что ведь этак, друг мой, мы очень легко можем нашего места лишиться! — повторяет жена.

— Отстань, сударыня! зачеркну! (*Зачеркивает*) ***.

— Но этого для меня мало!

Цензор начинает сердиться.

— Что ж тебе нужно, сударыня?

— Но этого для меня мало!

— Да объяснись же, мой друг!

— Ты меня запер в четырех стенах этой великолепной квартиры! ты заставил меня бодрствовать по ночам!

— Что же я должен сделать, мой друг?

— Что ты должен сделать? ты спрашиваешь, что ты должен сделать? Он спрашивает!

Вбегает Коля ****, розовенький и свеженький мальчик, очень похожий на мамашу; в глазах его также выражается любознательность.

— Папаша! ты будешь завтракать? — спрашивает он.

— Коля! друг мой! — говорит взволнованный цензор.

* Это также несколько странно, но если читатель вспомнит лекции г. Юркевича о самодеятельности души, то найдет, что это странность весьма еще умеренная.

** С одной стороны, обозначает, что женщина есть фиал всякого ехидства, и что так называемые эмансипаторы суть самые пустые люди; с другой стороны, что женщины по своей прозорливости и сообразительности вполне заслуживают, чтоб их сравнивали в правах с мужчинами, и что, следовательно, эмансипаторы совсем не пустые люди.

*** Обозначает, с одной стороны — доброту, с другой — недозволенное слабодушие. Как кому угодно.

**** Это доказывает, что у цензора могут быть дети, и еще доказывает... что мне надоело писать примечания и что читатель обязан доходить своим умом. Предупреждаю, однако ж, что мною ни одного слова не употреблено без умысла.

— Ты спрашиваешь, что ты должен сделать? — пристаёт жена.

Вбегают Джипси, резвая и милая левретка; она не спрашивает цензора, будет ли он завтракать, но лижет ему руки и веселыми прыжками очевидно доказывает, что ей было бы приятно, если б цензор пошел завтракать.

— Вот все мое семейство! — задумчиво грезит цензор. — Что с нами будет, если мы лишимся нашего места!

— Ты спрашиваешь, что ты должен сделать? — опять надоедает жена.

И она ловким движением руки разрывает корректуры пополам.

— Блаво, мамаса! — кричит Коля, хлопая ручонками.

Джипси радостно лает.

Цензор стоит в некотором изумлении.

— Что ты сделала, несчастная! ты обезобразила казенную вещь! — шепчет он, приходя, наконец, в чувство.

Не знаю, как ты, читатель, но я положительно нахожу, что цензура очень полезная вещь. Охраняя общество от наплыва идей вредных, она вместе с тем предостерегает молодых и неопытных публицистов от могущих случиться с ними неприятностей. Все это так верно, так верно, что у меня даже слезы навертываются на глазах от благодарности. Но для того чтобы она достигала своей высокой цели, для того чтобы устранить из ее решений характер случайности, я полагал бы: цензоров во время исполнения ими обязанностей запереть на ключ.

Михаил Змиев-Младенцев

ПИСЬМА ОТЦА К СЫНУ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Милый мой Ваничка! ⁵⁵

Благодарю тебя за письмо, за доверие и откровенность, с которыми ты обратился ко мне; мне приятно видеть их в тебе, особенно в настоящее время, когда дети так скоро забывают своих родителей и теряют к ним всякое уважение. Из настоящего же моего письма ты увидишь, что и отец может пригодиться тебе и помочь тебе своими советами. Ты прислал мне несколько своих статей о разных предметах и спрашиваешь меня, можно ли их напечатать, стоят ли они того. Мне очень приятно сообщить тебе мое откровенное мнение об них; надеюсь, ты вполне оценишь беспристрастие и искренность моего мнения, иначе ты бы и не обратился ко мне. В одной статье ты занимаешься опровержением модного философского учения, которое называется материализмом. Ты не поверишь, как я рад тому, что ты не заразился ядом этого учения, которым пропитана большая часть современной молодежи; особенно приятно моему родительскому сердцу то, что ты, несмотря на твою скромность, смело выступаешь на борьбу с этим учением. Ты знаешь, я сам не люблю этого учения и потому от души желаю тебе успеха в твоих

опровержениях. В видах этого успеха я и решаюсь сделать несколько подробных замечаний на твое опровержение указанного учения. Прямо скажу тебе, что оно не слишком глубоко задевает опровергаемый предмет и потому едва ли достигнет своей цели; хотя нужно правду сказать, перо у тебя очень бойкое, а слог положительно красноречив, и если у тебя со временем разовьются мыслительные способности и качества твоих мыслей будут соответствовать качествам твоего пера, то ты сделаешься замечательным писателем, и я вправе буду гордиться тобой. Я читал твою статью твоей мамаше; она плакала от умиления, слушая ее; особенно тронуло ее то место, где ты отстаиваешь начала верований. Несколько раз с восторгом она повторяла, что твою статью следует напечатать золотыми буквами. Но ты знаешь, что материнское сердце всегда пристрастно к сыну; я же, после холодного беспристрастного размышления, нахожу, что печатать твою статью ты погоди. Уж если опровергать противника, так нужно его пробрать хорошенько, поразить его так, чтобы он или совсем не встал, или не скоро оправился после поражения; а иначе, брат, наши противники только посмеются над нами. Ведь ты, конечно, читал рекомендованные мною тебе статьи Хомякова и Самарина ⁵⁶, в которых они опровергают твоих же противников; видишь, и такие умные люди, как они, не умели хорошенько справиться с делом, начали его и не кончили, взялись опровергать и не опровергли. Тебе следовало идти дальше, довершить начатое ими; сколько же нужно было тебе осмотрительности и основательности; а твоя-то, брат, статья оказывается даже слабее ихних. Ты берешь одну сторону учения твоих противников — практическую, конечно важную, но все-таки одну; ты взялся доказать, что материализм и общественная свобода два начала несовместимые и противоположные. Ты говоришь: «Все благородные движения человеческой природы несовместны с учением материалистов, обоготворившим материю и, следовательно, вещественную, материальную силу» ⁵⁷. Положение верное, я с тобою согласен, но чем же ты докажешь его? «Отнимите у людей, говоришь ты, нравственное отношение друг к другу, и как бы вы ни хлопотали о механическом равновесии эгоизмов и частных польз, вы никогда не утвердите этого равновесия, потому что у вас не останется другой точки опоры, другого мерила и критериума для оценки вреда и пользы, кроме «ощущения» и взаимного столкновения ощущений. А так как ощущение зависит от расположения мозговых шариков, мускулов и нерв, то, стало быть, на этой-то физической основе ощущений построено у материалистов все здание человеческой свободы! Она не есть нравственное право, а есть продукт взаимного материального самоограничения, чего-то вроде физического трения ощущений друг о друга, в разных человеческих организмах; поэтому каждое ощущение может проявляться и действовать свободно — пока чужое ощущение не заставит его войти в свои пределы. На этом основании права каждая материальная сила, покуда она сила и не пересилена другою силою. Очевидно (ну, не знаю!), что те, которым материализм вошел в плоть и кровь, обманывают себя и других, когда толкуют об общественной и политической свободе; в сущности им дела нет и не должно быть дела до чужой свободы, а они добиваются только одного — чтобы на место гнетущей их материальной силы поставить такую же грубую силу собственных материаль-

ных ощущений». Ну скажи, Ваничка, откровенно мне, как отцу, ужели ты понимаешь, что ты это такое написал? Какая связь между этими твоими словами об ощущениях и о свободе? Ведь очевидно ты сам не понимаешь, что значит у тебя «продукт взаимного материального самоограничения», «сила ощущений, и трение их в разных организмах, ощущение, входящее в свои пределы» и т. д.; и действительно, все это фразы, не имеющие смысла. Но согласишься же сам, мой дружок, ужели можно опровергнуть противника бессмысленными тирадами? ведь нет? То-то же и есть, глупенький ты мой! Вырази коротко и ясно твое доказательство, и ты сам увидишь его нелепость. «У материалистов здание свободы построено на физической основе ощущений», следовательно, заключаешь ты, они враги свободы, потому что на место грубой гнетущей их силы они ставят силу своих собственных материальных ощущений. Понимаешь теперь, что твое доказательство просто пуф, и я не хочу, чтобы ты скомпрометировал себя этим доказательством. Грубая сила совсем не то, что сила ощущений, даже материальных; грубой силой можно угнетать, а ощущениями угнетать нельзя, если только ты понимаешь, что значит на философском языке ощущение. На ощущениях может быть основана свобода так же хорошо, как и на тех основаниях, какие ты придумаешь, если только придумаешь. Привязавшись к твоим словам, противник скажет тебе: да, я принимаю за основание свободы мозговые шарики; эти шарики, при известных действиях на них, производят известные продукты или явления, т. е. ощущения; если человек уважает ощущения в себе, то он должен уважать их и в других; он не может насильственно уничтожить мозговых шариков в своих ближних, стало быть, не должен насиловать в них и производимых шариками ощущений; вот тебе и основание для свободы. «Последовательные материалисты, говоришь ты, если только последовательность возможна, должны в развитии своем непременно испытывать сочувствие со всеми грубыми материальными силами, действующими в политической жизни обществ, и составить со временем отличный материал для полицейского контингента всякой деспотической власти». Ну уж, брат, тут ты очевидно фантазируешь; с какой же стати твои противники должны сочувствовать *всем* грубым силам? Твоя правда, наши противники по какому-то ослеплению все действующие силы в мире называют материальными; но они также признают и различие между разного рода материальными силами — это я знаю наверное, потому что и сам когда-то хотел заняться опровержением материалистов; одни силы они называют материальными и грубыми, а другие — тоже материальными, но не грубыми; к тому и другому порядку сил они относятся различно и с неодинаковым сочувствием. Розги и палки они считают грубой материальной силой, а ощущения и происходящие из ощущений представления, понятия они также считают материальной силой, но уж не грубой и заслуживающей гораздо большего уважения, чем первая. Когда ты был ребенком, я хотел ввести в систему твоего воспитания розги — каюсь тебе в этом; и кто же меня отговорил от этого, как ты думаешь? материалист, ей-богу, правда. Я тогда же упрекал его в непоследовательности; но он сказал мне, что розга не относится к тому порядку сил, который я хочу развить в тебе воспитанием, и она ничего не сделает для твоего развития. Итак, мой дружок, ты напрасно

навязываешь твоим противникам последовательность, вследствие которой они будто бы должны «испытывать сочувствие со всеми грубыми материальными силами». Ведь и тебе противники могут навязать такую же последовательность; они скажут: по понятиям идеалистов, все силы, действующие в мире, происходят от высшей идеальной силы, самые грубые силы истекли из идеальной; идеалисты обоготворили идеальную силу; следовательно, они необходимо должны испытывать сочувствие со всеми грубыми материальными силами, происходящими от силы идеальной, и могут составить контингент и т. д. Видишь, и твои противники так же правы, как и ты; нет, брат, брось ты это навязывание последовательности, иначе оно обрушится на твою же голову. К несчастью, между нашим братом, идеалистами, есть такие, которые стараются внушать уважение к грубой материальной силе именно посредством того аргумента, который я выше вложил в уста нашим противникам; ты, чай, сам слышал, как часто говорят идеалисты: уважай грубую силу, повинуйся ей, потому что она происходит от силы идеальной. Ну что, если твои противники подслушают такие речи и скажут, что они последовательно вытекают из твоего учения; что ты им ответишь? Конечно, откажешься от такой последовательности; то же сделают и они с твоею последовательностью. Вообще, Ваничка, твоя точка зрения на учение твоих противников неосновательна. Ты не можешь понять, каким образом люди, признающие существенно тождественными все силы, могут относиться к ним различно, одну из них уважать, а другую нет; тебе даже кажется это невозможностью или непоследовательностью. А между тем это вещь понятная, возможная и последовательная. Я докажу тебе это примером. Помнишь, как, бывало, мамаша утешала тебя и Катю во время постов, которые вы строго соблюдали; она говорила вам, когда вы просили, чтобы вам дали покушать молока: погодите, деточки, пройдет пост, придет праздник, тогда молоко сойдет с неба, вы и будете его есть. Наступал праздник, Катя с удовольствием ела молоко, воображая, что оно действительно пришло с неба; ты ел его с меньшим удовольствием, хотя и знал, что молоко не с неба упало, а принесено Матреной со скотного двора; ты даже говорил об этом происхождении молока Кате, и помнишь, как она сердилась на тебя. «На скотном дворе, лепетала она тебе, все грязь, да навоз, там так гадко, так дурно пахнет, и если оттуда молоко, так зачем ты ешь его, поди прочь, гадкий, на скотный двор». Тебя ведь не смущали такие возражения и ты ел же молоко. Теперь из химии и физиологии ты узнал⁵⁸, что молоко действительно происходит из грязи и навоза, травка сосет навоз, корова щиплет травку, из травки образуется в ней молоко. Видишь, навоз и молоко в сущности одно и то же. Если бы ты представил это объяснение Кате и если бы она в виде возражения сказала тебе, что ты ставишь наряду навоз и молоко, испытываешь сочувствие с тем и другим и потому вместо молока должен есть навоз, — то ты, конечно, назвал бы ее глупенькой и не стал бы толковать с нею. А между тем твои возражения материалистам совершенно походят на возражения Кати. Навоз — это грубая материальная сила, наприм. розги, палка; молоко — это высшая материальная сила, ощущения, представления и понятия; твои противники говорят, что эти две силы в сущности одно и то же, как навоз и молоко. В виде возражения ты говоришь им:

«Вы испытываете сочувствие со всеми грубыми силами, ставите наравне розги и понятия и потому заставляете людей вместо понятий (молоко) употреблять розги и палки (навоз)». Вот почему и я, с своей стороны, называю тебя глупеньким; и ты, надеюсь, не будешь на меня в претензии за это. Ты вот что сделай, докажи, что силы, действующие в мире, бесконечно различны между собою, что материальные силы до того различны от духовных, что не имеют ничего общего между собою даже по сущности, что они происходят из двух разных источников, происходят от двух различных начал. Все свое внимание устрями на этот пункт, и если ты докажешь его, тогда тебе не будет надобности прибегать к этим ненадежным практическим выводам, из которых состоит твоя статья, и к этому навязыванию последовательности, столь опасной для твоего учения. А за тем прощай; да смотри, не сердись на мои может быть резкие замечания; помни, что их делает любящий тебя твой отец С.

Р. S. Мамаша целует тебя и посылает свое родительское благословение «моему умнику», как она называет тебя.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Милый мой Ваничка!

Вот ты, брат, каков у меня! не соглашаешься с моими замечаниями и не отступаешься от своих доказательств против материализма — это делает честь твоей стойкости, но не уму. Ты говоришь, что я слишком требователен, что нельзя же придумать доказательства несокрушимого, что люди невзыскательные поверят и твоим доказательствам и подумают, что ты разбил наголову твоих противников. Может быть, может быть; не спорю; но ты все-таки отложил в сторону твою философскую полемику и занимаешься теперь другими предметами; это делает честь и твоему уму. Ты прислал мне свою новую статью и просишь моего откровенного мнения об ней; это опять делает честь тебе, но вместе с тем и мне. Я, право, не знаю, в каком смысле нужно понимать твою статью, в шуточном или серьезном. Если в шуточном, то шутка, брат, у тебя вышла злая, и мысли, изложенные в твоей статье, выходят очень юмористичны; если же в серьезном, то я опять назову тебя глупеньким ребенком, как ты хочешь. В твоей статье ты доказываешь положение, что должно обрусить все, что соприкасается с русскими.⁵⁹ Положение очень верное, и я против него ни слова; но мне кажутся странными представляемые тобою мотивы и средства обрусиванья. Ты говоришь, германцы германизируют, пруссаки пруссачат все смежное с ними; отчего же и нам не обрусить того, что попало в наши руки? «Отчего, спрашиваешь ты, мы не обрусии западный край? Отчего мы не обрусии Остзейских провинций?» А тебе хочется этого, спрошу я тебя? Почему же хочется? Да так все желают, отвечает твоя статья. Здесь я опять приведу тебе пример из нашей семейной жизни. Помнишь, лет пять тому назад Матрена и Палашка со слезами упрашивали мамашу, чтоб она отпустила их на волю; эти просьбы нередко слыхала, конечно, и Катя. Я живо помню, а ты, вероятно, еще живее, ту сцену, как Катя вся в слезах стала на колени перед мамашей и, задыхаясь, заговорила: «Матрена просится на волю, Палашка просится на

волю; мамашечка, душечка, отпусти и меня на волю». Помнишь, как мы расхохотались при этом, особенно ты; ты целую неделю не давал Кате покою твоими насмешками; а мамаша сама расплакалась и стала ласкать Катю. Теперь же ты должен хохотать над собою; в твоей статье высказывается такое же ребяческое желание, какое насмешило тебя у Кати. Она просилась на волю, потому что другие просятся; ты хочешь обрусивать, потому что другие онемечивают; у нее подражание и у тебя подражание. Но скажу тебе прямо, Катя в моих глазах гораздо выше тебя; она подражала факту, которому следовало подражать; она сочувствовала требованию добродетели, гуманному. Ты же, напротив, своим обрусиванием подражаешь факту недобродетели и злостному; ты заявляешь требование, совершенно противоположное гуманному требованию Кати. Если бы ты знал, как выставленные тобою за образец эксперименты онемечивания болезненно действуют на тех, над которыми они производятся, ты бы понял, почему я твоё требование противопоставляю требованию Кати и называю его нехорошим. Что, в самом деле, было бы хорошего в том, если бы все стали действовать так, как ты желаешь, если бы, напр., татары стали отатаривать, а калмыки — окалмычивать всех, кто попадется им под руку? Понимаешь ты теперь, в чем дело? Высказавши желание обрусивания, ты должен был показать, для чего оно нужно и к чему хорошему может повести; а ты просто ограничился ссылкой на других и потом начал жаловаться и плакаться на то, что у нас нет средств для обрусивания. Каждый может возразить тебе: да зачем и эти средства, когда не доказана и не нужна необходимость самого обрусивания? Но посмотрим на твои жалобы. Ты говоришь: «Прежде чем обрусить других, русским следует обруситься самим, чтобы обрусить, надо быть русским, а русских-то между нами и нет. Есть ли у нас русские, спрашиваешь ты, кроме простого народа, лишенного всяких средств к образованию?» И отвечаешь, что нет; в доказательство указываешь на то, что русские в значительном количестве отправляются за границу и живут там, несмотря на то, что иностранцы выказывают к ним презрение. Свое доказательство ты заканчиваешь такой тирадой: «Ни презрение иностранцев, так громко и гласно высказавшееся недавно устами принца Наполеона ⁶⁰, Бонжана, Генесси и других, ни оскорбления, наносимые ежедневно и ежечасно русской, не только государственной, но и народной чести, всеми органами европейской публичности — ничто не вразумляет, ничто не возмущает наших заграничных русских, продолжающих тратить в пользу иноземцев наши русские деньги!» Чтобы увидеть, Ваничка, до какой степени логичны твои мысли, их следует только выразить кратко и ясно; тогда они получают такой вид; немцы онемечивают; следовательно, и русским нужно обрусивать; но русских у нас нет, кроме простого народа, потому что некоторые русские уезжают за границу, иноземцы выказывают презрение к ним, а они тратят русские деньги в пользу иноземцев. Согласись, брат, что логика у тебя неважная. Но это не беда; посмотрим, как ты силен в знании фактов. Как ты думаешь, кого больше — русских ли, живущих за границей, или иноземцев, живущих в России? Не правда ли, что немцев, например, у нас чрезвычайно много; однако заграничные немцы могут обходиться без них и, как ты говоришь, онемечивают других. Стало быть, и нам можно

было бы обойтись без заграничных русских и обрусивать кого следует; так или нет? Видишь, мой дружок, как ты запутался! Далее, ты говоришь в приведенной выше тираде, что «все органы европейской публичности наносят ежечасно оскорбления русской чести». Неправда; ты, значит, не знаешь дела; а я тебе скажу, что «Le Nord» не наносит, «Moniteur universel» не наносит, «Allgemeine Zeitung» не наносит, «Kreuzzeitung» не наносит, «Times» не наносит, даже похваливает Россию; если «Morning Post» и говорит иногда, что Россия не созрела и не способна к самоуправлению, то этого нельзя считать оскорблением; ты ведь сам разделяешь подобное убеждение и разделяют его некоторые русские философы. Стало быть, ты соврал, сказавши, что все органы наносят оскорбление нашей чести. В той же тираде ты говоришь, что презрение иностранцев к русским высказывается, между прочим, устами принца Наполеона. Скажи, пожалуйста, откуда ты почерпнул такое сведение? Я внимательно прочитываю все наши газеты и нигде не встречал подобного сведения; знаю я и то, что вещали уста принца Наполеона; но в его вещаниях, правда задорных, — ведь нельзя же французу обойтись без задора, — нет презрения к русским, уверяю тебя; для него русские, собственно как русские, вещь безразличная. Другие иноземные господа, может быть, действительно презирают русских; но из этого все-таки не следует, что русские не должны жить за границей, если им нужно там жить. Ведь вот же твоя мамаша жила два года за границей, лечилась; а сколько твоих товарищей отправлено за границу учиться; зачем же ты коришь их пребыванием за границей? Я кончил разбор твоей статьи; сделаю в заключение одно замечание. Что ты так близко принимаешь к сердцу русскую честь, не народную честь, а вообще всякую честь, все, что ты видишь у себя перед глазами? Ты, кажется, забрал себе в голову, что ты должен быть адвокатом всего русского, особенно того, на что нападают органы европейской публичности. Знай, мой дружок, что для этого у нас есть нарочитые органы русской публичности, вроде «Московских ведомостей» и «Нашего времени»⁶¹; их должность и назначение в том и состоит, чтобы защищать то, что они обязались защищать; их защита и их усилия понятны. Ты же из-за чего хлопочешь? Или и тебя соблазняют почести и выгоды защитника? Нет, я ожидал от тебя, что ты будешь не адвокатом, односторонне смотрящим на дело и защищающим одну сторону во что бы то ни стало, а беспристрастным судьей, воздающим всем должное. Твое прошлое рыцарское бравированье, твоё стремление к прогрессу на всех парусах⁶² подкрепляли во мне такую надежду на тебя. Смотри же, Иван, оправдай мою надежду. Если же ты пойдешь по пути указанных органов русской публичности, соблазнишься славой Каткова, Щербальского, Н. Павлова и т. п., ты, конечно, волен сделать и это — но тогда нет тебе моего родительского благословения навеки нерушимого и я назову тебя Хамом. Не подумай, что я сбиваю тебя на крайности; нет, я сам держусь умеренного образа мыслей; но знай, Ваничка, что умеренность не есть адвокатство и защита во что бы то ни стало. Благо тебе будет, если ты примешь к сведению замечание любящего тебя отца С.

Р. S. Мамаша благословляет тебя и целует «моего горячего патриота», как она называет тебя по выслушании твоей статьи.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Милый мой Ванюшечка!

Я в восторге; я не помню себя от радости; я готов прыгать, как ребенок; я никогда не испытывал такого удовольствия, какое испытываю в настоящую минуту! Я спешу поделиться им и с тобою, мой сын. Испытывал ли ты когда-нибудь то высокое отрадное чувство, которое охватывает мыслящего человека, когда ему удастся сделать какое-нибудь хоть неважное, хоть теоретическое открытие, когда его внезапно озарит какая-нибудь новая светлая мысль? А я именно теперь наслаждаюсь присутствием во мне этого чувства. Я открыл факт или, вернее сказать, осмыслил факт, который, если только он подтвердится, низвергнет в прах все, пойми ты, все! теории наших философских противников, материалистов. Этот громадный факт своим значением заинтересует тебя больше всех; поэтому я тебе первому и говорю о нем. Мне приятно не столько то, что осмысленный мною факт поразит наших противников, сколько то, что он нам самим поможет уяснить истину. Факт этот сообщен Ждановым в «Северной пчеле», № 81. Сердечно благодарю — благодари и ты — Жданова за сообщение, возблагодарим вместе и «Северную пчелу» за напечатание сообщения; благодари и меня — я имею на это право и смело могу гордиться тем, что я, может быть один в целой России, обратил внимание на сообщенный факт и умел понять его значение. Вот он:

«Сев. пчел.», № 81. К издателю «Северной пчелы». Несколько лет тому назад мы квартировали в доме г-жи Б-ловой, которая держала, в числе разной домашней птицы, и голландских кур. Заметив, что некоторые из этих кур снесли яйца 25-го марта, мы вспомнили поверье, что в сказанный день ни одна птица гнезда не вьет. Не предаваясь никогда фанатизму как плохому руководителю в явлениях общественной жизни (видишь, какая рациональность), мы и здесь не подчинились ему, а решились анализировать факты (видишь, ученый прием), чтобы хотя и относительно, но поверить существование пословицы. Из снесенных яиц мы взяли два, заметили их, и когда кур посадили на яйца для вывода цыплят, то подложены были эти два яйца. Одно из них дало цыпленка с неправильной головой и кривошею, другое оказалось болтуном. На следующий год, 25-го марта, из всех голландских кур только одна положила яйцо: мы также его прибрали, заметили и опять подвергли опыту. Цыпленок вывелся положительно калека, кривоногий и слабокрылый, ходил мало, больше сидел или полулежал... Быть может оба эти явления суть игра прихотливой и капризной в своей деятельности природы, но тем не менее они, эти явления, фактически достоверны (заметь хорошо). По временам разговаривая с некоторыми помещицами-домоводками и с приезжими крестьянами Виленской губернии о сказанных наблюдениях, мы получили от них ответ, что не только яйца, снесенные дворовой птицей 25-го марта, класть в гнезда, но и птиц сажать в этот день не должно; что от яиц, снесенных в означенное время, действительно выводятся дети, негодные ни на племя, ни на продажу, и что подобные яйца всегда откладываются прочь, употребляются в пищу или вместе с другими продаются. Почему бы кому-нибудь из лиц, имеющих возможность производить поверку заявленных нами фактов, не сделать дальнейших опытов? Весьма любопытно было бы уз-

нать, существует ли на самом деле то нарушение естественных законов природы относительно процесса зарождения птиц в тот день, о котором мы говорим?

И. И. Жданов

Читая это сообщение, ты, может быть, улыбался и подумал, что твой отец спятил с ума, задумавши доказывать свои философские теории куриными яйцами и цыплятами. Не беспокойся, дружок, я в здравом уме; он у меня в настоящую минуту, может быть, здоровее, чем у тебя. Ты, вероятно, не знаешь, а я знаю, чего добиваются наши противники и где они ищут неопровержимого доказательства своих теорий. Они тоже начинают с куриного яйца, в котором, как ты знаешь, есть белок; все свои усилия, все эксперименты они обращают на то, чтобы искусственным образом из неорганических веществ составить такой же белок, какой есть в яйце. Если им удастся это сделать, говорят они, то они в этом искусственном белке будут иметь непоколебимое математическое доказательство верности их философских теорий. И это правда, я с ними согласен; своим белком они нанесут нам смертельный удар. Но не унывай, мой сын! если подтвердится факт, сообщенный Ждановым, то и мы в нем будем иметь непоколебимое математическое доказательство верности наших теорий. И это верно, с этим непременно согласятся и наши противники; и урод цыпленок будет для них смертельным ударом. Вот видишь, какое важное, всеобъемлющее значение имеет куриное яйцо; от него зависит судьба двух философских учений; оно держит весы наших теорий: в нем заключается — «быть, или не быть?»⁶³ для нас и наших противников. Надеюсь, ты теперь поймешь мою радость и восторг при чтении сообщения Жданова; я думаю, что восторжествовало наше учение, весы склонились на нашу сторону и на нашу долю досталось «быть». Я признаю факт, сообщенный Ждановым, несомненным; хотя сам Жданов желает проверки факта, но я считаю проверку излишнею. Во-первых, Жданов производил свои опыты научным образом, с анализом и в течение двух лет; во-вторых, наблюденные им факты подтвердили «помещицы-домоводки» и «приезжие крестьяне из Виленской губернии». Я знаю, что показаниям последних ты не захочешь поверить, так как они живут в западном крае, который еще не совсем обрусился; но ты не имеешь никакого основания не верить помещицам-домоводкам и Жданову, который говорит, что явления, описанные им, «фактически достоверны». И я признаю их достоверность и потому объясню тебе значение этих явлений. Ты знаешь, наши противники тщеславятся знанием законов природы и говорят, что эти законы неизменны и непреложны, что все совершается по действию законов и нет ничего в мире, что могло бы остановить или видоизменить их действие; что всякое явление совершается тогда, когда есть естественные условия для него, и коль скоро есть эти условия, ничто не может остановить явления. Эти положения наши противники суют нам в глаза при всяком случае. Итак, мой друг, когда ты увидишь или услышишь quasi-философа, проповедующего эти положения, ты покажи ему яйцо и скажи: вот свежее, нормальное яйцо, в нем нет ни малейшего органического недостатка, вот и курица, которая будет правильно насиживать яйцо, вот все естественные условия для дейст-

вия законов природы, для произведения здорового цыпленка, — и потом спроси: выведется ли цыпленок при этих условиях? Твой противник, конечно, ответит, что выведется, и потом засыпет тебя фразами, что законы природы неизменны, что естественные условия и причины явления непременно произведут явление и т. д. Тогда ты его останови и скажи торжественно: врешь ты, дурак; если я положу яйцо под курицу 25 марта, то из него не выведется цыпленок при всех твоих естественных условиях и законах; 25 марта низвергнет в прах и посрамит все твои естественные законы; если же они станут сопротивляться и захотят во что бы то ни стало произвести цыпленка, то их сопротивление не удастся, и цыпленок выйдет калека, кривоногий или кривошея. Отчего не выведется цыпленок, завопит твой противник, отчего же он будет калекой при всех нормальных условиях, какое влияние тут может иметь тот или другой день? Но ты не слушай его и на теории отвечай фактом; да, не выведется или будет калекой, и не от чего другого, а именно от известного дня, в который «существует нарушение естественных законов природы относительно зарождения птиц», как свидетельствует Жданов. Затем ты уже рази своего противника прямо в сердце и докажи ему нашим великим фактом, что пресловутая непреложность естественных законов если и не есть совершенный вздор, то оказывается вздором в опытах Жданова, что законы иногда не действуют и естественные причины не производят действий. Конечно, все это обнаружилось только в одном случае с куриными яйцами, но и одного случая достаточно для доказательства; что было в одном случае, то может встретиться и в других; ведь сами же наши противники очень восхваляют индуктивные умозаключения. Да, Ваничка, значение Ждановского факта громадно: я покажу тебе еще одну сторону его, выгодную для нас. Наши противники большие охотники отрицать то, чего они не понимают, что несообразно с их мнимо непреложными естественными законами; если же расскажешь им очевидный факт, действительно несообразный с их законами, то они объясняют его по-своему, с разными уловками и натяжками. Теперь нам представляется отличный случай посмеяться над этой слабостью наших противников. Ты спросишь сначала — а что, мол, как вы думаете, имеет ли 25-е марта влияние на процесс зарождения птиц? Они, незадумавшись, даже с усмешкой и гордостью станут отрицать такое влияние как несообразное с законами природы. Тут-то вот ты и представь им факт и опыт Жданова, и ты увидишь, в какое замешательство они придут сначала; затем начнут увертываться и придумывать свои объяснения для фактов. Здесь уж ты можешь потешаться над ними сколько угодно и разбивать в пух все их объяснения. Они могут сказать, что в указанный день бывает какая-нибудь особенная температура, препятствующая зарождению цыпленка; ты отвечай им, что в разные годы температура этого дня бывает различна, а между тем день производит одинаковое влияние на яйца, значит это влияние зависит не от температуры; кроме того в предшествующие и последующие дни температура бывает такая, как и 25 марта, однако же дни эти не действуют на яйца. Затем ты просто можешь закидать противников вопросами: яйца ли знают о том, в какой день их кладут под курицу, или сама курица знает это? если последнее, то каким образом курица знает, что известный день 25-е марта, и сообразно с этим неправильно насиживает яйцо? и откуда

она узнает это, из календаря что ли? (тут ты можешь поставить остроумную шпильку противникам, пользуясь тем, что они смешивают человека с животным) должно быть из календаря; ведь по-вашему курица то же, что и человек, значит и она, подобно ему, может читать календарь? Затем ты можешь сделать вопрос еще остроумнее: по какому же стилю курица считает числа, по старому или по новому? Таким образом, при известной ловкости, ты можешь посрамить все объяснения противников, довести их до того, что они сами сознаются в невозможности объяснить их теориями наш факт, противоречащий их теориям. Затем уж нечего и толковать о том, что должно уступать,— факт ли теории или теория факту; и противники наши поражены. Их убило 25-е марта; их убило то, что яйца, положенные под курицу в этот день, не дают цыплят или дают калек. А вот что, брат, последний вопрос, предложенный мною в шутку, навел меня на серьезную мысль; в самом деле, как Жданов производит свои опыты, по старому или по новому стилю? Это нужно узнать; ну так мы с тобой на следующий год, если будем живы, повторим его опыты в громадных размерах и притом по старому и по новому стилю. Если окажется, что явление, открытое Ждановым, совершается по старому стилю, тогда ты не можешь себе представить, как это будет важно даже для твоей теории обрусивания; тогда самые явления природы подтвердят верность и естественность нашего русского стиля.

Ну, скажи на милость, воображал ты, что такой, по-видимому, ничтожный факт, как насиживание яиц, имеет такое громадное всеобъемлющее значение; он подтверждает не только философские, но и другие твои любимые теории. Преклонись же с благоговением пред этим фактом и благодари меня за объяснение; видишь, и отцы могут кое-что делать и развивать порядочные мысли; бросьте вы, дети, свою спесь пред нами, отцами. Это, впрочем, не относится к тебе лично; ты всегда относился с уважением ко мне. Прощай; будь здоров; напиши же мне, согласен ли ты с содержанием настоящего моего письма.— Твой отец С.

МОСКОВСКИЕ ПЕСНИ ОБ ИСКУШЕНИЯХ И НЕВИННОСТИ

I

Не искушай ты меня! ⁶⁴
И без того я уж слаб!
Ласку всем сердцем ценя,
Я и без денег твой раб!
 Не искушай же меня!
 И без того уж я слаб!

Если ж ты хочешь помочь,
Хочешь субсидию дать,
То приходи нынче в ночь:
Ночью ни зги не видать..

Не искушай ты меня!
И без того я уж слаб!
Днем как-то совестно мне,
Днем «Современник» не спит!
Стыдно мне! весь я в огне,
Сребренник руки палит!
 Не искушай ты меня!
 И без того я уж слаб!
Ночью ж хотя и темно —
Свет будет в наших сердцах;

В ночь и краснеть мудрено,
Дремлет и совесть впотьмах!
Не искушай ты меня!
И без того я уж слаб!

Я принесу свой журнал,
Преданной полн сулемы,
Ты ж принесешь капитал,
И обменяемся мы...

Я принесу свой журнал,
Ты ж принеси капитал!⁶⁵

И разбежимся сейчас...
Будем бежать до утра!
Только боюсь я, как раз
Ну, как в кармане дыра!

Я принесу свой журнал,
Ты ж принеси капитал!
Что, если эта дыра?
Что, если сей капитал?
Буду искать до утра,
Не поручусь, чтоб сыскал!
Я принесу свой журнал,
Ты ж принеси капитал!

Ты согласишься ль тогда
Мне возратить мой покой?
Или же молвишь мне: да!
Брат! не надуеть дырой!
Брат! не надуеть дырой!
Хоть и с дырой, а все пой!

II

ГИМН ПУБЛИЦИСТОВ

Мы говорили: мы согласны,
Но надо ж нас и поддержать!
Теперь уж дни не так-то ясны!
Продукты стали дорожать!

Нам говорили: вы прекрасны,
И мы не прочь вас награждать;
Не пропадет ваш труд напрасно,
Но сколько ж дать? но сколько ж
дать?

Мы говорили: мы довольны
Крупицей малой от стола,
Нам по плечу тулуп нагольный:
Не для красоты, а для тепла!

Нам говорили: это больно!
Мысль ваша слишком не смела!
Боимся мы, чтобы невольно,
С своей хламидою нагольной,
Она в трущобу не зашла!

Мы говорили: публицисту,
Чтобы не спали телеса,
Немного нужно: воду чисту
Да сена клочок... чуть-чуть овса...

Нет спора, яры нигилисты,
Свирепы, страх, их голоса!
Они здоровы, мускулисты,
Но нам помогут небеса!

Нам говорили: силы неба
Полезно принимать в расчет...
Но воин, съев краюшку хлеба,
Всегда ходчее в бой течет!

И если с вами, дети Феба,
Случится скверный анекдот,
Не говорите нам: тебе бы
Подумать надобно вперед!

Мы говорили: так позвольте
Нам предварительно пропеть,
И если скверно, так увольте:
Мы все готовы претерпеть!

Нам говорили: ну, извольте!
Все разом! громче! не сопеть!
Мальчишкам наглым не мирвольте:
Сопеть — еще не значит петь!

Остались пробою довольны,
Заметили кой-что не так,
Одели нас в тулуп нагольный,
Пожаловали четвертак!

И с этих пор, в хламиде скверной,
Не скрывшей даже наготы,
Стоим мы крепко, служим верно,
Поем сподряд все страмоты!

III ЭЛЕГИЯ

Страшно! нет голоса больше умильного!
Ясность души промотал!

Встанет Грановский из плена могильного,
Спросит: где взял капитал? ⁶⁶

Целую ночь в болтовне провожаячи,
Я с бюрократами пил!
И невзначай им невинность, играючи,
Кажется, я подарил!

Слабое сердце пленилось манерами,
Ядом французских речей,

Голосом ласковым, строгими мерами...
Не устоять — хоть убей!

Страшно! что если соппубіо * мрачное
Горький свой плод принесет?
Встретит ли почву готовую, злачную
Иль без следа пропадет?

Что-то случится? Антихриста ль злобного,
Иль эфиопа рожу?
Или Л...ва злого, трехпробного?.. ⁶⁷
Весь-то дрожу я, дрожу!

IV

В голове все страх да бредни!
Весь покой свой растерял!
Грежу даже у обедни:
Унесут мой капитал!
Капитал тот, что намерен
С страшной клятвой, что последний,
Поддержать чтоб мой журнал,
Подарил мне генерал!

И болтлив же я не в меру!
Даже детям рассказал,
Что всем прочим для примеру
Получил я капитал!
Капитал тот, что на веру
За прекрасную манеру,
За прекрасный мой журнал
Подарил мне генерал!

И шептал он мне, вручая: ⁶⁸
Сохрани сей капитал,
В нем таится сила злая,
Хоть объемом он и мал!
Ох боюсь, чтоб, карт алкая ⁶⁹
И субсидией играя,
Ты ее не проиграл!
Так шептал мне генерал...

И, изрыгнувши проклятье,
Мелочь на пол он бросал...
Вздумал руку лобызать я —
Уж плевал же он! плевал!

Но успел поцаловать я,
Хоть изгадил он мне платье!
«Я не думал, чтоб ты взял!» —
Так, сквозь слезы, он шептал!

С той поры, взыграв душою,
Я на карты не взирал;
Мучим преданностью злою,
Все язык свой изъяслял!
Обкормлю всех сулемою!
Восклидал я (что ж, не скрою),
Будет разом всем финал!
Спи спокойно, генерал!

Но наказан я ужасно!
Я того не рассчитал:
Не могу же я всечасно
Стеречи свой капитал!
Отойти — боюсь, опасно!
Не предвидел, чтоб так страстно
Взор домашних пронизал
Всюду, где бы я ни клал
Подаренный капитал!

И с тех пор все страх да бредни!
Весь покой я растерял!
Грежу даже у обедни:
Унесут мой капитал! —
Капитал тот, что намерен,
С страшной клятвой, что последний,
Поддержать чтоб мой журнал,
Подарил мне генерал!

Мих. Змиев-Младенцев.

* любовная связь (лат.). — *Ред.*

НЕБЛАГОВОННЫЙ АНЕКДОТ о Г. ЮРКЕВИЧЕ, ИЛИ ИСКАНИЕ РОЗЫ БЕЗ ШИПОВ

Недавно московские газеты оповестили о необыкновенном происшествии, случившемся в столичном городе Москве. Героем происшествия был г. профессор философии Юркевич, жертвою его — неизвестный материалист. Известно, что нынешним постом г. Юркевич предположил себе прочесть московской публике популярный курс философии; известно также, что в этих лекциях он преимущественно казнит материалистов и приводит в неописанный восторг всех прихожан Николы Явленного, Спиридония, Старого Вознесения и т. д. Причину этих восторгов разъяснить совсем не трудно. Нынче в Москве вовсе нет хороших певчих, да нет интересных служителей, как прежде бывало, что иное слово проглотит, а другое протянет, или выйдет к народу и в то же время обращается к дамам посредством французского диалекта; следовательно, прежние увеселения сделались скучными. Все это заменил теперь отчасти г. Юркевич своими философскими лекциями, отчасти г. Лонгинов своими представлениями чревоутождения и восточной магии в Обществе любителей русской словесности⁷⁰: понятно, что все это должно казаться московской публике *charmant*⁷¹, хотя некоторые старики и толкуют себе втихомолку, что у Семиона Столпника все-таки не в пример благолепнее бывало. Несмотря, однако ж, на общее увлечение лекциями г. Юркевича, нашлись и недовольные ими. Московские газеты удостоверяют, что эти недовольные суть те самые материалисты, которых г. Юркевич, на живописном и несколько простодушном своем языке, называет «безголовыми»; я же с своей стороны подозреваю, что это чуть ли не те вздыхающие о Семионе Столпнике старички, которые на сей раз переоделись материалистами. Как бы то ни было, но один из этих «безголовых» бабловников писал к г. Юркевичу письмо, в котором угрожал ему, если он будет продолжать нападки на Бюхнера, подвергнуть его освистанию.

Так рассказывают об этом деле М. Н. Лонгинов и И. С. Аксаков⁷². В публике по прочтении их статей остается впечатление, что г. Юркевич — нечто вроде русского Наполеона III, учреждающего государственный наряд, а неизвестный материалист (или старичок, переодевшийся материалистом) — нечто вроде Орсини, государственный наряд ниспровергающего⁷³.

Но не так передает дело какой-то москвич, написавший об этом происшествии статью в «Очерках», блаженной памяти. Он говорит, что 9 марта г. Юркевич, взойдя на кафедру, объявил⁷⁴, что хотел было читать о чувствах, но на днях получил несколько анонимных писем, на которых считает не лишним остановиться. Отрывки из одного письма он действительно прочитал тут же, а из отрывков этих явствовало, что неизвестный не удовлетворен доказательствами профессора против материализма; что профессор не был в состоянии, например, объяснить, почему имеющие поврежденный мозг не мыслят и почему в то же время новорожденные дети, одаренные мозгом, также не могут, однако ж, мыслить. В заключение неизвестный выражал надежду, что г. Юркевич прекратит чтение своих лекций, так как, при подобной слабости доказательств, он может возбудить неудовольствие слушателей, которое, пожалуй, выразится и свистками. Через несколько вре-

мени неизвестный напечатал свое письмо к г. Юркевичу; содержание письма действительно согласно с показаниями статьи в «Очерках». В письме говорилось г. Юркевичу: «в ваших лекциях много лжетолкований и нелепостей, для опровержения коих нужно столько же лекций. Чем можете вы оправдать хоть сколько-нибудь ваши цинические отзывы о материалистах? Ничем. Если и материалисты ошибаются, то и вы несвободны от ошибок. Потому имею честь предупредить вас, м. г., если в следующих лекциях вы не оставите цинизм, не будете с достоинством относиться к материалистам, то услышите уже не шиканье, а свистки».

Понятно, что это письмо должно было огорчить г. Юркевича, и вопрос заключается только в том, как должно было выразиться у него это огорчение. Если б он заплакал — он показал бы себя чувствительным человеком, но не философом; если б он принялся опровергать «неизвестного» — он выказал бы недостаток душевной стойкости, которая именно в том и состоит, чтобы оставлять возражения без ответа; если б он вздумал издеваться над анонимным письмом — он опять-таки показал бы себя свистуном, но не философом. Одним словом, г. Юркевичу необходимо было поступить как философу — он так и поступил. То есть он повторил публике зады, а того, почему люди, имеющие поврежденный мозг, не мыслят, а только ругаются, все-таки не доказал и, в досаде на самого себя, назвал Бюхнера глупцом... И затем, продолжает корреспондент «Очерков», свернув читанное им письмо и кладя его в карман, он с улыбкою прибавил, обращаясь к публике: «А из письма этого я вправе сделать такое употребление, какое найду пригодным». Эти слова, прибавляет корреспондент, сказанные в присутствии почти полной аудитории, в которой находилось более 1/3 дам и девиц, к удивлению нашему, получили одобрения: посыпались аплодисменты, и увы! аплодировал усердным образом даже редактор одной почтенной газеты московской ⁷⁵.

Есть речи — значение ⁷⁶
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно...

Таким именно значением полна приведенная вами речь г. профессора. Для разъяснения этих таинственных слов необходимо было бы знать, на каком языке, на «языке ли физиологов или психологов» произнес г. Юркевич эти слова и потом сделал ли он, произнося их, какой-нибудь соответственный жест, т. е. приблизил ли руку к желудку (в знак того, что страдает чревным недугом), или откинул ее как-нибудь назад. Корреспондент «Очерков» об этом умалчивает, но, вероятно, мы скоро будем свидетелями страстной и оживленной полемики по этому предмету. «Наше время» будет доказывать, что сделал («Наше время» эти жесты любит) и, следовательно, произнес слова на языке физиологов; «День» будет ссылаться на очевидца, что не сделал («День» целомудрен) и что слова сказаны на языке психологов; «Московские ведомости» будут колебаться между целомудрием и тайною мыслью: «а ведь хорошо, что он это сделал!»; «Русский вестник» будет убеждать, что ничего в том необыкновенного нет, что сделал, что это вообще жест, свойственный всякому философу, и что слова сказаны на языке физиологов и психологов вместе.

Я, признаюсь заранее, держу в этом случае сторону того мнения, которое имеет выразить «Наше время». Во-первых, в таком деле нет судьи более компетентного, как этот почтенный журнал, а во-вторых, мне прежде всего представляется вопрос: если бы г. Юркевич не делал жеста и говорил на языке психологов, то с какой же стати московская публика осыпала бы его такими восторженными рукоплесканиями? с какой стати дамы, даже дамы приняли бы участие в этом спиритуалистическом торжестве? *

Что московские дамы впечатлительны, в этом я имел случай убедиться лично, присутствуя на одной из лекций г. Юркевича, которую он посвятил толкованию снов. Покуда он объяснял, что «сознание, в этом разе, носится на волнах душевного настроения», дамы только благоговели, но когда он, в подкрепление этого ношения на волнах душевного настроения, стал говорить, что если видишь во сне воду, то это значит, что тебя душит мокрота, а если видишь во сне пожар, то это значит, что у тебя где-нибудь воспаление, — лица дам заметно оживились (значит, чувствуют!). И еще более оживления заметно было, когда профессор, в доказательство силы, какую может иметь воображение, привел, что слабая девица, которая обыкновенно не может пройти и полуверсты, чтобы не изнемочь от усталости, на балу незаметно в один вечер вытанцовывает несколько немецких миль. Слушая это, девицы даже с изумлением переглянулись между собою «*ma chere!*» **, и по всей аудитории пронеслась какая-то невинная, легкая веселость...

Следовательно, если и дамы участвовали в рукоплесканиях, то нет сомнения, что было что-нибудь образное.

Но того, что однажды уже совершилось, никак нельзя сделать несовершившимся, — это афоризм, которого не отвергнул бы даже Кузьма Прутков. С грацией ли совершил свой подвиг г. Юркевич или без грации (я думаю, что с грацией), жестоко ли он поразил им материалистов или не жестоко (я думаю, что не жестоко) — это не может быть предметом настоящей статьи, во-первых, потому что это личное дело г. Юркевича, а во-вторых, потому что «Свисток» вообще не занимается поступками, от которых пахнет. «Свисток», как известно, имеет слабость везде отыскивать «вопросы» и, отыскавши таковые, неумоимо предаваться разработке их.

На этот раз вопрос заключается в том, имел ли г. Юркевич право и основание поступить так, как он поступил?

Мне кажется, что для разрешения этого вопроса вовсе нет надобности прибегать к пространным толкованиям ни о разумно свободной человеческой воле, ни о самостоятельности человеческой души. Поступком своим г. Юркевич блистательно опроверг самого себя и раз навсегда доказал, что во время совершения его душа его положительно бездействовала. Душа человеческая есть нечто тонкое, эфирное и притом действующее независимо даже от повреждения мозга, а тем более от повреждений желудочных. Душа мыслит,

* Чего смотрел И. С. Аксаков, постоянно посещающий лекции г. Юркевича? как допускал он почтенного профессора до такого странного жеста? Чего смотрел И. С. Аксаков? ⁷⁷ Как допустил он, что в числе рукоплещущих был и какой-то «редактор одной почтенной московской газеты»? Чего смотрел И. С. Аксаков?

Прим. ред. «Свистка».

** мой дорогой! (франц.). — Ред.

но мыслит, так сказать, мысли возвышенные, а не такие, которые могут засорять желудок. Душа требовала, чтобы г. Юркевич доказал, почему она мыслит независимо от повреждения мозга, желудок, напротив того, требовал доказать, почему он мыслит независимо от душевного повреждения. Победителем остался желудок, и что же можно сказать, чем разрешить эту странную прю? Можно только сказать словами самого г. Юркевича, что «в этом разе сознание его носилось на волнах не столько душевного, сколько желудочного настроения».

Следовательно, не здесь, не в свободно разумной воле, не в самодеятельности человеческой души нужно искать разъяснения загадки... Человеческая душа ничего подобного измыслить не может.

Этого разъяснения следует искать в чрезвычайной исправности профессорских нервов, передающих желудку получаемые ими внешние ощущения. Откуда, в этом разе, получают нервы ощущения? от внимающей профессору публики. Какое, в этом разе, должно быть произведено в желудке впечатление вследствие переданных нервами ощущений? впечатление о степени развития внимающей профессору публики, развития, выражающегося отчасти в благоговении, а отчасти в сонливости, когда идет речь о ношении сознания на волнах душевного настроения, и в легкой веселости, когда дело касается девицы, протанцовавшей в один вечер несколько немецких миль. Профессор, в этом разе, есть не что иное, как зеркало внимающей ему публики, и сознание его носится на волнах не собственного его профессорского душевного настроения, а на волнах душевного настроения публики.

С своей стороны, ту же самую исправность нервной системы примечаем мы и в публике. Ее нервы получают ощущения от говорящего перед нею профессора, и, передавая эти ощущения куда следует, производят там впечатление о нравственном образе того же говорящего перед нею профессора. Стало быть, публика, в этом разе, представляет собой некоторое духовное зеркало, в котором глядится сам профессор, и сознание ее носится не столько на волнах собственного ее душевного настроения, сколько на волнах душевного настроения г. профессора.

Многие, быть может, заметят мне, что у меня «духовное настроение» перемешивается с «настроением желудочным» и что я этим самым доказываю, что не усвоил еще себе истинной философской терминологии. Но я уверен, что, размысливши хорошенько, читатели сами найдут, что в этом деле строгое различие самодеятельности желудка от самодеятельности души не только затруднительно, но даже просто невозможно. Нет сомнения, что в основании всей кутерьмы лежит самодеятельность желудка, но все-таки как-то кажется, будто и душа тут не прочь поучаствовать. Может быть, это от того мне кажется, что я еще не отвык от предрассудков, что настоящая философская терминология еще недостаточно выработалась, но как-то легче становится на душе, когда это слово лишний раз скажешь.

И, таким образом, публика и профессор, получая друг от друга ощущения и впечатления, находятся, так сказать, в непрерывном взаимном соответствии. Профессор сделает усилие — публика рукоплещет ему; вследствие этого профессор усугубит усилие, а публика, разумеется, усугубит рукоплескания. Сочувствие публики поднимает уровень душевного настроения

профессора и наоборот. Тут публика равна профессору, профессор равен публике, нуль равен нулю...

Если б г. Юркевич был спиритуалистом действительным, он не толковал бы снов посредством накопления мокрот, он не изъяснял бы из сферы душевной самодеятельности целой области снов, области, в которой этой самодеятельности представляется наиболее простора и независимости; наконец, он не сказал бы, что сделает из бумажки, на которой написано возражение его антагониста, известное ему употребление. Если он все это допускает, то этим самым доказывает, что он материалист, и притом материалист весьма дешевого свойства, материалист вроде тех, которые наивно полагают, что материализм заключается в обжорстве, половых отправлениях и в приготовлениях к тому процессу, о котором он так остроумно намекнул в своей лекции.

С другой стороны, если б перед г. Юркевичем была другая публика, менее зараженная материализмом дешевым, то она не поощрила бы профессора. Не найдя сочувствия своей выходке, профессор, конечно, только пискнул бы и покраснел. Быть может, он принялся бы за возражения своего противника, быть может, он и доказал бы их опрометчивость, ибо кто же знает, какая мысль носится у г. Юркевича на волнах душевного настроения? А теперь вот сложил бумажку да и думает, что вконец поразил своего противника!

Увы! тут все правы! прав г. Юркевич, ищущий популярности посредством складыванья бумажки, и права публика, поощряющая такие искания популярности посредством складыванья бумажки. Прав даже редактор «одной почтенной московской газеты», принимающий участие в рукоплесканиях. Все они из своего мирозерцания не вынесли ничего иного, кроме хладного озлобления, все они еще насквозь пропитаны тем страшным потом ненависти, который, будучи неопрятным сам по себе, заражает тою же неопрятностью и все то, до чего он хотя случайно прикоснется...

Впрочем, «Свисток» обратил внимание на историю, случившуюся с г. Юркевичем, еще и потому, что в этой истории замешан свист, насчет которого существует в нашем обществе много самых нелепых предрассудков. Один из таких предрассудков высказался по поводу истории с г. Юркевичем, и «Свисток» считает себя обязанным разъяснить и доказать нелепость этого предрассудка.

Всякий человек, начиная от самого глубокомысленного философа и оканчивая самым легкомысленным фельетонистом, стремится к благу и блаженству, к достижению того, что на философском языке называется высшими удовольствиями жизни, а на языке поэтическом — цветами и розою жизни. Поэтому нет ничего удивительного и предосудительного в том, что и г. Юркевич обнаружил такое же стремление. Для человека мыслящего высокое удовольствие заключается в проповеди и распространении своих идей. Это удовольствие доставил себе и г. Юркевич, устроивши свои публичные лекции. Ничего не может быть отраднее для человека той минуты, когда он занимается поражением своего противника на публичной арене, в виду многочисленного сонма зрителей; и такой отрады вкусил г. Юркевич, поражая своих противников на публичных лекциях. Кроме этих абсолютных благ

жизни есть еще блага условные и в числе их последнее место занимают благородные, но презренные металлы, — предмет стремления всех людей. И это общечеловеческое стремление, индивидуализировавшись в г. Юркевиче, достигло своего осуществления при чтении им публичных лекций; 10 лекций стоили 10 руб. сер.; одна лекция отдельно 1 р. 50 к. А наконец, кто не знает, как соблазнительна и упоительна слава и как сильно в каждом индивидууме желание славы! Публичные лекции увенчали наконец г. Юркевича и славой; шумные одобрения, бурные рукоплескания, хвалебные клики и возгласы — все это смешалось, переплелось и в виде славного венца украсило чело философа. Кроме того, в славе г. Юркевича была еще одна особенность, которая делала ее еще более сладостной; его лекции слушали прекрасные, юные создания, цвет человеческого рода ⁷⁸. Возьмите самого холодного философа, с самым черствым сердцем, и тот способен наслаждаться идеей красоты, выражающейся в прекрасном женском образе, и он невольно zalюбуется милым юным созданием женского пола. Представьте же себе после этого, какое удовольствие видеть с высоты кафедры целые десятки таких созданий, «начиная с 13-летнего возраста», наблюдать, как искрятся восторгом их прекрасные глазки, обращенные на вас, как из их розовых полуоткрытых уст вылетают похвальные восклицания, адресуемые вам, созерцать, наконец, как они своими маленькими миленькими ручками, затынутыми в нежнейшие перчаточки, хлопают и рукоплещут вам! А г. Юркевич именно все это видел, наблюдал и созерцал; он, так сказать, весь осыпан был розами. Можно ли найти человеческое, даже философское сердце, которое не растаяло бы при виде такой славы. И г. Юркевич действительно растаял; он упоен был своею славой и, в упоении, небрежно бросился на ложе славы, устроенное из роз, — и вдруг вскочил с него с такою поспешностью и неловкостью, которые бы сделали смешным самого обыкновенного смертного и которые солидному философу придали решительно комический вид. О, философ! ты забыл, что роза имеет шипы, и за это забвение ты наказан; они укололи тебя, и ты подскочил, как школьник, и стал невольно делать комические жесты и гримасы. Справедливо древнее изречение, что слава есть дым; от дыма славы угорел г. Юркевич, он вообразил, что он уже окончательно сразил своих противников, подумал, что все, что он ни скажет, будет встречено рукоплесканиями. Вследствие этого он стал обращаться с противниками уж слишком бесцеремонно и стал говорить все, что попало, не заботясь о философской основательности. Но слава, как и роза, имеет шипы; среди рукоплесканий послышалось шиканье, а потом явилось пророчество, предсказывавшее свистки и свист. Философ, уколотый забытыми им шипами, растерялся, потерял философскую солидность и заговорил вовсе нефилософские речи, и такие, которые едва ли употребляются даже в балаганных нефилософских произведениях.

Тут-то явились на помощь философу друзья его и принялись вырывать шип, вонзившийся в их друга, бросились на анонимное письмо и в особенности на свист, упоминавшийся в нем, и старались выставить последний в неблагоприятном свете. Свист, говорили одни, есть насилие чужого убеждения ⁷⁹, стеснение свободы мнения; свист и шиканье, говорили другие, это интимидация, свойственная врагам всякой свободы мнения. «Все наше

горе, — рассуждали поклонники философа, — состоит в преобладании у нас элемента внешнего принуждения, в отсутствии уважения к свободе мнения, — и вот молодое поколение является поборником того же самого принудительного принципа, принципа грубой силы, только в другой форме...» т. е. в форме свиста. Вот видите, свист представляется умам друзей философа как орудие насилия, стеснения, принуждения, как форма грубой силы, уничтожающей свободу мнения; бедный свист, как тебя обижают! Это-то понятие о свисте и есть нелепый предрассудок, который, к сожалению, коренится во многих односторонних умах. Когда-то г. Чичерин во время проповеди своего учения слышал свист; этот свист он сам и его единомышленники принимали за подавление свободы мнений. Г. Костомаров тоже когда-то, стоя на кафедре, должен был выслушать свист⁸⁰; и по этому поводу многие напали на свист как на выражение нетерпимости и неуважения к свободе мнений. Удивительное ослепление! Ужели слишком много нужно проницательности, чтобы понять, что свист есть орудие невинное, безвредное, есть сила, так сказать, эфирная, окрыляющая свободу, даже неспособная к тому, чтобы можно было употребить ее для насилия и стеснения, что во всяком случае он имеет столько же почетного значения и столько же высоких неотъемлемых прав, как рукоплескания и как все вообще другие способы выражения человеческих мыслей, чувствований и настроений, как слово, смех, плач, восклицания и вздохи. Для доказательства этой мысли обратимся снова к истории с г. Юркевичем.

Г. Юркевич решился распродать часть своего философского света, так сказать, часть светильного газа, добытого им, подобно тому, как в Москве развозят и распродают материальный газ. «Нанявсь — як продавсь», говорит пословица, вероятно известная г. Юркевичу. Каждый слушатель каждую лекцию покупает у него философии на полтора целковых или с уступкой на целковый; если отпущенный товар хорош, если купленная философия удовлетворяет слушателя, то слушатель благодарит философа и свою благодарность высказывает одобрениями и рукоплесканиями; если же, заплативши деньги, слушатель получает философию дурного качества или вообще не удовлетворяющую его, то естественно в нем рождается неудовольствие на философа и он высказывает свое неудовольствие шиканьем и свистом. Вы скажете, что философия хороша, что свистать не следовало; на это свистящий ответит вам: это вы так говорите, что она хороша, а по моему она дурна, и я ею недоволен; вследствие этого я и высказываю свое мнение и свое неудовольствие, т. е. свищу. Даже человек, ослепленный предрассудками насчет свиста, должен согласиться, что в настоящем случае свист есть дело законное и рациональное, не есть стеснение чужого мнения, а просто выражение мнения собственного. Представьте себе, что вместо шиканья часть слушателей г. Юркевича подняла бы плач и рев, и вместо того, чтобы заливаться веселым свистом, стала бы заливаться горькими слезами, — ужели бы вы стали говорить, что плач есть насилие чужого убеждения, стеснение свободы мнения, что он есть интимидация, грубая сила и т. д.? Как же вы можете говорить это о свисте, который стоит в одной категории с плачем и, подобно последнему, служит внешним выражением душевного настроения? Свист есть то же самое, что слово, есть настоящее

слово, только выражаемое не членораздельными звуками; об лекциях г. Юркевича можно рассуждать и говорить как угодно; ни одна человеческая голова, правильно устроенная, не скажет, что этот говор есть насилие убеждения, стеснение свободы мнения; тем удивительнее, что находятся даже почтенные человеческие головы, которые свист — то же слово — называют насилием и стеснением, а рукоплескания — делом невинным и законным. Но, скажите на милость, что почтеннее и возвышеннее — звук ли, производимый губами и дуновением человеческих уст, т. е. свист, — или звук, производимый шлепаньем рук одна об другую? Уж если не давать преимущества ни одному из них, то нужно согласиться, что они равны и равноправны. Вообще мысль о том, что свист есть орудие, так сказать, духовное, не только не стесняющее свободы, но даже содействующее ей, до того наглядна и очевидна, что ее как-то странно и доказывать; доказывается она собственно потому, что ее не понимают московские философы, их друзья и единомышленники.

Из сферы науки перенесемся в область искусства. Выходят на сцену актеры и актрисы, певицы и певцы, танцоры и танцовщицы; если все эти субъекты хорошо выполняют сценические функции, им рукоплещут; если же дурно, им шикают и свищут. И с тех пор, как существуют в мире театральные и оперные сцены, не находилось ни одного человека столь бессмысленного, который бы вздумал утверждать, что свист есть насилие таланта, стеснение свободы сценического искусства, грубая сила и принудительный принцип. Правда, и свист бывает иногда принудителен, но принудительность его разумна, не стесняет свободы и, собственно говоря, не есть принудительность. Тамберлик выводит ут-диез, и все ему рукоплещут; Кравцов тоже вывел однажды ут-диез, и его освистали. Если бы Кравцов имел о свисте такое же одностороннее понятие, как московские философы, то он сказал бы, что свист, раздавшийся по поводу его ут-диеза, есть насилие, принуждение, деспотизм, стеснение его свободы. Затем поступил бы на сцену, стал бы выводить постоянно ут-диез и зато постоянно слышал бы свист. Но Кравцов был разумнее московских философов, по крайней мере относительно свиста; *принужденный* свистом, он ушел со сцены, скрылся в неизвестности, не произнеся ни одного слова укора на свист. Потщитесь, московские философы, подражать этому примеру! Лагруа⁸¹ пела и пожинала рукоплескания; но какими-то неведомыми судьбами голос ее испортился, и ее освистали. Но и она была разумнее московских философов, не стала жаловаться на насилие и деспотизм свиста; но, *принужденная* свистом, ушла со сцены и пребывала в неизвестности до тех пор, пока не поправился ее голос. Потщитесь, московские философы, подражать и этому высокому примеру! Теперь возвратимся снова в область науки. Публичная кафедра — это сцена; философ, читающий публичные лекции, — это актер или певец; хорошо он читает — ему рукоплещут, дурно — ему свищут; и нужна особенная московская своеобразность мысли, чтобы представлять здесь свист в виде орудия, подавляющего свободу мнений. Пробежите мысленно все сферы, все области, где одна личность или несколько их являются персонально перед публикой с тем, чтобы наставить, или усладить, или потешить ее, и вы увидите, что везде об руку с рукоплесканиями идет и свист, и что никто и никогда не называл

свиста насилием и грубой силой. Даже в парламентах, великих и, говорят, ужасно благодетельных учреждениях, тоже раздаются шиканья и свист, называемые на парламентском языке бурным неодобрением.

После таких очевидных доказательств можно надеяться, что и в уме московских философов исчезнет предрассудок относительно свиста, что свист не есть антисвободное орудие, что он сила духовная, заслуживающая всякого уважения, что он имеет право гражданства во всех великих областях человеческой деятельности. (А кстати: читают ли «Свисток» московские философы, их друзья и почитатели?) Есть, правда, одно возражение против этой мысли, именно то, что свист употребляется городовыми хожалями. Правда; но он все-таки есть лучшее из орудий, употребляемых ими; притом это, говорят, взято с иностранного. А главное, такое же возражение можно привести и против рукоплесканий, на которые так падки московские философы; сколько на всем пространстве нашего обширного отечества совершается рукоплесканий по русским рожам и даже по русским лицам! Однако же на этом основании никто не вооружается против рукоплесканий вообще. Это ведь аксиома, что злоупотребление ничего не говорит против употребления. В настоящем случае перед московскими философами защищается свист вообще, свист в смысле абсолютном, а не злоупотребления свистом.

Затем мы переходим к частному вопросу о том, имел ли право свист явиться на философские лекции г. Юркевича, и смело отвечаем на этот вопрос утвердительно. Г. Юркевич сам признал за своими слушателями право судить и высказывать свои суждения о его лекциях. Слушатели, довольные лекциями, громко высказывали свое одобрение, рукоплескали, и г. Юркевич принимал и признавал рукоплескания. Естественно после этого, что и недовольные лекциями так же точно имели право высказывать свое неудовольствие, шикать и свистать, и свист был здесь не стеснением свободы мнений г. Юркевича, а правом его слушателей, свободным выражением их мнений. Было бы в высшей степени неразумно и самоуправно требовать, чтобы слушатели только восхваляли читающего, рукоплескали ему и не смели обнаруживать свистом своего неодобрения. Если вам не хочется слушать свиста, тогда устраните из вашей аудитории и рукоплескания, потому что по вечному закону правды рукоплескания и свист нераздельно соединены между собою и имеют одинаковые права; где раздаются первые, там и последний имеет право раздаваться. В этом отношении официальные аудитории очень последовательны; они не любят свиста, в них он строго воспрещен; но так же строго воспрещены и рукоплескания. Официальные аудитории понимают глубокую истину, что рукоплескания невозможны без свиста и не разлучны с ним. Аудитория г. Юркевича была не официальная, она допускала рукоплескания; с какой же стати и на каком разумном основании она хотела воспретить свист? О философ! ты опять забыл, что роза имеет шипы и что рукоплескания невозможны без свиста. Твои защитники тоже забыли эту истину и вследствие этого стали оскорблять величие свиста и клеветать на него как на грубую силу и насилие. Но им прощаются оскорбления и клеветы, очевидно взведенные ими на свист по неведению.

Остается разъяснить еще один и последний пункт в предрассудке насчет свиста. Говорят, свистом грозили г. Юркевичу, свист есть угроза, интимидация.

ция. Но, почтенные москвичи, что ж это за угроза свист? и разве же можно бояться такой угрозы, как свист? разве можно называть свист интимидацией? Если бы угрожающий вместо свистящей угрозы сказал: я вас за шиворот совлеку с кафедры и повлеку туда, куда Макар телят не гонял, — это было бы угрозой и насилием, если б угроза осуществилась. А свист какая же угроза? «Я вас освищу, милостивый государь»; экая важность, экая угроза! Угрожаемый преспокойно может ответить: свищите, сколько угодно, я вашего свиста не боюсь, он меня не остановит, я надеюсь, он будет заглушен рукоплесканиями. Так отвечал бы всякий разумный человек на угрозы свистом. Но не так поступил наш философ и его друзья. Одно напоминание о свисте раздражило его; он вышел из себя и в раздражении наговорил речей, значение которых ничтожно и даже грязно. Друзья его тоже пришли в азарт, стали кричать о насилии, о стеснении свободы, о грубой силе и т. д. А между тем, углубляясь в сущность занимающей нас истории, мы приходим к заключению, что насилие было скорее на стороне г. Юркевича, чем на стороне свиста, что на священной высоте кафедры было употреблено оружие гораздо хуже и грубее, чем свист. Недовольных лекциями было довольно; может статься, что недовольство их было неосновательно, но несомненно, что заключительные речи профессора по поводу письма были нехороши и заслуживали самого энергического неодобрения; конечно, им рукоплескали дамы и редактор почтенной газеты, но они все-таки были нехороши, их следовало освистать, и наверное были желавшие освистать. Что же сделала сторона г. Юркевича? ей следовало бы утихнуть, хранить молчание, дать желавшим свистать полную свободу высказать свое мнение, не стеснять и не подавлять их свиста, который действительно был здесь необходим. А она между тем стала рукоплескать, обнаружила деспотическую замашку подавить, заглушить свист, стеснить чужое мнение и отнять у него возможность высказаться посредством свиста. Вот видите, московские философы, в вашей истории свист не был грубой силой и насилием, а напротив, он был жертвой насилия и угнетения со стороны ваших рукоплесканий. Но это еще ничего; если свист изнасилован был рукоплесканиями, значит он сам виноват, значит он был слаб. Посмотрим, какое еще оружие употребляла сторона, враждебная свисту, чем она действовала против анонимного письма. Если бы профессор был сторонник свиста, он поднял бы письмо на воздух, освистал его со всех четырех сторон, тем более, что в письме были стороны, которые можно было освистать отлично, и потом даже с видимым благоговением положил бы его на кафедру; публика ответила бы свистящим хором на свист профессора, и история окончилась бы великолепно. Но профессор возгнушался свистом, и какое же орудие он употребил вместо свиста? Он спрятал письмо в карман с целью сделать из него известное «пригодное употребление». О философ! ты забыл, что письмо написано человеком, твоим ближним, ты забыл, что оно было представителем человеческой личности, ты забыл наконец, что в нем высказывалось человеческое мнение, дорогое убеждение! Ты все это забыл и святотатственно поправил, сделав из письма известное употребление! И после этого люди, с особенным усердием рукоплескавшие «этой грязной плоскости», осмеливаются читать другим поучения об уважении человеческой личности и чужого убеждения, осмеливаются произносить хулу на

свист, называть его грубой силой, стеснением свободы и т. д. Скажите в самом деле, что лучше или хуже — свист ли или оружие, употребленное философом? Вот то-то и есть; противники свиста позволяют себе всякие пошлости и плоскости и в то же время лицемерно прикидываются людьми серьезными, проникнутыми уважением ко всему; но как только раздается свист, разоблачающий их лицемерие, они выступают с жалобами на свист как на грубую силу, на насилие и стеснение, как на недостаток уважения к личности, к чужому мнению; а у них-то самих этого уважения куда как много! Вот вам и правда человеческая и, в частности, правда философская и московская!

История с г. Юркевичем кончена; «Свисток» выводит из нее следующую мораль: все наше горе состоит именно в преобладании у нас, в жизни общественной, элемента рукоплесканий, в отсутствии всеобщего уважения к свисту; русская жизнь много терпит от того, что права свиста не признаны формально, что ему нет ходу, что он не может раздаваться тогда, как ему непременно следовало бы раздаться. Просим читателей принимать эту мораль в самом серьезном смысле и углубиться в нее. В самом деле, у нас все ищут для себя только роз и каждый принимается за дело с тем только, чтобы пожать розы; малейший шипок уколется, он сейчас же злится и беснуется и дает делу какое угодно, хоть самое бесчестное употребление. Люди, пользующиеся всеми благами жизни на чужой счет, не довольствуются этим; им нужна еще слава, подавай им рукоплескания. Известные сферы людей до костей пропитаны неразумным желанием рукоплесканий; каждая дрянь в этой сфере за всякую мелочь, даже за всякую мерзость и несправедливость требует себе похвал и рукоплесканий; что бы она ни сделала, но рукоплескания давай ей непременно. «А свисту не хочешь ли, дрянь ты этакая!» — подобных слов вы не услышите во веки веков. Комбинация обстоятельств расположилась таким образом, что вы должны восхвалять и рукоплескать до болезни, до поту и крови, а малейший свист с вашей стороны механикою обстоятельств будет заглушен и вы сами будете приведены или к молчанию, или к нулю, т. е. к совершенному небытию. Под влиянием этой искусной механики рукоплескания раздаются везде, куда вы ни обратите взор свой.

СЕКРЕТНОЕ ЗАНЯТИЕ

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ СЦЕНАХ

Сцена I

Театр представляет кабинет М. Н. Каткова; посредине стоит огромный письменный стол, за которым сидит сам Михаил Николаевич, перед ним на столе лежит кусок колбасы, завернутый в клочок «Нашего времени»⁸²; но из открытого среднего ящика стола выглядывает развернутый № «Современника», который М. Н. пожирает с такою жадностью, что даже не замечает, как *в комнату входит обойщик*.

М. Н. Катков (*бормочет*). Ну да! ну да! ну, и что ж!

Обойщик. Гардины вешать прикажете?

М. Н. Катков (*выходя из оцепенения*). А! Это ты, простолюдин!

Обойщик. Гардины вешать прикажете?

М. Н. Катков. Вешай! Вешай! (*Любезно*). Ну что, теперь вы свободны?⁸³

Обойщик. Слава богу, ваше благородие.

М. Н. Катков (*хочет что-то сказать, но не решается*). Гм... ну да! (*Наконец, решается, но говорит, краснея*) А ведь это я! (*Обойщик смотрит на него с изумлением*). Да, это я!

Обойщик. Так-с.

М. Н. Катков. То есть что вы свободны-то... ну да, это я!.. то есть, ты понимаешь, сделал-то не я, а я настоял!

Обойщик. А как же, ваше благородие, ребята сказывали, что это Александр Иванович Кошелев!⁸⁴

М. Н. Катков. Ребята врут, любезный простолюдин! Это я да Василий Александрович Кокорев — вот кто!

Обойщик. Покорно вас благодарим, ваше благородие!

М. Н. Катков. Ничего... ничего! вешай гардины, добрый простолюдин! (*Снова углубляется в чтение «Современника»; обойщик принимается за работу; в это время сзади чуть слышно подкрадывается Н. Ф. Павлов*).

Н. Ф. Павлов (*громко*). Ух! И это не стыдно!

М. Н. Катков (*поспешно задвигая ящик*). Что? что такое? что такое я сделал?

Н. Ф. Павлов. И вам не стыдно читать?

М. Н. Катков. Я ничего не читал... я ничего не читал! я... я просто ел!

Н. Ф. Павлов. Еще запирается! а ну-те, покажите-ка, что у вас там в среднем-то ящике!

М. Н. Катков. Нет, я, право, ничего не читал! то есть я читал... (*Чуть слышно*). я читал... «Колокол!» (*В сторону*). Даже стен боюсь! (*Вслух*) Только вы, ради бога!

Н. Ф. Павлов (*ласково грозясь*). Проказник! (*Уходит*).

Сцена II

Театр представляет кабинет П. М. Леонтьева; обстановка почти та же самая, что и в предыдущей сцене, с тою лишь разницею, что место М. Н. Каткова занимает П. М. Леонтьев. Точно так же подкрадывается сзади Н. Ф. Павлов и неожиданно щеко-тит у П. М. под мышками.

П. М. Л е о н т ь е в. *(быстро вскакивая)*. Что это за шутки!

Н. Ф. П а в л о в. Нет, это не шутки, а позвольте-ка узнать, чем вы занимаетесь?

П. М. Л е о н т ь е в *(быстро задвигая ящик)*. Чем? вы видите, ем колбасу и читаю «Наше время»!

Н. Ф. П а в л о в. Еще запирается! Эх, господа, господа! точно вы маленькие! Да в ящике-то у вас что, государь мой?

П. М. Л е о н т ь е в *(заикаясь)*. А в ящике у меня... а в ящике у меня... *(Хочет вынуть ключ от ящика)*, ну да, у меня в ящике колбаса!

Н. Ф. П а в л о в. Ничто мне так не противно, как притворство! Показывайте, государь мой!

П. М. Л е о н т ь е в. Но уверяю вас, Н. Ф., уверяю вас... *(Решительно)*. Ну да, я читал, я читал *(чуть слышно)*, я читал... «Колокол»! Но только вы, ради бога!

Н. Ф. П а в л о в *(ласково грозясь)*. Проказник! *(Уходит)*.

Сцена III

Театр представляет кабинет Н. Ф. П а в л о в а; обстановка та же, что и в предыдущих сценах, с тем исключением, что героем является Николай Филиппович и что на столе лежит не колбаса, а селедка, завернутая в клочок «Московских ведомостей». Сзади неслышными шагами подкрадываются М. Н. К а т к о в и П. М. Л е о н т ь е в.

Н. Ф. П а в л о в *(фантазирует)*. Основский! где теперь может быть Основский! *(Наклоняется и читает; некоторые его волосы встают дыбом. Опять фантазирует)* Быть может, Основский теперь на небесах! ⁸⁵ *(Читает; встают дыбом остальные немногие волосы; вздыхает)* Основский! зачем ты не взял меня с собою!

Т е н ь О с н о в с к о г о *(появляется вдруг; М. Н. Катков и П. М. Леонтьев, стоящие в глубине сцены, закрывают себе лицо руками)*. Затем, чтоб ты в сей жизни казнился! *(Быстро исчезает)*.

Н. Ф. П а в л о в *(протирая руки)*. О, тень любезная!

П. М. Л е о н т ь е в *(сурово)*. Позвольте узнать, милостивый государь, что вы здесь делаете?

М. Н. К а т к о в *(язвительно)*. Да, уж позвольте!

Н. Ф. П а в л о в *(проворно задвигает ящик, запирает его и прячет ключ в карман)*. Селедку ел, господа, и читал «Московские ведомости»!

М. Н. К а т к о в и П. М. Л е о н т ь е в *(в отчаянии)*. О, этого человека никогда никто ни в чем не уличит!

Т е н ь О с н о в с к о г о *(появляется снова)*. Скажите Пановскому...

В это время машинист В а л ь ц, услышав имя г. П а н о в с к о г о ⁸⁶ и припоминая обиды, понесенные им от этого фельетониста, намеренно перемешивает все декорации и на мгновение усыпляет действующих лиц. Тень О с н о в с к о г о, не досказав речи, скрывается вверх; раздаются крики; оказывается, что актер, игравший «тень», прищемлен-

Сцена IV

Театр представляет все три кабинета в одной комнате. За тремя письменными столами сидят все три публициста и поглядывают в средние ящики, в которых лежат развернутые экземпляры «Современника». Проходит несколько минут без всякого признака движения со стороны действующих лиц, но это очарованное состояние прекращается одним манием г. В а л ь ц а, который заставляет публицистов одновременно поднять головы. Публицисты смотрят друг на друга с изумлением и долго не понимают, в чем дело.

В с е (с ужасом). Об этом надобно сообщить Юркевичу!

Землетрясение; отворяются два люка, из которых выходит М. Н. Л о н г и н о в и ищет глазами М. П. П о г о д и н а и И. С. А к с а к о в а; он думает, что попал в общество любителей российской словесности.

(Занавес опускается).

КРАТКИЙ НЕКРОЛОГ И ДВА ПОСМЕРТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА

Ужасное горе постигло семейство, друзей и близких Кузьмы Петровича Пруткова, но еще ужаснее это горе для нашей отечественной литературы... Да, его не стало! Его уже нет, моего миленького дяди! Уже не существует более этого доброго родственника, этого великого мыслителя и даровитейшего из поэтов; этого полезного государственного деятеля, всегда справедливого, но строгого относительно своих подчиненных!.. Драгоценнейший мой дядюшка Кузьма Петрович Прутков всегда ревностно занимался службой, отдавая ей большую часть своих способностей и своего времени; только часы досуга посвящал он науке и музам, делясь потом с публикой плодами этих трудов невинных. Начальство ценило его ревность и награждало его по заслугам: начав службу в 1816 году юнкером в одном из лучших гусарских полков, Кузьма Петрович Прутков умер в чине действительного статского советника, со старшинством 15-ти лет и четырех с половиною месяцев, после 20-тилетнего (с 1841 года) безукоризненного управления пробирной палаткой! Подчиненные любили, но боялись его. И долго еще, вероятно, сохранится в памяти чиновников пробирной палатки величественная, но строгая наружность покойного: его высокое, склоненное назад чело, опущенное снизу густыми рыжеватыми бровями, а сверху осененное поэтически-всклооченными, шанкретовыми с проседью волосами; его мутный, несколько прищуренный и презрительный взгляд; его изжелта-каштановый цвет лица и рук; его змеиная саркастическая улыбка, всегда выказывавшая целый ряд, правда почерневших и поредевших от табаку и времени, но все-таки больших и крепких зубов; наконец — его вечно откинута назад голова и нежно любимая им альмавива... Нет, такой человек не может скоро изгладиться из памяти знавших его!

Кузьма Петрович Прутков на 25 году жизни соединил судьбу свою с судьбою любезной моей тетушки Антонины Платоновны, урожденной Проклеветантовой. Неутешная вдова оплакивает своего мужа, от которого имела множество детей, кроме находящихся в настоящее время в живых четырех дочек и шести сыновей. Дочки ее, любезные моему сердцу племянницы, отличаются все приятной наружностью и высоким образованием, наследованным от покойного отца; они уже в зрелых летах и — смело скажу — могут составить несомненное счастье четырех молодых людей, которым посчастливится соединить свою судьбу с их судьбою! Шесть сыновей покойного обещают твердо идти по следам своего отца, и я молю небо о даровании им необходимых для этого сил и терпенья!..

Кузьма Петрович, любезный и несравненный мой дядинька, скончался после долгих страданий на руках нежно любившей его супруги, среди рыдания детей его, родственников и многих близких, благоговейно теснившихся вокруг страдальческого его ложа... Он умер с полным сознанием полезной и славной своей жизни, поручив мне передать публике, что *«умирает спокойно, будучи уверен в благодарности и справедливом суде потомства; а современников просит утешиться, но почтить, однако, его память сердечной слезою»*.. Мир праху твоему, великий человек и верный сын своего отечества! Оно не забудет твоих услуг, и нет сомнения, что недалеко то время, когда исполнится пророческий твой стих: ⁸⁷

«И слава моя гремит, как труба,
И песням моим внимает толпа
Со страхом...
Но вдруг я замолк, заболел, схоронен,
Землею засыпан, слезой орошен,
И в честь мне воздвигли *семнадцать* колонн
Над прахом!»...

(«Соврем.», 1852 г.)

Всеми уважаемый мой дядюшка умер на 60 году своей жизни, в полном развитии своего замечательного таланта и своих сил, 13-го сего января в два и три четверти часа по полудни... Славный художник ** поразительно верно передал замечательную его наружность на портрете, который предназначен для украшения *полного собрания сочинений покойного* ⁸⁸. Я уверен, что по отпечатании этого собрания оно будет раскуплено нарасхват образованною частью публики; иначе, впрочем, и быть не может!

В портфелях покойного дядиньки найдено много неизданных его сочинений, не только стихов, философских изречений и продолжение исторического труда, столь известного публике под заглавием «Выдержки из записок моего деда», но также и драматических произведений. В особом портфеле, носящем золотую печатную надпись: «Сборник неконченного (d'inachevé)», находится множество весьма замечательных отрывков и эскизов покойного, дающих полную возможность судить о неимоверной разносторонности его дарования и о необъятных сведениях этого столь рано утраченного нами поэта и мыслителя! Из этих-то последних отрывков я извлекаю пока один и возлагаю его на алтарь отечества, как ароматический цветок в память драгоценного моего дядюшки... Надеюсь и вполне уверен, что из груди каждо-

го патриота вырвется невольный крик удивления при чтении этого отрывка и что не одной слезой благодарности и сожаления почтится память покойного!.. Вот этот отрывок:

ПРОЛОГ

Открытое место. Холм. Солнце восходит. Известный писатель входит в картузе, альмавиве, с зонтиком и с книгой под мышкой.

Известный писатель. С восходом этого дневного светила настанет торжественный для меня и для моего товарища день. Я и товарищ намерены дать сего дня *новый род драматического представления*⁸⁹. Драматическими представлениями условились называть представления, которые бывают на театрах, а именно: на Большом, неосновательно называемом каменным, Александринском, Михайловском и в Цирке, а в Москве — на Большом и Малом. Представления подразделяются на многие отрасли, как-то: на комедии, трагедии, драмы, оперы, пантомимы, водевили и хороводы. Мой товарищ и я посвятили всю жизнь нашу и зрелые лета на изобретение нового рода драматического представления. Мы с товарищем решились назвать его после долгих соображений — скажу: страданий — *естественно-разговорным представлением*. Произведение наше называется: «Опрометчивый турка, или приятно ли быть внуком?» (*восходит на холм*). Дай бог, чтобы это произведение было принято с тою же чистотою и откровенностию, с которыми мы его предлагаем зрителям! Пора нам ознаменовать перевалившийся за другую половину XIX век *новым словом* в нашей литературе! Это столь ожидаемое *новое слово* будет высказано сегодня мною с товарищем! Нужно ли мне повторять, что мы посвятили ему всю нашу жизнь и зрелые лета?! Кроме того, я отказался для него от выгодной партии — с дочерью купца Громова, уступив ее другому моему товарищу... Итак, пусть начинают пьесу! Дай бог, говорю я, чтобы она принята была с тою же душевною чистотою и сердечною откровенностию, с которыми мой товарищ и я предлагаем ее нашим зрителям!!

(*Сходит с холма и удаляется*)

Иван Семеныч (*который все это время стоял в мундире, спрятавшись, выходит на авансцену со скрипкой, оглядываясь по сторонам*).

Дочь купца Громова за мною!.. У меня много детей, не считая рожденных от первого брака и нечаянно. Это в сторону! Автор ушел. Предлагаемая пьеса начинается. Надо играть увертюру. Вот ноты в этом веке написанного романса: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан»⁹⁰ (*бросает ноты перед собой на землю и хочет играть. Камердинер подносит ему что-то на блюде*). Не надо! я всегда без этого!

(*Камердинер уходит. Иван Семеныч играет. Ничего не слышно. Через несколько времени занавес опускается*).

ОПРОМЕТЧИВЫЙ ТУРКА,
или
ПРИЯТНО ЛИ БЫТЬ ВНУКОМ?
КОМЕДИЯ ЕСТЕСТВЕННО-РАЗГОВОРНАЯ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Миловидов.

Князь Батог-Батыев.

Кутило-Завалдайский.

Либенталь.

г-жа Разарваки.

Иван Семеныч.

(Гостиная у г-жи Разарваки. Она разливает чай. Все сидят).

М и л о в и д о в (*говорит басом и важно*). Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует... Все, что у него было приятного, исчезло вместе с ним!

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (*со вздохом*). Сколько у него было душ и десятин пахотной земли?

М и л о в и д о в. Главное его имение — село Курохвостово, не помню, Астраханской или Архангельской губернии. Душ, по последней ревизии, числилось 500. По крайней мере так выразился, говоря со мною, заседатель гражданской палаты Фирдин Кузьма Петрович.

Кн. Б а т о г - Б а т ы е в (*говорит шепелявя, с присвистом*). Фирдин? какой Фирдин? Не тот ли, который ранен был на дуэли ротмистром Ковтыревым?

Л и б е н т а л ь (*говорит торопливо, скороговоркой*). Нет, не Кавтыревым, Кавтырев мне свояк. С ним действительно был случай, но он на дуэли не убит, а просто упал с лошади, гоняя ее на корде вокруг павильона на даче Мятлева; при этом он вывихнул безымянный палец, на котором носил чугунный перстень с гербом фамилии Чапыжниковых.

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й. Я не люблю чугунных перстней, но предпочитаю с сердоликом или с дымчатым топазом.

Кн. Б а т о г - Б а т ы е в (*с присвистом*). Позвольте, вы ошибаетесь. Сердолик и топаз, в особенности дымчатый, как вы весьма справедливо сказали, совершенно два различные именованья, и их не надобно смешивать с малахитом, столь искусно выделяваемым его превосходительством Демидовым, так что даже, — могу сказать пред целым миром и своею совестью, — он получил за это диплом из собственных рук парламента, с английскою печатью⁹¹.

Г - ж а Р а з а р в а к и (*сдобным громким голосом и решительно*). Насчет Демидова: правда ли, что он завещал все свое богатство Ламартину?⁹² (*Молчание*).

М и л о в и д о в (*опять басом и важно*). Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует... Все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним! Был у него, смело могу сказать, один только недостаток: он был твердо убежден, что при природном даровании можно играть на скрипке — без канифоли! Я вам расскажу постигнувший его случай: в день своих именин, как теперь помню, 21 октября, он приглашает власти. Был какой-то час.

Шум... Входят... собираются... садятся на диваны. Чай выпит. Все ожидают. — «Поддай мне ящик!» — говорит Иван Семеныч. Ящик принесен. Иван Семеныч вынимает скрипку, засучивает рукава и отворачивает правый борт своего виц-мундира. Вице-губернатор одобрительно ожидает. Преданный Ивану Семенычу камердинер подносит на блюдечке канифоль... «Не надо! — говорит он. — Я всегда без канифоли!..» Развертывает всем известные какие-то ноты... взмахивает смычком. Все притаили взволнованное дыхание. Самонадеянный покойник ударяет по струнам — ничего! ударяет в другой раз — ничего! В третий раз — решительно ничего! Четвертый удар — увы! — был нанесен его карьере, несмотря на то, что он был женат на дочери купца первой гильдии Громова. Обиженный губернатор встает и, подняв руку к плафону, говорит: «Мне вас не нужно, — говорит, — я не люблю упрямых подчиненных!.. Вы вообразили теперь, что можете играть без канифоли; весьма возможно, что захотите писать бумаги без чернил... Я этаких бумаг читать не умею, а тем более — подписывать не стану; видит бог, не стану!» (Молчание).

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й. Говорят, что цены на хлеб в Тамбовской губернии значительно возвысились? (Молчание).

Г - ж а Р а з а р в а к и (сдобно и громко). Насчет Тамбова... Сколько верст от Москвы до Рязани и обратно?

Л и б е н т а л ь (скороговоркой). В один конец могу сказать, даже не справившись с календарем, но обратно не знаю.

В с е (отворачиваясь в другую сторону, смеются, издавая носом насмешливые звуки).

Л и б е н т а л ь. Могу вас уверить... Ведь от рождества до пасхи столько-то дней, а от пасхи до рождества столько-то, но не столько, сколько от рождества до пасхи, следовательно...

В с е (оборачиваются в другую сторону и смеются, издавая носом те же звуки. Молчание).

М и л о в и д о в. Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует... Все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним!..

Кн. Б а т о г - Б а т ы е в (шепелявя с присвистом). Я знал его; мы странствовали с ним в горах востока и тоску изгнания делили дружно! ⁹³ — Что за страна этот Восток! Вообразите: направо — гора, налево — гора, впереди — гора, а сзади, как вы можете себе представить, синее гнилой запад... Наконец, вы с отвращением въезжаете на самую высокую гору — на какую-нибудь остроконечную Сумбеку, так что вашей кобыле и стоять на этом мшистом шпике невозможно... Разве только, подпертая горою под самую подпругу, она может вертеться на этой горе, как на своей оси, болтая в то время четырьмя своими ногами; и тогда, вертась вместе с нею, вы замечаете, что приехали в самую восточную сторону, ибо и впереди восток, и с боков восток, а запад... Вы, может, думаете, что он все-таки виден, как точка какая-нибудь, едва движущаяся вдали?..

Г - ж а Р а з а р в а к и (ударяя кулаком по столу). Конечно!

Кн. Б а т о г - Б а т ы е в (с торжествующей улыбкой). Неправда... и сзади восток, короче: везде и повсюду один нескончаемый восток!..

Г - ж а Р а з а р в а к и. Насчет востока... Я вам расскажу мой сон.

В с е. Расскажите, расскажите! (*Целуют у ней руки*).

Г - ж а Р а з а р в а к и. Видела я, что в самой середине...

М и л о в и д о в (*прерывая*). Питая к вам с некоторых пор должное уважение, я вас прошу, именем всех ваших гостей, об этом умолчать.

В с е. Почему же? Почему же? (*Наперерыв целуют у ней руки*).

М и л о в и д о в (*важно*). Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует... Все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним!.. Вам известно, что он жил безбедно, но хотел казаться человеком более богатым, нежели был в самой вещи...

Г ж а Р а з а р в а к и (*с удивлением*). Разве у него было бархатное стуло?

М и л о в и д о в. Нет! он не любил бархата и даже на самом животе носил треугольник из фланели, в виде какого-нибудь синапизма.

К н. Б а т о г - Б а т ы е в. У меня там тоже есть синапизм; но кроме того, люблю носить на правой руке фонтанель, на левой гишпанскую мушку, в ушах канат, во рту креозот, а на затылке заволочу ⁹⁴.

В с е. Покажите! покажите!

К н. Б а т о г - Б а т ы е в. Весьма охотно, но только после чаю...

М и л о в и д о в. Все, что у него было приятного, исчезло вместе с ним!.. Когда Иван Семеныч задавал обеды и приглашал власти, то любил угостить тончайшим образом!.. Лежавшие в супе корни изображали все ордена, украшавшие груди присутствующих лиц... Вокруг пирожков вместо обыкновенной какой-нибудь петрушки подсыпались жареные цветочные и фамильные чай... Пирожки были с кисточками, а иногда с плюмажами!.. Косточки в котлетах были из слоновой кости и завернуты в папильотки, на которых каждый мог прочесть свойственный его чину, нраву, жизни и летам комплимент. В жареную курицу вечно втыкался павлиний хвост. Спаржа всегда вздевывалась на проволоку; а горошек нанизывался на шелковинку... Вареная рыба подавалась в розовой воде... Пирожное разносилось всем в конвертах, запечатанных казенною печатью какого-то ведомства. Шейки бутылок повязаны были орденскими ленточками и украшались знаками беспорочной службы; а шампанское подавалось обвернутое в заграничный фуляр... Варенье, не знаю почему, не подавалось. По окончании обеда преданный Ивану Семенычу камердинер обрызгивал всех о-де-лавандом. Вот как жил он — и что же? канифоль, канифоль погубила его и свела в могилу!.. Его уже нет, и все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним!..

(*Внезапно отворяются двери, и входит И в а н С е м е н о в и ч с торжествующим лицом и приятной улыбкой*).

В с е (*в испуге*). Ах! Иван Семеныч! Иван Семеныч!

И в а н С е м е н ы ч (*шаркая и улыбаясь на все стороны*).

Не дивитесь друзья ⁹⁵,

Что как раз

Между вас

На пиру веселом я

Проявляюсь!..

(*Обращается к Миловидову и Разарваки серьезно*).

Ошибаешься, Данило,
Разарваки соврала:
Канифоль меня сгубила,
Но в могилу не свела!

В с е (*радостно вскакивают с мест и обступают Ивана Семеныча*).
Иван Семеныч, как! вы живы?

И в а н С е м е н ы ч. Жив; жив, говорю я вам! Скажу более (*обращается к 2-же Разарваки*): у вас есть внук турецкого происхождения... Я сейчас расскажу вам, каким образом сделано мною это важное открытие...

В с е (*с нетерпением*). Расскажите, расскажите, Иван Семеныч!..

(*Садятся вокруг стола; Иван Семеныч ставит свой стул возле 2-жи Разарваки. Все вытянули головы с любопытством. Иван Семеныч откашливается. Молчание*).

Здесь рукопись прерывается... К сожалению, смерть не допустила Кузьму Петровича Пруткова вполне развить и довести до конца это в высшей степени замечательное произведение, вплетающее новую роскошную ветвь в лавровый венок моего бессмертного дядюшки!..

Произведение это помечено так: «11-го декабря 1860 года (аппус, i)». Исполняя духовное завещание покойного, я поставлю священным для себя долгом объяснить, для сведения будущих библиографов, что Кузьма Петрович Прутков родился 11-го апреля 1801 года недалеко от Сольвычегодска, в дер. Тентелевой; поэтому большая часть его сочинений, как, вероятно, заметили сами читатели, носит пометку 11-го числа какого-либо месяца. Твердо веря, подобно прочим великим людям, *в свою звезду*, достопочтеннейший мой дядинька никогда не заканчивал своих рукописей в другое число, как в 11-е. Исключения из этого весьма редки, и покойный не хотел даже признавать их.

Искреннейший племянник Кузьмы Петровича Пруткова и любимейший родственник его: *Калистрат Иванович Шерстобитов*.

ВТОРОЕ ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА

Для вящей характеристики Кузьмы Петровича Пруткова как государственного человека и верного сына отечества я привожу здесь еще один отрывок из портфеля покойного, наполненного множеством неоконченных произведений (*d'inachevè*). Это — *проект*, не вполне отделанный, на котором сделана пометка: «*подать в один из торжественных дней на усмотрение*». Проект этот был написан в 1859 году ⁹⁶, но был ли он подан и принят, мне не может быть известно по весьма малому моему чину.

Отставной поручик *Воскобойников*.

ПРОЕКТ

(подать в один из торжественных дней на усмотрение).

Приступ: Наставить публику... Занеслась... Молодость, науки, незрелость... Вздор!.. Убеждения, безначалие, неуважение к старшим, «собственное» мнение!.. *Собственное мнение!!* Да разве может быть *собственное* мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?!⁹⁷ Откуда оно возьмется и на чем основано?! Если бы писатели знали что-либо, их призвали бы к службе; но кто не служит, тот, значит, недостоин, стало быть, и слушать его нечего! С этой стороны еще никто не колебал авторитет нынешних писателей, — *я первый* (напереть на то, что *я первый*; может быть, это откроет мне карьеру... Затем развить то же в других выражениях, но сильнее и подробнее).

Трактат: Вред различия во взглядах и убеждениях. Вред несогласия с властью во мнениях⁹⁸. «Аще царство на ся разделится»⁹⁹ и пр. Всякому русскому дворянину свойственно желать не ошибаться¹⁰⁰. Для осуществления этого желания необходимо держаться мнения начальства; ибо — в противном случае, где ручательство, что составленное мнение безошибочно? Но как узнать мнение начальства? Нам скажут: оно выражается в принимаемых им мерах. Это правда... гм!.. нет, это неправда!.. Правительство нередко таит свои цели — из высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства. Оно нередко доходит до результата рядом косвенных мер, по-видимому, противоречащих одна другой и даже не имеющих между собою никакой связи, но в действительности соединенных секретными шолнерами одной государственной идеи, одного государственного плана, поражающего ум своею громадностью и последствиями... План этот открывается в неотвратимых результатах истории! Итак, может ли какой-либо подданный обсуждать правительственные мероприятия, не владея ключом взаимной между ними связи? «Не по отдельным частям, но по целой совокупности водочерпательной машины суди о достоинствах сих частей», — так сказал я еще в 1842 году сыну своему Фаддею и до сего времени непреклонно убежден в высокой справедливости этого изречения!.. Где подданному уразуметь все эти причины, поводы, соображения, разные виды с одной стороны и усмотрения с другой, на основании коих принимаются правительственные меры? Не понять и не уразуметь ему их, если они не будут указаны самим благодетельным правительством! Этому мы видим доказательства ежедневно, ежечасно, скажу: ежеминутно!!.. Вот причина, с одной стороны, почему иные, даже самые благонамеренные люди нередко сбиваются с толку злонамеренными толкованиями; и почему, с другой стороны, многие из верноподданных недостаточно противодействуют распространяющимся лжемудрствованиям, не имея от правительства указания, какого мнения следует держаться?.. Положение их самое тягостное, и даже смело скажу, вполне невыносимое!

Заключение: На основании всех вышеизложенных соображений и принимая во внимание, с одной стороны, явную необходимость установления однообразной точки зрения в пространном нашем отечестве, с другой же стороны, усматривая невозможность достижения этой благой цели без учреждения официального печатного органа¹⁰¹, нельзя вместе с тем не признать справед-

ливым, что в этом именно заключается настоящая потребность общества и существенное условие его преуспеяния и развития... Будучи поддержан достаточным содействием полицейской и административной властей, такой правительственный орган служил бы надежной звездой, скажу: маяком или вехою для общественного мнения. Таким образом, пагубная склонность человеческого разума вечно обсуждать происходящее на всем земном круге была бы направлена к исключительному служению правительственным видам и целям. По всем случаям, мерам и вопросам существовало бы одно господствующее мнение, и если даже допустить, что нашлись бы злонамеренные люди, которые были бы несогласны с этим мнением, то они, естественно, остереглись бы противоречить, дабы не выказать своей злонамеренности. С другой же стороны, истинно верноподданные узнали бы, наконец, какого мнения им следует держаться для блага своего и своих присных. Притом нет сомнения, что благомыслящие люди позаботились бы, из христианского желания добра своим детям и родственникам, внушить и им те же добрые начала, и, таким образом, предлагаемое мною средство имело бы благодетельное действие не только на современников, но и на самое отдаленное потомство! Зная сердце человеческое и господствующие черты русской народности, нет повода сомневаться в достижении вышеизложенной цели. Дело только в том, чтоб избран был редактором достойный во всех отношениях человек, известный своим усердием и преданностью, пользующийся славою писателя и глубокого мыслителя и готовый иренебречь, для пользы правительства, конечно за достаточное вознаграждение¹⁰², общественным уважением и мнением. В поощрение его и в пример другим необходимо, кроме достаточного вознаграждения, отличать его чинами, орденскими украшениями и особыми денежными наградами. Скромность, свойственная моему характеру, препятствует мне предложить личный свой труд в этом деле и разносторонние свои познания и способности, которыми, однако, я готов жертвовать до последнего издыхания, если это будет согласно с предначертаниями начальства, для бескорыстной службы престолу отечества. Долговременная и беспорочная служба моя в пробирной палатке дает мне, между прочим, возможность разъяснять различные финансовые меры согласно с видами правительства; разъяснения же эти, как известно самому правительству, необходимы для отклонения произвольных суждений, вызываемых стесненным положением финансов нашего дорогого отечества... Итак, повергая свою готовность на алтарь отечества, я вместе с тем считаю священным для себя долгом указать на заслуженного нашего литератора и академика Бориса Федорова¹⁰³ как на необходимого члена редакции, всегда достойно пользовавшегося милостями и доверием правительства. Этот верный и опытный слуга уже приобрел себе громкую известность испытанной своею благонамеренностью, память о которой неминуемо сделается достоянием истории.

Осмеливаюсь представить на снисходительное усмотрение высшего начальства сей недостойный труд свой, я дерзаю приятно льстить себя надеждой, что он не будет поставлен мне в вину, служа искренним выражением усердного желания человека, преданного престол-отечеству, принести посильную услугу столь высоко уважаемой им благонамеренности. *Кузьма*

Прутков, начальник пробирной палатки, действительный статский советник и разных орденов кавалер, 1859 года (annus, i).

Примечание. На полях этого замечательного проекта, доказывающего светлый взгляд, государственный ум и беспредельную преданность покойного Кузьмы Петровича Пруткова нашему общему престол-отечеству, сохранились драгоценные заметки, которые даровитый писатель и слуга намеревался развить при окончательной отделке своего предположения. Так, сбоку трактата о невозможности правильно судить правительственные мероприятия без наставнического указания верховного начальства находится следующая заметка: «Подобно сему, неопытный ребенок, будучи временно оставлен без руководителя и увлекаемый между тем прохладной тенью близлежащего леса, опрометчиво устремляется в оный от дому, не рассудив — о, несчастный! — что у него не достанет ни ума, ни соображения для отыскания обратной дороги. NB. Развить это прекрасное сравнение, особенно остановившись на трогательной картине, изображающей плачущих родителей, отчаянье провинившегося пестуна и раскаянье самого ребенка, страдающего в лесу от голода и холода». Из других замечаний почтеннейшего Кузьмы Петровича видно, между прочим, что он, исчисляя доход редакции с проектированного им официального издания и предполагая пустить оное по дешевой цене, вместе с тем признавал необходимым: «1) с одной стороны, сделать подписку на сие издание обязательною для всех присутственных мест; ¹⁰⁴ 2) с другой стороны — велеть всем издателям и редакторам частных печатных органов перепечатывать руководящие статьи ¹⁰⁵ из официального органа, дозволяя себе только повторение и развитие их; 3) сверх того, наложить на них денежные штрафы в пользу редакции официального органа за все темнения, кои окажутся противоречащими мнениям, признаваемым господствующими; ¹⁰⁶ 4) вместе с тем, вменить всем начальникам отдельных частей управления в обязанность неусыпно вести и постоянно сообщать в одно центральное место списки всех служащих под их ведомством лиц, с обозначением: кто из них какие получает журналы и газеты, и не получающих официального органа как не сочувствующих благодетельным видам правительства отнюдь не повышать ни в должности, ни в чин и не удостоивать ни наград, ни командировок»... — «Таким образом, — заключает достоуважаемый Кузьма Петрович Прутков, — правительство избегнет опасности ошибочно помещать свое доверие».

Надеюсь, что редакция не откажется поместить этот верный исторический документ в наиздание потомства...

Искренно преданный и нежно любимый племянник покойного Тимофей Шерстобитов.

ПЕСНЯ ОБ «ОЧЕРКАХ»

(из лирической драмы «Видение на Неве»)

Я полагал, с либерального
 Есть направленья барыш —
 Больше, чем с места квартального.¹⁰⁷
 Что ж оказалось? — шиш!
 Бог меня свел с нигилистами,
 Сами лентяи писать,
 Платят все деньгами чистыми.
 Пробовал я убеждать:
 «Мне бы хоть десять копеечек
 С пренумеранта¹⁰⁸ извлечь:
 Ведь даровых-то статейчек
 Много... куда их беречь?
 Нужно во всем беспристрастие:
 Вы их смешайте, друзья,
 Да и берите на счастье...
 Верьте, любая статья
 Встретит горячих хвалителей,
 Каждую будут бранить...»
 Тщетно! моих разорителей
 Я не успел убедить!
 Часто, взбираясь на лесенку,
 Где Елисеев живет,
 Слышал я грозную песенку,
 Вот вам ее перевод:
 «Из уваженья к читателю,
 Из уваженья к себе,
 Нет снисхожденья издателю —
 Гибель — о, Амплий! тебе!..»
 — Но не хочу я погибели,
 (Я ему): друг-нигилист!
 Лучше хотел бы я прибыли.
 Он же пускается в свист.

Выслушав эти нелепости,
 Я от него убегал
 И по мосткам против крепости
 Обыкновенно гулял.
 (Я не охотник до Невского,
 Бродит там всякий народ,
 Встретишь как раз — — левского¹⁰⁹,
 Что-нибудь тотчас соврет;
 После расскажешь за верное —
 Скажут: и сам ты такой!
 Дело такое прескверное
 Было однажды со мной!..)
 Там я бродил в меланхолии,
 Там я любил размышлять,
 Что не могу уже более
 «Очерков» я издавать.
 Чин мой оставя в забвении
 И не щадя седины,
 Эти великие гении
 Снять с меня рады штаны!
 Лучше идти в переписчики,

Чем убиваться в наклад.
 Бросишь издание — подписчики
 Скажут: дай деньги назад!
 Что же мне делать несчастному?
 Благо, хоть совесть чиста:
 Либерализму опасному
 В сети попал я спроста!..
 Так по мосткам против крепости
 Я в размышленьи гулял.
 Полный нежданной свирепости,
 Лед на мостки набежал.
 С треском они расскочились,
 Нас по Неве понесло,
 Все пешеходы смутились,
 Каждому плохо пришло!
 Словно близ дому питейного
 Крики носились кругом.
 Смотрим — нет моста Литейного!
 Весь разнесло его льдом.
 Вот, погоняемый льдинами,
 Мчится на нас плашкоут,
 Ропот прошел меж мужчинами,
 Женщины волосы рвут!
 Тут человек либерального
 Образа мыслей, и тот
 Звал на защиту квартального...
 Я лишь был хладен, как лед!
 Что тут борьба со стихиею,
 Если подорван кредит.
 Если над собственной выею
 Меч дамоклов висит?...¹¹⁰
 Общее было смятение,
 Я же на льдине стоял
 И умолял провидение,
 Чтоб запретили журнал...
 Вышло б — судеб покровительство!
 Честь бы и деньги я спас,
 Но не умеет правительство
 В пору быть строгим у нас...
 Нет, не оттуда желанное
 Мне избавленье пришло,
 Чудо свершилось нежданное:
 На небе стало светло,
 Вижу, на льдине сверкающей...
 Вижу — является вдруг,
 Мертвые души скупающий
 Чичиков! — «Здравствуй, мой друг!
 Ты приищи покупателя!» —
 Он прокричал — и исчез!..
 Благословляя создателя,
 Мокрый, я на берег влез...

Всю эту бурю ужасную
 Век сохраню я в душе,

Мысль получивши прекрасную,
Я же теперь в барыше!
Нет рокового издания!
Самая мысль о нем — прочь!..
Поздно, в трактире «Германия»,
В ту же ужасную ночь,
Греясь, сушась, за бутылкою
Сбыл я подписчиков, сбыл.
Сбыл их совсем — с пересылкою,
Сбыл — и барыш получил!..
Словно змеею укушенный,
Впрочем легок и счастлив,
Я убежал из Конюшенной,
Этот пассаж совершив,
Чудилось мне, что нахальные
Мчатся подписчики вслед,
«Дай нам статьи либеральные!»
Хором кричат: «дармоед»!
И ведь какие подписчики!
Их и продать-то не жаль,
Аптекаря, переписчики,
Словом, ужасная шваль!
Знай, что такая компания
Будет (и все в кураже!..) —
Не начинал бы издания:
Аристократ я в душе.
Впрочем, средь бабьих передников
И неуклюжих лаптей —
Трое действительных статских
Советников,
Двое армянских князей!
Публика все чрезвычайная,
Даже чиновников нет,
Охтенка — чтица случайная
(Втер ей за сливки билет),
Дьякон какой-то — с рассрочкою —
(Басом, разбойник, кричит),
Страж департаментский с дочкою —
Все догоняет, шумит!

С хохотом, с грохотом, с гиканьем
Мчатся густою толпой;
Визгами, свистом и шиканьем
Слух надрывается мой.
Верите ль? даже квартальные,
Взявшие даром билет,
«Дай нам статьи либеральные!» —
Хором кричат. Я в ответ:
— Полноте, други любезные,
Либерализм вам не впрок! —
Сам же в ворота железные
Прыг — и защелкнул замок!
— Ну! отвязались ракалии!..
«Вы понапрасну встревожены, —
Кто-то тогда закричал: —
Плети совсем уничтожены
Будут на днях — я слыхал!»
— Что? отвяжитесь, ракалии!..
Тут я в квартиру нырнул
И, покуривши регалии ¹¹¹,
Благополучно заснул,
Видел во сне Елисеева:
Вот он вошел в магазин,
И известил о беде его
Тотчас приказчик один.
С миной тупой, нерешительной
Долго стоял он, суров,
Этот пассаж удивительный
Был ему, кажется, нов!
Молча пошел он вдоль Невского,
Пикнуть не мог ничего,
Словно карнизом от дому
Краевского,
Этим пришибло его! ¹¹²
Встретились мы: я почтительно
Шляпу ему приподнял,
Он улыбнулся язвительно
И засвистал, засвистал!..

ПЕСНЬ МОСКОВСКОГО ДЕРВИША * 113

(Начинает робко тихим голосом)

Уж я русскому народу
Показал бы воеводу,
Только дали бы мне ходу,
Ходу! ходу! ходу! ходу!

(Постепенно разгорячается).

Покатался б! наигрался б!
Наломался б! наплясался б!
Наругался б! насосался б!
Насосался б! насосался б!

(Разгорячается окончательно и, видя, что никто ему не возражает, из условной формы переходит в утвердительную).

Я российскую реформу,
Как негодную проформу,
Вылью в пряничную форму!

Форму! форму! форму! форму!
Нигилистов строй разрушу,
Уязвлю им всладце душу:
Поощрили б лишь — не струшу!
Нет, не струшу! нет, не струшу!

(В исступлении, думает, что все сие совершилось).

Я цензуру приумножил ¹¹⁵,
Нигилистов уничтожил!
Землю русскую стреножил!

(Закатывается и не понимает сам, что говорит):

Ножил! ножил! ножил! ножил!

Мих. Змиев-Младенцев.

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

(Романс господина, обиженного литературой)

О, как желал бы я служить
Начальником цензуры!
Конечно, не затем, чтоб быть
Бичом литературы.

А так — порядок водворить.
Вот тут-то было б писку!
Пришлось бы многим прекратить
Журнальную подписку:

Я б их, как ураган, застиг
В открытом чистом поле,

Совсем бы не являлось книг
По месяцу и боле!

И я воскликнул бы, поправ
Их наглую свирепость:
«Узнайте мой ужасный нрав
И мощь мою и — крепость!» ¹¹⁶

Мать не нашла бы прописей
Для дочери-девчонки,
И лопнули бы в десять дней
Все книжные лавчонки!.. ¹¹⁷

Савва Намордников.

* Дервиши — явление восточного мира. Обязанности их заключаются в возбуждении фанатизма в «правоверных». При исполнении своей должности они кривляются и производят вращательные движения. Сии последние, по словам очевидцев, возбуждают в дервишах восторг, в продолжение которого они говорят всякий злобный вздор. В последнее время эта секта проявилась в Москве и преимущественно нашла себе убежище в секте так называемых «сопелковцев» (не тех, впрочем, «сопелковцах», о которых написал прекрасное исследование г. Щапов ¹¹⁴, а других, которые так называют себя в противоположность и в пику «свистунам»). — *Прим. автора.*

ГОЛОС ИЗ «АКЦИОНЕРНОЙ ПУЧИНЫ» ¹¹⁸

(От нашего «собственного» корреспондента).

Милостивые государи!

Брошенное вами в пучину приглашение: снабжать ваш уважаемый «Свисток» периодическими сведениями обо всем, от чего живо трепещут обыватели глубокого царства, — достигло моего дна, и я, с радостными чувствами заблудившегося в лесу человека, услышавшего *ау!* спешу сам *аукнуть* на ваш поверхностный призыв. Прошу только снисхождения к доставляемой на первый раз не самой обильной ловле в этом море, богатом сытыми китами и акулами, откормленными человеческими деньгами вместо плоти.

Будь я корреспондент не столь уважаемого в нашей бездне органа, как «Свисток», я, конечно, сумел бы, со всепожирающим интересом пекинского корреспондента «С. Петербургских ведомостей», изобразить вам, милостивые государи, например новый год акционерной пучины ¹¹⁹; но такое заимствование с китайского не принято в нашем просвещенном мраке, а потому я ограничусь лишь несколькими чертами этого наступившего времени в пучине.

Прежде всего вам должно знать, что новый год начинается здесь не по Кириллу и Мефодию, но по разным более или менее немецкого происхождения бухгалтерам, держащим в своих руках талисман, которым они по произволу останавливают на сколько угодно степеней или ускоряют ход акционерного солнца. Если они выдвинут из своей бухгалтерии годовой отчет в феврале — то новый год в пучине начнется с февраля; удержат отчет до мая — новый год подождет до мая. Вообще, по средней сложности наблюдений пучинных астрономов, за последние десять лет начало нового года следует считать с тех пор, когда к вам прилетают жаворонки, а к нам — балансы правлений, из которых мы ясно видим, что наши деньги клонятся к неминуемой гибели.

Приближение весны обозначается здесь обыкновенно явлениями, повергающими в смятение мирных жителей пучины: показываются статьи в «Биржевых ведомостях» ¹²⁰ о промотанных общественных суммах, недовезенных или сгноенных товарах, пропавших без вести на пути вагонов и баржах, выскочивших, как клавиши, бог знает откуда, свояках и однокашниках директоров правлений — и о тому подобных интермедиях готовящейся драмы. Пучинные витязи *Я не подпишусь* (псевдоним) ¹²¹, *Аскалон Труворов* (как утверждают, не псевдоним) ¹²² и другие выходят на рать противу правлений. Последние стойко и безмолвно (*словобоязнь* — эпидемия, довольно сильно развитая в нашем море) выслушивают достаточное количество горьких истин и исчисление своих годовых прегрешений, обдумывая речь общему собранию и отыскивая баланс для своих директорских кресел, с каковою целию и прицепляют к ним гири покровительства разных почтенных обладателей такого же количества лет, как и акций. Укрепив таким образом фундамент, они принимаются строить на нем воздушные замки обещаний, объяснений и посулов для ушей прочих акционеров.

Но вот приходит и *общее собрание* — весна нашей пучины. Воздух наполняется запахом цифр, и легкие балансы носятся в нем, как пух одуванчиков, колеблемый зефиром... Сердца акционеров расширяются надеждою и жаждой дивиденда... Одним словом, весенние ощущения преобладают.

Но дабы продолжать картину этого потрясающего обновления пучины, я чувствую слабость, милостивые государи: кисть моя ударяется в китаизм, и я замолкаю. Пусть же вдохновенные гимны нашей пучинной музыки, к сожалению, мало известной у вас на поверхности, перенесут ваше воображение в очарованный мир весны, которая пахнет цифрами и прениями общих собраний. Для образчика я познакомлю вас с несколькими произведениями лучших поэтов бездны, не уступающих размахом крыльев своего гения даже таким из ваших баянов, каковы баян «Русского вестника» г. Алмазов¹²³ и популярнейший из ваших поэтов Конрад Лилиеншвагер.

Приводя ниже по одному творению двух наиболее уважаемых у нас поэтов, гг. Бриллиантова и Тюльпанензона, предупреждаю вас, что первый из них, по молодости лет, находится отчасти под влиянием вашего поверхностного Некрасова. Что же касается до Тюльпанензона, то вполне созревшее его дарование есть лучшее украшение нашей подводной литературы.

Вот эти произведения:

I ПУЧИННЫЙ ШУМ¹²⁴

(на голос: «идет-гудет зеленый шум»)

Идет-гудет Пучинный Шум,
Пучинный Шум, весенний шум.

В собрании расходится
Иной акционер,
Ругнет свое правление,
Подымет бухгалтерию,
Как бешеный: все пакостно —
И люди, и дела!

Идет-гудет Пучинный Шум,
Пучинный Шум, весенний шум.

Скромна моя компания —
*Венера и Тантал*¹²⁵ —
Водою лишь мутит.
Да с ней беда случилась:
Как промотали денежки —
Не стоит ни гроша!

На чердаке с купонами
Нужда нас заперла.
Мои глаза суровые
На акции глядят.
Молчу... а дума лютая
Покою не дает:
Их сжечь, так жаль — заплачены!
Продать — покупки нет!

А тут Аскалон Труворов
Ревет и день, и ночь:
«Сожги, сожги негодные,
Правленье изведи!
Не то весь век промаешься,
Доходов не возьмешь:
Тантал — корова дойная —
Родным да однокашникам
Все в руки отдадут!»

Окрепла дума лютая —
Припас я злобный спич...
Да вдруг весна подкралась.

Идет-гудет Пучинный Шум,
Пучинный Шум, весенний шум.

Как для спектакля собраны,
Вдоль залы стулья чинные
Рядочками стоят.
От речи председателя
Сидят повеселелые
Пучинные тузы.
А рядом с новой яростью
Бранят правленье жирное
И Труворов неистовый
И два-три голяка.
Шумит их кучка малая,
Шумит по пустякам...

А там правленью вносится
Признательность в журнал.

Идет-гудет Пучинный Шум,
Пучинный Шум, весенний шум.

Слабеет дума лютая...
Идешь, повесив нос.

И всюду песня слышится
В правлениях одна:
«Души, покуда душится,
Дои, покуда доится,
Морочь, пока морочится —
И черт тебе не брат!»

Смарагд Бриллиантов.

II ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

(поэма)

Я в общее собрание
Всегда иду заранее
И, ставши в уголок,
Благословляю рок.
Порядок там парламентский!
Директор департаментский,
Встав, произносит спич.
Добро, порол бы дичь —

Так нет: гласит про акции,
Притом в такой редакции,
Что сам лорд Пальмерстон ¹²⁶
Был верно б побежден.
Всяк тотчас умиляется,
И если б кто желал
Произвести скандал —
Строжайше возбраняется.

«Осмелюсь я сказать, —
Иной вдруг озаботится, —
Все ж денег разбирать
Из кассы не приходится».

— Молчать! молчать! молчать!
Все это дрызги, личности —
Не слушайте его!
И все кричат *браво!*

— Скажу без околичности, —
Начнет опять другой, —
Мой взгляд совсем иной:
Кто не стеснялся кассою,
Тому сказать всей массою,
Что не хотим его! —
И все опять — *браво!*

Короче, из приличия
Не терпится обычая
Шуметь из ничего.
Затем-то я и ранее
Всегда иду в собрание
И, ставши в уголок,
Благословляю рок.

Фердинанд Тюльпанензон.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БУДОЧНИКИ

(Размышления, навеянные чтением № 67 «Моск. вед.»
и № 66 «Нашего времени»)

Обвиняют так называемых «свистунов» в высовывании языка. Я не видал, как они это делают, но, должно быть, у них выходит недурно. Я рассуждаю так потому, что «свистуны» народ молодой, веселый, добродушный, следовательно, если и высовывают языки, то именно тем, кому следует, и тогда, когда следует. Притом же и языки у них востренькие, чистенькие, как есть человеческие языки. Видеть такие языки даже приятно.

Но представьте себе, что перед вами неожиданно высовывает язык будочник; представьте себе, что язык старый, желтый, распухший, покрытый

слизью; представьте себе, что будочник злой и остервенелый, что он озлился именно вследствие того, что не имеет возможности отойти от своей будки, и высовывает язык всему, что ходит на свободе, что не приковано к будке... Какое чувство должно возбудить подобное высовывание языка? Где найти объяснение этому высовыванию? посредством какого рода самодеятельных умозаключений самодеятельная будочникова душа допустила язык сделать такую штуку? Не знаю, как в ком, а во мне подобное явление пробуждает только чувство сожаления. Одаренный от природы достаточным воображением, я в состоянии представить себе довольно живо ту досаду, которая должна кипеть в будочнике при мысли о том, что вот народ божий и идет, и едет куда кому надобно, и руками болтает, и вообще держит себя более или менее непринужденно, и один он, злосчастный будочник, не имеет права гулять, ни руками болтать, а должен стоять смирно и держать в руках алебарду. Я понимаю, что высовывание языка означает здесь вовсе не обиду мне, проходящему и ничем не обидевшему его лицу, а просто рот самодеятельной души на всемогущую судьбу. Я воображаю и понимаю все это, и за всем тем все-таки отворачиваюсь — так противен для меня желтый, распухший, покрытый слизью будочнический язык!

Но это чувство гадливости принимает во мне совсем иные размеры, когда я вижу, что роль будочника добровольно берет на себя человек, которого никто не заставляет быть будочником, и когда этот мрачный будочник-самозванец до того входит в свою роль, что сам себя приковывает к своей будке, сам по этому случаю приходит в озлобление и начинает высовывать язык всему, что не приурочило себя к будке, что чувствует себя настолько свободным, насколько это возможно в благоустроенном государстве. Приходя мало-помалу в какой-то хладно-остервенелый энтузиазм, будочник-самозванец высовывает язык не только настоящему, но высовывает его прошедшему, высовывает будущему... нет той области, которая могла бы освободиться от этого высовыванья, нет той человеческой души, в которой ужасный будочник не замыслил бы сделать полицейский обыск! Какое чувство может возбудить подобное явление? не знаю, как в ком, а во мне оно производит омерзение...

Новый 1863 год внес и новый элемент, новые привычки в русскую литературу: элемент полицейский, привычки будочничества¹²⁷. Как и следовало ожидать, первый пример подала Москва — золотые маковки, устроившая очень ходко два частных дома, из которых литературное будочничество отпускается оптом и в розницу за весьма дешевую цену; за нею поспешил последовать и Петербург, в котором также появилось несколько будок, но это будки скверные, презренные, о которых не стоит и говорить, потому что торговля, в них производящаяся, едва-едва дает на хлеб будочникам¹²⁸. Петербургские литературные будочники ходят в сермягах и высовывают язык, собственно, в подражание тем нищим, которые показывают прохожим изуродованные руки и ноги, чтобы возбудить отвращение и выманить копейку.

Все эти литераторы-будочники защищают какие-то принципы, приносят себя кому-то в жертву, перед кем-то изъясняются в любви. То пустятся в глумление, то зальются лаем против мнимых врагов, то начнут сантименталь-

ничать с мнимыми союзниками. Но как ни усиливаются они возвыситься до ругательного лиризма, как ни стараются умягчить свои сердца до лести даже тому, что в действительности составляет предмет их ненависти, однако и сквозь лай, и сквозь сантиментальничанье все-таки сочтется одна нота — нота пошлого, напускного глумления. Это единственно естественная форма для выражения всех их мыслей и чувствований; на ней они должны и остановиться.

Но будемте говорить серьезно, господа будочники! Вы охотно производите обыск и в душах людей, вам не единомысленных, позвольте же произвести обыск и в ваших душах. Нет сомнения, что вы защищаете принцип справедливый (кто же имеет право усомниться в этом?), но как вы это делаете? Вы делаете это самым неловким, самым враждебным для принципа образом. Прежде всего, вы полагаете, что здесь достаточно одной злобы, но ведь сплошная злоба не убеждает, а напротив того, производит одно отвращение. И еще вы прибегаете к хвастовству, но ведь и хвастовство разве убедительно?.. и какое хвастовство, какое гнусное, подкаретное хвастовство! Когда читаешь эти злобно-бесстыже-хвастливые выходки, делается стыдно за вас, делается страшно за то дело, которого защиту вы приняли на себя. Что такое? что такое? — спрашиваешь себя в изумлении и невольно приходишь к заключению, что вы первые враги того дела, что вы намеренно взялись за него, чтобы подкопаться и обесчестить!

«Вот тебе и «братцы, братцы, поцелуйтесь»! Вот тебе и «божественная Оливинска»! И ништо!»¹²⁹ — восклицает какой-то веселый будочник. «Моя личность наводит панический страх»¹³⁰, — повествует другой будочник характера мрачного. — По поводу чего вы так расплясались? Рады вы, что ли, тому, что льется человеческая кровь?¹³¹ Подписчиков, что ли, вам это прибавляет?»

Есть люди, которые даже к великим событиям и великим принципам не могут относиться иначе, как с точки зрения своих маленьких, карманных интересов. Это мошки, которые роями выются около живого организма, чтобы напиться кровью. Они изо всех сил жужжат, что поражают врагов живого организма, но, в сущности, поражают лишь самый организм. Это глашатаи ненависти, это сеятели междоусобий, это люди, которых должно остерегаться, ибо с помощью их никогда никакое дело покончено быть не может, ибо у них всегда наготове какая-нибудь застарелая вражда, какой-нибудь давно забытый, но не разъясненный счет.

Усердные пропагандисты стачек, всегда готовые на всякого рода соглашения с тем, что обещает им выгоду, эти люди не понимают только одного рода стачки — стачки с добром.

Это целый особый мир. Как смотрят эти люди на свет божий? какие у них знакомые? Питаются ли они хлебом и мясом или пожирают мышьяк? Пьют ли они вино и воду или безвредно утоляют жажду синильною кислотой? Все это вопросы любопытные, которых разрешение сделало бы честь любому естествоиспытателю.

СОПЕЛКОВЦЫ

*(Отрывок из частного письма)*Сопцы и народ молвящ ¹³².

«Вся Москва крайне заинтересована появлением какой-то новой секты, о которой уже и прежде ходили темные слухи. Приверженцы ее называют себя «сопелковцами» ¹³³, производя это слово от глагола «сопеть», так как они все действия свои, по какому-то странному обычаю, сопровождают сопением. Само собой разумеется, что появление сопелковцев сейчас же породило в Москве самые странные слухи. Рассказывают, что они поклоняются Абрадакадабре и всякого вступающего в их согласие заставляют предварительно разжевать раскаленный уголь, при этом произнести ту страшную клятву, которую произносит в «Князе Серебряном» колдун-мельник: «шикалу! ликалу! слетаются вороны издалека, кличут друг друга на богатый пир, а кого клевать, кому очи вымать, и сами не чувят, летят да кричат! шагадам! шагадам!» ¹³⁴ Прибавляют, что человек, выдержавший такое испытание, может свободно читать «Наше время», употреблять в пищу разваренные в сулеме «Московские ведомости» и запивать их раствором в синильной кислоте «Русским вестником». Уверяют даже, что они ловят по улицам людей, увлекают их и потом, разрезав жилы, пьют из них кровь; на днях даже говорили, что нечто подобное в страстную пятницу (сии люди всегда лопают скоромное!) случилось с одним нигилистом, беспечно гулявшим в сумерки по Страстному бульвару ¹³⁵. Будто бы в ту минуту, когда он поравнялся с университетской типографией, напали на него какие-то люди, одетые в непромокаемые плащи из листового железа, и влекли несчастного во двор университетского дома. Как бы то ни было, но простой народ встревожен. Один говорит, что видел белесоватого упыря ¹³⁶ с темнофиолетовыми губами, который, за отсутствием пищи, грыз собственную свою руку; другой говорит, что видел чудовищного горбуна ¹³⁷, который от голода в одну ночь перегрыз зубами сетку Страстного монастыря и по дороге срезал языком до пятидесяти толстых лип на бульваре... Одним словом, все боятся, все в страхе. Старожилы сравнивают настоящее положение Москвы с теми временами, когда, бывало, наезжал в нее покойник Шешковский ¹³⁸, но М. Н. Лонгинов утверждает, что нынче хуже, ибо тогда был один Шешковский, а теперь их несколько.

«Какая цель появления «сопелковцев» и какое учение проповедует — все это еще тайна, потому что нельзя же в самом деле согласиться, будто они существуют для того только, чтобы сосать человеческую кровь. Замечательно, что еще Кузьма Прутков предрекал появление подобных людей. «Погоди! — говорил он мне на смертном одре своем, — будут еще не такие люди! будут люди с песьими головами! Эти люди будут говорить, что самое приличное для человека место есть отходная яма!» И с этими словами прозорливый старец скончался. Я не могу забыть этих слов, потому что, действительно, самое ясное, что до сих пор высказали «сопелковцы», это то, что «приличнейшее для человека место есть «отходная яма»».

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ «СВИСТКА»

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ ПО ПОВОДУ ВЫХОДА «СОВРЕМЕННОГО»

I

В МОСКВЕ

(магазин Базунова¹³⁹, два «Благонамеренных»)

1-й Благонамеренный.

Кто сей толстый, Базунова
Запрудивший магазин?

2-й Благонамеренный¹⁴⁰.

Это он явился снова,
Нигилизма ярый сын!

1-й Благонамеренный.

Что ж, воздержанный началь-
ством¹⁴¹,
Стал ли нынче он смирей?

2-й Благонамеренный.

Нет, увы, с былым нахальством
Все шипит, шипит, как змей!

1-й Благонамеренный.

Что ж, великого Каткова
Заслужившего хвалу
Он

2-й Благонамеренный.

Отделывает снова¹⁴²,
Изрыгнув Москве хулу!

1-й Благонамеренный.

Что ж, исполнен прежней блажи,
Отвергает дерзко он
Даже?...¹⁴³

2-й Благонамеренный.

Ну, ему все «даже»
Бред, сумбур, мечтанья, сон!

1-й Благонамеренный.

Что ж, ужель опять скандалы
Он пускает, как пускал?

2-й Благонамеренный

(махнув рукой).

Что тут! все как есть журналы
Поголовно обругал!¹⁴⁴

1-й Благонамеренный.

Что ж, ужель опять «мальчишки»
В нем найдут себе притон?

2-й Благонамеренный.

Да уж в этой первой книжке
Им хвалы слагает он!¹⁴⁵

1-й Благонамеренный.

Что ж, ужель раздастся снова
Возмутительный «Свисток»?

2-й Благонамеренный.

Да, сей бич всего святого
В надлежащий выйдет срок!¹⁴⁶

Оба вместе (с ужасом).

О! бежим от Базунова:

Нас враждебный гонит рок!

II

В ПЕТЕРБУРГЕ

(Невский проспект, сходятся: М. Достоевский, Громека
и Краевский; у каждого «Современник»)

Достоевский.

Появился!

Громека.

Вот он!

Краевский.

Эка

Толщина-то, толщина!¹⁴⁷

Громека.

Да... а кто ж как не Громека
Разрешению вина?

В прошлой «хронике» я смело
Стал начальству объяснять¹⁴⁸,
Что теперь пора приспела
Нигилистам волю дать.

Д о с т о е в с к и й (язвительно).

Ну, почтеннейший мой, смею
Объяснить вам, на свою
Написали вы на шею
Эту мудрую статью!
Вот уж с ними солидарность
Вы иметь бы не должны:
Посмотрите, в благодарность
Что вам пишут «свистуны».

(Показывает ему какую-то статью).

Г р о м е к а
Что? невежа я и школьник?!

(Громовым голосом).

Ну так слушай, невский град:
«Современник» есть крамольник!
Нигилизм — ужасный яд!

Д о с т о е в с к и й (Краевскому).

А меня на «почве» милой¹⁵⁰
Оскандалили!

К р а е в с к и й (меланхолически).

Грущу...

Д о с т о е в с к и й.

Ну, да я сберуся с силой:
Купно с Федором отмщу,
Иль Косицу напущу!¹⁵¹

Г о л о с а Б л а г о н а м е р е н-
ных и з А т м о с ф е р ы.

Сей журнал исчадье мрака!
В нем хозяин — сатана!

К р а е в с к и й.

Так, друзья мои; однако
Толщина-то, толщина!

Владимир Монументов.

* * *

«Мы ненавидим пустых, безмозглых крикунов, позорящих все, до чего они ни дотронутся, марающих иную чистую, честную идею уже одним тем, что они в ней участвуют; свистунов, свистящих из хлеба и только для того, чтобы свистать, выезжающих на чужой, украденной фразе, как верхом на палочке, и подхлестывающих себя маленьким кнутиком рутинного либерализма».

Программа «Времени» на 1863 год¹⁵².

I.

Ах, зачем читал я «Время»!
Лучше б я до срока умер
В цвете юности свистящей,
Но не зрел январский номер!¹⁵³

Хлеб ли есть теперь начну я,
Как прилично сыну Феба,
И внезапно вспомню: Боже!
Я свистун, свистун из хлеба!

Встречу ль франта на бульваре
С модной палочкою — сразу
Мне внушит она, что вор я
И краду чужую фразу!

Ванька ль встретится и Ваньку
Я найму за пятьалтынный —
Глядь, у Ваньки кнут... и тотчас
Вспомню кнутик свой рутинный!

В грязь ли как-нибудь калошей
Попаду я — и, краснея,
Вдруг себе представляю: это
Не калоша, а идея!

О, редактор Достоевский!
Я прошу вас: ради неба,
Не казните так жестоко
Тварь, свистящую из хлеба!

Лучше вы собой займитесь,
Иль Катковым Михаилом,
Но в особенности Павлов
Вам пришлось бы по силам!¹⁵⁴

II.

После первого чтения г. Юркевича
по «философии»,

Грянул гром не из тучи

Ах, я грешник окаянный!
Я себя в восторге чистом
До сегодняшнего полдня
Называл материалистом.

Был я к Бюхнеру привязан,
Покоряясь общей моде,
И читал его девицам
В запрещенном переводе.¹⁵⁵

Наводил на дам московских
Больше, чем все черти, страха,
Проповедуя идеи
Молешотта, Фейербаха! ¹⁵⁶

Но ко мне внезапно в душу
Благодать сошла господня:
Мне Юркевич многоумный
Свет ее открыл сегодня.

Доказал он мне — о небо,
Я предвидеть это мог ли!
Психологии незнание
В обожанном мной Бокле! ¹⁵⁷

Горько плачь, несчастный Бюхнер,
Достодолжную острастку

Обещает дать тебе он,
Сняв с твоей системы маску!

Для девиц и дам московских
Ты не будешь страшной тенью,
Не привьешься гнойной язвой
К молодому поколению!

Вот тебе пример: навеки
Я прощаюсь с тобою,
Породнил меня Юркевич
С философией иною:

Почитать я буду старших,
Полон к ним благоговенья,
И в великий пост намерен
Справить ровно два говенья!

Михаил Антиспатов.

Для следующих номеров «Свистка», между прочими, имеются в виду следующие статьи:

1) «Прогулка в роще, или Птицы без перьев». Ученое исследование, написанное для журнала «Время» ¹⁵⁸, но редакцией его отвергнутое.

2) «Опыты самораздирания». Рассказ очевидца ¹⁵⁹.

3) Стихотворная элегия на кончину «Времени» ¹⁶⁰, начинающаяся стихами:

Здесь Достоевских прах, и, вместо мавзолея,
Косица меж гробов, от страха цепenea,
Стоит...

4) «Несколько слов о неподозрительности патриотических чувств», монография, составленная по «Русскому вестнику».

5) «Самонадеянный Федя» ¹⁶¹, детская сказка в стихах:

Федя богу не молился,
«Ладно», мнил, «и так!»
Все ленился да ленился...
И попал впросак!

Раз беспечно он «Шинелью»
Гоголя играл
И обычной канителью
Время наполнял.

Сказка эта обширностью своею превосходит все доньше написанное.

6) «Опыты сравнительной этимологии, или «Мертвый дом», по французским источникам» ¹⁶². Поучительно-увеселительное исследование Михаила Змиева-Младенцева.

7) «Обоюдоострый Громека» ¹⁶³, размышления по поводу разглагольствования о «независимых журналах и людях», помещенных в «Современной хронике России» «О. З.», за март месяц сего года.

8) «Не устроить ли нам колбасную?», политико-экономическое рассуждение о том, что всякое коммерческое предприятие, как журнальное, так табачное, колбасное или полпивное ¹⁶⁴, может тогда только пользоваться зас-

луженым успехом, когда: а) на каждое из них затрачен особый капитал и б) по каждому ведется свое особое счетоводство.

9) «Опыты отучения сотрудников от пищи и бесплатного снабжения их одеждою». Из записок одного неопытного литератора ¹⁶⁵.

10) «Чувства циника в ту минуту, когда он начинает понимать, что сделавшись от старости глупым». Стихотворная московская исповедь с эпиграфом: «как будто тухлое разбилось яйцо»; ¹⁶⁶ начинается стихами:

На Малой Дмитровке дом высится прекрасный,
При доме конура, в ней циник жил ужасный;¹⁶⁷
Ходил он нагишом, лишь будочников знал
И совесть отродясь ничем не умывал.
Однажды, получив письмо из Могилева...

11) «Невинные занятия общества Тирсисов на Спиридоновке» ¹⁶⁸, московская стихотворная идиллия, начинающаяся стихами:

Ах! отчего мы не можем понять,
Что мы так страстно желаем!
Други! что делать? лобзать иль кусать?
Тщетно мы к братьям взываем!
В чувствах разлад, в голове дребедень,
Сердце распухло от боли!..
Ах! Издавая от праздности «День»,
Что мы за чушь напороли!

12) «Ничего в волнах не видно», рассуждение по поводу 75 № «Моск. ведомостей», в котором доказывается, что и в волнах можно что-нибудь усмотреть ¹⁶⁹.

13) «Безумная заметка о сумасшедших впечатлениях». Фельетон нового мормона за все время одержания бесами; с эпиграфом из сочинений г. Ф. Берга ¹⁷⁰ («Время», 1863 г., № 3).

Не отнимут люди, не отнимут —
Тупоумье будет вечно с нами;
И за что б ни стали люди биться,
Тупоумьем вряд ли соблазнятся:
Тупоумье будет вечно с нами!

По прочтении этой статьи редакция «Времени» даст клятвенное обещание никогда не печатать стихов г. Ф. Берга и статей г. Ф. Достоевского. Клятву, данную относительно напечатания литературных упражнений г. М. Достоевского ¹⁷¹, «Время» уже исполняет с тою стойкостью, с какою Отечественные записки выполняют подобную же клятву относительно статей А. А. Краевского.

ДОПОЛНЕНИЯ К «СВИСТКУ»

ПРОГРАММЫ «СВИСТКА»

<I>

«Свисток», сатирическая газета с карикатурами.

«Свисток» имеет выходить раз или два в неделю, тетрадями от одного до двух листов и более.

В нем предполагаются следующие отделы:

I. **Общественная жизнь.** Этот отдел, самый существенный в газете, предполагается наполнять: очерками современных нравов, юмористическими рассказами, имеющими общественное значение, сатирическими стихотворениями, заметками о замечательных в юмористическом смысле современных происшествиях, предприятиях, модах и т.п.

II. **Современная история.** Так как у нас значительная доля общественной жизни определяется подражанием Европе, то сатирическое издание, желающее принести действительную пользу, необходимо должно обратить свое внимание и на то, что происходит забавного и в других странах. Всего более нам известна и всего резче бросается в глаза не частная жизнь европейских народов, а жизнь общественная. Поэтому «Свисток» предполагает давать своим читателям юмористические заметки о явлениях современной истории в Европе, могущих казаться забавными с нашей точки зрения.

III. **Литература и театр.** Указание забавных сторон в литературных и сценических произведениях, разборы, пародии, анекдоты и пр.

IV. **Науки.** Заметки о смешных явлениях в науке; указание забавных промахов, противоречий, педантизма и т. п. по всем отделам знаний.

Кроме текста в каждом выпуске «Свистка» будут помещены карикатурные рисунки.

<II>

Вместе с возбуждением в нашем отечестве новых общественных вопросов появилось обличительное направление в нашей литературе. Стремления к правде, свету, улучшениям и усовершенствованиям постоянно высказывались не только положительным сочувствием ко всему полезному, но и энергическим отрицанием всякой лжи, мрака, злоупотреблений и прежних ошибок. И тот и другой способ выражения добрых стремлений в равной мере дозволялся и поощрялся правительством.

Но доселе обличения злоупотреблений и недостатков имели в нашей литературе слишком деловой и мрачный характер. Зло старались поражать научным образом, юридически, исторически, нападали на него с гневом и с прис-

корбием и вместе с тем с страхом, как на врага опасного. Зло казалось слишком сильным, недоступным для смеха и шутки. Попытки осмеивать общественные пороки оказывались большею частью тяжелыми и неудачными.

Теперь, однако, дело должно принять другой оборот: злоупотребления, разоблаченные серьезною литературою, должны быть добиты смехом. Этим орудием до сих пор еще слишком мало у нас пользовались. До сих пор в нашей публике чувствуется потребность такого издания, в котором бы шутка имела значение сатиры и назначалась бы собственно для того, чтобы содействовать общему делу преследования зла и неправды.

С целию пополнить этот недостаток предпринимается издание газеты «Свисток». Направление этой газеты должно быть чуждо всякой парциальности, всякой исключительности. «Свисток» не должен служить органом каких-нибудь частных мнений, не должен привязываться к интересам каких-нибудь партий и обращать свои насмешки преимущественно на партию противоположную. Напротив, он должен поставить себя в положение, совершенно независимое от узких взглядов и мелких самолюбий частных личностей и всяких партий. Обязанность его будет: открывать и осмеивать дурное и забавное везде и во всем, нисколько не опасаясь скомпрометировать чрез то хорошую сторону предмета. Такого простора для сатиры необходимо требует переходное состояние, в каком находится теперь наше общество. В нем отделяются две категории людей, подлежащих сатире: *рутинисты*, приверженцы к своим старым ошибкам и порокам и ненавидящие все новое, — и *прогрессисты*, кричащие о современных успехах цивилизации, о правде, свободе и чести без надлежащего усвоения себе истинных начал просвещения и гуманности. Последние своими неразумными, опрометчивыми возгласами, противоречащими часто с их собственной жизнью, представляют не менее материалов для сатиры, как и первые своею отсталостью и тупостью. Доселе все поражали рутинистов; но «Свисток» предполагает себе задачу не щадить и неразумных прогрессистов, так как они ложными толкованиями и безрассудными применениями могут повредить делу общественного просвещения не менее людей самых отсталых и невежественных.

Таким образом, совершенно свободный от всяких церемоний и деликатных отношений к разным партиям и мнениям «Свисток» будет брать предмет для своих сатир везде, где только сумеет найти его. Он даст себе полный простор (насколько возможен он в литературных приличиях и условиях нашего отечества), не боясь того, будто насмешка над дурным поступком человека с хорошими убеждениями может быть принята за намерение унижить самые убеждения.

Желая быть как можно разнообразнее, «Свисток» предполагает открыть у себя следующие отделы:

1. *С о в р е м е н н а я и с т о р и я*. Так как у нас значительная доля общественной жизни определяется подражанием Европе, то сатирический листок, желающий принести действительную пользу, необходимо должен обратить свое внимание и на то, что происходит в других странах, указывая по возможности забавные стороны и в европейской жизни. Всего более нам известна и всего резче бросается в глаза не частная жизнь европейских народов, а жизнь политическая. Поэтому «Свисток» предполагает иногда давать

своим читателям (в пределах, дозволенных цензурой) юмористические заметки о явлениях в политической сфере, которые с нашей точки зрения могут казаться забавными.

II. **Общественная жизнь.** Этот отдел, самый существенный в газете, предполагается наполнять: очерками современных нравов, юмористическими рассказами, имеющими общественное значение, сатирическими стихотворениями, заметками о замечательных в юмористическом смысле современных происшествиях, предприятиях, модах и т. п.

[Не ограничиваясь явлениями, забавными по самой своей сущности, «Свисток» предполагает себе право указывать на забавные стороны во всяком, даже очень серьезном вопросе].

III. **Литература.** Указание забавных сторон в литературных произведениях: разборы, пародии, анекдоты и т. п.

IV. **Наука.** Заметки о смешных явлениях в науке: указание забавных промахов, противоречий, педантизма, дешевой эрудиции и т. п. «Свисток» постарается следить за всем, что печатается в России по всем отделам знания, и представлять своим читателям ряд забавных заметок о том, что делают наши ученые в области знаний исторических, юридических, политико-экономических, естественных, промышленных и пр. и пр.

〈III〉

ПРОГРАММА ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ К ИЗДАНИЮ САТИРИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ «СВИСТОК»

Вместе с развитием гласности в нашем отечестве явилась в русской литературе склонность порицать и осмеивать общественное зло, доселе скрывавшееся от общего суда. Следствием этой склонности явилось обилие сатирических и несколько специальных юмористических изданий. Но, к сожалению, все попытки, доселе бывшие, оказались весьма неудовлетворительными. Юмор наших сатириков или был праздною, бесполезною забавою, или же делался резко оскорбительным, обращаясь к личности. Истинной сатиры, подобной сатире древних или юмору великих европейских комиков, у нас доселе не было видно. У нас поражали доселе порочных людей, но не самые пороки, нападали на отдельные личности, но не возвышались до той общей непреходящей сатиры, которая была бы всем понятна, для всех полезна и которая в самом деле могла бы содействовать очищению нравов. Недостаток этот нужно приписать всего более неприготовленности наших писателей и незнакомству их с историею сатиры во все времена, а отчасти и тому, что их сатиры и обличения были всегда не произведениями высшего сознания и глубоко обдуманых идеалов лучшей нравственности, а следствием личного раздражения. Необходима более солидная сатира, противоположная таким литературным явлениям, только искажающим вкус публики и стремящимся измельчить ее интересы до степени личных пристрастий. Проводником и органом подобной сатиры должен служить предположенный мною «Свисток». Он будет брать предметы действительной жизни не для того, чтоб только поглумиться над ними, но чтоб указать их постоянное существенное значение в истории человеческих обществ. Он будет смотреть на отдельные факты как на проявление общих законов, раскры-

ваемых нравственными науками, и под видом шутки будет напоминать читателям вечные правила нравственности и благородства. До какой степени совершенно будет исполнение, это будет зависеть от обстоятельств, но служение указанной цели будет постоянною заботою редакции «Свистка». При этом сильным пособием для достижения цели может служить *теория и история сатиры*, с которыми редакция предполагает знакомить публику в «Свистке». Таким образом издатель надеется, что при таком направлении, цели и составе «Свисток» может быть гораздо полезнее многих изданий того же рода, в настоящее время выходящих в свет с разрешения Главного Управления Цензуры.

Состав «Свистка» предполагается следующий:

I. И с т о р и я с а т и р ы и к о м и з м а. В этом отделе будут помещаемы историко-литературные этюды о разных произведениях комического и сатирического характера, знаменитых в литературах разных народов, биографии и черты из жизни знаменитых комиков, сатириков и юмористов, остроумные изречения замечательных людей и т. п.

II. Т е о р и я к о м и ч е с к о г о. Эстетическая теория смеха, рассуждение об элементах, предметах и цели комедии и сатиры. Драматическая и театральная критика произведений комического характера. Разборы юмористических явлений в литературе. Указание истинного значения сатиры и ее зависимости от общественных нравов.

III. П р а к т и к а с а т и р ы: освистывание всего порочного, бесчестного и недостойного человека. Здесь будут печатаемы: сатиры в строгом смысле, драматические сцены, стихотворения шуточного содержания, очерки, рассказы, письма и пр., имеющие целью изображение современных нравов и указание тех недостатков и пороков, которые существуют в обществе и подлежат исправлению.

IV. С а т и р и ч е с к а я х р о н и к а. Для того чтобы найти параллель, — а нередко и прямую причину для наших недостатков, — «Свисток» предполагает обращаться к событиям, совершающимся и на Западе Европы, и так как нам известна более внешняя, политическая жизнь западных народов, нежели внутренняя, семейная, то «Свисток» будет постоянно касаться тех сторон современной истории Запады, которые могут быть опасны, странны или просто смешны с русской точки зрения. Кроме того, в «Свистке» предполагается *летопись общественной жизни*. Здесь будут излагаемы столичные и провинциальные новости, имеющие веселый характер, юмористические заметки о современных модах, обычаях, публичных увеселениях, предприятиях и т. п.

V. С а т и р и ч е с к а я к р и т и к а: разборы книг и журнальных статей, указания ученых промахов и литературных странностей, обличение ложных показаний и пр.

VI. С м е с ь: извещения сатирического свойства, мелкие анекдоты, краткие заметки, пародии, каламбуры и т. п.

Для пояснения текста и независимо от него в «Свистке» будут помещаемы рисунки и преимущественно карикатуры.

Срок выхода «Свистка» предполагается — один или два раза в неделю, от одного до трех листов».

КНИГА СВИСТКА

«СПб.вед.» 1858 г. № 26. I февр.

Летописи русской науки:

1. Вельтман с Бор.Год.
2. Забелин с словом о женах.
3. Буслаев с грамотником.
4. Известия с мазуриком.
5. Лорд Гладстон.
6. Diritto — кавуровский.
7. Герцог Беррийский.

〈На той же странице отрывок стихотворения:〉

Дела венгерских комитатов,
В тюрьму посаженный Мирес,
И отделение южных штатов,
И неудачный ut-диз.

〈Ниже приписано:〉

И смерть внезапная Кавура¹
И дурно сшитые штаны.

〈На соседней странице:〉

Черты нравов

— Отчаяние господина, любезно раскланившегося с собственным сапож-
ником (СПб.)

— Ярость офицера, танцовавшего с горничной (Ст<а>р<ая> Р<усса>).

— Дети у них образованные, *ученые*, не то что у наших господ. Наши, коли что сшальят, так убежут и не сыщешь их, а коли наказывать захватишь, так надо голову между коленками ущемить, а у них сын, как чем провинится, так сам и бежит штанишки расстегивать* (Ст<арая> Р<усса>).

— Общество, заискивающее в том, кого сначала решило не принимать и кто сам ни к кому не явился (Ницц<а>).

— Je suis obligè frèquenter la société* танцовать каждый вечер, пот<ому> ч<то> назначаю себя к дипломатич<еской> карьере. Вслед<ствие> этого, совсем не имею времени заниматься, даже газет почти не читаю (Фло-
р<ен>ция).

* Я обязан посещать общество (франц.). — *Ред.*

РАЗБОЙНИК

(Розенгеймо-русская элегия)²

Житья нам не стало! Нет прежней поживы!
 Все отнял проклятый прогресс,
 Провел им дороги, засеял их нивы,
 Срыл горы и вырубил лес.

И что же! — теперь по дороге прохожий,
 И ранней, и поздней порой,
 Идет, распевая, с преглуною рожей,
 Но с очень спокойной душой.

И нету при нем ни ружья, ни кинжала,
 А страшно напасть на него...
 Не то уже времячко нынче настало:
 Начальство дошло до всего.

Раз я было вздумал купца богатея
 Под вечер в лесу ободрать;
 Но вдруг помешали... Меня, как злодея,
 Успели схватить и связать.

Затеяли дело... Исправник явился,
 Всем сделал строжайший допрос,
 И обыск, и ставки очные... Смирился
 И денег ему я принес...

Я думал: «Чиновнику только б деньжонки...
 Известно: что следует, дай,
 А там хоть на все на четыре сторонки,
 Как вольная птица, ступай»...

Но нет! — и чиновники наши рехнулись...
 Прогресс-то и их, знать, заел...
 Сперва мы с исправником ловко стакнулись,
 Купца еще спутать хотел!

Но деньги сорвавши, он вдруг бестолково
 Занес мне какую-то чушь...³
 «Свет мысли, и сила печатного слова,
 И гласность зашла в нашу глушь»...

У нас не бывало о том циркуляра,
 Чтобы мы поощряли грабеж...
 А сверху грозит нам жестокая кара
 За всякую взятку и ложь»...

Бездельник! Как врет-то! Мы, вишь ты,
 не знаем,
 Как может вертеться закон,
 Коль только искусной рукой направляем
 И ловко толкуется он...

ИЗ МОТИВОВ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
ПОЭЗИИ

1

Презрев людей и мир и помолившись богу,
 Я гордо выступил на трудную дорогу.
 Вверху лежала тьма, каменья под ногой,
 С боков овраг зиял ужасной глубиной,
 Над самой головой летали вереницы
 Ужасно скаредной и кровожадной птицы.
 Я сам не знал, куда и для чего иду,
 Я был как будто бы в горячечном бреду.
 Лишь веры и любви светильник

благотворный
 Светил мне на борьбу во тьме неправды
 черной.

Подъяв чело, я шел бестрепетной стопой
 И орошал свой путь чувствительной
 слезой.

Тая в груди своей высокое сознанье,
 Я закалял свой дух в горниле испытанья.
 Не видя ничего, хотел я лишь идти
 И за добро страдать в неведомом пути.
 В больной душе моей все убежденье жило,
 Что тьма рассеется и встанет дня светило

И, разбудив людей, зажжет у них в крови
 Луч правды доблестной и луч святой
 любви...

Сбылись предчувствия! Тот, кто времен
 течение

Решил по своему благому изволенью,
 Ночь в день переменил и дал узреть
 мне свет...

Но горе мне! в душе уж прежней силы нет.
 Я, без толку всю ночь шатаюсь, истощился,
 Отваги молодой и свежести лишился.
 Ночные подвиги! сгубили вы меня:

Я к утру чувствую, что нет во мне огня...
 Сижу бездейственно, смотря на труд соб-
 ратий,

Не смея произнести ни жалоб, ни прокля-
 тий.

Не снес я своего тяжелого креста.

Я пал... В уме сумбур, а в сердце —
 пустота.

2

Учились, бедные, вы в жалком пансионе
Француза Фалбала; учили вы урок,
Не зная отдыха; в слезах при общем стоне
Терпели розги вы... Но все не шло вам
в прок.

Ученье было вам действительным мученьем,
И ждали вы, когда день выпуска придет.
Вы думали, что всем учебным заведениям
Ниспослан от судьбы такой ужасный
гнет.

Но вдруг настала вам минута возрождения.
Француз Кабаретье ваш пансион купил.
На место розог плетью он ввел в употребление
И школы вывеску уже переменял.

Есть даже слух, что он бранился с гу-
вернером

И думает ему от места отказать.

О дети, радуйтесь: под собственным
надзором
Француз Кабаретье вас хочет воспитать.

3

Жизнь мировую понять я старался,
Сердцем, как Гёте, на все отозвался;
В роще, на бале, средь моря, меж скал
Высших эмблем и символов искал,
И наконец своего я добился:
Мир неразумный пред мной осмыслился.
Вот прохожу я по вспаханной ниве:

Образ другой мне является вживе
Вижу духовную ниву детей,
Семя приившую добрых идей.

Реют над нивою птички живые:
Сердце так тешат надежды молодые.
Вот к нам на лето летят журавли:
Образ пристрастия к благам земли.

По небу чистому тучки гуляют:
Чистое сердце так думы смущают.

Солнце блестит в голубых небесах:
Свет разливают наука в умах.

Солнце сокрылось за темною тучей:
Правду темнит дух неправды могучий.

Ветер ли веет: так умственный гений
Вихрем несется живых откровений.

Ветру ли нету: то гении спят,
Точно золоты арфы молчат.

Пыльную зелень дождем орошает:
Плач покаянный пороки смывает.

Виден подснежник над рыхлым снежком:
Первые грезы о счастье ином!

Бабочка резво порхнет по цветам:
Так я душою порхать буду там!

Скрыта змея под прекрасным цветком:
Так есть злодеи с красивым лицом.

Тащит зерно муравей хлопотливый:
Вижу пример в нем себе я, ленивый.

Пес караулит овец от волков:
Дворники так нас хранят от воров.

Вижу, коляску мчат кони вдали:
Власть то людей над скотами земли.

Звук балалайки донесся до слуха:
Вспомнил я тотчас гармонию духа.

СТРАДАНИЯ ВЕЛЬМОЖНОГО ФИЛАНТРОПА

(Один из мотивов современной поэзии)

О, что за ад, что за терзанье!..
Поймешь ли, глупая толпа,
Поймешь ли ты мои страданья?
Нет, не поймешь ты,— ты глупа...

Ты мнишь, что я подобен этим
Безмозглым, дряхлым богачам,
Которым, точно глупым детям,
Приятен лесть фимиама.

Приятны пышные прозванья,
Чины, обеды, ордена,
Да жар наемного лобзанья
С бокалом доброго вина...

Ты видишь внешность золотую
И внутрь не хочешь заглянуть;
Клянешь ты жизнь мою пустую
И весь мой прежний, грязный путь.

Но пыл святых моих стремлений,
Но реки ядовитых слез
Не видишь ты... мой гордый гений
Твои понятия перерос.

Любовь к добру, любовь к собрату,
Весь мир святых моих идей,
Все, чем душа моя богата,—
Сокрыто в тайне от людей.

Неведом им и гений ада,
Враг всех идей моих святых,
Мне всюду ставящий преграды
Для действий чистых и благих...

Толпа, не зрящая страданий
Под покрывалом золотым!
Казнись же повестью терзаний,
Какими я теперь томим.

Одно несчастное семейство
На крае города живет,
Отец погиб от лиходейства
Одних сиятельных господ;

С тремя малютками больная,
Без всяких средств осталась мать.
Сама в чахотке изнывая,
Она должна их содержать.

Минута каждая несчастным
Голодной смертью грозит.
И кто ж в их бедствии ужасном
Их приютит и защитит?

От скорби я не взвидел света,
О них прослушавши рассказ,
И заложить велел карету,
Чтоб к бедным ехать сей же час.

Уж я заранее наслаждался
Благословеньями сирот;
Заранее мною предвкушался
Благотворительности плод.

И что же? Гений мой ужасный
И тут мне на дороге стал:
Вдруг говорят мне, что опасной
Болезнью гnedко захворал....

Когда об этом мне сказали,
Я мог руками лишь всплеснуть...
Со дна души проклятья встали
И клокотала злобой грудь...

Святое дело благостыни
Нельзя другим мне поручить;
Благотворения святыню
Я от людей привык таить.

Без гnedка ж ехать невозможно,
Нельзя разрознить четверни!
Сиди же дома и тревожно
Судьбу безумную кляни...

Простись с порывами святыми,
О бедных братьях не жалей
И над стремленьями живыми
Поставь печальный мавзолей.

Как будто мстя нам за ничтожность,
Судьба карает нас сама,
Повсюду ставя невозможность
Стремленьям сердца и ума.

Путем бессмысленных лишений,
Помех ничтожных и смешных,
Лишает нас наш злобный гений
Плодов намерений благих.

Из-за того, что гnedко болен,
Там люди с голоду умрут!!
Будь тут и счастлив и доволен,
Старайся быть спокойным тут!

Предсмертные часы несчастных,
Стон и конвульсии детей
Во всех подробностях ужасных
Встают перед душой моей.

Я трепещу, я содрогаюсь,
Я рву одежды на себе,
Я весь горю... Но покоряюсь
Меня карающей судьбе...

В душе огонь неугасимый
Любви к добру еще горит,
Но он лишь с болью нестерпимой
Мне сердце нежное палит...

Что за болезнь меня снедает,
Толпа людская не поймет;
Она счастливыми считает
Людей за деньги и почет.

А я — клянусь, мое именье,
И честь и жизнь отдать бы рад,
Чтоб только не терпеть мученья,
Которым я теперь объят...

Но счастьем в жизни наслаждаться
На произвол нам не дано.
Страдать, терпеть и покоряться
Судьбою смертным суждено...

Всего же больше мук жестоких
Рок тем избранникам судил,
Стремлений кто в себе высоких
И добрых чувств не заглушил.

ЧУВСТВО ЗАКОННОСТИ

Вот вам новый предмет обличения.
Избегал он доселе сатиры,
Но я вышел теперь из терпения
И поведаю целому миру.

*От извозчиков зло и опасности,
О которых, по робости странной,*

Ни один из поборников гласности
Не возвысил свой голос гуманный.

Дважды в год, как известно, снимаются
Все мосты на Неве, и в то время
За реку сообщения свершаются
Через мост Благовещенский⁶ всеми.

Тут всем ванькам законом прибавлена
За концы отдаленные плата;
Но обычная такса оставлена
Круглый год нерушимо и свято.

На Васильевский остров и к Смольному.
Как же ваньки закон соблюдают?
Только гнева порыву невольному
Патриота они подвергают...

Раз мне осенью в Пятую линию
Из-под Смольного ехать случилось.
Занесло меня клочьями инея,
Больше часа езда наша длилась.

По приезде я, вынув двугривенный,
Пять копеек потребовал сдачи.
Что же мой ванька? — «Да, барин, трех-
гривенный...

Наша такция понче иначе...»
— Как иначе? — «Да как же? Указано
Вдвое брать, как мосты-то снимают».
— Покажи мне, плут, где это сказано?
Где про Остров закон поминает?

«Что мне, сударь, напрасно показывать!
Коли совести нет, так уж, видно,
Неча с вами и дела завязывать...
Только больно мне эфто обидно».

И сказавши, хлестнул он решительно
Лошаденку и стал удаляться.
На него закричал я пронзительно,
Что он должен со мной расквитаться.

Но услыша мое восклицание
И пятак мне отдать не желая,
Он поехал быстрее... В молчании
Я стоял, за ним мысль устремляя.

Я ограблен канальей безвестною...
Но не это меня сокрушало:
Горько было, что ложью бесчестною
Эта шельма закон искажала...

Я подумал о том, как в Британии
Уважаются свято законы,
И в груди закипели рыдания,
Раздались мои громкие стоны...

Конрад Лилиеншвагер.

ОТРАДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

1

ПСКОВСКАЯ ПОЛИЦИЯ

К числу отраднейших явлений русской жизни за последнее время несомненно должна быть отнесена статья г. Якушкина в «Русской беседе» о псковской полиции⁷. «Беседа» просит все журналы, более ее распространенные в публике (иначе сказать — все журналы, так как теперь уже скончались и «Московское обозрение»⁸ и не менее московский — «Атеней») дать приличную огласку этой статье, и «Свисток» с особенным наслаждением исполняет эту просьбу. Мы не могли без особенного восхищения читать мастерского очерка г. Якушкина!.. Какая смелость! Какое благородство выражений! Какое достоинство тона!.. Нельзя не пожелать, чтоб у нас почаще являлись подобные статьи, хотя, к сожалению, русская жизнь мало еще дает материалов для таких превосходных, типических очерков. Это не то, что объявления в полицейских ведомостях, обыкновенно сухие и лишенные всех приятностей слога. Нет, здесь простому полицейскому случаю придана форма вполне литературная, и притом чисто народная. Отрадно читать подобные описания; сердце каждого русского, истинно любящего литературу своего отечества, должно ощутить радостный трепет при чтении статьи г. Якушкина. Она служит ясным доказательством того, как велики прогрессы, до которых дошли мы в жизни и в литературе, вследствие широкого развития гласности. Из нее можно видеть, как выросли мы с тех пор, как появились первые ребяческие опыты гласности в объявлениях «Свистка» об одной потерянной галоше... Да,

что ни говорите, быстро мчится вперед русская жизнь — со всеми своими несовершенствами, злоупотреблениями и пороками!.. Читайте письмо г. Якушкина к издателю «Русской беседы» и судите сами:

Моя поездка в Псковскую губернию не удалась по причинам, совершенно от меня не зависящим, и именно по следующим. Расскажу вам случившееся со мною во всей подробности. Досаду, негодование, отвращение, — словом, все испытанные мною ощущения я передавать вам не стану, да и некогда. Вы сами хорошо поймете это и без моих описаний. Ограничусь одним верным и беспристрастным изложением самого факта.

Объездив Талабское (по географии Псковское) озеро, обойдя места около Изборска и Печор, я 22 августа пришел во Псков, где хотел дней на пять остаться, потому, во-первых, что я немного простудился, а во-вторых, потому, что хотел привести в порядок свои отрывочные заметки.

Хозяева мои, Егор Васильевич Васильев и его супруга, были ко мне очень внимательны; желая их избавить от лишних хлопот, я сам отправился в полицию прописать свой паспорт.

Это было часов в 5 после обеда.

В полиции дежурный квартальный надзиратель сказал мне, что я для прописки своего паспорта должен идти в первую часть.

— Сделайте одолжение: пропишите мой паспорт, — сказал я какому-то чиновнику, входя в канцелярию первой части.

Чиновник взял мой паспорт, посмотрел на него, потом взглянул на меня — и, кажется, его поразила моя одежда: я был одет по-русски.

— Вы губернский секретарь Якушкин? — спросил он, недоверчиво смотря на меня.

— Точно так.

— Я покажу ваш вид частному приставу, — сказал он.

— Как вам угодно, — отвечал я.

Этот господин пошел в присутствие к частному приставу, через минуту вернулся и пригласил меня идти к частному, тоже в присутствие.

— Что надо? — спросил меня частный, сидевший за присутственным столом в белой рубашке и в халате нараспашку; его высокоблагородию видимо не хотелось сказать мне *вы*, а с *ты* оно относится ко мне не решилось: потому оно благоразумно избежало местоимений.

Он держал мой паспорт; ему было сказано, зачем я пришел: сам он меня позвал в присутствие; а потому и вопрос его показался мне странным.

— Пришел просить записать мой паспорт, — отвечал я.

— Губернский секретарь, — грозно проговорил частный, — как же можно так одеваться?!

— По роду моих занятий, — отвечал я со всевозможною учтивостью, — мне необходим этот костюм.

— Какие такие занятия, которые требуют мужиком одеваться?

Я подал ему письмо редактора «Русской беседы», которым подробно объяснялись мои занятия, требующие мужицкого платья.

— Все бумаги фальшивые, — сказал он, прочитав письмо какому-то господину, сидевшему за тем же столом. Тот господин посмотрел на бумаги, покачал головою и ничего не сказал.

— Подписи фальшивые, бумаги фальшивые! — повторил частный, обращаясь ко мне.

— Если фальшивые подписи, как вы думаете, то вы, как мне кажется, должны меня арестовать.

— Не разговаривать! — крикнул разгневанный частный, так что стекла задрожали.

— Я должен вам сказать, господин частный пристав, что я с вами как с *частным человеком* и говорить не хочу; а как частному приставу я должен вам отвечать на сделанное мне замечание, и как частный пристав вы должны меня выслушать.

— А, так!.. пожалуйста, милостивый государь, в канцелярию... Посмотрим!..

В канцелярии чиновники, слышавшие мой разговор с частным, очень недружелюбно на меня посматривали и вполголоса, однако так, чтоб я слышал, поговаривали о фальшивых бумагах:

— Да и не фальшивый вид, — заключил один, — полиция по одному подозрению может всякого задержать.

— Не угодно ли *вам* немного потрудиться: пойти с господином квартальным в полицию, — сказал частный, входя через полчаса в канцелярию, видимо желая поострить на мой счет.

Угодно, не угодно, а надо было идти, куда приказано, и я, не говоря ни слова, отправился с квартальным в полицию.

— За что вас арестовали? — спросил меня провожавший меня квартальный.

— Не знаю, — отвечал я.

— Для чего вы одеваетесь мужиком?

Я ему объяснил и показал письмо от редактора «Русской беседы».

— Верно, вас завтра выпустят, — сказал квартальный, прочитав письмо.

— Как завтра? — спросил я, не веря в возможность арестовать человека на целую ночь безвинно, по одной прихоти.

Квартальный не отвечал: ему было совестно исполнять приказание частного. Я это заметил, и мы замолчали. Я решил не давать воли своему гневу, да этого требовало и благоразумие.

— Где дежурный? — спросил квартальный, когда мы вошли в *полицию*.

— Ушел почивать домой, — отвечал солдат десятский из малороссиян.

— Позвать ундера!

Пришел ундер-офицер, по-видимому, лицо в полиции значительное, которое солдат величал Николаем Федосеевичем Федосеевым; приведший меня квартальный шепнул ему что-то и скрылся.

— Пожалуйста в эту комнату, — сказал мне господин Федосеев, указывая на *дежурную* комнату, или, как здесь называют, на *дворянскую* (арестантскую).

— Сделайте одолжение, — сказала я ему, входя в дворянскую, — отошлите записку к полицеймейстеру; я сейчас напишу.

— Извините, — отвечал тот, — я этого не могу сделать: от г. полицеймейстера строгий приказ: не посылать к нему из полиции никаких записок.

— Я должен здесь ночевать?

— Должны.

— Не могу ли я у вас попросить псковских газет? Скучно так сидеть, — стану читать.

— С большим удовольствием; а вам и свечку дам; читайте.

— Не хотите ли ужинать? — спросил меня г. Федосеев, входя ко мне вслед затем с кипой «Псковских ведомостей» и «Русского дневника».

— Покорно вас благодарю, — отвечал я, — не хочется.

— Покушайте, — настаивал Николай Федосеевич, — щи славные! Может у вас денег нет, робко прибавил он, — так денег мне не надо: щи я вылью за окно — все равно, мне их девать некуда.

Как ни совестно было отказаться от такого радушного и честно предложенного ужина, я отказался.

— Можно здесь курить? — спросил я у Федосеева.

— Курите, сколько хотите! — отвечал тот. — Только я боюсь пожара, так я солдата здесь поставлю.

— Нет, не беспокойтесь, — я курить в таком случае не буду.

— Курите, пожалуйста, солдат во всяком случае тут будет: курите, не курите — солдат тут обязан быть.

Федосеев ушел: я закурил папироску и стал просматривать «Псковские ведомости». В одном номере этих газет было объявление о выходе «Журнала Министерства народного просвещения», в другом — «Сына отечества»: других статей в литературном отделе не оказалось; но я никак не мог заснуть, диван, на котором я сидел, был так устроен, что на нем не только лежать, но и сидеть было довольно трудно; да к тому же солдат, легший у дверей, довольно сильно оказывал свое присутствие...

— Вы не спите? — спросил он меня часу в двенадцатом.

— Да спать нельзя, — отвечал я ему.

— Э! Нельзя! Тут еще можно; вот, случается, в арестантскую запрут: там человеку и дышать не можно, народу оттуда не выпускают; там и *поскудите*; дух такой — быть нельзя, — проговорил солдат малороссийским выговором и опять захрапел.

Я снова принялся за ведомости и никак не думал, что мне тотчас же придется побывать в арестантской, в которой *быть нельзя*, по отзыву солдата. Я захотел открыть окно; не зная хорошенько полицейских обычаев, я опасался разбудить солдата и потому довольно тихо подошел к окну.

— Куда ты, собачий сын? — крикнул проснувшийся солдат, — в окно хочешь выпрыгнуть! Я тебя...

Как я ни уверял его, что я не хочу, да и не могу выпрыгнуть со второго этажа, — солдат не верил.

На шум пришел господин Федосеев.

— Вам не угодно было тут сидеть! — сказал он, — вы хотели выпрыгнуть в окно, — пожалуйста в арестантскую!

Меня повели в арестантскую.

Вы знаете, что я хожу по деревням, выбираю избы для ночлегов поплоче; стало быть, к грязи присмотрелся, но такой грязи, какую я нашел в *арестантской*, не дай бог вам видеть: я буквально целую ночь присесть не мог: комната... нет не комната, а подвал, довольно большой, перегороженный неизвестно для чего пополам, с мокрым пожом, на котором *поскудят* и кото-

рый не чистят; с одним окном в четверть вышиной и в аршин длиной... И этот подвал никогда не отворяют!

— Ты за что попал? — спросил меня один арестант, мальчик лет 18, как я увидал на другой день поутру, потому что в арестантской огня не было.

— Не знаю, брат!

— Верно, стянул что?

— Нет, пока бог миловал...

— А ты за что? — спросил я его в свою очередь.

— Да от барина сбежал; напился пьян, да на улице и подняли. Вот одиннадцать дней как держат, хоть бы в баню пустили.

Баня этому мальчику была необходима: каждый волос на голове буквально был усеян известными насекомыми.

— Что ж с тобою будет?

— А приведут меня к господам своим, те ту же пору половину головы сбреют, выпорют, а там через три дня еще выпорют; а там еще через три дня выпорют: до трех раз, да и оставят.

— А разве бывало уж с тобою это?

— В другой раз... Не знаешь ли ты, человек милый, сказки какой? Спать не хочется.

Я стал ему рассказывать историю Ветхого завета.

— Однако, я вижу, ты из книг говоришь, — сказал мужик, выходя из-за перегородки нашей арестантской, и до того времени там спавший.

— Верно, ты слыхал, а может и сам читал эти книги? — спросил я его.

— Попы читают, — отвечал тот позевывая. — Скажи, человек душевный, за что тебя схватили? — спросил он меня.

— Я не мужик, а надел мужицкое платье; за это и посадили.

— Как, за мужицкую одежду?

— Да, за мужицкую одежду.

— Да разве мужик не человек?

На этот вопрос я не знал, что могу сказать, а потому и не отвечал ему.

— Мужик тоже человек! — убедительно говорил мой новый товарищ.

— Рассказывай, что в книжках читал! — прибавил он, немного помолчав.

Я стал продолжать рассказ истории Ветхого Завета. Дошло дело до Иосифа.

— А, друг любезный, — спросил меня мужик: Иосифа прекрасного?

— Ну да, Иосифа прекрасного...

— Говори, говори, — одобрительно проговорил мужик.

— Сидел Иосиф в темнице, в которой сидели также хлебодар и виночерпий...

— Все равно, как мы здесь в тюрьме сидим, друг задушевный, — перебил меня мужик. — Присядь да рассказывай; что ты все стоишь? Присядь.

Я отказался от его приглашения: рассказывать мне наскучило, и я спросил мужика: за что он сидит?

— А вот видишь ты, друг душевный, заболела у меня губа; пошел я, друг душевный, к волхвам, а те волхвы дали мне траву — прикладывай, мол, к больной губе. И разнесло ж губу, сказать нельзя!.. Прихожу к барыне... а барыня у нас милосердая... «Ты, говорит, теперь человек убогий, — сту-

пай сам корми свою душу». Вот в третьем году напился я пьян, — завалился на улице; меня поднял Архипка... десятский здесь... переночевал. Поутру в присутствие, к полициймейстеру. — «Зачем пьян напился?» — крикнул тот. — Так и так: получил деньги за работу... «Посадить»!.. Ну, друг любезный, здесь царство небесное; а не приведи тебе господь побывать в земском суде — просто быть нельзя... Повели меня, доброго молодца, из полиции в земский суд, продержали там меня ровно две неделечки, а там отправили к становому, в стан... У станового я тебе скажу, друг любезный, сказать нельзя как хорошо: выйдешь себе на крылечко, закуришь трубочку и сидишь... Становой мимо пройдет, крикнет: «ел щи?» — Ты ему, сам разумеешь, скажешь: ел, не ел ли. — «Не ел! Дать щей!» — Вот, друг любезный, продержали в Изборске в стану дней пять, послали к барыне, а барыня говорит: не надо мне его. Меня опять к становому, от него в земский суд, из суда в полицию, а тут уж и выпустили.

— А теперь-то тебя за что взяли? — спросил я.

— Видишь, друг любезный, работал я у мужика... верст пять от города... хлеб убирал; хозяин привел меня в питейный. Деньги все мне отдал, да и поил на свои... Было, друг душевный, выпито немало!.. Пошел я домой, да и зашел под дилижансы: отыскиали там меня, да в полицию; было 80 копеек — и те пропали!

— Слава богу, — сказал я.

— Какой — слава богу? 80 копеек, говорят тебе, пропали!

— На 80 копеек опять бы напился, опять бы взяли, — сказал я.

— Куда ж деть?! Напился б... а пожалуй и взяли б: мне такое счастье! Как напьюсь, так и возьмут: и во хмелю хорош!..

— Опять бы продержали неделю, — продолжал я.

— Ну нет! Неделей не обойдешься: дай бог в месяц покончить; да и то еще как бог приведет!

— Теперь же что с тобой будет?

— Теперь опять в земский суд, а там к становому; становой пошлет к барыне; а та барыня опять скажет: «А ты мне не надобен». Опять поведут в стан в Изборск; а из Изборска в земский суд; а из того земского суда в полицию. А тут увидит полковник полициймейстер, скажет собачьего сына, да и выпустит... Я ничего не боюсь, — прибавил он: сидеть помалу случается, скучно бывает, а я духу не боюсь!..

Рассвело. Было около 9 часов, приехал в полицию частный пристав.

— Где губернский секретарь Якушкин? К частному!

Повели меня вверх.

— Как вы смели надевать ордена? — спросил меня ласковым голосом частный.

— Как ордена? — спросил я, изумившись.

— Его видели в орденах в среду, а он не знает! — продолжал частный.

— Кто же видел?

— А вот кто! — сказал он, указывая на служащего в полиции чиновника, который был в присутствии.

— Да, я видел: вы шли из собора, — заговорил чиновник: я посмотрел на грудь, а грудь вся орденами завешана... Я еще подумал: какой молодец!

— В этот день вы меня не могли видеть в Пскове, — отвечал я ему, — не только в орденах, но и без орденов: я в этот день был в Изборске у тамошнего благочинного.

— Это мы справимся! — сказал, улыбаясь, частный.

— Я вас прошу справиться.

— А как вы, милостивый государь, в окошко хотели выпрыгнуть? — самым любезным голосом продолжал частный.

Не помню, отвечал ли я что-нибудь на этот вопрос. Кажется, нет.

Приехал полицеймейстер. С первого раза видно было, что он человек, что называется, *добрейший*, с ловкими новейшими манерами и веселого нрава...

— Зачем вы приехали в Псковскую губернию, — спросил он, когда меня снова ввели в присутствие.

Я ему вместо ответа показал письмо от редактора «Русской беседы».

— Где вы учились?

Я ему сказал.

— Да... вот ваши бумаги, возьмите их! Где вы остановились? — спросил он.

— У Егора Васильевича Васильева, — отвечал я.

— В конторе Рижских дилижансов ... знаю. Прощайте, можете идти, куда угодно.

— Позвольте, полковник, — заговорил я, немножко обиженный такою милостью, — ежели я виноват, то должен быть наказан: я не хочу от вас никакой милости, а ежели понапрасну меня задержали здесь целую ночь, то вы должны наказать того, кто меня сюда посадил.

— Да чем же вас обидели? — спросил меня полицеймейстер.

— Как чем? — спросил я, удивленный этим вопросом: целую ночь просидел здесь... Разве я подозрительный человек?

— О нет! — отвечал он, было б хоть мало подозрения, я б вас не выпустил! У нас это не считается за порок, — продолжал любезно полицеймейстер, — у нас свои чиновники... и тех сажают!

— Ваши чиновники могут не обижаться...

— Чего вы хотите? — прервал он меня.

— Позвать прокурора и объявить ему это происшествие.

— А — а!... к губернатору! — крикнул полицеймейстер.

Квартальный надзиратель с будочником повели меня, но не к губернатору, которого в Пскове в то время не было, а к какому-то «начальнику», управляющему губернией. Этого начальника на ту пору не было дома. Через четверть часа приехал полицеймейстер...

— Его превосходительство едут, — торопливо проговорил дежурный чиновник, взглянув в окно.

Вошло его превосходительство.

— Я думаю послать за справкой в Малоархангельск, в земский суд, — сказал он, просмотрев мои бумаги.

— Помилуйте, ваше превосходительство! — сказал я, вспомнив недавние рассказы о том, как в полиции и в земском суде скоро дела делаются, — это долго протянется. . .

— Довольно долго, а вы пока посидите в полиции!

Меня обратно привели в дворянскую. Минут через десять вошел ко мне полицеймейстер, наговорил любезностей, назвал меня «мой милый» и ушел. Едва успел он уйти, как вошел старик квартальный.

— Что ты задумал? — закричал он, — с самим полковником* (*энергическое слово*)! Да и как ты, губернский секретарь, смел носить мужицкое платье! — Я тебя в Сибирь упеку (*энергическое слово*)!.. Я своему государю подпоручик, хоть худенькое платье, но все дворянское. . .

Вовсе не чувствуя самолюбие свое оскорбленным квартальнической бранью и не желая перебранкою становиться с ним на одну доску, я ему не отвечал ни слова, несмотря на то, что эта брань продолжалась более часа. К вящему моему удовольствию этот строгий господин не позволил затворять дверей, и все просители, приходившие в полицию, считали долгом *подивиться* на меня.

Был час уже четвертый, а есть мне не хотелось, и я снова не мог не отказаться от предложенного мне Николаем Федосеевичем обеда.

— Милый мой! — проговорил полицеймейстер, входя ко мне в дворянскую на другой день поутру. — Зачем вы здесь сидите?

— Вам угодно было посадить меня.

— Ступайте, сейчас же ступайте!

Я вышел. Расстроенный, не евши и не спавши почти двое суток, я не захотел ни минуты оставаться во Пскове и ушел в г. Остров. В это время я переменил свою поддевку на худенький кафтанишко. На третий день возвратился в Псков и взял билет, чтобы по чугунке ехать в Петербург.

Я был уже в вагоне и очень спешил уехать. Почему-то все еще боялся приключений. К несчастью, мои опасения оправдались. Когда я думал: обойдется ли дело без них, — раздался громкий голос в дверях вагона:

— Кто здесь в очках?

Дело, очевидно, касалось меня, но я молчал.

— Да тут нет в очках, — проговорил какой-то мужичонко. — Лезь под лавку, — шепнул он, толкнув меня локтем.

Я не решился на этот подвиг.

— Я его узнаю, сейчас же узнаю, — кричал какой-то квартальный, влезая в вагон и с этими словами, схватив меня за ворот, вытащил из вагона.

Этот квартальный, как после оказалось, имел удивительные предчувствия: они, по его словам, никогда не обманывали, и, к несчастью, эти предчувствия заставляли его думать обо мне бог знает что.

Здесь же был и частный.

— Э! — кричал квартальный, — да ты не простая птица! Пять минут своими глазами видел тебя в плисовой поддевке. Ты у меня заговоришь! Зачем переодеваешься?

* Подполковников в этом быту всегда величают полковниками.

— Пять минут вы не могли видеть меня в плисовой поддевке: гораздо раньше я ее переменял, — отвечал я.

— Каков! — продолжал квартальный, обращаясь к частному, — своими глазами видел его в плисовой поддевке: я за ним два часа смотрел.

— Я сам видел, — решил частный.

— Что *ты* на это скажешь? — грозно крикнул квартальный.

— Нельзя ли слово *ты* выкинуть из вашего разговора? — сказал я.

Квартальный было расходился; но частный его усмирил.

Около нас собралось довольно много мещан и мужиков. Из этой толпы слышались слова: «ученого схватили»... Эти слова были произнесены многими с заметным ко мне сочувствием.

Квартальный с частным поехали к полицеймейстеру, а меня будочник повел в полицию, откуда приехавший за мной квартальный повез и меня к полицеймейстеру.

— Здравствуйте, мой милый, — сказал мне полицеймейстер, когда я вошел к нему. — Какой костюм!

— Скажите, полковник, — спросил я, — за что меня схватили?

— За переодевание, мой милый!

— Пять минут назад я видел его в плисовой поддевке, — проговорил, улыбаясь, частный.

— И я тоже, — подтвердил квартальный, — мы его караулили.

Опять повели меня в полицию, где я высидел снова *шесть* дней!. Я хотел писать в Петербург, в Москву к своим знакомым, но мне не позволили. На третий день мне задали какие-то *вопросные пункты*: какого я вероисповедания, женат или нет, есть ли дети и где оные находятся, знаю ли я грамоте и т. п. Я тотчас же написал, что я вероисповедания православного, холост, грамоте знаю, и отдал эти *вопросы* квартальному, который мне сказал: «Напрасно торопились, эти бумаги раньше недели никуда не пойдут».

Сидели ли вы в карцере? — скучно сидеть одному! Но вы не можете себе представить, что испытывает человек, когда его не оставляют ни на минуту одного, а в моей комнате постоянно, и день и ночь, сидел десятский.

— Христа ради, позвольте мне написать моим знакомым, — несколько раз говорил я полицеймейстеру.

— Пишите, милый мой, пишите — *мечтайте!* — обыкновенно отвечал тот.

Но вот беда: никто не брался отнести мои письма на почту, боясь учинить беззаконие.

Погода была дурная и довольно холодная: полицию стали оклеивать новыми обоями и все окошки открыли.

— Позвольте мне хоть одну строчку написать в Москву, — сказал я полицеймейстеру, когда тот, уже в четвертый день, вошел ко мне и успел уже назвать меня «мой милый».

— Пишите, кому хотите!

— Здесь никто не берется отнести мои письма на почту, — прикажите!

— Эй, квартальный! — крикнул полицеймейстер. — Я тебя!..

Не помню хорошенько всей фразы, сказанной полицеймейстером квартальному; могу только сказать, что эта фраза была очень энергична.

Разумеется, я воспользовался этим позволением и тотчас же написал три письма; позволение я получил в исходе 12 часа, на почте принимают до 12 часов; я торопился, и, верно, мои письма не совсем были складно написаны. Одно из них было адресовано к одному довольно значительному лицу в Москве...

— Скажите пожалуйста, — говорили мне потом в полиции, — видно по вашим письмам, да и сами вы говорите, что вашими занятиями интересуются *такие* люди; как же они допускают вас до такого положения?

— Как до такого?

— Да помилуйте, худой кафтанишко...

Этим господам я никак не мог растолковать: для чего я ношу такое платье.

— Что вы здесь делаете, мой милый? — спросил меня полицеймейстер, входя ко мне на шестой день в дворянскую.

— Помилуйте, полковник, отошлите меня в острог; здесь быть нельзя, вы сами видите.

— В остроге хуже... а даете ли мне слово выехать из Пскова... нынче же.

— Непременно выеду.

— Ну, прощайте, мой милый!.. ничего об нем не писать! — крикнул полицеймейстер в канцелярию.

Я в тот же день уехал из Пскова.

Как ни неприятны мне воспоминания об этой истории, но и в ней мне видны светлые минуты: с искренним удовольствием вспоминаю участие, которым я пользовался от Николая Федосеевича Федосеева *, никогда не забуду жены десятского, которая приходила ко мне с предложением поиграть в мельники. Трудно представить себе, как эти добрые люди, видя человека в несчастии, искренно, родственно желали облегчить минуты тяжкого моего плена.

Посылаю им привет, жму руку им и десятскому, который заподозрил меня и засадил в арестантскую не дворянскую — *в ней же быть нельзя* — и который после совестился взглянуть на меня и избегал со мною встречи.

Долгом считаю сказать: 1) что ни Николаю Федосеевичу, никому из десятских, ни их женам — я не дал ни копейки; да и никому из полицейских чиновников; кроме древней серебряной копейки, которую я отдал сам квартальному надзирателю под сохранение и которая, я уверен, будет мне возвращена.

2) Что никто моих бумаг (у меня других вещей с собой не было) не осматривал: три раза арестовывали без допроса; три раза выпускали, и каждый раз выпускали, говоря, что я человек неподозрительный.

3) Обо мне никаких справок не делали.

Если полиция находила мой костюм незаконным, она не имела права меня миловать. Если находила мои бумаги фальшивыми, как же меня выпустили? Если свидетельство чиновника о надеванных будто бы мною орденах и квартального (хвастовавшегося предчувствиями) о моем переодевании — уважительны, отчего не было произведено следствие? Если они ложны, так как же допускать подо ную легкость лжесвидетельства и терпеть таких лю-

* Унтер-офицера полиции.

дей в полиции? Как же можно так обращаться с личностью человека? Этот произвол не выкупается ни гвардейскою любезностью полицеймейстера, ни позднею учтивостью частного пристава.

Павел Якушкин.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПЕСНЬ

Уж как мы ль, друзья, люди русские!..
Всяк субботний день в банях паримся,
Всякий божий день жирны щи едим,
Жирны щи едим, гречневку лопаем,
Всё кваском рѣдным запиваючи,
Мать святую Русь поминаючи,
Да любовью к ней повхваляючись,
Да всё русскими называючись...
И как нас-то все бранят попусту,
Что ничего-то мы и не делаем,
Только свет коптим, прохлаждаемся,

Только пьем-едим, похваляемся...
Ах, и вам ли, люди добрые,
Нас корить-бранить стыдно б, совестно:
Мы работали б, да хотенья нет;
Мы и рады бы, да не хочется;
Дело плевое, да труда бежим!..
Мы труда бежим, на печи лежим,
Ходим в мурмолках, да про Русь кричим⁹,
Всё про Русь кричим — вишь, до охрипу!
Так еще ль, друзья, мы не русские?!..

* * *

Что жизнь? — Игра страстей!
Что смерть? — Предел мучений.
Карамзин.

Лукавый врач лекарство ищет,
Чтоб тетке сторожа помочь...
Лекарства нет; в кулак он свищет,
А на дворе давно уж ночь.

В шкафу нет стклянки ни единой,
Всего там к завтрашнему дню
Один конверт с сухой малиной
И очень мало ревеню.

Меж тем в горячке тетка бредит,
Горячкой тетушка больна...
Лукавый медик все не едет
Вотще лекарства ждет она!..

Огнем горит старухи тело...
Природы странная игра!
Повсюду сухо, но вспотела
Одна лишь левая икра...

Как вдруг раздался из передней
Звонок поспешный: динь, динь,
динь!..
«Приехать бы тебе намерен!»
— «А что?» — «Уж тетушке аминь!»

— «Помочь старухе нету средства, —
Так злобный лекарь говорит, —
Осталось ли у ней наследство?
Кто мне заплатит за визит?»

И что ж? врачу ведь заплатили:
Отдали ваточный салон!..
Старуху мертвую обмыли,
Забрили в деревянный гроб...

И с этих пор, убит тоскою,
Лишенный тетушки своей,
Служивый трепетной рукою
Хранит Румянцевский музей¹⁰.

КАЗАК И АРМЯНИН *11

(Баллада)

На мягкой кровати
Лежу я один;
В соседней палате
Кричит армянин...

Кричит он и стонет,
Красотку обняв,

И голову клонит...
Вдруг слышно: пиф-паф!.

Упала дивчина
И тонет в крови...
Донской казачина
Клянется в любви!

* Музыка собственного моего изобретения будет, к удовольствию читателей, напечатана при полном собрании моих сочинений. — Прим. Козьмы Пруткова.

А в небе лазурном
Трепещет луна,
И с шнуром мишурным
Лишь шапка видна.

В соседней палате
Замолк армянин;
На узкой кровати
Лежу я один!..

ШЕЯ¹²

(С арабского)

Шея девы — наслажденье.
Шея — снег, змея, кристалл;
Шея — радость, удивленье;
Шея — моря пенный вал!

Шея — лебедь, шея — пава,
Шея — тонкий волосок,
Шея — прелесть, гордость, слава;
Шея — мраморный кусок!...

Кто тебя, крутая шея,
Смелой дланью обоймет?
Кто тебя, дыханьем грея,
Поцелуем припечет?

Кто тебя, драгая выя,
Станет холить и беречь?
В дни июня огневые
Будет с зоркостью стеречь.

Чтоб от солнца, в зной палящий,
Не покрыл тебя загар;

Чтобы кожицы блестящей
Не пронзил злодей комар;

Чтоб от едкой летней пыли
Ты не сделалась черна;
Чтоб тебя не иссушили
Грусть, и ветры, и весна?!

Не найти тебе другого
Стража прелестей, как я.
Так услышь мое ты слово,
Предпочти другим меня!..

Я тебя держал бы в холе,
И берег бы, охранял;
Я б тебя, гуляя в поле,
Дымкой нежной прикрывал;

Я б врагов твоих с раченьем,
Дланью собственной давил,—
И тебя бы с восхищеньем
Я любил бы и любил!

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПЕСНЬ¹³

Спит залив. Эллада дремлет.
Под портик уходит мать
Сок гранаты выжимать...
Зоя! нам никто не внемлет!
Зоя, дай себя обнять!

Зоя, утренней порою
Я уйду отсюда прочь;
Ты смягчись, покуда ночь!
Зоя, утренней порою
Я уйду отсюда прочь...

Пусть же вихрем сабля свищет!
Мне Костак не судья!
Прав Костак, прав и я!
Пусть же вихрем сабля свищет;
Мне Костак не судья!

В поле брани Раскораки
Пал за вольность, как герой.
Бог с ним! рок его такой.
Но зачем же жив Костак,
Когда в поле Раскораки
Пал за вольность, как герой?!

Видел я вчера в заливе
Восемнадцать кораблей;
Все без мачт и без рулей...
Но султана я счастливей;
Лей вина мне, Зоя, лей!

Лей, пока Эллада дремлет,
Пока тщетно тщится мать
Сок гранаты выжимать...
Зоя, нам никто не внемлет!
Зоя, дай себя обнять!

ОТ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА К ЧИТАТЕЛЮ В МИНУТУ ОТКРОВЕННОСТИ И РАСКАЯНИЯ

С улыбкой тупого сомненья, профан, ты
Взираешь на лик мой и гордый мой взор;
Тебе интересней столичные франты,
Их пошлые толки, пустой разговор.

Во взгляде твоём я, как в книге, читаю,
Что суетной жизни ты верный клевет,
Что нас ты считаешь за дерзкую стаю,
Не любишь; — но слушай, что значит поэт.

Кто с детства, владея стихом по указке,
Набил себе руку и с детских же лет
Личиной страдальца, для вящей огласки,
Решился прикрыться, — тот истый поэт!

Кто, всех презирая, весь мир проклиная,
В ком нет состраданья и жалости нет,
Кто с смехом на слезы несчастных взирает, —
Тот мощный, великий и сильный поэт!

Кто любит сердечно былую Элладу,
Тунику, Афины, Ахарны, Милет,
Зевеса, Венеру, Юнону, Палладу, —
Тот чудный, изящный, пластичный поэт!

Чей стих благозвучен, гремуч, хоть без
мысли,
Исполнен огня, водометов, ракет,
Без толку, но верно по пальцам расчислен, —
Тот также, поверь мне, великий поэт!..

Итак, не пугайся ж, встречаясь с нами,
Хотя мы суровы и дерзки на вид
И высимся гордо над вами главами; —
Но кто ж нас иначе в толпе отличит?!

В поэте ты видишь презренье и злобу;
На вид он угрюмый, больной, неуклюж;
Но ты загляни хоть любому в утробу, —
Душой он предобрый и телом предюж.

К МЕСТУ ПЕЧАТИ М. П.

Люблю тебя, печати место,
Когда, без сургуча, без теста,
А так, как будто угольком,
«М. П.» очерчено кружком!

Я не могу, живя на свете,
Забуть покоя и мыслете,
И часто я, глядя с тоской,
Твержу: «мыслете и покой»!¹⁴

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ СВИСТКА

Вся Россия согласна, что «Свисток» принадлежит нашему времени. «Наше время» недавно послало в Италию г. Берга, чтобы точнее удостовериться в храбрости Гарибальди и в невероятном факте падения неаполитанского королевства. «Свисток», как известно, в скептицизме никому не уступит, особенно когда дело идет о вещах для него неприятных. Поэтому и он пожелал приобрести более точные сведения о бесчинствах, происходящих в Европе. Но он не любит останавливаться на полдороге. Он, конечно, мог бы попросить съездить в Европу — г. Погодина, уже оказавшего ему столько неоцененных услуг, г. Забелина, так неумоимо разъезжающего между Тверью и Москвою¹⁵ и бичующего мужиков за то, что они едят тухлую рыбу... Мог бы «Свисток» адресоваться к профессору Сухомлинову¹⁶, отправленному за границу, по словам «Отчета» санктпетербургского университета, «для приобретения *необходимых для него* новых сведений по его науке»; мог бы просить корреспонденции г. Стасюлевича, который, изображая так хорошо, в своем курсе истории¹⁷, генеалогию всех испанских Альфонсов, конечно

не менее г. Берга должен знать толк в современных происшествиях. Наконец, если не к этим почтенным профессорам и академикам, то во всяком случае «Свисток» мог с полной доверенностью обратиться к одному из прославленных им братьев Милеантов, который еще в начале года публиковался в «Московских ведомостях» отъезжающим за границу. Конечно, специальность братьев Милеантов до сих пор известна публике довольно мало; но не подлежит сомнению, что, во-первых, оба они, в качестве протестантов, отличаются благородством души и признают гнусность клеветы, во-вторых — что один из них (неизвестно только, тот ли, который поехал за границу) поместил в «Подснежнике» статью о египтянах¹⁸ и тем в признательных сердцах юных читателей журнала г. Майкова воздвиг себе памятник «металлов тверже и выше пирамид...»¹⁹ Кажется, чего бы лучше такого корреспондента, если уж «Свисток» и не хотел обратиться к вышеназванным профессорам, и если другие, как, например, господа Вернадский и Серно-Соловьевич, были отвлечены своими учеными занятиями на европейских конгрессах!..²⁰ Но «Свисток» рассудил так: «Если я не верю сведениям „собственных“ корреспондентов „Северной пчелы“ (хотя, не в пример „Московским ведомостям“, и верю, что она имеет „собственных“ корреспондентов), если я не верю телеграфу (который в последнее время изоврался совершенно), не верю ни „Тэймсу“, ни „Аугсбургской газете“, не верю даже русским — „Инвалиду“ и „Вестнику“, то какой резон имею я доверять более г. Бергу или г. Милеанту? Конечно, один из них переводил со всевозможных языков²¹ индейские песни, другой писал о египтянах; но все это не дает еще мне достаточных гарантий, что они представят мне события именно в таком виде, как мне хочется. Для достижения благоприятного результата, для успокоения сердца моего остается одно средство: отправиться самому на место преступлений европейских! Тогда я — что захочу, то и увижу; как захочу, так и пойму события. И никто тогда уже не спорь со мною: всякому рот зажму! Я скажу: «Нет-с, нет, милостивый государь, — об этих вещах понаслышке нельзя судить; надо знать их, надо видеть, самому видеть, на месте быть, — тогда только можно судить правильно. Я там был, я видел, уж вы со мной не спорьте!».

Так рассудил «Свисток» и отправился *en personne* за границу, как только дошел до него слух об экспедиции Гарибальди в Сицилию. Намерение его было — свистнуть на всю Италию; но вообразите, по всей Европе англичане (больше никому!) насажали клакёров, которые так аплодировали всем итальянским беззакониям, что разве только Илья Муромец или г. Байборода мог бы заглушить их аплодисменты. «Свисток» с первого же своего появления рекомендовал себя благонравным юношею, свистящим весьма умеренно, под благодетельным покровом существующих законов; поэтому он вынужденным нашелся замолчать на время, среди такой сумятицы, и вот почему «Наше время», гораздо после его возымевшее счастливую идею собственных рекогносцировок в Европе, успело прежде его возвестить о том публике.

Но «Свисток» теперь ободрился. Он видит, как английские клакёры утомились, как вся Европа начинает отдыхать от их хлопанья и выражать полнейшее неодобрение сумасшедшим итальянцам. Отозвание французского посланника из Турина²² и последний протест неаполитанского короля в Гаэте особенно ободрили его. Теперь «Свисток» ставит себя, так сказать, на

европейскую ногу и обещает заниматься по преимуществу судьбами царств и народов. Русской литературе дается отпуск. Хотя «Свисток» и называется по-прежнему «собранием литературных, журнальных и других заметок»; но мало ли что как называется! В «Современнике» вон каждый месяц печатаются «Заметки *Нового* поэта»; а какой же он *новый*? ²³ Для большинства читателей он не может оправдывать свое название даже тем афоризмом, что «ново то, что хорошо забыто»: сколько мы знаем, он, к чести русской публики, никогда забыт не был! А слывет себе *новым*, да и только! Так и «Свисток» пусть зовется по-прежнему, хотя собственно теперь он занят уже более *другими*, нежели «литературными и журнальными» заметками. О, он теперь делается важною персоною, почти государственным мужем, и литературные мелочи далеки от него! Господин Ржевский может теперь, отделавши кадастровых чиновников, обрабатывать профессоров и экзаменаторов и, указавши способы развития пролетариата, может хлопотать о способах сокращать университетские штаты; г. Краевский может издавать или не издавать «Энциклопедический лексикон»; г-жа Каролина Павлова и г. Н. Греков могут сколько угодно перепечатывать в журналах свои старые стихотворения; в «Русском вестнике» могут распускаться новые цветы с старым запахом экономической деятельности; г. Летголла может уверять г. Костомарова, что он не смыслит ни слова по-литовски; г. Страхов может переносить из «Светоча» в «Русский вестник» свои трансцендентальные теории о веществе; «Полицейские ведомости» могут украшаться краткими, но капитальными статьями именитых сотрудников; новый «Век» с новыми «Основами» может водворяться в Русской литературе: «Свисток» даже губами не пошевелит, чтобы их приветствовать... Разве кто-нибудь из посторонних сотрудников сообщит несколько замечаний: они всегда будут приняты с благодарностью... Но сам «Свисток», собственной персоною, погружен теперь в государственные соображения — о папе, Неаполе, Сирии, Монтемолине, принципе невмешательства, графе Боррисе и Кавуре, трактатах 1815 года и главное — о будущем всеобщем конгрессе ²⁴, который, надо полагать, не уступит даже конгрессам, удостоенным присутствия гг. Вернадского и Серно-Соловьевича... Внимайте же мудрым рассуждениям «Свистка», получающего на сей раз такое широкое назначение! Правда, он от себя будет говорить немного: но зато он вам представит некоторые выдержки из обширной корреспонденции, которую завел он с людьми, близкими ему по сердцу и духу; зато он даст вам подлинные документы о состоянии умов в Европе, ему только известные и доставшиеся ему из первых рук; наконец, он сообщит вам и о том, с каким достоинством держат себя в настоящих трудных обстоятельствах наши любезные соотечественники, путешествующие по Европе. Читайте же и утешьтесь в отсутствии литературного и журнального элемента!

ПИСЬМО БЛАГОНАМЕРЕННОГО ФРАНЦУЗА
О НЕОБХОДИМОСТИ
ПОСЫЛКИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК В РИМ
И ДАЛЕЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОРЯДКА
В ИТАЛИИ

(перевод с французского)

Милостивые государи!

Извините, что, не имея чести быть вашим соотечественником и единоверцем, осмеливаюсь просить вас о помещении в «Свистке» моего письма. На это имею я важные причины. Во-первых, ваш образ мыслей подходит к моему гораздо более, нежели все остальные журналы Европы и Америки. Во-вторых, «Свисток» пользуется огромным влиянием на общественное мнение и даже на умы многих государственных людей Европы. Я знаю из верного источника (*de bonne source*), что сам кардинал Антонелли, после того как у вас было о нем упомянуто ²⁵, любопытствовал прочесть «Свисток», и, конечно, этому обстоятельству надо приписать то, что последние ноты его значительно веселее прежних. В-третьих, вы более, нежели кто-нибудь, имеете свободы в рассуждении о политике: вы не связаны тираниею общественного мнения, которое у нас так страшно тяготеет над журналистикой. Можете себе представить, что у нас ни один журнал не решился бы поместить мое письмо, не потому, чтоб оно несогласно было с видами правительства (напротив, я надеюсь, что оно очень с ними согласно), а просто потому, что это значило бы раздражить общественное мнение! Вы, как я по всему вижу, еще не дошли до такого печального положения; у вас журналист — учитель и господин своей публики и потому может говорить ей, что ему угодно, а она должна только слушать, верить и преклоняться пред его авторитетом... Для меня и для моих предположений именно это и нужно.

Пред *вашей* публикой я могу открыто и прямо сказать, что решительно не одобряю итальянское движение и считаю Гарибальди разбойником (*brigand*). Некоторые корреспонденты французских газет уверяют, что русская публика исполнена энтузиазма к «освободителю Италии» и ждет окончательного водворения итальянского единства, точно большого праздника. Может быть, это и правда; но так как ваша публика находится еще в младенчестве и не доросла до собственного мнения, то я думаю, что мне церемониться с нею печего. Итак, я признаю Гарибальди разбойником (*brigand*) и формально протестую против всякого государственного акта, который совершится на основании его незаконных выходов. Но этого мало: я предлагаю верные средства для уничтожения всего, что им наделано, и думаю, что ваш «Свисток» окажет услугу русской и европейской публике напечатанием моих предположений.

Дело в том, что теперь священная обязанность наблюдения за порядком в Европе принадлежит Франции. Не обижайтесь: говоря это, я вовсе не думаю исключить из числа великих держав ваше отечество. Я читал сочине-

ния господ де-Жеребцова, Головина и Чичерина (в «Le Nord») ²⁶ и вполне с ними согласен, что России предназначено великое будущее. Но надеюсь, что и они не станут спорить, если я скажу, что вы еще весьма молоды в исторической жизни и потому никак не можете претендовать на первенство перед французами в опытности и благоразумии. Вы еще, так сказать, отроки, безмятежно совершающие свой курс в тишине благородного пансиона, а мы — уже взрослые люди, перенесшие много горя и видевшие много бурь на океане, простирающемся от Бастилии до Люксембурга... ²⁷ Вот почему теперь, как опытные пловцы, мы должны первые предвидеть бурю и останавливать новичков. Надеюсь, вы меня поняли и, следовательно, согласились со мною *.

Франция вот уже 11 лет весьма усердно очищает свою репутацию от нареканий, заслуженных ею в бедственное время насильственных переворотов ²⁸. Она уже давно перестала быть очагом (foyer) анархических движений; все ее желания направлены теперь к тишине, порядку и законному благоденствию под покровом религии и нравственности. Конечно, большинство людей, считающих себя образованными, вопиет еще о какой-то солидарности императорской Франции с принципами 1789 года; но, к счастью, голоса этих людей год от году слабеют, и смело можно надеяться, что скоро совсем заглухнут. Благодаря благоразумию правительства они лишены теперь возможности пропагандировать свои мнения в печати, и хотя по временам прорывается в журналистике дух — не то что непокорства, а как будто бы некоторого недовольства, — но общий тон журналов, можно сказать, в высшей степени успокоителен (rassurant). Я не говорю уже о первых звездах нашей журналистики «L'ami de religion», «Gasette de France», «L'Union», «Le Monde», преисполненных до мозга костей религиозными и нравственными началами; не говорю о «Constitutionnel», в котором г. Грангильо изображает почти каждый день настоящее блаженство и величие Франции такими яркими чертами, что иногда сам «Moniteur» бледнеет пред ним; не говорю о «Patrie» и «Pays», которые уж, конечно, и потому должны быть благородны (gènéreux), что поддерживаются (subventionnés) правительством. Но я укажу вам на «Journal des Débats», на «Presse», прежде столь задорные: радостно читать их ныне!.. Вы знаете, что в «Journal des Débats», например, отличался весьма едким (caustique) стилем г. Прево-Парадоль. Надо полагать, что это происходило в нем не столько от серьезного политического недовольства, сколько от расстройства печени. В начале нынешнего лета расстройство это усилилось до того, что г. Прево-Парадоль издал брошюру «Les anciens partis», в которой весьма много желчи. Но само собою разумеется, что это ни к чему не повело. Правда, пять тысяч экземпляров брошюры были расхвачаны в несколько дней благодаря разнесшемуся слуху, что ее будут отбирать, и когда действительно стали отбирать, то нашли всего несколько десятков экземпляров; но автор, как и следует, был осужден к тюремному заключению и штрафу, издатель тоже заплатил штраф весьма значительный; в ответ на брошюру яви-

* Это место в русском переводе вышло несколько грубо; но смеем уверить, что в подлиннике оно исполнено тончайшей грации и самой благоуханной прелести, так что нисколько не представляется оскорбительным. — Прим. ред. «Свистка».

лось прекрасное сочинение «Le parti de la providence», и кончилось тем, что только «Journal des Débats» избавился от выходок г. Прево-Парадоля и украшается ныне вполне благонамеренными premier-Paris * гг. Аллури и Вейсса.²⁹ Вообще во всей журналистике нашей только и можно быть недовольным двумя журналами: «Siècle» и «L'Opinion Nationale». Но они оба, сколько я знаю, уже имеют по авертисману за выходы против святейшего отца и потому не очень могут храбриться. Притом нельзя не заметить, что и они тоже не лишены патриотизма, только что в них заметна еще некоторая игра крови. Вообще же говоря, журналистика, да и вся литература наша представляют умилительное зрелище: как горячо, например, отзывались они на превосходные речи об императорской политике, произносившиеся недавно нашими государственными мужами при открытии выборов! С каким восторгом перечитывали они известия о путешествии императорской четы, и дифирамбы по этому случаю, произнесенные разными официальными лицами! Только «Opinion Nationale» пожалело довольно ядовито, что декорации для триумфальных арок и прочих выражений народного энтузиазма перевозятся из города в город одни и те же компанией спекуляторов, составившейся для этого случая! Но Opinion не получило за это даже авертисмана: это одно уже доказывает вам, как ничтожны у нас все подобные выходы пред силою правительства, опирающегося на энтузиазм народа... Словом, Франция сознала теперь, что она сильна централизацией и, если позволите выразиться, политическим благонаправием. Предания первой революции еще несколько сбивают ее с толку своею грандиозностью; но теперь появляются уже смелые борцы, которые смело топчут в грязь и эти предания. Так, например, вам, без сомнения, уже известна (все благородные книги наши так быстро получают в России!) недавно вышедшая «История жирондистов» г. Гранье де-Кассаньяка, политического редактора «Pays». Невозможно лучше разоблачить все ничтожество и зверство деятелей революции. Г. Гюаде, внук известного депутата, старался было возражать, журналы сделали несколько двусмысленных выходов; но против истины стоять невозможно, и книга г. Гранье-де-Кассаньяка, как слышно, заставила даже г. Ламартина решиться исключить «Историю жирондистов» из полного собрания его сочинений или, по крайней мере, назвать ее «Историческими бреднями», *Rêveries historiques*³⁰.

Вы понимаете, что, находясь на таком хорошем пути, Франция должна всеми силами заботиться, чтобы ничто не могло свернуть ее в сторону. С этой точки зрения итальянское движение давно должно было возбудить ее негодование и противодействие. Но, к несчастью, наше правительство, привыкнув к законности и к беспрекословному исполнению своих справедливых требований, думало, что дело может быть устроено путем здравых внушений и дипломатических переговоров. Вот отчего так много времени потеряно, вот отчего до сих пор, по рыцарскому великодушию, император старается сдерживать негодование Франции против неблагодарных итальянцев. Еще на днях одна из провинциальных газет получила авертисман за то, что непригоже отозвалась о Викторе Эммануэле, хотя дипломатические отношения наши с Пизмонтом уже прерваны. Мы не могли себе представить, чтобы итальян-

* парижские передовые статьи (франц.). — *Ред.*

янцы могли послушаться правительства великой нации, которая уже столько раз давала им чувствовать свою силу; мы хотели действовать на них мерами кротости и благоразумия. Но год испытания прошел, и мы должны были убедиться, что с непокорным народом надо действовать не словами, а оружием. Верно, уж когда дело пошло на вооруженное и гласное восстание, то тут никакие депеши, никакие конференции, никакие дипломатические меры не помогут. Поможет одно: армия. А ежели нет намерения или недостает решимости послать армию, то и говорить ни о чем не стоит: всякие рассуждения, не имеющие за собою определенного плана военных действий, будут забавным пустословием, годным только в качестве материала для каких-нибудь парламентских прений.

Кажется, дело просто. И однако же до сих пор мы не видим деятельных мер правительства для укрощения итальянцев. Что же мешает ему? Где препятствия для решительных действий? Где основания для бездействия? Об этом я и намерен объяснить с Европою через «Свисток».

Главным препятствием служит мнимая законность и будто бы благородство дела итальянцев. «Как, говорят, остановить движение, в котором выражается национальное стремление и которое направлено против чуждого владычества, беззаконий и злоупотребления, превосходящих всякое терпение? Как идти против воли нации, когда само императорское правительство возникло из всеобщего народного избрания?» Все это, по здравому рассуждению, оказывается чистейшими пустяками (*futilités*). Прежде всего — оставим в стороне «волю народа»: она признала себя несостоятельною в тот самый день, как избрала Людовика Наполеона. Избран он, конечно, не для того, чтобы быть на посылках у народа, а затем, чтобы предписывать ему, как держать себя, потому что сам народ не умел распоряжаться собою. И как скоро французы поставили у себя человека, в руки которого отдали свою волю, так они и должны его слушаться беспрекословно. Таким образом, для императора обязательна одна воля народа: желание, выраженное 2-го дек. 1851 г., чтобы он владел Францией. Сообразно с этим желанием он и должен делать все возможное, чтобы продолжить свое владычество, в котором Франция нашла свое блаженство. Следовательно, все свои действия он должен располагать сообразно тому, благоприятно это будет для продолжения его управления во Франции или нет. Ему нечего стесняться детским лепетом народа — ни французского, ни итальянского, и никакого другого. Кажется, то ясно, как солнце (*clair comme le soleil*).

Таким образом, Франция должна смотреть на итальянское движение единственно с той точки, благоприятно оно для правительства императора или нет? Если оно неблагоприятно, то очевидно противно воле французской нации, избравшей Наполеона, и следовательно должно быть признано враждебным Франции. Это опять ясно.

Теперь — нужно ли говорить о том, что революционный дух наших соседей не может не произвести вредного влияния на расположение духа и во французском народе? Надо признаться, что народ еще очень глуп у нас. То, что вы знаете под именем французской нации, — это, собственно говоря, не народ — это сливки его, благородные избранники, которых интересы и понятия совершенно противоположны народным. Эти-то люди и господству-

ют над миром посредством своего вкуса, остроумия, изящества и блеска своих благородных идей. Они господствуют и над собственно называемым народом; но, разумеется, только до тех пор, пока нет серьезных столкновений. А как скоро дело дойдет до ссоры, то как же хотите вы, чтобы горсть людей благородных, изящных и образованных, но зато весьма деликатных в физическом отношении, могла противостоять грубой силе целой массы? Да еще надо прибавить к этому, что и в образованном-то классе большинство готово при первом удобном случае зашуметь о свободе и об интересах народных. Даже теперь, несмотря на всю бдительность императорского правительства, беспрестанно прорываются беспокойные идеи. Так, напр., в последнее путешествие императора какой-то сумасшедший, говорят, пробовал в него выстрелить в Тулоне; факт еще не подтвержден решительно, а уже кое-кто пытался было сделать его поводом разных вольных рассуждений. К счастью, газетам запрещено было упоминать о нем. Недавно тоже — отставные революционеры затеяли было подписку в память г. Флота, убитого в рядах гарибальдиевских скопищ (*bandes*) ³¹. Правительство имело благоразумие запретить и эту подписку; но ее затея уже показывает вам настроение некоторых господ. Они молчат теперь, но нет сомнения, что при первой возможности они заговорят и найдут тысячи последователей. Пусть только ослабится, например, хоть бдительность надзора за прессою: завтра же явятся десятки журналов с самыми гибельными тенденциями и увлекут всеобщее внимание. До какой степени падок народ на нелепости подобного рода, вы можете судить, например, по «*Courrier du Dimanche*» — еженедельной газетке, которая имеет огромный успех, а берет только тем, что в ней какой-то валах или молдаван Ганеско делает беспрестанно выходки против императорского правительства ³². Еще на днях, например, он осмелился требовать отмены закона *de la suretè gènèrale!*..

При таком положении дел, когда с одной стороны угрожает г. Ганеско, а с другой — целый народ шумит и волнуется, не может быть никакого сомнения о том, что надобно делать правительству. На неразумного валаха претендовать нечего: он затем и существует, чтобы привлекать общее внимание, подделываясь под общий вкус; беда в том, что вкус-то общества получает такое вредное направление. Следовательно, надо уничтожить то, что подает повод к искажению нравственных понятий и чувств французов, — надо во что бы то ни стало укротить движение на полуострове. В прошлом году император принял весьма хорошую меру, взявши итальянское дело в свои руки и порешивши его разделом Ломбардо-Венецианского королевства между Австрией и Сардинией. Но затем Франция сделала несколько важных ошибок, допустивши присоединение герцогств и Романьи и не придушивши с самого начала экспедицию Гарибальди. Конечно, кто же мог этого ожидать? Никому в голову не могло придти, чтобы в каких-нибудь три месяца Неаполитанское королевство могло исчезнуть с политической карты Европы и чтобы самому святейшему отцу стали угрожать в его резиденции, охраняемой французскими штыками... Но в том-то и дело, что подобными вещами никогда не должно пренебрегать. С таким народом, как итальянцы, и при таком правительстве, как неаполитанское, всегда следовало ожидать, что не нынче, так завтра последует катастрофа. Всегда следовало поступать так,

как поступаем мы с Римом. Недавно кто-то распустил слух, что французский отряд из Рима двинулся к Анконе; «Patrie» опровергла этот слух таким образом: «Известие это нелепо уже само по себе; всякому известно, что французский отряд, находящийся в Риме, никак не может оставить папской столицы: если бы он сегодня вышел из Рима, то завтра же римляне возмутились бы и прогнали папу; а между тем охранение папского престола и составляет настоящую цель пребывания французских войск в Риме». Вот это политика смелая, откровенная и благородная! Тут нет никаких церемоний с народной волей, а прямо объявляется, что армия поставлена против народа, для того, чтобы он не наделал глупостей... Если так ведет себя Франция в Риме, почему ей не делать того же и во всей остальной Италии? Почему не послать войск в Сицилию, почему не поставить гарнизона в Неаполе, почему не занять Анконы, почему, наконец, в согласии с Австриею, не содержать нескольких полков в Венеции? Все это чрезвычайно легко было сделать несколько месяцев тому назад; теперь труднее, но возможность еще не потеряна благодаря твердости нашего правительства, умевшего сохранить честь нации (*l'honneur de la nation*) удержанием и даже усилением римского отряда. Теперь можно действовать через Рим: посылать туда подкрепление за подкреплением, а оттуда вводить войска в Гаэту, покамест король Франциск еще там держится; из Гаэты же идти на Неаполь. Никто с нами, разумеется, драться не будет, потому что Пьемонт не осмелится оскорбить знамя великой нации (*drapeau de la grande nation*), в особенности когда еще Австрия угрожает Италии. Таким образом, мы занимаем Неаполь, восстанавливаем Франциска, посылаем войска в Сицилию, требуем от Сардинии очищения Марок и Умбрии и объявляем Австрии необходимость содержания французских войск в Венеции: Австрия ничего не может возразить, потому что, во-первых, мы восстановлением Франциска дадим ей достаточное ручательство в нашей благонамеренности, а во-вторых, и потому, что Габсбургское правительство находится при последнем издыхании, и если бы Франция двинула на него свои легионы, то уже никакие силы в мире не спасли бы его...

Устроивши таким образом положение дел, то есть расставивши везде свои войска, Франция созывает конгресс. Нет надобности говорить, что на нем решено будет восстановление герцогов и кроме того пересмотрится цюрихский трактат, причем Франция сделает новые приобретения — как по лигурийскому берегу, так и по направлению к Рейну.

Никто не назовет, надеюсь, моего плана неудобоисполнимым. Но представляются возражения относительно его достоинства. Я все их предвидел и сейчас же намерен победоносно опровергнуть.

Люди, мало сведущие в политике, кричат прежде всего, что Франция ничего не выиграет от вооруженного вмешательства в дела Италии; уверяют, что ей не нужно увеличения территории, что она и без того довольно хорошо округлена, что новые провинции доставят ей только новые хлопоты, что благоденствие нации заключается не в численности ее, а в хорошем устройстве, и пр. в том же роде. Против частных этого мнения я возражать не стану. Мало того, я прибавлю, что всякое вмешательство на полуострове принесет Франции временно весьма чувствительное отягощение и расстройство. Финансы Франции находятся в положении весьма не блестящем; в нынешних пре-

ниях о бюджете мы видели, до какой огромной цифры дошел государственный долг в последние восемь лет; налоги весьма чувствительны для населения, конскрипция³³ представляет одно из самых ужасных зол в глазах всей нации. Вести войну — значит делать новые траты людей и денег, не видя впереди даже вознаграждения, потому что — ни с папы, ни с Неаполитанского короля взять нечего, с Австрии тоже, а Пьемонт еще представляет статью очень сомнительную. Все это так; но что значат все мелочные затруднения пред величием общего приобретения нравственного! Здесь замешана наша национальная гордость, наша честь и наше существенное благо. Хотя бы Франция и разорилась в итальянской войне, во всяком случае мы выйдем из нее с лучшими обеспечениями своей будущности, нежели какие можем иметь при водворении в Италии нынешнего порядка вещей. Победив гидру итальянской революции, правительство надолго упрочит существование нынешней системы, водворит спокойствие в Европе и будет иметь возможность в мире и тишине наверстать все потерянное. Мы видим, что теперь налоги далеко еще не дошли во Франции до своей крайней возможности; между тем всякое увеличение их встречается ропотом, который нельзя оставлять без внимания, в виду того, что делается в Неаполе и римских провинциях. Но когда все будет успокоено и усмирено, что тогда помешает удвоить подати и таким образом поправить финансы? Что помешает возвысить значение войск, увеличив им жалованье, улучшив содержание, вообще — создавши из них особую силу, совершенно отделенную от народа и всегда готовую наказывать всякое ослушание и недовольство? Франция будет тогда наслаждаться совершеннейшим, образцовым порядком, которому сами австрийцы позавидуют, и вот главное основание, заставляющее пренебречь временные невыгоды и затруднения, соединенные с посылкою войск в Италию!

Есть и другие соображения, высшего разряда, определяющие роль Франции в настоящих обстоятельствах. Лукавые друзья свободы обыкновенно стараются уверять, что нынешнее правительство Франции продолжает наполеоновское направление и таким образом необходимо связано с преданиями первой революции. Мнение это так сильно, что само правительство не решается опровергать его положительно. Но в «Свистке» можно высказать всю правду, и потому я не колеблюсь объявить это мнение лишенным всякого основания. Что ни говорите, но император принял в свои руки не Францию первой революции и империи, а Францию Реставрации, Францию Бурбонов, — и он естественно должен быть представителем бурбоновской политики, хранителем трактатов 1815 года. Это условие само собою подразумевалось, когда Европа признала его императором. Говорить, что он продолжает наполеоновскую политику, значит возбуждать против него европейскую коалицию и даже мнение всех благонамеренных французов. Мы очень хорошо знаем, что мы обязаны Священному Союзу, этому высокому созданию светлого ума Меттерниха. Мы понимаем, что он был создан для охранения порядка и тишины в Европе, а кто же более нынешних французов может дорожить порядком и тишиною? Кто более Людовика Наполеона сделал для их водворения и ограждения? «Империя есть мир», — сказал он; а «если хочешь мира, то готовь войну» (*Si vis pacem, para bellum*), и в силу этого двойного соображения он неумоимо воюет и мирится, с самого своего избрания, —

и все в интересах продолжения своего управления, в котором одном только нашла Франция мир и блаженство.

Уверяют, будто война против освобожденной Италии создаст нам врагов в наших соседях, оттолкнет от нас сердца народов, поставит нас в ряд противников европейского прогресса. На все это я отвечу в коротких словах. Итальянцы и все угнетенные национальности будут враждебны к нам, правда; швейцарцы и бельгийцы будут нас презирать; Пруссия и Англия останутся недовольны. Но что же нам до этого? Итальянцы будут приведены в такое положение, что пикнуть не посмеют: везде будут стоять французские войска, для защиты правительств от их подданных. Против Пруссии мы всегда имеем Австрию и Баварию. Швейцарцы и бельгийцы сами-то ничего не стоят, кроме презрения; если на то пойдет, то их всех можно будет присоединить к Франции... Остается Англия; но Англия не начнет наступательной войны, а ежели вздумает с нами померяться, так мы лучше не требуем (*nous ne demandons pas mieux*). Давно уж она нам поперек горла встала с своею торговлею, интригами, а всего пуще — с своими либеральными принципами, которые, в сущности, только и годятся для того, чтобы поощрять беспорядки всякого рода.

Да и какое законное основание могут иметь другие державы для противодействия нашему вмешательству в Италии? Трактаты все в нашу пользу. Разве только поставят нам на вид этот несчастный принцип невмешательства (*non-intervention*), нами же провозглашенный? Но, во-первых, он был провозглашен в других обстоятельствах; во-вторых, он теперь уже нарушен самим Пьемонтом; в-третьих, он не освящен конгрессом; в четвертых, он должен быть подчинен другому, высшему принципу, который мы давно уже провозгласили в Риме и который нарушен итальянским движением и требует мщения. За решительным ослаблением Австрии и за недопущением Испании в число великих держав (несмотря на наше ходатайство!) мы остались одни хранителями католического принципа в Европе, защитниками светской власти святейшего отца. Здесь уже политика переходит высшую область, и все дипломатические соображения должны преклониться пред святынею нравственных начал. Кричите, пожалуй (*on a beau crier*), об отделении светского от духовного, — вы нас не заставите думать, что папа может обойтись без двора, совета, армии, без владений, собственно ему принадлежащих. Существование *Папской Области* столь же необходимо в сфере католических начал, как существование Австрийской империи в дипломатической сфере... Собственно говоря, можно, пожалуй, утверждать, что и Австрия не нужна для народов Европы; но она создана трактатами 1815 года, она вот уже в течение полувека доблестно исполняет свое назначение — сдерживать народное своеволие и служить оплотом порядка для всех стран Европы, — и она стоит и будет стоять, несмотря на заносчивость венгерцев, враждебность итальянцев, тайный ропот славян, неудовольствия самих немцев, расстройство своей администрации и почти банкротство в финансах. Она будет стоять, потому что служит представителем живого принципа, того самого, к которому пришла теперь и Франция, после стольких волнений и испытаний, к которому должна быть приведена и Италия во что бы то ни стало (*coûte qui coûte*)!.. Так и Папская Область останется за папою, несмотря на все безумные фан-

фороннады Гарибальди, ибо святейший отец служит высочайшим представителем католического единства, непогрешимого авторитета и безукоризненной централизации — то есть всего, в чем нашла свое спасение Франция!

Говорят, что папское правительство очень дурно. Я не стану утверждать противного, потому что для меня этот сюжет не имеет ни малейшего значения. Положим, что оно дурно до последней степени; что же из этого? *Abusus non tollit usum* — злоупотребление вещи не доказывает ее негодности; тем более надо стараться поддерживать папское правительство, чтобы дать ему возможность уничтожить у себя злоупотребления. Это постоянно и делает французское правительство, подавая папе благие советы. Но, в сущности, не злоупотребления вооружают вольнодумцев против папского управления, а самый принцип его, стремящийся к благу духовному и потому естественно требующий от подданных отречения от многих материальных удобств и смиряющий порывы кичливого ума. Людям легкомысленным, не думающим о принципах духовных, кажется возмутительным, когда им не дают свободы болтать всякий вздор, когда их судят по особым соображениям, а не по общим законам, дела ведут в святилище судебных мест, а не на площади, требуют с них для поддержания духовного блеска наместника святого Петра более, чем бы они считали нужным, и пр. Но для всякого благомыслящего католика ясно, как нелепы все подобные претензии. Во-первых, они доказывают только развращение нравов и равнодушие к религии; во-вторых, свидетельствуют о полнейшем невежестве претендующих. Если бы они понимали хотя самые первые основания государственной жизни, то перестали бы жаловаться на папское правительство, потому что в сущности принцип его вовсе не отличается от других, и, например, во Франции мы представляем то же самое, что и подданные папы. Соединяясь в государства, мы пользуемся покровительством общих законов и защитой от всяких нападений на нас. Мы сами не можем составлять законы для своей жизни, не можем и знать всех бедствий, какие нам грозят. Очевидно поэтому, что забота об общественной безопасности должна быть сосредоточена в руках избранных, для которых все мы и должны жертвовать нашими личными интересами. Во Франции мы признаем право рассуждать за нас и располагать нашими действиями за Людовиком Наполеоном; в Риме то же право принадлежит Пию IX. Таким образом, интересы французского и римского правительства в этом вопросе — одни и те же, и всякий, кто им противится, должен быть наказан общими силами. Если бы Франция оставила папу, гнев божий постиг бы ее, и она бы пала под собственной тяжестью. Наш век не признает силы духовного слова; пусть же он поверит хоть истории. «Мои пушки заглушают гром папских проклятий!» — гордо писал Наполеон I во всем блеске своего могущества. И что же? Прошло каких-нибудь два года после преступного восклицания — и звезда Наполеона закатилась!..

Если находится много людей, не придающих значения подобным урокам, то тем хуже для них, и тем менее смысла имеют те господа, которые на каждом шагу толкуют нам о невмешательстве. Истинные католики и благомыслящие люди всех наций не могли, конечно, без особенного умиления читать прелестные слова (*de belles paroles*) святейшего отца о том, что он называет «каким-то новым и странным принципом нон-интервенции». Поистине новый

и странный принцип, особенно в виду народов, потерявших всякое сознание законности и благоразумия! «Любите и защищайте друг друга» — заповедует нам правило нравственности; а мы что делаем! Разбойник, флибустьер врывается в дом к нашему брату, законному королю, грабит его, отнимает его владения и дарит их другому королю, в котором своеволие надеется найти себе более потачки; а мы в это время провозглашаем принцип невмешательства! Не жалко ли, не бесчеловечно ли это? Не губительно ли это для самих народов, которые, по неразумению своему перешедши к Пьемонту, пожалуй в самом деле захватят себе разные льготы и вольности и позабудут должное смирение и дисциплину? Оставлять их на произвол судьбы не то же ли самое значит, как если бы в школе начальники и учителя предоставили учеников самим себе, провозгласив тоже принцип невмешательства? Если так, то уж лучше и школы не нужно, и ученья не нужно, и наград и наказаний не нужно; пусть все идет само собой, и на мир снова нисходит мрачная ночь варварства и беззакония!..

После всего, что я сказал, нужно ли распространяться еще о последнем возражении против посылки французских войск в Италию, — о том, будто бы подобным распоряжением император потеряет свою популярность между французами? Кто говорит это — и о ком? Люди с неудавшимся честолюбием, потерянные в блеске того, кто с такою славою держит в руках своих судьбы Франции и господствует над политикою Европы! Ему нет надобности добиваться популярности между подобными людьми и их партиями. Популярность, состоящая в благосклонности всех партий, нужна, может быть, Виктору Эммануэлю, только что занесшему ногу на трон предполагаемого итальянского королевства; но за кого 8 000 000 избирательных голосов, за кого имя Наполеона, политическая мудрость и армия, которой подобной нет в мире, тот спокойно может обойтись без этой эфемерной популярности! Что же до народа, то когда же он не был с тем, кто указывает ему путь к славе? А кто же усомнится, что новые лавры ожидают наши войска, если только придется им вынуть мечи из ножен? Итальянцы знают нас как союзников, и они не захотят иметь нас врагами! Они сумеют почтить французское имя (*ils sauront respecter le nom français*) и волю того, кто избран великою нацией в повелители судеб ее! Если же нет... о, тогда... неужели думаете вы, горячие приверженцы итальянской автономии, неужели думаете вы, что великий народ в 35 миллионов позволит оскорблять себя безнаказанно? Неужели вы полагаете, что он сам не побежит просить оружия против оскорбителей и что жены и дети не захотят отпраздновать триумф их мужей, братьев и отцов? О, если можно в чем-нибудь упрекать наш народ, то уж, конечно, не в недостатке военного энтузиазма! Он с радостью останется без пищи и без крова, если дух его будет оживлен сознанием национальной славы, приобретенной драгоценной кровью (*sang précieus*) сынов его!

И за какое дело будет проливаться теперь эта кровь! За дело порядка, за торжество законности, за герцогов, короля неаполитанского, прочность Австрии, за святейшего отца! Со стороны Франции это будет дело бескорыстное, святое, вызываемое единственно рыцарскими ее чувствами (*sentiments chevaleresques*). Никто не упрекает нас в честолюбии, а между тем за Францию освятится право наблюдения за порядком в Европе и охранения закон-

ных правительств всех стран против мятежных подданных. Понятно, какой обширный горизонт (*quel vaste horisont*) открывается таким образом для политической мудрости нашего правительства!..

В видах блага человечества, желая оказать услугу моей прелестной родине (*à ma belle patrie*) и делу законного порядка в Европе, изложил я вам в беглом очерке мои идеи о роли, которую должна теперь принять Франция. Я оставил в стороне все военно-технические и дипломатические подробности, потому что это письмо есть не что иное, как введение в большой мемуар, над которым я теперь работаю и который скоро сообщу публике. Я поспешил изложить мои общие идеи, потому что время не терпит, быстрый ход событий требует и быстроты решений. Надеюсь, что важность моих соображений будет понята всеми, и желаю, чтобы они нашли искренний отголосок как у вас в России, так и во всей Европе, особенно же в моем отечестве в сердце того, от кого зависит осуществить мои идеи. Да будет Франция, уже давшая миру столько великих и благородных толчков (*tant d'initiatives grandes et généreuses*), и на этот раз руководительницею святого дела законности и порядка. Да совершится! (*Ainsi soit-il!*).

Станислав де-Канард.

Париж 8/20 дек.

ЧТО О НАС ДУМАЮТ В ПАРИЖЕ

(*Письмо русского*)

Перед твоим державным блеском
Народы робко клонят взор. ³⁴

А. Хомяков.

Сожаления обыкновенно приходят слишком поздно: в Париже я пожалел, что не читал прекрасной статьи покойного Хомякова «Мнение иностранцев о русских»³⁵, но поправить дело не было уже никакой возможности, — в Париже, я думаю, легче отыскать подлинник философских правил Конфуция, писанный рукою самого китайского философа, нежели найти «Москвитянин», в котором блистал покойный философ и поэт российский. А между тем меня одолела страшная охота узнать мнение иностранцев о наших соотечественниках. Делать нечего, пришлось самому заняться собранием необходимых сведений. Не знаю, сходятся ли они с тем, что говорил г. Хомяков, но полагаю, что большого разноречия между нами быть не может, ибо все, что узнал я, совершенно подходит под эпиграф, выставленный мною в начале письма.

Прежде чем я примусь излагать результаты моих наблюдений, я должен, впрочем, сделать небольшое объяснение относительно того, кого я разумею под *нами*. Сим местоимением я обозначаю, читатель, тех, к кому не постыдимся принадлежать мы с вами, кого мы смело можем назвать *нашими*. Теперь рассудите сами, кто же должен быть главным предметом моих разысканий. Без всякого сомнения, это должны быть те люди, которых сам

Николай Филиппыч Павлов не постыдился бы назвать своими «ближними и братьями», люди хорошего общества и возвышенных стремлений, люди, украшенные всеми дарами европейской цивилизации и склонные к тому, чтобы самим внести что-нибудь в сокровищницу человеческой мысли. Словом, говоря без обиняков, под нами я разумею избранников России, светила, озаряющие ее светом своих возвышенных идей и согревающие пламенем благородных чувств. Сюда входят ученые (исключая г. Лайбова)³⁶, литераторы (только не те, которые участвуют в «Свистке»), великие деятели общественной жизни, как напр., г. Кокорев, Зоркин ^{*37} и другие, столь же самоотверженно изучившие зло и моченничество, чтобы поведать о нем миру, et caet, et caet.

С самого выезда моего за границу я на каждом шагу убеждался в справедливости того, что перед державным нашим блеском народы робко клонят взор, иначе сказать, что на нас никто не смотрит прямо, а всегда исподлобья. В Берлине многие из наших соотечественников уже жаловались на грубость прусского народа, который узнали они по кельнерам своих отелей. Кельнеры эти смотрели на нас большею частью косо, и обращение их с нами было исполнено всяческих резервов и натянутого достоинства. Мне случилось слышать объяснение этого явления в разговоре кельнера с портье. Портье жаловался, что какой-то русский барин оказался скрягою и совершенно забыл при отъезде исполнить свою обязанность относительно старика, который хлопотал для него много: и письма его отправлял, и ночью для него беспокоился (так как помянутый русский любил ночные прогулки), и беспрестанно возился с звонком его, не перестававшим заливаться целое утро то за тем, то за другим... «Я ему никогда виду не подал, что он мне так надоел, — говорил старик; — всегда ему в глаза глядел, думал, что он должен чувствовать, а он вот как!» — «Да, как же, чувствуют они, — возразил кельнер, как видно, более опытный и считавший себя вправе давать наставления, — русский, это известно, что за человек: смотри ему в глаза, он на тебя плюнет и всякую твою услугу за ничто считает, а сделай ему такую рожу, что обругать его хочешь сейчас же, да внимания-то на него не обращай большого — сейчас же укротится и просить станет вежливо и trinkeld ** даст хорошее».

Впоследствии я заметил, что такое мнение особенно распространено только в городах, ближайших к нашей границе, но чем далее, тем более русские теряют, как видно, их национальный характер или перестают его обнаруживать. Я объясняю это тем, что русский человек чрезвычайно смывлен и понятлив: выехав за границу и видя, что на него смотрят искоса и что чем он себя грознее держит, тем менее встречает угодливости, он с невероятною быстротою изменяет свои принципы, да так, что, например, в Дрездене нравы русских уже совсем другие, нежели в Берлине.

Не проезжал я польских и австрийских земель, сопредельных с нашими. В прежнее время там, говорят, было обыкновение определять цену комнат

* Читатель припомнит, что г. Зоркин предался всем проделкам шулерства с благородною целью научить Россию плутням карточной игры. — *Примечание редактора «Свистка».*

** чаевые (нем.). — *Ред.*

и всякого продовольствия русских путешественников сообразно с возвышенностью их характера. Разумеется, на каждого русского набавляли уже за то одно, что он русский; следовательно, человек, по преимуществу назначенный, по выражению поэта, «хранить для европейского мира достоянье высоких жертв»³⁸. Но и между русскими находили различие в степени, до которой могут простираться их *жертвы*: кто кричал громче, звонил чаще, бросал на стол карту обеда с бóльшим презрением, тыкал кельнеру свое платье и сапоги с большей энергией, тому путешествие и обходилось дороже, в соразмерности. Натурально, что русские путешественники, выезжавшие в Европу через австрийскую границу, приходили тоже к грустной необходимости изменить свои обычаи, но несколько позже и притом другим путем: они были «биты рублем», по нашей родной пословице... Само собою разумеется, что так как русские народ молодой, а Россия — полнощный исполин, то между русскими путешественниками находилось весьма много таких, которые совершенно не понимают, что такое боль от рубля, и потому во все время путешествия оставались совершенно не чувствительными к рублевым ударам европейских пигмеев. Этим и объясняется, что некоторые успевали доехать до Италии (а иные, говорят, даже до Константинополя и Иерусалима), сохранив в совершенстве первобытную чистоту русских нравов и не понимая других ударов, кроме тех, которые считаются у киевских педагогов³⁹ необходимыми для вперения чувства законности в детские сердца. Вспомните письмо из Италии г. Пауловича...⁴⁰

Но я не намерен занимать вас, читатель, изложением немецких воззрений на русских путешественников. Что нам немцы! Чья репутация может выиграть или пострадать оттого, что о нас станут говорить не только немецкие кельнеры, но даже гегеймраты * и великие ученые. Известно, что, во-первых, немец нетороплив на суждения: человек может пожить, нажиться, умереть, оставить наследство и быть позабытым не только наследниками, но даже и своими бывшими кредиторами прежде, нежели немец решится высказать о нем свое основательное суждение. Во-вторых, известно, что немцы у нас считаются по преимуществу музыкантами, булочниками и сапожниками, следовательно, в общественной жизни нашей представляют часть служебную. Не то француз: он заправляет нашим обществом, он всегда танцмейстер, кондитер и парикмахер. Немец, обращаясь к нашему слуху, повергает нас в неподвижное умиление своей музыкой, а француз красноречиво заставляет нас прыгать и плясать под его команду; немец нас кормит, а француз услаждает; немец устраивает наши ноги, француз — голову. Понятно поэтому, почему в обществе живом и двигающемся, между людьми, любящими услаждать свою жизнь и заботящимися об обработке головы своей, француз имеет такое неизмеримое преимущество пред немцем. Понятно, почему всякая репутация составляется в Париже, почему, вопреки древнему изречению, быть и вторым в Париже для нас всегда лестнее, нежели быть первым в Петербурге или даже в Москве.

* тайные советники (нем.). — *Ред.*

Какую же репутацию имеет в Париже полнощный исполин и в особенности те его представители, которые принадлежат к избранникам нашего общества? Какое впечатление производят на французов наши ученые открытия, наши философские воззрения, наши художественные создания? Что думают они о роли русской цивилизации в судьбах Западной Европы, находящейся (как известно всякому, кто читал наших философов) в последнем периоде гниения? Обо всех этих интересных вопросах я надеюсь сообщить вам несколько любопытных сведений, почерпнутых из самых верных источников.

Нужно вам сказать, впрочем, что в Париже я не был так разборчив в выборе общества для себя, как в России; признаюсь даже, что я более толкался между людьми «среднего рода», нежели между первостепенными знаменитостями во всех родах. На это было много причин: во-первых, в Париже великих знаменитостей больше, чем зубных врачей в Петербурге, и для человека непривычного нет ни малейшей возможности запомнить их и отличить от простых смертных. Вы идете в оперу, слушаете посредственных певцов, забываете их фамилии, а потом оказывается, что это все знаменитости: и г. Мишо — знаменитый тенор, и г-жа Дюпрэ — знаменитая примадонна, и г. Барриель — такой баритон, какого в свете нет. То же самое и с актерами: на вас сыплются имена таких господ, как Дюмень, Прадт, Феликс, Брессан и пр., и пр., — все это громкие репутации, все их вы обязаны знать и помнить! Читаете вы газету — новый разряд знаменитостей встречает вас — Поль Сен Виктор, Фиорентино, Магиас, Форкад и пр., и пр. — бесчисленное множество фельетонистов. Со временем, конечно, все они будут славны и у нас, так как и каждый из них, в сущности, не хуже всех этих Бертонов, Бондуа, Молинари, Жюль-Жаненов, Филаретов и Теофилов Готье ⁴¹, которые так хорошо известны каждому из нас, порядочных русских. Но покамест все эти славы долетят до нас, их различать ужасно трудно, и вот почему я старался всячески избегать парижских знаменитостей: пожалуй, попадешь, как нарочно, на такую, которой не суждено прославиться в России, — напрасно только время потеряешь! А всемирные знаменитости, вроде, например, Вильмена или Жозефа Гарнье ⁴², не занимали меня потому, что мы их и так знаем хорошо и даже имеем сами нечто подобное им в лице, например, А. Д. Галахова, В. П. Безобразова и т. д. Кроме этих причин я руководился еще тем соображением, что все избранники парижского общества, все знаменитости науки, литературы и искусств не могут быть откровенны и беспристрастны в отзывах о нас: они наши учителя, следовательно, всегда должны сохранять часть наставнической благосклонности, говоря о своих понятливых и послушных учениках. Чтобы найти полное беспристрастие, надо было обратиться к тем, кто менее принимал участия в нашем образовании. Наконец, это не составляло никакого неудобства в Париже: все парижане, как известно в России, народ образованный, очень хорошо говорят по-французски, читают газеты, не воняют ни чесноком, ни салом, не носят дубленых полушубков, а одеваются (кроме блузников, разумеется, о которых и речи нет) очень прилично, как мы с вами и как все французские танцмейстеры и парикмахеры в Петербурге. Поэтому с ними очень приятно было иметь дело и смело можно было положиться на их

суждение. И я полагаю, что из разговоров с разными комми, хозяевами-ремесленниками, содержателями отелей и меблированных квартир, армейскими офицерами, студентами и всяким народом, с которым встречался в ресторанах, в омнибусах, на публичных балах, в театрах и т. п., я полагаю, что из разговоров с ними я вынес довольно полное и верное заключение о том, что думают о нас в Париже. Но, во всяком случае, предупреждаю вас, что мнения, сообщаемые мною, вовсе не принадлежат какому-нибудь из «величайших современных мыслителей»; из подобных мыслителей я никого не видал, да их, говорят, и не водится теперь в Париже.

В начале августа вернулся я домой
Из слишком годовой отлучки заграничной⁴³
И тотчас встречен был знакомою толпой —
Редакцией «Свистка», с мольбой ее обычной:
«Стишков, о наш поэт! Пожалуйста стишков!»
Украстье наш «Свисток» своей высокой
лирой,
Иль пробудите вновь волнение умов
Своею острою и меткою сатирой!»
— Помилуйте, друзья: я долго жил вдали, —
Сказал я им в ответ, — отвык от ваших
правов.
Я так им чужд теперь, как, например, в пыли
Архивной тлеющий профессор Тихонов.⁴⁴

Едва приехав, что ж могу сказать я вам
О тех стремлениях, какие вас волнуют?
Мне должно наблюдать, я должен видеть
сам:

Что ныне здесь в ходу и что теперь бичуют,
Какими новыми идеями умы

Проникнуты теперь в святой моей отчизне?
На европейские дела как смотрим мы?

И как устроились мы в нашей русской
жизни?

«Ха-ха-ха-ха-ха-ха»... мне дружный был
ответ...

Мне бросилась в лицо пурпуровая краска.
Но скоро понял я, что тут обиды нет, —
А просто предо мной свершалась свистопляска.

Я однако же счел более приличным говорить с ними презой.

— Чем же вы так утешаетесь, — спросил я, — ведь я еще не обещал вам моих стихотворений.

Тонкий намек был понят, и буйная свистопляска начала извиняться. Но когда один из редакторов хотел сделать мне объяснение своего смеха, — то едва он выговорил: «вы предполагаете», — как опять кто-то фыркнул и за ним вся компания. Раза три так было: передышатся, получают способность произносить более или менее членораздельные звуки, но как только перейдут к тому, что я им сказал, — как опять не могут удержаться, опять хохот повальный минут на десять. Я уже начинал терять терпение, находя, что я-то между ними в чрезвычайно глупом положении, совершенно как, например, какой-нибудь постоянный сотрудник «Русского вестника» в толпе читателей «Современника», только что получивших книжку его со «Свистком». Хохочут, шумят, а над чем — неизвестно. Думаешь, не надо мной ли? Да нет, с какой стати? Я человек почтенный... А впрочем они почтенных-то еще больше задирают... И опять думаешь: не надо мной ли? Не обидеться ли?... Да и то думаешь: как бы хуже не было?... А может, еще не надо мной...

Наконец добился я объяснений: рыцарям свистопляски показалось, изволите видеть, в такой высокой степени смешным мое мнение, что, давно не бывши в России, я отстал от наших общественных требований и интересов! Им это показалось в такой же степени забавно, как мне было бы забавно,

напр., если бы г. Катков объявил серьезно: «Долгое время не занимавшись философией, я отстал от современных научных взглядов и не могу судить о статьях г. Антоновича»⁴⁵. Они сначала приняли слова мои за шутку, но потом, увидав, что я говорю серьезно, так и покатались

СЛАВЯНСКИЕ ДУМЫ

(во время плавания по Волге на пароходе)

1

Быстро идет пароход наш, но — движется мертвой машиной;
Барка хоть тихо плывет, но — разумною тянется лямкой.

2

В мелких местах капитан велит делать промеры;
Я же на Запад взываю: *измерьте глубь русского духа!*

3

Как ни хитрил капитан, чтобы мель обойти осторожно,—
Нет-таки — стал!.. Где ж справиться немцу с красою рек русских!

4

Правый берег Волги горист, а левый берег — низмен;
Так и везде на Руси: что выше — правее бывает.

5

Немец у нас капитан, но русские все кочегары;
Так отразилась и здесь русская доблесть — смиренность!

* * *

Средь Волги, реченьки глубокой,
Стоял я долго на мели
И мыслил о судьбе высокой
Родимых вод, родной земли.
Вы хитры,— мнил я,— иноземцы
Вы пароход изобрели;
Но все ж на Волге мы вас, немцы,
По суткам держим на мели.

* * *

Синее небо, зеленое поле...
В белой рубахе с сохой селянин...
Он размышляет о выданной воле —
Здесь, на просторе, с природой один.
Знаю я — труд ему весел и сладок...
Что же? Смягчилась земля пред сохой?

Сил стало больше у тощих лошадок?
Иль не печет его солнечный зной?
Нет, его поле по-прежнему в кочках,
Лошади — клячи, и солнце печет...
Но уже зрит он в таинственных почках
Воли грядущей живительный плод...

ФАНТАЗИЯ

КОМЕДИЯ
в одном действии.

Соч. Y. и Z.

*Была исполнена на Императорском Александринском театре,
8 января 1851 г.*

Мое посмертное объяснение к комедии «Фантазия»*

Этот экземпляр моей первой комедии «Фантазия» оставляю в том портфеле, на котором оттиснута золоченая надпись: «Сборник неконченного (d'inachevé) № 1».

Причисляю ее к неконченному /inachevé/ только потому, что она еще не была напечатана.

Поручаю издать ее после моей смерти. Возлагаю это на добрых моих друзей, пробудивших во мне дремавшие дарования.

Им же поручаю напечатать впереди это объяснение и приложенный здесь в копии заглавный лист театрального экземпляра комедии.

Я списал этот лист с точностью, со всеми пометками театральных чиновников. Этими пометками пересказывается вкратце почти вся история комедии ⁴⁶. Я люблю краткость. Ею легче ошеломить, привлечь. Жалею, что не соблюл ее в своей «Фантазии». Но мне вовсе не хотелось тратить время на этот первый мой литературный шаг. Впрочем, он и без того вышел достаточно разительным. Его не поняли, не одобрили; но это ничего!

Вот тебе, читатель, описание театральной рукописи: она в четвертушку обыкновенного писчего листа бумаги; сшита тетрадью; писана разгонисто, но четко; в тексте есть цензорские пометки и переделки; они все указаны мною в экземпляре для печати; на заглавном листе, кроме надписи: «*Фантазия. Комедия в одном действии*», имеются следующие пометы театральных чиновников:

а) вверху слева: «Д. И. Т. 23 декабря 1850 г. № 1039»; это должно значить: «Дирекция Императорских Театров» и день и № внесения комедии в дирекцию;

б) вверху справа: «К бенефису Максимова I, назначенному 8 января 1851 г.»;

в) посредине, над заглавием: «1103»; это, вероятно, входящий номер репертуара;

г) под заглавием: «от гг. Жемчужникова [А. М.] и Толстого [графа]». Этим удостоверяется, что я представил комедию «Фантазия» чрез гг. Алексея Михайловича Жемчужникова и графа Алексея Константиновича Толстого;

д) под предыдущею надписью: «Одобрается для представления. С.-Петербург. 29 декабря 1850 г. Действ. ст. советник Гедерштерн»;

* Это посмертное объяснение вместе с комедиею «Фантазия» печатается с рукописи, найденной в том портфеле Козьмы Пруtkова, о коем он упоминает в начале сего объяснения.

е) вверху, вдоль корешка тетради, в три строки: «*по Высочайшему повелению сего 9 января 1851 г. представление сей пьесы на театрах воспрещено. Кол. Асс. Семенов*».

Ты видишь, читатель: моя комедия «Фантазия», внесенная в театральную дирекцию 23-го декабря 1850 г., т. е. накануне рождественского сочельника, была разрешена к представлению пред кануном нового года (29 декабря), и уже исполнена императорскими актерами чрез день от праздника крещения (8-го января 1851) г. и затем тотчас же воспрещена к повторению на сцене!.. В действительности, воспрещение последовало еще быстрее: кол. асс. Семенов обозначил день *формального* воспрещения; но оно было объявлено словесно 8-го января, во время самого исполнения пьесы даже ранее ее окончания, при выходе императора Николая Павловича из ложи и театра. А выход этот последовал в то время, когда актер Толченев 1-й, исполнявший роль Миловидова, энергично восклицал: «Говорю вам, подберите фалды! он зол до чрезвычайности!» (см. в 10-м явлении комедии).

Итак, публике дозволено было видеть эту комедию только *один раз*. А разве достаточно одного раза для оценки произведения, выходящего из рядовых? Сразу понимаются только явления обыкновенные, посредственность, пошлость. Едва ли кто оценил бы Гомера, Шекспира, Бетговена, Пушкина, если бы произведения их было воспрещено прослушать более одного раза!— Но я не ропщу!.. Я только передаю факты.

Притом успех всякого сценического произведения много зависит от игры актеров; а как исполнялась моя «Фантазия»?! Она была поставлена на сцену наскоро, среди праздников и разных бенефисных хлопот. Из всех актеров, в ней участвовавших, один Толченев 1-й исполнил свою роль сполна добросовестно и старательно. Даже знаменитый Мартынов отнесся серьезно только к последнему своему монологу, в роли Кутилы-Завалдайского. Все прочие играли так, будто боялись за себя или за автора: без веселости, робко, вяло, недружно. Желал бы я видеть: что случилось бы с любым произведением Шекспира или Кукольника ⁴⁷, если б оно было исполнено так плохо, как моя «Фантазия»?!. Но, порицая актеров, я отнюдь не оправдываю публики. Она была обязана раскусить... Между тем она вела себя легкомысленно, как толпа, хотя состояла наполовину из людей высшего общества. Едва государь с явным неудовольствием изволил удалиться из ложи ранее конца пьесы, как публика стала шуметь, кричать, шикать, свистать!.. Этого прежде не дозволялось!.. За это прежде наказывали!

Беспорядочное поведение публики подало повод думать, будто комедия была прервана, не доиграна; будто все актеры, кроме Мартынова, удалились со сцены поневоле, не докончив своих ролей; будто г. Мартынов, оставшись на сцене один, поступил так по собственной воле и импровизировал (!) тот заключительный монолог, в котором осуждается автор пьесы и который, по свидетельству даже врагов моих, «вызвал единодушные рукоплескания». Все это неправда. Я не мог своевременно возражать, потому что боялся дурных последствий по моей службе. В действительности было так: публика, сама того не зная, дослушала пьесу до конца; актеры доиграли свои роли до последнего слова; пред монологом Мартынова они оставили сцену все разом, потому что так им предписано в моей комедии; г. Мартынов остался

на сцене один и произнес монолог, потому что так он обязан был сделать, исполняя роль Кутилы-Завалдайского. Следовательно: публика, думая рукоплескать Мартынову как импровизатору и в осуждение автора, в действительности рукоплескала Мартынову как актеру, а мне — как автору! Так сама судьба восстановила нарушенную справедливость — благодарю ее за это!

Не скрою (да и зачем скрывать?), что тогдашние театральные рецензенты отнеслись к этому событию поверхностно и недоброжелательно. Вот выписки из двух тогдашних журналов с сохранением их курсивов. Эти курсивы отнюдь нельзя уподобить «умным изречениям», вопреки моему афоризму в «Плодах раздумья».

а) Выписка из журн. «Современник» (1851 г., кн. II, Смесь, стр. 271): «По крайней мере в бенефис г-жи Самойловой * не было ничего слишком плохого, чему недавний пример был в бенефис Максимова; пример очень замечательный в театральных летописях ** тем, что одной пьесы не доиграли *** вследствие резко выраженного неодобрения публики. Это случилось с пьесой «Фантазия».

б) Выписка из журн. «Пантеон» (1851 г., кн. I): «Вероятно со времени существования театра никому еще в голову не приходило фантазии ^{4*}, подобной той, какую гг. Y и Z^{5*} сочинили для русской сцены...^{6*} Публика, потеряв терпение, не дала актерам окончить эту комедию и ошибала ее прежде опущения занавеса ^{7*}. Г. Мартынов, оставшийся один на сцене, попросил из кресел афишу ^{8*}, чтоб узнать, как он говорил ^{9*}: «кому в голову могла прийти фантазия сочинить такую глупую пьесу?» — Слова его были осыпаны единодушными рукоплесканиями ^{10*}. После такого решительного приговора публики нам остается только занести в нашу Летопись один факт ^{11*} что оригинальная Фантазия удостоилась на нашей сцене такого

* Это говорится о бенефисе Самойловой 2-й, который предшествовал бенефису Максимова 1-го.

** Сколько мне известно, таких «летописей» вовсе не существует; разве какие-нибудь тайные, вредные?

*** Из моего объяснения видно, что это неправда.

^{4*} Тут сочинитель статьи, очевидно, полагал сострить, хотя бы с помощью курсива!

^{5*} Я назвал на афише автора пьесы иностранными литерами: «Y и Z», потому что не желал выдать себя, опасаясь последствий по службе.

^{6*} Что же дурного, что никто еще не сочинял подобной фантазии? — В этом и достоинство!

^{7*} Во-1-х, из курсива слова «комедия» видно, что сочинителю досадно: зачем этот титул присвоен моей пьесе? — ему хотелось бы (как и дирекция желала), чтобы пьеса моя была названа: «шутка — водевиль»! Во-2-х: из моего объяснения уже известно, что комедия была доиграна до последнего слова.

^{8*} Г. Мартынов потребовал афишу не «из кресел», а от «контрабаса», из оркестра, как ему было предписано в его роли (см. подлинную комедию).

^{9*} Вовсе не «он» говорил, а я предписал ему сказать это в роли Кутилы-Завалдайского!

^{10*} Тут явно злонамеренное перетолкование рукоплесканий публики. Хотя публика — толпа, но заступаюсь за нее по привычке к правде: публика рукоплескала не одной этой фразе, а всему монологу с начала до конца.

^{11*} Опять «летопись», да еще с крупной буквы! А я убежден, что ее вовсе не существует.

падения, с которым может только сравниться падение пьесы «Ремонтеры»⁴⁸, данной 12 лет назад и составившей эпоху в преданиях Александринского театра» *.

Только в одном из московских изданий было выказано беспристрастие и доброжелательство к моей комедии, не помню, в котором: в «Москвитянине» или в «Московских ведомостях»?⁴⁹ Всякий может узнать это сам, пересмотрев все русские журналы и газеты за 1851 год. Помню, что я мысленно приписывал эту статью г-ну Аполлону Григорьеву, тогдашнему критику в «Москвитянине». Помню также, что в этой статье сообщалось глубокомысленное, но патриотическое заключение, именно: рецензент хотя и не присутствовал в театре и, следовательно, не знал содержания моей комедии, отгадал по определению действующих лиц на афише, что «это произведение составляет резкую сатиру на современные нравы». Спасибо ему за такую проницательность! Думаю, впрочем, что ему много помогло быстрое восприятие повторения пьесы на сцене.— С того времени я очень полюбил г. Аполлона Григорьева⁵⁰, даже начал изучать его теорию литературного творчества по статьям его в «Москвитянине» и старался применять ее к своим созданиям; а когда я наткнулся на трудности, то обращался прямо к нему за советом печатно, в стихах. (Пример этому см. выше в моем стихотворении: «Безвыходное положение», стр. 40.)⁵¹.

Вот все данные для суда над моей комедией «Фантазия». Читатель! помни, что я всегда требовал от тебя справедливости и уважения. Если б эта комедия издавалась не после моей смерти, то я сказал бы тебе: до свидания... Впрочем, и ты умрешь когда-либо, и мы свидимся. Так будь же осторожен! Я с уверенностью говорю тебе: *до свидания!*

Твой доброжелатель —

Козьма Прутков.

11-го августа
1860 года (annus, i).

* Мне неизвестна комедия «Ремонтеры» и потому не могу судить: уместно ли это сравнение? Что же касается замечания, что представление моей «Фантазии» составит «эпоху в преданиях Александринского театра», то хотя я не понимаю, какая «эпоха» может быть в «преданиях»? однако не скрою (да и зачем скрывать?), что именно это вполне соответствовало бы моим надеждам и желаниям!

По высочайшему повелению сего 9 января 1851 г.
представление сей пьесы на театрах воспрещено.
Кол. Асс. Семенов.

Д.И.Т. 23 ДЕКАБРЯ 1850 г. № 1030.

К бенефису Максимова I,
назначенному 8 января 1851 г.

№ 1103.

ФАНТАЗИЯ

КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

От Г. Г. Жемчужникова (А. М.)
и Толстого (графа).

Одобрается для представления.
С. — Петербург. 29 декабря 1850 г.
Действ. ст. советник Гедерштерн.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Аграфена Панкратьевна Чупурлина, богатая, но самолюбивая старуха

г—жа Громова.

Лизавета Платоновна, ее воспитанница

г—жа Левкеева.

Адам Карлович Либенталь, молодой немец * не без резвости

Г. Марковецкий.

Фемистокл Мильтиадович Разорваки, человек отчасти лукавый и вероломный.

Г. Каратыгин 2

Князь ** Касьян Родионович Батог-Батыев, человек, торгующий мылом

Г. Прусаков.

Мартын Мартынович Кутило-Завалдайский, человек приличный

Г. Мартынов.

Георгий Александрович Беспардонный, человек застенчивый

Г. Смирнов 2.

Фирс Евгеньевич Миловидов, человек прямой

Г. Толченев 1.

Акулина, нянька

Г—жа ***

Фантазия, моська.

Пудель.

Собачка, малого размера.

Собака датская.

Моська, похожая на Фантазию.

Незнакомый Бульдог.

Без речей.***.

Кучера, повара, ключницы и козачки.

Действие происходит на даче Чупурлиной. Сад. Направо от зрителей домик с крыльцом. Посреди сада (в глубине) беседка, очень узенькая, в виде будки, обвитая плющом. На беседке флаг с надписью: *Что наша жизнь?* Перед беседкой цветник и очень маленький фонтан.

Явление I

По поднятии занавеса: Разорваки, князь Батог-Батыев, Миловидов, Кутило-Завалдайский, Беспардонный и Либенталь ходят молча взад и вперед, по разным направлениям. Они в сюртуках или во фраках. Довольно продолжительное молчание.

* Слово «немец» было заменено в афише словом: «человек».

** Титул «князь» был исключен цензором в перечне действующих лиц и повсюду в тексте.

*** Эти действующие лица «без речей» не были одобрены цензором в перечне действующих лиц на афише.— *Примечания К. Пруtkова.*

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (*вдруг останавливается и обращается к прочим*). Тс! тс! тс!..

В с е (*остановившись*). Что такое?! что такое?!

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й. Ах, тише! тише!.. Молчите!.. Стойте на одном месте!.. (*Прислушивается*) Слышите?.. часы бьют.

Все подходят к К у т и л е - З а в а л д а й с к о м у, кроме Б е с п а р д о н н о г о, который стоит задумчиво, вдали от прочих.

Р а з о р в а к и (*смотрит на свои часы*). Семь часов.

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (*тоже смотрит на свои часы*). Должно быть, семь; у меня половина третьего. Такой странный корпус у них, — никак не могу сладить.

В с е (*кроме Либенталья, смотря на часы*). Семь часов.

Л и б е н т а л ь. Я не взял с собою часов; ибо (*в сторону*) счастливые часов не наблюдают! ⁵²

Р а з о р в а к и. Давно желанный и многожданный час!.. Вот мы все здесь собрались; но кто же из нас, здесь присутствующих женихов, кто получит руку Лизаветы Платоновны? — Вот вопрос!

В с е (*задумавшись*). Вот вопрос!

Б е с п а р д о н н ы й (*в сторону*). Лизавета Платоновна, Лизавета Платоновна!.. Кому ты достанешься? Ах!

Р а з о р в а к и. Пока еще не пришла старушка, в руке которой наша невеста, мы...

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й. Мы тщательно осмотрим друг друга; все ли прилично и все ли на своем месте? Женихи ведь должны... Господин Миловидов!.. (*указывает на его жилет*) у вас несколько нижних пуговиц не застегнуто!

М и л о в и д о в (*не застегивая*). Я знаю.

Р а з о р в а к и. Господа! я предлагаю, пока старушка еще не пришла, сочинить ей приятный комплимент, в форме красивого куплета, и спеть, как обыкновенно в водевиле каком-нибудь поют на сцене актеры и актрисы.

В с е. Пожалуй... пожалуй... сочиним! сочиним!

Р а з о р в а к и. Для этого сядем по местам. Садитесь все по местам!

Р а з о р в а к и садится на скамейку; Б е с п а р д о н н ы й — на другую; князь Б а т о г - Б а т ы е в и К у т и л о - З а в а л д а й с к и й — на траву, М и л о в и д о в уходит в беседку; Л и б е н т а л ь вынимает из кармана бумажник и карандаш и влезает на дерево.

Л и б е н т а л ь. Здесь поближе к небесам!

Р а з о р в а к и. Уселись? Начнем!.. (*Подумав*). — «Вот куплеты»... — Господа, рифму!

Л и б е н т а л ь (*с дерева*). Разогреты!

М и л о в и д о в. (*из беседки*). Почему же разогреты?!

Л и б е н т а л ь. Неподдельными нашими чувствами разогреты!

Р а з о р в а к и. Я лучше вас всех понимаю поэзию: я человек южный, из Нежина.

Кн. Б а т о г-Б а т ы е в. Я из Казани.

Р а з о р в а к и. Не перебивать!.. Слушайте: «Вот куплеты — Мы, поэты, — В вашу честь, — Написали вместе»...

М и л о в и д о в. «Написали вместе — В этом лесе».

Р а з о р в а к и. Это не рифма!

К у т и л о-З а в а л д а й с к и й. Это сад.

Миловидов. — Ну — «В этом саде!»

Р а з о р в а к и. Не перебивать!.. «Написали вместе, — На своем всяк месте, — Нас здесь шесть». — Вот это так!.. Далее: «Мы вас знаем»... Ах! идет!.. Аграфена Панкратьевна идет!.. Ну, нечего делать!.. Так, как есть, каждый на своем месте, давайте петь. Я начинаю!

Явление II

Т е ж е и Ч у п у р л и н а с Л и з а в е т о й

Ч у п у р л и н а с Л и з а в е т о й сходят с крыльца в сад. Ч у п у р л и н а ведет на ленточке моську. Женихи сидят на местах и поют на голос: «Frère Jacques». Р а з о р в а к и начинает.

В с е (поют).
Вот куплеты
Мы, поэты,
В вашу честь (bis)
Написали вместе,
На своем всяк месте,
Здесь нас шесть!
Нас здесь шесть!

А г р а ф е н а П а н к р а т ь е в н а и Л и з а в е т а П л а т о н о в н а смотрят с удивлением во все стороны.

Р а з о р в а к и. Господа, второй куплет экспромтом, каждый давай свою рифму! — Я начинаю!

Поют, каждый отдельно, по одному стиху, в следующем порядке.

Р а з о р в а к и	Мы вас знаем —
К у т и л о-З а в а л д а й с к и й	Ублажаем —
К н. Б а т о г-Б а т ы е в	Услаждаем —
М и л о в и д о в	Занимаем —
Б е с п а р д о н н ы й	Сохраняем —
Л и б е н т а л ь	Забавляем!
Р а з о р в а к и.	Довольно... довольно!..

В с е (хором).

Всякий час!

Всякий час!

Р а з о р в а к и (продолжая петь один).

Вы на нас взгляните!

М и л о в и д о в (тоже).

И нас обнимите!

В с е (хором).

А мы вас!

А мы вас!

При последнем стихе все идут к А г р а ф е н е П а н к р а т ь е в н е с распростертыми объятиями.

Ч у п у р л и н а Благодарю вас, благодарю вас!

Л и б е н т а л ь (бежит вперед других). Милостивая государыня, почтенная Аграфена Панкратьевна! лестная для меня маменька!

К н . Б а т о г - Б а т ы е в. Почтеннейшая Аграфена Панкратьевна!

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й. Благодетельница!

Р а з о р в а к и. Такая благодетельница, что просто... ух!... целовал бы, да и только!

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (в сторону). Какие у этого грека все сильные выражения, совсем не умеет себя удерживать.

Б е с п а р д о н н ы й подходит, отворяет рот, но от внутреннего волнения не может сказать ничего.

М и л о в и д о в (перебивая выразительные знаки Б е с п а р д о н н о - г о). Ну, что же, матушка!.. надумались? Вот, мы все налицо. Кто же из нас лучше? — говорите!.. Да ну же, говорите!

Ч у п у р л и н а. Тише, мой батюшка, тише! Вишь, какой вострый, как приступает!.. Моя Лизанька не какая-нибудь такая, чтоб я ее вот так взяла да и отдала первому встречному! Я своей Лизанькой дорожу! (Гладит моську). Она мне лучше дочери... Я не отдам ее какому-нибудь фанфарону! (Окидывает Миловидова глазами с ног до головы.) Небось ты, батюшка, все на балах разные антраша выкидывал, да какие-нибудь труфели жевал под сахаром; а теперь — спустил денежки, да и востришь зубы на Лизанькино приданое? Нет, батюшка, тпрру!!.. Пусть-ка прежде каждый из вас скажет: какие у него есть средства, чтобы составить ее счастье? (Гладит моську.) — А без этого не видать вам Лизаньки, как своей поясницы.

М и л о в и д о в (в сторону). Вишь, баба! Вишь, какая баба!

Л и б е н т а л ь (к моське). Усиньки, усиньки, тю, тю, тю...

М и л о в и д о в (к Чупурлиной). Средства будут!

Ч у п у р л и н а. Какие, мой батюшка?

М и л о в и д о в. А приданое-то? Как получу его, так будут и средства! И чем больше приданое, тем больше средства!

Ч у п у р л и н а. Ну, вот! я так и знала. Фанфарон, просто фанфарон; что его слушать! (К Кутиле-Завалдайскому.) Ну, а ты, батюшка?

Л и б е н т а л ь (к Чупурлиной). Маменька, позвольте: кажется, моська заступила за ленточку левою ножкой? клянусь вам!

Ч у п у р л и н а. Спасибо, батюшка... (Снова обращается к Кутило-Завалдайскому.) Ну, а ты, Мартын Мартынович?

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й. Сударыня, позвольте вас уверить, что, вступив в брак с Лизаветой Платоновной, я всегда буду соблюдать пристойность...

Ч у п у р л и н а. Нет, я не о том... Какие у тебя надежды? Есть ли у тебя фабрика?

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й. Нет-с, фабрики не имею.

Ч у п у р л и н а. Ну, так как же?

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й. У меня, сударыня, более нравственный капитал! Вы на это не смотрите, что мое такое имя: Кутило-Завалдайский. Иной подумает и бог знает что; а я совсем не то! Это мой батюшка был такой и вот дядя есть еще; а я нет! Я человек целомудренный и стыдливый *. Меня даже хотели сделать брантмейстером **.

Ч у п у р л и н а. Фу, ты, фанфарон! право, фанфарон! фанфарон, фанфарон да и только!.. (Обращается к кн. Батог-Батыеву). Авось ты, батюшка, посолиднее. Посмотрим, чем ты составишь счастье Лизаньки?

К н. Б а т о г - Б ы т ы е в. Большею частью мылом! (Вынимает из кармана куски мыла.) У меня здесь для всех (раздает). Вам, сударыня, для рук; а этим господам бритвенное. (К Миловидову.) Вам, кроме бритвенного, особенный кусок — для рук.

М и л о в и д о в (принимает с благодарностью, но смотрит на свои руки пристально). Благодарю!

Ч у п у р л и н а. Благодарствуйте, князь. (Обращается к Разорваки.) Ну, тебя, Фемистокл Мильтиадович, я не спрашиваю. Ведь ты не в самом же деле вздумал жениться на Лизаньке! Где тебе!

Р а з о р в а к и. Нет-с, я не шучу. Серьезно прошу руки Лизаветы Платоновны! Я происхождения восточного, человек южный; у меня есть страсти!

Ч у п у р л и н а. Неужто?.. Но какие же у тебя средства?

Р а з о р в а к и. Сударыня, Аграфена Панкратьевна! Я человек южный, положительный. У меня нет несбыточных мечтаний. Мои средства ближе к действительности... Я полагаю: занять капитал... в 300 тысяч рублей серебром... и сделать одно из двух: или пустить в рост, или... основать мозольную лечебницу... на большой ноге!

Ч у п у р л и н а. Мозольную лечебницу?

Р а з о р в а к и. На большой ноге!

Ч у п у р л и н а. Что ж это? На какие ж это деньги?.. Нешто на Лизанькино приданое?

Р а з о р в а к и. Я сказал: занять капитал в 300 тысяч рублей серебром!

Ч у п у р л и н а. Да у кого же занять, батюшка?

* Здесь цензор вычеркнул слово «целомудренный» и написал: «нравственный».

** Эти слова: «Меня даже хотели сделать брантмейстером» вычеркнуты цензором. —

Примечания К. Пруtkова.

Р а з о р в а к и. Подумайте: 300 тысяч рублей серебром! Это миллион на ассигнации!

Ч у п у р л и н а. Да кто тебе их даст? Ведь это, выходит, ты говоришь пустяки?

Р а з о р в а к и. Миллион 50 тысяч на ассигнации!

Ч у п у р л и н а. Пустяки, пустяки; и слышать не хочу! Г-н Беспардонный, вы что?

Б е с п а р д о н н ы й (*встрепенувшись*). Сударыня... извините... я надеюсь... не щадя живота своего... не щадя живота своего *... Для Лизаветы Платоновны... до последней капли крови!..

Л и б е н т а л ь (*перебивая*). Маменька, послушайте, лучшее средство есть: трудолюбие, почтение к старшим и бережливость! Почтение к старшим, трудолюбие... (*Нагибается к моське*).

Ч у п у р л и н а. Что ты, батюшка, на ней увидел?

Л и б е н т а л ь. Маменька, ушко завернулось у Фантазии

Ч у п у р л и н а (*полугромко*). В этом молодом человеке есть прок.

Л и б е н т а л ь (*продолжает ласкать моську*). Усиньки, тю, тю, тю, фить, фить!..

Ч у п у р л и н а (*по-прежнему*). Он хорошо изъясняется.

Л и б е н т а л ь (*к моське*). Фить, фить, фить, тю, тю, тю!..

Ч у п у р л и н а (*Либенталю*). Спасибо тебе за то, что ты такой внимательный.

М и л о в и д о в. Ну, что же, матушка; довольно наговорились про всякий вздор!.. Пора, братец, сказать: кто из нас лучше?

Ч у п у р л и н а. Тише, тише, мой батюшка!.. Вишь, как опять приступает! Так и видно, что целый век играл на гитаре.

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (*в сторону*). Миловидов действует неприлично.

М и л о в и д о в. Да пора же кончить!

Р а з о р в а к и. Миллион 50 тысяч на ассигнации!

Ч у п у р л и н а. Да, нечего говорить: всех-то вас толковее Адам Карлыч.

Р а з о р в а к и (*берет Чупурлину в сторону*). Сударыня, принимая в вас живейшее участие, я должен вам сказать, что однажды Адам Карлыч на Крестовском (*Шепчет ей на ухо*).

Ч у п у р л и н а. Как! Возможно ли?! Какие гадости!.. Адам Карлыч, Адам Карлыч!.. поди-ка сюда!.. Правда, что ты однажды на Крестовском (*Шепчет ему на ухо*).

Л и б е н т а л ь (*с ужасом*). Помилуйте, маменька; никогда на свете!

Ч у п у р л и н а. Ну, то-то, я так и думала!.. Видишь, Фемистокл Мильтиадович, это был не Адам Карлыч. Это кто-нибудь другой.

Р а з о р в а к и (*ей*). Действительно, это, кажется, был Миловидов.

Ч у п у р л и н а (*к Либенталю*). Ну, Адам Карлыч, коли ты понравишься Лизаньке, то бери ее, и дело с концом. Поди, объяснись с ней. Она здесь

* Цензор изменил: вместо славянского «живота своего» поставил «жизни своей». Однако ведь о «животе» говорят не только в молитвах, но даже тогда, когда «кладут его на алтарь отечества». Почему же неприлично говорить о нем в театре? — *Примечание К. Пруtkова.*

где-то в саду. Прощайте, родимые, Спасибо вам за честь. (*Особо к кн. Батог-Батыеву*). Прощайте, князь; благодарствуйте за мыло.

Женихи уходят. Ч у п у р л и н а останавливает Р а з о р в а к и.

Ч у п у р л и н а. Ты, батюшка, погоди немного. Я не совсем поняла, что ты мне сказал насчет мозольной фабрики?

Р а з о р в а к и. Мозольной лечебницы!

Ч у п у р л и н а. Да, бишь, лечебницы!.. Как же это ты полагаешь?

Р а з о р в а к и. Очень просто!.. Во-1-х, я занимаю капитал в 300 тысяч рублей серебром... (*Уходят, разговаривая.*)

Явление III

Л и б е н т а л ь, потом Л и з а в е т а.

Л и б е н т а л ь скачет несколько времени, молча, на одной ноге.

Л и б е н т а л ь. Ах, вот она!.. вот она!.. идет и несет цветы!.. Начну! Л и з а в е т а П л а т о н о в н а проходит с цветами, не замечая Л и б е н т а л я.

Л и б е н т а л ь. Лизавета Платоновна!.. Я говорю: Лизавета Платоновна!

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а. Ах, здравствуйте, Адам Карлыч.

Л и б е н т а л ь. Лизавета Платоновна, где вы покупаете ваши косметики?

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а. Какие это?

Л и б е н т а л ь. Под этим словом я разумею: духи, помаду, мыло, оде-лаван и бергамотовое масло.

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а. В гостином дворе, выключая казанское мыло, которое с некоторых пор поставляет мне большею частью князь Батог-Батыев. Но зачем вы это спрашиваете?

Л и б е н т а л ь (*подойдя к ней близко*). Затем, что от вас гораздо приятнее пахнет, нежели от этих самых цветов! (*В сторону*). Она засмеялась!.. (*Ей.*) Лизавета Платоновна! я сейчас объяснил дражайшей Аграфене Панкратьевне цель моей жизни и средства моего существования... Я обнажил перед ней — клянусь вам! — всю душу мою и все изгибы моего чувствительного и стремящегося к неизвестному предмету сердца... Я ей сказал о себе и упомянул о вас... Она выгнала всех вон... а мне приказала идти к вам... Я иду... вы сами идете!.. Без сомнения, несравненная Лизавета Платоновна, я не смею даже думать об этом; но Аграфена Панкратьевна мне приказала...

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а. Но что же такое, Адам Карлыч?

Л и б е н т а л ь. О! я обязан исполнить приказание этой преклонной особы! И потому, собравшись с духом, говорю (*падает на колени*): Лизавета Платоновна! реши, душка, судьбу мою: или восхитительным ответом, или ударом!.. (*Поет, не вставая с колен, на голос: «d'un pensiero», из «Сомнамбулы»*):⁵³

«Елизавета, мой друг!

Сладкий и странный недуг

Переполняет мой дух!

О тебе все твердит
И к тебе все манит!
Е...»

Л а к е й *(вбегая)*. М-с!.. м-с!.. Фантазия!.. Фантазия!.. — Барышня, не видали барыниной моськи?

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а. Не видала.

Л и б е н т а л ь *(вставая с колен)*. И я не видал.

Л а к е й *(уходя)*. Фантазия!.. Фантазия!.. *(Уходит)*.

Л и б е н т а л ь. Я продолжаю. *(Становится снова на колени и поет.)*

«Елизавета, мой друг!
Ну, порази же мой слух,
Будто нечаянно, вдруг,
Словом приятным — супруг!»

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а *(тоже поет, продолжая мотив)*.

«Ах, нет, нет...»

Г о р н и ч н а я *(вбегая)*. Фантазия!.. Фантазия!.. Барышня, барыниной моськи не видали?

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а. Не видала.

Л и б е н т а л ь *(вставая с колен)*. И я не видал.

Г о р н и ч н а я — *уходя*. Фантазия!.. Фантазия!.. *(Уходит.)*

Л и б е н т а л ь. Вы, кажется, начали отнекиваться, Елизавета Платоновна?

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а Да, я хотела сказать вам *(поет)*:

Ах, нет, нет!.. я боюсь,
Ни за что не решусь!
Я от страха трясусь!..

Л и б е н т а л ь *(поет в сторону)*.

Ах, какой она трус!

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а

Я боюсь, *(bis)*

Я страшусь, *(bis)*

Не решусь! *(bis)*

Л и б е н т а л ь *(поет в сторону)*.

Ах, какой она трус!

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а

Я боюсь,

Я страшусь!..

О б а в м е с т е

Она трус! *(ter)* Не решусь! *(ter)*

Л и б е н т а л ь — *опять падая на колени, начинает петь.*

Е...

А к у л и н а *(вбегая)*. Хвантазия!.. Хвантазия!.. Барышня, ведь у барыни моська пропала! Вы не видали?

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а. Нет, не видала.

Л и б е н т а л ь *(вставая с колен)*. И я не видал.

Акулина. Что ты будешь делать?! Барыня изволит плакать, изволит сердиться, из себя выходит; изволит орать во всю глотку*: «дайте мне мою моську! где моя Хвантазия!»—(Уходя, кричит): Хвантазия!.. А, Хвантазия!.. (Уходит.)

Либенталь (опять становясь на колени) Я продолжаю (поет):

«Елизавета, мой друг!
Твой неприличный испуг
Напоминает старух!
«Между тем как любовь
«Все волнует мне кровь!
Е...»

Повар (вбегает, в колпаке, с засученными рукавами, с кастрюлей в одной руке и с пучком репы в другой). Конефузия!.. Конефузия!.. Барышня, Конефузия не с вами?

Либенталь (вставая с колен). Ах, пошел вон!.. Прервал на решительном месте!

Повар. Да чем же я виноват, что меня послали собаку искать?

Лизавета Платоновна. Я не видала.

Либенталь. И я не видал.

Повар (уходя). Конефузия!.. Конефузия!.. (Уходит.)

Либенталь (поет, стоя).

«Елизавета, мой друг!
Ну, порази же мой слух,
Будто нечаянно, вдруг,
Словом приятным —

Лизавета Платоновна (робко).

Супруг!»

Либенталь (падает на колени). Небесная Лизавета! (Целует ее руку.) Эфирное создание!..

Явление IV

Те же и вся дворня; а затем Чупурлина. Лакеи, горничная, казачок, Акулина, повари и кучер (вбегают с разных сторон, крича):

Фантазия!.. Конефузия!.. Хвантазия!..

Лизавета Платоновна и Либенталь, не замечая никого, смотрят друг другу в глаза с любовью и нежностью. Через несколько времени вбегает Чупурлина и кричит громче всех.

Чупурлина. Фантазия!.. Фантазия!.. не нашли?! Дайте мне мою собачку, собачонку, собаченочку!.. (Наталкивается на повара.) Собака!..

* Цензор вычеркнул: «глотку» и написал: «горло». — Примечание К. Пруткова.

Не видишь, куда бежишь? Да что это вы все толчетесь на одном месте? а?!
В разные стороны бегите! и непременно отыщите мне мою собачку!
В с я п р и с л у г а (*расходясь во все стороны, кричит в один голос*):
Фантазия!.. Фантазия!..

Явление V

Ч у п у р л и н а, Л и з а в е т а и Л и б е н т а л ь
Л и з а в е т а П л а т о н о в н а и Л и б е н т а л ь (*подходят с обеих сторон к Чупурлиной и робко говорят вместе*). Маменька!.. маменька!

Ч у п у р л и н а. Что вам надобно?! Чего вы хотите от меня?!

Л и б е н т а л ь. Они согласны.

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а (*Чупурлиной*). Если вы согласны, я согласна.

Ч у п у р л и н а. Как?! Все люди ищут мою собаку и, как угорелые кошки, бегают по разным направлениям, — а вы?!.. Что вы здесь делали?!.. (*К Лизавете Платоновне.*) Вот твоя благодарность ко мне за все мои попечения!.. Негодная!.. Выбрала время говорить мне про разные гадости *, когда я не в духе, когда я плачу, терзаюсь... (*Плачет.*) Боже мой, до чего я дожила!.. На старости лет не иметь и Фантазии!.. Какое горестное, какое ужасное положение!.. (*Обращается к ним обоим.*) Вон!..

Явление VI

Т е ж е и п р о ч и е ж е н и х и

Б е с п а р д о н н ы й, М и л о в и д о в, к н я з ь Б а т о г - Б а т ы е в и К у т и л о - З а в а л д а й с к и й и Р а з о р в а к и вбегают поспешно.

Б е с п а р д о н н ы й (*с беспокойством*). С кем случилось?!

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й. Кого постигло?

К н. Б а т о г - Б а т ы е в. Отчего этот шум?

М и л о в и д о в. С чего такая возня?!

Р а з о р в а к и. Какое бедствие?

Ч у п у р л и н а. Вам что нужно?! Зачем пришли?! Что вы здесь забыли?!

Б е с п а р д о н н ы й. Мы слышали крик.

К н. Б а т о г - Б а т ы е в. Беготню!

М и л о в и д о в. Визготню!

Р а з о р в а к и. Суетню!

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й. Темные рассуждения о фантазии.

Ч у п у р л и н а. Это моя собака — Фантазия, и вовсе не темная, а светло-желтая!.. Она пропала, она убежала, ее похитили!

Л и б е н т а л ь. Аграфена Панкратьевна! да я сию же минуту брошусь искать вашу Фантазию!.. Могу вас уверить! Я употреблю все мои силы, характер и способности, чтоб отыскать вашу моську! Клянусь вам!.. (*Обра-*

* Цензор заменил слово «гадости» словом: «глупости». — Примечание К. Пруткова.

щается к Лизавете Платоновне.) До свиданья, Лизавета Платоновна! (Убегает).

Ч у п у р л и н а (кричит ему вслед). И знай же наперед, Адам ты этаким! что пока не сыщешь Фантазии, не получишь ее руки!.. (Обращается ко всем женихам). Кто принесет мне мою Фантазию, тот в награду получит и приданое, и Лизавету! Слышите? — Я в своем слове тверда. (К Лизавете Платоновне.) Пошла вперед!.. Да ну же, поворачивайся! (Уходят обе в дом).

Явление VII *

В с е ж е н и х и, кроме Л и б е н т а л я.

Кн. Б а т о г - Б а т ы е в. Какое страшное событие!

М и л о в и д о в. Просто, черт знает что!

Р а з о р в а к и. Неслыханные обстоятельства!

Б е с п а р д о н н ы й (сам с собою). Как иногда судьба!.. Кто знает?.. Может быть теперь именно мне?!.. Лизавета Платоновна!.. Боже, если б это было возможно!

М и л о в и д о в. Что ж думать? Пойдем искать моську.

Кн. Б а т о г - Б а т ы е в. Искать моську... Легко сказать! А где ее найти? Разве объявить в полиции? Ну, да бог знает, найдут ли?

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (в сторону). Он сомневается в полиции!

Р а з о р в а к и. А если и найдет какой-нибудь городской, то Аграфена Панкратьевна тут же за него и выдаст воспитанницу!

В с е (с испугом). Нет, нет!.. нельзя объявлять!..

Р а з о р в а к и (сам с собою). Счастливая мысль!

Кн. Б а т о г - Б а т ы е в (тоже). Ура, придумал!

Б е с п а р д о н н ы й (тоже). Кажется, как будто придумал?

М и л о в и д о в (тоже). Обдумал!

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (в сторону). Что бы могли придумать такие развратники? Заранее краснею! (Старается подслушивать.)

Р а з о р в а к и (сам с собою). Положим моськи не найдется... Я для Аграфены Панкратьевны достану другую собаку, гораздо лучше. Мне известен один пудель... Человек служащий... То есть, господин этого пуделя служащий человек, чиновник серьезный **, мой искренний друг; он на все согласится... Я ему обрею... На что ему? Он пустяками не занимается; с подчиненными такой строгий... *** Оставлю только два бакенбарда, в виде полумесяцев...

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (в сторону). Вот оно, вот оно!.. Заслуженному чиновнику, может быть, отцу семейства: «оставлю только два бакенбарда»!

Кн. Б а т о г - Б а т ы е в (сам с собою вполголоса). У моей старой тетки, девицы Непрочной ****, есть собачонка не больше этой; называется: Утеши-

* Это явление здесь немного сокращено противу рукописи.

** Цензор вычеркнул слова: «чиновник серьезный».

*** Цензор вычеркнул слова: «с подчиненными такой строгий».

**** Вычеркнув слова: «У моей старой тетки, девицы Непрочной», цензор написал: «У моей тетки, старой девицы». — Примечания К. Пруtkова.

тельный. Его бы взять как-нибудь, да и принести Аграфене Панкратьевне!

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (в сторону). Это, выходит, он хочет обокрасть свою родную тетку?

Б е с п а р д о н н ы й (сам с собою вполголоса). Если не найду Фантазии, — я думаю, можно... Я видел одну моську: чрезвычайно похожа на Фантазию!.. Просили очень дорого!.. Но у меня есть порядочная бритвенница, и еще есть портрет одного знаменитого незнакомца: очень похож... * Все это, все это... продам... для Лизаветы Платоновны!..

М и л о в и д о в (сам с собою). Я не стану таскаться по улицам, за всякой дрянью.. Пойду, поймаю, что попадется, да и принесу старухе.

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (сам с собою). Почему бы и мне не попробовать? В этом нет ничего предосудительного.

Р а з о р в а к и (отводит Миловидова особо). Знаете что? Чем нам понапрасну искать, так лучше... (Шепчет ему на ухо.)

М и л о в и д о в. Оно бы не дурно! Я даже знаю одну няньку, от которой можно достать... Только, боюсь, заметят!

Р а з о р в а к и. Никто не заметит, решительно никто не заметит! Я готов присягнуть... К тому же я вас поддержу. Уж положитесь на меня.

М и л о в и д о в. Благодарю. Можно попробовать. Только поддержите!

Р а з о р в а к и. Уж положитесь на меня! (Подходит к остальным.)

В с е (поют, хором, на голос: «citto, citto, piano, piano»⁵⁴; а потом каждый поет свою партию).

Тише, тише, осторожно
Мы отселе побредем;
Если что найти возможно,
Всеконечно мы найдем!

Р а з о р в а к и (в сторону).

Совершенно я обрею
Эти пуделю места.

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (тоже).

Я заранее краснею:
Будет всюду нагота!

Кн. Б а т о г - Б а т ы е в (в сторону).

К тетке сбегаю нарочно **,
Буду тетку целовать;
Лишь бы только от Непрочной ***
Утешительного взять!

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (тоже).

Я попробую: авось-ка
Ей понравится моя?

* Слова «очень похож» — цензор вычеркнул.

** Цензор вычеркнул слово «нарочно» и написал: «скорей».

*** Цензор вычеркнул слова «от Непрочной» и написал сначала «У ней», а потом «поверней». — Примечания К. Пруtkова.

Б е с п а р д о н н ы й *(тоже)*.

Небо! дай чтобы та моська
Походила на ея!

М и л о в и д о в *(к Разорваки)*.

Опасаясь я немного,
Чтобы, с помощью огня,
Не заметили подлога.

Р а з о р в а к и *(Миловидову)*.

Положитесь на меня!

В с е *(хором, уходя со сцены и постепенно удаляясь)*.

Тише, тише, осторожно
Мы отселе побредем;
Если что найти возможно,
Всеконечно мы найдем!
Всеконечно мы найдем!

Маленький антракт

Сцена несколько времени пуста. Набегают тучи. Темнеет. Гроза. Дождь, ветер, молния и гром. Оркестр играет ту же симфонию, как в «Севильском цирюльнике»⁵⁵ в подобном же случае. Через сцену пробегает моська. Несколько секунд спустя пробегает незнакомый бульдог, тщательно обнюхивая ее следы. Буря утихает. Полумрак продолжается.

Явление VIII

Входят один за другим: Р а з о р в а к и, Б е с п а р д о н н ы й, кн. Б а т о г - Б а т ы е в, М и л о в и д о в, К у т и л о - З а в а л д а й с к и й. Они завернуты в плащи, с надвинутыми шляпами, и не видят друг друга.

Р а з о р в а к и *(таинственно)*. Здесь кто-то есть!

Б е с п а р д о н н ы й *(тоже)*. Кто здесь?

М и л о в и д о в *(тоже)*. Я!..

Кн. Б а т о г - Б а т ы е в *(тоже)*. Они здесь!

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й *(тоже)*. Мы здесь!

Б е с п а р д о н н ы й *(тоже)*. С моськой?

М и л о в и д о в *(тоже)*. Без моськи!

Кн. Б а т о г - Б а т ы е в *(таинственно)*. Без моськи!

Р а з о р в а к и *(тоже)*. Без моськи!

Б е с п а р д о н н ы й *(в сторону)*. Благодарю тебя, природа: они без мосек!

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й *(тоже)*. Они без мосек!

М и л о в и д о в *(громко)*. Господа! чего секретничать?! Моськи не нашли, так уж, верно, что-нибудь другое принесли?

В с е *(таинственно и поочередно)* Принес!.. Принес!.. Принес!.. Принес!..

Р а з о р в а к и *(ко всем)*. Покажем при Аграфене Панкратьевне.

Б е с п а р д о н н ы й. Меня беспокоит одна мысль. Вот это какая мысль!.. Как бы это выразить точнее? Мы все... без Фантазии; ну, а если Адам Карлыч с Фантазией?

К н. Б а т о г-Б а т ы е в. Да, оно немножко страшно. Он человек бойкий; пожалуй, найдет!

К у т и л о-З а в а л д а й с к и й. Да, он человек воткакой! (*Свистит.*)

М и л о в и д о в. Дряннь! А все-таки страшно!

Р а з о р в а к и. Ничуть не страшно. Главное — не унывать. Чем он страшнее нас? Вы думаете, потому что он вот этак вертит, так уж и бог знает что? Вздор, вздор! Он такой же человек, как и мы. Я его давно знаю. Могу совершенно описать его характер — слушайте (*поет*):

Либенталь не спесив,
Аккуратен, учтив,
Точен;
Но охотник солгать,
Да и любит болтать
Очень.

Х о р (*повторяет*).

Очень!

Р а з о р в а к и

Он молчать не привык,
И свой держит язык
Слабо.
Скоро так говорит,
Как на рынке пищит
Баба.

Х о р (*повторяет*).

Баба!

Р а з о р в а к и

Судит он, в простоте,
О своей красоте
Гордо!
И вполне убежден,
Что пред ним Аполлон
Морда!

Х о р (*повторяет*).

Морда!

Р а з о р в а к и

Он искусен во всем
И ему нипочем
Полька;
А до дела дойдет,
Лишь коленки согнет,
Только!

Хор (*повторяет*).
Только!

Явление IX

Т е ж е и вся дворня, входящая, с разных сторон, с фонарями. Сцена освещается от огня этих фонарей.

Д в о р н я (*каждый спрашивает другого*). Нашел Фантазию? Нашел Хвантазию? Где Конефузия? Не нашел Фантазии! Хвантазии не видал! Конефузии нет!

Увидя женихов, вся дворня отходит на задний план сцены, где останавливается и остаетя там все время, освещая сцену фонарями.

Р а з о р в а к и (*к остальным женихам*). Слышите, господа? Фантазии не нашли! Стало быть, мы можем надеяться! Победа за нами!..

В с е ж е н и х и. Победа! победа! Моськи не нашли!.. (*Поют хором, на голос: «La trompette guerrière»*):

Триумф, триумф, триумф, триумф!..

Гоп, гоп, гоп, ай, люли!..

Собаки, собаки, собаки не нашли!

Собаки, собаки, собаки не нашли!

Не нашли!

Не нашли!

Не нашли, не нашли, не нашли, не нашли...

Ай, люли!

Явление X

Т е ж е и Чупурлина с Лизаветой, выбегающие из крыльца дома.

Ч у п у р л и н а. Что это? что это? Нашли Фантазию? Где она? Где она?

М и л о в и д о в. Не нашли моськи!

Ч у п у р л и н а. Ах, варвары!

Р а з о р в а к и. Кое-что принес получше моськи.

Ч у п у р л и н а. Лучше Фантазии? Варвары!

Кн. Б а т о г-Б а т ы е в. Будет гораздо приятнее.

Ч у п у р л и н а. Какую-нибудь дрянть?

Кн. Б а т о г-Б а т ы е в (*в сторону*). Она не знает, что говорит, и легкомысленно порочит Утешительного.

Б е с п а р д о н н ы й. Право, будет почти так же хорошо.

М и л о в и д о в. Будет почище!

Ч у п у р л и н а (*к Разорваки*). Покажи, батюшка, что у тебя?

Р а з о р в а к и (*скидывая с себя шинель, показывает пуделя*). Вот что!

Ч у п у р л и н а. Что это, батюшка?! скорее на барана похоже!.. Ну, видано ли, слыхано ли, чтобы этакое могло стоять Фантазии?! Фу! Право, сказала бы неприличное слово, да в пятницу* как-то совестно!.. А как его зовут, батюшка?

Р а з о р в а к и. Космополит, сударыня!

Ч у п у р л и н а. Чем палит?

* Цензор вычеркнул слово: «в пятницу». — Примечание К. Пруткова.

Р а з о р в а к и. Ничем; просто: Космополит.

Ч у п у р л и н а. А штуки делает?

Р а з о р в а к и. Делает разные штуки. Хотите, сударыня, он вам вскочит на шею и стащит с вас чепчик?

Ч у п у р л и н а. Нет, не хочу. Вот, выдумал что! На какую пакость вышколил своего... Как, бишь, его?

Р а з о р в а к и. Космополит, сударыня!

Ч у п у р л и н а. Своего... пуделя! (*Обращается к кн. Батог-Батыеву.*) Ну, а у тебя что?

Кн. Б а т о г-Б а т ы е в (*скидывая с себя шинель, показывает весьма маленькую собачонку*). А у меня вот что! Известный Утешительный, принадлежащий родной моей тетушке, девице Непрочной.*

Ч у п у р л и н а. Постой, батюшка: дай очки одеть... Экой мелкий!.. Как зовут?

Кн. Б а т о г-Б а т ы е в. Утешительный.

Ч у п у р л и н а **. А какой породы?

Кн. Б а т о г-Б а т ы е в. Мужеской, сударыня.

Ч у п у р л и н а. Штуки делает?

Кн. Б а т о г-Б а т ы е в. Бывает-с... Большею частью на креслах***.

Ч у п у р л и н а. Немножко маловат. Вот хоть бы настолько был побольше... (*Обращается к Кутило-Завалдайскому.*) Ну, а у тебя что?

К у т и л о-З а в а л д а й с к и й (*скидывая с себя шинель, показывает датскую собаку с намордником*). Самая чистейшая моська!

Ч у п у р л и н а. Что это за урод?! Да как ты смел с этим приступить ко мне?! Разве бывают такие моськи?

К у т и л о-З а в а л д а й с к и й. Сударыня, смею вас уверить, что это самая наичистейшая моська! Вам, может быть, странно, что она такая большая? Но на это я вам доложу, что между моськами бывают большие и маленькие, как между людьми. Вот, например, князь Батог-Батыев мал; а г-н Миловидов и г-н Разорваки велики; между тем они все трое люди; так точно и моськи!

Ч у п у р л и н а. Дичь, дичь! — ты говоришь дичь, батюшка!.. Князь и Миловидов совсем другое! А как зовут твою уродину?

К у т и л о-З а в а л д а й с к и й. Фифи, сударыня.

Ч у п у р л и н а. Штуки делает?

К у т и л о-З а в а л д а й с к и й. В 5 минут съедает 10 фунтов говядины, давит волков, снимает шляпы и поливает цветы****.

Ч у п у р л и н а. Дичь, дичь!.. На что мне этакая собака? У меня есть садовник^{5*}. (*Обращается к Миловидову.*) Ну, а ты, батюшка?

* Слова: «девице Непрочной» вычеркнуты цензором.

** Этого вопроса Чупурлиной и ответа на него кн. Батог-Батыева не оказывается в театральной рукописи.

*** Слов: «Большею частию на креслах» недостает в театральной рукописи.

**** Цензор вычеркнул слова: «поливает цветы».

^{5*} Слова: «у меня есть садовник» — тоже вычеркнуты цензором. — *Примечания К. Пруткова.*

М и л о в и д о в (*скидывает с себя шинель и показывает большую игрушечную собаку, в шерсти, с механикой*). Вот мое! Смотрите только издали!

В с е. Что это?! что это?!

Ч у п у р л и н а. Что это? Никак игрушка?

М и л о в и д о в. Подберите фалды!.. Смотрите издали!..

Ч у п у р л и н а. Что ты, с ума сошел?

М и л о в и д о в. Говорю вам: подберите фалды!.. Он зол до чрезвычайности!

Ч у п у р л и н а. Фуй, какие гадости!..* Фуй!.. Игрушка!..

М и л о в и д о в. Нет, не игрушка, а моська!.. И имя не игрушечье, а собачье: называется Венер!

Ч у п у р л и н а. Ах ты, бесстыдник!** Да как у тебя язык поворотился говорить этакое!***

М и л о в и д о в. Что?! Небось на попятный двор! Как получила моську, так Лизаветы жаль стало?! Нет, брат, атанде! Вот тебе Фантазия, давай Лизавету! (*Потихоньку к Разорваки*.) Да ну же, поддерживайте!

Р а з о р в а к и (*громко*). Игрушка! просто игрушка!

В с е (*кроме Миловидова*). Просто игрушка!.. Какая Фантазия!.. Какая Фантазия!.. Просто игрушка!

М и л о в и д о в. Ну, положим, игрушка! Эка беда!.. Разве я какой взяточник, чтоб на живых собак деньги тратить?.. (*Отводит Разорваки в сторону*.) А ведь это подло!.. вы же присоветовали!

Ч у п у р л и н а. Прочь, прочь!.. (*К Беспардонному*.) Ну, батюшка, вы что?

Б е с п а р д о н н ы й (*молча, из-под шинели показывает ей моську*).

Ч у п у р л и н а. Ах, боже мой!.. Да это уж не она ли?! Она!... Она!.. Фантазия!

Б е с п а р д о н н ы й. Нет, не она... но... (*С чувством подавая ей моську*.) Аграфена Панкратьевна!

Ч у п у р л и н а. Не она?!.. Врешь!.. Да как же она похожа на нее!.. две капли воды моя Фантазия!.. Благодетель мой, — ты согласен мне отдать ее?

Б е с п а р д о н н ы й (*дрожа*). С у... с у... с удовольствием! (*Отдает ей моську*.)

Ч у п у р л и н а. Родной ты мой! (*Целует моську и плачет*.) Так вот же, возьми: вот тебе Лизанька моя!

Б е с п а р д о н н ы й (*задыхаясь от радости*). Что... что... что... что я слышу?

Ч у п у р л и н а. Ты, верно, дружок, на ухо туг. (*Кричит ему на ухо*). Говорю: ты подарил мне собаку, а я дарю тебе Лизаньку, с приданым!

Б е с п а р д о н н ы й. Аграфена... Лизавета... Агра... Агравета!.. Лизафена!..

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а. Маменька!.. вы шутите?

* Цензор вычеркнул слово «гадости», написал: «глупости».

** Слова: «Ах ты, бесстыдник» — вычеркнуты цензором.

*** Вместо слова «этакое» цензор написал: «этаким вздор». — *Примечания К. Пруткова.*

Ч у п у р л и н а. Я шучу? С чего ты это взяла?! Что ты ослепла, что ли?! Али в рассудке помешалась?.. Ты видишь это, или нет? (*Показывает ей моську.*) Взявши собаку, мой первый и священный долг* — отдать тебя.

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а. Маменька, это безрассудно!..

Ч у п у р л и н а. Ты еще ругаешься?!..

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а (*становясь перед нею на колени*). Маменька!..

Б е с п а р д о н н ы й (*подходит к Лизавете Платоновне и тоже становится возле нее на колени*) Лизавета Платоновна!..

Ч у п у р л и н а (*к Лизавете Платоновне*). Оставь меня! (*Указывает ей на Беспардонного.*) Слушай, что он тебе говорит.

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а Б е с п а р д о н н ы й
(*говорят друг другу одновременно, стоя на коленях*)

Послушайте!.. все зависит от вас,— откажитесь от меня!.. Вы человек благородный!.. Я вас знаю!.. Откажитесь от меня!.. Умоляю, заклинаю вас!

Послушайте!.. все зависит от вас,— не отказывайтесь от меня!.. Вы добры, как ангел!.. Я вас знаю!.. Не отказывайтесь от меня!.. Умоляю, заклинаю вас!

Ч у п у р л и н а. Ну, перестань, Лизанька! Ты и меня растрогала... я сама плачу!

Становится сзади их на колени и плачет. Все прочие тоже преклоняют колени и вынимают носовые платки.

Ч у п у р л и н а (*благословляя Лизаньку и Беспардонного*).

Будьте счастливы... благословляю вас!.. (*Обращается к моське.*) Мосинька моя!.. Мосинька!

Явление XI

Т е ж е и Л и б е н т а л ь.

Л и б е н т а л ь (*за сценой кричит, приближаясь*). Нашел! Нашел! Нашел!

Все, оставаясь на коленях, перестают плакать и слушают внимательно.

Л и б е н т а л ь (*вбегают, держа моську обеими руками*). Нашел!.. Нашел!.. (*Падает, споткнувшись, встает, плюет на то место, где упал и затем выбегает на авансцену, показывая всем моську.*) Нашел!.. Нашел!

Общее изумление. Р а з о р в а к и, М и л о в и д о в, князь Б а т о г - Б а т ы е в и К у т и л о - З а в а л д а й с к и й встают и подходят к Л и б е н т а л ю с любопытством.

Л и б е н т а л ь. Аграфена Панкратьевна!.. Моська!.. Лизавета Платоновна!.. Моська!

Ч у п у р л и н а. Ах! (*Бросает моську Беспардонного и падает в обморок.*)

* Цензор вычеркнул слово: «священный». — Примечание К. Пруткова.

Л и з а в е т а П л а т о н о в н а. Ах! (*Падает в обморок рядом с Чупурлиной, но в другую сторону.*)

Б е с п а р д о н н ы й, испуганный, неподвижный, остается на коленях. Л и б е н т а л ь кладет Фантазию в объятия Ч у п у р л и н о й, а сам бросается к Л и з а в е т е П л а т о н о в н е, дабы привести ее в чувство.

Р а з о р в а к и (*к остальным*). Старуху-то и бросили совсем.

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (*показывая на людей, стоящих с фонарями*). Они все заняты... Человеколюбие требует, чтоб мы оказали ей помощь.

Р а з о р в а к и, М и л о в и д о в, кн. Б а т о г - Б а т ы е в и К у т и л о - З а в а л д а й с к и й подходят к фонтану, черпают воду в шляпы и фуражки и выливают ее на Ч у п у р л и н у.

Ч у п у р л и н а (*приподымаясь, но еще не вставая на ноги*). Кто это? Зачем я здесь?.. Отчего я мокра?.. Что со мною хотели сделать?..* (*Увидя моську в своих руках*.) Собачка моя! моська моя!.. Это не обман?!

Л и б е н т а л ь. Нет, это Фантазия.

Ч у п у р л и н а. Кто же принес?

Л и б е н т а л ь. Это я, маменька!

Ч у п у р л и н а (*вставая*). Ты прав, Адам! Я твоя мать.. а ты мой отец и благодетель! (*Показывает на Лизавету*.) Вот твоя жена!.. Дай бог, чтоб у вас были сыновья и дочери!.. Вставай, Лизанька! да ну же, вставай!.. Господа, помочите и ее! Что она так долго кобенится!**

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (*в сторону*). Я говорил, что эта старуха не по летам жестокого характера!

М и л о в и д о в, Р а з о р в а к и, кн. Б а т о г - Б а т ы е в и К у т и л о - З а в а л д а й с к и й черпают опять из фонтана воду и подходят с нею к Л и з а в е т е П л а т о н о в н е, чтобы вылить на нее.

Л и б е н т а л ь. Не надо!... не надо!.. Она опомнилась! она очнулась! (*Лизавета Платоновна встает; Либенталь ее поддерживают.*)

М и л о в и д о в, кн. Б а т о г - Б а т ы е в, Р а з о р в а к и и К у т и л о - З а в а л д а й с к и й выливают из своих шляп и фуражек воду на Б е с п а р д о н н о г о, который все это время стоял на коленях. Б е с п а р д о н н ы й вскакивает.

Ч у п у р л и н а (*Беспардонному*). Ну батюшка! твоя собачка только похожа на мою; а эта — моя настоящая, Фантазия! Прощай! Ты более не нужен ни мне, ни Лизе! Пошел вон! (*Обращается к Лизе и Либенталю*.) А вас, милые дети, я благословляю. Будьте счастливы и благополучны; размножайтесь и любите как себя взаимно, так и своих будущих многочисленных детей, — точно так же, как я люблю свою Фантазию. (*Целует моську*.) Теперь пойдем домой. (*Уходит с Либенталем и Лизой*.)

Р а з о р в а к и, М и л о в и д о в, Б е с п а р д о н н ы й, кн. Б а т о г - Б а т ы е в и К у т и л о - З а в а л д а й с к и й следуют за ними, гуськом.

* Цензор вычеркнул слова: «Что со мною хотели сделать?»

** Цензор вычеркнул слово: «кобенится» и вместо него написал: «церемонится». — *Примечания К. Пруtkова.*

Ч у п у р л и н а (оборачивается). А вам что нужно?

Р а з о р в а к и (ей). Не кричите!

Ч у п у р л и н а. Стыдись, старик!

М и л о в и д о в. Старуха, не школьничай!

К у т и л о-З а в а л д а й с к и й. Поправьте чепец!..

Кн. Б а т о г-Б а т ы е в. Не получишь более* мыла от меня ни вот столько!**

Б е с п а р д о н н ы й. Бог с вами!

Ч у п у р л и н а (обращаясь к прислуге, стоящей с фонарями). Эй, пошлите за полицией!.. Жандармов приведите сюда, побольше и посильнее!***
(Прислуга поспешно уходит.)

Р а з о р в а к и. Мы сами не намерены здесь оставаться.

М и л о в и д о в. Я только не хочу рук марать.

Кн. Б а т о г-Б а т ы е в. И старое-то мыло назад отыму!

К у т и л о-З а в а л д а й с к и й. Прикройте шею!

Б е с п а р д о н н ы й. Бог с вами, вы изменили мне!

Р а з о р в а к и (к прочим женихам). Провожая эту старуху, споемте ей, господа, куплеты, подобные тем, которыми давеча ее встречали; да только в обратном смысле.

В с е (кроме Б е с п а р д о н н о г о поют, хором, на тот же голос, как вначале. Р а з о р в а к и начинает).

Аграфена!

Нам измена

Не страшна; (bis)

Хоть и пред тобою

Не черней душою

Сатана!

Сатана!

Р а з о р в а к и .

Мы вас знаем!

К у т и л о-З а в а л д а й с к и й

Обижаем!

Кн. Б а т о г-Б а т ы е в

Презираем!

М и л о в и д о в

И пугаем!

К у т и л о-З а в а л д а й с к и й

И ругаем!

В с е (кроме Беспардонного, хором).

Каждый час!

Каждый час!

* Здесь цензор прибавил слова: «в подарок».

** А тут цензор вычеркнул слова: «ни вот столько».

*** Слова: «Жандармов приведите сюда побольше и посильнее» — цензор вычеркнул. —

Примечания К. Пруtkова.

Р а з о р в а к и.

Вы на нас кричите
И всех нас браните;

В с е (кроме Беспардонного, хором)

А вы вас!

А мы вас!

При последних словах Ч у п у р л и н а, Л и з а и Л и б е н т а л ь входят в дом, а Р а з о р в а к и, М и л о в и д о в, К у т и л о - З а в а л д а й с к и й и кн. Б а т о г - Б а т ы е в оканчивают куплеты без них, плюют вслед Ч у п у р л и н о й и сами уходят, как и Б е с п а р д о н н ы й, в противоположную сторону; но К у т и л о - З а в а л д а й с к и й остается, осторожно отойдя на задний план.

Явление XII

К у т и л о - З а в а л д а й с к и й (осматривается и, видя, что никого уже нет на сцене, подходит к рампе и обращается в оркестр). Господин контр-бас!.. Пст!.. пст!.. Господин контр-бас! одолжите афишку!— (Принимает афишку, поданную ему из оркестра). Весьма любопытно видеть: кто автор этой пьесы! (Смотрит в афишку.) Нет!.. Имени не выставлено!.. Это значит осторожность! Это значит совесть не чиста... А должен быть человек самый безнравственный! Я, право, не понимаю даже: как дирекция могла допустить такую пьесу?* — Это очевидная пасквиль!..** Я, по крайней мере, тем доволен, что, с своей стороны, не позволил себе никакой неприличности, несмотря на все старания автора! Уж чего мне суфлер ни подсказывал?.. То есть, если б я хоть раз повторил громко, что он мне говорил, все бы из театра вышли вон! Но я, на зло ему, говорил все противное! Он мне шепчет одно, а я говорю другое. И прочие актеры тоже совсем другое говорили; от этого и пьеса вышла немного лучше. А то нельзя было б играть! Такой, право, нехороший сюжет!.. Уж будто нельзя было выбрать другого!*** Например: что вот там один молодой человек любит одну девушку... их родители соглашаются на брак; и в то время, как молодые идут по коридору, из чулана выходит тень прабабушки и мимоходом их благословляет!— Или, вот, что намерении случилось после венгерской войны ****⁵⁶: что один офицер, будучи обручен с одною девицей, отправился с отрядом одного очень хорошего генерала, и был ранен пулею в нос. Потом пуля заросла; и когда кончилась война, он возвратился в Вышний-Волочок^{5*}, и обвенчался со своей невестой... Только уж ночью, когда они остались вдвоем, он, по известному обычаю, хотел подойти к ручке жены своей... неожиданно чихнул... пуля вылетела у него из носа и убила жену наповал!.. Вот это называется сюжет!.. Оно и нравствен-

* Цензор вычеркнул слова: «как дирекция могла допустить» и написал: «как можно было выбрать».

** Слова: «Это очевидная пасквиль» — вычеркнуты цензором.

*** Вместо слов: «выбрать другого» цензор написал: «придумать что-либо получше».

**** Слова: «после венгерской войны» — цензор вычеркнул.

^{5*} Название города: «Вышний-Волочок» — вычеркнуто цензором. — *Примечания К. Пруtkова.*

но, и назидательно, и есть драматический эффект! (*Занавес начинает спускаться.*)

Или там еще: что один золотопромышленник, будучи чрезвычайно строптивного характера... (*Занавес опустился. Кутило-Завалдайский, не замечая, остался впереди*)... поехал, в новый год, с поздравлением, вместо того, чтобы к одному, к другому...

Оркестр прерывает слова К у т и л а - З а в а л д а й с к о г о. Он конфузится, заметив, что занавес опущен; раскланивается с публикою и уходит.

ТОРЖЕСТВО ДОБРОДЕТЕЛИ

ДРАМА

*в четырех действиях
из французской современной жизни
соч. Антона и Агапия Прутковых*

ОТ ПОТОМКОВ КОЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА
В РЕДАКЦИЮ «СОВРЕМЕННОГО»

Редакция «Современника» всегда пользовалась благорасположением незабвенного родителя нашего, Козьмы Петровича Пруткова. Еще в 1850-х годах он избрал, с свойственною ему проницательностью, именно сию редакцию для оглашения свету славного своего имени и неподражаемых своих произведений. Скажем более: редакция «Современника» содействовала прославлению не только папеньки нашего, но и более отдаленных предков наших, как-то: деда — Петра Федотыча Пруткова, автора комедии «Черепослов, сиречь Френолог», и прадеда — отставного премьер-майора и кавалера Федота Кузьмича Пруткова, автора «Гисторических материалов». Ободренные таким вниманием к семейству Прутковых, мы, дети покойного Козьмы Петровича Пруткова, подражая во всем незабвенному родителю нашему, стремимся и по смерти его доказать свету, что талант творчества и глубокомыслие суть преемственные и наследственные дары в знаменитом роде Прутковых. Посему вследствие долгого и основательного суждения в семейном нашем совете мы порешили обратиться к «Современнику» с просьбою: не отказывать публике в удовольствии познакомиться и с собственными нашими, детей Козьмы Пруткова, произведениями. Большая часть наших творений оставалась до сего времени семейною нашею тайною; только одно из них, комедия «Любовь и Силин», напечатано в журнале «Развлечение», и одно — именно комедия «Фантазия» — было сыграно раз в Александринском театре в 185* году в бенефис г. Максимова. Теперь мы препровождаем для напечатания сию последнюю комедию («Фантазию») и драму в 4-х действиях «Торжество Добродетели». Само собою разумеется, что мы не все вместе писали эти драматические произведения, тем более, что нас, ближайших потомков Козьмы Петровича Пруткова, весьма много, — брак Козьмы Петровича был благословлен многочадием! Один из нас, соименник Кузьмы Петровича, Кузьма Кузьмич Прутков, пока еще остается неизвестным публике; но мы предупрежд-

даем, что в нем воскреснет талант нашего знаменитого родителя. До того времени пусть публика наслаждается произведениями его братьев, из коих Андроник есть творец комедии «Любовь и Силин», Антон и Агапий суть творцы комедии «Фантазия» и драмы «Торжество Добродетели». Обещаем и впредь откровенно и правильно, с родственною добросовестностью обозначать имя каждого из нас под принадлежащим ему произведением.

К сему считаем нужным присовокупить, собственно для гг. Геннади, Лонгинова, Галахова и других почтенных библиографов: хотя отец наш, Козьма Петрович Прутков, давно уже переселился в горния, но мы как люди современные и искренние дети — продолжаем пользоваться его советами, подвергать его рассмотрению все наши произведения и почтительно принимать все его замечания; для этого мы употребляем средства, указанные спиритами, т. е. сносимся с покойным нашим родителем посредством столов и тарелок. Таким способом, напр., получено нами примечание Козьмы Петровича к 4-му действию драмы «Торжество Добродетели». Мы считаем обязанностью своею предупредить об этом гг. Геннади, Галахова и Лонгинова, предвидя, что — без такого объяснения — они по обыкновению пришли бы к ложным догадкам и заключениям, которые неизбежно подали бы повод к весьма важным недоразумениям и даже — чего не дай бог! — к серьезной ссоре как между ними, так и между законными их потомками.

Примите и проч.

Подлинное подписано — шестью дочерями и семью сыновьями Кузьмы Петровича Пруткова. Скрепили — секретари семейного совета Прутковых, племянники Козьмы Петровича — Воскобойников и Шерстобитов.

11 октября 1864 г.

СПб.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

М и н и с т р п л о д о р о д и я.

Д е Л а г е р о н ь е р р, журналист и сановник.⁵⁷

Г ю г е л ь, его секретарь.

Б и е н и н т е н с и о н н е, полковник

П и н о, владелец москательных и благовонных товаров.

П о к у п а т е л и и п р и к а з ч и к и.

Действие в Париже, на квартирах действующих лиц.

ДЕЙСТВИЕ I

Сцена первая

(Кабинет де Лагероньерра. Д е Л а г е р о н ь е р р сидит за письменным столом. Г ю г е л ь перед ним в вицмундире, с портфелем под мышкой).

Д е Л а г е р о н ь е р р. Итак, любезный, кажется, дело мое идет хорошо... Министр плодородия получил обо мне — посредством полковника Биенинтенсионне — самое выгодное мнение... Недаром я задобрил полковника!.. Но теперь-то и пора мне действовать, чтобы получить место товарища

министра плодородия! Необходимо, мой любезный, узнать все его вкусы; надобно знать, что ему более всего нравится в человеке? И даже самую наружность свою должно сообразить с его взглядами на природу!.. Так слышишь ли, Гюгель, собери мне об этом надлежащие сведения.

Г ю г е л ь. Ваше превосходительство можете быть спокойны; мнения министра плодородия и по сему предмету мне основательно известны. Вам, ваше превосходительство, легко будет им понравиться. В товарище своем они прежде всего желают видеть здоровый цвет лица: «Человек, от которого пышет здоровьем,— так изволили выразиться министр,— не может иметь вредного образа мыслей; он здоров — значит он доволен»; «желтизна лица,— говорят они,— напротив, означает человека беспокойного, непокорного, на коего нельзя положиться; малейший прыщик на лбу,— так сказали его высокопревосходительство,— малейший прыщик на лбу,— говорят они,— вселяет в меня подозрение».

Д е Л а г е р о н ь е р р. Кажется, то же самое говорил Каюс-Юлиус Цезарь? ⁵⁸

Г ю г е л ь. Статься может, ваше превосходительство.

Д е Л а г е р о н ь е р р. Однако подай сюда зеркало... (*Глядится в оное*). Кажется, у меня немного лупится кожа?..

Г ю г е л ь. От усиленных трудов, ваше превосходительство.

Д е Л а г е р о н ь е р р. Разумеется! Но министр не примет и этого в уважение; он подумает, пожалуй, что я езжу на Среднюю рогатку! Надо этому помочь. Гюгель, съезди, братец, к Пино за косметикой; я сяду сегодня в ванну с отрубями, слышишь? Но это после, а теперь бери перо и пиши под диктовку. (*Встает и выходит за авансцену.*) Я напишу министру письмо, в котором затрону слабую его сторону! (*Ходит взад и вперед, погруженный в соображения. Гюгель сидит с пером и следит за ним глазами и головой.*) Пиши: «Ваше высокопревосходительство! Что есть лучшего? Бесспорно — здоровье человека. Здоровый цвет лица есть признак довольства. Напротив, желтый цвет означает человека непокорного начальству, беспокойного и вредного образа мыслей. Малейший прыщик на лбу вселяет в меня омерзение. Ведь так сказал министр!

Г ю г е л ь. Они сказали: подозрение.

Д е Л а г е р о н ь е р р. Ну, а я что говорю? Я и говорю: подозрение! Так и пиши

Г ю г е л ь (*пишет*). Подозрение...

Д е Л а г е р о н ь е р р. «Подозрение!.. Цели, к которым стремится ваше высокопревосходительство, обнимая собою всю будущность страны, так многосложны и обширны, что непростительно было бы малейшему сыну отечества не пещись, хотя слабыми силами своими, содействовать к осуществлению оных». Написал?

Г ю г е л ь. Оных...

Д е Л а г е р о н ь е р р. «Оных...» Точка, в другую строчку: «Примите, ваше высокопревосходительство, благосклонно сие краткое изложение образа мыслей, как усердное выражение благоговейного сочувствия к мудрым предначертаниям вашего высокопревосходительства. С совершенным почтением и пр.».

Г ю г е л ь (*пишет*). «Покорнейший слуга» изволите написать своеручно?

Д е Л а г е р о н ь е р р. Разумеется, братец, какой ты несообразительный!.. (*Подписывает*). Вложи в пакет и отправь. Да не забудь к Пино, а потом ванну с отрубями. Я еду развлекаться.

Г ю г е л ь. Сердце радуется, ваше превосходительство, когда изволите так говорить.

(*Де Лагероньерр уходит*).

С ц е н а в т о р а я

Г ю г е л ь (*подходит к авансцене*). Честолюбец ушел, но (*оглядывается*) не бывать ему товарищем! Это место принадлежит мне! Клянусь своим рангом, я сыграю ему такую <штуку>, что министр плодородия будет смотреть на него — с омерзением!.. (*Забирает бумаги и уходит*.)

ДЕЙСТВИЕ II

<С ц е н а п е р в а я>

(Кабинет министра плодородия).

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*один*). Многие думают, что я достиг высшей точки почестей и завидуют мне. Глупая толпа ползающих рабов! Они не знают, что человек истинно великий, истинно государственный никогда ничем не доволен... Что мне в этом министерстве? Это — песчинка на берегу морском! Я заберу в руки еще министерство здоровья. Надобно только найти такого товарища, который был бы слепым моим орудием, в котором были бы преданность и усердие; тогда я взвалю на него все плодородие и — хватаюсь за здоровье!.. Но где этот товарищ? Слишком способного мне не надо; ленивца также не хочу; нужен человек работающий и — который бы мне удивлялся... Удивлять я могу, за этим дело не станет! Биенинтенсионне говорил мне о каком-то де Лагероньерре, но этим полковникам верить нельзя; у них есть задняя мысль, пожалуй, прикомандирует соглядатая? Вот если бы мне самому увидеть этого де Лагероньерра, я бы сразу отгадал человека; но посылать за ним нет предлога, а ехать к нему своим лицом — неприлично!.. Не знаю, что делать?

(*Входит человек с письмом*.)

Это что? Ба! От самого де Лагероньерра! (*читает*). «Что есть лучшего?» Гм! Гм!.. «Желтый цвет лица... прыщик... вселяет подозрение». — Это правда! — «Будущность страны... сыну отечества... содействовать... мудрым предначертаниям... с совершенным почтением». Мне нравится слог. Хороший образ мыслей. Образ мыслей отличный! Может быть, он подделывается под меня, но это доказывает преданность, это хорошо. Да кроме того, в письме видна глупая наивность. Таких людей я люблю, такого мне и нужно, я не мог бы отыскать лучшего. Теперь надо его чем-нибудь обязать, чтоб возбудить удивление и благодарность и тем навсегда привязать его... Что бы ему сделать? Подарить ему мои старые эполеты, когда я был еще военным? Он

будет благодарен, но это не удивит его, этому бывали примеры... Ба! Нашел. Поеду к нему своим лицом! Этой чести он не ожидает и никогда не забудет.. Эй! Человек! карету!.. Поеду своим лицом и — привезу эполеты... Удивлять, так удивлять! Обязать, так обязать! Карету, говорю я!

Входит полковник Биенинтенсионне.

С ц е н а в т о р а я

Б и е н и н т е н с и о н н е. Извините, милый друг, что без доклада! Хотел застать вас — за работою! Так приятно видеть государственного человека в своем святилище... (*Подходит к письменному столу.*) Вечные занятия? Вечные соображения о благе нашего любезного отечества! (*Министр плодородия поспешно прячет бумаги.*) Что это? Недоверие! Стыдитесь, любезный друг, иметь от меня секреты! Мы должны идти рука об руку, должны служить одному делу, вместе обуздать безумное направление века!

М и н и с т р п л о д о р о д и я. С этим я согласен.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Задача трудная! Волнение умов и запутанность понятий удивительные! Хорошие люди редки, настоящее понятие о чести и долге все более исчезает. (*Таинственно и многозначительно.*) Я в настоящее время знаю очень немногих благонадежных, — остальные почти все у нас вписаны. Скоро придется вписать и последних. Исключаю одного, именно: г. де Лагероньерра. Это человек золотой; этот бы и вам пригодился.

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*в сторону*). Хотя я и решил взять его в товарищи, но сделаю это будто в угождение полковнику. Эта каналья может пригодиться. Et de cette maniere je <lancerai> d'une pierre deux coups; и его также обяжу благодарностью, таковы мои правила! (*Громко.*) Конечно, может быть г. де Лагероньерр человек достойный, но я уже выбрал себе товарища и не располагаю более этим местом. (*В сторону.*) Il fait se faire prier.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Что слышу, любезный друг, вы взяли товарища, не посоветовавшись со мною? Вы на меня плюете! (*Грозит ему пальцем.*) «Не плюй в колодезь!»

М и н и с т р п л о д о р о д и я. Что же делать, я дал слово.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Вольному воля, спасенному рай! Кстати о воле. Помните ли, друг мой, ваше прекрасное стихотворение о воле, или о свободе, которое вы написали, когда были еще учеником политехнической школы? Оно начинается так:

«Народов идеал, свобода золотая!»

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*с испугом*). Полноте, полноте! Мне было семнадцать лет, когда я написал эту глупость!

Б и е н и н т е н с и о н н е. (*декламирует*). «Семнадцать только лет, не более того!» (*Шутливо*).

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*в сторону*). Этот аспид мне угрожает; моя хитрость не удалась, надобно сдаться... Но как они узнали это проклятое стихотворение, которое я сам давно забыл?

Б и е н и н т е н с и о н н е (*декламирует*). «Народов идеал, свобода золотая...»

М и н и с т р п л о д о р о д и я. Ради бога, полковник, перестаньте; нас могут слышать... Если вы ручаетесь за вашего де Лагероньерра, мне достаточно вашего желания, чтобы сделать вам приятное. Мне ничего не стоит взять назад данное честное благородное слово и сделать товарищем де Лагероньерра.

Б и е н и н т е н с и о н н е (*целует его в засос*). Драгоценный вы мой друг! Благодарю вас, я этого никогда не забуду! А де Лагероньерр будет служить вам верой и правдой!

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*жмет ему обе руки*). Для любезнейшего полковника сделаю более: поеду сам к де Лагероньерру и подарю ему пару своих старых эполет, когда еще был военным!..

Б и е н и н т е н с и о н н е (*хитро*). Учеником политехнической школы?

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*в сторону*). Аспид, свинья!

Б и е н и н т е н с и о н н е (*целует его в засос*). Благодаритель вы мой, этого никогда не забуду! (*В сторону*). Струсил, подлец! И тебя впишу, коли обманешь! (*Громко.*) Истинно, истинно глубоко вам благодарен.

М и н и с т р п л о д о р о д и я. Да посидите немножко, побеседуемте, поговоримте о чем-нибудь. Ваша беседа поучительна и драгоценна для всякого государственного человека.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Не могу, мамочка, спешу в министерство народного подозрения. (*Уходит*).

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*кричит*). Карету, как сказано выше!

ДЕЙСТВИЕ III

(Магазин Пино)

(Пино, Гюгель, разные покупщики; спустя несколько времени входит Биенинтенсионне).

Г ю г е л ь. Неаполитанского мыла — фунт. Казанского — три фунта. Лоделавану большую склянку. Завернули?

П и н о. Завернул-с.

Г ю г е л ь (*скороговоркой*). Красного перцу — фунт, крепкой водки — склянку, серной кислоты — две склянки; поскорей заверните особо.

(*Входит Биенинтенсионне и слышит последние слова*).

Б и е н и н т е н с и о н н е (*в сторону*). «Заверните особо!» Все едкие вещества, гм! (*К Пино*). Пожалуйста, почтеннейший, сургучей разных цветов и нюансов. Да самого чистого желтого воску.

П и н о. Вам для спуска-с?

Б и е н и н т е н с и о н н е. Нет, снимать слепки с печатей.

П и н о (*подает ему*). Три рубля семьдесят пять копеек.

Б и е н и н т е н с и о н н е (*берет сверток и не платит*). Хорошо.

Г ю г е л ь (*к Биенинтенсионне*). Полковник, позвольте два слова.

Б и е н и н т е н с и о н н е (*берет его под руку и отводит на авансцену*). Благородный молодой человек! Говорите смело, не жалейте ни отца, ни матери; я ваш истинный друг и приятель! Тайна останется между нами, я даю

вам благородное слово! Ваш откровенный поступок не останется без внимания. Кого вы заметили в вольнодумстве?

Г ю г е л ь. Нет-с, я не о том.

Б и е н и н т е н с и о н н е (*целует его взасос*). Я вам второй отец! Как ваше имя? Кто вы такой?

Г ю г е л ь. Секретарь господина де Лагероньерра, Модест Гюгель к вашим услугам.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Де Лагероньерра! Это мой приятель; мы всегда крестим друг у друга детей. Итак, вы что-нибудь про него знаете? Говорите откровенно.

Г ю г е л ь. Я готов все положить на алтарь отечества.

Б и е н и н т е н с и о н н е (*целует его взасос*). Я это знал; я в тебе не ошибся! Итак?..

Г ю г е л ь. Г. де Лагероньерр человек неблагонадежный...

Б и е н и н т е н с и о н н е. Я это знаю.

Г ю г е л ь. Здоровья плохого.

Б и е н и н т е н с и о н н е. самого скверного.

Г ю г е л ь. Весь в прыщах.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Конечно, но я их не заметил.

Г ю г е л ь. Они покажутся завтра.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Как завтра?

Г ю г е л ь. Завтра он будет весь в прыщах.

Б и е н и н т е н с и о н н е. К чему это клонится?

Г ю г е л ь. Может ли человек в прыщах быть товарищем министра плодородия?

Б и е н и н т е н с и о н н е. Будут, конечно, затруднения. Но что же вы полагаете?

Г ю г е л ь. Полковник, у меня цвет лица чист, я все готов положить на алтарь отечества. Скажите за меня слово министру, и я буду товарищем.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Благородный молодой человек! Ваше желание показывает сметливость. Если ваше усердие равняется оной, обещаю за вас хлопотать. Но согласны ли вы быть моим соглядатаем при министре?

Г ю г е л ь. Все положу на алтарь отечества!

Б и е н и н т е н с и о н н е (*целует его взасос*). Ты будешь товарищем! (*В сторону.*) А едкие вещества, завернутые особо, я все-таки не забыл! Буду иметь в виду.

Оба выходят

ДЕЙСТВИЕ IV

(Спальня де Лагероньерра. Де Лагероньерр сидит в ванне*. Возле него на стуле Гюгель).

Д е Л а г е р о н ь е р р (*высовывая голову из ванны*). Прибавь лоделавану. Так. Неаполитанское распустил?

* Для этого актеру не следует в самом деле раздеваться и садиться в воду; оно было бы на сцене неприлично. Он может, сев в сухую ванну, накрыть оную простыней, из-под коей выставить только мокрую голову и шею без галстука и такую руку. В ногах должно поместить в ванне ведра, в кои и вливать воду, будто в ванну. Так представляли мои дети на домашнем театре, и вышло очень хорошо. — Прим. Козьмы Пруткова.

Г ю г е л ь. Распустил, ваше превосходительство.

Д е Л а г е р о н ь е р р. А казанское?

Г ю г е л ь. И казанское, ваше превосходительство.

Д е Л а г е р о н ь е р р. Прибавь лоделавану. Что, цвет лица лучше?

Г ю г е л ь. Заметно поправляется, ваше превосходительство.

Д е Л а г е р о н ь е р р. Прибавь лоделавану, не жалей его, мошеника. А как, сколько сидеть на отрубях? Что, брат Гюгель, они зашиты в мешки?

Г ю г е л ь. В наволочке, ваше превосходительство.

Д е Л а г е р о н ь е р р. А если наволочка прорвется?

Г ю г е л ь. Не дай бог! ваше превосходительство!

Д е Л а г е р о н ь е р р. То-то, не дай бог! Если прорвется, я тебя, братец, прогоню! Не забудь, что у тебя жена и семеро детей; куда ты с ними денешься?

Г ю г е л ь. Боже сохрани, ваше превосходительство, чтоб прорвалась! Вы только не извольте ездить на мешке.

Д е Л а г е р о н ь е р р. Дурак, я езжу только в карете! Советую тебе не забываться. Прибавь лоделавану.

Г ю г е л ь (*в сторону*). Бездушный честолюбец! (*Бросает что-то в ванну и говорит скороговоркой*) Красный перец!

Д е Л а г е р о н ь е р р. Что ты сказал?

Г ю г е л ь. Я говорю, что ваше превосходительство наш второй отец.

Д е Л а г е р о н ь е р р. То-то, второй отец. Прибавь кипятку! (*Гюгель льет.*) На ноги льешь, на ноги льешь! Смотри, только ошпарь их!

Г ю г е л ь (*льет еще что-то в ванну, говоря в сторону*). Крепкая водка!

Д е Л а г е р о н ь е р р. Что ты говоришь?

Г ю г е л ь. Я сказал: какое благоденствие осенит наше любезное отечество, когда ваше превосходительство сделаетесь товарищем министра плодородия.

Д е Л а г е р о н ь е р р. Ты, кажется, не то сказал? Мыла прибавь.

Г ю г е л ь (*льет и говорит скороговоркой*). Серная кислота!

Д е Л а г е р о н ь е р р. Что ты говоришь?

Г ю г е л ь. Я говорю, что нет на свете государства свободнее нашего, которое, наслаждаясь либеральными политическими учреждениями, повинуетя вместе с тем малейшему указанию власти.

Д е Л а г е р о н ь е р р. Это правда.

Г ю г е л ь. Кожа вашего превосходительства заметно делается нежнее. (*В сторону*). Завтра будешь в прыщах!

Д е Л а г е р о н ь е р р. Однако твоя наволочка что-то очень растопырилась, я насилу держу равновесие... Смотри, если отруби выскочат! Ты у меня висешь на волоске...

Г ю г е л ь. Не извольте беспокоиться.

Д е Л а г е р о н ь е р р. Что, брат Гюгель, думал ли ты когда-нибудь, что мы будем товарищем? А? Каково? А ведь от какой безделицы зависит иногда счастье человека! Не будь у меня средства купить косметики для приобретения здорового цвета лица, вскочи у меня завтра хоть единый прыщик на лбу — и все пропало!

Г ю г е л ь. Все лопнуло, ваше превосходительство.

Д е Л а г е р о н ь е р р (с испугом). Как лопнуло? Что лопнуло?..

Г ю г е л ь. Не будет удачи, ваше превосходительство.

Д е Л а г е р о н ь е р р. А, да... А я думал ты говоришь про мешок!

Г ю г е л ь. Про оный вы лучше изволите знать, ваше превосходительство, потому он под вами.

Д е Л а г е р о н ь е р р. Подай зеркало. Да кто там ходит в боскетной? Поди, посмотри.

Г ю г е л ь (идет и возвращается). Ваше превосходительство, ваше превосходительство!.. Его высокопревосходительство, сам министр плодородия изволили приехать!..

Д е Л а г е р о н ь е р р. Быть не может... Врешь!..

Г ю г е л ь. Провались я сквозь землю, вместе с вами, ваше превосходительство, если говорю неправду!..

Д е Л а г е р о н ь е р р. Боже мой, как быть!.. Простыню!..

Г о л о с м и н и с т р а п л о д о р о д и я (за дверью). Без церемоний, почтеннейший господин де Лагероньерр, если вы в халате, оставайтесь в оном.

Д е Л а г е р о н ь е р р. Ах, что делать?!.. Счастливая мысль! Приму его в ванне: это означает заботливость о здоровье, — он будет доволен!.. Что бы мне ему сказать?! Ба! он любит веселое расположение духа, — так затяну же я песенку, будто не знаю, что он здесь! (Поет). «При долинушке стояла...»

Г о л о с м и н и с т р а. Я к вам за небольшим делом.

Д е Л а г е р о н ь е р р (будто не слышит, продолжает «Калину ломала!»).

Г о л о с м и н и с т р а. Да позвольте же войти!

Д е Л а г е р о н ь е р р (по-прежнему). «Ты поди, моя коровушка, домой!»

Г о л о с м и н и с т р а. Милостивый государь, вы забываетесь!..

Д е Л а г е р о н ь е р р (продолжает). «Ты поди, поди, недоенная!»..»

Г о л о с м и н и с т р а. Нет, это уж слишком!..

С а м м и н и с т р (отпирает дверь и, видя де Лагероньерра в ванне, останавливается в восхищении). Усладное зрелище! Мой будущий товарищ — в ванне!..

Д е Л а г е р о н ь е р р (хочет выскочить из ванны). Ваше превосходительство, не нахожу слов!.. Я в таком замешательстве!..

М и н и с т р (бросается к нему и удерживает его в ванне). Сидите, сидите, мой милый, мне вчуже приятно!..

Д е Л а г е р о н ь е р р. Такое неожиданное посещение!.. (Хочет выскочить.)

М и н и с т р (удерживает его за плечо). Говорю — сидите; мне приятно видеть подчиненного в мыле!.. Поговоримте лучше о деле... (Садится около ванны.) Вы хотите быть моим товарищем? Какой у вас взгляд на вещи?

Д е Л а г е р о н ь е р р. Я более смотрю на них косвенно.

М и н и с т р. Это хорошо. А направление века?

Д е Л а г е р о н ь е р р. Можно дать другое направление.

М и н и с т р. Это необходимо. Когда я займусь министерством здоровья, то поручу вам плодородие. Дайте ему совершенно другое направление.

Д е Л а г е р о н ь е р р. В каком смысле я должен понимать?..

М и н и с т р. В самом прямом смысле. Плодородие должно зависеть от министерства, т. е. от меня. Я не хочу, чтобы в нашем отечестве что-либо росло и рождалось без моего позволения. О всех посевах надо будет представлять мне смету на утверждение. Без моего ведома чтоб никто не смел посеять ниже крес-салату. Все, что вырастает мимо меня — вон!

Д е Л а г е р о н ь е р р. Это показывает глубокую заботливость вашего превосходительства.

М и н и с т р. Таков мой взгляд. Куры, яйца, свиноводство и даже самое движение народонаселения, понимаете, должно подлежать моему надзору. Все, что будет сверх сметы — вон! Я на вас надеюсь, и в знак моего расположения я привез вам мои старые эполеты. Положите их под стекло.

Д е Л а г е р о н ь е р р (*хочет вскочить*). Такая неожиданная милость, ваше высокопревосходительство...

М и н и с т р. Сидите, сидите.

Д е Л а г е р о н ь е р р. Не могу, не могу; слишком великая милость! (*Хочет выскочить; между ними начинается борьба; Гюгель заграждает их ширмами; из-за ширм слышны голоса*)

Г о л о с м и н и с т р а. Таки выскочил, пострел!

Г о л о с д е Л а г е р о н ь е р р а. Обнимая ваше высокопревосходительство, я обнимаю все отечество!

Г о л о с м и н и с т р а. Тьфу! перестаньте, вы мокры и в отрубях!..

Г о л о с д е Л а г е р о н ь е р р а. Значит, прорвалась наволочка!.. Я прогоню Гюгеля!.. Позвольте обнять ваше высокопревосходительство!

Слышна борьба.

Г о л о с Б и е н и н т е н с и о н н е (*тоже за ширмами*). Извините, господа, что без доклада... Ах, какой срам!.. Да наденьте хоть простыню!.. Гюгель отодвигает ширмы. Те же и Биенинтенсионне. Д е Л а г е р о н ь е р р в простыне.

Б и е н и н т е н с и о н н е. Странное зрелище, странные проступки!

Д е Л а г е р о н ь е р р. Полковник, я рад видеть вас! Порадуйтесь моему счастью! Министр дал мне слово — я буду его товарищем; — вот его эполеты!..

Б и е н и н т е н с и о н н е. Долг чести повелевает мне, драгоценный друг, воспрепятствовать этому: вы поступили безнравственно, выскочив из ванны, безнравственный человек не может быть назван товарищем!

Д е Л а г е р о н ь е р р. Что я слышу?.. Вспомните, полковник, вы у меня крестили детей!..

Б и е н и н т е н с и о н н е. Тем паче! Не пожалею ни отца, ни матери для блага службы.

М и н и с т р п л о д о р о д и я (*вглядывается в де Лагероньерра*). Боже! Что я вижу! 25 прыщей на лбу! Ты меня надул, ты заговорщик!.. Никогда не будешь моим товарищем, отдай назад эполеты!.. Полков-

ник, я беру свое честное благородное слово назад — я буду иметь другого товарища!

Б и е н и н т е н с и о н н е. Не беспокойтесь. Вам более товарищ не нужен. Вы более не будете министром. По долгу чести я предъявил ваше стихотворение: «Народов идеал, свобода золотая!»

М и н и с т р. Что я слышу?

Г ю г е л ь (*подходит к полковнику*). Итак, теперь товарищем буду я? У кого я буду соглядатаем?

Б и е н и н т е н с и о н н е (*торжественно и строго*). Когда нет министра, нет и товарища! Ты, злонамеренный, подлежишь уничтожению за то, что подмешал едкие вещества в ванну своего благодетеля... Все вы вольнодумцы, всех вас следует вписать, но — это не мешает нам оставаться в коротких дружеских отношениях. Друзья мои! позвольте утереть слезу сострадания и расцеловать вас! (*Утирает слезу сострадания и подходит поочередно к каждому с распростертыми объятиями.*) Теперь прощайте! Еду в министерство подозрения, там впишу Пино за продажу едких веществ. А потом — подарю в своем лице нашему любезному отечеству кандидата в министры — и здоровья и плодородия. (*Уходит.*)

Немая картина. Занавес опускается.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. А. Жук, Е. И. Покусаев

«СВИСТОК» И ЕГО МЕСТО В РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ 1860-х ГОДОВ

«Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок» — сатирическое приложение к «Современнику» — существовал недолго. Его первый выпуск появился в январе 1859 и последний, девятый — в апреле 1863 г. «Свисток» выходил довольно редко, со значительными перерывами. Но каждое его появление вызывало взрыв читательского интереса и долгую, иногда не затихавшую на протяжении целого года — вплоть до следующего выпуска — журнальную бурю. При этом впечатление, произведенное им на современников, оказалось прочным и долговременным, спустя десятилетия его не смогли забыть ни друзья, ни враги. «Всемогуший «Свисток» «Современника» через много лет гневно вспоминал А. А. Фет, правильно связавший его возникновение с «тяготением нашей интеллигенции к идеям, вызвавшим освобождение крестьян» и с «оппозицией коренным дворянским интересам»¹. «Только звон «Колокола» из Лондона в силах был покрывать собою «Свисток», — свидетельствовал П. М. Ковалевский² (причем далеко не все «шестидесятники» согласились бы с таким распределением акцентов). Подытоживая давние впечатления, П. В. Анненков вспоминал: «Появление при «Современнике» сатирического листка «Свисток» <...> произвело на возбужденное наше общество гораздо более сильное впечатление, чем можно было ожидать от шутки. Листок показался победой над цензурой и чопорным обществом, жившим под ее прикрытием, он отличался, между прочим, веселостью и большим остроумием и довершал начавшийся ранее разбор репутаций и авторитетов, но другими способами — насмешкой, пародией, сарказмом, которыми владел чрезвычайно ловко. Примеру «Свистка» последовали даже и большие газеты, и серьезные журналы в своих фельетонах, отчетах о книгах, библиографических заметках...»³

Между тем на общем фоне богатейшей научной литературы о 1860-х годах ничтожно мало исследовательских обращений к «Свистку». При наличии работ, посвященных сатирическому творчеству некоторых его участников (преимущественно Добролюбову, Некрасову, Салтыкову, авторам Пруtkова), «Свистку» в целом достаются главным образом почтительные упоминания.

Так происходит прежде всего потому, что это яркое явление революционно-демократической журналистики, публицистики и классической русской сатиры в своем «изначальном» виде — как цельный литературный памятник — очень давно стало библиографической редкостью, а современному читателю уже почти недоступно. Издание «свистковских» материалов по частям,

¹ Фет А. А. Мои воспоминания, ч. 1. М., 1890, с. 132.

² Ковалевский П. М. Встречи на жизненном пути. — В кн.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 426—427.

³ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 510, см. также с. 440.

в собраниях сочинений разных авторов, и притом не полное, обрывает внутренние связи, существовавшие в пределах каждого номера и между различными номерами, уничтожает действие журнального контекста, на которое всегда рассчитывали составители «Свистка».

Вопреки своему подзаголовку (имевшему цель противоцензурной страховки), «Свисток», конечно, не был «собранием» отрывочных заметок — это сатирическое издание, стремившееся к цельной, «журнальной» структуре, складывавшейся и развивавшейся от выпуска к выпуску.

* * *

История подготовки «Свистка» нам известна мало. Судя по сохранившимся сведениям, идея специального сатирического издания принадлежит Некрасову. Об этом он, никогда не преувеличивавший своих литературных заслуг, сказал совершенно ясно: ««Свисток» придумал собственно я, а душу ему конечно дал Добролюбов — заглавие произошло так. В 1856 году я жил в Риме и сам видел газету «Diritto» (это значит «Свисток»), кое-что из нее даже сам почитывал»⁴.

Запись Добролюбова «Книга «Свистка» «с наброском неосуществленного плана «Летописи русской науки» (см. с. 333), которую Б. Я. Бухштаб предположительно датирует 1858 г., доказывает, что подготовка первого выпуска нового издания шла исподволь. Это подтверждается и фактом вызревания «свистковских» начал внутри критических выступлений Добролюбова в 1858 г.: сгущение иронии, сатирического тона в рецензиях, проникновение в их состав литературных пародий уже служит как бы подступом к «Свистку» (см. в особенности статью «Стихотворения М. Розенгейма»). Зерном первого выпуска, по-видимому, оказалось «Письмо из провинции» — отклик на знаменитый «литературный протест» против «Иллюстрации» (см. примеч., с. 436), так как Некрасов в цитированном выше воспоминании о рождении «Свистка» добавляет: «Самую суть, как возникла статья о братьях <Милеантах>, кажется, я рассказал Михайловскому». (В воспоминаниях Н. К. Михайловского о Некрасове этого сведения нет.)

На протяжении 1859 г., уже после выхода № 1 и когда был подготовлен № 2, Некрасов и Добролюбов дважды штурмовали цензурную твердыню, пытаясь добиться разрешения на издание отдельной иллюстрированной сатирической газеты «Свисток» (с предполагавшейся периодичностью раз или два в неделю, объемом от листа до трех). В качестве официального редактора был намечен муж сестры Некрасова Г. С. Буткевич, более нейтральная личность в глазах цензуры. От его имени и были поданы прошения об издании и программы будущей газеты: 3 апреля 1859 г. — в СПб. цензурный комитет, а после его отказа, полученного в июне, 24 сентября того же года — товарищу министра народного просвещения И. Д. Делянову (вторая попытка

⁴ См. «Автобиография Некрасова». — ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 153—154. Как отмечено исследователями, Некрасов ошибся в названии: речь идет не о газете «Diritto» («Право»), а о сатирическом журнале «Fischietto» («Свисток»).

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ
С фотографии 1860 г.

тоже закончилась неудачей)⁵. Отказы были предопределены неблагоприятной реакцией начальника III Отделения князя В. А. Долгорукова, который «полагал <...> неудобным допускать размножение журналов сатирических»⁶. «Свисток» остался сатирическим спутником «Современника» — своего рода журналом в журнале.

Цензурная история издания оказалась, как и следовало ожидать, сложной. Встретили затруднения при выходе и подверглись вынужденной переконпоновке многие выпуски (см. текстологические примечания); некоторые материалы («Письмо благонамеренного француза» Добролюбова, прутковские «Фантазия» и «Торжество добродетели») вообще не дошли до читателя. В 1862 г., подготавливая собрание сочинений Добролюбова, Чернышевский, зачастую не мотивируя своих решений, перераспределил материалы, стремясь восстановить первоначальный состав выпусков (этот принцип был унаследован дальнейшими изданиями сочинений Добролюбова, кроме издания под редакцией М. К. Лемке). Но как литературно-общественное явление, с которым были знакомы читатели 1860-х годов, «Свисток» был иным — его мы и воспроизводим.

Мы не знаем редакционной «кухни» издания. По воспоминаниям А. Я. Панаевой, «Свисток» создавался в атмосфере импровизационности, коллективного творчества: ««Свисток» в «Современнике» всегда сочинялся после обеда, за кофе. Тут же импровизировались стихотворения Добролюбовым, Панаевым и Некрасовым; в „Свистке“ принимал участие и Курочкин»⁷. О том же отчасти свидетельствует известное письмо Добролюбова И. И. Бордюгову от 28 июня 1859 г.: «Изображение Москвы <...> принадлежит мне менее, чем на половину. Это мы с Некрасовым однажды дурачились и, конечно, все лучшие стихи — его»⁸ (речь идет о первоначальном наброске «Дружеской переписки Москвы с Петербургом»).

В научной литературе существует мнение, что «Свисток» был едва ли не «монологическим» изданием Добролюбова: ««Свисток» был в полном смысле слова детищем Добролюбова. Задуманный Добролюбовым, он почти им одним и осуществлялся. Львиная доля «Свистка» написана Добролюбовым; ряд номеров составлен им от начала до конца»⁹. Роль Добролюбова в издании — авторская и организаторская — действительно была огромна¹⁰. Как свидетельствуют воспоминания и письма современников¹¹, Некрасов считал выпуск «Свистка» прежде всего добролюбовским делом. Когда в ряде статей

⁵ Сохранились два варианта программы, представленной в первый раз, и программа, сопровождавшая повторное ходатайство, — все три написаны рукою Добролюбова, см. с. 320—322 настоящего издания.

⁶ См.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 6-ти т. М. Т. 6. 1939, с. 691—695, где С. А. Рейсер по архивным материалам подробно изложил предысторию «Свистка».

⁷ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1956, с. 262. Прикосновенность к «Свистку» В. С. Курочкина другими материалами не подтверждается; он публиковался в «Литературном ералаше».

⁸ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л. Т. 9. 1964 с. 371.

⁹ Бухштаб Б. Добролюбов-поэт. — В кн.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. т. 6, с. XV.

¹⁰ Хотя полностью «добролюбовским» по выполнению был только один № 2.

¹¹ См.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников М., 1971, с. 168—169.

возникал персонифицированный образ «юноши Свистка», он даже отождествлялся в некоторой степени с личностью Добролюбова и фактами его биографии (многочисленные упоминания о том, что «Свисток» «отбыл за границу», «прибыл из-за границы» и т. д.).

Но думается, что приведенное выше суждение все же содержит немалое преувеличение. Следует точно очертить круг основных и второстепенных участников «Свистка». Картина при этом окажется более богатой.

В девяти выпусках «Свистка» приняли участие следующие достоверно установленные авторы¹²: Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, М. И. Михайлов, И. И. Панаев, Г. З. Елисеев, М. А. Воронов, М. А. Антонович, В. П. Буренин, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Аммосов, А. М. Комаров, А. К. Толстой, А. М. и В. М. Жемчужниковы¹³.

Среди перечисленных имен есть центральные для «Свистка» фигуры, участники многих его выпусков: Добролюбов (публиковавшийся в 8-ми), Некрасов (в 7-ми), К. Прутков (в 4-х), Чернышевский (в 3-х). К ним примыкали другие авторы, в каждом номере разные, — это обеспечивало полезное для сатирико-юмористического издания живое разнообразие «голосов». Следует добавить, что многие единичные выступления были весьма значительны для содержания данного выпуска «Свистка» — например, статья Панаева «На рубеже старого и нового года», обзор Елисеева «862—1862». В «Свистке» приняли участие почти все ведущие сотрудники «Современника». Удельный вес выступлений случайных авторов был невелик.

Руководящая, организующая роль в первых пяти выпусках принадлежала Добролюбову. Но и Некрасов, как свидетельствуют воспоминания М. А. Антоновича, П. В. Быкова, Б. Б. Глинского, также занимался «вербовкой» авторов, формированием состава «Свистка» (особенно активно с № 6)¹⁴. Видимо, какая-то роль в отборе и окончательной отделке произведений принадлежала Панаеву (несмотря на его однократное авторское появление в издании), о чем знали современники: кроме А. Я. Панаевой, об этом упоминали И. С. Тургенев¹⁵, С. В. Энгельгардт¹⁶. Богатейший по материалу № 9 был детищем Салтыкова, вложившего в его составление и выпуск много энтузиазма¹⁷.

¹² См.: *Боград В.* Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М., Л., 1959.

¹³ В одном из «прутковских» сочинений некоторая доля участия, видимо, принадлежала П. П. Ершову и Н. А. Чижову.

¹⁴ *Антонович М. А.* Из воспоминаний о Н. А. Некрасове. — В кн.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, с. 168—169; *Быков П. В.* Силуэты далекого прошлого. М.; Л., 1930, с. 78; *Глинский Б. Б.* Среди литераторов и ученых. СПб., 1914, с. 71.

¹⁵ См. его письмо А. А. Фету от 5(17) марта 1862 г.: ««Современник» без Нового поэта будет ли продолжать свистать?» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. IV. М., Л., 1962, с. 352).

¹⁶ См. ее письмо к А. В. Дружинину от 21 ноября 1859 г.: «Я отдала напечатать в Москве свои французские стихи и очень боюсь, чтобы их не продернули Панаев и компания» (Летописи Гослитмузея, кн. 9. Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, с. 383); жанр стихотворной пародии широко был представлен в появившихся к этому времени трех выпусках «Свистка».

¹⁷ См.: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957, с. 56; а также письмо Салтыкова к Некрасову от 29 декабря 1862 г. (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20-ти т. М. Т. 18, кн. 1, 1975, с. 266).

«Свисток» был прежде всего органом редакции «Современника». Обладая безусловной автономией (ее создавала сама сатирическая специфика), он был, как справедливо заметил Б. Я. Бухштаб, «теснейше связан» с публицистикой журнала¹⁸. Когда в 1863 г. в редакции назрел внутренний идейный конфликт между Салтыковым и Антоновичем, Пыпиным, Елисеевым, возникшее «двоегласие» (Салтыков) оказалось губительно для «свистковской» сатиры. Оно прекратило ее существование, несмотря на то, что именно в это время редакция некрасовского журнала включала самое крупное сатирическое дарование эпохи в лице Салтыкова, и блистательный последний выпуск «Свистка» свидетельствовал о том, что творческие силы, которыми он мог бы успешно держаться, вовсе не иссякли.

* * *

«Свисток», возникший на фоне «обличительной беллетристики» 1850-х годов и в борьбе с нею, отразил факт идейного размежевания демократических и либеральных тенденций в русской общественной жизни и в литературе, и выход его способствовал углублению этого процесса.

В 1856—1859 гг. общественность страны остро ощущала необходимость «сознания прошедшего и настоящего зла»¹⁹. Этим и был рожден широкий поток массовой литературы, вослед огромному успеху «Губернских очерков» Щедрина устремившейся на путь обличения «пороков» и «язв» России, которые были обнаружены Крымской войной с такой очевидностью, что поставили правительство Александра II перед необходимостью реформ. Обличительные повести, очерки, рассказы, стихи, пьесы, «заметки» и «письма» в редакции заполнили русские журналы и газеты (во главе с «Русским вестником», «Московскими ведомостями», «Отечественными записками»), театральные сцены²⁰. Даже авторы, казалось, уже снятые временем (например, В. Бенедиктов, В. Соллогуб), неожиданно пережили «второе рождение», переключившись на модную злободневно обличительную тематику. Эксплуатируя ее, кратковременную, но шумную популярность приобретает второстепенный стихотворец М. Розенгейм.

Это литературно-публицистическое направление получило на первых порах некоторую поддержку Чернышевского и Добролюбова: в подлинной, широкой гласности они видели одно из важных условий подготовки крестьянской реформы.

Однако либеральная «гласность» вовсе не ставила себе таких радикальных задач. Определившееся вскоре намерение правительства сохранить основы существующей социальной системы путем определенных усовершенствований ее и стремление либеральной дворянской интеллигенции к «мир-

¹⁸ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч, т. 6, с. XVI—XVII.

¹⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т., М., Л., Т. 1. 1961, с. 494.

²⁰ См.: Покусеев Е. И. «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина и обличительная беллетристика 50-х годов в оценке Чернышевского и Добролюбова.— Уч. зап. Саратовского гос. пединститута, 1940, в. V; Усакина Т. И. Статья Герцена «Very dangerous!!!» и полемика вокруг «обличительной литературы» в журналистике 1857—1859 гг.— В ее кн.: История, философия, литература. Саратов, 1968.

ному прогрессу при инициативе сверху, под покровом законности»²¹ обусловили резко скептическое отношение «Современника» к благонамеренному обличительству, которое наглядно выразило всю ограниченность чаяний либерального реформизма. «Оказывается, что <...> большая часть людей, благословлявших подвиги, вдруг присмирела и спряталась, когда увидела, что подвиги нужно совершать не на одних словах, что тут нужны действительные труды и пожертвования. Все нетерпеливо ждали, желали, просили улучшений, озлобленно кричали против злоупотреблений, проклинали чужую лень и апатию, но редко-редко кто принимался за настоящее дело», — еще в 1857 г. проницательно заметил Добролюбов²².

В статьях «Литературные мелочи прошлого года» и «Русская сатира екатерининского времени» Добролюбов четко определил свои претензии к современной обличительной литературе и — глубже — к некоторым старинным тенденциям русской сатиры, ограничившим поле ее действия: «кричат-то вовсе не из-за того, что составляет действительный, существенный недостаток, а из-за каких-нибудь частных и мелочей»²³. Обличение, не проникающее «до главного, существенного зла», каким был феодально-монархический строй; критика без значительных общественных требований и выводов — то искажение идеала истинной сатиры, в борьбе с которым «Свисток» утверждал собственную литературную позицию.

Первые два выпуска «Свистка» почти целиком и третий частично возникли в полемическом отталкивании от либеральной гласности. Их главной целью было размежевание позиций, расчистка поля для идейно целеустремленной демократической сатиры; их основное содержание составило «обличение обличителей», демонстрация, какой гласности современной России не надо.

Эта тематическая линия выстраивалась двояко: 1) с использованием документального, фактического материала, извлеченного Добролюбовым из газет и журналов и подвергнутого сокрушительно-критическому разбору («Русские в доблестях своих», два «Письма из провинции», «Материалы для нового сборника «Образцовых сочинений»»); 2) с привлечением средства пародии («Проект протеста против «Московских ведомостей», «Мотивы современной русской поэзии», «Безрассудные слезы»). В некоторых статьях («Новые образчики русской гласности») цитаты из обличительных газетных заметок и фельетонов иронически контаминированы с текстом, сочиненным самим Добролюбовым.

Он остроумно отобрал из современной русской прессы самодовольные печатные заявления частных и должностных лиц, призванные доказать их неподкупность и бескорыстие, обличения недобросовестных сапожников, мелких полицейских чинов, язвительные замечания по поводу недостатка уличных фонарей и грязи на мостовых (к тому же тщательно зашифрованные туманными обозначениями: «некто», «в некотором городе») и т. п. Добролюбов приводил читателя к убеждению, что «горячиться из-за таких вещей» и придавать им значение «сверхъестественных событий» могут только люди,

²¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л., Т. 8. 1964, с. 570.

²² Там же, т. 2, с. 124.

²³ Там же, т. 4, с. 52.

которые «жизни не знают». Все это — свидетельство отсутствия у либеральных «писателей и редакторов» «практического» отношения к подлинному общественному злу: «вместо гласности <...> выступает на сцену мифология». Стержнем этого тематического направления в «Свистке» было первое «Письмо из провинции». В нем дан насмешливый отклик на шумный, но поверхностный печатный «протест» целой группы либеральных изданий против антисемитского выступления журнала «Иллюстрация» — протест, ничем реально не завершившийся, как и прогнозировал скептически Добролюбов (см. подробно в примечаниях, с. 437).

В то же время в третьем номере «Свистка» очевидно демонстрировалось бессилие либеральной печати, недействительность отечественной гласности в борьбе с настоящими, серьезными бедами. Красноречие обличителей-публицистов не помешало компании буржуазных хищников во главе с миллионером-откупщиком В. А. Кокоревым осуществить крупную аферу, разорившую немало доверчивых акционеров, более того — тем же «орудием гласности» сам Кокорев воспользовался в своих корыстных целях весьма умело и практично («Материалы для нового сборника «Образцовых сочинений»»).

«Дозволенная смелость» отечественных и европейских либералов до конца осталась мишенью «свистковской» критики. К ней и далее возвращались Некрасов («Кювье — в виде Чацкого и Горвица», «Что поделывает наша внутренняя гласность?»), Панаев («На рубеже старого и нового года»). Вместе с тем в издании налицо явное идейно-тематическое движение: от выпуска к выпуску добролюбовско-некрасовский орган развертывал собственную сатиру, отвоевывая себе все более широкое проблемно-тематическое пространство.

В конечном счете «Свисток» высказался обо всем, что составляло насущный, живой интерес современности.

Генеральная тема эпохи: предстоявшая, а затем уже свершившаяся крестьянская реформа, тяжкое положение разоренного крестьянства во все время существования «Свистка» не уходит из поля зрения его авторов. Они использовали самые разнообразные факты действительности и печатные поводы, дававшие возможность так или иначе подойти к этой острейшей и опасной теме. Движение трезвости, охватившее в 1858—1859 гг. многие губернии, которому власти стремились поставить преграду из соображений финансовой выгоды, послужило Чернышевскому материалом для того, чтобы заклеить накрепко вкоренившиеся в русский общественно-политический быт навыки враждебно-бюрократического отношения к народной инициативе. И здесь же он нашел повод для того, чтобы подчеркнуть: именно в массе «простолюдинов» скрыт неисчерпанный резерв «героического самоотвержения» («Вредная добродетель»). Отталкиваясь от некоторых, самих по себе довольно нейтральных, статей, появившихся в «плантаторском» (Герцен) «Журнале землевладельцев», Добролюбов отметил сопротивление помещиков предстоящему освобождению крестьян («Почитатель дворянок»). Объективное сближение в ходе подготовки реформы позиций либерального дворянского меньшинства с требованиями реакционной помещичьей массы глубоко раскрыто в фельетоне Чернышевского «Г. магистр Н. де Безобразов — псевдоним!»

Н. А. НЕКРАСОВ

С литографии

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
С фотографии 1859 г.

Одна из серьезнейших тем «Свистка», в пределах которой сатира его порою, в силу объективного содержания материала, приобретала трагическое звучание, — исследование буржуазного хищничества как нового и важного «признака времени» (Салтыков), освещение начавшейся жестокой капиталистической эксплуатации народа («Материалы для нового сборника «Образцовых сочинений»» и «Опыт отучения людей от пищи» Добролюбова). Вступление страны в новую, буржуазную эру «Свисток» сумел затронуть своими собственными сатирическими способами.

Борьба с учено-литературной реакцией, схоластическим академизмом, журнальным растлением — также одна из сквозных «свистковских» тем. «Свисток» неутомимо боролся с консервативной печатью («Наше время» Н. Ф. Павлова, быстро скатившийся в этот лагерь «Русский вестник», а затем и «Московские ведомости» М. Н. Каткова). Он разоблачал буржуазное торгашество, дух беспринципной коммерции «направлением» — в этом смысл постоянной полемики «Свистка» с «Отечественными записками» А. А. Краевского. Боевой орган демократической сатиры последовательно противостоял также славянофильско-почвеннической журналистике («День» И. С. Аксакова, «Время» братьев Достоевских). Под обстрел «Свистка» попали лидеры дворянской идеологии (Б. Н. Чичерин), охранительной науки (М. П. Погодин, П. Д. Юркевич). Собственно, трудно назвать такой выпуск «Свистка», в котором эти объекты не были бы затронуты, хотя бы в форме попутных, моментальных выпадов. Но данной тематике были всецело посвящены и крупные, концентрирующие ее произведения, например, «Дружеская переписка Москвы с Петербургом» Некрасова и Добролюбова — широкое сатирическое обозрение современной научно-литературной жизни; добролюбовская «Наука и свистопляска» (насмешливое изложение истории скандально неудачного для М. П. Погодина диспута с Н. И. Костомаровым о происхождении Руси). Язвительный общий расчет с враждебной «Современнику» реакционной и либеральной прессой произвел Некрасов («Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности»).

Известна значительная роль, которую сыграло в общественном движении 1860-х годов передовое студенчество. О студенческом движении и разнообразных формах борьбы с ним правительства, путем ограничения доступа в университеты разночинной молодежи или мерами прямых репрессий, писали Некрасов («Забракованные»), Чернышевский («Опыты открытий и изобретений»).

Затронув (№ 5—6) «международную тему» — борьбу итальянского народа против австрийского владычества и собственных монархических и клерикальных режимов, — «Свисток» смог поставить политические проблемы с той остротой, которой не допускал (по цензурным условиям) материал отечественный. Но следует добавить, что итальянские события представляли для публицистов круга «Современника» (и в том числе для авторов «Свистка») двойной интерес. Изложение их не только позволяло в безопасной, замаскированной форме осветить борьбу революционно-демократической, либерально-буржуазной и реакционно-феодальной тенденцией в России накануне отмены крепостного права. Итальянские события интересовали революционно-демократические круги и своим непосредственным содержанием: как модель воз-

можных русских событий, если борьба идейно-политическая выльется, как ожидалось, в прямое столкновение классовых сил в стране.

В последних номерах (8, 9) охватывая всю амплитуду явлений злободневной современности, «Свистку» удалось под защитным покровом иронии дополнить «Современник» освещением тех фактов, которых невозможно было касаться последнему в обстоятельствах начинавшегося реакционного террора. «Свисток» сумел дать отклики на польское восстание, расправу царизма с революционерами-шестидесятниками, подавление передовой печати. Последние выпуски «Свистка» преимущественно нацелены против общественной реакции, шедшей навстречу реакции правительственной с весны 1862 г., когда надежды русской демократии на крестьянское восстание не оправдались и заметно спадала волна оппозиционных настроений. «Свисток» дал бой реакционной, отступнической тенденции по всему литературно-идеологическому фронту. Он подверг глубокому критическому разбору положения воинствующего философского идеализма, при поддержке реакционной журналистики перешедшего в наступление против материалистических воззрений («Письма отца к сыну» Антоновича, «Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче» Салтыкова-Щедрина и Антоновича, «После первого чтения г. Юркевича по «философии» Буренина»). В «Свистке» были высмеяны реставраторские чаяния дворянских кругов, рупором которых в русской публицистике стал Б. Н. Чичерин («Реквием» Елисеева, «Былина» Воронова). Наконец, последние выпуски «Свистка» завершили его борьбу с реакционной печатью — разоблачением ее откровенной продажности и полицейского рвения («Московские песни об искушениях и невинности», «Литературные будочники» Салтыкова-Щедрина, «Песнь московского дервиша» Буренина). Сама действительность — реальная эволюция изданий Каткова и Павлова — помогла поставить здесь окончательные сатирические «точки».

* * *

«Настоящая литературная борьба с направлением «Современника», — замечено советскими исследователями, — началась только после того, как был основан «Свисток»²⁴. В русской журналистике появление его помогло быстрее проявить позиции, определить идейную ориентацию, которая до этого была выражена нечетко. Конечно, не следует здесь допускать прямолинейности и преувеличений. Но безусловно, что «Русский вестник» М. Н. Каткова, в 1856—1860 гг. выступавший и в либерально-аболиционистском, и в консервативном духе, все яснее «самоопределялся» как охранительный орган также в своей ожесточенной полемике со «Свистком»; пределы доступного либерализму «Московских ведомостей» В. Ф. Корша, узость их программной установки на частичное реформирование самодержавно-крепостнического режима также отчетливо обнаружились в их столкновении со «Свистком» (см. подробно примечания, с. 453).

Гораздо сложнее была природа известного конфликта с «Современником», возникшего в 1859 г. у Герцена. Как известно, мишенью герценовского выст-

²⁴ Берлинер Г. Литературные противники Добролюбова. — ЛН, т. 25—26. М., 1936, с. 32.

рела в «Very dangerous!!!» было «свистящее» начало «Современника» и конкретно — два первых выпуска «Свистка»²⁵.

Столкновению Герцена и редакции «Современника» посвящена обширная научная литература, в которой подробно освещен ход дискуссии между двумя лидирующими органами революционной журналистики 1860-х годов, точно охарактеризована идеологическая сущность возникшего временного расхождения²⁶. Несомненно, путь изживания Герценом в 1859—1861 гг. реформистских иллюзий отмечен эволюцией его отношения к «свистящей» тенденции «Современника» — от резкого осуждения «освистывания неловких опытов» обличительства до признания: «люди, говорящие, что не на взяточников <...> следует обрушивать громы <...> а на среду, делающую взятки <...> признаком целого племени <...> совершенно правы»²⁷.

Отсылая читателя к существующей литературе, мы хотим остановить внимание на одном обстоятельстве, не привлекавшем внимания исследователей. Резкость реакции «Колокола», очевидно, объяснялась еще и тем, что сама эстетика «Свистка» вступала в противоречие с представлениями Герцена о сатире, вынесенными из литературного движения 1840-х годов.

В одном из вариантов программы «Свистка» Добролюбов отметил: «доселе обличения злоупотреблений и недостатков имели в нашей литературе слишком деловой и мрачный характер. Зло старались поражать научным образом, юридически, исторически, нападали на него с гневом и с прискорбием <...> Зло казалось слишком сильным, недоступным для смеха и шутки. Попытки осмеивать общественные пороки оказывались большею частью тяжелыми и неудачными. Теперь <...> злоупотребления, разоблаченные серьезною литературою, должны быть добиты смехом. Этим орудием до сих пор еще слишком мало у нас пользовались <...> чувствуется потребность такого издания, в котором бы шутка имела значение сатиры и назначалась <...> содействовать общему делу преследования зла и неправды»²⁸.

Известная недооценка роли смеха, комического, действительно возникла в предшествующее десятилетие в эстетике натуральной школы. Как обнаружил еще В. В. Виноградов, «в 40-х годах <...> для почитателей Гоголя «смех» его стал растворяться в «слезах»»²⁹. Это было связано отчасти с тем,

²⁵ «Журналы, сделавшие себе пьедестал из благородных негодований <...> катаются со смеху над обличительной литературой, над неудачными опытами гласности. И это не то чтоб случайно, но при большом театре ставят особые балаганчики для освистывания первых опытов свободного слова литературы...» — Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., т. XIV. 1958, с. 116.

²⁶ См.: Рейсер С. А. Добролюбов и Герцен. — Изв. АН СССР, Отд. общественных наук, 1936, № 1—2; Дрыжакова Е. Н. Полемка «Колокола» и «Современника» в 1859—1860 гг. — Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та, ф-т языка и литературы, 1956, т. XVIII, в. 5; Козьмин Б. П. Выступление Герцена против «Современника» в 1859 году. — В его кн.: Из истории революционной мысли в России. М., 1961; *См. же.* К вопросу о борьбе Герцена и Огарева против сторонников «чистого» искусства. — В его кн.: Литература и история. М., 1969.

²⁷ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т., т. XIV, с. 318.

²⁸ См. в наст. издании с. 329—330.

²⁹ Виноградов В. В. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский, Л., 1929, с. 313.

что в центре внимания натуральной школы оказался «маленький человек», критика «слабостей» которого требовала смягченных приемов, но главная причина была иной. В 1840-е годы, в связи с формированием широкого реалистического направления, возникает эстетико-теоретическое убеждение, что в творчестве истинно современного художника комическое — юмор, ирония — может быть лишь элементом более сложного диалектического целого³⁰. Предохраняя от идеализации, комическое как таковое должно быть, в свою очередь, погашено в совершенной верности изображения жизни в формах, возможно более близких «с их образцами в действительности»³¹. В своем итоговом размышлении о Гоголе Белинский пришел к выводу, что «комизм — слово узкое для выражения гоголевского таланта»³², а в общей историко-литературной перспективе усмотрел тенденцию исторического отмирания сатиры как особого вида, типа литературного творчества — при органическом включении ее жизнеспособных сторон в синтез реалистического романа и повести³³.

В сущности, после выхода первого тома «Мертвых душ» почти полтора десятилетия сатира в русской литературе не выделяется как специфическая, особая сфера словесного искусства. В натуральной школе мы встречаемся с очень своеобразным явлением, к которому применимо меткое обозначение М. М. Бахтина: «редуцированный смех»³⁴.

«Редукция» сатиры в современной литературе была замечена Добролюбовым. Кроме цитированной выше программы «Свистка» об этом свидетельствует его рецензия на комедию А. А. Потехина «Мишура» («Современник», 1858, № 8), где он писал о том, что недостаток «смеха», «комического света» в современной комедии невыгодно отличает ее от гоголевской, и доказывал, что «чувство желчной ненависти», «сдержанно-озлобленный тон» (вместо веселости) — крупнейший промах для произведения, задуманного «в комическом роде»³⁵. Воспоминания М. А. Антоновича подтверждают продуманную эстетическую принципиальность добролюбовской позиции: «Добролюбов находил, что серьезные журнальные статьи <...> недостаточны, что в некоторых случаях шутка или насмешка могут действовать сильнее, чем серьезное рассуждение...»³⁶.

Герцен признал «смех» «мощным орудием разрушения». Но, верный эстетическим убеждениям 40-х годов, он видел его как бы в неразрывной связи со «слезами». Прямо указывая на «остроумие» Сенковского, но, вероятно, целясь при этом в добролюбовское стихотворение «Наш демон», только что появившееся в № 2 «Свистка», он писал: «Чего ему <Сенковскому.— Е. П., А. Ж.> не доставало? А вот того, что было в таком избытке у Белинского,

³⁰ См. характеристики Гоголя и Достоевского в статьях Белинского «Ответ «Москвитянину» и «Петербургский сборник».

³¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, с. 297.

³² Там же, т. XII, с. 461.

³³ Так трактована проблема в статьях «Русская литература в 1843 году» и «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

³⁴ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972 с. 192.

³⁵ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л. Т. 3. 1962, с. 216.

³⁶ Антонович М. А. Воспоминания.— В кн.: Шестидесятые годы. М.; Л., 1933, с. 152.

у Грановского, — того вечно тревожащего демона любви и негодования, которого видно в слезах и смехе. Ему не доставало убеждения, которое было бы <...> страстью, болью»³⁷. Представление Герцена о «пустом балагурстве», «балаганности» «Свистка» (которое заставляло предполагать и идейную нечистоплотность) шло от самой «свистковской» эстетики. Яркая стихия чистого комизма, неотразимое «смехотворение» казались внешним симптомом идейной облегченности.

В этом Герцен был не одинок. Тургенев, еще близкий к Некрасову, сразу отрицательно реагировал на «тон» первоначального варианта Добролюбовского «Письма из провинции» («Свисток», № 1), считая, что он «может подать <...> справедливый повод упрекнуть «Современник» в легкомыслии и глумлении»³⁸. Даже несколько лет спустя Писарев все еще ставил в упрек Салтыкову то, что к его «смеху <...> заразительно действующему на читателя, вовсе не примешиваются <...> грустные и серьезные ноты...»³⁹.

«Свисток» оказался в ряду тех художественных явлений второй половины 1850-х годов, которые дали ответ на вопрос о судьбах русской сатиры, остававшийся открытым в послегоголевскую пору. Само содержание литературной жизни (яркий расцвет сатирической журналистики со «Свистком» и «Искрой» во главе, направление писательской деятельности Салтыкова, оживший интерес к истории русской сатиры) вскоре сняло предположение, что сатира как таковая в новейшей литературе подвергнется ассимиляции другими формами. Этот факт стал очевиден и убедителен не для всех сразу. Но в нем заключалась важнейшая эстетическая предпосылка зрелого творчества Салтыкова-Щедрина.

* * *

«Свисток» возник через пять лет после «Литературного ералаша» (юмористического прибавления к «Современнику», семь «тетрадей» которого были выпущены в 1854 г.), на фоне «Колокола», одновременно с «Искрой» и, в свою очередь, вызвал (в «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения» 1861—1862 гг.) попытки подражания. Каково было его место среди других изданий сатирико-юмористического характера?

Опыт «Ералаша» сказался прежде всего в том, что создатели «Свистка» с самого начала постарались придать ему большую цельность, которой не достиг «предшественник». И если первые выпуски «Свистка» были организованы, в основном, полемическим заданием, то начиная с № 4 мы всегда обнаружим «лейтмотив», большую или меньшую проблемно-тематическую централизацию. Постепенно образовывались и сквозные темы, создающие переклички разных номеров. Принцип компоновки «Свистка» Добролюбов изложил в письме С. Славутинскому: «Нам следует группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений, надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху — до того, чтобы противно стало

³⁷ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т., т. XIV, с. 119—120.

³⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. III. М.; Л., 1961, с. 258.

³⁹ Писарев Д. И. Собр. соч.: В 4-х т. М., Т. 2. 1955, с. 340.

читателю все это богатство грязи <...> вот чем объясняется и тон критик моих, и политические статьи «Современника», и «Свисток»...»⁴⁰.

В «Свистке» учтено было и другое: некоторая «теснота», однообразие преимущественной литературно-полемической направленности, которую дал почувствовать «Ералаш» (его содержание составляли в основном многообразные литературные пародии, полемика с позицией «Москвитянина», «Отечественными записками» А. А. Краевского).

В этой связи стоит обратить внимание на попытки «Отечественных записок» пойти по следам «Современника» и организовать в 1861—1862 гг. собственный сатирический «журнал в журнале»⁴¹. Он оказался нежизнеспособен не только потому, что Краевскому не удалось привлечь яркие сатирические дарования (по этому поводу много иронизировала «Искра»). Однократность, «замкнутость» самих явлений, вызывавших выпуск «Самодура», «Все и ничего», полемическая «связанность» содержания последних (отталкиваясь от какого-либо враждебного выступления, они вынужденно давали лишь перевернутое изображение чужой статьи) обрекли юмористику «Отечественных записок» на быструю кончину. Совершенно точно было замечено в «Искре»: «Над чем бы засмеялись «Отечественные записки» <...> когда нет ни одного мнения, которое бы принадлежало лично им, когда они сами думают обо всех предметах согласно с теми, которые сказали: эге! Оттого-то «Свисток», заведенный ныне при «Отечественных записках», делает смешными скорее их самих, чем тех, кого он хочет осмеять»⁴².

Разграничительные линии с «Колоколом» определялись прежде всего тем, что герценовский журнал не был специальным сатирическим изданием, хотя преимущественную обличительную направленность его в первые годы существования подчеркивал Чернышевский, признавал сам Герцен; такая ориентация, в сочетании с особенностями таланта Герцена, привели на его страницы яркие образцы сатиры. «Колокол» был свободен от цензуры — это сделало его свободным и в выборе сатирических жанровых форм и приемов. Неслучайно на его страницах расцвел памфлет, в основе которого лежит требование заостренно-яркой сатирической портретности (что, по цензурным обстоятельствам, было трудно достижимо в «Свистке»). «Колокол» явил, едва ли не впервые в русской литературе, блистательный опыт разоблачительно-сатирического использования документального материала — «Свисток» пошел по его следам, эзоповски варьируя этот прием. Герцену вообще не приходилось прибегать к системе эзоповских иносказаний, которую изобретательно разрабатывал «Свисток».

Что касается «Искры», то отличие от нее «Свистка», полагавшегося только на силу слова, определяется прежде всего спецификой иллюстрированного сатирического издания, где взаимодействуют комическое изображение и

⁴⁰ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л., Т. 9. 1964, с. 408.

⁴¹ Эту задачу пытались осуществить сравнительно регулярно появлявшиеся в журнале «Заметки празднопатающего» М. П. Розенгейма (1861), «Все и ничего» А. В. Эвальда (1861—1862) и наконец выделившийся в их составе «Самодур. Журнал политический и литературный», три выпуска которого появились в «Отечественных записках», 1862, № 2—4, после чего он бесследно исчез.

⁴² <Г. З. Елисеев>. Хроника прогресса. — Искра, 1862, № 14, 20 апреля, с. 206.

текст. (В этом отношении «Искра» еще ждет специального комплексного исследования, объединяющего литературоведческий и искусствоведческий подходы.) Кроме того, «Свисток», выдержав до самого конца тип пародийно-«ученого» издания, в котором он был задуман⁴³, самым характером этой мнимой «учености» и «серьезности» был более повернут к статейному материалу (пародийные «исторические обзоры», «экономические» и иные «исследования» с обширным комментарием), чем к сатирической миниатюре, гораздо ярче и богаче представленной в «Искре».

* * *

Сатирические жанры, культивируемые, а иные — созданные в «Свистке», достаточно многообразны.

Очень широко представлено в нем сатирическое обозрение («На рубеже старого и нового года» Панаева, «862—1862» Елисеева, «Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности» Некрасова). Открытием «Свистка» была разновидность обозрения, соединяющая прозаический текст со стихотворными вставками. Она имела большой успех и вскоре была усвоена русской журналистикой той поры: Н. Н. Страхов в воспоминаниях о Достоевском свидетельствовал, что последний быстро оценил эту форму и использовал ее в журнале «Время» «по тогдашней моде, введенной, кажется, Добролюбовым, именно его знаменитым «Свистком» в «Современнике»⁴⁴. Ее широко применяла «Искра». Система своеобразных «внутренних обозрений» (подобных «Хронике прогресса» в «Искре»), но охватывающих события за долгий срок, сложилась в «Свистке», постепенно и стала постоянным элементом. Сатирические годовые обзоры были особенно необходимы в трех последних выпусках: при редком появлении их составители компенсировали себя тем, что могли выделить главные общественные факты, представить события во внутренней связи («Причины долгого молчания «Свистка» Некрасова, ««Свисток», восхваляемый своими рыцарями» Добролюбова, ««Свисток» и его время» Антоновича).

Достаточно прочное место занял в издании фельетон («Материалы для нового сборника «Образцовых сочинений», «Опыт отучения людей от пищи», «Наука и свистопляска» Добролюбова, «Опыты открытий и изобретений» Чернышевского). Следует заметить, что в это время русский фельетон только вырабатывал свою структуру: порою он еще слишком близок к обозрению своей хроникальностью, ему не хватает лаконизма, сюжетность его расплывчата. Но жанр оформлялся именно в опытах сатирической журналистики рубежа 1850-х — 1860-х годов.

«Свисток» с успехом применял испытанную в мировой сатире форму «писем» (два «Письма из провинции» и «Письмо благонамеренного француза» Добролюбова, «Письма отца к сыну» Антоновича, «Вредная добродетель» Чернышевского), с той особенностью, что освободил свои «письма» от налета

⁴³ См. воспоминания М. А. Антоновича. — В кн.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, с. 169.

⁴⁴ Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. — В кн.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 213.

экзотики (еще сохраняемого иногда «Искрой» — см. «Письмо об России Фукидзи-Жен-Ициро...» В. Курочкина) и максимально приблизил их форму к современному бытовому эпистолярию.

Сравнительно частым было обращение к драматической форме («Забракованные» Некрасова, «Цензор впопыхах» и «Секретное занятие» Салтыкова, «Драматические сцены по поводу выхода «Современника»» Буренина).

Но едва ли не главенствующим в «Свистке» жанром оказалась пародия и ее разновидность — перепев (по терминологии И. Г. Ямпольского). 1850-е — 1860-е годы вообще — эпоха блистательного торжества пародии, как 1810-е — 1820-е годы были временем расцвета русской эпиграммы (последняя, кстати, уже почти не представлена в «Свистке»). Пародия широкого плана — на многие не только литературные, но и жизненные явления, — стихотворная, драматическая, прозаическая, тяготеющая к сложению в целые циклы, а также талантливые перепевы были одним из эффективнейших полемических средств «Свистка»; они успешно выполняли иногда эзоповские функции, но главное — в первую очередь ими был обеспечен неизменно высокий «комический потенциал» издания, которого не достигали подражатели «Свистка»⁴⁵.

Следует заметить, однако, что многие поэтические произведения (А. А. Фета, А. А. Григорьева, А. Н. Майкова и некоторых других авторов), безусловно, великолепно пародированные в «Свистке», в сознании современного читателя принадлежат к числу нетленных ценностей отечественной поэзии. Сама история литературы, производя свой объективный отбор, сохранила в золотом фонде русской поэтической классики как искрометные «свистковские» пародии, так и их объекты.

Как уже говорилось, по цензурным условиям «Свисток» не мог широко культивировать памфлет в чистом жанровом виде (указания на «личности» строго преследовались), но чертами памфлетности обогащены многие его материалы, целью которых является сатирический портрет: «параллель» Добролюбова «Два графа», «Г. магистр Н. де Безобразов — псевдоним!» Чернышевского, «Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче» Салтыкова и Антоновича.

Сатирические миниатюры в отдельном и самостоятельном виде (как в «Искре») в «Свистке» встречаются редко, но, вмонтированные в большую сатирическую форму, обычно расцветивают ее мгновенными юмористическими вспышками (сатирическая информация, мнимые «программы», блистательные афоризмы, прочно вошедшие в словарь современников и потомков).

В многообразии сатирических приемов «Свистка» обращает внимание прежде всего талантливое использование документального материала: авторы издания в большинстве случаев были вынуждены отталкиваться от публикаций русской печати, от содержания книг, статей, речей, газетных информационных писем в редакции. «Возможности откровенно говорить непосредственно о явлениях действительности были обратно пропорциональны значительности этих явлений». Маскируясь «литературно-журнальной

⁴⁵ См.: Бухштаб Б. Я. Добролюбов — пародист. — Изв. АН СССР, Отд. общ. наук, 1936, № 1—2; Морозов А. А. Русская стихотворная пародия. — В кн.: Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). Л., 1960.

борьбой», было легче «ставить и решать актуальные вопросы»⁴⁶. Поэтому «Свисток» так прочно вписан в движение журнальной литературы своего времени: как убеждает все его содержание, составители его держали в поле систематического наблюдения большинство повременных изданий — не только столичных, но и провинциальных (см. примечания). В этом обращении к действительности уже литературно преломленной оказалось и некоторое преимущество: под обстрел сатиры брались сразу и современная словесность, и жизнь, в ней отразившаяся.

Важно то, что этот материал авторы «Свистка» сумели сделать отнюдь не пассивно-цитатным, но чрезвычайно действенным. Цитирование сообщений официозных органов, рассуждений реакционных публицистов стало одним из способов обхода цензурных запретов. Передовая журналистика была лишена возможности открытого обсуждения острых политических проблем, которой пользовалась реакционная печать. Выразить свое отношение к целому ряду важных явлений «Свисток» мог только с помощью ярко комментированной цитаты, поставленной в надлежащий контекст. Виртуозное применение документального материала, кроме того, строило сатирический образ — напомним хотя бы «Материалы для нового сборника «Образцовых сочинений»». Добролюбов умело извлек из газетно-журнальных выступлений крупных акционерных хищников разнохарактерные цитаты и с большим сатирическим искусством скомпоновал их так, что перед читателем естественно самораскрывался образ ловкого и циничного дельца-златоуста. Внутренняя «драматургия» фельетона организована тем, что этим «монологам» едко противопоставлены печатные же «реплики» неумело сопротивляющихся рядовых акционеров.

Если не злоупотреблять понятием «эзоповой манеры» (что нередко делается), то придется признать, что реальные предпосылки ее как широкого литературного явления возникают лишь в 1840-е годы, разворачивается же она в новое качество, новый неотъемлемый признак русской сатиры именно на рубеже 1850-х — 1860-х годов — главным образом, в творчестве участников «Свистка» и «Искры». Практика «Свистка» во многом подсказала пути развития эзоповой манеры в русской литературе второй половины XIX в. (в частности, в «Отечественных записках» Некрасова-Щедрина), окончательно закрепив некоторые существенные ее принципы.

Прежде всего — значение журнального контекста: только он прояснял для читателя оборотный смысл таких, например, понятий, как «благонамеренность»: в системе сатирических иносказаний «Свистка» оно раскрывалось как старческое ретроградство, консервативное неразумие, охранительное «остервеение». Постепенно складывалась цельная и единая (у писателей определенного направления) система иносказательных эквивалентов для обозначения всей номенклатуры крамольных понятий. «Свисток» дал образцы эзоповского использования сатирических возможностей, заложенных в самих официальных источниках, которые иногда были богаты потенциальным юмором, но, казалось бы, абсолютно недоступны сатире. Так были приме-

⁴⁶ Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859—1873). М., 1964, с. 13.

нены формулы казенного «отчизнолюбия» и лозунги «охраны законного порядка» в прутковском «Проекте» и обзоре Елисеева «862—1862», в ряде добролюбовских стихотворений, например «Родина великая» из цикла «Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию».

Иронический тон — тон мнимого утверждения, того, что на самом деле бескомпромиссно отвергается, давал читателю правильную идейную ориентировку. В поток привычных для читательского сознания благонамеренных формул («благодетельные последствия предлагаемой меры», «долговременная и беспорочная служба», «усердное желание преданного человека: принести посильную услугу» — в прутковском «Проекте») с лукавой и точно рассчитанной наивностью вторгались контрастные официозной патетике тривиальные словечки («Но я готов жертвовать собою до последнего издыхания для бескорыстной службы нашему общему престол-отечеству...»), снижающе-житейские штрихи («Конечно, подобный человек заслуживал бы достаточное денежное вознаграждение...»). В «Родине великой» Добролюбова стыкованы вплотную возвышенные одописные формулы, прославляющие величие империи, и якобы ненамеренное, простодушное указание на конкретные неудобства «азиатского» российского быта:

О, моя родина грозно-державная
Наше отечество, Русь православная
Путник тебя не объедет и в три года:
Пусть ямщикам он на водку потратится,
Только лишь откуп будет тут выгода...

Благодаря этому безотказно возникало насмешливое «боковое освещение» всего внешне серьезного, «истового» текста.

Яркое развитие получили в «Свистке» давние традиции политического иносказания, найденные русской литературой еще в XVIII в.; перенесение действия в иную среду («Австрия», «Италия», «Франция»), хронологические смещения. При этом возникал особый юмористический эффект намеренного абсурдного смещения элементов прошлого с приметами современности, реалий европейского и русского быта. Так, в «Опытах австрийских стихотворений» и «Неаполитанских стихотворениях» Добролюбова не только эзоповски-маскировочным, но и чисто комическим смыслом было богато само указание на «перевод» этих текстов с несуществующего «австрийского языка» и вкрапление в них привычных, легко узнаваемых русским читателем поэтических формул, восходящих к отечественной одической традиции: «мятежные языки», «австр» (по аналогии с «росс»). Неизменно насмешливую реакцию вызывали и чисто русские обороты в приложении к перипетиям «итальянского вопроса»: «атаман», «ватаги буйные», «Отчизна бунтов и крамол», «Чтоб знала гнусная крамола, / Как поражаем мы врага», «И вольнодумству Филанджьеры / Нет входа в царский кабинет».

Противники демократической журналистики, неутомимо (и безуспешно) пытавшиеся остановить ее воздействие на умы современников, невольно были вынуждены констатировать победу эзоповского слова. В передовой статье ретроградного «Нашего времени», посвященной проектам цензурных

преобразований, Ф. Дмитриев писал: «Единственный верный результат предупредительных мер доказывает их несостоятельность. Они возвышают ценность мысли, которой удалось ускользнуть от тисков надзора, и дают ей то усиленное действие, которого сама по себе она бы не имела»⁴⁷.

Очень специфичны сатирические герои «Свистка»: ими были реальные лица, выступавшие в действительной жизни, публиковавшиеся в газетах, спорившие с авторами «Свистка»: М. П. Погодин, В. А. Кокорев, М. П. Розенгейм и др. Их выдвигала сама меняющаяся действительность, у каждого номера были свои центральные «персонажи». Они типологически различны в ранних и последних выпусках «Свистка». Сначала в «сюжет» номера нередко попадали общественно малозначительные лица, если их действия удачно характеризовали «положение минуты и общие тоны русской жизни», как говорил позже Салтыков. Таковыми были, например, «братья Милеанты», впервые представленные читателю в добролюбовском «Письме из провинции» (о «литературном протесте») и впоследствии не раз насмешливо упоминавшиеся в «Свистке» мимоходом. Они символизировали всех поверхностных поборников гласности — всех российских «незнакомцев», которые в 1856—1859 гг. спешили самолюбиво засвидетельствовать перед публикой свою гуманную прогрессивность. Между тем, с точки зрения демократической этики, гуманность должна быть естественной, повседневной нормой человеческого поведения. В аналогичной роли выступили в «свистковской» сатире и другие лица: А. Бешенцов, В. Половцев, Е. Пациентов и т. п. Изменившаяся политическая ситуация привела на страницы «Свистка» новых главных героев: в центре последних выпусков — борьба с общественными идеологами и журнальными вождями укреплявшейся реакции (Б. Н. Чичерин, М. Н. Катков, Н. Ф. Павлов, П. Д. Юркевич).

Есть различие и другого рода: Добролюбов, Чернышевский, Антонович твердо остаются на почве фактов, для них главное — выбрать среди реальных поступков человека, характеризующих его общественную сущность, такие, которые к тому же поддаются юмористической трактовке. Салтыков, Некрасов, Буренин гораздо смелее заставляют своих «героев» (А. Очкина, М. Каткова и Н. Павлова, А. Краевского и С. Громеку) действовать в «предполагаемых обстоятельствах», комически домысливая линию их поведения.

«Свисток», никогда почти не раскрывавший, как уже говорилось, подлинных авторских имен, испытывал тяготение к тому, чтобы сделать круг вымышленных «авторов» постоянным. В нем сложились постоянные литературные маски: Конрад Лилиеншвагер, Яков Хам и не до конца определившийся, за безвременной кончиной Добролюбова, Аполлон Капелькин; продолжил свое литературное бытие К. Прутков. По-видимому, именно последний утвердил Добролюбова в мысли о жизнеспособности этого приема. В отличие от других литературных предшественников «свистковских» вымышленных авторов («Новый поэт» — И. И. Панаев, «Иван Чернокнижников» — А. В. Дружинин), Прутков был наделен гораздо более яркими и характерными психологическими и биографическими приметами. Добролюбов, подхватывая эту находку, тщательнее прорисовывает идеоло-

⁴⁷ Наше время, 1862, 3 апр., № 73.

гический портрет Лилиеншвагера и Хама: идейные флюгеры, «муза» которых легко меняет направление либерально-обличительное на казенно-патриотическое; он сосредоточен на чертах их мировоззрения более, чем на чертах характера. Интересно, что в «Свистке» сам образ Пруткова эволюционирует в том же направлении.

Можно предположить, что не без обратного воздействия «Свистка» прием постоянной литературной маски укреплялся дальше («Михаил Бурбонов» и другие вымышленные авторы «Искры», «Гудка», «Отечественных записок» Некрасова — Салтыкова).

Но и в тех случаях, когда постоянная маска не складывалась, авторы «Свистка» очень любили повествование «от лица»: здравомыслящего купеческого сына Бадейкина («Вредная добродетель» Чернышевского), трезво-практичного скептического провинциала Д. Свиристелева (два «Письма из провинции» Добролюбова), умеренно-консервативного отца нетерпеливо-ретроградного сына («Письма отца к сыну» Антоновича). Мы встречаемся при этом с двумя различными оттенками. Порою здесь сатира «от первого лица», саморазоблачение отрицательных героев, возможностью перевоплощения в которых с удовольствием пользовались подлинные авторы, мыслящие «в образе» — чужими понятиями и словами. Но иногда это просто ироническая стилизация, которая наследовала сказовое повествование, так богато разработанное в недавнее время натуральной школой.

Наконец, к этому приему примыкает принцип образования псевдонимов. Это — чрезвычайно яркий момент в «Свистке», и можно не сомневаться, что каждое вымышленное имя тщательно коллективно продумывалось и шлифовалось, ибо в целом они образовали сюиту сатирически значимых, намекающих, реально-содержательных «кличек».

Целая группа псевдонимов имеет источником реальные имена конкретных литераторов, творчество которых задето в «свистковских» пародиях. На происхождение «К. Лилиеншвагера» от фамилии М. П. Розенгейма указал еще М. К. Лемке (немецкое: Rosen — розы, Oheim — дядя; Lilien — лилии, Schwager — шурин, зять). Впоследствии, в № 9, уже просто по аналогии появился «Фердинанд Тюльпанензон» — псевдоним, использованный в фельетоне П. М. Ковалевского «Голос из «акционерной пучины»». Источником имени и фамилии «Якова Хама» явилась, как установил Б. Я. Бухштаб, фамилия часто упоминаемого в «Свистке» А. С. Хомякова. «Капелькин» поименован «Аполлоном», видимо, в порядке намека на А. Н. Майкова. «Смарагд Бриллиантов» (тоже у Ковалевского) наречен от фамилии консервативного поэта Б. Н. Алмазова (выступавшего и в амплу сатирика).

В иных случаях синтез вымышленного и реального в псевдонимах, призванных намекнуть на определенный прототип, был сложнее. Так, подпись «Григорий Сычовкин» под фельетоном М. Л. Михайлова «Г. Геннади, исправляющий Пушкина», подразумевает Г. Н. Геннади, объединяя его имя с названием уезда (Сычовского, Смоленской губернии), где находилось его имение. Псевдоним В. П. Буренина «Михаил Антиспатов» («Ах, зачем читал я «Время»!..) сочетает имя издателя «Времени» М. М. Достоевского с вымышленной фамилией, напоминая читателю о досадном промахе этого журнала: там были напечатаны лекции Т. Н. Грановского из курса, читанного

в Московском университете; публикация осуществлялась по студенческим записям, что послужило причиной некоторых искажений: вместо «оптиматы» повторялось бессмысленное «антиспаты»⁴⁸; над этим долго иронизировала вся русская пресса. По неизвестной причине в оглавлении № 8 не был обозначен псевдоним М. А. Воронова «Тертий Побирухин», хотя в объявлении о предстоящем выходе в свет «Современника» с этим выпуском «Свистка» он упоминался: «Былина. Произведение новейшей народной музыки, записанное близь Москвы Тертием Побирухиным»⁴⁹. Судя по всему, подразумевался Тертий Филиппов — консервативный общественно-литературный деятель, славянофил, известный как знаток и собиратель народной поэзии. (Этим псевдонимом Воронов затем пользовался в «Искре».)

Некоторые псевдонимы имели отправной точкой факты журнальной полемики. Сатирическая кличка «Эфиоп», которую употребил Чернышевский (№ 8), пародировала подпись «Готтентот» под враждебной «Современнику» статьей в «Нашем времени» (см. подробнее в примечаниях). Псевдоним «Михаил Змиев-Младенцев» был рожден в перипетиях начавшегося спора М. Е. Салтыкова-Щедрина с Ф. М. Достоевским: сатирик, выступивший в «Современнике» (1863, № 1—2), с яркой апологией революционного «мальчишества», был за это иронически аттестован своим оппонентом в памфлетах «Молодое перо» и «Опять «Молодое перо»» («Время», 1863, № 2, 3) как «юное дарование», «молодой человек», «молодая сила». Эти насмешливо подчеркнутые эпитеты, очевидно, и подсказали Салтыкову прозрачный псевдоним, которым он воспользовался в первый и последний раз в данном случае (одновременно под ним же укрылся в № 9 и В. Буренин).

О происхождении некрасовского псевдонима «Савва Намордников» писал П. В. Быков: якобы, цензурное насилие над вторым изданием стихотворений поэта вызвало шутку графа Адлерберга: «На вас надели намордник. Вы можете теперь под шуточными стишками так и подписываться — «Намордников»; в сочетании с «деревенским именем» «вышел псевдоним, очень понравившийся <...> Ковалевскому, Добролюбову, Михайлову»⁵⁰. Если толчок и был таков, то Некрасов использовал псевдоним в совершенно ином направлении: им подписаны главным образом стихотворения, в которых изложение идет от имени человека, стремящегося надеть намордник на свободное слово демократической литературы.

Гораздо реже в «Свистке» псевдонимы, не имеющие конкретного подтекста (фамилия «Ст. де Канарда» — вымышленного автора добролюбовского «Письма благонамеренного француза...» — переводится как «утка»; «Чурмень» («Забракованные» Некрасова), вероятно, образован от заклинательного возгласа «Чур меня!». Очевидно, только целью подразнить тяжело-весно-«серьезного» враждебного читателя внушены псевдонимы Добролюбова «Д. Свиристелев» и «Кондратий Шелухин»).

⁴⁸ Время, 1862, № 4, с. 5—39.

⁴⁹ Московские ведомости, 11 февр., 1862 г.

⁵⁰ Быков П. В. Силуэты далекого прошлого. М.; Л., 1930, с. 104—105.

* * *

«Свисток» быстро стал важным фактом современной литературной жизни. Откликаясь на длительную приостановку «Современника», «Искра» писала:

Дайте нам журнал любимый
И чтоб был при нем «Свисток»,
Чтобы свист неумолимый
Раздаваться вольно мог ⁵¹.

«Хороша <...> наша петербургская журналистика и рыцари Свистопляски, у которых «Свисток» был сначала только отделом журнала, но свистать им так понравилось, что у них журнал вдруг сделался отделом «Свистка». Ни живому, ни мертвому пощады не дают», — утверждал недружелюбный к «Современнику» «Светоч» ⁵². «Все, что не попало в театр, читает «Свисток», — с плохо скрытой завистью свидетельствовало угасавшее «Наше время» ⁵³. Уже в полном разгаре своего спора с «Современником» Ф. М. Достоевский с бесспорным и ненаигранным уважением писал: «Собственно против свиста мы ничего не имеем. Это только особенная форма проведения мысли, употреблявшаяся в последнее время с большим успехом в отечественной словесности» ⁵⁴.

Первый же год существования «Свистка» (1859, № 1—3) настолько укрепил его позиции, что редакция «Современника», дорожа возможностью информировать о нем читателя, с 1860 г. стала раскрывать содержание выпусков «Свистка» в извещениях о выходе очередных книжек журнала, а продолжение его издания оговаривалось в объявлениях о подписке. В объявлении «Об издании «Современника» в 1860 году» говорилось: «Так как не все явления <...> заслуживают обсуждения серьезного, а между тем некоторые из них обращают на себя внимание по своей оригинальности, то редакция «Современника» предположила касаться таких явлений в юмористической форме, отделяя иногда для этого в своем журнале по несколько страниц под названием *Свисток*. Эти заметки время от времени будут продолжаться и в следующем году, несмотря на негодование пуристов, утверждающих, что насмешливый тон неприличен серьезному журналу, и ставящих нам в пример «Revue des deux Mondes», в котором нет ничего подобного. Единственная уступка, которую мы можем сделать таким господам, состоит в покорнейшей просьбе — не разрезывать страниц «Свистка»!» Выше разъяснялся характер «современниковской» сатиры: «Нашим насмешкам и преследованиям подвергаются все громкие фразы, бедные внутренним смыслом, всякий дуализм воззрения, легкомысленная непоследовательность принятым началам и всякое увлечение блестящими формами без надлежащего внимания к сущности самого дела» ⁵⁵.

⁵¹ Монументов Вл. <Буренин В. П.> Сцены из комедии «Литературный маскарад». — Искра, 1863, № 1, с. 13.

⁵² Современное обозрение. — Светоч, 1860, кн. VI, с. 51.

⁵³ Письма петербургского старожилы. VI. — Наше время, 21 февр., 1862 г.

⁵⁴ <Достоевский Ф. М.> Журнальные заметки. 1. Ответ «Свистуну». — Время, 1863, № 2, с. 215.

⁵⁵ Московские ведомости, 5 нояб., 1859 г.,

После многочисленных нападков на «Свисток», которыми был богат, 1861 г., редакция сочла нужным подчеркнуть: «В отделах библиографии, внутреннего обозрения, фельетона «Современник» старается, как заметили, конечно, читатели, не о педантической полноте и систематичности, но всего более о проведении, хотя бы и в беглых заметках, тех же истин и выводов, разъяснению которых посвящаются, по возможности, цельные статьи в других отделах журнала. Этой же цели служил и «Свисток», от которого редакция вовсе не намерена отказываться»⁵⁶.

Критическая реакция на «Свисток» в печати была, как уже говорилось, бурной; но дать полную сводку откликов на него довольно трудно, и вот по какой причине. Полемика со «Свистком» чаще была замаскированной, его редко называли прямо, еще реже указывали какие-то конкретные материалы. Обычно, выражая отрицательное отношение к «Свистку», уклончиво писали о «свисте», «свистунах», «свистопляске» вообще. Но в эту категорию попадали и «Современник» в целом, и — особенно — «Искра», а вскоре и «Русское слово». Характерной была также замедленность реакции: выпуски «Свистка», вышедшие в начале года, поминались на всем его протяжении⁵⁷.

Проблема: воздействие «Свистка» на русскую печать, на литературу в целом еще не разрешена. Между тем здесь есть чрезвычайно интересный материал. «Свисток» искоренил в русской публицистике многие ходячие темы и формулы (например напыщенную тему «настоящего времени, когда...»), его пародии влияли на изменения в массовой журнальной поэзии 1860-х годов и т. д. Конечно, смысл существования органа революционно-демократиче-

⁵⁶ «Московские ведомости», 22 окт., 1861 г.

⁵⁷ Московские ведомости, 23 апр. 1859 г., Письмо к редактору; Колокол, 1 авг. 1859 г., л. 44, с. 363—364; Отечественные записки, 1860, № 9, Русская литература, с. 34, 38; Светоч, 1860, кн. VI, Современное обозрение, с. 51; Русский вестник, 1860, т. 30, декабрь, кн. 1 (Несколько слов вместо «Современной летописи», с. 481); Искра, 1861, № 1, с. 3—4; Русский вестник, 1861, т. 31, январь, кн. 1 (Несколько слов вместо «Современной летописи», с. 479); Время, 1861, № 1 (Критическое обозрение, с. 46—64); Русский вестник, 1861, т. 31, февраль (Литературное обозрение и заметки, с. 895); Там же, 1861, т. 32, март (Литературное обозрение и заметки, с. 18—21); Время, 1861, № 3 (Полемическая смесь, с. 71—84); Там же, 1861, № 4 (Критическое обозрение, с. 121); Отечественные записки, 1861, № 5 (Современная хроника России, с. 19—21); Время, 1861, № 5 (Смесь, с. 15—39); Русский вестник, 1861, т. 33, июнь (Литературное обозрение и заметки, с. 154); Русское слово, 1861, № 8 (Дневник Темного человека, с. 2—4); Там же, 1861, № 10, Время, 1861, № 9 (Смесь, с. 132); Русский вестник, 1861, т. 36, ноябрь (Литературное обозрение и заметки, с. 45—46); Отечественные записки, 1862, № 2 (Письма об изучении безобразия, с. 37, 43—45); Наше время, 1862, 21 февраля, № 38 (Письма петербургского старожила); Северная почта, 1862, № 45, № 46 (Обозрение журналов); Отечественные записки, 1862, № 3 (Современная хроника России, с. 14—15); Искра, 1862, № 14, 20 апреля, с. 204—206; Наше время, 1862, 6 июня, № 119; Искра, 1862, № 31, 17 августа, с. 412; Отечественные записки, 1862, № 8 (Современная хроника России, с. 47); Время, 1862, № 10 (Современное обозрение, с. 144); Развлечение, 1863, № 4, 23 января; Искра, 1863, № 1, 6 января, с. 13; Время, 1863, № 2 (Современное обозрение, с. 199); Искра, 1863, № 10, 15 марта, с. 138; Там же, 1863, № 16, 3 мая, с. 225; Там же, 1863, № 19, 24 мая, с. 266; Там же, 1863, № 20, 31 мая, с. 279.

ской сатиры вовсе не в этом, хотя и такие факты показательны. Гораздо важнее, что «Свисток», в ряду других явлений, идейно и эстетически подготовил зрелую сатиру Салтыкова-Щедрина, ярчайший взлет которой на рубеже 1860-х — 1870-х годов был бы, вероятно, затруднен без этого предварительного приготовления почвы.

Было бы ненужным преувеличением утверждать, что все, опубликованное в «Свистке» за время его существования, находилось на одинаково высоком уровне. Там появлялись и материалы сравнительно случайных авторов, с недостаточно ярко выраженным комическим началом, лишенные той энергии мысли и блеска остроумия, которыми отличались шедевры Добролюбова, Некрасова, Салтыкова, лучшие прутковские вещи. Но, включаясь частью в целое номера, получая как бы дополнительное освещение от опубликованных рядом произведений, они почти всегда становились полезным приращением к главному и «срабатывали» в общем сатирическом замысле.

В итоге общих художественных усилий в «Свистке» все направлялось к единой цели, возникала система «перекрестного огня», создавшая редкую целеустремленность боевой демократической сатиры.

ПРИМЕЧАНИЯ

В полном виде «Свисток» издается впервые. Некоторые произведения перепечатывались в собраниях сочинений Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, К. Пруtkова. Однако подобные обращения к материалам «Свистка», преследовавшие свои задачи, не могли дать исчерпывающего представления о сатирическом издании. В настоящей публикации предполагается достичь именно этой цели и познакомить современного читателя с замечательным литературным памятником писателей-шестидесятников.

Тексты всех девяти выпусков «Свистка» (1859—1863) печатаются по журналу без изменений. Такая текстологическая установка обусловлена принципом издания памятника, воссоздаваемого в том виде, в каком произведения «Свистка» реально становились достоянием читателей 60-х годов прошлого века. Несмотря на постоянное давление со стороны цензуры, наносившей ощутимый урон не только отдельным произведениям, но порою и составу срочно перестраивающихся выпусков (особенно № 6 и 7), «Свисток» все же достигал своих целей и оказывал заметное влияние на общественно-литературное движение своей эпохи. Принцип публикации памятника диктует не реконструкцию первоначального замысла, подвергнувшегося цензурному вмешательству, а воспроизведение номеров «Свистка» в их первопечатном виде.

В настоящем издании произведена сверка текстов с дошедшими до нашего времени рукописями и корректурами (остается неизвестной лишь корректура № 9 «Свистка»). Наиболее существенные разночтения включены в текстологический комментарий. Таким образом, доцензурная редакция произведений также представлена современному читателю.

Текстологический комментарий опирается в основном на результаты, достигнутые советскими текстологами при подготовке собраний сочинений главных участников «Свистка» Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова, К. Пруtkова. Добролюбовские части «Свистка» впервые были приведены в соответствие с первоначальными авторскими замыслами Чернышевским в посмертном издании сочинений писателя (т. IV. СПб., 1862), и это учтено в текстологических комментариях к произведениям Добролюбова. Новое обращение к корректурам позволило в то же время уточнить первоначальный состав номеров, подвергшихся перестройке вследствие цензурного вмешательства. Эти сведения содержатся в текстологических преамбулах. В ряде случаев удалось установить не изученные до сих пор варианты текстов Добролюбова, Некрасова, Пруtkова.

Орфография и пунктуация в настоящем издании приближены к современным нормам. Цитаты заключены в кавычки, в названиях литературных произведений и периодических изданий второе слово печатается не с заглавной буквой, как нередко писалось прежде, а со строчной («Московские ведомости», «Русский вестник»). Без изменений оставлены написания некоторых характерных для тогдашней эпохи слов (выростут, полнощный, соделал, сантиментальность, нумер и др.). Недостающие части публикуемых в примечаниях вариантов * обозначены многоточием. Зачеркнутый в рукописи или кор-

* Некоторые корректуры дошли до нашего времени в дефектном состоянии.

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ.

—
ТОМЪ LXXIII
—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

—
1859

*Титульный лист журнала «Современник» (1859, № 1),
в котором помещен первый выпуск «Свистка»*

ректуре текст воспроизводится в квадратных скобках. Все редакционные конъектуры вводятся в текст и в примечания в угловых скобках. Отсутствующие в «Свистке» переводы иноязычных слов и фраз даются здесь же под строкой.

Раздел «Дополнения» составился из написанных Добролюбовым первоначальных программ «Свистка», проливающих свет на историю возникновения издания, а также произведений Добролюбова и К. Пруtkова, предназначавшихся в «Свисток», но по разным причинам туда не попавших. Прикосновенность их к «Свистку» подтверждается текстуально или документально (корректурными листами, свидетельствами современников и т. д.). Состав раздела определяется принципом воспроизведения памятника. В него не вошли статья Добролюбова «Стихотворения Михаила Розенгейма», напечатанная до возникновения «Свистка» («Современник», 1858, № 11), «Атенейные стихотворения» и «Успехи гласности в наших газетах», обнародованные Добролюбовым вне «Свистка» («Искра», 1859, № 6, 9), и долгое время остававшееся не опубликованным его же стихотворение «Средь акрополя разбитого», связь которого со «Свистком» не поддается документальному обоснованию. Исключение составило «искровское» стихотворение Добролюбова «Чувство законности», первоначально включенное автором, как это видно из корректуры, в первый выпуск «Свистка» и перепечатанное позднее в составе этого номера Чернышевским.

Научный аппарат книги включает статью А. А. Жук и Е. И. Покусаева ««Свисток» и его место в русской сатирической журналистике 1860-х годов», историко-литературный и текстологический комментарий, указатель имен.

Структура комментария вытекает из общего принципа издания: примечания к отдельным произведениям предварены текстологической преамбулой и вступительной заметкой, характеризующей каждый выпуск «Свистка» в целом. Непосредственно за примечаниями к текстам всего выпуска следуют в единой нумерации примечания к вариантам, содержащимся в текстологических комментариях.

Вступительные заметки к каждому из номеров «Свистка», историко-литературный комментарий составлены А. А. Жук (за исключением примечаний в № 9 к произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина, написанных В. В. Прозоровым). Подготовка текста, составление раздела «Дополнения», текстологические преамбулы и комментарии выполнены А. А. Демченко. Общая редакция издания осуществлена Е. И. Покусаевым и И. Г. Ямпольским.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

В	— «Время»
ГБЛ	— Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
Гонорар. вед.	— Гонорарные ведомости «Современника». Вступит. статья и публикация С. А. Рейсера. — «Литературное наследство», 1949, т. 53—54
ГПБ	— Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
И	— «Искра»
Изд. 1862	— «Сочинения Н. А. Добролюбова», т. IV, СПб., 1862
К	— «Колокол»
ЛН	— «Литературное наследство»
МВ	— «Московские ведомости»

НВ	— «Наше время»
ОЗ	— «Отечественные записки»
ПД	— Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом)
ПССД (Аничков)	— Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений под ред. Е. Аничкова, т. I—IX. СПб., 1911—1913
ПССД (Лемке)	— Н. А. Добролюбов. Первое полное собрание сочинений под ред. М. Лемке, т. I—IV. СПб., 1912
ПССД (1939)	— Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. VI. М., 1939
ПССН (1948)	— Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. I—XII. М., 1948—1953
ПССН (1967)	— Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений в 3-х т. Общая ред. и вступит. статья К. И. Чуковского, т. 2. Л., 1967 (Большая серия «Библиотеки поэта»)
ПССП (1884)	— К. Прутков. Полное собрание сочинений. СПб., 1884
ПССП (1885)	— К. Прутков. Полное собрание сочинений. 2-е изд. СПб., 1885
ПССП (1965)	— К. Прутков. Полное собрание сочинений. Вступит. статья и примеч. Б. Я. Бухштаба. М., Л., 1965 (Большая серия «Библиотеки поэта»)
ПССЧ	— Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в 16-ти т. М., Гослитиздат, 1939—1953
РВ	— «Русский вестник»
С	— «Современник»
СПб. ведомости	— «Санктпетербургские ведомости»
Св.	— «Свисток»
СН (1874)	— «Стихотворения Н. Некрасова», т. 3, ч. 6. СПб., 1874
СН (1879)	— «Стихотворения Н. А. Некрасова», т. I—IV. СПб., 1879
ССД	— Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в 9-ти т. М., Л., 1961—1964
ССЩ	— М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 20-ти т. М., 1965—1977
Указатель С	— В. Боград. Журнал «Современник», 1847—1866. Указатель содержания. М., Л., 1959
ЦГАЛИ	— Центральный Государственный архив литературы и искусств СССР
ЦГАОР	— Центральный Государственный архив Октябрьской революции
ЦГИА	— Центральный Государственный исторический архив СССР
ценз. разр.	— Дата цензурного разрешения к печати

СВИСТОК 1

Впервые — С, 1859, № 1, с. 183—214. Ценз. разр. 1 и 19 января. вып. в свет 24 января 1859, цензор Д. Мацкевич.

Составлен Добролюбовым и лишь одна статья («Вредная добродетель») написана Чернышевским. В ЦГАЛИ хранится корректура добролюбовской части «Свистка» с надписью: «Современник 1859 № 1. Его высокородию г-ну цензору Мацкевичу. Современник. Из типографии К. Вульфа. Конец 1 нумера». Корректра состоит из четырех полос — «форм» («формой» назывался корректурный лист с четырьмя столбцами набранного текста, в сверстанном виде дававшего восемь журнальных страниц, что составляло половину печатного листа). 1-я «форма» неполная (полтора столбца), на ней надписи: «Г-ну цензору янв. 1859», «Печатать позоляется. 18 янв. 1859. Цензор Д. Мацкевич». На остальных «формах» вверху написано: «Соврем^{енные} заметки. Г-ну цензору янв. 18». Внизу цензорская пометка: «Печатать». «Современные заметки» — журнальный подотдел, существовавший четыре месяца (сентябрь — декабрь 1858). С январской книжки 1859 г. был упразднен отдел «Критика и библиография», вслед за которым обычно помещались материалы «Современных заметок», и возник новый — «Современное обозрение», к которому и примыкал «Свисток». Статьи в корректуре имеют общее оглавление — «Свисток».

Собрание литературных, журнальных и других заметок» — и расположены несколько иначе, чем в журнале: «Мотивы современной русской поэзии» помещены не в конце номера, а сразу после «Вступления», статья же Чернышевского отсутствует. В изд. 1862 Чернышевский восстановил первоначальную композицию первого выпуска «Свистка».

Первый номер «Свистка» вместе с близкими по времени статьями Добролюбова («Новые стихотворения В. Бенедиктова», «Стихотворения М. Розенгейма», «Литературные мелочи прошлого года») объединен темой, новой в передовой публицистике предреформенной поры. Сам Добролюбов формулировал ее так: «Доселе все поражали рутинистов, но «Свисток» предполагает себе задачу не щадить и неразумных прогрессистов, так как они ложными толкованиями и безрассудными применениями могут повредить делу общественного просвещения не менее людей самых отсталых и невежественных»¹. Шестидесятники справедливо считали, что добролюбовский «Свисток» открыл эту тему, столь важную для всей демократической литературы и журналистики: тему «недоверчивого» отношения «к нашему официальному прогрессу»².

В первом, «пробном» номере еще не столько развернута блистательная собственная сатира «Свистка», сколько проделан труд расчистки поля для настоящего бескомпромиссного обличения, как понимала его революционная демократия.

Потребность осмыслить явление гласности и обличительства, уже около трех лет свирепствовавших в русской печати, была своевременной. Ее испытывал не один Добролюбов. В самых разных идейно-общественных кругах (либеральном, славянофильском) развернулось обсуждение значения обличительной беллетристики. Одновременно с первым «Свистком» к этому обратился орган славянофилов «Русская беседа»³. 4 февраля 1859 г. в заседании Общества любителей российской словесности И. В. Селиванов выступил с речью «О значении обличительной литературы и необходимости ее в различные времена жизни». С. М. Соловьев там же развивал мысль, что «обличение» — принадлежность не только «эпохи упадка», но «эпохи развития»⁴. Общий смысл ходовых суждений в итоге свелся к тому, что «гласность в соединении с образованием есть лучший общественный двигатель»⁵.

Хорошо понимая, какой тормоз развитию общественного сознания представляет это убеждение, настойчиво внедряемое либеральной печатью, Добролюбов подчинил большинство материалов номера (автором которых был он сам) задаче резкого, насмешливого отмежевания от ходячих тем, объектов и приемов мелкого обличительства.

Добролюбов сатирически сгруппировал реальные газетные отчеты о микроскопическом «оздоровлении общественной среды», которым, между тем, так гордилась либеральная пресса («Русские в доблестях своих»). Он высмеял ожесточенные, но бесплодные личные перепалки, заполнявшие в это время русскую печать под видом «полезной возможности» «каждому высказать свое мнение», как выразились чуть позже «Московские ведомости»⁶ («Проект протеста против «Московских ведомостей»). Обе статьи документально свидетельствовали читателю ничтожность успехов российского «прогресса».

Центральное положение в этой группе материалов заняло «Письмо из провинции». В 1858 г. издаваемый В. Р. Зотовым журнал «Иллюстрация. Всемирное обозрение» поместил в № 35 антисемитскую статью П. М. Шилевского (под псевдонимом «Знакомый человек») («Западнорусские жида и их современное положение»⁷. Ему возразил М. Горвиц («Русские евреи. По поводу статьи об них в «Иллюстрации»). — «Атеней», 1858, ч. V, сентябрь — октябрь, с. 421—439) и И. А. Чацкий («Иллюстрация» и вопрос о расширении гражданских прав евреев». — РВ, 1858, сентябрь, кн. 2). Последовал грубый ответ «Иллюстрации», содержащий личные выпады против Горвица и Чацкого. В завязавшуюся

¹ См. наст. издание, с. 330.

² Писарев Д. И. Соч.: В 4-х т., т. 2, М., 1955, с. 360.

³ А. И. Ц. О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе. — Русская беседа, 1859, № 1.

⁴ См. МВ, 1859, 10 марта, № 59.

⁵ Материалы для физиологии русского общества. — МВ, 1859, 27 августа, № 203.

⁶ Там же, 1859, 27 марта, № 74.

⁷ Авторство установлено Б. Ф. Егоровым (см. «Учен. зап. Тартуского Госуниверситета», 1959, № 78, с. 120).

полемику включилось большинство газет и журналов, причем в шумных опровержениях «недопустимых выражений» «Иллюстрации» оказалась обойденной суть статьи Шпилевского, отвергавшей мысль о возможности расширения гражданских прав евреев. В «СПб. ведомостях», «Северной пчеле», «Московских ведомостях» и «Русском вестнике» появился печатный протест, который подписали в конечном счете более 150 литераторов и ученых⁸. Добролюбов анонимно откликнулся на это происшествие заметкой «Известия» (С, 1858, № 12, с. 303) и дал ему развернутую оценку в «Письме из провинции»: печатные кампании и либеральные походы по частным поводам не приносили, по его мнению, никакой общественной пользы, лишь отвлекая от главного вопроса современности — борьбы с крепостничеством. Правоту добролюбовского скептицизма подтвердили события ближайших лет: многие «благородные протестанты» вскоре сами выступили с националистическими заявлениями, и в 1862 г. «Свистку» пришлось снова обращаться к этой теме (см. № 8).

«Мотивы современной русской поэзии» входят в тематическое русло борьбы с либеральной гласностью, прямо продолжая рецензию Добролюбова на «Стихотворения Михаила Розенгейма», с которой этот цикл связан сатирическим образом благонамеренно-прогрессивного стихотворца Конрада Лилиеншвагера. Он впервые возник в рецензии и получил затем разностороннее развитие в «Свистке». Пародирование мертво-дидактической либеральной тенденциозности в литературе, породившей во второй половине 1850-х годов специфическую мнимо-гражданскую поэзию, представленную именами В. Бенедиктова, М. Розенгейма, отчасти — Ап. Майкова, Добролюбов считал важной задачей и неуклонно выдерживал это тематическое направление и в дальнейшем.

Следует заметить, что принципиальную разницу между добролюбовской стихотворной сатирой и рифмованными обличениями, против которых она была направлена, не сразу уяснили современники. В фельетоне, ныне атрибутированном И. С. Тургеневу, «Шестилетний обличитель» («Искра», 1859, № 50) утверждалось, что «-бов <Добролюбов. — А. Ж.> и Розенгейм <...> цветки, растущие на одной и той же ветке!»⁹

Но уже в этом выпуске появились материалы, знакомившие читателя с образцами той сатиры, которую намеревался культивировать «Свисток». Статьи Чернышевского «Вредная добродетель» и Добролюбова «Почитатель дворянок» являли обличение на главном жизненном направлении — в 1859 г. это был крестьянский вопрос.

Поводом для выступления Чернышевского послужило движение против винных откупов, возникшее осенью 1858 г. первоначально в Ковенской губернии, где крестьяне нескольких уездов договорились между собой не пить водки, цена на которую была взвинчена откупщиками. Вскоре оно охватило многие районы страны: сведения о «зароках» поступали в газеты из Саратовской, Рязанской, Нижегородской, Тульской, Московской губерний, из Вильно, Гродно, Владимира и Ярославля. Это движение натолкнулось на резкое — вплоть до применения военной силы — сопротивление властей, опасавшихся не только падения доходов от питейного сбора, но главным образом самого факта объединенных действий крестьянских масс¹⁰. Именно поэтому Чернышевский в настоящей статье, а также Добролюбов¹¹ и Герцен¹² придавали движению трезвости большое значение. Герцен страстно разоблачал правительственный террор против крестьян, участвовавших в движении. Чернышевский и Добролюбов сосредоточились на широких политических обобщениях, которые можно было извлечь из этого случая, трактуя его как пример способности

⁸ Подробное освещение этого эпизода — в ПССД (1939), с. 703; уточнения: ССД, т. 7, с. 583.

⁹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения, т. XV. М.; Л., 1968, с. 224.

¹⁰ См.: Нифонтов А. С. Статистика крестьянских движений в России 50-х гг. 19 в. по материалам III Отделения. — В сб.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961, с. 187.

¹¹ О распространении трезвости в России [Народное дело]. — С, 1859, № 9, с. 1—36.

¹² Пьянство, возведенное в православную и государственную обязанность. — К, 1859, л. 44, 1 июня; Еще о возведении пьянства в православную и государственную обязанность. — Там же, 1859, л. 46, 22 июня; Смерть или косушку! — Там же, 1859, л. 52, 15 сентября; Набег немецких татар в Тамбовскую губернию. — Там же, 1860, л. 67, 1 апреля; Узаконение государственного разбоя. Меры правительства относительно трезвости. — Там же, 1860, л. 76, 15 июля.

народа к самоотверженным и решительным общественным деяниям. В этом смысл смелого эзоповского уподобления Чернышевским движения трезвости — эпизоду, положившему начало победоносной общенациональной борьбе Североамериканских колоний за освобождение от власти британской короны (см. подробнее примечания, с. 440). В статье Чернышевского раскрывается, по контрасту с народным образом, и двойственный облик российских либералов, «усвоивших <...> форму гуманности», но имеющих «страшные мысли <...> гнусные понятия».

К этому выступлению примыкает добролюбовское: «Почитатель дворянок». Воспользовавшись статьей В. Половцова «О женщинах», помещенной в «плаптаторском» (Герцен) «Журнале землевладельцев», Добролюбов извлек из нее и четко вывел на первый план невольно приведенные автором данные о том, что лишь «меньшинство и притом незначительное» помещиков согласно на освобождение крестьян, стремясь, к тому же, отложить реформу в долгий ящик.

ВСТУПЛЕНИЕ

Св. 1, с. 183—184. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (рукопись, с которой производился набор) — в ГПБ. Цензорская корректура — в ЦГАЛИ. В корректуре зачеркнут последний абзац: «И первый, благодарный свист наш да раздастся в честь поэтов, прославляющих ныне русскую землю. То свищет недавно прославленный, исполненный благородства поэт Конрад Лилиеншвагер». Эти слова вычеркнуты, по всей вероятности, самим Добролюбовым в связи с изменением первоначального состава номера. Восстанавливая добролюбовскую часть «Свистка», Чернышевский воспроизвел и эти заключительные строки — изд. 1862, с. 350—351.

¹ ...монополью ... приобретена е. Байбородю, которого изобличительные письма вырывают дубы с корнями. — Байборода — коллективный псевдоним издателя-редактора журнала «Русский вестник» М. Н. Каткова (1818—1887) и его сотрудников, профессоров Московского университета П. М. Леонтьева (1822—1875) и Ф. М. Дмитриева (1829—1894). Под этим псевдонимом они публиковали в журнале в 1856—1858 гг. полемические «изобличительные письма», общее направление которых было выдержано в духе требований либерализации общественной жизни в России. Однако в начале 1859 г., одновременно с Добролюбовым, насмешливое, отрицательное отношение к поверхностному либерализму этой публицистики и ее грубому тону выразил М. Е. Салтыков: «И что за плоскость, что за беззубость в этих нелепых письмах <...> Неужели в литературе русской не поднимется ни один голос против площадного ругательства...» (ССЩ, т. 18, кн. 1, с. 204).

² ... привилегию, брошенную недавно самим князем Черкасским... — Участник подготовки и проведения крестьянской реформы славянофил кн. В. А. Черкасский (1824—1878) в статье «Некоторые общие черты будущего сельского управления» («Сельское благоустройство», 1858, № 9, с. 225—270) предложил временно сохранить телесные наказания для крестьян «в достаточных для внушения страха размерах» (с. 260). Под градом печатных упреков, в специальном «Объяснении» («Сельское благоустройство», 1858, № 11, с. 84—87) он «совершенно, безусловно» отказался от своего проекта.

ВРЕДНАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Св. 1, с. 184—189. Автор — Н. Г. Чернышевский. Авторизованная наборная рукопись (почерк неизвестного лица с поправками Чернышевского) и цензорская корректура — в ЦГАЛИ. Авторство Чернышевского подтверждается его указанием в списке 1861 г. (ПССЧ, т. XVI, с. 640) и гонор. вед., с. 249. На корректуре надпись: «Соврем(енные) заметки». В верхнем левом углу пометки цензоров: «Имею честь отнести на усмотрение г. действительного статского советника Юханцова. 18 янв. 1859. Цензор Мацкевич» и «Со стороны министерства финансов не настояит препятствия к печатанию. 18 января 1859. Действительный статский советник Юханцов». Судя по этим надписям, корректура подавалась цензору одновременно с добролюбовскими статьями. Впервые перепечатано с восстановлением цензурных изъятий в ПССЧ (1906), т. IV, с. 393—397.

СВИСТОКЪ

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, ЖУРНАЛЬНЫХЪ И ДРУГИХЪ ЗАМѢТОКЪ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Различные бываютъ свисты: свиститъ аквилонъ (сѣверный вѣтръ), проносясь по полямъ и дубравамъ; свиститъ соловей, сидя на вѣткѣ и любуясь красотами творенія; свиститъ хлыстикъ, когда имъ сильно взмахиваешь по воздуху; свиститъ благонравный юноша въ знакъ сердечнаго удовольствія; свиститъ городовой на улицѣ, когда того требуетъ общественное благо.... Спѣшимъ предупредить читателей, что мы изъ всѣхъ многоразличныхъ родовъ свиста имѣемъ преимущественную претензію только на два: юношескій и соловьиный. Свистъ аквилона, конечно, имѣетъ свои достоинства: грозно проносясь по обнаженному полю и клубомъ взвѣвая прахъ летучій, сей вѣтръ своимъ свистомъ приводитъ душу въ трепетъ и благоговѣніе. Но монополія аквилоннаго свиста давно уже пріобрѣтена г. Байбородою, котораго изобличительныя письма, говорятъ, вырываютъ дубы съ корнями. Мы не чувствуемъ въ себѣ столь великихъ силъ, и наши стремленія гораздо умѣреннѣе.—Свистъ хлыста и бича—тоже не дурень; но онъ какъ-то мало ласкаетъ нашъ слухъ, мы не хотимъ брать на него привиллегію, брошенную недавно самимъ княземъ Черкасскимъ, который пожелалъ было пріобрѣсть ее на неопредѣленное время для себя и своего потомства. Пріятнѣ звучитъ для насъ свистъ городоваго; но мы, по природной застѣнчивости, считаемъ себя не вправѣ предъявлять претензію на то, для чего уже существуетъ установленная городская власть. Совершенно другое дѣло — свистъ благонравнаго юноши, почтительный, умѣренный и означающій кроткое расположеніе духа, хотя въ тоже время нѣсколько игривый. На такой свистъ мы имѣемъ полное право, потому что во-первыхъ — мы благонравны; во-вторыхъ — если мы и не юноши, то

Стр. 7, строки 13—12 сн. В корректуре: Исправник отечески [посечет] накажет

Стр. 7, строка 11 сн. В корректуре: «Да за что же он [посечет] накажет»

Стр. 7, строки 1—2 сн. В корректуре: стало быть непокорнее, и накажи. [Они сдуру еще ропот подымут, станут говорить, что невинного наказывать хотите, — ну тогда и скажи: это что? Ропот против начальства? Неповиновение? Бунт? Так вы бунтовать хотите? Стало быть, все кругом уж и есть виноваты. Ну и накажи,], чтобы беспорядков не было.

Стр. 10, строка 21 св. В рукописи: Это геройство, [которому] [еще перед] [которому не удивится лишь один и] [разве идиот] другого имени нет

³ *Этого не может быть, чтобы нельзя было тут беспорядков найти.* — Сообщения о репрессиях против крестьян-«трезвенников» быстро просочились в печать: «Вопрос, довольно ли этим чиновначалие волости, и если нет, почему, стоит изучения <...> в ближайших административных инстанциях <...> нашли в этом проявлении народной самобытности очевидное отступление от правил сельского устава, покушения на собственность казны скопом, личную обиду откупщику» (МВ, 1859, 17 февраля, № 41). Еще более выразительные факты были приведены в герценовском «Колоколе» (см. вводную заметку).

⁴ *Отчего это ... о ковенском деле мало пишут?* — В дневнике А. В. Никитенко засвидетельствовано, что на публикацию этих материалов наложил вето Комитет по делам печати: «Признано совершенно неудобным печатать статью относительно распространения обществ трезвости» — записал он 12 марта 1859 г. (Никитенко А. В. Дневник, т. 2. М., 1955, с. 74).

⁵ *...семья ... питающаяся ... по выражению г. Шевырева, «скудной и неудобоваримой пищею».* — Имеется в виду: «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева. 1847» (М., 1850). Чернышевский насмешливо вспоминал это изречение Шевырева в третьей статье «Очерков гоголевского периода русской литературы» (см. ПССЧ, т. III; с. 91).

⁶ *...почти целый век образованный мир... превозносит силу самоотвержения североамериканцев, отказавшихся от употребления чаю.* — Упомянут известный эпизод «бостонского чаепития», предшествовавший войне быстро развивавшихся американских колоний за освобождение от английской метрополии, которая пыталась искусственно задерживать их экономический рост. В порядке сопротивления ввозу английских товаров (в частности — чая), обложенных таможенными пошлинами, в 1773 г. в Бостоне американцы сбросили в воду ящики с чаем с трех английских судов.

РУССКИЕ В ДОБЛЕСТЯХ СВОИХ

Св. 1, с. 189—193. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись с вклеенными вырезками из цитированных газет) — в ГПБ. В рукописи имело первоначальное заглавие «Русские анекдоты» (исправлено автором). Цензорская корректура — в ЦГАЛИ. Стр. 13, строки 13—17 св. Часть текста от слов «Заметим, что» до «Дай бог» (стр. 13, строки 13—17 св.) в рукописи отсутствует.

⁷ *В «Русском вестнике», когда он издавался еще Сергеем Николаевичем Глинкою...* — Добролюбов сатирически сближает выступления современной либеральной печати, претендующей на свободомыслие, с позицией казенно-патриотического органа, выходившего в Москве в 1808—1820 и 1824 гг. под редакцией литератора реакционной православно-монархической ориентации С. Н. Глинки (1775 или 1776 — 1847). Название настоящей статьи пародирует заглавие книги Глинки «Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и отечеству» (СПб., 1842).

⁸ *В настоящее время, когда...* — «бессмертная фраза» (Некрасов Н. А. «Недавнее время», гл. IV) Добролюбова, давшая емкую ироническую оценку чрезмерности предреформенных либеральных упований. «Добролюбов находил, что <...> шуткой, насмешкой и издевательствами можно будет вернее убить ненавистную и самодовольную фразу о настоящем времени», — вспоминал М. А. Антонович («Шестидесятые годы». М., Л., 1933, с. 152—153). Эта формула широко использовалась М. Е. Салтыковым и сатириками «Искры», быстро вошла в бытовой словарь современников (была подхвачена, в частности, И. С. Тур-

геновым, несмотря на его отрицательное отношение к «Свистку»; см. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. IV. М.; Л., 1962, с. 255).

⁹ ... г. Вышнеградский, покорнейше просящий, чтоб ему не давали взятку... — Хорошо знакомый Добролюбову по его студенческим годам профессор Главного педагогического института, редактор «Русского педагогического журнала» Н. А. Вышнеградский (1821—1872) неоднократно резко характеризовался на страницах добролюбовских дневников. Этот выпад по адресу Вышнеградского поддержала «Искра»: Пр. Знаменский <Курочкин В.С.>. Нечто о честности. — И, 1859, № 45, с. 445.

ПОЧИТАТЕЛЬ ДВОРЯНОК

Св. 1, с. 193—198. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. Цензорская корректура — в ЦГАЛИ. В рукописи статья первоначально называлась «Русский грамматик — любитель женского рода», затем — «Охотник до дворянок». Этот последний заголовок набран в корректуре, но был изменен, вероятно по требованию цензора. Заглавие «Охотник до дворянок» восстановлено Чернышевским в изд. 1862, с. 360—365.

Стр. 14, строки 12—10 сн. В изд. 1862 слова «ибо это лето» и далее до конца фразы взяты в кавычки.

Стр. 16, строка 5 св. В изд. 1862: не совсем согласно

¹⁰ ... есть несколько грамматик, сочиненных г. Виктором Половцовым... — В. А. Половцов (1803—1866) был автором «Русской грамматики для русских» (1835—1839), которая выдержала к 1857 г. 17 изданий. Ему же принадлежат «Краткий учебник русского языка и грамматики для русских» (2-е изд. — СПб., 1857), «Опыт руководства к преподаванию и изучению русской грамматики для русских» (3-е изд. — СПб., 1857).

¹¹ «... это лето (в которое издавался «Журнал землевладельцев») врежется на скрижалях отечественной истории... — «Журнал землевладельцев» издавался А. Д. Желтухиным (1820—1865) с помощью «пособия» «от государя» (Никитенко А. В. Дневник, т. 2, с. 78) в период учреждения губернских дворянских комитетов по обсуждению проекта крестьянской реформы; здесь и далее приводится точный текст статьи В. Половцова «О женщинах. Письмо к издателю» (с. 73—75).

¹² ...грамоту 1761 г., которою мы облагорожены... — Вероятно, имеется в виду так называемый указ о вольности дворянской: манифест 18 февраля 1762 г., изданный Петром III, где дворянское сословие именовалось «российским благородным дворянством» и ему была возведена свобода от обязательной государственной службы.

¹³ Ушли мы с 1831 года далеко... — Подразумевается, очевидно, закон о дворянских собраниях, принятый в 1831 г.

¹⁴ ...ошую ...одесную — по левую и правую руку (старосл.)

¹⁵ ...почтенный А. Д. — Желтухин.

¹⁶ ...знаменитый сын Игоря... — Святослав (ум. 972 или 973), великий князь Киевский (ок. 945—972).

¹⁷ Ольга слышала... от воинов супруга своего... — Игоря Рюриковича (ум. 945), с 912 г. — князя Киевского, родоначальника династии Рюриковичей.

¹⁸ ...сложить бремя правления на рамена сыновей (сыновей?!), — Святослав был единственным сыном Игоря и Ольги.

ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ

Св. 1, с. 198—210. Автор — Н. А. Добролюбов. Известны две редакции статьи. Часть автографа первой редакции (наборная рукопись) с начала статьи до слов «французского фельетониста» (Стр. 26, строки 10—11 св.) и от слов «<Недо>пюскин должен был» (Стр. 28, строка 18 сн.) до конца статьи — в ГПБ. Цензорская корректура (первые четыре полосы) — в ПД. Дата отправления к цензору — 7 декабря. Этот текст впервые воспроизведен в кн.: ПССД (Аничков), т. IX, с. 497—508 и перепечатан в ПССД (1939), т. 6, с. 659—665. Статья называлась «Нечто о литературном протесте» и предназначалась, как это видно из надписей на корректуре, для отдела «Современные заметки» декабрьской книжки

«Современника» за 1858 г. Предварительно Некрасов послал статью на отзыв И. С. Тургеневу, и тот высказался против ее напечатания. «Тон ее мне крайне не нравится <...>, — писал Тургенев в ответ. — Доказать необдуманность, пожалуй, вред протеста можно и даже должно — но без этих стишков «зубодробительных» и других ударов — словом, без этих любезностей и кривляний <...> О таком деле можно писать кратко, сухо, официально — или горячо, но уже никак не с юмором <...>» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. III. М., Л., 1961, с. 258). Письмо, по-видимому, обсуждалось в редакции «Современника» (оно было найдено в архиве Чернышевского — «Звенья», № 5, с. 262—264). Добролюбов написал краткое официальное «Объявление» (текст его идет в рукописи сразу после статьи), и оно было напечатано под названием «Известия» в С, 1858, № 12, отд. II, с. 303, без подписи — см. ЛН, т. 25—26. М., 1936, с. 246 и ССД, т. 3, с. 471. Но и статья Добролюбова все же была опубликована (через месяц, в «Свистке»), хотя и в несколько иной редакции: опущены отмеченные Тургеневым места и сделаны изменения в стиле, поскольку статья получила форму письма, якобы присланного из провинции. Рукопись второй редакции статьи неизвестна, ее корректура — в ЦГАЛИ. Характерно, что строки, вызвавшие критику со стороны Тургенева, в корректуре набраны. Пропуски текста «Свистка» восполнены Чернышевским — изд. 1862, с. 365—379. В корректуре второй редакции статья подписана «Д. Свистунов», в оглавлении журнала — «Н. Свиристилев».

Стр. 20, строки 7—9 св. В корректуре первой редакции статьи фраза, начинающаяся словом «Обвинение», зачеркнута.

Стр. 22, строки 16—17 св. В изд. 1862: дошло до такой подлости в своих нравственных понятиях. (В корректуре первой редакции статьи эта фраза вычеркнута.)

Стр. 23, строка 3 св. В изд. 1862: выказал замечательное тупоумие (В корректуре первой редакции слово «тупоумие» исправлено цензором на «отсутствие».)

Стр. 24, строка 18 св. В рукописи и в изд. 1862 после слов «А нам этого не хотелось бы» следовало: потому что в таком случае пришлось бы припомнить и тот стих, которого последнее слово рифмует с «носом», оканчивающим следующий за тем стих. (В корректуре первой редакции эта фраза зачеркнута.)

Стр. 25, строки 7—8 св. В рукописи после слова «злонамеренность», а в корректуре второй редакции после слова «искуснее» далее следовало: Один из моих <в рукописи: наших> знакомых, практический человек, утверждал, что бывают трех родов удары: *искросыпительные, зубодробительные и скуловоротные*, но что на практике различить их ужасно трудно, и особенно трудно сообразить их разницу в то время, когда готовишься нанести удар. Иногда намерен только так ударить, чтобы искры из глаз посыпались, а как ударишь — скула набок сворочена; в другом случае, напротив, зубы раздробить желаешь, а выйдет, что только искры из глаз выбил. Но чаще всего случается, что когда желаешь скулу своротить человеку, то у него тут же и зубы вылетают ... так что почти нет возможности соблюсти на практике полное различие между всеми тремя родами. Признаемся, мы, простые люди <слова «простые люди» в рукописи отсутствуют>, пришли бы в страшное затруднение, если бы нам пришлось определять относительное нравственное значение каждого из этих родов. Мы бы уж или все их осудили, или бы вовсе отказались от обязанности судить их.

Но вы, г. протестанты <в рукописи: Но протестанты>, как видно, думаете <в рукописи: думают> не так; вы решаетесь <в рукописи: они решаются> все оттенки разобрать и различить... Не знаем, как это удастся вам <в рукописи: им> впоследствии, но до сих пор вы <в рукописи: они> не показали особой проницательности.

Стр. 25, строка 10 св. В рукописи и в корректуре второй редакции после слова «молчали» следовало: им, конечно, казалось, что то был удар искросыпительный.

Стр. 25, строки 27—28 св. В рукописи и в корректуре второй редакции после слов «в нравственном отношении» следовало: Иначе сказать — там были удары искросыпительные...

Стр. 28, строки 2—3 св. Вместо «и это должно заставить вас напуститься на г. Зотова с новой силой!..» в изд. 1862: и у нас (верно, из того же источника) ходили слухи, что кто-то даже полтинник взял за подпись своей фамилии, а потом раскаялся и полтинник возвратил, но фамилии своей уже не получил обратно... Но это был, по всей вероятности, какой-нибудь исключительный случай. Ради бога, на меня-то еще не напишется протеста: я повторяю только то, что слышал, и готов хоть сию же минуту отказаться от своих слов;

я не то, что г. Зотов, и мнения гг. Милеантов, Дзюбина и Тимирязева для меня очень дорого. Меня уже, пожалуйста, оставьте в покое. Вот на г. Зотова напуститесь, собравшись с новой силой!

Стр. 28, строка 18 св. В изд. 1862 вместо «господ» — «негодяев».

¹⁹ *Какое торжество готовит древний Рим?*... — Начальные строки элегии К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс» (1817).

²⁰ *В нем признака небес напрасно не ищи*... — из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Не верь себе» (1839).

²¹ *...Н. Ф. Павлов ... только в экстренных ... случаях берущийся за остроумное перо свое ...* — Беллетрист, критик, публицист Н. Ф. Павлов (1805—1864) публиковал на страницах тогда еще либерального «Русского вестника» острые статьи (критический разбор пьесы В. А. Соллогуба «Чиновник» — 1856, т. III, июнь, кн. 1, с. 494—511, т. IV, июль, кн. 1, с. 385—418; иронический отклик на недоброжелательные воспоминания о Т. Н. Грановском В. В. Григорьева: «Биограф-ориенталист» — 1857, т. 8, март, кн. 2, с. 211—254; фельетон, осуждавший ажиотаж вокруг прибывшего в Россию А. Дюма: «Вотяки и г. Дюма» — 1858, т. 16, август, кн. 2, с. 697—716). Статья Павлова «Вопрос о евреях и «Иллюстрация»» появилась, вместе с другими материалами на ту же тему, в РВ, 1858, т. 18, ноябрь, кн. 1, с. 24—28.

²² *«бывают геростратовы славы...»* — Эфесский житель Герострат, по преданию, в 356 г. до н. э. сжег храм Дианы в своем родном городе, чтобы таким путем сохранить свое имя в истории.

²³ *...отражение мадритского огня...* — Имеется в виду террор инквизиции в Испании XIV—XV вв. (см.: Боткин В. П. Письма об Испании. Л., 1976, с. 70, 322—323).

²⁴ *Задеть мою амбицию...* — куплет из водевиля П. А. Каратыгина «Чиновник по особым поручениям» (1837).

²⁵ *Сколько их, куда их гонят?*... — из стихотворения А. С. Пушкина «Бесы» (1830).

²⁶ *брюссельская газета Le Nord* — «ритор, защитник, хвалитель Зимнего дворца» (Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XV. М., 1958, с. 133), полуофициальная газета, выходившая в Брюсселе на французском языке (в 1856—1871 гг., с перерывами) с целью противодействия герценовским изданиям и для пропаганды политики царизма; существовала на русские субсидии, но пыталась изображать «независимый орган».

²⁷ *Что мы не ведаем святыни...* — измененная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1828).

²⁸ *...сам г. редактор «Иллюстрации»* — В. Р. Зотов (1821—1896), беллетрист и драматург.

²⁹ *Вы в «Современнике» почти так и сделали...* — см. анонимную заметку Добролюбова «Известие» (С, 1858, № 12, с. 303).

³⁰ *...вспомнить эпиграмму Пушкина...* — Намек на строку из эпиграммы «Журналами обиженный жестоко» (1829): «На цензора вот подал он донос».

³¹ *...труд этот ... окажется ... неблагодарным, вследствие бесконечного разнообразия форм, под которыми может укрываться подлость...* — Независимо от Добролюбова аналогичное отношение к «протесту» выразил М. Е. Салтыков. В письме П. В. Анненкову от 2 января 1859 г. он писал: «Протест — это дело хорошее <...> Но меня удивляет в нем одно: почему не было такого же протеста по поводу клевет <...> на Островского? почему нет и не будет такого же протеста против поступка г. Каткова (см. Изобличительные письма «Р<усского> В<естника>» № 22...)» (ССЩ, т. 18, кн. 1, с. 204).

³² *Нас ... возмутила ... статейка, в которой Иванов обвинялся как тунеядец, даром бравший пенсию за то, чего не умел сделать...* — А. А. Иванов (1806—1858) по окончании Петербургской Академии художеств в 1830 г. был отправлен на средства Общества поощрения художников в Италию, где работал более 20 лет. Итог его трудов — картина «Явление Христа народу», привезенная в феврале 1858 г. в Петербург, была сдержанно принята, в высших сферах к художнику отнеслись пренебрежительно. После появления в «Сыне отечества» (1858, 22 июня, № 25) статьи В. Толбина «О картине г. Иванова», где утверждалось, что она «не вполне <...> оправдала <...> надежды, которые порождала <...> будучи еще незримой» (с. 711), в академических художественных кругах началась открытая кампания против Иванова; 3 июля 1858 г. он скончался. В защиту художника, вызвавшего глубокую симпатию демократической журналистики, выступили Н. Г. Чер-

нышевский (ПССЧ, т. V, с. 335—340), А. И. Герцен (А. Иванов. — К, 1858, л. 22, 1 сентября, с. 177—178).

³³ ...выходка в 239 № «СПб. Ведомостей против» «Русской беседы» какого-то г. Н. Н... — В славянофильском журнале «Русская беседа», 1858, кн. 3, была помещена за подписью М. Т. статья «Модный чиновник», содержащая критику новых администраторов — предреформенного, «александровского» образца. В фельетоне, который цитирует Добролюбов (Н. Н. Русская литература. Журналы. — «СПб. ведомости», 1858, 1 ноября, № 239), критический разбор этой статьи сопровождался бестактным примечанием, низводившим принципиальную полемику до личной перепалки.

³⁴ Выходки ... листков, называвших ... мошенниками издателей «Весельчака», выходки самого «Весельчака», купно с «Сыном отечества»... — 1858 г. отмечен в Петербурге массовым наплывом уличных юмористических листков, дорогу которым открыл возникший в феврале журнал «Весельчак». Рыночная конкуренция между этими низкопробными изданиями породила «полемические выходки», которые «возбуждают даже отвращение» (см. статью Добролюбова «Уличные листки», С, 1858, № 9, с. 85—93). Вражда «Весельчака» к журналу «Сын отечества» определялась тем, что в его редакцию вошли некоторые прежние сотрудники последнего (см.: Ямпольский И. Г. Сатирические и юмористические журналы 1860-х гг. Л., 1973, с. 7—11).

³⁵ ...чем же ... «Знакомый Человек» лучше ... г. Нестерова, Львова, Ижицына... — А. К. Нестеров был автором-издателем ряда уличных юмористических листков («Смех № 0», «Смех под хреном», «Смех смехович» и др.); благонамеренно-либеральный драматург Н. М. Львов (1821—1874), жестоко раскритикованный в «Современнике», полгода редактировал «Весельчака»; Ижицын — псевдоним рентильного литератора, журналиста, стихотворца Б. М. Федорова (1794—1875), под которым появились два его антигерценовских пасквильных листка «Ороскоп кота» и «Моим трутням совет». Издавна получивший позорную известность доношением, связями с III Отделением (см.: Ямпольский И. Г. Сатирические и юмористические журналы 1860-х гг., с. 29—31; Рейсер С. А. Добролюбов и Герцен. — «Изв. АН СССР», Отд. общ. наук, 1936, № 1—2, с. 178—181), неоднократно осмеянный передовой журналистикой, Федоров намеренно включен здесь Добролюбовым в круг поставщиков бессмысленного обывательского чтения, а не политических памфлетистов.

³⁶ ...таинственные незнакомцы, появившиеся в «Русском вестнике»... — Посвятив «поступку «Иллюстрации»» ряд материалов в кн. 1 ноябрьского номера за 1858 г., редакция «Русского вестника» в кн. 2 поместила «Дополнительный список лиц, протестующих против поступка «Иллюстрации» (с. 245). Там и содержались подписи ряда неизвестных широкой публике лиц (перечисляемых далее Добролюбовым). К настоящему времени исследователи установили среди них «несколько имен, сохранившихся в истории русской культуры» (см.: ССД, т. 7, с. 584).

³⁷ ...Д. Хомяков, И. Хомяков, С. Хомяков ... нет А. Хомякова... — Протест подписали безвестные однофамильцы значительного поэта и публициста славянофильского лагеря А. С. Хомякова (1804—1860), подпись которого отсутствовала.

³⁸ г. Кавелин с гг. Никитой Крыловым, С. Шевыревым и В. Лешковым, г. Чернышевский с Ф. Булгариным... — Фальшь самой идеи «протеста» Добролюбов подчеркнул парадоксальным сочетанием имен: либерального профессора К. Д. Кавелина (1818—1885) и его консервативных коллег Н. И. Крылова (1808—1879), С. П. Шевырева (1806—1864), В. Н. Лешкова (1810—1881); Чернышевского — и одной из самых фигур Ф. В. Булгарина (1789—1859). Добролюбова поддержал В. Курочкин (Слово примирения. (Материалы для истории русского просвещения с элегиями и пляскою) — И., 1861, № 42, с. 607—608):

Кто не участвовал в протесте?
Сошлись негаданно все вместе:
«Гудок» с «Журналом для девиц»,
· · · · ·
· · · · ·

Какая смесь одежд и лиц!
Все литераторы в печали
Протест сердитый подписали,
Не подписал один «Свисток»...

³⁹ Литературное есть дело... — измененные строки из монолога Репетилова (Грибоедов, «Горе от ума», д. IV, явл. 4).

⁴⁰ Перед этими стихами есть еще несколько таких... — «Шумим, братец, шумим. — Шумите вы? и только?» (там же).

⁴¹ *Чертопханов и Недоплюскин* — герои одноименного рассказа Тургенева (1848), вошедшего в цикл «Записки охотника».

⁴² *Ах, боже мой! Что станет говорить...* — заключительные строки «Горя от ума».

ПРОЕКТ ПРОТЕСТА ПРОТИВ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Св. 1, с. 211—212. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. Цензорская корректура — в ЦГАЛИ.

Стр. 29, с трока 19 сн. В рукописи: г. Свистунова

⁴³ ...г. Коршу, редактору «Московских ведомостей...» — Либеральный литературный деятель, в юности близкий кругу Герцена, Грановского, В. Ф. Корш (1828—1883) редактировал эту газету в 1856—1862 гг., превратив ее в один из главных органов той «гласности», против которой и был направлен весь первый номер «Свистка» в целом.

⁴⁴ ...в них помещались стихотворения гг. Бенедиктова, Вяземского, М. Дмитриева и даже ... Хераскова. — Подбор имен не случаен: Добролюбов уже давал суровую оценку произведениям В. Г. Бенедиктова (1807—1873) — С, 1858, № 1, с. 51—65, М. А. Дмитриева (1796—1866) — там же, № 9, с. 79—85. Творчество этих авторов, так же, как П. А. Вяземского (1792—1877) и М. М. Хераскова (1733—1807), воспринималось критиком как выражение безнадежно устаревших тенденций в поэзии. Между тем В. Ф. Корш, отказываясь печатать Шевырева, сам утверждал, что «торжественные, напыщенные оды <...> в настоящее время могут только уронить издание в общественном мнении» и «он считает своею обязанностью <...> принимать <...> стихотворения с строгою разборчивостью» (Благодарность гг. М. Старичкову и С. Шевыреву. — МВ, 1859, 2 янв., № 2).

⁴⁵ ...стихи его хуже всякой прозы. — Резко отрицательная оценка поэзии Шевырева была высказана еще в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевского (статья третья).

⁴⁶ *Мы не знаем г. Шевырева...* — Далее до конца абзаца пародируется текст «Протеста» против «Иллюстрации».

⁴⁷ ...к дворнику того дома, в котором живет таинственный любитель... — Под псевдонимом «Любитель» Я. В. Писарев издал драматическую пародию К. С. Аксакова «Олег под Константинополем». Курьезное газетное объявление о распространении этого сочинения предлагало «книгопродавцам» «спросить у дворника» дома номер квартиры издателя. Добролюбов насмешливо отрецензировал пародию (С, 1859, № 1, с. 72—77).

МОТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Св. 1, с. 212—214. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (черновые и наборные рукописи) — в ГПБ. Черновая рукопись представляет собою карандашные наброски семи стихотворений: 1. «Ты каналья, мерзавец, мошенник»; 2. «Слава нам! В поганой луже»; 3. «Одиннадцать рублей и тридцать три копейки»; 4. «Я видел муху в паутине»; 5. «Презрев людей и мир и помолившись богу»; 6. «Учились, бедные, вы в жалком пансионе» и 7. «Жизнь мировую понять я старался». Второе и четвертое стихотворения напечатаны в Св. 1 под заглавиями «Современный хор» и «Всегда и везде». Первое и третье («В альбом поборнику взятку» и «Уличенный мздоимец») вошли в рецензию Добролюбова на стихотворный сборник М. Розенгейма (см. ССД, т. 7, с. 281—306). Рукописи обнаруживают значительные расхождения с журнальным текстом, которые воспроизведены в ПССД (1939), т. 6, с. 665—667. Цензорские корректуры — в ЦГАЛИ. В корректурах отсутствует вступление («Желая доказать на деле наш образ мыслей») и к трем стихотворениям цикла прибавлено еще одно, содержащееся в наборной рукописи — «Чувство законности» (см. «Дополнения к «Свистку»). Все четыре стихотворения под общим заголовком «Мотивы современной русской поэзии» впервые перепечатаны Чернышевским в изд. 1862, с. 352—356.

Стихотворение «Современный хор» имело в рукописи, корректуре и ПССД (Аничков) другое заглавие: «Хор литературных обличителей (посвящается всем знающим дело)». Стихотворение же «Мысли помощника винного откупа» в рукописи первоначально озаглавлено «Поощренная дерзость» (зачеркнуто автором), а вместо слова «откупа» в рукописи-

корректуре, в оглавлении номера «Современника» и в изд. 1862 слово «пристава». Некоторые комментаторы высказывали предположение, что в данном случае мы имеем дело не с простой опечаткой, а с «язвительнейшим вариантом» (Абакумов С. Н. А. Добролюбов как сатирик. — «Новое дело», т. 1. Казань, 1922, с. 61).

Современный хор

Стр. 31, стихи 3—4. В корректуре отсутствуют. В рукописи и в изд. 1862 после стиха 4 («Всё себя грязним») следовало:

Слава нам! Без ослепленья
На себя мы зрим
И о нашем положеньи
Громко мы кричим,

Сознаем мы откровенно,
Как мы все грязны,
Как вонючи, как презренны
И для всех смешны.

Стр. 31, стих 12. В рукописи и в изд. 1862 далее следовало:

Друг на друге растираем
Мы вонючий ил
И друг друга мы ругаем,
Сколько хватит сил.

Справедливо мы гордимся
Подвигом таким,
И уж больше не стыдимся,
Что в грязи стоим.

Всегда и везде

Стр. 31, стих. 12. В рукописи: Что ложь за взятки соплетал.

Стр. 31, стих 16. В рукописи: Что обдирал истцов до тла.

Стр. 31, стих 20. Расположение строф в черновой рукописи: I, II, V, IV, III. Далее следовало:

Я видел листья на осине;
Они все жалобно тряслись.
И вспомнил я о господине,
Что заставлял истцов трястись.

Я видел в молодой княгине
Любовь к отчизне и добру,
И вспомнил я о господине,
Лишь падком к злату и серебру.

Стр. 31, стихи 21—28. В черновой рукописи отсутствуют.

Стр. 31, стихи 29—33. В черновой рукописи эти стихи читаются иначе:

Видал лягушек я в трясине,
Видал на людях комаров,
Видал шмеля на георгине,
Видал вокруг дам офицеров,
И всюду, в свете и в пустыне,

Мысли помещика винного откупа

Стр. 32, стих 3. В рукописи и в корректуре: Учреждение это канальское

⁴⁸ ...стихотворения г. Конрада Лилиеншвагера, о котором наше мнение известно публике. — «Шут — Лилиеншвагер», зарифмовывающий газетные трюизмы «с собачьей верностью подлиннику», фигурирует в рецензии Добролюбова «Стихотворения Михаила Розенгейма» (С, 1858, № 11, с. 69—95).

⁴⁹ *Всегда и везде* — использовано название пародии К. К. Павловой «Всегда и везде» (С, 1850, № 8, с. 320—322).

⁵⁰ *Посв<ящается> г.г. Надимову, Волкову, Фролову, Фолянскому...* — Перечислены герои «обличительных» пьес, сурово встреченных Добролюбовым-критиком: «Чиновник» В. А. Соллогуба (1856), «Свет не без добрых людей» (1857) и «Предубеждение» (1858) Н. М. Львова, «Надежда на будущее» Л. Пивоварова (1859).

⁵¹ *Я видел Фридберг в «Катарине».* — Балерина Е. И. Фридберг выступала в Петербурге в сезон 1857/58 г. в балете Ж. Перро «Катарина, дочь разбойника».

⁵² *Еще откуп имеет поборников, / Но могу на него я восстать...* — С начала 1859 г., в связи с распространением слухов о намерении правительства отменить винные откупа, дававшие частным лицам право монопольной виноторговли в определенной местности, русскую журналистику наводнили статьи, резко критиковавшие откупную систему.

⁵³ *Генерал Сидор Карпович Дворников* — нарицательное обозначение начальственного лица, регулирующего «дозволенную смелость» русских либералов; оно привилось в кругах «Современника» и «Искры» (см.: Хроника прогресса. — И, 1863, № 10, 15 марта, с. 139), этим именем Салтыков-Щедрин и Елисеев пользовались и много позже в своей переписке (ССЩ, т. 20, с. 296—297; Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину, М., 1935, с. 180—181).

СВИСТОК 2

Впервые — С, 1859, № 4, с. 357—380. Ценз. разр. 7 апреля, вып. в свет 17 апреля, цензор Д. Мацкевич. Весь номер составлен Добролюбовым. Часть цензорской корректуры (первые две полосы) — в ЦГАЛИ. Отправлена цензору 4 апреля. Расположение материала здесь иное: «Наш демон» вставлено между статьями «Мысли о дороговизне вообще и о дороговизне мяса в особенности» и «О допотопном значении Лажечникова». Остальные корректуры — в ПД. «Расписка г. Бешенцова в получении» здесь шла под № V, далее следовало «Письмо из провинции» и т. д.

Второй номер «Свистка» (единственный целиком добролюбовский) продолжил и усилил атаку на либеральное обличительство, робкую, «укороченную» анонимную гласность, «каравшую» мелкие непорядки под туманными обозначениями («в одном городе»), с заменой имен разоблачаемых лиц загадочными криптонимами: X, Z, N («Наш демон», «Письмо из провинции», «Новые образчики русской гласности», «Безрассудные слезы»).

В «Письме из провинции» Добролюбов специально отметил, что пишу его иронии дали «газеты и журналы» «преимущественно из Москвы». «Русский вестник» М. Н. Каткова, доживавший последние месяцы своей либеральной поры, и особенно — «Московские ведомости» В. Ф. Корша (уже задеты в первом номере «Свистка») были главными рупорами обличительства. Видимо, в ответ на выступления «Современника» (в том числе — «свистковские» материалы) «Московские ведомости» заявили: «раздаются <...> сомнения в успехе гласности. Что делать с людьми, утратившими всякую веру в возможность лучшего движения — единственно при помощи разумных средств? А между тем <...> русская литература нашего времени пользуется некоторой гласностью с замечательным достоинством, с полным вниманием к своему делу, к обществу, и различным отношениям, исторически создавшими внутри его»¹; «Полезность гласности до такой степени неопровержима, что было бы совершенно излишне прибавить что-нибудь к тому, что по этому предмету говорилось и писалось <...> нелепо ее оспаривать»².

Между тем одновременно с Добролюбовым некоторые читатели уже высказывали недовольство характером обличительных выступлений печати. Буквально в день выхода в свет книжки «Современника» с № 2 «Свистка» — 17 апреля 1859 г. — «Московским ведомостям» пришлось поместить письмо, по-видимому, корреспондента-провинциала, подписавшегося «В. Ярославский». Прямо перекликаясь с содержанием второго добролюбовского «Письма из провинции», он давал резкую критику «теперешней полугласности». «Говорят, что у нас господствует гласность и что она много способствует к искоренению взяточничества и других злоупотреблений. Не спорю, гласность могла бы все это сделать, но не таким ограниченным образом, как она у нас проявляется <...> Разве это полная гласность? Нет! По-моему следует назвать г-на NN его настоящим именем, а равно и город; тогда только другие будут опасаться, чтобы и их портреты не попали на суд публики, — и я убежден, что только явным клеймлением общество избавится от подобных людей...»³

В «Письме из провинции» содержатся глубокие размышления о том, что критическое начало в литературе может и должно иметь многообразные проявления. Добролюбов отделяет требование конкретной точности — главное для социально-злободневного публицистического слова — от критериев, применимых к «высокой сатире», где основное — сила художественного обобщения умение «представить типические особенности». На первое место в этом отношении он ставит в новой русской литературе Гоголя и признает наличие этой

¹ Н. П. Казанские письма. — МВ, 1859, 20 марта, № 68.

² Там же, 1859, 27 марта, № 74.

³ Заметки. — Там же, 1859, 17 апреля, № 90.

типизирующей силы в «Губернских очерках» Щедрина, резкой чертой отделяя от них массовую обличительную словесность, не поднимающуюся до уровня художественной сатиры и не выполняющую требований истинной публицистики.

Сатирически воспроизводя черты этой беллетристики, Добролюбов объединил в «Новых образчиках русской гласности» подлинные газетные выступления с собственными ироническими стилизациями.

Центральное, ударное положение среди «антиобличительных» материалов выпуска заняло стихотворение «Наш демон». С присущей поэзии повышенной смысловой емкостью оно вобрало в сжатый иронический обзор мотивы двух первых выпусков «Свистка».

«О допотопном значении Лажечникова», «Расписка г. Бешенцова в получении...» — моментальные уколы, быстрая реакция на критические обмолвки, полемические промахи. Надо сказать, что в дальнейшем самый тип подобных откликов в «Свистке» остался, но повод, тематика их укрупнились: «Свисток» появлялся не слишком часто, и такие — газетного порядка — материалы в нем оказались неуместны, так как само время, проходящее от выпуска до выпуска, отсеивало мелкие факты.

В № 2 продолжено пародирование стихотворной дидактической «тенденциозности» («Мотивы современной русской поэзии») и дана критика несостоятельных попыток доморощенной политэкономии истолковать острые проблемы, поставленные финансовым кризисом — наследием Крымской войны («Мысли о дороговизне вообще и о дороговизне мяса в особенности»).

Эффект, произведенный № 2 «Свистка», Добролюбов описал И. И. Бордюгову (1 мая 1859 г.) так: «Насчет «Свистка» могу тебе сообщить, что его в майской книжке не будет. Я не охотник нападать на людей, находящихся в таком паническом страхе, с каким теперь все истые москвичи ждут «Современника». Я подожду, пока они успокоятся немного и скажут: «Вот видите — мы ведь говорили» и пр. Тогда-то и сяду им опять, как снег на голову: нате, мол, вам... А теперь у них и восприимчивость-то страхом пришибена»⁴.

КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Св. 2, с. 357—358. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. Цензорская корректура — в ЦГАЛИ.

«Шествует весна», «берега расторгают лед» — измененные строки из стихотворений А. Н. Майкова «Весна! Выставляется первая рама...» и А. А. Фета «Весенние мысли»; «еще в полях белеет снег» — начальная строка стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенние воды».

МОТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Св. 2, с. 358—361. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. Цензорская корректура — в ЦГАЛИ.

Стр. 34, стих 14. В рукописи: [Человеческих сынов] [Канцелярий и судов]

² ...только г. Розенгейм приближался... к такой высоте, да еще разве гг. Майков и Бенедиктов... — Критическая оценка творчества М. П. Розенгейма (1820—1887) и А. Н. Майкова (1821—1897) дана в рецензиях Добролюбова: «Стихотворения Михаила Розенгейма» (С, 1858, № 11, с. 69—95), «Сборник избранных мест из произведений современных русских писателей» («Журнал для воспитания», 1859, т. V, кн. 5, с. 280—281). О Бенедиктове см. с. 445, прим. 44.

...слова г. Дружинина ... о г. Майкове... — В статье «Стихотворения Ап. Майкова» («Библиотека для чтения», 1859, № 1, Критика, с. 1—32) А. В. Дружинин (1824—1864) защищал Майкова от упреков, которым тот подвергался за свои казенно-патриотические стихотворные отклики на события Крымской войны («весь задний двор русской литературы с озлоблением великим накинулся на <...> поэта», с. 23) и приветствовал его вступление на путь «служения искусству, чистому искусству» (с. 27). Приведенная Добролюбовым цитата из статьи Дружинина — там же, с. 31.

⁴ ССД, т. 9, с. 354.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

⁴ «Весна». — По указанию С. А. Рейсера, текст пародии напоминает одноименное стихотворение М. П. Розенгейма (см. ССД, т. 7, с. 585).

⁵ «Лето». — Пародируется «Нива» А. Н. Майкова, как пояснил сам Добролюбов в № 4 «Свистка» (см. с. 84), к стихотворению Майкова восходит ряд поэтических формул текста («духовный хлеб»).

МЫСЛИ О ДОРОГОВИЗНЕ ВООБЩЕ
И О ДОРОГОВИЗНЕ МЯСА В ОСОБЕННОСТИ

Св. 2, с. 361—364. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. Цензорская корректура — в ЦГАЛИ.

Стр. 36, строки 15—16 св. В корректуре и в изд. 1862: не только дурное в настоящем, но даже опасное для будущего; они находят в ней какие-то мрачные предвестия, толкуют (Исправлено цензором.)

Стр. 36, строка 17 св. В корректуре и в изд. 1862: жалованья бедным чиновникам (Слова «бедным чиновникам» зачеркнуты цензором.)

Стр. 36, строки 17—18 св. В рукописи: для предотвращения [беспорядко<в>]

Стр. 36, строка 21 св. В корректуре и в изд. 1862: умрет и уморит свою семью с голоду (Вычеркнуто цензором.)

Стр. 36, строки 12—11 св. В корректуре и в изд. 1862 после слова «возвышалась» следовало: Вследствие ее некоторые из честных чиновников оставили бы, конечно, земное поприще своих подвигов за недостатком питания; но зато на остальных, которые пережили все испытания, можно было бы уж смело положиться и определять их на должности с жалованьем двухсот рублей в год и с обязательством содержать на эти же деньги канцелярию из трех писарей... (Вычеркнуто цензором.)

Стр. 37, строка 7 св. Слова «А между тем как это просто!» в рукописи отсутствуют.

⁶ ...честный человек всегда останется честным... — Мысль о том, что поведение человека регулируется не отвлеченными моральными сентенциями, но обстоятельствами жизни, является одним из коренных принципов «реальной критики» Добролюбова (ср. его статью «Губернские очерки <...> Том третий» в С, 1857, № 12, с. 49—78).

⁷ «Вестник промышленности» — журнал, издававшийся в Москве (1858—1861) Ф. В. Чижевским (1811—1877) и И. К. Бабстом (1824—1881), пропагандировавший идеи промышленного развития России без участия иностранного капитала, (что отразилось и в разбираемой Добролюбовым статье «Обозрение промышленности и торговли в России» (1859, № 1, № 2)).

О ДОПОТОПНОМ ЗНАЧЕНИИ ЛАЖЕЧНИКОВА

Св. 2, с. 364—365. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. Цензорная корректура — в ЦГАЛИ.

⁸ В одной из критических статей своих... — Речь идет о статье А. А. Григорьева (1822—1864) «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья вторая. Романтизм. Отношение критического сознания к романтизму. Гегелизм (1834—1840)», опубликованной в «Русском слове» (1859, № 3, отд. II, с. 1—39).

⁹ ...критик нашел в г. Лажечникове... допотопный тип... — Отвечая Добролюбову статьей «Несколько слов о законах и терминах органической критики», Ап. Григорьев пояснил: эта характеристика крупного прозаика 1820-х — 1830-х годов И. И. Лажечникова (1792—1869) подразумевала талант, подобный тем организмам в природе, которые еще не были усовершенствованы процессом длительной эволюции. «Термином «допотопный талант, талант допотопной формации» <...> я ничего не искал <...> как указать на тождество законов органического творчества в параллельных явлениях мира психического (духовного) и соматического (материального). Мысль, как порождение органическое, не

вдруг, не сразу принимает формы, совершенно ей соответствующие, совершенно стройные, совершенно гармонические <...> В духе духовном есть свои <...> динофериумы, ихтиозавры и проч.» («Русское слово», 1859, № 5. Критика, с. 4—5).

РАСПИСКА г. БЕШЕНЦОВА В ПОЛУЧЕНИИ ...

Св. 2, с. 365—366. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. Цензорская корректура — в ПД.

¹⁰ В «Современнике» помещена была рецензия стихотворений г. Бешенцова. — Имеется в виду ядовитый добролюбовский отзыв на дилетантские «Сочинения А. Бешенцова в прозе и стихах». М., 1858 (С, 1859, № 1, с. 62—69), тон которого объяснялся тем, «что этот Бешенцов — ростовщик <...> и в то же время этот господин пишет идеальные стихотворения», как указал сам Добролюбов (ССД, т. 9, с. 344).

¹¹ ...в своем выстреле по рецензенту ужасно неловко промахнулся. — Речь идет о брошюре А. Бешенцова «По поводу рецензии» (имевшей стихотворное заключение — оно перепечатано в «Свистке»), где было выражено предположение, что автор неблагоприятного отзыва в «Современнике» — какой-то конкретный житейский соперник (см. подробно: ПССД (1939), с. 708). Заглавие настоящей заметки Добролюбова намекало на заключительные строки пушкинской эпиграммы «Как сатирой безымянной» (1829): «В получении оплеухи/Расписался мой дурак».

НАШ ДЕМОН

Св. 2, с. 366—368. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ПД. Цензорская корректура — в ЦГАЛИ.

Стр. 40, стих 34. В рукописи: За зло считал он капитал

Стр. 40, стих 42. В изд. 1862: Чтоб мужика не барин сек

¹² В те дни, когда нам было ново... — перефразировка начальной строки стихотворения Пушкина «Демон» (1823), с которым связано и название добролюбовской сатиры, выдержанной в форме «перепева» его.

¹³ ...Россия с умилением / Внимала звукам Щедрина... — Ирония адресована массовой обличительной беллетристике, вызванной к жизни громадным успехом «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова, изданных под псевдонимом «Н. Щедрин» (1856—1857); оценка этой книги — в статье Добролюбова «Губернские очерки» (С, 1857, № 12, с. 49—78).

¹⁴ Полезна палка или вредна — Животрепещущий вопрос о «целесообразности» отмены или сохранения для крестьян телесных наказаний после реформы и о том, кто должен будет нести карательные функции, обсуждался в русской печати в 1857—1858 гг. Эти помещичьи дебаты высмеяли Герцен («Сечь или не сечь мужика?» — К, 1857, л. 6, 1 декабря) и Добролюбов в появившейся одновременно с № 2 «Свистка» статье «Литературные мелочи прошлого года», статья вторая (С., 1859, № 4, с. 217—251).

¹⁵ И мужики освобождались... — с 1857 г. началась работа Главного комитета по крестьянскому делу.

¹⁶ Когда Громека.../Все о полиции писал — С. С. Громека [1823—1877], бывший жандармский офицер, ставший либеральным публицистом, в 1857—1859 гг. поместил в «Русском вестнике» серию статей о состоянии и деятельности российской полиции.

¹⁷ Когда в газетах Вышнеградский... — см. статью «Русские в доблестях своих» (Св., вып. 1) и примеч. к ней.

¹⁸ ...гласностью карали/Злодеев, скрыв их имена... — см. далее «Письмо из провинции».

¹⁹ И гордо миру возвещали,/Что мы восстали ото сна... — В 1858 г. № 1 славянофильского журнала «Русская беседа» открылся стихотворением И. С. Аксакова «На 1858 год» (с. 1):

С сонных векд стряхнув дремоту,
Бодрой свежести полна,
Вышла с богом на работу
Пробужденная страна.

²⁰ ... в школе Сэя... — Ж. Б. Сэй (1767—1832) — французский экономист, последователь А. Смита, пропагандировавший идею свободы торговли, которая и вызвала внимание к нему в России 1850-х годов.

²¹ ... издатель «Атеней»... — Е. Ф. Корш (1810—1897), журналист, переводчик, в 1840-е годы близкий кругу Белинского — Герцена. Отношение Добролюбова к «Атенейю» как органу «чистого искусства» выражено в его статье «Атенейные стихотворения» (И, 1859, № 6, 6 февраля, с. 58—59).

²² Не оценил комедий Львова... — см. рецензию Добролюбова на «Предубеждение» Н. М. Львова (С, 1858, № 7, с. 41—63).

²³ Не верил Кокореву он. — Откупщик-миллионер В. А. Кокорев (1817—1889), в конце 1850-х годов выступавший в качестве либерального общественного деятеля и публициста (активно сотрудничал в «Русском вестнике»), подвергался постоянной сатирической критике в «Современнике» и «Искре».

²⁵ ... свистом/Статьи Вернадского встречал. — Имеется в виду полемика Чернышевского с издателем журнала «Экономический указатель» проф. И. В. Вернадским (1821—1884), который, отстаивая тезисы европейской буржуазной экономической науки, доказывал пользу развития частной поземельной собственности. Чернышевский, видевший в общине (идеализируя ее) возможный путь к социалистическим отношениям, утверждал, что «с теоретической точки, преимущество общинного владения доказано неоспоримо» (ПССЧ, т. XIV, с. 347—348).

²⁵ Нужна ли грамотность или нет... — Споры о грамотности были начаты выступлениями В. И. Даля (1801—1872): Письмо к издателю А. И. Кошелеву. — «Русская беседа», 1856, т. III; Приписка к письму А. И. Кошелеву, по поводу возражений на него. — ОЗ, 1857, № 2; Заметки о грамотности (Письмо в редакцию). — «СПб. ведомости», 1857, № 245. Даль утверждал, что грамотность, не сопровождаемая нравственно-религиозным воспитанием, не принесет пользы народу: «Грамота, сама по себе, ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит» («Русская беседа», 1856, т. III, Смесь, с. 3). Статьи Даля вызвали многочисленные возражения в «Современнике», «Русском вестнике», «Искре», самой «Русской беседе», в ряде других изданий.

²⁶ Растопчину он осмелял... — Ироническое отношение к творчеству Е. П. Ростопчиной (1811—1858) выражено в рецензиях Чернышевского на два тома «Стихотворений гр. Растопчиной» (С, 1856, № 3, с. 1—18; № 10, с. 72—77) и отзыве Добролюбова на ее роман «У пристани» (там же, 1857, № 10, с. 46—64).

²⁷ Бес отрицанья, бес сомненья... — стих, перефразирующий строку пушкинского «Ангела» (1827): «Дух отрицанья, дух сомненья». Он надолго запомнился, как и все это стихотворение, оппонентам «Свистка», в частности, Герцену, намекавшему в «Very dangerous!!!», что современным отрицателям недостает «того вечно тревожащего демона любви и негодования, которого видно в слезах и смехе» (К, 1859, л. 44, 1 июня). Два года спустя С. Громека писал про «мрачный жертвенник, у которого <...> занялись свистопляской» сторонники «духа отрицания, безмолвно воцарившегося в литературе под личиною шутки» (Современная хроника России. — ОЗ, 1861, № 4, с. 63). В журнале «Время» отмечалась «серьезная мысль» «шутливых стихов» Добролюбова («Страхов Н. Н.» Новое художественное произведение и наша критика. — В, 1863, № 2, с. 199).

ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ

Св. 2, с. 368—376. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) сохранился не полностью. Местонахождение первой части до слов «сапожная вывеска» (стр. 42, строки 7—8 св.) неизвестно, остальная часть автографа — в ГПБ. Цензорская корректура — в ПД.

Стр. 42, строка 9 св. В изд. 1862: в которой никого не распознаешь по тому признаку.

Стр. 47, строки 5—4 св. В рукописи заключительная фраза звучала так: «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». Слова «а порядка в ней нет» вычеркнуты в корректуре цензором и приписаны Чернышевским к журнальному тексту при подготовке первого издания сочинений Добролюбова, однако (вероятно, по цензурным причинам) в изд. 1862 они не вошли.

²⁸ *Под рассказом ... подписан какой-нибудь зет или икс ... местность не обозначена; к кому голос относится — неизвестно.* — Ироническая характеристика Добролюбова отличается буквальной точностью: всего за две недели до выхода в свет этого номера «Свистка» в «Московских ведомостях» появилось сообщение за подписью Z: «мы <...> не раз благодарили вас <...> за огласку <...> темных сторон нашего житья-бытья. Позволяю надеяться, что вы не откажете поместить и следующий случай <...> Жаль только, что я не уполномочен назвать горд и главного деятеля...» (Рассказы из повседневной жизни. — 1859, 5 апреля, № 82). Солидаризируясь с Добролюбовым, В. С. Курочкин писал:

Я гласности, я гласности желаю
В столбцах газет,
Но формулы, как в алгебре, встречаю:
Икс, Игрек, Зет.

(Предостережение (шутка). — И, 1860, № 13, с. 144—145).

²⁹ ... профессору, который у Гейне «затыкает своим колпаком все прорехи мироздания». — Из стихотворения Г. Гейне «Мир и жизнь слишком фрагментарны», входящего в цикл «Возвращение на родину» (1826).

³⁰ ... смотреть, как на г-жу Пастрану. — «Бородатая женщина» Юлия Пастрана — аттракцион, привлекавший в 1850-е годы петербургских обывателей.

³¹ Порфирий Петрович... городничий Фейер... — персонажи «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина («Порфирий Петрович», «Второй рассказ подъячего»).

³² ... котурн... — высокие сандалии, которые надевали древнегреческие трагические актеры для увеличения роста и изменения походки.

³³ г. Жемчужников, напечатавший ... статейку — О корреспонденции А. М. Жемчужникова (1821—1908) «Еще придирика» см.: МВ, 1859, 1 января, № 1.

³⁴ ... еще звери у Крылова предлагали. — Далее вольно процитирована басня «Волки и овцы» (1832).

³⁵ ... вот какое письмо к редактору... — Приведенное далее письмо опубликовано в МВ, 1859, 2 января, № 2; в № 15 (17 января) в ответ на многочисленные обращения в редакцию лиц, желавших оказать помощь жертве происшествия, редакция сообщила ее имя и адрес. «Данная этому делу гласность, если не могла изменить законной развязки, то по крайней мере облегчила участь женщины», — примиренно завершила газета (Заметка. — МВ, 1859, 28 января, № 24).

³⁶ ... в вашей литературе (скажу, не как Хлестаков)... — см.: «Ревизор», д. 3, явл. VI.

³⁷ чувствительных Эрастов — т. е. сентиментальных героев: это имя излюблено прозой русских сентименталистов, оно встречается, в частности, у Н. М. Карамзина («Бедная Лиза»).

³⁸ ... земля наша велика и обильна... — Добролюбов цитирует выражение, относящееся к эпизоду призвания варягов, из летописной «Повести временных лет» (см.: изд. АН СССР, М., Л., 1950, ч. 1, с. 18).

НОВЫЕ ОБРАЗЧИКИ РУССКОЙ ГЛАСНОСТИ

Св. 2, с. 376—379. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. В третьем письме часть текста от слов «не зажигают фонарей» (стр. 49, строка 19 св.) до слов «кричит: чтоб было!» (стр. 49, строка 9 св.) взята Добролюбовым, как указал Б. Я. Бухштаб, из статьи А. Жемчужникова «Еще придирика», упомянутой в «Письме из провинции» (см. стр. 43—45) — ССД, т. 7, с. 589. В четвертом письме Добролюбовым написана только вступительная часть (первый абзац). Цензорская корректура — в ПД. В корректуре между письмами нет разграничительных цифр 1, 2 и 3, письма первое и второе переставлены местами и подписаны соответственно буквами «А. Б.» и «Е». Во втором письме начальная фраза «В настоящее время, и пр.» отсутствует.

Стр. 49, строки 2—3 св. В рукописи после слов «в нашем общественном быту» следовало: [и многие считают их за что-то странное, так сказать эксцентрическое. Но нет, это неправда. Где наши эксцентрики? В чем проявляется наша эксцентричность? Все идет как нельзя более обыкновенно.]

³⁹ — На днях некто ... — Добролюбов воспроизводит текст фельетона «Одесский листок».

БЕЗРАССУДНЫЕ СЛЕЗЫ

Св. 2, с. 380. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись без заглавия) — в ГПБ. Цензорская корректура — в ПД. Заглавие и подпись в корректуре отсутствуют. Перепечатано в изд. 1862 без изменений, с. 405—406.

СВИСТОК 3

Впервые — С., 1859, № 10, с. 497—540. Ценз. разр. 20—21 октября, вып. в свет 29 октября 1859, цензоры Д. Мацкевич и В. Бекетов. Цензорская корректура — в ПД.

Полугодовой перерыв в издании «Свистка» сделал возможным в нем первый опыт обзора русской жизни под сатирическим углом зрения — «Краткая история «Свистка» во дни его временного несуществования».

Здесь Добролюбов впервые связывает проблематику «Свистка» с «политическими событиями, совершающимися на Западе». Это чрезвычайно расширяло границы доступного «свистковской» сатире: в русской литературе еще с XVIII в. был освоен прием географической маскировки повествования, когда запретная политическая тематика с яркой злободневностью раскрывалась на иноземном материале (реализацию этой возможности Добролюбов начал здесь же «Опытами австрийских стихотворений»).

Тем не менее обзор был довольно лукав, поскольку в нем никак не оказалось отражено очень важное для редакции событие минувших месяцев: выступление Герцена против «Современника» и даже главным образом — против двух первых выпусков «Свистка» (подробно об этом — во вступительной статье), а также предшествовавший по времени полемический выпад «Московских ведомостей»¹. Ответ на оба этих удара Добролюбов дал в «Раскаянии Конрада Лилиеншвагера», внешне адресуя свое стихотворение только «Московским ведомостям». Главным в «Раскаянии...» было скрытое ироническое противопоставление молодого поколения (исповедующего революционное отрицание) и старого (представлявшего либеральный «прогрессизм»): «плешью приобрел я право/Смотреть на будущность светло».

Но как бы в ответ на вызов Герцена: «вместо освистываний неловких опытов <...> самим на деле помочь и показать, как надо пользоваться гласностью», в этом номере Добролюбов и Некрасов широко развернули свою «сокрушающую» сатиру, направленную на серьезные, значительные объекты: «Забракованные», «Материалы для нового сборника «Образцовых сочинений», «Опыты австрийских стихотворений».

«Забракованные» Некрасова посвящены «студенческому вопросу», очень важному в обстановке нарастающего подъема освободительного движения. С 1855 г. был разрешен прием неограниченного количества студентов в университеты, и аудитории их увеличились за счет разночинно-демократической молодежи. Но уже осенью 1859 г. в русской печати оживленно обсуждались необычно сложные экзамены, которым подвергались поступающие в Московский и Петербургский университеты: «Результаты оказались именно такие, каких и следовало ожидать: число просьб о допущении к экзамену <в Москве. — А. Ж.> простиралось до 400; за исключением 72 они были возвращены назад»²; в Петербурге из 328 изъявивших желание поступить в университет было принято 73³. Авторы многих статей встретили это известие одобрительно («экзамен получает свое настоящее значение и перестает быть пустою <...> формальностью»)⁴.

¹ «Письмо в редакцию», появившееся под криптонимом Н. Ч. в МВ, 1859, 23 апреля, № 95, полностью опубликовано в Св. № 4 (см. с. 110—111). Автором его современные исследователи считают редактора газеты В. Ф. Корша (см.: Усакина Т. И. История. Философия. Литература. Саратов, 1968, с. 287); однако нельзя полностью исключить предположение, что оно могло принадлежать Е. Ф. Коршу (часто писавшему под псевдонимом «Н. Челышевский»).

² Иловайский Д. Несколько слов о реформах в системе общественного воспитания. — МВ, 1859, 4 сентября, № 210.

³ Там же, 10 сентября, № 215.

⁴ П. Г. По поводу строгости университетских приемных экзаменов. — Там же, 24 октября, № 253.

Подлинная причина необычных строгостей раскрыта была Герценом: «Чем раздражили студенты правительство до иезуитских экзаменов и диких исключений? — Да как же! История за историей»⁵. Стремление искусственными мерами сократить количество студентов было вызвано участвовавшими в 1858—1859 гг. студенческими волнениями. Преследования студенческой молодежи были одним из первых симптомов поворота правительства Александра II к реакции. Перекликаясь с Герценом, в русской подцензурной печати правду о причинах «репрессивных» экзаменов высказал Некрасов. Происхождением своих «забракованных» героев (сын дьячка, сын отставного уездного приказного) он точно охарактеризовал назначение новой системы: «остановить наплыв в университет демократических элементов»⁶.

В «трагедии» «Забракованные» речь идет о Петербургском университете. Интересно, что в отчете ректора его П. А. Плетнева на годичном акте 8 февраля 1860 г. специально было замечено: «В последнее время Совет университета принял различные меры для произведения экзаменов с большею и возможною строгостью <...> К сожалению, прекрасные намерения Совета были дурно и ложно поняты многими; это видно из появления в последнее время некоторых неосновательных статей»⁷.

Столь тесная связь пьесы с обстоятельствами злободневной современности (см. также примечания) позволяет взять под сомнение предположение А. Максимовича, что «трагедия» «Забракованные» — произведение <...> случайное для тематики «Свистка» и, видимо, не специально написанное для него, а лишь обработанное на материале более ранних заготовок, восходящих еще к 40-м годам»⁸.

Материалы для нового сборника «Образцовых сочинений» Добролюбова (заглавие пародирует обычные названия литературных хрестоматий, осмеянных еще Грибоедовым) посвящены разоблачению буржуазного хищничества в том его специфическом «российском» варианте, который позже получит у Салтыкова-Щедрина название «чумазого торжества».

Статья раскрывает историю одной из акционерных афер 1850-х годов: быстрого финансового краха общества «Сельский хозяин», основанного в 1857 г. для приготовления мясных консервов и экспортной торговли ими.

Публицистическую сатиру Добролюбова можно считать одним из ранних предвестий будущего важного аспекта щедринского творчества («Дневник провинциала в Петербурге», «Благонамеренные речи»). В хронике «Наша общественная жизнь» (1863, май) Салтыков неслучайно подробно напомнил читателю о «знаменитом в свое время» эпизоде с «Сельским хозяином»⁹.

«Опыты австрийских стихотворений» Добролюбова вводят очень существенную для всего дальнейшего содержания «Свистка» тему Австрии и Италии. Она представляла благодарнейший материал для эзоповского разъяснения читателю сложной предреформенной политической ситуации в России (охлаждение русско-австрийских отношений после Крымской войны облегчало здесь обычные цензурные строгости). Богатый материал для аналогий давали сами исторические факты итальянского движения за воссоединение и ликвидацию австрийского владычества: коллизия революционных, демократических тенденций (Д. Гарибальди) и буржуазно-либерального реформизма (премьер пьемонтского правительства граф К.-Б. Кавур); их одновременное столкновение с подавляющими феодально-монархическими и клерикальными системами (австрийская империя, неаполитанское королевство, папская власть); явная несостоятельность последних перед неудержимым напором народного освободительного движения.

В «Опытах австрийских стихотворений» развит и «обогащен» чертами верноподданнического шовинизма образ Конрада Лилиеншвагера. К нему прибавлена другая сатирическая маска (которая тоже станет сквозной в «Свистке») — «австрийского» поэта Якова Хама, монархиста и флюгера. Имя его, по предположению исследователей, намекает на

⁵ «1860 год». — К, 1860, л. 60, 1 января. См. также 1859, л. 57—58, 1 декабря.

⁶ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929, с. 16.

⁷ МВ, 1860, 17 февраля, № 36.

⁸ Максимович А. Некрасов — участник «Свистка». — ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 299. С годами петербургской молодости Некрасова эта сатира связана, по-видимому, лишь тем, что он воспользовался здесь воспоминаниями о собственной неудачной попытке попасть в университет.

⁹ ССЩ, т. 6. М., 1968, с. 109—110, 603.

А. С. Хомякова, в поэзии которого прослеживаются явные националистические тенденции¹⁰. «Австрийские стихотворения» стилистико-фразеологически намеренно очень близки к различным образцам русской военно-патриотической лирики (иные из них имели и отчетливый монархический оттенок). Добролюбов пародически использовал здесь многие конкретные тексты: от стихов А. Н. Майкова, А. С. Хомякова, М. П. Розенгейма, В. Г. Бенедиктова до некоторых произведений Г. Р. Державина и пушкинских — «Бородинская годовщина», «Клеветникам России», которые он воспринимал в том же ключе ложнопатриотических выступлений.

Номер завершают «Стихотворения, присланные в редакцию «Свистка»: серия юморесок, «легкий» тон которых был вызовом напыщенной, тяжеловесной серьезности современной либерально-дидактической поэзии, осмеянной во всех трех выпусках «Свистка». В «Серенаде» А. Н. Аммосова пародируются экзотические штампы ложноромантического стихотворчества; в его же «Басне» — мнимое глубокомыслие эпигонских образцов этого жанра.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ «СВИСТКА» ВО ДНИ ЕГО ВРЕМЕННОГО НЕСУЩЕСТВОВАНИЯ

Св. 3, с. 497—500. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. Цензорская корректура — в ПД. На ней пометка Некрасова карандашом: «После этого можно верстать Забракovaných».

Стр. 51, строка 6 сн. В изд. 1862: Но, «к сожаленью или к счастью», по словам нашего милого балладника Василия Андреевича Жуковского.

В корректуре вместо слова «к несчастью» было «к сожаленью» (исправлено Некрасовым). Фраза о Жуковском вычеркнута цензором и вместо нее на полях рукою Некрасова: (выражение Жуковского)».

Стр. 52, строка 20 сн. В изд. 1862 следовало: Вот какой мы великий народ! (Фраза вычеркнута в корректуре цензором.)

Стр. 52, строка 13 сн. В изд. 1862 вместо «г-м Дюма» — «Дюмою».

Стр. 52, строка 11 сн. В рукописи после слов «неинтересен, что» зачеркнуто: [уже стар, исписался, т. е. вообще износился]

Стр. 52, строка 4 сн. В изд. 1862: ни к чему хорошему, окромя худого.

Стр. 52, строка 1 сн. В изд. 1862 вместо «г. Дюма» — «на Дюму».

Стр. 52, строка 1 сн. В рукописи: любопытством [взглянуть на знаменитого иностранца]

Стр. 53, строки 14—15 св. В рукописи и в корректуре эта последняя фраза отсутствует.

¹ ...дождался... выезда уполномоченных из Цюриха... В летние месяцы ...любопытство было привлечено итальянской войной... — Война Австрии с Сардинским королевством (Пьемонт) и союзной ему Францией, начавшаяся 29 (17) апреля 1859 г., в которой австрийцы потерпели ряд серьезных поражений и 11 июля (29 июня) были вынуждены подписать предварительные мирные условия, завершилась созывом конференции представителей трех держав в Цюрихе (август 1859 г.) для окончательного заключения мира. Подписание мирного трактата, предполагавшееся в октябре, откладывалось со дня на день из-за территориальных споров и финансовых претензий Австрии к Пьемонту (трактат был подписан 10 ноября (29 октября) 1859 г.).

² ...поощрение примером «Русского дневника» ... — Имеется в виду объявление о прекращении «Русского дневника» — бесцветной петербургской газеты полуофициального толка, просуществовавшей с 1 января по 5 июля 1859 г. и не имевшей успеха. В последнем ее номере редактор П. И. Мельников-Печерский жаловался на запрещение публиковать заграничные политические новости, объясняя этим крах издания. Его заявление и пародирует далее Добролюбов.

³ ...вознаградить ... приложением ... статей о новых памятниках древневавилонской письменности ... г. Хвольсона. — Статьи известного семитолога, профессора СПб универ-

¹⁰ См. подробнее: Бухштаб Б. Добролюбов-пародист. — Изв. АН СССР. Отд. общ. наук, 1936, № 1—2, с. 260.

ситета Д. А. Хвольсона (1819—1910) «Новооткрытые памятники древней вавилонской письменности», упомянутые Добролюбовым как образец академического журнального балласта, лишенного общественной актуальности, только что были опубликованы в «Русском вестнике» (1859, т. 21, май, кн. 1, с. 5—37; кн. 2, с. 181—218; июнь, кн. 1, с. 406—428).

⁴ ...«к несчастью иль счастью», — *Современник* ныне всегда запаздывает... — С помощью цитаты (неточной) из романтической повести Ф. де ла Мотт Фуке «Унди́на» (1811) в поэтическом переложении В. А. Жуковского (1837) Добролюбов намекнул на цензурные затруднения, сопровождавшие выход журнала.

⁵ ...слова г. Погодина... — Речь идет о статье М. П. Погодина (1800—1875) «Прошедший год в русской истории. Письмо в редакцию» («Парус», 1859, 10 января, № 2).

⁶ ...в летний зной, по свидетельству Н. Ф. Павлова, московские улицы посыпаются песком? — См.: Павлов Н. Ф. Из московских записок. — РВ, 1859, т. 22, август, кн. 2, с. 473—478. В «Полемической смеси» журнала «Время» по этому поводу было замечено: «Если б умному человеку, написавшему эту обличительную статейку, было что делать, он бы не распространил ее на столько страниц, что было довольно смешно» (1861, март, с. 75).

⁷ ...доктор Рклицкий ...расхвален в «Современнике»? — Ироническая рецензия Добролюбова на медицинское сочинение этого автора появилась в № 6 журнала за 1859 г. (с. 345—348).

⁸ г. Вышнеградский — см. с. 441, прим. 9.

⁹ «Наука жизни» г. Дыммана... — «Наука жизни, или как молодому человеку жить на свете» Ефима Дыммана (СПб, 1859) уничтожающе охарактеризована Добролюбовым (Новый кодекс русской практической мудрости. — С., 1859, № 6, с. 289—306).

¹⁰ ...в случае восстановления герцогов или присоединения герцогств к Пьемонту? — В январе—феврале 1859 г., готовясь к войне с Пьемонтом, Австрия перебросила войска в главные пункты герцогств Тосканского, Пармского и Моденского, согласно своим договорам с ними. Начавшаяся война захватила эти владения, государи которых, под напором народно-освободительного движения, бежали в Вену, в ожидании реставрации. Споры о восстановлении герцогств (на чем настаивала Австрия) затягивали переговоры в Цюрихе; решение вопроса было отложено до международной конференции в Брюсселе (в итоге эти территории вошли в состав Пьемонта).

¹¹ «Italia fara da se» — «Италия устроится сама» — лозунг итальянских демократов, отвергавших иностранное вмешательство в дело объединения страны.

¹² ...Италия есть географический термин... — В «Дунайской газете», контролируемой австрийским министром иностранных дел графом И.-Б. Рехбергом, была опубликована передовая статья, в которой утверждалось: «Итальянцы не составляют даже совокупной нации» (см. МВ, 1860, 8 марта, № 53).

¹³ ...по основательному соображению г. Шевырева... — см. статью С. П. Шевырева «Взгляд на современное направление русской литературы» («Москвитянин», 1842, № 1, с. 1).

¹⁴ ...портретами Шамиля... — Шамиль (ок. 1798—1871), взятый в плен в Гунибе в августе 1859 г., 26 сентября был доставлен в Петербург и превратился в предмет «праздного и продолжительного любопытства» (Шамиль в России. — МВ, 1859, 29 сентября, № 231). Извещения о продаже его портрета «с снимком его подписи» действительно публиковались в газетах (там же, 1859, 6 сентября, № 212).

¹⁵ ...со времени посещения России г-м Дюма... — Путешествие по России А. Дюма-отца (1802—1870) состоялось летом 1858 г.

¹⁶ Он изнемог, он слишком стар... — цитата из поэмы Пушкина «Полтава» (1828).

¹⁷ ...мы были ...озадачены г. Гаряиновым... — В упоминаемой Добролюбовым статье («Северная пчела», 1859, № 201) содержался призыв к «чувству мести» и расправе с Шамилем.

¹⁸ ...Шамиль уехал в Калугу... — Вместе со своей семьей он прибыл туда 10 октября 1859 г.

¹⁹ ...Москва занята ...недавними банкротствами достойных сынов ее... — В последних числах сентября 1859 г. газеты известили о несостоятельности торгового дома Алексеевых; эта «значительнейшая коммерческая фирма в Москве» «в падении своем увлекла и некоторые другие торговые дома» (МВ, 1859, 4 октября, № 236).

РАСКАЯНИЕ КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА

Св. 3, с. 500—501. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. Цензорская корректура — в ПД. В рукописи и корректуре заглавие стихотворения «Моё обращение» отсутствует.

Стр. 53, строка 25 св. В рукописи и в корректуре: полунемецкая

Стр. 53, строки 28—29 св. В рукописи вместо «некоторых советов из Москвы» зачеркнутая фраза: известных нравственных увещаний

Стр. 53, стих 12. В рукописи: Я сделал плешь на голове. (Исправлено в корректуре Некрасовым).

Стр. 53, стих 13. В изд. 1862: Но плешью сей купил я право

²⁰ ...досталось и нам и ему в № 95 «Московских ведомостей». — См. прим. 22.

²¹ ...Пушкин отрекся от ... «Демона», вследствие ... советов из Москвы... — Московский митрополит Филарет по поводу стихотворения Пушкина «Дар напрасный, дар случайный» (1828), а не «Демона», как указывает Добролюбов, адресовал поэту нравоучительное рифмованное обращение. Ответом на него было пушкинское стихотворение «В часы забав иль праздной скуки» (1830), перепевом которого является опубликованное далее «Мое обращение» Добролюбова.

²² Во дни пасхальных балаганов — «Балаганным отделом» «Современника» «Свисток» был назван в «Московских ведомостях» (1859, 23 апреля, № 95); о «балаганчиках для освящения первых опытов свободного слова», упомянул применительно к «Свистку», и Герцен в «Very dangerous!!!»

²³ Я лил потоки слез нежданных... — строка из пушкинского стихотворения «В часы забав иль праздной скуки».

ЗАБРАКОВАННЫЕ

Св. 3, с. 501—516. Автор — Н. А. Некрасов. Автограф неизвестен. Принадлежность пьесы Некрасову удостоверяется гонор. вед., с. 255 и Н. В. Гербелем в письме к М. М. Стасюлевичу со ссылкой на самого автора: «В «Свистке» он указал мне сам, при пересмотре у меня на квартире «Современника» за все годы, для выборки из него своих стихотворений в новое полное их издание: 1) Зброшенные (Сов. 1859, т. 77, № 10, Свист. 501 с.) <...>» — СН (1879), с. CXLVI. Исканение названия — следствие недосмотра (См. «М. М. Стасюлевич и его современники», вып. V. СПб., 1913, с. 83).

Цензорская корректура — в ПД. В корректуре иной подзаголовок: «Драматическое представление в 3-х действиях, с музыкальными песнями, плясками и великолепным бенгальским огнем», отсутствует подпись, в первом действии нет разделения на сцены и второе действие начиналось со слов, открывающих третью сцену, Кадыков везде называл Сладковещенским, слова «кончил курс в губернской гимназии» относились к Харчину. Корректурa отпавлена цензору Мацкевичу 19 октября и разрешена к печати без поправок.

Варианты корректуры

Стр. 58, строки 17—20 св. Слова «Почему не принят» отсутствуют и вместо фразы «Наступил век строгости какой-то небывалой» — «Я зубрил, зубрил/А вышло, что зубрить не надлежало».

Стр. 59, строки 10—19 св. Вместо части текста от слов Григория «Благородный господин!» до «внемлю» следовало:

Г р и г о р и й

Любопытно знать,
В каком ты состоянии родился?
Что делал?

Т р и у м в и р а т о в

Расскажи ему, Харчин.

Стр. 59, строки 7—8 сн. справа. Во всех изданиях сочинений Некрасова напечатано неточно:

И даже их ворчание
И злость переносил!

Стр. 61, строки 17—19 св. слева. Вместо этих строк набрано:

Сидят экзаменаторы —
Крутые господа
Угрюмы как сенаторы

Стр. 61, строки 25 св. слева — 2 св. справа. Эти строки до слов «Придешь домой — от сродников» отсутствуют.

Стр. 61, строки 5—2 сн. Эти строки читаются иначе:

Нет и здесь! проклятый зверь!
Надул разбойник! Да куда ж он скрылся?
Эй, Трошка! Где же искать его теперь?

Стр. 62, строка 9 св. Вместо «ликую» — «на воле».

Стр. 62, строка 11 св. Вместо этой и предыдущей строчек набрано: «С собаками гарцую в чистом поле».

Стр. 62, строка 24 св. После слов «Не до охоты нам!» далее следовало:

Т у з о в

О, полноте упрямитесь! Велите
Им ехать. Будем ужинать потом.

Д ь я ч о к

Пошел! Я говорю! (*Харчину*) И вы, коли хотите
Немного бы проехались верхом

(*сыну*)

Ученьем не хотел ты заниматься

Стр. 64, строка 5 св. Слово «черномазый» отсутствует.

²⁴ Я к «Таинствам Натуры»/И мел когда-то «Ключ»...—«Ключ к таинствам натуры», сочинение немецкого мистика К. Эккартсгаузена (1752—1805), переведенное на русский язык А. Лабзиным и дважды изданное (1804, 1820).

²⁵ Отец! отец! оставь угрозы,/Напрасно сына не брани... — перефразировка строк монолога Тамары из поэмы Лермонтова «Демон».

²⁶ ...под Данцигом... — В сражении русского корпуса под командованием П. Х. Витгенштейна с остатками наполеоновских войск 17 декабря 1813 г.

²⁷ ...до Белокаменной... — т. е. до Москвы.

²⁸ У Иверской свидетелем...— Иверские ворота у входа на Красную площадь в Москве были местом сбора частных ходатаев по делам и их клиентов.

²⁹ ...индигестию... — несварение желудка.

³⁰ ...с Охты Малыя/На Остров пробегал — Малая Охта — отдаленная часть Петербурга; на Васильевском острове расположен университет.

³¹ Для экстренной оказии/Уж съехались туда/Учителя гимназии... — О процедуре вступительных экзаменов в 1859 г. газеты сообщали: «Строгость вступительных экзаменов была усилена и на помощь каждому профессору-экзаменатору были призваны по два учителя гимназии, чтобы произвести испытание по возможности самое тщательное» (*Иловайский Д.* Несколько слов о реформах в системе общественного воспитания. — МВ, 1859, 4 сентября, № 210).

³² крест тумпаковой — томпак — медноцинковый сплав.

³³ Без слушателей можете остаться...— Некрасов справедливо заметил, что новая экзаменационная система закрывала доступ в университеты выходцам из низов. Это подтверждали некоторые письма читателей, проникшие в печать: «в здешней гимназии почти весь выпуск не решается ехать в университет <...> естественно ли, чтобы бедный человек,

напуганный <...> печатными известиями о строгостях вступительных испытаний в университетах, отважился на значительные издержки для поездки в столицу?» (Трусов. Письмо из Калуги. — МВ, 1860, 14 июня, № 130); писали о том, что новая мера «почти пресекала всякую мысль об университете» у «духовных воспитанников» (И. Из записок бывшего семинариста. — Там же, 1860, 6 октября, № 215) и «молодых людей <...> совершенно без состояния» (Владиславский В. Из Одессы. Несколько слов о строгих приемных экзаменах Московского и Петербургского университета. — «Русское слово», 1860, № 3, с. 76).

³⁴ ...какая тишина/И никаких историй! — В 1858—1859 гг. произошли студенческие волнения в Харьковском, Казанском и Московском университетах, о чем сообщал «Колокол» (1858, л. 20, 1 августа; 1859, л. 55, 1 ноября). Гонениям правительства на учащуюся молодежь Герцен уделил много внимания в статье «1860 год» (К, 1860, л. 60, 1 января).

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ НОВОГО СБОРНИКА «ОБРАЗЦОВЫХ СОЧИНЕНИЙ»

Св. 3, с. 516—530. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. Как видно из рукописи, эта статья вместе с другой — «Псковская полиция» (см. Дополнения к «Свистку») — первоначально составляли единый цикл под названием «Отрадные явления». Обе статьи воспроизведены Чернышевским в изд. 1862 с опечаткой в обозначении номера второй из них: вместо цифры «2» стоит «П». «Материалы...» перепечатаны Чернышевским (изд. 1862, с. 421—435) с учетом авторских переделок, потребовавшихся в связи с разъединением цикла. О причинах изъятия статьи «Псковская полиция» из Св. 3 см. в примечаниях к ней. В рукописи «Материалы...» имели другое заглавие: «Акционерное общество «Сельский хозяин»». Корректурa этого рукописного варианта с надписью «Г-ну цензору октября 20» — в ПД. В ней — авторские вычерки упоминаний о Якушине, содержащихся в начале статьи.

Стр. 65, строка 13 сн. В корректуре и в изд. 1862 статья начиналась следующей фразой: «После статьи г. Якушкина ⁵⁰ к самым отрадным явлениям последнего времени» и т. д. как в «Современнике».

Стр. 65, строка 12 сн. В рукописи: статьи г. Серно-Соловьевича о

Стр. 65, строки 11—10 сн. В корректуре и в изд. 1862: статьи о «Сельском хозяине» даже отраднее письма г. Якушкина для человека

Стр. 65, строка 9 сн. После слов «родной литературы» в корректуре и в изд. 1862 следовало: У г. Якушкина рассказывается о деле, давно нам знакомом, о таком деле, на котором мы могли уже набить себе руку в течение нескольких столетий; следовательно, мастерство изложения г. Якушкина не так еще удивительно.

Стр. 65, строка 4 сн. В корректуре и в изд. 1862 после слов «Сельский хозяин» напечатано: равно как и до того, долго ли просидят и как будут выпущены товарищи заключения г. Якушкина (вразъяснение этих строк см. текст «Псковской полиции», стр. 337—347).

Стр. 66, строка 1 св. В рукописи после «Байкова» следовало: Ахшарумова, г. Серно-Соловьевича.

Стр. 66, строка 3 св. Часть текста от слов «Какая смелость, какое благородство выражений!» до конца абзаца в рукописи и в корректуре отсутствует.

Стр. 66, строка I сн. Сноска в рукописи и в корректуре отсутствует.

³⁵ ...здесь, как и везде, мы рассматриваем предмет исключительно с литературной ... точки ... нас одушевляет любовь к прекрасному... — Вероятно, иронический ответ на упреки Герцена («Very dangerous!!!») в «избалованной утонченности» «вкуса», приверженности к «чистоте искусства», которые, по контексту статьи, деятели «Современника» должны были принять на свой счет.

³⁶ «расходятся морщины на челе» — из стихотворения Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива» (1837).

³⁷ Купишь дом многоэтажный... — цитата из «Колыбельной песни» Некрасова (1845).

³⁸ ... только князь Кугушев может теперь так писать!.. — Второстепенный беллетрист Г. В. Кугушев (1824—1871) был осмеян Добролюбовым на страницах «Современника» («Постороннее влияние». Соч. кн. Г. В. Кугушева. М., 1859. — С, 1859, № 7, с. 91—97).

ОПЫТЫ АВСТРИЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Св. 3, с. 531—535. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф — в ГПБ (наборные рукописи предисловия и «Оды на поход в Италию») и в ПД (наборные рукописи остальных стихотворений). Цензорская корректура (датирована 20 октября) — в ПД.

〈предисловие〉

Стр. 77, строки 16—17 св. В корректуре и в изд. 1862 вместо «другой известный поэт» — «г. Майков».⁵¹

НЕБЛАГОДАРНЫМ НАРОДАМ

Стр. 77, строка 24 св. В рукописи и в корректуре заглавие другое: Глухим народам.

Стр. 77, стих 21. В рукописи и в корректуре вместо «Но донесите лишь» — «Скажите лишь»

ДВЕ СЛАВЫ

Стр. 79. В рукописи стихотворение «Две славы» озаглавлено: «При вести о заключении мира», в корректуре — «При заключении мира».

Стр. 79, стихи 21—23. В рукописи и корректуре эти стихи читаются иначе:

Никто не только что ребенка
От матери не оторвет,
Но и отставшего цыпленка

³⁹ ...австрийская цензура некоторых из них не пропустила... — По предположению Б. Я. Бухштаба, намек на цензурные затруднения, которые испытал М. П. Розенгейм, издавая сборник своих стихов (1858) — см. ССД, т. 7, с. 592.

⁴⁰ ...четыре фазиса минувшей войны. — Итальянской войне предшествовала дипломатическая подготовка (январь-февраль 1859 г.), после объявления 29 апреля войны пьемонтские и австрийские войска некоторое время топтались на месте, затем Австрия потерпела ряд поражений от союзных франко-пьемонтских сил, но 11 июля, в апогее их успехов, было заключено внезапное перемирие.

⁴¹ Мы сорок лет оберегали вас... — Неаполитанская революция 1820—1821 гг. была подавлена австрийскими военными силами.

⁴² Австрийская душа коварна быть не может!!.. — Комическая перефразировка строки из трагедии А. П. Сумарокова (1717—1777) «Дмитрий Самозванец» (1771): «Злодейская душа спокойна быть не может».

⁴³ Курить на улицах не будут. — Деталь, характеризующая русские порядки: на основании 1446 ст. «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (1857) в России запрещалось курить на улицах из опасения пожаров (тротуары чаще всего были деревянные).

⁴⁴ Князь Виндишгрец и граф Радецкий, Барон Гайнау, Гиулай — Названы вперемешку имена австрийских военачальников, жестоко усмирявших итальянское освободительное движение в 1848—1849 гг. (Фельдмаршал Й. Радецкий (1766—1858) — военный и гражданский губернатор Ломбардо-Венецианского королевства, Ю. Гайнау (1786—1853) — его сподвижник) и потерпевших сокрушительное поражение в войне 1859 г. (фельдмаршал-лейтенант Ф. Гиулай (1798—1868) — главнокомандующий австрийской армией, отрешенный от своего поста после ряда неудач). Фельдмаршал А. Виндишгрец (1787—1862) подавил революцию 1848 г. в метрополии (установив жестокий террор в Праге, Вене, Венгрии).

⁴⁵ Наш император Франц Иосиф/Мир в Виллафранке заключил! — В г. Виллафранка размещалась главная квартира австрийского императора Франца Иосифа I (1830—1916), где 11 июля состоялось его свидание с французским императором Наполеоном III, итогом чего было подписание предварительных мирных условий (сепаратно от Пьемонта).

⁴⁶ Трофей Палестро и Мадженты/И Сольферино... Австрийцы были разбиты в сражениях при этих местностях 31 (19) мая, 4 июня (23 мая) и 24 (12) июня 1859 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ «СВИСТКА»

Св. 3, с. 536—540. В конторской книге «Современника» указано, что эти материалы занимают четыре страницы журнального текста, и должны быть оплачены из расчета 50 рублей за печатный лист. Авторы скрыты под криптонимом NN и в графе об оплате стоит прочерк — гонорар. вед., с. 255. Следовательно, авторов было несколько, и причитающееся вознаграждение (примерно 12 руб. 50 коп.), можно думать, не было выплачено. Цензорская корректура (датирована 20 октября) — в ПД.

〈Вступление〉

Предполагают, что автор — Н. А. Добролюбов (Абакумов С. Н. А. Добролюбов как сатирик. — «Новое дело», 1922, т. 1. с. 53).

Стр. 79. В корректуре последняя фраза от слов «Все они» отсутствует.

⁴⁷ ...принадлежат к теории «искусства для искусства». — См. прим. 35.

1. Отрывок из письма

Перепечатано в кн.: Стихотворения Андрея Комарова. М., 1861, с. 8—10.

2. Мысль московского публициста

Перепечатано в кн.: К. Прутков. Полн. собр. соч., М. — Л., 1933, с. 543 и там же авторство предположительно приписано А. Н. Аммосову.

В корректуре это стихотворение отсутствует и вместо него набрано без заглавия другое, подписанное «* * *» и отчеркнутое на полях красным карандашом:

Адауры нет растень,
А речейник есть...
Одна дура в восхищеньи,
Хочет его съесть!

3. Пародия на стихотворение г. Некрасова «Тройка»

Вероятно, автор — А. Н. Аммосов (См. Рейсер С. А. Заметки о Некрасове. — «Звенья», № 5, М., Л., 1935, с. 532—533). Существует также предположение, что стихотворение это является автопародией — СН (1879), т. IV, с. XII, CLXXXVIII. Рукопись неизвестна. Перепечатано в «Полном собрании сочинений» Н. А. Некрасова (М., 1927, с. 443) в отделе «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Автором сноски («Это ко мне не относится, хотя я и живу в Моховой. Примечание одного из ближайших сотрудников «Свистка») считается Добролюбов — ССД, т. 7, с. 593. В корректуре сноска отсутствует и вместо заключительного четверостишия напечатано (отчеркнуто на полях красным карандашом):

Не гляди же с тоской на Морскую,	Ядовита краса покупная,
Презирай покупную красу;	Жизнь тошна и позорно пуста; —
Береги ты на пользу святую	Посмотри, как стремится толпой
Благотворную жизни росу.	К общей пользе народ покупной.
	А. А.

4. Серенада

Автор, вероятно, А. Н. Аммосов («Звенья», № 5, с. 532—533).

5. Пастух, молоко и читатель

Автограф Алексея Жемчужникова — в ЦГАЛИ. Цензорская корректура — в ПД. Перепечатано в ПССП (1885), с. 74. Между тем в мемуарной литературе встречаются указания на авторство А. Н. Аммосова. «Братья Жемчужниковы, — писал П. В. Шумахер к П. И. Щукину в 1884 г., — нечестно поступили, умолчав об Александре Аммосове, который более Алексея Толстого участвовал в их кружке. «Запятки» и «Пастух и молоко» — не их, а Аммосова. Это знают многие; и будь князь Алексей (А. К. Толстой. — А. Д.) жив, он как человек честный, не допустил бы этой передержки». — «Щукинский сборник», вып. 7. М., 1907, с. 159. О принадлежности басни А. Н. Аммосову — в письме К. А. Булгакова к Н. А. Степанову от 15 февраля 1859 г. — ПССП (1965), с. 437. В кн. стихотворений А. М. Жемчужникова (М., 1963) басня не включена.

⁴⁸ ...Шильон угрюмый, Байроном воспетый... — Имеется в виду поэма Д.-Г. Байрона (1788—1824) «Шильонский узник» («The prisoner of Chillon»), 1816.

⁴⁹ То смерть Булгарина... — Реакционный литератор и журнальный деятель Ф. В. Булгарин, умер 1 (13) сентября 1859 г. близ Дерпта.

⁵⁰ После статьи г. Якушкина — см. с. 337, 563.

⁵¹ г. Майков — Имеются в виду казенно-патриотические отклики его на события Крымской войны.

СВИСТОК 4

Впервые — С, 1860, № 3, с. 1—48 (особой пагинации). Ценз. разр. 29 февраля и 28 марта, вып. в свет 31 марта, цензор Ф. Рахманинов. Цензорская корректура добролюбовской части Св. — в ПД. На ней разрешительные надписи цензора от 26 и 27 марта. Цензорская корректура произведений К. Пруткова — в ПД (см. подробнее в примечаниях к разделу «Новые творения Кузьмы Пруткова»).

Главные герои № 4 «Свистка» — учено-литературные блюстители реакционной идеологии. Им посвящены центральные материалы: «Наука и свистопляска, Или как аукнется, так и откликнется» Добролюбова и «Стихотворения, присланные в редакцию «Свистка». Дружеская переписка Москвы с Петербургом» Некрасова и Добролюбова.

«Наука и свистопляска» освещает деятельность историка М. П. Погодина, имя которого эпизодически уже появлялось в «Свистке» ранее. В его лице повержена официальная наука, провозглашавшая апологию верховной власти, противопоставившая «авторитет» принципу свободного исследования, уводившая молодое поколение от актуальных проблем современности к схоластическому академизму.

Конкретным поводом добролюбовского выступления был диспут Погодина с Н. И. Костомаровым о происхождении русского государства, состоявшийся 19 марта 1860 г. в СПб. университете. Он возник в связи с публикацией в «Современнике» (1860, № 1, с. 5—32) статьи Костомарова «Начало Руси», в которой была предложена гипотеза о литовско-жмудском происхождении варягов. В том же номере журнала (с. 104—108) появился критический отзыв Добролюбова на книгу М. П. Погодина «Норманский период русской истории» (М., 1859) — итог его многолетней проповеди «норманской теории» возникновения русского государства. Погодин письменно предложил Костомарову публичную дискуссию, в резкой форме задев при этом редакцию «Современника» в целом и конкретно «Свисток»: «Я считаю вас честным, добросовестным исследователем в куче шарлатанов, невежд, посредственностей и бездарностей, которые <...> присвоили себе на минуту авторитет в деле науки и приводят в заблуждение неопытную молодежь <...> ради потехи, можете пригласить себе в секунданты любых рыцарей Свистопляски»¹. Не одержав научной победы в споре, Погодин пытался обернуть все дело в шутку.

В «Стихотворениях, присланных в редакцию «Свистка», требует объяснений прежде всего настойчивое противопоставление Москвы и Петербурга.

Москва упоминается здесь не только как центр славянофильства, для указания на консервативно-националистические тенденции последнего (что было обычным в публицистике 1840-х — начала 1850-х годов). Логика размежевания в русском общественном движении (по мере приближения крестьянской реформы) либеральных и революционно-демократических тенденций привела к тому, что многие умеренные прогрессисты отчетливо склонялись к откровенной реакционности. Такую эволюцию проделали известные московские литераторы (Н. Ф. Павлов, в дальнейшем часто упоминаемый в «Свистке»), журнальные органы («Русский вестник» М. Н. Каткова), профессора Московского университета: «святой, непорочный» центр передовой научной мысли 1840-х годов быстро превращался в «византийский университет», с кафедр которого звучала «проповедь раб-

¹ Диспут Н. И. Костомарова и М. П. Погодина. — МВ, 1860, 20 марта, № 64. «Вызов» Погодина и ответ его противника были опубликованы в большинстве московских и петербургских газет.

ского повиновения»². Учено-литературная Москва становилась оплотом дворянского консерватизма, утверждения незыблемости сословных границ, отстаивала «старые предания» в литературе, науке, общественной нравственности.

В комментируемых материалах «Свистка» Некрасов и Добролюбов интегрировали очень широкий круг имен, явлений и фактов — общественных, литературных, научных, бытовых, которые позволили сатирически трактовать «московские начала» именно как охранительные (и противопоставить скептическим, «разрушительным» — «петербургским»). Это понятие вскоре укрепилось в публицистическом словаре эпохи — у А. И. Герцена («Ученая Москва», «Москва нам не сочувствует»), Д. И. Писарева («Московские мыслители»), в публицистике М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. т. 5, 6 Собр. соч. в 20-ти т.), в «Искре».

«Дружеская переписка» вызвала взрыв негодования в либеральных кругах. По свидетельству Л. Ф. Пантелеева, «кто-то даже подсчитал, что в «Переписке Петербурга с Москвой» задето чуть ли не до ста человек. Они решили под флагом Кавелина выступить с печатным протестом; но К. Д. не только уклонился от предлагаемой ему чести, но и их отговаривал от этой затеи»³. Сведения о попытках «протеста» против «Дружеской переписки» приводила также «Искра»⁴.

Три стихотворения Добролюбова, подписанные именем К. Лилиеншвагера, продолжают линию разоблачения книжного «прогрессизма», далекого от насущных требований современности («Прогресс и толпа»), а также определившееся в «Свистке» направление оперативных откликов на злободневные общественно-литературные факты. «Наше время» посвящено возникновению в Москве газеты с этим названием под редакцией Н. Ф. Павлова, которая, хотя и держалась на первых порах умеренно-либерального тона, уже в объявлении о подписке известила, что она «не оторопееет в умилении, когда ей возгласят: прогресс, либерализм, молодое поколение»⁵, и с начальных номеров заявила себя органом, враждебным «Современнику»⁶. «Грустная дума гимназиста...» связана с обстоятельствами пребывания Н. И. Пирогова на посту попечителя Киевского учебного округа. Будучи принципиальным противником телесных наказаний в педагогике, он не смог сломить реакционных воззрений на этот предмет своего ближайшего служебного окружения и пытался хотя бы ограничить сечение во вверенных ему учебных заведениях рамками специально изданных «Правил о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа». Этому печальному компромиссу посвящены статьи Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» (С, 1860, № 1, с. 157—182), «От дождя да в воду» (С, 1861, № 8, с. 363—392), а также ряд выступлений Герцена в «Колоколе»⁷. Характерно, что, в противоречии с добролюбовской оценкой, либеральная печать и тут увидела признаки прогресса⁸.

Номер завершает большая группа сочинений К. Пруtkова, вновь появившихся в «Современнике» после долгого (с 1854 г.) перерыва. Продолжая прежнее направление: борьбу с теми явлениями отечественной словесности, которые безнадежно отстали от запросов жизни и мешают дальнейшему движению литературы (наивно-дидактическая басня,

² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1959, т. XVI, с. 80, 105—106, 313.

³ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1959, с. 197—198.

⁴ «...рекомендую <...> прочесть сочинение «Дружеская переписка Петербурга с Москвою», помещенное <...> в «Свистке». Автор с одинаковым беспристрастием относится к обеим столицам; озлобленный ум его как в той, так и в другой находит для себя обильную жатву. Есть предание, что по выходе в свет оной поэмы более ста человек, из числа самых зажиточных обывателей города, почитая себя обиженными автором, подали на него жалобу начальству». <Куручкин В. С.> Письма об России... — И, 1862, № 31, с. 411—412.

⁵ Объявление об издании «Нашего времени». — МВ, 1859, 4 дек., № 288.

⁶ Шиль И. Н. Вопрос о земских банках. — НВ, 1860, № 18.

⁷ Васильчикова и Рейнгардт доехали до Пирогова. — К, 1861, л. 98—99, 15 мая; Киевский университет и Н. И. Пирогов. — Там же, 1861, л. 100, 1 июня; Н. И. Пирогов — Там же, 1862, л. 118, 1 янв.

⁸ «Здесь сказалось <...> уважение к коллегиальности», «и это лучше, чем, пользуясь своей властью, делать все по собственной фантазии». Письмо в редакцию «Московских ведомостей» из Полтавы. — МВ, 1860, 18 мая, № 108.

крайности антологической поэзии и романтической лирики), авторы Пруtkова внесли здесь нечто новое в его облик. Он более отчетливо вписывается в исторический момент, в противоборство современных идейных тенденций, приобретая черты дворянского ретрограда предреформенной поры, «врага всех так называемых вопросов», растерявшегося в момент первых толков об эмансипации, но ныне убедившегося в прочности крепостнических традиций.

НАУКА И СВИСТОПЛЯСКА

Св. 4, с. 1—24. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) от слов «в XVII столетии» (стр. 86, строка 21 св.) до слов «нашего барда — Конрада Лилиеншвагера» (стр. 87, строка 24 св.) и от слов «беспре(рывно) оглашали воздух» (стр. 88, строка 20 св.) до конца — в ГПБ. Композиция рукописи, где тема «порогов» (стр. 95) предшествует теме «авторитетов» (стр. 94—95), подверглась авторской переработке, вследствие чего между текстом автографа и журнальным вариантом возникли некоторые разночтения. Корректурa с цензорскими пометками — в ПД. В корректуре эпитафия отсутствует. В рукописи и в корректуре под стихотворением подпись: Конрад Лилиеншвагер.

Стр. 82, строка 13 св. В корректуре после слов «Такое объявление» следовало: (см. «От. зап.», 1849 г., № 3).

Стр. 82, строки 1—4 св. В корректуре сноска отсутствует.

Стр. 86, строка 26 св. В рукописи после «Круг» следовало: [или даже Кавелин, Калачев и Буслаев]¹²⁴

Стр. 87, строка 12 св. В изд. 1862: хоть все «Наше время»

Стр. 87, строки 12—13 св. В изд. 1862 вместо «наконец» — «что всего ужаснее» (Эти слова зачеркнуты цензором в корректуре).

Стр. 87, стих 11. В корректуре вместо «Где дешева икра» — «Где Астрахань стоит».

Стр. 88, строка 26 св. В изд. 1862: разрешения у полиции (Слово «полиция» вычеркнуто цензором в корректуре).

Стр. 88, строка 14 св. В изд. 1862 вместо «на голоса» — «посредством suffrage universel»* (в корректуре зачеркнуто цензором).

Стр. 88, строки 7—8 св. Слова «которое должно насвистываться на голос: «Вот на пути село большое» в рукописи и в корректуре отсутствуют.

Стр. 88, строка 3 св. справа. В рукописи и в корректуре вместо строки «Но лишь Перозьо пустит пар» — «Но лишь Перозио, Смирнов»

Стр. 89, строка 29 св. заглавие. В рукописи: [О том, как мы созрели]

Стр. 89, строки 18—17 св. В изд. 1862 после слов «над православными душами!...» следовало: Еще в речи Георгия Конисского, той самой, где говорится, что солнце наше вокруг нас ходит, — сказано, помнится, о нашей зрелости. С тех пор толковали об этом весьма нередко

В корректуре: Еще в одной речи Георгия Конисского¹²⁵ [— той самой, где говорится, что наше солнце вокруг нас ходит] сказано (вычеркнуто цензором).

Стр. 89, строка 4 св. В изд. 1862 после слова «представляла» вставлено в скобках: «говоря высоким слогом объявления «С. П. Б. ведомостей»».

Стр. 90, строка 8 св. После слова «делать» в рукописи, корректуре и в изд. 1862 было: Наконец, видя, что публика велика и обильна, а порядка в ней нет, г. Плетнев¹²⁶ вошел на норманскую (т. е. г. Погодина) кафедру и, подобно древнему Гостомыслу, указал на варягов. Вслед за тем явились и норманны

Стр. 90, строки 19—20 св. В рукописи, корректуре и в изд. 1862 вместо фразы «Неужели действительно нас еще может радовать, когда до сведения нашего дойдет, что мы созрели?» — «Неужели действительно мы еще так незрелы, что готовы ставить памятник всякому, кто скажет, что мы созрели?»

Стр. 90, строка 10 св. В корректуре и в изд. 1862 вместо «этот бесцеремонный намек» — «этот бесцеремонный и не деликатный намек». (Слово «не деликатный» в корректуре вычеркнуто цензором).

Стр. 91, строка 4 св. В изд. 1862: в 3 с половиною часа

* всеобщее избирательное право (фр.). — *Ред.*

Стр. 91, строки 21—22 св. В рукописи вместо «по большей части не составляем (и не продаем) даже маленькой библиотеки» — «по большей части составляем [(не говоря уж о продаже)] [даже] только партии (ералаша и другие)».

Стр. 92, строки 2—3 св. В рукописи заглавие: [Рекомендация]

Стр. 92, строки 4—6 св. В рукописи и в корректуре эпиграф отсутствует.

Стр. 95, строки 31—32 св. В рукописи стихотворение без заглавия и подзаголовка.

Стр. 96, строка 12 св. В рукописи и в корректуре: (на голос: «В коленях у Венеры сынок ее играл»). В изд. 1862: (Свищется на голос известного «Мальбруга»).

Стр. 96, стих 15. В рукописи: Я просто как Погодин

Стр. 97, строка 15 св. В изд. 1862 после слова «к возвышению» следовало: не только ученой славы г. Погодина, но и его блистательного красноречия и удачного остроумия. (Исправлено в корректуре.)

Стр. 97, стих 4. В корректуре и в изд. 1862: Чем он был рад, музей продавши свой. (Вычеркнуто цензором в корректуре.)

¹ *Т и т Т и т ы ч. Настасья! Смеет меня кто обидеть?..* — из пьесы А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1855), д. II, явл. 5.

² *...Алексею Дмитриевичу Галахову пришлось ... сделать такое объявление.* — Критик и историк литературы А. Д. Галахов (1807—1892) в «Отечественных записках» напоминал, что он «здравствует», после того, как газета «Северная пчела», спутав его с умершим братом И. Д. Галаховым, опубликовала его некролог.

³ *...мы последуем примеру санктпетербургской полиции, объявившей ... о дочери г. Вебера.* — «По Петербургу разнеслась молва, будто бы дочь одного очень богатого купца совершила такое преступление, за которое должна подвергнуться ссылке на каторжную работу, и что отец этой несчастной девушки дает несколько тысяч тому, кто, женившись на преступнице, освободит ее от наказания. Говорят, нашлось немало корыстолюбивых дураков...» («Русское слово», 1860, № 4, Смесь, с. 151). «Ведомости СПб. городской полиции» (1860, 5 марта, № 54), опровергая эти слухи, открыто назвали фамилию семьи.

⁴ *...журналах, даже наиболее похожих на «Revue des deux Mondes»...* — Намек на «Русский вестник», выходивший (по образцу упомянутого французского издания) двумя выпусками в месяц.

⁵ *...«beate plane aures»...* — С основания (1839) до 1858 г. «Отечественные записки» появлялись с эпиграфом из Герсония: «Beate plane aures quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem» (блаженны уши, которые внимают не голосу, звучащему на площадях, но в тишине учащему истине) (лат.).

⁶ *...юмористическая статья г. Буслаева ... статья г. Ржевского...* Упомянута статья исследователя древней русской литературы, языка и фольклора, профессора Московского университета Ф. И. Буслаева (1818—1897) «Древнерусская борода» (ОЗ, 1859, № 12, с. 357—378). Сочинение реакционного публициста и крупного чиновника Министерства внутренних дел В. К. Ржевского (1811—1885) «О мерах, содействующих развитию пролетариата» (РВ, 1860, т. 25, январь, кн. 1—2, с. 213—278; т. 27, май, кн. 1, с. 5—42, кн. 2, с. 195—216), содержащее некомпетентные социолого-экономические рассуждения, надолго стало мишенью журнальных насмешек.

⁷ *...г. Серно-Соловьевич ораторствовал, а Е. И. Ламанский приказывал всем молчать!* — Речь идет о публичном диспуте по поводу деятельности «Русского общества пароходства и торговли», который состоялся 13 декабря 1859 г. в зале петербургского Пассажа между Н. П. Перозио, критиковавшим «Общество», и А. И. Смирновым, представлявшим его правление. Н. А. Серно-Соловьевич (1834—1868) участвовал в диспуте в качестве посредника Смирнова, известный экономист Е. И. Ламанский (1825—1902) был суперарбитром. Когда полемика стала слишком бурной, Ламанский потребовал замолчать и закрыл диспут, объявив, что русское общество еще «не созрело» для публичного обсуждения спорных вопросов. Эта фраза долго обсуждалась в печати (см. статью Добролюбова «Любопытный пассаж в истории русской словесности» — С, 1859, № 12, с. 403—422).

⁸ *А на железных-то дорогах сколько свисту!..* — «Главное общество Российских железных дорог» было основано в январе 1857 г. с обязательством открыть три линии в 1861 г. Быстро обнаружили плохое качество работ, непроизводительные затраты, огромные расходы на содержание правления (состоявшего преимущественно из французских финансистов и инженеров). Отчет Общества за 1859 г. «производит одними общими

цифрами самое неутешительное и неуспокоительное впечатление», — отметили в «Экономическом обозрении» «Московские ведомости» (1860, 23 апр., № 90).

⁹ ...*солидные люди нас ... говоря любимым словом некоторых ученых, «игнорировали»*... — Намек на полемический словарь публицистов «Отечественных записок»; над неудачными попытками этого журнала «игнорировать нас» («Русское слово» и «Современник») иронизировал также Писарев в статье «Схоластика XIX века» (Писарев Д. И. Собр. соч. в 4-х т., т. 1. М., 1955, с. 139—140).

¹⁰ ...*хуже сухих туманов?* — Имеется в виду статья Я. И. Вейнберга «Сухой туман (Höhenrauch)» («Атеней», 1858, ч. V, сент. — окт., с. 182—190, 258—267).

¹¹ ...*Гарибальди ... хороший знакомый г. Берга*... — Н. В. Берг (1824—1884), путешественник, журналист, поэт и переводчик, бывший корреспондентом «Русского вестника» в Италии во время войны 1859 г., опубликовал в этом журнале статьи «Поездка в отряд Гарибальди» (июль, кн. 2, с. 154—179), «Вторая поездка к Гарибальди» (авг., кн. 1, с. 271—288), в которых афишировал расположение к себе итальянского полководца.

¹² ...*статьи и стихотворения семейства Павловых*... — т. е. Н. Ф. Павлова и его жены поэтессы К. К. Павловой-Яниш (1807—1893), в это время постоянных сотрудников «Русского вестника».

¹³ ...*печатный отзыв профессора Леонтьева!* — Соредактор М. Н. Каткова, профессор римской словесности и древностей Московского университета П. М. Леонтьев.

¹⁴ ...*о «Свистке» говорят даже за границей.* — Намек на статью Герцена «Very dangerous!!!»

¹⁵ ...*г. Бунге, г. Горлов ... из ученой публики, дававшей ... обед ... Густаву де Молинали*... — Бельгийский экономист Г. Молинали (1819—1912), сотрудничавший в «Русском вестнике», посетил Россию в 1860 г., выступая с чтением публичных лекций. Обед в его честь состоялся 10 февраля 1860 г. в Петербурге с участием виднейших русских экономистов, в том числе члена финансовой комиссии по подготовке крестьянской реформы Н. Х. Бунге (1823—1895) и профессора СПб. университета И. Я. Горлова (1814—1890).

¹⁶ ...*г. Утин ... во вступительной лекции*... — Юрист Б. И. Утин (1832—1872), вступая в должность профессора СПб. университета, прочитал и опубликовал затем в «Отечественных записках» «Вступительную лекцию по кафедре истории положительных законодательств» (1860, № 1, с. 85—98).

¹⁷ ...*академик Грот ... заговорил ... стихами*... — В заметке «Литературный вечер 10 января 1860 года в Петербурге» («СПб. ведомости», 1860, 11 янв. № 9) Я. К. Грот (1812—1893) писал: «Над русской литературой восходит заря новой жизни: осуществляется надежда, с которой многие и посреди других, более мрачных времен ее, глядели вперед и которую сам пишущий эти строки много лет тому назад выразил в стихах, напечатанных им при переводе скандинавской поэмы *Фритиоф*». Далее цитировалось его стихотворение: «И струны Брагга запоют, / И свет и истина прольют / Свои лучи над русским словом».

¹⁸ ...*стихотворение «Нива», непрерывно читаемое г. Майковым ... отчасти помещено в «Свистке»*... — Добролюбов говорит о своей пародии «Лето» (см. Св. № 2) на майковское стихотворение, имевшее большой успех в публичном авторском исполнении (25 января 1860 г. на петербургских чтениях в пользу Литературного фонда «стихотворение г. Майкова «Нива» было прочтено два раза по настоятельному желанию слушателей, отблагодаривших поэта восторженными рукоплесканиями». — МВ, 1860, 30 янв., № 24).

¹⁹ ...*г. Бестужеву-Рюмину, косвенно объяснявшему ... все неприличие «Свистка»*. — Историк К. Н. Бестужев-Рюмин (1829—1897), который вел в «Отечественных записках» отдел «Русская история», в № 9 журнала за 1859 г. упрекал «Современник» в стремлении привлечь нетребовательную публику «веселенькими» статейками и в бесцельном злоупотреблении «насмешкой» («Несколько слов по поводу статьи: «Что иногда открывается в либеральных фразах!», с. 42).

²⁰ ...*г. Чичерин ... не предполагал, что диссертация эта поведет к открытию слабости проф. Крылова*... — Магистерская диссертация Б. Н. Чичерина (1828—1904) «Областные учреждения в России в XVII веке» (1856) вызвала «Критические замечания» историка римского права, славянофила Н. И. Крылова («Русская беседа», 1857, т. I, кн. 5, с. 25—104; т. II, кн. 6, с. 89—166). Это выступление стало предметом «Изобличительных писем» Байбороды (РВ, 1857, т. 8, апр., кн. 1, с. 234—248; кн. 2, с. 411—424); Крылов обвинялся, в частности, в неточности сведений о римской истории и плохом знании латыни.

²¹ ...*в «Современнике»... замечено было*... — В рецензии Добролюбова на книгу Погодина «Норманский период русской истории». М., 1859 (С, 1860, № 1, с. 104—108).

²² ...в Валгалле, окруженный Валкириями в образе гг. Устрялова, Касторского, Зернина... — Валгалла в древнегерманской мифологии — местопребывание героев, павших в сражении, валькирии — бессмертные девы-воительницы; Н. Г. Устрялов (1805—1870), М. И. Касторский (1807—1866) — профессора-историки СПб. университета, А. П. Зернин (1820—1866) — Харьковского.

²³ ...тени Байера, Шлецера... — Г. З. Байер (1694—1736), Х. А. Шлецер (1774—1831) — историки, утверждавшие варяжскую гипотезу происхождения русского государства. Круг Ф. И. (1764—1844) — историк, археолог и нумизмат.

²⁴ ...нашего времени (только не того, которое в Москве издается)... — см. с. 463.

²⁵ В своих занятиях суровых... — неточная цитата из стихотворения Пушкина «Русалка» (1819).

²⁶ Das ist die ganze Wissenschaft... — из стихотворения Г. Гейне «Doktrin», 1844.

²⁷ В «Современнике» участвуют время от времени почтенные люди... — перечисленные далее авторы эпизодически публиковались в журнале в 1858—1859 гг. (см. Указатель С).

²⁸ ...г. Аполлон Григорьев, не безызвестный г. Погодину... — По «молодой редакции» журнала «Москвитянин» (1850—1856), в которой участвовал А. А. Григорьев.

²⁹ ...погруженному в изыскания ... о жизни русского народа в XVII столетии... — Имеется в виду исследование Н. И. Костомарова (1817—1885) «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях», которое было начато публикацией в «Современнике» с этого номера (1860, № 3, с. 5—62; см. далее № 4, 9, 10).

³⁰ «Нам лишь бы обратили внимание»... — Реплика Белогубова из «Доходного места» А. Н. Островского, д. I, явл. 3.

³¹ ...он отступился от своих слов... — Оглашая перед публикой свой «вызов» Костомарову, Погодин опустил резкости, адресованные «Современнику» и «Свистку».

³² Где странствовал Максимов очень долго. — Имеется в виду описание путешествия по северным окраинам России известного этнографа С. В. Максимова (1831—1901) «Год на севере», т. 1—2. СПб., 1859.

³³ ...общество родного пароходства... — Российское общество пароходства и торговли (см. прим. 7).

³⁴ Что возмутило вас! Волнения Литвы? — Из стихотворения Пушкина «Клеветникам России» (1831).

³⁵ Устраивались даже ученые собрания... — Собрание ученых в доме историка русского права Н. В. Калачова обсуждало форму проведения диспута.

³⁶ ...варяжский вопрос ... вопрос жизни и смерти ... в настоящее время, когда России скоро исполнится тысяча лет. — Революционно-демократические круги отрицательно воспринимали попытки отвлечь общественное внимание от острой проблемы отмены крепостного права приближавшимся празднованием тысячелетия России (1862). К этой дате апеллировал на диспуте Погодин, объявив «главной» своей целью «возбудить в молодых деятелях участие к вопросу о происхождении Руси, который так для нас важен, особенно в наше время, когда скоро исполнится тысяча лет основанному ею государству» (Диспут Н. И. Костомарова и М. П. Погодина. — МВ, 1860, 20 марта, № 64).

³⁷ «Вот на пути село большое». — На этот текст Ивана Анордиста (1839) написан ряд романсов (см. «Русская поэзия в отечественной музыке», вып. 1. М., 1966, с. 38—39).

³⁸ «Пока не требует столицы...» — Стихотворение является перепевом пушкинского «Поэта» (1827).

³⁹ Перозьо — см. прим. 7.

⁴⁰ Арманс — нарицательное имя женщины легкого поведения.

⁴¹ ...принимали норманнов за потомков Нормы... — героини оперы В. Белини (1801—1835) «Норма» (1831).

⁴² ...ни Герман, ни Боско... — известные фокусники.

⁴³ Е. И. Ламанский ... уничтожает всю нашу зрелость... — см. примеч. 7.

⁴⁴ ...объявил, что мы созрели. — Погодин заявил: «Общество, являясь на этот спор с таким рвением, как будто для эстетических наслаждений, представляет самое утешительное доказательство того, что мы созрели для решения нужных и важных для нас вопросов» (Отчет о диспуте г. г. Погодина и Костомарова 19 марта 1860 года. — «СПб. ведомости», 1860, 25 марта № 67).

⁴⁵ ...Солдатенков и Щепкин издают... «Чтение для взрослых детей»? — Под этим наз-

ванием К. Солдатенков (1818—1901) и Н. Щепкин (1820—1886) издали два выпуска этнографо-географических очерков для подростков (М., 1859).

⁴⁶ ...*уменье разбирать глаголическую печать.* — Намек на статью А. С. Хомякова «Несколько слов о глаголице (Письмо к К. С. Аксакову)». — «Русская беседа», 1859, т. V, кн. 17. Науки, с. 1—12.

⁴⁷ ...*если в своих лекциях о банках ... г. Ламанский...* — Публичные лекции о банковском деле Е. И. Ламанский читал с 26 декабря 1859 г. в зале 2-й СПб. гимназии.

⁴⁸ ...*на голос: Славься сим, Максим Петрович...* — Цитата из «Официального обеда» (1841) М. Н. Загоскина (1789—1852). Перепев строки «Славься сим, Екатерина» из хора Г. Р. Державина (1743—1816) «Гром победы, раздавайся...», написанного для празднества у Потемкина по случаю взятия Измаила в 1791 г.

⁴⁹ ...*он составил древлехранилище и продал его.* — «Погодин <...> с наукою соединил и искусство добывания денег <...> музей свой, стоящий тысяч двадцать, он продал казне за сто пятьдесят тысяч рублей», — замечал А. В. Никитенко (Дневник, т. 2, с. 342).

⁵⁰ *Какая честь для нас и всей России!* — Измененная строка из 1-й сцены «Бориса Годунова» Пушкина (1825).

⁵¹ *«Не созрел», — сказал Ламанский...* — перепев стихотворения Пушкина «Золото и булат» (1827).

⁵² *Стану сказывать я сказки...* — из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Кавказская колыбельная» (1840).

⁵³ ...*он нынче в ученость пустился...* — Материалы, относящиеся к диспуту, были полностью опубликованы в этом же номере «Современника» (с. 257—292).

⁵⁴ *«Это, говорит, ученый, известный ... неужели?»* — «Тон какого-то мнимого превосходства, с которым наш знаменитый представитель скандинавизма постоянно обращается к г. Костомарову, до крайности нелеп и неуместен», — отметило «Русское слово» (Еще несколько слов о г. Погодине. — Смесь, 1860, № 7, с. 16).

⁵⁵ ...*познакомить нас и с вашею особою?* — Упомянув далее беллетристические произведения Погодина и его публицистику, Добролюбов намеренно игнорирует его собственно исторические труды, как отмечено комментаторами (см. ССД, т. 7, с. 597).

⁵⁶ ...*знают только по слухам о ваших Путевых заметках...* — намек на фельетон А. И. Герцена «Путевые записки г. Вёдрина» («Отечественные записки», 1843, № 11), едко пародировавший сочинение Погодина «Год в чужих краях. 1839» (печаталось в 1843 г. в «Москвитянине» и было издано отдельно в 1844 г.).

⁵⁷ ...*на музыку будет положено ... Александром Васильевичем Лазаревым.* — Малоизвестный композитор-дилетант «г. Лазарев любит музыку <...> несмотря на то, что она не отвечает ему взаимностью», — замечали современники (В, 1861, № 4. Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов, с. 137).

⁵⁸ *Стих ... заимствован из... детской басни Б. М. Федорова...* — О Б. Федорове см. с. 444; уничтожающие рецензии Добролюбова на «Стихотворения для детей от младшего до старшего возраста <...> Соч. Б. Федорова», были опубликованы в С (1859, № 6, с. 198—201) и «Журнале для воспитания» (1859, № 10, с. 233—234).

⁵⁹ *Менений Агриппа* — римский политический деятель, по преданию, в 494 г. до н. э. ликвидировавший политический конфликт к месту рассказанной притчей; *Клио* — муза истории.

⁶⁰ ...*Карамзин сказал ему, по поводу перевода Эверса, что в норманнстве истина!* — В конце 1825 г. Московское историческое общество выпустило подготовленный Погодиным перевод: «Предварительные критические исследования Густава Эверса для Российской истории. В 2-х книгах» (где предлагалась гипотеза хазарского происхождения варягов). Н. М. Карамзин (1776—1826), которому Погодин поднес этот перевод, заявил, что мнение Эверса «нелепо»: «По-моему, если есть какая-либо историческая истина, так такую должно почитать скандинавское происхождение Руссов» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1, СПб., 1888, с. 330—331).

⁶¹ ...*подробности о числе и годе этого свидания (26 декабря 1825 г.)...* — Добролюбов подчеркнул, что молодой Погодин предавался академическому диспутированию в то самое время, когда только что было разгромлено восстание декабристов.

⁶² *Один* — верховное божество древнескандинавской мифологии.

⁶³ ...*Константин Багрянородный* — византийский император (905—959); предоставив государственные дела жене и министрам, сам занимался преимущественно науками

и искусством; сочинение «Об управлении империей» было написано им как наставление для его сына Романа.

⁶⁴ ...пустился... в ту науку, которую г-жа Простакова называет недворянскою.— Т. е. в изложение географических сведений (имеется в виду реплика из комедии Д. И. Фон-визина «Недоросль», д. IV, явл. VIII).

⁶⁵ Лерберг написал об этом... книгу.— А. Х. Лерберг (1770—1813) — историк, изучавший русскую древнюю историю, географию и генеалогию.

⁶⁶ «Задеть мою амбицию...» — см. с. 443, прим. 24.

⁶⁷ «Ключ к таинствам натуры» — см. с. 458, прим. 24.

⁶⁸ ...тайный голос шепчет мне...— Исчерпав научные аргументы, Погодин заявил: «внутренний голос говорит мне, что первые князья наши были норманны» (Отчет о диспуте г. г. Погодина и Костомарова 19 марта 1860 г.— «СПб. ведомости», 1860, 25 марта, № 67).

⁶⁹ ...на известного «Мальбруга».— Французская песня начала XVIII в. «Мальбрук в поход собрался», популярная после 1812 г. и в России, «иносказательно <...> применяется к человеку, предпринявшему что-либо, окончившееся конфузом» (Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1966, с. 374).

⁷⁰ ...после знаменитого «Протеста»...— см. Св. № 1.

⁷¹ ...речь г. Погодина при выборе директоров волжско-донской железной дороги.— См. с. 482, прим. 26.

⁷² ...оправились от внезапного напоминания о бессмертии души, сделанного г. Погодиным...— Завершая диспут, Погодин провозгласил: «Да здравствует Русь! Пусть живет она не тысячу лет, а многие тысячи, если нет ничего бессмертного, по выражению Карамзина, кроме души человеческой» (Отчет о диспуте г. г. Погодина и Костомарова 19 марта 1860 г.— «СПб. ведомости», 1860, 25 марта, № 67).

⁷³ «Когда б он знал» — пародически использован романс Е. Кочубей на слова Е. Ростопчиной.

⁷⁴ ...Москвитянин, /Где всяк писать из чести был бы рад! — Намек на легендарную в литературных кругах скупость Погодина-издателя: «Погодин, как истый поборник идеализма <...> любит оплачивать статьи своих сотрудников словами «благодарю» или «бог подаст», что очень плохо отражается на пустом кошельке», — свидетельствовала С. В. Энгельгардт (см.: Летописи Гослитмузея. 9. Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, с. 359).

⁷⁵ Его порыв к востоку, на Царьград.— В 1854 г. Погодин писал: «все мысли, все чувства, желания, молитвы наши устремлены теперь на Дунай, к Черному морю, в Константинополь. А разве не туда ж какой-то непреодолимой, чуткою силою тянуло молодую Русь в продолжение первых двухсот лет ее существования? Не Царь ли град был любимой целию древнейших князей русских...» По «политическим соображениям» эти строки были опубликованы лишь в 1859 г. в предисловии к книге «Норманский период русской истории» (с. 1). О том же шла речь в статье Погодина «Прошедший год в русской истории» (см. прим. 77).

⁷⁶ ...слог его прилежно /Я в «Путевых Заметках» изучал...— «шероховатый, неметеный слог» Погодина в его «дорожном дневнике» насмешливо характеризовал Герцен в «Былом и думах» («Полярная звезда на 1855», кн. 1).

⁷⁷ Его статью я в «Парусе» читал! — Помещенная в славянофильской газете «Парус» статья Погодина «Прошедший год в русской истории. Письмо в редакцию» (1859, № 2) послужила одним из поводов прекращения издания, так как содержала критику внешнеполитических действий русского правительства.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА

Св. 4, с. 25—28. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) первого стихотворения — в ГПБ, рукописи двух других неизвестны. Цензорская корректура — в ПД. Текст «Свистка» содержит ряд существенных разночтений сравнительно с рукописью и корректурой. В корректуре стихотворения «Наше время» и «Грустная дума гимназиста» набраны после «Дружеской переписки», а общее заглавие «Три стихотворения Конрада Лилиеншвагера» отсутствует.

В рукописи, корректуре и в изд. 1862 стихотворение «Прогресс и толпа» озаглавлено: «Чернь». Это заглавие в корректуре цензором заменено на «Публика». В изд. 1862 имелся подзаголовок: «(Первое стихотворение нового периода)».

В корректуре стихотворения «Грустная дума гимназиста» цензором изменено название — «Грустная дума ученика лютеранского исповедания». Затем первое заглавие им же восстановлено и на полях сделана пометка: «Печатать как было. Ф. Рахманинов».

1. Прогресс и толпа

Стр. 98. В рукописи, корректуре и в изд. 1862 вместо «Толпа» — «Чернь». (В корректуре исправлено цензором на «Публика».)

Стр. 98, стих 6. В корректуре отсутствует. В изд. 1862:

И толковала чернь тупая:

Стр. 98, стих. 12. В корректуре и в изд. 1862:

И нынче всяк, как прежде, тужит,

Стр. 98, стихи 14—17. В корректуре так же, как и в «Свистке». В изд. 1862:

Все в ожиданьи благ грядущих
Мы без одежды, без угла,
Обманов жертвы вопиющих
Среди царяющего зла.

Стр. 98, стих 23. В корректуре и в изд. 1862:

2. Тебе с парламентской трибуны

(Слово «парламентской» вычеркнуто в корректуре цензором.)

Стр. 98, стихи 30—32. В рукописи:

Но дай нам хлеб, дай нам приют,
Доставь нам [верную] честную работу
И платой обеспечь наш труд

Стр. 98, стихи 40—41. В корректуре отсутствуют. В рукописи:

Трудитесь для поддержки тела,
Покамест не пробьет ваш час!

3. Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания и не киевского округа

Стр. 99, стих 16. В изд. 1862: Николай Иванович Пирогов. В корректуре цензором оставлены лишь инициалы.

⁷⁸ *Прогресс и толпа.* — Стихотворение — перепев пушкинского «Поэт и толпа», первоначальное заглавие «Чернь» (1828).

⁷⁹ *Прочь, дерзка чернь, непросвещенна...* — Начальные строки (слегка измененные) оды Г. Р. Державина «О удовольствии» (1798).

⁸⁰ *хрия* — риторический жанр сочинения на заданную тему.

⁸¹ *...нам в наказанье, /Вдруг в газетное названье/Превратилось в Москве!..* — «Наше время» Н. Ф. Павлова с первых номеров заявило себя органом, враждебным не только «Современнику», но конкретно «Свистку» (см., напр., выпады по адресу «семинаристов», авторов «скандальных статей», занимающихся «литературным гаерством», в статье И. Шилля «Вопрос о земских банках» — НВ, 1860, № 18).

⁸² *Выхожу задумчиво из класса.* — Стихотворение является перепевом «Выхожу один я на дорогу» Лермонтова (1841).

⁸³ *Был ли Лютер гений или плут.* — «Правила о проступках и наказаниях...» Пирогова (см. с. 463) предусматривали телесные наказания и за проявления религиозного «фанатизма».

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ «СВИСТКА»

Св. 4, с. 28—42. Автор вступительной части и библиографических примечаний к стихотворениям — Н. А. Добролюбов. Автографы (наборные рукописи) — в ПД. Черновые наброски части примечаний — в ГПБ. Автор стихотворений — Н. А. Некрасов. Автографы (наборные рукописи) и цензорская корректура всех материалов — в ПД. После текста «Московского стихотворения» в рукописи обозначено: «Москва, 1859 г.» На корректуре разрешительная подпись цензора датирована 27 марта 1860.

В рукописи стихотворений некоторые строки написаны Добролюбовым и поправлены Некрасовым. Это дало повод некоторым исследователям считать их соавторами «Дружеской переписки...» — См., напр., в кн.: ПССД (Лемке) т. IV, с. 108—109. При этом обычно ссылаются на письмо Добролюбова к И. И. Бордюгову от 4 июня 1859 года с 26-ю строками «Петербургского послания» и письмо к нему же от 28 июня с следующим пояснением: «Изображение Москвы, столько тебя устранившее, принадлежит мне менее чем наполовину. Это мы с Некрасовым однажды дурачились, и, конечно, все лучшие стихи его». — ССД, т. 9, с. 361, 371. Однако соавторство, о котором сообщал Добролюбов, относится не к печатному тексту, а лишь к 26 строкам, присланным в письме. Чернышевский писал в комментариях к письму, что эта редакция «значительно отличается от окончательной...; она гораздо короче, порядок стихов в ней не тот, и есть стихи, которые в окончательной редакции заменены другими» («Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», М., 1890, с. 513. Под «окончательной редакцией» Чернышевский имел в виду журнальный текст). Не попали в журнал и другие добролюбовские строки, имеющиеся в рукописях — см.: ПССД (Аничков), т. IX, с. 534—535. Помещая эту часть «Свистка» в изд. 1862, Чернышевский отметил: «Стихотворения, к которым написал Добролюбов это предисловие и библиографические примечания, написаны не им» (изд. 1862, т. IV, с. 468. Ср. ПССЧ, т. XV, с. 611).

«Дружеская переписка...» впервые перепечатана как принадлежащая Некрасову в сб. «Русские поэты», составитель Н. В. Гербель. СПб., 1873, с. 638—640 (без добролюбовских примечаний). В мемуарных записях сестры Некрасова А. А. Буткевич со слов поэта указано: «Из «Свистка» многое я перепечатал, иное не стоит, но там есть «Переписка Москвы с Петербургом», текст — стихи мои, примечания Добролюбова. Эту пьесу я не хотел зачесть своею при жизни (Гербель просто это пустил в своей хрестоматии, без моего позволения). Теперь ею можно воспользоваться для статейки обо мне и ввести ее в приложение, когда будет издание моих сочинений» — ЛН, т. 49, с. 153. Стихотворения вошли в ССН (1879), т. IV, с. 95—98. Авторство Некрасова дополнительно подтверждается конторскими книгами «Современника» — ЛН, т. 49—50, с. 302.

Стр. 100, строки 16—17 св. В рукописи слова «а между тем не смеющий даже и отвечать прямо москвичу, а обращающийся в своем ответе к какому-то третьему лицу» вписаны, вероятно, Некрасовым.

Стр. 102, строка 11 св. В рукописи заглавие отсутствует.

Стр. 102, строка 15 св. После строки «И храмы божии, и царские дворцы» в рукописи:

Где каждый гражданин — надежный сын отчизны —
Свершает в тишине полезные труды
И движется вперед, храня без укоризны
Почтенной старины священные следы.

Стр. 102, строки 14—13 св. В рукописи:

Там смеси нет чухонской и татарской,
Все русские — куда ни погляди!

Стр. 103, строка 9 св. Вместо строки «Там, не в пример столице нашей Невской» и следующих тринадцати стихов в рукописи:

Там против Зотова народная подписка
Составилась по поводу жидов,
И были мы свидетелями писка
Каких-то новых странных голосов.
Ученый град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Наивный град! Там Константин Аксаков
В своей «Молве»¹²⁷ в передовых статьях
Учил ходить нас наподобье раков.
Черкасский там запутался... в плетях!

Стр. 103, строка 20 сл. Вместо строки «Разумный град! Там Павлов Соллогуба» и следующих трех стихов в рукописи и в корректуре:

Суровый град! Там Павлов Соллогуба,
Байборода Крылова обличил,
Там Шевырев был обличен сугубо,
Чичерин там гремел и отгремел.

И далее в рукописи:

Там граф Толстой «Альберта» сочинил!¹²⁸
Там, ревностно к науке пламенея,
Погодин доказал России всей,
Что бескорыстен он — продажею музея,
Что беспорочен — пряжкой своей!¹²⁹
Ужасный град! — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться милой мой!

Правдивый град! Там убежденья чисты,
Бессильны там глупец и лицемер,
Зато в ходу такие публицисты,
Как господин Чичерин, например.
Там что ни муж — то жаркий друг
прогресса

Стр. 102—103. Вариант стихотворения из письма Добролюбова к И. И. Бордюгову от 4 июня 1859 г. («Материалы для биографии Н. А. Добролюбова». М., 1890, с. 513; ССД, т. 9, с. 361).

Ты знаешь град, где Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади,
Где уцелел остаток древнебарский
У каждого патриция в груди;
Где дочь свою замужнюю наместник
Вторичным браком повенчать велит,¹³⁰ —
Как водопад, бушует «Русский вестник»
И «Атеней», как ручеек, журчит...
Почтенный град! Там люди в деле тихи,
Но говорят, волнуются за двух,
Там от Кремля, с Арбата и Плющихи
Отвсюду веет чисто русский дух.
Там, не в пример столице нашей Невской,
Оценят все, поймут и разберут,

Анафеме там предан Чернышевский
И Кокорева ум нашел себе приют!
Ученый град! Там Павлов Соллогуба,
Байборода Крылова обличил,
Там Шевырев был поражен сугубо,
Там хрестоматию Галахов сочинил;
Там беспощадно поражают пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости поют,
Журналы там не терпят балаганства
И наш «Свисток» проклятью предадут!..
Ужасный град! Туда, чтоб видеться
с тобой,
Мне страшно показаться, милый мой.

Стр. 104, строка 6 сл. Слова «и г. Лавров в своих философских исследованиях» в рукописи и в корректуре отсутствуют.

Стр. 109, строка 3 сл. В изд. 1862: Моллаву

Стр. 109, строка 10 сл. Часть текста от слов «Впрочем, можно читать» до конца этого абзаца в рукописи и корректуре отсутствует.

Стр. 109, строка 21 сл. В изд. 1862 слова «не позволяется занимать лишних мест, против билетов» опущены.

Стр. 110, строки 11—12 сл. В корректуре: изгнать из законов *плетки и шпицрутены*, — там не говорите мне о необходимости заменить телесное наказание *в общинах!* (Исправлено цензором).

Стр. 110, строка 20 сл. В рукописи и корректуре к имени «Щербина» сделано примечание «Библиограф, очевидно, думает, что все фамилии, кончающиеся на *а*, принадлежат особам женского пола!!»

Стр. 110, строки 24—25 сл. В рукописи и корректуре: гг. Ржевского, Безобразова, Бунге и самого Хвольсона.

⁸⁴ И перед младшею столицей... — неточно процитированные строки из «Медного всадника» Пушкина (1833).

⁸⁵ ...имена Ф. Н. Глинки, С. П. Шевырева, М. А. Дмитриева, Н. В. Сушкова, Н. В. Берга, графини Евдокии Растопчиной, Каролины Павловой, Авдотьи Глинки... — Добролюбов сгруппировал имена московских литераторов консервативно-дворянской и славянофильской ориентации; все они в разное время подвергались критике на страницах «Современника» (см. Указатель С).

⁸⁶ ...обильно... число сравнений создания... Петра с древнею столицею... — Сопоставления двух столиц, дававшие богатый материал для постановки вопроса об историческом пути России и для критического анализа современной действительности, делали Пушкин («Путешествие из Москвы в Петербург», 1833—1835), Гоголь («Петербургские записки 1836 г.», 1837), Белинский («Петербург и Москва», 1845); с консервативных позиций такую параллель проводил М. Н. Загоскин (Два характера. Брат и сестра. — «Москвитянин», 1841, № 2).

⁸⁷ Не все из... сравнений появились в печати... — Подразумеваются «сравнения», имевшие резко выраженный характер политической сатиры: от раннего стихотворения Вяземского «Сравнение Петербурга с Москвой» (1810), в этот момент еще не напечатанного, но «многие годы ходившего по рукам» (Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 263), до герценовского фельетона «Москва и Петербург» (К, 1857, л. 2, 1 августа). Сатирические стихотворные послания «Из Петербурга в Москву» — «Из Москвы в Петербург» («У царя у нашего...»), напечатанные через год (в изданиях Герцена, как и сатира Вяземского), возможно, были также знакомы Добролюбову и Некрасову.

⁸⁸ Лайбов — один из журнальных псевдонимов Добролюбова.

⁸⁹ ...для тех, кого это дело касаться может. — Очередной выпад Добролюбова против бесцельной скрупулезности «библиографического направления» в современной литературной науке. Конкретный материал для этого иронического оборота, возможно, дал М. Н. Лонгинов (1823—1875). Помещая в «Современнике» (1856, № 2, Смесь, с. 143—148) статью «Библиографическая редкость. «Мешанина», он закончил словами: «Библиограф неисцелим. Он нашел пустую книжонку; но она чрезвычайно редка — и он счастлив <...> жду с нетерпением, чтобы гений библиографии помог мне отыскать «Пустомелю», и тогда опять повещу тех, кому о том ведать надлежит, о своем открытии» (Соч. М. Н. Лонгинова, т. 1. М., 1915, с. 27).

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

Московское стихотворение

⁹⁰ ...солнце... светит только четыре минуты!!? (См. «Месяцеслов» на 1859 г.) — О промахах и ошибках в академическом «Месяцеслове», изобиловавшем неверными сведениями, писали во многих изданиях (см.: С. П. Библиографические заметки. — МВ, 1860, 6 января, № 4).

⁹¹ ...в прежней «Северной пчеле»... — С 1860 г. право на издание «Северной пчелы» купил П. С. Усов (1828—1888); новая редакция в своей программе отмежевывалась от одиозных болгаринских традиций.

⁹² ...из исследований Фомы Костыги ... в «Маяке» 1845 г. — Под этим псевдонимом Д. И. Прозоровский (1820—1894) помещал в реакционном журнале «Маяк» (1841—1845) рецензии и обзоры «Новые книги», проникнутые анекдотическим мракобесием; однажды он напечатал там курьезное «Филологическое исследование. О происхождении слова баскак» (1845, т. 23, кн. 45—46, Материалы, с. 1—19).

⁹³ ...г. Лавров в своих философских исследованиях. — «В большой публике Лавров был известен по очень темно <...> написанным статьям в «Библиотеке для чтения» (ред. Дружинина) о «гегелизме», да его «Механической теорией мира» в «Отечественных записках» 1859 г. <...> Отсюда возникли несколько натянутые отношения к «Современнику» (Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 234). Полемику с П. Л. Лавровым (1823—1900) в следующем номере С начал Чернышевский (Антропологический принцип в философии. — С, 1860, № 4, с. 329—366; № 5, с. 1—46).

⁹⁴ ...где же г. Покровский с своим памятным листком ошибок... — См.: Покровский И. Памятный листок ошибок в русском языке, встречаемых в произведениях многих русских писателей. — «Москвитянин», 1852, № 14, июль, кн. 2, отд. VIII, с. 19—21.

⁹⁵ *Где А. Д. Галахов...* — Секретарем «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», к протоколу которого относится ирония Добролюбова, был как раз А. Д. Галахов. В «Воспоминаниях» Л. Ф. Пантелеева сообщается, что А. Д. Галахов был «глубоко возмущен тоном «Современника», в частности же всего более «Свистком» (с. 197).

⁹⁶ *...«все признаки ученья»...* — цитата из «Горе от ума» Грибоедова (д. I, явл. 7).

⁹⁷ *Доказывается недавним случаем подделки кредитных билетов...* — В конце февраля в столице была открыта большая шайка из мелких чиновников, бывших студентов, бродяг и т. д., которая занималась подделкой кредитных билетов, векселей, паспортов (см. «Русское слово», 1860, № 4, Смесь, с. 151—152).

Петербургское послание

⁹⁸ *...провозвестник Московских дум и английских начал* — «Русский вестник» М. Н. Каткова в то время пропагандировал английское социально-политическое устройство как образец для общественных преобразований в России, но при сохранении самодержавия.

⁹⁹ *...«Русский вестник» ... издавался ... Гречем, Полевым и Кукольниковом ... Глинкою издавался...* — Смысл «библиографического примечания» — в сближении позиций катковского журнала (афишировавшего свою прогрессивность) с одноименными более ранними: реакционно-националистическим изданием Глинки см. с. 444, прим. 7 и рептильным органом, который соратник Булгарина Н. И. Греч (1787—1868) издавал в 1841—1844 гг.

¹⁰⁰ *Где «Атеней», как ручеек, журчал.* — Прекращая существование в 1859 г. (ч. II, март — апрель), журнал опубликовал объявление «От редакции», в котором говорилось: «Истощив, в борьбе с равнодушием публики к нашему журналу, не только скудные средства, доставленные нам подпискою, но и все те, какими могли мы располагать <...> мы пришли к горькой необходимости остановить свое, как видно, неуместное теперь издание» (с. 604).

¹⁰¹ *...обругал Островского...* — В последнем номере «Атеней» была помещена рецензия Н. П. Некрасова «Сочинения А. Островского. 2 тома», автор которой не «признал <...> истинно поэтического таланта» в драматурге (1859, ч. II, март — апрель, с. 499).

¹⁰² *...из последнего издания «Хрестоматии» Галахова...* — «Полная русская хрестоматия, или образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей» А. Д. Галахова вышла первым изданием в 1842 г., в 1859 г. было выпущено 8-е.

¹⁰³ *...г. Шевыреву, который ... проводил параллели между Россией и Италией ... наконец стал смешивать принадлежности обеих стран.* — В передовых журналах 1840-х — 1850-х годов мишенью постоянных насмешек была наклонность С. П. Шевырева, после его поездки в Италию в 1830-е годы, к «quasi — итальянскому направлению»: он призывал ввести итальянскую октаву в русское стихосложение — об этой «ужасной реформе» насмешливо отзывался Белинский (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. II. М., 1953, с. 144—148), ошибочно приписал обнаруженные в Москве рисунки Рафаэлю (см. об этом в рецензии Добролюбова на «Историю русской словесности» Шевырева — С, 1859, № 2, с. 249—258).

¹⁰⁴ *Александр Сергеевич сказал, по уверению М. П. Погодина...* — В первом номере «Москвитянина» (1841) Погодин «по памяти» опубликовал «Десять неизвестных стихов Пушкина» (с. 74).

¹⁰⁵ *...Мини и Пожарский /Торжественно стоят на площади.* — Имеется в виду памятник работы И. П. Мартоса, установленный на Красной площади (1804—1818).

¹⁰⁶ *Принялись и прозябли* — каламбур, основанный на двойном значении второго слова: прозябли — пошли в рост (старосл.) и вымерзли (рус.); ср. в этом же выпуске Св. басню К. Пруткина «Помещик и садовник».

¹⁰⁷ *...в I-м и предпоследнем номере «Современности».* — «Экономический листок» под названием «Современность», имевший всего 243 подписчика, прекратился на № 2 (1860) без предварительного уведомления. Редактор Н. Коренев скрылся в Рязань и оттуда утихомиривал читателей обещанием вернуть деньги (см. МВ, 1860, 3 дек., № 263).

¹⁰⁸ *...По приговору сейма/Там судятся и люди, и статьи* — Имеется в виду статья «Физиология кружка. Письмо к редактору» (за подписью «Ярослав»), опубликованная в РВ, 1857, т. 9, май, кн. 1, в которой утверждалось право «строного и беспощадного суда», «суда совести» в литературе (с. 49).

¹⁰⁹ Там сомневается почтеннейший Киттары... — 17 декабря 1858 г. в «торжественном собрании» Московской практической академии коммерческих наук инспектор ее профессор М. И. Киттары (1825—1880) заявил, что, будучи врагом розог, изредка все же прибегает к ним, хотя и «сомневается» в целесообразности этого средства. На следующем годичном собрании в его речи «О воспитании» сообщалось: «Заговорив о мерах исправления, с грустью должен сознаться, что несмотря на все отвращение мое к розгам, увы! у меня не достало ни уменья, ни терпенья избежать их; и если в прошлом году на меня находили, как я выразился <...> минуты сомнения в непогрешимости моего взгляда, то приходили зато минуты отчаяния, минуты тяжелые» («Речи и отчет, читанные в торжественном собрании Московской практической академии коммерческих наук 17 декабря 1859 г.» М., 1859, с. 39).

¹¹⁰ ...Павлов Соллогуба, Байборода Крылова обличил — См. с. 443, прим. 21, с. 466, прим. 20.

¹¹¹ Там *** был поражен сугубо — В «примечании» к этому стиху Добролюбов уже раскрыл пропуск, упомянув С. П. Шевырева. Подразумевается столкновение 14 января 1857 г. в заседании Совета Московского художественного общества русофильствующего Шевырева с англоманом графом В. А. Бобринским, перешедшее в драку. В итоге Шевыреву («поражен сугубо») было предложено по высочайшему повелению подать прошение об отставке от должности профессора Московского университета и выехать в Ярославль (см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XV, с. 321—327).

¹¹² Там сам себя Чичерин поразил. — Примечание Добролюбова к этой строке раскрывает ее смысл: от успешно начатого ученого поприща Б. Н. Чичерин все явственнее уклонялся на путь охранительного публициста.

¹¹³ ...в книжке «Вечера с разговором» ... изданной ... графом Толстым. — Речь идет о мракобесном сочинении Н. С. Толстого.

¹¹⁴ ...в статье «Биограф-ориенталист» Н. Ф. Павлова. — См. с. 443, прим. 21.

¹¹⁵ ...область празднословного романа/Мужчина передал в распоряжение дам. — В «примечании» к этим строкам, перечисляя имена и псевдонимы женщин-писательниц, Добролюбов намеренно включил в этот перечень и литераторов-мужчин: либерального публициста С. С. Громеку и «антологического» поэта Н. Ф. Щербину (1821—1869). Ошибки такого рода вкрались в «Список русским писательницам (1759—1857 гг.)», составленный библиографом князем Н. Н. Голицыным (1836—1893) и опубликованный в 1857 г. в «Молве» (№ 28—30, 32—35). Добролюбов отметил их в рецензии на «Поденьщину», «Пустомелю», «Кошелек» (С, 1858, № 12, с. 236—242).

¹¹⁶ Устами Чаннинга о трезвости поют. — У.-Э. Чаннинг (1780—1842) — американский богослов и писатель, пастор в Бостоне, известный проповедник, речь которого «О трезвости» (1837) была опубликована в переводе (РВ, 1859, т. 20, апрель, кн. 1, с. 474—507).

¹¹⁷ ...Н. Ч., в котором ... не следует подозревать г. Н. Чернышевского. — См. с. 453.

НОВЫЕ ТВОРЕНИЯ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА

Св. 4, с. 42—48. Первоначально здесь предполагалось опубликовать не 7, а 18 произведений К. Пруткова. На это указывают сохранившиеся части цензорской корректуры (ПД). Так, на одной из полос оттиснута стихотворения: I «К моему портрету», II «Казак и армянин», III «Чиновник», IV «Помещик и садовник», V «Шея», VI «Лукавый врач», VII «Память прошлого», VIII «Помещик и трава», IX «Современная русская песнь», X «Осень». На этой полосе подпись красным карандашом: «Цензор Д. Мацкевич». На другой полосе набраны часть стихотворения «Разочарование» (от строки «Книга, хлеб и пива кружка» в первом четверостишии), имевшего, нужно думать, порядковый номер XIV и далее: «XV «Философ в бане», XVI «Новогреческая песнь», XVII «От Козьмы Пруткова к читателю в минуту откровенности и раскаяния», XVIII «К месту печати». Некрасов отчеркнул три последние и сделал пометку: «Оставить до след<ующего> N». Та же пометка — на полях стихотворения «Разочарование», но затем Некрасов перечеркнул ее. На обороте надпись рукой Добролюбова: «И обертку мне пришлите поправленную, а главное Некрасову. Н. Д.» На корректуре разрешительная надпись цензора Ф. Рахманинова от 25 марта 1860. (См. также: ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 314 и фотокопию части этой полосы

в кн.: *К. Прутков. Полн. собр. соч. М., 1949, с. XVII*). После изменения состава прутковской части Св. номер стихотворения «Философ в бане» (XV) изменен на «7» и под ним рукой Некрасова проставлена подпись «Козьма Прутков». Б. Я. Бухштаб установил, что корректуры Св. 4 включали также оперетту «Черепослов» (Св. 5) (см. примечания в кн.: *К. Прутков. Полн. собр. соч. М., 1965*). Таким образом, остается неясной судьба двух прутковских произведений. Вероятнее всего, они впоследствии напечатаны в составе ПССП (1884) и ими могут быть «Червяк и попадья», «Звезда и брюхо» или «Родное».

Тексты стихотворений, предназначенных для Св. 4 и не появившихся здесь, см. в разделе «Дополнения к «Свистку». Автор вступительной части («От редакции») — Н. А. Добролюбов. Наборная рукопись и корректура — в ПД. На корректуре надпись рукой Добролюбова: «Пух и перья и пр. см. на кор^рре^кту^рах». (См. примечания к «Черепослову» в Св. 5).

Автор «Предуведомления» — вероятно, В. Жемчужников, который обычно писал такого рода вступления при опубликовании прутковского материала; цензорская корректура — в ПД.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

¹¹⁸ ...почему я так долго молчал? — Предыдущие «прутковские» материалы появились в юмористическом приложении к «Современнику» «Литературный ералаш» в 1854 г.

¹¹⁹ Я — враг всех так называемых вопросов! ... но гг. Григорий Бланк, Николай Безобразов и пр. предупредили меня... — Подразумевается прежде всего вопрос о крестьянской реформе, который настойчиво пыталась похоронить дворянская крепостническая оппозиция. Один из ее лидеров Н. А. Безобразов (1816—1867), реакционный публицист, предводитель дворянства Петербургского уезда, в 1858 г. после официального объявления о предстоящей реформе напечатал в Берлине брошюру «Об усовершенствовании узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства», в которой отрицал необходимость отмены крепостного права. Г. Б. Бланк (1811—1889) выступал с крепостническими статьями в «Трудах Вольного экономического общества» («Русский помещичий крестьянин» — 1856, апрель, т. 2, № 6, с. 117—129; Антикритика — 1857, январь, т. 1, № 1, с. 99—130). Эти вылазки не встретили поддержки в печати, от оголтело реакционных тенденций вынуждено было отмежеваться и правительство.

К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

Автор — А. К. Толстой. Писарская копия с указанием его авторства — в ЦГАЛИ. Перепечатано под названием «Мой портрет» в ПССП (1885), с. 11. Б. Я. Бухштаб полагает, что стихотворение написано не позже 1856. — (ПССП (1965), с. 426).

¹²⁰ ...будет издан ... при полном собрании моих сочинений. — Первая попытка подготовить собрание сочинений Пруткова предпринималась еще в 1854 г. Тогда же был литографирован его «портрет» работы художников Л. М. Жемчужникова (1828—1912), А. Е. Бейдемана (1826—1869) и Л. Ф. Лагорию (1827—1905); полное собрание прутковских сочинений осуществилось только в 1884 г.

ПОМЕЩИК И САДОВНИК

Автор — Алексей Жемчужников. Автограф с датой «1855» и пометками «для Пруткова» и «не отд^ано > еще в п^ечать >», а также писарская рукописная копия В. М. Жемчужникова с указанием автора — в ЦГАЛИ.

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

Автор — А. К. Толстой. В ЦГАЛИ, в архиве В. М. Жемчужникова хранится писарская копия с указанием авторства А. К. Толстого. Цензорская корректура — в ПД. В корректуре подзаголовки: «Из Гейне».

ПОМЕЩИК И ТРАВА

Автор — Алексей Жемчужников. Два автографа, один из которых датирован 1855 годом. — в ЦГАЛИ. Цензорская корректура — в ПД.

ОСЕНЬ

Автор — В. М. Жемчужников. Автограф и писарская копия с указанием его авторства — в ЦГАЛИ. Цензорская корректура — в ПД.

¹²¹ ...Из Ибн-Фета — В подзаголовке — намек на переводы А. А. Фета (1820—1892) из персидской поэзии («24 стихотворения Гафиза», переведенные им, были опубликованы в «Русском слове», 1860, № 2). Само стихотворение пародирует фетовское «Непогода. Осень...»

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Автор — В. М. Жемчужников. Писарская копия с указанием его авторства — в ЦГАЛИ. Часть цензорской корректуры (без первого четверостишия) — в ПД.

¹²² *Разочарование.* — Пародия на стихотворение Я. П. Полонского (1819—1898) «Финский берег».

ФИЛОСОФ В БАНЕ

Вероятный автор — А. К. Толстой. Автограф неизвестен. Писарская копия — в ЦГАЛИ. Цензорская корректура — в ПД. Принадлежность стихотворения А. К. Толстому предположительно указана П. Н. Берковым (*К. Прутков. Полн. собр. соч.* М. Л., 1933, с. 592).

¹²³ *С древнего греческого.* — Пародируется «Моя богиня» Н. Ф. Щербины.

¹²⁴ *Кавелин, Калачев и Буслаев* — См. прим. к основному тексту, с. 444, 465; Калачев Н. В. (1819—1885) — историк и юрист, профессор Московского университета, издатель «Архива историко-юридических сведений о России».

¹²⁵ ...в речи Георгия Конисского... — Архиепископ Белорусский Г. Конисский (1717—1795) произнес 19 января 1787 г. в г. Мстиславе приветственную речь Екатерине II «Оставим астрономам доказывать...», где императрица льстиво сравнивалась с солнцем. «В образец красноречия» она была многократно издана (см. «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви», т. 1. СПб., 1827, с. 95).

¹²⁶ *г. Плетнев* — Плетнев П. А. (1792—1865) был ректором Петербургского университета, где происходил диспут.

¹²⁷ ...Константин Аксаков В своей «Молве»... — Еженедельная славянофильская газета «Молва», выходившая в Москве в 1857 г. под фактической редакцией К. С. Аксакова (1817—1860), на № 38 прекратила существование из-за цензурных трудностей; в ней разъяснялись исторические доктрины славянофилов, на что сделан намек в комментируемых строках.

¹²⁸ Там граф Толстой «Альберта» сочинил! — «Альберт» Л. Н. Толстого был написан в Дижоне и послан в «Современник» из Москвы (25 ноября 1857 г.). Некрасову его рассказ не понравился (см. его письмо Толстому от 16 декабря 1857 г.).

¹²⁹ *беспорочен — пряжкой своей!* — Речь идет о награде за «беспорочную службу», которой М. П. Погодин был удостоен в 1853 г.

¹³⁰ ...дочь свою замужнюю наместник/Вторичным браком повенчать велит. — Упомянут московский генерал-губернатор граф А. А. Закревский (1783—1865), прославившийся своими беззакониями и самодурством настолько, что правительство Александра II было вынуждено убрать его с этого поста (в апреле 1859 г.) как слишком одиозную фигуру. Поводом к его отставке послужило разрешение на вступление в новый брак без развода с первым мужем, выданное им его дочери (см. Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т., т. XIV, с. 419—420; Никитенко А. В. Дневник, т. 2, с. 84).

СВИСТОК 5

Впервые — С, 1860, № 5, с. 1—56 (особой пагинации). Цenz. разр. 29 апреля и 19 мая, вып. в свет 26 мая, цензоры Ф. Гахманинов и В. Бекетов. Цензорская корректура — в ПД.

«Свисток» № 5 открывается вступлением «Оговорка», которое содержит краткий обзор общественно-литературных событий за время, минувшее после выхода № 4, и вводит непосредственно в содержание данного выпуска, называя имена главных героев его — ими являются М. П. Погодин, а также эпизодически затронутый ранее В. А. Кокорев.

Центральное место в номере занимает статья Добролюбова «Опыт отучения людей от пищи». Это одно из наиболее серьезных выступлений «Свистка», так как здесь (что было затруднено самой сатирической спецификой издания) на сцену непосредственно выходит «человек, питающийся лебедой» (Салтыков-Щедрин), российский крестьянин, превращенный обстоятельствами экономического развития страны в наемного рабочего. Материалом послужила история сооружения Волжско-Донской железной дороги акционерным обществом, учредителем которого был Кокорев, а трубадуром этого предприятия в самом начале выступил Погодин. Деятельность Общества началась при фальшиво-оптимистичных реляциях Кокорева¹, а завершалась печально для акционеров и трагически для рабочих².

Источником добролюбовской статьи явились (как чаще всего бывало в «Свистке») журнально-газетные материалы, подвергнутые тщательному анализу и группировке. Апология смирения и терпения, провозглашенная Погодиным, «азиатчина» в ведении дела промышленного оснащения России, жестокая эксплуатация народа буржуазными хищниками при альянсе с властями — вот главные мишени сатиры. Разоблачение трагической изнанки капиталистического развития страны повлекло иную, чем обычно в «Свистке», сатирическую тональность, в которой доминируют гнев, сарказм, горечь. «Трагическая сторона» повествования подчеркнута эпиграфом из «Тилемахиды» В. К. Тредиаковского — повторением эпиграфа к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева

Стихотворная подборка «Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию» (также принадлежит Добролюбову) вводит на страницы «Свистка» новую литературную маску — Аполлона Капелькина. К. Лилиеншвагер и Я. Хам были прочно ассоциированы с обличительно-дидактической и воинственно-шовинистической тематикой. Ап. Капелькин позволил Добролюбову начать более широкое наступление на «вторичную», эпигонскую журнальную поэзию вообще.

Стихотворение Некрасова «Первый шаг в Европу» раскрывает прочность крепостнических навыков в отношениях к «меньшей братии». Член Главного управления цензуры А. А. Берте в своем докладе подчеркнул, что здесь «без всяких уловок <...> указывается на ненормальное положение нашего отечества»³. В последующих прижизненных изданиях стихотворения была опущена его концовка: «И тяжко я вздохнул о родине моей».

«Кювье — в виде Чацкого и Горвица» (Некрасов), «Развязка диспута 19 марта» (Некрасов и Добролюбов) начинают собою новый раздел в издании — своего рода «по следам выступлений» «Свистка».

«Черепослов, сиречь Френолог» К. Пруtkова продолжает линию его пародий, в данном случае — на абсурдную бессмысленность водевилей.

¹ «Полученная сегодня из Саратова почта привезла известие, что все рабочие в числе 2-х тысяч лиц прибыли на пароходах в г. Царицын 4 сего мая благополучно и в добром здравьи, а 12 числа начаты земляные работы по Волжско-Донской железной дороге. Учредитель Василий Кокорев». — МВ, 1859, 23 мая, № 121.

² «Саратов, 25 июня. Акции Волжско-Донской железной дороги падают неимоверно <...> рабочие <...> бежали с линии работ уже не десятками, а сотнями. Только участие, принятое в судьбе рабочих г. начальником губернии, успокоило волнение, которое принимало серьезный характер». — МВ, 1860, 9 июля, № 150.

³ *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 431.

ОГОВОРКА

Св. 5, с. 1—4. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф неизвестен. Цензорская корректура — в ПД. Разрешительная цензорская надпись Ф. Рахманинова датирована 16 мая 1860. Принадлежность статьи Добролюбову засвидетельствована Чернышевским, включившим ее в изд. 1862, с. 483—486.

Стр. 116, строка 15 сн. В корректуре и в изд. 1862 после «Утину» следовало: г. Пирогов вздумал сечь детей; (Вычеркнуто цензором в корректуре.)

Стр. 117, строки 3—1 сн. В корректуре и в изд. 1862 сноски отсутствуют.

¹ ...проберет ... Чернышевский вдвоем с Костомаровым... — Насмешка адресована М. П. Погодину: в майской книжке «Современника» (1860) опубликованы: «Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей» Н. И. Костомарова (с. 73—83) и «Замечание на «Последнее слово г. Погодину» г. Костомарова» Чернышевского (с. 84—88).

² ...«Весенние звуки» да «Весенние ночи» в русских журналах... — «Весенние ночи» — цикл стихотворений Вс. Крестовского (ОЗ, 1860, № 4); «Весенние звуки» — стихи «крестьянина-самоучки из Таганрога П. Миронова («Иллюстрация», 1860, № 118, 12 мая, с. 287); «Русское слово» (1860, № 4) опубликовало поэтический цикл А. Н. Апухтина «Весенние песни».

³ ...в Москву попадешь ... о г-же Свечиной заспорят... — Газетно-журнальная полемика о С. П. Свечиной (1782—1859), русской писательнице реакционно-мистического толка, жившей в Париже и принявшей католичество, возникла в связи с критическим примечанием, которым редакция «Русского вестника» сопровождала публикацию статьи Евг. Тур (Е. В. Салиас де Турнемир, 1815—1892) «Г-жа Свечина» (1860, т. 26, апрель кн. 1, с. 362—393): «Печатаю эту интересную статью, мы считаем долгом заявить, что не разделяем всех суждений ее даровитого автора. Нам кажутся они односторонними и не совсем справедливыми» (с. 392). Последовало протестующее «Письмо к редактору» Е. Тур и грубый ответ на него М. Н. Каткова (там же, Современная летопись, апрель, кн. 2). Свои язвительные объяснения с Тур Катков продолжал во второй книжке майского номера журнала. В спор по этому поводу вступили «Московские ведомости», «Наше время»; бессодержательный «всеобщий гвалт» сурово расценил Чернышевский («История из-за г-жи Свечиной» — С, 1860, № 6, с. 249—278).

⁴ ...еще статейку о «Накануне». — К концу мая 1860 г. было опубликовано более 15 статей о новом романе Тургенева, «Московские ведомости» (1860, 7 мая, № 101) даже напечатали заметку: «Почему так много говорят и пишут о «Накануне»?» (Сводку отзывов см.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем, Письма, т. 4. М.; Л., 1962, с. 472, 480—481).

⁵ ...«что имя? звук пустой»... — из стихотворения Лермонтова «Ребенку» (1840).

⁶ ...реприманд неожиданный — из комедии Гоголя «Ревизор», д. 5, явл. VIII.

⁷ ...обнародовать против нас «Учено-литературный протест» ... с эпиграфом: «иль мало нас?» — Эпиграф из стихотворения Пушкина «Клеветникам России» (1831). О «протесте» см. с. 463.

⁸ ...как дым, как утренний туман! — измененная строка из пушкинского послания «К Чаадаеву» (1818).

⁹ ...всеобщие раздоры, возвещающие... наступление осени... для журналистов. — Подразумеваются беспринципные газетно-журнальные перепалки, возникавшие в подписной сезон ради привлечения наибольшего количества подписчиков на следующий год.

¹⁰ ...есть от чего в отчаянье придти... — реплика из «Горя от ума», д. IV, явл. 4.

¹¹ ...папа почти отлучил Виктора Эммануэля. — Папская булла от 26 (14) марта 1860 г., предавшая отлучению от церкви всех «действителей, зачинщиков, помощников, советников, участвовавших в возмущении, похищении церковных владений и вторжении в них», изобиловала выпадами против главы Сардинского королевства Виктора Эммануэля, не называя его, прямо по имени (см. МВ, 1860, 22 марта, № 65).

¹² ...Росновский ... сочинил ... «О девизах в медицине и медицинских туттифруттиках». — Это полемическое сочинение (СПб., 1860), явившееся ответом на неблагоприятный отзыв в «Русском слове» (1859, № 10) о другой работе того же автора, названо Добролю-

бовым как один из примеров личной перебранки, загромаждавшей (под видом гласности) российскую печать.

¹³ ...г. Селиванов вышел из московского общества любителей словесности, о чем г. Хомяков узнал с удовольствием...— 27 января 1860 г. в заседании Общества любителей российской словесности И. В. Селиванов (1809—1882) внес предложение открыть чтения в пользу нуждающихся литераторов, отвергнутое большинством голосов. Сведения об этом он опубликовал в «Московских ведомостях» (1860, 10 февраля, № 32), вызвав протесты членов Общества, после чего в письме к его председателю А. С. Хомякову заявил о своем выходе из состава Общества (МВ, 1860, 22 марта, № 65). Свой ответ Хомяков начал словами, что он «имел удовольствие получить» послание Селиванова (там же, 23 марта, № 66). В ходе долгой полемики (см. МВ, 1860, февраль — апрель) Селиванов громил Общество — «заветную славянофильскую общину».

¹⁴ ...генерал Бенедек ... вместе с Эйноттенем; Брук ... руки на себя наложил...— Австрийский генерал А. фон Эйнаттен, преданный уголовному суду за злоупотребления во время австро-итальянской войны 1859 г., покончил с собой 8 марта 1860 г.; вскоре (23 апреля) последовало самоубийство австрийского министра финансов барона К. Брука (1798—1860), привлеченного к этому процессу в качестве свидетеля. Л. Бенедек (1804—1881) — австрийский фельдмаршал-лейтенант, один из командующих войсками в Итальянской войне, с 1860 г. — генерал-губернатор, а затем главнокомандующий в Венгрии.

¹⁵ Русский вестник сделал выговор г. Утину...— Редакция «Русского вестника» опубликовала статью постоянно сотрудничавшего в журнале Б. И. Утина «Очерк исторического образования суда присяжных в Англии» (1860, т. 26, март, кн. 1, с. 5—48 и кн. 2, с. 207—256) с полемическими примечаниями и опровержением на нее в своей «Современной летописи»: «Просим читателей обратить внимание на помещенную ниже, в Современной летописи, нашу заметку о мировых судьях Англии. Из нее они увидят, что мы не совсем согласны с Б. И. Утиным. Ред. » (с. 228). Это положило начало спору Утина с редакцией (в который оказались втянуты другие издания) и послужило причиной его разрыва с «Русским вестником».

¹⁶ ...г. Козлов вздумал уродовать Байрона...— Имеются в виду переводы из Байрона П. А. Козлова в «Библиотеке для чтения» (1859) и отдельно изданная книга его же переводов «Еврейских мелодий» (1860).

¹⁷ ...Антонелли выпускать романьольских бродяг...— Речь идет о неудачах кардинала Д. Антонелли, папского статс-секретаря, в формировании армии.

¹⁸ ...Н. Ф. Павлов ... преследовать г. Тургенева...— В издаваемой Павловым газете «Наше время» были напечатаны неблагоприятные отзывы о «Накануне» самого редактора, М. И. Дарагана, дважды выступила против романа некая «Русская женщина», по-видимому, Н. П. Грот (об отзывах на роман — см. прим. 4). Статью о повести «Первая любовь» там же (1860, 1 мая, № 16) опубликовал М. Власьев.

¹⁹ ...испанцы пошли на Марокко...— В конце октября 1859 г. испанское правительство, под предлогом того, что рифские племена Марокко занимаются морским разбоем, начало военные действия, завершившиеся в апреле 1860 г. победой Испании (и расширением ее владений в северной Африке).

²⁰ «Ужасный век! Ужасные сердца!» — заключительная строка «Скупого рыцаря» Пушкина (1830).

²¹ ...Крестовский ... проливает слезы над ... страницей Фета! — Иронически пересказана концовка стихотворения В. В. Крестовского (1840—1895) «А весна, как струна, занывает в груди...» из цикла «Весенние ночи» (см. прим. 2).

²² Княжецкого, Кроля — малозначительные авторы: по-видимому, Ф. А. Зиновьев (? — 1884), публиковавшийся под псевдонимом «Богдан Княжицкий», Н. И. Кроль (1823—1871) — поэт, публицист, драматург, выступивший под знаменем «чистого искусства» (впоследствии сблизился с прогрессивными кругами, участвовал в «Искре»).

²³ ...величие г. Кокорева, сравненного с Юстинианом в известной книге русского Гизота ... Жеребцова.— Французский историк Ф. Гизо (1787—1874) был автором книги «История цивилизации во Франции» (1829—1832). В аналогичном по замыслу сочинении реакционного публициста Н. А. Жеребцова (1807—1868) «История цивилизации в России», 1858 (см. рецензию Добролюбова «Русская цивилизация, сочиненная Жеребцовым». — С, 1858, № 10, с. 121—154; № 11, с. 1—50), было сделано анекдотическое утверждение, «что русские и без науки умны», и проводилась аналогия между «малообразован-

ным», но «великим» византийским императором Юстинианом (ок. 483—565), которому приписывали славянское происхождение, и Кокоревым.

²⁴ *Тьмы низких истин мне дороже...* — цитата из стихотворения Пушкина «Герой» (1830).

ОПЫТ ОТУЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ ОТ ПИЩИ

Св. 5, с. 4—27. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф неизвестен. Цензорская корректура — в ПД. О характере прохождения статьи через цензуру свидетельствует надпись на корректуре: «Печатать дозволяется, пока не встретится препятствий со стороны г. цензора от Министерства внутренних дел. 15 мая. Цензор Ф. Рахманинов». Однако вторая часть фразы (после слова «дозволяется») зачеркнута красным карандашом, вероятно, самим же Рахманиновым.

Стр. 121, строка 6 св. В корректуре и в изд. 1862 после слова «истории» следовало: он бы еще охотнее желал уступить ее уголовному суду; но, к сожалению, сам сознается, что при настоящих наших обстоятельствах такое желание было бы легкомысленно. Обратимся же к истории с рабочими. (Первая фраза вычеркнута цензором в корректуре.)

Стр. 121, строка 23 св. В корректуре и в изд. 1862 слова «барон Медем» выделены курсивом.

Стр. 121, строка 24 св. В корректуре и в изд. 1862 слова «означенные работники взбунтовались» выделены курсивом.

Стр. 121, строки 24—26 св. В корректуре и в изд. 1862 в двух последних предложениях слова «потому будто бы, что их не спускают на берег, где они хотят пьянствовать» и «просил наказать более виновных зачинщиков» выделены курсивом. В корректуре против этих слов на полях пометка цензора: «NB. Прошу напечатать обыкновенным шрифтом».

Стр. 122, строка 22 св. В изд. 1862 после слова «курить» следовало: чтобы хоть этим заглушить голод. (Вычеркнуто цензором в корректуре.)

Стр. 122, строка 20 св. Вместо «обвиненные» в корректуре и в изд. 1862 — «несчастные». (Исправлено цензором.)

Стр. 124, строка 9 св. Вместо «наказание» в изд. 1862 — «кнут». В корректуре: их зверски хотели подвести под кнут (Цензором сделана замена слов «зверски» — на «попросту», «кнут» — на «наказание».)

Стр. 125, строка 9 св. В изд. 1862 после слова «в диковинку» следовало: все терпят, бедные. (Зачеркнуто цензором в корректуре.)

Стр. 128, строка 6 св. В корректуре и в изд., 1862: козачков с саблями и нагайками (Вычеркнуто цензором.)

Стр. 129, строка 16 св. В корректуре и в изд. 1862 вместо «известно с какою скоростью» — «на расстоянии, например, 1000 верст, два, три, иногда шесть, а иногда даже и девять дней». (Вычеркнутая цензором фраза на полях заменена предложенным им вариантом: «не всегда с должною скоростью».)

Стр. 129, строка 23 св. В корректуре и в изд. 1862 вместо «их положение» — «их бедствия» (Вычеркнуто цензором.)

Стр. 129, строка 12 св. В корректуре и в изд. 1862 вместо «во всей ее полноте» — «во всем ее ужасе». (Замена произведена цензором в корректуре.)

Стр. 130, строка 6 св. В корректуре и в изд. 1862: бедственное положение. (Вычеркнуто цензором.)

Стр. 130, строка 10 св. В изд. 1862 вместо «почетный» — «почтенный».

Стр. 133, строка 20 св. В изд. 1862 после «гласнолюбца» следовало: да без всякой ответственности перед кем бы то ни было. (Вычеркнуто цензором в корректуре.)

Стр. 133, строки 19—20 св. В изд. 1862: не велика беда, плакать некому. (Вычеркнуто цензором в корректуре.)

Стр. 135, строка 18 св. В изд. 1862: А между тем при этом жалком и ужасном способе ведения дела». (Вычеркнуто цензором в корректуре.)

²⁵ *«Чудище обло, огромно...»* — Эпиграфом служит строка из поэмы В. К. Тредиаковского «Тилемахида» (1766), т. II, кн. XVIII, стих 514 с тем изменением, которое сделал А. Н. Радищев, предпославший эту же строку своему «Путешествию из Петербурга в Москву» (у Тредиаковского: «с тризвонной и лаей»).

²⁶ *Речь эта — о важности доверия...* — «В наших ушах прозвенели только два слова: Волга и Дон, — и мы, ни об чем больше не рассуждая... принесли свои деньги — на одно честное слово <...> Что же доказывает замечаемое мною явление? Оно доказывает, что у нас есть вера, доверие, кредит особого, высшего рода... в русском народе есть много веры в разных ее видах — это его достоинство» (Речь в Обществе акционеров Волго-Донской дороги в Петербурге, 12 декабря 1858 г. — Сочинения М. П. Погодина, т. III, Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях. 1830—1872, М., 1872, с. 364).

²⁷ *...заменить речь г. Морошкина...* — Речь «Об «Уложении» и последующем его развитии», произнесенная 10 июня 1839 г. на торжественном акте в Московском университете известным юристом проф. Ф. Л. Морошкиным (1804—1857) и тогда же изданная (М., 1839), вошла в «Полную русскую хрестоматию» А. Д. Галахова, ч. I, «Красноречие» как образец «светского витийства».

²⁸ *...пароход ... общества «Кавказ и Меркурий»...* — «Кавказ и Меркурий» — акционерное общество пароходства и торговли на Волге, образованное в 1858 г.

²⁹ *Дюссо* — фешенебельный петербургский ресторан.

³⁰ *...самобичевание посредством гласности сделалось у него чем-то вроде хронической болезни.* — Еще год назад Кокорев писал: «Если по какому-то несобъяснимому расположению обстоятельств мне за любовь мою к гласности, многократно заявленную в печати, предназначено принимать на себя удары первой ее еще невыработанности, то я готов принимать их безропотно. Ничто не может разлучить меня с убеждением в пользе гласности». Кокорев В. Письмо к редактору. — МВ, 1859, 6 мая, № 106.

³¹ *Нынче время не такое: / Процветает гласность* — из стихотворения Добролюбова «Безрассудные слезы» (см. Св. № 2).

³² *...рядом с письмами Г. Матилы об Америке и статьями г. Фердинанда Кона о розах.* — Статьи Г. А. Матилы (1807—1871) «Из Америки» были опубликованы в РВ, 1860, т. 30, Современная летопись, ноябрь, кн. 1, с. 3—16, кн. 2, с. 117—131; ботанический очерк немецкого биолога Ф. Кона «Роза» — там же, 1860, т. 26, апрель, кн. 1, с. 337—361.

ЮНОЕ ДАРОВАНИЕ

Св. 5, с. 28—35. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф неизвестен. Цензорская корректура — в ПД.

³³ *Ах, не все нам слезы горькие / Лить о бедствиях существенных...* — из «богатырской сказки» Н. М. Карамзина «Илья Муромец».

³⁴ *...как говорит г. Григорьев о г. Случевском...* — В №№ 1—3 и 5 «Современника» за 1860 г. молодой поэт К. К. Случевский (1837—1904) опубликовал ряд стихотворений, которые вызвали преувеличенно восторженную оценку Ан. Григорьева, сравнившего Случевского с Лермонтовым (Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности и о многих других вызывающих на размышление предметах. — «Сын отечества», 1860, № 6, 7 февраля). По-видимому, в подзаголовке этого добролюбовского пародийного цикла отразились некоторые рассуждения Григорьева: «Это сила идет, новая молодая сила. Она может разлететься прахом или создать новый мир, прекрасный мир, самобытный мир...» (с. 167).

³⁵ *...в Современнике-то ... несчастливы бывают...* — Стихи Случевского были осмеяны В. С. Курочкиным (Литературный скандал (стансы). — И, 1861, № 4, с. 45—46) и Н. Л. Ломаном (На кладбище. — И, 1860, № 8, с. 94; Коварство и любовь. — Там же, № 25, с. 271—272 и др.).

³⁶ *Первая любовь.* — Как установлено Б. Я. Бухштабом, пародируются стихотворения А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» (1850) и «Давно ль под волшебные звуки» (1842).

³⁷ *...наше отечество боролось с англо-французами...* — Крымская война.

³⁸ *Существенность и поэзия* — пародия на стихотворение А. Н. Апухтина «Песни» (1858).

³⁹ *...под святым влиянием / Гласности, прогресса, современных дум...* — намек на стихотворение М. П. Розенгейма «Современная дума» (вошедшее в его сборник 1858 г.),

полное нападок на молодую демократию (Добролюбов иронически отозвался о нем в своей рецензии на сборник Розенгейма).

⁴⁰ *Общественный деятель.* — Источник пародии, по-видимому, стихотворение А. М. Жемчужникова «Нищая» (1857).

⁴¹ *Рыцарь без страха и упрека.* — Стихотворение пародирует поэтические исповеди «лишних людей», «Последние элегии» Некрасова (1853) и стихи А. М. Жемчужникова: «Уже давно иду я, утомленный» (1855), «Возрождение» («Вступил я в жизнь к борьбе готовый», 1859). В свою очередь, заглавие этой пародии, возможно, подсказало впоследствии Некрасову название одного из его шедевров: «Рыцарь на час» (1862).

⁴² *... в битве с племенем Адыге, которое ... не совсем покорилось.* — После пленения Шамиля непокоренным оставался Северо-западный Кавказ в районе рек Лабы и Белой, на территории, занимаемой адыгейским населением; через некоторое время там снова потребовались усиленные военные действия двух отрядов.

ОТЪЕЗЖАЮЩИМ ЗА ГРАНИЦУ

Св. 5, с. 35—37. Автор вступительной части и послесловия — Н. А. Добролюбов. Автограф неизвестен. Цензорская корректура — в ПД (сохранилось лишь начало до слов «Первого шага» — стр. 140, строки 1—2 сл.). Автор стихотворения — Н. А. Некрасов. Автограф неизвестен. Перепечатано самим Некрасовым без введения и заключения и с ошибочной датой «1861» в ССН (1874), с. 219—221. В этом издании не воспроизведен последний стих «И тяжело я вздохнул о родине моей» с двумя рядами точек, имеющими, по-видимому, цензурное происхождение. Вся статья как принадлежащая Некрасову помещена в ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 317, 319. Между тем на авторство Добролюбова указано в комментариях С. И. Пономарева в первом посмертном собрании сочинений Некрасова, подготовленном сестрой поэта А. А. Буткевич: «Добролюбов, редактор «Свистка», сопровождая пьесу примечанием, шутливо восхищался и формой его («это что-то дантовское») и жизненностью содержания; он видел здесь и литературное достоинство и цену общественной заслуги» — ССН (1879), т. IV, с. СХХVIII. Этот комментарий не вызвал возражений Чернышевского, сделавшего ряд критических замечаний к изданию — ПССЧ, т. 1, с. 742—754 (см. Указатель С., с. 567—568).

⁴³ *Пушкин написал несколько подражаний Данту ... Майков ... воспроизвел манеру Данта в своем «Отрывке».* — В посмертном издании сочинений Пушкина отрывок «В начале жизни школу помню я» (1830) был опубликован Жуковским вместе с «И дале мы пошли — и страх обнял меня» (1831—1832) — «вариациями на мотивы дантовского «Ада»», под приданным редактором заглавием «Подражания Данту» (Благой Д. Д. Пушкин и Данте. — «Дантовские чтения. 1973». М., 1973, с. 53). Стихотворение А. Н. Майкова «Отрывок из поэмы «Земная комедия» (Памяти Пушкина)», вызванное нападками на великого поэта Кс. Полевого, было опубликовано в составе «Заметок о журналах за ноябрь 1855 г.» Некрасова (С, 1855, № 12, с. 271—284).

⁴⁴ *«На натиск пламенный ей был отпор суровый!..»* — слегка видоизмененная строка из стихотворения Пушкина «К вельможе» (1830), где ею характеризуются взаимоотношения верхней и нижней палат английского парламента.

КЮВЬЕ — В ВИДЕ ЧАЦКИНА И ГОРВИЦА

Св. 5, с. 38—39. Автор — Н. А. Некрасов. Автограф (черновой набросок) — в ПД. Принадлежность статьи Некрасову установлена Н. В. Гербелем со слов автора — ССН (1879), т. IV, с. СXLVI. Цензорская корректура — в ПД. На ней разрешительная надпись Ф. Рахманинова от 17 мая 1860. В корректуре статья имела порядковый номер «V», который исправлен Некрасовым на «IV».

⁴⁵ *Кювье ... направлявший ... успехи зоологии ... Жоффруа Сент-Илер...* — Упомянуты французские естествоиспытатели: сторонник теории неизменности видов Ж. Кювье (1769—1832) и критик ее Э. Жоффруа Сент-Илер (1772—1844), отстаивавший прогрессивную идею единства животного мира. В 1830 г. в Парижской Академии наук между ними произошла дискуссия по этим вопросам.

⁴⁶ *Бэр, Брандт и Миддендорф* — крупнейшие российские ученые-естественники, академики: географ и биолог К. М. Бэр (1792—1876), зоолог Ф. Ф. Брандт (1802—1879), естествоиспытатель и путешественник А. Ф. Миддендорф (1815—1894).

⁴⁷ ...не то, что дело о двух тысячах ... рабочих... — См. выше «Опыт отучения людей от пищи».

⁴⁸ ...пришедший в умиление от протеста... — См. Св. № 1 и прим.

⁴⁹ ...он выскользнул из рук диких коканцев... — Магистр зоологии Н. А. Северцов (1827—1885), предпринявший ученую экспедицию в бассейн Сыр-Дарьи (1857—1858), был захвачен в плен узбекским племенем, выпущен (по требованию русских властей) и опубликовал в «Русском слове» статью «Месяц плена у коканцев» (1859, № 10, с. 221—318).

⁵⁰ За спор о Свечиной... — см. с. 479, прим. 3.

РАЗВЯЗКА ДИСПУТА 19 МАРТА

Св. 5, с. 39—41. Автор стихотворения — Н. А. Добролюбов. Автограф (черновая рукопись с поправками Некрасова) — в ПД. Автор послесловия — Н. А. Некрасов. Автограф (рукопись начинается на той же странице, на которой находится стихотворение) — в ПД. Предисловие также принадлежит Некрасову — см. ПССД (1939), т. 6, с. 722—723. Чернышевский поместил «Призвание» в изд. 1862 без предисловия и заключения, что свидетельствует в пользу авторства Некрасова.

Стр. 144, стих 8. В рукописи: [И ставил свечи ты] науке и Свистку.

⁵¹ ...г. Погодин объявил ... что он «шутит!» — См.: Погодин М. П. О публичном диспуте в зале СПб. университета касательно происхождения Руси: «я предложил (...) дуэль. Это было не что иное как шутка» («Русская беседа», 1860, кн. 1, Смесь, с. 134). Подробно о диспуте см.: Св. № 4 и примеч. Новое нападение на Погодина было вызвано тем, что в своем объяснении он снова допустил выпады против сотрудников «Современника»: «...я хотел оправдаться перед моими московскими друзьями, которые смотрят на дело науки построже иных петербургских весельчаков», «не мог же я читать статью ученого «Современника», а следовательно и говорить об ней без смеха» (с. 133) — и т. д.

⁵² *Прочь Нестор* — исследование М. П. Погодина «Нестор» (1839).

⁵³ *Прочь жалкий параллель Европы и Руси!* — Имеется в виду статья Погодина «Параллель русской истории с историей западноевропейских государств относительно начала» (вошедшая в его книгу «Норманский период русской истории», 1859).

⁵⁴ ...с ученым видом знатока — цитата из V строфы 1-й главы романа Пушкина «Евгений Онегин».

ЕЩЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРУТКОВА

Св. 5, с. 41—56. Автор предисловия — Н. А. Добролюбов. Автограф неизвестен.

Авторы пьесы — Алексей и Владимир Жемчужниковы. Писарская копия «Предупреждения» с поправками В. Жемчужникова — в ЦГАЛИ.

В статье «Биографические сведения о Козьме Пруткове» авторы пьесы писали, что «несколько куплетов, помещенных во вторую картину оперетты», передал В. М. Жемчужникову П. П. Ершов, автор сказки «Ковчег - горбунок» (ПССП (1885), с. XVIII). Из переписки последнего видно, что в сочинении подаренных куплетов участвовал Н. А. Чижов, приятель Ершова, живший с ним в Тобольске (подробнее см.: *Бухштаб Б. Козьма Прутков, П. П. Ершов и Н. А. Чижов.* — «Омский альманах», 1945, кн. 5, с. 116—130).

Цензорская корректура (две полосы) — в ПД. На корректуре надписи: «Г-ну цензору марта 21» и «Печатать дозволяется. 23 марта 1860. Цензор Ф. Рахманинов». На первой полосе набрано оглавление «Досуги Кузьмы Пруткова» с эпиграфом: «Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходим канифоль смычку виртуоза (из собственных афоризмов)». Затем заглавие и эпиграф были зачеркнуты простым карандашом (Добролюбовым или Некрасовым). Весь набранный текст на второй корректурной полосе с подписью: «Изд. Кузьмы Пруткова» зачеркнут тем же карандашом. На этой же полосе заново набран заголовок «Пух и перья (Daunen und Federn)». К досугам Кузьмы

Пруткова», затем оттиснуты приведенный выше эпиграф с указанием на С, 1854, № 11, далее идут «Предупреждение» и под №№ I—X стихотворения в последовательности, указанной в вводных примечаниях к Св. 4. Общий заголовок и стихотворение под № 1 «К моему портрету» зачеркнуты простым карандашом. Очевидно, мы имеем дело с корректурой Св. 4, пошедшей в работу при обдумывании композиции Св. 5.

Стр. 145, строка 11 св. К слову «Амбицию» в ПССП (1885) сделана сноска: «К сожалению, эта комедия не найдена в бумагах покойного Козьмы Пруткова».

Стр. 150, строка 10 св. В ПССП (1885) далее следует еще строка, выпавшая в «Свистке»: «Едва ль способность есть к любви?..»

⁵⁵ *бюст Галля* — Имеется в виду: Галль Ф. И. (1758—1828), автор книги «Anatomie et physiologie du système nerveux en général et du cerveau en particulier», Paris, 1810—1818, утверждавший возможность определения характера и судьбы человека на основании строения его черепа.

СВИСТОК 6

Впервые — С, 1860, № 12, с. 1—44 (особой пагинации). Ценз. разр. 20 декабря, цензор Ф. Рахманинов.

После выхода в свет Св. 5 Добролюбов уехал за границу лечиться (в мае 1860) и там готовил очередной выпуск. «Я подожду дня три Вашего «Свистка», — писал ему Чернышевский 12 сентября. — Сентябрьская книжка совсем готова, но подождать можно» (ПССЧ, т. XIV, с. 408). Однако в этот номер журнала «Свисток» не поспел и был сдан в цензуру для следующей, октябрьской книжки. «Дожидались Некрасова, — писал 19 октября В. И. Добролюбов, — и тогда пошлют к цензору. Цензура плоха и не знаю пройдет ли, но хлопотать будут, Авдотья Яковлевна (Панаева) говорит, — она и дала мне его прочитать». Впоследствии Чернышевский сделал к этим строкам письма к Добролюбову следующее примечание: «Этот «Свисток» был напечатан через два месяца в декабрьской книжке «Современника» («Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», М., 1890, с. 608). «Хлопотал я, хлопотал Некрасов, — успех оказался незавидный», — сообщал Чернышевский Добролюбову в письме от 28 ноября, когда цензура не пропустила «Свистка» в № 11 «Современника» и «испакостила» другие статьи Добролюбова (ПССЧ, т. XIV, с. 415). И только в письме от 14 декабря Чернышевский мог известить, что «из прежнего «Свистка» «Неаполитанские стихотворения» таки пропустили, «Двух графов» тоже, так что при № XII будет «Свисток» (ПССЧ, т. XIV, с. 420).

Цензорские корректуры (сохранились не полностью) — в ПД. Первая состоит из двух полос и содержит часть статьи «Письмо благонамеренного француза» (отправлено цензору 14 октября) и «Неаполитанские стихотворения» (до «Законной кары» включительно; отправлено цензору 15 октября). Здесь подписи цензора нет. Вторая корректура, состоящая из двух полос, включает весь цикл «неаполитанских стихотворений» (дата цензурного разрешения 24 ноября). Особо набрана статья «Два графа», разрешенная цензором 10 декабря. Некрасовская часть «Свистка» составила отдельный оттиск, отправленный к цензору 17 декабря и в тот же день им утвержденный. На этой корректуре внизу пометка Некрасова карандашом: «После этого верстать: [Геннади, исправляющий Пушкина] III. Что поделывает гласность». Здесь же набрано «Новое стихотворение Аполлона Капелькива».

Таким образом, первоначальная компоновка «Свистка» № 6, приготовленного еще для октябрьской книжки «Современника», подверглась значительным изменениям. Перепечатывая добролюбовские статьи в изд. 1862, Чернышевский ввел в Св. 6 статьи «Новое назначение «Свистка», «Сирия и Крым», «Письмо благонамеренного француза» и «Неаполитанские стихотворения». Статья «Письмо благонамеренного француза» в свое время совсем не появилась в печати (см. «Дополнения к «Свистку»»), а «Два графа» и стихотворение «Мои желания» включены Чернышевским в Св. 7.

Название вводной статьи, написанной Некрасовым: «Причины долгого молчания «Свистка», намекает читателю на цензурные препятствия, которые встретил на пути к не-

му этот номер (см. текстологическую заметку). По этой причине в статье оказалась значительно ослаблена основная мысль запрещенного Добролюбовского вступления («Новое назначение «Свистка»»), которое «обещало» перемену его содержания: отказ от «литературных мелочей» и внимание к «судьбам царств и народов» (см. в настоящем издании раздел «Дополнения», с. 349—351). Это было прямым указанием, что редакция намерена обратиться к политической сатире, но довести его до читателя не удалось. Некрасов использовал часть Добролюбовского текста, однако ему пришлось ограничиться обычным «моментальным обзором» событий за минувшее время и сделать лишь легкий намек на новые интересы «Свистка».

Тем не менее ориентация номера (хотя по цензурным причинам из него выпало «Письмо благонамеренного француза» — см. «Дополнения» — и было перенесено в следующий выпуск стихотворение «Ода на выселение татар из Крыма») осталась неизменной. В соответствии с этим стержневой материал номера — «Два графа» и «Неаполитанские стихотворения» Добролюбова. Они принадлежат к числу важнейших политических выступлений не только «Свистка», но «Современника» в целом.

«Два графа» — один из самых точных выпадов против либерализма в революционно-демократической публицистике 60-х годов. Причем итальянский материал в данном случае был не только удобным средством цензурной маскировки при изложении острой политической проблемы. Он как бы прояснял многие перипетии общественной борьбы в предреформенной России. Добролюбов сам указал, что там, где «партии и мнения» обозначались более четко — а в Европе, сравнительно с Россией, это так и было, — ярче выступает классовая природа сил, действующих на общественной арене.

Добролюбов дал сравнительную характеристику французского политического и журнального деятеля Ш. Монталамбера (1810—1870) — главы воинствующей католической партии во Франции, консервативность которого была самоочевидна, — и премьера пьемонтского правительства К.-Б. Кавура (1810—1861), любимца российских либералов, посвящавших ему дифирамбические статьи. Противопоставляя того и другого «горячим людям» Франции (социалисты) и революционным, демократическим деятелям Италии — Д. Гарибальди (1807—1882), М. Мадзини (1805—1872), Добролюбов доказательно установил «родовое типическое сходство» дворянских прогрессистов с дворянскими консерваторами. Оно обнаруживается в главном: те и другие боятся, «чтобы свобода не была уж слишком свободна», готовы «смирить и уничтожить дух революции», «любят законность и умеренную свободу <...> но <...> ненавидят безумную анархию, стремящуюся попортить исторические предания и изменить начала, на которых уже столько веков покоится благоденствие человеческих обществ». Добролюбов с буквальной точностью передал здесь политическое кредо либерализма, в том числе — либерализма российского, неоднократно выраженное в печати как раз по поводу итальянских событий, хотя при этом имелась в виду прежде всего предстоящая в России отмена крепостного права и позиция русской революционной демократии в борьбе за освобождение народа: «Не достигнув цели путем бурной революции <...> Италия <...> принялась за работу, но с большею обдуманностью и осмотрительностью. Народный инстинкт и сознание лучших людей привели ее к тому, с чего ей следовало начать: к положительным <...> политическим началам, к <...> практическому смыслу в политике...»¹; «Конституционная монархия Пьемонта пользуется большим уважением во всей Италии, преклоняющейся перед таким соединением порядка с свободой, благоприятствующим <...> успехам человеческого разума, промышленности, общественного счастья и благосостояния»².

Памфлетная «параллель» Добролюбова перекликается с политическими обзорами Чернышевского в «Современнике», посвященными итальянским делам, с собственными Добролюбовскими статьями «Из Турина» (С, 1861, № 3, с. 195—226), «Жизнь и смерть графа К.-Б. Кавура» (С, 1861, № 6, с. 479—492; № 7, с. 93—132), отличаясь от них более законченной сатирической портретностью.

Цикл «Неаполитанские стихотворения» дополняет и разворачивает, в том числе и в чисто психологическом плане, характеристику Якова Хама, колеблющегося между идеалами консервативного монархизма и благонамеренной, законопослушной либеральности. Добролюбов раскрывает неизбежное в этом случае политическое флюгерство. Конкретный материал «Неаполитанских стихотворений»: история падения реакционного феодаль-

¹ Н. Ч. По поводу статей об Италии. — МВ, 1859, 29 мая, № 120.

² Передовая. — Там же, 1859, 10 июля, № 162.

НЕПОЛЕТАНСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

(написанный на австрийскомъ языкѣ Якобомъ Хамомъ и переведенный
Конрадомъ Милтеншвартомъ.)

Неаполитанскія дѣла занимають теперь первое мѣсто между всѣми вопросами, увлекающими вниманіе Европы; можно даже сказать, что предъ ними кажется ничтожнымъ все остальное, исключая развѣ новаго журвала, который собирается издавать г-жа Евгенія Туръ, и новой газеты, общаею Русскимъ Вѣстникомъ. Но познанія наши о неаполитанскихъ событіяхъ очень односторонни потому что всѣ наши свѣдѣнія приходятъ отъ враговъ стараго порядка, которые очевидно стараются представлять дѣло въ свою пользу. Вотъ почему намъ показалось необходимымъ представить нашимъ читателямъ нѣсколько неаполитанскихъ стихотвореній извѣстнаго австрійскаго поэта Якова Хама, рисующихъ положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ совершенно не такъ, какъ обыкновенныя журнальныя извѣстія. Яковъ Хамъ — прежде всего поэтъ; онъ постоянно находится подъ вліяніемъ минуты, и слѣдовательно чуждъ всякихъ политическихъ предубѣжденій. Онъ — то хвалитъ упорство короля неаполитанскаго въ режимъ его отца, то превозноситъ его за конституцію, то ~~хвалитъ~~ освободителей Италіи, то предается неумѣренному энтузіазму къ нимъ, то въ восторгѣ отъ жестокой бомбардировки, то въ настроеніи вѣжливыхъ чувствъ... Во всѣхъ этихъ видимыхъ противорѣчіяхъ сказывается весьма сильно художественность его натуры, и вмѣстѣ съ тѣмъ дается полное ручательство въ его искренности. И такъ какъ литература вообще и поэзія въ особенности служатъ выраженіемъ народной жизни, а Яковъ Хамъ — поэтъ австрійскій, то въ стихотвореніяхъ его мы можемъ видѣть, въ какомъ настроеніи находился народъ австрійскій въ послѣдній годъ и какими чувствами преисполненъ онъ къ династии Бурбоновъ. Не выводя никакихъ политическихъ результатовъ изъ представляемыхъ нами поэтическихъ документовъ, мы не можемъ не обратить вниманія читателей на ихъ литературное значеніе; но всей современной итальянской литературѣ нѣтъ ничего, подходящаго по благонамѣренности къ твореніямъ австрійскаго поэта. ~~Но мы не можемъ не указать на то, что въ этихъ стихотвореніяхъ мы находимъ много признаковъ, которые указываютъ на то, что поэтъ не только не былъ чуждъ политическимъ предубѣжденіямъ, но и былъ очень близокъ къ тому, чтобы стать на сторону австрійскаго императора, — такъ на это указывали съ~~ ~~многомъ, какъ въ этихъ стихотвореніяхъ. Изъ этого видно, что~~ ~~такъ много стѣсняется художественность, когда разь-~~

Часть корректуры
«Неаполитанских стихотворений» Н. А. Добролюбова
с поправками цензора

ного режима Франциска II — последнего из династии Бурбонов, правившей Королевством обеих Сицилий с 1735 г., — позволял максимально приблизить содержание цикла к злободневным проблемам борьбы с российским самодержавием. Участник революционного движения 1860-х годов Н. Я. Николадзе вспоминал: «язвительные стихотворения Якова Хама, будто бы переведенные то с «австрийского», то с «неаполитанского» языков, нами принимались по их действительному назначению, за безудержное издевательство над нашими порядками и правительственными взглядами», он даже отдавал им предпочтение перед «собственно критическими статьями» Добролюбова³.

Материал отечественный — «Что поделывает наша внутренняя гласность» Некрасова — воспринимался по контрасту с полной истинности движения, насыщенной большими событиями современной итальянской историей. На этом фоне рисовались особенно отчетливо жалкая слабость российской либеральной общественности, мелкость интересов русской «прогрессивной» печати, пылко выступающей по пустяковым поводам, но не смеющей прикоснуться к подлинно великим вопросам современности — борьбе с самодержавием и крепостничеством.

Материалы, направленные против сомнительных научных принципов библиографа и текстолога Г. Н. Геннади («Г. Геннади, исправляющий Пушкина» М. Л. Михайлова) и «чистой поэзии» («Мои желания» Добролюбова), продолжают одно из постоянных тематических направлений «Свистка»: критическое обозрение текущей литературной жизни.

ПРИЧИНЫ ДОЛГОГО МОЛЧАНИЯ СВИСТКА

Св. 6, с. 1—3. Авторы — Н. А. Некрасов и Н. А. Добролюбов. Автограф Добролюбова — в ГПБ, рукопись Некрасова неизвестна. Статья написана взамен добролюбовской «Новое назначение «Свистка», не пропущенной цензурой, но с почти дословным использованием ее заключительной части — от слов «Господин Ржевский может теперь» (стр. 161, строка 20 сн.) до конца. Поэтому правильнее считать Некрасова соавтором Добролюбова, а не приписывать ему статью полностью, как это обычно делается (ср. ПССН (1948), т. IX, с. 802 и Указатель С., с. 389, 570). Впервые факт участия Некрасова в составлении вступительной заметки к Св. 6 установлен В. Е. Евгеньевым-Максимовым на основании письма Некрасова к Добролюбову, отправленного в конце декабря 1860 года: «Отсутствие Свистка всеми чувствуется. В XII, наконец, пустили Свисток, который состоит: 1) из небольшого вступления, написанного мной. 2) Два графа. 3) Неаполитанские стихотворения. 4) Что поделывает наша внутренняя гласность (несколько выписок из газет) и еще две статейки; стих. Ап. Капелькина (Дики желанья мои) я тоже пустил тут» («Звенья», № 5, М. — Л., 1935, с. 483, и ПССН (1948), т. X, с. 432).

Стр. 161, строка 5 св. В корректуре: нашего вялого и бесцветного поколения... (Отчеркнуто на полях красным карандашом).

Стр. 161, строка 20 сн. В изд. 1862 вместо «профессоров» — «обрабатывать профессоров».

Стр. 161, строки 14—15 сн. В корректуре и в изд. 1862 фраза о г. Козлянинове отсутствует.

Стр. 161, строка 11 сн. В изд. 1862 вместо «Не знает» — «Не смыслит».

Стр. 161, строка 10 сн. В изд. 1862 после «о веществе» следовало: «Полицейские ведомости» могут украшаться краткими, но капитальными статьями именитых сотрудников;

Стр. 161, строки 4—8 сн. Часть текста от слов «Постигнутый разочарованием» до «поделиться ими с читателями» в изд. 1862 отсутствует.

Стр. 162, строка 5 св. В корректуре после слов «по Европе» шел заключительный текст, не вошедший в изд. 1862: Наконец, он сознается вам покуда за тайну, что начал сильно склоняться в последнее время к теории искусства для искусства, — он затеял поэму, которая покуда не кончена, но которую вы со временем прочтете. Отрывок значительного размера у него, впрочем, уже готов, и он имеет честь представить вам его в нынешней же книжке.

Последняя фраза в изд. 1862 читается так: Читайте же и утешьтесь в отсутствии литературного и журнального элемента!

³ «Добролюбов в воспоминаниях современников». Л., 1961, с. 367.

¹ ...убитый находчивостью г. Краевского, который отвлек... литературные силы к составлению статей для «Энциклопедического Словаря». — «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами», — широко задуманное издание, начатое под редакцией А. А. Краевского и П. Л. Лаврова (объявления о подписке на него в 1859—1860 гг. публиковали газеты); к участию в этой работе, рассчитанной на 10 лет, предполагалось привлечь более 200 человек (см.: Никитенко А. В. Дневник, т. 2, с. 173—174), однако в 1863 г. на 6 томе выпуск «Словаря» прекратился.

² ...«в делах коммерческих должна быть неизбежная часть тайны». — Изречение, почерпнутое из печатных объяснений В. А. Кокорева и Д. Е. Бенардаки, учредителей акционерного общества «Сельский хозяин» (см. о нем в № 3 Св.), с обманутыми акционерами на страницах «СПб. ведомостей» (1860, 2 декабря, № 263).

³ «Все волновало юный ум?» — неточно процитированная строка из стихотворения Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824).

⁴ ...появление статейки г. Беллюстина о вреде грамотности... — Священник И. С. Беллюстин (1820—1890) писал в «Журнале министерства народного просвещения», что «упадок материального благосостояния», «крайний упадок нравственности» — «вот что, вместе с грамотностью, развивалось в народе в последние 20—25 лет» (Теория и опыт, 1860, октябрь, с. 39).

⁵ ...г. Дзюбин, объясняющий побег рабочих с Волжско-Донской железной дороги... — О строительстве дороги см. Св. № 5, «Опыт отучения людей от пищи». Здесь упомянута корреспонденция управляющего делами И. Дзюбина («СПб. ведомости», 1860, 10 ноября, № 245).

⁶ ...г. Смирнов объясняет тот же факт... — В статье В. Смирнова «Заметка провинциала» (МВ, 1860, 12 ноября, № 246) сообщалось о притеснениях рабочих-строителей приказчиком Гладным.

⁷ Что ж ...полтавские дворяне... — Речь идет о долгих спорах редакции «Московских ведомостей» (поместивших «обличительные известия» из Полтавы) с группой полтавских дворян, взявших местные порядки под защиту (МВ, 1860, №№ 206—264).

⁸ ...должно ли назначать жалованье предводителям... — Полемика о том, позволяет ли «дворянская гордость» предводителям дворянства и другим выборным лицам брать жалование, или они должны служить по «примерам древности» из чести, развернулась на страницах многих столичных и провинциальных изданий («Русский вестник», «Одесский вестник» (на рубеже 1860—1861 гг.) см.: РВ, 1860, т. 30. Современная летопись, ноябрь, кв. 1, с. 34—45; В, 1861, май, «Внутренние новости», с. 7—8).

⁹ ...объявление г-жи Евгении Тур об издании «Русской речи» и «заметка» «Русского вестника»... — после разрыва с «Русским вестником» М. Н. Каткова (см. с. 479, прим. 3) Е. Тур стала редактором-издателем собственной газеты «Русская речь» (1861—1862); в объявлении об издании содержались колкости по поводу журнальной «нетерпимости» и «односторонности» (МВ, 1860, 30 октября, № 235), принятые Катковым на свой счет (по-видимому, справедливо), в связи с чем между ними возникла полемика (см.: МВ, 1860, 19 ноября, № 252, 27 ноября, № 258; Заметка. — РВ, 1860, т. 30, Современная летопись, ноябрь, кв. 1, с. 100—105).

¹⁰ Господин Ржевский... отделивши кадастровых чиновников, профессоров и экзаменаторов... может хлопотать о способах сокращать университетские штаты... — Имеются в виду статьи В. К. Ржевского «Способ собирания прямых налогов во Франции» (РВ, 1859, т. 23, сентябрь, кн. 2, с. 227—262), «Об отношении гимназий к университету» (там же, 1860, т. 27, июнь, кн. 2, с. 516—560), см. также с. 465, прим. 6. Кадастр — поземельный налог.

¹¹ ...Каролина Павлова и г. Н. Греков могут перепечатывать ... свои старые стихотворения... — см.: К. Павлова «Кадриль» (РВ, 1859, т. 19, январь, кн. 1, с. 181—196; Там же, кн. 2, с. 337—349); ранее отрывок из этого произведения был опубликован под заглавием «Отрывок из романа» в «Москвитянине» (1844, № 2, с. 330—333). О Н. Грекове см. с. 510, прим. 87.

¹² ...Козлянинов может бить... особ прекрасного пола, подвертывающихся ему под руку... — Об избиении вышневолоцким помещиком А. П. Козляниновым в вагоне пассажирки-соседки (см.: Мансуров Александр. Случай на Николаевской железной дороге. — МВ, 1860, 24 августа, № 185) долго писала русская пресса. Властям пришлось вмешаться и дать сообщение, что о Козлянинове возбуждено следствие (МВ, 1860, 1 ноября, № 236).

¹³ ...новые цветы с старым запахом экономической деятельности... — По расшифровке современных исследователей, речь идет о направленной против Чернышевского статье С. Н. Цвета «Экономическая деятельность и законодательство», появившейся в РВ, 1860, № 15 (см.: Некрасов Н. А. Собр. соч. в 8 томах, т. 5. М., 1966, с. 579).

¹⁴ ...г. Летголла может уверять г. Костомарова, что он не знает ... по-литовски... — Ю. Летголла (Ю. Ю. Беркгольц) указал Н. И. Костомарову на его ошибки в литовском языке (в связи с диспутом его и Погодина) — см. «СПб. ведомости», 1860, 29 июня, № 142.

¹⁵ ...г. Страхов может переносить из «Светоча» в «Русский вестник» свои трансцендентальные теории о веществе... — Речь идет об идеалистических выступлениях философа и критика Н. Н. Страхова («Об атомистической теории вещества». — РВ, 1860, 27, май, кн. 2, с. 143—194; ранее он напечатал несколько статей в журнале «Светоч»).

¹⁶ ...новый «Век» с новыми «Основами»... — О «Веке» см. с. 522, прим. 14; «Основа. Южно-русский литературно-ученый вестник» — ежемесячный журнал (1861—1862) украинофильского направления, издававшийся под ред. В. М. Белозерского.

¹⁷ ...он ... отправился за границу... — С мая 1860 г. Добролюбов лечился за границей, результатом его впечатлений были статьи на европейские темы в «Современнике» и «Свистке».

ДВА ГРАФА

Св. 6, с. 4—23. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф неизвестен. Цензорская корректура (часть текста оторвана) — в ПД. В ССД статья напечатана не в составе «Свистка» (т. 6, с. 446—465) на том основании, что была опубликована Некрасовым в «Свистке» «лишь из соображений цензурной маскировки» (там же, т. 7, с. 608). Между тем из текста статьи, а также из переписки Чернышевского (см. примечания к Св. 6) видно, что она написана для «Свистка». В изд. 1862 под статьей подпись: Кондрат Шелухин; в корректуре — Кондратий Шелухин.

Стр. 162, строка 24 сн. В корректуре и в изд. 1862: как знаменитое творение г. Тургенева.

Стр. 162, строки 13—14 сн. В корректуре и в изд. 1862 вместо ««Свисток» любит» — «Мы любим».

Стр. 164, строка 18 св. В корректуре и в изд. 1862 после слов «заметил тогда» следовало: что, конечно, граф в совершенстве исполнил правило, по которому, получив пощечину, следует подставить для удара другую щеку, (Вычеркнуто цензором.)

Стр. 164, строка 20 св. В корректуре и в изд. 1862: убеждений и в подлости. (Слова «и в подлости» вычеркнуты цензором.)

Стр. 168, строка 7 сн. В корректуре: права народов. (Вычеркнуто цензором.)

Стр. 168, строка 6 сн. В корректуре и в изд. 1862 после слов «управляет народом?» следовало: Стало быть, нет сомнения, что рано или поздно Австрия поймет необходимость возвратить Италии независимость, а вместе с тем и все герцоги и короли, находящиеся под австрийским влиянием, сделаются либеральны и произведут возрождение Италии. Главное только то, чтобы не раздражать их и ничего у них не вынуждать силою. Такого-то (Зачеркнуто цензором.)

Стр. 169, строка 10 св. В корректуре и в изд. 1862: жизненный такт, «нечто истинно-аристократическое». (Вычеркнуто цензором.)

Стр. 169, строка 13 св. В корректуре и в изд. 1862: 2-го нумера. (Заменено цензором.)

Стр. 169, строка 20 св. В изд. 1862: само собою motu proprio * тех, в чьих руках оно находилось... (Зачеркнуто цензором.)

Стр. 170, строка 5 св. В корректуре и в изд. 1862: красноречивые дискурсы.

Стр. 170, строки 19—20 св. В корректуре и в изд. 1862: Но граф Монталамбер, точно Бобчинский в «Ревизоре», находит, что у пьемонтского дипломата «зуб со свистом», ¹⁰⁷ и (Зачеркнуто цензором.)

Стр. 170, строка 18 сн. В корректуре и в изд. 1862 после слова «благоденствия» вставлено: под покровом свободных учреждений. (Зачеркнуто цензором.)

Стр. 170, строка 7 сн. В корректуре и в изд. 1862: Они оба не любят только «излишка свободы», страшатся, когда (Вычеркнуто цензором.)

* действия (лат.). — Ред.

Стр. 171, строка 12 св. В изд. 1862 вместо слов «была дарована, пожалована» — «была не взята, а дарована, пожалована, так сказать. Они соображают, что когда люди получают свободу свою «по милости», по великодушию других, то они будут всегда скромнее и спокойнее, нежели когда они вообразят, что свобода — это их право и что получением этого права они обязаны самим себе». (Зачеркнуто цензором.)

Стр. 171, строка 17 св. В корректуре и в изд. 1862: В ответной ноте.

Стр. 171, строка 13 св. В корректуре и в изд. 1862: в руки мошенников и головорезов.

Стр. 172, строка 4 св. В корректуре и в изд. 1862 вместо «господином» — «сорванцом».

Стр. 172, строка 20 св. В изд. 1862: безрассудные люди.

Стр. 172, строка 21 св. В изд. 1862: графского характера.

Стр. 172, строка 21 св. В изд. 1862 вместо «недальновидные» — «безрассудные».

Стр. 173, строка 16 св. В изд. 1862 вместо «править» — «ворочать». (Исправлено цензором в корректуре.)

Стр. 173, строка 20 св. В изд. 1862 после слов «для него» следовало: что он родился французом, что он сужден действовать.

Стр. 173, строка 19 св. В изд. 1862 после слова «деятелей» далее следовало: Для этого круга он действительно слишком наивен и совестлив, что, впрочем, нисколько не унижает его перед графом Кавуром: вся Европа очень недавно была свидетельницею, как пред французской политикой и пьемонтский граф оказался наивным ребенком...¹⁰⁸

Стр. 173, строка 17 св. В изд. 1862 вместо «странностей» — «глупостей».

Стр. 173, строки 4—5 св. В изд. 1862 вместо «ваше пьемонтское величие» — «ваши пьемонтские величишки» (*vos petites majestès piémontaises* — переведите лучше, коли умеете).

Стр. 174, строки 3—4 св. В корректуре и в изд. 1862 после слов «Пия IX»; следовало: доказал в своей вступительной академической речи, что все хорошо, что приписывают влиянию французской революции, сделалось бы без нее гораздо лучше; открыл, что спасение Англии (Зачеркнуто цензором.)

Стр. 175, строки 2—3 св. В корректуре и в изд. 1862: между графами!.. (В корректуре цензором произведена замена слова «графами» на «противниками».)

Стр. 175, строка 13 св. В корректуре и в изд. 1862: всякий граф, даже и пьемонтский, (Зачеркнуто цензором.)

Стр. 175, строка 16 св. В корректуре и в изд. 1862: лишь в борьбе против существующего порядка. Между тем он (Зачеркнуто цензором.)

Стр. 175, строка 17 св. В корректуре и в изд. 1862 вместо «историю» — «возню» (Заменено цензором.)

Стр. 175, строка 15 св. В корректуре и в изд. 1862: после «не станем», следовало: так как это дело духовника графского. (Зачеркнуто цензором.)

Стр. 175, строка 11 св. В корректуре и в изд. 1862 вместо «другой предмет, на котором» — «другую штуку, на которой». (Заменено цензором.)

Стр. 175, строки 8—9 св. В корректуре и в изд. 1862 вместо «Этот предмет» — «Эта штука». (Заменено цензором.)

Стр. 175, строка 2 св. В корректуре и в изд. 1862: оба графа. (В корректуре цензорская замена: оба противника.)

Стр. 176, строка 6 св. В изд. 1862 вместо «люди» — «графы».

Стр. 176, строки 13—14 св. В корректуре и в изд. 1862 после слов «сходство-то и нарушилось бы...»: А если бы оба поняли в одно время единство своих стремлений, идей и значения в истории, то и в этом случае оба не могли бы и не захотели бы более оставаться прежними графами... (Вычеркнуто цензором.)

Стр. 176, строка 19 св. В изд. 1862 после слов «настоящего этюда!» следовало: Надеемся, что читатели примут это в соображение вместе с нами, чтобы великие общественные деятели вроде Кавура и Монталамбера и на будущее время как можно меньше понимали, что они делают...

Стр. 176, строки 11—12 св. В изд. 1862 вместо «достигнуть таким образом высокой цели» — «доставить таким образом свободу народам».

Стр. 176, строка 6 св. В корректуре и в изд. 1862 после «Феоктистова!» далее следовало: Правда, есть одно обстоятельство... Граф Кавур не писал «Жития святой Елизаветы Венгерской»... Но зато граф Монталамбер, с своей стороны, — не продавал Савойи

и Ниццы... ¹⁰⁹ Словом, без всяких дальнейших объяснений, мы считаем себя вправе повторить еще раз: оба — графы, не только по титулу, но и по уму и сердцу! (Зачеркнуто цензором.)

Стр. 177, строки 3—4 св. В корректуре и в изд. 1862: всегда жемчужина, хотя бы она была даже в таком положении, как в известной басне: «Петух и жемчужное зерно». ¹¹⁰ (Зачеркнуто цензором.)

Стр. 177, строка 5 св. В изд. 1862 статья после слов «всегда те же» заканчивалась следующей зачеркнутой цензором в корректуре фразой: Если с того места, где нашел ее петух, она будет взята, принесена в дар китайскому богдыхану и соделается лучшим украшением его короны, — обстановка ее улучшится, но, как и прежде, она будет удивлять истинных знатоков своею внутреннею ценою, и, как прежде, будет пренебрегаема глупым и нахальным петухом, который в своем невежестве всегда будет предпочитать ей простое ячменное зерно!

¹⁸ *Ищи паче в разнообразии единства...* — Эпиграфом служит (неточно процитированный) афоризм 81 из цикла «Плоды раздумья. Мысли и афоризмы» К. Прутков.

¹⁹ ... *настает ... время плутарховских параллелей.* — Древнегреческий философ и писатель Плутарх (ок. 46—127) был автором «Параллельных жизнеописаний», в которых сопоставлялись биографии выдающихся греческих и римских деятелей.

²⁰ ... *г. Вагнер ... проводит параллель ...* Имеются в виду статьи Н. П. Вагнера «Природа и Мильн Эдвардс» (ОЗ, 1860, № 9, с. 93—128, № 10, с. 533—560), освещавшие воззрения французского естествоиспытателя, выдающегося систематика А. Мильн-Эдвардса.

²¹ ... *г. Благовещенский — между «Петронием и пермскими сказочниками» ...* — Н. М. Благовещенский («Пермские сказочники и Петроний». — «Русское слово», 1860, сентябрь, отд. 1, с. 132—149) доказывал, «что пермская сказка «о том, как жена забыла мужа», заимствована у Петрония <...> разумеется, в искаженном виде...» (с. 133).

²² ... *когда появится знаменитая статья г. Тургенева «Бернс и Кольцов».* — Об этой статье см. письмо Тургенева к Е. М. Феокистову от 19(31) июля 1860; она была обещана журналу «Русское слово», известившему о ней в № 3 за 1860 г., но замысел остался неосуществленным. П. В. Анненков, откликаясь на комментируемую статью Добролюбова, 29 декабря 1860 (10 января 1861) сообщал Тургеневу о «безобразнейшем „Свистке“», где упомянут «Бернс и Кольцов»: «Сия выходка Добролюбова оскорбила здесь многих ...» («Труды Гос. б-ки им. Ленина», вып. III. М., 1934, с. 109). Тургенев ответил ему 7(19) января 1861: «Потешание надо мною «Свистка» не удивляет меня и, могу прибавить, не обинуясь, — нисколько меня не оскорбляет» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Письма, т. IV, с. 110, 181).

²³ *Вильмен и А. Д. Галахов...* — Французский политический деятель, критик, историк литературы А.-Ф. Вильмен (1790—1870) был бессменным секретарем французской Академии — вероятно, это дало повод для комического сравнения между ним и А. Д. Галаховым — также критиком, литературоведом и секретарем Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Об остальных «параллелях» — см. в примечаниях Св. № 7, с. 504.

²⁴ ... *недавно заподозрена каким-то немецким журналом в том, что она — из немцев...* — В «Московских ведомостях» (1861, 9 июня, № 126) была помещена заметка «Визит к графу Кавуру (Рассказ Густава Раша)», в которой, со ссылкой на немецкую «Национальную газету», сообщалось, что Кавур «происходит от знаменитой немецкой фамилии», «Рыцарь Бенз из Тюрингии — и есть предок графа».

²⁵ *Монталамбер ... опечален горестями святейшего отца и неудачами Ламорисьера...* — Французский генерал К. Ламорисьер (1806—1865), командовавший папской армией, 18 сентября 1860 г. потерпел сокрушительное поражение и бежал с поля сражения в Анкону, где уцелел его единственный отряд, но 29 сентября пала и Анкона, Ламорисьер был вынужден сдаться.

²⁶ ... *в книге, наделавшей большого шума...* — «De l'avenir politique de l'Angleterre», Bruxelles, 1856, за которую Монталамбер подвергся судебному преследованию.

²⁷ «Correspondant» — французский клерикальный журнал (1843—1866).

²⁸ *Вельо, Фаллу* — Л. Вельо (1813—1883), граф Ф. Фаллу (1811—1886) — французские политические деятели клерикального направления.

²⁹ «*L'Univers religieux*» — реакционный католический журнал (1843—1861).

³⁰ ... факты поведения ... Монталамбера во время *coup d'état*. — Государственный переворот во Франции 2 декабря 1851 г., уничтоживший парламентский режим и поставивший во главе государства Луи Наполеона, через год официально провозглашенного императором Наполеоном III (1808—1873), был активно поддержан Монталамбером. Однако вскоре он разошелся с новым правительством, возглавив правую католическую оппозицию ему.

³¹ ... ратовал...против жандармов, пришедших разогнать ... школу. — Монталамбер участвовал в попытках возродить иезуитские школы, закрытые во Франции в 1828 г.

³² ...словами благородного Манина... — Д. Манин (1804—1857) — диктатор Венецианской республики в 1848—1849 г., его либеральная политика сдерживания революционного порыва народа потерпела сокрушительное поражение (республика была разгромлена австрийскими карателями).

³³ ... политику, которая снарядила римскую экспедицию... — В 1849 г. французский корпус по настоянию президента Луи Наполеона был направлен в Италию для подавления Римской республики. 3 июля 1849 г. Рим был взят, папская власть восстановлена и держалась с тех пор только силой штыков.

³⁴ ... бессмертного Пимодана. — Генерал Ж. Пимодан (1822—1860), один из французских наемников, командовавших папскими вооруженными силами, был убит при Кастельфидардо 18 сентября 1860 г.

³⁵ Чальдини Э. (1811—1892) — итальянский генерал, один из противников Гарибальди; отец Гавацци А. (1809—1889) — активный участник народно-освободительного движения (см. статью Добролюбова «Отец Александр Гавацци и его проповеди», ССД, т. 7, с. 93—125).

³⁶ ...с Пием IX, который был ... другом ... независимости... пока ...дело не попало в руки... обмана.. Кардинал Джованни Мария Мастаи Феррети (1792—1878), в июне 1846 г. занявший папский престол под именем Пия IX, сначала действовал в либеральном духе, но, испуганный размахом освободительного движения в Италии, с апреля 1848 г. решительно отмежевался от него и в дальнейшем придерживался реакционного курса.

³⁷ Морни, Валуевский, Тун, Рехберг, Боррис. — Упомянуты европейские политические деятели реакционного толка: Ш. Морни (1811—1865) — один из вдохновителей переворота 2 декабря 1851 г. во Франции; французский министр иностранных дел (1855—1856) А. Ф. Валуевский (1810—1868); австрийские министры: просвещения — Л. Тун (1811—1888) и иностранных дел — И. Б. Рехберг (1806—1889); министр внутренних дел ганноверского короля Георга V граф Боррис Ф. (1802—1883).

³⁸ ... научен ... испытаниями ... в родной земле до 1848 года... — После крушения наполеоновской империи (1814) в Италии царил жестокая феодально-монархическая реакция, усугублявшаяся австро-французским вмешательством в итальянские внутренние дела.

³⁹ ... научен ... неудачей ... 1848 года... — Революционное движение, охватившее в 1848 г. многие итальянские области, было подавлено, так как силы его не были объединены, а либеральные руководители (Д. Манин и другие) действовали нерешительно. Кавур не одобрял революционного движения 1848 г. и не участвовал в нем.

⁴⁰ ... Наварская битва — 23 марта 1849 г. при Новаре австрийские войска разбили сардинскую армию во главе с королем Карлом Альбертом.

⁴¹ ... в Риме Франция, в Венеции Германия. — См. прим. 33; Венецианская область после Итальянской войны 1859 г. оставалась под австрийским контролем (под «Германией» здесь, очевидно, следует подразумевать Австрию).

⁴² До 1830 года ... находясь в близких отношениях с Ламеннэ, Виктором Гюго и другими горячими людьми ... — Имеется в виду, что в период реставрации, до июльской революции 1830 г., уничтожившей монархию Бурбонов, Монталамбер не чуждался идей «христианского социализма» Ф.-Р. Ламеннэ (1782—1854) и либерально-демократической оппозиции, к которой был близок В. Гюго (1802—1885).

⁴³ ... в январе 1848 г. он проклинал республику. После февраля ... — Речь идет о февральской революции 1848 г., свергнувшей Луи Филиппа и восстановившей во Франции республиканский строй; политическое флюгерство Монталамбера в это время дало повод впоследствии обвинителю на его процессе (см. прим. 26) заявить: «Г-н Монталамбер не раз противоречил сам себе на своем политическом поприще; ныне он хочет свободы, для которой некогда требовал препон» (МВ, 1858, 25 ноября, № 141).

⁴⁴ ...французское правительство... походило на нынешнее сардинское... Относительно либеральный буржуазный курс Орлеанской династии после 1830 г. и авторитарный диктаторский режим Наполеона III в современной Франции сопоставляются Добролюбовым с консервативным правительством Пьемонта в 1830-е годы и более гибким современным курсом Кавура.

⁴⁵ «*Risorgimento*» — газета, основанная Кавуром и Ч. Бальбо (1847), упомянутые далее «*Opinione*» — также кавуровский орган, «*Diritto*» (1854—1895) — прогрессивная газета — попала в этот ряд в результате ошибки, которую Добролюбов не успел исправить (см. ССД, т. 6, с. 566).

⁴⁶ ... после великих реформ 24 ноября ... — см. с 505, прим. 29.

⁴⁷ Граф Бальбо известен ... книгой «*Надежды Италии*» ... — Эта книга, в которой, отказываясь от борьбы за воссоединение Италии, автор предлагал идею ее федерального устройства, вышла в 1843 г.

⁴⁸ ... яблоко раздора между г-жею Тур и редакцией «*Русского вестника*»... — Первопричиной полемики о Свечиной (см. с. 479, прим. 3) была книга Ф. Фаллу «*Madame Svetchine, sa vie et ses oeuvres publiées*», par C-te de Falloux. Paris, 1860.

⁴⁹ ... находиться в наилучших отношениях с Персиньи ... Ламенне... Вёльо — т. е. передовыми (Ламенне) и реакционными общественными, политическими деятелями: Ж. Ж. Персиньи (1802—1872), министром внутренних дел Наполеона III, Л. Вёльо (1813—1883) — главным редактором «*L'Univers*», выступавшим за неограниченную власть папы над церковью и государством.

⁵⁰ «*Житие Пия VII*». — Прославленный Фаллу папа Пий VII вновь разрешил деятельность иезуитов, ранее подвергшуюся запрещению.

⁵¹ ... на английских учреждениях ездят ... люди, гораздо менее имеющие на то права ... — Намек на «*Русский вестник*» М. Н. Каткова, на страницах которого в 1856—1860 гг. усиленно пропагандировались английские политические учреждения.

⁵² ... процесс его ... — Процесс Монталамбера в Парижском исправительном суде, состоявшийся в ноябре 1858 г., имел причиной его выступление в журнале «*Le Correspondant*», где доказывалось, что французское политическое устройство недостаточно свободно сравнительно с английским. Добролюбов откликнулся на это событие статьей «По поводу одной очень обыкновенной истории» (С, 1858, № 12, с. 630—650).

⁵³ «*Pie IX et lord Palmerston*». — Книга вышла в Париже в 1856 г.

⁵⁴ дискурсы — рассуждения (от фр. discours).

⁵⁵ ... в секту карбонаров... в «*Юную Италию*» ... Карбонарии — сеть тайных обществ радикального характера, игравших важную роль в политической жизни Италии и Франции в 1800—1830-е годы. «Молодая Италия» — тайное революционное общество, основанное в 1831 г. в Марселе изгнанным с родины Мадзини.

⁵⁶ ... чтобы свобода не была уж слишком свободна... чтобы она была дарована, пожалована. — Точно излагая политические мнения Кавура, которым охотно давала место российская либеральная пресса («Объявляю торжественно, безумец тот, кто думает, чтобы революции, нарушающие общественный порядок, были благоприятны свободе; напротив, они противны свободе и могут ввергнуть народ в средневековую безурядицу» — МВ, 1858, 19 апреля, № 47; «Наша политика всегда была последовательна <...> и никогда не была революционной» — там же, 1859, 8 февраля, № 34), Добролюбов метил в мнения и высказывания самой этой прессы и стоящих за ней общественных сил; см. например, «Рассказы из вседневной жизни». — МВ, 1859, 1 апреля, № 78: «Возрождением современной нам русской народной жизни обязаны мы тому, кто держит в руках своих кормило правления. Слава ему, дарующему нам некоторую гласность!»

⁵⁷ ... прошение к королю Фердинанду ... — О неаполитанском короле Фердинанде II см. с. 496, прим. 70.

⁵⁸ ... Гарибальди ... хотел покончить ... посредством Лафарины ... — Союзник и сорудник Кавура Д. Ла Фарина (1815—1863) был прислан в Палермо, чтобы немедленно присоединить Сицилию к Пьемонту и не оставлять значительных сил в руках Гарибальди (см. с. 497, прим. 79), но по распоряжению Гарибальди был вынужден удалиться.

⁵⁹ генерал Нунцианте — министр неаполитанского короля Франциска II, с которым Кавур вступил в переговоры о присоединении Неаполя к Пьемонту за спиной Гарибальди, совершавшего в это время свой освободительный поход в пределы Неаполитанского королевства.

⁶⁰ «*L'Avenir*» (1830—1832) — журнал христианских демократов, который издавал Ламеннэ.

⁶¹ ...Кавур вышел в отставку после Виллафранкского мира... — предварительные мирные условия в Виллафранке (см. с. 460, прим. 45) были подписаны без ведома Пьемонта и в нарушение обязательств, принятых на себя Наполеоном III, так как, по его словам, «борьба приняла размеры, несогласные с видами Франции» (см. изложение его прокламации к французским солдатам — МВ, 1859, 7 июля, № 159).

⁶² Когда о честности высокой говорит ... — цитата (не совсем точная) из «Горя от ума», д. IV, явл. 4.

⁶³ республика Сан-Марино — карликовое государство на Апеннинском полуострове.

⁶⁴ пелеринаж (фр. *pèlerinage*) — путешествие, паломничество.

⁶⁵ парижский конгресс — установил в 1856 г. условия мира по окончании Восточной войны 1853—1855 гг. Кавур купил право участия в нем ценою посылки в Крым итальянского экспедиционного корпуса и, выступая на конгрессе, пытался изложить проблемы Италии, но успеха не имел.

⁶⁶ ...можно быть ... Кавуром и ... преклоняться перед ... атрибутами католицизма... История из-за г-жи Свечиной ... может навести на весьма полезные мысли... — Добролюбов эзоповски поясняет читателю, что отечественные прогрессисты («Кавуры») типа Каткова вполне поддерживают основания самодержавия и принцип дворянских привилегий («атрибуты католицизма»).

⁶⁷ Фукидид — древнегреческий историк (ок. 460—400 до н. э.), которому принадлежит описание Пелопоннесской войны, главную задачу истории видевший в отыскании истины.

⁶⁸ ...оба почтены... в статьях г. Чичерина и ... г. Феофистова! — Имеются в виду «Очерки Англии и Франции» Б. Н. Чичерина (М., 1859) и «Пьемонт и Австрия с исхода 18 века» Е. М. Феофистова (РВ, 1858, т. 13, январь, кн. 2, с. 217—240; февраль, кн. 1, с. 401—454).

НЕАПОЛИТАНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Св. 6, с. 23—34. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (часть наборной рукописи) и цензорская корректура — в ПД. В рукописи отсутствуют листы со стихотворениями «Неаполю», «Братьям-воинам» и «Законная кара», стихотворение «Песнь избавления» обрывается на 16-м стихе («От юной доблести его»). Тексты подверглись значительной цензурной правке.

Стр. 177, строка 18 св. В корректуре (исправлено цензором) и в изд. 1862 вместо «братит» — «ругает».

Стр. 177, строка 6 св. После слова «поэта» цензором вычеркнуто: В нынешнем году какой-то человек с итальянской фамилией сочинил оду на именины австрийского императора, — так на это указывали с ужасом, как на нечто чудовищное! Из этого одного уже достаточно видно

Стр. 178, строка 5 св. Слова «такого рода» проставлены цензором в корректуре вместо вычеркнутого «патриотических».

Стр. 178, строка 6 св. В изд. 1862 вместо «Пушкина, Майкова и Хомякова» — «Пушкина и Майкова».

3. Братьям-воинам

Стр. 179, стих 2. В изд. 1862 вместо «качать» — «разить».

Стр. 179, стих 9. В корректуре и в изд. 1862: Чтоб восстановлен был порядок и закон.

5. Плач и утешение

Стр. 180, стих 32. После слов «Злу, обхватившему тебя» цензором вычеркнуты в корректуре следующие 8 строк:

Он понимает все опасности
Льстить черни прихотям слепым:
Ни конституции, ни гласности
Не даст он подданным своим!

Не переменит он юстицию,
Не подарит ненужных льгот,
Не обессилит он полицию —
Свой нерушимейший оплот;

6. Неисповедимость судеб

Стр. 181, стих 12. После слов «Всякий волен в мыслях и речах» следовало четверостишие, зачеркнутое цензором в корректуре:

От шпионов кончилась опасность,
В мрак архивов пролит новый свет,
И в три дня уврачевала гласность
Край больной, страдавший столько лет!

7. Победителю

Стр. 181, строка 15 сн. В корректуре после слов «все умы и сердца» вычеркнуты цензором слова «даже самого австрийского склада».

Стр. 181, строки 4—3 сн. Слова «в прежнем порядке» вписаны цензором в корректуре вместо «в бурбонской династии».

Стр. 181, стих 22. В изд. 1862 вместо «торопливо уехал» — «малодушно укрылся». В корректуре: малодушно уехал (Слово «малодушно» исправлено цензором на «торопливо».)

8. Песнь избавления

Стр. 182, стих 33. В изд. 1862:

И ныне в бегство обратился

Стр. 182, стих 35. В изд. 1862:

И вновь с Франциском воцарился

Стр. 182, стих 36. В корректуре после слов «везде порядок и покой...» цензор вычеркнул заключительные четыре строки:

Но, научен своей невзгодой,
Он узел власти закрепит
И преждевременной свободой
Уж свой народ не подарит!

⁶⁹ ... *журнала ... Тур и новой газеты, обещающей «Русским вестником».* — Имеется в виду «Русская речь» Е. Тур; с 1861 г. «Современная летопись» «Русского вестника» была выделена из состава журнала и появлялась еженедельно в качестве отдельного приложения к нему.

⁷⁰ ... *хвалит упорство короля неаполитанского в режиме его отца ...* — Речь идет о реакционном феодально-абсолютистском режиме, установленном в королевстве Обеих Сицилий Фердинандом II (1810—1859), которому с мая 1859 г. наследовал Франциск II (Франческо) (1836—1894) — последний неаполитанский монарх, утративший престол под натиском народно-освободительных сил.

⁷¹ *Три солнца чудной красоты.* — см. с. 456, прим. 10.

⁷² *И вольнодумству Филанджери /Нет входа в царский кабинет!* — При начале царствования Франциск II обещал подданным благотворные перемены; одной из его мер было назначение генерала К. Филанджиери (1783—1867) военным министром. И хотя последний и не отличался особым либерализмом, он получил отставку в конце января 1860 г., при повороте нового монарха к жесткому реакционному курсу.

⁷³ *Кавур с Маццини.* — Сближение имен пьемонтского премьера К. Кавура и революционера Дж. Маццини имеет иронический смысл: весьма умеренный Кавур тоже служил пугалом для монархической реакции, но в это время уже было широко известно «о сильном озлоблении министерства» его на Маццини (см. МВ, 1860, 26 августа, № 187) и о том, что «борьба Кавуро-Мацциниевская разгорелась более, чем когда-либо» (там же, 1860, 1 сентября, № 189).

⁷⁴ *«Гордись!»* — стих каждого поэта — Добролюбов пародирует очень близко к тексту (см. стихи 11—16, 21—22 и т. д.) известное стихотворение А. С. Хомякова «России», в первой публикации — «Отчизна» (1839).

⁷⁵ *Эрмитажа галереи* — имеются в виду художественные собрания петербургского Эрмитажа.

⁷⁶ *св. святой Дженоаро.* — Патроном Неаполя считался св. Януарий (Дженаро), ковчег с его засохшей кровью, якобы «закипавшей» в день его праздника, был церковной реликвией города.

⁷⁷ *Братьям-воинам* — пародия на стихотворение А. Н. Майкова «Послание в лагерь», с которым начальные и заключительные строки перекликаются текстуально (см.: 1854 год. Стихотворения А. Н. Майкова. СПб., 1855, с. 21—22).

⁷⁸ *После апрельских происшествий в Сицилии.* — В конце апреля 1860 г. по всей Сицилии прошла волна возмущения против Франциска II, в Мессине и Палермо произошли восстания и было объявлено осадное положение.

⁷⁹ *На бомбардирование Палермо.* — В стихотворении запечатлен эпизод освобождения Сицилии силами гарибальдийцев: вопреки воле пьемонтского правительства, Гарибальди в ночь с 5 на 6 мая 1860 г. отплыл с тысячей волонтеров из Генуи на двух торговых пароходах и 11 мая высадился в сицилийском городе Марсале. До 18 мая борьба шла с переменным успехом, пользуясь этим, неаполитанское правительство публиковало победные репортажи. Силы Гарибальди быстро росли за счет местного населения и восставших королевских отрядов, 27 мая он победно вступил в Палермо, где произошло восстание против короля. Флот Франциска II и остатки его армии, укрывшиеся в крепости Каstellамаре, 28 мая и 3 июня подвергли город жестокой бомбардировке.

⁸⁰ *... имен Летиции и Ланцы.* — Генерал Ф. Ланца, сицилиец по происхождению, был назначен в середине мая 1860 г. главнокомандующим королевскими войсками в Сицилии, генерал Летиция по поручению Франциска II участвовал в переговорах о перемирии с Гарибальди.

⁸¹ *Плач и утешение* — название воспроизводит заглавие стихотворения П. А. Вяземского (1855) на смерть Николая I и воцарение Александра II.

⁸² *Неисповедимость судеб (На обнародование неаполитанской конституции).* — Либеральный конституционный статус, вырванный в 1848 г. у Фердинанда II итальянским революционным движением и отмененный им в 1849 г., был снова введен Франциском II после потери Сицилии.

⁸³ *На вшествие Гарибальди в Неаполь* — оно состоялось 7 сентября 1860 г.

⁸⁴ *... Римские и Венецианские стихотворения г. Хама ...* — Папские владения и Венецианская область (по-прежнему оккупированная австрийцами) оставались, после ликвидации неаполитанского королевства, единственными районами, не вошедшими еще в состав объединенной Италии.

⁸⁵ *Он торопливо уехал в Гаэте.* — Бежавший после падения Неаполя в крепость Гаэту Франциск II продолжал взывать оттуда к «храбрости, верности и чести» неаполитанских войск, именуя себя «королем-солдатом» (МВ, 1860, 23 сентября, № 206, 24 сентября, № 207).

⁸⁶ *На триумфы королевских войск под Капуей* — «Триумфы» состояли в том, что в ночь на 21 сентября 1860 г. королевские войска, засевшие в Капуе (до 11 тысяч с артиллерией), нанесли урон рекогносцировочному отряду гарибальдийцев; в конце месяца им удалось захватить и сжечь крепость Каяццо на реке Вольтурно, но положения короля Франциска это не спасло.

⁸⁷ *Когда скитался он в Шварцвальде ...* — Здесь и далее излагаются факты биографии Гарибальди, широко известные русской публике из статьи о нем в немецком историческом лексиконе («Ergänzungsblätter zum Conversations-Lexicon»), напечатанной в переводе в некоторых русских газетах (см. МВ, 1859, 4 июня, № 131).

ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ?

Св. 6, с. 34—40. Автор — Н. А. Некрасов. Автограф неизвестен. Цензурная корректура — в ПД. Принадлежность Некрасову вступительной части («Вместо предисловия»), статей «Состояние образованности в Камышине» и «Мальчик-с-пальчик или красноречивые противники» засвидетельствована Н. В. Гербелем — ССН (1879), т. IV, с. CXLVI. Однако Гербель не ввел в свой список вторую статью цикла «Шестнадцать гусей — жертва нашей безграмотности», и это обстоятельство наводило исследователей на мысль, что она написана не Некрасовым. Так, А. Максимович приписывал эту статью М. Л. Михайлову (см. ЛН, т. 49—50. М., 1949, с. 303—304). Вопрос в пользу Некрасова решился сразу, как только выяснилось, что Михайлов, которому в Св. 6 согласно конторским книгам «Совре.

менника» принадлежали 3 страницы журнального текста, является автором статьи «Г. Геннади, исправляющий Пушкина», укладываемой в этот объем. За Некрасовым числилось 9 страниц Св. 6, которые складываются из вступления к номеру (2,5 страницы) из цикла «Что поделывает наша внутренняя гласность?» (6,5 страницы). Что касается добролюбовской части во вступлении, то она, по всей вероятности, была записана за Некрасовым (1 страница журнального текста) по вполне понятным причинам: Добролюбову (31 страница «Свистка») засчитана вся страница, на которой размещены его стихотворение «Мои желанья» (всего 25 строк) и вступительная заметка, составленная Некрасовым. Любое другое распределение страниц за авторами Св. 6 противоречит указанным в конторской книге объемам. См. также: ПССН (1948), т. 9, с. 586—592, 804—805.

Стр. 182, стих 4. В корректуре после первого четверостишия следовали строки:

Припомним, что уж наш Амур
И взят трактатом, не картечью¹¹¹,
Что мстит Каткову «Русской речью»
За Свечину Евгенья Тур.

Стр. 183, строки 26—27 сн. В корректуре вместо слов «Об этом повествует в «Одесском вестнике» г. Ильминский, имея в виду собственно доказать» далее следовало новым абзацем (отчеркнуто на полях цензором): Если в настоящее время, когда и проч. появляются люди, печатно доказывающие вред грамотности, то «Свисток» не может умолчать и о том отрадном факте, что с другой стороны в том же обществе появляются люди, доказывающие пользу грамотности. К числу таких в последнее время примкнул г. Ильминский, и вот каким оригинальным способом доказывает он «необходимость распространения грамотности»

Стр. 183, строка 9 сн. В корректуре вместо «деньщиком» — «при дворе». (Зачеркнуто цензором.)

Стр. 185, строка 24 св. В корректуре после слова «Беллюстина?» следовала фраза: «—Из последних статей обличительного рода, самая решительная — следующая».

Стр. 186, строки 10—11 св. В корректуре вместо «и другим подобным, которые еще придут» — «и...кому-нибудь еще, потому что нельзя же думать, чтобы г-ном Беллюстином и кончилось». (Зачеркнуто цензором.)

⁸⁸ *Даль, Карнович, Беллюстин.* — Упомянуты участники предреформенной печатной полемики о пользе грамотности для крестьян, выходящих из крепостной зависимости (см. с. 451, прим. 25; с. 489, прим. 4) *Е. П. Карнович* (1824—1885) — историк, журналист, возражал Далю в «Современнике»: Нужно ли распространять грамотность в русском народе? — 1857, № 10, с. 123—138; Ответ г. Далю на заметку «О грамотности». — 1857, № 12, с. 167—176.

⁸⁹ «Русский вестник» ... издается пятый год — журнал выходил с 1856 г.

⁹⁰ *Булкин, Ржевский, Матиль, Григорий Данилевский.* — Упомянуты постоянные сотрудники «Русского вестника»: беллетристы С. А. Ладыженский (1830—1877), писавший под псевдонимом Булкин, и Г. П. Данилевский (1829—1890); о Матиле и Ржевском см. с. 482, прим. 32 и с. 465, прим. 6, с. 489, прим. 10.

⁹¹ *И ужасает нас Ристори/Грозой разнузданных страстей.* — Итальянская трагическая актриса Аделаида Ристори (1822—1906) прибыла в Россию в конце ноября 1860 г. и дала 24 спектакля в Петербурге и 6 в Москве, в ее репертуаре были «Медея» Э. Легуве, «Мария Стюарт» Ф. Шиллера, «Юдифь» П. Джакометти. «Ристори пленяла, а в сильных местах проявляла натиск, какого ни в ком из русских, немецких и французских актрис мы не видели» (*Боборыкин П. Д.* Воспоминания, т. 1. М., 1965, с. 360).

⁹² *Такая уж птица гусь, историческая... Рим спасли...* — Имеется в виду историческое предание о том, что гуси, гоготаньем разбудившие стражу, спасли древний Рим от захвата войском галлов, уже взбиравшихся на стены Капитолия.

⁹³ ...*И. С. Тургенев прислал из-за границы ... проект «Всероссийского общества для распространения в народе образования».* — Проект «Общества для распространения грамотности и первоначального образования» был составлен И. С. Тургеневым (при участии П. В. Анненкова и др. лиц) в августе 1860 г., но не осуществился; как писал Тургенев, к этому замыслу «правительство объявило свое неблагоприятное отношение» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. IV, с. 189—190).

⁹⁴ *Бланк* — см. с. 476, прим. 119.

⁹⁵ *Состояние образованности в г. Камышине по свидетельству г. Карпова.* — Письмо в редакцию Е. Карпова, цитируемое далее Некрасовым, напечатано в МВ, 1860, 8 декабря, № 266.

⁹⁶ *Мальчик-с-пальчик, или красноречивые противники.* — Е. П. Пациентов, член Российского общества любителей садоводства, опубликовал свое письмо (приведенное здесь) в МВ, 1860, 22 октября, № 229; «красноречивый» ответ портного Поппе, обвиненного Пациентовым в жестоком обращении с мальчиком — учеником, был напечатан вместе с опровергающим обвинение протоколом Московской ремесленной управы там же, 10 декабря, № 268. Вскоре Пациентов прислал в редакцию новое письмо, настаивая на своем показании (15 декабря, № 272).

Г. ГЕННАДИ, ИСПРАВЛЯЮЩИЙ ПУШКИНА

Св. 6, с. 40—43. Автор — М. Л. Михайлов. Автограф неизвестен. Цензорская корректура — в ПД. Перепечатана в качестве некрасовской статьи в ЛН, т. 49—50, с. 329—331. Авторство Михайлова установлено А. Ф. Захаркиным («Известия Академии наук СССР, отд. лит. и яз.», 1953, т. XII, вып. 5, с. 429—432) и подтверждено В. Э. Боградом, который приводит следующую запись П. П. Пекарского в рукописи «Материалы к словарию писателей»: «Григорий Сычевкин — Мих. Лар. Михайлов, против Геннади, в «Современнике» 1860 г. № 12, в «Свистке». Геннади имеет поместье в Сычевском уезде Смол. губ.» (Указатель С., с. 570). Статья включена в кн.: Михайлов М. Л. Сочинения. М., 1958, с. 125—128, 649.

⁹⁷ *...русского слова(не того, которое издается... Кушелевым-Безбородко... — Журнал «Русское слово» (1859—1866), издавался до 1863 г. меценатом графом Г. А. Кушелевым-Безбородко (1832—1870), с мая 1860 г. — под редакцией Г. Е. Благодетельского (1824—1880).*

⁹⁸ *...я не смущаюсь толками о значении Пушкина, которыми занимались... Дудышкин, Де-Пуле, Аполлон Григорьев, Милюков и другие... — Либеральная и эстетическая критика, академическая литературная наука 1850-х — 1860-х годов, односторонне истолковывая пушкинскую традицию в литературе, стремились противопоставить ее пропагандируемой «Современником» «отрицательной», «критической» — гоголевской.*

⁹⁹ *...издание ... которым подарила ... публику компания друзей покойного поэта ... издание ... П. В. Анненкова.* — Названы собр. соч. Пушкина в 11 т. (СПб., 1838—1841) под ред. В. А. Жуковского (1783—1852) и издание его сочинений в 7 т. (СПб., 1855—1857), редактированное П. В. Анненковым (1813—1887).

¹⁰⁰ *...под редакцией ... библиографа и библиофила ... Геннади.* — Издание сочинений Пушкина в 6 т., осуществленное в 1859 г. петербургским книгопродавцом Я. А. Исаковым под редакцией Г. Н. Геннади (1826—1880), было выпущено с ошибками и подготовлено спорно в текстологическом отношении: к основному тексту оказались «присоединены некоторые отрывки и дополнительные строфы и стихи, которые <...> были вычеркнуты <...> самим Пушкиным» (Геннади Г. Библиографические заметки. — МВ, 1859, 9 июня, № 109).

¹⁰¹ *...описание жизни ... Ваньки Каина и сборник эротических стихотворений ... изданы каким-то Григорием Книжником ... — Имеются в виду издания, выпущенные Г. Н. Геннади под этим псевдонимом: «Жизнь Ваньки Каина, им самим рассказанная», СПб., 1859 и «Эротические стихотворения русских поэтов» СПб., 1860. Обе книги были подвергнуты жестокой критике в журналах (в том числе — Добролюбовым).*

¹⁰² *О жертва бедная двух адовых исчадий...* — эпиграмма друга Пушкина Соболевского (см.: Соболевский С. А. Эпиграммы и экспромты. М., 1912, с. 30, 116).

¹⁰³ *...литераторы ... дерутся.* — Указанная статья журналиста и акционерного деятеля Н. Н. Воскобойникова (1838—1882) «Перестаньте бить и драться, г. г. литераторы!» («СПб. ведомости», 1860, 30 ноября, № 261) многократно упоминалась в «Свистке» впоследствии, так как она содержала резкий выпад против демократической литературы и журналистики. Воскобойников охарактеризовал их как «задний двор» словесности, где господствует «монополия кулака» и задел при этом лично Панаева, Чернышевского, Добролюбова. Он призвал к применению общественных и полицейских мер против «этих господ, распространяющих невежество».

¹⁰⁴ *М. И. Семевский (1837—1892) — историк, журналист, впоследствии издатель — редактор журнала «Русская старина», С. Д. Полторацкий (1803—1884) — библиограф и библиофил, А. И. Тихменев — критик, сотрудник журнала «Атеней».*

¹⁰⁵ *«Коммерческая газета»* выходила при департаменте внешней торговли (1803—1861).

НОВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ АПОЛЛОНА КАПЕЛЬКИНА

Св. 6, с. 44. Автор стихотворения — Н. А. Добролюбов. Автограф неизвестен. Цензорская корректура — в ПД. Перепечатано Чернышевским в изд. 1862, с. 571, без предисловия и с незначительными разночтениями. Включено в ССД, 1963, т. 7, с. 471—474. Автор вступительной заметки, вероятно, Некрасов — ПССД (1939) т. 6, с. 182, 730.

Стр. 190, строка 18 св. В корректуре и в изд. 1862 эта строка выделена в подзаголовок и набрана курсивом.

¹⁰⁶ *«Мои желания»* — Как указал еще М. К. Лемке, пародия на одноименное стихотворение К. К. Случевского.

¹⁰⁷ ...точно Бобчинский ... находит... «зуб со свистом» — см. «Ревизор», д. 1, явл. III.

¹⁰⁸ ...пред французской политикой и пьемонтский граф оказался наивным ребенком... — Добролюбов имеет в виду заключение Наполеоном III Виллафранкского мира за спиной своих пьемонтских союзников.

¹⁰⁹ Кавур не писал *«Жития святой Елизаветы Венгерской...»* Монталамбер ... не продавал Савойи и Ниццы. — Указано сочинение Монталамбера *«Histoire de Ste Elisabeth de Hongrie»*, Paris, 1836; ценою уступки, по соглашению Кавура с Наполеоном, итальянских территорий Франции было куплено участие последней в войне 1859 г. на стороне Пьемонта.

¹¹⁰ *«Петух и жемчужное зерно»* — басня И. А. Крылова (1809).

¹¹¹ ...наш Амур/И взят трактатом — не картечью. — По договору, заключенному в мае 1858 г. между Китаем и Россией, произошло присоединение к России левого берега Амура.

СВИСТОК 7

Впервые — С, 1861, № 1, с. 1—46 (особой пагинации). Ценз. разр. 29 декабря 1860 и 21 января 1861, вып. в свет 24 января, цензоры В. Бекетов и Ф. Рахманинов.

Седьмой номер «Свистка» почти целиком сконцентрирован вокруг проблем литературно-журнальной жизни: из 9 опубликованных в нем произведений 6 имеют отчетливый литературно-полемический прицел (естественно, не исчерпывая свой смысл задачами одной полемики).

Написанное Некрасовым введение «Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности» и большой обзор И. И. Панаева «На рубеже старого и нового года. Грезы и видения Нового поэта» впервые дали не попутные, эпизодические, а подробные, развернутые ответы на те нападки и удары из-за угла, которым подвергался «Свисток» в течение всего своего существования. Но сведение счетов с многочисленными учено-литературными противниками оказалось делом второстепенным, на первый план вышла сама широкая панорама журнально-литературной жизни. В обилии полемических столкновений Некрасов и Панаев разглядели две существенные общие тенденции, на которых и сосредоточили свой огонь.

Их внимание привлек, во-первых, дух беспринципной «коммерции», все глубже проникавший в русскую журналистику. Буржуазное предпринимательство в литературном деле персонифицировал для них издатель «Отечественных записок» и арендатор «СПб. ведомостей» А. А. Краевский (близко знакомый с 1840-х годов), чем и объясняется обилие материала, посвященного ему в комментируемых произведениях. Но такая тенденция неудержимо распространялась вширь, находя свое выражение, в частности, в подписных кампаниях, которые с каждым годом приобретали все более рекламно-торговый характер. Интересно, что «Московские ведомости» В. Ф. Корша, пытавшиеся сохранить тон учено-либеральной сдержанности, незадолго до Некрасова и Панаева несколько раз с негодованием писали об этом¹, но воспользовались данным случаем, чтобы нанести еще один укол «Современнику». В желании «хвастнуть своими заслуга-

¹ Х. Журнальные объявления. — МВ, 1859, 31 января, № 27.

ми»², в «литературной наглости, имеющей целью единственно посягательство на чужие карманы»³, обвинялась и редакция некрасовского журнала. Одновременно газета обратила внимание на то, что подписные объявления дают большой простор юмору: «Если бы в наше время жил какой-либо великий сатирик, то сколько интересного и высококомического мог бы воссоздать он в образах, черпая материал из этих объявлений. К сожалению, наша родина бедна такими талантами, и потому кроющийся здесь богатый материал для сатиры пропадает даром. А какая богатая жатва предстоит на этом поле сатирику! Сколько великолепных карикатур можно было бы составить из наших вычурных объявлений!»⁴.

Такой сатирик нашелся в лице Некрасова, который с яркой карикатурностью воспроизвел торгашеский азарт, охвативший «ученые» и «эстетические» издания. В этом же номере его поддержал Панаев (см. подробнее в примечаниях). Некрасовскую статью завершает серия лапидарных юморесок (конспективно они намечены у Добролюбова — «Два графа», см. № 6): «В следующем году «Свисток» надеется быть еще счастливее, поместив следующие статьи...» Идущий вслед за этим список «заглавий» не следует считать (что обычно делают комментаторы) действительной, но неосуществленной программой дальнейших выпусков «Свистка»: в большинстве случаев это не названия будущих произведений, но самостоятельный жанр сатирических миниатюр. Весь иронический смысл их — в сближении имен (часто одиозных), в намеке на факты, памятные современникам. Затем эту оригинальную жанровую форму мнимой «программы», суть которой в ней самой, а не в ее реализации, еще раз использует Салтыков-Щедрин в № 9 «Свистка».

Другая важная тема выступлений Некрасова и Панаева (у последнего она отчетливее вышла из подтекста на первый план), глубоко драматическая по существу, — тема бывшего «человека сороковых годов», не сумевшего принять новую революционную правду «шестидесятников» и начавшего бесплодный спор с молодым поколением.

Созревание революционной ситуации воздвигало барьер между недавними соратниками, которые в 1840-е годы вместе проходили школу идей Белинского, участвовали в «Отечественных записках» и «Современнике», боролись с реакционным «журнальным триумвиратом». Об этом в начале 1860-х годов много писал Герцен: «Кто! (...) эти враги? Это наши друзья!»⁵. Емкие публицистические характеристики идейно выветрившихся «бывших друзей Белинского и поклонников Грановского» вскоре дал Салтыков⁶. В фельетоне «На рубеже старого и нового года» Панаев одним из первых в русской публицистике прикоснулся к этой теме: эпоха 1840-х годов была оживлена для него недавней работой над «Воспоминаниями о Белинском». Таким образом, этот фельетон, затерянный на журнальных страницах и не перепечатававшийся, дополняет важными чертами характеристику Панаева, подтверждая справедливость слов, сказанных о нем Чернышевским в редакционном некрологе «Современника»: «Убеждения его не застывали в неподвижную форму с приближением старости; симпатии его в 50 лет, как и в 25, были на стороне молодого поколения»⁷.

Два стихотворения Некрасова посвящены журналу «Время», выходившему в Петербурге (1861—апрель 1863) под официальной редакцией М. М. Достоевского и при фактическом руководстве Ф. М. Достоевского: «Гимн «Времени», новому журналу, издав. М. Достоевским» и «Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не щадить литературных авторитетов». Они еще не имеют целью задеть журнал Достоевских. И в его редакции «Гимн «Времени» был воспринят как искреннее предостережение «от врагов и опасностей»; «В то время слово «Современника» много значило; он достиг в это время самой вершины своего процветания и решительно господствовал над петербургскою публикою; его привет был действительнее всяких объявлений», — вспоминал впоследствии

² Х. Журнальные объявления. — Там же, 1860, 11 марта, № 56.

³ Х. Журнальные объявления. — Там же, 1860, 12 марта, № 57.

⁴ Х. Журнальные объявления. — Там же, 1860, 11 марта, № 56.

⁵ Герцен А. И. Москва нам не сочувствует. — Собр. соч.: В 30-ти т., т. XVI. М., 1959, с. 108.

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Наша общественная жизнь. 1. 1863, январь—февраль. — ССЦ, т. 6, с. 7—25.

⁷ С., 1862, № 2, с. 6.

Н. Н. Страхов⁸. Однако уже в течение 1861 г. выявились существенные разногласия нового «почвеннического» органа с «Современником», которые привели к быстро ожесточавшейся полемике, развернутой позже в двух последних номерах «Свистка». Здесь же, давая советы новорожденному изданию, Некрасов подверг резкой критике весь фронт противостоявшей «Современнику» либерально-консервативной журналистики.

«Литературная травля, или раздраженный библиограф» (также Некрасова) использует факты биографии Г. Н. Геннади и, по-видимому, как-то связана с его реакцией на выступление против него в предыдущем выпуске «Свистка». Но по справедливому соображению современных исследователей, «Литературная травля» — «это не просто выпад против одного библиографа <...> а весьма сложный, многоплановый политический памфлет». Его «мишень — реакционеры и реакция в политике, науке и литературе». Поэтому в нем «причудливо переплелись! события, идеи, люди»⁹.

Примыкает к общему полемическому направлению номера статья Чернышевского «Ответ на вопрос, или Освистанный вместе со всеми другими журналами «Современник» — поскольку это тоже реакция на критическую реплику, адресованную «Современнику» ученым-медиевистом О. М. Бодянским (подробнее в примечаниях). Но главный смысл этой статьи — не в ответе. «Свистку» оказалось доверено одно из самых замечательных и наиболее личных публицистических автопризнаний Чернышевского — трибуна и общественного бойца, трагически переживающего невозможность обращения к массам с прямым словом революционного призыва, ибо трезвость политической мысли подсказывает ему, что исторические условия, которые могли бы обеспечить успех революционного натиска, все же в стране не сложились.

Как обычно в «Свистке», выпуск содержит и материалы, не подчиненные его общему плану.

В наследие от предыдущего номера, переформированного по цензурным причинам (см. с. 485), здесь появилась «Ода на выселение татар из Крыма» Добролюбова. В ней иронически сближены два одновременно совершившихся факта. С конца мая 1860 г. в Сирии происходили ожесточенные нападения мусульманского населения (друзов) на христиан секты маронитов: события были остановлены европейскими державами, причем русское правительство предлагало энергичное вмешательство в положение притесняемых христиан в Турции вообще. Но в то же время (с апреля по декабрь 1860 г.) состоялось массовое переселение из Крыма в Турцию татар и ногайцев, скрывавшихся, в свою очередь, от притеснений царизма. «Массы народа, навсегда оставлявшие вековую свою родину для неизвестных дней в чужом крае <...> наполняли собою новые ковчеги как будто для избежания <...> бедствия»¹⁰. Насмешливый смысл заглавия добролюбовского стихотворения проясняется газетно-журнальными материалами: «Русский вестник» настойчиво доказывал, что «переселение татар ... одно из самых счастливых событий последнего времени»¹¹. Между тем истинное положение было другим; «Московские ведомости» перепечатали сообщение из Симферополя: «... все и вся занято одним опустением края <...> и никто <...> не придумал ничего к возможному облегчению будущего бедствия, угрожающего всем отраслям крымского хозяйства и промышленности»; те, кто «сначала так ретиво предсказывали благоденствие Крыма, если из него выселятся татары, очень скоро истощили заранее приготовленный ими запас утешений»¹².

«Финансовые соображения (Голос из провинции)» Некрасова — отклик на финансовый кризис, потрясавший российскую экономику в начале 1860-х годов. В 1861 г. об этом многократно писали «Вестник промышленности», «Биржевые ведомости», «Век», «Московские ведомости» и другие издания; выходили целые книги, специально посвященные этой проблеме¹³.

⁸ Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. — В кн.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 222

⁹ Равич Л. М., Эльзон М. Д. Литературная травля. — Некрасовский сборник. VI. Л., 1978, с. 49—51.

¹⁰ МВ, 1861, 6 мая, № 99.

¹¹ Щербань Н. Переселение крымских татар. — РВ, 1860, т. 30, декабрь. Современная летопись, с. 211—212.

¹² МВ, 1860, 2 декабря, № 262.

¹³ См.: Максимович А. Я. Некрасов — участник «Свистка». ЛН, т. 49—50, с. 312, 316.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Св. 7, с. 1—8. Автор — Н. А. Некрасов (установлено по конторской книге «Современника» — ЛН, т. 49—50, М., 1946, с. 302). Автограф и корректура неизвестны. Помещенное в списке стихотворение также написано Некрасовым — ПССН (1948), т. 2, с. 486.

¹ ... чурбан в басне о лягушках и царе ... — Имеется в виду басня И. А. Крылова «Лягушки, просящие царя» (1809).

² *Гармония в природе*/И битва с Утиным ... — Имеется в виду: Бекетов А. Н. Гармония в природе. — РВ, 1860, т. 30, ноябрь, кн. 2, с. 197—241, декабрь, с. 534—558. Заметкой «Еще несколько слов о мировой юстиции» (т. 30, декабрь, Современная летопись, с. 312—318) продолжен спор редакции с Б. И. Утиным — см. с. 480, прим. 15.

³ ... *древле тощий «Москвитянин»*/По полугоду пропал. — Журнал М. П. Погодина был известен перегулярностью выхода: «бывало ждешь с нетерпением как-нибудь в феврале декабрьской книжки», — иронизировал Герцен в фельетоне «Москвитянин и вселенная» (ОЗ, 1845, № 3, Смесь, с. 48).

⁴ ... «Время» ... *вздумало упрекать «Свисток»*... — О том, что «Свисток» в объявлении об издании «Современника» на 1861 г. упомянут «робко», «в выноске», «мелким шрифтом», говорилось в «Письме постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и «Нового поэта». — В., 1861, № 1, Критическое обозрение, с. 60 (автор — возможно А. Ф. Писемский: см. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975, с. 234, 261).

⁵ ... «Русский вестник» ... *предложил ... изменения в отливке русских букв* ... — Изменить начертания букв в печатном шрифте предлагалось в «Современной летописи» РВ, 1861, № 1.

⁶ ... *Лажечникову вздумалось напечатать своего «Басурмана» ... с ... чудовищным правописанием*... — В первом издании романа И. И. Лажечникова «Басурман» (1838) была сделана попытка приблизить написание слов к произношению, насмешливо встреченная критикой.

⁷ ... *редакция ... чуть было не повихнулась на букве ж* ... — В начале издательской деятельности Краевского (1838—1839) возглавляемые им «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» и «Отечественные записки» предлагали некоторое изменение в принятой орфографии: «пишут: ладожский, рижский <...> но никак не хотят писать: кремнечужский, петербуржский <...> как будто этих слов нельзя подвести под то же правило!» (ОЗ, 1839, т. 2., Критика, с. 41).

⁸ *На языке тебе невнятном* ... — Комическая перефразировка первой строфы стихотворения Пушкина «Иностранке» (1822).

⁹ ... *век не будешь Свифтом!* — Намек на англофильскую ориентацию «Русского вестника» Каткова и шумно-разоблачительные выступления этого журнала.

¹⁰ ... *к «Веку», издаваемому г. Дружининым и К^о*... — см. с. 522, прим. 14.

¹¹ ... *для публикации имен тех знаменитостей, которые удостаивают нас обещанием своих произведений* ... — Насмешка над «Русским словом», которое в 1860 г. (№ 2) на обложке дало анонс: «В следующих книжках «Русского слова», сверх статей, обещанных в программе, будут напечатаны: И. С. ТУРГЕНЕВА (кроме обещанной повести): «Бернс и Кольцов» (произведения Тургенева в журнале не появились).

¹² *«Бедный Свисток! где твоя невинность?»* — Ироническая перефразировка строки из повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792).

¹³ ... *свои мировые судьи, своя г-жа Свечина!* — См. с. 480, прим. 15, с. 479, прим. 3.

¹⁴ ... *обстрелянные журналисты, на которых раздражительные господа ... изливают свою желчь из разных газетных закоулков* ... — Некрасов намекает на длительную перебранку между двумя конкурирующими газетами: «Московскими ведомостями» В. Ф. Корша и «СПб. ведомостями» А. А. Краевского, которая шла на протяжении всего 1860 г. В. Корш жаловался публике (эту статью скрыто цитирует далее Некрасов) на сотрудников Краевского — «фельетонных стрекулистов» и их «литературные забиячества и буйства»: «вас умышленно окачивают из-за угла помоями» и т. д. (МВ, 1860, 17 сентября, № 201).

¹⁵ ... *не натыкал ... сотни заглавий небывалых статей и десятки имен* ... — В своих объявлениях об издании на 1861 г. «Отечественные записки» (которые здесь имеет в виду Некрасов) называли 34 имени будущих сотрудников и дали перечень 25 обещанных публике произведений (см. МВ, 1860, 13 октября, № 221; там же, 1861, № 2, 3 января).

¹⁶ ... это выписано слово в слово из программы одного большого журнала ... — Приведенный в предыдущем абзаце текст от слов «не имеет надобности» до «широкое поприще» действительно взят из программы «Отечественных записок».

¹⁷ ... редакции ... в прошлом году посчастливилось соединить на своих страницах... — цитируется подписное объявление «Библиотеки для чтения».

¹⁸ В. А. Кокорев и Лафит. — Французский банкир Ж. Лаффит (1767—1844) был министром в правительстве Луи Филиппа; Некрасов иронизирует над претензией Кокорева быть «государственным человеком».

¹⁹ Жорж Санд и Евгения Тур. — Е. Тур опубликовала в своем переводе извлечения из мемуаров Ж. Санд (Авроры Дюдеван, 1804—1876) «L'histoire de ma vie» (История моей жизни), 1854—1855 (см.: РВ, 1856, т. III, май, кн. 1, с. 72—93; там же, июнь, кн. 2, с. 693—715; там же, т. IV, август, кн. 2, с. 667—708). Кроме того, она тоже выступала с декларациями о свободе чувств женщины, но опасливо-непоследовательными, что невыгодно отличило ее от великой французской предшественницы (Женщина и любовь по понятиям г. Мишле. — РВ, 1859, т. 21, июнь, кн. 1, с. 461—500; Несколько слов по поводу статьи «Русской женщины». — МВ, 1860, 17 апреля, № 85).

²⁰ Битва Горациев с Куриациями и бой ... в ... Пассаже. — Эпизод римской истории, упоминаемый Некрасовым, описан в 1 кн. Тита Ливия; о «бое в Пассаже» — см. с. 465, прим. 7.

²¹ Ламорисьер и Н. Ф. Павлов. — Парадоксально, на первый взгляд, сближая русского литератора и французского генерала Л. К. Ламорисьера, который в 1848 г. помог подавить революцию у себя на родине, а в 1860 г., в качестве командующего папской армией, безуспешно пытался «усмирить» итальянское народно-освободительное движение, Некрасов, видимо, намекает на неблагоприятный факт биографии Павлова, тогда еще не окончательно распростившегося с либеральной репутацией. Летом 1857 г. в имении жены Павлова К. К. Павловой (Яниш) произошли крестьянские волнения. По свидетельству современников, «гуманист Павлов» (только что публично приветствовавший проект освобождения крестьян) «был при их усмирении и всех больше настаивал, чтоб строже секли» (ССЦ, т. 18, кн. 1. Письма. М., 1975, с. 199—200). Этот случай был отражен в «Колоколе» (Прокламация губернатора П. Новосильцова и воз розог. — 1858, л. 10, 1 марта), в сатире Е. П. Ростопчиной «Дом сумасшедших в Москве в 1858 г.»

²² Легенда о чернокнижии, или Шотландская ведьма... — Намек на разные роды деятельности А. В. Дружинина: знатока и переводчика английской литературы, критика и фельетониста («Иван Чернокнижников» — псевдоним, которым он часто пользовался в этом случае); кроме того под «чернокнижием» в литературных сферах была известна «целая рукописная литература» (М. Н. Лонгинов) — стихи, пародии, послания весьма фривольного содержания, созданные членами дружеского круга Дружинина и им самим (см. Дружинин А. В. Собрание сочинений, т. 8. СПб., 1867, с. 11—12), — по-видимому, это главным образом имеется в виду.

²³ Ряд статей о вреде людоедства ... — Тема «статей» перекликается с теми строками «Письма из провинции» Добролюбова (Св. № 1), в которых идет речь о «человеке, с азартом рассуждающем о негуманности людоедства».

²⁴ Ряд статей о юморе у жителей Лапландии ... — Имеется в виду статья Н. Ф. Павлова «Вотяки и г. Дюма» (см. с. 443, прим. 21); излагаемые далее Некрасовым сведения об «авторе» соответствуют фактам биографии Павлова: утрата документов в 1812 г., стремление «утвердиться на паркете, заставить забыть свое холопское происхождение», — как писал Н. И. Надеждин («Русский архив», 1885, кн. 2, с. 578).

²⁵ Жох и Плоцка, драма — Анны Монументовой ... — Высказано мнение, что подразумевается творчество А. С. Хомякова (Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 8-ми т., т. 5, М., 1966, с. 585).

²⁶ Хаджи Подхалимов — персонаж фельетонов А. В. Дружинина «Новые заметки петербургского туриста» («Век», 1861, № 13, № 16).

²⁷ Как понимают Свисток образованные народы Европы, ряд писем из Лондона. Титмарша Младш. (племянника ... Теккеря, давшего клятву писать исключительно в нашем журнале). — Ирония Некрасова обращена главным образом на А. Ф. Писемского. Повод зачислить его в «племянники» У.-М. Теккеря (Титмарш — псевдоним последнего) Некрасову дало примечание Писемского к своему «рассказу исправника» — «Фанфарон».

Один из наших снобсов» (С, 1854, № 8, с. 9): «Меткость сатиры и поучительная сила очерков Теккерея «Снобсы» дали автору мысль написать настоящую статью <...> Предчувствую обвинение в смелости и сам сознаюсь в своей немоги идти вслед великому юмористу, но все-таки решаюсь». «Исключительное и обязательное участие» Писемского в «Библиотеке для чтения» было обещано ее подписным объявлением на 1861 г. (Писемский А. Ф. Письма. М.—Л., 1936, с. 835).

²⁸ ... Три лекции А. Украинского... в пользу новозадуманного Общества для сдиранья шкуры... под благовидными предлогами, по новому способу ... — Под псевдонимом «А. Украинский» фигурирует, как справедливо считается, А. А. Краевский. Конкретно речь идет, очевидно, об «Энциклопедическом словаре» (см. с. 481, прим. 1): по воспоминаниям А. В. Никитенко, Краевский задумал его как предприятие «на паях» («Дневник», т. 2, с. 76). Подготавливая в 1838 г. издание «Отечественных записок» (где впервые проявились хорошо известные Некрасову эксплуататорские способности Краевского), он также составлял для этого акционерную компанию (См: Кулешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX в. М., 1958, с. 17, 354—355). О «темах» лекций упоминает также И. И. Панаев в этом выпуске «Свистка».

ГИМН «ВРЕМЕНИ»

Св. 7, с. 9—10. Автор — Н. А. Некрасов (установлено по конторской книге «Современника» — ЛН, т. 49—50, М., 1949, с. 302). Автограф и корректура неизвестны.

Стр. 197, строка 7 сл. В ПССН (1948) и последующих изданиях вместо «известный журнал» — «известный журналист».

²⁹ ... Гарибальди дремлет, / Колеблется пекинский трон, Газета грому пушек внимлет, / Дает права Наполеон ... — Перечислены важнейшие международные события осени 1860 г.: в ноябре в результате разногласий с пьемонтским правительством Гарибальди сложил с себя воинское звание и удалился в свое имение на о. Капрера (через несколько дней были распущены его добровольческие отряды); в октябре того же года победой Англии и Франции закончились их военные действия против Китая: пал Пекин и были подписаны тяжкие для китайцев мирные условия; крепость Газета — последний оплот Франциска II — с трудом выдерживала осаду пьемонтской армии (в феврале 1861 г. она капитулировала); декретом 24 ноября 1860 г. Наполеон III был вынужден дать парламенту право раз в год, в ответ на тронную речь императора при открытии палат, представлять ответное мнение о политике правительства; кроме того 8 декабря министр внутренних дел граф Ж. Персиньи издал новый циркуляр о правах печати, расширивший ее свободу.

³⁰ В стране затронутых вопросов, / Не перешедших в сферу дел... — «Объявление об издании журнала «Время» (написанное Ф. М. Достоевским) начиналось указанием на «важнейший вопрос об улучшении крестьянского быта», «великий крестьянский вопрос, начавшийся в наше время» (МВ, 1860, 27 октября, № 232). Некрасов воспользовался этим, чтобы напомнить о его неразрешенности в течение трех лет.

³¹ В нем слышны громы Ювенала. — Древнеримский сатирик Д.-Ю. Ювенал (ок. 60—127) вошел в историю литературы с репутацией сурового обличителя и наставительного моралиста. В этом духе и выдержана развернутая в «Объявлении» «Времени» (см. предыдущее прим.) резкая оценка современной литературной жизни: «Критика пошлеет и мельчает», «Грошовой скептицизм, вредный своим влиянием на большинство, с успехом прикрывает бездарность», «Иногда только <...> нахальность и дерзость доставляет звание столпа» — и т. д.

³² Редактор-дама — Евг. Тур.

³³ ... фельетон «Ведомостей» — вероятно, «СПб. ведомостей» Краевского. Воскобойникова лай — см. с. 499, прим. 103.

³⁴ ... любимые статьи скучных журналов. — В стихотворных строках, к которым относится это примечание Некрасова, и в нем самом перечислены «ученые» публикации, теснившие во многих журналах освещение явлений живой современности (с этим систематически боролся «Свисток»): Кронеберг А. И. Суэзский канал. — «Атеней», 1858, ч. 4, июль — август, с. 472—482; Зундский пролив. — РВ, 1857, т. 8, март, с. 127—131; Щуровский Г. Е. Силурские и девонские рыбы в России. Соч. Пандера. — «Русская беседа», 1858, т. II, кн. 10, с. 4—62; см. также с. 466, прим. 10.

³⁵ ... ямбы Хомякова. — Имеется в виду стихотворение А. С. Хомякова «России» (1839): «Гордись, тебе льстецы сказали ... Не верь, не слушай, не гордись!»

³⁶ ... Пинто удалится. — В зале Петербургского Пассажа (принадлежавшем гр. Я. И. Эссен-Стенбоку) радикальный итальянский общественный и литературный деятель М. Пинто (1818—после 1887), с 1860 г. преподававший итальянский язык в СПб. университете, пытался организовать (в конце этого года) чтение цикла лекций «О Данте, его веке и его сочинениях».

³⁷ *Со треском небо развалится* — из стихотворения И. И. Дмитриева «Ермак» (1794).

НА РУБЕЖЕ СТАРОГО И НОВОГО ГОДА

Св. 7, с. 10—33. Автор — И. И. Панаев. Новый поэт — его постоянный литературный псевдоним. Автограф неизвестен. Цензорская корректура — в ПД (две полосы от начала до слов «совершенно лысый» — стр. 209, строка 22 св.). Ценз. разр. 14 января 1861 (подпись В. Бекетова).

Варианты корректуры

Стр. 197, строки 9—10 св. Этот абзац читается иначе: Чудная картина! Вот она — настоящая-то русская зима, со всеми своими фантастическими принадлежностями! Говорят, Ристори в восторге от зимы. Что же тут удивительного? И как будто нарочно для нее нынешняя зима явилась в Петербурге во всем своем трескучем и колючем величии и во всей своей леденящей поэзии!..

Стр. 198, строка 18 св. Далее следовал абзац: Вдоль гостиного двора по тротуару Невского проспекта тянутся разукрашенные с вечно зелеными колючими иглами ели, не боящиеся двадцатипятиградусного мороза.

Стр. 199, строки 20—21 св. Вместо «Ты во Франции дозволил рассуждать о тронных речах и не без благосклонности улыбнулся французской прессе» — «ты поставил в такое положение самого владыку Франции и до того смягчил его, что он дозволил рассуждать о своих тронных речах, дал право простым смертным (из которых состоит его законодательный корпус) выражать свое мнение». (Исправлено автором.)

Стр. 199, строка 12 св. Слова «закидать» и «шапками» набраны курсивом.

Стр. 199, строка 12 св. Автором зачеркнуто: одни мандарины, но видно плохо надеяться на *одни шапки!*..

Стр. 200, строка 1 св. Вместо фразы от слов «ты завел» в корректуре до конца абзаца зачеркнуто и исправлено: [несмотря на разные препятствия, подозрительные взгляды и неблагоприятные расположения к этому делу] Ты завел [тысячи] комитетов по поводу различных имеющих в виду реформ и улучшений. [Если из этих комитетов не выйдет ничего дельного, если они не приведут ни к какому результату, — то это уже будет не твоя вина, а вина тех почтенных ученых, специалистов и администраторов, которые заседают в них!..]

Стр. 201, строка 8 св. Вместо «перед мундирами» — «и что важнее всего — перед *господами в мундирах*. В каких прекрасных правилах воспитана наша малютка и какое значение имеют для нее мундиры!»

Стр. 201, строка 8 св. После слова «мундирами» зачеркнуто автором: [Вместе с полковником Лебедевым]

Стр. 201, строки 11—12 св. Вместо «Это открытие принадлежит нашему земляку петербургцу, что» — «Не будь малютки — гласности [и почтенного г. Лебедева, который вместе с другими своими журнальными собратами благосклонно протектирует и поощряет ее] — Москва до сих пор не знала бы, какими художественными сокровищами она владеет... Это открытие [г. Лебедева] (барельефы эти, говорят, появятся скоро в роскошном издании, на удивление не только всей России, но и Западной Европы)». (Зачеркнуто автором.)

Стр. 204, строки 19—20 св. После слов «по этому делу» следовало: и очень легко, что из всего этого возникнет процесс...

Стр. 204, строка 3 св. Вместо «один» — «один из замечательнейших писателей нашего времени».

Стр. 206, строка 13 св. публицист «нашего времени»

Стр. 207, строка 10 св. В корректуре: [генеральский] чин.

Стр. 208, строка 9 св. После слов «точку зрения» зачеркнуто автором: [«И чины также!» — подумал я.]

³⁸ *Чудная картина ... И блестящий снег ...* — стихотворение А. А. Фета из цикла «Вечера и ночи» [1842].

³⁹ *... покрытыми ... морозной пылью* — скрытая цитата из «Евгения Онегина» Пушкина, гл. 1, строфа XVI.

⁴⁰ *... в Галерной, ... на Песках* — упомянуты непарадные районы столицы, местожительство разночинного люда.

⁴¹ *карсель* — лампа со специальным механизмом для подачи масла в горелку.

⁴² *пейзаж Пуссеня* — Имеется в виду знаменитый французский живописец Н. Пуссен (1594—1665), мастер классицистических пейзажей.

⁴³ *... затронул вопрос о светской власти папы ...* — Население Папской области в Италии требовало присоединения к Пьемонту, власть Пия IX поддерживалась только силами специально размещенных в Риме французских войск. Гарибальди и правительство Сардинии предлагали отделить духовную власть папы от светской.

⁴⁴ *ты поколебал упорство габсбургского дома и заставил его прибегнуть к некоторым уступкам и реформам.* — 19 апреля 1860 г. австрийский император Франц Иосиф в письме на имя генерала Л. Бенедекка обещал, что «для империи откроется новая эра»; как совещательный орган при монархе был учрежден Государственный совет, было принято решение пересмотреть законы по делам печати; манифест и грамота императора от 20 октября 1860 г. известили страну о конституционных намерениях правительства.

⁴⁵ *... во Франции дозволил рассуждать о тронных речах ... улыбнулся французской прессе ...* — см. с. 505, прим. 29.

⁴⁶ *... в ... Германии пробудил ... стремление к единству.* — Имеются в виду первый съезд немецких юристов в Берлине (август 1860 г.), совещание Немецкого национального общества в Кобурге (сентябрь 1860 г.), где были заявлены требования общегерманского парламента и централизации под эгидой Пруссии. Другая идея: объединения разрозненных германских государств вокруг Австрии — была менее популярной.

⁴⁷ *... обнаружил ... бессилие Турции ...* — Речь идет о событиях в Сирии (см. с. 502), которые турецкое правительство не смогло предотвратить; в европейских дипломатических кругах и прессе началась кампания за широкое европейское вмешательство в дела Турции, предлагалось организовать протекторат над некоторыми ее территориями (Сирия, Палестина).

⁴⁸ *мандарины* — европейское наименование китайских чиновников (гуань).

⁴⁹ *... поднял... вопрос о постыдном невольничестве в Американских Штатах...* — После восстания в 1859 г. аболиционистов во главе с Д. Брауном, добивавшихся освобождения негров от рабства, в США особенно обострились противоречия между капиталистическим Севером и рабовладельческим Югом. Вскоре это привело к гражданской войне 1861—1865 гг., окончившейся победой Севера и отменой рабства.

⁵⁰ *Ты сделал первый шаг к нашему народному образованию ... завел тысячи комитетов и комиссий...* — 1) Воскресные школы для народа, где преподавание вела преимущественно студенческая молодежь, появились на Украине с 1859 г. Это движение быстро распространилось. Воскресные школы стали опорными пунктами революционно-демократической пропаганды в массах и уже в июне 1862 г. были закрыты по высочайшему повелению за «вредное направление, обнаруженное в некоторых из них» (см. МВ, 1862, 15 июня, № 130); 2) В 1860 г., кроме Редакционных комиссий по крестьянскому вопросу, работали комиссии для пересмотра податей и пошлин, для выработки проекта питейного акциза, комиссия о земских банках, узаконений о паспортах и т. д.

⁵¹ *... заставил Тургенева подарить нас ... повестями... оживил нашу сцену ... драмою Островского ... Из ... портфеля Гончарова ... вынул ... несколько страниц... доставил г. Авдееву за его «Подводный камень» тысячу ... поклонниц...* — В 1860 г. были опубликованы «Накануне» (РВ, январь, кн. 1—2) и «Первая любовь» («Библиотека для чтения», № 3) И. С. Тургенева; напечатана («Библиотека для чтения», № 1) и поставлена в московском Малом театре (16 ноября) «Гроза» А. Н. Островского; в № 2 «Современника» появились четыре главы из «Обрыва» И. А. Гончарова (под заглавием «Софья Николаевна Беловодова. Пять глав из романа «Эпизоды из жизни Райского»); там же (№ 10—11) М. В. Авдеев (1821—1876), второстепенный либеральный писатель 1850-х—1870-х годов, поместил роман «Подводный камень», посвященный злободневной теме женской эмансипации.

⁵² ... пригласил ... великую артистку ... — А. Ристори.

⁵³ ... бескорыстно для себя выхлопотал дозволение поставить ... «Свои люди — сочтемся». ... Пьеса А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» в течение 10 лет с момента первой публикации ее («Москвитянин», 1850, № 6) была запрещена для сценического представления. Разрешение состоялось (после переделок и исправлений) лишь в 1860 г. Премьера прошла 16 января 1861 г. в петербургском Александринском театре.

⁵⁴ ... из пожарных развалин ... цирка воздвигнул ... театр — На месте сгоревшего в начале 1859 г. «театра-цирка» был построен Мариинский театр.

⁵⁵ ... не мог совладать с водопроводной компанией ... — «Общество СПб водопроводов», начавшее работу в 1859 г., шло к финансовому краху: капитал был растрочен, росли долги, а недобросовестно выполненные работы требовали переделки. Оно надолго стало постоянной мишенью юмористов.

⁵⁶ Случевский и Апухтин — см. прим. 66.

⁵⁷ ... бить дам в вагонах ... — см. с. 489, прим. 12.

⁵⁸ ... дурачки ... вроде ... Ивана Яковлевича — негодяи... — Упомянут московский юродивый И. Я. Корейша, слухи «о чудесных подвигах» которого ходили по Москве и «поклонение» ему дошло «до непозволительного изуверства» (Вести и слухи. — МВ, 1860, 28 августа, № 188).

⁵⁹ г. Якушкина — см. Дополнения, с. 337—347.

⁶⁰ ... милую даму ... подносящую лавровый венок ... Гарибальди. — См.: Свидание с Гарибальди (из письма одной дамы). — МВ, 1860, 17 ноября, № 250.

⁶¹ ... преследовала калужских прогрессистов ... — См.: МВ, 1860, 24 сентября, № 207; 25 октября, № 230. Здесь и далее, следуя манере, прочно утвердившейся в «Свистке», Панаев перечисляет мелочные газетные выступления (главным образом, «Нашего времени», «Северной пчелы», «Московских ведомостей» и «СПб ведомостей») по поводу совершенно ничтожных происшествий, случайных печатных обмолвок и т. п.

⁶² ... описывала ... нос ... г. Грабянки... — См. «Рассказ очевидца о графе Грабянке (письмо М. Н. Лонгинову)» М. Муромцова. — РВ, 1860, т. 30. Современная летопись, ноябрь, кн. 1, с. 19—21.

⁶³ ... вступила в открытую борьбу ... с пожарными командами (астраханской и полтавской) ... — «Письма» из Астрахани и Полтавы о плохом состоянии пожарных команд в этих городах появились в «Московских ведомостях» (1860, №№ 113, 164, 184); вскоре последовали опровержения официальных лиц (№№ 174, 206, 212), ряд корреспонденций за и против каждого сообщения. Посторонний читатель газеты подытожил: «Читаешь — и изумляешься! Вот хоть бы статьи о полтавском и астраханском пожарах: что это за нить личностей, сплетен и лжи!» (Смирнов В. Заметка провинциала. — МВ, 1860, 12 ноября, № 246).

⁶⁴ ... ученость ... в спорах по поводу упраздненного города Никитска ... — Село Колычево Московской губернии переименовывалось в г. Никитск с 1781 по 1802 гг. — об этом шла долгая бессодержательная полемика между «Московскими ведомостями» и «Нашим временем».

⁶⁵ ... один из ... светильников ... церкви! — митрополит Санктпетербургский, Новгородский и Эстляндский Григорий.

⁶⁶ ... «Современник» печатал ... Случевского, Апухтина, Кускова ... — Стихотворения К. К. Случевского появились в №№ 1—3 журнала, П. А. Кускова (1834—1909) — в № 4, А. Н. Апухтин (1840—1893) публиковался там не в 1860, а в 1859 г. (№№ 9, 11). Произведения Кускова пародировал в «Искре» Г. Н. Жулев (1860, № 24), Случевского — Н. Л. Ломан (там же, №№ 8, 25) и Добролюбов в № 6 Св.

⁶⁷ ... в противоположность ученому редактору «Отечественных записок» (я говорю не о г. Дудышкине, а о г. Краевском) ... — С. С. Дудышкин (1820—1866) — либеральный литературный критик, сторонник теории «чистого искусства». Намек на «ученость» А. А. Краевского (1810—1889), который окончил Московский университет в 1828 г., имеет иронический характер: Краевский литературной деятельностью не занимался, и «ученость» его не имела повода проявиться.

⁶⁸ ... пародии для пародий ... неувенчанных, увенчанных обличительных и других поэтов ... явление ... жалкое... — «Обличительный поэт» — псевдоним Д. Д. Минаева (1835—1889), который на страницах «Искры» и «Светоча» не раз задевал Панаева. Кроме того в «Искре» выступали под псевдонимом «Скорбный поэт» — Г. Н. Жулев (1836—1878), «Неувенчанный поэт» — П. И. Вейнберг (1831—1908). На фоне блестящего расцвета па-

родии в «Свистке» («прутковские» и добролюбовские произведения), во многих стихотворениях поэтов-искровцев, действительно, стали обнаруживаться подмеченные Панаевым признаки кризиса жанра: беспредметная травестийная перелицовка классических образцов. Это проявилось у Б. Н. Алмазова («С похмелья жаждою томим Вкруг заведенья я влачился», «За все, за все тебя благодарю я, За стерлядей, за трюфели, за джин» — 1859), А. П. Сниткина («Я мрачно сидел за бутылкой» — 1859). Иногда не отвечали высоким требованиям и минаевские стихи.

⁶⁹ *Ко мне захаживал ... майор А. ...* — Упомянут эпизод из произведения Панаева «Внук русского миллионера» (см.: Сочинения Ив. Панаева. СПб., 1860, т. III, с. 367—368) и его герой — отставной майор Астафьев.

⁷⁰ *... познакомиться с гг. Львом Камбеком, кн. Н. Н. Голицыным ...* — Названы авторы газетных заметок о случае с Козляиновым (см. с. 489, прим. 12).

⁷¹ *Забелин* — см. с. 109.

⁷² *... г. Илья Арсеньев ожидает вызова к суду ...* — Реакционный журналист И. А. Арсеньев (1820—1887) дал в «Северной пчеле» (1860, № 155, см. также №№ 164, 167) анонимную критическую корреспонденцию о концерте в Павловском вокзале. Дирекция Царско-сельской железной дороги пригрозила автору судебным преследованием, однако своего намерения не выполнила.

⁷³ *... «Искру» выиграл какой-то гимназист ...* — В корреспонденции из Астрахани газета «Русский инвалид» (1860, № 144) обвинила устроителей местной лотереи в том, что один из призов (комплект «Искры» на 1860 г.) был утрачен. В ответ появилось письмо (МВ, 1860, 8 сентября, № 195), авторы которого утверждали, что выигравший «Искру» выпускник астраханской гимназии сам попросил выдать ему не журнал, а его денежную стоимость. По этому поводу между газетами возник спор.

⁷⁴ *... отличался в особенности один ...* — речь идет о Н. Ф. Павлове.

⁷⁵ *... не отсталые хоронили Мартынова...* — Выдающийся русский артист А. Е. Мартынов умер 16 августа 1860 г., его похороны вызвали манифестацию демократической молодежи, которая повлекла нападки консервативной печати.

⁷⁶ *... и Аскоченский говорит то же самое ...* — реакционный журналист В. И. Аскоченский (1813—1879) издатель анекдотически-мракобесного журнала «Домашняя беседа» (1858—1877) был своего рода «эталонном обскурантизма» не только для демократических, но и для либеральных литераторов.

⁷⁷ *... мне ... больно, что вы с таким пренебрежением изволите отзываться ныне об утопиях и общечеловеческих теориях ...* — На строках о человеке сороковых годов, пережившем свою былую приверженность к прогрессу, без сомнения, отразился раскол в «Современнике». О разочаровании Панаева в связи с этим в своих «старых друзьях», к которым он «до ослепления был привязан» вспоминала А. Я. Панаева (Воспоминания, М., 1956, с. 277—278). Эволюция В. П. Боткина, Е. Ф. Корша, М. Н. Каткова, К. Д. Кавелина, к 1860-м годам растерявших свободомыслие своей молодости, давала материал для этого обобщающего суждения об исторических судьбах дворянской интеллигенции.

⁷⁸ *«Мы проводники исторического направления ... «Мы будем изучать... народные свойства ...* Из объявления о подписке «Отечественных записок» на 1861 год (см. МВ, 1860, 13 октября, № 221).

⁷⁹ *... наши теории пользуются сочувствием просвещеннейшего меньшинства ...* — Из объявления об издании «Библиотеки для чтения» (см. прим. 83).

⁸⁰ *«Мы останемся верны ... направлению ...* — Из объявления об издании «СПб. ведомостей» на 1861 г. (см. МВ, 1860, 12 октября, № 220).

⁸¹ *... с ... 1861 года критическим отделом русской литературы в «Отечественных записках» будут заведовать С. С. Дудышкин и Андрей Александрович Краевский.* — Это извещение, сделанное в дополнении к подписному объявлению журнала (см. МВ, 1861, 3 января, № 2), вызвало сенсацию, ибо Краевский пользовался репутацией человека, который «в продолжение своей литературной карьеры не успел, за делами, сделаться литератором» (Достоевский Ф. М. Каламбуры в жизни и в литературе. — Полн. собр. худ. произв., т. XIII. М., Л., 1930, с. 354).

⁸² *... думали, что все критические статьи пишет сам Андрей Александрович ...* — О том, что Краевский любил «приписывать себе те из статей <...> которые обращали на себя особенное внимание публики», Панаев свидетельствовал в своих «Литературных воспоминаниях» (М., 1950, с. 341).

⁸³ *«Библиотека для чтения» ... успела счастливо соединить повесть Тургенева, драму*

Островского и драму самого редактора «Горькая судьбина», удостоенную Уваровской премии. — Панаев цитирует объявление А. Ф. Писемского «Об издании журнала «Библиотека для чтения» в 1861 году» («СПб. ведомости», 1860, 13 ноября, № 248), где упомянуты «Первая любовь» Тургенева и «Гроза» Островского. Уваровские премии, учрежденные в 1857 г. сыном николаевского министра просвещения графа С. С. Уварова (1786—1855) в его память, присуждались ежегодно за лучшие исторические труды и драматические произведения.

⁸⁴ ... один из героев «Нашего времени» по имени Феопотала. — Под псевдонимом «Феопотал» в газете Н. Ф. Павлова сотрудничал экономист, публицист Н. И. Сазонов (1815—1862), в молодости — участник герценовского кружка, политический оппозиционер.

⁸⁵ Камелия — нарицательное имя женщины легкого поведения.

⁸⁶ ... мои ... литературные собратья, так много занимавшиеся мною в последнее время ... пишут в честь мою стихи... — После выхода «Очерков из петербургской жизни Нового поэта» (2 ч., СПб., 1860), где были собраны прежние «современниковские» фельетоны Панаева, он стал мишенью ожесточенных нападок (см.: Непризнанный поэт <Вейнберг П. И.> Литература скандалов. — ОЗ, 1860, № 9, с. 29—37); А. Ф. Писемский, поместив в «Библиотеке для чтения», 1860, № 11 крайне резкую статью Н. Н. Воскобойникова, сам выступил с отрицательным отзывом во «Времени», 1861, № 1; к нему присоединились МВ, 1861, 17 января, № 13 (П. Литературные заметки); в «Светоче» (Страхов Н. Н. Письма о жизни, IV), 1860, кн. VIII, с. 32—37, также содержался пренебрежительный отклик на книгу, в него была включена «Ода петербургских камелий (посвящается Новому поэту)» Д. Д. Минаева.

⁸⁷ ... «Московский вестник» ... принял пламенного поэта, с ропотом любви, в свои объятия. — Речь идет, видимо, о Н. П. Грекове (1807(?)—1866), поэте, выступавшем еще в тридцатые годы и в 1860 г. опубликовавшем в еженедельной либеральной газете «Московский вестник» (№№ 3, 8, 10) несколько своих старых любовных стихотворений; «с ропотом любви» — скрытая цитата из заключительной строки лермонтовского стихотворения «Дары Терека» (1839).

⁸⁸ ... меланхолического господина ... прохаживавшегося ... с ... де-Молинали. — Речь идет о редакторе «Русского вестника» (где постоянно участвовал Молинали) М. Н. Каткове.

⁸⁹ Так, поздним хладом окруженный ... трепещет запоздалый лист ... — заключительное четверостишие стихотворения Пушкина «Я пережил свои желанья» (1821).

⁹⁰ Г. Григорович издал нелепейшие книжонки ... — речь идет о «Народных беседах», изданных Д. В. Григоровичем (1860), которые были подвергнуты дружной критике в большинстве газет и журналов.

⁹¹ «Академическая газета» — «Санктпетербургские ведомости», издававшиеся при Академии наук, соредактором которых с 1852 г. был Краевский.

⁹² ... автору «Мыслей об России» ... — Статья А. А. Краевского «Мысли об России», развивавшая, в духе «официальной народности», идею автономии русской истории от общеевропейского развития, напечатана в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»», 1837, № 1, редактором которых, начиная с этого номера, стал Краевский.

⁹³ ... подняли знамя шутовства своим «Литературным маскарадом». — «Литературный маскарад накануне нового (1852) года. Заметки Нового поэта» — пародийное обозрение русской литературы за 1851 г., помещенное Панаевым в С, 1852, № 1 с. 153—173.

⁹⁴ Шармер — петербургский портной.

⁹⁵ ... обиднее этого сравнения уж ничего быть не может... Я вздрогнул от боли. — Травля Панаева либерально-консервативной публицистикой определялась его принадлежностью к кругу «Современника». «В тех сферах, которые он выводил на посмеяние, Ивана Ивановича не только не терпели, но, можно сказать, ненавидели его» — писал позже В. А. Панаев («Русская старина», 1901, № 9, с. 501). Конкретным поводом данной кампании не только против книги, но и против личности Панаева (особенно — со стороны изданий Краевского), было появление его «Воспоминания о Белинском» (С, 1860, № 1, с. 335—376) и начало систематической публикации (там же, с № 1, 1861) «Литературных воспоминаний».

⁹⁶ ... «Светоч» ... похожий более на ... старинные масляные фонари ... — «Учено-литературный» журнал «Светоч» (1860—1862), пытавшийся «примирять» западничество и славянофильство, издавался Д. И. Калиновским, в нем принимали участие члены кружка

А. П. Милюкова (в том числе — Д. Д. Минаев). Эти выпады Панаева против «Светоча» вызвали полемический ответ В. С. Курочкина в «Искре», первоначально давшей отпор противникам Панаева (см.: «Поэты «Искры»», т. 1. Л., 1955, с. 157, 166—170, с. 734, 736).

⁹⁷ *певец хлыщей ... поэт камелий* — см. Письмо о жизни. IV. — «Светоч», 1860, кн. VIII, с. 34—35. Слово «хлыщ» (переогласовка народного новгородского «хлыст») — введено в литературный язык Панаевым, в 1854—1856 гг. писавшим цикл «Опыт о хлыщах».

⁹⁸ *... нельзя же мне говорить ... о «Борисе Годунове» ...* — Апологетическая статья Краевского о Борисе Годунове, помещенная в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара, т. VI, СПб., 1836 и в том же году вышедшая отдельным изданием, является одним из немногочисленных собственных литературных опытов Краевского.

⁹⁹ *... не пользовался чужою славой, не жил чужим трудом...* — Панаев намекает на хорошо известную русским литераторам 1840-х годов эксплуатацию Краевским В. Г. Белинского в период его сотрудничества (1839—1845) в «Отечественных записках»; об этих взаимоотношениях он подробно рассказал в памфлетном очерке «Петербургский литературный промышленник», первоначально опубликованном в С, 1857, № 12, с. 257—268, затем вошедшем в «Очерки из петербургской жизни Нового поэта» (ч. 2, с. 83—102), и в «Воспоминании о Белинском».

¹⁰⁰ *... сотрудники вашего журнала выставляли на позор Булгарина ...* — Бескомпромиссную борьбу с Ф. В. Булгариным на страницах «Отечественных записок» вели Белинский и Некрасов, Булгарин сам жаловался, что в этом журнале он «всегда на наковальне» (см. ЛН, т. 53—54, М., 1949; Некрасов Н. А. Соч., т. III, с. 3—8, 17—21).

¹⁰¹ *... имя Нового Поэта вышло из «Отечественных записок» ...* — См. ОЗ, 1843, № 1, Смесь; «Спешим обрадовать любителей всего высокого и прекрасного. Скоро на горизонте литературы <...> появится новый могучий поэтический талант <...> Но пусть о таланте нового поэта <...> судят сами читатели» (с. 53—54). «Новый поэт» стал постоянной иронической литературной маской, объединив все выступления Панаева в качестве поэта - пародиста, а также фельетониста и публициста журнала Краевского (затем «Современника»).

¹⁰² *... к ... тайнам петербургской журналистики, на которые намекает протокол общества пособия нуждающимся литераторам ...* — В «Протоколе 26 заседания Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым от 4 октября» Комитет, возражая против печатной критики своих действий, заявлял, что такие выступления «вредят целому Обществу в мнении <...> той части публики, которая не посвящена в тайны петербургской журналистики и петербургских литературных отношений» (МВ, 1860, 29 октября, № 234).

¹⁰³ *... растрепанный человек ... походил ... на Майерони ...* — А. Майерони — артист труппы А. Ристори, участник ее петербургских гастролей, выступавший в роли Олоферна в пьесе П. Джакометти «Юдифь». С ним сравнивается журналист, критик Н. Н. Воскобойников, сотрудник изданий Краевского и «Библиотеки для чтения» (ср.: «Он был малого роста, неловкий в движениях, чрезвычайно нервный, всегда небрежно одетый, с беспорядочной бородкой и длинной шевелюрой». — Боборыкин П. Д. Воспоминания, т. 1, 1965, с. 338). Далее упомянута его нашумевшая статья «Перестаньте бить и драться, гг. литераторы» — см. с. 499, прим. 103.

ОДА НА ВЫСЕЛЕНИЕ ТАТАР ИЗ КРЫМА

Св. 7, с. 33—34. Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. Цензорская корректура — в ПД. В изд. 1862, с. 522—523, перепечатано в составе «Свистка» № 6, под названием «Сирия и Крым» и с следующим предисловием Добролюбова: «Мы считаем себя счастливыми, что и начало нового своего поприща можем огласить лирою г. Лилиеншвагера, который с глубиной своего патриотизма и высотой таланта соединяет, как увидит каждый из читателей, и широту политических воззрений. Столь счастливое соединение этих трех качеств дает нам право надеяться, что в скором времени г. Лилиеншвагер, оставив мелочи общественных злоупотреблений, которые воспевать может и г. Розенгейм, обратит весь свой талант на предметы возвышенные и таким образом поровняется с г. Майковым и г-жею Павловою. Новое стихотворение его вызвано последними событиями в Сирии; но мысль поэта придала им, так сказать, новый смысл и новую прелесть смелым сопоставлением их с недавним движением крымских татар. Но вот само стихотворение».

со мною согласитесь, то я пришлю вам подробную биографию нашего скромного философа, сообщу его имя и пришлю экземпляр его сочинений — в ваше полное распоряжение».

Ответ редакции. Сделайте одолжение! (см.: Демченко А. А. Из творческой истории некрасовской части «Свистка». — В кн.: Н. А. Некрасов и его время. Вып. IV. Калининград, 1979, с. 149).

Стр. 216, стих 6. В корректуре вместо «неведомый» — «финансовый». (Вычеркнуто красным карандашом и написано чернилами на полях.)

¹⁰⁷ *Тур* — придворный мебельщик.

¹⁰⁸ *Вам Прутков говорит* — цитирован афоризм 5 из цикла «Плоды раздумья. Мысли и афоризмы» К. Пруtkова.

¹⁰⁹ *лаж* — надбавка к номинальной стоимости золотых денег, получаемая при обесценении бумажных ассигнаций (от итал. *laggio*).

ОТВЕТ НА ВОПРОС

Св. 7, с. 37—40. Автор — Н. Г. Чернышевский. Рукопись и корректура неизвестны. См. ПССЧ, т. VII, с. 588—591.

¹¹⁰ *«Кредит» г. Безобразова* — книга В. П. Безобразова (1828—1889) «Поземельный кредит и его современная организация в Европе» (1861).

¹¹¹ *Фельетонист «Петербургских ведомостей»* — Н. Н. Воскобойников.

¹¹² *«Машка Гамильтон» г. Семеvского.* — М. И. Семеvский выступил в ОЗ, 1860, № 9, с. 239—310 с «историческим очерком» «Фрейлина Гамильтон», полным «страшных цинизмов и отвратительных подробностей» (Н. А-а. Заметки. — МВ, 1860, 16 декабря, № 273).

¹¹³ ... *о вотяцком остроумии* — см. с. 443, прим. 21.

¹¹⁴ *«Альберт» гр. Л. Н. Толстого* ... — Повесть Л. Н. Толстого «Альберт» была напечатана в С, 1858, № 8, с. 365—392, но вызвала сдержанное отношение в его редакции.

¹¹⁵ ... *г. Геннадии поместил эти стихи в пьесе Пушкина* ... — см. с. 499, прим. 100.

¹¹⁶ ... *известному гр. Хвостову* ... — Упомянут Д. И. Хвостов (1757—1835), бездарный стихотворец, эпигон классицизма.

¹¹⁷ ... *не изучала исследований г. Буслаева* ... — Непосредственный источник пародии Чернышевского, по-видимому, статья Ф. И. Буслаева «О народной поэзии в древнерусской литературе» (МВ, 1859, 13—16 января, №№ 11—14), оснащенная обильным справочным аппаратом, содержащая многочисленные отсылки к героям древнескандинавской, немецкой и русской мифологии (они упомянуты и у Чернышевского), а также — весьма свободные лингвистические сближения («земля, в символическом образе коровы, происходит от быка. Этот миф <...> согласен с древнейшими представлениями индоевропейских языков, по которым понятия о земле и корове выражаются одним и тем же словом» — и т. д.).

¹¹⁸ *Г. Афанасьев в своих зооморфических божествах* ... — Афанасьев А. Н. Зооморфические божества у славян. — ОЗ, 1852, Науки и художества, № 1, с. 1—24, № 2, с. 95—118; № 3, с. 1—18.

¹¹⁹ ... *кроме Бай-Бороды* — см. с. 438, прим. 1.

¹²⁰ ... *мы говорим о статье* ... О. М. Бодянского. — Поводом выступления Чернышевского послужила статья: Ответ на вопрос. — МВ, 1861, 5 января, № 4. Ее автор — О. Бодянский (1808—1877), историк славянофильской ориентации, профессор Московского университета, секретарь Императорского Общества истории и древностей российских и редактор периодически издаваемых им «Чтений». Трехтомное издание их (М., 1860) было подвергнуто строгому разбору А. Н. Пыпиным (С., 1860, № 12, с. 265—272). Статья Бодянского — ответ на эту критику.

¹²¹ ... *автор «Глаголицы» и исследования о годе изобретения кирилловской азбуки?* — Имеются в виду: Московские глагольские отрывки. Соч. О. М. Бодянского, М., 1859; его же: О времени происхождения славянских письмен. М., 1855.

¹²² *Не родилась та рука заколдованная...* — цитата из поэмы Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837).

¹²³ *Пиши о варягах... и письмах Кэри к президенту Соединенных Штатов.* — Перечислены темы публицистических выступлений Чернышевского в «Современнике» (см. подробно по Указателю С).

¹²⁴ ... кончить ... визгом стесненной груди.— На это высказывание Чернышевского, намекавшее читателю на цензурные притеснения, отреагировал «Русский вестник» Каткова: «открылись балаганы с песнями и без песен, со свистом и даже с визгом, как выразился недавно один из этих свистунов» (это место сопровождается сноской: «Современник» № 1). (Несколько слов вместо «Современной летописи» — РВ, 1861, т. 31, январь, с. 479).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ

Св. 7, с. 41—44. Автор — Н. А. Некрасов, Автограф (беловая рукопись ранней редакции) — в ПД. В рукописи озаглавлено: «Литературная травля (отрывок из автобиографии Рудометова)» ¹⁴³. Перепечатано Некрасовым в сокращенном виде под названием «Литературная травля, или «Не в свои сани не садись»» и с датой «1860» в ССН (1874), с. 270. Впервые разночтения журнального варианта с изд. 1874 года отмечены С. И. Пономаревым в ССН (1879), т. IV, с. СХХIV—СХХVII.

Стр. 220, стихи 21—24. Это четверостишие в ССН (1874) отсутствует.

Стр. 220, стихи 33—37. Вместо этих стихов в ССН (1874):

Открыли перестрелку,
В своих мансардах сидя,
Попал я в переделку!
Так, заяц, пса увидя,
Потерянный метнется.

Стр. 220, стих 42. В ССН (1874) вместо «этой» — «адской».

Стр. 220, стих 44. В ССН (1874) вместо всей последующей части стихотворения напечатано заключительное четверостишие:

Увы! В родную сферу
С стыдом я возвратился;
Испортил я карьеру,
А славы не добился!..

¹²⁵ ... О, светские забавы! — Г. Геннади был обладателем крупного состояния, женился на фрейлине княжне Е. А. Куракиной, «прельстившись знатным происхождением» ее, много жил за границей (см. Иваск У. Г./Г. Н. Геннади (обзор жизни и трудов). М., 1913, с. 6—11).

¹²⁶ Какую-то Заиру / Позднейшего поэта.— Речь идет о трагедии Вольтера (М. Ф. Аруэ, 1694—1778) «Заира» (1732).

¹²⁷ ... пропустил Гамлета — Намек на то, что в составленном Геннади «Списке сочинений Гоголя» (ОЗ, 1853, т. СХ, № 9, отд. VII, с. 29—35) отсутствовали «Мертвые души», У. Г. Иваск попытался объяснить этот промах тем, что Геннади сосредоточился преимущественно на малоизвестных и ранних гоголевских произведениях.

¹²⁸ ... хватать брошюру.— Существовала ли такая брошюра, обнаружить не удалось.

¹²⁹ Что я сказал? Мальчишки.— Пренебрежительное наименование молодой революционной демократии «мальчишками» ввел в обиход М. Н. Катков (Несколько слов вместо «Современной летописи».— РВ, 1861, т. 31, январь, с. 482).

¹³⁰ Какой-то Бов — один из журнальных псевдонимов Добролюбова.

¹³¹ Я Гербея не стою? — Н. В. Гербель (1827—1883), поэт, переводчик, библиограф, сотрудничавший в демократических изданиях.

¹³² Де-Жеребцов, Мещерский, Де-Кокорев... — О Н. А. Жеребцове см. с. 480, прим. 23; князь Э. Мещерский, писавший французские стихи, издал собрание их в Париже («Les Boréales». Paris, 1839); В. А. Кокорев (к имени его — откупщика, выбившегося в люди удачной виноторговлей, Некрасов насмешливо прибавляет дворянскую частицу «де»), по распространенным слухам, участвовал в субсидировании газеты «Le Nord», выходившей на французском языке (см. ПССН, т. 2. М., 1948, с. 765). О самом Геннади было известно, что «в произношении» его «чувствовалось влияние французского языка, ему более привычного» (Русский биографический словарь. М., 1914, с. 392).

¹³³ С Булгариным... И ... Гречем/Истории такие/ Не так кончались ... — Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч, связанные с III отделением, пользовались его покровительством в своих журнальных делах и сводили счеты с литературными противниками при помощи политических инсинуаций.

¹³⁴ *Гаевский* — В. П. Гаевский (1826—1888) — литератор, библиограф, исследователь пушкинской эпохи, впоследствии председатель Литфонда.

¹³⁵ ... *Лонгинов напишет Статью* ... — М. Н. Лонгинов поддерживал и защищал от критики дилетантскую деятельность Геннади. Так по поводу издания сочинений Пушкина он писал: «К счастью, дело с первого раза попало в хорошие руки: распорядителем его сделался известный наш библиограф Г. Н. Геннади. Теперь дело это нельзя уже испортить, а разве только <...> совершенствовать <...> Заслуга Г. Н. Геннади достойна полного уважения и истинной благодарности ...» — и т. д. (*Лонгинов М. Библиографические заметки.* — МВ, 1860, 24 февраля, № 42).

ЧИНОВНИК И КУРИЦА

Св. 7, с. 44—45. Автор — Алексей Жемчужников. Автограф (черновая рукопись) и рукописная копия В. Жемчужникова — в ЦГАЛИ. В рукописи другое название — «Служащий (басня)», дата «1855» и пометка «для Пруtkова».

Косвенное подтверждение авторства Алексея Жемчужникова содержится в мемуарной литературе. «Лучшие сатирические его произведения — афоризмы, басни, юмористические стихотворения, — писал С. Старосивильский, — печатались им в «Современнике» за 1854 год и за 1861 год (№ 1), в «Искре» за 1859 и 1862 гг.» (*Старосивильский С. Памяти поэта — певца «гражданской доблести» Алексея Михайловича Жемчужникова.* — «Русская старина», 1909, № 7—9, с. 293). Цензорская корректура — в ПД. Это корректура Св. 4 и здесь прутковское произведение набрано под другим заглавием — «Чиновник (басня)».

Стр. 222, стих 6. В рукописи после «Хотя не видел никого», следовали строки, вычеркнутые в корректуре цензором:

И колыхалася на шее у него,
Как маятник, с короной Анна ¹⁴⁴.

Стр. 222, стихи 8—11. В рукописи вместо этих стихов:

Скорей беги! Ты знаешь,
Что экзекутор наш с той и другой ноги
Твой в чулан упрячет сапоги,
Коль ты хотя немножко опоздаешь!»

Стр. 222, стихи 16—21. В рукописи вместо этих стихов:

— Увы! ты также из служащих лиц?»
— А что? — «Признайся напоследок:
— Ты не лишен яиц?»
— Ничуть!» — «Так следуя примеру нас, наседок,
Зачем, как я, ты не сидишь на них?»
Чиновник, курицу узревши, эдак
Сидящую на яицах своих.

МЫСЛИ ЖУРНАЛИСТА

Св. 7, с. 45—46. Автор — Н. А. Некрасов (установлено по конторской книге «Современника», — ЛН, т. 49—50, М., 1949, с. 302). Автограф и корректура неизвестны.

¹³⁶ *Помысел самый опасный — Авторитеты карать!* — В программе журнала «Время» (см. с. 505, прим. 31) было заявлено: «в нашей журналистике в последние годы развилась какая-то особенная добровольная зависимость, подначальность литературным авторитетам <...> Мы решились основать журнал вполне независимый от литературных авторитетов <...> с полным и самым смелым обличением всех литературных странностей нашего времени». Впоследствии публицист журнала признал, что «несмотря на эту похвальбу, «Время» не отличилось никаким походом на авторитеты», его совершила «другая литературная партия <...> во главе которой стоял «Современник» (*Страхов Н. Н. Воспо-*

минания о Ф. М. Достоевском. — В кн.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 197).

¹³⁷ ... журналист, богатея, / Строил — то дачу, то дом. — Выпад по адресу Краевского, дом которого на Литейном проспекте, купленный на литературные доходы, неизменно упоминается в полемике с ним демократических журналов.

¹³⁸ Дорог ужасно Тургенев ... На Гончарова / романы Можно бы выстроить дом. — Стихотворение написано от лица постоянного антагониста «Современника», издателя «Русского вестника» М. Н. Каткова: Майков и Фет (см. выше) часто публиковались в его журнале, там же в 1860 г. появился роман «Накануне» Тургенева. Вероятно, Некрасову был известен и недавний эпизод с И. А. Гончаровым, о котором М. Н. Катков писал А. В. Дружинину 30 ноября 1860 г.: «Гончаров доставил мне отрывок из своего нового романа <...> Но беда вот в чем: Гончаров желает получить за этот отрывок гонорарий <...> по 400 р (ублей) с (еребром) за лист <...> деньги, которыми я распоряжаюсь, доверены мне публикой для того, чтобы я делал из них достоподобное употребление, а не <...> бросал их на ветер» («Летописи Гослитмузея. 9. Письма к А. В. Дружинину», М., 1948, с. 150). М. Н. Катков сделал вид, что не понял иронии, адресованной себе: он дважды (РВ, 1861, т. 31, январь, с. 481; там же, 1861, т. 33, июнь, с. 154) выражал «сожаление», что «изменился тон Современника о некоторых писателях, в честь которых еще так недавно пламени жертвенники в этом журнале. В последнем номере его напечатано между прочим элегическое стихотворение, в котором изливаются скорбные сетования на дороговизну произведений Тургенева».

¹³⁹ Молинали — см. с. 466, прим. 15.

¹⁴⁰ Если поправишь работу, / Рассвирепеет как зверь! — Редакторское своеволие Каткова стало предметом шумного публичного обсуждения: «Почтенные авторы, получая книжки «Русского вестника», не узнают своих собственных произведений», редакция «исправляет, дополняет, уменьшает, переиначивает, критикует и осуждает статьи» своих сотрудников (Май И. Краткое сказание о последних деяниях «Русского вестника». — МВ, 1860, 19 мая, № 109).

¹⁴¹ ... как татары из Крыма / Вон из журнала бегут ... — В 1857 г. произошел разрыв Каткова с Б. Н. Чичериным и Е. Ф. Коршем, в 1860 г. от журнала отошли Г. В. Вышинский, Е. М. Феокистов, Б. И. Утин, Евг. Тур, Н. М. Благовещенский. В «Русском вестнике» была сделана попытка доказать, что все сотрудники остаются при нем; «Московские ведомости» злорадно отвечали: «В том-то и дело, что не остаются. Не трудно заметить всякому, что от «Русского вестника» отходят по очереди разные сотрудники. Через этот журнал прошли почти все русские литераторы, но многие прошли и не возвращаются более» (Май И. Объяснение «Объяснения» Русского вестника. — МВ, 1860, 22 июня, № 137).

¹⁴² Решились мы оставшихся спасти — см. с. 512, прим. 165.

¹⁴³ отрывок из автобиографии Рудометова, — Фамилия имеет скрытое значение, от старинного: метать руду — пускать кровь.

¹⁴⁴ С короной Анны — Орден св. Анны до 1874 г. жаловался с короной или без нее, первый считался высшей степенью.

СВИСТОК 8

Впервые — С, 1862, № 1, с. 1—61 (особой пагинации). Ценз. разр. 2 января и 2 февраля, вып. в свет 8 февраля 1862. Цензор — Ф. Еленев.

5 марта 1861 г. был объявлен Манифест 19 февраля об освобождении крестьян. Готовившаяся несколько лет реформа стала реальностью. Анализ событий первого в жизни страны пореформенного года дал материал «Свистку» № 8.

В центре его оказались вопросы о политической роли «дворянского сословия» после отмены крепостного права, о сближении, в ходе непосредственного осуществления реформы, позиций либерального дворянства с устремлениями консервативно-помещичьих сил. Другой стержень номера — защита демократии от травли, которой ее дружно подвергла в 1861 г. и реакционная, и либеральная печать.

Отделяются от общего проблемно-тематического русла только «Выдержки из путевых эскизов. Стихотворения К. Лилиеншвагера» Добролюбова, образующие серию набросков к занимавшей его теме «русские за границей».

Вступительная статья «Свисток, восхваляемый своими рыцарями» (и связанное с ней стихотворение «Свисток ad se ipsum») дают возможность уяснить отношения в прессе к «Современнику» и его сатирическому «спутнику»: «Свисток» являлся вновь после годичного перерыва, а именно 1861 г. оказался поворотным в судьбе многих органов русской печати.

На протяжении этого года совершился решительный переход М. Н. Каткова и его изданий от недавнего умеренного либерализма к твердой и последовательной защите консервативных начал. С 1861 г. «свой новый критический отдел» (после выделения «Современной летописи» в самостоятельную газету. — А. Ж.) «Русский вестник» «начал ненавистью к «Свистку», — заметило «Время». — Везде у него «Свисток», в каждом факте нашей литературы он видит «Свисток», в истории тоже, даже на будущность России имеет, по его мнению, ужасное влияние «Свисток»¹. Нерасположение к «Современнику» журнал Каткова выражал давно, но только с этого года включил в свой полемический арсенал постоянные политические инсинуации против «мальчишек-свистунов» (см. подробнее в примечаниях).

Серьезно осложнились отношения «Современника» и с журналом братьев Достоевских. В течение 1861 г. их противостояние еще не было последовательным: стремившийся к «решительному» разрыву Н. Н. Страхов встречал «со стороны редакции <...> сначала маленькое сопротивление»; «похвала свисту», появлявшаяся порою в журнале «Время», «вообще <...> выражает вовсе не мои вкусы», — вспоминал он позже, — а «принадлежит Федору Михайловичу, и я уступил его довольно горячему настоянию. Скоро, впрочем, всякие поправки такого рода вовсе прекратились»².

К 1861 г. относится и отмеченный в добролюбовском вступлении любопытный опыт, борьбы со «Свистком» его же оружием: учитывая огромный читательский успех демократической сатиры, «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» пытались организовать у себя юмористические отделы для осмеяния идеалов «Современника».

Вводная статья напоминала читателю-другу трудные обстоятельства существования «Свистка» в атмосфере враждебности и глумления и ориентировала на внимательное чтение «между строк»: к эзоповскому иносказанию авторам здесь пришлось прибегать еще чаще, чем в предыдущих номерах.

В статье «862—1862, или Тысячелетие России»³ дебютировавший в «Свистке» Г. З. Елисеев оттолкнулся от факта предстоящего (в сентябре 1862 г.) празднования тысячелетия России, к которому деятельно готовились официальные круги. Охранительный характер торжества, призванного подогреть преданность «престолу и отечеству», обусловил ироническое отношение к нему «Современника», «Колокола», «Искры». Сочетая глубокую историческую ретроспективу (к ней обязывала тема) с возвращением к сюжетам первых номеров «Свистка», вышедших три года назад (еще в дореформенную пору), поверяя вопросы, поставленные тогда, опытом прошедшего времени, Елисеев утверждал, что «из вопросов так называемых главных, коренных не решен еще положительно ни один». Поскольку факт освобождения крестьян — главное событие минувшего года — вообще не упоминался автором среди признаков отечественного «прогресса» за тысячу лет, читателю подсказывалось, что и этот великий вопрос не решен тоже.

Смысл современной борьбы идей вокруг него Елисеев очень удачно разъяснил с помощью понятия «моды», доказывая, что новые — революционно-демократические — идеалы вызваны самой жизнью, их рост и распространение совершились по ее объективным запросам. Сравнив тернистый путь утверждения этих идеалов в современной действитель-

¹ Достоевский Ф. М. «Свисток» и «Русский вестник». — В, 1861, № 3, Полемическая смесь, с. 73.

² Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. — Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 235.

³ Ее заглавие повторяло заглавие напыщенной статьи «СПб. ведомостей», на которую «Свисток» делал ссылки.

ности с историей зарождения христианства, он намекнул на судьбу революционных «мучеников» шестидесятих годов: осенью 1861 г. русская демократия уже испытала на себе удары реакции (каторжная ссылка М. И. Михайлова, следствие над П. Г. Зайчневским и П. Э. Аргиропуло, арест В. А. Обручева, заключение в Кронштадт 200 участников студенческих волнений). И «Свисток» сумел сказать читателю о том, что мартиролог шестидесятников открыт.

Два из шести опубликованных произведений: «Реквием. Рано погибшим надеждам» Елисеева и «Былина» М. А. Воронова посвящены Б. Н. Чичерину. Это делает Чичерина (в сочетании с многократными упоминаниями о нем в статье «862—1862» и в «Опытах открытий и изобретений» Чернышевского) главным героем номера. Ученик Т. Н. Грановского (памяти которого была посвящена магистерская диссертация Чичерина), самый молодой и, безусловно, яркий профессор Московского университета, своей позицией в «студенческой истории» 1861 г., печально знаменитой «вступительной лекцией», излагавшей, по словам Герцена, «философию рабства» (см. подробно в примечаниях), он давал для сатирической критики много материала, которым и воспользовался Елисеев.

Но главное заключалось в том, что учено-журнальная деятельность и общественное поведение Чичерина концентрированно выразили стремление дворянско-монархических идеологов и после отмены крепостного права найти наивыгоднейшую «комбинацию <...> общественных и политических элементов», «составляющих <...> силу» дворянства⁴, «когда одна поддержка здания исчезла <...> укрепить его на новых столбах»⁵, — как выразился сам Чичерин. В заботах об этом издания Каткова и «Наше время» Павлова, где выступал Чичерин, вели дискуссию между собой. Катков находил, что, «не дожидаясь роковых приговоров истории», русское дворянство должно «сблизиться» с другими сословиями, чтобы сохранить гегемонию над ними⁶; Чичерин, напротив, с той же целью «составил целую теорию, как бы замкнуть дворянство покрепче от всех других сословий»⁷. Этому спору (отраженному в «Былине») «Современник» уделял серьезное внимание, считая «самым важным вопросом» развенчание политических претензий русского дворянства⁸.

С этой проблематикой непосредственно связано выступление Чернышевского: «Опыты открытий и изобретений. Г. магистр Н. де Безобразов — псевдоним!» Каждая из двух частей его статьи опирается на разные факты злободневной современности.

В центре первой — студенческое движение, против которого единым фронтом выступили и «аттестованные» реакционеры (вроде соредактора Каткова, «духовно слившегося <...> воедино» с ним)⁹ П. М. Леонтьева), и «молодая профессура» Московского университета во главе с Чичериным, и недавний сотрудник «Современника», бывший друг Чернышевского, профессор петербургского университета Н. И. Костомаров (которому в 1860 г. «Свисток» помог выиграть в глазах общественности спор с Погодиным — см. № 4, № 5).

Конкретным поводом второй части статьи было появление в славянофильской газете «День» (1861, № 7) статьи Д. Ф. Самарина «Уставная грамота». Подписание уставных грамот — актов размежевания крестьянских и помещичьих земель — почти повсеместно проходило при серьезном сопротивлении крестьян, которое нередко подавлялось военной силой. Дворянские круги интерпретировали этот факт как проявление «мужичьей неблагодарности»: «Многие указывают на преувеличенность требований крестьян <...> рассказывая притом, что добровольных соглашений крестьян с помещиками ожидать нельзя, что недоверие между обеими сторонами достигло крайних пределов и крестьяне в самых заботливых облегчениях, в самых щедрых уступках, делаемых им помещиками, видят какую-то ловушку»¹⁰. Реакционеры откровенно требовали принудить крестьян принять невыгодные для них условия. Но с таким же, в сущности, предложе-

⁴ «Современная летопись», 1862, № 3, 17 января, с. 15—17.

⁵ Чичерин. Б. Русское дворянство. — НВ, 1862, 9 января, № 5.

⁶ «Современная летопись», 1862, № 1, 3 января, с. 21.

⁷ Внутреннее обозрение. — С, 1862, № 2, с. 366.

⁸ Там же, с. 355.

⁹ Мещерский В. П. Мои воспоминания, ч. 1. СПб., 1897, с. 263.

¹⁰ НВ, 1862, 3 января, № 1.

нием выступил и Самарин, имевший давнюю славу либерала, поборника «освобождения крестьян с землею», которого дворянские ретрограды «считали <...> утопистом»¹¹.

Чернышевский справедливо увидел в этих разнородных фактах единый политический смысл: союз либерализма с реакцией; обе части статьи он объединил общим эпиграфом (заимствованным из фольклористического труда), который разъяснял читателю, что либеральные «упыри», сохраняя «человеческий вид», более опасны, чем крепостнические «оборотни», ибо первых не «столь легко» разглядеть.

Форму статьи и псевдоним, под которым она появилась (Эфиоп), Чернышевскому подсказало одно из выступлений «Нашего времени»: 9 января 1862 г. в газете (№ 5) было помещено «Письмо к редактору» некоего «Готтентота», наполненное проклятиями «Современнику», который, якобы, установил литературный террор: «Не смей вымолвить слова, не смей сказать ничего, что у тебя на душе». Начало письма («Позвольте мне довести до сведения публики посредством вашей газеты две-три мысли, которые я считаю великими истинами»), по-видимому, и подало Чернышевскому идею статьи об «открытиях».

«Свисток» № 8 вызвал крайне резкую критическую реакцию: в «Обзрении русских журналов за январь месяц» («Северная почта», 1862, 27 февраля) В. К. Ржевский дал такой отзыв о статье Чернышевского, который даже умеренный и мало расположенный к Чернышевскому Никитенко характеризовал как «ругательства и плоскости», «шутки дубового свойства»¹². «Отечественные записки» возвращались к «Свистку» в нескольких номерах. В «Письмах об изучении безобразия» А. В. Эвальда утверждалось: «Путь безобразия открыт с обеих сторон: с одной стороны «Наше время» и компания, с другой — новейший «Свисток» и компания открыли уже поход: оно — против человеческих идей, он — против человеческих чувств»; господствующей в «новейшем «Свистке» объявлялась «насмешка <...> тупая, грубая, циническая»¹³. Эти резкие оценки были повторены и умножены в двух последующих номерах журнала¹⁴.

«СВИСТОК», ВОСХВАЛЯЕМЫЙ СВОИМИ РЫЦАРЯМИ

Св. 8, с. 1—12. Авторы — Н. А. Добролюбов, Г. З. Елисеев и Н. Г. Чернышевский. Автограф Добролюбова — в ПД (часть наборной рукописи от начала до слов «Наш язык, и что такое свистуны» — стр. 228, строка 11 св. и от слов «Самой модной стала улица» стр. 520, строка 27 св. до конца). Рукописи Елисеева и Чернышевского неизвестны. Об их участии в составлении статьи свидетельствует Н. К. Михайловский: «Елисееву пришлось отчасти заменить Добролюбова в январском «Свистке» за 1862 г. После смерти Добролюбова осталось вступление к этому номеру «Свистка». Продолжение к нему приделано главным образом Елисеевым и отчасти Чернышевским» (Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. Т. I, СПб., 1890, с. 459—460). В изд. 1862, с. 572—582, Чернышевский, восстанавливая первоначальное расположение материала, поместил стихотворение «Свисток ad se ipsum» на первом месте.

Стр. 225, строка 6 св. В изд. 1862 вместо «Как, например,» — «В прошлом году, например, как».

Стр. 227, строка 8 св. В изд. 1862 вместо «В 1861-м году» — «В прошлом году».

Стр. 229, строки 1—2 св. В изд. 1862 вместо «не уронит их ученого достоинства» — «не скомпрометировала бы даже покойного «Атенея»».

¹¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания, с. 101—102. Любопытно, что даже в этой статье Д. Самарин для крепостников оказался чересчур «передовым» и против него решительно выступили с протестующими письмами в редакции поборники дворянских интересов В. Замятин (Несколько мыслей по поводу статьи Д. Ф. Самарина «Уставная грамота». — МВ, 1861, 31 декабря, № 286), Н. Сушков (Крестьяно-помещичье дело. — НВ, 1862, 23 февраля, № 40).

¹² Никитенко А. В. Дневник, т. 2, с. 260.

¹³ ОЗ, 1862, № 2, с. 37, 43.

¹⁴ Там же, № 3. Письма об изучении безобразия, с. 129, 136—137. Там же, № 4. Все и ничего, с. 226.

Стр. 229, строка 11 св. В изд. 1862 после слов «в наблюдательном положении» поставлена точка и далее следовало: «А наблюдения привели нас прямо к мысли, что не только вообще «Свисток» понадобился, оказался необходимым в журналах, но что именно такой «Свисток», какого рыцарями состояли мы. В балаганных отделах всех журналов мы заметили сильнейшее подражание или, лучше сказать, желание подражать нашему «Свистку», потому что — мы не можем скрыть истины — подражание вообще не удавалось. Например, «Свисток» состоял всегда из прозы и стихов: «Темный человек», «Ненужный человек» и «Праздношатающийся» тоже усиливались кропать стишки в подражание «Свистку». Что писали они свои стихи не по вдохновению, а единственно из подражания, это уже видно из того, что, например, ни «Темный человек», ни «Праздношатающийся» писать стихов решительно не умеют и, как видно, убиваются над ними страшно, ломая и смысл, и ударение, и размер подчас. От прошлого месяца, например, осталось у нас в памяти два стиха:

Здесь мажет дом повешенный
На воздухе маляр.

Согласитесь, что надо уж очень хотеть, вопреки своей природе, вклеить в свою болтовню стихотвореньице, чтобы допустить столь двусмысленные стихи...

А вот сейчас принесли «Русское слово». Что там? Опять над стихами мучится «Темный человек»! Этот имеет даже претензии на оригинальные рифмы, которые так удаются Конраду Лилиеншвагеру, и что же у него выходит:

Все пред оперой волнуется;
Тамберлик войдет лишь в дверь,
Рукоплещут все в поту лица.
Самой модной стала улица
Итальянская теперь.

Заметьте, что *волнуется* тоже рифмуется с *улица*, как и в *поту лица*... А то еще мы встретили рифму: *советница* и *заметятся*... Видно, что у «Темного человека» охота смертная, да участь горькая... И по всей вероятности, сочиняя свои стихи, он проклинает «Свисток», который ввел в моду обычай вдохновляться иногда среди прозаической речи...

Но за «Свисток» наш — поэт, творец в некотором смысле, а эти господа — несчастные Вагнеры свистопляски... Мы теперь не колеблемся назвать их Вагнерами, потому что «Свисток» возвышен на степень самостоятельной науки и в то же время высокого искусства: ¹²³ толпы подражателей дали нам самим почувствовать, сколько было творческого в его гениальной простоте и непринужденности...

Вы уж одно то возьмите: он был свободен и не подчинен никаким человеческим расчетам: являлся он, когда хотел, пропадал, когда ему вздумается. Вы не знали, что его вызовет: когда ему не хотелось выходить, он оставлял без внимания и юбилей князя Вяземского, и безобразный поступок «Века» ¹²⁴, и протест московских профессоров против г. Аскоченского ¹²⁵, и даже такие вещи, которые прямо к нему были близки. А иной раз появлялся так себе, без всякого особенного повода. Вот и теперь: вы думаете, конечно, что его вызвала ревизия дел Главного общества железных дорог, открывшая столько забавного и диковинного? Или, еще скорее, полемика с «Отечественными записками»? Чего доброго, вы подумаете, что и выход книжки затем задержали, чтоб успеть тотчас же отвечать гг. Альбертини, Бестужеву-Рюмину, Громеке ¹²⁶ и пр. и пр. на все их обвинения против «Современника» и «Свистка», поглотившие весь августовский номер «Отеч. записок»? Ошибаетесь, книжка запоздала совсем по другим причинам, и мы наверное знаем, что ни один из членов редакции «Современника» не читал еще последнего номера «Отеч. записок» — трое потому, что их нет в Петербурге и до них августовские журналы еще не дошли, а четвертый потому, что он всю неделю, протекающую от выхода «Отеч. записок» до выхода «Современника», не имел минуты свободной, проводя все время в хлопотах, разъездах и справках, необходимых для выпуска книжки. А «Свисток» явился так себе: умилился от созерцания собственного величия и захотел поведать о том любезной его публике. Вот и все.

Подражатели же его, как все подражатели, немедленно впали в рутину: сочли необходимым являться каждый месяц, непременно говорить о том, о чем все говорят, подбирать всякие новости, особенно скандальные... Рутинная, и больше ничего... Статский со-

ветник Салатушка был самостоятельнее прочих, так зато он исчез давным - давно, может быть, тоже подражая «Свистку», только на время ¹²⁶а...

Но главное — никто из подражателей «Свистка» не мог до сих пор отыскать себе нового содержания. Не только идеи все те же, какие он провозглашает столько времени тому назад, не только предметы насмешек и разговоров те же, но даже манера та же самая, выражения иные — и те заимствованы, а ежели какое и выдуманно вновь, так это сейчас и видно. «Свисток», например, начал свое скромное поприще похвальными замечаниями относительно некоторых ученых, поднявших гвалт из-за статейки «Иллюстрации», и потом время от времени выказывал свое благоговение перед некоторыми почтенными именами. Оные его превратно поняли, возненавидели за это и даже обвинили в созидаании каких-то новых кумиров (см. «Русский Вестник»). Но другим это понравилось, и «Свисток» много раз получал самые лестные знаки одобрения от авторитетных лиц, которые в нем никогда не были упомянуты... Теперь подражатели его хотят отличиться в том же роде — почтительностью к ученым; но как у «Свистка» уважение к почтенным людям было уж в характере, скромность и вежество — приращенные, а у этих господ искусственные, выученные, то, разумеется, у них и выходит совсем не то. «Свисток» — видите ли — до того уважал ученых, что даже если сам пускался в ученость, то исполнялся глубокого уважения и к самому себе; он тогда разговаривал с учеными —

Как вольный с вольным, равный с равным.

Это-то и было прелестно — эта наивная удаль и самоуверенность, вместе с юношескою скромностью... Но этого-то и не поняли его подражатели: они просто подумали, что он говорит все насмех, от того до сих пор у них и находите только восхваления ученых, в которых заметна великая охота говорить иронически, а силы-то никакой нет, так что восхваление и остается восхвалением, а иначе прямо уж переходит в плоскую дерзость. «Свисток» от иных научных занятий приходил в такое благоговение, что требовал даже, чтоб никто за подобные занятия не смел и браться; он хотел тут оправдания известных слов: *ils sont sacres car personne n'y touche* *... И тут его не поняли подражатели, и до сих пор некоторые накидывают на себя какую-то притворную наукобоязнь, что у них выходит даже не остроумно...

Одно время «Свисток» допустил при себе другой элемент: он сам был кроток и доверчив, а возле него явился демон, воспетый г. Лилиеншвагером и не веривший ничему. Это раздвоение подхвачено и подражателями¹²⁷, и некоторые из них постоянно пишут в двух лицах: сам автор представляется простодушным, но у него есть приятель скептик и пессимист...

На этом текст в изд. 1862 обрывается, и Чернышевский сделал сноску: «Статья осталась недоконченною (*Прим. издат.*)». В ССД, т. 7, с. 582 после слов «скептик и пессимист» следовало (по рукописи): «Иногда этого оказывалось недостаточным, приходилось прихватывать третьего приятеля, четвертого, наконец целую компанию, чтобы выразить разные оттенки мысли! — явная мелочность, свидетельствующая об отсутствии сильной творческой мысли. И самые предметы...»

Стр. 232, стих. 30. В изд. 1862: И жалких затворников высвиснул к воле.

¹ ...официально признан он ... только «Русским словом» и «Временем»... — Имеются в виду выступления против «Свистка» в «Дневнике Темного человека» (Д. Д. Минаева) — РС, 1861, №№ 8, 10 и углублявшееся расхождение между «Современником» и «Временем», которое выразилось в частых полемических упоминаниях последним «Свистка» (<Достоевский Ф. М.> «Свисток» и «Русский вестник». — В, 1861, № 3, Полемическая смесь, с. 73—84; Н. К. <Страхов Н. Н.> Нечто о петербургской литературе (письмо к редактору «Времени»). — Там же, № 4, с. 121; <Достоевский Ф. М.> Ответ «Русскому вестнику». — Там же, № 5. Смесь, с. 18—19; Н. К. <Страхов Н. Н.> Нечто о полемике. — Там же, № 8, с. 134—136.

² ...вывести из своего «Литературного обозрения» — ни статей г. Юркевича, ни рассуждений о том, что такое свистуны. — Юркевич П. Д. (1827—1874) — реакционный

* О ни священны, ибо никто их не касается (*франц.*). — Ред.

философ, профессор Киевской духовной академии, а с октября 1861 г. — Московского университета; РВ популяризировал и изложил в обширных извлечениях его статью, напечатанную в «Трудах Киевской духовной академии», «Из науки о человеческом духе», где Юркевич пытался опровергнуть идеи философского материализма (Литературное обозрение и заметки. — РВ, 1861, т. 32, апрель, с. 79—105; Литературное обозрение и заметки. — Там же, т. 33, май, с. 26—59). Кроме того, упомянута статья «Наш язык и что такое свистуны» (РВ, 1861, т. 32, март, с. 1—37), где путем туманных силлогизмов намекалось, что «свистуны» — проводники враждебной «польской стихии» и враги отечества.

³ ...пойти «честным путем изучения и разработки материалов» — Из объявления об издании «Отечественных записок» (см. с. 503, прим. 15).

⁴ ...напечатал статью о наследстве ... Лохвицкий ... доказал... — См.: Кавелин К. Д. Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования. ... Речь, произнесенная в торжественном собрании СПб. университета. — С, 1860, № 2, с. 455—540; Лохвицкий А. В. Сравнительный метод в праве и речь г. Кавелина. — ОЗ, 1861, № 1, с. 1—28; его же: Нечто о выписках и о способе доходить до высших результатов путем самостоятельного мышления (Ответ г. Кавелину). — Там же, 1861, № 1, с. 1—17.

⁵ ...«Об антропологическом принципе философии» — Статья Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии» опубликована: С, 1860, № 4, с. 329—366; № 5, с. 1—46.

⁶ ...статейка «Нечто об естественном сомнамбулизме и гипнотизме» — См.: Мори А. Об естественном сомнамбулизме и гипнотизме. — ОЗ, 1861, № 6, с. 363—384.

⁷ ...«Майора» г. Кулиша ... — См.: Кулиш П. А. Майор. Малороссийская повесть. — РВ, 1859, т. 19, январь, кн. 1, с. 146—180, кн. 2, с. 279—336; февраль, кн. 1, с. 453—500.

⁸ ...исследованием г. Пекарского о Кондратовиче... — См.: Пекарский П. П. Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист 18 столетия. — С, 1858, № 6, с. 452—484.

⁹ кварталный Свистунов — персонаж «Ревизора» Гоголя (1836).

¹⁰ «Revue des deux Mondes»...«Rivista Contemporanea». — Упомянуты европейские учено-литературные и политические издания (см. подробно: ССД, т. 7, с. 617).

¹¹ Он ... печатал дельные статьи... — Выступления перечисляемых далее авторов см. по Указателю С.

¹² Маколей Т.-Б. — английский историк (1800—1859).

¹³ «Современник» обратился к Китаю... — См.: Обручев В. А. Китай и Европа. — С, 1861, № 1, с. 319—366.

¹⁴ В 1861-м году водворился новый «Век» в русской литературе. — Умеренно-либеральный еженедельник «Век», выходивший в 1861—1862 гг. под ред. П. И. Вейнберга (1831—1908) при сотрудничестве А. В. Дружинина, возглавившего литературный отдел, К. Д. Кавелина (юридический), В. П. Безобразова (экономический), получил на первых порах поддержку Некрасова, написавшего о нем в С, 1860, № 12 («Новая газета «Век» с 1861 г.) и принявшего участие в первом номере. Затем выяснилось намерение нового издания противостоять «Современнику», но по своей бесцветности оно не смогло этого сделать; Тургенев, вначале благожелательный к нему, вскоре признал: «А «Век»-то, «Век»! Хуже этого нашего журнала еще не бывало» (Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. IV, с. 278).

¹⁵ Отчего же «Веку» позволяет заниматься чернокнижием... — См. с. 508, прим. 22.

¹⁶ ...журналы ... которые наиболее стараются походить на «Revue des deux Mondes» ... — Намек на «Русский вестник», который выходил двумя выпусками «каждое первое и пятнадцатое число месяца (по образцу Revue des deux Mondes)» — см. «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», 1957, с. 52.

¹⁷ «Записки Праздношатающегося» — «Заметки Праздношатающегося», автором которых был в ОЗ М. П. Розенгейм.

¹⁸ «Заметки Темного человека» — «Дневник Темного человека» вел в «Русском слове» Д. Д. Минаев.

¹⁹ «Воззрения, чувства и наблюдения статского советника Салатушки» — фельетонный цикл А. Ф. Писемского «Мысли, чувства, воззрения, наружность и краткая биография статского советника Салатушки» в «Библиотеке для чтения» (1861, №№ 1, 2, 3).

²⁰ ...о Рашели и Ристори... — Споры о достоинствах французской трагической актрисы Э. Рашели (1821—1858) и итальянской — А. Ристори велись в связи с гастролями последней в Петербурге (см.: Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2-х т., т. 1. М., 1965, с. 300—301).

²¹ Неужели ты не имеешь сердца? — О том, что «у наших свистунов нет сердца», писали ОЗ (Современная хроника России. — 1861, № 5, с. 21).

²² ...«Записками Ненужного человека» — Имеется в виду статья Ап. Григорьева «О постепенном, но быстром и повсеместном распространении невежества и безграмотности в российской словесности. (Из записок ненужного человека)». — В, 1861, № 3, Полемическая смесь, с. 39—53.

²³ О время! о нравы! (o tempora! o mores! — лат.) — цитата из «Первой речи против Катилины» М.-Т. Цицерона (106—43 до н. э.).

²⁴ «Старые боги и новые боги», «Наш язык и что такое свистуны», «Одного поля ягоды» — перечисленные анонимные редакционные статьи, полные грубейших выпадов против «Современника», опубликованы: РВ, 1861, т. 31, январь—февраль, с. 891—904; т. 32, март, с. 1—37; т. 33, май, с. 1 (все — в отделе «Литературное обозрение и заметки», занявшем в 1861 г. в журнале место «Современной летописи»).

²⁵ ...статьи ... против князя Черкасского... — См.: Заметка. — РВ, 1858, октябрь, кн. 1, Современная летопись.

²⁶ ...по поводу ... «Полемических красот»... некоторые журналы ... обратили ... все свои отделы в балаганные. — Публикация статьи Чернышевского «Полемические красоты» (С, 1861, № 6, с. 447—478, № 7, с. 133—180) вызвала в августовском номере ОЗ (1861) во всех отделах: «Политическое обозрение», «Критика», «Русская литература», «Современная хроника России» сразу 6 статей, направленных против некрасовского журнала. Дважды выступил против Чернышевского РВ (По поводу «полемических красот» в «Современнике». — 1861, т. 33, июнь, с. 138—158; Виды на entente cordiale с «Современником». — 1861, т. 34, июль, с. 60—95).

²⁷ ...«Свисток» прибыл в Россию... — Добролюбов вернулся из-за границы в первой половине августа 1861 г.

²⁸ ...о несостоятельности главного общества железных дорог. — 3 ноября 1861 г., «снисходя к просьбе Общества», его освободили от обязательства строить железнодорожные линии из Москвы на Феодосию и на Либаву (сократив длину путей, которые числились за ним, с 4-х тысяч верст до 1600), кроме того оно получило «заимообразное пособие» от правительства (см. МВ, 1861, 16 ноября, № 252).

²⁹ ...даже Николай Иванович Костомаров, даже календарь — заговорили о тысячелетии России. — Имеются в виду: статья Н. И. Костомарова «Тысячелетие» («СПб. ведомости», 1862, № 5; отд. изд. — СПб., 1862); в «Месяцеслове на 1862 г.» была опубликована статья П. В. Павлова «Тысячелетие России» (с. 3—7).

³⁰ ...«Элегии» «Русского вестника»... — В «Элегической заметке», опубликованной в РВ, 1861, т. 34, август, было объявлено, что «свистуны» — «наши прогрессисты, герои наших кружков, борзописцы наших журналов <...> все это одна гниль разложения» (с. 165).

³¹ ...новейшие ... сочинения Н. И. Костомарова о ломке университетов... — в «СПб. ведомостях» (1861, №№ 237, 258, 261, 262, 275, 281) Костомаров опубликовал серию статей, развивавших мысль о том, что для предотвращения студенческих «беспорядков» университеты следует сделать исключительно учеными заведениями, окончание которых не дает служебных прав и преимуществ.

СВИСТОК AD SE IPSUM

³² ...заимствовано у Горация... — Имеется в виду ода 34 из I книги од К. Горация Флакка (65—8 до н. э.).

³³ ...сухие туманы ... шестнадцать гусей ... — Здесь и далее перечислены почти все темы предыдущих номеров «Свистка».

³⁴ Воспев Гарибальди, воспел и Франческо! — Эта формула, характеризующая политическое флюгерство, широко вошла в публицистический и бытовой словарь эпохи (см. «Искру», публицистику «Современника» и позже — некрасовских «Отечественных записок», сочинения Салтыкова-Щедрина).

862—1862, ИЛИ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ РОССИИ

Св. 8, с. 13—42. Автор — Г. З. Елисеев. (Установлено на основании тонор. вед. — ПССД (1939), т. 6, с. 732). Цензорская корректура — в ЦГАЛИ. Корректурa хранится в архиве Чернышевского и представляет собою 2 «формы» — № 4 и № 6 (по четыре столбца набранного текста в каждой). На всех листах корректуры сверху рукою Чернышевского написано: «Свисток»; на оборотной стороне надпись кого-то из наборщиков: «Его высокоблагородию Н. Г. Чернышевскому». 1-й лист корректуры («форма» № 4) включает часть текста от слов «в 284 № «Санкт-Петербургских ведомостей»» (стр. 237, строка 3 сн.) до «можно пощупать, то *есть*» (стр. 244, строка 5 св). На 2-м листе («форма» № 6) — текст от слов «он и она» (стр. 248, строка 3 сн.) до конца. Существенных разночтений с журнальной редакцией корректура не содержит.

В статье приведены четыре стихотворения, из которых второе (стр. 236) — почти дословная перепечатка добролюбовского стихотворения «Безрассудные слезы» из Св. 2. Изменен лишь стих 12 (вместо: «Целый день морился» — «Целый день трудился») и в стихе 19 слово «нынче» заменено словом «ныне». Автор остальных трех стихотворений, по-видимому, Елисеев. Перепечатывается впервые.

³⁵ ...пронести свет цивилизации на Восток ... обновить ... одряхлевший ... Запад ... — Подразумеваются славянофильские и почвеннические утопические историко-философские лозунги.

³⁶ ...растворение пива кукельваном. — Кукельван — рыболовные ягоды, применение которых в пивоварении вызвало ряд отравлений; об этом писала «Искра» («Мистерия о пиве и рыболовной ягоде», 1862, № 1). В итоге, в августе 1862 г. министерство внутренних дел воспретило ввоз кукельвана в Россию и предписало изъятие его из аптечной торговли (МВ, 1862, 12 сентября, № 199).

³⁷ ...изобретение в Москве нового серебра... — Как сообщили газеты, некоторые московские торговцы серебряными изделиями сами ставили на них пробу, высшую против действительной, их лавки были запечатаны, началось следствие (МВ, 1861, 25 июля, № 162).

³⁸ ...появление «Дня». — еженедельная газета, орган славянофильства, издаваемая И. С. Аксаковым (октябрь 1861—1865), почти сразу вступившая в полемику с «Современником».

³⁹ ...открытие г. Камбеком особого отдела для ерунды... — Камбек Л. Л. в 1861 г. возглавил редакцию еженедельника «Петербургский вестник» (1861—1862) и с ноября этого года начал выпускать специальное «литературное приложение» к нему, в котором печатал все поступившие рукописи, взимая плату за публикацию с авторов. Редкое по бессмыслию приложение прозвали «Ерундой» (в мае 1862 г. издание прекратилось). Об этом писала «Искра» («Г. Камбек на новом поприще деятельности», 1861, № 47).

⁴⁰ ...борьба «Основы» с «Сионом», «Домашней беседы» с ... «Православным обозрением»... — В «Основе» были допущены антисемитские высказывания (1861, №№ 6, 9; 1862, № 1), в спор по этому поводу вступил «Сион. Еженедельный журнал русских евреев» (1861—1862) — 1861, №№ 10, 12, в полемике приняли участие и другие издания; 12 января 1861 г. в ежегодно отмечающийся день основания Московского университета проф. Н. А. Сергиевский сказал слово «О значении веры в человечестве», напечатанное потом в № 1 «Православного обозрения» на 1861 г. В мракобесной «Домашней беседе» (1858—1877) В. И. Аскоченского было заявлено, что «это ж совсем не та вера, о которой подобает проповедовать во храме <...> это вера в себя, в свои убеждения, которые вы, значит, похваляете и в Гегеле, и в зачатом жиде, и в мятежном революционере» (1861, № 8, с. 159). Против этого «злонамеренного обвинения и оскорбления чести Императорского Московского университета» выступили 25 его профессоров во главе с ректором (МВ, 1861, 19 апреля, № 87).

⁴¹ «Светоч» идет ... особняком. — См. с. 510, прим. 96.

⁴² ...виновных розгой не бить, а подводить к ней и давать ее нюхать ... в ... воронежском училище... — Провинциальный корреспондент «Московских ведомостей» (некто И. М.) сообщил, что в одном из уездных училищ Воронежской губернии смотритель на учительском совете заявил: «Начальству не угодно, чтобы мы употребляли телесные наказания <...> Воля начальства священна <...> Но наказание необходимо. И я думаю, чтобы за-

ставить учиться, нужен страх. Мы сечь их не будем, а будем только подводить к розге» (Внутренняя корреспонденция МВ и выписки из других газет.— МВ, 1861, 10 января, № 7).

⁴³ *Общество для распространения полезных для народа книг сделало несколько изданий ...*— Высочайше утвержденное в марте 1861 г. «Московское общество распространения полезных книг» в своей деятельности «руководствуется направлением православно-христианским» (как заявлено в его Уставе). Оно издавало слащавые жизнеописания подвижников благотворительности, наставительные поучения («Елизавета Фрей», «Сестра Розалия», «Хрестоматия или избранные статьи для народного чтения»— М., 1861); некоторые из них подверглись критическому разбору Добролюбова (Издания Общества распространения полезных книг.— С., 1861, № 8, с. 317—324).

⁴⁴ *...у нас дворянство исстари составляет единственный образованный класс ...*— Имеется в виду Н. Ф. Павлов, который утверждал: «Нам не раз уже приходилось говорить, что образованного человека, в точном значении этого слова, можно встретить только между дворянами. Образованный человек или рождается дворянином, или делается им» (Передовая.— НВ, 1862, 3 января, № 1).

⁴⁵ *...должен быть только один привилегированный класс, для которого должно быть доступно образование.*— Эту мысль неумоимо развивал в целой серии своих статей Б. Н. Чичерин: «Как единственное, можно сказать, образованное сословие в империи, дворянство естественно становится поодаль от других и занимает особенное, возвышенное положение в обществе и государстве» (Русское дворянство.— НВ, 1862, 6 января, № 4); «Низшее положение занимают, по самой природе вещей, массы народа, преданные физическому труду и мало доступные образованию» (Что такое среднее сословие?— Там же, 17 января, № 12); он предлагал усилить роль образовательного ценза: «Ценз имеет то громадное значение, что он доставляет преобладание высшим, более образованным классам» (Русское дворянство. П.— Там же, 9 января, № 5)

⁴⁶ *...хорошо делать исподволь ... чтобы дело развивалось ... органически ...*— Подразумевается славянофильская теория «органического развития общества» (см. статьи И. С. Аксакова в «Дне», 1862, № 22—24); уподобляя народ «почве», а «общество»—«сердцевине» произрастающего из «почвы» дерева, Аксаков утверждал: «Общество есть среда, в которой совершается сознательная умственная деятельность известного народа», «народ на второй ступени своего развития, народ самосознающий» («День», 1862, № 22).

⁴⁷ *Я говорю: теперь свободен...*— цитируется стихотворение В. Стародубского «Избави бог!» (И, 1861, № 39).

⁴⁸ *...статьи ... Кокорева о пользе гласности...*— См. с. 482, прим. 30.

⁴⁹ *Солнце в тучах непроглядных...*— Перепечатано стихотворение Добролюбова «Безрассудные слезы» (Св. № 2).

⁵⁰ *...г. Ципринус ... должен быть непременно откупщик...*— Ципринус — псевдоним цензора О. А. Пржецлавского (1799—1879), речь идет о его статье «Студии о гласности» («Сын отечества», 1861, № 50).

⁵¹ *...почтовое ведомство ... вызывало ... к обсуждению...почтового управления*— В течение 1859 г. газеты публиковали многочисленные жалобы на плохую работу почты, в особенности — на задержку и утрату иностранных журналов (см. МВ, 1859, 30 июля, № 179; 7 августа, № 186); в октябре 1860 г. почтовый департамент разослал в столичные газеты письмо с просьбой сообщать все замечания о работе связи. В начале 1862 г. в печати появилось несколько заметок чиновников почтового ведомства, которые выражали «сожаление», «что литература наша, несмотря на вызов почтового начальства, до сих пор обходит почтовый вопрос совершенным молчанием» («Современная летопись», 1862, № 16, с. 9). На самом же деле «сперва почтовое начальство просило желающих сообщать свои замечания <...> потом, когда в газетах <...> появилось несколько указаний, почтовое начальство пояснило, что сообщения должны быть делаемы <...> прямо ему. Мало того, последовало распоряжение, чтобы почтовые статьи не принимали в печать без специальной цензуры почтового начальства...» (там же).

⁵² *...господина, который на французском диалекте упрекал русскую литературу в равнодушии к общественным вопросам...*— 31 октября 1859 г. в официальном «Journal de St Pétersbourg» (№ 257) появилось «Письмо о русском обществе», в котором русская печать обвинялась в «недобросовестной» критике правительственных действий и «печальном равнодушии» к наболевшим общественным вопросам. В «Московских ведомостях» развернутые ответы были даны В. Ф. Коршем и П. В. Анненковым (1859, 11 ноября,

№ 268), которые отметили, что русская литература пользуется лишь ограниченной, неполной гласностью, но при этом стремились переадресовать упреки в крайностях критicisma («крикливой оппозиции») демократической журналистике.

⁵³ ...не пустозвоны ... не ловцы рыбы в мутной воде... — Цитированы грубые выпады против демократической журналистики, допущенные в редакционной статье «Какой бывает вред от монополий?» (РВ, 1861, т. 36, ноябрь, с. 40—46).

⁵⁴ Один профессор ... напечатал свою первую лекцию... — «Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 г. проф. Б. Н. Чичериным», опубликованная в МВ (1861, 31 октября, № 238), содержала открытую апологию консервативности (которая определялась как «истинный патриотизм»), яростную критику русской демократии («буйный разгул мысли», «умственное и литературное казачество») и рекомендовала молодежи не участвовать в общественной борьбе («шумных манифестациях», «житейских стремлениях и страстях»). Все это вызвало многочисленные сатирико-полемические отклики на нее в демократических журналах (в частности, в «Искре»), но открытый спор с Чичериным был невозможен, ибо, как сообщил в «Колоколе» Герцен, «вступительная лекция г. Чичерина была встречена громким одобрением в правительственных кругах <...> После чего запрещено было цензуре пропускать что-либо против его лекций» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т., т. XVI. М., 1959, с. 82). В поддержку Чичерина выступил журнал Каткова.

⁵⁵ Сивилла — в античной мифологии — вдохновляемая божеством пророчица.

⁵⁶ ...сикофантство новое милое словцо, которое придумал «Русский вестник»... — «Развилось сикофантство перед общественным мнением», насаждаемое «нашими журнальными витязями и общественными крикунами», — сообщалось в статье «Какой бывает вред от монополий?» (с. 45); сикофант — профессиональный доносчик в древних Афинах.

⁵⁷ Какое счастье, честь какая! — Цитата из стихотворения П. Беранже «Le sénateur» в переводе В. С. Курочкина под заглавием «Знатный приятель», 1856.

⁵⁸ Г. Щебальский ... доказал ... расположение к доносам — См. статью консервативного историка, журналиста П. К. Щебальского (1815—1886) «Черты из народной жизни в XVIII веке. Доносы и доносчики». — ОЗ, 1861, № 10, с. 437—462.

⁵⁹ аттическая соль — тонкое остроумие; здесь — намек на «классическую» приверженность редакторов «Русского вестника» Каткова и Леонтьева.

⁶⁰ Г. Лонгинов ... знаменитые статьи его о кн. Вяземском? — Имеются в виду: Из современных записок. — РВ, 1861, т. 32, апрель, Литературное обозрение и заметки, с. 106—145; О заслугах кн. П. А. Вяземского как академика и поэта. — МВ, 1861, 21 июня, № 135. Юбилей П. А. Вяземского, который был отмечен (2 марта 1861 г.) официальными сферами и консервативно-дворянским кругом с помпезностью, не соответствующей реальному значению юбиляра в литературе последних десятилетий, насмешливо встретили «Колокол» («Злоупотребление пятидесятилетий». — 1861, л. 96, 15 апреля) и «Искра» («Стансы на будущий юбилей пятидесятилетней русско-французской водевильной и фельетонной деятельности Тараха Толерансова». — 1861, № 10).

⁶¹ ...между «Русским вестником» до ... «Старых богов и новых богов» и ... после ... нет ничего общего... — Эту метаморфозу умеренного либерала Каткова в яростного охранителя не раз саркастически подчеркивали другие издания — особенно часто Ф. М. Достоевский во «Времени» (Щекотливый вопрос. Статья со свистом, с превращениями и с переодеваниями. — В, 1862, № 10, с. 273: в уста издателя «Русского вестника» было насмешливо вложено признание «вы доказываете <...> что я сам был неблагонамерен и возбуждал <...> Но боже мой, ведь это было, да сплыло. Теперь я благонамерен и не возбуждаю. Я одумался, я воротился»). Враждебная «Свистку» статья «Старые боги и новые боги» — в РВ, 1861, т. 31, январь-февраль, с. 891—904.

⁶² Назад тому полтора ста лет мы ... уж имели академию — Российская академия (академия русского языка и словесности) была основана в 1783 г. В 1841 — слита с Академией наук, учрежденной Петром I в январе 1724 г.

⁶³ ...Соллогуб подарил французской сцене произведение... — Имеется в виду комедия В. А. Соллогуба «La preuve d'amitié» («Доказательство дружбы»), поставленная в Париже во время его пребывания там (1856).

⁶⁴ ...де Жеребцов, де Семенов — О Жеребцове см. с. 480, прим. 23; уничтожающая рецензия Добролюбова на сочинение Н. Семенова — в С, 1860, № 12, с. 272—286.

⁶⁵ ...вступить ... в конвенцию с некоторыми европейскими землями относительно прав литературной собственности... — В марте 1864 г. была заключена конвенция о ли-

тературной и художественной собственности с Францией (в 1862 г. предполагалось аналогичное соглашение с Бельгией).

⁶⁶ ...*философия ... из Киева...*— Понятиями «киево-русской», «киевской философии» эзоповски обозначен схоластический религиозный догматизм, оплотом которого была Киевская духовная академия.

⁶⁷ Григорий Сковорода, Иоанникий Голятовский, Епифаний Словеницкий — Сковорода Г. С. (1772—1794) — украинский философ-просветитель; включение его в число церковных схоластов мало обосновано. Архимандрит Иоанникий Голятовский (ум. 1688) — церковный писатель, автор собрания проповедей «Ключи разумения» (1659). Иеромонах Киево-Печерского монастыря Епифаний Славинецкий или Славеницкий (ум. 1675) — знаток и переводчик памятников греческой и латинской церковной словесности, составитель «Полного лексикона греко-словено-латинского».

⁶⁸ ... «в философии и богословии изящный дидаскал» — так называли Еп. Славинецкого (см. «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви», т. 1, СПб., 1827, с. 177). Дидаскал — учитель, наставник, проповедник.

⁶⁹ ...*П. Л. Лавров ... хотел возвести новое здание философии...*— Эклектика позитивистских философских воззрений П. Л. Лаврова вызывала критическую оценку Чернышевского (см. с. 473, прим. 93) и М. А. Антоновича (Два типа современных философов. — С., 1861, № 4, с. 349—418.)

⁷⁰ *Юные птенцы начали свои философские созерцания с луны... произвели ... смятение ... кровожадностью воззрений.*— Подразумевается статья Н. Н. Страхова «Жители планет», помещенная в № 1 «Времени» (1861): «юные» — указание на недавнее происхождение журнала; упоминая о «кровожадности», Елисеев намекает на ожесточавшуюся полемику журнала братьев Достоевских с «Современником».

⁷¹ ...*судебник Ивана III ... судебник Ивана IV ... Уложение...*— Имеются в виду «Судебники» 1497 и 1550 гг. и «Уложение о наказаниях», введенное Петром I.

⁷² *Детушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо* — В. А. Жуковский, «Овсяный кисель».

⁷³ *Геркуланум и Помпея* — древнеримские города, уничтоженные извержением Везувия в 79 г. н. э.

⁷⁴ ...*описание новгородских древностей...*— См.: Архимандрит Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, 1861.

⁷⁵ ...*«Ярославле серебро» ... не утешает.*— «Ярославле серебро» — монеты древнего чекана, изучение которых велось Императорским археологическим обществом. Ученый секретарь Общества академик А. А. Куник опубликовал исследование о них (О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением св. Георгия Победоносца. СПб., 1860), в 1861 г. отделение русской и славянской археологии Общества напечатало в своих «Известиях» ряд статей на ту же тему.

⁷⁶ *Приверженцы западной экономической науки ... гремели ... против ... общинного землевладения ... восстали одни только свистуны...*— См. с. 251, прим. 25.

⁷⁷ ...*он поставил себе целью жизни освободить Болгарию...*— Полемически задет роман Тургенева «Накануне».

⁷⁸ *Konversations-lexicon Брокгауза.*— Книгоиздательская фирма «Брокгауз» в Лейпциге, существовавшая с 1814 г., создала знаменитый энциклопедический словарь, многократно ею переиздававшийся.

⁷⁹ *петиметр* — щеголь, претенциозный франт.

⁸⁰ *Все это слова, слова и слова!*— цитата (неточная) из трагедии В. Шекспира «Гамлет» (1600—1601), акт II, сц. 2.

⁸¹ *Рогожское кладбище* — центр московской общины старообрядцев-поповцев, основано в Андроновской слободе в 1771 г. во время чумной эпидемии.

REQUIEM

Св. 8, 43—44. Автор — Г. З. Елисеев (установлено на основании гонор. вед. — ПССД (1936), т. 6, с. 732). В оглавлении журнала подпись: Начинаящий. Автограф неизвестен. Цензорская корректура — в ЦГАЛИ. Стихотворение набрано вместе со статьей «862—1862...» в конце 6-й — начале 7-й корректурных «форм» (см. примеч. к предыдущей статье). Корректура содержит авторские поправки и датирована 20 января 1862. Перепечатывается впервые.

Стр. 255, стихи 17—18. В корректуре (исправлено автором):

И что ж? Не могла и жизнь за границей
В нем выкурить дух древней столицы.

⁸² *Надежды, надежды — наш сладкий удел!* — измененная строка из стихотворения В. А. Жуковского «Тоска по милому», положенного на музыку М. И. Глинкой.

⁸³ *...Наш юный ученый...* — Тридцатичетырехлетний Б. Н. Чичерин был в те годы одним из самых молодых профессоров Московского университета.

⁸⁴ *...центральность вельми изучил.* — Б. Н. Чичерин был главою и теоретиком «государственной школы» в русской историографии, считавшей зиждительным началом истории России верховную власть.

⁸⁵ *...в чужие края покатил.* — Заграничная поездка Чичерина состоялась в 1858 г.

⁸⁶ *Была ему дума Каткова ясна/И с ним говорила царь-пушка сама.* — Юмористическая перефразировка строк из стихотворения Е. А. Баратынского «На смерть Гете» (1832), перепевом которого является комментируемое стихотворение в целом.

⁸⁷ *...вся Русь .../Стонала от скаредных знаний его.* — На это стихотворение с гневом реагировал А. А. Фет: тенденциозно рисуя в своих очерках «Из деревни» (РВ, 1863, т. 43, январь) отталкивающий портрет литератора-демократа, он упомянул и об авторе, который «прибавил к науке эпитет «скаредная»» (с. 443).

⁸⁸ *Москва приголубит сына своего.* — После вступительной лекции (см. прим. 54) студенты собрались на следующей лекции освистать Чичерина; как сообщил Герцен, Павлов и Корш помогли ему устроить демонстрацию против «неблагонамеренной» молодежи (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т., т. XVI. М., 1959, с. 81).

ОПЫТЫ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ

Г. Магистр Н. де Безобразов — псевдоним

Св. 8, с. 44—56. Автор — Н. Г. Чернышевский (подтверждается его списком статей — ПССЧ, т. XIV, с. 646). Автограф неизвестен. Обе статьи настолько близки по замыслу и содержанию, что правильнее говорить об одной статье, состоящей из двух частей. Цензорская корректура — в ЦГАЛИ. Корректura содержит существенные разночтения, впервые опубликованные В. Сушицким в статье «Из литературного наследия Н. Г. Чернышевского» («Каторга и ссылка», 1933, № 10, с. 89—109). Значительная часть этих разночтений учтена в ПССЧ, т. X, с. 60—71, 1068—1069. Корректуры представляют собою три «формы» под №№ 7, 8 и 9. «Форма» № 7 сохранилась не полностью: вдоль четвертого столбца неравномерно (полумесяцем) оторвана часть текста и недостающие окончания строк (см. текстологические примечания) заменены нами точками. В правом верхнем углу надпись автора: «Мне сказали, что эти формы мои были запрещены, потому я их и не читал. Чернышевский». «Формы» №№ 8 и 9 сохранились целиком, цензурных пометок в корректуре нет. В. Сушицкий полагает, что Чернышевский посетил цензора после запрещения статьи и на основе совместного обсуждения дал ту редакцию, которая известна по «Свистку».

В корректуре статья заканчивалась строками: «Слава мне! Преклоняйте предо мною колена, изумленные соотечественники!» (Стр. 264, строки 7—8 св.). Далее следовала подпись: «Эфиоп». Вся последующая часть текста, написанная Чернышевским, нужно думать, дополнительно, находится на отдельной корректуре и подписи не имеет.

Стр. 255, строка 10 св. Слова «не иначе, как» в корректуре зачеркнуты автором.

Стр. 256, строка 12 св. В корректуре: прочел в прекрасном руководстве к физике г. Ленца ¹²⁸, что это изобретение

Стр. 256, строка 15 св. В корректуре после слова «мне» следовало:

Упомянув имя г. Ленца, отступлю от хронологического порядка, чтобы пожаловаться также и на нашего знаменитого электро-магнетиста. Он сыграл со мной штуку точь-в-точь такую же, как Брегет: в прошлое воскресенье неимоверным напряжением мысли я открыл, что особы женского пола, бывавшие когда-либо на университетских лекциях, все принадлежат к презреннейшему разряду женщин и что никогда нога честной девушки или женщины не вступала в здешнее святилище наук. Но едва я высказал это открытие в кругу знакомых, как они хором отвечали мне, что та же самая мысль официально выра-

жена почтенным академиком, бывшим деканом, много раз исправлявшим должность ректора С.-Петербургского университета, г. Ленцем. Отдавая должную честь благородству и смелости заслуженного профессора, — да и как не отдал бы я справедливости ему, когда сам по опыту знаю, какая редкая сообразительность, какая высокая правдивость и какое меднолобое бесстыдство нужно для произнесения подобных слов, — отдавая полную справедливость замечательным качествам ума и сердца знаменитого естествознателя, не могу с тем вместе не восхвалить и образцовую терпимость нашего общества к ученому старцу. Я был не так счастлив и в этом отношении. Едва я высказал мысль, сходную с его открытием, как подвергся неприятностям от моих собеседников и теперь веду жизнь анахорета, потому что все мои знакомые отказали мне от дома. Я готов страдать за правду; но почему же так несправедлива судьба, что я один своим лицом почувствовал невыгодные последствия сделанного мною вместе с г. Ленцем открытия? Игра судьбы, поистине, беспримерная! На университетских лекциях бывали сотни дам и девиц. У каждой из них есть родственники, которым, вероятно, не показались же безобидными слова почтенного академика... Но высокая терпимость удержала их. Говорите после этого, что нет у нас свободы мнений!

Возвращаюсь к рассказу о моих открытиях в хронологическом порядке.

Стр. 256, строки 21—22 сн. В корректуре вместо «особенно в мыслях о том, как надобно расправляться с молодежью» — «В особенности согласен я с ними, что студенты Московского университета — буйные мальчики, которых надобно сечь».

Стр. 256, строки 8—9 сн. В корректуре вместо «несмотря ни на какие соприкосновения известных предметов растительного царства с органами его организма, не занимающимися мышлением» — «в то время, когда его порют».

Стр. 257, строки 18—19 св. В корректуре вместо «к национальной независимости» — «к свободе».

Стр. 257, строка 22 св. В корректуре следовало: Г. В. Ржевский... Надобно заботиться о средствах к увеличению пролетариата.

Стр. 257, строка 11 сн. В корректуре следовало: Г. Погодин... Вот вам, православные, красное яичко ¹²⁹.

Стр. 258, строка 9 св. В корректуре: г. Бабста, г. Ленца, г. Чичерина

Стр. 258, строка 19 св. В корректуре вместо двух следующих абзацев:

На ловца зверь бежит! Да что один зверь: десятки, сотни зверей, — то самого уморительного, то самого отвратительного вида. И какие занимательные свойства обнаруживаются в этих милых передовых сынах нашего любезного отечества! Сами гг. Катков, Леонтьев и Дудышкин, так хорошо познакомившиеся при помощи г. Юркевича с книгами Льюиса ¹³⁰, рассказывающими такие занимательные вещи о жизни кур, лягушек и тритонов с вырезанным мозгом, — сами они не поверят возможности каким бы то ни было существам жить и действовать с таким малым запасом мозга, какой оказался достаточен для некоторых замечательных российских деятелей, продолжающих себе здравствовать, даже рассуждать, даже писать, даже стараться приобрести сильное влияние на устройство судьбы любезного отечества.

Какие великолепные подвиги, какие чудные изобретения открываются нашему взору!

Вот, например, прения об университетском вопросе:

«И было все глухо во мгле подо мной
В убийственном сумраке том;
Все спало для слуха в той бездне немой;
Но виделось страшно очам,
Как двигались там безобразные труды,
Уродов морских несказанные чуды.

Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваясь клуб,
И млат водяной, и уродливый скат
И ужас морей однозуб,
И смертью грозил мне зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская» ¹³¹.

Но этих стихов никак не должен принимать кто-либо за отрывок из рассуждений об университете..... ложение было бы грубою ошибкою по двум..... 1) трактация об университетском деле...

2) ни о каких уродах и чудовищах.....

«Измерить океан <глубокий>,
Сочесть пески, лу<чи> планет>,
Хотя и мог бы <ум> высокий».

Но не может никакой ум и

Но восхваляя Ахиллеса, оставим ли без.....тором старого университета был г. Стасю<левич>.....он пал на развалинах своего пергама,—

«Слава Гектору во гробе!
Он краса Пергама был!
Он за край, где жили деды,*
Великодушно пролил кровь;
Победившим ** — честь победы,
Побежденному — любовь!»¹³²

То есть, конечно, г. Стасюлевичу. О, как любезно.....тование за привилегии профессорского сословия,— привиле<гии>..... благо<даря> которым С.-Петербургский университет блистал г. Савича, г. Воскресенского, г. Срезневского, самого г. Стасюлевича, г. Касторского, г. Куторги старшего, г. Куторги младшего, г. Штейнмана, г. Лапшина, г. Никитенко, г. Кранихфельда, г. Михайлова (доктора прав), г. Сухомлинова и стольких, стольких других, знаменитых или силою ума, или громадностью знаний, или гражданским мужеством...

«Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои *** творят они законы,
Лучи животворящи льют...»

А Московский университет! О, как я хвалю состав московского университетского совета, все ученые члены которого (за исключением только двух человек чуть ли не из целой полсотни) явились достойными сотоварищами г. Чичерина и вместе с ним учили неповоротливую полицию исполнять ее долг, пробуждали ее зоркость, объясняли ей необходимость спасать погибающий первопрестольный град,— о, совет Московского университета! ты достоин сохранения своих корпоративных привилегий! О каждом из твоих сочленов, за исключением только двух отщепенцев, надобно сказать словами поэта:

«Аще мир, сокрушен распадется,
Сей муж николи ж содрогнется».

Говорите такому мужу о стыде, он будет только глазами хлопать. Благую часть избрал себе г. Стасюлевич! Он защищал привилегии достойных корпораций.

Но г. Чичерин, как человек молодой, далеко превзошел высоким парением мыслей и широтою взгляда обоих петербургских рыцарей.

Odi profanum vulgus et arceo favete linguis ¹³³,

— восклицает он, или в русском переводе г. Леонтьева:

«Терпеть не могу вас, буяны, осмеливающиеся судить о профессорах (*odi profanum vulgus*)! Я вас всех в квартал отправлю (*et arceo*)! Молчать (*favete linguis*)».

Истины, изрекаемые г. Чичериным, были так возвышенны и убедительны, что не мог никто оспаривать его: он и не желал, чтобы никто не мог спорить с ним; по сущности дела, никто не мог итти на состязание, к которому он вызывал.

«На просторе опричник похаживает,¹³⁴
Над плохими бойцами подсмеивает,
Трижды громкий клич прокликал,
А никто и с места не тронулся,
Лишь стоят да друг дружку подталкивают».

* Отцом (ученым, как бывают отцы крестные) Ста..... известно, г. Куторга ват..... младший; дедами же его можно признават..... на и г. Касторского.

** То есть г. Костомарову, как ниже будет объяснено.....

*** Сие местоимение может быть относимо по желанию читателя к бывшему министру народного просвещения кн. Ширинскому-Шихматову или к самому г. Стасюлевичу, или к кому-либо иному.

Г. Чичерин был когда-то западником, быть может и теперь им остается, — а все-таки в нем истинно русапетская удаль:

«Исполать тебе, детинушка,
Что ты речь держал свою по совести;
Мы за то тебя, детинушка, пожалуем»...¹³⁵ —

как пожалуем, это, конечно, подсказывает г. Чичерину собственное сердце: г. Леонтьев поднесет ему *coronam civilem pro urbe salvata* *; все благонамеренные люди протянут ему руки и предложат сделать для него все, что могут; все неблагонамеренные люди уже повернулись к нему спиной, — но какое ему дело до этого последнего обстоятельства?

«Пускай толпа клеймит презреньем¹³⁶
Наш неразгаданный союз», —

скажет ему кто-нибудь, находящий в его речи отголосок своих мыслей, оправдание своих действий: «ты за все будешь награжден добрым моим мнением о тебе». Конечно, не век же станут молчать о тебе, — заговорят о тебе тоном, какого ты должен был ждать; но

Когда пред общим приговором¹³⁷
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Речь тупоумная твоя,

— тогда не унывай,

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной,

— и приди,

Приди в чертог ко мне златой,
Приди, Чичерин дорогой.¹³⁸

Г. Чичерин говорил так убедительно, понимал вопрос так глубоко, что, читая речь его, благонамеренный человек совершенно соглашался с ним; но точно так же тот же самый благонамеренный человек соглашался с г. Стасюлевичем, когда читал статьи г. Стасюлевича, и с г. Костомаровым, когда читал статьи его. Уже из этого можно было видеть, что каждый из трех красноречивых профессоров обнял своей мыслью только часть истины и что нужен труд нового многообъемлющего ума для формулирования общественной мысли об университетах¹³⁹ во всей ее всесторонней жизненности; что или г. Жеребцов или г. Даль или кто-нибудь из двух гг. Безобразовых возьмется довершить дело, начатое достойным каждого из поименованных публицистов. Но они были заняты каждый своими делами: г. В. П. Безобразов, устроитель земских банков, писал письма из деревни¹⁴⁰, о которых сам откровенно замечал, что они изображают крестьянский вопрос в слишком розовом свете. Гг. Безобразов и Жеребцов готовили речи к московским дворянским выборам, г. Даль читал корректуры своего словаря; никто из них не имел времени для писания статей об университетском вопросе. Мы приходили в отчаяние, не надеясь, чтобы кто-нибудь мог заменить этих мыслителей. Но заговорила «Современная летопись» «Русского вестника»¹⁴¹ и — мы утешились. Она возвела к единству разноречащие мнения трех профессоров, взяв от каждого из них все безусловно прекрасное. С г. Костомаровым согласилась она, что Санкт-Петербургский университет надобно соединить с академиею наук; с г. Стасюлевичем — в том, что прежние профессорские корпорации превосходны; с г. Чичериным — в том, что университеты должны быть совершенно чужды жизни; но справедливо выставила она, что важнее всего тут установить солидный налог на просвещение; отбросив слишком оригинальную, придуманную г. Костомаровым форму взимать этот налог посредством ключей, она сосредоточила свое внимание на существе дела, на необходимости взимать налог, и доказала ее самым блистательным образом. Да ведь и правда, как не брать налога с учащихся? Во-первых, у кого нет денег, тому не следует

* Гражданский венок от всего города (лат.). — *Ред.*

учиться; во-вторых, во Франции, Англии, Германии, Италии берется плата за слушание лекций и за дипломы на степени. Как же быть налогу на ученье у нас? В налоге находится лучшее средство примирить все разномыслия: г. Костомарову хочется уничтожить корпорации, г. Стасюлевичу — сохранить их. Установим налог надлежащей высоты, — тогда в университете не будет студентов, следовательно, не будет университета, то есть не будет и университетской корпорации; желание г. Костомарова удовлетворится. Но не будет университета только на факте, а на бумаге он может существовать и сохранять корпоративное устройство; следовательно, будет удовлетворен и г. Стасюлевич. Что же до г. Чичерина, он, очевидно, будет удовлетворен вполне: когда не будет никакой жизни в университете, то, разумеется, будет устранена всякая возможность соприкосновения науки в университете с жизнью.

Сколько мы сделали открытий по одному университетскому делу! Припомним главные:

- 1) Всякая жизнь должна быть изгнана из университетов (г. Чичерин).
- 2) Надобно существовать налогу для ученья («Современная летопись»).
- 3) Налог этот надобно взимать посредством ключей (г. Костомаров).
- 4) С.-Петербургский университет должен принять в себя прекрасные элементы академии наук (мысль г. Костомарова, совершенно сходная однако с мыслью г. Чичерина. См. № 1).

- 5) Профессора должны составлять касту (г. Стасюлевич).

Какое удивительное умение отыскать существенные стороны вопроса и найти просвещенное решение для него!

Но кроме пяти прекрасных открытий, сделанных нами по университетскому вопросу, есть у нас все по тому же вопросу еще шестое открытие или, точнее сказать, находка: одному из наших друзей удалось отыскать в ящике у одного из здешних студентов следующий отрывок:

«август, 1861.

Больше половины моих товарищей не имеют гроша за душою. Они бьются как рыба об лед; многие из них по целым неделям не пьют чай, не имеют табаку. Требовать деньги с этих людей за ученье! Боже, да лучше бы велели им выкалывать по одному глазу — ведь они стали бы только кривыми, а теперь хотят, чтобы они были слепыми. Говорят, что в наши времена нет чудес и мало мучеников. Из 1300 студентов здешнего университета около 1000 человек — мученики своего стремленья образоваться, стать порядочными людьми. Они не умирают с голоду, они успевают достигать своей цели образования; это ли вы не назовете чудом? Их считают людьми беспокойными и опасными. Разумеется, вещь невозможная, чтобы молодые люди были так осторожны в словах, как их мудрые порицатели. Но зачем же добиваются этой невозможности? Дело решается просто: запретите людям быть молодыми, прикажите, чтобы за детством следовала не юность, а прямая старость. А если это трудно, можете принять меру, менее затруднительную: запретите людям учиться далее 15-летнего и 12-летнего возраста; тогда у вас не будет беспокойной учащейся молодежи. Впрочем, этот второй способ решения уничтожит только учащуюся беспокойную молодежь, а не уничтожит он беспокойную молодежь. Люди остывают с летами, а в молодости люди всегда горячи, учатся ли в университете, или вовсе нигде не учатся, называются ли студентами, или кадетами, или прапорщиками, все равно они благородны и неопытны, потому во всяком случае будут склонны к увлечениям. Решайте же, нужны ли вам образованные люди или нет; если не нужны, вы будете иметь буйную грубую молодежь, которая станет делать вам гораздо больше беспокойства, чем когда-нибудь могли или могут сделать студенты. Если же вы не в состоянии обойтись без образованных людей, в таком случае рассудите, что образовываться люди должны в молодости, а молодые люди — всегда молодые люди.

Говорят, что мы поступаем слишком неосторожно. Но разве мы сами желаем быть неосторожными? У нас нет опытности; но мы были бы рады выслушивать советы людей, более нас живших на свете. Никто не берет на себя обязанности быть нашим другом и советником. Мы покинуты всеми старшими нас на произвол судьбы. — Что ж, мы понимаем, отчего никто не хочет входить в наш круг, обдумывать вместе с нами наши нужды и желания. Каждый боится компрометировать себя сношениями с нами. Да и как не бояться при окружающей нас подозрительности? Ведь у многих из нас вовсе нет привычки быть молчаливыми; тотчас разойдутся по городу толки о всяких пустяках, каждое слово будет преувеличено, и тот, кто вошел в наш круг затем, чтобы сдерживать и успокаивать

нас, прослышет подстрекателем, а нас, сблизившихся с ним из потребности искать благоразумных и умеренных советов, назовут его сообщниками и припишут бог знает какие замыслы ему и нам. При таком взгляде подозрительных, при силе их вредить подозреваемым, конечно, каждый благоразумный и осторожный человек должен избегать сближения с нами. Не говоря о посторонних людях, такой системы держатся даже наши профессора. Я их не виню; но из этого могут произойти серьезные неприятности им, нам да и многим другим. Я, впрочем, не разделяю всеобщего сожаления моих товарищей о недостатке близких отношений между нами и профессорами. Студенты, приезжающие из Москвы и других университетов, говорят, что в нашем составе профессорского сословия лучше, чем в других местах. Оно правда, между нашими профессорами целая половина — люди хорошие: по крайней мере не обскуранты. Но присматривался я к ним: нет ни одного, который мог бы иметь прочное влияние на студентов, если б и захотел добиваться его, а не бегал от нас. Человека три-четыре, правда, пользуются некоторым авторитетом между нами. Но ведь это потому, что они толкуют с нами только об отвлеченных ученых предметах. В этих вещах они, точно, знатоки своего дела. Но войти в нашу жизнь, сочувствовать нашим интересам, заслужить наше доверие в жизненных наших делах никто из них не умел бы. Они отвыкли понимать молодежь, долго бывши принуждены сторониться от нее. Живая связь могла бы у нас быть скорее с некоторыми из людей, чуждых университету. Но те уже положительно подвергли бы себя опасностям, если бы захотели сойтись с нами.

А как легко было бы успокоиться насчет наших будто бы опасных мыслей, если бы перестали мешать своими подозрениями сближению нас с людьми, которых могли бы мы уважать. Ведь мы, наконец, не бешеные же звери. Мы могли бы понять, что возможно и что невозможно, если бы стали говорить с нами об этом люди, отрезвленные житейским опытом. Но теперь мы покинуты всеми, и наша беспомощная неопытность может наделать напрасных бед нам и тревог другим.

Хотя бы по крайней мере оставили нас в покое, не раздражали нас совершенно ненужными грубостями, хотя бы по крайней мере не мешали нам учиться. Сами мы никогда не поднимем шума. Но нас язвят, обижают, обманывают, — наша честность возмущается коварством... И нет никого, кто поговорил бы с нами прямо и честно... До чего же наконец доведут нас?»

Прочитав этот отрывок, я просветлел надеждою, что вот наконец удастся мне поступить с другим так, как поступили со мною Ньютон, г. Ленц, г. Соловьев и другие (см. выше): предвосхитить открытие и получить награду. Я даже унизился до коварства: с притворным пренебрежением сказал я моему другу, нашедшему эту бумагу в чужом ящике, что прочитанный мною листок вздор, который надобно бросить, — и бросил; потом тайком поднял с мыслью: объявлю, что открыл этот листок я (некто из неопытных юношей качает головой, думая про меня: однако, хорош гусь! имеет друзей, которые лазят по чужим ящикам, и сам, по-видимому, не прочь от этого). — Что ж, я не стыжусь того, что готов на все для блага отечества.

Но что ж? — О, горькая участь! понес я приобретенный листок к кому следует*; она особа**, прочитав доставленный мною документец, сказала, что открытия никакого тут нет, потому что весь город уже говорит то самое, что написано в моем листке, и что награды мне никакой не будет. Итак, опять неудача в открытии!

О, нет же, злая судьба, ты не одолеешь! я выйду победителем из борьбы с тобою! Из самой неудачи извлеку я удачу; на основании открытия, оказавшегося вовсе не открытием, построю другое открытие, которое уже непременно будет новостью. Вот оно.

Стр. 258, строка 18 св. В корректуре: Седьмое и окончательное

Стр. 259, строка 21 св. В корректуре: Восьмое открытие, —

Стр. 261, строка 13 св. В корректуре: Г. Чичерин, обнаружив в себе свойства Мономаха. не мог разъяснить

Стр. 262, строка 4 св. В корректуре вместо «чье выглядывает» — «г. Безобразова».

⁸⁹ «Сказания русского народа» И. Сахарова. — Имеется в виду: Сахаров И. П. (1806 — 1863). Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, ч. 1 — 3. СПб., 1836 — 1837.

* Здесь должно разуметь: в редакцию какого-либо журнала.

** Следует разуметь: заведующая означенным журналом.

Къ миру 14-ому
4. 4.

Ч. Чувство законности.

мать В. I
набросок
новоб-уражен
214 пера
переработки

Вотъ вѣдь хотѣлъ предметъ обличить.
Выбравъ въ дѣлѣ сатиры,
но я вѣшалъ теперь изъ терзавших Корнелю
и новобрану цѣлому миру

Отъ извозчиковъ зло и опасенности,
О которыхъ, не робости стращая,
Ямъ видно изъ поборниковъ слабости
не возвысилъ свой голосъ гуманной. —

облагодѣлатель
привѣтъ

Дважды въ годъ, какъ извѣстно, симанскіе
Вѣдъ мѣсяцъ на небѣ, и въ то время
за грѣхъ общаго свершающаго
черезъ моего благовѣстника вѣдѣмъ.

Тутъ вѣдь вѣнчанъ законный праба
законы отдаленные плеча;
но обобщенъ такая сфера
Кружкомъ годъ перушило и вѣдѣно —

На Васильевскій островъ и къ Синодскому
Какъ же вѣнчанъ законъ обобщающъ?
только глѣба порыву неволеющему
патриота отъ подвергаютъ....

Разъ мѣсяцъ осенью въ Пятую пятницу
изъ-подъ Синодскаго Слѣдъ смѣлилъ.
записи меня клявѣли и не,
Божье таа бѣда наша дѣлаивъ.

Но привѣтъ я, вѣнчанъ двугривенной,
пятъ копѣекъ поприбавивъ даи.
Что въ мой вѣнчанъ? — „Да, баринъ, тридцать
„Наша такія дѣла не...“

— Какъ иначе? —, Да какъ же? Указано 105
 „Вѣдосъ братъ, какъ можешь-то смѣлать?“
 — Показанъ мнѣ, мнѣ, въ это указано?
 Тѣбѣ про Дмитровъ законъ пишется?

„Что мнѣ, сударь, напрасно показывать!
 „Кому советъ дѣлать, такъ у насъ, видно,
 Нѣтъ и вѣдѣнъ и дѣла заботливѣе.....
 „Только боюсь мнѣ это обидно?“

И сказавши, хлестнулъ онъ дѣшневую
 лошадежку, и сталъ удаляться.
 На него захрипѣлъ я пронзительно,
 Что онъ долженъ со мной разговаривать.

Но унывая мое возмущеніе
 И пятакъ мнѣ отдать не могла,
 Онъ побѣдилъ въ сѣрѣ..... Въ молчаніи
 Я отъ стоялъ, за нимъ лишь въ утробѣ.

Я ограбленъ канальей безвѣстной.
 Но не это меня сокрушаетъ:
 Горько Горько было, что лопатой безвѣстной
 Это мѣлкая законъ искажала....

Я подумалъ о томъ, какъ въ Британіи
 Уважали свой законъ,
 И въ груди закипѣли рѣдкія,
 Раздалишь мой горюхъ стонъ.....

Конрадъ Лилиенталеръ.

Поэтъ Л. Л., набравъ
 въ журналы 189, и отъ тѣхъ
 омильиннаго сѣрѣ С и да
 ме, все по порядку, до стр 212
 и мнѣ А, ~~и мнѣ~~

⁹⁰ ...это изобретение ... сделал Бреге.— Бреге Л.-А. (1747—1823), французский часовщик, изобретатель физических приборов, академик.

⁹¹ Ньютонов бином...— Ньютон И. (1643—1727)— великий английский ученый, разработавший дифференциальное и интегральное исчисление.

⁹² ...не допускать привоза машин из-за границы...— Речь идет о журнале «Вестник промышленности» (редактором-издателем его был И. К. Бабст совместно с Ф. В. Чижевским), который пропагандировал идею запретительного тарифа с целью подъема отечественного производства.

⁹³ ...открытие предвосхищено... Соловьевым...— в «Истории России с древнейших времен» (1851—1879) С. М. Соловьева (1820—1879), профессора Московского университета, оправдывался террор последних десятилетий царствования Ивана Грозного (т. VII, VIII).

⁹⁴ ...как надобно расправляться с молодежью.— В связи со студенческими волнениями в Московском университете в сентябре-октябре 1861 г. «профессора <...> вели себя безупречно,— по мнению Б. Н. Чичерина.— И старые, и молодые единодушно стояли за водворение порядка», правление университета «обратилось <...> с просьбою о полицейской помощи» к московскому генерал-губернатору (Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929, с. 17—18).

⁹⁵ ...разделяют ли мнение ... молодые ученые...— Чернышевский, без сомнения, знал, что «сборные доносы университетских приставов науки», как выразился Герцен (см. Собр. соч.: В 30-ти т., т. XVI. М., 1959, с. 105), были подписаны И. К. Бабстом, С. М. Соловьевым, П. М. Леонтьевым, С. В. Ешевским, Б. Н. Чичериным, О. М. Бодянским.

⁹⁶ ...наука сама по себе, жизнь сама по себе...— «В стены этого здания, посвященного науке, не должен проникать шум страстей, волнующих внешнее общество»,— заявил Чичерин в своей вступительной лекции (см. прим. 54).

⁹⁷ ...о *leges barbarorum* и областных учреждениях.— Имеются в виду: 1) законы в древнем Риме для иностранцев, не имевших прав римского гражданства; 2) магистерская диссертация Чичерина (см. с. 466, прим. 20),

⁹⁸ «Очерки Англии и Франции»— книга Б. Н. Чичерина (М., 1859), рецензированная в «Современнике» Чернышевским.

⁹⁹ ...некто, написавший...— далее цитируется заключительный абзац статьи самого Чернышевского «Чичерин как публицист» (С., 1859, № 5, с. 58).

¹⁰⁰ ...не было ни одного ... который не предвосхитил бы ... хороших мыслей.— Далее излагаются, в ироническом обобщении, утверждения, характерные для половинчатой позиции некоторых либеральных периодических изданий («Отечественные записки», «День», «Время»), или определяющие положение упоминаемых Чернышевским литераторов и ученых в общественно-литературной борьбе последних месяцев на стороне сил реакции.

¹⁰¹ Письмо из Турина — статья Добролюбова «Из Турина», С., 1861, № 3, с. 195—226, с которой резко полемизировал либеральный публицист Н. В. Альбертини (1826—1890). Политическое обозрение.— ОЗ, 1861, № 3, с. 24—25.

¹⁰² Г. Ив. Аксаков ... Безумные поляки...— См.: От редакции.— «День», 1861, 21 октября, № 2, с. 14.

¹⁰³ Г. Леонтьев ... мужику земля не нужна — См.: Леонтьев П. М. О судьбе земледельческих классов в древнем Риме.— РВ, 1861, т. 31, январь, кн. 1, с. 5—92.

¹⁰⁴ Г. Н. Костомаров ... Не должно подчиняться деспотизму уличной толпы.— См. «Автобиографию» Костомарова («Русская мысль», 1885, № 6, с. 41).

¹⁰⁵ Белинский принес больше вреда, чем пользы.— См.: Лонгинов М. Н. Из современных записок. III. Белинский и его лжеученики.— РВ, 1861, т. 33, июнь, Литературное обозрение и заметки, с. 131.

¹⁰⁶ И долго буду я народу тем любезен...— ироническая перефразировка заключительного четверостишия пушкинского «Памятника» (1836) в измененной редакции В. А. Жуковского: «И долго буду, тем народу я любезен ... Что прелестью живой стихов я был полезен», благодаря чему выпадала строка пушкинского оригинала: «Что в мой жестокий век восславил я свободу».

¹⁰⁷ Об университетском вопросе ... статьи...— Осенью 1862 г. «волнения <...> охватили все университеты, кроме Дерптского» (Пантелеев Л. Ф. Воспоминания, с. 244). Их вызвало введение министром народного просвещения Е. В. Путятным новых «временных правил» для университетов, которыми воспрещались сходки, ликвидировались

студенческие кассы взаимопомощи и библиотеки, вводилась обязательная плата за слушание лекций — все это ограничило доступ в университет разночинцам. Петербургский университет, где студенческое движение приобрело особенно широкий размах, осенью 1861 г. был закрыт. В печати оживленно обсуждался вопрос о том, какой устав необходим университетам.

¹⁰⁸ ...это напечатано в XII кн. «Современника» в 1857 г. — выше цитирована статья самого Чернышевского «Современное обозрение».

¹⁰⁹ ...публицист ... который ... крикнет: «*Very dangerous!!!*»... — Это упоминание о давнем уже столкновении Герцена с «Современником» (1859) скорее всего преследовало маскировочные цели, поскольку оно помещено в окружении исключительно острых и цензурно опасных утверждений: «В пять лет <срок, прошедший с момента первых известий о будущей реформе. — А. Ж.> ни на шаг не подвинулась <...> наша жизнь», хотя «в эти пять лет совершенно освобождение крестьян».

¹¹⁰ ...едет кто-нибудь в коляске ... напишет стихи... объявят рекрутский набор ... напишет стихи... — Имеются в виду: стихотворение А. Н. Майкова «Коляска», воспевающее Николая I, которого ему долго не могла простить демократическая критика, и его отклики в официально-патриотическом духе на события Крымской войны (сборник «1854 год»).

¹¹¹ Посвящается ... Фихте и ... Лонгинову — Фихте И.-Г. (1762—1814) упомянут в качестве философа-идеалиста, Лонгинов — как дотошный разыскатель. Дважды задетый в этой статье «библиограф» отреагировал печатно: «... о Д. Ф. Самарине <...> была напечатана в «Современнике» целая большая статья, исполненная насмешек и брани, в которой он выставлен якобы лицемером, крепостником, плантатором и награжден прочими ругательствами, изобретенными в некотором «прогрессивном кружке» <...> вас, Дмитрий Федорович, осудил некий «Эфиоп» <...> Но что я вижу? Вы, кажется, смеетесь над страшным приговором» (Лонгинов М. По поводу статьи г. А. в № 105 «Нашего времени». — НВ, 1862, 6 июня, № 119).

¹¹² ...изданную некогда за границей брошюру... — О крепостническом выступлении Н. А. Безобразова см. с. 476, прим. 119.

¹¹³ ...магистр такого имени действительно существует... — Н. А. Безобразов был магистром законоведения СПб. университета.

¹¹⁴ ...принимал ... Безобразова за Синеуса. — «Отечественные записки», встретившие этот номер «Свистка» градом оскорблений, посвятили Чернышевскому бездарные вирши «Думы Синеуса» (ОЗ, 1862, № 2, Письма об изучении безобразия, с. 45) и пытались доказать, что нападение на либерального Самарина уравнивает Чернышевского с реакционерами («я=я, г. Чернышевский=г. Чичерину, все же остальное человечество, все, что не=я—будет равно нулю». — Там же, № 3, Современная хроника России, с. 14—15).

¹¹⁵ ...великого магистра ливонского ордена. — Ливонский орден — средневековое католическое рыцарское объединение (государственное и военно-политическое) в Восточной Прибалтике (1237—1562), во главе которого стоял пожизненно избираемый великий магистр.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЭСКИЗОВ

Св. 8, с. 56—59. Автор — Н. А. Добролюбов. Неполный черновой автограф стихотворения «В Праге» (без названия, стихи I—28) — в ПД. Рукописи остальных стихотворений неизвестны. В изд. 1862 перепечатаны на с. 583—586 без подзаголовка.

3. В Праге

Стр. 266, стих 32. В изд. 1862 следовало окончание:

Фонари, хоругви, мощи и иконы,
С торжеством особым высились мадонны.

¹¹⁶ Сыплют иностранцы Русские мильоны — см. с. 465, прим. 8.

¹¹⁷ Мы дадим дух жизни — «дух жизни» — ходовая славянофильская формула (часто встречается в стихах А. С. Хомякова).

¹¹⁸ Концерт на Брюлевской террасе... — Брюлевская терраса расположена на старой крепостной стене Дрездена над Эльбой.

¹¹⁹ ...поднял мотив из Травиаты — «Травиата» — опера Д. Верди (1853), либретто Ф. Пьяве по драме А. Дюма-сына «Дама с камелиями».

¹²⁰ ...повторять ... вслед за Хомяковым — См. стихотворения А. С. Хомякова «Не гордись перед Белградом», «Беззвездная полночь дышала прохладой» (1847).

БЫЛИНА

Св. 8, с. 59—61. Автор — М. А. Воронов (установлено на основании гонор. вед. ПССД (1939), т. 6, с. 732). Автограф и корректура неизвестны. Перепечатывается впервые.

¹²¹ *Перессорились .../Михаил Катков/Да с Чичериным .../За дворян один,/Супротив другой* — Особенность полемического столкновения, о котором идет речь, состояла в том, что обе спорящие стороны (М. Н. Катков в «Современной летописи» и «Русском вестнике», Б. Н. Чичерин и Н. Ф. Павлов в «Нашем времени») были, в сущности, движимы единой целью: «упрочить политическое положение» русского дворянства после отмены крепостного права («Современная летопись», 1862, № 2, с. 16). Но Катков доказывал, что путь к этому — «сближение сословий» (в частности — выборы в органы местного самоуправления «от совокупности сословий». — Там же, № 3, с. 15—17; № 4, с. 16—20). Чичерин, ссылаясь на «выработанное тысячелетием» сословное разделение (Что такое среднее сословие? — НВ, 1862, 17 января, № 12), утверждал в серии своих статей «Русское дворянство» (НВ, 1862, 6 января, № 4; 9 января, № 5; 14 января, № 10), что уничтожить сословия — значит «усилить анархию» (НВ, 1862, 21 января, № 16).

¹²² *Заключи союз/С «Нашим временем».* — Об отсутствии настоящих принципиальных оснований в этих дворянско-помещичьих конфликтах писала чуть позже «Искра»: «Кажется, Павлов и Катков <...> Чичерин и Аскоченский <...> все одинаково люди почтенные, желают одинаково облагодетельствовать народ <...> Из-за чего же враждовать?» (Наша любовь к народу. — И, 1863, 25 января, № 4, с. 57).

¹²³ *...назвать их Вагнерами, потому что «Свисток» возвышен на степень самостоятельной науки и ... высокого искусства...* — Судя по всему, упомянуты одновременно: носящий это имя персонаж «Фауста» Гете (тип ученого-схоласта) и немецкий композитор Р. Вагнер (1813—1883), который в начале 1860-х годов был уже широко известен в России, но встречал настороженное отношение: «кучкисты» «вовсе не преклонялись перед ним как композитором... И Рубинштейн относился к нему с большой критикой» (Боборыкин П. Д. Воспоминания, т. 1, с. 305—307).

¹²⁴ *...безобразный поступок «Века».* — Речь идет о фельетоне П. И. Вейнберга («Век», 1861, 22 февраля, № 8) по поводу публичного чтения дамой на провинциальном литературном вечере «Египетских ночей» Пушкина (фельетонист считал это нескромным). Ему резко ответили многие публицисты — сторонники женской эмансипации — во главе с М. И. Михайловым. Подробное изложение этого эпизода: «Поэты «Искры»», т. 1, Л., 1955, с. 738—739.

¹²⁵ *...протест московских профессоров против г. Аскоченского* — см. с. 524, прим. 40.

¹²⁶ *Альбертини, Бестужев-Рюмин, Громека* — сотрудники «Отечественных записок», заведовавшие отделами журнала.

^{126а} *Статский советник. Салатушка.* — см. стр. 522, прим. 19.

¹²⁷ *...раздвоение подхвачено и подражателями...* — Так, Н. Н. Страхов выступал в журнале «Время» под собственной фамилией и под псевдонимом «Н. Косица» — последний часто объявлялся «приятелем» автора и участвовал в критическом диалоге.

¹²⁸ *...в ...руководстве к физике г. Ленца* — Имеется в виду Ленц Э.-Х. (1804—1865), выдающийся физик, автор широко распространенного и много раз переиздававшегося руководства по физике для гимназий.

¹²⁹ *г. Погодин ... Вот вам, православные, красное яичко.* — Брошюра М. П. Погодина «Красное яичко русскому народу» посвящена умиленному описанию «великого дня русской истории» (5 марта 1861 г., когда был объявлен Манифест 19 февраля) в Москве.

¹³⁰ *...с книгами Льюиса.* — Имеется в виду «Физиология обыденной жизни». Соч. Д.-Г. Льюиса. Перев. С. А. Рачинского и Я. А. Борзенкова, т. 1, 1861. Катков упомянул о ней в статье «Виды на entente cordiale с «Современником»» (РВ, 1861, т. 34, июль, с. 86—93).

¹³¹ *И было все глухо во мгле подо мной ... гиена морская* — весьма неточно приведенный текст из баллады В. А. Жуковского «Кубок» (перевод баллады «Der Taucher» Шиллера).

¹³² *Слава Гектору во гробе! ... Победенному — любовь!* — цитата (неточная) из баллады Жуковского «Торжество победителей» (1828).

¹³³ *Odi profanum vulgus et arceo ...* — начальные строки оды Горация (кн. III, ода 1).

¹³⁴ *На просторе опричник похаживает...* — цитата из «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Лермонтова.

¹³⁵ *Испослать тебе, детинушка ... мы за то тебя ... пожалуем* — из народной песни «Не шуми, мати, зеленая дубравушка», опущены заключительные строки: герой «пожалован» виселицей.

¹³⁶ *Пускай толпа клеймит презреньем...* — начальная строка стихотворения Лермонтова «Договор» (1841).

¹³⁷ *Когда пред общим приговором...* — цитируется (с изменением) стихотворение Лермонтова «Оправдание» (1841).

¹³⁸ *Приди в чертог ко мне златой* — слова (с изменением во второй строке) популярной арии из оперы Ф. Кауэра и С. И. Давыдова «Русалка» (либретто Н. С. Краснопольского).

¹³⁹ *...для формулирования ... мысли об университетах...* — Имеются в виду споры о назначении русских университетов и их уставе (вызванные многочисленными в 1860-е годы студенческими волнениями). Статьи Б. Н. Чичерина, печатавшиеся в МВ (1861, 26 ноября, № 260 и др.), вошли в его книгу «Несколько современных вопросов». М., 1862. Н. И. Костомаров выступал в «СПб. ведомостях» (см. с. 231, прим. 31). М. М. Стасюлевич возражал ему там же (1861, № 255).

¹⁴⁰ *...В. П. Безобразов... писал письма из деревни.* — Безобразов В. П. (1828—1889), экономист, публицист; речь идет о цикле его «писем из деревни», освещавших в либерально-апологетическом духе осуществление крестьянской реформы («Век», 1861, № 25, №№ 32—38, № 41).

¹⁴¹ *...заговорила «Современная летопись» «Русского вестника»...* — «Современная летопись» отзывалась на «университетский вопрос» в 1861, №№ 44—49.

СВИСТОК 9

Впервые — С, 1863, № 4, с. 1—88 (особой пагинации). Ценз. разр. 20 апреля, вып. в свет 28 апреля 1863. Цензор — В. Бекетов.

Последний № 9 «Свистка» отделен от предшествующего более чем годовым сроком. Это время было насыщено значительными и драматическими для революционеров-шестидесятников событиями: контрнаступление реакции с лета 1862 г., приостановка на 8 месяцев «Современника» и «Русского слова», массовые репрессии против участников революционного движения, в том числе — страшный для «Современника» удар: арест Чернышевского, и наконец, восстание в Польше в начале нового года, использованное царизмом для разжигания шовинистических, охранительных настроений в самых широких слоях российского населения.

1862 год принес резкий перелом не только в политическом курсе правительства, но и в настроении общества. «В самом общественном мнении 1862 год произвел благотворную перемену <...> в расположении умов начался перелом, содействовать которому обязаны все люди благомыслящие», — писали перешедшие под редакцию М. Н. Каткова и сразу ставшие рупором крайней реакции «Московские ведомости»¹.

Общественная реакция тяжело сказалась на состоянии литературы. Правительство обеспечило правым органам печати не только административное покровительство, но и прямую финансовую поддержку. «Власть говорит, не умолкая; литература подкуплена ею; журналистика в руках камер-лакеев гласности», — определил ситуацию Герцен². События 1862 года «совершенно подавили журналистику», — вспоминал Н. В. Шелгунов. — Растерянность ее была до того велика, что писатели, казалось, вполне установившегося образа мыслей складывали свое либеральное знамя и переходили в издания, в которых они прежде считали бы за стыд работать»³.

¹ 1863, 3 января, № 1.

² К, 1863, л. 158, 3 марта, с. 1310; см. также л. 157, 1 марта, с. 1303.

³ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания в 2-х т., т. 1. М., 1967; с. 226.

Это нравственное падение литературы (о котором «Современник» сказал в первом же номере по возобновлении)⁴ определялось логикой размежевания сил революционно-демократических и либерально-реформистских.

Либеральная и славянофильская публицистика («Отечественных записок», «СПб. ведомостей», «Голоса», «Дня») упрекала в наступившей после 1862 г. года общественной «апатии» революционеров, из-за которых якобы была проиграна «битва» широкого либерального фронта с консервативными силами за преобразование России. Экс-либералы публицистики, которые вчера «надсаживали себе грудь, доказывая, что зерно всего лучшего таится исключительно в молодом поколении»⁵, ожесточенно накинулись на молодежь — основной резерв революционных сил. «Мальчишки», «нигилисты» (слово, широко вошедшее в общественный обиход после «Отцов и детей») стали предметом яростной критики: «Каждый честный человек считает себя обязанным ругнуть молодых людей, осыпать упреками и проклятиями», — писал Герцен в статье «Молодая и старая Россия»⁶; «Образованные люди, недавние либералы, кричат, что мало их вешать, надо жечь живых», — насмешливо заметило «Наше время»⁷.

Наконец, еще одним существенным «признаком времени», свидетельствовавшим, что страна входит в полосу глубокой реакции, было повышение активности антиматериалистической пропаганды. С самых разных сторон материалисты подвергались упрекам в «деспотизме мысли», неуважении к «свободе личности»⁸. Поход против материализма в 1862—1863 гг. возглавил «неутомимый борец с материалистическим мировоззрением»⁹ П. Д. Юркевич — профессор Киевской духовной академии, перемещенный в октябре 1861 г. на кафедру философии Московского университета. Объявленный им цикл из 10 публичных лекций, который он прочитал в феврале—марте 1863 г. в университете, стал поводом оживленной полемики радикальной и ретроградной печати, вызвал столкновения лектора с аудиторией (см. подробно в примечаниях).

Всем этим определяется содержание № 9.

Его открывает обычный для последних выпусков «Свистка» (и необходимый в них, ввиду больших перерывов в издании) «исторический обзор»: «Свисток» и его время. Опыт истории «Свистка» М. А. Антоновича и «Вступительное слово «Свистка» к читателям» Н. А. Некрасова. По мере цензурной возможности, они постарались ввести читателя в подлинную историю «страшного года» для русской демократии. Надо сказать, что на этом — достаточно мрачном — фоне особенно сильное впечатление производит сатирическая отвага, с которой авторы последнего номера «Свистка» вышли в бой против мощных политических противников, имея в своем арсенале только одно оружие смеха.

Основная группа материалов выпуска сосредоточена вокруг современной литературно-журнальной жизни и обличает многообразное «литературное растление» (Герцен): прямой и косвенный подкуп как отдельных литераторов, так и целых органов печати («Московские песни об искушениях и невинности» Салтыкова); беспринципную торговлю идейным направлением — в буквальном смысле («Песня об «Очерках» Некрасова»); неизбежное движение вправо журнала, не имеющего твердой общественной платформы («Ах, зачем читал я «Время!» В. П. Буренина); внутренние междоусобицы продажных органов, в сочетании с их общей враждой к передовой журналистике («Секретное занятие» Салтыкова); попытки официальных сфер, вместо обещанных цензурных облегчений, ликвидировать свободную мысль вообще («Цензор впопыхах» Салтыкова, «Мое желание (Романс господина, обиженного литературой)» Некрасова, «Проект» К. Пруткова).

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Наша общественная жизнь; Его же. Драматурги-паразиты во Франции; Антонович М. А. Литературный кризис (С, 1863, № 1—2).

⁵ ССШ, т. 6. М., 1968, с. 13.

⁶ К, 1862 л. 139, 15 июля, с. 1150.

⁷ Х. К редактору газеты. — НВ, 1862, 9 июня, № 122.

⁸ См.: О нашем нигилизме. По поводу романа Тургенева. — РВ, 1862, т. 40, июль, с. 408—412; Игдеев <Долгомостьев И. Г.> Сказание о «Дураковой плени». — В, 1863, № 3, с. 102—104; И. А. <Аксаков И. С.> Два слова о материализме и общественной свободе — «День», 1863, 16 марта, № 11, с. 2; Лонгинов М. Н. Письмо к редактору. — МВ, 1863, 3 марта, № 56.

⁹ Л. Публичные чтения г. Юркевича по философии. — НВ, 1863, 17 апреля, № 74.

В осторожной форме маскируясь литературной полемикой с «патриотическим остервенением» (Герцен) изданий Каткова и Павлова, «Свисток» попытался сказать слово в защиту молодого поколения и восставшей Польши («Песнь московского дервиша» Буренина, «Литературные будочники», «Сопелковцы» Салтыкова, «Письма отца к сыну» Антоновича).

Опровержению философской реакции посвящены «Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче или Искание розы без шипов» Салтыкова и Антоновича, «После первого чтения г. Юркевича по «философии» Буренина и центральные в этой группе материалов «Письма отца к сыну».

И наконец, № 9 «Свистка» выполнил, насколько это оказалось возможным по цензурным условиям, еще одну важную задачу: подтвердил, не вызывая новых административных гонений, верность возобновленного «Современника» своему прежнему направлению. Этот вопрос волновал многих читателей: «Про меня <...> распустили слухи, что я отступился от прежних сотрудников, набираю новых, изменяю направление журнала, все это завершается прибавлением, что я *предал* Чернышевского и гуляю по Петербургу», — писал Некрасов Ф. М. Достоевскому 3 ноября 1862 г.¹⁰ В то же время, по настойчивому требованию министра народного просвещения А. В. Головнина, из объявления об издании «Современника» были выброшены строки, свидетельствовавшие, «что редакция этого журнала намерена сохранить то самое направление, которое признано было правительством неодобрительным и вследствие которого издание было приостановлено»¹¹.

Все материалы «Свистка» в той или иной мере, но главным образом — «Драматические сцены по поводу выхода «Современника»» Буренина подтверждали, что опальный журнал не «стал смиренней», и его идейная позиция не поколеблена.

«СВИСТОК» И ЕГО ВРЕМЯ

Св. 9, с. 1—12. Автор прозаической части — М. А. Антонович (гонор. вед., с. 261). Автограф неизвестен. Перепечатана в кн.: Антонович М. А. Литературно-критические статьи. Изд. «Художественная литература». М., Л., 1961, с. 126—134. Автор стихотворения «Вступительное слово «Свистка» к читателям» — Н. А. Некрасов. Черновые наброски и беловая рукопись — в ПД. Принадлежность стихотворения Некрасову указана также Н. В. Гербелем. — ССН (1879), т. IV с. CXLVI.

Стр. 273, стих. 4. В рукописи: [Начальство село] на мели.

Стр. 274, стих. 24. В рукописи: [Самих попов] не пощадил

Стр. 274, 1 сноска, стихи 3—4. Вместо этих двух стихов в рукописи:

[Но сильно чувствовать умеют
И выразительно молчат]

Стр. 274, сноска 4, стих 8. Далее в рукописи:

[Говорит в своей газете
Публицист Иван Аксаков:
Позабыли все на свете
Мы для модных брюк и фраков
Франция для нас блаженство]

Стр. 274, сноска 5, стихи 1—8. В рукописи первоначально (исправлено):

Обстоятельства ужасные	Получайте «Современное
Вынуждают нас, увы! —	Слово»... Нет большой беды
Наши очерки несчастные	Тож издание предпочтенное —
Прекратить. В замену вы	И будь счастлив и т. д.

Стр. 275, строка 3 сн. В рукописи: [Пародия на стих]

¹⁰ ПССН (1948), т. X, с. 479—480.

¹¹ Евгеньев-Максимов В. Е., Тизенгаузен Г. Ф. Последние годы «Современника». Л., 1939, с. 8.

Стр. 275, стих 9. В рукописи после этого стиха следовало:

[Читатель стал чудак большой	[Куда не обращаешь взор,
Нейдут Краевского издания	Повсюду жалобы да пiski,
И над Громекиной главой	Жив Современник до сих пор
Летают бомбы отрицанья,	Чуть живы Время и Записки.]
Как повествует сей герой]	

Стр. 275, стих 37. В рукописи к этому стиху сделана сноска: См. «Время», № 3, ст. «Опять молодое перо».

¹ *Познай себя.* — Афоризм «познай себя самого» приписывается семи древнегреческим мудрецам (см.: История греческой литературы, т. 2, М., 1955, с. 151); эту мысль развивал Сократ (ок. 469—399 до н. э.).

² *«не будите меня на заре»* — измененная первая строка известного стихотворения А. А. Фета («На заре ты ее не буди», 1842), положенного на музыку А. Е. Варламовым.

³ *«защелкал, засвистал на тысячу ладов», «внимало все тогда любимцу и певцу Авроры»* — цитаты из басни Крылова «Осел и соловей» (1811).

⁴ *«внимали свист уже привычным ухом»* — перефразировка начальных строк эпиграммы Пушкина «История стихотворца» (1818).

⁵ *уставясь на землю лбом* — слегка измененная строка из басни «Осел и Соловей».

⁶ *«умысел иной»* — неточная цитата из басни Крылова «Музыканты» (1808).

⁷ *артиллерию, усовершенствованную ... Армстронгом и Уайтвортом...* — Английские изобретатели пушки особо прочной конструкции.

⁸ *«рыцарей свистопляски»* — см. Св. № 4.

⁹ *...посоветовали литераторам «перестать бить и драться».* — См. с. 499, прим. 103.

¹⁰ *«Свисток» мог сказать, кому принадлежали такие планы...* — Антонович цитирует выше редакционное заключение к статье Непризнанного поэта (П. И. Вейнберга) «Литература скандалов» (ОЗ, 1860, № 9, с. 38—39).

¹¹ *...истинный смысл колоссальной фразы «в настоящее время, когда...»* — Следуя установившейся «свистковской» традиции, Антонович напоминает читателю (здесь и далее) темы предыдущих номеров «Свистка».

¹² *«Время» говорит... что оно первое восстало против ... «Русского вестника» ...* — См.: «Время» обличало г. Каткова и предрекало ему ново-булгаринский путь (Достоевский Ф. М.). Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов. — В, 1863, № 1, с. 37.

¹³ *«Наш язык и что такое свистуны?»* — См.: РВ, 1861, т. 32, март, Литературное обозрение и заметки, с. 1—21.

¹⁴ *...образцы его оригинального свиста ... в его прошлогодних летних статьях.* — См.: Заметка для издателя «Колокола». — РВ, 1862, т. 39, июнь, с. 834—852; О нашем нигилизме. По поводу романа Тургенева. — Там же, т. 40, июль, с. 402—426.

^{14a} Труды Московского литературного общества. С добавлением предварительных замечаний по спорным вопросам критики и грамматики (лат.) — Ред.

¹⁵ *«Все и ничего», «Самодур»* — юмористические разделы в «Отечественных записках» (см. 1861—1862).

¹⁶ *Погоди, Громека, Свистнешь, брат, и ты.* — См.: ОЗ, 1862, № 2, письма об изучении безобразия. Думы Синеуса с. 47.

¹⁷ *...статьи «со свистом и пляскою, с переодеванием» ... о «либеральных кнутиках»,* — Имеются в виду «Щекотливый вопрос. Статья со свистом, с превращениями и с переодеваниями» (В, 1862, № 10, с. 141—163); Подписка на 1863 год. «Время», журнал литературный и политический... (там же, № 9, с. 1—12). Автором обеих статей был Ф. М. Достоевский.

¹⁸ *...подражая ... мухе ... «мы орали»...* — Имеется в виду крылатое изречение («Мы пахали») из басни И. И. Дмитриева «Муха» (1803).

¹⁹ *...он понес чувствительные, ужасные потери, которые он долго оплакивал ... для него наступила длинная мрачная ночь ... Первые минуты его пробуждения были отравлены сознанием новых потерь...* — Речь идет о смерти Добролюбова (17 ноября 1861 г.) и Панаева (19 февраля 1862 г.), о ссылке в каторгу М. И. Михайлова (декабрь 1861 г.), приостановке «Современника» на восемь месяцев, последовавшей в июне 1862 г., и аресте Чернышевского, совершившемся уже после этого (7 июля).

²⁰ ...один глаз неестественно блещет, из другого сочатся слезы.— Антонович пытался намекнуть читателю на два чрезвычайных обстоятельства в современном положении России: события в Польше, где с начала 1863 г. шло кровавое подавление царизмом национально-освободительного движения, и массовые преследования, которым подверглись в эти же месяцы русские революционеры-шестидесятники.

²¹ *Гарибальди ... получил ... возмездие ... Ратацци ... подстрелил его...* — Стремление Гарибальди организовать освободительный поход на Рим привело к резкому столкновению его с пьемонтским правительством, во главе которого после смерти Кавура стоял У. Ратацци (1808—1873), опасавшийся осложнения отношений с Францией. 29 августа 1862 г. при Аспромонте отряд Гарибальди был атакован пьемонтскими вооруженными силами, раненый Гарибальди был взят в плен.

²² *Скатилось ... еще одно солнце — Оттон I ...* — Используя строку добролюбовского стихотворения «Надежды патриота», Антонович говорит об изгнании в октябре 1862 г. греческого короля Оттона из Афин.

²³ ...*Австрия ... ринулась на опасный путь ... государственные люди Пруссии взяли на себя... задачу Австрии...* — см. с. 507, прим. 44, 46.

²⁴ ...*уничтожение откупов ...* — Откупная система была отменена с января 1863 г.

²⁵ ...*разделили ... на отцов и детей ...* — «все мы здесь в Петербурге в течение полутора месяцев совершенно поглощены были спором об «Отцах и детях», — свидетельствовал корреспондент «Нашего времени». А. Клеванов (Письма петербургского старожилы. — НВ, 1862, 17 мая, № 104).

²⁶ ...*порода людей, под названием нигилистов ... имеющая сходство с зефиротами.* — Слово «нигилист», существовавшее и до тургеневского романа «Отцы и дети», но широко вошедшее в общественный словарь только с его появлением, было с торжеством подхвачено реакционерами: «оно было превращено в орудие доноса, бесповоротного осуждения, — почти в клеймо позора», — с горечью вспоминал впоследствии Тургенев (Полн. собр. соч. и писем. Сочинения, т. XIV. М. — Л., 1967 с. 105); «нигилист <...> по мнению людей благонамеренных, значит почти то же, что поджигатель» — свидетельствовала «Искра» (Хроника прогресса. — И, 1863, 26 апреля, № 15, с. 209). Зефироты — фантастические существа, полулюди — полуптицы, о которых повествует анонимная статья В. Ф. Одоевского (Зефироты. — «Северная пчела» 1861, 1 апреля, № 75).

²⁷ «*Петербургские ведомости*» переселились в Москву, а «*Московские*» в Петербург. — В. Ф. Корш с мая 1862 г. был вынужден оставить, вследствие интриг Каткова, редактирование «Московских ведомостей» (они попали в руки последнего, сразу превратившись в рупор крайнего консерватизма). Корш стал редактором «СПб. ведомостей» (до этого — более «правых», чем «Московские»).

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» К ЧИТАТЕЛЯМ

²⁸ ...*в литературе/Порядки новые пошли.* — 12 мая 1862 г. были утверждены суровые «Временные правила о печати» (на основании которых вскоре был приостановлен «Современник»). С января 1863 г. цензурное ведомство было передано из министерства народного просвещения в министерство внутренних дел.

²⁹ ...*при помощи Пановских* — С. Пановский участвовал в «Современной летописи»; Н. Пановский сотрудничал во всех изданиях Каткова, а также в «Нашем времени».

³⁰ *Что предпринять должна Россия* — В статье «Польский вопрос» Катков угрожал полякам «беспощадною борьбою, в которой они встретятся <...> с целым великим народом» (РВ, 1863, т. 43, январь, с. 482), в марте 1863 г. (РВ, т. 44) он опубликовал целый трактат «Что нам делать с Польшей?».

³¹ ...*гимн безмолвию поет.* — Здесь и в примечании к этим строкам Некрасов откликнулся на провокационные рассуждения Каткова, противопоставившего «народное» — «патриотическое» — отношение к польским «мятежникам» позиции передовой части общества, которая обвинялась им в космополитизме: «Они (крестьяне, «мужики» — А. Ж.) собраний не имеют, речей не говорят <...> Они люди простые и темные <...> Но они русские люди, и они издали, в своей темной глубине, прежде, чем люди на горах, люди просвещенные и умные, говорящие и пишущие <...> — они издали слышали голос отечества и отозвались из него» (Передовая. — МВ, 1863, 28 марта, № 68). Чуть позже на эту

демагогическую вылазку отозвалась «Искра» («Предсказания «Искры» на май». — 1863, 3 мая, № 16, с. 239).

³² ...в затмении рассудка Юркевич ... лекцию читал. — См. статью «Неблаговоновый анекдот о г. Юркевиче или искание розы без шипов» и примечания к ней.

³³ ...наклонностей военных /Дух прививается ... — речь идет о подавлении польского восстания.

³⁴ Когда мы видим избитых/Посредников. — С началом введения в действие уставных грамот осуществлявшие этот акт мировые посредники, по сообщениям печати, не раз подвергались нападениям помещиков (см., в частности: <Салтыков-Щедрин М. Е.> Известие из Полтавской губернии. — С, 1863, № 1—2, с. 47—62; его же: Дополнение к «Известию из Полтавской губернии». — Там же, № 3, с. 173—174; Еще по поводу «Заметки из Полтавской губернии». — Там же, № 5, с. 158). «Дворянство <...> продолжает вести облаву на мировых посредников» — констатировали «Отечественные записки» (<Громека С. С.> Современная хроника России. — 1863, № 3, с. 37). Но Некрасов, может быть, намекает здесь и на другое «избиение»: тринадцать мировых посредников Тверской губернии были подвергнуты заключению в Петропавловской крепости и лишению некоторых прав за признание Положения 19 февраля недостаточным и несправедливым по отношению к крестьянству (см. «Северная почта», 1862, 19 августа, № 181). В «подстрекательстве» к этому выступлению министр юстиции В. Н. Панин подозревал М. Е. Салтыкова, незадолго до того занимавшего в Твери пост вице-губернатора (см.: Журавлев Н. В. М. Е. Салтыков-Щедрин в Твери. Калинин, 1961, с. 138—166).

³⁵ ...совсем/Нейдут Краевского изданья. — Затруднения с подпиской «Отечественные записки» испытывали с 1861 г. («У «Отечественных записок» <...> подписка — туго», — писала А. Я. Панаева Добролюбову 24 февраля (8 марта) 1861 г. («Добролюбов в воспоминаниях современников», 1961, с. 449—450).

³⁶ ...над Громекиной главой/Летает бомба отрицанья ... повествует сей герой. — См.: Современная хроника России. — ОЗ, 1863, № 3, с. 8—10. Публицист рисовал аллегорическую картину «дружного натиска общественного мнения» на силы реакции, когда посреди «лагеря нападающих» (т. е. либералов) внезапно упала «бомба отрицания» (подразумевались действия революционной демократии). Это, якобы, расстроило либеральные ряды, позволив «осажденным умножить свои силы».

³⁷ ...всплакал Фет, что топчут гуси/В его владениях траву — Упомянуты известные письма А. А. Фета «Из деревни», в которых начавший хозяйничать с помощью вольнонаемных работников и столкнувшийся с трудностями Фет изливал свое негодование на новые порядки — менее «удобные» для землевладельца, чем крепостные формы взаимоотношений (см.: Из деревни. IV. Гуси с гусенятами. — РВ, 1863, т. 43, январь, с. 438—471). Это выступление «поэта-землевладельца» было многократно осмеяно в литературе (Минаев Д. Д. Лирические песни с гражданским отливом. — «Русское слово», 1863, № 6, № 7; Салтыков-Щедрин М. Е. Наша общественная жизнь, 1863, апрель. — С, 1863, № 4, с. 375—402).

³⁸ ...ругнул Иван Аксаков/Всех, кто в Европу укатил. — См.: «День», 1863, 23 марта, № 12, «Что делает русское общество в то самое время, когда мы так бедны и слабы общественной силою <...>? 275 000 русских, уехавших за границу, — эта цифра служит красноречивым ответом: 275 000! Это почти целая четверть русского дворянства...» (с. 2).

³⁹ Духовных лиц не пощадил. — В том же номере газеты появилось «письмо в редакцию» Касьянова (<И. С. Аксакова> «Из Парижа», где, в частности, говорилось, что в Европе «русское доховенство старается из всех сил, чтобы его не признали за духовенство» (с. 3).

⁴⁰ Внезапно Павлов замолчал — «Наше время» в 1863 г. (на № 126) прекратило свое существование.

⁴¹ ...Амплий Очкин кунштик чудный/С газетой «Очерки» удрал. — Приступая к изданию (с января 1863 г.) ежедневной политической и литературной газеты «Очерки», А. Н. Очкин (1791—1865) пригласил в качестве неофициального редактора Г. З. Елисеева, который привлек к сотрудничеству М. А. Антоновича, А. П. Щапова, некоторых беллетристов-демократов. Газета имела яркий радикальный характер, что сразу обеспечило ей ненависть реакционной печати: «в «Очерках» пишет недоученная демократическая молодежь <...> в числе сотрудников «Очерков» нет ни одного столбового дворянина или ученого, имеющего диплом, а вся редакция набрана из семинаристов», — иронизировала над претензиями ретроградов «Искра» (Хроника прогресса. — 1863, № 6, 8 февраля, с. 77). «Устрашающая правительством репутация» Антоновича и Елисеева (ЛН, т. 25—26. М., 1936, с. 390) побудила Очкина 8 апреля 1863 г. на № 94 внезапно прекратить издание (без предварительного

уведомления сотрудников). Подписчиков он передал Н. Г. Писаревскому, редактору либеральной газеты «Современное слово» (которая вскоре — в июне 1863 г. — была запрещена правительством).

⁴² ...явился «Голос» — С 1863 г. А. А. Краевский стал издавать собственную газету под этим названием.

⁴³ ...прекратилась «Ерунда» — см. с. 524, прим. 39.

⁴⁴ Или изгладила «Заноза»... — «Заноза, журнал философский, политический, экономический, социальный, ученый, литературный и всяких российских художеств и безобразий с историческими и правоучительными картинками», — как рекомендовало себя это бесцветно-благонамеренное издание, пытавшееся эксплуатировать успех демократической журнальной сатиры, — начала выходить в Петербурге еженедельно с 1863 г. под редакцией одного из постоянных «героев» первых номеров «Свистка» — М. П. Розенгейма.

⁴⁵ Узнай по крайней мере звуки, / Бывало милые тебе ... / В моей изменчивой судьбе. — из посвящения к поэме «Полтава» (1828) Пушкина.

⁴⁶ И никого вокруг себя / Себя смиренней не находит — перефразировка строк из пушкинского стихотворения «Кто знает край, где небо блещет» (1828).

⁴⁷ Газеты чуждые шумят — «Le Siècle», «The Times» и другие европейские издания выступали в поддержку восставшей Польши, ожидалось коллективное вмешательство Англии и Франции в русско-польские отношения.

⁴⁸ Он жаждет славы и войны. — Измененной строкой из стихотворения Лермонтова «Не плачь, не плачь, мое дитя» охарактеризованы шовинистические призывы Каткова: «Теперь менее, чем когда-нибудь за все продолжение нашего исторического существования, можем мы опасаться войны <...> Да, война не должна устрашать нас, какие бы ни приняла она размеры» (Передовая. — МВ, 1863, 19 апреля, № 83).

⁴⁹ И лезет мост на мост горой. — В ночь с 3 на 4 апреля 1863 г. ледоходом на Неве наводной деревянный Литейный мост был снесен и прибит к Николаевскому. По этому поводу столичные газеты обвиняли лиц, «заведующих этими постройками», в нераспорядительности (см. «Биржевые ведомости», 1863, 12 апреля, № 83).

⁵⁰ ...начнут свой ... спор Гиероглифов и Стелловский. — Этот спор вспыхнул в декабре 1862 г.: Ф. Т. Стелловский — издатель газеты «Русский мир» обвинил ее редактора А. С. Гиероглифова (1824—1900) в тяжелом финансовом положении издания и предложил с января 1863 г. редакцию Вс. Крестовскому. Гиероглифов опротестовал это решение, вменяя в вину Стелловскому растрату подписных денег. Их материальные разборательства шли с пространными «Объяснениями», которые обе стороны публиковали в газетах (см.: Ямпольский И. Г. Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973, с. 63—64, 134).

⁵¹ И гимны братьев Достоевских / Самим себе не заглушай! — В объявлении о подписке на 1863 г. «Время» заявило: «Недоброжелателей у нас много, да и не могло быть иначе <...> Мы выступили на дорогу слишком удачно, чтоб не возбудить иных враждебных толков (В, 1862, № 9, с. 1). В № 1 журнала за 1863 г. (Современное обозрение, с. 38) сообщалось о росте подписки на него (в то время, как у других, по мнению редакции, она падает).

ЦЕНЗОР ВПОПЫХАХ

Св. 9, с. 12—19. Автор — М. Е. Салтыков-Щедрин (гонорар вед., с. 261). Автограф неизвестен.

⁵² ...на гамбсовском ... пате ... — Гамбс — старинный мастер мебели; пате — род кушетки.

⁵³ «Ключ к таинствам природы» — см. с. 458, прим. 24.

⁵⁴ ...см. драму г. Костомарова «Кремуций Корд» ... — Критика быстро почувствовала сходство ситуаций в пьесе («Кремуций Корд». Соч. Н. Костомарова. Пб. Ценз. разр. 18 мая 1862) с жизненными коллизиями недавнего времени и прежде всего с процессом Чернышевского и другими версоломными правительственными мерами (см., напр., НВ, 1862, 13 октября, № 220, с. 3—4). Сам Костомаров позднее сообщал, что «Кремуций Корд» написан был им еще в 1849 г., то есть в пору саратовской ссылки («Автобиография Н. И. Костомарова», М., 1922, с. 357). Известно, что в 1862 г. цензура запретила рецензию Н. С. Лескова,

посвященную пьесе Н. И. Костомарова, «не находя удобным разрешить к печати в «Северную пчелу» одни выдержки из «Кремуция», имеющие свой особый смысл, который может быть терпим в целой и особой книге» (См.: Ямпольский И. Г. «Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году» — Уч. зап. ЛГУ, № 355, серия филологич., вып. 76, 1971, с. 189). Сопоставляя исторические события, рассказанные в драме, с современностью, Салтыков распространяет это сближение и на одного из главных героев пьесы — римского императора Тиверия, убийцы ни в чем не повинного, мужественного историка Кремуция Корда. Тиверий употребляет самые недостойные средства для расправы с трезво, честно мыслящими людьми. Здесь несомненна салтыковская ирония по поводу принадлежности Тиверия «к тайной секте» свистунов». Отсутствие инициалов автора драмы давало возможность современникам правильно воспринять и язвительный намек в адрес Вс. Костомарова, позорно известного своими доносами на Чернышевского.

ПИСЬМА ОТЦА К СЫНУ

Св. 9, с. 19—32. Автор — М. А. Антонович (гонорар вед., с. 261). Автограф неизвестен. Перепечатывались в сб. «Русский фельетон», М., 1958.

⁵⁵ Ванечка — подразумевается Иван Аксаков.

⁵⁶ ... статьи Хомякова и Самарина ... — Имеются в виду: Хомяков А. С. О современных явлениях в области философии (письмо к Ю. Ф. Самарину). — «Русская беседа», 1859, т. I, кн. 13, Науки (там утверждалось, что материализм — «посрамление» философии и, «подвергнутый испытанию логики, обращается в бессмысленный звук», с. 16, 21); Самарин Ю. Ф. Письма о материализме. Письмо 1-е — «День», 1861, № 2.

⁵⁷ «все благородные движения человеческой природы несовместимы с учением материалистов, обоготворивших ... материальную силу». — Здесь и далее цитируется статья И. А. <И. С. Аксакова> «Два слова о материализме и общественной свободе» («День», 1863, 16 марта, № 11, с. 2), которая и послужила непосредственным поводом выступления Антоновича. Заглавие статьи Антоновича, кстати, пародирует название рекламированной в предыдущем номере «Дня» (1863, 9 марта, № 10) книги протоиерея Прокоповича «Письма отца к сыну о причинах отделения западной церкви от восточной».

⁵⁸ Теперь из химии и физиологии ты узнал ... — М. А. Антонович снискал славу «alter ego Чернышевского в тяжелой и опасной полемике с враждебными философскими теориями» (Елисеев Г. З. Воспоминания. — В сб.: «Шестидесятые годы», Л., 1933, с. 269—270) и действительно сделал немало для журнальной популяризации его положений, однако, с более заметными механистическими и вульгарно-материалистическими издержками, что отразилось и в комментируемой статье.

⁵⁹ ... ты доказываешь ... что должно обрусить все, что соприкасается с русскими. — Отклик на передовую «Дня» (1863, 23 марта, № 12 — все приведенные цитаты оттуда), где Аксаков, приспособив славянофильскую доктрину к карательной политике царизма, в разгар репрессий над «мятежной» Польшей предупреждал об угрозе «ополячения наших западных областей» и сетовал, что мы «не обрусил Западный край», так как, «чтобы обрусить, надо быть русскими, а русских-то между нами и нет».

⁶⁰ ... презрение ... высказывавшееся недавно устами принца Наполеона... — Принц Наполеон (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III; будучи французским сенатором, в период польского восстания выступал с сенсационными либеральными речами.

⁶¹ ... нарочитые органы русской публичности, в роде «Московских ведомостей» и «Нашего времени...» — Речь идет прежде всего о великодержавно-националистической ориентации названных газет. Кроме того, здесь скрыт намек на небескорыстное рвение их издателей. То, что «Наше время» — купленный орган, хорошо знали современники (см. прим. 12); хотя издатели «Московских ведомостей» торжественно заявляли, что «в общественном деле дорожат более всего независимостью своих воззрений и своего слова» (Об издании «Московских ведомостей» в 1863 г. — «Современная летопись», 1862, № 43, с. 2), Катков тоже пользовался материальными льготами (право публикации казенных объявлений) и административным покровительством.

⁶² стремление к прогрессу на всех парусах — Позиция И. С. Аксакова (в отличие от Каткова и Павлова) была непоследовательна: он не раз высказывал в своих изданиях положения, расходившиеся с официальной догмой, и подвергался за это цензурным пре-

следованиям. Антонович напоминает здесь историю запрещения на № 2 газеты И. С. Аксакова «Парус» (1859) за статьи, содержавшие требование открытого обсуждения деятельности государственных учреждений и критику внешней политики России.

⁶³ «*быть или не быть?*» — начальные слова монолога Гамлета из I сцены III акта трагедии В. Шекспира «Гамлет».

МОСКОВСКИЕ ПЕСНИ ОБ ИСКУШЕНИЯХ И НЕВИННОСТИ

В Св. 9, с. 32—37. Автор — М. Е. Салтыков-Щедрин (гонорар. вед., с. 261). Автограф неизвестен.

⁶⁴ *Не искушай ты меня* — пародировано стихотворение А. А. Фета «Не отходи от меня» (1842).

⁶⁵ *Я принесу свой журнал, Ты ж принеси капитал* — В «Дневнике» министра внутренних дел П. А. Валуева за 1861—1862 гг. сохранилось немало записей, относящихся к «торговле» Н. Ф. Павлова с правительством о субсидиях: «На днях имел переговоры с Павловым», «Государь утвердил мои предположения <...> о сделке с Павловым насчет его газеты», «был у меня Павлов, который начинает торговаться», «Утром был у меня Павлов из Москвы с новой просьбой о деньгах ...» («Дневник П. А. Валуева»: в 2-х т., т. 1, М., 1961, с. 117—118, 122, 123).

⁶⁶ *Встанет Грановский из плена могильного, / Спросит: где взял капитал?* — Намек на прежнюю близость московских публицистов, в частности, Каткова, к Грановскому, Белинскому, Станкевичу и на их ренегатство. Непосредственно перекликается с салтыковским стихотворением статья Герцена «В эстапе»: «... Головин и Валуев учредили открытые рынки, на которых покупались «мертвые души» литературного мира»; в Москве «ни одной живой души не было после смерти Грановского и, следовательно, мертвых тьма-тьмуша» (Ж, 1863, л. 170, 1 сентября).

⁶⁷ *Или Л ... ва злого, трехпробного?* — Имеется в виду П. М. Леонтьев. «Трехпробный» — здесь: ядовитый, опасный, вредный. (Ср. у Даля: трехпробное вино — которого треть выгорает, т. е. очень крепкое).

⁶⁸ *И шептал он мне, вручая ...* — здесь и далее сатирические перифразы из стихотворения Пушкина «Талисман» (1827). «Генерал», о котором идет речь, вероятно, П. А. Валуев.

⁶⁹ *...карт алкая ...* — Намек на Н. Ф. Павлова, страсть которого к картам была общеизвестна.

НЕБЛАГОВОННЫЙ АНЕКДОТ О Г. ЮРКЕВИЧЕ

Св. 9, с. 35—51. Авторы — М. Е. Салтыков-Щедрин и М. А. Антонович. В гонор. вед., с. 261, указано, что первому принадлежат 6 журнальных страниц, остальные 8 — второму. Текст Салтыкова заканчивается словами «до чего он хотя случайно прикоснется...» (с. 297, строка 19 сл.) и перепечатан в ССЩ (1966), т. 5, с. 288—294. Автографы неизвестны. Вторая часть статьи, написанная Антоновичем, перепечатывается впервые.

⁷⁰ *... г. Лонгинов своими представлениями ... в Обществе любителей российской словесности ...* — С 1859 по 1864 гг. М. Н. Лонгинов был секретарем Общества любителей российской словесности и, по словам Н. П. Гилярова-Платонова, «ставил заседания» как «первоклассный режиссер театра» («Сборник Общества любителей российской словесности», 1891, с. 146—152).

⁷¹ *...понятно, что все это должно казаться московской публике charmant ...* — Лекции П. Д. Юркевича рекламировались консервативно — охранительной печатью как «одно из замечательнейших, небывалых явлений в нашей умственной московской жизни» («Наше время», 1863, 12 марта, № 54).

⁷² *Так рассказывают об этом деле М. Н. Лонгинов и И. С. Аксаков.* — См.: Лонгинов М. Письмо к редактору. — МВ, 1863, 13 марта, № 56; Аксаков И. Два слова о материализме и общественной свободе. — «День», 1863, 16 марта, № 11.

⁷³ *Орсини* — Орсини Ф. (1819—1858) — итальянский республиканец, участник борьбы за национальное освобождение Италии.

⁷⁴ ... 9 марта г. Юркевич ... объявил ... — Инцидент, излагаемый далее, с оглашением письма «неизвестного материалиста» (им оказался некий А. Рогов, напечатавший его затем в № 93 «Очерков»), произошел на шестой по счету лекции Юркевича.

⁷⁵ ... редактор одной почтенной газеты московской. — Имеется в виду «День» И. С. Аксакова.

⁷⁶ «Есть речи — значенье...» — начальные строки стихотворения Лермонтова (1840).

⁷⁷ Чего смотрел И. С. Аксаков... — Незадолго до появления этой статьи «День», обвинив в одной из рецензий «Современник» в «рenegатстве» по отношению к «своей народности», восклицал: «Чего смотрел г. Салтыков?» (Южный славянин. Два слова по поводу статьи г. Николая Берга «Мои скитания по белу свету». — «День», 1863, 2 марта, № 9, с. 19).

⁷⁸ ... его лекции слушали прекрасные, юные создания... — В газетных отчетах о чтениях Юркевича подчеркивалось, что «здесь встречается цвет московского общества», в том числе — «очень много дам» и «воспитанников высших классов гимназий» (И. С. Несколькo слов о публичном курсе г. Юркевича. — МВ, 1863, 15 марта, № 58).

⁷⁹ Свист ... есть насилие чужого убеждения ... — Как стремление «насилловать чужое убеждение и заставить молчать противника» расценивал угрозы «освистать» Юркевича М. Н. Лонгинов (МВ, 1863, 13 марта, № 56). К нему вполне присоединился И. С. Аксаков.

⁸⁰ Г. Костомаров ... должен был выслушать свист. — Речь идет о так называемой «думской истории»: 8 марта 1862 г. студенты СПб. университета, в порядке политического протеста, собирались прекратить слушание публичных лекций, организованных после закрытия правительством университета. Костомаров, несогласный с этим, резко столкнулся с аудиторией, «казалось, вся зала шикала и свистала» (Пантелеев Л. Ф. Воспоминания, с. 265).

⁸¹ Тамберлик ... Лагруа — артисты (знаменитый тенор Тамберлик Э. (1820—1889) и сопрано), певшие в Итальянской опере в Петербурге в 1857—1862 гг.

СЕКРЕТНОЕ ЗАНЯТИЕ

Св. 9, с. 51—54. Автор — М. Салтыков-Щедрин (гонор. вед., с. 261). Автограф неизвестен.

⁸² ...кусок колбасы, завернутый в клочок «Нашего времени» ... — Здесь и далее намеки на частые раздоры двух консервативных органов (см. с. 538, прим. 121).

⁸³ ...теперь вы свободны? — намек на реформу 1861 г., свою роль в осуществлении которой преувеличивали российские экс-либералы.

⁸⁴ ...ребята сказывали ... Александр Иванович Кошелев! — Кошелев А. И. (1806—1883), примыкавший к славянофилам публицист, издатель «Русской беседы», был активным участником Рязанского губернского комитета по освобождению крестьян.

⁸⁵ Быть может, Основский теперь на небесах! — Н. А. Основский, которого разорили его издательские дела, не мог расплатиться с рядом лиц, и ему угрожала долговая тюрьма. Это и дало Салтыкову повод называть его «покойником», «тенью».

⁸⁶ ...машинист Вальц, услышав имя г. Пановского... — «Обличения», которым сотрудник Каткова Н. М. Пановский подверг постановочную часть московских театров, иронически отражены в «Московских письмах» Салтыкова (см. Собр. соч.: В 20-ти т., т. 5, с. 154—156, 570—571). Ф. Е. Вальц — в 1860-е гг. главный машинист — декоратор московского Большого театра.

КРАТКИЙ НЕКРОЛОГ И ДВА ПОСМЕРТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА

Св. 9, с. 54—66. Пьеса «Опрометчивый Турка» вместе с «Прологом» написана, вероятно, В. М. Жемчужниковым. Пьеса и предисловие к ней перепечатаны с некоторыми изменениями в ПССП (1885), с. 231—241. Журнальная редакция этих текстов впервые воспроизведена в кн.: Прутков К. Полн. собр. соч., М., Л., 1933, с. 351—360.

Автор «Второго посмертного произведения Кузьмы Петровича Пруткова» (или «Проекта») — В. Жемчужников. В ПССП (1885) «Проект» не вошел. Как объяснено здесь,

он «исключен издателями потому, что составляет служебное, а не литературное произведение К. Пруткова» — ПССП (1885), с. V. Ясно, что «Проект не был перепечатан вследствие цензурных соображений. В. Жемчужников создал 2-ю редакцию текста под названием: «Проект»: о введении единомыслия в России». Рукопись этой позднейшей редакции с авторской пометкой «исключено» — в ЦГАЛИ. На рукописи также пометка дочери Алексея Жемчужникова: «Проект — сочинение дяди Вл. Жемчуж.» Этот текст впервые напечатан в ЛН, т. 3, М., 1932, с. 202—206 и перепечатан в издании 1933 года, с. 574—577, где помещен также журнальный вариант «Проекта» (с. 390—385) и краткое предисловие к нему (с. 419—420).

Стр. 314, строка 9 св. В рукописи после слов «господствующее мнение» следовало: Можно бы даже противодействовать развивающейся наклонности возбуждать «вопросы» по делам общей и государственной жизни, ибо: к чему они ведут? [Ибо частные люди не призваны к этому. Это дело правительства. Возбуждением «вопросов» нарушается уверенность в самостоятельной зоркости правительства. Нарушается спокойствие.] Истинный дворянин и патриот всегда враг так называемых «вопросов» [Истинный патриот должен быть враг всех так называемых «вопросов»].

Стр. 314, строка 13 св. В рукописи после слова «дорогого» вычеркнуто: престол.

Стр. 314, строка 13 св. Вся последующая часть текста со слов «Итак, повергая» до конца абзаца в рукописи отсутствует.

Стр. 315, строки 7-8 св. В рукописи со слов «Так, сбоку» дальнейший текст до цифры «I») отсутствует. Из 4-х пунктов предложений К. Пруткова (стр. 315) оставлены 2-й и 4-й, а после слов «ни наград, ни командировок» (Стр. 315, строка 7 св.) следовало заключение: Вообще в портфелях покойного Козьмы Пруткова, на которых отпечатано золотыми буквами: «Сборник неоконченного (d'inashevè)», содержится весьма много любопытных документов, относящихся к его литературной и государственной деятельности. Может быть, из них еще будет что-либо извлечено для печати.

⁸⁷ ...исполнятся пророческий твой стих.— Далее цитируется стихотворение «Мой сон», впервые появившееся в С, 1854, № 10, с. 99.

⁸⁸ ...художник ... передал ... наружность ... — см. с. 476, прим. 120.

⁸⁹ ...новый род драматического представления.— Как указано Б. Я. Бухштабом, пролог направлен против Ап. Григорьева: его трактовок творчества А. Н. Островского и принадлежащей ему идеи об «искренности в искусстве» (см. Полн. собр. соч. К. Пруткова. М., Л., 1965, с. 451).

⁹⁰ «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» — популярная песня, автор Н. Г. Цыганов (1797—1831).

⁹¹ ...с малахитом ... выделяемым ... Демидовым ... он получил за это диплом ... с английской печатью.— В 1851 г. на Всемирной выставке в Лондоне были удостоены медали малахитовые изделия Демидовских заводов. На всемирной выставке, открывшейся там же 1 мая 1862 г., экспозиция России была малоудачна и по-прежнему «привлекала посетителей» «только <...> пресловутыми яшмовыми, малахитовыми» изделиями («Современная летопись», 1862, № 35, с. 25).

⁹² ...он завещал все свое богатство Ламартину? — В 1859—1861 гг. многие русские газеты информировали читателей о ходе международной общественной подписки в пользу французского поэта и консервативного общественного деятеля А. Ламартина (1790—1869) с целью спасти его имение от продажи.

⁹³ Я знал его; мы странствовали с ним.... делили дружно! — начальные строки стихотворения Лермонтова «Памяти А. И. Одоевского» (1839).

⁹⁴ синапизм ... заволока — лечебные средства старинной медицины.

⁹⁵ Не дивитесь друзья ... — перефразированные слова песни С. Е. Раича (1792—1855) «Друзьям».

⁹⁶ Проект этот был написан в 1859 году.... П. Н. Берков, всецело связывая содержание этой сатиры с основанием в 1862 г. газеты министерства внутренних дел «Северная почта», предполагал, что дата «поставлена, конечно, по цензурным условиям» (Полн. собр. соч. К. Пруткова, М., Л., 1933, с. 573). Между тем, она точна и сатирически значима, так как «Проект» подразумевает два крупных общественно-литературных события, объединенных фигурой одного «героя»: академика, профессора словесности СПб университета, видного деятеля цензурного ведомства и министерства просвещения. А. В. Ники-

тенко. Первое: создание в январе 1859 г. верховного органа обуздания литературы — «Комитета по делам книгопечатания» в составе А. В. Адлерберга, Н. А. Муханова, А. Е. Тимашева, делопроизводителем которого стал Никитенко. Второе: организация «правительственной газеты» — план, осуществленный позже при участии того же Никитенко, но родившийся именно в недрах этого комитета (см. *Никитенко А. В. Дневник*, т. 2, с. 70—72).

⁹⁷ *Да разве может быть собственное мнение у людей, не удостоенных доверия начальства?! — Члены «Комитета», по свидетельству Никитенко, были «сильно озлоблены против литературы», «я опять наткнулся на замечания <...> что общественного мнения у нас нет, да едва ли оно и возможно <...> Это говорил гр. Адлерберг <...> он <...> вообще обнаружил какое-то сопротивление, какую-то неприязнь ко всему мыслящему» (см. *Дневник*, т. 2, с. 50, 99, 93).*

⁹⁸ *Вред несогласия с властью во мнениях.* — Задачи «Комитета» заключались в том, чтобы «служить орудием правительства для приготовления умов посредством журналов к предпринимаемым мерам; направлять <...> литературные издания к общей государственной цели, поддерживая обсуждение общественных вопросов в видах правительственных» (цит. по кн.: *Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России*. М., 1961, с. 632—633). В 1859 г. в статье «Very dangerous!!!» Герцен упрекнул «Свисток» в возможном невольном сближении с «триумвиратом» Адлерберга—Муханова—Тимашева; между тем именно на его страницах появилось единственное в подцензурной печати и исключительно смелое разоблачение «Комитета».

⁹⁹ *«Аще царство на ся разделится»* — изречение из евангелия (от Марка, III, 24). Смысл его в том, что царство, внутри которого произошло разъединение, погибнет.

¹⁰⁰ *Всякому русскому дворянину свойственно желать не ошибаться* — юмористическая переелицовка латинского афоризма «Errare humanum est» — человеку свойственно ошибаться.

¹⁰¹ *...учреждения официального печатного органа ...* — С начала 1862 г. по инициативе П. А. Валуева при министерстве внутренних дел стала выходить официозная газета «Северная почта», цель которой ее редактор (до 30 июня 1862 г.) А. В. Никитенко сформулировал так: «Надо привести в систему либеральные идеи и высказать прямо: чего д о л ж н о и м о ж н о хотеть» (*Дневник*, т. 2, с. 82, разрядка автора).

¹⁰² *...за достаточное вознаграждение ...* — Многочисленные «милости», посыпавшиеся на Никитенко (орден, денежное пособие, представление царю и т. п.), зафиксированы в его дневниках за 1859—1862 гг.

¹⁰³ *...указать на ... Бориса Федорова* — см. о нем с. 444, прим. 35.

¹⁰⁴ *...сделать подписку на сие издание обязательною для всех присутственных мест ...* — Ср. запись Никитенко от 5 февраля 1862 г.: «Министр внутренних дел издал циркуляр губернаторам, чтобы те посредством полиции заставляли подписываться на «Северную почту», так как эта газета правительственная и должна противодействовать русской прессе! Так сказано в циркуляре» (*Дневник*, т. 2, с. 257).

¹⁰⁵ *...велеть всем издателям ... перепечатывать руководящие статьи ...* — 27 мая 1862 г. Никитенко записал: «Моя статья о прогрессе перепечатывается в разных губернских ведомостях (*Дневник*, т. 2, с. 274) — имеется в виду его статья «Прогресс» («Северная почта», 1862, № 42). Тенденцию к насильственной унификации высказываний русской прессы отметили в 1863 г. Салтыков-Щедрин («Наша общественная жизнь» — С, 1863, № 4), Н. Курочкин и П. Гайдебуров в «Искре». (Наши газеты — И, 1863, 10 мая, № 17, с. 241; <Гайдебуров П. А.> Очерки прогресса. — Там же, 16 августа, № 31, с. 408—409; Пр. <Курочкин Н. С.> Полезное изобретение. — Там же, 6 сентября, № 34, с. 461—462).

¹⁰⁶ *...наложить ... денежные штрафы ... за все те мнения, кои окажутся противоречащими ...* — В течение 1862 г. обсуждалась новая цензурная система, которая должна была заменить предварительные «сдерживающие» печать меры — карательными (в том числе судебными преследованиями и штрафами).

ПЕСНЯ ОБ «ОЧЕРКАХ»

Св. 9, с. 67—71. Автор — Н. А. Некрасов. Черновой автограф (эпизод с Чичиковым) — в ПД. Включено в прижизненное издание под названием «Песня об «Аргусе» с разночтениями и с датой «1864» — ССН (1874), с. 222—229. В первом посмертном издании стихотворений напечатан по неистовому ныне автографу, набросок, имевший, как полагал

С. И. Пономарев, прямое отношение к «Песне об «Очерках»» — ССН (1879), т. IV, с. СХХХ—СХХХІ.

Стр. 316. «Емesto «Песни об «Аргусе»», — утверждал С. Пономарев в ССН (1879), т. IV, стр. СХХХ—СХХХІ, — Некрасов сначала хотел написать несколько сцен торга и продажи «Очерков». Передаем отрывок первой из этих сцен, сохранившийся в его бумагах и набросках, вероятно, для последней сцены:

Сцена I

Ночная встреча и договор

Невский проспект. Ночь. Четвертый час. Изредка гремят экипажи. Переходов почти нет. Издатель «Современного слова» одиноко и задумчиво прогуливается между Полицейским и Аничковым мостом.

Издатель «Современного слова»

Ой вы, подписчики! Ой вы, подписчики!
Где-то мне вас добывать?..

(Сталкивается с издателем «Очерков»)

Совестно днем среди Невского
И показаться — увy!
Встретишь Некрасова, встретишь Краев-
ского,

Издатель «Очерков»

Где?! Вы ко мне обратитесь,
Я прекращаю листок...

Корша, что к нам из Москвы
Прибыл ¹⁷² — глядеть отвратительно!
Сносно дела их идут,
А вот мои так решительно
Плохи — газете капут.
Хоть поступай в переписчики —
Нечем семью содержать.

Надо спасать достояние,
Надо подписчиков сбыть,
Надо покончить издание, —
Сколько вы можете дать...

(Торгуются, причем ходят очень скоро, говорят оба разом)

Набросок сцены, которая должна была следовать, вероятно, после продажи газеты:

Издатель «Совр.
слова»

Какие все подписчики!
Ну-Ну! Эге! Ого!
Студенты, переписчики...

Издатель «Очерков»
Что ж? Это ничего!

Издатель «Совр. слова»
Ну, братец мой, тово...
Надул ты препорядочно!

Издатель «Очерков»
Ты дальше почитай!

Издатель «Совр.
слова»

Читал уж я достаточно!
Скажите, попадаютcя,
Мещане! Вот народ!
Туда же просвещаются
На тощий-то живот!
Газеты ежедневные
Читают за гроши!

Издатель «Очерков»

Их качества душевные
Должны быть хороши!»

Стр. 316, строка 6 сн. слева. В ССН (1874): «Аргуса» я издавать.

Стр. 317, строки 15—18 св. справа. Это четверостишие, начиная от «Вы понапрасну встревожены» в ССН (1874) и всех последующих изданиях сочинений Некрасова отсутствует.

Стр. 317, строки 16—5 сн. справа. Начиная со слов «Видел во сне Елисеева» до слов «Этим пришибло его!» в ССН (1874) текст отсутствует и вместо этих стихов здесь напечатано:

Жаль мне редактора бедного!
Долго он будет грустить,
Что направления вредного
Негде ему проводить.

¹⁰⁷ ...Больше, чем с места квартального. — Очкин А. Н. (1791—1865), поэт, критик, переводчик, журналист, издатель «Очерков» раньше был также цензором.

¹⁰⁸ пренумерант — подписчик.

¹⁰⁹ Встретишь как раз <Дани>левского, /Что-нибудь тотчас совет. — Беллетрист, впоследствии автор исторических романов Данилевский Г. П. (1829—1890) пользовался нелестной репутацией лгуна и бахвала (см. Быков П. В. Силуэты далекого прошлого. М.; Л., 1930 с. 103—108).

¹¹⁰ меч дамоклов — символ угрожающей опасности (от древнегреческого предания о Дамокле, приближенном сиракузского тирана Дионисия Старшего, посаженном на пиру на место последнего под висящим на конском волосе мечом).

¹¹¹ регалия — сигара высшего сорта.

¹¹² ...Словно карнизом от дому Краевского ... пришибло его — Разбогатевшего на издательском поприще А. А. Краевского, ставшего владельцем дома на Литейном проспекте, преследовала насмешками по этому поводу демократическая печать, которая зло откликнулась на аварию, случившуюся в 1862 г. в этом доме (см. Степанов Н. Отчет 1862 года. — И, 1863, 6 января, № 1, с. 6).

ПЕСНЬ МОСКОВСКОГО ДЕРВИША

Св. 9, с. 71—82. Автор — В. П. Буренин (говор. вед., с. 261). Автограф неизвестен. Перепечатывается впервые.

¹¹³ Песнь московского дервиша. — Речь идет о М. Н. Каткове: «дервишами», «до одурения кружащимися на одном месте», он обозвал однажды своих литературно-политических противников в статье «К какой принадлежим мы партии?» — РВ, 1862, т. 37, февраль, с. 835.

¹¹⁴ ...сопелковцев, о которых написал прекрасное исследование г. Шапов ... — Имеется в виду: Шапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в 1-й половине XVIII. Казань, 1859.

¹¹⁵ Я цензуру приумножил... — Катков публично заявлял о своей готовности нести «полицейские обязанности в литературе» — см. прим. 127 к статье «Литературные будничники».

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

Св. 9, с. 72—73. Автор — Н. А. Некрасов. Рукопись (без заглавия) — ПД. Перепечатано в значительно переработанном виде под заголовком «Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году»¹⁷³ и с датой «1857» самим Некрасовым в ССН (1874), с. 262—264. Автограф варианта 1874 года — в Черниговском гос. историческом музее. В этой позднейшей рукописи к подзаголовку добавлено, а затем зачеркнуто: «и в 1866 году вновь призванного на службу отечеству». В конце этого рукописного текста Некрасов приписал (также зачеркнуто): «(Вторая половина была помещена в «Свистке» 1861 года)».

Мое желание

Стр. 318. В ССН (1874) стихотворение имело следующий вид:

«Убил ты, точно, на веку
Сто сорок два медведя,
Но прочитал ли хоть строку
Ты в жизни, милый Федя?»
— О нет! за множеством хлопот,
Разводов и парадов,
По милости игры, охот,
Балов и маскарадов,
Я книги в руки не бираю,
Но близок с просвещеньем:

Я очень долго управлял
Учебным учрежденьем.
В те времена всего важней
Порядок был — до книг ли?
Мы брали молодых людей
И, как баранов, стригли!
Зато студент не бунтовал,
Хоть был с осанкой хватской,
Тогда закон не разбирал —
Военной или статской:

Дабы соединить с умом
Проворство и сноровку,
Пофилософствуй, а потом
Иди на маршировку!..
Случилось также мне попасть
В начальники цензуры,
Конечно, не затем, чтоб красть, —
Что взять с литературы? —
А так, порядок водворить...
Довольно было пisku;
Умел я разом сократить
Журнальную подписку.
Пятнадцать цензоров сменил
(Все были либералы),
Лицеям, школам воспретил
Выписывать журналы.
«Не успокоюсь, не поправ

Писателей свирепость!
Узнайте мой ужасный нрав,
И мощь мою — и крепость!» —
Я восклицал. Я их застиг,
Как ураган в пустыне,
И гибли, гибли сотни книг,
Как мухи в керосине!
Мать не нашла бы прописей
Для дочери-девчонки,
И лопнули в пятнадцать дней
Все книжные лавчонки!..
Потом, когда обширный край
Мне вверили по праву,
Девиз: «Блюда — и усмирай!»
Я оправдал на славу...

.

1857

¹¹⁶ *Узнайте ... мощь мою и — крепость!* — По указанию К. И. Чуковского, пользуясь двойным значением последнего слова, Некрасов намекает на Петропавловскую крепость, узниками которой в это время оказались многие русские литераторы во главе с Чернышевским (Чуковский К. Мастерство Некрасова. М., 1955, с. 650—652).

¹¹⁷ *...лопнули бы .../Все книжные лавчонки.* — Обсуждение готовящегося нового закона о печати (введенного в действие в 1865 г.) широко развернулось в 1861—1862 гг. Либеральные и консервативные органы утверждали, что «Новый закон <...> нельзя не считать более благосклонным к нашей журналистике, нежели прежние порядки» (По поводу преобразования цензурного управления. — МВ, 1862, 15 марта, № 58), «эмансипация мысли следует за эмансипацией экономических отношений» (Дмитриев Ф. <Передовая>. — НВ, 1862, 3 апреля, № 73). Некрасов намекал, что подлинные намерения правительства состоят не в том, чтобы дать «свободу прессы», но напротив — отправить «свободу под пресс», как выразилась солидарная с ним «Искра» (1863, 11 января, № 2, с. 19).

ГОЛОС ИЗ «АКЦИОНЕРНОЙ ПУЧИНЫ»

Св. 9, с. 73—78. Автор — П. М. Ковалевский (гонор. вед., с. 261). Автограф неизвестен. В гонор. вед. указано, что Ковалевскому принадлежат и включенные в текст статьи два стихотворения под названием «Пучинный шум» (подпись: «Смарагд Бриллиантов») и «Общее собрание» (подпись: «Фердинанд Тюльпанензон»). В ССН (1879) стихотворения ошибочно приписывались Некрасову и перепечатаны в «Полн. собр. стихотворений Н. А. Некрасова», М., Л., 1927, с. 443, 444. Между тем на ошибку указывал сам автор (Ковалевский П. М. Встречи на жизненном пути. — «Русская старина», 1910, № 1, с. 42). Это мемуарное свидетельство подтверждается обнаруженным в недавние годы письмом П. М. Ковалевского к И. А. Панаеву от 6 февраля 1864 года: «Я не получил до сих пор следующего мне маленького гонорария за статейку с двумя стихотворениями, помещенную в последнем «Свистке» «Современника» (Указатель С., с. 579).

¹¹⁸ *Голос из «Акционерной пучины»* — Ковалевский П. М. (1823—1907) был одним из директоров акционерного общества «Кавказ и Меркурий» и в феврале 1863 г. вышел из состава правления, так как был несогласен с ведением дела, угрожавшим разорением «семьям бедных акционеров» (см. «Биржевые ведомости», 1863, 1 марта, № 47). Комментируемый фельетон перекликается со статьей Ковалевского «Акционерная пучина» (Из записок утопленника), — С, 1863, с. 299—309.

¹¹⁹ *...со всепожирающим интересом пекинского корреспондента «С. Петербургских ведомостей», изобразить ... новый год ...* — Корреспондент названной газеты в Пекине А. Попов в цикле фельетонов «Новый год в Китае» красочно описывал экзотические обычаи страны («СПб. ведомости», 1863, 9 января, № 7; 20 января, № 17; 7 марта, № 53).

¹²⁰ ...показываются статьи в «Биржевых ведомостях» ... — В марте — апреле 1863 г. газета неоднократно сообщала о «крайне тревожном» финансовом положении акционерных компаний «Кавказ и Меркурий» (см. след. прим.), Главного общества железных дорог («Биржевые ведомости», 1863, 16 марта, № 60), общества Царскосельской железной дороги (там же, 1863, 12 апреля, № 83).

¹²¹ *Я не подпишусь.* — Под этим псевдонимом некий «акционер общества» «Кавказ и Меркурий» дважды разоблачал махинации его правления («Биржевые ведомости», 1863, 1 марта, № 47; там же, 23 марта, № 66).

¹²² *Аскалон Труворов ... не псевдоним* — Труворов А. Н. (1819—1893), известный археограф, бывший правителем дел общества «Кавказ и Меркурий», принял участие в критике его правления («Биржевые ведомости», 1863, 23 марта, № 66).

¹²³ *Баян «Русского вестника» г. Алмазов.* — Консервативный поэт Б. Н. Алмазов (1827—1876) был постоянным участником журнала М. Н. Каткова, на его счету — многочисленные стихотворные выпады против демократии.

¹²⁴ *Пучинный шум* — перепев стихотворения Некрасова «Зеленый шум» (1862).

¹²⁵ *Скромна моя компания — Венера и Тантал, / Да с ней беда случилась* — Речь идет об обществе «Кавказ и Меркурий», имевшем крупный дефицит.

¹²⁶ *Лорд Пальмерстон* — Пальмерстон Г. (1784—1865) — английский политический деятель, в 1859—1865 гг. глава кабинета министров.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БУДОЧНИКИ

Св. 9, с. 78—80. Автор—М. Е. Салтыков-Щедрин (говор. вед., с. 261). Автограф неизвестен.

¹²⁷ *Новый 1863 г. внес и новый элемент ... в русскую литературу: элемент полицейский, привычки будочничества.* — Фельетон Салтыкова связан с разгулом великодержавного шовинизма в пору польского восстания 1863 г. Охваченную шовинистическим угаром публицистику Салтыков называет «литературным будочничеством». (В дореформенной России полицейские, наблюдавшие за порядком на улицах, находились в специально отведенных для них будках). Салтыков сатирически воспользовался образом, подсказанным публицистами охранительного лагеря. Катков, например, заявлял: «Мы не откажемся также от своей доли полицейских обязанностей в литературе». (РВ, 1861, № 1, с. 483—484). «Почему, кому бы то ни было, и не стать у будки, если отечество того требует!» — вторило ему «Наше время» (1862, 7 июня, № 120). В 1862 г., в связи с предполагавшимися «преобразованиями состава нижних чинов московской полицейской команды» и упразднением некоторых будок в Москве, «Наше время» рассуждало так: «Упразднять следует только то, что бесполезно. Чтобы определить с достаточною верностью, в какой степени нужно упразднение будок, нам необходимо бросить взгляд на цель этого учреждения и на то, в какой степени цель эта достигается». Вслед за этим вступлением помещалось целое «исследование» о будках (Натальин С. Полицейские будки в Москве. — НВ, 1862, 29 ноября, № 258). Подводя итоги литературного 1862 года, Н. А. Степанов писал в «Искре» о том, что год этот «примирил большинство журналистов, сообщил им особенный запах и дал серенькую форму будочников» (1863, № 1, с. 2). Герцен в «Колоколе» (1862, л. 142, 22 августа) именовал катковцев (в отличие от «явнобрачных блюстителей порядка», т. е. самих полицейских) «тайнобрачными будочниками» и замечал при этом, что «тайнобрачные будочники и городовые начинают все хуже и хуже ругаться...» (Герцен А. И. Собр. соч.: В. 30-ти т., т. XVI, М., 1959, с. 234).

¹²⁸ ...*Петербург, в котором также появилось несколько будок, но это будки скверные, презренные, о которых не стоит и говорить, потому что торговля, в них производящаяся, едва-едва дает на хлеб будочникам.* — Касаясь «литературного будочничества» в Петербурге, Салтыков имеет в виду несколько новых, начавших выходить в 1863 г., изданий охранительного направления, в числе которых были: «Весть» (орган дворянско-крепостнической оппозиции реформам 60-х годов), «Мирское слово» (газета «для народа», в которой большое место занимали «выражения признательности временнообязанных крестьян царю»), «Народная газета» (реакционный орган, проповедовавший официальную точку зрения на все важнейшие вопросы современности) и др. Успеха у читателей эти издания не имели. «В Петербурге развивается мания журнализма, — сообщал юмористический еже-

недельник «Развлечение». — Каждая, могу сказать, литературная козявка с неимоверной стремительностью и азартом мнит издавать журнал, преимущественно политико-литературный, надеясь провести в нем идею самоуправления или воспеваания блох» («Развлечение», 1863, 23 февраля, № 8, с. 190).

¹²⁹ *«Вот тебе и «братцы, братцы, поцелуйтесь»! Вот тебе и «божественная Оливинская»! «И ништо!»* — Салтыков цитирует строки из заметки (без подписи) «Франко-польско-русский курноз», помещенной в № 67 «Московских ведомостей» за 1863 г. В заметке излагается по парижской газете «Le Temps» содержание письма французского офицера Брето. Француза поразило поведение в варшавском театре русского офицера («русского дикаря»), прибывшего в Варшаву с карательными целями. «Этот дикарь, в шумном изъятии восторга, готов был лезть целоваться с танцовщицами на сцене...» «Поцелуемтесь, божественная Оливинская, — кричал он приме-балерине. — Взгляните, как мы вас любим...» В этом эпизоде, по словам «Le Temps», отразилось «исполненное противоречий, неопределенное и смутное положение просвещеннейших из русских по отношению к Польше, — русских, этих завоеванных завоевателей, этих покоренных и обольщенных варваров, исполняющих против воли жестокие приказания». Строки, которыми «Московские ведомости» сопроводили сообщение французской газеты, Салтыков переадресовывает самим «будочникам».

¹³⁰ *«Моя личность наводит панический страх»...* — В заметке «Нам пишут из Могилева» некое, по-видимому, официальное лицо делится с читателями следующими впечатлениями: «Моя личность наводит панический страх на всех без исключения поляков, в присутственных местах чиновники кланяются в пояс, а чуть выехал из города, так всеобщая тревога по уездам — помещики все пожгли, что у них было бесцензурного, что малейше указывало на сочувствие их центральному комитету; можно смело надеяться, что восстания не будет, даже присоединения к шайкам, если бы таковые прошли из Минской губернии» (НВ, 1863, 27 марта, № 66).

¹³¹ *Радые вы, что ли, тому, что льется человеческая кровь?* — Возможно, скрыто названа прокламация тайного революционного общества «Земля и воля»: «Льется польская кровь, льется русская кровь», выпущенная в январе 1863 г. и получившая широкое распространение.

СОПЕЛКОВЦЫ

Св. 9, 81—82. Автор — М. Е. Салтыков-Щедрин (гонор. вед., с. 261). Автограф неизвестен).

¹³² *Сопцы и народ молвящ* — слова из Евангелия (Матф., IX, 23), в переводе с церковнославянского: «И прошел Иисус в дом начальника и увидел свирельников и народ в смятении...».

¹³³ *...называют себя «сопелковцами».* — Для обозначения «патриотического экстаза» консервативной публицистики Салтыков соединяет глагол «сопеть» (в противоположность — «свистеть») с названием реакционной секты бегунов-странников, именовавших себя «сопелковцами» (от села Сопелково, Ярославской губ.).

¹³⁴ *...клятву, которую произносит в «Князе Серебряном» колдун-мельник: «Шикалу! ликалу! слетаются вороны издалека, кличут друг друга на богатый пир, а кого клевать, кому очи вымать, и сами не чувствуют, летят да кричат! шагадам! шагадам!* — Контаминированы заговоры, приведенные в историческом романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» (опубликован в 1862 г. в «Русском вестнике»). Салтыков в № 4 «Современника» за 1863 г. посвятил ему памфлетную рецензию (см. ССШ, т. 5, с. 352—362).

¹³⁵ *...случилось с одним нигилистом, беспечно гулявшим в сумерки по Страстному бульвару.* — На углу Страстного бульвара и Большой Дмитровки помещалась типография, в которой печатались издания Каткова — «Московские ведомости» и «Русский вестник». Там же располагались редакции этих изданий.

¹³⁶ *...видел ... упыря ...* Подразумевается Катков.

¹³⁷ *...видел чудовищного горбуна.* — Имеется в виду П. М. Леонтьев, который был горбат.

¹³⁸ *...сравнивают настоящее положение Москвы с теми временами, когда, бывало, наезжал в нее покойник Шешковский.* — Наиболее реакционные периоды русской жизни

ассоциировались в сознании Салтыкова с именем руководителя политического сыска при Екатерине II, «кнутобойца» С. И. Шешковского (ср.: «Письма к тетеньке», «Современная идиллия» и др.).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ «СВИСТКА»

Св. 9, с. 82—86. Автор — В. П. Буренин (гонор. вед., с. 261). Автографы неизвестны. Три стихотворения — «В Москве», «В Петербурге» и «После первого чтения г. Юркевича по «философии» перепечатаны в кн.: «Поэты «Искры». Вступ. статья, подготовка текста и примечания И. Ямпольского. Изд. «Советский писатель» («Большая серия «Библиотеки поэта»), т. 2, Л., 1955, с. 719—724. Стихотворение «Ах, зачем, читал я «Время» перепечатывается впервые.

Драматические сцены по поводу выхода «Современника»

¹³⁹ *Магазин Базунова* — книжная лавка И. В. Базунова на углу Большой Дмитровки, где размещалось московское отделение конторы «Современника».

¹⁴⁰ *1-й благонамеренный, 2-й благонамеренный* — персонажи сцены, вероятно, навеяны образом «благонамеренного человека», развернутым в «Нашей общественной жизни» М. Е. Салтыкова-Щедрина (С, 1863, № 1—2).

¹⁴¹ *...воздержанный начальством ...* — намек на восьмимесячную приостановку журнала.

¹⁴² *...великого Каткова ... Он ... Отделяет снова ...* — Полемика с катковскими изданиями ведется в целом ряде статей, помещенных во II отделе возобновленного журнала — «Современное обозрение» (Салтыков-Щедрин М. Е. Несколько слов по поводу «Заметки» <...> «Русского вестника» <...>, с. 1—16; Наша общественная жизнь, с. 357—376; Антонович М. А. Литературный кризис, с. 81—110; Краткий обзор журналов за истекшие восемь месяцев, с. 228—256).

¹⁴³ *...отвергает дерзко он! Даже?* — Подразумевается цитата из «Отцов и детей» Тургенева, данная в вольной щедринской редакции (см. «Наша общественная жизнь», С, 1863, № 1—2, с. 366: «— Вы не верите ни во что ... даже? — вопрошает Базарова один из старичков Кирсановых»).

¹⁴⁴ *... все ... журналы! Поголовно обругал!* — В №№ 1—2 в той или иной связи упоминаются: «Русский вестник», «Отечественные записки», «Время», «Сын отчества», «Ясная Поляна», «Основа», «СПб. ведомости», «Современная летопись», «Московские ведомости», «Наше время», «Северная пчела», «Голос», «Северная почта» — с резкой критикой благонамеренных тенденций большинства этих изданий.

¹⁴⁵ *...ужель опять «мальчишки»!* В нем найдут себе притон? ... *Им хвалы слагает он!* — Защите «мальчишек» (передовой молодежи) в № 1—2 посвящены, кроме «Нашей общественной жизни» Салтыкова, стихотворения А. Н. Плещеева «Советы мудрецов» и П. М. Ковалевского «Нашим сверстникам».

¹⁴⁶ *Возмутительный «Свисток» .../В надлежащий выйдет срок!* — В объявлении «Об издании «Современника» в 1863 году» сообщалось: «Свисток, как собрание литературных, журнальных и других заметок, будет появляться по мере накопления годных и удобных для него материалов» (МВ, 1862, 4 декабря, № 265).

¹⁴⁷ *Толщина-то, толщина!* — В первом сдвоенном номере возобновленного «Современника» было свыше тысячи страниц.

¹⁴⁸ *...я смело/Стал начальству объяснять ...* — С. Громека в «Современной хронике России» указывал: «Вот уже около полугода <...> литературное направление, известное <...> под общим названием нигилизма, устранено вовсе из печати, и, если верить слухам, подвергается систематическому и безусловному преследованию. Как бы ни казалось вредно это направление, цензура не должна забывать, что оно явилось, существует, пользуется сочувствием, следовательно, составляет необходимое явление <...> оно уступит свое место другому <...> не раньше, как <...> истощит в свободной борьбе с другими направлениями все свои ошибки» (ОЗ, 1862, № 11, с. 28—29).

¹⁴⁹ *...невежа я и школьник?!* — В «Кратком обзоре журналов за истекшие восемь месяцев» Громека уподоблялся «школьнику», «который накануне собрал кой-какие сведения о факте и завтра станет проповедовать об нем публике» (С, 1863, № 1—2, с. 245).

¹⁵⁰ ...на «почве» милой.— Имеется в виду идейно-философская платформа журнала «Время», получившая название «почвенничества».

¹⁵¹ Купно с Федором отщизу/Иль Косицу напущу.— Федор — Ф. М. Достоевский, Косица — псевдоним критика и публициста журнала Н. Н. Стрхова.

Ах, зачем читал я «Время»

¹⁵² Мы ненавидим пустых ... крикунов ... подхлестывающих себя ... кнутиком ... либерализма.— Эпиграфом являются строки из объявления об издании журнала «Время» на 1863 г. (В, 1862, № 9).

¹⁵³ Но не зрел январский номер.— В статье «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» (В, 1863, № 1) Ф. М. Достоевский с крайней резкостью отозвался о ныне действующих «свистунах», отделяя их от Чернышевского и Добролюбова (с. 38). Лагерь «свистунов» он дифференцировал, находя в нем «обличителей дельных» и «дешевых» (под последними подразумевались главным образом сотрудники «Искры»). Независимо от намерений Достоевского, его выступление в «минуту ликвидации» (Салтыков-Щедрин), когда революционный лагерь с трудом удерживал рассеиваемые силы, было воспринято как акт капитуляции «Времени» перед реакцией.

¹⁵⁴ ...в особенности Павлов/Вам ... по силам.— Подразумевается, что «Время» способно одолеть только уже поверженного противника («Наше время» Павлова к этому моменту прекратило существование).

После первого чтения г. Юркевича по «Философии»

¹⁵⁵ ...к Бюхнеру привязан ... В запрещенном переводе.— Участник студенческого движения 1860-х гг. Л. Ф. Пантелеев свидетельствует: «Особенно сделалась популярною между молодежью «Сила и материя» Бюхнера («Kraft und Stoff», 1855)» — см. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания, с. 525. Поскольку труд немецкого физиолога К.-Л. Бюхнера (1824—1899) был запрещен русской цензурой, его нелегально литографированным способом издал кружок П. Г. Зайчневского и П. Э. Аргиропуло (за 1859—1860 гг. вышло 3 издания).

¹⁵⁶ ...идеи/Молешотта, Фейербаха — т. е. материалистические философские идеи, базирующиеся на естественнонаучных знаниях; катализаторами этого идейного направления в среде передового русского студенчества служили не только труды выдающегося философа — материалиста домарковского периода Л. Фейербаха (1804—1872), но и вульгарно-материалистические работы немецкого естествоиспытателя Я. Молешотта (1822—1893).

¹⁵⁷ Психологии незнанье/В обожяемом мной Бокле... — «История цивилизации в Англии Г. Бокля, Пер. А. Буйницкого и Ф. Ненарокова». СПб, 1862, впервые вышла на русском языке в апреле этого года; Бокль считал необходимым ввести в историческую науку «естественно-исторический метод» и в оценке человеческих действий отдавал предпочтение умственным побуждениям перед нравственными, которые часто вели к фанатизму и жестокости. Юркевич «в заключение вступительной лекции сделал несколько возражений против взгляда Бокля, так охотно повторяемого в наших журналах», о «независимости прогресса цивилизации от нравственных догм» (Л. Публичные чтения по философии г. Юркевича.— НВ, 1863, 12 марта, № 54).

«ДЛЯ СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРОВ «СВИСТКА»»

Св. 9, с. 87—88. Автор — М. Е. Салтыков-Щедрин (гонор. вед., с. 261). Автограф не известен.

¹⁵⁸ «Прогулка в роще, или Птицы без перьев». Ученое исследование, написанное для журнала «Время»... — Замысел «исследования» должен был ассоциироваться в сознании читателей с соответствующими страницами «Нашей общественной жизни» (С, 1863, № 3), где в фельетоне «Тревоги «Времени», пародируя стихотворения Ф. Берга «Птицы» (В, 1863, № 1), Салтыков дает язвительную аттестацию «почвеннической» идеологии журнала М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», «подражательного» и «смирного», не имевшего, по убеждению сатирика, последовательного и самостоятельного направления:

«Возьмите, например, «Время»: за что ни прицепись — все гладко; хоть всю книжку обшарь (разумеется, мы говорим не о беллетристике), ни обо что не заппнешься! А вы еще говорите, аю вас кто-то за что-то не любит!

Сидят птицы смирно,
Живут-поживают, в роще все болтают...—

да вдруг и сообразят себе, что их кто-то не любит! Да за что же вас не любят-то? И кто же на свете такой человек был, который бы смирных птиц не любил?» (ССЩ, т. 6, с. 48).

¹⁵⁹ «Опыты самораздирания». Рассказ очевидца.— В первом очерке из цикла «Наша общественная жизнь» (С, 1863, № 1) Салтыков в резкой форме оценивал эклектическую, на его взгляд, позицию журнала «Время»: «Какой руководящей мысли вы были органом? никакой. Что вы высказали? ничего. Вы постоянно стремились высказать какую-то истину вроде «сапогов всмятку», вы всегда садились между двух стульев, и до того простирали свою наивность, что даже не хотели заметить, как шлепались на пол» (ССЩ, т. 6, с. 46). Отмечая, что отсутствие ясно выраженной «руководящей мысли» сочетается у «почвенников» с необычайно развитым «самолюбием», Салтыков писал, в частности: «Ведь вы до такой степени галлюцинации дошли, что сами же свои собственные внутренности раздираете и тут же совершенно искренно убеждаетесь, что раздирает их вам кто-то посторонний» (Там же, с. 50).

¹⁶⁰ Стихотворная элегия на кончину «Времени»...— «Элегия», вероятно, намекает на «благонамеренные» превращения, к которым неизбежно должна, как полагал Салтыков, привести журнал «Время» непоследовательность его руководителей. Намекая на возможное роковое сближение «Времени» с «Русским вестником» М. Н. Каткова, Салтыков в мартовской хронике «Нашей общественной жизни» насмешливо замечал: «Вот я, например, именно одарен такою прозорливостью, которая так и нашептывает мне, что вы начнете катковствовать в самом непродолжительном времени» (ССЩ, т. 6, с. 47). Н. Косица — псевдоним Н. Н. Страхова, одного из главных идеологов «почвенничества».

¹⁶¹ «Самонадеянный Федя»...— Стихотворение имеет в виду Ф. М. Достоевского. Полемизируя с ним и объявляя позиции его журнала несамостоятельными, Салтыков писал: «Все-то в вас чужое, ваши мысли суть объединенные чужие мысли, ваше сентиментальничанье с либерализмом есть тысячекратно повторяемое трясение гоголевской «Шинели» (ССЩ, т. 6, с. 49).

¹⁶² «Опыты сравнительной этимологии, или Мертвый дом», по французским источникам ...— Вероятно, намек на интерес Достоевского в 1840-е годы к идеям западных социалистов-утопистов (годы каторги, горький опыт которых запечатлен в «Записках из Мертвого дома», явились тяжелой расплатой за былые увлечения писателя «французскими источниками») и вместе с тем ироническая реакция на резкую критику утопического социализма, содержащуюся в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского (В, 1863, №№ 2, 3).

¹⁶³ «Обоюдоострый Громека».— Намек на то, что либерально-обличительный публицист С. С. Громека служил до начала своей журналистской деятельности жандармским офицером. В упомянутой далее «Современной хронике России» в разделе «Как относятся к правительству истинно независимые люди и журналы, такие, например, как г. Унковский и редакция «Современника», Громека призывал общественное мнение России к «благородной сдержанности», к единению вокруг правительства журналов всех направлений. Верноподданнически ратуя за прекращение «ребяческой» игры в систематическое неудовольствие против правительства, Громека писал: «В настоящее время правительство само признает общественное стремление к свободе делом законным, само сделало несколько законодательных шагов по пути к свободе. В настоящее время, следовательно, относиться к нему по-прежнему — значило бы доказывать только, что мы сами еще несвободны в собственных чувствах и раздражение ставим на место самостоятельности» (ОЗ, 1863, № 3, с. 18).

¹⁶⁴ «Не устрить ли нам колбасную?» ... всякое коммерческое предприятие, как журнальное, так табачное, колбасное или полпивное...— Имеется в виду торгово-промышленная деятельность издателя журнала «Время» М. М. Достоевского, который в 50-е годы владел табачной фабрикой. В пылу журнальной полемики спорящие стороны нередко переходили «на личности», стремясь различные стороны характера оппонента, а также получившие широкую огласку факты его биографии непосредственно связать с его общественно-литературной позицией.

¹⁶⁵ «Опыты отучения сотрудников от пищи и бесплатного снабжения их одеждою». Из записок одного неопытного литератора. — Имеется в виду инцидент, происшедший в 1862 г. между М. М. Достоевским и А. П. Шаповым и ставший известным в литературных кругах. М. М. Достоевский предложил А. П. Шапову, тогда начинавшему и очень нуждавшемуся литератору, в счет гонорара заказать платье у своего портного. На эпизод со Шаповым намекал Салтыков и в более поздней полемической статье из серии «Петербургские театры» — «Наяда и рыбак». Здесь в сатирической «программе балета» упоминаются «<...> костюмы того самого портного, который, взамен полистной платы, одевает сотрудников «Эпохи»» (ССЩ, т. 5, с. 204). История о гонораре Шапова через много лет была рассказана в его некрологе. В связи с этим Ф. М. Достоевский вступился за честь брата в специальной статье «Дневника писателя» (1876, «За умершего». См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. художественных произведений, т. XI, М., Л., 1929, с. 278—281).

¹⁶⁶ «...как будто тухлое разбилось яйцо...» — строка из стихотворения Пушкина «И дале мы пошли, и страх обнял меня...» (Подражание Данте, 1832).

¹⁶⁷ На Малой Дмитровке дом высится прекрасный... При доме конура, в ней циник жил ужасный. — На Малой Дмитровке помещалась редакция газеты «Наше время»; «циник ужасный» — Н. Ф. Павлов.

¹⁶⁸ Невинное занятие общества Тирсисов на Спиридоновке... — На Спиридоновке помещалась редакция славянофильской газеты «День», возглавляемой И. С. Аксаковым. «Общество Тирсисов» — собрание наивных и прекраснодушных деятелей (по имени Тирсиса — героя пасторалей французского придворного поэта Ракана, 1589—1670).

¹⁶⁹ «Ничего в волнах не видно», рассуждение по поводу 75 номера «Моск. ведомостей», в котором доказывается, что и в волнах можно что-нибудь усмотреть. — В ответ на рассуждения, появившиеся за рубежом, в частности, во Франции, о «равнодушии, какое русские оказывают к польскому вопросу», «Московские ведомости» в передовой статье, на которую ссылается Салтыков, излагали свою шовинистическую версию об отношении русских людей к этому вопросу (МВ, 1863, № 75).

¹⁷⁰ «Безумная заметка о сумасшедших впечатлениях». Фельетон нового мормона за все время одержания бесами; с эпиграфом из сочинений г. Ф. Берга. — «Зимние заметки о летних впечатлениях. Фельетон за все лето» Ф. М. Достоевского были помещены во «Времени» непосредственно после стихотворения Ф. Берга «Грезы и песни», которое начиналось так:

Не отнимут люди, не отнимут —
Грезы, песня будут вечно с нами.
И за что б ни стали люди биться,
Греза, песня будут вечно с нами,
В сердце нашем глубоко таиться.

Вероятно, Салтыков иронически обыгрывает некоторые признания автора «Зимних заметок о летних впечатлениях», в 1-й главе поведавшего читателям, что он «больной человек, страдающий печенью», «желтый, усталый, изломанный», ловающий иногда себя на мысли, что говорит «вздор» и т. п. Упоминание о «новом мормоне» (мормоны — члены религиозной секты, проповедовавшие мистицизм и враждебность к прогрессу), очевидно, имеет в виду следующие рассуждения Достоевского, в которых в явно гротесковом свете идет речь о растлевающем воздействии буржуазного «духа» на простой народ: «Факт давит, масса деревенеет и прихватывает китайщины, или если и рождается скептицизм, то мрачно и с проклятием ищет спасения в чем-нибудь вроде мормоновщины. А в Лондоне можно увидеть массу в таком размере и при такой обстановке, в какой вы нигде в свете ее наяву не увидите. Говорили мне, например, что ночью по субботам полмиллиона работников и работниц, с их детьми, разливаются как море по всему городу, наиболее группируясь в иных кварталах, и всю ночь до пяти часов празднуют шабаш, то есть наедаются и напиваются, как скоты, за всю неделю» (НСС: В 30-ти т., т. 5, с. 70).

¹⁷¹ Клятву, данную относительно непечатания литературных упражнений г. М. Достоевского... — Намек на то, что официальный редактор «Времени» не пишет литературных произведений, а, подобно А. А. Краевскому, выступает лишь как предприниматель журнального дела. О действительном вкладе М. М. Достоевского в организацию и издание журнала «Время» см.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., 1972, с. 16—29.

¹⁷² Корша, что к нам из Москвы/Прибыл — см. с. 543, прим. 27.

¹⁷³ ...уволенного в числе прочих в 1857 году... — т. е. в процессе чистки государственного аппарата от «зубров» николаевской реакции в первые годы царствования Александра II.

ДОПОЛНЕНИЯ К «СВИСТКУ»

ПРОГРАММЫ «СВИСТКА»

Автор — Н. А. Добролюбов. Автографы — в ЦГИА. Программы приложены к прошениям Г. С. Буткевича от 3 апреля и 24 сентября 1859 года (см. статью «Свисток» и его место в русской сатирической журналистике 1860-х годов» в этой книге). Печатается по изданию: ПССД (1939), т. 6, с. 691—695, где опубликовано впервые.

КНИГА «СВИСТКА»

Автор — Н. А. Добролюбов. Автографы — в ПД. По предположению Б. Я. Бухштаба, план относится к 1858 году, стихи — к 1861. «Черты нравов» являются также заготовкой для Св. Печатается по изданию: ПССД (1939), т. 6, с. 698, где опубликовано впервые.

¹ *Дела венгерских комитатов ... И смерть внезапная Кавура...* — Имеются в виду: 1) комитатские собрания, допущенные в Венгрии конституционным актом австрийского правительства в октябре 1860 г., и крайне ограниченные в правах новыми постановлениями от февраля 1861 г., что вызвало возмущение в Венгрии; 2) «странное дело» французского банкира Миреса, обвиненного в противозаконных финансовых операциях, но затем оправданного кассационным судом в апреле 1862 г. (см.: Окончание процесса Миреса. — «Современная летопись», 1862, № 16, с. 16); 3) объявленное 4 февраля 1861 г. отделение Конфедерации южных рабовладельческих штатов в Америке от Севера; 4) кончина премьера Пьемонтского правительства К.-Б. Кавура 6 июня 1861 г.

РАЗБОЙНИК

Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (черновая рукопись) — в ГПБ. Впервые — изд. 1862, с. 592—593, в разделе «Дополнение к «Свистку»». Высказывалось предположение, что стихотворение «предназначалось в ноябрьский «Свисток», который не был разрешен цензурой» (речь идет о Св. 6) — ПССД (Лемке), т. IV, столб. 929. Стихотворение предположительно датируется 1858 годом (см. ПССД (1939), т. 6, с. 736). Печатается по изд. 1862.

² *Розенгеймо-русская элегия.* — Как установлено комментаторами (см. ССД, т. 7, с. 622—623), подзаголовок связан с разделом «Русские элегии» в сборнике «Стихотворения М. Розенгейма», 1858, а также — с его отдельно напечатанной в 1859 г. «Элегией» (РВ, т. 17, октябрь, кн. 2, с. 561—564).

³ *...деньги сорвавши... Занес мне какую-то чушь* — Стихотворение намекает на то, что обличительный поэт Розенгейм ранее (в должности Белостокского городничего) сам был причастен к взяточничеству.

ИЗ МОТИВОВ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (черновая рукопись) — в ГПБ (см. «Примечания» к Св. 1). Впервые — изд. 1862, с. 593—596, в разделе «Дополнение к «Свистку»». М. К. Лемке относил это стихотворение, как и предыдущее, к составу запрещенного ноябрьского Св., однако данных, подтверждающих эту версию, пока не находится. Весь цикл создан в 1858 году — ПССД (1939), т. 6, с. 736—737. Печатается по изд. 1862.

1

Стр. 334, стих 26. Отваги молодой и [крепости] лишился

3

Стр. 335, стих 36. [Так нас законы] хранят от воров.

Первоначальный порядок стихов в третьем стихотворении: 1—18, 25—36, 19—24, 37—40.

⁴ Из мотивов современной русской поэзии. — Первое стихотворение цикла пародирует мотивы поэзии Плещеева («С..ву», «В альбом», «Странник»); второе — пародия на его же стихотворение «Трудились, бедные, вы, отдыха не зная» (1858); третье — пародирует стихотворения Майкова («Нива», «Поле зыблется цветами», «Журавли», «Облачка», «Эоловы арфы», «Весна», «Коляска»).

СТРАДАНИЯ ВЕЛЬМОЖНОГО ФИЛАНТРОПА

Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф неизвестен. Впервые — изд. 1862 г., с. 589—592, в разделе «Дополнение к «Свистку»». Известна более ранняя рукописная редакция этого стихотворения под заглавием «Современная демоническая натура, или Страдания господина Калиновича». Автограф — в ГПБ, впервые опубликовано в статье Е. Аничкова и В. Княжнина «Дела и дни Н. А. Добролюбова» («Современник», 1911, кн. XI, с. 279—283). Стихотворение (в обеих редакциях) написано в 1858 г. — ПССД (1939), т. 6, с. 735. Печатается по изд. 1862.

Стр. 335. Заглавие. Современ<енная> демонич<еская> натура, или Страдания господи<на> Калиновича.⁵

Стр. 335, стихи 1—4.

Какое жгучее страданье!
Горю я в медленном огне!
Ты не поймешь мои терзанья,
Толпа завидующих мне.

Ты видишь лишь мою карету,
Дрожишь пред золотом моим,
Но ты не видишь душу эту,

Огнем горящую святым,
Не зришь пожар моих стрем-
лений
И реки ядовитых слез!
Мой благородный, гордый
гений
Твои понятия перерос.

Стр. 335. Стихи 13—28.

Нет, не таков я. Все порывы
Души возвышенной моей
Во мне и действительны и живы
При блеске денег и честей.

Когда объято было спячкой
Все вокруг меня в толпе пустой,
Страдал я желчною горячкой,
Но шел на путь широкий свой!

Достиг богатства я и чести
Затем, чтоб делать что-нибудь;
Обманов, низостей и лести
Исполнен был мой тяжкий путь.

И вот теперь толпа пустая
Мне вслед завистливо глядит,
Во мне счастливца признавая,
Меня судом своим язвит.

Но, люди! Ежели б вы знали
Весь ад души моей больной,—
Вы верно б мне не отказали
Оплакать горько жребий мой.

О, братья! Ведь любовь к со-
брату
Любовь к добру я сохранил!
Еще душа моя богата
Избытком дум и свежих сил.

Но в этой жизни благодатной,
Какой я, наконец, достиг,
Какой-то демон непонятный
Меня карает каждый миг.

Но никогда так зло, как ныне,
Он не смеялся надо мной.
Он оскорбил мою святыню,
Разбил души моей покой.

Он ставит грозные преграды
Для всех святых моих идей
И не дает вкусить отрады
Быть благодетелем людей

К каким чистейшим наслаж-
деньям
Себя готовил я вчера!
С каким я ныне восхищеньем
Стремился к подвигу добра!

Стр. 336, стихи 13—16.

[С негодованием глубоким
О них я выслушал рассказ
И чувством движимый высоким
Решился действовать сейчас.

Велел я заложить карету,
Чтоб ехать, бедных отыскать
И словом братского привета
И самым делом поддержать.]

Стр. 336, стих 16. Далее следовало:

[Без гнетка ж ехать невозможно,
Нельзя разрознить четверни.]

Стр. 336, стих 40. Далее следовало:

[Нельзя стремлений благородных
Осуществить в толпе людей
Дрянных, бессмысленных, негодных,
Запльвших в пошлости своей.]

Стр. 336, стих 44. Далее следовало:

[Лишь приступи к благому делу,—
Уже готов твой тайный враг,
И путь твой преградит он смело,
Парализуя каждый шаг.

Лишив покоя и отрады
И веру, и любовь губя,
Неодолимые преграды
К добру он ставит для тебя.]

Стр. 336, стихи 51—52.

[Кто может этим быть доволен?
И кто не взбеленится тут?]

Отрады чистой и прекрасной
Меня так злобно он лишил! ..

[Какой насмешкою ужасной
Меня мой демон поразил!

Любовью к бедняку томиться,
И быв не в силах пособить,
В бесплодной ярости беситься —
Что может горестнее быть?..]

⁵ *Страдания господина Калиновича.* — Упомянут герой романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858).

ЧУВСТВО ЗАКОННОСТИ

Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ГПБ. Впервые — «Искра», 1859, № 8, 20 февраля, с. 81—82, с подзаголовком «Один из мотивов современной русской поэзии», за подписью «Конрад Лилиеншвагер» (ценз. разр. 20 февраля, цензор Д. Мацкевич). Цензорская корректура — в ЦГАЛИ, в составе корректуры Св. 1 (см. «Примечания» к Св. 1). Таким образом, утверждение М. К. Лемке, что стихотворение было написано для первого выпуска «Свистка» (ПССД (Лемке), т. II, стлб. 1033), подтверждается. В корректуре, как и в рукописи, стихотворение не имеет подзаголовка и стихов 37—40. После стиха 8 в корректуре пометка Добролюбова: «Сделать небольшой пробел».

Печатается по изд. 1862 (с. 355—356), где помещено в разделе «Свисток» № 1».

Стр. 336, стих 2. В «Искре»: Обегал он доселе сатиру

Стр. 337, стихи 25—28. В рукописи и в корректуре отсутствуют.

⁶ мост Благовещенский — позже переименован в Николаевский, единственный в те годы постоянный (не наводной) мост на Неве.

ОТРАДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ. 1. ПСКОВСКАЯ ПОЛИЦИЯ

Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф — в ГПБ. Впервые — изд. 1862, с. 411—420, в составе Св. 3, для которого первоначально готовилась. (См. «Примечания» к Св. 3).

Статья П. И. Якушкина «Проницательность и усердие губернской полиции. Письмо к издателю «Русской беседы»» была напечатана в «Русской беседе», а затем перепечатана в «Московских ведомостях», «Русской газете», «Русском вестнике». Добролюбов отказался от перепечатки статьи в Св. «вряд ли, — считал М. К. Лемке, — по цензурным условиям, потому что в других журналах статья появилась... Надо думать, что Добролюбов сам ее почему-нибудь вынул» (ПССД (Лемке), т. III, стлб. 769). Б. Я. Бухтшаб писал, что статья снята «самим Добролюбовым из нежелания примкнуть к всеобщему либеральному хору» — ПССД (1939), т. 6, с. 712, однако в ССД (1963), т. 7, с. 591 сказано: «Причины, по которым статья П. И. Якушкина и предисловие к ней Добролюбова не появились в «Современнике», неясны». Действительно, перепечатка статьи из «Русской беседы» в Св. с язвительным предисловием исключала какие бы то ни было опасения поддержать либеральную шумиху. Причины были другими, и некоторый свет на интересующие нас обстоятельства проливает сопоставление добролюбовского предисловия к «Псковской полиции» со статьей «Фантазия в искусстве», появившейся 16 октября в № 40 «Искры» за 1859 год в разделе «Хроника прогресса» на с. 393—398 (ценз. разр. 12 октября 1859, цензор Д. Мацкевич). Автором этой статьи в «Искре» был, по всей вероятности, Г. З. Елисеев (см.: Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра». Изд. «Художественная литература», М., 1964, с. 95). Письмо П. И. Якушкина иронически рассматривалось здесь как художественное произведение. Известный собиратель народных песен, утверждает автор, предстает теперь «юмористом и юмористом замечательным», он «своею шуткой доказал окончательно, что в искусстве фотографически верное отражение личностей мертво перед свободною кистью художника», его произведение «по смелости вымысла не уступает самым фантастическим сказкам Гофмана». Якушкин имел в виду «художественную задачу», рассказанные им подробности (например, о грубости частного пристава, грязи в арестантском подвале, попрании неоспоримых прав человека в выборе занятий, одежды и средств защиты от произвола) в жизни невозможны. В письме Якушкина мы «видим, — писал автор «Фантазии в искусстве», — значительный шаг вперед перед обличительными рассказами, зачастую ничего не обличающих, кроме отсутствия дарования в авторах. Здесь все вымышленно, все карикатурно, — но все идеально возможно в известной среде и при известных обстоятельствах, начиная с самоуправства солдата, сторожившего арестанта и до комически бедственного положения ученого литератора, пускающегося в опасные исследования там, где не подлежит следствию произвол и насилие. Область вымысла широка и неисчерпаема. Желаем искренно, чтобы пример г-на Якушкина нашел последователей».

Статья в «Искре», как видим, почти «добролюбовская» по замыслу и стилю, как бы предвосхитила выступление в «Свистке» и явилась, по-видимому, основной причиной, заставившей Добролюбова отказаться от перепечатки письма Якушкина.

Печатается по изд. 1862.

⁷ ...статья г. Якушкина в «Русской беседе» о псковской полиции. — В августе 1859 г. беллетрист и этнограф П. И. Якушкин (1820—1872), отправившийся с фольклорно-этнографическими целями в окрестности Пскова, был подвергнут незаконному аресту. Историю его он изложил в письме в редакцию «Русской беседы» (Проницательность и усердие губернской полиции. — «Русская беседа», 1859, т. V, октябрь, кн. 17, Смесь, с. 107—122). Статья была перепечатана в других изданиях; псковский полицеймейстер В. Гемпель пытался возражать Якушкину, в полемику вступили «СПб. ведомости», «Московские ведомости», «Русский инвалид», «Русский вестник», «Искра».

⁸ «Московское обозрение» — научно-критический журнал, две книги которого вышли в 1859 г. (на этом издание прекратилось).

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПЕСНЬ

Автор не установлен. Предназначалось для опубликования в Св. 4 среди других произведений К. Пруtkова (см. ЛН, т. 67, с. 773; ПССП (1965), с. 98—99). Цензорская корректура — в ПД. (см. «Примечания» к Св. 4). Печатается по корректуре Св. 4.

⁹ *Ходим в мурмолках, да про Русь кричим.* — Речь идет о научно-литературных и бытовых проявлениях славянофильства.

«ЛУКАВЫЙ ВРАЧ ЛЕКАРСТВО ИЩЕТ»

Автор не установлен. Предназначалось для опубликования в Св. 4 среди других произведений К. Пруtkова. Цензорская корректура — в ПД. (См. «Примечания» к Св. 4). Впервые — «С.-Петербургские ведомости», 1876, 29 апреля, в статье «Некоторые материалы для биографии К. П. Пруtkова», написанной, вероятно, Александром Жемчужниковым. Стихотворение здесь озаглавлено «Отрывок из поэмы «Медик», не имело эпиграфа и двух последних стрóf. — См. ПССП (1965), с. 97—98, 439. Печатается по корректуре Св. 4.

¹⁰ *Румянцевский музей* — собрание музейных и книжных ценностей, учрежденное графом Н. П. Румянцевым (1754—1826), переданное после его кончины в ведомство министерства народного просвещения (1828); с 1862 г. собрание было переведено из Петербурга в Москву и составило основу фонда Публичной библиотеки (ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).

КАЗАК И АРМЯНИН

Автор не установлен. Предназначалось для опубликования в Св. 4 среди других произведений К. Пруtkова. Цензорская корректура — в ПД. (См. «Примечания» к Св. 4). Впервые — ПССП (1884), с. 36—37 под заглавием «* * *», подзаголовком «Романс» и без сноски. Рукопись В. Жемчужникова — в ЦГАЛИ. См. ПССП (1965), с. 71. Печатается по корректуре Св. 4.

¹¹ *Казак и армянин.* — Стихотворение является перепевом «Черной шали» (1820) Пушкина.

ШЕЯ

Автор, вероятно, В. Жемчужников. Рукопись В. Жемчужникова (две редакции) — в ЦГАЛИ. На одном из автографов стихотворение имеет подзаголовок «Бенедиктову». Эта рукопись содержит значительную правку Алексея Жемчужникова. Предназначалось для опубликования в Св. 4 среди других произведений Пруtkова. Цензорская корректура — в ПД (см. «Примечания» к Св. 4). Впервые — ПССП (1884), с. 49—50, перепечатано в ПССП (1885), с. 49—50, с подзаголовком «Моему сослуживцу, г-ну Бенедиктову». В экземпляре В. Жемчужникова его рукой сделано примечание к подзаголовку: «Поэт Бенедиктов, имевший немалый успех, служил (как и поэт кн. Вяземский), подобно Козьме Пруtkову, по Министерству финансов; и Козьма Пруtkов особенно ценил г-на Бенедиктова» — ПССП (1965), с. 407.

Печатается по корректуре Св. 4.

¹² *Шея* — пародируется стихотворение В. Бенедиктова «Кудри» (1836).

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

Автор не установлен. Предназначалось для опубликования в Св. 4 среди других произведений К. Пруtkова. Цензорская корректура — в ПД. (См. «Примечания» к Св. 4). Впервые напечатано с некоторыми изменениями в ПССП (1884), с. 61—62.

Печатается по корректуре Св. 4.

¹³ *Новогреческая песнь.* — Источник пародии — 6-я из «Эротических песен» («Харон и девица»), входящих в цикл «Новогреческие песни», переведенный из разных источников и составленный Н. Ф. Щербиной (см. *Щербина Н. Ф. Избранные произведения.* Л., 1970, с. 477).

ОТ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА К ЧИТАТЕЛЮ

Автор не установлен. Предназначалось для опубликования в Св. 4 среди других произведений К. Пруtkова. Цензорская корректура — в ПД. (См. «Примечания» к Св. 4). Впервые — ПССП (1949), с. 74—75.

Печатается по корректуре Св. 4.

К МЕСТУ ПЕЧАТИ

Автор не установлен. Предназначалось для опубликования в Св. 4 среди других произведений К. Пруtkова. Цензорская корректура — в ПД. (См. «Примечания» к Св. 4). Впервые — ПССП (1949), с. 76. Печатается по корректуре Св. 4.

¹⁴ *Мыслете, покой* — старинные наименования букв «м» и «ш».

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ «СВИСТКА»

Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф — в ГПБ. Статья готовилась для Св. 6 и была там напечатана частично в составе вступительной заметки, написанной Некрасовым. (См. «Примечания» к Св. 6). Полный текст опубликован в изд. 1862, с. 519—522 в разделе «Свисток» № 6. Печатается по изд. 1862.

¹⁵ ...г. Забелина ... разъезжающего между Тверью и Москвою... — см. с. 109.

¹⁶ профессору Сухомлинову — Сухомлинов М. И. (1828—1901), историк литературы, с 1860 г. — профессор Петербургского университета.

¹⁷ ...г. Стасюлевича... в своем курсе истории... — Историк и журналист Стасюлевич М. М. (1826—1911) читал в Петербургском университете курс лекций по западноевропейскому средневековью.

¹⁸ ...поместил в «Подснежнике» статью о египтянах... — «Подснежник» — «ежемесячный журнал для детского и юношеского возраста», издававшийся В. Н. Майковым в Петербурге (1858—1862). В. Милеант поместил там статью «Египтяне (по Макс Дункеру)» (1860, № 1, с. 56—109; № 2, с. 100—181).

¹⁹ «металлов тверже и выше пирамид...» — приведена (с неточностью) вторая строка стихотворения Державина «Памятник» (1796), являющегося свободным переложением оды Горация (кн. III, ода 30).

²⁰ ...Вернадский и Серно-Соловьевич ... на европейских конгрессах. — Имеется в виду международный статистический конгресс, собиравшийся в Лондоне в 1860 г.

²¹ ...переводил со всевозможных языков... — См.: переведенные Н. В. Бергом с 28 языков «Песни разных народов», 1854, а также: «Библиотека иностранной поэзии. Вып. 1. Переводы и подражания Н. В. Берга», 1860.

²² *Отозвание французского посланника из Турина...* — Франция оказывала дипломатическое давление на Пьемонт, пытаясь толкнуть его к соглашению с Неаполитанским королевством.

²³ ...какой же он новый? — Псевдонимом «Новый Поэт» И. И. Панаев пользовался с 1843 г.

²⁴ ... о ... Монтемолине ... трактатах 1815 года... о будущем всеобщем конгрессе... — Монтемолина — граф Карлос (1818—1861), претендент на испанский престол; трактаты Венского и Парижского конгрессов 1815 г. определили ту политическую карту Европы, которую ныне перекраивало движение национального единения в Италии; после прекращения военных действий в австро-итало-французской войне 1859 г. Цюрихская конференция утвердила мир только между Францией и Австрией — Пьемонт подписал лишь продолжение перемирия; предполагался созыв международной конференции в Брюсселе для урегулирования многочисленных спорных пунктов «итальянского вопроса».

ПИСЬМО БЛАГОНАМЕРЕННОГО ФРАНЦУЗА

Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф — в ГПБ (часть наборной рукописи: с начала до слов «Верно, уж когда» — стр. 355, строка 6 св. и от «для императора обязательна» — стр. 355, строки 19—20 св. до «Виктору Эммануэлю» — стр. 361, строка 25). Остальная часть рукописи — в ПД. Цензорская корректура — в ПД (две «формы» от слов «нашей только и можно быть недовольным» — стр. 354, строка 5 св. и до конца). В корректуре подпись: «Станислав де-Канард. Париж, 8/20 дек.». «Статья была включена Добролюбовым в первоначальный состав шестого выпуска «Свистка», задержанного цензурой. Впервые опубликовано по тексту корректуры в изд. 1862, с. 524—537 в составе Св. 6. Печатается по изд. 1862.

Стр. 354, строки 4—3 св. В рукописи: за то, что назвала Виктора Эммануэля коронованным [бандитом] разбойником [bandit couronné], хотя дипломатические

²⁵ ...кардинал Антонелли... у вас было о нем упомянуто... — см. с. 480, прим. 17.

²⁶ ...сочинения господ де-Жеребцова, Головина и Чичерина (в «Le Nord»). — О книге Жеребцова см. с. 480, прим. 23 (с рецензией на нее Б. Н. Чичерин выступал в «Le Nord»). Головин И. Г. (1816—1890) — публицист-эмигрант, в 1859—1862 гг. выпустивший ряд брошюр, посвященных общественным проблемам современной России («Progrès en Russie», «La Pologne et la Russie» (1859), «Lettres russes» (1861) и др.).

²⁷ ...от Бастилии до Люксембурга... — Имеются в виду крайние вехи политической истории Франции: государственная тюрьма Бастилия была разгромлена 14 июля 1789 г. революционным народом — в Люксембургском дворце с 1852 г. размещался французский сенат, послушный диктаторской воле Наполеона III.

²⁸ Франция ... 11 лет... очищает свою репутацию. — После подавления революции 1848 г. в стране царил реакция.

²⁹ «L'ami de la religion», «Le Monde» — католические газеты, «Gazette de France», «Constitutionnel», «Moniteur», «La Patrie», «Le Pays» — консервативные и официозные органы; «Journal des Débats», «La Presse» — либеральные издания, «усмиренные» цензурными преследованиями; «Siècle», «L'Opinion Nationale» — органы, сохранившие известную оппозицию правительству Наполеона III. Прево-Парадоль Л. (1829—1870) — либеральный публицист (упомянутая Добролюбовым брошюра его «Les anciens partis» появилась в 1860 г.); Аллури Ж.-Л. (1805—1884), Вейсс Ж.-Ж. (1827—1895) — журналисты более умеренной ориентации.

³⁰ Гранье де Кассаньяк А. (1808—1880) — французский публицист, в контрреволюционном духе трактовавший события Великой французской революции («Histoire des Girondins et des massacres de Septembre», 1860); Гюаде Ж. (1795—1881) — либеральный историк; Ламартин А. был автором исследования «Histoire des Girondins» (1847).

³¹ Флот П. (1817—1860) — французский офицер, гарибальдиец, погибший в борьбе за объединение Италии.

³² «Le courrier du Dimanche» (1857—1866) — оппозиционная французская газета, ее редактор — Ганеско Г. (1830—1877).

³³ конскрипция — право замещения и выкупа при наборе в армию.

ЧТО О НАС ДУМАЮТ В ПАРИЖЕ

Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (черновая рукопись) — в ПД. Статья не закончена, ее связь со «Свистком» видна из текста. Написана после 23 сентября 1860 года (по упоминанию «покойного Хомякова»). Опубликована по рукописи как «начало статьи для «Свистка», никогда не напечатанной» в кн.: ПССД (Лемке), т. IV, стлб. 435—442. Вторая публикация с примечанием «печатается впервые с рукописи» — в кн. ПССД (Аничков), т. IX, с. 448—454, 535. Эти тексты не идентичны, однако разночтения не носят принципиального характера. Все последующие перепечатки статьи производились по тексту, предложенному Е. В. Аничковым — см., напр. ССД, т. 7, с. 525—529, 625. Печатается по ПССД (Лемке). Варианты ПССД (Аничков).

Стр. 362, строка 21 сн. Перед твоим духовным блеском

Стр. 362, строка 18 сн. Сожаление приходит обыкновенно слишком

Стр. 363, строка 14 св. Слово «взор» дано в кавычках.

Стр. 363, строка 4 сн. г. Зоркин доблестно предался

Стр. 363, строка 5 сн. В первое время

Стр. 364, строка 3 св. Слово «по преимуществу» отсутствует.

Стр. 365, строки 12—13 св. между нравственными знаменитостями

Стр. 365, строка 25 св. так как каждый из них

Стр. 365, строка 26 св. Филаретов Шалей

³⁴ *Перед твоим державным блеском/Народы робко клонят взор!* — Эпиграф взят (с неточностью) из стихотворения А. С. Хомякова «Отчизна» («России»), 1839.

³⁵ *«Мнение иностранцев о русских»* — Имеется в виду: Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России. — «Москвитянин», 1845, № 4, Изящная словесность, с. 21—48.

³⁶ *Лайбов* — псевдоним Добролюбова.

³⁷ *Зоркин Д.* — автор книги «О плутнях карточной игры» (СПб., 1860).

³⁸ *«хранить для европейского мира достоянье высоких жертв»* — измененная цитата из стихотворения А. С. Хомякова «Отчизна» («России»), 1839.

³⁹ *... у киевских педагогов...* — см. с. 463.

⁴⁰ *...письмо из Италии г. Пауловича.* — Имеется в виду книга К. П. Пауловича «Замечания об Италии, преимущественно о Риме» (Харьков, 1859), содержащая охранительно-патриотические сентенции.

⁴¹ *Готье Т.* (1811—1872) — писатель и критик, приверженец теории «искусства для искусства»; *Жанен Ж.-Г.* (1804—1874) — писатель, критик, фельетонист.

⁴² *Гарнье Ж.* (1813—1881) — французский буржуазный экономист.

«В НАЧАЛЕ АВГУСТА ВЕРНУЛСЯ Я ДОМОЙ»

Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф — в ПД. Впервые — изд. 1862, с. 587—588, в разделе «Дополнение к «Свистку»». Вероятно, предназначалось для Св. 8 (см. ССД, т. 7). В ПД хранится также рукописная копия М. Н. Чернышевского с пометкой: «Это — найденный мною в бумагах отца отрывок статьи Н. А. Д-ва, писанной, очевидно, осенью 1861 г., и предназначавшийся, вероятно, в «Свисток», но оставшийся неоконченным. Мих. Черныш(евский). 1907». (См. ПССД (Аничков), т. IX, с. 535 и ПССД (1939), т. 6, с. 739). Печатается по изд. 1862.

⁴³ *Из слишком годовой отлучки заграничной.* — Добролюбов пробыл в отъезде с середины мая 1860 до первой декады августа 1861.

⁴⁴ *профессор Тихонравов* — Тихонравов Н. С. (1832—1893), профессор Московского университета, историк древней русской литературы.

⁴⁵ *...если бы г. Катков объявил...* «Долгое время не занимавшись философией, я отстал... и не могу судить о статьях г. Антоновича — М. Н. Катков, в студенческие годы примыкавший к кругу Н. В. Станкевича, после окончания Московского университета продолжил свою философскую подготовку в Берлине (1840—1841) и в 1845—1850 гг. пре-

подавал в Московском университете философию, но с 1851 г. полностью посвятил себя журналистике. В споре с Антоновичем РВ пытался иронически приписать критику враждебность к идеям материализма и встать в позу насмешливой защиты этих идей («Старые боги и новые боги» — РВ, 1861, т. 31, февр., с. 891—904).

СЛАВЯНСКИЕ ДУМЫ

Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (черновая рукопись) — в ПД. Впервые — изд. 1862, с. 588—589, в разделе «Дополнение к «Свистку»». М. К. Лемке утверждал, что стихотворение вместе с предыдущим предназначалось в сентябрьский Св. «Славянские думы», по его мнению, — «результат наблюдений на Волге во время возвращения в СПб. из Нижнего Новгорода» — ПССД (Лемке), т. IV, стлб. 923. Современные исследователи датируют стихотворение 1858—1860 гг. — ССД, т. 7, с. 620. Печатается по изд. 1862.

«СРЕДЬ ВОЛГИ РЕЧЕНЬКИ ГЛУБОКОЙ»

Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (рукописный набросок) — в ПД. Впервые — изд. 1862, с. 589, в разделе «Дополнение к «Свистку»». Написано, по-видимому, в 1858—1860 гг. — ССД, т. 7, с. 625. Печатается по изд. 1862.

«СИНЕЕ НЕБО, ЗЕЛЕНое ПОЛЕ»

Автор — Н. А. Добролюбов. Автограф (наборная рукопись) — в ПД. На обороте рукописи записка для типографии: «Вам набирать все равно, — так попробуйте набрать «Свисток»: я хочу сам его свести к Загребину и попросить, чт^об прочитал. Оказывается, что все равно — завтра мы выйти не успеем. Стихи на обороте — верно, пойдут в Государственную канцелярию к Буткову, потому их наберите и тиснете отдельно. За корректурами пришлите через час. Н. Добр^олюбов» (ПССД (Аничков), т. IX, с. 538). Впервые — ПССД (Лемке), т. IV, стлб. 854. Там же (стлб. 853) приведена часть текста записки, полностью опубликованной Е. В. Аничковым. Записка датируется исследователями не ранее начала сентября 1861 г. и стихотворение предназначалось, вероятно, для Св. 8. — См.: ССД, т. 7, с. 627. Печатается по рукописи.

ФАНТАЗИЯ

Авторы — А. К. Толстой и Алексей Жемчужников. Пьеса предназначалась в «Современник», что видно из письма В. Жемчужникова к А. Н. Пыпину от 25 ноября 1864 г.: «Пытались ли отдавать «Министра плодородия» и «Фантазию» в цензуру, и как приняли?» — ПССП (1965, с. 397, 401). См. также примечания к пьесе «Торжество добродетели». Вне «Свистка» прутковские произведения в «Современнике» с 1860 года не публиковались.

Пьеса написана в 1850 г. и поставлена на сцене столичного театра в 1851 г. Впервые появилась в печати в ПССП (1884), с. 125—183. В ПД хранится писарская копия с указанием авторов и заметками театрального цензора, вынесенными в сноски как примечания К. Пруткова. Этот последний текст впервые напечатан в «Полном собрании сочинений» К. Пруткова (М., Л., 1933), с. 257—294, 567. Вторая писарская копия с поправками В. Жемчужникова и его примечаниями о характере цензурных пометок — в ЦГАЛИ. Предисловие под названием «Мое посмертное объяснение к комедии «Фантазия»» написано В. Жемчужниковым в двух вариантах — ПССП (1965), с. 448. Автографы — в ЦГАЛИ. Первый вариант этого предисловия опубликован в изд. 1933 г., с. 580—582. История пьесы рассказана Владимиром и Алексеем Жемчужниковыми в ряде биографических статей и воспоминаний о К. Пруткове. — См. ПССП (1965), с. 11—15, 380—381, 401—402. Печатается по тексту ПССП (1885), с. 125—183 с указанием вариантов рукописи.

Предисловие издателя

Это замечательное по смелости замысла и выполнения первое литературное произведение Кузьмы Пруткова было исполнено придворными актерами на сцене Александринского театра 9 января 1851 г. в бенефис г. Максимова 1-го, исполнители ролей указаны в нижеследующем списке действующих лиц для сохранения в памяти потомства, — хотя, к сожалению, я должен сознаться, что исполнители, кроме г. Мартынова, играли прескучно, несмотря на присутствие в театре покойного императора. Зрители пришли в негодование и, забыв присвоенные русским уроженцам сдержанность и терпеливость, подняли в театре, при отъезде высочайших особ, такой неистовый и откровенный шум, что актеры едва могли допеть последние куплеты. В простоте сердечной и невежественной гордости, публика возмечтала, будто бы пьеса была прервана ею и будто бы актеры удалились со сцены по ее требованию, а не по воле автора. Она возмечтала даже по свойственной ей близорукости и простодушию, будто бы г. Мартынов, исполнявший роль Кутила-Завалдайского, остался один на сцене по уходе прочих актеров и произнес впервые напечатанный в этом издании монолог — по собственной воле и из своей головы, а не из воли и головы автора. Так мало предугадывала публика гениальные способности Кузьмы Петровича Пруткова, моего миленького дядиньки! А дядинька мой, к сожалению, не имел впоследствии возможности рассеять невежественное заблуждение публики, потому что в тот же вечер, по высочайшему повелению, пьеса была воспрещена к представлению на театрах, а дядинька мой, для сохранения своего служебного положения, должен был скрывать свое авторство. По этой же причине и публика не могла исправить своей ошибки, т. е. оценить эту пьесу по достоинству. Известно, что самые гениальные произведения оцениваются не сразу, а когда вникнешь в них — так ни Гомер, ни Сервантес, ни Шекспир, ни Бетховен, ни Гете не были бы оценены, если бы запретили изучить их!

Не скрою и к чему скрывать?! что печатные отзывы об этом первом опыте Кузьмы Петровича Пруткова были весьма неблагоприятны для него. Только драгоценный журнал «Москвитянин», всегда отличавшийся глубокою, но патристическою принципиальностью, сумел прочувствовать сквозь шуточную оболочку сего замечательного творения таинственно сокрытый яд даровитого сатирика. Это тем более польстило Кузьме Петровичу Пруткову, что имя его было сокрыто тогда на афише под литерами Y и Z. Поэтому впоследствии Кузьма Прутков постоянно питал особенное уважение к тогдашнему рецензенту названного журнала Аполлону Григорьеву и откровенно обращался к нему за советами в самые трудные моменты своего творчества; так, например, он даже печатно просил его совета в одном из лучших своих стихотворений, помещенном и в этом издании, под заглавием: «Безвыходное положение», — прочие тогдашние журналы и газеты оказались далеко ниже своей задачи, взявшись трактовать о предлагаемом ныне на суд читателей первом сценическом произведении Кузьмы Пруткова. В доказательство этого я смело помещаю здесь выдержки из журналов: «Современник» и «Пантеон», сохранив и курсивные подчеркивания в них некоторых слов.

Из № 2 «Совр.» 1851 г., Смесь, стр. 271: «По крайней мере в бенефис г-жи Самойловой не было ничего слишком плохого, чему недавний пример был бенефис г. Максимова, пример очень замечательный в театральных летописях тем, что одной пьесы актеры *не доиграли* вследствие резко выраженного неодобрения публики. Это случилось с пьесой «Фантазия»».

Из № 1 «Пантеона» 1851 г. «Вероятно, со времени существования театра никому еще в голову не приходило фантазии, подобной той, какую гг. Y. и Z. сочинили для русской сцены... Публика, потеряв всякое терпение, не дала актерам окончить эту комедию и ошибалась ее прежде опущения занавеса. Г. Мартынов, оставшийся один на сцене, попросил из кресел афишку, чтобы узнать, как он говорил: «Как в голову могла придти фантазия сочинить такую глупую пьесу». Слова его были осыпаны единодушными рукоплесканиями. После такого решительного приговора публики остается только занести в нашу летопись один факт, что оригинальная *фантазия* удостоилась на нашей сцене *такого падения*, с которым может только сравниться падение комедии «Ремонтеры», данной 12 лет тому назад и составившей эпоху в преданиях Александринского театра».

Я не сробел, читатель, поместив здесь эти выписки из двух журналов, когда-то любимых публикою, — я не сробел, потому что надеюсь на твою замечательную прозорливость.

Я только в одном помогу тебе, именно: заметить в последней фразе рецензента «Пантеона» нечаянное приветствие великому Кузьме Петровичу Пруткову, тогда впервые появившемуся, хотя и под таинственными литерами, на горизонте русской литературы. Действительно, никакое действие великого человека, даже ошибочное, не проходит без следа в истории, — точно так и первое появление Кузьмы Пруткова в русской литературе, даже скрытое от соотечественников под чужеземными буквами, возбудило необычайную энергию в русской публике, присутствовавшей в театре, вызвало необычайное распоряжение власти, удостоилось *такого падения*, которое составляет эпоху в преданиях театра — и как всякое (снова повторяю) гениальное произведение было понято и оценено современниками.

И з д а т е л ь.

Стр. 374, после строки 7 св. ЛИБЕНТАЛЬ. Позвольте, позвольте!.. (Слушает). Да, точно; это в кабинете Лизаветы Платоновны. Могу вас уверить! Я очень хорошо знаю звон этих часов, клянусь вам!..

Стр. 379, строки 21—22 св. Вместо «о-де-лаван» — «одеколон».

Стр. 379, строка 10 св. вы сами идете!.. (Показывает на бантик) Как это к вам идет! Без всякого сомнения

Стр. 379, строка 2 св. Сладкий и страстный недуг

Стр. 382, строка 14 св. В рукописи отсутствуют.

Стр. 382, строка 8 св. В рукописи отсутствуют.

Стр. 383, строки 14—15 св. В рукописи после слов БЕСПАРДОННОГО «Боже, если б это было возможно!» следует:

ЯВЛЕНИЕ V

Р а з о р в а к и — *входит*.

Ничего нет необыкновенного! Это случилось очень просто, я тут был.

В с е

Вы видели, как это случилось? Расскажите, расскажите!

Р а з о р в а к и

Слушайте! (*Поет*):

Уж смерклось; в гостиной старушка,
Сидевши, вязала чулок...
Под нею лежала подушка,
Собачка лежала у ног.
В подушке своей потонувши,
Она все вязала чулок,
Но вдруг, неприметно уснувши,
Из рук упустила клубок.
Скатился клубок по собачке,
Она завизжала — и вот —
Старуха, не дав ей потачки,
Ее же толкнула в живот.
Сама испугавшись в потемках,

Вздрогнув, закричала она.
Ей вдруг показалось вросонках,
Что лезет солдат из окна.
Дрожа перед мнимым служивым,
Велит она кликнуть людей,
И вместе пинком неучтивым
Толкает меня из дверей.
С солдатом готовясь на драку,
С людьми прихожу я назад, —
Старуха кричит нам: собаку,
Собаку похитил солдат!
Собаку, собаку, собаку,
Собаку похитил солдат.

А совсем не солдат! Врет старуха! Просто сама убежала моська.

К у т и л о

Я давно приметил в этой старухе склонность к жестокому обращению и неприличным приемам.

Стр. 385, строка 15 св. В рукописи отсутствует.

Стр. 385, строка 5 св. В рукописи отсутствуют.

Стр. 386, строка 8 св. Слова «Главное — не унывать» в рукописи отсутствуют.

Стр. 389, строка 21 св. взяточник или ростовщик

⁴⁶ ...почти вся история комедии. — В пьесе «Фантазия» за кажущимся нагромождением нелепостей скрыто изображение вздорного самовластья крепостницы-помещицы. Но попытка публикации пьесы в 1860-е годы предпринималась, конечно, не для запоздалой критики крепостного права, а с целью документально точного повествования о проделках русской цензуры. Это было весьма актуально в период подготовки нового цензурного устава. Тем не менее, хотя авторы пьесы и пытались придать своей критике ретроспективный вид, даже в такой форме это оказалось немыслимым.

⁴⁷ ...что случилось бы с любым произведением Шекспира или Кукольника... — Образ Пруtkова возник как пародия на деятелей «ложновеличавой школы» в искусстве николаевской эпохи (ближайшим прототипом был В. Г. Бенедиктов); характеризуя «произведения этой школы, проникнутые самоуверенностью, доходившей до самохвальства», в том числе — творчество драматурга и поэта Н. В. Кукольника, Тургенев вспоминал: «что было шума и грома! Как широко разлилась тогда эта школа! Некоторые из ее деятелей сами добродушно признавали себя за гениев» (Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания. — Полн. собр. соч. и писем. Сочинения, т. XIV. М., Л., 1967, с. 16, 38, 326).

⁴⁸ «Ремонтеры» — комедия В. И. Мирошевского «Ремонтеры или Сцены на ярмарке» шла в 1839—1840 гг. в Александринском театре.

⁴⁹ ...доброжелательство... в «Москвитянине» или «Московских ведомостях». — В отделе критики и библиографии «Москвитянина» (1851, № 6) под криптонимом «Г» Ап. Григорьев дал следующий отзыв о комедии: «Мы видим в фантазии <...> злую и меткую, хотя и грубую пародию на произведения современной драматургии, которые все основаны на такого рода нелепостях <...> Пародия <...> не могла иметь успеха потому, что не пришел еще час падения пародируемых <...> произведений» (с. 278).

⁵⁰ ... я очень полюбил г. Аполлона Григорьева... — Критическая деятельность и поэзия А. А. Григорьева — постоянный объект прутковских пародий.

⁵¹ «Безвыходное положение» — стихотворение, опубликованное в С, 1854, № 3 («Литературный Ералаш», тетрадь II), которое «распадается на ряд пародически использованных цитат, несомненно имеющих целью довести до шаржа и тем дискредитировать критическую позицию Ап. Григорьева» (Берков П. Н. К. Прутков. Л., 1933, с. 89—90).

⁵² Счастливые часов не наблюдают! — реплика Софьи из 3 явления I д. «Горе от ума» Грибоедова.

⁵³ ... из «Сомнамбулы» — упомянута опера В. Беллини, либретто Ф. Романи (1831).

⁵⁴ «Citto, citto, piano, piano» — терцет из 3 д. комической оперы Д. Россини «Севильский цирюльник» (1816) на сюжет одноименной пьесы П. Бомарше.

⁵⁵ ...как и в «Севильском цирюльнике»... — Имеется в виду симфоническая картина из 3 действия оперы.

⁵⁶ ...после венгерской войны. — Австрийское правительство обратилось к русскому царю с просьбой оказать военную помощь в подавлении революционного движения в Венгрии (1848—1849).

ТОРЖЕСТВО ДОБРОДЕТЕЛИ

Авторы — А. К. Толстой и Алексей Жемчужников. Это подтверждается предисловием «От потомков Козьмы Петровича Пруtkова в редакцию «Современника» См. также ПССП (1965), с. 453. Связь пьесы со «Свистком» отмечена в письмах В. М. Жемчужникова к А. Н. Пыпину. В первом, от 6/18 февраля 1883 года, перечисляя по просьбе А. Н. Пыпина сочинения К. Пруtkова, В. Жемчужников упомянул и пьесу «Министр плодородия» (рукопись была передана в ред(акцию) «Совр(еменника)» 1863 или 4 гг., не напечатана и не возвращена). В другом письме читаем: «... Нет ли возможности поручить кому-либо пересмотреть в бумагах бывшей редакции «Современника» (если таковые остались) за 1860—4 г., — не найдется ли там рукописи или даже корректурных листов комедии

Козьмы Пруткова «Министр плодородия»? — Она была дана мною в 1860—4 годах, охотно принята редакцией, но, как мне сообщили потом, *не пропущена* цензурой (поэтому я и говорю о корректурных листах)». — ПССП (1965), с. 397, 401. Корректуры пьесы, в которых она имела название «Торжество добродетели», впервые опубликованы в ЛН, т. 67, с. 764—773. Этот текст, заново сверенный с корректурой, и перепечатывается в настоящем издании.

⁵⁷ *де Лагероньерр, журналист и сановник.* — Герою дано имя официального лица: де Ла Героньер был директором департамента по делам печати министерства внутренних дел Франции. Это обстоятельство могло послужить поводом запрещения пьесы. В то же время В. М. Жемчужников вспоминал впоследствии, что «Валуев принял тип министра за свой» (ЛН, т. 67, с. 760).

⁵⁸ ... *то же ... говорил Каюс Юлиус Цезарь?* — «благонамеренная» перефразировка латинского изречения «в здоровом теле — здоровый дух» (которое не принадлежит Юлию Цезарю, а восходит к 10 сатире Ювенала).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

<i>Н. А. Добролюбов. С фотографии 1860 г.</i>	<i>409</i>
<i>Н. А. Некрасов. С литографии</i>	<i>415</i>
<i>Н. Г. Чернышевский. С фотографии 1859 г.</i>	<i>415</i>
<i>Титульный лист журнала «Современник» (1859, № 1), в котором помещен первый выпуск «Свистка»</i>	<i>433</i>
<i>Первая страница «Свистка» № 1 («Современник», 1859, № 1)</i>	<i>439</i>
<i>Часть корректуры «Неаполитанских стихотворений»</i>	
<i>Н. А. Добролюбова с поправками цензора</i>	<i>487</i>
<i>Стихотворение Н. А. Добролюбова «Чувство законности», написанное рукой Н. Г. Чернышевского, с его редакторскими пометками (1862 г.)</i>	<i>534</i>

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ *

- А. А. (Аммосов А. Н.) 80, 81, 461
 А. Д. (Желтухин А. Д.) 17
 А. И. (Аксаков И. С.) 540
 А-а Н. — 513
 Абакумов С. 446, 460
 Авдеев М. В. 200, 507
 Агриппа Менений 93, 468
 Адлерберг А. В. 428, 550
 Айосса — 178
 Аксаков И. С. 255, 257, 264, 267, 274, 293, 299, 306, 416, 450, 524, 525, 536, 540, 541, 544, 546—548, 558
 Аксаков К. С. 30, 107, 445, 468, 471, 477
 Александр II 412, 454, 477, 497, 560
 Алексеев — 456
 Аллури Ж.-Л.-А. 354, 566
 Алмазов Б. Н. 320, 427, 509, 554
 Алфераки 66, 69
 Альбертини Н. В. 257, 520, 536, 538
 Альбицкий (Д. И.?) 126, 131—133
 Альфонсы, династия 349
 Аммосов А. Н. 411, 455, 461
 Аничков Е. В. 435, 441, 445, 471, 561, 567, 568
 Анненков П. В. 188, 407, 443, 492, 498, 499, 525
 Анордист И. 467
 Антиспатов Михаил (псевдоним Буренина В. П.) 327, 427
 Антонелли Д. 116, 352, 480
 Антонович М. А. 367, 411, 412, 417, 419, 422, 423, 426, 427, 440, 527, 540—544, 546, 547, 556, 567
 Аполлон 84, 145, 386
 Апухтин А. Н. 200, 201, 479, 482, 508
 Аргиропуло П. Э. — 518, 557
 Аристотель 263
 Армстронг 269, 542
 Арсеньев А. 27
 Арсеньев И. А. 27, 204, 509
 Архипка 342
 Аскоченский В. И. 207, 233—235, 240, 509, 520, 524, 538
 «Атеней» 19, 20, 40, 83, 102, 106, 108, 116, 183, 197, 229, 337, 436, 451, 466, 471, 474, 499, 505, 520
 «Аугсбургская всеобщая газета» 350
 Афанасьев А. Н. 218, 513
 Ахшарумов И. Д. 66, 73—75, 459
 Ашукин Н. С. 469
 Ашукина М. Г. 469
 Б-лова 287
 Бабилов 258
 Бабст И. К. 103, 108, 256, 258, 449, 529, 536
 Бадейкин (Чернышевский Н. Г.) 8, 427
 Базунов И. В. 325, 556
 Байборода (псевдоним Каткова М. Н., Леонтьева П. М. и Дмитриева Ф. М.) 5, 103, 106, 218, 350, 438, 466, 472, 475, 513
 Байер Г.-З. 85, 86, 104, 467
 Байков 66—73, 75, 76, 459
 Байрон Д.-Г. 80, 116, 462, 480
 Бальбо Ч. 168—171, 494
 Бальдур 218
 Бандуа 365
 Баратынский Е. А. 528
 Барриель 365
 Барсуков Н. П. 468, 475
 Батюшков К. Н. 443
 Бахтин М. М. 419
 Безобразов В. П. 227, 365, 513, 522, 531, 539
 Безобразов Н. А. 112, 217, 226, 260—264, 414, 423, 472, 476, 518, 528, 531, 533, 537
 Бейдеман А. Е. 476
 Бекетов В. Н. 453, 478, 500, 503, 506, 539
 Белбог — 218
 Белини В. 467, 571
 Белинский В. Г. 257, 419, 451, 473, 474, 501, 510, 511, 536, 547
 Беллюстин И. С. 161, 182, 185, 186, 489, 498
 Белозерский В. М. 490
 Бенардаки Д. Е. 66, 160, 489

* Страницы «Приложений» выделены курсивом.

- Бенедек Л. 116, 480, 507
Бенедиктов В. Г. 30, 34, 77, 412, 436, 437, 445, 448, 455, 564, 571
Бенз 492
Беранже П.-Ж. 526
Берг Н. В. 83, 100, 349, 350, 466, 473, 548, 565
Берг Ф. Н. 328, 557, 559
Березкин Ф. 20
Берков П. Н. 477, 549, 571
Берлинер Г. 417
Бернс Р. 162, 492, 503
Берте А. А. 478
Бертон 365
Бестужев-Рюмин К. Н. 84, 466, 520, 538
Бетховен Л. 266, 369, 569
Бешенцов А. 39, 40, 86, 426, 447, 450
«Библиотека для чтения» 19, 34, 104, 209, 212, 228, 420, 448, 473, 480, 504, 505, 507, 509—511, 517, 522
«Биржевые ведомости» 319, 501, 545, 553, 554
Благовещенский Н. М. 162, 492, 516
Благой Д. Д. 483
Благосветлов Г. Е. 499
Бланк Г. Б. 112, 185, 186, 476, 498
Боборыкин П. Д. 498, 511, 523, 538
Бобринский В. А. 475
Бов (псевдоним Добролюбова Н. А.) 221, 514
Богданов 66, 70—73, 76
Боград В. Э. 411, 435, 499
Бодянский О. М. 218—220, 501, 513, 536
Бокль Г.-Т. 327, 557
Бомарше П.-О. 571
Бондуа П. 365
Бонжан 285
Бордюгов И. И. 410, 448, 471, 472
Борзенков Я. А. 27, 538
Боррис Ф. 166, 351, 493
Боско Б. 88, 467
Боткин В. П. 443, 509
Брагга 84
Брандт Ф. Ф. 142, 484
Браун Д. 507
Бреге (Брегет) Л.-А. 256, 528, 536
Брессан 365
Брето 555
Бриллиантов Смарагд (псевдоним Ковалевского П. М.) 320, 321, 427, 553
Брокгауз 250, 527
Брук К.-Л. 116, 480
Брылкин Н. А. 125, 126, 135
Буйницкий А. Н. 557
Булгаков К. А. 461
Булгарин Ф. В. 27, 80, 104, 212, 213, 221, 444, 462, 473, 474, 511, 514
Булкин (псевдоним Ладыжевского С. А.) 183, 498
Бунге Н. Х. 84, 110, 466, 472
Бурбоны, династия 177, 178, 358, 488, 493
Буренин В. П. 411, 417, 423, 426—429, 540, 541, 552, 556
Буслаев Ф. И. 83, 218, 257, 333, 464, 465, 477, 513
Буткевич А. А. 471, 483
Буткевич Г. С. 408, 560
Бутков В. П. 568
Бухштаб Б. Я. 408, 410, 412, 423, 427, 435, 452, 455, 476, 482, 484, 549, 560, 563
Быков П. В. 411, 428, 552
Бэр К.-Э. (К. М.) 142, 484
Бюхнер Ф.-К.-Х.-Л. 293, 294, 326, 327, 557
Вагнер Н. П. 162, 492
Вагнер Р. 520, 538
Валевский Ф.-А.-Ж. 166, 493
Валуев П. А. 547, 550
Вальц Ф. Е. 305, 306, 548
Варламов А. Е. 542
Васильев Е. В. 338, 343
Васильева — 338
Васильчиков И. В. 463
Вахновская С. (псевдоним Лодыженской Е. А.) 110
Вебер 82, 465
«Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» («Полицейские ведомости») 82, 275, 465, 488
Вейнберг П. И. 227, 508, 510, 522, 538, 542
Вейнберг Я. И. 466
Вейсс Ж.-Ж. 354, 566
«Век» 161, 197, 227, 351, 490, 502—504, 520, 522, 538, 539
Вельзевул 179
Вельо Л. 164, 169, 172, 492, 494
Вельтман А. Ф. 333
Венера 320
Верди Д. 537
Верелиус (Верелий) О.-В. 104
Вернадский И. В. 40, 350, 351, 451, 565
«Весельчак» 19, 25, 111, 444
«Вестник промышленности» 37, 38, 449, 502, 536
«Весть» 554
Виктор-Эммануил 116, 354, 361, 479, 566
Вилльмен А.-Ф. 162, 365, 492
Виндишгрец А. 78, 460
Виноградов В. В. 418
Витгенштейн П. Х. 458
Виттенгейм 204
Владимир, князь 17
Владимир Мономах 533
Владиславский В. 459

- Власьев М. 116, 480
 Вовчок Марко (псевдоним Маркович М. А.) 110
 Война 69
 Вольский 27
 Вольтер (Аруэ Ф.) 514
 Воронин 13
 Воронов М. А. 411, 417, 428, 518, 538
 Воскобойников Н. Н. 197, 312, 499, 505, 510, 511, 513
 Воскресенский М. И. 530
 «Время» 192, 194, 196, 224, 228, 261, 270, 272, 326—328, 416, 422, 428—430, 434, 451, 456, 468, 501, 503, 505, 510, 515, 517, 521, 523, 526, 527, 536, 540, 542, 545, 556—559
 Вульф К. 435
 Вызинский Г. В. 516
 Вышнеградский Н. А. 12, 14, 40, 52, 441, 450, 456
 Вяземский П. А. 30, 242, 445, 473, 497, 520, 526, 564
- Гавацци А. 165, 493
 Гайдебуров П. А. 550
 Гайнау Ю.-Я. 78, 460
 Гаевский В. П. 221, 515
 Галактионова 13, 14
 Галахов А. Д. 82, 105, 106, 119, 162, 221, 365, 395, 465, 472, 474, 482, 492
 Галль Ф.-И. 146—148, 150, 485
 Гамбс 545
 Ганеско Г. 356, 566
 Гарибальди Д. 52, 83, 163, 165, 171—174, 176, 181, 182, 196, 198, 200, 206, 207, 232, 273, 350, 352, 356, 360, 454, 466, 486, 494, 497, 505, 508, 523, 543
 Гарнье Ж. 365, 567
 Горяйнов А. А. 52, 456
 Геба 218
 Гегель Г.-В.-Ф. 524
 Гедерштерн А. К. 368, 372
 Гейне Г. 41, 85, 113, 452, 467, 476
 Гела 218
 Гемпель В. Э. 563
 Генесси 285
 Геннади Г. Н. 187—189, 217, 221, 395, 427, 485, 488, 498, 499, 502, 513—515
 Георг V 493
 Георгиевский Г. 185
 Гербель Н. В. 221, 457, 471, 483, 497, 514, 541
 Герман 83, 467
 Герострат 20, 443
 Гертсоний 465
 Герцен А. И. 414, 417—421, 437, 438, 443—445, 451, 453, 454, 457, 459, 463, 466, 468, 469, 473, 477, 501, 503, 510, 518, 526, 528, 536, 537, 539—541, 547, 554
- Гете И.—В. 105, 335, 569
 Гиероглифов А. С. 275, 545
 Гизо Ф.-П.-Г. 117, 480
 Гиллельсон М. И. 473
 Гиляров-Платонов Н. П. 547
 Гиулай Ф. 78, 460
 Гладин 121—130, 133, 134
 Гладстон В.-Ю. 333
 Глинка А. П. 100, 473
 Глинка М. И. 528
 Глинка С. Н. 10, 440
 Глинка Ф. Н. 99, 105, 106, 108, 473, 474
 Глинский Б. Б. 411
 Гоголь Н. В. 42, 43, 104, 198, 226, 327, 418, 419, 447, 452, 473, 479, 490, 500, 514, 522, 558
 Голицын Н. Н. 203, 475, 509
 Голицына 206
 Головин И. Г. 353, 566
 Головкин И. 121, 131, 134
 Головин А. В. 541, 547
 «Голос» 274, 540, 545, 556
 Голятовский И. 243, 527
 Гомер 369, 569
 Гончаров И. А. 200, 222, 226, 507, 516
 Гораций 231, 523, 538, 565
 Горвиц М. 20, 22, 23, 25, 26, 29, 142, 143, 414, 436, 478, 483
 Горлов И. Я. 84, 466
 Готтентот (псевдоним) 428, 519
 Готье Т. 365, 567
 Гофман Э.-Т.-А. 563
 Грабянка 201, 508
 Грангийо (Грангильо) А.-П. 353
 Грановский Т. Н. 292, 420, 427, 443, 445, 501, 518, 547
 Гранье-де-Кассаньяк П.-А.-М.-П. 354, 566
 Греков Н. П. 161, 351, 489, 510
 Греч Н. И. 105, 106, 221, 474, 514
 Грибоедов А. С. 444, 445, 454, 474, 495, 571
 Григорий, митрополит 508
 Григорович Д. В. 211, 407, 510
 Григорьев А. А. 39, 86, 108, 136, 187, 371, 423, 449, 467, 482, 499, 523, 549, 569, 571
 Григорьев В. В. 443
 Громека С. С. 40, 106, 110, 183, 221, 230, 257, 259, 272, 274, 325—327, 426, 450, 451, 475, 520, 538, 542, 544, 556, 558
 Громова П. К. 373
 Грот Я. К. 84, 466, 480
 «Гудок» 427, 444
 Гюаде Ж. 354, 566
 Гюго В. 166, 493
- Давыдов С. И. 539
 Даль В. И. 182, 185, 186, 451, 498, 531, 547
 Данилевский Г. П. 183, 316, 498, 552

- Данте А. 140, 483, 506, 559
 Дараган Д. И. 116, 480
 Дантес Ж.-Ш. 188
 Де Канард Станислав (псевдоним Добролюбова Н. А.) 362, 428, 566
 Де ла Мотт Фуке Ф. 456
 Делессер 66
 Десянов И. Д. 408
 Демидов 549
 Демченко А. А. 434, 513
 «День» 233, 240, 250, 261, 274, 294, 328, 416, 524, 525, 536, 540, 544, 546—548, 559
 Де Пуле М. Ф. 86, 187, 499
 Державин Г. Р. 77, 98, 145, 455, 468, 470, 565
 Джакометти П. 498, 511
 Дженнаро (Януарий) 179, 497
 Дзюбин И. 27, 161, 443, 489
 Диана 443
 Дионисий 552
 Дмитриев И. И. 106, 145, 506, 542
 Дмитриев М. А. 30, 100, 107, 197, 445, 473
 Дмитриев Ф. М. 256, 426, 438, 553
 Дмитрий Самозванец 92
 Добровольский 132
 Добролюбов В. И. 485
 Добролюбов Н. А. 407—414, 416—420, 422—428, 431, 432, 434—438, 440—457, 459—466, 468, 469, 471—476, 478—488, 490, 493—495, 498—502, 504, 509, 511, 512, 514, 517, 519, 523—526, 535—537, 542, 544, 557, 560—563, 565—568
 Долгомостьев И. Г. 540
 Долгоруков В. А. 410
 «Домашняя беседа» 233, 509, 524
 Достоевский М. М. 194, 196, 257, 275, 325—327, 416, 427, 501, 517, 527, 545, 557—559
 Достоевский Ф. М. 257, 275, 326—328, 416, 418, 419, 422, 428, 429, 501, 505, 509, 516, 517, 521, 526, 527, 541, 542, 545, 557—559
 Дружинин А. В. 34, 108, 194, 227, 411, 426, 448, 469, 473, 503, 504, 516, 522
 Дрыжакова Е. Н. 418
 Дудышкин С. С. 187, 202, 208, 221, 257, 499, 508, 509, 529
 «Дунайская газета» 456
 Дункер М. 565
 «Дух христианина» 233
 Дымман Е. А. 52, 456
 Дюма А. (отец) 52, 104, 443, 455, 504
 Дюма А. (сын) 537
 Дюмень 365
 Дюпрэ 365
 Дюссо 80, 124, 482
 Евгеньев-Максимов В. Е. 479, 488, 541
 Егоров Б. Ф. 436
 Екатерина II 201, 477, 556
 Еленев Ф. П. 516
 Елисеев Г. З. 316, 317, 411, 412, 417, 421, 422, 425, 447, 517—519, 524, 527, 544, 546, 551
 Ермак 506
 «Ерунда» 274, 545
 Ершов П. П. 411, 484
 Ефремов В. П. 204
 Ешевский С. В. 536
 Ж. А. (Жемчужников Алексей М.) 49
 Жадовская Ю. В. 110
 Жанев Ж.-Г. 365, 567
 Жданов И. И. 287—290
 Желтухин А. Д. 17, 441
 Жемчужников Александр М. 564
 Жемчужников Алексей М. 43—46, 49, 205, 368, 372, 411, 452, 461, 476, 477, 483, 484, 515, 549, 564, 568, 571
 Жемчужников В. М. 411, 461, 476, 477, 484, 515, 548, 549, 564, 568, 571
 Жемчужников Л. М. 476
 Жеребцов Н. А. 117, 221, 243, 353, 480, 514, 526, 531, 566
 Жук А. А. 407, 434
 Жуковский В. А. 29, 88, 101, 105, 217, 218, 455, 456, 483, 499, 527, 528, 536, 538
 Жулев Г. Н. 508
 Журавлев Н. В. 544
 «Журнал для воспитания» 448, 468
 «Журнал для девиц» 444
 «Журнал землевладельцев» 14—18, 414, 441
 «Журнал министерства народного просвещения» 340, 489
 З-ский Д. 46, 47
 Забелин А. 109, 203, 333, 349, 509, 565
 Загибенин 568
 Загоскин Л. 15, 16
 Загоскин М. Н. 468, 473
 Зайчневский П. Г. 518, 557
 Закревский А. А. 477
 Замятин В. 518
 «Заноза» 274, 545
 Захаркин А. Ф. 499
 Зернин А. П. 85, 467
 Змиев-Младенцев Михаил (псевдоним Буренина В. П.) 318, 327 (?), 428
 Змиев-Младенцев Михаил (псевдоним Салтыкова-Щедрина М. Е.) 280, 292, 327 (?), 428
 Знакомый человек (псевдоним Шнилевского П. М.) 19—21, 25, 26, 28, 436, 444
 Золотарев 69, 73, 75

- Зоркин Д. 363, 567
 Зотов В. Р. 26—28, 143, 240, 436, 442, 443, 471
- И. 459**
 И. Л. 37, 38
 И. М. 524
 Иван III 245, 527
 Иван IV 100, 233, 245, 256, 261, 527, 536
 Иванов 25
 Иванов А. А. 226, 443, 444
 Иваск У. Г. 514
 Игорь, князь 17, 441
 Ижицын (псевдоним Федорова Б. М.) 25, 444
 «Известия Императорской Академии Наук по отделению русского языка и словесности» 106
 Иловайский Д. И. 453, 458
 «Иллюстрация» 18—29, 240, 408, 414, 436, 437, 443—445, 521
 Ильминский 183, 498
 «Инвалид» (см. «Русский инвалид»)
 Иосиф, святой 341
 Исаков Я. А. 104, 499
 «Искра» 185, 204, 420—424, 427, 429, 430, 434, 437, 440, 441, 447, 451, 452, 463, 480, 482, 508, 509, 511, 524—526, 538, 543, 544, 550, 552—554, 557, 563
- К. Н. (см. Страхов Н. Н.)**
 Кабаретъе 335
 Кабат **И. 204**
 Кавелин К. Д. 27, 226, 227, 444, 463, 464, 477, 509, 522
 Кавур К.—Б. 162—176, 178, 273, 333, 351, 454, 486, 491, 492, 494—496, 500, 543, 560
 Кайданов И. К. 105
 Калачов Н. В. 464, 467, 477
 Калиновский Д. И. 510
 Камбек Л. Л. 203, 233, 237, 509, 524
 Капелькин Аполлон (псевдоним Добролюбова Н. А.) 136, 140, 190, 195, 426, 427, 478, 485, 488, 500
 Карамзиц Н. М. 94, 104, 105, 136, 194, 244, 347, 452, 468, 482, 503
 Каратыгин П. А. 443
 Каратыгин 2-й 373
 Карл Альберт 493
 Карнович Е. П. 182, 498
 Карпов Е. 185, 499
 «Кассаньяк (см. Гранье-де-Кассаньяк П.-А.-М.-П.)
 Касторский М. И. 85, 467, 530
 Катков М. Н. 143, 192, 193, 206, 242, 255, 257, 267, 274, 275, 286, 304, 305, 325, 326, 366, 416, 417, 426, 438, 443, 447, 462, 466, 464, 479, 489, 494, 495, 498, 503, 509, 510, 514, 516—518, 526, 528, 529, 538, 539, 541—543, 545—547, 552, 554, 555, 558, 567
 Катон 226
 «Каторга и ссылка» 528
 Кауэр Ф. 539
 Кашеева А. В. 46
 Кинг 66—68, 73, 75
 Кирилл и Мефодий 266, 319
 Киттары М. Я. 100, 103, 475
 Клеванов А. 543
 Клемм Ф.-Г. 107
 Клио 94, 468
 Книжник Григорий (псевдоним Геннади Г. Н.) 188, 499
 Княжицкий Богдан (псевдоним Зиновьева Ф. А.) 116, 480
 Княжнин В. 561
 Ковалевский П. М. 407, 427, 428, 553, 556
 Козлов А. 124—127, 133, 135
 Козлов П. А. 116, 480
 Козлянинов (Козляинов) А. П. 161, 203, 204, 488, 489, 509
 Козьмин Б. П. 418, 550
 Кокорев В. А. 40, 66, 69—73, 75, 76, 97, 103, 106, 117—120, 122—135, 142, 160, 162, 183, 195, 221, 236, 243, 270, 304, 363, 414, 426, 451, 472, 478, 480—482, 489, 504, 514, 525
 «Колокол» 304, 305, 408, 418, 420, 421, 430, 434, 437, 440, 450, 454, 459, 463, 473, 504, 517, 526, 539, 540, 542, 547, 554
 Колошин С. П. 105
 Кольцов А. В. 162, 491, 503
 Комаров А. М. 80, 411, 461
 «Коммерческая газета» 189, 499
 Кон Ф.-Ю. 134, 482
 Кондратович—К. А. 225, 522
 Конисский Г. 464, 477
 Константин Багрянородный 95, 468
 Конфуций (Кун-Фу-Цзы) 362
 Корейша И. Я. 200, 508
 Коренев Н. 474
 Корреспондент (псевдоним) 43
 Корш В. Ф. 29, 30, 417, 445, 447, 453, 500, 503, 509, 525, 528, 543, 560
 Корш Е. Ф. 451, 453, 516
 Косица Н. (псевдоним Страхова Н. Н.) 326, 538, 557, 558
 Костомаров В. Д. 546
 Костомаров Н. И. 84—86, 88, 92, 94, 115, 142—144, 161, 182, 226, 230, 231, 233, 244, 250, 252—254, 257, 261, 262, 277, 299, 351, 416, 462, 467—469, 479, 490, 518, 523, 530—532, 536, 545—546, 548
 Костыга Фома (псевдоним Прозоровского Д. И.) 104, 473
 Кохановская (псевдоним Соханской Н. С.) 110
 Кочубей Е. 469

- Кошелев А. И. 218, 304, 451, 548
 «Кошелек» 475
 Кравцов 300
 Краевский А. А. 160, 161, 202, 208, 209, 211, 213, 215, 221, 274, 317, 325, 326, 328, 416, 421, 426, 489, 500, 503, 505, 508—511, 516, 542, 544, 545, 552
 Кранихфельд 530
 Краснопольский Н. С. 539
 Крестовский В. В. 116, 479, 480, 545
 Криницкий (псевдоним Вадбольской В.) 110
 Кроть Н. И. 116, 480
 Кронеберг А. И. 505
 Круг Ф. И. 85, 86, 467
 Крылов И. А. 33, 45, 104, 452, 500, 503, 542
 Крылов Н. И. 27, 84, 103, 444, 466, 472, 475
 Кугушев Г. В. 73, 459
 Кукольник Н. В. 106, 369, 474, 571
 Кулешов В. И. 505
 Кулиш П. А. 225, 241, 522
 Кунигунда Л.-А.-Ф. 141
 Куник А. А. 527
 Куницына (ур. Безхвостова) Дарья (псевдоним) 195
 Куракина Е. А. 514
 Курочкин В. С. 410, 423, 441, 444, 452, 463, 482, 511, 526
 Курочкин Н. С. 550
 Кусков П. А. 201, 508
 Куторга М. С. 530
 Куторга С. С. 530
 Кутузов И. 21
 Кушелев-Безбородко Г. А. 187, 499
 Кэри Г.-Ч. 219
 Кювье Ж. 142, 143, 478, 483

 Л. 540, 557
 Лабзин 458
 Лавров Н. Е. 18
 Лавров П. Л. 104, 219, 244, 472, 473, 489, 527
 Лавров С. Е. 18
 Лаврова В. 18
 Ла Героньер Л.-Э.-А. 571
 Лагруа 300, 548
 Лагорио Л.-Ф. 476
 Лажечников И. И. 39, 447, 449, 503
 Лазарев А. В. 93, 468
 Лайбов (псевдоним Добролюбова Н. А.) 101, 106, 110, 111, 363, 473, 567
 Лакиер А. Б. 85
 Ламанский Е. И. 83, 88, 90, 91, 96, 106, 465, 467, 468
 Ламартин А.-М.-Л. 354, 549, 566
 Ламбин Н. П. 104
 Ламеннэ Ф.-Р. 166, 169, 172, 493, 494
 Ламорисьер К.-Л.-Л.-Ж. 162, 163, 165, 195, 492, 504
 Лампе П. И. 204
 Ланца Ф. 179, 497
 Лапшин 530
 Ла Фарина Д. 172, 494
 Лаффит Ж. 162, 195, 504
 Лебедев 506
 Левашов 65, 70—76
 Левкеева 373
 Легуве Э. 498
 Лемке М. К. 410, 427, 435, 471, 500, 560, 562, 563, 566—568
 Ленц Э. Х. 528, 529, 533, 538
 Леонтьев П. М. 83, 84, 256, 257, 292, 304, 305, 438, 466, 518, 526, 529—531, 536, 547, 555
 Лерберг А.-Х. 95, 469
 Лерд (Берд?) 118
 Лермонтов М. Ю. 92, 275, 443, 458, 459, 468, 470, 479, 482, 513, 538, 539, 545, 548, 549
 Лесков Н. С. 545
 Летголла Ю. (псевдоним Берггольц Ю. Ю.) 161, 351, 490
 Летиция 179, 497
 Лешков В. Н. 27, 110, 444
 Ливен 206
 Ливий Т. 504
 Лилиеншвагер Конрад (псевдоним Добролюбова Н. А.) 30, 32, 34, 36, 40, 50, 53, 77, 79, 83, 87, 88, 90, 91, 94, 96, 97, 99, 136, 177, 178, 182, 195, 202, 216, 257, 265, 320, 426, 427, 437, 438, 446, 453, 454, 457, 463, 464, 469, 478, 512, 517, 520, 521, 562
 «Листок общества пароходств и торговли» 230, 231
 «Литературный ералаш» («Ералаш») 410, 420, 421, 476, 571
 «Литературные прибавления к Русскому инвалиду» 104
 Локе 218
 Ломан Н. Л. 482, 508
 Ломоносов М. В. 196
 Лонгинов М. Н. 221, 242, 246, 257, 258, 260, 293, 306, 324, 395, 473, 504, 508, 515, 526, 536, 537, 540, 547, 548
 Лохвицкий А. В. 225, 522
 Луи Филипп 493
 Львов Н. М. 25, 27, 40, 444, 446, 451
 Льюис Д.-Г. 529, 538
 Людовик-Наполеон 285, 286, 355, 358, 360, 361, 546
 Лютер М. 99, 470

 М. Т. 444
 Магнал 365
 Май И. 516

- Майерови А. 511
 Майков А. Н. 34, 83, 84, 140, 178, 222, 258, 259, 350, 423, 427, 437, 448, 449, 455, 460, 462, 466, 483, 495, 497, 511, 516, 537, 561
 Майков В. Н. 565
 Макарий 246, 527
 Маколей Т.-Б. 219, 226, 522
 Максимов А. М. 368, 370, 372, 394, 568, 569
 Максимов С. В. 87, 467
 Максимович А. Я. 454, 497, 502
 Манин Д. 165, 493
 Маннерт 104
 Мансуров А. 489
 Мантейфель А. 27
 Марковецкий С. Я. 373
 Маронит 512
 Мартос И. П. 474
 Мартынов А. Е. 205, 206, 369, 370, 373, 509, 569
 Матвей Филиппович 46
 Матиль Г. А. 134, 183, 482, 498
 Мацкевич Д. И. 435, 438, 447, 453, 475, 562, 563
 Маццини (Мадзини) Д. 178, 486, 494, 496
 «Маяк» 104, 473
 Медем 121, 481
 Мельников 132
 Мельников-Печерский П. И. 455
 Меттерних К.-В. 358
 Мефодий (см. Кирилл и Мефодий)
 Мещерский В. П. 221, 514, 518
 Миддендорф А. Ф. 142, 484
 Милашевич 134
 Милеант В. 27, 29, 40, 240, 350, 408, 426, 443, 565
 Милеант Е. 27, 29, 40, 240, 350, 408, 426, 443
 Мильн-Эдвардс А. 492
 Милюков А. П. 187, 499, 511
 Милютин И. 108
 Минаев Д. Д. 508, 510, 511, 521, 522, 544
 Миндер 200, 203
 Минин К. З. 102, 227, 472, 474
 Мирес Ж.-И. 333, 560
 Миронов П. 479
 Мирошевский В. И. 571
 «Мирское слово» 554
 Михайлов М. И. (Михайлов М. Л.) 411, 428, 488, 497, 499, 518, 538, 539, 542
 Михайлов М. М. 530
 Михайловский Н. К. 408, 519
 Михалкин 27
 Мишо 365
 Млодзиевский К. Я. 27
 «Молва» 106, 107, 472, 475, 477
 Молешотт Я. 327, 557
 Молинари Г. 83, 210, 211, 219, 223, 243, 365, 466, 510, 516
 Мономах (см. Владимир Мономах)
 Монталамбер Ш.-Ф. 162—176, 486, 490, 492—494, 500
 Монтемолина (граф Карлос) 566
 Монументов Владимир (псевдоним Буренина В. П.) 326, 429
 Монументова А. 196
 Мори А. 522
 Морни Ш.-О.-Л. 166, 493
 Морозов А. А. 423
 Морошкин Ф. Л. 119, 482
 «Москвитянин» 97, 105—108, 191, 362, 371, 419, 421, 456, 467—469, 473, 474, 489, 503, 508, 567, 571
 «Московские ведомости» 16, 19, 29, 30, 43, 45, 46, 48, 49, 53, 105, 110, 118, 122, 123, 185, 186, 206, 210, 238, 273, 274, 286, 294, 305, 321, 324, 328, 350, 371, 412, 416, 417, 428, 430, 432, 434, 436, 437, 440, 444, 445, 447, 450, 452—454, 456—459, 462, 463, 466, 467, 473, 474, 478—480, 482, 486, 489, 492—497, 499—502, 504, 505, 507—513, 515, 516, 518, 524—526, 539, 540, 543, 545, 546, 548, 553, 555, 556, 559, 563, 571
 «Московский вестник» 210
 «Московский сборник» 106
 «Московское обозрение» 337, 564
 Муромцов Н. 508
 Муханов Н. А. 550
 Н. Н. 25, 444
 Н. Ольга (псевдоним Энгельгардт С. В.) 110
 Н. П. 447
 Н. С. 548
 Н. Ч. 111, 453, 475, 486
 Намордников Савва (псевдоним Некрасова Н. А.) 195, 219, 318, 428
 Наполеон I 360
 Наполеон III 78, 105, 109, 171, 179, 196, 293, 460, 493—495, 500, 505, 546, 566
 «Народная газета» 554
 Нарская Е. (псевдоним Шаликовой Н. П.) 110
 Натальин С. 554
 Наумов А. 27
 Наумов Д. 27
 «Наше время» 109, 205—207, 250, 267, 286, 295, 304, 305, 321, 324, 349, 350, 416, 425, 426, 428—430, 435, 463, 464, 469, 470, 479, 480, 508, 510, 518, 519, 525, 537, 538, 540, 543—546, 548, 553—557, 559
 Некрасов Н. А. 80, 320, 407, 408, 411, 414—416, 420, 422—424, 426—428, 431, 432, 435, 440, 442, 453—455, 457—459, 461—463, 471, 473, 475, 477, 478, 483—488, 490, 497—505, 511—516, 522, 540, 541, 543, 544, 550—554, 565

- Некрасов Н. П. 474
 Ненарокомов Ф. Н. 557
 Ненужный человек (псевдоним Григорьева А. А.) 228, 520, 523
 Нессельман 261
 Нестеров А. К. 25, 444
 Нестор 144, 244
 Нечаева В. С. 503, 559
 Никитенко А. В. 440, 441, 468, 477, 489, 505, 519, 530, 549, 550
 Николадзе Н. Я. 488
 Николаенко (псевдоним Манасеиной М. М.) 110
 Николай I 369, 497, 537, 569
 Николин 200
 Нифонтов А. С. 437
 «Новое детское чтение» 106
 Новосельский Н. А. 97
 Новый поэт (псевдоним Панаева И. И.) 197, 211, 213, 227, 351, 411, 426, 500, 503, 506, 510, 511, 565
 Нунцианте 172
 Ньютон И. 256, 263, 533, 536

 Ободовский А. Г. 104
 Обручев В. А. 518, 522
 «Одесский вестник» 19, 20, 50, 183, 185, 452, 489, 498
 Один 94
 Одоевский А. И. 549
 Одоевский В. Ф. 543
 Олег, князь 107
 Ольга, княгиня 17, 441
 Ольга, святая 18
 Орсини Ф. 293, 547
 Основский Н. А. 305, 548
 «Основа» 161, 233, 240, 241, 351, 490, 524, 556
 Островский А. Н. 82, 86, 106, 200, 209, 443, 465, 467, 474, 507, 508, 510, 549
 «Отечественные записки» 83, 84, 104, 162, 163, 192, 195, 202, 208, 211, 212, 225, 228, 240, 247, 271, 272, 274, 327, 412, 416, 421, 427, 430, 435, 451, 465, 466, 468, 473, 492, 500, 501, 503—505, 508—511, 513, 514, 517, 519, 520, 522, 523, 526, 536, 540, 542, 544, 556, 558
 Оттон I 273, 543
 «Очерки» 274, 293, 294, 316, 544, 548, 551, 552
 Очкин А. Н. 274, 316, 426, 544, 552

 П. Г. 453
 Павлов Н. Ф. 20, 52, 83, 87, 103, 104, 110, 116, 162, 195, 217, 242, 255, 257, 267, 274, 286, 304, 305, 363, 416, 417, 426, 443, 456, 462, 463, 466, 470, 472, 475, 480, 504, 509, 510, 518, 525, 528, 538, 541, 544, 546, 547, 557, 559
 Павлов П. В. 523
 Павлова К. К. 83, 100, 107, 110, 161, 207, 351, 446, 466, 473, 489, 511
 Пальмерстон Г. 169, 171, 321, 554
 Панаев В. А. 510
 Панаев И. А. 553
 Панаев И. И. 410, 411, 414, 422, 426, 499—501, 503, 505, 506, 508, 509, 511, 542, 565
 Панаева А. Я. 410, 411, 485, 509, 544
 Панин В. Н. 544
 Пановский Н. М. 273, 543, 548
 Пановский С. 273, 543
 Пантелеев Л. Ф. 463, 473, 474, 536, 548, 557
 «Пантеон» 370, 569
 «Парус» 97, 456, 469, 547
 Пастрана Ю. 41, 452
 Паулович К. П. 364, 567
 Пахомов 73
 Пациентов Е. П. 186, 187, 426, 499
 Пейзен 105, 226
 Пекарский П. П. 225, 226, 499, 522
 Перозио (Перозьо) Н. П. 88, 93, 464, 465, 467
 Перро Ж. 446
 Персиньи Ж.-Ж.-В. 169, 494, 505
 Перун 218
 «Петербургский вестник» 524
 Петр, святой 360
 Петр I 100, 101, 526, 527
 Петр III 441
 Петроний 162, 492
 Печкин 80
 Пивоваров Л. 446
 Пий VII 169, 494
 Пий IX 165, 169, 171, 173, 174, 360, 491, 493, 507
 Пикулин П. Л. 29
 Пилянкевич Т. 106
 Пимодан Ж. 165, 493
 Пинто М. 197, 506
 Пирогов Н. И. 99, 463, 470, 479
 Писарев Д. И. 420, 436, 463, 466
 Писарев Я. В. 445
 Писаревский Н. Г. 274, 545
 Писемский А. Ф. 209, 503—505, 510, 522, 562
 Плетнев П. А. 454, 464, 477
 Плещеев А. Н. 556
 Плутарх 162, 172, 176, 492
 Плюшар А.-А. 511
 Погодин М. П. 52, 85—88, 90—97, 107, 116, 117, 119, 120, 142—144, 182, 219, 234, 244, 255, 269, 306, 349, 416, 426, 456, 462, 464—469, 474, 475, 477—479, 482, 484, 490, 503, 518, 529, 538
 «Поденьщина» 475
 «Подснежник» 565
 Подчаский 27

- Пожарский Д. М. 102, 227, 472, 474
 Позенковский 129
 Покровский И. И. 105, 473
 Покусаев Е. И. 407, 412, 434
 Полевой К. Н. 105, 106, 474, 483
 Полевой Н. А. 106
 Половцев (Половцов) В. А. 14—17, 426, 438, 441
 Половцова Л. О. 18
 Полонский Я. П. 222, 477
 Полторацкий С. Д. 188, 189, 499
 «Полярная звезда» 469
 Пономарев С. И. 483, 514, 551
 Попов А. 553
 Поппе 186, 187, 499
 Потехин А. А. 419
 «Право» 408
 Прадт 365
 «Православное обозрение» 233, 524
 Праздношатающийся (псевдоним Розенгейма М. П.) 228, 520, 522
 Прево-Парадоль Л.-А. 353, 354, 566
 Пржецлавский О. А. 525
 Прозоров В. В. 434
 Прозоровский Д. И. 473
 Прокопович 546
 Прусаков 373
 «Псковские губернские ведомости» 340
 Пуссен 198, 507
 «Пустомеля» 475
 Путятин Е. В. 536
 Прутков К. 111, 112, 144, 145, 162, 196, 216, 262, 295, 306, 307, 312, 315, 324, 347, 368, 371, 373, 377, 378, 381—384, 387—395, 400, 407, 410, 411, 425—427, 432, 434, 435, 461—464, 474—476, 478, 484, 485, 492, 509, 513, 515, 540, 548, 549, 564, 565, 568, 569, 571
 Пушкин А. С. 24, 53, 88, 99, 104, 105, 107, 117, 140, 178, 187—189, 193, 213, 214, 217, 218, 258, 274, 275, 369, 427, 443, 449—451, 455—457, 467, 468, 470, 472—474, 479—481, 483—485, 488, 489, 495, 498, 499, 503, 507, 510, 511, 513, 515, 536, 538, 542, 545, 547
 Пыпин А. Н. 226, 412, 513, 568, 571
 Пьяве Ф. 537
- Р. 11**
 Равич Л. М. 502
 Радецкий И.—В. 78, 460
 Радищев А. Н. 478, 481
 «Развлечение» 555
 Разин С. Т. 28, 92
 Ракан 559
 Ранг М. 27
 Раттацци У. 273, 543
 Рафаэль С. 474
- Рахманинов Ф. И. 462, 470, 475, 478, 479, 481, 483—485, 500
 Рачинский С. А. 83, 106, 107, 538
 Раш Г. 492
 Рашель Э. 228, 523
 Рейнгардт 463
 Рейсер С. А. 410, 418, 434, 444, 449, 461
 Рехберг И.-Б. 166, 456, 493
 Ржевский В. К. 83, 106, 110, 161, 183, 238, 351, 465, 472, 488, 489, 498, 519, 529
 Риппас 73
 Ристори А. 183, 228, 498, 508, 511, 523
 Рклицкий И. В. 456
 Рогов А. 548
 Розен Е. Ф. 104
 Розенгейм М. П. 34, 40, 77, 95, 103, 104, 108, 210, 242, 270, 334, 408, 412, 421, 426, 427, 434, 436, 437, 445, 448, 449, 455, 460, 482, 483, 511, 522, 545, 560
 Роман 469
 Романи Ф. 571
 Росновский Д. М. 116, 479
 Россини Д. 571
 Ростовцев Я. 27
 Ростопчин 105
 Ростопчина (Растопчина) Е. П. 40, 100, 451, 469, 473, 504
 Рубинштейн А. Г. 538
 Румянцев Н. П. 564
 «Русская беседа» 25, 106, 108, 143, 337—339, 343, 436, 444, 450, 451, 466, 468, 484, 505, 546, 563
 «Русская газета» 563
 «Русская мысль» 536
 «Русская речь» 161, 197, 206, 489, 496, 498
 «Русская старина» 499, 510, 515, 553
 «Русский архив» 504
 «Русский вестник» 10, 19, 20, 21, 26, 27, 48, 70, 72, 73, 83, 89, 100, 102, 104, 106, 107—110, 116, 120, 124, 125, 127, 131—135, 161, 163, 168, 176, 177, 183, 191—194, 206, 224, 228, 230, 233, 238, 239, 240—242, 246, 250, 270—272, 274, 294, 320, 324, 327, 350, 351, 366, 412, 416, 417, 430, 432, 435—437, 440, 443, 444, 447, 451, 456, 462, 465, 466, 472, 474, 475, 480, 482, 489, 490, 494—496, 498, 503—505, 507, 508, 512, 514, 516—518, 521—523, 526, 528, 531, 532, 536, 538—540, 542—544, 546, 549, 552, 554—556, 558, 560, 563, 567
 «Русский дневник» 43, 48, 51, 121, 123, 340, 455
 «Русский инвалид» 19, 21, 104, 213, 350, 503, 509, 510, 563
 «Русский мир» 545
 «Русское слово» 39, 162, 224, 228, 272, 430, 449, 450, 459, 465, 466, 468, 474, 477, 480, 484, 497, 499, 503, 520—522, 539, 544
 Рюрик 87, 94, 96

- Савич А. Н. 530
Савурский 27
Сазиков 46
Сазонов Н. И. 510
Салатушка, статский советник (псевдоним Писемского А. Ф.) 228, 521, 522
Салтыков-Щедрин М. Е. 40, 42, 43, 407, 411, 412, 416, 417, 420, 423, 424, 426—428, 431, 432, 435, 438, 440, 443, 447, 448, 450, 452, 454, 463, 478, 501, 504, 522, 523, 540, 541, 544—548, 550, 554—559
Самарин Д. Ф. 262—265, 518, 537
Самарин Ю. Ф. 281, 546
«Самарские губернские ведомости» 121—123, 126
«Самодур» 421
Самойлова 370, 569
Санд (Занд) Ж. 162, 195, 504
«Санкт-Петербургские ведомости» 11, 13, 19, 21, 25, 29, 37, 48, 66, 73, 75, 84, 85, 105, 118, 120, 125, 142, 143, 185, 188, 197, 210, 211, 214, 217, 230, 231, 236, 237, 240, 247, 273, 319, 435, 437, 444, 451, 464, 467, 469, 489, 490, 499, 503, 505, 508—510, 517, 539, 540, 543, 553, 556, 563, 564
«Саратовские губернские ведомости» 130, 131, 134
Сахаров И. П. 255, 533
«Светоч» 161, 212, 233, 351, 459, 430, 490, 508, 510, 511, 524
Свечина С. П. 115, 116, 143, 169, 175, 194, 206, 479, 484, 494, 498, 503
Свиристилев Д. (псевдоним Добролюбова Н. А.) 29, 47, 48, 427, 428
Свифт Д. 193, 503
Святослав Игоревич 441
Севастьянов 125
«Северная пчела» 19, 52, 104, 124, 126, 128, 131, 132, 230, 287, 350, 437, 456, 465, 473, 508, 543, 546
«Северная почта» 430, 544, 549, 550, 556
Северцов Н. А. 142, 143, 484
Селиванов И. В. 116, 436, 480
«Сельское благоустройство» 438
Семевский М. И. 188, 217, 499, 513
«Семейный листок» 186
Семенов 369, 372
Семенов Н. 243, 526
Сен-Виктор П. 365
Сенковский О. И. 419
Сент-Илер Э.-Ж. 142, 483
Сервантес де Сааведра М. 569
Сергиевский Н. А. 524
Серно-Соловьевич Н. А. 66, 70, 75, 83, 90, 92, 192, 193, 350, 351, 459, 465, 565
Сивилла 239
Сигизмунд III 109
Синеус 94, 261, 262, 537, 542
«Сион» 233, 240, 241, 524
Скараманга 66, 69
Сковорода Г. С. 243, 527
Славутинский С. Т. 420
Словеницкий Е. 243, 527
Случевский К. К. 136, 200, 201, 482, 500, 508
Смирнов А. И. 464, 465
Смирнов В. 161, 489, 508
Смирнов 373
Сниткин А. Н. 509
Соболевский С. А. 499
«Современная летопись» 518, 525, 556, 560
«Современник» 19, 30, 33, 39, 51, 52, 85, 86, 94, 107, 108, 111, 112, 117, 136, 211, 217, 219, 225, 226, 228, 229, 236, 257, 259, 290, 304, 306, 307, 325, 326, 351, 366, 370, 394, 407, 410—413, 416—422, 428—430, 433, 435, 437, 439, 442—445, 447, 449—451, 453, 456, 457, 459, 451—463, 466—468, 470, 473—478, 480, 482—486, 490, 494, 497—503, 507, 508, 510, 511, 513—518, 520, 523, 525, 527, 537—544, 548—550, 553, 555, 556, 558, 569, 571
«Современное обозрение» 556
«Современное слово» 274, 541, 545, 551
«Современность и Экономический листок» 474
Сокольский Г. И. 79
Сократ 268, 542
Солдатенков К. Т. 90, 467, 468
Соллогуб В. А. 103, 243, 412, 443, 446, 472, 475, 526
Соловьев С. М. 244, 252, 256, 261, 262, 436, 533, 536
Срезневский И. И. 530
Станкевич Н. В. 547, 567
Старичков М. 445
Стародубский В. 525
Старосивильский С. 515
Стасюлевич М. М. 457, 530—532, 539, 565
Стелловский Ф. Т. 275, 545
Степанов Н. А. 552, 554
Столпник С. 293
Страхов Н. Н. 161, 261, 262, 351, 422, 451, 490, 502, 510, 515, 517, 521, 527, 538, 557, 558
Сумароков А. П. 90, 145, 460
Сухомлинов М. И. 349, 530, 565
Сушицкий В. 528
Сушков Н. В. 100, 473, 518
«Сын отечества» 25, 236, 237, 340, 443, 444, 482, 525, 556
Сычовкин Григорий (псевдоним Михайлова М. И.) 190, 427, 499
Сэй Ж.-Б. 40, 451
Тамберлик Э. 300, 520, 548
Тантал 320
Тарасенков 238

- Тацит П.-К. 84
 Телегин В. М. 11, 12, 14
 Темный человек (псевдоним Минаева Д. Д.) 228, 272, 520—522
 Тиверий 546
 Тизенгаузен Г. Ф. 541
 Тимашев А. Е. 550
 Тимирязев Ф. 27, 443
 Тихменев А. И. 189, 499
 Тихонравов Н. С. 366, 567
 Толбин В. В. 443
 Толерансов Тарах (псевдоним) 526
 Толстой А. К. 368, 372, 411, 461, 476, 477, 555, 568, 571
 Толстой Л. Н. 217, 472, 477, 513
 Толстой Н. С. 109, 475
 Толстой Ф. П. 19
 Толченев 369, 373
 Тор 218
 Требухова 200
 Тредиakovский В. К. 117, 478, 480
 Тригорский (псевдоним) 110
 Трубников 69, 75
 Трувор 94
 Труворов А. Н. 319, 320, 554
 «Труды Вольного экономического общества» 476
 «Труды Киевской Духовной академии» 522
 Трусов 459
 Туманская К. 11, 13, 14
 Туманский В. В. 13
 Тун Л. 166, 493
 Тур 216
 Тур Е. (псевдоним Салиас-де-Турнемир Е. В.) 110, 116, 143, 161, 162, 168, 177, 195, 272, 479, 489, 494, 496, 498, 504, 505, 516
 Тургенев И. С. 28, 116, 162, 185, 200, 209, 222, 411, 420, 437, 440—442, 445, 479, 480, 490, 492, 498, 503, 507, 509, 510, 542, 543, 556, 571
 «Тэймс» 350
 Тэккерей У.-М. 196, 504—505
 Тюльпанензон Фердинанд (псевдоним Ковалевского П. М.) 320, 321, 427, 553
 Тютчев Ф. И. 448

 Уайтворт 269, 542
 Уваров С. С. 510
 У<глиц>кий старожил (псевдоним Некрасова Н. А.) 217
 Украинский А. (псевдоним Краевского А. А.) 196, 505
 Унковский А. М. 558
 Усакина Т. И. 412
 Усов П. С. 473
 Устрялов Н. Г. 85, 244, 467

 Утин Б. И. 84, 116, 191, 466, 479, 480, 503, 516

 Ф. 26
 Ф. 50
 Фагот (псевдоним) 50
 Фалбал 335
 Фаллу А.-П.-Ф. 164, 168, 169, 492, 494
 Фастье 66
 Феб 291
 Федоров Б. М. 93, 444, 468, 550
 Федосеев Н. Ф. 339, 340, 344, 346
 Фейербах Л.-А. 327, 557
 Феликс 365
 Фенрир 218
 Феоктистов Е. М. 176, 491, 492, 495, 516
 Феопотал (псевдоним Павлова Н. Ф.) 209, 510
 Фердинанд II 171, 178, 179, 494, 496, 497
 Фет А. А. 114, 116, 217, 222, 274, 407, 411, 423, 448, 477, 480, 482, 507, 516, 528, 542, 544, 547
 Филанджиери К. 178, 425, 496
 Филарет 365, 457
 Филиппов Т. 428
 Фиорентино П.-А. 365
 Фихте И.-Г. 260, 263, 264, 537
 Фишер И.-Э. 104
 Флотт П.-Л.-Ф.-Р. 356, 566
 Фонвизин Д. И. 469
 Фон-Дезен 66-70, 72, 73, 75
 Фон-Дервиз 73,
 Форкад Э. 365
 Фосс 203
 Франц-Иосиф 79, 460, 507
 Франциск II (Франческо) 178-182, 232, 273, 357, 488, 494, 496, 497, 505, 523
 Фридберг Е. И. 31, 446
 Фукидид 176, 495

 Х. 500, 501
 Хаджи-Подхалимов (псевдоним) 196
 Хам Яков (псевдоним Добролюбова Н. А.) 77, 177, 178, 182, 196, 202, 232, 273, 286, 362, 426, 427, 454, 478, 486, 488
 Ханкин В. Л. 116
 Хвольсон Д. А. 51, 110, 456, 472
 Хвостов Д. И. 217, 218, 513
 Херасков М. М. 30, 145, 445
 Хмельницкий Б.-З. М. 92
 Хмельницкий Н. И. 145
 Хомяков А. С. 27, 103, 106, 108, 116, 178, 281, 427, 444, 455, 468, 480, 495, 496, 504, 506, 537, 546, 566, 567
 Хомяков Д. 27, 444
 Хомяков И. 27, 444
 Хомяков С. 27, 444

- Ц. А. И. 436
 Цвет С. Н. 490
 Цезарь Г.-Ю. 396, 571
 Циммерман Э. Р. 27
 Ципринус (псевдоним Пржецлавского О. А.) 237, 525
 Цицерон М.-Т. 523
 Цыганов Н. Г. 549
- Чальдини Э. 165, 493
 Чаннинг У.-Э. 103, 110, 472, 475
 Чарыков 27
 Чацкий И. А. 20, 22—26, 28, 29, 142, 143, 414, 436, 478, 483
 Черепанов А. Л. 13
 Черкасский В. А. 5, 218, 228, 438, 523
 Чернокнижников Иван (псевдоним Дружинина А. В.) 227, 426, 504
 Чернышевский М. Н. 567
 Чернышевский Н. Г. 27, 103, 108, 111, 115, 143, 144, 221, 257, 410—412, 414—416, 421, 422, 426—428, 432, 434—438, 440, 442, 444, 445, 451, 459, 472, 473, 475, 479, 483—486, 490, 499—502, 513, 514, 518, 519, 521—524, 527, 528, 535—537, 539, 541, 542, 545, 546, 553, 557
 Чижов Н. А. 411, 484
 Чижов Ф. В. 449, 536
 Чичерин Б. Н. 84, 103, 106, 109, 176, 256—258, 261, 267, 299, 353, 417, 426, 454, 466, 472, 475, 495, 516, 518, 525, 526, 528—534, 536, 538, 539, 566
 Чуковский К. И. 435, 512, 553
 Чурмень (псевдоним Некрасова Н. А.) 65, 428
- Ш. 11
 Шаликов П. И. 27
 Шаль Филарет 365, 567
 Шамиль 52, 53, 80, 98, 456, 483
 Шампер 510
 Шармер 212
 Шевырев С. П. 27, 29, 30, 52, 100, 105—107, 109, 444, 445, 456, 472, 473—475
 Шейкин 70
 Шекспир У. 21, 220, 369, 527, 569, 571
 Шелгунов Н. В. 539
 Шелгунова Л. П. 539
 Шелухин Кондратий (псевдоним Добролюбова Н. А.) 177, 428, 490
 Шерганд И. Б. 133, 135
 Шерстобитов Калистрат Иванович (псевдоним) 312, 315
 Шешковский С. И. 324, 555, 556
 Шиллер Ф. 498, 538
 Шилль И. Н. 463, 470
 Ширинский-Шихматов П. А. 530
 Шишков А. С. 145
 Шлецер Х. А. 85, 86, 467
- Шолле 66, 67, 73
 Шопенгауер А. 219
 Шпилевский П. М. 436, 437
 Штейман И. Б. 530
 Штетцер 67, 72, 73
 Шумахер П. В. 461
 Шутенков И. 195
- Шапов А. П. 318, 544, 552, 559
 Щебальский П. К. 241, 286, 526
 Щепкин Н. М. 90, 467, 468
 Щербань Н. 502
 Щербина Н. Ф. 5, 19, 110, 472, 475, 477, 565
 Щукин П. И. 461
 Щуровский Г. Е. 505
- Эвальд А. В. 421, 519
 Эверс И.-Ф.-Г. 94, 468
 Эйноттен А. 116, 480
 Эккартсгаузен К. 95, 458
 Элиасар 235, 237, 238
 Эльзон М. Д. 502
 Энгельгардт С. В. 411
 «Эпоха» 559
 Эссен-Стенбок Я. И. 506
 Эфиоп (псевдоним Чернышевского Н. Г.) 265, 428, 519, 528, 537
- Ювенал Д.-Ю. 196, 505, 571
 Ювеналий 18
 Юркевич П. Д. 224, 244, 274, 293—303, 306, 326, 327, 416, 417, 423, 426, 521, 529, 540, 541, 544, 547, 548, 557
 Юстиниан I 117, 480, 481
 Юханцов 438
- Я не подпишусь (псевдоним) 319
 Якобсон 69, 75
 Якушкин П. И. 200, 337, 338, 342, 347, 459, 462, 508, 563
 Ямпольский И. Г. 423, 424, 434, 444, 545, 546, 556, 563
 Ярослав 474
 Ярослав Владимирович Мудрый 527
 Ярославский В. 447
 «Ясная Поляна» 556
- ** (Некрасов Н. А.) 223
 *** (Аммосов А. Н.) 80, 81
- «Allgemeine Zeitung» 286
 «L'ami de Religion» 566
 «L'Avenir» 172
 Bachelet Th. 104
 Bouillet M. 104
 «Le Constitutionnel» 353, 566
 «Le Correspondant» 164, 167, 168, 492, 494
 «Le Courrier du Dimanche» 356, 566
 Dezobry L. 104

- «Diritto» 167, 407, 494
«La Epoca» 226
«Fischietto» 408
«Casette de France» 353, 566
«Journal de Saint—Petersbourg» 238, 525
«Journal des Debats politiques et litteraires» 353, 354, 566
«Kreuz—Zeitung» 286
«Memoire de l'Academie des inscriptions» 104
«Le Mond» 353, 566
«Moniteur» 353, 566
«le moniteur Universel» 286
«The Morning Post» 286
N 20, 25, 26
N 46
N 48, 49
NN 104
«Le Nord» 21, 206, 227, 286, 353, 443, 514, 566
«L'Opinion Nationale» 354, 566
«L'Opinione» 167, 494
Palmerston 169, 494
«La Patrie» 353, 354, 566
«Le Pays» 353, 354, 566
Pie IX 169, 494
«La Presse» 353, 566
«Revue des Deux Mondes» 83, 226, 228, 429, 465, 522
«Risorgimento» 167—169, 171, 494
«Rivista Contemporanea» 226, 522
«Le Siècle» 354, 545, 566
«Le Temps» 555
«The Times» 545
«Le Temps» 555
«L'Unione» 353
«L'Univers» 164, 494
«L'Univers religieux» 493
«Virteilyährliche Schrift» 226
«The Westminster and Foreign Quarterly» 226, 228
X. Z. 48
Y. 569
Z 452
Z 569

СОДЕРЖАНИЕ

СВИСТОК

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ, ЖУРНАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАМЕТОК

№ 1

〈Н. А. Добролюбов〉. Вступление	5
〈Н. Г. Чернышевский〉. Вредная добродетель	6
〈Н. А. Добролюбов〉. Русские в доблестях своих	10
〈Н. А. Добролюбов〉. Почитатель дворянок	14
Д. Свиристелев 〈Н. А. Добролюбов〉. Письмо из провинции	18
〈Н. А. Добролюбов〉. Проект протеста против «Московских ведомостей»	29
Конрад Лилиеншвагер 〈Н. А. Добролюбов〉. Мотивы современной русской поэзии (1. Современный хор. 2. Всегда и везде. 3. Мысли помощника винного откупа)	31

№ 2

〈Н. А. Добролюбов〉. Краткое объяснение	33
Конрад Лилиеншвагер 〈Н. А. Добролюбов〉. Мотивы современной русской поэзии. (Четыре времени года. 1. Весна. 2. Лето. 3. Осень. 4. Зима)	34
〈Н. А. Добролюбов〉. Мысли о дороговизне вообще и о дороговизне мяса в особенности	36
〈Н. А. Добролюбов〉. О допотопном значении Лажечникова (Исследование г. Ап. Григорьева)	39
〈Н. А. Добролюбов〉. Расписка г. Бешенцова в получении	39
Конрад Лилиеншвагер 〈Н. А. Добролюбов〉. Наш демон (Будущее стихотворение)	40
Д. Свиристелев 〈Н. А. Добролюбов〉. Письмо из провинции	41
〈Н. А. Добролюбов〉. Новые образчики русской гласности	48
Конрад Лилиеншвагер 〈Н. А. Добролюбов〉. Безрассудные слезы	50

№ 3

〈Н. А. Добролюбов〉. Краткая история «Свистка» во дни его временного несуществования	51
〈Н. А. Добролюбов〉. Раскаяние Конрада Лилиеншвагера	53
Чурмень 〈Н. А. Некрасов〉. Забракованные. Трагедия в трех действиях	54
〈Н. А. Добролюбов〉. Материалы для нового сборника «Образцовых сочинений» По поводу статей о «Сельском хозяине».	65
〈Н. А. Добролюбов〉. Опыты австрийских стихотворений. Соч. Якова Хама. С австрийского Конрад Лилиеншвагер. 1. Неблагодарным народам. 2. На взятие Парижа (если бы оно случилось). 3. Ода на поход в Италию. 4. Две славы	77

Стихотворения, присланные в редакцию «Свистка»:	79
〈Н. А. Добролюбов〉. Вступление	79
Андрей Комаров. Отрывок из письма	79
* * * 〈А. Н. Аммосов?〉. Мысль московского публициста	80
А. А. 〈А. Н. Аммосов〉. Пародия на стихотворение г. Некрасова «Тройка» . . .	80
А. А. 〈А. Н. Аммосов〉. Серенада	81
* * * 〈А. Н. Аммосов, Алексей Жемчужников?〉. Пастух, молоко и читатель /басня/	81

№ 4

〈Н. А. Добролюбов〉. Наука и свистопляска, или Как аукнется, так и отклик- нется. (Рассказ в стихах и прозе, со свистом и пляскою)	82
〈Н. А. Добролюбов〉. Три стихотворения Конрада Лилиеншвагера (1. Прогресс и толпа. 2. Наше время. 3. Грустная дума гимназиста лютеранского испове- дания и не Киевского округа)	98
〈Н. А. Некрасов, Н. А. Добролюбов〉. Стихотворения, присланные в редакцию «Свистка» (Дружеская переписка Москвы с Петербургом. 1. Московское стихотворение. 2. Петербургское послание.)	99
Новые творения Кузьмы Пруткова	111
〈Н. А. Добролюбов〉. От редакции	111
Пух и перья (Daunen und Federn). К досугам Кузьмы Пруткова:	
〈В. Жемчужников〉. Предуведомление	112
〈А. К. Толстой〉. К моему портрету	112
〈Алексей Жемчужников〉 Помещик и садовник (Басня)	113
〈А. К. Толстой〉. Память прошлого (как будто из Гейне)	113
〈Алексей Жемчужников〉. Помещик и трава (Басня)	113
〈В. М. Жемчужников〉. Осень (С персидского. Из Ибн-Фета)	114
〈В. М. Жемчужников〉. Разочарование (Баллада)	114
〈А. К. Толстой?〉. Философ в бане (С древнего греческого)	114

№ 5

〈Н. А. Добролюбов〉. Оговорка	115
〈Н. А. Добролюбов〉. Опыт отучения людей от пищи	117
〈Н. А. Добролюбов〉. Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию. Семь стихотворений Апполона Капелькина: Первая любовь.— Родина великая.— Куда деваться? — Причина мерцания звезд.— Суще- ственность и поэзия.— Общественный деятель.— Рыцарь без страха и упрека	136
〈Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов〉. Отъезжающим за границу	140
〈Н. А. Некрасов〉. Кювье — в виде Чацкого и Горвица	142
〈Н. А. Некрасов, Н. А. Добролюбов〉. Развязка диспута 19 марта	143
Еще произведение Пруткова:	144
〈Н. А. Добролюбов〉. Предисловие	144
〈В. М. Жемчужников〉 Предуведомление	144
〈В. М. Жемчужников, Алексей Жемчужников, П. П. Ершов, Н. А. Чижев〉. Черепослов, сиречь Френолог. Оперетта в 3-х картинах. Соч. Петра Федо- тыча Пруткова (отца)	146

№ 6

〈Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов〉. Причины долгого молчания «Свистка»	160
Кондратий Шелухин 〈Н. А. Добролюбов〉. Два графа	162
〈Н. А. Добролюбов〉. Неаполитанские стихотворения (написанные на австрийском языке Яковом Хамом и переведенные Конрадом Лилиеншвагером)	177
〈Н. А. Некрасов〉. Что поделывает наша внутренняя гласность? (Вместо предисловия.— Шестнадцать гусей — жертва нашей безграмотности.— Состояние образованности в Камышине.— Мальчик-с-пальчик, или Красноречивые противники)	182
Григорий Сычовкин 〈М. И. Михайлов〉. Г. Геннади, исправляющий Пушкина	187
Новое стихотворение Аполлова Капелькина.	190
〈Н. А. Некрасов?〉 Предисловие	190
Аполлон Капелькин 〈Н. А. Добролюбов〉. Мои желания	190

№ 7

〈Н. А. Некрасов〉. Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности	191
〈Н. А. Некрасов〉. Гимн «Времени» новому журналу, издав. М. Достоевским	196
〈И. И. Панаев〉. На рубеже старого и нового года. Грезы и видения Нового Поэта	197
Конрад Лилиеншвагер 〈Н. А. Добролюбов〉. Ода на выселение татар из Крыма	215
У—кий старожил 〈Н. А. Некрасов〉. Финансовые соображения (Голос из провинции)	216
〈Н. Г. Чернышевский〉. Ответ на вопрос или Освистанный вместе со всеми другими журналами «Современник»	217
〈Н. А. Некрасов〉. Литературная травля или Раздраженный библиограф (Эпизод из поэмы-автобиографии, Саввы Намордникова)	220
〈Алексей Жемчужников〉. Чиновник и курица (Новая басня К. Пруткина)	
* * 〈Н. А. Некрасов〉. Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не щадить литературных авторитетов	222

№ 8

〈Н. А. Добролюбов, Г. З. Елисеев, Н. Г. Чернышевский〉. «Свисток». восхваляемый своими рыцарями (Подражание, как легко заметят читатели) . . .	224
〈Г. З. Елисеев〉. 862—1862, или Тысячелетие России	232
Начинающий 〈Г. З. Елисеев〉. Requiem (Рано погибшим надеждам)	255
Эфиоп 〈Н. Г. Чернышевский〉 Опыты открытий и изобретений. Г. Магистр Н. де-Безобразов —псевдоним! (Посв. немецкому философу Фихте и русскому библиографу М. Н. Лонгинову)	255
〈Н. А. Добролюбов〉. Выдержки из путевых эскизов. Стихотворения Конрада Лилиеншвагера (1. В прусском вагоне. 2. В Дрездене. 3. В Праге)	265
〈М. А. Воронов〉. Былина	267

№ 9

⟨М. А. Антонович⟩. «Свисток» и его время. Опыт истории «Свистка»	268
⟨Н. А. Некрасов⟩ Вступительное слово «Свистка» к читателям	273
Михаил Змиев-Младенцев ⟨М. Е. Салтыков-Щедрин⟩. Цензор впопыхах (Лесть в виде грубости)	275
⟨М. А. Антонович⟩. Письма отца к сыну	280
Мих. Змиев-Младенцев ⟨М. Е. Салтыков-Щедрин⟩. Московские песни об искушениях и невинности (I. «Не искушай ты меня». II. Гимн публицистов. III. Элегия)	290
⟨М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович⟩. Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче или Искание розы без шипов	293
⟨М. Е. Салтыков-Щедрин⟩. Секретное занятие. Комедия в четырех сценах	
⟨В. М. Жемчужников и ?⟩. Краткий некролог и два посмертные произведения Кузьмы Петровича Пруткова (Опрометчивый Турка, или Приятно ли быть внуком (Комедия естественно-разговорная).— Проект)	304
Савва Намордников ⟨Н. А. Некрасов⟩. Песня об «Очерках» (Из лирической драмы «Видение на Неве»)	316
Мих. Змиев-Младенцев ⟨В. П. Буренин⟩. Песнь московского дервиша	318
Савва Намордников ⟨Н. А. Некрасов⟩. Мое желание (Романс господина, обиженного литературой)	318
⟨П. М. Ковалевский⟩. Голос из «акционерной пучины» (От нашего «собственного» корреспондента)	319
⟨М. Е. Салтыков-Щедрин⟩. Литературные будочники (Размышления, навеянные чтением № 67 «Моск. вед.» и № 66 «Нашего времени»)	321
⟨М. Е. Салтыков-Щедрин⟩. Сопелковцы (Отрывок из частного письма)	324
Стихотворения, присланные в редакцию «Свистка»:	
Владимир Монументов ⟨В. П. Буренин⟩. Драматические сцены по поводу выхода «Современника» (I. В Москве. II. В Петербурге)	325
Михаил Антиспатов ⟨В. П. Буренин⟩ * * * (I. «Ах, зачем читал я «Время»!..» II. После первого чтения г. Юркевича по «философии»).	326
⟨М. Е. Салтыков-Щедрин⟩. «Для следующих номеров «Свистка»».	327

ДОПОЛНЕНИЯ К «СВИСТКУ»

⟨Н. А. Добролюбов⟩. Программы «Свистка»	329
⟨Н. А. Добролюбов⟩. Книга «Свистка»	333
⟨Н. А. Добролюбов⟩. Разбойник (Розентеймо-русская элегия)	334
⟨Н. А. Добролюбов⟩. Из мотивов современной русской поэзии («Презрев людей и мир и помолившись богу». — «Учились, бедные, вы в жалком пансионе». — «Жизнь мировую понять я старался»).	334
⟨Н. А. Добролюбов⟩. Страдания вельможного филантропа (Один из мотивов современной поэзии)	335
Конрад Лилиеншвагер ⟨Н. А. Добролюбов⟩. Чувство законности	336
⟨Н. А. Добролюбов⟩. Отрадные явления	337
⟨К. Прутков⟩ Современная русская песнь	347
⟨К. Прутков⟩. * * * («Лукавый врач лекарство ищет»)	347

〈В. М. Жемчужников?〉. Казак и армянин (Баллада)	347
〈В. М. Жемчужников?〉. Шея (С арабского)	348
〈К. Прутков〉. Новогреческая песнь	348
〈К. Прутков〉. От Козьмы Пруткова к читателю в минуту откровенности и раскаяния	349
〈К. Прутков〉. К месту печати. М. П.	349
〈Н. А. Добролюбов〉. Новое назначение «Свистка»	349
Станислав де-Канард 〈Н. А. Добролюбов〉. Письмо благонамеренного фран- цуза о необходимости посылки французских войск в Рим и далее для вос- становления порядка в Италии	352
〈Н. А. Добролюбов〉. Что о нас думают в Париже (Письмо русского)	362
〈Н. А. Добролюбов〉. «В начале августа вернулся я домой»	366
〈Н. А. Добролюбов〉. Славянские думы (во время плаванья по Волге на паро- ходе)	367
〈Н. А. Добролюбов〉. * * * («Средь Волги реченьки глубокой»)	367
〈Н. А. Добролюбов〉. «Синее небо. зеленое поле»	367
〈А. К. Толстой, Алексей Жемчужников〉. Фантазия. Комедия в одном действии. Соч. У и Z	368
〈А. К. Толстой, Алексей Жемчужников〉. Торжество добродетели. Драма в че- тырех действиях из французской современной жизни. Соч. Антона и Агания Прутковых	394

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. А. Жук, Е. И. Покусаев. «Свисток» и его место в русской сатирической жур- налистике 1860-х годов	407
Примечания	432
Список иллюстраций	573
Указатель имен	574

«СВИСТОК»
САТИРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ «СОВРЕМЕННОСТЬ»
1859—1863 гг.

Утверждено к печати
редколлегией серии
Литературные памятники
АН СССР

Редактор издательства
И. Г. Древянская

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Технический редактор
Т. В. Полякова

Корректоры
Ф. А. Дебабов, Л. П. Стрельчук

ИБ № 22026

Сдано в набор 05.02.81
Подписано к печати 30.09.81
Формат 70×90^{1/16}

Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 43,3. Усл. кр. отт. 44,47 Уч.-изд. л. 50,9

Тираж 50 000 экз. (допечатка) Зак. 1219
Цена 6 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

«Свисток»

ДОПОЛНЕНИЯ К «УКАЗАТЕЛЮ ИМЕН
И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ»,
составленному А. А. ДЕМЧЕНКО

- стр.
- 574 А. Ж. (Алексей М. Жемчужников) 49
» Аммосов А. Н. См. также псевд. А. А., * **
- 575 Берггольц Ю. Ю. См. Летголла Ю.
» Гуренин В. П. См. также псевд. Антиспатов М., Змиев-Младенцев М.,
Монументов В.
- 576 Воскобойников Н. Н. См. Прутков К.
» Григорьев А. А. См. также псевд. Ненужный человек
- 577 Добролюбов Н. А. См. также псевд. Бов, Де-Канард С., Капель-
кин А., Лайбов, Лилиеншвагер К., Свиристелев Д., Хам Я.,
Шелухин К.
» Дружинин А. В. См. также псевд. Чернокнижников И.
» Жемчужников Алексей М. См. также А. Ж.
» Зиновьев Ф. А. См. Княжицкий Б.
- 578 Ковалевский П. М. См. также псевд. Бриллиантов С., Тюльпа-
нзон Ф.
- 579 Краевский А. А. См. также Украинский А.
» Ладыженский С. А. См. Булкин
» Лодыженская Е. А. См. Вахновская С.
- 580 Манасенна М. М. См. Николаенко
» Минаев Д. Д. См. также псевд. Темный человек
» Михайлов М. И. См. также псевд. Сычовкин Г.
» Н. К. См. Страхов Н. Н.
» Некрасов Н. А. См. также псевд. Намордников С., Углицкий ста-
рожил, Чурмень, **
- 581 Павлов Н. Ф. См. также псевд. Феопотал
» Панаев И. И. См. также псевд. Новый Поэт
» «Петербургский вестник». См. также «Ерунда»
» Писемский А. Ф. См. также псевд. Салатушка
- 582 Пржецлавский О. А. См. также псевд. Ципринус
» Прозоровский Д. И. См. также псевд. Костыга Ф.
» Розенгейм М. П. См. также псевд. Праздношатающийся
- 583 Салтыков-Щедрин М. Е. См. также псевд. Змиев-Младенцев М.
» Страхов Н. Н. См. также псевд. Косица Н., Н. К.
- 584 Толерансов Тарах (псевдоним В. С. Курочкина)
- 585 Чернышевский Н. Г. См. также псевд. Бадейкин, Эфноп
» Шаликова Н. П. См. Нарская
» Шерстобитов Калистрат Иванович. См. Прутков К.
» Шпилевский П. М. См. также псевд. Знакомый человек
» Энгельгардт С. В. См. также псевд. Н., Ольга
-

II

CRINCTOOK

II